И. А. ТРАХТЕНБЕРГ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АКАДЕМИК
И. А. ТРАХТЕНБЕРГ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1962

Печатается по постановлению
Института мировой экономики и международных отношений
и Отделения экономических, философских и правовых наук
Академии наук СССР

Редакционная коллегия:
член-корреспондент АН СССР *А. А. Арзуманян*, доктор экономических наук *Э. Я. Брегель*, доктор экономических наук *Я. А. Кронрод*, доктор экономических наук *Л. А. Мендельсон*, кандидат экономических наук *А. В. Аникин*, кандидат экономических наук *В. Н. Шенаев*, секретарь редакционной коллегии *Т. А. Колосова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. А. ТРАХТЕНБЕРГА

Иосиф Адольфович Трахтенберг был одним из зачинателей советской экономической науки. Он пришел к марксизму еще в начале века, а его научная зрелость совпала с Октябрьской революцией. Жизнь этого человека была наполнена трудом и борьбой. И. А. Трахтенберг родился 28 января 1883 г. в городе Мелитополе и с двенадцатилетнего возраста начал работать. Ему удалось окончить реальное училище, где он еще юношей примкнул к революционной борьбе. В первые годы нашего столетия И. А. Трахтенберг активно участвовал в революционной работе, упорно учился, овладевая марксистской теорией. Уже зрелым человеком со сложившимися марксистскими убеждениями он поступает в Томский университет, который заканчивает в 1912 г. с золотой медалью, полученной за работу «Коллективный договор», опубликованную в 1917 г. и впоследствии четыре раза переиздававшуюся.

Бурные годы первой мировой войны, революции и гражданской войны И. А. Трахтенберг проводит в Харькове. Молодой преподаватель, а с 1917 г. профессор политической экономии Харьковского университета, он и на кафедре остается ученым-марксистом. Наряду с преподаванием И. А. Трахтенберг ведет серьезную научно-исследовательскую работу, результатом которой явилась книга «Бумажные деньги», вышедшая первым изданием в 1918 г. В этой работе проявились качества И. А. Трахтенберга как исследователя: глубокое и творческое понимание революционной сущности и экономической теории марксизма, оригинальность и смелость теоретического мышления, широкая эрудиция.

Марксистская теория денег нашла в лице И. А. Трахтенберга талантливого истолкователя. «Бумажные деньги» до сих пор заслуженно считаются одним из лучших марксистских исследований денежного обращения при капитализме.

В Харькове И. А. Трахтенберг ведет и практическую работу в советских государственных учреждениях молодой Украинской республики. Одно время он руководил Украинским центральным статистическим бюро. С 1921 г. Трахтенберг живет и трудится в Москве. Он отдает все силы работе по восстановлению народного хозяйства, занимает ответственные посты в ВСНХ,

Госплане СССР и РСФСР, Центральном статистическом управлении. В качестве эксперта советской делегации И. А. Трахтенберг участвует в Генуэзской конференции в 1922 г., работает в советском торгпредстве в Берлине.

Вместе с тем И. А. Трахтенберг готовит новый капитальный труд — марксистское исследование капиталистического кредита.

Книга «Современный кредит и его организация. Теория кредита» вышла в 1928 г., когда капиталистический мир подходил к глубочайшему кризису 1929—1933 гг. Непосредственно перед глазами автора стоял «процветающий» капитализм 20-х годов с его колоссальным развитием кредита и биржевым бумом. Но взгляд исследователя проник далеко за этот внушительный фасад благополучия. Опираясь на марксистскую теорию кредита, банков, фиктивного капитала, И. А. Трахтенберг показал глубокие противоречия капиталистического кредита, отражающие противоречия процесса общественного воспроизводства при капитализме и неизбежно ведущие к кредитному и денежному кризису. Эта книга отличается богатством содержания и совершенством формы, она написана очень экономно, в ней нет ничего лишнего и второстепенного.

В 20-е и 30-е годы развернулись и педагогические способности Трахтенберга. Работая в институте Красной профессуры, Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, он отдает много сил делу воспитания и подготовки кадров. Как в исследовательской, так и в педагогической работе он не терпел догматизма, косности, пустословия. Для него была характерна непримиримость к буржуазной идеологии, боевой политический задор.

С 1931 г. и до самой смерти И. А. Трахтенберг работал в институтах Мирового хозяйства и мировой политики, Экономики, Мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.

В 1939 г. он был избран академиком. В этом же году выходит его книга о денежных кризисах — плод колоссального труда, проделанного автором и коллективом его сотрудников. Это историко-экономическое исследование содержит вместе с тем теоретический анализ сущности и форм проявления денежных кризисов, их связи с промышленными кризисами. Впервые в мировой литературе был собран, обработан и осмыслен огромный материал о каждом из денежных кризисов, которые пережил капитализм почти за 120 лет.

В годы второй мировой войны И. А. Трахтенберг пристально следит за новыми явлениями в области финансов капиталистических стран, собирает материалы, постепенно приходит к научным обобщениям. К концу войны была уже в основном готова книга о военных финансах капиталистических стран и инфля-

ции. Эта небольшая по объему работа отличается свежими мыслями, смелыми обобщениями.[1]

Выпустив эту книгу, И. А. Трахтенберг продолжал исследование в той же области. Их результатом явилась работа «Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны», в которой автор ставит в центр внимания главные явления современной капиталистической экономики — милитаризм и государственно-монополистический капитализм, исследуя их влияние на кредитно-денежную систему [2].

В 40-х и 50-х годах И. А. Трахтенберг много занимался и другой коренной экономической проблемой — капиталистическим воспроизводством и экономическими кризисами. Он написал ряд работ по этим проблемам, среди которых особое место занимает «Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы», выдержавшую много изданий на языках народов СССР и стран народной демократии. Этим же вопросам он посвятил несколько статей.

Иосиф Адольфович Трахтенберг умер 5 сентября 1960 г. Он был настоящим советским ученым, преданным своей Родине. Это был вечный труженик, человек большой души, скромный и отзывчивый.

Издавая произведения академика Трахтенберга, Академия наук СССР не только отмечает его заслуги, но и ставит целью сделать их доступными для широкого круга советских экономистов, студенческой молодежи. Это очень важно, ибо его работы относятся к лучшему, что сделано в советской экономической науке. Даже то, с чем мы теперь не можем согласиться, поучительно в работах И. А. Трахтенберга [3].

Главная ценность его произведений состоит в том, что они помогают анализировать современные процессы в экономике капиталистических стран.

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

В книге И. А. Трахтенберга «Бумажные деньги Очерки теории денег и денежного обращения» содержится систематическое изложение марксистской теории денег и ее развитие с учетом

[1] Работа «Финансовые итоги войны (проблема инфляции)», изданная в 1946 г., не вошла в настоящее издание, все основные положения были развиты в последней крупной теоретической работе И. А. Трахтенберга, о которой говорится ниже.

[2] Поскольку на этой работе сказались тяжелые условия, сложившиеся для общественных наук в связи с культом личности, редакционная коллегия провела работу по освобождению этой содержательной и интересной монографии от наслоений такого рода.

[3] В текст публикуемых книг редакционной коллегией были внесены минимальные и лишь явно необходимые изменения. В неприкосновенности сохранены все концепции и взгляды автора. В тех случаях, когда редакционная коллегия считала нужным выразить свое несогласие с точкой зрения автора или дать какие-либо пояснения, это сделано либо в данном предисловии, либо в виде примечаний от редакции к тексту книги.

опыта десятилетий, прошедших после смерти Маркса. Хотя непосредственной темой книги является бумажно-денежное обращение и вызываемые им социально-экономические процессы, внутренняя логика работы требовала предварительного изложения вопроса о сущности и функциях денег вообще. Это делается в первых четырех главах книги.

Как известно, бумажные деньги появляются на весьма развитой стадии товарного производства, когда уже имеет место относительно полное развитие функций денег, в частности функции средства обращения, из которой непосредственно и возникает возможность замены полноценных денег знаками стоимости, представителями золота в обращении. При этом сам знак стоимости проходит длинный путь развития от снашиваемой в обращении полноценной монеты до неразменных государственных бумажных денег.

И. А. Трахтенберг с большим мастерством анализирует социальное значение денег, их связь с производственными отношениями. Надо отметить, однако, что в изложении им этой проблемы есть моменты, с которыми нельзя согласиться. Автор полагает, что «деньги по существу своему являются внешним выражением целого комплекса социальных отношений, *социальных связей, создающихся на почве меновых сделок*» (курсив наш. — *А. А.*). Конечно, товарное производство на поверхности экономических процессов непосредственно выражается в меновых отношениях и в них наглядно видна роль денег. Но автор иногда забывает подчеркнуть, что сами меновые отношения — лишь форма проявления производственных отношений товарного производства.

Недооценив производственный фактор при объяснении сущности денег, И. А. Трахтенберг в некоторых случаях преувеличивает чисто функциональную роль денег как орудия обмена в объяснении их стоимости. Он пишет: «Можно говорить о ценности денег вообще, но можно и должно говорить также отдельно о ценности денег как мерила ценностей, о ценности денег как орудия обращения и т. д. и т. д.». Но стоимость денег возникает в процессе их производства, это стоимость, внутренне заключенная в денежном товаре — золоте; она едина во всех выполняемых деньгами функциях. В функции средства обращения деньги не обладают какой-либо особой стоимостью. Ведь бумажные деньги, вырастающие из этой функции, не обладают собственной стоимостью, а лишь представляют золото. Что бы ни происходило с бумажными деньгами в обращении, стоимость золота от этого при прочих равных условиях не меняется.

В остальном данное И. А. Трахтенбергом исследование стоимости денег и стоимости, представляемой бумажными деньгами, является ценным и оригинальным.

В пятой главе работы «Бумажные деньги» автор полностью раскрывает понятие бумажных денег, определяет их свойства и иссле-

дует вопрос о представляемой ими в обращении стоимости и о покупательной силе бумажных денег. Он подробно показывает отличия государственных бумажных денег от банкнот и приходит к выводу, что бумажные деньги могут маскироваться под банкноты. Эта тенденция усилилась с дальнейшим развитием капитализма в период его общего кризиса. Современные банкноты, хотя они и эмитируются центральными банками, а не казначействами, экономически мало отличаются от бумажных денег: они тоже выпускаются для покрытия бюджетных дефицитов и тоже обесцениваются вследствие чрезмерных выпусков. Сращение центральных эмиссионных банков с государством, их превращение в придатки казначейства — одно из проявлений современного государственно-монополистического капитализма.

Вся обращающаяся масса бумажных денег и неразменных банкнот, какова бы ни была ее номинальная сумма, может представлять лишь вполне определенное количество золота, которое определяется законом денежного обращения, т. е. зависит от собственной стоимости золота и скорости обращения денег. Отсюда вытекает, что «стоимость» каждой бумажно-денежной единицы (т. е. стоимость представляемого ею золота) будет падать, если количество бумажных денег превысит необходимое для обращения количество полноценных золотых денег. Это — процесс обесценения бумажных денег, имеющий в современной капиталистической экономике широчайшее распространение и влекущий за собой многообразные и сложные социально-экономические последствия.

Важный вклад делает И. А. Трахтенберг в исследование валютных проблем, когда он рассматривает вопрос о двух сторонах обесценения бумажных денег: по отношению к золоту и иностранным валютам, с одной стороны, и по отношению к товарам, — с другой. Единство и различие этих процессов имеет большое значение для понимания экономической роли валютного курса, явлений валютного демпинга и т. д. Теоретический анализ, данный И. А. Трахтенбергом, помогает найти руководящую нить в калейдоскопе валютных потрясений, которые пережил капиталистический мир в последующие десятилетия.

Влияние бумажных денег и процессов их обесценения на экономику современного капитализма огромно, причем, как правильно указывает И. А. Трахтенберг, оно сказывается самым различным образом. Если не иметь основного принципа анализа, то сложность и запутанность этого влияния оказывается непреодолимой. Таким принципом должен быть классовый подход, анализ влияния обесценения денег на положение основных классов общества. Именно так поступает И. А. Трахтенберг, и в этом важное достоинство его работы.

Обесценение бумажных денег вызывает перераспределение национального дохода и общественного богатства. Основное

направление этого перераспределения идет в пользу монополистической буржуазии, в ущерб рабочему классу.

Масштабы такого перераспределения и его социальное значение сильно возросли за последние десятилетия. Ныне имеются статистические исследования, которые, несмотря на пороки буржуазной методологии их авторов, показывают масштабы и характер перераспределения богатства и доходов, вызываемых повышением цен, т. е. обесценением бумажных денег, которое почти непрерывно продолжается в капиталистическом мире в период общего кризиса капитализма.

Так, видный американский экономист и статистик Р. В. Голдсмит, рассматривая вопрос о влиянии длительного роста цен на распределение богатства, приводит данные, показывающие, что в результате этого усиливалось сосредоточение национального богатства в руках корпораций в ущерб основной массе населения. Например, в 1946—1949 гг. (период резкого повышения цен) на корпорации пришлось 17,9% накопления в национальном масштабе, однако их доля в приросте богатства достигла 28,7%[4]. Эта разница составляет выигрыш корпораций от роста цен, который в этот период в основном носил инфляционный характер. Несомненно, что крупные монополии могут в несравненно большей мере использовать такие процессы в денежном обращении для своего обогащения, чем средние и мелкие предприятия.

Р. Дж. Лампман, анализируя влияние роста цен на распределение богатства в США, приходит к выводу, что «цены изменялись с 1922 по 1953 г. таким образом, что увеличивали неравенство». Он подкрепляет такой вывод большими статитическими расчетами. Этот фактор продолжал действовать и после 1953 г. В значительной мере под его влиянием доля 1% богачей во всем личном богатстве населения США возросла с 24% в 1953 г. до 28% в 1961 г.[5]

Вопреки фактам, буржуазные экономисты нередко пытаются исказить действительную социальную роль обесценения денег. Американский экономист Дж. Л. Бэч утверждает: «. . . широко распространенная гипотеза об отставании заработной платы в высшей степени сомнительна в условиях современной Америки, как и предположение о том, что предприниматели в общем выигрывают от инфляции»[6]. Однако далее у него не сходятся концы с концами, и он уже говорит фактически о процессе постепенного

---

[4] R. W. Goldsmith. A Study of Saving in the United States, vol. 1. Princeton, 1955, p. 139.

[5] R. J. Lampman. The Share of Top Wealth — Holders in National Wealth 1922—1956. N. Y., 1962, pp. 220—229; «Business Week», 1962, January 27.

[6] J. L. Bach. Inflation. A Study in Economics, Ethics and Politics. Providence, 1958, p. 26.

повышения цен (так называемой ползучей инфляции) как о средстве ограничения реальной заработной платы рабочих.

Эти примеры указывают на актуальность выдвинутых И. А. Трахтенбергом положений о перераспределительной роли обесценения бумажных денег, о классовой сущности инфляции.

Чтобы понять значение книги И. А. Трахтенберга «Бумажные деньги» полезно вспомнить обстановку в советской экономической науке начала 20-х годов, а также экономическую картину мира этих лет.

Ныне в активе советской экономической науки имеется целый ряд капитальных работ по теории денег при капитализме и социализме. Это труды З. В. Атласа, Э. Я. Брегеля, Г. А. Козлова, Я. А. Кронрода, А. Б. Эйдельнанта и других ученых. Многие из них были учениками И. А. Трахтенберга. В их работах развита марксистская теория денег, в свете этой теории анализируются явления современного капитализма и роль денег в социалистической экономике.

Ничего этого не было 40 лет назад, когда третьим изданием выходили «Бумажные деньги». Советская экономика тогда только что вступила в период нэпа. Осуществлялась денежная реформа 1922—1924 гг., заложившая основы устойчивого денежного обращения, которое было необходимо для развертывания социалистического строительства. Но в научном отношении еще надо было осмыслить опыт денежного обращения первых лет Советской власти, процесс обесценения совзнаков и обращения устойчивых денег — червонцев.

В капиталистическом мире намечалась частичная, относительная стабилизация. На этой основе медленно происходил возврат к устойчивой золотой валюте. Болезненно, с тяжелыми лишениями для трудящихся изживалась военная и послевоенная инфляция. Еще в 1924 г. на улицах германских городов можно было видеть рекламу товаров с ценами, выраженными в миллиардах марок; только что была введена новая устойчивая валюта. Французский франк катился под откос инфляции, и потребовалось еще несколько лет, чтобы закрепить пятикратное обесценение франка и восстановить в урезанном виде золотой стандарт. Англия подтягивала курс фунта к довоенному паритету, готовясь ввести размен банкнот.

Требовалось обобщить опыт бумажно-денежного обращения в условиях начавшегося общего кризиса капитализма, вскрыть его закономерности с точки зрения марксистской теории денег. Но для этого надо было четко и последовательно изложить теорию денег Маркса, очистить ее от реформистских и либерально-буржуазных наносов и искажений. За эту задачу взялся И. А. Трахтенберг, использовав как основу свою работу по теории денег, выполненную несколькими годами раньше.

В то время чуть ли не самыми «марксистскими» работами по теории денег считались книги М. И. Туган-Барановского. Легальный марксист в известный период своей деятельности, идеолог русской либеральной буржуазии, Туган был на самом деле весьма далек от марксизма как в общей экономической теории, так и в теории денег. В своей основной работе по теории денег — «Бумажные деньги и металл» — он отрицает применимость трудовой теории стоимости к деньгам и в частности пишет: «Неприменимость трудовой теории ценности к ценности денег явствует уже из того, что ценность имеют не только металлические деньги, сделанные из материала, имеющего трудовую ценность, но и неразменные бумажные деньги, которые никакой трудовой ценности в себе не заключают» [7].

Ясно видно, что эта точка зрения несовместима с учением Маркса о представительной стоимости бумажных денег, она близка к номинализму. Тем не менее теория Туган-Барановского имела широкое хождение и глубокой критике не подвергалась.

В первые два десятилетия XX в. развитие марксистской теории денег было монополизировано реформистами. Среди их работ центральное место занимал опубликованный в 1910 г. «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга.

Как известно, значение этой книги для научного объяснения империалистической стадии капитализма было весьма велико. Но в ряде важнейших вопросов она содержала отход от марксизма, стремление примирить его с буржуазной идеологией, приглушить его революционный характер. Это касалось и теории денег, что отчасти вскрылось в последовавшей за выходом «Финансового капитала» большой полемике в социал-демократической литературе. В. И. Ленин, указывая как на достоинства, так и на недостатки работы Гильфердинга, говорит и его ошибке в теории денег [8].

Гильфердинг считал, что покупательная сила денег — знаков стоимости (т. е. прежде всего бумажных денег) определяется не стоимостью золота, представляемого ими в обращении, а непосредственно потребностями, условиями товарооборота, или, как он выражался, общественной стоимостью обращения. Цитируя сначала Маркса, Гильфердинг далее пишет: «Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает намного яснее, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные валюты

---

[7] М. И. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917, стр 37.

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 183.

исторически возникли из металлических, это вовсе не основание, рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам» [9].

Но ведь сама «общественная стоимость обращения» проистекает из суммы стоимостей товаров, а измерять свою стоимость товары могут лишь в золоте. Следовательно, идеальное функционирование золота необходимо для того, чтобы могли реально функционировать бумажные деньги. Желая вывести «стоимость бумажных денег» непосредственно из их роли как средства обращения, Гильфердинг просто сталкивал массу товаров и массу бумажных денег, думая отсюда вывести «стоимость» каждой бумажки. Маркс, как будто предвидя эту ошибку, за пятьдесят лет до Гильфердинга писал: «. . . *кажется*, будто знак стоимости представляет *непосредственно* стоимость товаров, выступая не как знак золота, а как знак меновой стоимости, которая в цене лишь выражена, но существует в самом товаре. Эта видимость, однако, ложна. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены*, следовательно, *знак золота*, и лишь окольным путем — знак стоимости товара» [10].

Заслуга И. А. Трахтенберга состоит в том, что он вскрыл ошибочность и внутреннюю противоречивость концепции Гильфердинга. И. А. Трахтенберг ясно показал, что позиция Гильфердинга закономерно ведет к отказу от теории стоимости Маркса, к утверждению, что стоимость как товаров, так и денег возникает вне производства, в процессе обращения.

В результате вскрытия тугановских и гильфердинговских ошибок и разработки И. А. Трахтенбергом марксистской теории денег была заложена прочная основа для дальнейшего развития этой теории в советской экономической науке.

Работа И. А. Трахтенберга о бумажных деньгах, имеющая преимущественно теоретический характер, вместе с тем содержит и большой фактический материал, представляющий интерес для современного читателя. В высшей степени интересна глава «История денег», в которой собрана масса исторического материала о возникновении и развитии денег, начиная с первобытнообщинного строя. Из редких книг, из описаний путешествий, из русских летописей добывал И. А. Трахтенберг крупицы фактов для восстановления подлинной истории денег. И вместе с тем эти любопытные факты несут большую смысловую нагрузку: автор показывает товарное происхождение денег, процесс стихийного выделения товара — всеобщего эквивалента, с материальной формой которого срастается выполнение функций денег.

---

[9] Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. Соцэкгиз, 1959, стр. 85.

[10] К. Маркс. К критике политической экономики. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 98—99.

Все это было направлено против номинализма в теории денег — буржуазной концепции, утверждающей, что деньги есть исключительно создание государственной власти, которая своей волей определяет и их стоимость.

Номинализм живуч. В каждую историческую эпоху он выступает в обновленном обличье. 250 лет назад одно из первых его теоретических обоснований дал английский епископ Беркли, известный в истории философии как яркий представитель субъективного, мистического идеализма.

Говоря о номинализме, хочется напомнить удивительно острые и умные насмешки М. Е. Салтыкова-Щедрина над русским номинализмом второй половины прошлого века как официально-полицейской денежной теорией.

В «Современной идиллии» у него полицейские чины сочиняют «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении». Статья 24 гласит: «Равным образом и о монетной единице не лишне здесь упомянуть. Тщетно будем мы употреблять выражение «рубль», коль скоро он полтину стоит, однако, ежели начальство находит сие правильным, то желание его надлежит выполнить беспрекословно. Так точно и в прочих человеческих делах».

К объяснению происхождения денег номиналистами имеет отношение другой эпизод из той же книги. Один из персонажей рассказывает об африканской стране Зулусии. На вопрос, чеканят ли там деньги, он отвечает: «Чеканить не чеканят, а так делают. Ест, например, Сетивайо (вождь. — *А. А.*) крокодила, маленькую косточку выплюнет — рубль серебра! побольше косточку — пять, десять рублей, а ежели кость этак вершков в десять выдастся — прямо сто рублей. А министры тем временем таким же порядком разменную монету делают. Иной раз как присядут, так в один день миллиончик и подарят».

Когда И. А. Трахтенберг писал свою работу, господствующим направлением номинализма и весьма влиятельной теорией денег вообще была государственная теория денег Кнаппа и его немецких учеников и последователей. Особо приспособленный к потребностям германского милитаристского государства, этот номинализм вообще в большой мере отражает уже условия монополистического капитализма.

Позже в нашей литературе была дана глубокая, можно сказать, исчерпывающая критика немецкого номинализма начала XX в. и его дальнейшего развития. Но начало этой критике было положено И. А. Трахтенбергом.

Очень интересно сделанное по горячим следам и отчасти по личным наблюдениям описание гиперинфляции в Германии в 1922—1923 гг., — одной из самых больших инфляций во всей истории денег. Автора интересуют не сами по себе факты, хотя они здесь необычайно выразительны, а возможность дать на

этих фактах анализ социально-экономических последствий бумажно-денежного обращения и инфляции в условиях монополистического капитализма.

Далее мы еще будем говорить о работе И. А. Трахтенберга по проблеме инфляции. Однако уже здесь необходимо отметить, что взгляды автора на инфляцию, ее причины и роль в капиталистическом хозяйстве развивались вместе с изменением самого денежного обращения под влиянием общего кризиса капитализма. В «Бумажных деньгах» он еще рассматривает инфляцию как продукт особых обстоятельств в развитии капиталистической экономики (войны и ее последствий) и исходит из того, что современному капитализму в общем и целом свойственна твердая золотая валюта. Заключая книгу, он пишет: «Бумажные деньги выпускаются в экстраординарных случаях, когда нужда государства в средствах очень велика и когда эти средства необходимо быстро получить. . . Бумажно-денежное обращение в условиях развитого капитализма не может быть обычной, всегда действующей системой. . .».

Через 30 лет, обобщая развитие капитализма за истекший период, Трахтенберг пишет: «Современному капитализму устойчивое денежное обращение уже недоступно. Устойчивость денежной системы возможна только в условиях относительно устойчивой экономической системы. . . В период общего кризиса капитализм потерял свою былую относительную устойчивость и стабильность: соответственно этому потеряна возможность функционирования относительно устойчивой, стабильной денежной системы».

ТЕОРИЯ КРЕДИТА

Исследуя проблемы капиталистического кредита, И. А. Трахтенберг четко изложил и в ряде случаев развил марксистскую теорию этого вопроса. Перед автором стояли две основные задачи: во-первых, дать в систематизированном и полном виде взгляды Маркса на кредит, что еще по-настоящему не было сделано в марксистской литературе; во-вторых, применить теорию Маркса к исследованию современного монополистического капитализма и финансового капитала.

И. А. Трахтенберг блестяще справился с обеими задачами; его анализ целиком направлен на современность.

Как и в теории денег, И. А. Трахтенберг последовательно идет от простого к сложному, от основных понятий к полной картине кредитных отношений.

Кредитные отношения в сущности появляются еще в условиях простого товарного производства, в сделке ссуды, где деньги выполняют функцию платежного средства. Однако введенное таким образом, до анализа капитала и процесса его кругооборота, понятие кредита было бы совершенно недостаточным, оно не

выражало бы всей полноты производственных отношений, связанных с кредитом. Поэтому Маркс выводит кредит из процесса кругооборота промышленного капитала и выделения денежной функциональной формы, которую проходит капитал в этом кругообороте, в самостоятельный вид капитала — ссудный капитал. Кредит есть форма движения ссудного капитала, — таков вывод Маркса.

Это основное положение марксистской теории кредита подробно развивается И. А. Трахтенбергом. Сомнение может вызвать лишь его попытка объяснить, в чем суть изменения категории кредита в эпоху монополистического капитализма. Он прав, когда пишет, что в эту эпоху кредит получает максимальное развитие. Но нельзя согласиться с И. А. Трахтенбергом, когда он утверждает, что «именно в эту эпоху объектом сделок ссуды становится ссудный капитал». Получается, что в домонополистическом капитализме ссудный капитал не был объектом кредита.

Эта неточность тесно связана с пониманием И. А. Трахтенбергом ссудного капитала как господствующей категории в условиях монополистического капитализма. В ряде мест работы он определяет финансовый капитал как продукт сращивания ссудного и промышленного капитала с преобладанием первого. Поскольку господство ссудного капитала И. А. Трахтенберг считал характерной чертой современного капитализма, то у него и получилось, что лишь в современную эпоху кредит становится отношением ссудного капитала. Но в действительности это — всеобщее определение капиталистического кредита. Что же касается преобладания, приоритета ссудного капитала в эпоху империализма, то интересен ход мыслей И. А. Трахтенберга при обосновании этого тезиса: «Этот приоритет вытекает из того, что движение финансового капитала базируется на процессе превращения промышленной прибыли в процент, на том, что процент стремится стать универсальной формой капиталистического дохода».

Здесь мы имеем дело с вариантом трактовки монополистического капитализма как «фондового» капитализма, «капитализма ценных бумаг». В действительности превращение прибыли в процент для денежных капиталистов не отменяет категории промышленной прибыли, которую получают функционирующие капиталистические предприятия. На основе дележа этой прибыли и происходит сращивание монополистических промышленных концернов с монополистическими банками. Лишь на этой основе возникает финансовая олигархия, которую, однако, не следует понимать только как завершенную форму денежных капиталистов. Ведь дело не только и не столько в том, что финансовая олигархия получает основную массу своих доходов в виде процентов и дивидендов, сколько в том, что в экономике господствуют монополистические объединения промышленного и банкового капитала.

Рассмотрев основные формы капиталистического кредита (банкирский и коммерческий) и показав, что в основании кредита лежит в конечном счете воспроизводство капитала, И. А. Трахтенберг анализирует понятие фиктивного капитала. Его исследование этих проблем приобретает особое значение в связи с колоссальным ростом различных видов фиктивного капитала в период общего кризиса капитализма. Это одно из проявлений загнивания и паразитизма современного капитализма.

В фиктивном капитале производственные отношения капитализма достигают предельной фетишизации. Здесь они приобретают какой-то мистический оттенок. Ценные бумаги получают способность жить самостоятельной жизнью, подниматься и падать в цене по причинам, скрытым от участников производства. Вместе с накоплением действительного капитала происходит накопление массы ценных бумаг, титулов собственности и дохода, дающих право на присвоение доли создаваемой в обществе прибавочной стоимости. Поскольку с развитием капитализма акционерные общества становятся господствующей формой капиталистических предприятий, масса обращающихся акций все больше увеличивается. Прибыли корпораций после второй мировой войны, военно-инфляционная конъюнктура и ряд других факторов вызвали в последние годы колоссальный рост рыночной стоимости акций во всех капиталистических странах. Например, в США она выросла с 1947 по 1960 г. более чем в 4 раза и к концу 1960 г. достигла по официальной оценке 442 млрд. долл. В 3 раза (с 30 млрд. до 90 млрд. долл.) выросла сумма обращающихся корпоративных облигаций. Это произошло не за счет повышения курсов, а за счет больших новых эмиссий облигаций, производимых крупными корпорациями для финансирования вложений в основной капитал. Фиктивный капитал в виде акций и облигаций американских корпораций оценивался, таким образом, в 532 млрд. долл., тогда как функционировавший действительный капитал (основной капитал и оборотный капитал в виде товаро-материальных запасов) составлял в 1958 г. лишь 340 млрд. долл.

Другой важнейшей формой фиктивного капитала являются государственные облигации. Они не имеют уже решительно никакой связи с действительным капиталом, поскольку подавляющая часть товаров, когда-то приобретенных государством за счет займов, безвозвратно уничтожена в ходе войн или потреблена непроизводительно. Государственный долг остается как монумент милитаризма и паразитизма и как средство извлечения финансовым капиталом новых прибылей в виде процентов по долгу.

Наконец, определенные черты фиктивного капитала приобретают также закладные (ипотеки) на недвижимую собственность, т. е. долговые обязательства, обеспеченные закладом земли, зданий и т. п.

Масса фиктивного капитала в США в 1960 г. составляла примерно 1 трлн. долл. и была равна трем четвертям национального богатства, которое оценивалось в 1958 г. в 1,3 трлн. долл. (без цены земли, которая представляет в подавляющей части фиктивный элемент национального богатства).

Важный вопрос, привлекающий внимание И. А. Трахтенберга, — соотношение категорий ссудного и фиктивного капитала. При исследовании этой проблемы он проявляет большую глубину и оригинальность мысли. Сложный вопрос он излагает всесторонне и основательно, и все же с ним здесь не во всем можно согласиться.

Дело в том, что И. А. Трахтенберг определяет фиктивный капитал лишь как особую форму ссудного капитала: «. . . фиктивный капитал обладает всеми признаками ссудного капитала», «. . . мы трактуем фиктивный капитал не как особый вид капитала, а как особую форму ссудного капитала». Вместе с тем он указывает, что фиктивный капитал является «формой приложения ссудного капитала».

Очевидно, второе определение более правильно. Правда, фиктивный капитал возникает на основе отношений ссудного капитала. Более того, как подчеркивал Маркс, «под накоплением денежного капитала (в данном случае денежный капитал равнозначен ссудному. — *Ред.*) большею частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний» [11]. Но это едва ли дает основание просто включать категорию фиктивного капитала в ссудный капитал. Мы имеем здесь дело с особой экономической категорией. Фиктивный капитал — это одна из форм приложения ссудного капитала, а не часть последнего. Это различие проявляется, в частности, в том, что величина ссудного капитала, размеры его предложения на рынке оказывают определяющее влияние на норму процента, тогда как величина фиктивного капитала сама зависит от этой нормы.

Фиктивный капитал — результат движения, совершаемого ссудным капиталом, как бы застывшая форма, в которой остановилось, запечатлелось это движение, этот кругооборот. Генезис ссудного капитала — в выделении денежной функциональной формы из кругооборота промышленного капитала, тогда как генезис фиктивного капитала — в превращении процента в одну из главных общих форм, которые принимает прибавочная стоимость, присваиваемая капиталистами.

Анализ фиктивного капитала представляет одну из важных задач марксистской политической экономии капитализма. И в этом деле книга А. И. Трахтенберга — незаменимое подспорье.

---

[11] К. Маркс. Капитал, т. III. М., Госполитиздат, 1955, стр. 483.

В последних главах книги рассматриваются две большие проблемы: процесс накопления ссудного капитала и рынок ссудных капиталов; банки и их роль в современной капиталистической экономике. Эти главы интересны прежде всего тем, что автор смело ставит в центр исследования самые сложные вопросы теории кредита, в частности проблему соотношения накопления действительного и ссудного капитала и проблему создания банками ссудного капитала путем банкнотной и особенно депозитно-чековой эмиссии. Конечно, нельзя сказать, что И. А. Трахтенберг окончательно и полностью разрешает эти вопросы; они и сейчас остаются самыми острыми и важными пунктами теории кредита, а в известной мере и экономической теории капитализма вообще. Но едва ли какой-либо другой экономист-марксист сделал больший вклад в их разработку, чем И. А. Трахтенберг. Он продолжил исследование этих вопросов и в своих последующих работах: первого — в «Денежных кризисах», а второго — в послевоенных работах.

Опираясь на принципиальные положения учения Маркса, И. А. Трахтенберг указывает четыре источника предложения ссудных капиталов на рынке. Во-первых, накопление чисто денежных капиталистов, т. е. накопление собственного капитала банков и других кредитных учреждений, а также накопление, осуществляемое индивидуальными денежными капиталистами — рантье. Во-вторых, денежный капитал, временно высвободившийся в этой форме из кругооборота промышленного капитала. В-третьих, денежный капитал, возникающий в результате накопления денежных доходов и сбережений всех классов общества. Наконец, в-четвертых, ссудный капитал, образующийся в результате действия самой кредитной системы, т. е. конкретно в результате создания банками кредитных денег, превращаемых ими в ссудный капитал.

В соответствии с этой схемой в седьмой главе книги рассматривается накопление ссудного капитала и его предложение на рынке, а также вопрос о соотношении его движения с движением действительного капитала.

Поскольку банки являются капиталистическими предприятиями, организующими ссудный капитал и осуществляющими его движение, этим определяются и основные функции банков. Следует, однако, оговорить, что И. А. Трахтенберг основное место в своем анализе уделяет пассивным операциям банков (образование ресурсов ссудного капитала) и меньше останавливается на активных (ссудных и инвестиционных) операциях. Правда, активные операции банков рассматриваются особо в последней главе, но их следует включать и в анализ функций банков. Достаточно сказать, что сращивание монополистических банков с промышленностью происходит прежде всего через их активные операции. Кроме того, в последние десятилетия огром-

ГПНТБ СОАН СССР

ное развитие получила специфическая функция банков — доверительные операции, т. е. управление чужими денежными капиталами [12].

Важное значение имеет данный И. А. Трахтенбергом анализ создания банками кредитных денег и превращения их в ссудный капитал. Эта способность банков и ее границы представляют, вероятно, самый старый спорный вопрос всей теории кредита. Он обсуждается со времен Джона Ло, но и теперь является в буржуазной литературе остро дискуссионным.

Заслуга И. А. Трахтенберга состоит в том, что он освободил взгляды Маркса от десятилетиями наслаивавшихся на них искажений. Он писал: «Широко распространено убеждение, получившее уже прочность предрассудка, что учению Маркса о банках противоречит взгляд, что банки могут „создавать" ссудный капитал. Обычно и без всякого в сущности основания Марксу приписывается мысль, что деятельность банка является только посреднической».

Действительно, без признания этого нельзя понять значения банков в экономике современного капитализма: их роли в финансировании подъема в экономическом цикле путем кредитной экспансии и их рост в инфляционном процессе.

С другой стороны, создание ссудного капитала банками отнюдь не безгранично. Говоря обобщенно, для кредитной экспансии банков существуют границы двоякого рода. Во-первых, эти границы ставит сам процесс воспроизводства действительного капитала, который определяет прежде всего спрос функционирующих капиталистов на ссудный капитал. Это особенно проявляется при циклической кредитной экспансии банков. Во-вторых, эти границы ставят законы денежного обращения. Ссудный капитал создается банками как дополнительные покупательные и платежные средства, в результате чего расширяется денежное обращение. Чрезмерность денежной массы в конце концов приводит к обесценению денег, а, следовательно, и самого ссудного капитала. В особенности это характерно для тех случаев, когда банки создают ссудный капитал путем финансирования государства, способствуя тем самым усилению инфляции.

ПРОБЛЕМА ИНФЛЯЦИИ

В центре внимания послевоенных работ И. А. Трахтенберга стоит проблема инфляции.

И. А. Трахтенберг много сделал для развития марксистской теории инфляции. В исследовании этого вопроса он опирался на свои прежние работы, особенно на «Бумажные деньги».

---

[12] В. П е р л о. Империя финансовых магнатов. ИЛ, 1958, стр. 93—100.

Исследованию военной инфляции он посвятил книгу «Финансовые итоги войны (проблема инфляции)». Важное значение в ней имеет выяснение сущности инфляции и механизма инфляционного воздействия финансирования войны и роста государственного долга на денежное обращение. В работе «Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны» И. А. Трахтенберг продолжает исследование этих вопросов. Вместе с тем он дает в ней характеристику послевоенного инфляционного процесса в капиталистических странах.

Принципиальное отличие марксистского понимания инфляции от буржуазных концепций вытекает прежде всего из того, что оно основывается на трудовой теории стоимости, тогда как буржуазные экономисты давно отбросили научное понятие стоимости и поэтому не имеют последовательной теории денег.

Повышение товарных цен есть лишь внешнее выражение, симптом инфляции. Повышение цен может быть инфляционным, но оно может носить и иной характер, вызываться факторами, не лежащими на стороне денег. Особенно важное значение имеет рост цен в фазе подъема цикла. Между тем буржуазные экономисты, как правило, отождествляют инфляцию с повышением товарных цен.

С этим связано другое важное различие между марксистским и буржуазным пониманием инфляции. Инфляция порождается деятельностью буржуазного государства. Конкретнее говоря, ее вызывают дефицитность бюджетов, обычно милитаристский характер расходов государства и т. д. Кредитная экспансия коммерческих банков, хотя бы и направленная на кредитование хозяйства, может в известной мере способствовать инфляции, поскольку вызываемый этой экспансией прирост массы денег в обращении может превосходить и опережать прирост товарной массы. Но это не главный фактор инфляции. Напротив, буржуазные экономисты обычно преуменьшают значение государственно-милитаристских факторов инфляции и преувеличивают роль других факторов в повышении цен. В вышедшей в 1959 г. книге «Новая инфляция» (компилятивной, но именно поэтому весьма характерной для современной буржуазной политической экономии) американские авторы У. Л. Торп и Р. Э. Квандт пишут, что источником инфляции может быть избыточный спрос на товары со стороны любого из трех секторов, которые они выделяют в экономике: потребителей, бизнеса и государства.

При этом важны лишь два момента: экономика должна быть «на уровне полной занятости или близко к нему» (в противном случае, полагают они, увеличение спроса вызовет лишь вовлечение в процесс производства не занятой ранее рабочей силы, т. е. сокращение безработицы) и финансирование избыточного спроса должно осуществляться кредитной системой путем создания новых активных денежных средств. В этих условиях «не

существенно, каков источник избыточного спроса: цены будут иметь тенденцию к росту в любом случае»[13]. Таким образом, в одну компанию виновников инфляции попадает и мистер Смит, покупающий автомобиль в рассрочку, и «Дженерал моторс», которая в погоне за прибылью расширяет производство за счет банкового кредита, и Пентагон, ненасытный аппетит которого — главная причина дефицитности бюджета.

Наконец, как уже говорилось выше, буржуазные экономисты искажают перераспределительную функцию инфляции, нередко отрицая, что ее бремя в первую очередь несет рабочий класс. Более того, для современных буржуазных концепций характерно стремление изобразить рабочий класс виновником инфляции. Широкое распространение получила так называемая теория инфляционной спирали заработной платы и цен. Суть ее состоит в следующем: причиной роста цен является повышение заработной платы как главного элемента издержек производства; в свою очередь, рост цен вызывает новые требования со стороны рабочих, а когда они добиваются их удовлетворения, новое повышение издержек ведет опять-таки к росту цен, и так без конца. Получается «инфляционная спираль», или «порочный круг инфляции».

Объективные основы этой теории составляют, с одной стороны, длительное повышение цен в капиталистических странах, а с другой, — рост мощи и организованности рабочего класса. Не представляя какой-либо четкой и последовательной концепции, она в различных вариантах применяется буржуазными экономистами и реформистами в интересах монополий, для обоснования борьбы против повышения заработной платы.

Для критики этой концепции важное значение имеют коренные положения марксистской теории стоимости и денег. Вместе с тем надо учитывать изменения в механизме ценообразования, которые произошли в эпоху монополистического капитализма.

Еще Рикардо критиковал представление, что стоимость и цены товаров определяются заработной платой, получаемой их производителями. Маркс вскрыл действительные связи между заработной платой, ценой и прибылью и показал, что при прочих равных условиях «общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в целом не отразилось бы на ценах товаров»[14].

Что меняется в эпоху империализма и в условиях характерного для последних десятилетий господства неразменного бумажно-денежного обращения? Тенденция к длительному росту цен заложена в экономике современного капитализма в силу действия

---

[13] W. L. Thorp, R. E. Quandt. The New Inflation. N. Y., 1959, p. 43.

[14] К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 155.

как инфляционных, так и неинфляционных факторов. Среди последних важнейшее значение имеет деятельность монополий. Бумажно-денежное обращение обеспечивает по существу неограниченные возможности роста цен. Под неинфляционное повышение цен в конечном счете тоже подводится инфляционная база в виде разбухшей денежной массы, в результате чего повышенный уровень цен закрепляется.

Зависимость, которую буржуазные экономисты кладут в основу спирали, на самом деле является обратной: борьба рабочих за повышение денежной заработной платы развертывается как их реакция на рост цен, вызываемый всей суммой факторов. Конечно, монополии стремятся использовать этот факт для дальнейшего вздувания цен, но здесь нет той автоматической зависимости и обусловленности, которую видит «теория спирали» [15].

Новая программа КПСС в анализе современной капиталистической системы концентрирует внимание на огромной роли государственно-монополистического капитализма. С этой точки зрения надо трактовать и проблему инфляции. Связь инфляции с государственно-монополистическим капитализмом носит сложный и многосторонний характер. Можно выделить следующие основные линии этой связи.

Во-первых, инфляция является прямым следствием колоссального роста бюджетных расходов современного государства, прежде всего военных и связанных с его полицейскими функциями. Вместе с тем, большую роль играют и другие расходы, обусловленные усилением государственно-монополистических тенденций: субсидии монополиям, затраты на антикризисные мероприятия и т. д.

Во-вторых, инфляция связана с усилившимся вмешательством государства в процесс ценообразования. Хотя в определенные периоды (как правило, во время войны) государство проводит меры, ограничивающие повышение цен, в общем и целом его деятельность способствует длительному росту цен. Это связано и с провоцированием международных конфликтов, и с поддержкой системы монопольных цен, и с повышением косвенных налогов и таможенных пошлин, и с закупкой по высоким ценам сырья и материалов для государственных стратегических запасов и т. д. и т. п. Рост цен, одной из причин которого является деятельность государства, сам становится фактором дальнейшего усиления инфляции: он вызывает увеличение бюджетных расходов, дефицита и государственного долга, содействует кредитной экспансии банков.

В-третьих, буржуазное государство и монополии используют инфляцию (особенно медленную, «ползучую») для замаски-

---

[15] Подробнее см. «Критика современных буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий». Соцэкгиз, 1960, стр. 286—291, 359—366.

рованного снижения реальной заработной платы и реальных доходов трудящихся вообще. В условиях усиления борьбы трудящихся против монополий этот способ сохранения и увеличения прибылей и поддержания за счет трудящихся высокой нормы накопления в национальном масштабе приобретает особое значение. Как известно, его усиленно выдвигал виднейший идеолог государственно-монополистического капитализма Дж. М. Кейнс.

В-четвертых, с инфляцией тесно связаны государственно-монополистические тенденции в кредитной системе. Уже говорилось о перерождении центральных банков и системы банкнотной эмиссии. Коммерческие банки также в большой мере превращаются в орудие финансирования государства. Вся кредитная система оказывается обремененной массой государственных обязательств, что усиливает инфляционный потенциал этой системы.

В-пятых, инфляция влияет на проявления государственно-монополистического капитализма во внешнеэкономических отношениях, в межимпериалистической борьбе за внешние рынки сбыта. При золотом стандарте преобладающим средством государственного содействия национальному капиталу в этой борьбе были таможенные тарифы. При современном инфляционном бумажно-денежном обращении важнейшее значение приобретают также средства валютной политики, особенно маневрирование валютным курсом, валютный демпинг. Это вызывает понижение курса и золотого содержания валюты, что в свою очередь усиливает рост цен в стране и обостряет инфляцию.

Как и государственно-монополистический капитализм, инфляция в эпоху общего кризиса капитализма не является лишь результатом определенной политики, а объективно обусловлена основными закономерностями развития капитализма в эту эпоху. Но будучи объективно обусловленной, инфляция широко используется буржуазным государством и стоящими за ним крупными монополиями против трудящихся масс, а также в конкурентной борьбе против монополий других стран.

Все это указывает на большую важность развития марксистской теории инфляции.

В книге И. А. Трахтенберга о кредитно-денежной системе капитализма после войны проблема инфляции рассматривается в ряде ее основных аспектов. Показав в первой главе общие закономерности развития денежной системы капитализма и ее особенности в период общего кризиса капитализма, автор три последующие главы специально посвящает инфляции. Основной аспект изложения — связь инфляции с милитаризацией экономики и влияние этих процессов на капиталистическое воспроизводство. В последующих главах И. А. Трахтенберг рассматривает проблемы кредита и показывает, что кредитная система играет важнейшую роль в инфляции. Это проявляется как активно,

так и пассивно: как в форсировании инфляции кредитной системой, так и в изменениях в этой системе под воздействием инфляции.

Все сказанное относится к проблеме инфляции в развитых капиталистических странах, которой в основном и занимался И. А. Трахтенберг. Особым вопросом является инфляция, которая при определенных условиях может иметь место в странах, встающих на путь социалистического развития, а также на путь национально-демократической революции. Здесь инфляция может быть порой орудием народной власти, может быть направлена против эксплуататорских классов, против иностранных монополий. Хотя И. А. Трахтенберг имел перед глазами сравнительно мало исторических примеров, он хорошо понимал это и еще в 1945 г. писал: «. . . надо иметь в виду, что иногда инфляция может иметь прогрессивный характер и служить интересам трудящихся. Последнее бывает, в частности, во время революций, . . . когда новая революционная власть еще недостаточно окрепла и может финансировать революцию только использованием денежного обращения. Аналогичное положение может быть при создании в результате борьбы истинно-демократической народной власти, проводящей широкие реформы, направленные на повышение благосостояния трудящихся масс и общее развитие производительных сил» [16].

Несмотря на то, что наше предисловие разрослось до внушительных размеров, оно лишь в малой мере может отразить богатство содержания издаваемых произведений. Читатель убедится в этом, ознакомившись с ними.

* * *

Труды академика И. А. Трахтенберга по финансовым проблемам капитализма издаются в двух книгах.

Первая книга посвящена теории денег и кредита при капитализме. Она включает три работы, опубликованные на протяжении почти сорока лет:

«Бумажные деньги. Очерки теории денег и денежного обращения» (воспроизводится значительно дополненный и исправленный автором текст третьего издания 1924 г.).

«Современный кредит и его организация. Теория кредита» (публикуется по второму изданию 1931 г., значительно переработанному автором). Эта книга мыслилась автором как первая часть более крупного исследования кредита при капитализме, которое ему в задуманном виде, к сожалению, не удалось окончить.

---

[16] И. А. Трахтенберг. Финансовые итоги войны (проблема инфляции). М., Госфиниздат, 1946, стр. 35—36.

Завершает книгу «Кредитно-денежная система капитализма после второй мировой войны», изданная в 1954 г.

Вторая книга посвящена проблеме денежных кризисов. Она включает капитальный труд И. А. Трахтенберга «Денежные кризисы (1821—1938)», опубликованный в 1939 г. В ней публикуется также список трудов И. А. Трахтенберга.

При написании настоящего предисловия автору оказали помощь замечаниями и советами члены Редакционной коллегии. В работе по подготовке книги к изданию принимала участие М. И. Трахтенберг — дочь академика И. А. Трахтенберга.

А. Аникин

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ДЕНЕГ
И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

Проблема бумажных денег до сих пор привлекает внимание не только теоретиков-специалистов, но и широких кругов населения. Хотя в настоящее время как-будто замечается стремление ликвидировать бумажно-денежное обращение, но поскольку капиталистическому хозяйству уже не суждено прийти в «норму», постольку проблема бумажных денег сохраняет и будет сохранять свой актуальный характер.

В первом издании своей книги в заключении я писал:

«Как бы ни закончилась происходящая в настоящее время мировая война, но ближайшее будущее потребует от всех государств колоссального финансового напряжения. Финансовую нужду можно удовлетворить посредством широкого применения обложения имущих классов; эту же нужду можно удовлетворить путем возложения главной тяжести на трудовые классы общества.

Какой же путь будет избран? Это определится классовой структурой современного государства и равнодействующей сил борющихся в современном обществе социальных классов.

Стремление же возложить всю или, во всяком случае, бóльшую часть тяжести финансового напряжения на неимущие трудовые классы в наилучшей степени может быть осуществлено через посредство бумажно-денежной системы. Вот почему вопрос о бумажных деньгах имеет не только теоретический интерес, но, по условиям переживаемого нами времени, этот вопрос имеет большое актуальное значение».

Действительность оправдала мои предположения. Почти во всех странах, поскольку в них сохранялась буржуазная власть, бумажно-денежный механизм был использован для угнетения трудовых классов.

Поскольку бумажно-денежное обращение имеет классовое содержание, постольку рабочему классу в его борьбе с буржуазией надо им овладеть. В руках рабочего класса денежный механизм тоже может служить орудием борьбы. Но для того чтобы овладеть денежным механизмом, надо прежде всего его познать.

Москва, июнь 1924 г.

Глава первая

ДЕНЬГИ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

1

Вопрос о деньгах и денежном обращении относится к числу наиболее старых проблем экономической науки. Эти вопросы привлекали внимание мыслителей уже в древности [1], и вовсе не преувеличением является утверждение, что из вопроса о деньгах выросла экономическая наука. Да и в настоящее время проблема денег занимает весьма видное место в политической экономии. «Мне кажется, — говорит В. Карлейль, — деньги образуют ось, вокруг которой вращается экономика. Нет возможности хоть немного продвинуться в выяснении экономических проблем, если предварительно не изучить природу и проявление денег. Я полагаю, что представление о ценности, даже самое грубое, стало возможным лишь после того, как появились хотя бы простейшие первобытные деньги» [2]. Несколько преувеличивает, но все же не далек от истины, Киичиро Сода, когда он говорит: «Вопреки господствующим теориям, которые полагают, что основными понятиями нашей науки являются потребность, благо, хозяйственная деятельность, должно быть недвусмысленно (nachdrücklich und unzweideutig) подтверждено, что в качестве предпосылки всех этих понятий надо поставить в центре экономической теории понятие о деньгах» [3].

«Проявления денег, — читаем мы у Лифмана, — являются специфическим предметом науки о народном хозяйстве. В них скрещиваются все народнохозяйственные проблемы, без них едва ли возможна была бы наука о народном хозяйстве, отличная от чистой техники». И в другом месте: «нет никакого сомнения,

[1] И у Платона, и у Аристотеля можно найти весьма интересные суждения о деньгах. В частности, у Аристотеля постановка самого вопроса чрезвычайно оригинальна, к сожалению, недостаточно использованная экономической литературой (см. В. Железнов. Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1916; A. Souchon. Les théories économiques dans la Gréce antique. Paris, 1898; E. Bridrey. La théorie de la monnaie au XIV siecle. Nicola Oresme. Paris, 1906).

[2] W. W. Carlile. The Evolution of Modern Money. L.—N. Y., 1901, p. 325.

[3] K. Soda. Geld und Wert. Tübingen, 1909, S. 165.

что все большие проблемы науки о хозяйстве вращаются (anknüpfen) вокруг денег и форм их проявления» [4].

«Есть центр, — читаем мы у А. М. Рыкачева, — к которому приводят все недоумения и вопросы, поднимаемые в нас особенностями современного капиталистического хозяйства... Этот центр — деньги» [5].

И все же до сих пор экономическая наука не может похвалиться тем, что она обладает общепризнанной теорией денег.

«Едва ли какая-либо другая область экономической науки, — говорит Оскар Штиллих, — вызывает столько проблем, неясностей, разногласий, сколько учение о деньгах. По словам австрийского экономиста Карла Менгера: «Загадочные проявления денег до сих пор не находят удовлетворительного объяснения, до сих пор не достигнуто единогласия в основных вопросах относительно природы денег и их функций». Не совсем несправедливым является утверждение, что мы гораздо лучше ориентируемся в движении звезд, чем в обращении денег. Для науки и практики сущность денег до сих пор представляется «черным континентом» [6].

Что же говорить о широкой публике, равнодушие которой к теории денег, по выражению Гезелла [7], так же как и «науки, прессы, торгового сословия, так велико, что из миллионов немцев с трудом можно было бы собрать дюжину лиц, с которыми можно было бы серьезно обсуждать теорию денег» [8].

Объясняется это и сложностью вопроса, и его теоретической важностью, и его большим практическим значением. Последнее, практическое значение вопросов денежного обращения особенно способствует распространению массы предрассудков, ложных взглядов, заблуждений относительно сущности и социального значения денег.

---

[4] R. Liefmann. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Stuttgart—Berlin, 1922, S. 94, 95.

[5] А. М. Рыкачев. Деньги и денежная власть. СПб., 1910, стр. 4.

[6] O. Stillich. Geld und Bankwesen. Berlin, 1914, S. 9.

[7] S. Gesell. Die neue Lehre von Geld und Zins. Berlin—Leipzig, 1911, S. 50.

[8] Представление широкой публики о деньгах ограничивается, пожалуй, только тем, о чем говорится в одном немецком стихотворении (цит. по кн.: O. Stillich. Geld und Bankwesen. Berlin, 1914, S. 17):

Das Geld! Das Geld! Es ist der Teufel,
Ein Kind der Hölle sicherlich,
Ein Fluch der Menschheit ohne Zweifel,
Denn Jeder will es nur für sich.
Das Geld ist Gift, gefährlich immer,
Ein grosses Übel früh und spät,
Und eins nur weiss ich, was noch schlimmer:
Und das ist — wenn man keines hat!

(Деньги! Деньги! Это без сомнения дьявол, исчадие ада, проклятие рода человеческого. Ведь каждый хочет их лишь для себя. Деньги — яд, всегда опасный, они всегда несут с собой беду. Одно лишь знаю я страшнее: и это — когда их нет! — *Ред.*).

Одни склонны деньгам придавать слишком малое значение, другие, наоборот, чрезмерно преувеличивают их роль; одни видят в деньгах явление вторичного порядка, другие склонны усматривать в деньгах чуть ли не основу всего современного экономического уклада.

Одни восхваляют деньги, считают их положительным явлением социальной жизни, другие, наоборот, в деньгах усматривают величайшее зло и шлют им проклятье.

С большим пафосом Н. С. Мордвинов говорил о положительном значении денег, характеризуя его в следующих словах: «Из всех действующих в государственном составе сил первейшею должно признать денежную. Она творит и умножает изобилие и богатство внутри; она ограждает безопасность извне. Деньги питают труд и промышленность, науки, крепят и распространяют общественные к ним связи. Деньги изощряют оружие, дают крылья флотам, шествие воителям и песнь победная стяжается златом» [9].

Не с меньшей горячностью дается деньгам и противоположная характеристика, причем часто в них, а иногда только в них, усматривают особую и главную причину всех недостатков и невзгод социального строя: если бы не было денег, не было бы эксплуатации человека человеком, не было бы той ужасающей нищеты и бедности огромной части человечества, которая уживается с безумной роскошью немногих «счастливцев мира сего». Деньги не нужны, излишни: они служат только орудием эксплуатации обездоленных, они являются «выдумкой» власть имущих для угнетения широких трудовых масс.

Еще Софокл в «Антигоне» говорил:

«Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным» [10].

В первой половине XVI столетия Томас Мор в своей «Золотой книжечке о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (De optimo reipublicae statu de que nova insula Utopia libellus vere aureus) вкладывает в уста Рафаэля Гитлодея, рассказывающего об идеальном общественном строе на острове Утопии, следующие слова:

---

[9] Н. С. Мордвинов. Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков. СПб., 1829, стр. 1.

[10] Цит. по кн.: К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 143, прим.

«У последних (утопийцев) употребление денег и жадность к ним уничтожены, а вместе с тем уничтожена целая гора забот — важнейшая причина преступлений. Кто не знает, что обман, воровство, грабеж, ссоры, мятеж, убийства, отравления могут быть наказаны строгостью закона, но не могут быть предупреждены им, между тем как все они исчезли бы, если бы исчезли деньги. С исчезновением последних были бы забыты тревоги, заботы, горести, затруднения и бессонные ночи людей. Сама бедность, которая, по-видимому, так нуждается в деньгах, исчезла бы, если бы только были упразднены деньги» [11].

В начале второй половины XVII в. Джерард Уинстенли в своей утопии «истинных левеллеров» (The Law of Freedom in a Platform or The Magistracy Restored), которая «почтительнейше посвящена Оливеру Кромвелю. . ., а также всем англичанам, которые все мои братья, все равно, принадлежит ли он к церкви или нет, и еще всем нациям мира», замечает: «. . . там, где деньги царят над всем, никто не следует золотому правилу: „поступай с каждым так, как ты хотел бы, чтобы он поступил с тобой", справедливость покупается и продается за деньги, иногда же покупается и продается даже несправедливость, и это служит причиной всех войн и злоупотреблений» [12].

Так же резко отрицательно относились к деньгам и вместе с тем придавали им слишком большое значение социалисты-утописты первой половины XIX в.: известны проекты Прудона, Роберта Оуэна об уничтожении денежного обмена.

В середине XIX в. американский писатель Арчибальд Алисон приписывал деньгам какую-то мистическую силу, оказывающую огромное влияние на судьбы народов [13].

Суждения эти глубоко неправильны и вытекают из слишком поверхностного взгляда на современный хозяйственный строй.

Деньги являются не причиной всех зол и невзгод капиталистического общества, а неизбежным его спутником. Сам строй капитализма обусловливает его отрицательные стороны, но в пределах капиталистических отношений деньги неизбежно и обязательно должны существовать, деньги играют большую и выдающуюся роль.

Деньги являются необходимой принадлежностью всякого товарного хозяйства, и развитое товарное хозяйство, каким является капитализм, не может существовать без денег.

Достаточно обратить внимание на некоторые существенные характерные черты капитализма, чтобы подтвердить высказанное.

---

[11] «История социализма в монографиях. Предшественники новейшего социализма», ч. II. М.—Пг., 1919, стр. 23.

[12] Там же, стр. 156.

[13] А. Миклашевский. Деньги. М., 1895, стр. 73.

В капиталистическом строе потребности свои люди удовлетворяют потреблением не только тех продуктов, который каждый сам производит, но и тех продуктов, которые являются результатом труда других людей. Даже более того, можно сказать, что потребности человека удовлетворяются почти исключительно продуктами труда других людей.

Каждый отдельный производитель работает непосредственно не для удовлетворения своих собственных потребностей, а для удовлетворения потребности других людей.

Все то, что в настоящее время производится, принимает характер товара покупаемого и продаваемого. Выражаясь несколько парадоксально, можно сказать, что в современном хозяйстве производятся не продукты, а товары [14]. Отсюда же вытекает то, что при производстве не столько имеется в виду удовлетворить ту или иную конкретную человеческую потребность, сколько ставится целью произвести нечто такое, что может быть продано. Конечно, потребности человеческие не могут не иметь значения для производства, ибо в конечном счете они являются основой хозяйства. Но потребности сами по себе не интересуют производителя. Для него важен не потребитель, а покупатель его товаров. Когда владелец какой-либо консервной фабрики вырабатывает свои консервы, он меньше всего интересуется, насколько его продукты пригодны для удовлетворения человеческих потребностей. Если эти консервы покупаются, — а желающие купить находятся не только потому, что они хороши, — предприниматель их производит. Сапоги на картонных подошвах едва ли годны для удовлетворения человеческой потребности в обуви, но если такие сапоги находят себе сбыт, если их покупают, они будут производиться.

В условиях дотоварного хозяйства люди производили все необходимое самостоятельно. Живя группами, племенами, люди сообща производили все, в чем они нуждались, и хозяйство их имело целью удовлетворение потребностей членов общины. Удовлетворение потребностей — такова была цель хозяйственной деятельности, и производство определялось и согласовалось исключительно с потребностями членов племени.

Каждая такая группа, племя или община сама себе довлела, коллективно производила и коллективно распределяла продукты.

Весь ход производства и распределения продуктов совершался под непосредственным воздействием планомерного расчета. Исходя из потребностей членов хозяйствующей самодовлеющей единицы, из учета этих потребностей, хозяйство производило

---

[14] Как выразился К. Маркс («Капитал», т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 49), «. . . чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена».

различные продукты. Учет этот совершался, конечно, в высшей степени несовершенно, но важно не то, хорошо или плохо велось хозяйство, а важно то, что при ведении хозяйства, имевшего непосредственной целью удовлетворение человеческих потребностей, надо было сознательно из этой цели исходить.

Правда, в условиях дотоварного хозяйства, при низком развитии производительных сил, человеческая деятельность в значительной степени зависела от внешних сил природы. Но, приспособляясь к данным непреодоленным силам природы, человек сознательно регулировал свою хозяйственную деятельность.

Не имеет также значения и то, каким образом хозяйство управляется, волей ли единичного властителя, причем все остальные участники хозяйства являются только подчиненными исполнителями господской воли, или же хозяйственный процесс руководится совместной волей всех одинаково равноправных членов хозяйствующей единицы. В этом смысле нет принципиальной разницы между каким-нибудь первобытным племенем и рабовладельческим хозяйством средневековья. В первом характер работы определяется совместной волей всех членов племени, во втором вся работа производится по воле и по указаниям рабовладельца. Принцип производственной деятельности в том и другом случае один и тот же: так как хозяйство само полностью удовлетворяет свои потребности и имеет в виду только свои потребности, оно может вестись и фактически ведется по более или менее определенному плану, основанному на сознательном расчете, на который не может оказывать никакого влияния производительная деятельность другого, даже рядом находящегося племени или рабовладельческого хозяйства. Последнее — полная независимость хозяйственной деятельности одного самодовлеющего хозяйства от другого — имеет особенно важное значение.

И в будущем социалистическом обществе хозяйственная деятельность должна иметь исключительной целью удовлетворение человеческих потребностей, и эти потребности, и только они, будут определять социалистическое производство. Путем учета человеческих потребностей и по определенному разумному плану, построенному на интересах всех членов общежития, будет совершаться производство и распределение продуктов.

Разница между условиями социалистического общества и дотоварного хозяйства, конечно, чрезвычайно велика. Не говоря уже о том, что в социалистическом обществе предполагается абсолютное равноправие всех членов этого общества, что в нем не может и мыслиться какое бы то ни было подчинение одного человека другому, какое бы то ни было угнетение человека, — оно, возникая на основе огромного развития производительных сил, означает максимальную власть человека над природой. Без преувеличения можно сказать, если в дотоварном хозяйстве

природа господствует над человеком, то в социалистическом обществе человек господствует над природой.

Мы говорили, что сознательная воля определяет хозяйственную деятельность человека. Это значит, сознательная воля человека определяет, ч т о́ надо производить, какие блага надо изготовлять, к а к надо производить, какими методами надо работать, с к о л ь к о надо производить, сколько и каких благ должно быть изготовлено и, наконец, к а к произведенные продукты должны быть р а с п р е д е л е н ы.

Указанному принципу совершенно чуждо товарное хозяйство вообще и капиталистическое хозяйство, как развитое товарное хозяйство, в частности [14а].

В самом деле, в товарном хозяйстве организаторов производства непосредственно не интересуют потребности человека; работая на широкий рынок, работая исключительно для п р о д а ж и, производитель заранее не может знать этих потребностей; приобретатель произведенных им благ является для него не потребителем, а покупателем, что, конечно, не одно и то же.

Руководящий, определяющий мотив деятельности организаторов производства заключается не в том, чтобы удовлетворять потребности человека, а в том, чтобы получать прибыль. В товарном хозяйстве всякое отдельное хозяйство формально свободно и совершенно независимо от других хозяйствующих единиц. Интересы других членов общежития чужды отдельному производителю. Хозяину какого-либо предприятия не важно удовлетворить чью-либо потребность, последнее для него является случайным моментом, определяющим его деятельность, — моментом, с которым хотя и надо считаться, но который ни в коем случае нельзя класть в основу своей деятельности.

«Всякая деятельность, развивающаяся в капиталистическом предприятии, — справедливо замечает В. Зомбарт, — направляется уже не строго определенною в количественном и качественном отношении потребностью известной личности или такою же потребностью большинства людей; нет, количественную и качественную стороны деятельности капиталистического предприятия необходимо рассматривать исключительно с безличной точки зрения, с точки зрения реализации капитала» [15].

К тому же потребности эти заранее учесть нельзя. Владельцу предприятия важно только одно: сбыть продукты своего производства и притом сбыть их с возможно большей прибылью.

Прибыль — это альфа и омега капиталистического хозяйства, это — его начало и конец, это — основная категория капиталистического производства, это — основной и определяющий мотив

[14а] Говоря здесь и далее о товарном хозяйстве, автор имеет в виду только стихийное хозяйство, основанное на частной собственности (*Прим. ред.*).

[15] W. S o m b a r t. Der moderne Kapitalismus, B. 1. Berlin, 1903, S. 192.

деятельности производителей, владельцев предприятий, это — цель, в которой тонет все, тонут все человеческие качества и добродетели.

Ради прибыли все возможно и допустимо. «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому» [16].

Как же происходит хозяйственный процесс в капиталистическом обществе?

Ч т о́ следует производить? На первый взгляд кажется, что это всецело определяется волей и желанием производителя, организатора производства, владельца предприятия.

Но так ли это? Может ли предприниматель заранее знать, что́ надо производить? Из каких соображений исходит он при решении, производить тот или иной продукт? Он исходит из того, что на данный продукт есть спрос, что его можно продать, что его купят. Он не исходит из заранее определенных потребностей, ибо этого определения он сделать не в состоянии; он знает, что вообще в продуктах данного рода есть потребность, но есть ли потребность в продуктах его производства, он не знает. Узнает это он только тогда, когда продукты своего производства продаст, т. е., следовательно, только потом, уже после того, как продукт произведен.

С к о л ь к о надо производить, какое количество продуктов может быть изготовлено?

И на этот вопрос предприниматель заранее в своем собственном сознании ответа не находит. Он не может руководствоваться заранее учтенными и вычисленными потребностями, ибо такого учета и вычисления он произвести не может. В своей предпринимательской деятельности он исходит только из предположения, что то количество продуктов, которое будет им произведено, можно будет сбыть, что это количество будет продано. А насколько это предположение правильно, определяется только потом, когда продукты уже произведены: если все произведенные им продукты находят сбыт, значит произведено продуктов столько, сколько нужно; если не все продукты проданы, значит произведено лиш-

---

[16] К. М а р к с. Капитал, т. I. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 23, стр. 770, прим.

нее количество, больше, чем надо. Таким образом, на вопрос, сколько производить, отвечает не сознание, воля человека (производителя), а рынок, безвестный рынок, емкость которого производителю не известна, о чем он узнает только потом, после окончания производственного процесса. В дальнейшем он может исходить из познанного на опыте, но этот опыт всецело определять его хозяйственную деятельность не может. На рынке ему приходится сталкиваться с целым рядом других независимых от него товаропроизводителей, и как сложатся дела на рынке, какова будет рыночная конъюнктура, он заранее учесть не в состоянии. И деятельностью человека в направлении того, сколько надо производить, руководит не сознание и воля, а безвестный, стихийный рынок, на котором сталкивается, конкурирует множество товаропроизводителей и условия которого не могут определяться исключительной волей отдельного продавца или покупателя товаров.

К а к производить? Какие машины надо применять при производстве тех или иных продуктов? Какие методы работы должны быть применены при производстве?

Казалось бы, что это уже во всяком случае определяется свободной волей хозяйствующего субъекта; но на самом деле это происходит далеко не таким образом.

Орудия труда, способы, которыми изготовляются продукты, неизбежно отражаются на ценности их [16а]. И если на рынке появляются товары, изготовленные с помощью более усовершенствованных орудий труда, произведенные более совершенными методами, продукты, изготовленные при менее благоприятных условиях, не могут быть проданы или же могут быть проданы только ниже своей ценности. Совершенно ясно, в этом случае производство на старой основе продолжаться не может. Необходимо производить иначе. Но, что особенно важно, об этом, т. е. о том, что необходимо применять другие методы работы, производитель узнает не до начала производственного процесса, а после, тогда, когда продукты уже произведены. Рынок — это торжище товаров, где все товаропроизводители сталкиваются друг с другом, определяют пригодность тех методов работы, которые применялись отдельными производителями.

Таким образом, и то, ч т о́ надо производить, и то, с к о л ь к о надо производить, и то, к а к надо производить, — все это производитель узнает только на рынке, уже после того, как продукты изготовлены. Рынок в конечном счете руководит хозяйственной деятельностью человека, и правильное хозяйствование определяется приспособлением к рынку, знанием законов этого рынка.

[16а] Здесь и далее автор употребляет термин «ценность» как синоним понятия «стоимость». В современной литературе такое использование понятия «ценность» не принято. В тексте сохранена терминология автора (*Прим. ред.*).

Если при капиталистическом хозяйстве, достигшем большого развития производительных сил, человек в значительной степени освобождается от господства над ним сил природы, то сама структура этого хозяйства, вытекающая из существования частной собственности, основанная на совершенно самостоятельном и независимом хозяйничании отдельных товаропроизводителей, устанавливает значительную зависимость человека от стихийных условий рынка. «Но товарное производство, — пишет Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», — как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, внутренне присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и могут быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями» [17].

Характер хозяйства, с одной стороны, определяется, а с другой стороны, сам оказывает существенное влияние на отношения отдельных членов хозяйства друг к другу, на общественные отношения.

В патриархальной общине, в рабовладельческом хозяйстве, словом, в хозяйствах, имеющих непосредственной целью удовлетворение человеческих потребностей, в хозяйствах, где руководящим и определяющим мотивом деятельности человека является исключительно удовлетворение потребностей человека, отношения людей друг к другу непосредственны. Иван производит хлеб непосредственно для всех членов общежития, Петр — сапоги, Степан — одежду и т. д. Все члены хозяйства связываются друг с другом непосредственно на почве сознательного, планомерного хозяйничания. Связь эта очевидна, непосредственна и проста.

В товарном хозяйстве, в капиталистическом обществе такой непосредственной связи между членами хозяйства нет. Люди входят в соприкосновение друг с другом, люди связываются между собой не как члены одного и того же общественного хозяйства, преследующего определенные, заранее установленные цели, а как контрагенты меновых сделок. Будучи совершенно независимыми друг от друга, люди связываются между собою как покупатели и продавцы. Акт, в котором и посредством которого осуществляется общественная связь, — это обмен.

---

[17] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 283.

В первобытном или рабовладельческом самодовлеющем хозяйстве производство и распределение продуктов совершается по заранее определенному плану; не только производство, но и распределение продуктов является результатом сознательной деятельности человека. В товарном хозяйстве производство определяется, а распределение непосредственно совершается посредством акта обмена. Обмен заменяет сознательную волю, выполняет его роль.

Обмен, являющийся регулятором производства и распределения, становится формой социального общения. И ясно, что в условиях капиталистического хозяйства «в обществе, в котором индивидуумы, с одной стороны, обособлены частной собственностью и разделением труда, а с другой стороны, не могут обойтись одни без других, — только там обмен и приобретает определенность социального акта: его необходимая функция сделать возможным жизненный процесс общества» [18].

2

В современном хозяйстве невозможен непосредственный обмен товара на товар, хлеба на одежду, соли на сахар и т. д. Такой обмен носил бы слишком случайный характер. С другой стороны, в обмене важно не только противопоставление одного хозяйственного блага другому. Имеет большое значение также и момент количественный. Хлеб обменивается на мясо. Но какое количество хлеба должно быть приравнено определенному количеству мяса?

При каждом меновом акте необходимо не только качественно противопоставить блага, но и количественно их соизмерить. Но как возможно это противопоставление и это соизмерение? Что именно при обмене противопоставляется и что соизмеряется?

Предварительно необходимо отметить следующее чрезвычайно важное обстоятельство. В современном капиталистическом хозяйстве всякое благо, как мы уже указывали, принимает форму товара. Какими же признаками характеризуется понятие товара?

Всякое хозяйственное благо в меновом хозяйстве выступает перед нами в двояком значении: во-первых, оно полезно, удовлетворяет непосредственно или посредственно индивидуальные человеческие потребности, и, во-вторых, приобретается и отчуждается посредством акта обмена.

Первое характеризует непосредственное отношение человека к вещи, второе характеризует отношение людей друг к другу по поводу вещи.

Карандаш в моей руке. Непосредственно к нему я отношусь, как к вещи, способной удовлетворить определенную мою потреб-

[18] Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1912, стр. 3.

ность. Но в то же время — это вещь, которую я мог приобрести, только вступив в определенные сношения (меновые) с другим человеком, торговцем.

Первое не предполагает каких-либо общественных связей. Здесь отношения между человеком и вещью непосредственны. Оно не предполагает даже существования общества. И для Робинзона, живущего одиноко на изолированном острове, полезность вещи имеет значение. Но для него не имеет и не может иметь значения способность вещи быть обмененной на другой предмет, ибо он приобретает блага не посредством обмена, не вступая в связь с другими людьми, которых, впрочем, на острове и нет.

Значение блага удовлетворять человеческую потребность, быть для человека непосредственно полезным, образует его потребительную ценность и не имеет общественного характера.

Второе значение блага, способность быть обмененным, возможность его приобретения или отчуждения только путем обмена, служит условием образования его меновой ценности и имеет характер общественный.

Оба указанных значения являются существенными для того, чтобы благо стало товаром. Без первого, полезности, вещь вообще не будет хозяйственным благом; без второго, перехода блага от одного хозяйства к другому только посредством обмена, благо не превращается в товар. Недостаточно, следовательно, простого перехода блага, а важен способ этого перехода — обмен.

«Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, — очень тонко замечает Ф. Энгельс в примечании в 4-м издании «Капитала» К. Маркса, — отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена» [19].

Эти два значения хозяйственных благ, принимающих форму товара, проявляются и в меновом акте. Товары противопоставляются друг другу как потребительные ценности, а соизмеряются друг с другом как ценности меновые [20].

---

[19] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 49.

[20] «Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости. . . Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenständlich-

Для того чтобы быть друг другу противопоставленными, товары должны быть различны; для того чтобы быть соизмерены друг с другом, товары должны заключать в себе нечто общее. Источником их различия, как и сходства, является труд, результатом которого является товар.

Каждый продукт является результатом человеческого труда, затраты человеческой энергии. Но характер труда, превращающего продукты в потребительную ценность, отличен от труда, превращающего блага в ценность меновую.

В самом деле, рассмотрим товар как потребительную ценность. Его значение в этом случае заключается в том, что он удовлетворяет индивидуальную человеческую потребность, притом не потребность вообще, а определенную конкретную потребность. Хлеб удовлетворяет потребность в пище, сюртук — потребность в одежде, дом — потребность в жилище и т. д.

И тот, и другой, и третий продукты являются результатом человеческого труда. Но поскольку мы рассматриваем их как потребительные ценности, как блага, удовлетворяющие определенные человеческие потребности, постольку придется признать, что труд, результатом которого они являются, неодинаков, качественно различен: хлеб — результат труда земледельца, сюртук — портного, дом — каменщика, плотника и т. д.

Сказать, что данный предмет имеет потребительную ценность потому, что заключает в себе человеческий труд, недостаточно. Для товара, как потребительной ценности, важно, что он заключает в себе определенный, конкретный, специфически полезный человеческий труд — земледельца, портного, плотника, каменщика и т. д. Источником и основанием потребительной ценности товара является труд конкретный, определенный, специфически полезный.

Продукт, имеющий потребительную ценность и, значит, являющийся результатом конкретного, специфически полезного человеческого труда, еще не товар. Для того чтобы стать товаром, он должен приобрести общественную форму.

Наблюдение товара, как меновой ценности, возможно только в общественной обстановке, и притом определенной общественной обстановке.

Во-первых, необходимость и возможность скопления противопоставляющихся друг другу благ (товаров), каждое из которых является результатом отдельного рода специфически полезной работы, обусловлено и является выражением общественного раз-

---

keit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость [Wertgegenständlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому» (К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 23, стр. 56).

деления труда. Товарное хозяйство немыслимо без разделения труда. Хотя, с другой стороны, необходимо заметить, что разделение труда существует и в нетоварном хозяйстве. «В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда» [21]. Разделение труда, таким образом, недостаточно для того, чтобы был возможен обмен.

Для этого необходимо, во-вторых, не только, чтобы противопоставлялись блага различных полезностей, но чтобы каждое благо было собственностью своего владельца; причем каждое благо должно удовлетворять потребность не его собственника, а другого лица, к которому оно переходит в результате меновой сделки.

Общественная обстановка, при которой совершается обмен и в которой проявляется ценность продуктов, составляет рынок, сборище товаров, т. е. благ, имеющих определенную полезность, и которые для того, чтобы выполнять свое назначение, т. е. удовлетворить человеческую потребность, должны быть приобретаемы и отчуждаемы только посредством обмена, купли-продажи.

Как же возможен обмен? Какие условия необходимы для возможности меновой сделки?

Иван обменивается своими продуктами с Петром. Это значит, что продукт Ивана имеет потребительную ценность для Петра и, наоборот, продукт Петра имеет потребительную ценность для Ивана. Но для того чтобы данная меновая сделка осуществилась, очевидно, необходимо, чтобы продукты Ивана и Петра качественно различались друг от друга. Если Иван — собственник обуви, то Петр, очевидно, собственник не обуви, а чего-либо другого, например платья. Без такого качественного различия продуктов обмен невозможен. Качественное же различие продуктов определяется качественным различием конкретного труда, воплощенного в обмениваемых товарах.

Но, с другой стороны, это качественное различие служит и препятствием для обмена. Как можно сравнивать качественно различные продукты? При обмене продукта на продукт происходит какое-то сравнение. На рынке обменивается десять фунтов сахара на один фунт чая: десять фунтов сахара приравнивается одному фунту чая. Но почему одному фунту, а не двум или трем? Очевидно, между десятью фунтами сахара и одним фунтом чая существует какая-то связь.

---

[21] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 50—51.

Обмен был обусловлен качественным различием продуктов, но, с другой стороны, обмен может быть осуществлен только в том случае, если между качественно различными продуктами есть *количественное* сходство.

В чем же может заключаться это сходство? Единственно только возможный правильный ответ дает К. Маркс. Это сходство не может заключаться в потребительной ценности продуктов, ибо, как таковые, они качественно различны, что обусловило возможность обмена. Для того чтобы определить сходство продуктов, нельзя исходить из их полезности, из характера тех видов конкретного, специфически полезного труда, результатом которого они явились. Таким путем можно найти только различие между продуктами.

Для того чтобы найти сходство между обмениваемыми продуктами, необходимо отвлечься от того, что они являются результатом (различного) конкретного, специфически полезного труда. А «если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы» [22], что он является результатом просто человеческого труда, труда вообще, отвлеченного от его конкретных свойств, абстрактного человеческого труда.

«Элементами, созидающими потребительные стоимости сюртук и холст, портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда» [23].

Основу различия между обмениваемыми товарами составляет различие воплощенного в них конкретного труда, основу сходства — одинаковость абстрактного труда. Следовательно, как различие, так и сходство определяются путем «отнесения» к воплощенному в товарах труду.

Но правильно ли вообще это «отнесение» к труду?

На этот вопрос двух ответов быть не может, поскольку мы останемся в сфере экономического анализа, а не технических изысканий.

В самом деле. Необходимо помнить, что меновый акт является по существу актом социальным. Посредством обмена люди становятся в определенные отношения друг к другу. Поэтому искать основание обмена одного товара на другой в самих товарах значило бы впасть в «товарный фетишизм». Основание социальных отношений необходимо искать в человеке, в проявлениях чело-

[22] Там же, стр. 52.
[23] Там же, стр. 54.

веческой деятельности. Искать общее между обмениваемыми товарами в самих товарах — дело товароведа; экономическая наука, изучающая социальные отношения, ищет его в отношениях людей друг к другу. Не отношение человека к вещи составляет предмет экономического анализа, а отношение человека к человеку по поводу вещи.

Ценность определяется трудом не потому, как это думают многие «критики», что в обмениваемых друг на друга различных товарах общим является только труд. Когда Бем-Баверк в свое время опровергал Маркса указанием на то, что общее между товарами можно найти не только в труде, он не только был неубедителен, а просто обнаруживал полнейшее непонимание всей теоретической концепции Маркса. Ценность определяется человеческим трудом потому, что в акте обмена в конечном счете приравниваются не вещи с их конкретными свойствами, а нечто вытекающее из человеческой деятельности, что приводит одного человека в связь с другими людьми. И если уж надо для приравнивания искать что-либо общее, то не между вещами, а между людьми, вступающими в связь. А этим общим может быть только человеческий труд.

Таким образом, для возможности обмена необходимо одновременно качественное различие и количественное сходство. Источником качественного различия является различие конкретных родов труда; источником количественного сходства является сходство труда абстрактного, отвлеченного от конкретных своих свойств, представляющего труд вообще, затрату человеческой энергии, мускулов, нервов, мозга и т. д.

В каждом меновом акте приходится противопоставлять полезности и соизмерять ценности, противопоставлять качественно различные виды конкретного специфически полезного труда и соизмерять количественно труд абстрактный.

Каждый товар в меновом акте является перед нами одновременно как представитель труда конкретного и как воплощение труда абстрактного.

Последнее имеет не меньшее, если не большее значение для возможности фактического осуществления меновой сделки. Это же обстоятельство чрезвычайно осложняет непосредственный обмен товара на товар.

В развитом товарном хозяйстве, в капиталистическом обществе такой обмен невозможен. Хозяйство, которое имеет дело с огромным количеством разнообразных продуктов, не может совершать обмена непосредственно товара на товар. В самом деле. Хлеб обменивается на мясо. Но хлеб обменивается также на тысячи, миллионы других продуктов. С другой стороны, и мясо обменивается не только на хлеб, но и на миллионы других продуктов. То же надо сказать и о всех циркулирующих на рынке товарах.

При каждом акте обмена необходимо качественно противопоставлять продукты и количественно их соизмерять. Количественно их соизмерять значит определять количество воплощенного в каждом товаре абстрактного, отвлеченного от всех его конкретных свойств, общественно необходимого труда. Для того чтобы определить это количество, необходимо иметь нечто, которое бы явилось чистым воплощением абстрактного труда, через посредство которого можно было бы приравнивать товары друг другу, количественно соизмерять воплощенный в каждом товаре абстрактный человеческий труд.

Приспособляясь к выдвинутым меновым хозяйством требованиям, общество стихийно выделяет один какой-либо товар, на долю которого падает роль воплощать в себе абстрактный человеческий труд, а поэтому выражать ценность всех других товаров, соизмерять их друг с другом. Этот товар, который служит воплощением абстрактного человеческого труда, а поэтому выражает ценность всех других товаров, и при посредстве которого совершается и может совершаться обмен, этот товар — деньги.

В каждом меновом акте происходит взаимная передача эквивалентов; деньги, как выразитель абстрактного человеческого труда, являются всеобщим эквивалентом.

Товар, выполняющий роль денег, остается товаром, который можно рассматривать и как результат труда конкретного, специфически полезного, и как результат труда абстрактного; но, рассматривая данный товар как деньги, в нем надо видеть воплощение только абстрактного человеческого труда.

Но разве деньги, как таковые, не имеют определенной полезности? В их социальном значении, в функциях, ими выполняемых, как раз и заключается их, только им свойственная, полезность. В этом смысле нельзя ли говорить о потребительной ценности денег?

На этот вопрос едва ли можно ответить утвердительно. В самом деле. Когда мы говорим о полезности товара, как источнике его потребительной ценности, мы разумеем способность его удовлетворять конкретную индивидуальную человеческую потребность, способность его удовлетворить потребность человека как отдельного индивидуума. Полезность же денег, заключающаяся в том, что они удовлетворяют потребность людей вообще, людей, связанных в общежитии, имеет ясно выраженный социальный характер.

Полезность всякого блага обнаруживается и вне общества, в отношениях человека к вещи; полезность же денег обнаруживается только в общежитии, в отношениях людей друг к другу, в определенном социальном укладе, где люди соединены и противостоят друг другу как товаровладельцы. В отдельной хозяйствующей единице в отношениях отдельных членов, например

семьи, деньги не имеют никакой полезности, в них нет никакой надобности. Потребность в деньгах, их полезность обнаруживается только в отношениях этой отдельной хозяйствующей единицы к другой как самостоятельных товаровладельцев. Вне отношений товаровладельцев деньги не имеют никакой полезности. Социальная полезность денег несомненна, но деньги, как таковые, непосредственно не являются средством удовлетворения индивидуальных человеческих потребностей.

Деньги являются категорией не только исторической, но и социальной исключительно.

Выделение товара денег из ряда других товаров и противопоставление денег в качестве выразителя их ценностей, воплотителя абстрактного человеческого труда, может быть иллюстрировано следующим примером, приводимым К. Марксом:

«Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чаши весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть» [24], так, прибавим мы, и деньги в качестве определителя ценности представляют собою только воплощение абстрактного человеческого труда. Гиря в процессе взвешивания играет роль определителя веса и, как таковая, противопоставляется всем товарам. Деньги в процессе обмена играют роль объединителя, всеобщего эквивалента и противопоставляются всем товарам.

Хлеб уже не обменивается непосредственно на мясо. Хлеб обменивается на деньги, а на деньги покупается мясо. Но на деньги можно купить не только мясо, но любой другой продукт.

---

[24] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 66.

Обладать деньгами означает в капиталистическом хозяйстве обладать любым товаром.

Если обладатель хлеба, мяса, холста и т. д. может считаться владельцем определенной конкретной полезности, то владелец денег является владельцем ценности вообще, абстрактной ценности, которая обладает способностью превратиться в любую конкретную полезность.

3

В развитом товарном хозяйстве деньги не только облегчают обмен, не только делают возможным самый обмен, но, представляя собой на первый взгляд только форму, в действительности включены в самое существо всей системы современных экономических отношений.

В товаре, этой «элементарной форме» богатства капиталистического общества, как было указано, скрывается внутреннее противоречие. Раздвоение товара как потребительной ценности и ценности меновой, как продукта конкретной специфически полезной работы и сгустка абстрактного человеческого труда создает внутреннее противоречие и оно должно быть разрешено и разрешается возникновением чистого воплощения ценности, воплощения абстрактного труда. Существование товара необходимым образом требует существования денег как противоположности товара, разрешающего внутреннее противоречие, скрывающееся в самом товаре.

«Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги» [25].

Возможность самого существования и развития товарного,

---

[25] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 96—97. К этому в примечании К. Маркс добавляет: «Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоположность между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм».

в особенности развитого товарного, капиталистического хозяйства, обусловливается существованием денег, посредством которых товары лишаются своих качественных различий и выявляют только свое количественное сходство. «Деятельность, развивающаяся в капиталистическом предприятии, всегда и повсюду может быть сведена к известной сумме договоров двух сторон о действиях, получающих оценку в деньгах. . . Получив выражение во всеобщем товарном эквиваленте, в деньгах — этой воплощенной меновой ценности, все содержание договоров о доставке товаров или работ лишается всякого следа качественных различий и приобретает чисто количественное выражение; благодаря этому открывается возможность подсчетов результатов капиталистического предприятия в арифметических величинах дебета и кредита. В том, чтобы в «должен» и «имеет» главной книги заключалось сальдо в пользу капиталистического предприятия, в этом эффекте заключаются все успехи и все содержание действий, совершаемых в капиталистической организации» [26].

Деньги не являются случайным элементом капиталистического хозяйства. В капиталистическом хозяйстве люди непосредственно друг с другом не связаны. Как самостоятельные товаропроизводители люди связываются друг с другом посредством обмена; обмен же предполагает существование денег, как всеобщего эквивалента.

Не потому современное хозяйство является товарным, что оно — денежное хозяйство; оно является денежным хозяйством потому, что оно товарное. Но при помощи денежной формы товарное хозяйство превращается в капиталистическое.

Как нельзя представить себе капиталистического хозяйства без обмена, так нельзя представить себе его и без денег. В условиях капиталистического хозяйства деньги являются неотъемлемым, органическим элементом народного хозяйства, выполняющим важную общественную роль.

Обмен немыслим без возможности абстрагирования от конкретных свойств товаров, от их качественной характеристики, а это абстрагирование достигается посредством употребления денег. Поэтому не преувеличением являются слова Вернера Зомбарта, что «пока общество не воплотило своих представлений о ценности в такой абстрактной форме всеобщего товарного эквивалента, как деньги. . ., до той поры капитализм не может быть даже мыслимым. Только при осуществлении этой предпосылки и мыслима расчетливость хозяйственных действий, характеризующая самое существо капиталистического предприятия; только тогда и мыслимо беспрепятственное, непрерывное заключение сделок, руководимое числовым подсчетом всякого отдельного момента в них

---

[26] W. Sombart. Der moderne Kapitalismus, B. 1. Berlin, 1903, S. 193.

и составляющее внутреннее ядро капиталистического предприятия» [27].

Раньше мы говорили, что обмен является актом общественным, делающим возможным само существование капиталистического хозяйства. Обмен осуществляет общественную связь.

Деньги, этот «товар всех товаров», воплощение абстрактного человеческого труда, являются, таким образом, средством, через которое общественная связь осуществляется. Деньги являются орудием социального сцепления. Еще Карлейль как-то заметил, что деньги являются единственным связующим элементом общества в условиях капиталистического хозяйства.

К этому надо прибавить еще следующее, весьма существенное обстоятельство.

Капиталистическое хозяйство, и в этом его отличие от простого товарного хозяйства, характеризуется не только определенным методом связи между собственниками товаров, обменом, но и специфической формой связи владельцев орудий производства и рабочих, капиталистов и пролетариев. Специфический характер этой связи (выражающийся не в простом господстве, что было и до капитализма), создающий возможность присвоения продуктов труда свободных рабочих, обусловливается существованием денег как носителей абстрактной ценности, обладающей свойством превращаться в любую конкретную полезность.

Капиталистическая эксплуатация предполагает сосредоточение определенной массы ценностей в виде орудий производства в руках отдельных лиц. Но это сосредоточение невозможно было бы, если бы не было денег.

Для возможности эксплуатации чужой рабочей силы необходимо приобрести как самую эту рабочую силу, так и другие разнообразные товары: машины, вспомогательные материалы и т. д. Но для того чтобы приобрести эти разнообразные предметы, необходимо предварительно иметь нечто, обладающее способностью превратиться в любой из обращающихся на рынке товаров.

Возможность для товаров превращаться в капитал зависит от соединения их в определенной комбинации, возможность денег превращаться в капитал зависит только от их количества. Деньги обладают максимальной способностью превращаться в капитал.

Таким образом, если из товарного хозяйства возникают деньги, то развитие капиталистического хозяйства предполагает существование денег, денежных форм обмена. Развитие товарного хозяйства сводится к развитию денежных форм обмена, деньги же обслуживают превращение товарного хозяйства в капиталистическое. Развитый товарный обмен делает необходимым существо-

[27] Ibid., S. 202.

вание денег, деньги же являются предпосылкой капиталистических методов эксплуатации.

Товарное хозяйство, развиваясь, превращается в капиталистическое. В этом процессе надо видеть не только количественное нарастание, но и качественное перерождение. Количество переходит в качество! Этот переход находит свое выражение в том, что деньги становятся уже не только «товаром всех товаров», но и превращаются в капитал.

Нельзя уничтожить деньги, сохраняя товарное хозяйство, тем более нельзя уничтожить деньги, сохраняя капиталистические методы присвоения продуктов чужого труда.

В условиях капиталистического хозяйства деньги являются не случайным, а органическим элементом его; в деньгах капиталистическое хозяйство находит не только количественное свое выражение, но и качественную характеристику (возможность специфических форм эксплуатации человека человеком).

Глубокой ошибкой поэтому является точка зрения, по которой деньги имеют второстепенное значение, согласно которой они служат только для облегчения оборота.

Не следует преувеличивать значения денег, но не надо его и преуменьшать. А между тем, взгляд на деньги, как на удобство только оборота, чрезвычайно распространен среди широкой публики и находит защитников даже среди видных представителей экономической науки.

Мы находим эту точку зрения у Адама Смита, который считает возможным сравнивать деньги с шоссе, «по которому удобнее... доехать до дома».

Джон Стюарт Милль в одном месте своего труда пишет: «. . . в общественной экономии деньги по своему внутреннему значению самый ничтожнейший предмет во всех отношениях, кроме того, что служат они способом, уменьшающим трату времени и труда. Деньги — машина для быстрого и удобного исполнения того, что делалось бы и без них, хотя не так быстро и удобно» [28].

И по мнению Книса, автора известной работы о деньгах, деньги не вносят чего-либо абсолютно нового в хозяйственную жизнь, но только облегчают процессы, необходимые во всяком общественном хозяйстве, даже и лишенном денег [29].

Взгляд этот, как вытекает из всего вышеизложенного, глубоко ошибочен. Деньги служат не только средством облегчения оборота, деньги осуществляют самый оборот; деньги в той же мере присущи капиталистическому хозяйству, в какой им присущ товар.

Кроме того, — и это другая, не менее существенная часть во-

---

[28] Д. С. Милль. Основания политической экономии, т. II. СПб., 1873, стр. 8.

[29] K. Knies. Das Geld. Berlin, 1885, S. 9.

проса, — так как капиталистическое хозяйство состоит из товаровладельцев и так как экономическая их связь осуществляется лишь как связь товаровладельцев, вступающих во взаимные меновые отношения, то орудие этой связи — деньги — приобретает особое социальное значение.

«Деньги, — справедливо замечает А. М. Рыкачев, — являются общей связью, соединяющей нас в то, что называется организмом народного хозяйства. Они связывают потребителей с производителями, рабочих с капиталистами, капиталистов с покупателями. Они служат общей формой экономических отношений нашего времени» [30]. А потребитель и производитель, рабочий и капиталист, продавец и покупатель в своих взаимных отношениях в условиях современного капиталистического хозяйства выступают товаровладельцами, и акт, посредством которого осуществляется их связь, является актом обмена.

Обмен является актом чрезвычайно большой социальной важности; с другой стороны, всякая меновая сделка — акт весьма сложный. На почве обмена в каждой меновой сделке возникают сложные и большой важности социальные отношения. Как и все другие человеческие отношения, развивающиеся в условиях капиталистического хозяйства, социальные отношения, возникающие на почве обмена, должны найти какое-либо внешнее выражение.

Деньги как всеобщий эквивалент, как сгусток абстрактного человеческого труда, концентрируют в себе социальный момент меновых сделок, из которых развиваются капиталистические связи, они выражают собою те общественные отношения, которые возникают на почве обмена. Сложный комплекс социальных отношений, возникающих на почве обмена, находит свое в н е ш н е е выражение в деньгах.

Отсюда же ясно, конечно, что когда мы говорим о деньгах, мы разумеем отнюдь не вещь, а определенные социальные отношения; поскольку же в условиях капиталистического хозяйства всякие социальные отношения находят свое отражение в вещах (так называемый товарный фетишизм), постольку и деньги, как социальное отношение, должны находить и находят свое воплощение в вещах. В товарном хозяйстве продукт превращается в товар и товар в деньги. Продукт, товар, деньги — все это характеризует различные формы социальных связей, хотя и тот, и другой, и третий могут иметь одинаковое материальное (природное) бытие. Золото — продукт, золото —товар, золото — деньги, — и в том, и в другом, и в третьем случае одинаково золото, как определенное материальное благо, но во всех случаях мы имеем дело с различными общественными отношениями. Вот почему неправильно сводить деньги к вещам, ибо если деньги

[30] А. М. Р ы к а ч е в. Деньги и денежная власть. СПб., 1910, стр. 6.

нам и представляются как вещи, то только в их общественном выражении.

«Деньги — не вещь, а общественное отношение», — писал К. Маркс еще в «Нищете философии» [31].

То, что деньги предстают перед людьми, как нечто совершенно отличное от всех других товаров, лишенное всех своих конкретных материальных свойств и в то же время представляют для человека нечто, могущее принять любую материальную форму в виде любого товара, и, с другой стороны, то, что деньги являются выразителем социальных отношений и как бы концентрируют в себе сущность современного социального бытия, способствует тому, что деньги превращаются в фетиш, которому человек поклоняется. Если офетишировање товаров вообще свойственно капиталистическому человеку, то по отношению к деньгам, «товару всех товаров», это офетишировање достигает своего апогея. И прав Гуке, который вкладывает в уста жителя другой планеты, с удивлением наблюдающего человеческую жизнь, следующие слова: «Чем больше я замечал, что без этих бумажек (банкнот) и пластинок (монет) эти существа ничего не могут делать, что они встают с ними, целый день с собою носят и с ними же ложатся в постель, я утверждался в мнении, что тут мы имеем дело с фетишем. Торговцы предметами питания отдают за них свои товары, рабочие надрываются от работы, повивальные бабки доказывают свои услуги роженицам, священники крестят и венчают, молодые девушки отдаются старым мужчинам, их так называемые мыслители мыслят и т. д. Никто от этого фетиша никогда не избавляется и никто не уходит от него; он постоянный спутник каждого от рождения до самой смерти. У людей так сильна вера в этот пустяк (Bettel), что если кто-либо его не имеет, он обречен на голодную смерть, если бы даже кругом были избытки. Не имеющий этих записок или пластинок даже не осмеливается претендовать на эти излишки. У людей чувство зависимости от этих пластиночек сильнее чувства самосохранения» [32].

Деньги являются внешним (вещным) выражением социальных отношений, возникающих на почве меновых сделок. В этом определении подчеркивается социальный характер денег, чем, следовательно, определяется общественная их роль; с другой стороны, подчеркивается, что деньги являются лишь внешним выражением социальных отношений, чем определяется относительность значения денег.

---

[31] К. Маркс. Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 110.

[32] Hucke. Das Geldproblem und die soziale Frage, B. III, S. 270.

Глава вторая

ФУНКЦИИ ДЕНЕГ

1

Из того значения, которое деньги как всеобщий эквивалент, как выразитель абстрактного человеческого труда имеют в народном хозяйстве, из той роли, которую они выполняют в общежитии, из их сущности служить внешним выражением социальных отношений, возникающих из меновых сделок, вытекает целый ряд специальных функций, ими выполняемых.

Деньги служат для соизмерения товаров; воплощая ценность вообще, деньги измеряют ценность всех других товаров, выполняют функцию мерила ценностей. Без мерила ценностей невозможно соизмерение товаров, следовательно, невозможен и самый обмен. Для того чтобы сравнивать товары друг с другом, товары качественно различные, необходимо приравнивать их к чему-нибудь третьему, которое выражает собою то, что есть общего в обмениваемых товарах, — абстрактный человеческий труд.

Кроме того, необходимо найти количественное выражение абстрактного человеческого труда, заключенного в каждом товаре. Ценность товаров находит свое количественное определение посредством денег. Цена и является формой определения ценности товаров, денежным выражением их ценности. Выполняя функцию мерила ценностей, деньги выражают ценность всех других товаров, дают им количественную оценку, определяют их цену.

Будучи внешним выражением социальных отношений, возникающих на почве обмена, деньги как мерило ценностей являются одной из форм этого внешнего выражения. Социальные отношения, непосредственно вытекающие из меновых сделок, представляют собой сложный комплекс отдельных социальных актов, тесно между собою связанных, но в то же время по своему внутреннему содержанию совершенно различных и фактически могущих быть расчлененными. Деньги как мерило ценностей являются формой внешнего выражения одного из актов сложного социального отношения, базирующегося на меновых сделках, — акта оценки товаров, определения количества абстрактного человеческого труда, воплощенного в товарах, по поводу которых контрагенты входят в меновую связь.

Обмен товара на товар не совершается непосредственно. Земледелец, нуждающийся в мясе, не обменивает непосредственно хлеб на мясо; он обменивает (продает) хлеб на деньги, а потом деньги обменивает (покупает) на мясо. Обмен, таким образом, совершается через посредство денег; обращение товаров, переход их из рук в руки происходит при помощи денег; деньги являются тем средством, при помощи и с участием которого совершается товарообмен; деньги при этом выполняют функцию о р у д и я о б р а щ е н и я (обмена) товаров.

Выполняя эту функцию, деньги не только облегчают обмен, они делают возможным самый обмен. В хозяйстве, в котором циркулируют миллионы товаров различного качества и достоинства, различной полезности и ценности, переход товаров из рук в руки невозможен без орудий обращения товаров. Отсутствие орудий обращения разрывает связь между отдельными хозяйствами, разрушает организм менового хозяйства. Все товары постепенно уходят из сферы товарного оборота, потребляются; деньги как орудие обращения товаров остаются постоянно в этой сфере, являются постоянным членом товарообмена. Деньги как орудие обращения товаров являются формой внешнего выражения социального акта, связанного с передачей товара из рук в руки, — акта, который является одним из моментов сложного социального отношения, обусловливаемого меновой сделкой.

Деньги являются посредствующим звеном между товарами при их обмене: товар обменивается на деньги, деньги обмениваются на товар. Но возможны и такие меновые сделки, при которых деньги непосредственно не выступают: так называемые кредитные сделки, при которых взаимная передача эквивалентов происходит не одновременно. Иван заключает кредитную сделку с Петром. Иван передает Петру какие-либо товары, но денег от него непосредственно не получает, платеж денег отсрочен. Срок уплаты денег (возврата эквивалента) наступает спустя некоторое время, когда Петр, в свою очередь, продал купленные им товары третьему лицу, когда товары эти, может быть, уже потреблены. Деньги в этом случае выступают не посредствующим членом акта обмена, купли-продажи; деньги являются заключительным звеном в цепи товарного обмена; деньги в этом случае выполняют функцию о р у д и я п л а т е ж а. Деньги как орудие платежа создают возможность развития и распространения кредитных сделок, кредита вообще, имеющего огромное значение в современном хозяйстве. Деньги как орудие платежа являются формой выражения социальных отношений, базирующихся на кредитных сделках.

Сохраняя любые продукты, человек сохраняет определенные конкретные полезности. Сохраняя мясо, человек сохраняет нечто, могущее удовлетворить его потребность в питании; сохраняя ткань, человек сохраняет нечто, способное удовлетворить

его потребность в одежде, защитить его от холода, удовлетворить его эстетические вкусы и т. д. Сохраняя же деньги, человек сохраняет не только или, вернее, не столько определенную конкретную полезность, сколько ценность вообще, нечто, способное превратиться в любой товар, следовательно, нечто, могущее удовлетворить любую из его потребностей. Деньги, таким образом, служат средством сохранения ценностей. Здесь именно важно сохранение ценности вообще, могущей, следовательно, быть превращенной в любой товар, потенциально составляющей любой товар; деньги, по выражению Г. Зиммеля, дают обладателю их «возможность выбрать любой товар из неопределенно большого их числа» [1].

Но гораздо важнее следующее обстоятельство.

Обмен в условиях капиталистического хозяйства вызывает необходимость в создании возможности сохранять ценность в абстрактной ее форме, ибо, как бы ни был беспрерывен обмен, для каждого отдельного товаровладельца может явиться необходимость хотя бы на время уйти с рынка; кроме того, в различные фазисы хозяйственного цикла темп товарообмена различен; наконец, характер всего капиталистического производства и обмена таков, что даже в одном и том же фазисе для нормального и беспрерывного оборота всего общественного капитала в целом необходимо, чтобы известная часть богатства находилась бы в форме сокровища, в запасе, в денежной форме. Так что и функция денег служить средством сохранения ценностей характеризует не индивидуальное отношение человека к вещи, а носит социальный характер и имеет социальное содержание. Социальные отношения, возникающие непосредственно на почве обмена, распадаются на целый ряд социальных актов; сохранение ценности в абстрактном ее виде является одним из этих актов; деньги как средство сохранения ценностей и являются формой выражения этого социального акта [1а].

Разнообразие специальных функций, выполняемых деньгами, вытекает из важной социальной роли, играть которую выпадает на их долю в условиях развитого товарного хозяйства, каким является современный капитализм, из существа денег, как внешнего (вещного) выразителя определенных социальных отношений.

Все функции денег тесно между собою связаны и одна из другой вытекает; но, что самое важное и что особенно надо подчеркнуть, выполнение деньгами различных функций обусловливается самой сущностью денег как социального явления, как

---

[1] G. S i m m e l. Philosophie des Geldes. München — Leipzig, 1922, S. 193.

[1а] Здесь рассматриваются лишь функции денег, выполняемые ими внутри данной страны. Кроме того, имеется функция мировых денег (*Прим. ред.*).

всеобщего эквивалента, как воплотителя и выразителя абстрактного человеческого труда.

Функции денег вытекают из их сущности, а не сущность денег определяется их функциями. Поэтому ошибочными нам кажутся попытки определить понятие денег по их функциям, как это делается господствующими направлениями.

Прав Кассель, когда он отрицает правильность определения денег свойствами вещи, как это иногда делают так называемые металлисты, но он не прав, когда противопоставляет им определение денег по их функциям.

Деньги выполняют ряд функций, и если определять сущность денег по их функциям, то, естественно, приходится оценивать каждую из этих функций и при определении понятия денег фиксировать свое внимание на одной из них, которая почему-либо кажется наиболее существенной.

Так называемые металлисты обращают главное внимание на функцию денег служить мерилом ценностей и орудием обращения. К. Книс, например, приходит к заключению, что деньги выполняют ряд функций: 1) мерила ценностей, 2) орудия обмена, 3) всеобщего платежного средства, 4) средства сохранения ценностей во времени и 5) средства перенесения ценностей, передачи их в пространстве.

Главной функцией, полагает Книс, надо считать функцию мерила ценностей. Соответственно этому деньги можно определить как товар, выполняющий функцию мерила ценностей. Это определение будет неполное, но все же включающее в себе самое существенное. Но можно дать и полное, исчерпывающее определение денег, и такое определение должно включать все присущие деньгам функции. Исчерпывающим образом деньги надо определить как товар, выполняющий функции мерила ценностей, орудия обращения, всеобщего платежного средства, средства сохранения ценностей во времени и средства перенесения ценностей.

Другие, и таких большинство, фиксируют свое внимание на функции денег служить орудием обращения, полагая эту функцию основной, а все другие второстепенными, производными. Так, например, Менгер полагает, что понятие о деньгах исчерпывается указанием на функцию орудия обращения [2]. К такому же пониманию приближается и Гельферих, автор одной из лучших работ, посвященных проблеме денег, когда он предлагает под деньгами понимать совокупность благ, которые в данном хозяйстве, в виде общего правила, служат средством перемещения ценностей между хозяйствующими индивидами [3]. Вагнер, раз-

[2] C. Menger. Geld. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. IV, Jena, 1909, S. 555.

[3] K. Helfferich. Geld und Banken. 1 Teil. Das Geld. Leipzig, 1923, S. 260 и сл. Гельферих, правда, говорит, что при определении денег надо исходить не из их функций, а из того положения, которое занимают день-

личая деньги в юридическом смысле и экономическом, думает, что деньги, как экономическая категория, определяются двумя функциями: мерила ценностей и орудия обращения [4].

По мнению Лотца, деньгами являются те блага, которые выполняют функции орудия обращения и мерила ценностей и в качестве таковых являются носителями потребительной и меновой ценности [5].

Филиппович полагает, что понятие денег охватывается двумя экономическими функциями — орудия обмена и меры стоимости, а также одной не чисто экономической функцией — законного платежного средства [6].

На прямо противоположной точке зрения стоят так называемые номиналисты. Они исходят из функции денег служить платежным средством; только эта функция привлекает их внимание, ею они полагают возможным исчерпать понятие денег. Таковы номиналисты средних веков, таковы и номиналисты нового времени, наиболее ярким и оригинальным представителем которых является Кнапп.

Несмотря на огромное расхождение двух основных направлений в учении о деньгах, металлистов и номиналистов, есть у них и общее, с нашей точки зрения, глубоко неправильное. Общее заключается в том, что как те, так и другие пытаются определить сущность денег через их функции [7]. А это обстоятельство служит для металлистов препятствием выяснить природу и возможность циркуляции бумажных денег [8]; номиналистам же это обстоятельство препятствует понять значение металлических денег и побуждает их в противоречие со всем историческим опытом утверждать, что бумажные деньги — это лучшие деньги.

ги во всем хозяйственном организме. Но фактически и он исходит, в конечном счете, из функции денег служить орудием обращения. В самом деле, Гельферих разделяет все хозяйственные блага на две группы: потребительные (Konsumgüter) и посредствующие (Mittelsgüter). Деньги являются одной из разновидностей второй группы. Посредствующие блага могут быть трех видов: во-первых, производственные блага в узком смысле этого слова; во-вторых, перевозочные средства или средства интерлокального перемещения ценностей и, в-третьих, средства интерперсонального перемещения ценностей. К последней категории благ и надо отнести деньги.

[4] A. Wagner. Geld und Geldwesen. Leipzig, 1909, S. 115, 116.

[5] W. Lotz. G. Knapp's neue Geldtheorie. «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich». Heft 3, 1906, S. 346.

[6] E. Philippovitch. Grundriss der politischen Oekonomie, B. 1. Tübingen, 1919, S. 270.

[7] По мнению Уокера (Walker), например, деньги — это предметы, выполняющие денежные функции. «Money is that money does» («Сущность денег выражается тем, что они делают». — *Ред.*); J. L. Laughlin. Principles of Money. London, 1916, p. 290.

[8] Для К. Книса, например, бумажные деньги — это nonsens. Сказать «бумажные деньги», все равно, что сказать «бумажные булки» (K. Knies. Das Geld. Berlin, 1885, S. 352).

Функции денег как всеобщего эквивалента, как воплотителей абстрактного человеческого труда, как выразителей того, что обще всем товарам и что выявляется при обмене товаров, вытекают из их существа, как формы вещного выражения определенных социальных отношений, а не наоборот — сущность денег не может определяться их функциями.

Деньги — всеобщий эквивалент — выполняют ряд специальных функций; это значит, что «работа» денег весьма разнообразна. Разнообразие же деятельности денег имеет большое значение в том смысле, что открывает возможность различных форм проявления денег. Деньги могут принять одну форму тогда, когда они должны выполнять функцию мерила ценностей, другую форму тогда, когда они выполняют функцию орудия обращения, и т. д.

И те требования, которые предъявляются к деньгам как к выполнителям отдельных функций, не одинаковы. К деньгам как мерилу ценностей должны быть предъявлены одни требования, как к орудию обращения — другие, как к средству сохранения ценностей — третьи и т. д.

2

Попытаемся рассмотреть отдельные функции денег с точки зрения циркуляции денег. Не представляют ли отдельные функции денег каких-либо особенностей при обращении денег, т. е. тогда, когда деньги находятся, так сказать, на работе?

Эти особенности можно заранее предполагать. Деньги как выполнители различных функций являются лишь различными формами внешнего выражения определенных социальных отношений, или, точнее, формами внешнего (вещного) выражения различных социальных актов, в своей совокупности образующих сложный комплекс отношений, вытекающих из обмена. Различие самих социальных актов должно обусловить различие форм внешнего их выражения.

Дело, следовательно, сводится к тому, чтобы попытаться расчленить весь комплекс отношений, возникающих на почве меновых сделок, на отдельные социальные, различающиеся по своему смыслу и содержанию акты.

Остановимся главным образом на двух функциях денег: мерила ценностей и орудия обращения.

Ясно, конечно, что обе эти функции тесно между собой связаны, но, с другой стороны, внимательное их рассмотрение может показать, что деньги циркулируют несколько иначе в зависимости от того, какую функцию они в тот или иной момент меновой сделки выполняют: функцию мерила ценностей или функцию орудия обращения.

Возьмем для примера любую сделку купли-продажи. Иван продает Петру сапоги за 50 руб. Иван, следовательно, передает Петру сапоги и, в свою очередь, получает от Петра 50 руб.

Какие функции выполняют деньги в этой меновой сделке? Очевидно, функцию мерила ценности и функцию орудия обращения.

Попытаемся теперь расчленить самую меновую сделку на отдельные акты. Всякую меновую сделку можно прежде всего расчленить на два имеющих самостоятельное значение социальных акта.

Первый: сапоги оцениваются, обе стороны соглашаются с тем, что сапоги эквивалентны (равны по ценности) 50 руб. Это — момент оценки товара, момент чрезвычайно важный, без которого дальнейшее течение меновой сделки невозможно. Этот момент присущ каждой меновой сделке. Мы приходим в магазин купить себе одежду, обувь, книгу и т. п. Мы прежде всего спрашиваем, сколько стоит та или иная вещь. Торговец нам отвечает, называет ту или иную цену. Мы можем, смотря по обыкновению данного магазина, торговаться и в результате приходим к какому-нибудь соглашению: одежда оценивается в 100 руб., обувь — в 50 руб., книга — в 5 руб. Согласие достигнуто и оценка, на которую соглашаемся и мы — покупатели, и торговец — продавец, произведена. Если согласие не достигнуто, сделка не может быть закончена.

Второй момент меновой сделки: переход товара и денег из рук в руки. В приведенном нами конкретном примере Иван передает Петру сапоги, Петр передает Ивану деньги. Акт этот, само собою разумеется, свойствен всякой меновой сделке. Придя к соглашению относительно цены одежды, обуви, книги и т. д., мы передаем торговцу деньги —100 руб., 50 руб., 5 руб. — и получаем от продавца соответствующий товар — одежду, обувь, книгу и т. д.

Оба указанных момента, оценка и фактическая передача товаров, свойственны каждой меновой сделке и тесно между собою связаны: каждая меновая сделка характеризуется присутствием обоих этих моментов. Но, с другой стороны, их можно и должно различать. И не только потому, что они обычно происходят не одновременно, один следует за другим, но и потому, что участие денег в этих отдельных актах менового процесса не одинаково.

В самом деле. В первом акте, при оценке, деньги выступают как определитель ценности товаров, выразитель этой ценности, т. е. деньги выполняют функцию мерила ценностей. Если после оценки товаров самый акт перехода товаров из рук в руки не произойдет, деньги как мерило ценностей уже выполнили свою роль. Мы заходим в книжный магазин, выбираем какую-нибудь книгу и спрашиваем торговца: «Сколько стоит эта книга?» «3 рубля», — отвечает торговец. Этим ответом оценка уже произведена. 3 рубля — деньги — выполнили функцию мерила ценностей. Может быть, после этого мы книги и не купим, так как

цена ее покажется нам слишком дорогой, она будет нам не по карману. Сделка не будет закончена, так как второй акт меновой сделки — передача товара — не будет иметь места, но деньги уже выступали в качестве мерила ценностей.

Оценка товара может происходить и гораздо проще. В современном хозяйстве мы встречаемся с целым рядом фирм, которые торгуют «без запроса», цены товаров заранее определены. Здесь нам достаточно посмотреть в прейскурант или на ярлык, который привешен к товару, чтобы узнать его цену. В книжном магазине нам незачем спрашивать продавца о цене книги — достаточно для этого взять книгу и посмотреть на ее обложку: на каждой книге значится цена. В универсальных магазинах на каждом из разнообразных и многочисленных товаров можно найти ярлык, на котором обозначена цена товара. Здесь оценка товаров, выполнение деньгами функции мерила ценностей, происходит весьма просто. И, с другой стороны, что́ необходимо особенно подчеркнуть, что́ имеет для нас особенное значение, в этом первом акте меновой сделки деньги выполняют только лишь функцию мерила ценностей.

Во втором акте меновой сделки, при фактическом переходе товара из рук в руки, деньги, очевидно, не выполняют функции мерила ценностей, они выступают уже в другой функции.

Вернемся к нашему первоначальному конкретному примеру. Иван продал Петру сапоги и получил за них деньги — 50 руб. Ясно, конечно, что деньги не являются для Ивана самоцелью. Деньги ему нужны для того, чтобы приобрести на них какой-либо другой предмет, удовлетворяющий его потребности: одежду, мыло, хлеб и т. д. Когда мы покупаем в книжном магазине какую-либо книгу и платим за нее 5 руб., эти деньги, 5 руб., недолго залеживаются в кассе магазина: они обмениваются на другие товары, нужные торговцу книгами. Деньги все время без устали обращаются, выменяваются то на один, то на другой товар. При непосредственном переходе товаров из рук в руки и деньги переходят из рук в руки, выполняя, очевидно, при этом функцию орудия обращения, облегчая, делая возможным самый обмен. Особенно надо подчеркнуть то обстоятельство, что в этом втором акте меновой сделки деньги выполняют только лишь функцию орудия обмена после того, как в первом акте меновой сделки они выступали в роли мерила ценностей.

Таким образом, несмотря на полную и неразрывную связь обеих разбираемых нами функций, они выполняются деньгами не одновременно. Расчленение менового акта на отдельные моменты не только теоретически допустимо, но и практически необходимо: оно имеет огромное значение. Оно позволит нам выяснить форму, в какой деньги выступают в качестве мерила ценностей и орудия обращения; оно даст возможность показать, что формы выступления денег в той и другой функции не одинаковы.

3

Как функционируют деньги в качестве мерила ценностей? Необходимо ли присутствие налицо, присутствие in concreto того блага, которое является деньгами, для осуществления функции мерила ценностей?

Мы заходим в магазин и спрашиваем, сколько стоит костюм или сапоги. Нам отвечают: 100 руб., 50 руб. Мы справляемся в прейскуранте, сколько стоит лампа, и узнаем, что она стоит 25 руб. Мы желаем купить книгу, «Капитал» К. Маркса, заходим в магазин и на обложке ее читаем, что она стоит 4 руб. 100 руб., 50 руб., 25 руб., 4 руб. — все это цены товаров, денежное выражение их ценностей. Мы, может быть, и не купим костюма, не можем приобрести лампы, не сможем получить и книги «Капитал» К. Маркса, так как у нас в кармане нет 4 руб., т. е. мы фактически совершить меновой сделки, нам желательной, и не сможем, но уже при оценке товаров деньги выполнили очень важную роль, в деньгах выразилась цена товаров, деньги — 100 руб., 50 руб., 25 руб., 4 руб. — выполнили функцию мерила ценностей. Деньги выступили в качестве мерила ценностей, хотя наличных денег и не было налицо. Для этого и не нужно было присутствие конкретных денег. Для того чтобы приравнять костюм 100 руб., лампу — 25 руб., книгу — 4 руб., нам вовсе не нужно иметь на руках эти 100, 25, 4 руб. Когда нам показывают костюм и говорят, что он стоит 100 руб., мы прекрасно понимаем, что́ это значит, ибо в это время мыслим себе то благо, которое является выражением этих 100 руб. В качестве мерила ценностей выступает не конкретное, находящееся налицо благо, а м ы с л е н н о п р е д с т а в л я е м о е благо.

Иначе обстоит дело, поскольку мы говорим о деньгах как об орудиях обращения. В качестве такового, т. е. орудия обмена, деньги выступают в самом акте обмена. Иван передает Петру сапоги и в свою очередь получает от Петра деньги — 50 руб., на которые покупает хлеб, мясо и т. д. Мы покупаем книгу, мы получаем книгу и передаем книготорговцу деньги — 4 руб. В этом случае деньги обязательно выступают как нечто к о н к р е т н о е. В этом моменте меновой сделки деньги не могут быть только мысленно представляемым благом, а должны иметь телесную, вещественную форму.

Если деньги как мерило ценностей являются только в абстракции, как нечто воображаемое, мысленно представляемое, то как орудие обращения деньги обязательно имеют материальное бытие, деньги выступают как нечто конкретное.

Из указанного различия двух функций денег непосредственно вытекает и следующее весьма важное обстоятельство.

Чтобы какое-нибудь благо выполняло функцию мерила ценностей, само это благо должно обладать ценностью. Деньги,

являясь воплощением абстрактного человеческого труда, должны заключать в себе этот труд. Золото потому деньги, что оно прежде всего товар, овеществляет в себе человеческий труд, оно является сгустком человеческого труда. Функцию же орудия обращения может выполнять и нечто, самостоятельной ценностью не обладающее. Деньги как орудие обращения облегчает меновые сделки; для этого деньги должны иметь телесную форму, должны быть чем-то конкретным. Но в то же время, как в качестве мерила ценностей выступает во всяком случае золото [9], хотя бы и мысленно представляемое, в качестве орудия обращения может выступить золото, но может быть и не золото; обязательно нечто конкретное, но оно может только символизировать золото. являться представителем золота.

В качестве орудия обращения может выступить даже нечто, совершенно не обладающее никакою самостоятельною ценностью, хотя бы клочок бумажки. Важно только, чтобы в этом клочке бумажки символизировалось бы золото, чтобы человеческое сознание воплощало бы, объективировало бы в нем то золото (хотя бы и мысленно представляемое), которое являлось в данной меновой сделке мерилом ценностей обмениваемого товара.

* * *

Таким же образом можно рассмотреть и другие функции денег. В качестве средства сохранения ценностей деньги, очевидно, выступают не в момент оценки товаров и не в момент перехода товаров из рук в руки. В качестве средства сохранения ценностей деньги выступают тогда, когда они временно выбывают из непосредственного товарообмена, когда они временно служат не непосредственно для выражения ценности того или иного конкретного товара, а для обеспечения владельцу их возможности в любое время превратить, приобрести на них любой товар. Как средство сохранения ценностей деньги обеспечивают владельцу их «свободу выбора хозяйственных благ» [10].

Для выполнения этой функции деньги должны быть налицо. иметь телесную форму; в отличие от формы проявления денег как мерила ценности средством сохранения ценностей не может быть только мысленно представляемое благо.

С другой стороны, для выполнения этой функции недостаточно. очевидно, только символа ценности, представителя товара — денег, золота. Средством сохранения ценностей может быть только

---

[9] Или же другое хозяйственное благо.

[10] А. М. Рыкачев. Деньги и денежная власть. СПб., 1910, стр. 80. А. М. Рыкачев впадает в ту же ошибку, какую допускают господствующие направления: металлисты и номиналисты. Сводя роль денег к тому, что они «обеспечивают свободу выбора хозяйственных благ», Рыкачев исходит в сущности только из функции денег служить средством сохранения ценностей в чистом, абстрактном их виде.

нечто, само обладающее ценностью, воплощающее, а не только представляющее абстрактный человеческий труд. Этим форма проявления денег как средства сохранения ценностей резко отличается от формы проявления денег как орудия обращения.

4

Деньги, представляя собою сгусток абстрактного человеческого труда, являются формой внешнего выражения определенных социальных отношений. В качестве таковых деньги и выполняют присущие им функции.

Как было уже указано и как явствует из их сущности, деньги являются товаром; это не мешает, конечно, противопоставлять их всем товарам, ибо товар, принявший форму денег, теряет целый ряд присущих товарам свойств, а с другой стороны, приобретает ряд свойств, чуждых обыкновенным товарам, почему деньги надо рассматривать как особую экономическую (социальную) категорию, как товар, выражающий общественный характер всех товаров, товар par excellence, товар, в котором воплощается общественный характер всего народного богатства [11].

Деньги возникли в результате стихийного развития товарного хозяйства и являются органическим элементом товарного обращения; отсюда ясно, что между циркуляцией денег и обращением товаров должна быть определенная связь.

Деньги в своей циркуляции, в своей «работе» выполняют ряд функций, и этими функциями определяется связь денег с общими народнохозяйственными условиями.

Деньги выполняют функцию мерила ценностей, следовательно, между ценностью самих денег и ценностью всех циркулирующих товаров должно быть определенное отношение.

---

[11] «Чем же отличается золото и серебро от других форм (Gestalten) богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства... Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их».

Здесь Ф. Энгельс вставляет следующее объяснение: «Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собою качественно различными потребительными стоимостями. В капиталистическом производстве они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи воплощена общественная природа этого богатства» (К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 587).

Под золотом и серебром здесь К. Маркс, как это видно из общего контекста, разумеет деньги.

Деньги выполняют функцию орудия обращения; очевидно, между количеством денег как орудий обращения и количеством товаров должно быть известное соотношение.

Определенная же связь должна быть и между общими народнохозяйственными условиями и деньгами, если последние рассматривать как средство сохранения ценностей или орудие платежа.

Деньги же как всеобщий эквивалент, выполняющий все присущие им функции, также должны иметь и имеют определенную связь с общими народнохозяйственными условиями.

Поскольку же деньги являются товаром, поскольку они вырастают из товарного обращения, постольку, очевидно, указанная связь должна выразиться как зависимость денег от общих условий народного хозяйства.

Деньги циркулируют определенной ценности и в определенном количестве; между ценностью денег и их количеством, с одной стороны, и общими условиями товарного обращения — с другой, должна быть известная связь.

Но ценность товара вообще и, следовательно, денег в частности образуется вне обращения, поэтому ценность самих денег, поскольку мы их рассматриваем как выполнителей всех присущих им функций, не может зависеть от условий товарообмена. Остается, следовательно, вопрос о количестве денег. Это количество не может не зависеть от условий товарообмена.

Народное хозяйство нуждается в определенном количестве денежных единиц определенной ценности. В определении количества циркулирующих денежных единиц сознание и воля человека и общества играют второстепенную роль, поскольку деньги являются выполнителями всех функций [12]. Количество денег, могущее циркулировать, количество денег, необходимое для правильного обслуживания оборота, всецело и всемерно определяется условиями товарного рынка. В этих последних, в рыночных условиях, следует искать факторы, непосредственно влияющие, непосредственно определяющие необходимое для народного хозяйства количество денег.

Еще Вилльям Петти заметил: «Для торговли нации деньги требуются в определенном количестве или пропорции: большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле».[13]

---

[12] Необходимо подчеркнуть — поскольку деньги являются выполнителями всех присущих им функций. Несколько иначе обстоит дело, когда мы рассматриваем деньги в одной из их функций — орудия обращения. Об этом подробнее в следующей главе.

[13] W. Petty. A Treatise on Taxes and Contributions, London, 1667, p. 17 (цит. по кн.: К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 133, прим.). То же мы находим и у Адама Смита: «Ценность ежегодно продающихся и покупающихся в стране товаров требует определенного числа монеты для своего обращения и распределения между потребителями и не может потребовать ее более. Капитал обращения необ-

Какие же условия и в каком направлении влияют на необходимое количество денег?

Но предварительно надо оговорить следующее обстоятельство. Так как ценность самих денег независима от условий товарообмена, то для удобства анализа в дальнейшем будем предполагать ценность денег неизменной. Например, в России 1 руб. равен 17, 424 доли чистого золота [13а], вернее, рублем называется 17,424 доли чистого золота, и мы во всех наших суждениях будем предполагать ценность денежной единицы — рубля, т. е. 17,424 доли чистого золота, неизменной. Оговорка эта очень важна и ее не следует забывать в дальнейшем.

Какие же факторы и как определяют потребное количество денежных единиц, необходимых для нормального обращения товаров?

Прежде всего ясно, чем больше товаров циркулирует в стране или в данной местности, тем больше необходимо денег. Если в одной стране обращается, продается и покупается 1 млн. ножей, а в другой — 2 млн., то, вполне естественно, для оборота ножей во второй стране понадобится вдвое больше денег, нежели в первой. Если в одной местности циркулирует товаров больше, чем в другой, например, в столичном городе циркулирует больше товаров, чем в глухой деревушке, то в первой, в столичном городе, понадобится больше денег, чем во второй, в глухой деревушке. Таким образом, о б щ е е к о л и ч е с т в о о б р а щ а ю щ и х с я т о в а р о в непосредственно оказывает влияние на количество необходимых денежных знаков. Чем больше товаров, тем необходимое количество денежных знаков будет бóльшим, и, наоборот, чем товаров циркулирует меньше, тем и количество денежных знаков, необходимых для обслуживания товарооборота, будет меньшим.

Следует подчеркнуть, что речь идет не об общем количестве товаров, находящихся в данной стране, а о товарах, циркулирующих из рук в руки, являющихся объектами совершающихся меновых сделок [14].

ходимо вмещает в себя такую сумму монеты, какая может в нем поместиться, и не может содержать больше» (А. Смит. Исследование о богатстве народов, т. II. СПб., 1866, стр. 244).

[13а] Это соответствует 0,774234 г чистого золота (*Прим. ред.*).

[14] В литературе встречаются возражения против признания, что количество товаров влияет на количество денег. Так, Р. Гильдебранд (R. Hildebrand. Die Teorie des Geldes. Jena, 1914, S. 33) утверждает, что непосредственной зависимости между этими двумя величинами нет. Всякая покупка является актом, предшествующим уплате, а деньги необходимы не для покупки, а для уплаты, покупка же вызывает только обязательство уплаты. Поэтому количество необходимых денег определяется через характеристику денег как платежного средства, а не орудия обращения; общее количество денег определяется, таким образом, не суммой оборотов, а платежей. Это тем более верно, что покупать можно и в кредит. Нам кажется, что Гильдебранд не прав. Влияние кредита и кредитных сделок необходи-

Но не только общее количество товаров имеет влияние на необходимое количество денежных знаков. Не меньшее влияние имеют и цены товаров. Предположим, в одной местности обращаются товары, средняя цена которых равна 2 руб. [15], в другой — товары со средней ценой в 4 руб. Если в той и другой местности обращается одинаковое количество товаров, очевидно, для второй местности понадобится вдвое большее количество денежных знаков.

Следует снова напомнить: в этих суждениях предполагается, что ценность самих денег остается неизменной. Исчисляя на рубли, мы предполагаем, что то количество золота, которое носит название рубля (17,424 доли чистого золота), в своей ценности не изменяется.

Необходимое количество денег зависит от цен товаров, обращающихся на рынке, или, как говорят, от среднего уровня товарных цен. Чем выше средний уровень товарных цен, тем большее количество денег необходимо для нормального товарооборота; чем ниже средний уровень товарных цен, тем необходимое количество денежных знаков будет меньшим.

И общая масса товаров, и средний уровень товарных цен, таким образом, определяют необходимое количество денежных знаков.

На практике оба указанных фактора могут встретиться в различных комбинациях.

Предположим, например, такую комбинацию. Мы наблюдаем товарооборот в двух местностях. В первой обращается вдвое большее количество товаров, чем во второй, но зато средний уровень товарных цен будет в первой местности вдвое ниже, нежели во второй.

Из первого обстоятельства, т. е. из того, что в первой местности обращается вдвое большее количество товаров, следует, что в ней необходимо вдвое большее количество денежных знаков. Из второго же обстоятельства, т. е. из того, что здесь средний уровень товарных цен в два раза ниже, чем во второй местности, следует, что необходимо в два раза меньше денежных знаков. В результате, очевидно, в первой и во второй местности необходимо одинаковое количество денег.

Предполагая ценность самих денег неизменной и равной единице, можно сказать, что необходимое количество денежных единиц равно общей массе товаров, помноженной на средний уровень товарных цен. Предположим, в данной стране обращается

мо, конечно, учесть при выяснении вопроса о необходимом количестве денег, но отсюда еще далеко до того, чтобы совершенно игнорировать выполнение деньгами функции орудия обращения.

[15] Средняя цена — величина в сущности фиктивная. Но для теоретического анализа этой величиной оперировать допустимо.

10 000 единиц товаров и средний уровень товарных цен равен 5 руб., очевидно, денег должно быть на 50 000 руб., а считая каждую денежную единицу (знак) равной одному рублю, необходимое количество денежных знаков будет равно 50 000.

Общая масса товаров и средний уровень товарных цен — таковы факторы, влияющие на необходимое количество денег в одинаковом направлении. Продолжая рассмотрение условий товарообмена, мы можем найти факторы, также непосредственно влияющие на необходимое количество денежных знаков, но совершенно в другом направлении.

Представим себе, что в течение определенного промежутка времени, положим, дня, совершается ряд меновых сделок:

1 книга продается (и покупается) . . .	за	2 руб.
2 стопы бумаги	»	2 »
1 шляпа	»	2 »
1 коробка гильз	»	2 »
$^1/_2$ фунта табаку	»	2 »

Совершено было за данный промежуток времени пять меновых сделок. Для каждой сделки понадобилось два денежных знака, считая каждый знак равным одной денежной единице, 1 руб. Очевидно, для обслуживания всех сделок необходимо денег на 10 руб. Но это верно только в том случае, если предполагать, что все пять сделок были совершены одновременно. В жизни же происходит дело вовсе не так.

В действительности процесс мог происходить следующим образом.

Рано утром какой-либо любознательный рабочий приобрел у книгопродавца книгу за 2 руб. Книгопродавец же, имеющий пристрастие в свободное время предаваться литературным занятиям и вспомнивший, что весь имевшийся у него запас бумаги он использовал, покупает в писчебумажном магазине 2 стопы бумаги за 2 руб. Очевидно, эта вторая меновая сделка была совершена за те же 2 руб., которые участвовали в первой меновой сделке, при покупке рабочим книги.

Владелец писчебумажного магазина давно уже собирался купить себе новую шляпу. Воспользовавшись обеденным отдыхом, он отправляется в магазин шляп и приобретает шляпу за 2 руб. Опять-таки вполне возможно, что и в этой меновой сделке участвовали те же 2 руб., которые еще утром были пущены в оборот рабочим, любителем чтения.

И в кассе владельца шляпного магазина эти 2 руб. недолго лежали. Они были в очень скором времени потрачены на коробку гильз. Продавец же гильз был очень рад своей выручке, ибо полученные им 2 руб. дали ему возможность купить табаку, который он с удовольствием раскуривал после трудового дня.

Таким образом, одни и те же деньги — 2 руб. — фактически обслуживали пять меновых сделок. Для пяти меновых сделок, посредством которых перешло из рук в руки товаров всего на сумму 10 руб., понадобилось денежных знаков всего на 2 руб. Каждый отдельный денежный знак обслуживает не одну меновую сделку, а целое множество.

Мы привели простой пример; реальная жизнь гораздо сложнее, но и на приведенном простом примере можно видеть, что деньги оборачиваются, циркулируют с известной скоростью. Скорость обращения денег определяется количеством меновых сделок, обслуживаемых одной денежной единицей в течение определенного промежутка времени. Например, в Англии деньги циркулируют быстрее, чем в России. Это значит, одни и те же денежные знаки в течение одного и того же промежутка времени в Англии обслуживают большее количество меновых сделок, нежели в России. Скорость обращения денег в большом городе бóльшая, чем в глухой деревушке. Развитие капиталистического хозяйства знаменует ускорение обращения денег, почему в стране, капиталистически более развитой, деньги оборачиваются быстрее, т. е. одним и тем же денежным знаком в один и тот же промежуток времени обслуживается большее количество меновых сделок [16].

---

[16] Понятие скорости обращения денег формулировалось в литературе самым различным образом. Так, например, иногда под скоростью обращения денег понимается не среднее количество делаемых одной и той же монетой оборотов в течение определенного промежутка времени, а быстрота, с которой следуют друг за другом денежные получения и платежи у одного и того же лица.

Ирвинг Фишер определяет скорость обращения денег отношением между той суммой денег, которую каждый должен иметь для совершения всех нужных ему закупок, и той суммой, которую каждый тратит в течение определенного промежутка времени.

Можно спорить о том, какая из этих формул более удачна, но при внимательном анализе нетрудно видеть, что все эти формулы выражают одно и то же явление.

Иногда самый термин «быстрота или скорость обращения» денег возбуждал сомнения. Против этого термина возражал еще Д. С. Милль. «Выражение «быстрота обращения», — читаем мы в его «Основаниях политической экономии», — требует некоторых пояснений. Понимать его следует не так, что оно означает количество покупок, сделанное каждой монетой в данное время. Дело тут идет не о количестве времени. . . Сущность дела не в том, сколько раз переходит каждая монета из рук в руки в данное время, а в том, сколько раз переходит она из рук в руки для совершения продажи на известную сумму. Число покупок, сделанных монетой в известное время, мы должны сравнивать не с цифрою самого времени, а с цифрою товаров, проданных в это время. . .». Поэтому, по мнению Д. С. Милля, вместо «быстроты обращения» лучше было бы говорить об «эффективности (efficacy) денег». «Пока не придуман удобный термин, мы должны довольствоваться тем, что для избежания двусмыслия будем выражать идею парафразом, который вполне пере-

Что быстрота обращения денег влияет на необходимое их для страны количество, замечено было давно. Еще Вильям Петти (Political Anatomy of Ireland, 1672) писал: «На вопрос: «Если бы пришлось в течение года произвести платежи на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн.» (золотом) «для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?». . .

«Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие периоды, как например неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих и платящих деньги каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы $^{40}/_{52}$ миллиона. Если же оборот совершался бы в четверть года, что соответствует тому, как мы обычно платим ренту и налоги, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем периоды платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и $^{40}/_{52}$ млн. и взять половину, которая равна $5^1/_2$ миллионам. Таким образом, если бы мы имели $5^1/_2$ млн., нам хватило бы денег»[17].

Скорость обращения денег непосредственно влияет на то их количество, которое является необходимым для нормального товарооборота. Чем скорость обращения будет большей, тем, очевидно, денег понадобится меньше, и, наоборот, чем медленнее будут оборачиваться деньги, т. е. чем скорость их обращения будет меньшей, тем необходимое количество денежных знаков (единиц) будет бóльшим. Предположим, в Англии скорость обращения денег в 10 раз большая, чем в Китае. Оче-

---

дает ее: «среднее число покупок, делаемых каждой монетой для совершения данной денежной суммы покупок» (Д. Милль. Основания политической экономии, т. II. СПб., 1873, стр. 15 — 16).

Против термина «быстрота обращения» денег возражает и Гильдебранд. По его мнению, понятие «скорость обращения» совершенно неприменимо к деньгам, ибо это понятие предполагает работу механическую, а между тем ни платеж, ни оборот не являются механическим процессом, т. е. движением в пространстве. Относительно корабля можно сказать, что его работа зависит от быстроты его движения, но по отношению к деньгам такое положение совершенно неприменимо. «Когда, следовательно, необходимое количество денег ставят в зависимости от так называемой «быстроты обращения» их или от суммы платежей, которые производятся одной и той же монетой в течение определенного промежутка времени, то этим в сущности ничего не сказано. Утверждение, что для совершения ряда платежей требуется тем меньше денег, чем больше платежей может совершиться одной и той же монетой, даст не больше утверждения, чем дважды два четыре. Отсюда следует, что вся теория о зависимости потребности в деньгах от быстроты их обращения при внимательном рассмотрении оказывается пустым и ничего не говорящим формализмом» (R. Hildebrand. Op. cit., S. 41). Все эти суждения едва ли имеют большое значение. Даже если полагать, что учение о «быстроте обращения» денег так же элементарно, как дважды два четыре, то все же этим не опровергается ни правильность, ни важность его.

[17] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 153, прим.

видно, Англия сможет обойтись в десять раз меньшим количеством денег, чем Китай.

Итак, мы уже нашли три фактора, влияющих на необходимое количество денежных знаков для оборота: масса товаров, средний уровень товарных цен и скорость обращения денег, причем последний фактор действует в направлении, прямо противоположном первым двум.

Все они в совокупности могут встречаться в самых различных комбинациях и давать разнообразные результаты.

Предположим, в Англии масса обращающихся товаров в 10 раз бóльшая, чем в Китае; средний уровень товарных цен в 2 раза ниже; наконец, скорость обращения денег в 5 раз бóльшая, т. е. одни и те же денежные знаки в один и тот же промежуток времени в Англии обслуживают в 5 раз больше сделок по своей ценности, нежели в Китае. Очевидно, первое обстоятельство, в 10 раз бóльшая масса товаров, вызывает необходимость в 10 раз большем количестве денежных знаков; второе, вдвое низший уровень товарных цен, уменьшает вдвое же необходимое количество знаков; наконец, третье обстоятельство, в 5 раз большая скорость обращения денег, уменьшает необходимое количество денежных знаков в 5 раз. В результате, ясно, в обеих странах, в Англии и Китае, понадобится совершенно одинаковое количество денежных единиц.

Принимая во внимание все три указанных фактора и предполагая ценность самых денег неизменной, равной единице, можно сказать, что необходимое количество денежных знаков равно общей массе товаров, помноженной на средний уровень товарных цен и разделенной на скорость обращения денег. Если в данной стране обращается 1000 единиц товаров, средний уровень товарных цен равен 10 руб., скорость обращения денег равна 20, то все количество денежных знаков, необходимое для обслуживания товарного оборота (считая каждый отдельный знак эквивалентным одному рублю), будет равно 500 ($1000 \times 10 : 20 = 500$).

Одним и тем же количеством денежных знаков можно обслужить ряд меновых сделок; с другой стороны, одна и та же масса товаров может в течение определенного промежутка времени быть объектом нескольких меновых сделок, каждая из которых обслуживается денежными знаками. Иван продает Петру сапоги за 20 руб.; Петр продает те же сапоги Семену тоже за 20 руб.; Семен продает их Федору также за 20 руб. Совершены три меновые сделки; объектом их был один и тот же товар; но для совершения этих сделок понадобилось денежных знаков не на 20 руб., а в 3 раза больше, т. е. на 60 руб.

И товары, следовательно, могут циркулировать с определенной скоростью. Скорость обращения товаров определяется количеством совершаемых в течение определенного времени меновых

сделок, объектом которых является одна и та же масса товаров. Очевидно, скорость обращения товаров оказывает непосредственное влияние на необходимое количество денежных знаков. Чем скорость обращения товаров будет большей, тем понадобится больше денежных знаков, и, наоборот, с уменьшением скорости циркуляции товаров необходимое количество денег уменьшится.

Обозначив необходимое количество орудий обращения через K, массу товаров — через M, средний уровень товарных цен — через $У$, скорость обращения денег — через C, скорость обращения товаров — через C', получим следующее уравнение, определяющее отношение между количеством денег и условиями товарного оборота. Принимая ценность денег равной единице,

$$K = \frac{M \cdot У \cdot C'}{C}.$$ [17а]

До сих пор мы рассматривали деньги в двух их функциях: мерила ценностей и орудия обращения. Во всех приведенных примерах деньги выступали как выполнители этих двух функций.

Но деньги выполняют еще и другие функции. И выступление их в других функциях не может не оказывать влияния на количество денежных знаков, необходимых для народного хозяйства.

Следовательно, вопрос еще полностью не исчерпан. В условиях современного капиталистического хозяйства совершается ряд сделок, для которых вообще никаких денежных знаков не требуется: сделки в кредит, т. е. те меновые сделки, по которым уплата денег (возврат эквивалента) отсрочена. Если, например, в какой-либо стране в определенный промежуток времени заключается меновых сделок в кредит на 1 млн. руб., ясно, что для этих сделок никаких денежных знаков не понадобится.

Итак, количество денег, необходимое для нормальной циркуляции товаров, зависит не только от массы товаров, среднего уровня товарных цен, скорости обращения товаров и денег, но и от суммы совершенных кредитных сделок, платеж по которым отсрочен. Это последнее обстоятельство действует в направлении, уменьшающем общее необходимое количество орудий обращения. Если в вышеприведенном примере прибавить, что было совершено кредитных сделок на 200 руб., то необходимое количество денег будет равняться не 500 руб., а только 300 руб. Если обозначить сумму

[17а] Данная формула выразит массу денег в обращении, если числитель выразит сумму цен реализуемых товаров. Для этого необходимо рассматривать M как сумму цен товаров, реализованных в исходном периоде, $У$ — как индекс изменения цен в текущем периоде по сравнению с исходным. Кроме того, обычно понимается, что скорость обращения товаров (C') уже покрывается скоростью обращения денег C (*Прим. ред.*).

кредитных сделок, уплата по которым отсрочена, через O, вышеприведенная формула примет такой вид:

$$K = \frac{M \cdot У \cdot C'}{C} - O.$$

Далее. В каждый промежуток времени по целому ряду сделок, заключенных задолго до этого в кредит, наступает срок уплаты. Предположим, год назад было совершено кредитных сделок на 1 млн. руб. Тогда, год назад, это обстоятельство уменьшало необходимое количество денежных знаков на 1 000 000. Теперь же, с наступлением срока уплаты по этим сделкам, хотя товарное обращение и не увеличилось, все же понадобится добавочное количество знаков для ликвидации старых товарных сделок. В этом случае деньги выступают в качестве орудия платежа, как выполнители функции орудия платежа.

Таким образом, если общее количество необходимых денежных знаков как мерила ценностей и орудия обращения определяется массой товаров, средним уровнем товарных цен, скоростью обращения товаров и денег и уменьшается в зависимости от суммы сделок, заключенных с отсрочкой платежа, то оно же, поскольку деньги являются орудием платежа, увеличивается на сумму сделок, заключенных раньше и срок уплаты по которым наступил в настоящее время. Обращаясь снова к прежнему примеру и предполагая, что, кроме приведенных условий, целый ряд старых сделок в общей сумме в 300 руб. приходится теперь ликвидировать, общее количество денежных знаков соответственно увеличится на 300 руб., т. е. необходимое количество знаков будет равняться не 300, а 600. Обозначим сумму кредитных сделок, уплата по которым уже наступила, через H. Тогда формула необходимого количества денежных знаков будет такова:

$$K = \frac{M \cdot У \cdot C'}{C} - O + H.$$

К такого же рода случаям, когда деньги выступают в качестве орудия платежа и которые увеличивают необходимое количество денежных знаков, надо еще отнести суммы, необходимые для расплат по различного рода обязательствам, не связанным с товарными сделками, например, уплата налогов, вообще всяких взносов в пользу государства, местных самоуправлений и т. д. Сюда же можно отнести и те суммы, переход которых из рук в руки вытекает из односторонних передач ценностей, займов, уплаты процентов, дарения и т. д. Обозначим эту сумму через $Д$.

Наша формула примет такой вид:

$$K = \frac{M \cdot У \cdot C'}{C} - O + H + Д.$$

Но по всем ли кредитным сделкам, срок уплаты по которым наступает в настоящее время, необходимы для ликвидации наличные деньги?

Попытаемся и на этот вопрос ответить посредством примера. Предположим, в настоящий момент наступает срок уплаты по целому ряду кредитных сделок. Иванов год назад продал Петрову в кредит товаров на 1000 руб. Срок уплаты наступает в настоящее время, т. е. теперь Петров должен уплатить Иванову 1000 руб. В свою очередь, и Петров продал в кредит Алексееву товаров на 1000 руб., срок уплаты коих наступает также в настоящее время. Наконец, предположим, и Алекссев продал год назад Иванову товаров на 1000 руб., и тоже в кредит, и срок по этой сделке наступает в настоящее время.

Итак, в настоящее время наступает срок уплаты по трем кредитным сделкам в общей сложности на 3000 руб. Казалось бы, что общее количество необходимых денежных знаков должно было бы увеличиться на эту сумму, т. е. на 3000 руб. Но в действительности дело произойдет иначе.

В самом деле:

Иванов	должен уплатить	Алексееву	1000	руб.
Алексеев	» »	Петрову	1000	»
Петров	» »	Иванову	1000	»

Все сделки могут быть ликвидированы посредством взаимного зачета долговых требований и для такой ликвидации не понадобится совершенно наличных денег. Всякий из участников приведенных сделок является одновременно и кредитором, и должником, и притом на одну и ту же сумму. Все сделки покрывают друг друга.

Для технического проведения такого покрытия взаимных долгов капиталистическое хозяйство с его сложным кредитным аппаратом вырабатывает ряд способов, о которых говорить здесь не место. Важно только указать, что всегда существует ряд кредитных сделок, взаимно друг друга покрывающих, или, как говорят, взаимно друг друга компенсирующих, и для ликвидации таких сделок никаких денег не надо.

Это обстоятельство имеет огромное значение для определения необходимого количества денежных знаков. Очевидно, оно уменьшается на всю сумму кредитных сделок, взаимно друг друга компенсирующих. Обозначив сумму кредитных сделок, взаимно друг друга покрывающих, через $П$, получаем:

$$К = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П.$$

Кроме того, деньги являются еще средством сохранения ценностей. Часть денег всегда находится в форме «сокровища»,

которая служит исключительно для сохранения ценностей в чистом виде. И это обстоятельство увеличивает необходимое количество денег. Если сумму денег, выполняющих в данный момент функцию сохранения ценностей, обозначим через $Ф$, то получим:

$$К = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П + Ф.$$

Наконец, в условиях современного хозяйства для нормального и беспрерывного кругооборота общественного капитала во всем его целом необходимо, чтобы определенное количество денег было бы в виде запасов, резервов. Эти деньги являются одновременно выполнителями функций орудия обращения, орудия платежа и средства сохранения ценностей. В странах с развитой банковой системой запасы эти обыкновенно сосредоточиваются в кредитных учреждениях; в странах или местностях, где кредитных учреждений нет, запасы эти сосредоточиваются у частных лиц, причем в последнем случае запасы эти достигают еще бóльших размеров. Количество денег, имеющих характер резерва, в разное время и в разных местах бывает различным, но в том или ином, большем или меньшем размере оно должно быть в наличии. Это обстоятельство увеличивает необходимое количество денежных знаков.

Обозначим сумму наличных денег, находящихся в резерве для нужд текущего оборота, через $Р$. Наша формула примет следующий вид:

$$К = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П + Ф + Р$$ [18].

Итак, мы нашли ряд факторов, определяющих необходимое количество денежных знаков: 1) масса товаров; 2) средний уро-

---

[18] Таким образом, необходимое количество денег определяется всеми теми функциями, которые деньгами выполняются.

Необходимое количество денег, вытекающее из выполнения ими функции орудия обращения, определяется формулой $\frac{М \cdot У \cdot С'}{С}$.

Необходимое количество денег, вытекающее из выполнения ими функции платежного средства, определяется $(Н - О - П + Д)$.

Необходимое количество денег, вытекающее из выполнения ими функции средства сохранения ценностей, определяется членом $Ф$.

Наконец, та часть денег, которая одновременно является и орудием обращения, и платежным средством, и средством сохранения ценностей, находит свое выражение в $Р$.

Поскольку же деньги являются выполнителями всех свойственных им функций, потребное количество их определяется суммой названных величин:

$$К = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} + (Н - О - П + Д) + Ф + Р = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} +$$
$$+ Н - О - П + Д + Ф + Р.$$

вень товарных цен; 3) скорость обращения денег; 4) скорость циркуляции товаров; 5) сумма кредитных сделок, уплата по которым отсрочена; 6) сумма кредитных сделок, срок уплаты по которым наступил; 7) сумма уплат по различного рода обязательствам, не вытекающим непосредственно из товарных сделок; 8) сумма кредитных сделок, при ликвидации взаимно друг друга компенсирующих; 9) сумма денег, выполняющих функцию средства сохранения ценностей в абстрактном их виде; 10) сумма денег, резервируемых отдельными лицами (или в банках) для текущего оборота.

Предполагая ценность самих денег данной, предполагая ее равной единице, общее количество денежных знаков будет равняться частному от деления произведения массы товаров, среднего уровня товарных цен и скорости обращения товаров на скорость обращения денег, уменьшенному на сумму кредитных сделок, уплата по которым отсрочена, увеличенному на сумму кредитных сделок, срок уплаты по которым наступает в настоящее время, увеличенному на сумму всякого рода других обязательств, уменьшенному на сумму кредитных сделок, взаимно друг друга покрывающих, увеличенному на сумму денег, имеющих характер запаса для текущего оборота, и, наконец, увеличенному на сумму денег, выполняющих непосредственно функцию сохранения ценностей.

Как видим, факторы, определяющие необходимое количество денег, чрезвычайно разнообразны, и каждый из них в отдельности чрезвычайно изменчив, причем один изменяется совершенно независимо от другого. Они могут встречаться в самых разнообразных сочетаниях. Часть из них определяет потребность в деньгах как орудия обращения; часть как орудия платежа и часть как средства сохранения ценностей.

Вопрос о количестве денег, необходимом для нормального товарообмена, имеет чрезвычайно большую важность. Как увидим в дальнейшем, основная проблема теории денег и теории бумажных денег — проблема их ценности — может быть разрешена только в том случае, если исходить из правильного представления о соотношении между условиями товарообмена, общими условиями товарного хозяйства и количеством циркулирующих в хозяйстве денежных знаков.

5

В заключение настоящей главы, посвященной анализу функций денег, остановимся еще на тех требованиях, которые предъявляются к предмету, выполняющему роль всеобщего эквивалента, с точки зрения физической способности его выполнять денежные функции. Здесь речь идет только о природных качествах товара, ибо «не деньги от природы — золото, а золото от природы — деньги».

Какой товар превращается в деньги, объясняется, по выражению К. Маркса, не сочетаниями отношений производства, а специфическими свойствами материи. Поэтому, «если экономисты в этом случае «бросились за пределы своей науки и занялись физикой, механикой, историей и т. д.», в чем упрекает их г-н Прудон, то они сделали лишь то, что должны были сделать» [19].

Деньги — это «товар всех товаров». Деньги — товар, выполняющий определенную роль в современном хозяйстве и исполняющий определенные специальные функции. Но, выполняя свою роль, воплощая ценность всех товаров и соизмеряя их ценность, деньги противопоставляются всем товарам и как бы выпадают из товарного ряда.

Товар, на долю которого выпадает выполнение функций денег, приобретает столько специфических черт, что его первоначальное свойство — быть предметом потребления в собственном смысле этого слова — делается весьма незначительным или совершенно ничтожным.

Деньги, выражая ценность всех других товаров, сами по себе представляют не конкретную полезность, удовлетворяющую определенную человеческую индивидуальную потребность, а ценность вообще, абстрактную ценность, воплощающую человеческий труд вообще, абстрактный человеческий труд.

В сущности, любой товар может выполнять роль денег, но, с другой стороны, для того чтобы быть деньгами, товар должен обладать определенными физическими свойствами, должен удовлетворять определенным требованиям.

Деньги, выполняя функцию мерила ценностей, являются внешним выражением одного социального акта. Но для того чтобы они успешно выполняли эту функцию, материал денег должен быть р а в н о к а ч е с т в е н. Это значит, каждая часть этого товара должна быть однородна; один экземпляр этого блага не должен по качеству отличаться от другого.

Кроме того, товар, который выполняет роль денег и выступает в качестве мерила ценностей, должен обладать тем, что обыкновенно называют э к о н о м и ч е с к о й д е л и м о с т ь ю. Это значит, что при делении его на части он нисколько не должен терять в своей ценности. Ценность $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_{10}$ целого должна быть в 2, 4, 10 раз меньше ценности целого. Например, если разделить какой-либо драгоценный камень, брильянт, на 2 части, то каждая половина будет оцениваться не в 2 раза дешевле целого, а гораздо ниже. С другой стороны, если какой-либо золотой или серебряный слиток разделить на 2 части, то каждая половина будет оцениваться как раз в 2 раза дешевле. Ясно, конечно, что золото больше

[19] К. М а р к с. Нищета философии. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 4, стр. 111.

приспособлено к выполнению функции мерила ценностей, нежели драгоценные камни. Не обладая свойством экономической делимости, товар-деньги не мог бы соизмерять самые разнообразные по своей величине ценности.

Деньги выполняют функцию орудия обмена. Но для того чтобы успешно выполнять эту функцию, благо, на долю которого падает выполнение этой функции, должно отличаться к о м п а к т н о с т ь ю. Это значит, оно должно быть одновременно незначительно по объему и велико по ценности. Предположим, в качестве орудия обмена выступает железо. Ясно, что при таком орудии обращения меновые сделки были бы чрезвычайно затруднены. Участники народнохозяйственного обмена должны были бы носить с собою такую тяжесть, занимающую слишком много места, что сам по себе обмен не только был бы затруднен, но едва ли представлялся бы возможным. Этим качеством — незначительностью объема, соединенной с сравнительно большой ценностью, — обладают несомненно благородные металлы — золото и серебро.

Деньги являются средством сохранения ценностей. Но для того, чтобы товар-деньги способен был являться таковым, он должен быть п р о ч е н, неразрушим, обладать максимальной сопротивляемостью внешней природе. В самом деле, благо скоропортящееся, изменяющееся, ухудшающееся в своем качестве едва ли пригодно как средство сохранения ценностей. Кроме того, эту функцию может выполнять только такой товар, который под влиянием времени не теряет в своей ценности, который обладает более или менее п о с т о я н н о й ц е н н о с т ь ю. Сохранять ценность нельзя посредством товара, ценность которого постоянно колеблется.

Конечно, нет такого блага, ценность которого была бы абсолютно неизменна. Но из различных благ одни обладают бóльшим, а другие меньшим постоянством ценности. И ясно, первые более пригодны для выполнения функции сохранения ценностей, чем вторые.

Наконец, для того чтобы выполнять функцию орудия платежа, денежный материал также должен обладать постоянством ценности. В самом деле, если ценность денег в момент заключения меновой сделки отличается от ценности их в момент ее ликвидации (деньги выступают в качестве орудия платежа как раз тогда, когда эти два момента разъединены во времени: передача товара и передача денег происходят не одновременно), то, очевидно, нельзя будет говорить о сделке как об обмене эквивалентами; как общее правило, в капиталистическом хозяйстве при обмене происходит взаимная передача эквивалентов.

Кроме постоянства ценности, деньги как орудие платежа должны еще обладать компактностью. Это обусловливается необходимостью удобства их оборота.

До сих пор мы рассматривали требования, предъявляемые к денежному материалу с точки зрения отдельных функций, выполняемых деньгами. Рассматривая же деньги вообще, деньги как всеобщий эквивалент, выполняющий в с е функции, придется к денежному материалу предъявить всю совокупность требований, перечисленных при рассмотрении их с точки зрения отдельных функций, т. е. требование равнокачественности, экономической делимости, компактности, максимальной сопротивляемости внешней природе и постоянства ценности.

Глава третья

ИСТОРИЯ ДЕНЕГ

1

«Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала дело случая. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важными из предметов, которые получаются путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот» [1].

Деньги — это выделившийся товар, на долю которого падает роль служить внешним выражением определенных социальных отношений, но, с другой стороны, для того чтобы выполнить роль денег, товар должен обладать определенными качествами. И история денег есть в сущности процесс постепенного отбора отдельных товаров для выполнения функций денег. Изучая историю денег, мы замечаем, как каждый отдельный товар на опыте подвергается испытанию в своей способности выполнять роль всеобщего эквивалента, и испытание это сводится в большой

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 98—99.

степени к пробе физико-химических качеств предмета, причем это производится не сознательной волей людей, а самим объективным, стихийным процессом исторического развития.

С другой стороны, история денег является процессом постепенного развертывания функций денег. Многообразие «работы» (функций) денег обусловливается развитием и усложнением товарного хозяйства; на заре же появления денег их работа не так многообразна и лишь постепенно она усложняется [2].

Тем требованиям, которые предъявляются к денежному материалу, наилучшим образом удовлетворяют благородные металлы, золото и серебро, и неудивительно, что они выполняют в настоящее время роль денег. Но, с другой стороны, необходимо отметить, что требования, предъявляемые к денежному материалу, тем более настойчивы, чем более развит обмен. При менее развитом обмене можно довольствоваться и менее совершенными деньгами.

Благородные металлы в качестве денег появляются в результате долгого исторического развития. В зависимости от различных условий выбор останавливается то на одном, то на другом предмете, и понятно поэтому, что в различные времена в различных местах встречается пестрое и большое разнообразие предметов, употребляемых в качестве денег [3].

«... Путешественникам, — говорит К. Бюхер, — часто приходилось наблюдать то явление, что у каждого племени, иногда в каждом селе, были в ходу другие деньги, — тот или другой сорт

---

[2] «Деньги в замкнутом домашнем хозяйстве первоначально совершенно отсутствуют; позже они представляют предметы непосредственного потребления и средство для накопления ценностей. В городском хозяйстве они являются преимущественно орудием обмена. В народном хозяйстве они рядом с этим становятся средством обращения и извлечения дохода» (К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923, стр. 86).

К этому можно прибавить еще следующее. Первоначальная история денег является процессом интеграции их функций: различные функции денег, выполняемые различными благами, постепенно начинают сосредоточиваться в одном каком-нибудь товаре. Позднейшая же история денег представляет снова дифференциацию их функций: каждая отдельная функция начинает выполняться различными знаками, каждая функция принимает как бы самостоятельное внешнее проявление.

[3] Интересные соображения относительно происхождения денег развивает К. Менгер (см. его статью «Geld» в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. IV. Jena, 1923, S. 555, а также «Основания политической экономии» Одесса, 1903, стр. 246 и сл.).

Но его основная точка зрения, что деньги явились «неизбежным результатом индивидуальных стремлений отдельных членов общества и постепенного развития их понимания различных способностей различных благ к сбыту», едва ли может быть признана правильной. Это «понимание» явилось результатом эволюции обмена и, следовательно, денег, а не наоборот. По ироническому замечанию Лотца, дикарь «пришел к установлению денег прежде, чем он изучил теорию предельной полезности» (W. Lotz. Die Lehre vom Ursprunge des Geldes. «Conrad's Jahrbücher», LXII, S. 347).

раковин, жемчуга или бумажной ткани, за которые сегодня можно купить все, что угодно, уже на месте следующего ночлега никем не принимаются, и поэтому путешественники вынуждены предварительно приобрести местный ходячий товар, прежде чем покупать что-нибудь на рынке» [4].

Степень экономического развития, характер хозяйственной деятельности, который на первых порах определяется почти исключительно почвенно-климатическими условиями, и много других обстоятельств влияли на выбор предмета, предназначенного для выполнения роли денег. В исторической перспективе можно заметить, как средства, менее совершенные, заменялись более совершенными, пока развитие не привело к благородным металлам как денежному материалу.

Деньги появляются только тогда, когда возникает обмен, и в качестве денег могут выступать только те блага, по поводу которых люди вступают в обмен. Зарождение и развитие обмена, характер его определяют возникновение и историю денежного материала.

Как же возникает и развивается обмен?

Обмен предполагает два условия: разделение труда и существование частной собственности.

В первобытном патриархально-родовом хозяйстве последняя, т. е. частная собственность, не существует. Внутри такого хозяйства обмен возникнуть, следовательно, не может или, во всяком случае, возникнуть может только тогда, когда возникает частная собственность.

Но такое хозяйство, производящее продукты для удовлетворения своих потребностей на началах общей собственности, может испытывать нужду в продуктах, им не производящихся, изготовляющихся каким-либо соседним племенем. Нужда эта удовлетворяется на первых порах применением насилия, войной, грабежом и т. д. Потребность в продуктах чужого производства удовлетворяется насильственным присвоением чужой (общественной же) собственности.

Естественно, конечно, что у другой, ограбленной, стороны возникает стремление вознаградить себя за потерянное, получить от грабителей эквивалент. Это стремление удовлетворяется таким же образом, т. е. насилием же. Предположим, сталкиваются два хозяйства: земледельческое и пастушеское. Если первое насильно захватывает у второго скот, то второе таким же порядком захватывает у первого хлеб.

Это взаимное насильственное присвоение чужой собственности, постепенно развиваясь, превращается в обмен, ибо по своему существу оно весьма похоже на обмен.

---

[4] К. Бюхер. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923, стр. 43.

Что такой способ приобретения чужих продуктов практиковался задолго до обмена и явился зародышевой формой обмена, доказывается многочисленными описаниями жизни дикарей, живущих в условиях первобытного хозяйства. «Туземцы Австралии, — рассказывает К. Бюхер, — не имели никакого понятия о меновых сношениях. . . и, тем не менее, между племенами имелись оживленные сношения, при которых переходили горшки, каменные топоры, подвесные койки, шерстяная пряжа, шейные украшения из кусков раковины и множество других предметов. Каким образом все это могло произойти без обмена и торговли? Разгадка этой задачи довольно проста и подтверждается всеми теми новыми наблюдениями на месте, которые прежде составляли предмет догадки. Все переходившие от племени к племени предметы составляли результаты подарка, грабежа, военной добычи, подати, штрафа, вознаграждения, выигрыша и т. д.» [5]

Постепенно с развитием хозяйственной деятельности и внутри общины возникает частная собственность на такие предметы, которые являлись результатом труда не общего, а индивидуального, — на предметы украшения, на оружие и т. п. Переход таких предметов от одного члена общины к другому также возможен, но и такой переход совершается не двусторонним актом обмена, а односторонним волеизъявлением, посредством подарка. Получить вещь, находящуюся в частной собственности отдельного члена общины, возможно только в виде дара.

И этот односторонний акт постепенно превращается в двусторонний. Как насильственное похищение чужой собственности вызывает реакцию у потерпевшего, стремление получить тем же путем эквивалент, так и подарок, добровольная передача вещи, вызывает у дарителя желание, стремление получить таким же путем эквивалент. Подарок вызывает отдарок. Дарящий ждет и считает величайшим оскорблением не получить обратного подарка. «У племени диегери, — рассказывает К. Бюхер, — в Центральной Австралии мужчина или женщина в благодарность за сделанный им подарок дарят в свою очередь просимый предмет или исполняют какую-либо работу. Тот, кому сделали подарок, называется ючин, и, пока не вознаградит за этот подарок, он носит на шее веревку» [6].

По наблюдениям Е. Н. Мана, жители Андаманских островов «меновые сделки. . . рассматривают как дарения, причем само собою подразумевается, что никто не может принимать дара, не давая за него эквивалента». Интересно то, что «так как взгляды дающего и принимающего на ценность того или иного предмета могут расходиться, то свара и перекоры нередко являются результатом мены. Большинство их споров возникает оттого, что

[5] К. Бюхер. Четыре очерка народного хозяйства. СПб., 1898, стр. 126.

[6] Там же, стр. 128, 129.

получатель дара не дает такого подарка в отплату, какого от него ожидал даритель» [7].

Насколько обмен вырос из дарения, видно из форм купли-продажи, которые господствуют у более цивилизованных народов. Купля-продажа имеет форму дара. Ефрон хеттеянин по библейскому рассказу за четыреста сиклей «подарил» Аврааму место для погребения Сарры. «У ирокезов «даритель» спокойно возвращает одаренному полученный в отплату «дар», если он представляется дарителю недостаточным эквивалентом, и требует возвращения своего дара» [8]. Отдарок, таким образом, считается обязательным, и дарение фактически превращается в обмен.

Превращение перехода продуктов из рук в руки посредством насилия или дара в переход посредством обмена является процессом вполне естественным и неизбежным. В этом процессе проявляется великий экономический принцип: достижение максимальных результатов с наименьшими затратами. Переход продуктов посредством взаимного насилия дает те же результаты, что и обмен, но только с большими затратами, и, естественно, первое неизбежно заменяется вторым. Превращение дарения в обмен сводится в сущности к зафиксированию того, что фактически уже произошло с тех пор, как отдарок сделался обязательным.

2

Каковы же те предметы, которыми люди в первоначальную эпоху обмениваются друг с другом?

Внутри первобытной общины право частной собственности вначале распространяется почти исключительно на предметы украшения, удовлетворяющие эстетические потребности человека, и понятно, что только такие блага являются предметом обмена. Вне общины, при меновых сношениях различных общин между собою, предметами обмена могут быть различные продукты, и главным образом продукты непосредственного потребления.

Деньгами же, т. е. «товаром всех товаров», всеобщим эквивалентом, может сделаться только то благо, по поводу которого люди вступают в обмен.

Обмен прежде всего возникает не внутри, а вне общины, поэтому первоначальными деньгами были предметы потребления; с возникновением же обмена внутри общины в качестве всеобщего эквивалента выступают предметы, служащие удовлетворению эстетических потребностей человека.

Как внешний обмен имеет приоритет над внутренним, так и предметы потребления в роли всеобщего эквивалента имеют преимущественное значение в сравнении с предметами украшения.

[7] F. Somlo. Der Güterverkehr in der Urgesellschaft (цит. по кн.: П. Струве. Хозяйство и цена, ч. 1. М., 1913, стр. 107).
[8] П. Струве. Указ. соч., стр. 107, прим.

Ясно, конечно, что обмен вначале носит чисто случайный характер как по времени, так и по объектам обмена. И эта случайность препятствует тому, чтобы роль всеобщего эквивалента выполнял какой-либо один продукт. В зависимости от обмениваемых продуктов функцию орудия обращения выполняет то одно, то другое благо. Так, например, «в Австралии, — рассказывает Шурц, — одно племя выменивает съедобные коренья на рыбу, а другое племя выменивает щиты на пояса. Когда первое племя наловит много рыбы, то оно может получить в обмен много съедобных корней, но, сколько бы рыбы и корней оно ни имело, не может выменять ни одного щита, так как обладатели щитов отдают их лишь в обмен за пояса» [9].

Камерон рассказывает: «Забавно было видеть, как мне пришлось расплачиваться за нанятую лодку на рынке в Ковелэ, на берегу Танганьики. Агент Санда требовал от меня уплаты слоновой костью, но ее у меня не было. Узнаю, что у Магомет-Ибн-Салиба есть слоновая кость, и он согласен выменять ее на сукно, но от этого было не легче, так как у меня не было сукна. Наконец, узнаю, что у Магомета-Ибн-Гариба есть сукно, которое он готов обменять на проволоку. К счастью, проволока у меня оказалась, и я дал Магомету-Ибн-Гарибу требуемое количество медной проволоки, он в свою очередь передал Магомету-Ибн-Салибу соответствующее количество сукна, а этот последний дал агенту Санда требуемую им слоновую кость. Только после всего этого я получил от последнего право пользования лодкой».

Процесс выделения какого-либо блага для выполнения роли всеобщего эквивалента быстрее происходит там, где в силу естественно-исторических условий отдельные племена самостоятельно удовлетворять свои потребности не могут, где добыча их носит односторонний характер. У таких племен, естественно, необходимость обмена очень сильна, обмен носит характер постоянный и объект обмена также не случаен. В этих условиях всего легче возникает идея всеобщего эквивалента. У народов, занимающихся рыболовством, роль всеобщего товара начинает играть рыба, например треска на Шетландских островах, которою, по словам одного французского путешественника, можно расплатиться даже за билет в театр. У земледельческих племен роль всеобщего эквивалента играет хлеб. По этой же причине, по характеру преобладающих продуктов, роль всеобщего эквивалента «в Центральной Америке, особенно в Мексике, играет маис, на Ионийских островах, в Мителене, в некоторых городах Малой Азии и кое-где в Ливанте — оливковое масло» и т. д. В рабовладельческих хозяйствах, там, следовательно, где рабы являются предметом частной собственности и объектом обмена, всеобщим экви-

[9] H. Schurtz. Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar, 1898, S. 82.

валентом, единицей измерения всех ценностей служат часто рабы. Шурц утверждает, что в западном Судане раб является единицей ценности; причем постепенное развитие обмена фиксировало уже определенное меновое отношение между другими товарами и рабами. Так, 1 раб=300 кускам холста определенной длины= =6 быкам=10 испанским долларам определенной чеканки. «У туземцев Африки, — рассказывает один путешественник, — на вопрос, сколько стоит эта лошадь, вы зачастую получаете ответ: «три пленника», а бык — «полпленника». Пленник не разрубался, конечно, пополам, но в качестве полпленника шел больной и немощный. Самой крупной монетой служит здесь красивый, здоровый юноша или цветущая красивая девушка».

Все эти продукты, вполне понятно, играли роль «местных денег» в самом узком значении этого слова; это — деньги мелких местностей, район обращаемости этих денег чрезвычайно мал.

Гораздо бóльшую обращаемость могли иметь те продукты, которые производились племенами, игравшими особую роль в торговле. Во внешней торговле особую роль играли кочевники, которые, участвуя в обмене, экономически соединяли различные племена между собою. Кочевники — это первые торговцы, и в продуктах их производства всего легче фиксируется идея всеобщего эквивалента (денег). Продуктами производства кочевников, т. е. охотничьих и пастушеских племен, были меха и скот. И эти продукты в качестве денег сыграли огромную, исключительную роль. Район обращаемости этих денег был весьма велик.

«В Евангелии от Матфея (VI, 19) имеется место, которое хранит воспоминание об эпохе, когда шкуры (и меха) были главным материалом для воплощения стоимости и потому, подобно позднейшим металлическим деньгам, служили для накопления богатств: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут»[10]. Упоминание о ржавчине указывает на металлические деньги, моль — на шкуры и меха».

В древней Греции и в Риме, по словам классических писателей, деньги были из кожи. В области Компании Гудсонова залива (Северная Америка) единицей ценности в течение долгого времени была шкура бобра. У скандинавских народов штрафы за различные преступления устанавливались шкурами: за оскорбление словами — лиса, за пощечину — куница, за тяжкое оскорбление— соболь.

«В древней Руси меха долгое время занимали выдающееся положение в качестве торговой статьи. Военно-меховые походы новгородцев и полян на патриархально-раздробленных соседей — древлян, радомичей, литовцев и финские племена — предприни-

---

[10] А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии, т. 1. М., 1918, стр. 173.

мались в первую очередь из-за мехов. При таких же походах на Византию пушнина служила главным товаром, на который выменивались предметы роскоши Востока и Византии. На несколько столетий меха сделались главной формой денег на территории, занимаемой современной Россией. Самое слово «деньги» было заимствовано в XIII в. у татар и служило обозначением звонкой монеты. Деньги же вообще — как мерило стоимостей и как обычная форма сокровищ — еще долгое время назывались «кунами», словом, первоначальное значение которого было «меха». Одно из подразделений тогдашней денежной единицы было «векши». Да и вся древнейшая система была построена на относительной стоимости обращавшихся на рынке мехов различных зверей» [11].

«Русская Правда» постоянно употребляет термин куны в смысле денег: «кунамися выкупати», «давать куны в резы» и т. д.

Даже в средние века меха служили еще орудием обращения. Так, в 1610 г. в завоеванной врагами русской казне находилось 5450 руб. серебром и 7000 руб. звериными шкурами. Известно, что послы московских царей снабжались при путешествиях соболями, которые играли роль денег. В Литве и Польше меха очень долго выполняли функции денег. «Польский король Казимир Великий в XIV в. постановил, что при апелляции на решение суда необходимо предварительно поднести кастеляну краковскому мех горностая, кастеляну сандомирскому — меха куницы, помощникам судей — меха лисицы и т. д. Меха эти в случае неправильного решения первой инстанции возвращались истцу» [12].

Вместе с мехами, выполнявшими роль денег, большое значение в этом отношении имел и скот. В древнем мире в качестве мерила ценности постоянно выступает скот. В поэмах Гомера скот постоянно упоминается как деньги. В Илиаде медный треножник приравнивается 12 быкам, металлическое вооружение — 10, рабыня — 4. У римлян древнейшие установленные законом штрафы исчисляются в скоте. Есть все основания полагать, что в доисторическое время у евреев, жителей Малой Азии, скот употребляется в качестве денег [13]. Сказание о золотом тельце служит косвенным указанием на это. У древних германцев, ирланцев, шотланцев, венгров, арабов и других народов деньгами служит скот. И в настоящее время у многих первобытных народов скот является мерилом ценностей и средством сохранения ценностей. О зулусах известный путешественник Ливингстон рассказывает, что они его часто спрашивали, сколько коров у королевы Виктории:

---

[11] А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., стр. 174.

[12] В. Святловский. Примитивные деньги и эволюция древнерусских денежных систем. «Народное хозяйство», 1900, № 2, стр. 89.

[13] L. Levy. Geschichte jüdischen Münzen. Leipzig, 1862, S. 7.

коровы, очевидно, в их представлении олицетворяли богатство. У увамбос (в Африке) козы выполняют функцию мерила ценности. Женщины стоят 5—6 коз.

О том, что в древней Руси скот служил деньгами, не может быть сомнения. Любовь к деньгам называется «скотолюбием», а казначей назывался скотник. В летописях под 996 г. князь Владимир Святой повелел: всякому нищему и убогому «приходить на двор княжь и взимати всяку потребу питье и яденье, и от скотниць — кунами»[14]. «Но скотница твоя по Божьей благодати, — пишет митрополит Никифор к Владимиру Мономаху, — неоскудна есть, неистощима, — раздавема и неоскудеема»[15]. Казна Владимира Святого называется «скотницей». По древнейшей редакции «Русской Правды» можно «скотом заплатити». «Если кто будет искать на другом скота (в других списках «кун», «долга»), а должник начнет отказываться, то итти ему на суд перед 12-ью человеками, если при этом окажется, что должник злонамеренно не отдавал ему скот, то взыскать с него 3 гривны за обиду». «Если кто испортит у кого копье, или щит, или одежду и пожелает испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то с него скота. Но если испортил, но у себя не удерживает, то платит ему скотом столько, сколько было заплачено за вещь»[16]. Ярослав в 1018 г. «начаша скот сбирати: от мужей по 4 куны и от старост по 10 гривен, и от бояр по 18 гривен, и приведоша варяга и вдаша им скот». Очевидно, эти куны и гривны представлялись в виде скота. При Владимире Мономахе в конце XI в. употребляется выражение «скот» в смысле денег. В конце XII в. в Договорной грамоте новгородцев с немцами 1182—1184 гг. встречается выражение: «оже имати скот варягу на русине, или русину на варязе, то 12 муж послухи». Что скот играл большую роль в качестве денег, видно еще хотя бы из того, что на многих древнерусских монетах уже в позднейшую эпоху изображаются животные, головы быка, куницы, белки и т. д. (Чертков. Описание древних русских монет. М., 1834).

Шкуры и скот в качестве денег, несомненно, представляют большие преимущества в сравнении с теми деньгами, о которых мы говорили ранее, но и эти блага далеко не удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляет развитый оборот к деньгам (однородность, равнокачественность, экономическая делимость, сохраняемость и т. д.). Но на известной ступени развития менового хозяйства, недостаточного его развития, шкуры и скот могли

---

[14] Лейбович. Сводная летопись, вып. 1. СПб., 1876, стр. 99 (цит. по кн.: В. Святловский. Происхождение денег и денежных знаков. М.—Пг., Госиздат, 1923, стр. 65.).

[15] В. Святловский. Происхождение денег и денежных знаков, стр. 65.

[16] Там же, стр. 64.

выполнять функции денег. Дальнейшее развитие менового хозяйства неизбежно должно было их вытеснить и заменить более годными, более соответствующими товарами.

Как разнообразны предметы первой необходимости, выполнявшие функции денег, так же разнообразны и предметы роскоши, украшения. Среди этих предметов особую роль, о чем свидетельствуют все специалисты, играют различного рода раковины: их можно наблюдать в Индии, на Цейлоне, в Северной Америке, Новой Англии, Виргинии, Каролине, Массачусетсе, Калифорнии, Полинезии и т. д.

Очень рано и чрезвычайно распространен был янтарь в качестве денежного знака. Уже до нашей эры у многих народов, употреблявших в качестве денег шкуры и меха, эти денежные материалы оттесняются янтарем. «От племен, живших у Балтийского и Немецкого морей, янтарь уже в микенский период греческой культуры (начало I тысячелетия до н. э.) через ряд посредников достигал до Балканского полуострова. В позднейшее время последовательные волны обмена переносили его до этрусков, первоначальных обитателей Апеннинского полуострова, а потом до их преемников, римлян».

Как товар, на который легко было выменять всякие другие товары, янтарь наряду с мехами превратился в деньги для германских племен, живших на главных путях между северо-западом Европы и Италии [17].

Нечего, конечно, говорить, что и эти товары, предметы украшения, тоже не удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются развитым обменом к денежному материалу. Выполняя более или менее успешно роль денег в известный исторический период, эти деньги вместе с развитием обмена уступают место более совершенным, с точки зрения требований, предъявляемых к денежному материалу, благам.

3

Есть еще одна группа благ, которые не могут быть отнесены только к предметам потребления или же только к предметам роскоши, украшениям, ибо они одновременно являются и тем, и другим. Таковы металлы: свинец, олово, железо, медь, серебро, золото.

Употребление этих благ в качестве денежных знаков прогрессировало параллельно увеличивавшейся потребности в металлах и развитию обмена, вместе с чем появлялась все бóльшая и бóльшая нужда в деньгах, сделанных из материала наибольшей компактности, наибольшей относительной трудовой ценности, наибольшей сохраняемости и т. д.

---

[17] А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., стр. 175.

Металлические деньги встречаются в различные исторические эпохи. О свинце, как о денежном материале, есть упоминание в памятниках классической древности; в то же время и в конце средних веков, в XIII в., денежные свинцовые знаки были довольно широко распространены. И даже в последнее время, например, в Бирме, свинцом пользовались в качестве мелкого знака. То же можно сказать и об олове: существуют достоверные сведения, что оловянные деньги впервые появляются при Дионисии Сиракузском, такие же встречались и в средневековой Англии.

Но свинец и олово, благодаря своим природным качествам, едва ли могли получить большое распространение. Гораздо большее значение имеют в этом отношении железо и медь. Железные и медные деньги должны были получить особенно большое распространение в средние века, когда вместе с развитием ремесла спрос на эти металлы чрезвычайно возрос. Но даже и в настоящее время эти металлы играют довольно большую роль в качестве денежного материала.

Рассматривая и эти материалы с точки зрения тех требований, которые предъявляются развитым оборотом к деньгам, мы замечаем, что они прежде всего отличаются малой сопротивляемостью внешней природе, они непрочны, неоднородны, и, наконец, что особенно важно, они далеко некомпактны, они не соединяют сравнительно большой ценности с малым объемом.

Удовлетворяя требованиям определенной эпохи, недостаточно развитому товарному хозяйству, они необходимо вместе с развитием обмена уступают место металлам, отличающимся большими преимуществами, — золото и серебру.

Драгоценные металлы в качестве денег употреблялись и в глубокой древности. В египетском кодексе Манеса существуют указания на золото и серебро как на деньги. То же мы находим и в книгах Вед и кодексе Ману. На употребление благородных металлов в качестве денег можно найти указание и в библии. Миклашевский в своей работе «Деньги» делает интересные ссылки на многие места библии в этом отношении. Богатство Авраама и Иова измеряется скотом, серебром и золотом. После смерти жены своей Сарры Авраам покупает у Ефрона место для ее погребения и платит 400 сиклей серебра. В книге «Исход» все штрафы исчислены в серебре. По окончании всех страданий Иова к нему приходят братья, сестры и знакомые, и все они просят по куску серебра и золотому кольцу. Гедеон отказывается от предложенного ему владычества над израильтянами в награду за избавление их от мидианитян, но требует, чтобы каждый из победителей дал ему по золотому кольцу из добычи своей.

В Китае, Индостане и Месопотамии серебряные деньги широко циркулировали уже во II тысячелетии до н. э., если даже не раньше.

Нечего распространяться о том, что золото и серебро с точки зрения тех требований, которые предъявляются к денежному

материалу, обладают наибольшими преимуществами, — они отвечают в полной мере требованию равнокачественности, однородности, экономически делимы, отличаются сравнительно большой ценностью, сохраняемы и т. д.

Но, кроме чисто физических свойств, которые делают благородные металлы пригодными для выполнения функций денег, необходимо обратить внимание также на общехозяйственные причины, развитие обмена, менового хозяйства.

«Общество постепенно процессом естественного отбора стремилось избрать и употреблять в качестве денег предметы, наиболее пригодные для целей всеобщей меноспособности. Из этого не следует, что эти предметы оставались неизменными при всяких условиях. В ранние времена, после того, как были элиминированы такие временные орудия обращения, как скот и кожа, железо стало мерилом ценностей среди обществ, бедных ресурсами и ограниченных сбытом. Затем появилась медь, затем в более позднюю эпоху — серебро, наконец, золото и каждый из этих металлов был приспособлен к характеру сделок и экономическим ресурсам своего времени» [18].

Интересно, кстати, отметить, как развитие менового хозяйства и связанная с ним эволюция денежного материала непосредственно отразились на человеческой идеологии, на вкусах человека, его обычаях, понятиях о красоте.

Обмен есть видоизмененная форма предоставления друг другу продуктов человеческого труда. Насилие, разбой превратились в обмен. И то, что раньше символизировало достоинства, необходимые для насилия, теперь заменяется тем, что символизирует достоинства, необходимые для обмена. Раньше эстетический взор человека ласкали внешние признаки, доказывавшие его силу, способность к насилию, теперь прекрасным почитается то, что доказывает способность человека участвовать в товарообмене, доказывает обладание им богатством, воплощенным в наиболее абстрактной форме, в деньгах.

«На предыдущей ступени, — очень тонко замечают А. Богданов и И. Степанов, — вождь, выделяющийся из массы своего рода, обвешивал себя предметами, которые символизировали его личное военное превосходство. Теперь он обвешивает себя драгоценностями, которые должны всем возвещать, что он богат. Раньше лучшим его трофеем был скальп или отрезанные уши врага. Теперь эти натуральные украшения заменяются золотыми и серебряными украшениями, и даже доспехи ценятся уже не только по их боевым качествам, но и по золоту, серебру, драгоценным камням, осыпающим шлем или рукоятку меча. Втягиваемый в меновые отношения, прежний суровый воин постепенно превра-

[18] Charles A. Conant. The Principles of Money and Banking, v. 1. N. Y.—L., 1905, p. 316, 317.

щается в ходячую выставку орудий обмена: уже они, а не только его военная сила, начинают символизировать его власть над людьми» [19].

4

До сих пор мы рассматривали те или иные товары, выполнявшие роль денег как товары, т. е. в них мы видели не только деньги как воплотителей абстрактного человеческого труда, как выразителей ценности вообще, но видели в них одновременно и обыкновенные продукты, удовлетворявшие определенные индивидуальные человеческие потребности. Возьмем ли мы предметы непосредственного потребления или предметы украшения, их одновременно мы рассматривали как всеобщий эквивалент и как нечто, удовлетворяющее конкретную человеческую потребность. В той стадии развития денег, которую мы до сих пор рассматривали, не было, значит, предмета, который бы, как деньги, противостоял всем товарам, выделялся бы из ряда других товаров.

Процесс такого выделения мог бы быть закончен только в том случае, если бы товар-деньги принял определенную форму, что сделать может только организованная общественная воля.

Во-вторых, с развитием обмена возникает все бóльшая и бóльшая необходимость в определенной счетной единице, в единице измерения. Продукт, служащий всеобщим эквивалентом, должен иметь такую форму, по внешнему облику которого можно было бы судить о его кратном отношении к единице измерения.

До тех пор, пока благородные металлы в качестве денег употреблялись в форме слитков, обмен испытывал огромные неудобства, и это обстоятельство служило большим препятствием для развития меновых сделок. Очень наглядное описание этих неудобств дает известный рассказ Бастиана:

«Когда в Бирме отправляются на рынок, то запасаются куском серебра, молотком, резцом, весами и гирями. «Что стоят эти горшки?» — «Покажите мне ваши деньги», — отвечает купец и определяет, смотря по внешнему виду их, ту или другую цену известным весом денег. (Таким образом, качество металла, проба определяется на вид купцом и, конечно, совершенно произвольно. — *И. Т.*). Торговец дает вам маленькую наковальню, и вы отделяете столько, сколько нужно серебра. Затем вы взвешиваете на собственных весах отбитый кусок, потому что весам торговца доверять нельзя, и прибавляете или отнимаете, пока не получаете требуемого веса. Конечно, при этом теряется много серебра благодаря обрезкам, и всегда предпочтительнее купить не то именно количество, какое необходимо, а эквивалент куска серебра, отколотого вами сразу. При больших закупках, за которые платят серебром самой высшей пробы, процесс еще

[19] А. Богданов и И. Степанов. Указ. соч., стр. 177.

сложнее: нужно позвать пробирщика, чтобы он точно определил пробу серебра, за что, конечно, платят» [20].

Возникает необходимость в придании определенной формы денежному материалу, что становится возможным тогда, когда таковым выступают металлы.

Первоначально металлы функционируют в качестве денег в натуральной своей форме: в виде слитков, кусков.

Следующей стадией является функционирование металлов в роли денег в обделанном виде, в форме, приспособленной для удовлетворения соответствующей потребности: в форме колец, браслетов, серег и т. д. Но, какова бы ни была форма орудий обращения, ценность их в конечном счете определяется весом и качеством. В особенности это относится к благородным металлам. Ведь и мельчайшая частица серебра, в особенности золота, даже ничтожного веса, оказывает большое влияние на ценность. По внешнему виду между двумя частицами золота или серебра в несколько долей разница незаметна, а между тем и несколько долей, даже одна доля имеет сравнительно большую ценность.

Взвешивание металла и определение его пробы оказываются необходимыми при каждой меновой сделке. Но кусок металла, однажды взвешенный, переходя из рук в руки, постепенно приобретает всеобщее доверие и в дальнейшем перестает взвешиваться. Так естественным процессом создаются и начинают циркулировать куски металла (в оформленном иногда виде) определенного веса. Уже в Вавилоне, где благородные металлы циркулировали в качестве денег, серебро появляется в слитках определенной формы и веса; создается даже некоторая система отношений между различными слитками.

Обращение таких слитков, само собою разумеется, неизбежно было ограниченным; район их обращаемости не мог быть велик: они могли обращаться только там, где контрагенты меновых сделок были знакомы и доверяли весу этих слитков.

Более широкое распространение могли бы иметь эти оформленные куски металла в том случае, если бы они были кем-либо удостоверены в своем качестве, причем удостоверены каким-либо авторитетным лицом или учреждением, и это удостоверение было бы обозначено в самом слитке. Таким образом, естественно, самим ходом вещей возникает идея монеты, и эта идея осуществляется.

Но кто может удостоверить качество слитков? Конечно, те лица и учреждения, которые занимают в обществе и торговых сферах особенно высокое положение, чье удостоверение пользовалось бы наибольшим доверием и было бы наиболее авторитетно. Таковыми могли быть купцы, монастыри, куда стекалось много народу и которые в определенную историческую эпоху становятся центрами меновых сношений.

---

[20] К. Менгер. Указ. соч., стр. 273, 274.

Дальнейшее развитие понятно. С возникновением городов и других общественно-правовых организаций, которые по своей авторитетности могли с успехом конкурировать с купцами и монастырями, чеканка монеты переходит в их руки: штемпелеванные слитки, удостоверенные ими, могли циркулировать лучше и на большем пространстве. С возникновением же княжеской и государственной власти, естественно, чеканка монеты переходит в руки государственной власти [21].

5

Здесь необходимо отметить следующее обстоятельство. Переход к государству исключительного права чеканки монеты проходит не без борьбы между ним и мелкими самоуправляющимися единицами. Нет также никакого сомнения, что домогательство государства на это исключительное право вызывалось не только общими народнохозяйственными интересами, но в значительной степени, а иногда и исключительно, объяснялось интересами фискальными.

Дело в том, что выпущенные монеты в процессе циркуляции изменяют свое металлическое содержание: они изнашиваются, стираются. Золотой рубль, пущенный в обращение, через некоторое время теряет в своем весе. Монетная форма не изменяется, название монеты остается прежним, но фактическое металлическое содержание монеты уменьшается. Золотая монета, которая носит название «пять рублей» и которая должна содержать 87,12 доли чистого золота, фактически весит меньше. Золотая монета в 5 руб. продолжает циркулировать как 5 руб., т. е. как 87,12 доли чистого золота, хотя в этой монете такого количества золота уже нет: эта монета, таким образом, только представляет, символизирует 87,12 доли чистого золота, т. е. 5 руб.

Изнашивание это может охватить почти все выпущенные монеты, и все же они продолжают циркулировать как полноценные и полновесные денежные знаки. Все пятирублевые денежные знаки считаются равными 87,12 доли чистого золота, хотя фактически они весят только, положим, 87,10 доли чистого золота. Очевидно, вместе с процессом изнашивания монет происходит процесс идеализации денег; общество различает деньги как мерило ценности и деньги как орудие обращения [22]; первое выполняется мысленно

---

[21] Впервые монеты из благородных металлов появились в VII в. до н. э. в малоазиатских владениях греческой культуры. По словам Геродота, лидийцы были первыми людьми, чеканившими золотые и серебряные монеты (K. Helfferich. Geld und Banken. 1 Teil. Das Geld. Leipzig, 1923, S. 24, 25).

[22] На процессе выделения товара как денег, который затем превращается в простой знак ценности, подробно останавливается С. Оппенгейм (S. Oppenheim. Die Natur des Geldes. Mainz, 1855).

представляемым металлом, второе — конкретной монетой, вес которой ниже того, что ею представляется. Монета фактически превращается только в символ золота. При циркуляции истертого золотого рубля мерилом ценностей остается рубль, равный 17,424 доли чистого золота, орудием же обращения является данный конкретный золотой рубль, который не содержит в себе 17,424 доли чистого золота, но только представляет это количество, его символизирует [23].

Процесс идеализации денег государство может использовать и фактически использует также и в своих корыстных интересах. Для этого оно главным образом иногда и стремится к монополии чеканки монеты.

Объективные условия создают возможность обращения в качестве денег таких монет, металлическое содержание которых ниже номинального (истертых монет); государство может в интересах фиска (казны) эту возможность использовать. Государственная власть начинает сознательно портить монету путем ли обрезывания ее или уменьшения ее чистого веса, количества чистого металла, не доводя даже об этом до сведения граждан — участников товарообмена.

Исключительное право государственной власти на чеканку монеты (государственная регалия) теоретически вполне оправдывается, но этой регалией государство может и фактически всегда злоупотребляет. Даже больше того, стремление к такой регалии, которое обнаруживалось со стороны всех государств, в значительной степени определялось возможностью ею злоупотреблять. Не случайным является то обстоятельство, что, чем больше укреплялась регалия, тем все больше ухудшалась монета.

«В западноевропейских государствах, где в феодальную эпоху каждый феодал имел право чекана и каждый из них злоупотреблял этим правом, королевская власть стремилась к тому, чтобы всячески ограничить это право феодалов, совсем уничтожить его, превратив право выпуска монеты в исключительную прерогативу королевской власти. Что при этом короли совершенно не преследовали общих интересов денежного обращения, ясно из того, что одновременно с процессом огосударствления денежного дела шло прогрессирующее ухудшение качества денежных знаков вследствие колоссальных и непрестанных злоупотреблений самой же государственной власти» [24].

Ухудшение монеты достигало иногда таких размеров, что, например, некоторые из королей (Филипп Валуа) вошли в историю с названием «фальшивомонетчиков».

---

[23] Как единица мерила ценностей, уже мысленно представляемая, так и единица орудия обращения (в монете) сохраняют одно и то же название. И ту и другую мы одинаково именуем рублем, маркой, франком. . . Это обстоятельство является источником многих заблуждений в теории денег.

[24] М. И. Боголепов. Государственный долг. СПб., 1910, стр. 283.

От таких «методов» использования монетной регалии не отказывались и у нас в России. Уже при царе Алексее Михайловиче Романове на упреки английского посла, что русские стали портить свой рубль, отвечали: «После царя Федора Ивановича в московском государстве начались смуты, многое разорение и земли запустение; царская казна разграблена, а служилых людей умножилось и жалование дать нечего; христианские государи пограничные помощи не подали; так поневоле деньги стали л е г ч е делать, чтобы государство было чем построить и служилых людей пожаловать. Да и не новое то дело: во многих государствах то бывало в воинское время. . .» [25].

И при Алексее Михайловиче, и при Петре Великом в огромнейших размерах проводятся опыты эксплуатации монетной регалии (порча монеты) в интересах казны. В эпоху Петра Великого средства для ведения войн добывались главным образом посредством порчи монеты. В 1801 г. в заседании Государственного совета читалась записка об уменьшении в России золотых и серебряных монет, в которой говорилось: «Крайнее истощение, в которое государство приведено было в начале минувшего столетия шведской войной, заставило великого монарха прибегнуть к непозволительному средству для наполнения своих недостатков. Испорчена была монета в количестве, в каком она никогда не была прежде» [26].

Но, несмотря на обстоятельства, сопровождавшие и часто вызывавшие установление монополии государственной власти на чеканку монеты, само возникновение монеты имеет огромное значение. До сих пор выполнение роли денег тем или иным предметом носило случайный характер. Выделение одного товара из ряда других товаров, фиксирование на нем определенной социальной роли не нашло еще своего завершения. Стихийный процесс этого выделения нуждается в формальном признании. Это формальное признание совершается путем установления чеканки монеты и предоставления исключительного права чеканки организованной общественной воле — государственной власти.

Вместе с тем с возникновением монеты начинается сознательное вмешательство государства в сферу денежного обращения, регулирование им этой сферы.

С созданием правового государства общественное сознание находит свое выражение в законе: соответственно этому и то платежное средство, которое получает санкцию государственной власти, приобретает силу з а к о н н о г о платежного средства. Это значит, что признанными государством денежными знаками можно погасить всякое обязательство. Должник (платящий) может предло-

---

[25] Там же, стр. 284.
[26] Там же.

жить, а кредитор (получатель) обязан принимать данные денежные знаки в уплату причитающегося долга.

Сущность денег от этой новой функции нисколько не меняется. Эволюция денег совершается независимо от сознательной воли, и вмешательство государства в их циркуляцию носит только момент чисто формальный: государство только оформляет, нормирует то, что произошло помимо него, что явилось результатом стихийной экономической эволюции; государство в деле «творчества» денег выполняет полезную, но по существу своему вторичную функцию. Государство формально закрепляет то, что произошло независимо от его воли и желания. Государство фиксирует тот процесс, который произошел стихийно, который являлся выражением объективной необходимости. Государство оформляет известное экономическое явление, и в этом смысле деятельность его в области денежного обращения очень существенна и полезна, хотя ни в коем случае не имеет первичного, самодовлеющего характера. В этой своей деятельности государство приспособляется к стихийным объективным условиям, оно связано этими условиями.

Но, как только выпуск денежных знаков становится монополией государства, как только государство берет исключительно на себя обязанность свидетельствовать о годности товара, выполняющего роль денег, оно уже не может оставаться безучастным к циркуляции денег. Исключительное же право государства выпускать деньги вполне оправдывается, так как государство является наиболее авторитетной организацией.

В выпуске денежных знаков роль государства сводится к удостоверению годности их. Накладывая штемпель на денежные знаки, чеканя монеты, государство свидетельствует о ценности денежных знаков, удостоверяет их меноспособность.

В России, например, рубль — не что иное, как кусок металла, содержащего 17,424 доли чистого золота. В статье 3 старого монетного устава мы читаем: «Российская монетная система основана на золоте. Государственная российская монетная единица есть рубль, содержащий семнадцать целых и четыреста двадцать четыре тысячных долей чистого золота. Рубль разделяется на сто копеек».

Если государство выпускает монету, на которой написано «пять рублей», это значит, государство удостоверяет, что в данной монете содержится $17{,}424 \times 5$, т. е. 87,12 доли чистого золота.

Удостоверение достоинства металла, металлического содержания монеты — такова роль государства в «творчестве» денег, роль, всецело обусловливаемая общими народнохозяйственными условиями.

Но, может быть, с момента возникновения монеты деятельность государства становится исключительной, первенствующей? Может быть, с этого момента деятельность государства в области

денежного обращения сводится не только к формальному закреплению того, что создается помимо него общими народнохозяйственными условиями, а, наоборот, государственная власть начинает управлять этими условиями? Может быть, в области, по крайней мере, денежного обращения государство действует совершенно независимо от общих условий, может сознательно ставить себе определенные цели и их достигать?

Ответ на эти вопросы можно дать только изучением проблемы ценности денег и связанных с нею частных вопросов.

Глава четвертая

ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ

1

М. Туган-Барановский свою работу о «Бумажных деньгах и металле» начинает совершенно справедливым утверждением: «Центральным вопросом в теории денежного обращения и вместе отправным пунктом для всех дальнейших соображений является вопрос о факторах, управляющих ценностью денег. Ибо если в данном пункте имеется неясность, то и все дальнейшие выводы должны быть шатки и неопределенны.

Все практические вопросы устройства денежной системы неизбежно связаны с тем или иным представлением о факторах ценности денег. Вот почему и практика и теория денежного обращения в высшей степени заинтересованы, чтобы в этот центральный вопрос была внесена возможно бóльшая ясность» [1].

Но, к сожалению, нельзя сказать, чтобы как раз в этом вопросе экономическая наука [1а] стояла на твердой и ясной позиции.

Правильное разрешение вопроса в значительной степени определяется постановкой его, и как раз в отношении постановки вопроса господствующие теории впадают в ошибку. В общем, все направления при разрешении проблемы ценности денег исходят из сущности денег, но поскольку господствующие теории в той или иной вариации, с теми или иными отклонениями, определяют сущность денег по их функциям, большею частью по одной из их функций, постольку и проблема ценности денег неизбежно разрешается односторонне, неполно и, следовательно, неправильно.

Деньги по существу своему являются внешним выражением целого комплекса социальных отношений, социальных связей, создающихся на почве меновых сделок. Эти же сложные отношения состоят и могут быть разложены на ряд отдельных актов, каждый из которых может найти особое вещное выражение.

---

[1] М. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917, стр. 5.

[1а] Автор имеет в виду буржуазную экономическую науку (*Прим. ред.*).

В условиях товарного, в особенности развитого товарного, капиталистического хозяйства всякие социальные отношения находят внешнее выражение, объективируются в вещах.

Меновой акт создает определенные социальные отношения, которые могут найти свое внешнее выражение в такой вещи, которая (поскольку она рассматривается только как внешнее выражение этих связей) должна представлять собой сгусток абстрактного человеческого труда, труда, отвлеченного от всех своих конкретных специфических полезных свойств. Эта «вещь» и является деньгами. Но, будучи выразителем только абстрактного человеческого труда, эта «вещь» может и должна иметь возможность принять форму товара, который должен быть рассматриваем одновременно как результат и абстрактного и конкретного труда.

Изучение развития денег в исторической перспективе, изучение генезиса денег, побуждает прийти к заключению, что прежде чем та или иная «вещь» стала и может стать деньгами, она должна быть товаром, хотя, с другой стороны, специфические свойства денег отделяют их от всего товарного ряда и позволяют противопоставлять их всем товарам.

При изучении характера товарного обмена мы уже указывали эти специфические свойства, и это изучение позволило нам выяснить сущность денег.

Постановка вопроса о ценности денег в значительной степени разрешается предыдущим изложением. Поскольку мы рассматриваем деньги как вещное выражение в с е г о комплекса социальных отношений, возникающих непосредственно на почве меновых сделок, постольку ценность этих денег определяется теми же факторами, которыми определяется ценность товаров вообще. Поскольку деньги представляют абстрактный человеческий труд в чистом его виде, постольку ценность их и определяется количеством овеществленного в них абстрактного человеческого труда. В этом случае проблема ценности денег сводится к вопросу о ценности товаров вообще, в этом случае проблема ценности денег не представляет никаких особенностей.

Но, и это чрезвычайно важно подчеркнуть как вещное выражение в с е г о комплекса социальных отношений, обусловленных обменом, деньги, очевидно, являются выполнителями всех свойственных им функций.

Такими, между прочим, надо признать деньги металлические, вернее, для настоящего времени деньги золотые [2], вот почему вопрос о ценности этих денег сводится в конечном счете к ценности металла как обыкновенного товара. Ценность золотой монеты определяется ценностью заключенного в ней золота.

---

[2] Это, впрочем, правильно только в случаях свободной чеканки золота.

Но, как мы уже говорили, комплекс социальных связей, выразителем которых являются деньги, может быть разложен на отдельные моменты, и в каждый отдельный момент деньги выступают в различной роли, выполняют различные функции.

Эти отдельные моменты всего комплекса социальных отношений могут найти особое вещное выражение. Выполняя различные функции, деньги могут воплощаться в различных «вещах», имеющих различное содержание, имеющих различное значение, олицетворяющих различные социальные отношения.

Деньги как мерило ценностей могут быть олицетворены в одном предмете, деньги как орудие обращения — в другом. Все это будут в сущности различные формы проявления денег, как таковых, как внешнего выражения всей совокупности социальных отношений, возникающих из меновых сделок. Но эти формы проявления имеют и самостоятельное значение, и самостоятельный смысл, и, главное, самостоятельное бытие.

Представители самых разнообразных направлений констатируют это, на наш взгляд, чрезвычайно важное явление, хотя и дают ему неправильное толкование и делают недостаточные выводы из него.

Совершенно справедливо, хотя он и исходит из других соображений, утверждает Джевонс: «Мы так привыкли к выполнению одним и тем же предметом различных функций денег, что начинаем их смешивать. Нам кажется почти необходимым это соединение функций, которое является в сущности только удобством, и то не всегда. Но мы могли бы употребить один предмет в качестве орудия обращения, другой как мерило ценностей, третий как типическую ценность, четвертый как средство сохранения ценностей (разрядка наша. — *И. Т.*). При покупках и продажах мы могли бы употреблять золото; для определения цен — серебро; при заключении долгосрочных договоров можно выражать плату в хлебе; для сохранения нашего богатства, можно превратить его в драгоценные камни. . . В царствование королевы Елизаветы мерилом ценности было серебро, для крупных сделок употреблялось золото, причем устанавливалось отношение между его ценностью и ценностью серебра; при отдаче же в аренду некоторых земель, принадлежавших коллегиям, арендная плата по закону 1576 г. устанавливалась хлебом» [3].

«Обыкновенно в результате развития менового оборота, — говорит А. Вагнер, — обе экономические функции (орудия обращения и мерила ценности) воплощаются в одном и том же объекте. Но принципиально не невозможно, чтобы один объект циркулировал в качестве орудия обращения, другой — в качестве мерила

[3] W. Jevons. Money and the Mechanism of Exchange. London, 1876, p. 16—17.

ценности, что, по-видимому, происходило в древности (древневосточные системы с использованием различных металлов) и что бывает в новейшее время» [4].

«Часто в сношениях с неграми цены обозначаются в марках и шиллингах, расплата же производится не наличными деньгами, а товарами» [5].

Гельферих, отрицая, правда, значение этих фактов, приводит ряд примеров раздельного «бытия» денег в различных их функциях. «Как рассказывает Гомер, его современники — греки оценивали свое имущество в скоте, расплачивались же благородными металлами». «Англичане до сих пор считают в гинеях, упраздненных в 1816 г. и замененных фунтом стерлингов. В Южной Германии при торговле скотом очень долго после установления общегосударственной валюты счет велся на «каролины», давно исчезнувшие денежные единицы» [6].

«Обе функции (мерило ценностей и орудия обращения. — *И. Т.*), по существу своему, говорит Шумпетер, — совершенно различны, принципиально не связаны друг с другом и вполне друг от друга отделимы». «Мы можем без всяких принципиальных затруднений употреблять деньги только как орудие обращения, а оценивать блага хотя бы в яблоках.

. . .Бедняк склонен оценивать в хлебе, театрал — в театральных билетах. Принципиальное значение этих примеров невелико, но они все же доказывают, что такое отделение возможно» [7].

И в другом месте: «Как известно, деньги исполняют по меньшей мере две, а зачастую и четыре различные функции, и при малоразвитых торговых отношениях представляется целесообразным, чтобы все эти функции выполнялись одним металлом. Но такое соединение различных функций вовсе не является наивыгоднейшим при всех обстоятельствах. Мы увидим, что золото и серебро всегда останутся всеобщим мерилом ценности, но в значительной степени теряют свое значение как материальное меновое средство, переходящее от покупателя к продавцу».

Воплощение денег в различных благах, смотря по тому, какую функцию они выполняют, обычно считают случайным явлением. Но это едва ли справедливо, так как новейшее время как раз характеризуется тем, что это явление стало общим правилом. Уже с возникновением монеты, чеканка которой находится исключительно в руках государства, деньги в своей функции орудия

---

[4] Ad. Wagner. Theoretische Socialökonomie. Band II. Geld und Geldwesen. Leipzig, 1909, S. 119.

[5] W. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Berlin—Leipzig, 1910, S. 98.

[6] K. Helfferich. Geld und Banken. 1 Teil. Das Geld. Leipzig, 1923, S. 311.

[7] J. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908, S. 288, 289.

обращения получают самостоятельное существование, сохраняя, конечно, связь с деньгами, как таковыми, выполнителями всех присущих им функций. Этот процесс «отделения» достигает еще больших размеров при циркуляции бумажных орудий обращения. Возникновение монеты (и государственной регалии) означает разрыв между денежной единицей и единицей орудия обращения, хотя обе эти единицы сохраняют одно и то же наименование: рубль, франк, марка и т. д.

Одинаковость этого наименования, заметим кстати, служит часто источником многих заблуждений в теории ценности денег.

Из сказанного вытекает следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Когда мы говорим о ценности денег вообще, мы разумеем выполнителей всех свойственных деньгам функций. Но, с другой стороны, так как возможны различные формы проявления денег, то можно и должно говорить о ценности различных этих форм. Можно говорить о ценности денег вообще, но можно и должно говорить также отдельно о ценности денег как мерила ценностей, о ценности денег как орудия обращения и т. д. и т. д.

Таким образом, проблема ценности денег гораздо сложнее, чем это может показаться с первого взгляда, и, оставаясь единой (монистичной) по существу, все же не может быть сведена к проблеме ценности денег вообще.

Вопрос о ценности денег разлагается на целый ряд отдельных проблем, и только изучение всех этих частных проблем может позволить разрешить весь вопрос во всей его полноте, всю проблему во всей ее совокупности.

Факторы, определяющие ценность денег как мерила ценностей, не могут быть теми же, что и факторы, определяющие ценность денег как орудий обращения, и т. д., ибо хотя все это формы проявления одной и той же экономической категории — денег, но все же различные формы, в которых находят свое выражение различные и по своему содержанию и по своему смыслу социальные отношения.

Деньги проявляются перед нами, как мерило ценностей, как орудие обращения, как средство сохранения ценностей и, наконец, с возникновением и укреплением организованного общежития — государства, когда коллективная воля товаропроизводителей находит своего выразителя в лице государственной власти, как законное платежное средство. Этими четырьмя формами проявления денег исчерпывается их деятельность, этими четырьмя функциями определяется их «работа».

Но для разрешения вопроса о ценности денег нам не нужно рассматривать отдельно все формы их проявления, ибо с точки зрения ценности денег некоторые функции имеют большую близость.

Прежде всего такую близость мы находим в деньгах как мериле ценностей и как средстве сохранения ценностей. Как к ме-

рилу ценностей и как к средству сохранения ценностей к деньгам надо предъявить одни и те же требования. Как мерило ценностей деньги являются абсолютным воплощением абстрактного человеческого труда, только при этом деньги могут выполнять функцию мерила ценностей; деньги как средство сохранения ценностей также должны воплощать в себе абстрактный человеческий труд, без этого они не могут выполнять функции средства сохранения ценностей. Для того чтобы выполнять функцию мерила ценностей, деньги должны сами, как говорят, обладать ценностью; то же относится и к выполнению деньгами функции средства сохранения ценностей: ясно, конечно, если деньги не обладают «самостоятельной» ценностью, сохранять ценность они не могут. Здесь именно важна «самостоятельная» ценность, т. е. ценность, воплощенная в самой вещи, воплощение в ней человеческого труда определенного качества и определенной полезности. Являясь выразителем только абстрактного человеческого труда, деньги как мерило ценностей и как средство сохранения ценностей должны быть результатом человеческого труда в обеих его формах, труда абстрактного и конкретного; иначе говоря, для того чтобы выполнять функцию мерила ценностей так же, как и средства сохранения ценностей, деньги должны легко превращаться в товары; сбрасывая с себя внешнюю оболочку, «мундир», деньги прекращают свое «монетное» бытие и превращаются в обыкновенный товар.

Эти черты сходства денег как мерила ценностей и денег как средства сохранения ценностей сближают обе эти формы проявления денег и обусловливает одинаковость факторов, определяющих их цепность.

Деньги выполняют функцию мерила ценностей так же, как и функцию средства сохранения ценностей, лишь постольку, поскольку они легко превращаются в товар, изменяя только свою форму, внешнюю оболочку; а отсюда вытекает то, что ценность денег, как мерила ценностей, так же как и средства сохранения ценностей, есть в сущности ценность товара, в который превращаются деньги, или, иначе, товара, принявшего форму денег. Золотая монета может быть рассматриваема, если отвлечься от внешней ее оболочки, как слиток золота; ценность золотой монеты есть в сущности ценность слитка золота как товара. Ценность всякого товара определяется количеством овеществленного в нем человеческого труда; ценность золотой монеты определяется количеством овеществленного в ней, как слитке золота, человеческого труда.

На вопрос, следовательно, чем же определяется цепность денег как мерила ценностей или ценность денег как средства сохранения ценностей, ответ может быть только один: ценность

их определяется ценностью заключенного в них материала.

К этому надо добавить следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Для того чтобы выполнять функцию мерила ценностей или функцию орудия сохранения ценностей, деньги не нуждаются в санкции государственной власти. Тот или иной предмет выполняет эти функции потому, что обладает определенными свойствами, потому, что овеществляет в себе человеческий труд, и только поэтому; государство в этом отношении ничего не может изменить, в этом отношении его влияние ничтожно. Веления государственной власти не могут распространяться на оценку товаров, не могут установить соотносительные цены товаров, не могут видоизменить трудовую их ценность.

На практике, правда, часто только деньги, на которых лежит печать государственной власти, санкционированные этой властью, выполняют функцию как мерила ценностей, так и средства сохранения ценностей. Но теоретически допустимо и фактически возможно выполнение этих функций благами, не имеющими на то специальной санкции государственной власти. И как раз во время так называемого расстройства денежного обращения или же ослабления авторитета государственной власти сплошь и рядом в качестве мерила ценностей и средства их сохранения выступают блага, вовсе не санкционированные на то государством.

Опыт денежного обращения в России во время войны и революции богат примерами, когда в качестве мерила ценностей и средства сохранения ценностей употреблялись самые разнообразные блага — соль, сахар, керосин и т. д. В качестве орудий обращения обычно выступали узаконенные государством бумажные денежные знаки, но товары оценивались соотносительно к ценности какого-либо блага, не имеющего вовсе на то санкции государственной власти. Причем в различных местностях в качестве такого «всеобщего товара», «эквивалента», выступали различные блага: в одном месте — соль, в другом — сахар, в третьем — хлеб и т. д. Различию благ, выступавших в роли мерила ценностей в различных областях, способствовала товарная разъединенность отдельных областей России, нарушавшая хозяйственное ее единство.

Таким образом, хотя функции мерила ценностей и средства сохранения ценностей могут выполняться санкционированными государством благами, но они выполняются, во-первых, не всякими имеющими санкцию государства деньгами, и, во-вторых, выполняются и благами, вовсе не имеющими этой санкции.

Совершенно иное приходится сказать о деньгах — выполнителях функции орудия обращения.

Дело в том, что хотя и орудия обращения возникают самопроизвольно в стихийном историческом процессе, но с возникновением государства, когда государственная власть, и только она,

олицетворяет коллективную волю товаропроизводителей, орудия обращения нуждаются в санкции этой самой государственной власти. Установление, теоретически вполне оправдываемое, денежной регалии и есть выражение этой самой необходимости.

Возможны, конечно, случаи, когда в качестве орудий обращения выступают предметы, не имеющие на то санкции государственной власти. Так было до возникновения государства, так бывает и тогда, когда государственная власть по тем или иным причинам расшатывается, когда авторитет государственной власти падает, т. е. тогда, когда государственная власть перестает в сущности выражать волю товаропроизводителей. Такие случаи бывают во время оккупации тех или иных частей государства иноземными войсками, когда государственная власть фактически не распространяется на данную область и когда появляются «местные» деньги. Наконец, возможна циркуляция орудий обращения, санкционированных какой-нибудь общественной организацией, местным самоуправлением или же даже какой-нибудь промышленной или торговой фирмой, пользующейся доверием населения. (Само собою разумеется, такие орудия обращения имеют только узко местное хождение.)

Так или иначе, но орудия обращения нуждаются в чьем-либо авторитетном признании, а в современном государстве это признание будет иметь в общем наибольшее значение, если оно исходит от государственной власти как выразителя коллективной воли товаропроизводителей.

Вмешательство же государственной власти, его санкция, проявляется главным образом в том, что оно придает тем или иным орудиям обращения свойства законного платежного средства. Государство вменяет каждому в обязанность принимать те или иные орудия обращения в уплату причитающихся ему платежей. Причем оно произвольно устанавливает степень обязательности хождения различных видов денежных знаков: одни знаки снабжаются силой полного законного платежного средства, другие — только в ограниченном размере. Это обстоятельство дает положительный народнохозяйственный эффект не только потому, что государство может властно принуждать граждан к исполнению его приказов, но потому, что государство, являясь само хозяйствующим субъектом, выполняет этот приказ. Обязательность хождения данных знаков гарантируется не только карательной санкцией государственной власти, но и тем, что государство само принимает эти знаки в уплату ему причитающегося. Чем в большей мере государство выступает как самостоятельный хозяйствующий субъект, тем больший экономический эффект достигается рассматриваемой формой вмешательства государственной власти в сферу денежного обращения.

Приобретая такие свойства, орудия обмена приобретают максимальную обращаемость.

Мыслима циркуляция орудий обращения и не снабженных свойством законного платежного средства, но, с другой стороны, свойством законного платежного средства можно снабдить только орудия обращения. Деньги в качестве орудия обращения могут быть, но могут и не быть законным платежным средством; деньги как законное платежное средство являются обязательно, не могут не быть, орудиями обращения.

Очевидно поэтому, что разрешить вопрос о ценности денег как орудий обращения достаточно, чтобы этим самым была разрешена проблема ценности денег как законного платежного средства. Первое понятие шире второго — оно включает и второе; поэтому можно ограничиться рассмотрением только вопроса о ценности денег как орудий обращения.

Чем же определяется ценность денег как орудий обращения?

В главе, посвященной анализу функции денег, были указаны специфические свойства этой функции, отличающей ее от других, в частности от функции мерила ценностей. Там же можно было сделать вывод, что деньги как орудие обращения самостоятельной ценностью могут и не обладать.

Деньги как орудие обращения являются представителями ценности, символами ценности. Поэтому ценность их не самостоятельна, а производна; ценность свою они заимствуют от того, что́ они представляют, от золота, символом которого они являются.

Раньше мы говорили, что в качестве мерила ценностей может выступать и мысленно представляемая ценность (мысленно представляемый металл); ценность орудий обращения определяется ценностью того мысленно представляемого «всеобщего товара» (металла), который находит своих представителей в данных орудиях обращения. Ценность орудий обращения производна, и она определяется ценностью того блага, которое ими представляется.

При каждом акте обмена в качестве орудия обращения может выступать нечто, не обладающее самостоятельной ценностью (деньги как орудие обращения), но мерилом ценности всегда является благо, хотя бы и мысленно представляемое, но самостоятельной ценностью обладающее (деньги как мерило ценностей). И ценность денег как орудий обращения определяется ценностью того блага (золота), которое, хотя и мысленно представляемое, выполняло в данной меновой сделке функцию мерила ценностей и которое символизируется данными орудиями обращения.

Но тогда, естественно, возникает вопрос: какими же факторами определяется количество того блага (золота), которое представляется данными орудиями обращения?

Ответ на этот вопрос не может быть выведен из анализа единичной меновой сделки, надо обратиться ко всем меновым сделкам во всей их совокупности, ко всему товарно-денежному обороту, ибо ценность денег, как категории исключительно социальной, может быть выяснена только в социальной обстановке.

В свое время мы приводили формулу товарно-денежного обращения. Мы пришли к заключению, что если приравнять ценность денег единице, то количество денег должно быть равно массе товаров ($М$), помноженной на средний уровень товарных цен ($У$)[8], помноженной на скорость циркуляции товаров ($С'$), деленной на скорость обращения денег ($С$), минус масса кредитных сделок, уплата по которым отсрочена ($О$), плюс сумма кредитных сделок, срок уплаты по которым наступает ($Н$), плюс сумма всяких других обязательств ($Д$), минус сумма кредитных сделок, взаимно друг друга покрывающих ($П$), плюс сумма денег, выполняющих в данный момент только функцию средства сохранения ценностей ($Ф$), и, наконец, плюс сумма денег, составляющая необходимый для оборота кассовый резерв банков и частных лиц ($Р$):

$$К = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П + Ф + Р.$$

Эта формула изображает товарно-денежное обращение при предположении, что ценность самих денег равна единице. Если обозначить ценность денег через $Ц$, формула примет следующий вид:

$$К \cdot Ц = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П + Ф + Р.$$

Из членов приведенной формулы только $Ф$ не выражает потребности в деньгах как орудиях обращения; этим членом обозначена потребность в деньгах как средстве сохранения ценностей, и только как таковом. Поэтому при определении ценности денег как орудий обращения этот член может быть выпущен. Если предположить деньги только орудием обращения, уравнение примет такой вид:

$$К \cdot Ц = \frac{М \cdot У \cdot С'}{С} - О + Н + Д - П + Р.$$

Правая сторона этого уравнения характеризует потребность оборота в деньгах. Факторы, образующие эту потребность, в общем не зависят от состояния денежного обращения; они складываются на товарном рынке, и движение их определяется общей

---

[8] Само собой разумеется, что товарные цены в этом случае выражены в деньгах — выполнителях всех присущих им функций, в том числе и мерила ценностей.

динамикой развития народного хозяйства, организацией кредита и т. д.[9]

Потребность оборота в деньгах складывается стихийно и в чрезвычайно малой степени зависит от человеческой воли и сознания [10].

Левая часть уравнения обозначает общую ценность всей денежной массы. Общая ценность денежной массы, таким образом, определяется потребностью оборота. Будет ли денежная масса состоять из денег, выполняющих одновременно все свойственные им функции, будет ли она состоять из денег, выполняющих только одну из этих функций, а именно функцию орудия обращения, — в обоих случаях, само собой разумеется, общая ценность всей массы будет совершенно одинаковой.

Но нас должен интересовать вопрос о ценности денежной единицы, который предыдущим еще не разрешен.

Ценность денег, поскольку мы под ними разумеем «всеобщий товар», «товар всех товаров», «всеобщий эквивалент», поскольку мы имеем в виду деньги, выполняющие все свойственные им функции, определяется вне обращения; там же определяется ценность денежной единицы. Денежная единица — понятие, правда, условное; оно определяется, в конечном счете, государственной властью: 17,424 доли чистого золота объявляется денежной единицей, называемой рублем. Но ценность такой денежной единицы, 17,424 доли чистого золота, определяется независимо от воли государственной власти, образуется вне обращения.

Но поскольку, как мы говорили выше, функции денег разъединяются, деньги в различных своих функциях начинают воплощаться в различных благах, общий закон ценности денежной единицы не может быть без всяких изменений перенесен на деньги, выполняющие одну из денежных функций, на деньги как орудие обращения, и только как орудие обращения.

Ценность денег как орудий обращения — величина производная; поскольку орудия обращения являются представителями «всеобщего товара», постольку ценность всей их совокупности равна ценности всей массы «всеобщего товара», представителями которой они являются. То же надо сказать и относительно ценности единицы орудия обращения. Ценность единицы орудия обращения тоже определяется ценностью «всеобщего товара», ею представляемого. Но отсюда нельзя, конечно, еще сделать вывода, что ценность единицы орудия обращения будет равна

---

[9] Конечно, некоторое влияние, подчас весьма существенное, оказывает на них и денежное обращение. Так, например, скорость циркуляции денег (C), резервы (P) и др. изменяются и под влиянием структуры денежного механизма. Но для разрешения того вопроса, который нас занимает, этого влияния можно и не учитывать.

[10] Здесь имеется в виду, конечно, чисто капиталистическое хозяйство.

ценности того количества «всеобщего товара», которое составляет денежную единицу. Конкретно 1 руб. как орудие обращения по свой ценности может быть и не равен 1 руб. как денежной единице, т. е. ценности 17,424 доли чистого золота.

В самом деле. Вернемся к вышеприведенному уравнению, из которого мы исходим.

Левая часть уравнения складывается из двух величин: ценности единицы орудия обращения (*Ц*) и их количества (*К*). Произведение этих двух величин (*ЦК*) определяется потребностью товарооборота и изменяется в зависимости от изменения этой потребности. Если потребность оборота в деньгах увеличивается, соответственно увеличивается и произведение ценности единицы орудия обращения на их количество; если потребность оборота в деньгах уменьшается, произведение ценности единицы орудия обращения на их количество уменьшается. Но увеличение (или уменьшение) этого произведения может быть результатом увеличения (или уменьшения) ценности единицы орудия обращения, увеличения (или уменьшения) количества денежных единиц и, наконец, соответственного изменения обеих этих величин.

В качестве орудий обращения, как известно, могут циркулировать деньги, выполняющие только эту функцию, но могут циркулировать и такие, которые одновременно выполняют и другие функции.

Если в качестве орудия обращения циркулируют деньги, которые в то же время выполняют и все другие денежные функции, в том числе и функцию мерила ценностей, то ценность денежной единицы, образуемая вне обращения, независимая от него, не может изменяться в зависимости от изменения потребностей товарооборота (правой части уравнения). В этом случае, очевидно, будет изменяться количество орудий обращения. Если же в обороте циркулируют деньги, выполняющие только функцию орудия обращения, рузультаты изменения потребности оборота (правой части уравнения) будут самые разнообразные. Эти изменения могут оказать воздействие как на количество остающихся в обороте орудий обращения, так и на ценность единицы орудия обращения, так и на то и другое одновременно, в одинаковом и разном направлениях. В первом случае ценность единицы орудия обращения будет полностью совпадать с ценностью денег, выполняющих все свойственные им функции, главным образом функции мерила ценностей; во втором — ценность первой будет отклоняться от ценности второй. В первом случае ценность орудия обращения является (в формуле) величиной п о с т о я н н о й, ибо изменение ее находится вне зависимости от величин, выраженных в уравнении; во втором случае ценность единицы орудия обращения оказывается величиной п е р е м е н н о й, она определяется ценностью представляемого ею «всеобщего товара», а количество представляемого единицей орудия

обращения «всеобщего товара» определяется, с одной стороны, потребностью товарооборота, с другой — количеством циркулирующих единиц орудия обращения.

Чем же определяется это последнее, т. е. количество циркулирующих орудий обращения?

Орудия обращения, по крайней мере при развитом товарно-денежном хозяйстве, предполагающем и основывающемся на существовании государства, нуждаются для своей обращаемости, как мы уже говорили, в санкции государственной власти. Государственная власть, оформляя орудия обращения, снабжает их силой законного платежного средства. С этой точки зрения роль государства в денежном обращении не так уже мала. Не нужно ее преувеличивать, но не нужно ее и преуменьшать. Если деньги как определенная социально-экономическая категория являются результатом стихийного исторического процесса, то деньги как орудие обращения только в этой функции, по крайней мере, в развитом товарном хозяйстве, являются в значительной степени результатом творческой деятельности государства. Орудия обращения воплощаются в монетах, бумажных знаках, значимость которых обусловливается подтверждением государственной власти. Вот почему можно сказать, что если деньги создаются историческим процессом, то орудия обращения творятся государством. Не правы номиналисты, когда говорят, что деньги являются результатом правотворческой деятельности государства, но по отношению к орудиям обращения эти их утверждения не совсем неправильны. Государство, правда, может отказаться от фактического осуществления права создания орудий обращения, как это бывает при свободной чеканке металла; но государство может эту возможность осуществить, как это бывает при закрытой чеканке, и в особенности при бумажно-денежном обращении.

Государство «создает» орудия обращения: оно дает название единице орудия обращения, обычно совпадающее с единицей денег как мерила ценностей и, наконец, определяет количество циркулирующих орудий обращения. Последнее, правда, проявляется весьма своеобразно. На анализе различных систем денежного обращения мы можем проследить развитие (или свертывание) этой формы «творческой» деятельности государства. С этой точки зрения имеют значение три системы денежного обращения: монометаллизм со свободной чеканкой металла, металлическое обращение с закрытой чеканкой металла и, наконец, бумажно-денежное обращение.

В первом случае государство фактически отказывается от установления количества орудий обращения в обороте; это установление оно предоставляет обороту. В этом случае ценность единицы орудия обращения (рубль, франк, марка и т. д.) будет равна ценности единицы мерила ценности. Отклонения возможны

только весьма незначительные и временные. Общая же тенденция характеризуется равенством ценности той и другой.

Во втором случае государство как будто произвольно устанавливает количество циркулирующих орудий обращения, но, как мы увидим в дальнейшем, эта произвольность заключена в узкие рамки.

Наконец, в третьем случае государство без всяких ограничений свободно определяет фактически циркулирующее количество орудий обращения. В этом случае оно ничем не ограничено. Оборот же вносит корректив, изменяя ценность единицы орудия обращения.

Но в том, в другом и третьем случаях общая ценность всей циркулирующей массы определяется независимо от государства потребностью товарооборота.

Таким образом, в виде общего правила мы можем считать, что количество фактически циркулирующих орудий обращения определяется волей государственной власти, но коррегируется оборотом. Степень влияния государственной власти колеблется: от ничтожной, как это бывает при монометаллизме со свободной чеканкой металла, до ничем не ограниченной, как это наблюдается при бумажно-денежном обращении.

Совпадение ценности единицы орудия обращения с ценностью единицы мерила ценностей мы наблюдаем только в первом случае; во всех же остальных этого совпадения нет: ценность единицы орудия обращения отклоняется от ценности единицы мерила ценности, хотя наименования одной и другой остаются одинаковы.

Таким образом, как мерило ценностей, ценность денег определяется ценностью з а к л ю ч е н н о г о в них материала, но в качестве мерила ценностей могут выступать только такие деньги, которые являются благом, имеющим самостоятельную ценность; в качестве орудий обращения может выступить и символ «всеобщего товара», и ценность таких денег как орудий обращения определяется ценностью п р е д с т а в л я е м о г о ими «товара».

Сказанное требует более подробного объяснения, к которому мы и переходим.

Государственная власть, мы говорили, может при выпуске денег, при узаконении того или иного их количества, целиком исходить из требований товарообмена, предоставить фактически последнему определять количество циркулирующих орудий обращения, — это достигается введением свободной чеканки металла; государственная власть может произвольно, не приспособляясь к требованиям товарообмена, определять количество орудий обращения, — это будет при отсутствии свободной чеканки, при ограниченной чеканке металла, при закрытой валюте [11].

[11] Речь пока идет только о металлических деньгах.

Свобода чеканки не обозначает, конечно, что всякий может чеканить монеты по своему усмотрению. Свобода чеканки обозначает, что каждый владелец металла имеет право требовать, а государство не имеет права отказывать в перечеканке представленного металла в монеты.

«Золотая монета, — читаем мы с статье 5 старого русского монетного устава, — чеканится как из золота, принадлежащего казне, так и из золота, представляемого для сего частными лицами. Приносителям золота не может быть отказано в приеме оного для передела в монету, если количество представленного ими чистого металла не менее одной четверти фунта». Последнее ограничение имело исключительной целью устранение технических затруднений расчета.

Таким образом, при свободной чеканке металла количество выпускаемых денежных знаков определяется не произволом государственной власти, а количеством приносимого металла. Это же последнее, т. е. количество приносимого металла, всецело определяется условиями товарооборота.

Происходит это следующим образом.

Мы уже указывали, что ценность денег как мерила ценностей определяется ценностью заключенного в них материала. Ценность же денег как орудий обращения определяется ценностью того количества металла, которое этими орудиями обращения символизируется, представляется.

Предположим, товарный оборот, в зависимости от всех факторов, влияющих на необходимое количество денег, — и массы товаров, и среднего уровня товарных цен, и скорости обращения денег, и суммы и характера кредитных сделок и т. д.,— нуждается в орудиях обращения в сумме на 1 000 000 руб. Если начеканено монет на ту же сумму, то оборот полностью обслуживается.

Предположим теперь, что начеканено денег только на 500 000 руб. Обороту же требуется 1 000 000 руб. Орудия обращения являются представителями золота. Все циркулирующие орудия обращения в своей совокупности представляют все то количество денежного металла, в котором оборот нуждается. Следовательно, циркулирующие 500 000 денежных знаков являются представителями 1 000 000 руб., или, вернее, 17 424 000 долей чистого золота. На долю каждой циркулирующей единицы орудия обращения приходится представлять 34,848 доли чистого золота, т. е. 2 денежные единицы: 1 руб. как орудие обращения равен 2 руб. как мерилу ценностей.

Получается, таким образом, что 17,424 доли чистого золота в монете, этом орудии обращения, оцениваются выше, нежели то же золото в слитках, т. е. как обыкновенный товар. Ясно, конечно, что в этом случае всем владельцам золота будет выгодно

переплавлять свой металл в монеты: золото в огромном количестве будет стекаться на монетный двор, и чеканка монеты увеличится.

Таким образом, увеличение чеканки монеты произошло не потому, что так захотело государство, а потому, что на рынке обнаружился недостаток в орудиях обращения.

Предположим теперь, что приток металла на монетный двор был так велик, что очень скоро было начеканено монет еще на 1 500 000 руб., так что в обращении уже начало циркулировать денег на 2 000 000 руб. Оборот же по-прежнему нуждается в орудиях обращения на 1 000 000 руб.

В этом случае на долю каждой денежной единицы как орудия обращения выпадает представлять не 17,424 доли чистого золота, а в 2 раза меньшее количество, т. е. 8,712, ибо, повторяем, вся масса циркулирующих орудий обращения в своей совокупности представляет то количество металла, которое необходимо для нормального товарооборота.

Таким образом, в этом случае металл в монете будет расцениваться вдвое ниже, чем в слитках, и, ясно, никто не станет приносить металл на монетный двор; даже больше того, будет выгодным переплавлять монеты в слитки или отправлять их в другие страны, где несоответствие между оценкой золота в монете и в слитках не наблюдается. Процесс ухода денежных знаков из каналов денежного обращения будет продолжаться до тех пор, пока соответствие между ценностью золота в монете и в слитках будет установлено, т. е., очевидно, до тех пор, пока в обращении останется столько денежных знаков, сколько нужно для оборота, или на 1 000 000 руб. Таким образом, и уменьшение количества циркулирующих монет совершается не по воле государственной власти, а в силу условий товарообмена, нуждающегося в меньшем количестве денежных знаков.

Установлением свободной чеканки государство приспособляет свою деятельность в области создания орудий обращений к потребностям товарного рынка. Введение института свободной чеканки создает такие условия, при которых увеличение и уменьшение количества циркулирующих денег совершается чисто автоматически, в зависимости от всех тех факторов, которые определяют необходимое количество денег. Факторы эти чрезвычайно изменчивы, и процесс автоматического заполнения каналов денежного обращения необходимыми знаками приспособляет денежный аппарат к изменчивым условиям оборота. В обращении никогда не остается ни больше, ни меньше того количества денежных знаков, какое для него необходимо.

При свободной чеканке металла ценность денег как мерила ценностей не может в течение продолжительного времени отклоняться от ценности денег как орудий обращения. Создаются такие условия, когда количество представляемого орудиями об-

...

ращения металла как раз равно тому количеству, которое фактически содержится в орудиях обращения.

Совершенно иное наблюдается в тех случаях, когда нет свободной чеканки металла, когда не оборот, а государственная власть свободно и произвольно определяет количество циркулирующих орудий обращения.

Предположим, государство выпускает орудий обращения, чеканит монет на 500 000 руб.; каждый рубль (единица орудия обращения) заключает в себе 17,424 доли чистого золота, следовательно, всего в монетах начеканено 8 712 000 долей чистого золота. Но обороту, по всем условиям товарообмена (массе товаров, среднему уровню товарных цен, скорости обращения денег, сумме и характеру кредитных сделок и т. д.), требуется в качестве орудий обращения 17 424 000 долей чистого золота, или же 1 000 000 руб. (денежных единиц). Очевидно, в этом случае на долю каждой единицы орудия обращения (рубля) приходится представлять не 17,424 доли чистого золота, а в 2 раза больше, т. е. 34,848 доли.

Деньги как орудие обращения будут оцениваться в 2 раза выше, нежели деньги как мерило ценностей. Количество представляемого монетой (орудием обращения) золота будет вдвое больше того количества, которое фактически в монете заключается.

При существовании свободной чеканки металла такое положение было бы только временным, ибо оно неизбежно вызвало бы приток металла на монетный двор. При отсутствии свободной чеканки этого не произойдет и расхождение ценности денег как орудий обращения и ценности денег как мерила ценностей будет реальным фактом.

Такие случаи происходили в истории неоднократно. В качестве примера можно было бы привести австрийское денежное обращение 1879—1892 гг., денежную систему Индии с 1893 г. и др.

В 1879 г. в Австрии была прекращена свободная чеканка серебра, и вместе с этим началось повышение ценности австрийских денег как орудий обращения.

Ценность металла (серебра), заключенного в 100 австрийских флоринах, равнялась:

В	1883	г.	82	фл.	38	кр. (золот.)
»	1887	»	72	»	42	» »
»	1888	»	69	»	34	» »
»	1889	»	69	»	38	» »
»	1891	»	73	»	15	» »

Как орудия же обращения 100 флоринов австрийской валюты оценивались:

В	1883	г.	84	фл.	8	кр. (золот.)
»	1887	»	79	»	85	» »
»	1888	»	81	»	39	» »
»	1889	»	84	»	33	» »
»	1891	»	86	»	33	» »

То же было и в Индии после 1893 г., когда была прекращена свободная чеканка серебра. К октябрю 1897 г. ценность рупии (индийской денежной единицы) как орудия обращения достигла 16 пенсов, между тем как ценность металла, заключенного в рупии, равна была несколько более 8,5 пенса (ценность рупии как мерила ценностей).

По этому поводу Гильфердинг, у которого мы позаимствовали вышеприведенные цифры, приводит весьма характерный рассказ, прекрасно иллюстрирующий действие ограниченной чеканки металла.

«Один приятель. — пишет Гильфердинг, — возвратившийся из путешествия по Индии, как-то рассказывал мне следующее. Он видел несколько европейцев, которые на одном индийском базаре покупали серебряные украшения. Индийский торговец, чтобы побороть их недоверие, не обманывает ли он их, предложил им взвесить украшения. Покупная цена должна, по его предположению, заключаться в серебряных рупиях равного веса. Европейцы с величайшим удовольствием приняли эти условия и заключили сделку, радуясь, что они возместили торговцу только стоимость металла, а стоимость обработки получили бесплатно. Они, разумеется, не знали, что, благодаря законодательству о денежном обращении, торговец получил цену, почти на 100% превышающую стоимость металла» [12].

К этому рассказу Гильфердинг совершенно резонно и справедливо добавляет: «Можно признать, что это — заслуженный штраф за экономическое невежество, и пожалеть только, что его нельзя превратить в общую меру» [13].

При отсутствии свободной чеканки металла государство произвольно устанавливает количество орудий обращения, но ценность этих орудий обращения определяется совершенно независимо от воли государственной власти. Ценность денег как орудий обращения и в этом случае определяется общими народнохозяйственными условиями. Ценность денег как орудий обращения отклоняется от ценности денег как мерила ценностей.

Ценность денег как орудия обращения может быть и выше ценности их как мерила ценностей. На примере индийского денежного обращения мы видели, что ценность рупии как орудия обращения была почти в 2 разе выше ценности их как мерила ценностей.

Но может ли в этом случае ценность денег как орудия обращения быть ниже ценности их как мерила ценностей?

Выше мы приводили гипотетический пример, когда государство чеканит монеты в количестве меньшем, чем это требуется оборотом: условия товарообмена требуют орудий обращения на

---

[12] Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1912, стр. 33—34.
[13] Там же, стр. 34.

1 000 000 руб. (17 424 000 долей чистого золота), государство же чеканит монет только на 500 000 руб. (8 712 000 долей чистого золота). В этом случае каждая денежная единица как орудие обращения будет оцениваться как 34,848 доли чистого золота, как мерило же ценностей — только как 17,424 доли.

Но, предположим, государство чеканит металла больше, чем это требуется товарным оборотом. При нужде оборота в 1 000 000 руб., вернее в 17 424 000 долей чистого золота, государство чеканит монет на 2 000 000 руб., т. е. 34 848 000 долей чистого золота. В этом случае, очевидно, каждая денежная единица (рубль) будет содержать 17,424 доли чистого золота, но явится представителем, будет символизировать и, следовательно, как орудие обращения будет оцениваться в 2 раза дешевле, т. е. как 8,712 доли чистого золота. Золото в монете будет недооценено в сравнении с таким же количеством золота в слитках.

Государство может поставить препятствия чеканке монеты, у в е л и ч е н и ю количества циркулирующих орудий обращения, но оно не может препятствовать уходу металла из каналов денежного обращения, у м е н ь ш е н и ю количества орудий обращения. Если золото в монете оценивается ниже золота в слитках, естественно, станет выгодным переплавлять монеты в слитки. Количество циркулирующих орудий обращения, выпущенных государством, неизбежно будет уменьшаться, и этот процесс ухода металла из каналов денежного обращения будет продолжаться до тех пор, пока ценность металла в монете не сравняется с его же ценностью в слитках, или, иначе, до тех пор, пока ценность денег как орудий обращения не станет эквивалентной ценности их как мерила ценностей.

Таким образом, расхождение ценностей разбираемых двух форм проявления денег может быть только в сторону относительного увеличения ценности денег как орудия обращения, опуститься же ценность денег как орудий обращения может только до уровня ценности заключенного в монете металла, т. е. до ценности денег как мерила ценностей.

Ценность орудий обращения в зависимости от чрезвычайной и постоянной изменчивости факторов, ее определяющих, колеблется, но при ограниченной чеканке металла это колебание, не имея пределов в сторону повышения, имеет определенные границы в сторону ее понижения.

Заметим кстати, что совершенно противоположное, как это будет показано в дальнейшем, наблюдается при циркуляции бумажных орудий обращения.

Это обстоятельство указывает, между прочим, на то, что и в определении количества циркулирующих орудий обращения государство при закрытой чеканке металла не так уж свободно. Оно может уменьшить это количество по своему произволу, но увеличивать его в большом размере оно не может. Увеличивать

это количество оно может лишь до того размера, пока ценность денег как орудий обращения не сравняется с ценностью их как мерила ценностей, ибо, перейдя эти размеры, государство неизбежно вызывает утечку металла из каналов денежного обращения. Не ограниченное в количестве орудий обращения м и н и м у м о м, государство наталкивается на непреодолимые препятствия, весьма ограничено их м а к с и м у м о м.

Примеры валют, характеризующихся отсутствием свободной чеканки металла, весьма показательны как яркие факты расхождения ценности денег как мерила ценностей, и ценности денег как орудий обращения; они служат показателем самостоятельного «бытия» ценности денег как орудий обращения; они служат фактами, подтверждающими развитые соображения относительно ценности денег. Такое же расхождение замечается и при свободной чеканке, но оно бывает временным; но так или иначе, а ценность денег как орудий обращения, во-первых, колеблется и, во-вторых, может быть и не равна ценности денег как мерила ценностей.

Недостаточное расчленение отдельных функций денег, стремление разрешить проблему ценности денег независимо от форм их проявления (деньги как мерило ценностей, деньги как орудие обращения и т. д.) составляет, по нашему мнению, основную ошибку господствующих теорий денег [13а]. При такой постановке вопроса неизбежно сведение сущности денег к одной только из их функций, но перенесение законов образования ценности денег как выполнителей одной из их функций на ценность денег вообще ведет к односторонности, неполноте, неизбежно порождает ряд противоречий и неправильных выводов.

Попытаемся же рассмотреть с этой точки зрения некоторые господствующие, наиболее популярные, распространенные теории денег. Остановимся на номиналистической и количественной теории денег [14].

2

Деньги выполняют функцию мерила ценностей. Ценность всех товаров находит свое выражение в деньгах. Для взаимного соизмерения все товары приравниваются к деньгам, и сравнение

[13а] Главная ошибка буржуазных теорий денег состоит в отказе от концепции трудовой стоимости в целом и ее применения к деньгам в частности (*Прим. ред.*).

[14] Критическое изложение указанных теорий отнюдь не имеет целью подвергнуть их углубленному изучению. Для полного знакомства с ними нижеследующее изложение абсолютно недостаточно. Мы останавливаемся на господствующих теориях только для иллюстрации тех выводов, которые нами сделаны в тексте. Поэтому мы останавливаемся только на некоторых представителях указанных выше теорий и только на некоторых сторонах их учения. Совершенно очевидно поэтому, что наше изложение очень далеко от исчерпывающей полноты.

цен различных товаров происходит установлением отношения между деньгами, которыми выражается ценность товаров. Когда говорят, что один фунт чая оценивается вдвое дороже одного фунта сахара, то это означает, что количество золота как денежного материала, которым выражается цена одного фунта чая, сравнивается с количеством золота, которым выражается цена одного фунта сахара, и констатируется, что фунт чая эквивалентен вдвое большему количеству золота, нежели один фунт сахара.

Для соизмерения товаров (их ценностей) необходимо не только приравнивание их деньгам, но является потребность в измерении самих денег, различного их количества. Соизмерение же самих денег происходит посредством выражения их в каких-либо единицах меры: если в качестве денег выступает золото, то измерение самого золота может происходить посредством какой-либо весовой единицы: унции, лота, золотника, доли и т. д. Определенное весовое количество металла (денежного материала) может быть обозначено каким-нибудь наименованием: рубль, марка, франк, фунт стерлингов, доллар и т. д. Так получается счетная единица, посредством которой измеряются различные количества золота, устанавливается соотношение между различными количествами денежного материала.

Установление единицы измерения золота, счетной единицы — дело совершенно условное, так же как условно и название этой единицы, но так как эта условность должна быть общепризнана, приобрести всеобщий характер, то, очевидно, установление счетной единицы, как и название этой единицы, должно исходить от достаточно авторитетной организации, в которой проявляется в максимальной степени воля товаровладельцев. Высшей формой такой организации является государство, почему на его долю выпадает если не само установление, то, по крайней мере, формальное признание, узаконение счетной единицы и ее наименование.

Возьмем для примера старую русскую золотую монету. Вычеканенная определенным образом, имевшая определенную форму, рисунок, внешний вид, золотая монета содержала в себе 87,12 доли чистого золота; кроме того, на монете обозначалось, что это «пять рублей».

87,12 доли чистого золота — это определение достоинства монеты; пять рублей — наименование монеты, счетное ее обозначение.

87,12 доли чистого золота имело в монете наименование «пять рублей». Узаконение 17,424 доли чистого золота в качестве счетной единицы и наименование этой счетной единицы «рублем» — дело, конечно, условное и могло быть совершено поэтому законодательным актом (см. Монетный устав 1899 г.).

Отсюда можно сделать такой вывод: так как цена всякой вещи выражается в известных счетных наименованиях, то и цена золота выражается так же, т. е., можно сказать, что цена монеты равна 5 руб. Счетное же название произвольно устанавливается государством, следовательно, получается, что и цена денег произвольно устанавливается государством.

Этим самым наименование монеты делается совершенно независимым от ее содержания. Отсюда же как будто можно сделать вывод, что содержание монеты вообще не имеет никакого значения, ибо цена монеты исчерпывающе определяется ее счетным названием.

Денежный материал может не иметь никакой ценности. Ценность денег дается в их наименовании, а так как это последнее устанавливается или, по крайней мере, формально утверждается государством, то, следовательно, деньги не имеют самостоятельной ценности, ценность их номинальна (nomen — имя, название), и эту ценность они имеют только благодаря государственной власти: государство, и только оно, является источником ценности денег.

Такова исходная посылка, из таких соображений и исходит так называемая номиналистическая теория денег. С точки зрения номиналистов ценность денег фиктивна; они обладают ценностью только по воле закона.

Эту точку зрения развивали еще древние мыслители. Платон называет деньги «условным меновым знаком». Аристотель полагает, что деньги возникли путем соглашения, не из нужды вещей, а путем закона. «Люди, — по его мнению, — условились давать и принимать за каждый товар нечто, как эквивалент». Римский юрист Павел, указывая на затруднительность непосредственного обмена товара на товар, говорит: «Было выбрано *вещество, общественная* оценка которого, освободив его от колебаний, присущих другим товарам, сообщила ему постоянную внешнюю (номинальную) ценность; это вещество было снабжено со стороны общества знаком (его внешней ценности), и употребление и меновая сила его основываются не столько на его субстанции, сколько на номинальной ценности» [15].

Особенно отчетливое выражение номиналистическая теория получила у средневековых камералистов, защищавших исключительную монополию государственной власти на чеканку монеты.

В XVIII в. в духе номинализма высказывались такие видные рационалисты, как Локк, Давид Юм, Монтескье и др.

Юм писал, что деньги — не что иное, как только способ таксаций, оценка вещей, и сами по себе не имеют никакой ценности, кроме фиктивной.

---

[15] Цит. по кн.: К. Менгер. Основания политической экономии. Одесса, 1903, стр. 250.

По мнению Монтескье, деньги — это только знак, который представляет ценность всех товаров.

В эпоху складывания сильной государственности в России при Петре Великом номиналистическая точка зрения нашла своего выразителя в лице оригинального мыслителя (к сожалению, до сих пор мало оцененного, как экономиста) И. Посошкова.

«Иноземцы, — писал И. Посошков, — в своих иноземских деньгах сличают цену по положенному в них материалу, а не по власти королевской: они паче почитают серебро и медь . . . Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем; нам не медь дорога, но дорого его царское именование. Того ради не вес в них числим, но счисляем начертание на ней . . . И посему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля. У иноземцев короли такой власти не имеют, яко народ; и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди. И те купцы по купечеству своему товары в деньгах числят, а королевскую персону полагают на них вместо свидетеля, что та цата имеет в себе толико товару, за что она идет. А по нашему простому разумению, то стало быть королю бесчестье, а не честь, что не по имени его деньги в себе силу имеют, но по купеческой цене . . . У нас столь сильно его пресветлого величества слово, ащеб повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то она за рубль и в торгах ходить стала во веки веков неизменно» [16].

Практическая задача старой номиналистической точки зрения заключалась в следующем: в стремлении оправдать создание сильной государственной власти исходили из взгляда, что государство всевластно; номиналисты мотивировали необходимость монетной регалии, а это часто служило оправданием злоупотреблений государственной власти этой регалией, выражавшихся в колоссальной порче монеты.

Практическая тенденция современных теорий, конечно, заключается не в том, чтобы оправдывать злоупотребления монетной регалией. Интересующая нас теория в настоящее время служит главным образом для оправдания бумажно-денежного обращения. А исходной посылкой является вера в возможность и в условиях капиталистического хозяйства рационализации хозяйственных явлений. Поэтому номиналисты нового времени значительно отличаются от своих предшественников своей аргументацией, хотя в конечном результате приходят к тем же выводам.

Теодор Фрич пишет: «. . . Мы оспариваем тот взгляд, будто деньги, в особенности золото, сами по себе представляют

---

[16] И. Посошков. Книга о скудности и богатстве. М., 1911, стр. 107, 108.

ценность . . . Мешок с золотыми монетами . . . сам по себе стоит не больше, чем мешок, наполненный проштемпелеванными почтовыми марками. Деньги — не что иное, как платежная марка, мнимая ценность» [17].

Фридрих Бендиксен также заявляет: «Деньги имеют свою ценность не от золота, но золото имеет ценность от денег, т. е. от законодательных определений относительно сущности денег» [18]. Правовой порядок, государственное веление, в силу которого деньги приобретают значение, — самое главное. Клеймо творит деньги, а не материя, на которое оно наложено.

Наиболее ярким, оригинальным выразителем, создавшим целую школу и нашедшим немало последователей номиналистической точки зрения является Кнапп, книга которого «Staatliche Theorie des Geldes» оказала большое влияние на дальнейшее развитие учения о деньгах [19].

---

[17] T. Fritsch. Zwei Grundübel. Bodenwucher und Börse. Leipzig, 1894, S. 162.

[18] F. Bendixen. Geld und Kapital. Jena, 1922, S. 5.

[19] Номиналистическая теория имеет в настоящее время чрезвычайно много сторонников. Переход с начала мировой войны большинства европейских государств к бумажно-денежному обращению способствовал распространению номиналистических воззрений. Практика же бумажно-денежного обращения, особенно первых лет войны, давала как будто основание для подтверждения номиналистических воззрений. «Текущая война, — говорит Бендиксен, — доказавшая невозможность идентифицировать имперскую марку с определенным количеством золота, дала эмпирическое оправдание «государственной теории денег. . .» «Man wird einsehen lernen, daß die staatliche Theorie die Elementarlehre des Geldes ist, über die man so wenig streitet, wie über das Einmaleins, und daß man sie einfach wissen muss, wenn man wissenschaftlich über das Geld arbeiten will» («Впоследствии поймут, что государственная теория является основой учения о деньгах. О ней нужно так же мало спорить, как о таблице умножения. Ее просто следует знать, если хочешь научно мыслить о деньгах». — *Ред.*). (F. Bendixen. Währungspolitik im Lichte des Weltkrieges, S. 86, 87).

Очень интересными и оригинальными представителями номинализма являются Гейн (Heyn) и Бендиксен, но ввиду того, что их внимание сосредоточено преимущественно на практических выводах, мы на них не останавливаемся, хотя и их теоретические исходные предпосылки представляют большой интерес.

Заметим кстати, что практические выводы их чрезвычайно интересны и заслуживают серьезного внимания. Вместе с тем считаем небесполезным подчеркнуть, что особенно интересен (и подчас весьма убедителен) Бендиксен в своей критике металлизма (см. например, его статьи «Vom theoretischen Metallismus», «Nominalismus und Metallismus» в сборнике «Geld und Kapital»).

Номиналистическая теория имеет очень много вариантов. Мы останавливаемся на Кнаппе, как на наиболее оригинальном, отчетливо формулировавшем свои идеи, мыслителе, тем более, что другие представители этого направления, в частности и наиболее яркий и талантливый Ф. Бендиксен, сами причисляют себя к ученикам, продолжателям Кнаппа.

Нет никакого сомнения, что современные номиналистические воззрения корни свои находят в учении Кнаппа.

Нам нет надобности останавливаться на всех сторонах его учения, в известной степени интересного и оригинального, мы не будем останавливаться также и на его учении о денежном обращении, валютной политике (установлении интервалютарного курса), не будем разбираться и в его классификации денег.

Для нашей задачи достаточно ограничиться только рассмотрением основных его положений относительно сущности денег и их понятия.

«Деньги, — по мнению Кнаппа, — продукт права; в историческом развитии деньги принимали различные формы, теория денег поэтому может быть только историко-правовой» [20].

В этом утверждении, являющемся исходной посылкой всех дальнейших суждений Кнаппа, уже заключается характерное для его теории. Если деньги являются продуктом права, следовательно, «творцом» денег, источником их функционирования надо считать закон, государство.

С точки зрения Кнаппа, государство является платежной организацией; государство устанавливает правовые нормы, определяющие употребление денег для платежей. В основании циркуляции денег лежат государственные законы, потому что «сущность денег (die Seele des Geldwesens) заключается не в материале знаков, а в правовых нормах, регулирующих их употребление» [21].

Всякие деньги, будь то металлические или бумажные, являются видовым понятием платежного средства. А платежное средство создается исключительно правом. Платежное же средство может быть хозяйственным благом, но может им и не быть; например, бумажные деньги — платежное средство, но хозяйственным благом назвать их ни в коем случае нельзя.

Для того чтобы вещь была платежным средством, вовсе не надо, чтобы она была хозяйственным благом.

В самом деле. Возьмем металлические деньги, которые как деньги не возбуждают ни в ком сомнений. Что определяет пригодность их как платежного средства? То, что они — товар, ценность, т. е. признак чисто технический? Или же признак социальный, — то, что они служат общепризнанным орудием обмена?

Собственник металла может дать ему двоякое употребление: он может использовать его для удовлетворения своих личных потребностей — в этом случае металл будет служить «реальному удовлетворению потребностей»; но собственник металла может использовать его для приобретения (покупки) других предметов —

---

[20] G. K n a p p. Staatliche Theorie des Geldes. München — Leipzig, 1921, S. 1.

[21] Ibid., S. 2.

в этом случае металл, по выражению Кнаппа, будет служить «циркуляторному удовлетворению потребностей» [22].

Первое — возможность использовать металл для реального удовлетворения потребностей — не имеет никакого значения; для металла как денег имеет значение только возможность использовать его для «циркуляторного» удовлетворения потребностей. Но такая возможность дается государством и может быть дана и не металлу, и даже вовсе не хозяйственному благу; важно только, чтобы государство санкционировало ту или иную вещь как платежное средство и всей силой своей власти принуждало бы обитателей государства признавать ее таковым.

В общей форме понятие платежного средства можно определить как движимую вещь, пригодную для циркуляторного употребления. «Дать более точное определение довольно трудно, так же как в математике нельзя дать точного определения линии или числу, или же в зоологии — точно ответить, что такое животное». «Точно соответствует смыслу наших воззрений, — говорит Кнапп, — если под платежным средством понимать движущую вещь, трактуемую правом, как носительницу единицы ценности» [23].

Но тогда возникает вопрос, что же такое единица ценности? «Для нас единица ценности есть не что иное, как единица, в которой выражается величина платежей» [24].

В самом деле. Если государство объявляет ту или иную вещь платежным средством, никто не имеет права отказываться от приема ее в уплату причитающегося долга.

Но ведь долг исчисляется в каком-нибудь количестве ценностей; платежное средство требует существования единицы ценности. Откуда же возникает единица ценности, на которой базируются платежные средства?

На это Кнапп отвечает следующим образом. Предположим, в какую-либо страну прибывает иностранец. Он покупает ряд продуктов, производит платежи. Для того чтобы производить платежи, ему прежде всего необходимо знать, какая в данной стране единица ценности, каково ее название — марка, франк, крона, фунт стерлингов? Зная это, он сможет выполнять свои платежи.

Таким образом, самое важное для иностранца узнать н а з в а н и е единицы ценности [25].

Какое же содержание вкладывается в это название? Можно ли сказать, как думают металлисты, что марка — это $^1/_{1395}$ фунта золота, что рубль — это 17,424 доли чистого золота и т. д.?

---

[22] Ibid., S. 4.
[23] Ibid., S. 6.
[24] Ibid., S. 6, 7.
[25] Ibid., S. 7.

На это Кнапп отвечает отрицательно. Если еще можно это говорить относительно металлических денег, то относительно неразменных бумажных денег утверждать это едва ли кто решится. Единица ценности не материальна, она номинальна и устанавливается авторитарно государственной властью.

Для доказательства этого Кнапп приводит такого рода соображение историко-правового характера.

Предположим, в какой-либо стране в качестве платежного средства циркулирует медь. Под влиянием каких-либо причин в качестве платежного средства вводится другой металл, например серебро. Как в этом случае ликвидируются сделки? Как регулируются отношения, какие права и обязанности возникают между кредиторами и должниками?

Предположим, по какой-либо сделке Иван (должник) должен уплатить Петру (кредитору) 100 руб., что при медной валюте составляло 100 фунтов меди. Но к моменту выполнения обязательства платежным средством признается государством серебро. В этом случае уплата долга производится медью или серебром по выбору должника (Ивана): кредитор (Петр) не имеет права отказываться и от серебра.

Но каким количеством серебра должник имеет возможность погасить свой долг? Какое количество серебра приравнивается 100 фунтам меди? 50, 25, 10? Это всецело зависит от государственной власти. Государственная власть авторитарно устанавливает, что 20 фунтов меди равны 1 фунту серебра, и тогда должник может (а кредитор не имеет права отказываться от их получения) уплатить 5 фунтами серебра.

Государственная власть может установить и другое соотношение, но, что особенно важно, государство вовсе не считается с тем, какое соотношение существует на рынке между ценностью меди и серебра. То, что серебро и медь являются товаром и могут служить для реального удовлетворения потребностей, не имеет никакого значения; серебро и медь являются только платежным средством, и в качестве таковых они утверждаются только государственной властью.

Ценность денег, как и единица ценности, номинальна, определяется исторически, устанавливается авторитарно. И выбор платежного средства является свободным актом государственной власти, и наименование платежного средства — свободный акт государственной власти, и установление отношения между старой и новой единицей ценности — свободный акт государственной власти [26].

До возникновения государства, а следовательно, и з а к о н н о г о платежного средства, денег в настоящем значении этого слова, в сущности не было. Законное платежное средство мо-

[26] G. Knapp. Op. cit., S. 19.

жет быть только при существовании организованного общежития, и это последнее не только устанавливает платежное средство, но и определяет достоинство платежного средства.

Монета — оформленный кусок металла — настоящие деньги. На монете государство отмечает, что она равняется стольким-то единицам ценности, например, 5 руб., 10 франкам, 20 маркам, или, как выражается Кнапп, государство прокламирует достоинство монеты.

Реальный вес монеты не имеет никакого значения. Разве монета не стирается? — и все же имеет то же хождение. Важен не реальный вес монеты, а прокламаторное ее достоинство.

«Деньги — это хартальное платежное средство» [27]. Деньги — это такое платежное средство, которому государство сообщает определенную форму и достоинство которого определяется прокламаторно. Клейменые злаки с прокламаторной силой — деньги, независимо от того, содержат ли они металл или нет.

С этой точки зрения бумажные деньги ничем не отличаются от металлических и во многих отношениях имеют даже, в сравнении с металлическими деньгами, большие преимущества.

Таковы в общих чертах основные моменты учения Кнаппа. Снова повторяем, наше изложение далеко не исчерпало всего учения Кнаппа. Для нашей цели важны были только основные посылки учения Кнаппа, которые могут быть сведены к трем утверждениям:

1. Какие именно предметы являются платежным средством, определяется исключительно государством.

2. Единица ценности устанавливается авторитарно государством.

3. Платежная сила денег произвольно устанавливается государственной властью.

С точки зрения Кнаппа понятие «ценности денег» весьма неопределенно. Он отрицает реальность такой экономической категории. Изменение того, что обычно называют «ценностью денег», невозможно: когда по вздорожанию товаров судят об изменении ценности денег, совершают большую ошибку. Деньги не имеют ценности, они обладают только платежной силой (Geltung), эту же последнюю они имеют по велению государственной власти. Платежная сила денег номинальна, она устанавливается государством прокламаторно, исторически [28].

Рассмотрим указанные основные положения номиналистического учения Кнаппа.

---

[27] Ibid., S. 31.

[28] Ibid., S. 436—448. Это положение Кнаппа не делает его теории менее уязвимой; наоборот, в такой постановке вопроса основная ошибка Кнаппа, заключающаяся в том, что он деньги рассматривает только в одной их функции, а именно в функции платежного средства, вырисовывается еще более резко.

Первое. Государство свободно определяет, какие именно предметы служат деньгами (или платежным средством, что для Кнаппа одно и то же).

Такое утверждение явно противоречит историческим фактам. Как доказывает история денег, огромнейший материал, собранный этнографами и нумизматиками, «свобода» государства в выборе денежного материала до такой степени ограничена, что от свободы ничего не остается. Эта свобода целиком и полностью предопределяется всей хозяйственной эволюцией, процессом, происходящим вне воздействия государства.

На первый взгляд может показаться, что всякий платежный знак, который объявляется таковым государством, является деньгами. Но для того чтобы тот или иной знак выступал в роли денег, необходимо, чтобы оборот принял их в качестве таковых. В истории неоднократно бывали примеры, когда оборот, общество создавало вместо «прокламированных» государством денег и рядом с ними свои собственные денежные знаки.

А. Мануйлов совершенно справедливо замечает: «Если бы государство вздумало ввести в качестве платежного средства, например, каменные глыбы, то вследствие неудобств, которые представляли бы подобные деньги по своей громоздкости, жизнь, без сомнения, отвергла бы их и создала бы наряду с государственными деньгами свои, «общественные» деньги. Золото и серебро взвешивалось бы и штемпелевалось бы частными лицами при совершении сделок, как это делается, например, в Китае, а государственное платежное средство не вошло бы в употребление» [29].

Не потому благородные металлы сделались законным платежным средством, что это было «прокламировано» государством, а государство «прокламировало» золото и серебро потому, что и до его вмешательства золото и серебро выступали в роли всеобщего эквивалента. В этом отношении законодательство, по справедливому замечанию Конанта, «стремится только утвердить определившиеся уже суждения общества» [30].

«Нельзя полагать, — читаем мы у Эрве-Базэна, — что товары превращаются в деньги вследствие приказа правительства. Оно только утверждает единодушное суждение общества. Тот, кто в настоящее время захотел бы сделать деньгами зерно, муку или скот, потерпел бы полную неудачу» [31].

Данный нами краткий исторический очерк показал, что государственная власть только фиксирует создавшиеся фактически отношения. Объективный ход вещей, стихийное развитие мено-

---

[29] А. Мануйлов. Учение о деньгах. М., 1913, стр. 43.

[30] Charles A. Conant. The Principles of Money and Banking, v. 1. N. Y. — L., 1905, p. 365.

[31] Hervè-Bazin. Traitè Elementaire d'Economie Politique. Paris, 1880, p. 205.

вых актов выделяет тот или иной товар для выполнения функций денег.

В какой форме государство оказывает воздействие на материал, из которого делаются деньги? Оно прежде всего чеканит монеты. И в этом случае оно «ничего не изменяет, кроме количественных подразделений золота. Если оно раньше делилось и измерялось по весу, то теперь — на основе какого-либо иного масштаба, произвольного, а потому неизбежно построенного на сознательном соглашении. Так как общество товаропроизводителей находит свою высшую сознательную организацию в государстве, то государство и должно санкционировать это соглашение, чтобы оно приобрело значение во всем обществе» [32].

Государство чеканит монеты, но не создает деньги; и материал, из которого оно чеканит монеты, предопределяется всем ходом исторического развития, а не свободным выбором государственной власти. Неслучайно то, что во всех государствах денежный материал одинаков, и это едва ли было бы возможным, если бы выбор его был свободным актом государственной власти.

Более приемлемым является в т о р о е положение общей теории Кнаппа, гласящее, что государство авторитарно устанавливает единицу ценности.

Но и это положение следует признать правильным только с большими ограничениями. Все существующие счетные монетные единицы устанавливались исторически, и корни этого установления надо искать не в свободном волеизъявлении государственной власти, а в глубинах народного творчества. Название счетной единицы, как и всякое другое название, слово, является продуктом стихийного массового творчества, а не государственной власти. Но, так или иначе, государство может проявить в этом случае инициативу, но может это сделать только потому, что название счетной единицы вполне условно и большого экономического значения не имеет.

Наиболее важное принципиальное значение имеет т р е т ь е положение: платежная сила (Geltung) денег номинальна, она авторитарно устанавливается государственной властью.

Это положение требует прежде всего следующего корректива. Поскольку веления государственной власти могут быть обязательными только в пределах государственных границ, постольку, очевидно, и прокламирование государством платежной силы денег имеет значение только для данного государства. За пределами государственных границ государственная власть авторитарно устанавливать платежную силу денег во всяком случае не может [33].

---

[32] Р. Г и л ь ф е р д и н г. Указ. соч., стр. 17.

[33] По мнению Кнаппа, государство может оказать воздействие и в сфере внешнего оборота посредством активной валютной политики. Но этого во-

Но и с таким ограничением основное положение теории Кнаппа не может быть признано правильным.

В самом деле. Что значит установить платежную силу денег? В чем выражается она?

Сказать, что 5 руб. стоят 5 руб., — значит ничего не сказать. Определить платежную силу 5 руб. можно по тому количеству благ (ценностей), которые могут быть приобретены на эти 5 руб. Если вчера можно было за 5 руб. купить 5 пудов хлеба, а сегодня только 3 пуда, то это могло быть результатом или увеличения ценности хлеба или уменьшения покупательной силы денег. Предполагая факторы, влияющие на образование ценности хлеба, неизменившимися, предполагая, что ценность хлеба не изменилась, придется прийти к заключению, что изменение цены хлеба явилось результатом уменьшения покупательной силы денег.

Впрочем, Кнапп такую постановку вопроса отрицает. Он говорит, что, может быть, с народнохозяйственной точки зрения вопрос об отношении между деньгами и товарами имеет значение. С точки же зрения юридической теории денег речь может идти при всяких условиях только об изменении ценности товаров, а не платежной силы денег. Рубль всегда остается рублем, марка — маркой, как бы ни изменились цены товаров. Но если вопрос поставить таким образом, то вся теория денег Кнаппа лишается какого бы то ни было народнохозяйственного значения. Она может иметь только значение для формально-классификационных задач, но эта классификация с точки зрения народнохозяйственной неизбежно будет бессодержательной. Вне анализа народнохозяйственного эффекта социального явления денег вся теория денег теряет жизненное содержание и смысл.

Едва ли следует подчеркивать неправильность самого утверждения, сводящегося к тому, что вздорожание товаров может быть результатом только увеличения ценности товаров, а не уменьшения «платежной способности» (Geltung) самих денег. Если опыт денежного обращения во время и после войны должен был многому научить, то, во всяком случае, он должен был продемонстрировать реальное значение изменения «платежной силы» денег.

Поэтому надо полагать, что теория денег Кнаппа лишь в той мере имеет смысл, в какой она могла бы утверждать, что государство может не только формально (сохраняя в сущности только наименование), но и материально устанавливать покупательную силу денег.

Но такое утверждение противоречит фактам реальной жизни.

В самом деле. Признать, что государство авторитарно устанавливает покупательную силу денег, — значит признать, что государственная власть имеет возможность устанавливать цены

проса, как не имеющего непосредственного отношения к нашей теме, мы здесь касаться не можем.

товаров, может подчинить себе, управлять законами образования товарных цен.

Но мыслимо ли сознательное, преднамеренное установление товарных цен в современном индивидуалистическом капиталистическом хозяйстве? Капиталистическое хозяйство предполагает, да и не может не предполагать, формальную свободу отдельных хозяйствующих индивидов. И закономерность капиталистического строя устанавливается не как результат хотений, желаний отдельных индивидов, а как результат столкновения различных воль, причем результат получается вовсе не тот, какой входил в расчеты отдельных участников хозяйства.

Как бы ни был силен отдельный член современной хозяйственной системы, будь это даже государство, он не может, **не нарушая, конечно, капиталистических отношений**, сознательно регулировать, тем более устанавливать товарные цены.

И все попытки установления товарных цен, какие встречались в истории, неизменно терпели крах. «Короли и республики постоянно упускали это из виду, — говорит Людвиг фон-Мизес. — Знаменитый эдикт Диоклетиана de pretis rerum venalium [33а], средневековые постановления о ценах, максимум французской революции — таковы наиболее известные примеры неудачных попыток принудительного вмешательства в меновые отношения. Все эти попытки терпели крушение не потому, что их юридическое значение ограничивалось в пространственном отношении пределами территории государства и что они оставляли без внимания международный рынок. Было бы ошибкой допустить, будто бы в изолированном государстве подобные постановления могли бы достигнуть желательного результата. Причиной их неудачи была не географическая, а фукциональная ограниченность государства. Лишь в социалистическом государстве, в рамках объединенной организации производства и распределения они могли бы достигнуть цели. Теперь же, когда регулирование производства и распределение представлены отдельным индивидам, они должны остаться безрезультатными» [34].

Но разве не существует фиксированных цен на целый ряд продуктов и услуг? Разве, например, государство не «авторитарно» устанавливает железнодорожные тарифы? Установление минимума заработной платы разве не является примером авторитарного вмешательства государственной власти в установление цены товара — рабочей силы? Наконец, во время войны почти во всех странах проводилась политика твердых цен, тарифов —

[33а] Буквально: «о цене вещи проданной». Имеется в виду изданный в 301 г. эдикт римского императора Диоклетиана о максимальных ценах на товары (*Прим. ред.*).

[34] L. Mises. Theorie des Geldes und Umlaufsmittel. München und Leipzig, 1924, S. 43—44.

не выразилось ли в этом авторитарное прокламирование товарных цен?

Но и наличность всех этих фактов едва ли может побудить к признанию возможности авторитарного установления покупательной силы денег.

Во-первых, случаи эти чрезвычайно редки и умножились только в условиях военного хозяйства, специфических обстоятельствах, обычно не свойственных капиталистическому хозяйству.

Во-вторых, что самое важное, при установлении твердых цен государство исходит не из своей авторитарной воли, а из рыночных условий. Цены устанавливаются не произвольно, а посредством учета всех факторов, влияющих на образование рыночных цен. Установлением так называемых твердых цен государство (или общество) стремится бороться со спекуляцией, с искусственным злонамеренным взвинчиванием цен, а не изменить или сознательно воздействовать на цены, поскольку они являются объективным результатом объективно сложившихся условий. И политика установления твердых цен только в том случае дает какие-нибудь результаты, если при определении этих цен исходят из рыночных условий; в противном случае эта политика заранее обречена на неудачу.

Приспособляясь к рыночным условиям, можно устанавливать твердые цены, но в этом случае вряд ли можно говорить об авторитарном установлении цен. В меновом товарном хозяйстве стихийные условия рынка господствуют над волей человека, и воля эта может проявиться и осуществиться лишь в той мере, в какой она приспособляется к внешним объективным условиям, образующимся вне воздействия человеческого сознания.

К этому надо прибавить еще следующее. Как известно, современная последняя стадия развития капиталистического хозяйства характеризуется господством монополистических хозяйственных организаций, свобода конкуренции сменяется монополией; она может быть обозначена, как господство монопольных цен; крупнейшие синдикаты и тресты и т. д., захватывая бóльшую часть определенной отрасли производства, монопольно и как будто авторитарно устанавливают товарные цены. Но на самом деле так называемые монопольные цены устанавливаются не «авторитарным» их «прокламированием», а посредством определенного воздействия на рынок, главным образом и чаще всего ограничением предложения тех или иных товаров, нормированием (контингептированием) этого предложения. Не цены «прокламируются», а оказывается возможное воздействие на факторы, влияющие па образование цен.

Авторитарно же устанавливать цены никакая отдельная хозяйствующая единица, как и государство, до тех пор, п о к а с у щ е с т в у е т к а п и т а л и з м, не может.

П. Б. Струве в результате подробных исторических изысканий относительно сознательного регулирования цен, установления «указных» цен, в противоположность ценам «вольным», приходит к следующему заключению:

«И в социологической вытяжке, и в конкретно-исторической обрисовке материал исторической феноменологии цены учит еще вот чему. Социальное (властное, начальственное) регулирование цен сводится к ряду попыток превратить цену из гетерогенического явления, получающегося в результате столкновения множества человеческих произволов, в явление автогеническое, в заранее учтенное и построенное решение воли какого-либо надындивидуального социального субъекта, субъекта хозяйствования и властвования. История учит тому, что при самых различных формах политического, социального и хозяйственного строя эти попытки плохо удаются. Цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно остается в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивляющимся рациональному социальному построению. Лишь новейшее время, с его железнодорожными тарифами, с его принудительно картельными ценами, с его регулированием заработной платы, расширяет поле рационального построения цены, создает, хотя бы на ограниченных пространствах, настоящее управление ценами. Но и в наше время цена остается все-таки по преимуществу явлением гетерогеническим, и идея полной рационализации цен и всецелого управления их царством представляется фантастической» [35].

Перейдем теперь к соображениям историко-правового характера. Кнапп говорит, что платежная сила денег определяется исторически. При введении нового платежного средства отношение между его ценностью и ценностью старых платежных знаков авторитарно устанавливается государственной властью.

Должники платят своим кредиторам по прежним (на старую валюту обозначенным) неликвидированным сделкам новыми платежными средствами. Каким же количеством новых денег ликвидируются старые обязательства? Это, по мнению Кнапна, полностью определяется государственной властью. Она властна установить между ценностью старых платежных знаков (предположим, медных) и новых (предположим, серебряных) отношение, равное отношению между их ценами, как товаров, но может этого и не сделать.

В первом случае государственная власть приспособляется к рыночным условиям; поэтому говорить об авторитарном установлении ценности денег не приходится.

Во втором случае приспособления нет, но зато государство неизбежно нарушает интересы или должников, или кредиторов;

---

[35] П. Струве. Хозяйство и цена, т. 1. М., 1913, стр. 312, 313.

оно или узаконяет банкротство, хотя бы частичное, должников, или же вознаграждает кредиторов за счет их контрагентов. Такое «воздействие» государственной власти безболезненно пройти не может. Банкротство можно объяснить, его можно оправдать, но оно не может быть нормой, регулирующей деятельность государства.

И всякие попытки устанавливать соотношение между ценностью старых и новых платежных знаков, не считаясь с рыночными условиями, кончались неизбежно крахом. Оборот находил способы реагировать на такое, с точки зрения капиталистического хозяйства, незакономерное, нарушающее основы товарного хозяйства, авторитарное воздействие на ценность денег.

Практика русского денежного обращения дает характерный пример такого авторитарного установления ценности денег.

В 1656 г. при Алексее Михайловиче правительство, ведя одновременно войну с Польшей и Швецией, чрезвычайно нуждалось в средствах. Средства эти обычно добывались посредством порчи монеты, уменьшения металлического содержания серебряных денег. Но этого было недостаточно. Тогда правительство решило пустить в обращение медные деньги. Медные монеты стали чеканить одного веса с серебряными того же наименования. Серебряный и медный рубли стали чеканить одинакового веса, «прокламированная» ценность того и другого тоже была одинаковой. Но ценность не «прокламированная», рыночная цена медного рублевика была в 100 раз меньше цены серебра, заключавшегося в серебряном рубле. За 1 пуд меди платили 3 руб. 45,6 коп. серебром, чеканили же из этого пуда монет на 345 руб. 60 коп.

Что же, властно ли было правительство пустить в оборот эти деньги, заставить их «иметь хождение» по прокламированной ценности? Или же рынок нашел способ отбросить эти деньги? Как общий оборот реагировал на властное вмешательство государства в сферу товарного обращения, на авторитарное прокламирование государством ценности денег?

Прежде всего серебряные деньги исчезли из оборота. «В государстве, — говорит Котошихин, — серебряным деньгам учала быть скудость» [36].

Замена серебряной монеты медной при таких условиях обозначала в сущности освобождение должников от их обязательств, причем на большую часть — на 0,99. Это, конечно, не могло не отразиться чрезвычайно отрицательно на обороте. Любопытно, впрочем, отметить, что своих должников государство от обязательств не освобождало. «А за прошлые государевы долговые деньги имать в государеву казну мелкими серебряными день-

[36] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884, стр. 110.

гами». . . «Фабрикация» фальшивых медных денег достигла колоссальных размеров, причем в производстве этих денег не отказывались принимать участие и высшие сановники, родственники царя, Матюшкин, Милославский и т. д.

«Богатые купцы, — рассказывает В. Ключевский, — даже московские гости, приставленные присяжными надзирателями медного дела, покупали сами медь; привозили ее вместе с казенной на Денежный двор, переделывали в кредитную монету и отвозили на свои дворы . . . Следствие вскрыло, что плутни денежных мастеров и гостей за большие взятки покрывала московская приказная администрация, проявившая здесь всю свою обычную приказную недобросовестность, а во главе ее коноводили тесть царя боярин Илья Милославский да муж тетки царевой по матери — думный дворянин Матюшкин, которым поручено было медное дело» [37].

Оборот определенным образом реагировал на «прокламаторное» достоинство денег, дав им свою собственную оценку, и это выразилось в сильнейшем вздорожании товарных цен. «На медные деньги, — пишет Котошихин, — все было дорого и многие помирали с голоду». . . «Крестьяне не почали в город возить сена и дров и съестных припасов и почала быть от тех денег на всякие запасы дороговь великая». Даже солдаты «с голоду помирают, а полки медных денег брать не хотят, хотя бы их рубить велели, но всех не перерубить». «. . . Лошадей купить нам не на что, — пишут в одной челобитной, — на медные деньги не продают, а серебряных негде взять. . .»[38].

В результате в Москве вспыхнул знаменитый «медный» бунт, в котором приняли участие различные классы населения, — «были в смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские дети. . .».

О размерах этого бунта можно судить по расправе «тишайшего» царя с бунтовщиками. Безоружную толпу, которая отправилась к царю, «начали бить, и сечь, и ловить, а им было противиться не уметь, потому что, в руках у них не было ничего ни у кого, начали бегать топиться в Москва-реку, и потопилося их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больше 7000 человек, а иные разбежались. И того же дня около того села повесили со 150 человек, а достальным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги, и у рук пальцы, а иных били кнутьем, и клали на лице на правой стороне признаки, разжегши железо на-красно, а поставлено на том железе «буки», т. е. бунтовщик, чтобы было до веку признатен; и чиня им наказание, разослали всех в дальние города, в Казань, и в Астрахань,

---

[37] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. Пг., 1918, стр. 282, 283.

[38] Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 111.

и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье, и после по сказкам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потому ж за ними разослали; а иным пущим ворам того ж дня, в ночи, учинен указ, завязав руки назад, посадя в большие суда, потопили в Москва-реке» [39].

«А за те деньги казнено в те годы смертною казнью больше 7000 человек, да которым отсекли руки и ноги и чинено наказание и ссыланы в ссылки больше 15 000 человек московских и городовых, и уездных всяких чинов людей» [40].

В 1663 г. чеканка медных монет была оставлена. Обращавшиеся же деньги были выкуплены по курсу, т. е. по рыночной цене. Так окончилось авторитарное установление соотношения между ценностью старой и новой платежной единицы.

Бунт, как форма реакции оборота на «воздействие» государства, — явление сравнительно редкое и необычное, но возвышение товарных цен, в котором выражается оценка денег вопреки прокламированной их ценности, — таков обычный ответ на претензии государственной власти регулировать рыночные отношения при сохранении товарного хозяйства.

Государство может «прокламировать» ценность денег, а рынок отвечает фактическим ее изменением. Данная монета может остаться при прежнем наименовании — не в слове дело, но на изменение действительной ценности денег рынок отвечает соответствующим изменением товарных цен.

Предположим любую меновую сделку: шляпа по ценности приравнивается 87,12 доли чистого золота. Назовем 5 руб. не это количество золота, а вдвое меньшее — 43,56 доли.

Какова будет цена шляпы, каково будет денежное выражение ее ценности? Очевидно, в этом случае цена шляпы будет выражаться не 5, а 10 руб.

В 90-х годах прошлого столетия в России была произведена реформа денежного обращения: была введена новая золотая монета, по содержанию чистого металла в полтора раза меньше прежней. То количество золота, которое раньше именовалось десятью рублями (империал), получило название «пятнадцать рублей».

Но разве от перемены названия ценность денег изменилась? Изменились цены товаров, выраженные, обозначенные в новых денежных единицах, соответственно изменению ценности этих последних; произошла номинальная переоценка товаров и только.

Здесь мы подходим к основной теоретической ошибке Кнаппа: сведение сущности денег только к одной из их, притом не такой значительной, функции — служить законным платежным средством.

---

[39] Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 116.
[40] Там же, стр. 118.

В этой функции деньги выступают как масштаб цен, как кратное (узаконенной) счетной единицы. Государство узаконяет платежное средство, устанавливает этим счетную единицу, но этим еще не определяется платежная сила денег. Счетная единица устанавливает только отношение отдельных монет друг к другу; можно изменить счетную единицу, можно сделать это произвольно, авторитарно, но сделать это можно только потому, что этим не затрагивается сущность денег, их ценность.

Правда, для Кнаппа деньги являются в сущности только платежным средством, следовательно, он имеет в виду не абстрактную единицу ценности, а хартальные платежные средства (знаки). Но даже и в такой ограниченной постановке вопроса его теория, если брать ее не только в формально-юридическом смысле, но и в народнохозяйственном, приводит к ложным выводам. Наименование счетной платежной единицы авторитарно устанавливается государством, но наименование не определяет еще значимости ее в народнохозяйственном обороте. Но самое главное заключается в том, что сущность денег не исчерпывается свойством их служить законным платежным средством. Выполняя отдельные функции, деньги обслуживают определенные социальные хозяйственные взаимоотношения, но деньги сами по себе выражают целый комплекс социальных связей, частью которых являются те хозяйственные взаимоотношения, которые обслуживаются деньгами при выполнении ими отдельных функций. Если усматривать в деньгах выполнителей только одной из их функций, проблема ценности денег разрешена быть не может. В лучшем случае можно получить частичное разрешение проблемы, но это разрешение становится неправильным, если полагать его исчерпывающим разрешением вопроса во всей его полноте.

Кроме того, менее всего можно сводить сущность денег к функции законного платежного средства. Эта функция во всяком случае не может иметь первичного характера — она производна; это не только отчетливо вырисовывается в исторической перспективе, но и непосредственно вытекает из роли денег как экономической социальной категории.

С другой стороны, проблема ценности денег не может быть разрешена и при отсутствии различения отдельных функций денег как самостоятельных форм проявления денег, как форм выражения отдельных социальных актов, в своей совокупности образующих те сложные социальные хозяйственные отношения, вещным выразителем которых являются деньги.

Неразличение отдельных функций денег, как и сведение сущности денег к одной из них, неизбежно ведет к произвольным, теоретически хотя и стройным, но противоречащим фактам реальной жизни, а потому в значительной степени бесплодным по своим результатам построениям.

3

Деньги являются внешним выражением социальных отношений, складывающихся на почве товарного обмена. Эти отношения весьма сложны и представляют собою к о м п л е к с социальных связей. Когда мы рассматриваем весь этот комплекс социальных отношений, то деньги вырисовываются перед нами, как нечто обязательно обладающее трудовой ценностью, выражающее абстрактный человеческий труд, отвлеченный от всех конкретных, специфических полезных его свойств. Анализируя товарное обращение во всем его целом, приходится прийти к заключению, что количество могущих циркулировать денег, необходимое для нормального обслуживания оборота, определяется потребностями этого самого оборота. С другой стороны, это количество зависит также и от ценности самих денег. Если золото заменяется серебром, обладающим в 15 раз меньшей ценностью, то, при неизменности условий оборота, денежных знаков понадобится, очевидно, в 15 раз больше. И, наоборот, если серебро заменяется золотом как денежным материалом, знаков понадобится в 15 раз меньше. Количество циркулирующих денег, таким образом, при прочих равных условиях, находится в зависимости от их ценности. Это положение, само собой разумеется, правильно лишь в той мере, в какой мы рассматриваем деньги как вещное выражение в с е г о комплекса социальных отношений, вытекающих непосредственно из обмена. Оно должно быть в значительной степени видоизменено в применении к отдельным формам проявления денег, к деньгам как выполнителям отдельных функций, как вещным выразителям отдельных социальных связей, на которые разлагается вся совокупность социальных отношений, возникающих на почве товарообмена.

На противоположной точке зрения стоит количественная (квантитативная) теория денег. Не расчленяя отдельных функций денег, не делая различия между отдельными проявлениями денег, сторонники этой теории полагают, что данным является количество денег, ценность же денег — величина, зависимая от их количества: не количество циркулирующих денег зависит, при прочих равных условиях, от их ценности, а, наоборот, ценность их зависит от количества.

Количественная теория денег очень стара и имеет множество разнообразных толкований. Для наших целей достаточно будет характеристики главнейших модификаций этой теории [41].

---

[41] Сторонников количественной теории денег в настоящее время очень много. Ряд американских, английских, немецких экономистов высказывается в духе этой теории. Можно указать, например, Уокера, Никольсона, Маршалла, Тауссига, Семнера, Карвера, Дженкса, Джонсона, Фишера, Кларка, Крука, Селигмана, Эшли, Пэйша, Мирбаха, Рубеника, Касселя и мн. др. В нашем кратком историческом очерке мы остановимся на учени-

Наиболее старое направление количественной теории денег нашло своих выразителей в лице Бодена, Юма, Монтескье, Дж. Локка, учение которых о деньгах своеобразно сочетает точку зрения количественной теории с номинализмом.

Уже в конце XVII в. Дж. Локк, утверждая, что ценность денег фиктивна, условна, приходит к заключению, что источником ценности является их количество. Золото и серебро стали деньгами «по всеобщему соглашению», а источник их внутренней ценности заключается в их количестве. Номиналисты школы Кнапа также полагают, что ценность денег условна, номинальна, но полагают, что источником условной ценности денег является государство; представители старой, которую можно назвать наивной, квантитативной теории, исходя из условности ценности денег, определяющим фактором этой ценности считают количество денег.

У Монтескье количественная теория находит более категорическое выражение. Ценность денег определяется отношением между общей суммой товаров и общей суммой денежных знаков. Если количество денег увеличивается, ценность их соответственно понижается, если количество денег понижается, ценность их пропорционально повышается.

Юм подходит к проблеме более интересно и во многих отношениях правильно. Прежде всего для Юма деньги не товар, деньги только орудие обращения. Только эта функция привлекает его внимание. Рассматривая деньги только как орудие обращения, Юм совершенно справедливо устанавливает зависимость ценности денег от общих условий оборота и их количества. При такой постановке вопроса Юм до некоторой степени правильно разрешает проблему. Но сама постановка вопроса неправильна. Деньги для него — только орудие обращения, а золото и серебро не имеют никакой трудовой ценности. Да и вообще золото и серебро приобретают ценность только в обращении; вне обращения они не обладают ценностью. Ценность же, возникающая только в обращении, по существу условна, фиктивна, номинальна. «По его мнению, — по справедливому замечанию К. Маркса, — товары входят в процесс обращения без цены, а золото и серебро — без стоимости. Поэтому он никогда и не говорит о стоимости товаров и о стоимости золота, а только о их количественном соотношении» [42].

Основная ошибка изложенного направления количественной теории денег ясна. Рассматривая деньги только как орудие обраще-

---

ях отдельных только наиболее оригинальных представителей количественной теории денег. Кроме того, нас будут интересовать только основные их теоретические положения.

В сжатом виде историю количественной теории денег дает Д. Лафлин (J. L. Laughlin. The Principles of Money. London, 1916, p. 225—311).

[42] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 145.

ния, эта теория не разрешает в сущности общей проблемы денег. С другой стороны, исходя из того, что ценность денег условна, номинальна, наивная количественная теория неспособна объяснить характер товарообмена, его сущность, его содержание.

Вторая группа теоретиков в лице лучших и ярких своих представителей Д. Рикардо, Джемса Милля, Джона Стюарта Милля исходит из совершенно других принципов. Для этого направления, которое может быть названо к л а с с и ч е с к о й количественной теорией, ложным кажется утверждение о «воображаемости» ценности денег. Деньги такой же товар, как и другие товары, обладающие ценностью.

Ценность благородных металлов, как и ценность всех других товаров, определяется, по мнению Д. Рикардо, трудом.

«Стоимость золота и серебра, точно так же как и стоимость всех других товаров, пропорциональна количеству труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому, что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, а исключительно потому, что для получения определенного количества золота необходимо в 15 раз больше труда, чем для получения соответствующего количества серебра» [43].

С этой точки зрения казалось бы необходимым прийти к заключению, что при рассмотрении вопроса об отношении между ценностью денег и их количеством ценность надо полагать данной, не зависящей от условий оборота, а количество считать зависимым от ценности денег.

Так и умозаключает в одном месте Д. Рикардо: «Количество денег, которое может быть употреблено в стране, зависит от их стоимости: если бы для обращения товаров употреблялось только одно золото, то количество его, которое потребовалось бы для этой цели, было бы в 15 раз меньше того количества серебра, которое было бы необходимо при использовании серебра для той же цели» [44].

Но в дальнейшем, не делая точного и ясного разграничения между различными функциями денег, склоняясь к тому, что единственной или, по крайней мере, главной функцией денег является функция орудия обращения, смешивая поэтому законы обращения металлических денег и бумажных орудий обращения, Д. Рикардо считает возможным для целей анализа допустить, что количество денег является данным, исходным.

Такое допущение противоречит в сущности изложенным только что положениям Д. Рикардо. Это предположение, что количество денег д а н о, независимо от других факторов, явно противоречит общей теории ценности Рикардо. А между тем в дальнейшем

[43] Д. Р и к а р д о. Начала политической экономии и налогового обложения. Сочинения, т. I, стр. 288.

[44] Там же.

это предположение Д. Рикардо использует не только как теоретический постулат, а как базу, на которой основаны все суждения о практике денежного обращения.

Рикардо полагает, что все деньги, все равно металлические или бумажные, раз пущенные в обращение, там и остаются, в то же время все запасы благородных металлов, находящиеся в стране, являются составной частью обращения. Исходя из этого, он считает возможным утверждать, что всякий ввоз металла необходимо увеличивает количество обращающихся денег и, наоборот, вывоз уменьшает это количество.

Ясно, конечно, если количество обращающихся денег определяется факторами чисто случайными и не зависимыми от рыночных условий — ценности самих денег, массы товаров, среднего уровня их цен и т. д., и т. д., то неизбежен вывод в духе количественной теории [45].

И неудивительно, что, сравнивая различные страны, Рикардо говорит: «Если бы в какой-нибудь из этих стран был открыт золотой рудник, то средства обращения ее понизились бы в своей стоимости, поскольку в обращение поступило бы возросшее количество драгоценных металлов, не могущих поэтому иметь такую же стоимость, как средства обращения в других странах» [46].

Утверждение совершенно ясное и определенное: ценность золота понижается исключительно вследствие увеличения его количества, а это увеличение происходит по вполне случайным обстоятельствам, вследствие открытия золотых рудников, причем все добываемое золото немедленно и целиком поступает в сферу обращения.

И, наконец, в полемике с Бозанкетом Рикардо категорически формулирует в духе количественной теории: «Что товары повышаются или понижаются в цене пропорционально возрастанию или уменьшению количества денег, я считаю фактом, который не может быть опровергнут» [47].

«Спрос на деньги, — пишет он в главе «Налоги на золото», — регулируется всецело их стоимостью, а их стоимость — их количеством» [48].

Взгляды Рикардо резко отличаются от разрешения поставленного вопроса наивной количественной теорией. Специфическая ошибка последней заключалась в том, что она не признавала самостоятельной, вне сферы обращения, ценности денег; специфи-

---

[45] Прав П. Никольский, когда говорит, что рассуждения Д. Рикардо «как будто предполагают, что количество денег произвольно увеличивается, что будто деньги неожиданно в том или другом количестве падают с неба» (П. А. Николький. Бумажные деньги в России. Казань, 1892, стр. 32).

[46] Д. Рикардо. Статьи и речи о денежном обращении и банках. Сочинения, т. II, стр. 49.

[47] Там же, стр. 131.

[48] Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогового обложения. Сочинения, т. I, стр. 161.

ческая ошибка Рикардо заключается в произвольном допущении, что количество денег изменяется независимо от рыночных условий и что деньги в конечном счете являются не чем иным, как только орудием обращения.

Анологичны ошибки и других представителей классической количественной теории.

«Стоимость денег, — утверждает Дж. Милль, — равна пропорции, в которой их обменивают на другие предметы. . . Это отношение определяется совокупным количеством денег, находящихся в данной стране. Если мы предположим на одной стороне все товары данной страны, а на другой — все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, целиком зависит от количества самих денег».

Не оставляет без внимания Джемс Милль также и скорость обращения денег, имеющую большое значение.

«Совокупная масса товаров данной страны обменивается на совокупную массу денег не сразу, а частями, и нередко весьма малыми частями, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для большего числа актов обмена, другая — для очень малого, а третья часть накопляется и совсем не служит для обмена. При наличии этих вариаций образуется средняя, основанная на таком числе актов обмена, для совершения которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая из них реализовала одинаковое число актов обмена. Установим это среднее число произвольно, например 10. Если каждая находящаяся в стране монета обслужила по 10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупная масса монет удесятерилась и каждая из них служила бы только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, совокупная масса денег удесятерилась и каждая монета совершала бы лишь один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности» [49].

И Дж. Милль прибегает к совершенно произвольному допущению, которое, во всяком случае, надо еще доказать, а именно, усматривая в деньгах только орудие обращения, он пускает все количество денег в обращение, а затем, принимая это допущение за исходное положение, приходит к выводам в духе квантитативной теории. Этим самым Дж. Милль, как и Рикардо, ставит проблему, так сказать, на голову. То, что надо доказать, счи-

[49] J. M i l l. Elements of Political Economy (цит. по кн.: К. М а р к с. К критике политической экономии. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 13, стр. 160).

тается доказанным. Отсутствие анализа денежного обмена, из которого необходимо исходить и без которого проблема выяснена быть не может, дает простор для произвольных обобщений, дает возможность деньги как вещное выражение социальных отношений свести только к одной из форм проявления этого выражения, к одной из их функций.

Вполне определенное утверждение квантитативной теории денег находим мы и у Д. С. Милля. «. . . Ценность денег, — говорит он, — при неизменности остальных обстоятельств изменяется обратно пропорционально их количеству: известное увеличение количества их понижает ценность их ровно в такой же пропорции» [50].

В аргументации своей Д. С. Милль исходит из того, что цены товаров определяются спросом и предложением.

Уже эта исходная предпосылка и неправильна, и бессодержательна. Еще более бессодержательной она становится, когда она переносится на явление денег.

«Ценность денег или покупательная их сила зависит прежде всего от спроса и предложения».

Чем же определяются спрос и предложение? Ограничиться только утверждением, что ценность денег определяется спросом и предложением, нельзя, ибо этим проблема не разрешается. Существенно важно разрешить — и в этом сущность вопроса, — чем определяются спрос на деньги и предложение. Определяются ли спрос и главным образом предложение случайными обстоятельствами или же предложение денег обусловливается объективными условиями товарообмена? Если мы признаем, что спрос и предложение денег определяются случайными обстоятельствами, тогда, конечно, придется ограничиться только утверждением, что ценность денег обусловливается случайным соотношением между спросом и предложением, и прийти к выводам в духе квантитативной теории.

«Запрос на деньги, — пишет Д. С. Милль, — состоит из всех предметов, предлагаемых в продажу. Каждый продавец товара — покупщик денег, а продаваемые им товары составляют его запрос» [51].

Но, ведь, не товары находят свое выражение в деньгах, а их ценность. Спрос на деньги! — но, ведь, количественное выражение этого спроса, а такое как раз и требуется, определяется ценностью денег. Но, в таком случае, ценность денег не может быть выведена из спроса на них, если самый объем этого спроса определяется ценностью денег.

«. . . Предложение денег значит вся сумма денег, находящаяся в обращении. . .» «Предложение денег значит коли-

[50] Д. С. Милль. Основания политической экономии, т. II. СПб., 1873, стр. 14.

[51] Там же, стр. 11.

чество денег, которое люди хотят израсходовать, т. е. вся сумма находящихся у них денег, кроме тех, которые они прячут или берегут в резерве на будущие случаи» [52].

Но, во-первых, что́ значит предложение денег? Очевидно, это предложение имеет какое-то количественное выражение. А выражено оно может быть только как известное количество единиц ценностей. Таким образом, мы опять приходим к понятию ценностей, и фраза «предложение денег» имеет смысл лишь постольку, поскольку предполагается, что деньги имели ценность еще до своего «предложения».

Во-вторых, определяется ли это предложение условиями товарообмена, условиями производства денежного материала (золота, серебра) или же оно совершенно случайно?

Что Д. С. Милль стоит на второй точке зрения, видно из следующего примера, который он считает возможным привести для доказательства своей теории денег.

«Предположим, — пишет Милль, — что при неизменности остальных условий увеличилось количество денег, — например, прибытием иностранца, который привез с собою золото и серебро. Начиная расходовать свои деньги (производительно или непроизводительно, это для настоящего вопроса все равно), он увеличивает предложение денег и через то самое запрос на товары. Разумеется, первоначально он увеличивает запрос лишь на некоторые разряды товаров, именно на те, какие вздумалось ему покупать; непосредственным образом поднимает он цену этих товаров и своим личным действием — цену лишь их одних. Если он расходует свой фонд на задавание обедов, он поднимет цены съестных припасов и вина. Если он расходует свой фонд на открытие фабрики, он поднимет цены труда и материалов. Но при возвышении этих цен в руки продавцов этих товаров перейдет больше денег; работники или торговцы будут продавцы, все равно; имея теперь больше денег на свой расход, они произведут увеличение запроса на все товары, обыкновенно покупаемые ими; поэтому поднимутся в цене эти товары, и так пойдет дальше, пока повышение цен обнимает все товары» [53].

Пример этот весьма красноречив — он предполагает независимость предложения денег от рыночных условий. А раз предложение, т. е. количество обращающихся в стране денег, независимо от условий производства и обмена товаров, то, естественно, при разрешении вопроса об отношении между ценностью денег и их количеством придется прийти к заключению, что количество — фактор основной, а ценность — величина производная, что ценность денег изменяется пропорционально их количеству. «Если бы все количество находящихся в обращении денег удвои-

---

[52] Д. С. Милль. Указ. соч., стр. 11.
[53] Там же, стр. 12.

лось, цены удвоились бы. Если бы оно увеличилось на четвертую часть, цены поднялись бы на четвертую часть» [54].

Количественная теория в ее классической трактовке подверглась многосторонней критике. Для нашей же задачи, кроме указанной выше ошибки, заключающейся в том, что она исходит из неправильной (и бессодержательной) общей теории ценности, важно подчеркнуть только важнейшие стороны этого учения, в которых проявляются ее слабость и теоретическая погрешность [55].

Прежде всего теоретически совершенно неправильно приравнивать общее количество денег, находящееся в стране, общей сумме товаров. Теоретически недопустимо рассматривать каждый из этих факторов совершенно независимо один от другого — движение одного из них обусловливается и в свою очередь определяет движение другого. Можно представить параллелизм этого движения, но разрешение проблемы заключается не в том, чтобы констатировать этот параллелизм, а в том, чтобы найти причинное соотношение.

Простое же противопоставление всей массы товаров всему количеству денег превращает проблему в арифметическую задачу, причем в ней делается совершенно произвольное, а потому и неправильное допущение: данным предполагается то, что в сущности является искомым.

Кроме того, приравнивание количества денег всей массе товаров противоречит всему характеру современного хозяйственного оборота. Во-первых, не всеми представителями классической квантитативной теории принимается во внимание в должной мере явление скорости обращения денег, которое не может не иметь значения при разрешении поставленного вопроса. И, во-вторых, не принимается во внимание или, по крайней мере, недостаточно принимается во внимание развитие кредита, кредитных сделок, которые, с одной стороны, дают возможность циркуляции товаров без соответствующего количества денег, а, с другой — создают необходимость в деньгах, когда товары фактически уже вышли из рыночного оборота, при ликвидации кредитных сделок.

Если даже полагать, что вся сумма циркулирующих товаров обозначает общественный спрос на деньги, то отнюдь нельзя сказать, что этот общественный спрос в количественном отношении совпадает со всей массой денег.

---

[54] Там же, стр. 13.

[55] Почти исчерпывающую краткую сводку критических соображений о количественной теории читатель может найти у М. Туган-Барановского в его «Основах политической экономии» и в его книге «Бумажные деньги и металл». В этом очерке нас интересуют только *теоретические* основы количественной теории денег, поэтому мы не приводим возражений эмпирического, так сказать, характера: несогласованности ее с фактами реальной жизни.

Возьмем любую страну и мы заметим, что сумма покупок и продаж значительно превышает количество обращающихся денег. Какое сравнение может быть между общим количеством различного рода денежных знаков и суммой обращающихся товаров в Англии, где второе в 200—300 раз больше первого? В Германии еще до войны запас золота равнялся 4,5 млрд. марок, оборот же только по внешней торговле — до 17—18 и даже до 20 млрд. марок. Даже в отсталой России, при общем количестве денег в среднем в 2 млрд. руб., только одни расчетные отделения при конторах Государственного банка производили ежегодно обороты до 20 млрд. руб.

Современное хозяйство выработало чрезвычайно тонкие и разнообразные формы расплаты и компенсации счетов, дало возможность циркуляции различного рода суррогатов денег. Игнорирование развития кредита и недостаточное внимание к нему составляют большую ошибку классической квантитативной теории денег.

Наконец, последнее, на что необходимо указать, заключается в том, что количественная теория денег усматривает в деньгах только орудие обращения, не замечая, что понятие денег гораздо шире и, с другой стороны, что деньги, кроме этой, выполняют еще ряд других не менее важных функций.

Только одностороннее понимание денег как орудий обращения дает возможность сторонникам разбираемой теории утверждать, что все количество благородных металлов страны входит в обращение как деньги, а, с другой стороны, утверждать, что ценность денег определяется их количеством. Выдвигая до некоторой степени правильную точку зрения в применении к орудиям обращения [55а], количественная теория впадает в ошибку, когда она распространяет свои воззрения на деньги вообще. Высказывая справедливые суждения относительно орудий обращения, количественная теория грешит, когда полагает, что деньги являются только орудием обращения. Отличаясь во многом существенном от номиналистической количественной теории, Д. Рикардо, Д. С. Милль и др. допускают ту же основную ошибку, в какую впадают Локк, Юм и др.

Ту же собственно ошибку допускает и новейшая количественная теория денег, нашедшая наиболее оригинального выразителя в лице Ирвинга Фишера [56].

В основных своих взглядах Фишер примыкает к своим предшественникам, расходясь с ними в целом ряде деталей, которые нас в настоящей работе интересовать не могут. Но и в основных своих воззрениях И. Фишер не мог не принять во внимание тех

[55а] Если в качестве орудия обращения функционируют не самые деньги (золото), а их знаки (*Прим. ред.*).

[56] I. Fischer. The Purchasing Power of Money. N. Y., 1912.

возражений, которые делались против количественной теории в ее классической трактовке.

Прежде всего И. Фишер обращает должное внимание на скорость обращения денег, что не все его предшественники в достаточной мере подчеркивали. Кроме того, что́ наиболее важно, И. Фишер не игнорирует и факторов кредита, существования кредитных орудий обращения.

И. Фишер дает следующую математическую формулировку своей теории.

Если обозначить количество циркулирующих в стране денег, под которыми надо понимать как металлические деньги, так и банкноты, через M, скорость их обращения через V, количество обращающихся товаров через Q и, наконец, всеобщий уровень товарных цен через P, формула товарно-денежного обращения предстанет в таком виде: всеобщий уровень товарных цен (P), помноженный на количество обращающихся товаров (Q), должен равняться количеству денежных знаков (M), помноженному на скорость их обращения (V).

$$P \cdot Q = M \cdot V.$$

Отсюда:

$$P = \frac{M \cdot V}{Q}.$$

Всеобщий уровень товарных цен, что с точки зрения разбираемой теории обозначает ценность денег, равняется массе денежных знаков, помноженной на скорость их обращения и разделенной на массу обращающихся товаров.

Но, ведь, кроме денежных знаков, оборот обслуживается еще кредитными орудиями обращения. Для упрощения И. Фишер принимает во внимание главным образом один вид кредитных документов — чек, который основан на лежащих в банках вкладах.

При обозначении количества циркулирующих кредитных знаков через M', скорости их обращения через V' первоначальная формула изменяется и принимает такой вид:

$$P \cdot Q = M \cdot V + M' \cdot V'$$

или

$$P = \frac{M \cdot V + M' \cdot V'}{Q},$$

т. е. всеобщий уровень товарных цен равен сумме количества денег, помноженного на скорость их обращения, и количества кредитных орудий, помноженного на скорость их обращения, разделенной на массу обращающихся товаров.

Всеобщий уровень товарных цен, или, что то же, ценность денег, является, таким образом, функцией пяти величин: массы денежных знаков, массы кредитных орудий обращения, скорости

обращения денежных знаков, скорости обращения кредитных знаков и массы обращающихся товаров.

Для И. Фишера важно установить соотношение между ценностью денег и их количеством, т. е. между P и M. И он приходит к заключению, что ценность денег обратно пропорциональна их количеству. Изменение количества непосредственно и в обратном направлении отражается на ценности денег.

Но из приведенной формулы такой вывод непосредственно не вытекает.

В самом деле, может быть, изменение количества денежных знаков непосредственно вызывает соответствующее изменение других факторов, определяющих ценность денег, так что эта последняя остается в результате без изменения?

Изменение количества денежных знаков не вызывает ли соответствующего изменения общей массы обращающихся товаров? На это И. Фишер отвечает отрицательно. Общая масса обращающихся товаров совершенно независима от количества денег, и производство и обращение их определяются самостоятельными факторами, не имеющими никакого отношения к количеству денег [57].

Изменение количества денег не вызывает ли соответствующего изменения скорости их обращения, т. е. в какой мере увеличивается количество денег, в такой же мере уменьшается скорость их обращения, так что в результате изменение количества денег, компенсирующееся соответственным изменением скорости обращения их, остается без всякого влияния на ценность денег? И на это И. Фишер отвечает отрицательно.

Скорость обращения, по мнению И. Фишера, определяется отношением между той суммой денег, которую каждый держит при себе для совершения всех нужных ему закупок, и той суммой, которую каждый тратит в течение определенного времени. Это отношение не может измениться в зависимости от количества денег.

«Скорость обращения как денег, так и кредитных знаков не зависит от их количества. Нет никаких оснований, которые позволяли бы полагать, что скорость обращения денег или кредитных знаков будет больше или меньше в зависимости от того, велико или мало их количество» [58].

Это утверждение И. Фишера едва ли может быть признано правильным. Рассматривая отдельное индивидуальное хозяйство, может быть, и справедливо, что количество денег, находящееся в его распоряжении, не изменяет соотношения между общей суммой трат, совершаемых этим хозяйством в течение известного времени, и суммой денег, которую оно должно всегда иметь при

---

[57] I. Fischer. Op. cit., p. 155.
[58] Ibid., p. 154.

себе. Но, с точки зрения народного хозяйства во всем его целом, это утверждение едва ли соответствует действительности.

Уже давно доказано (Фуллартон и др.), что в условиях товарного хозяйства известная сумма денег всегда остается вне обращения (так называемый hoard); этот «денежный запас» изменяется постоянно и изменяется в зависимости от целого ряда причин. Увеличение этого «запаса» означает, поскольку мы рассматриваем все народное хозяйство во всем его целом, уменьшение скорости обращения денег, и, наоборот, уменьшение его означает увеличение скорости обращения денег. Увеличение же количества денежных знаков не может не вызвать увеличения этого запаса, а значит, и уменьшения скорости обращения денег.

Нельзя, конечно, утверждать, что изменение количества денег изменяет строго пропорционально скорость их обращения, т. е. в какой мере изменяется количество денег, в такой же мере изменяется и скорость их обращения, так что изменение количества денег полностью компенсируется соответствующим изменением скорости их обращения; но все же без всякого влияния на скорость обращения денег изменение их количества не остается. Нет полной компенсации, но все же некоторый и весьма существенный корректив вносится, почему положение И. Фишера о независимости скорости обращения денег от их количества может быть принято только с большими оговорками, а категоричность этого утверждения должна быть совершенно отвергнута.

«Скорость оборота денег, — справедливо пишет М. Туган-Барановский, — вопреки Фишеру, является функцией количества денег и притом фактором, действующим в обратном направлении, в большей или меньшей степени компенсирующим влияние изменения количества денег: при увеличении количества денег наблюдается в большей или меньшей степени переход денег во временное покоящееся состояние, иначе говоря, замедление скорости их оборота, а при уменьшении количества денег в стране деньги поступают из денежных резервуаров в обращение, переходят из покоящегося состояния в действующее, и, таким образом, их скорость обращения возрастает. В этом и заключается тот естественный механизм, который поддерживает устойчивость ценности денег, вопреки частным колебаниям их количества» [59].

Остается еще вопрос об отношении между количеством денежных знаков (M) и количеством средств кредитного обращения (M'). Может быть, изменение количества денежных знаков соответственным образом изменяет количество кредитных орудий обращения — с увеличением первого соответственно уменьшается второе и, наоборот, с уменьшением первого увеличивается второе, так что в результате изменение количества денежных знаков неизбежно и механически компенсируется изменением количества

[59] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 21, 22.

кредитных орудий обращения, почему ценность денег остается без изменения?

И на этот вопрос И. Фишер отвечает отрицательно. Он соглашается с тем, что между количеством денежных знаков и количеством кредитных орудий обращения существует определенная связь, но считает, что эта связь такова, что изменение количества денег нисколько не компенсируется изменением количества кредитных знаков; наоборот, увеличение количества денег не уменьшает, а увеличивает количество кредитных орудий обращения, уменьшение же количества денежных знаков уменьшает количество кредитных орудий обращения.

Кредит покоится на определенном базисе. Во всем народном хозяйстве, как и в каждом отдельном индивидуальном хозяйстве, существует определенное соотношение между денежной наличностью и кредитом; это соотношение может изменяться, быть различным в разных странах и в разное время, но во всяком случае изменение этого соотношения таково, что влияние увеличения или уменьшения денег не только не компенсируется соответственным уменьшением или увеличением кредитных орудий обращения, а, наоборот, усиливается соответственным изменением в том же направлении количества кредитных орудий обращения.

И это утверждение И. Фишера едва ли может быть признано правильным. Развитие кредита, размер кредита может испытывать изменения совершенно независимо от количества денежных знаков. Размер кредита определяется общими народнохозяйственными условиями, он может изменяться в том же направлении, в каком изменяется общее количество денежных знаков, но может изменяться и в обратном направлении. Увеличение количества денежных знаков может сопровождаться увеличением средств кредитного обращения, но оно может сопровождаться и неизменностью общей массы кредитных орудий обращения, наконец, может даже сопровождаться уменьшением количества орудий кредитного обращения. Даже по отношению к индивидуальному хозяйству не всегда правильно было бы утверждение, что увеличение денежной наличности увеличивает кредит. Но по отношению ко всему народному хозяйству во всем его целом во всяком случае положение И. Фишера неприменимо.

Развитие циркуляции кредитных орудий обращения совершается независимо от количества денежных знаков, оно то усиливается, то замедляется, то совершается быстрым темпом, то совершенно прерывается. Размер кредита является фактором, совершенно независимым от количества денежных знаков, и если полагать, что количество денежных знаков влияет на ценность денег, то придется признать аналогичное совершенно самостоятельное влияние кредитных орудий обращения. Между M и M' в формуле И. Фишера нет постоянного определенного отноше-

ния, и это обстоятельство в корне подрывает все выводы автора. «. . . размер кредита, — пишет М. Туган-Барановской, — способен испытывать весьма значительные изменения, независимые от количества денег. При неизменном количестве денег кредит может в огромной мере возрастать или, наоборот, сокращаться. Именно таким образом и возникают те, всем знакомые, конъюнктурные колебания, которыми сопровождается движение промышленного цикла. В восходящем фазисе промышленного цикла наблюдается, как известно, значительное повышение общего уровня товарных цен, иначе говоря, понижение ценности денег. Это изменение ценности денег не находится ни в какой зависимости от изменения количества денег в стране. Увеличение суммы покупок становится возможным в этом случае, с одной стороны, благодаря ускорению обращения денег, но главным образом благодаря огромному увеличению покупок, производимых в кредит. Напротив, в нисходящем фазисе промышленного цикла, в период промышленной депрессии, общий уровень товарных цен падает, иначе говоря, ценность денег возрастает опять-таки вовсе не вследствие уменьшения количества денег в стране, а благодаря замедлению оборотов денег (деньги скопляются в денежных резервуарах), главным же образом благодаря огромному сокращению кредита» [60].

М. Туган-Барановский констатирует совершенно справедливо возможность увеличения и уменьшения размера кредита при неизменности количества денег.

К этому надо прибавить еще и то, что понимать под кредитными суррогатами только чеки, не может быть признано правильным. С другой стороны, считать металлические деньги и банкноты одинаково деньгами совершенно недопустимо. Природа металлических денег и банковых билетов совершенно различна, и циркуляция их определяется различными факторами. В то же время и циркуляция банковых билетов не зависит от количества денег. Один из членов формулы И. Фишера M требует расчленения, ибо он включает в себя разнородные, глубоко отличающиеся друг от друга по своему существу и смыслу явления.

Таким образом, выводы, которые делает И. Фишер на основании его формулы, требуют ряда поправок.

И. Фишер устанавливает зависимость ценности денег от ряда факторов: количества денег, скорости их обращения, количества кредитных орудий обращения, скорости обращения этих последних и, наконец, массы обращающихся товаров. Но отношение между этими факторами не таково, как это изображает И. Фишер. Изменение количества денег может и не оказать влияния на их ценность, ибо оно может компенсироваться изменением других факторов, причем последнее может оказать даже преобладающее

[60] М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 22.

влияние на ценность денег. Уменьшение количества денег может сопровождаться не только не увеличением их ценности, но даже и уменьшением.

По мнению И. Фишера, отвергнуть его теорию о причинной зависимости между ценностью денег (P) и их количеством (M) можно только в том случае, если признать неправильными посылки, на которые она опирается: самой формулы обмена $MV+M'V'+PQ$ или же установленного им параллелизма в изменениях M и M', или независимости V, V' и Q от M.

Но если общую формулу Фишера с известными поправками можно еще принять, то признать параллелизм между M и M' во всяком случае нельзя, как нельзя согласиться и с тем, что V или V' совершенно независимы от M.

Но допустим, что И. Фишер прав. Предположим, что соотношение между факторами, обозначенными в его формуле, таково, как это он утверждает. Все же до выводов в духе количественной теории денег еще очень далеко.

В самом деле, согласившись признать, что между количеством денег и их ценностью наблюдается обратная пропорциональность, еще не значит признать, что количество денег определяет их ценность, а не наоборот.

В доказательствах количественной точки зрения И. Фишер впадает в те же ошибки, какие мы констатировали у его предшественников. Во-первых, он оперирует все время с понятием товара, тогда как надо говорить о ценности товаров или о их цене. Поэтому-то у него получается, что как товары, так и деньги вступают в оборот без всякой ценности, но каким образом тогда возможно сравнение товара и денег, остается совершенно непонятным. Теория спроса и предложения оказывается роковой и для И. Фишера.

Во-вторых, он полагает возможным допустить изменение количества денег независимо от других причин; количество циркулирующих денег представляется ему явлением самостоятельным, первичным.

Количество денег, по его мнению, может изменяться по обстоятельствам, совершенно случайным, во всяком случае абсолютно не зависимым от общих условий товарообмена, от ценности самих денег. В этом случае И. Фишер повторяет ошибку своих предшественников, делая исходным пунктом своих утверждений то, что является искомым.

И. Фишер приводит следующие гипотетические примеры, подтверждающие, по его мнению, правильность количественной теории денег.

Предположим, государственная власть изменяет название монеты: то, что раньше называлось одним долларом, государство постановляет называть двумя долларами. Число циркулирующих монет, правда, не увеличится, но число долларов станет вдвое

бóльшим. Результатом этого будет вздорожание товаров в два раза, или же уменьшение ценности денег вдвое.

Аналогичен этому и другой пример, приводимый И. Фишером. Государство извлекает из обращения монеты и перечеканивает их таким образом, что из одной старой монеты чеканятся две: из одного доллара чеканят два. В этом случае число циркулирующих монет удвоится, удвоится число долларов, товарные цены повысятся вдвое и, следовательно, ценность денег падет в два раза.

Оба эти примера весьма реальны, но зато в сущности ничего не доказывают. В примерах этих изменяется не ценность денег, а только их наименование. От того, что раньше долларом называлось одно количество металла, и притом вдвое меньшее количество, ценность самих денег не изменяется.

В 90-х годах прошлого столетия в Австрии и в России была произведена реформа денежного обращения как раз способом, подобным приведенным примерам.

В 1897 г. в России монета в 10 руб. была объявлена равной 15 руб., монета в 5 руб. — 7,5 руб. Вес золотого рубля был понижен на $^1/_3$. До реформы рубль заключал в себе 26,136 доли чистого золота, после реформы — 17,424 доли чистого золота. Что же изменилось? Изменилась ли ценность самих денег? Конечно, нет. Изменилось только название: раньше 26,136 доли чистого золота называлось рублем, теперь то же количество золота стало именоваться «полутора рублями», или, иначе, после реформы рублем уже называлось не 26,136 доли чистого золота, а только 17,424 доли. Полагать, что в этом случае изменилась ценность самих денег, значит становиться на точку зрения номиналистов, признавать, что название монеты и есть ее ценность [61].

Третий пример, приводимый И. Фишером, совершенно аналогичный примеру Д. С. Милля, заключается в следующем. Предположим, государство снабжает всех обитателей его таким же количеством монет, сколько каждый имеет. Общее количество монет в этом случае удвоится, соответственно повысятся товарные цены и, следовательно, вдвое уменьшится ценность денег [62].

---

[61] М. Туган-Барановский, давший прекрасную критику количественной теории И. Фишера, также думает, что в этом случае изменилась ценность рубля, но он утверждает, что изменилась ценность не бумажного рубля, а золотого. М. Туган-Барановский в данном случае также становится на номиналистическую точку зрения, как и критикуемый им И. Фишер. Изменилась не ценность рубля, а рубль стал совершенно другим. Прежде рублем назывались 26,136 доли чистого золота, теперь же под рублем разумеется 17,424 доли чистого золота (М. Туган-Барановский, Указ. соч., стр. 24).

[62] Д. С. Милль приводит такой пример: «. . . предположим, что к каждому фунту, шиллингу или пенсу, находившемуся в кармане у каждого, вдруг прибавился другой фунт, шиллинг или пенс. На все товары возрос бы спрос, следовательно, поднялась бы денежная ценность или цена всех предметов... Поднялись бы в известной пропорции цены и в той же пропорции упала бы ценность денег» (Д. С. Милль. Указ. соч., стр. 13).

Случай этот, как правильно замечает М. Туган-Барановский, совершенно невероятен. Но дело не в этом. Теоретическое его основание заключается в продолжении возможности совершенно случайного увеличения денежных знаков. А из такой возможности исходить нельзя, ибо ее надо еще доказать.

Сущность проблемы как раз заключается в выяснении вопроса, чем определяется количество денежных знаков, циркулирующих в стране; исходить же из этого количества, исходить из того, что изменение этого количества может произойти совершенно случайно, значит не только извратить действительность, но и самую изучаемую проблему поставить, так сказать, на голову.

Циркуляция денег определяется общими народнохозяйственными условиями; в анализе этих народнохозяйственных условий надо искать законы образования ценности денег.

Деньги как внешнее выражение определенных социальных отношений должны прежде всего представлять собой трудовую ценность, быть сгустком человеческого труда, для того чтобы быть выразителем абстрактного человеческого труда.

Другое дело, если мы рассматриваем различные формы проявления денег, деньги в «работе», как выполнителей тех или иных функций.

Количественная теория и в ее новейшей модификации не может быть признана правильной, даже по отношению к деньгам как орудиям обращения, но этой функцией сущность денег не исчерпывается; ценность денег и как орудий обращения определяется, в конечном счете, ценностью металла (ими представляемого). Не непосредственно, а косвенно можно установить зависимость ценности единицы орудия обращения от количества их, но в равной мере также и от общих условий товарооборота. Таким образом, количество орудий обращения является одним из факторов, определяющих их ценность.

Корень всех ошибок количественной теории денег во всех ее модификациях заключается, во-первых, в том, что она теорию ценности денег конструирует или безотносительно к общей теории ценности товаров, или же на основе теории, выводящей ценность товаров из спроса и предложения, и, во-вторых, в том, что она не расчленяет отдельных функций денег, сводя понятие денег к орудиям обращения [63].

---

[63] Взгляд на деньги, как только на орудие обращения, очень ярко выступает у всех сторонников количественной теории. Вообще такой взгляд является чрезвычайно распространенным. «Деньги есть средство обращения»,— писал Ф. Уокер (Francis A. W a l k e r. Political Economy. London, 1888, p. 123). И. Фишер дает соответствующее определение понятия денег: «We define money as what is generally acceptable in exchange for good» («Мы определяем деньги как нечто, принимаемое всеми в обмен на товар». — *Ред.*) (I. F i s c h e r. Op. cit., p. 8).

4

Развитая нами точка зрения целиком вытекает, опирается на теорию денег К. Маркса, существенной частью которой является как раз разграничение отдельных функций денег, выявление особой природы и особого смысла различных денежных функций; отсюда возникает возможность самостоятельного «бытия» денег, в качестве выполнителей отдельных, различных по своему содержанию функций.

Проблема ценности денег, как таковых, как вещного выражения социальных отношений, складывающихся на почве меновых сделок, сводится в сущности к общей проблеме ценности товаров. Но поскольку мы рассматриваем различные формы проявления денег, постольку создается необходимость выяснить факторы, определяющие ценность денег как выполнителей отдельных их функций.

Правда, и в том, и в другом случае ценность денег определяется ценностью денежного материала (товара), но в одном случае ценность денег непосредственно определяется ценностью блага, из которого сделаны деньги, в другом — ценность денег определяется ценностью блага, ими символизируемого, мысленно представляемого.

С другой стороны, наша точка зрения целиком опирается на общую теорию ценности К. Маркса, ибо только эта теория, по нашему мнению, правильна и дает возможность разрешить проблему ценности денег.

В задачу этой работы не может входить разбор различных теорий ценности, но на неспособности одной из наиболее распространенных теорий так называемой австрийской школы разрешить проблему ценности денег остановиться в нескольких словах следует.

Проблема ценности денег и для сторонников австрийской школы не должна отличаться от проблемы ценности товаров вообще. И та, и другая проблемы разрешаются совершенно одинаково.

Если ценность товаров определяется предельной их полезностью, то и ценность денег тоже, очевидно, определяется предельной их полезностью.

Но что такое предельная полезность денег? Ведь, человеческие потребности непосредственно деньгами не удовлетворяются. Следовательно, говоря о предельной полезности денег, при этом разумеется предельная полезность благ, которые могут быть приобретены на эти деньги. Ценность денег определяется предельной полезностью благ, которые могут быть за них приобретены. «Меновая ценность денег, — говорит Визер, — это антиципированная потребительная ценность благ, которые можно приобрести за деньги» [64].

[64] F. Wieser. Der natürliche Werth. Wien, 1889, S. 46.

В этом утверждении скрывается внутреннее противоречие. В самом деле, если ценность денег определяется предельной полезностью благ, которые можно на них приобрести, то, естественно, возникает вопрос, отчего же зависит это количество благ? Оно, по учению австрийской школы, зависит от их цен. Цены же зависят не только от субъективной оценки товаров, но и от субъективной оценки денег. Таким образом, мы снова возвращаемся к тому же, что надо определить. Получается заколдованный круг.

А. Мануйлов в своей работе «Понятие ценности по учению экономистов классической школы» приводит следующее рассуждение Смарта, редактора английского перевода книги Визера:

«Ценность, которую представляет для меня шиллинг, зависит: 1) от числа шиллингов, которые я могу израсходовать, 2) от того, что и в каком количестве я могу купить в лавках за один шиллинг и 3) от того, как я могу употребить предметы, которые стоят шиллинг, когда я приобрету их, и последнее в свою очередь зависит: а) от того, сколько у меня уже имеется таких же благ, и б) от моей природной или приобретенной способности потреблять и употреблять подобные блага».

К этому А. Мануйлов справедливо прибавляет: «Следовательно, ценность шиллинга зависит от рыночных цен товаров, а цены товаров в конечном счете зависят от субъективной ценности товаров и ценности шиллинга» [65].

Кроме того, может ли вообще ценность денег зависеть от их полезности? Не правильным ли является обратное утверждение, что полезность денег зависит от их ценности? Полезность денег определяется количеством благ, которое можно на них приобрести, а, с другой стороны, это количество благ зависит от ценности денег.

С точки зрения этой теории «ценность благ», пишет Гельферих, «для единичного хозяйства определяется степенью их полезности, степень же полезности денег для отдельного хозяйства зависит, напротив, непосредственно от их меновой ценности» [66].

«Если же, — говорит несколько далее Гельферих, — исходить из точки зрения всего народного хозяйства во всем его целом, то непригодность теории предельной полезности для денег можно обосновать следующими соображениями: понятие предельной полезности основано на том, что определенным количеством благ можно удовлетворить только определенную потребность. . . Это предположение правильно по отношению ко всем хозяйственным благам, но не по отношению к деньгам. Тысячей тонн пшеницы можно накормить определенное количество людей совершенно независимо от цены этой пшеницы. Но полезность определенной суммы денег не только по отношению к отдельному хозяину, но

---

[65] А. Мануйлов. Понятие ценности по учению экономистов классической школы. М., 1901, стр. 26.

[66] K. Helfferich. Das Geld. Berlin, 1910, S. 544, 545.

и по отношению ко всему народному хозяйству находится в непосредственной зависимости от ценности этих денег. Чем больше ценность единицы денег, тем большее количество товаров может быть обменено при посредстве того же количества денежных единиц» [67].

Понятие полезности денег, очевидно, не может служить исходной посылкой для построения теории денег, — вот почему австрийская школа, так много посвятившая своего внимания общей проблеме ценности, не дала разработанной теории ценности денег.

* * *

Развитая нами точка зрения может показаться сходной с предложенной М. Туган-Барановским в его работе «Бумажные деньги и металл» к о н ъ ю к т у р н о й теорией денег. Но в действительности она резко отличается от нее.

Мы не будем останавливаться на всей работе М. Туган-Барановского. Работа эта касается многих проблем денежного обращения, мы же остановимся вкратце только на основной идее, имеющей непосредственное отношение к разбираемому нами в настоящей главе вопросу.

Сущность конъюктурной теории денег М. Туган-Барановского заключается в следующем.

М. Туган-Барановский прежде всего подвергает критике две конкурирующие между собой теории денег: количественную теорию и товарную теорию, представителями которой он считает Тука, А. Вагнера и к которой он относит также К. Маркса.

Обе эти теории кажутся М. Туган-Барановскому неправильными, но в то же время целиком они им не отвергаются.

«Количественная теория денег, — пишет, подводя итоги своей критики, М. Туган-Барановский, — абстрактно совершенно справедлива. Но в применении к конкретным фактам, благодаря ограничениям, которые она требует, она дает очень мало по отношению к металлическому денежному обращению и только по отношению к бумажно-денежному обращению сохраняет все свое значение. Товарная же теория Тука, хотя и совершенно неудовлетворительна в своей абстрактной форме, свидетельствует о правильном понимании Туком фактического строения товарных цен и совершенно правильно ищет объяснения ценности денег в условиях не денежного, но товарного рынка. В случаях металлического денежного обращения именно в этой последней области и коренятся факторы изменения ценности денег». Но, в то время как «для Тука цен-

[67] Ibid., S. 545. Невозможность дать теорию ценности денег, опираясь на теорию предельной полезности, признают и сами представители этой школы. Так, Визер полагает, что общая теория ценности (теория предельной полезности) непосредственно не применима к деньгам, так как они не имеют технически причинной связи с потребностью: деньги могут быть использованы для удовлетворения любой нашей потребности.

ность денег есть не что иное, как производное денежных цен отдельных товаров», для Туган-Барановского «ценность денег есть отражение общей конъюнктуры товарного рынка».

«С нашей точки зрения, — пишет М. Туган-Барановский, — изменения ценности денег вызываются не изменениями условий спроса и предложения отдельных товаров, а изменениями общей конъюнктуры товарного рынка, иначе говоря, общими условиями товарно-денежного рынка» [68].

Рядом теоретических соображений М. Туган-Барановский устанавливает связь между товарными ценами или ценностью денег с общей народнохозяйственной конъюнктурой, что дает право ему заключить, что «ценность денег непосредственно определяется общей конъюнктурой товарного рынка» [69].

«. . . Изложенную теорию ценности денег мы бы назвали конъюнктурной теорией ценности денег, противопоставляя ее как товарной теории Тука, так и количественной теории. Конъюнктурная теория ценности денег является дальнейшим развитием товарной теории Тука. Что касается количественной теории денег, то она нами не отвергается, но признается не имеющей практического значения в случаях металлического денежного обращения. В случаях же бумажно-денежного обращения мы становимся на почву количественной теории денег. . .» [70].

Приведенные соображения Туган-Барановского вызывают ряд сомнений, которые побуждают признать неправильной его теорию.

Прежде всего количественная теория денег едва ли может быть признана правильной даже по отношению к бумажным деньгам, потому что и при бумажно-денежном обращении, чего нельзя отрицать, даже если стоять на точке зрения М. Туган-Барановского, общие условия товарного оборота, конъюнктура не могут не отражаться на ценности денег. Не кто иной, как сам М. Туган-Барановский, в той же работе, в главе, посвященной проблеме лажа [71], анализируя движение лажа в течение прошлого столетия как в России, так и в Австрии, приходит к заключению, что лаж, а следовательно, и ценность бумажных денег зависели не только, а иногда не столько от количества денег, сколько от общей хозяйственной конъюнктуры.

Количество денежных знаков и при бумажно-денежном обращении является только одним из факторов, определяющих ценность денежных знаков; рядом с количеством денежных знаков, правда, в этом случае получающим самостоятельное движение (зависимое от государственной власти), действуют также и все те

---

[68] М. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл, стр. 50, 51.

[69] Там же, стр. 48.

[70] Там же, стр. 51.

[71] Там же, стр. 84—138.

условия, которые в своей совокупности и взаимодействии составляют общую конъюнктуру товарного рынка.

А с другой стороны, и при металлическом обращении вопрос о количестве денег не отпадает, значение количества денег не делается ничтожным. Мы уже указывали на примеры закрытых валют, когда количество выпущенных орудий обращения играет роль весьма важного фактора, влияющего на ценность орудий обращения. Но даже и при свободной чеканке металла количество денежных знаков только потому не имеет значения для определения ценности денег, что само это количество становится зависимым от условий оборота. Дело, следовательно, не в том, является ли количество денежных знаков фактором, влияющим на их ценность (оно всегда является таковым), а в том, от кого зависит изменение этого фактора: в одном случае оно зависит от государственной власти, и тогда его влияние проявляется в полной мере, в другом — оно зависит от общей конъюнктуры товарного рынка, и тогда его действие не проявляется, так как оно поглощается влиянием условий товарообмена.

В конъюнктурной теории денег можно найти много правильного не только по отношению к металлическим деньгам, но и к бумажным, но лишь в той мере, в какой мы деньги рассматриваем как орудие обращения, и только как орудие обращения. С этой точки зрения конъюнктурная теория денег будет более применима, в противоположность утверждению М. Туган-Барановского, к бумажным деньгам, а не к металлическим.

Но мы полагаем, что она применима лишь постольку, поскольку деньги являются орудием обращения.

В этом заключается глубокое принципиальное различие между развитой нами точкой зрения и теорией М. Туган-Барановского.

М. Туган-Барановский не расчленяет отдельных функций денег, и в этом заключается основная его ошибка, которую он разделяет со многими критикуемыми им авторами [72].

Вопрос о ценности денег может быть разрешен только при рассмотрении отдельного «функционального» бытия денег. Конъюнктурная теория денег может, с известными оговорками, о которых мы будем говорить ниже, назваться правильной по отношению к деньгам как орудиям обращения. Но теория М. Туган-Барановского должна быть отвергнута, поскольку конъюнктурная точка зрения распространяется им на деньги вообще, причем не делается различия между отдельными функциями денег.

---

[72] Заметим кстати, М. Туган-Барановский, по нашему мнению, совершает ошибку, когда в числе представителей товарной теории называет одинаково Тука, Вагнера и Маркса. Как раз разграничение отдельных функций денег, указание на различный смысл и содержание отдельных функций составляет характерную черту денежной теории Маркса, почему его нельзя назвать сторонником товарной теории, как нельзя причислить и к металлистам.

М. Туган-Барановский неправильно, как это мы попытаемся показать впоследствии, полагает, что всякие деньги, в том числе и бумажные, выполняют все присущие им функции.

Конъюнктура товарного рынка определяет общую ценность благ, могущих циркулировать в качестве денег. Эта же ценность отражается на ценности орудий обращения. Приходится признать не непосредственное, а к о с в е н н о е воздействие общей конъюнктуры на ценность орудий обращения [72а].

* * *

Определение ценности орудий обращения непосредственно условиями товарооборота выдвигает и Р. Гильфердинг; на нем необходимо тем более остановиться, что в общем учении о деньгах он стоит на правильной марксистской позиции и дает ей отчетливую и ясную формулировку. Но в вопросе о ценности орудий обращения Р. Гильфердинг считает необходимым внести «поправку» в учение Маркса, и в этом не только отклоняется от марксизма, но впадает во внутреннее противоречие.

Сущность воззрений Гильфердинга на ценность орудий обращения сводится к следующему.

Исходя из общих положений относительно денег как орудий обращения, Гильфердинг на вопрос, какое количество денег необходимо для обращения, отвечает:

«. . . Количество средств обращения в первую очередь определяется суммою цен товаров. Если мы предположим, что количество товаров — величина данная, то количество обращающихся денег увеличивается или уменьшается в зависимости от колебания товарных цен, причем безразлично, соответствует ли изменение цен действительному изменению стоимости или же простым колебаниям рыночных цен. Это относится к случаям, когда акты купли и продажи сосуществуют в пространстве. Напротив, если эти акты представляют просто звенья одного ряда, расположенные последовательно во времени, то к этим случаям относится уравнение: сумма товарных цен, деленная на число оборотов одноименных монет, дает то количество денег, которое функционирует в качестве орудия обращения. При этом закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммою цен обращающихся товаров и среднею быстротою оборотов денег, можно выразить и в такой формуле: при данной величине товарных стоимостей и при данной средней быстроте их метаморфозов количество обращающихся денег, или денежного материала, зависит от их собственной стоимости» [73].

[72а] Стоимость товаров и денег (золота) определяется их производством, а не условиями обращения. Поэтому нельзя признать правильным тезис о влиянии конъюнктуры товарного рынка на стоимость денег (*Прим. ред.*).

[73] Р. Г и л ь ф е р д и н г. Указ. соч., стр. 19, 20.

Но так как деньги только «как кристалл стоимости. . . представляются необходимыми», а «как эквивалентная форма — излишними», то представляется возможным функционирование в качестве орудий обращения представителей денег, знаков денег. Знаки эти выполняют только функцию орудия обращения, они «могут функционировать только таким образом, что они представляют посредствующее звено в обращении между двумя товарами». Чистым типом орудий обращения являются бумажные деньги, которые в пределах известного минимума, определяемого потребностями товарооборота, могут с успехом циркулировать. Но «так как размеры обращения подвержены постоянным колебаниям, то необходимо, чтобы наряду с бумажными деньгами золотые деньги постоянно могли притекать к обращению и уходить из него. Если этой возможности нет, то наступают уклонения номинальной стоимости бумаги от ее действительного значения: перед нами будет обесценение бумажных денег» [74].

Чем же в этом случае определяется ценность бумажных денег? Чем же определяется ценность бумажных денег тогда, когда каналы денежного обращения переполняются бумажными знаками и когда металлические знаки уже не циркулируют? В этом случае, т. е. «при чисто бумажно-денежном обращении с принудительным курсом при неизменности времени оборотов, стоимость бумажных денег определяется суммою цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения; бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от стоимости золота и непосредственно отражают стоимость товаров, согласно закону, что их общее количество представляет стоимость, определяемую формулой:

$$\frac{\text{сумма товарных цен}}{\text{число оборотов одноименных монет}}\text{»}^{75}.$$

То же в сущности относится и к случаям металлического обращения с закрытой чеканкой металла, как это было в Австрии с 1859 г. или в Индии с 1802 г.

Здесь, как и раньше, все товары выражаются в деньгах, «измеряются» ими. Как и раньше, деньги представляются мерилом стоимости. Но величина стоимости самого этого мерила стоимости определяется уже не стоимостью того товара, из которого оно образовано, не стоимостью золота или серебра или бумаги. Напротив, эта «стоимость» в действительности определяется совокупной стоимостью товаров, находящихся в сфере обращения (причем предполагается неизменная быстрота оборотов). Действительное мерило стоимости не деньги: «. . . курс самих этих денег определяется тем, что я назвал бы о б щ е с т в е н н о н е о б х о д и м о й

[74] Там же, стр. 22.
[75] Там же, стр. 23.

стоимостью обращения. Мы до сих пор для упрощения не останавливались на функциях денег как платежного средства, откладывая подробный их анализ до позднейшего времени. Но если мы примем их во внимание, то общественно необходимая стоимость обращения выразится в формуле:

$$\frac{\text{сумма товарных стоимостей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$$

плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство» [76].

Таким образом Р. Гильфердинг приходит к заключению, что ценность бумаг (орудий обращения) определяется не ценностью товара (золота), ими представляемого, а непосредственно потребностями товарооборота. Такое утверждение Р. Гильфердингу представляется чрезвычайно важным; незначительная на первый взгляд «поправка» имеет большое принципиальное значение. И хотя в примечании, но все же он считает необходимым подчеркнуть эту свою поправку и указать принципиальные преимущества своей конценции перед суждениями Маркса.

«Читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, — говорит Гильфердинг, — получаешь такое впечатление, как будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навеяны эмпирическим материалом его времени и не могут быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие способы как раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из марксовой теории стоимости и денег.

Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания современных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и самое это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, во всякий момент определяется общественной стоимостью обращения; если она понижается, то золото отливает из обращения; если наоборот — то наоборот. При бумажной валюте и ограничении выпуска бумажных денег вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов к сфере обращения и из нее, потому что необращающийся бумажный знак был бы, ведь, малоценным.

Следовательно, здесь необходимо обратиться, как к определенному моменту, к стоимости обращения; здесь невозможно удовольствоваться рассмотрением денежного знака как простого символа золота, что замечается у Маркса в «Zur Kritik der politischen Oekonomie».

---

[76] Р. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 36

Мне кажется, что правильнее всего формулировал Маркс законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: «Неимеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее, в виде монеты, могло бы само войти в процесс обращения: величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз» («Zur Kritik der politischen Oekonomie», S. 113). Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее — стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если стоимость бумажных денег выходит непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные валюты исторически возникли из металлических валют, это вовсе не основание рассматривать их так и логически. Следует вывести стоимость бумажных денег, не прибегая к металлическим деньгам» [77].

Критику теории Гильфердинга дал в свое время К. Каутский [78]. Нам представляется достаточным отметить только наиболее существенное, что вскрывает внутреннее противоречие в теории Гильфердинга.

Р. Гильфердинг хочет вывести ценность бумажных денег, не прибегая к металлическим. Но, во-первых, возможно ли это? И, во-вторых, делает ли это сам Гильфердинг?

Прежде всего необходимо установить некоторое недоразумение, связанное с тем, что Гильфердинг, всегда очень ясный в выражениях, в этом случае не соблюдает ни точности, ни единства терминологии.

В приведенных нами цитатах несколько раз приводится формула денежного обращения, взятая у Маркса.

На стр. 16 своей книги (немецкое издание) [79] Гильфердинг говорит, что «сумма товарных цен, деленная на число оборотов одноименных монет, дает то количество денег, которое функционирует в качестве орудия обращения» (Preissumme der Waren: Umlaufsanzahl gleichnamiger Geldstücke=Masse der als Cirkulationsmittel funktionierenden Geldes).

На странице 19 немецкого издания (в русском переводе стр. 23) эта формула приводится в том же виде, а именно утверждается, что общее количество орудий обращения представляет стоимость,

---

[77] Там же, стр. 54, 55.

[78] К. Каутский. Золото, бумажные деньги и товар. Статья в сб. «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма». М., 1923, стр. 37 и сл.

[79] Р. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 19.

определяемую дробью, числителем которой является сумма товарных цен, а знаменателем — число оборотов одноименных монет:

$$\frac{\text{Preissumme der Waren}}{\text{Umlaufsanzahl gleichnamiger Geldstücke}}.$$

Таким образом, в обоих этих случаях одним из членов уравнения является «сумма товарных цен» (Preissumme der Waren).

На странице же 30 немецкого издания (в русском переводе стр. 36) эта формула в развернутом виде принимает несколько другой вид, а именно вместо «суммы товарных цен» (Preissumme der Waren) обозначается «сумма товарных ценностей» (Wertsumme der Waren). Товарные цены и товарные ценности — не одно и то же. Какой же термин является более правильным? Но прежде, какой термин употребляется Марксом, у которого Гильфердинг заимствует приводимое им уравнение?

На стр. 130 «Капитала» К. Маркс выражает это уравнение таким образом:

$$\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{Число оборотов одноименных денежных единиц}} = \text{Массе денег, функционирующих в качестве средств обращения}\ [80].$$

$$\frac{\text{Preissumme der Waren}}{\text{Umlaufsanzahl gleichnamiger Geldstücke}} = \text{Masse des als Circulationsmittel funktionirenden Geldes.}$$

На стр. 150 уже в развернутом виде К. Маркс выражается так:

«Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, то окажется, что она — при данной скорости циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно погашаемые платежи и, наконец, минус сумма оборотов, в которых одни и те же деньги функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа» [81].

(«Betrachten wir nur die Geldsumme des in einem gegebenen Zeitabchnitt umlaufendes Geldes, so ist sie, bei gegebner Umlaufsgeschwindigkeit der Circulations — und Zahlungsmittel, gleich der Summe der zu realisirenden Warenpreise,— plus der Summe der fälligen Zahlungen, minus der sich ausgleichenden Zahlungen, minus endlich der Anzahl Umläufe, worin dasselbe Geldstück abwechselnd bald als Circulations, — bald als Zahlungsmittel funktionirt».)

Таким образом, у Маркса в обоих случаях, и в первоначальной и в развернутой формулировках, речь идет не о ценности то-

[80] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 130.

[81] Там же, стр. 150.

варов, а об их ценах. И это, конечно, не случайно, так как иначе и быть не может.

Правая часть уравнения представляет всю сложную совокупность платежей по разнообразным меновым сделкам. Употребление «товарных ценностей» вместо «товарных цен» допустимо было бы только в двух случаях. Во-первых, если бы товары всегда реализовались по их ценностям, но тогда категория цены ничем не отличалась бы от категории ценности. В действительности же, как мы знаем, цена отличается от ценности. Во-вторых, употребление «товарных ценностей» вместо «товарных цен» возможно было бы в том случае, если бы меновые сделки совершались непосредственно через противопоставление и сравнение рабочего времени, этого масштаба ценности товаров. Но мы знаем, что в условиях капиталистического хозяйства, — а о таковом идет только речь, — осуществление обмена посредством выражения товаров непосредственно в рабочем времени невозможно (если, конечно, не становиться на точку зрения утопии рабочих денег, жестоко высмеянную еще Марксом).

Таким образом, необходимо признать, что правая часть интересующего нас уравнения включает «товарные цены», а не «товарные ценности». Только в этом случае уравнение отражает действительное положение вещей.

Под ценой товаров разумеется ценность их, выраженная в деньгах. Когда в правой части уравнения говорится о товарных ценах, разумеется их ценность, выраженная в деньгах. Но в каких деньгах? В бумажных, ценность которых является в уравнении величиной искомой?

Правая часть уравнения выражает потребность товарооборота в деньгах; она лишь в той мере имеет конкретное содержание, в какой она включает в себе элементы, непосредственно не определяемые ценностью тех знаков, которые включены в левую часть уравнения и ценность которых как раз является и с к о м о й. Цена товаров, о которых идет речь в правой части уравнения, должна быть выражена в деньгах, непосредственно не обозначенных в данном уравнении, т. е. в деньгах, выполняющих в данном случае функцию мерила ценностей. Только при этом можно решить уравнение, в котором ценность орудий обращения является искомой величиной.

Числитель правой части уравнения является выражением дороговизны (или дешевизны) товаров; изменение этого числителя возможно, конечно, но оно изменяется под воздействием причин, лежащих на стороне товаров, а не денег. Он может изменяться как вследствие того, что изменилась общая сумма реализуемых товаров, так и вследствие того, что изменились цены товаров. Цена товаров выражается в ценности какого-либо третьего товара, играющего роль мерила ценностей, предположим, золота. Таким образом, изменение цен товаров может быть результатом

как изменения ценности товаров, так и изменения ценности всеобщего эквивалента, т. е. результатом изменения количества общественно необходимого труда, воплощенного в товарах, или изменения количества общественно необходимого труда, воплощенного в единице того товара, который играет роль «всеобщего эквивалента», — золота. Таким образом, изменение числителя правой части уравнения возможно лишь вследствие изменений факторов, лежащих на стороне товаров (всех ли товаров или же «всеобщего эквивалента»), т. е., иначе говоря, вследствие факторов, лежащих в области производства, а не в сфере обращения. Таким образом, когда мы (в правой части уравнения) говорим о товарных ценах, мы разумеем ценности товаров, выраженных в деньгах, как «всеобщем товаре», в деньгах — в полном смысле этого слова, в деньгах — «всеобщем эквиваленте», а не только орудии обращения. Если же это так, и иначе быть не может, то приходится прийти к выводу, что и Гильфердинг в поисках ценности орудий обращения, не зависимой от золота, все же находит эту ценность как раз в зависимости от нее, так как один из элементов, определяющих ценность орудий обращения, а именно «сумма товарных цен», определяется ценностью золота как денежного товара.

Выразим все это конкретнее. Возьмем для простоты уравнение в простом (а не развернутом) виде. Количество орудий обращения равно сумме товарных цен, поделенной на скорость обращения денежных знаков. Сумма товарных цен может быть выражена как сумма ряда произведений массы товаров на цены единицы товаров.

Обозначим количество орудий обращения через $К$, ценность единицы орудия обращения — через $Ц$, массы товаров — через $м$, $м_1$, $м_2$, $м_3$, $м_4$ и т. д., цены товарных единиц — через $у$, $у_1$, $у_2$, $у_3$, $у_4$, $у_5$ и т. д. и скорость обращения денежных знаков — через $С$. Тогда наша формула примет такой вид:

$$К \cdot Ц = \frac{му + м_1у_1 + м_2у_2 + м_3у_3 + \ldots + м_ny_n}{С}.$$

Или, вводя понятие среднего уровня товарных цен ($У$), который является взвешенной средней цен отдельных товаров ($у$, $у_1$, $у_2$, $у_3$ и т. д.), а также общей массы товаров ($М$) (как слагаемой $м+м_1+м_2+м_3+\ldots\ldots+м_n$), получим:

$$К \cdot Ц = \frac{М \cdot У}{С}.$$

Под общим уровнем товарных цен понимается средняя ценность товаров, выраженная в золоте (или другом каком-либо благе, играющем роль «всеобщего эквивалента» денег). Подставим теперь числовые величины. ($Ц$ является величиной искомой.) Пред-

положим, $К=1000$, $М=100$, $С=4$ и $У=6$ денежным единицам. Тогда формула принимает такой вид:

$$1000Ц = \frac{100 \cdot 6 \text{ ден. ед.}}{4} \text{ или}$$

$$1000Ц = \frac{600 \text{ ден. ед.}}{4} = 150 \text{ ден. ед.}$$

отсюда:

$$Ц = \frac{150 \text{ ден. ед.}}{1000} = 0{,}15 \text{ ден. ед.}$$

Таким образом, ценность единицы орудия обращения равна 0,15 ценности денежной единицы. О какой денежной единице идет речь? Очевидно, о единице денег, выполнителей всех свойственных им функций, о единице «всеобщего товара», «всеобщего эквивалента». В России таковым является рубль, равный 17,424 доли чистого золота.

$Ц=0{,}15$ денежной единицы$=0{,}15$ руб.$=0{,}15 \cdot 17{,}424$ доли чистого золота$=2{,}6136$ доли чистого золота.

Таким образом, ценность единицы орудия обращения равна 0,15 ценности денежной единицы, т. е. рубля, и равна, следовательно, ценности 2,6136 доли чистого золота (если, конечно, золото является «всеобщим товаром»).

Этот расчет, приведенный несколько в упрощенном виде, можно выразить еще следующим образом:

$$К.Ц = \frac{М \cdot У}{С} \text{ или } 1000.\ Ц = \frac{100 \cdot 6 \text{ ден. ед.}}{4}.$$

Так как под денежной единицей понимается один рубль, т. е. 17,424 доли чистого золота, то уравнение можно выразить так:

$$1000Ц = \frac{100 \cdot 6 \cdot 17{,}424 \text{ д. ч. золота}}{4} \text{ или}$$

$$1000Ц = \frac{600 \cdot 17{,}424 \text{ д. ч. золота}}{4} = 150 \cdot 17{,}424 \text{ д. ч. золота.}$$

Правая часть уравнения характеризует потребность оборота в деньгах. Как видно из приведенных данных, оборот требует 150 денежных единиц. Орудий же обращения, являющихся в обращении представителями денег, всего 1000, следовательно, на долю каждой единицы орудия обращения выпадает представлять:

$$\frac{150}{1000} \text{ или } 0{,}15 \text{ денежных единиц.}$$

Или, иначе,

$$1000Ц = \frac{10454{,}4 \text{ д. ч. золота}}{4} = 2613{,}6 \text{ д. ч. золота.}$$

Общая ценность всей массы циркулирующих орудий обращения определяется потребностью товарооборота, т. е. ценностью, полученной в правой части уравнения.

В нашем примере товарооборот для своего обслуживания требует (как это видно из правой части уравнения) 150 денежных единиц или же, если принять за денежную единицу рубль (т. е. 17,424 доли чистого золота), общая ценность денег должна равняться ценности 2613,6 доли чистого золота. Таким образом, на долю циркулирующих 1000 единиц орудий обращения выпадает представлять 2613,6 доли чистого золота, следовательно, одна единица орудия обращения является представителем 2,6136 доли чистого золота, ценность единицы орудия обращения равна ценности 2,6136 доли чистого золота.

Таким образом, поскольку в правой части уравнения фигурирует член «товарные цены», постольку определять ценность орудий обращения независимо от ценности золота (или другого блага, выполняющего роль «всеобщего эквивалента») невозможно.

Р. Гильфердинг предлагает определить ценность орудий обращения «общественно необходимой стоимостью обращения», но поскольку последняя, в конечном счете, определяется ценностью того товара, который является «всеобщим эквивалентом», постольку поправка Гильфердинга теряет смысл и значение, и «окольный», как выражается он, путь Маркса, оказывается, ведет быстрее к цели, нежели «прямой» путь Гильфердинга.

Но, может быть, все наше рассуждение неправильно, так как неправильна наша исходная посылка. Может быть, говоря о товарных ценах в правой части уравнения, надо иметь в виду ценность товара, выраженного не в ценности всеобщего товара (золота), а в ценности циркулирующих орудий обращения?

Но в этом случае все уравнение примет весьма неопределенную форму. В самом деле.

Ценность циркулирующих орудий обращения определяется целым рядом фактов, в числе которых мы находим суммы товарных цен ($му + м_1 у_1 + м_2 у_2 + \ldots + м_n у_n$). Сумму товарных цен можно выразить как произведение массы товаров на средний уровень товарных цен ($М \cdot У$). Средний же уровень товарных цен является выражением средней ценности товаров в ценности денег, в данном случае ценности циркулирующих орудий обращения. Таким образом, ценность единицы орудий обращения оказывается зависимой от среднего уровня товарных цен, который в свою очередь оказывается зависимым от ценности данных орудий обращения. Ценность орудий обращения, следовательно, в конечном счете, определяется ценностью орудия обращения. Получается

круг, из которого выйти невозможно. Все уравнение превращается в простую тавтологию.

Мы приходим, следовательно, к следующему выводу.

Если под товарными ценами понимать ценность товаров, выраженную в ценности циркулирующих орудий обращения, то рассуждения Гильфердинга приводят нас в заколдованный круг, и поставленная задача разрешена быть не может.

Если же под товарными ценами разуметь ценность товаров, выраженную в ценности всеобщего товара (золота), то одно из двух: или Гильфердингу надо отказаться от общей концепции Маркса, его общей теории ценности, и полагать, что ценность товара, хотя бы золота, образуется (вне производства) в сфере обращения [82]; или же прийти к заключению, что «общественно необходимая стоимость обращения» в свою очередь определяется ценностью «всеобщего эквивалента» (предположим, золота), и тогда снова вернуться к «окольному пути» Маркса.

Ценность денег как орудий обращения определяется потребностями товарооборота, но только потому, что этой потребностью определяется количество могущих циркулировать в обращении денежных единиц (единиц «всеобщего товара»). Следовательно, ценность денег как орудий обращения определяется ценностью представленного им «всеобщего товара», количество которого определяется потребностями товарооборота.

Если и можно говорить о том, что ценность орудий обращения определяется товарооборотом, то это зависимость не непосредственная, а возникающая через посредство воздействия требований товарооборота на количество «всеобщего товара», могущее циркулировать в каналах денежного обращения.

Таким образом, будем ли мы рассматривать деньги как выполнителей всех свойственных им функций, т. е. деньги вообще, будем ли мы рассматривать деньги только в одной из их функций, т. е. как только орудия обращения, — в том и другом случае ценность денег определяется ценностью того блага, которое в данном общежитии играет роль денег. В том и другом случае ценность денег, в конечном счете, определяется одинаково. Теория ценности денег остается монистичной.

Но так как в одном случае это благо выступает в конкретном своем воплощении, а в другом случае воплощается в символе, знаке, то и возникает необходимость различать условия образования ценности денег вообще и ценности денег как орудий обращения, различать условия, оказывающие непосредственное и посредственное влияние на ценность денег.

---

[82] Это явилось бы полным отказом от марксовой общей теории ценности, что, естественно, и сделал Гильфердинг в 1912—1913 гг. в своей полемике по вопросу о дороговизне.

Глава пятая

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И ИХ ЦЕННОСТЬ

1

Предыдущее изложение не только облегчает понимание, но в значительной степени и разрешает ряд вопросов, связанных с бумажными деньгами и бумажно-денежным обращением.

Анализ функций денег выясняет происхождение бумажных денег, их сущность, их природу. Приведенные теоретические соображения относительно проблемы ценности денег предрешают в значительной мере вопрос о ценности бумажных денег.

Рассмотрение отдельных функций днег показало, что они далеко не одинаковы и что выполнение их происходит различным образом. Деньги в качестве выполнителей отдельных функций выражают различные социальные хозяйственные взаимоотношения, а будучи вещной формой выражения этих отношений, в отдельных своих проявлениях, т. е. при выполнении отдельных функций, могут иметь и имеют самостоятельное бытие.

В частности, изучение отдельных функций денег показало, что для выполнения некоторых из них вовсе не требуется ценности в наличии, вовсе не требуется присутствия товаров-денег, металла.

В качестве орудия обращения может выступать нечто, заменяющее металл, его представляющее, его символизирующее. Функцию орудия обращения может выполнять и бумажный знак, поскольку он удостоверяется, поскольку он санкционируется в качестве представителя металла какой-либо авторитетной организацией, пользующейся всеобщим доверием, чья санкция является достаточно признанной.

Высшей авторитетной организацией в настоящее время является государство, почему бумажные знаки, претендующие на выполнение функции орудия обращения, большей частью бывают государственными.

Но возможна циркуляция бумажно-денежных знаков и не снабженных санкцией государственной власти. В качестве «создателя» денег может выступать и какая-либо общественная организация, муниципалитет, община и т. д. Теоретически возможно и фактически бывает, что в качестве орудий обращения циркулируют знаки, выпущенные даже частными лицами. «Циркуля-

торная» способность знаков обусловливается авторитетностью и степенью авторитетности учреждений, их выпускающих. Авторитетность эта может выражаться в двух формах. Во-первых, учреждение, выпускающее орудия обращения, может обладать фактической властью принудить ту или иную группу участников товарооборота принимать выпускаемые им знаки; в этом случае хождение орудий обращения имеет санкцию административного воздействия. Во-вторых, авторитетность может основываться на том, что выпускающее знаки учреждение само является хозяйствующим субъектом, вступающим в разнообразные меновые связи с участниками товарооборота.

Каждый из участников народного хозяйства соглашается принимать знаки, выпущенные государством, не только потому, что государственная власть может его заставить это сделать, но и потому, что теми же знаками можно уплатить государству по причитающимся ему платежам (налоги, подати и т. д.); каждый из участников хозяйства соглашается принимать знаки, выпущенные муниципалитетом не потому, что муниципалитет может его принудить принимать данные знаки, но потому, что этими знаками можно уплатить за оказываемые им услуги (электричество, водопровод и т. д.). В различных случаях то или иное основание «авторитетности» имеет главенствующее значение, чаще всего возможность понуждения, но во всех почти случаях и второе основание имеет значение. Само собой разумеется, в зависимости от степени авторитетности выпускающего учреждения хождение знаков захватывает больший или меньший район. Если знаки, выпускавшиеся центральной властью в России уже во время революции или центральным правительством Германии, имели хождение по всей стране, то различные деньги, выпускавшиеся в России во время революции различными городами, или же деньги различных государств или даже городов Германии, имели хождение только в пределах данных городов или областей.

Таким образом, в о з м о ж н о с т ь циркуляции бумажных знаков в качестве орудий обращения вытекает из объективных условий менового оборота; о с у щ е с т в л е н и е этой возможности достигается вмешательством какого-либо авторитетного органа, каким в настоящее время является по преимуществу государственная власть.

Но вмешательство это далеко не безгранично. Прежде всего воздействие государственной власти так же, как и при обращении «настоящих» денег, металлических денег, сводится в сущности только к зафиксированию, закреплению того процесса выступления не металла в качестве орудий обращения, какой замечался и до активных действий государства. И, во-вторых, что имеет, пожалуй, самое важное значение, воздействие государства ограничено такими же узкими рамками, как и при металлическом обращении.

Выпуская бумажные знаки, на долю которых выпадает выполнение функции орудия обращения, государство только использует тот процесс, который ясно обозначается и до этого и который происходит совершенно независимо от государственной власти. Процесс этот сводится к постепенному отделению металлического содержания монеты от ее наименования.

В качестве орудия обращения деньги являются только представителями ценности; но если символом золотой монеты может быть и меньшее количество золота (истертая монета), то, очевидно, таким же символом может быть и не золото: рядом с золотыми монетами появляются в качестве их представителей (символов) серебро и медь.

А отсюда недалеко и до последнего шага: функционирования в качестве представителя, в качестве символа золота ничего не стоящей вещи, куска бумаги.

Процесс развития символов денег совершается таким образом, что вначале появляется едва заметная, неуловимая разница между номинальным и металлическим содержанием монеты, а потом они совершенно отделяются друг от друга. «Монетное название денег,— говорит К. Маркс, — отделяется от их субстанции и существует вне последней, в лишенных стоимости бумажках»[1]. «Металлические деньги», читаем мы у Джевонса, «чрезвычайно облегчают меновой процесс. Но с течением времени нации, употреблявшие золотые и серебряные деньги, нашли, что в обращение могут быть пущены денежные знаки с низкой металлической ценностью, куски кожи или даже бумаги, имеющие чисто номинальную стоимость и удостоверяющие, что их владельцу принадлежат монеты на известную сумму. Вещество, заменяющее золотые, серебряные и медные деньги, первоначально являлось только символом металла. Но когда люди уже свыклись с употреблением такого рода денег — символов, то явилась возможность вовсе удалить из обращения благородные металлы, представителем которых они служили, и оставить лишь куски кожи или бумаги, которые сами по себе не имели никакой ценности.Так появились неразменные бумажные деньги» [2].

Государство же, которое узаконяет это обращение денег — символов, очевидно, только использует, фиксирует процесс, происхождение которого лежит вне воздействия государственной власти.

Сказанным определяется возможность циркуляции бумажно-денежных знаков и их генезис: возникновение на почве обращения неполноценных металлических денег. Но это не значит, конечно,

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 97.

[2] W. S. Jevons. Money and the Mechanism of Exchenge. London, 1876, p. 191.

что в каждом отдельном случае бумажно-денежные знаки следуют за обращением металлических денег. Чаще всего банковые билеты являются предшественниками бумажных денег, чаще всего банковые билеты п р е в р а щ а ю т с я в бумажные деньги. Таково, например, непосредственное происхождение бумажных денег, циркулировавших с начала мировой войны в Германии, России и других участвовавших в войне государствах.

Возможно непосредственное происхождение бумажных денег из других кредитных документов, ипотечных бумаг, каковыми были вначале выпущенные в конце 1789 г. ассигнаты Французской революции, облигации государственных займов, какими была некоторая часть обращавшихся в 1918—1919 гг. бумажных денег в России (облигации «займа свободы»).

Но даже в эти случаях, когда в бумажные деньги превращаются какие-либо кредитные документы, корни их циркуляции надо искать в металлическом обращении; связь и в этом случае сохраняется с металлическими деньгами.

Эта связь сохраняется и тогда, когда бумажные деньги выпускаются местной или же новой властью.

Деньги, выпускавшиеся во время гражданской войны Деникиным на Дону, Колчаком в Сибири, опирались, в конечном счете, на старую металлическую русскую валюту; то же надо сказать об украинских деньгах (карбованцах) Петлюры и гетмана, то же и о деньгах Латвии. Иногда бумажные деньги находят опору в иностранной валюте, таковы первоначальные деньги новообразованной Польши, «связывавшиеся» с немецкой маркой, или же деньги архангельского белого правительства, связанные с английским фунтом стерлингов.

Гораздо большее значение имеет другое обстоятельство. Вмешательство государственной власти в сферу денежного обращения посредством выпусков бумажных знаков (орудий обращения) имеет весьма узкие границы; вмешательство это ограничивается, и притом весьма существенно, объективными условиями менового оборота.

Государственная власть пускает в обращение бумажные знаки, которые должны заменять металл. Поскольку государственная власть авторитетна, постольку эти бумажные знаки и циркулируют в пределах того района, в котором этот авторитет признается, но при выпуске бумажных знаков государство неизбежно наталкивается на определенные объективные законы, преодолеть которые оно в не состоянии. Даже больше того, эти объективные условия преодолевают волю государственной власти и искажают ее намерения. Выпущенные из-под печатного станка бумажные знаки, попадая в обращение, в своей циркуляции полностью подчиняются объективным законам менового оборота, совершенно высвобождаясь от какого бы то ни было влияния государственной власти.

В сущности и при обращении металлических денег государство не всевластно. При рассмотрении роли государства в деле «создания» денег мы уже указывали, как законы товарного оборота приспособляют к себе деятельность государства. Особенно ярко и отчетливо приспособление это выражается в количестве фактически циркулирующих денежных знаков. Не государственная власть, а «оборот» определяет это количество: при свободной чеканке — полностью, при закрытой валюте — его максимум.

При обращении бумажно-денежных знаков зависимость деятельности государства от условий оборота остается, но она принимает новые формы. При металлическом обращении оборот регулирует количество денежных знаков, фактически циркулирующих в стране; ценность же денежных знаков определяется ценностью заключенного в них металла, следовательно, она независима от государственной власти. При циркуляции же бумажных орудий обращения, хотя количество их и может определяться государством, ценность их определяется условиями товарного оборота. В этом заключается большая ограниченность воздействия государственной власти на денежное обращение.

В самом деле, чем определяется ценность бумажных денег?

Но предварительно попытаемся точнее и полнее определить, что такое бумажные деньги.

2

Надо ясно представить себе, о чем идет речь. О бумажных деньгах очень много говорят, но, к сожалению, ясное представление о них не может считаться распространенным [3]. Очень часто полагают, что всякие денежные знаки, сделанные из бумаги, могут быть названы бумажными деньгами. С этой точки зрения нет различия между кредитными рублями, циркулировавшими в России с 1897 до половины 1914 г., до начала войны, и кредитными рублями военного времени, нет никакого различия между билетами, выпускаемыми центральными эмиссионными банками, и государственными бумажными деньгами.

Такой взгляд представляет большое заблуждение. Бумажки, выполнявшие функции орудия обращения во время войны, хотя и сохранили то же наименование, но по своей природе резко отличались от тех кредитных рублей, которые обращались до войны;

[3] «Man frage einmal, — schreibt ein Berliner Bankier, — zehn Menschen nach dem Papiergeld, welches sie in der Tasche tragen; neun werden nicht wissen, ob es Noten oder Kassenscheinen sind und wahrscheinlich wird keiner der Zehn über die rechtliche Verschiedenheit etwas aussagen können» («Если спросить, — пишет один берлинский банкир, — десять человек о бумажных деньгах, которые они носят в карманах, девять не будут знать, банкноты ли это или казначейские билеты, и наверное ни один из десяти не сможет ничего сказать по поводу правового различия между теми и другими». — *Ред.*) (O. S t i l l i c h. Geld und Bankwesen. Berlin, 1914, S. 5).

бумажные деньги существенно отличаются от банковых билетов (банкнот). И дело не только в том, как это многие думают, что одни разменны на золото, а другие не разменны. Различие заключается не только в этом, даже, вернее, не столько в разменности, сколько в других свойствах, резко разграничивающих бумажные деньги от других знаков, определяющих природу бумажных денег, обусловливающих их значение, их экономическое действие, их народнохозяйственный эффект.

Определить, что такое бумажные деньги, удобнее всего через сопоставление их с банковыми билетами; это тем более необходимо, что обычно как раз эти два рода бумажно-денежных знаков смешиваются. Попытаемся определить понятие бумажных денег через характеристику отдельных их признаков, что даст возможность и общего теоретического обоснования.

* * *

Что же такое бумажные деньги? Остановимся на признаках внешних, наиболее видимых и ясных. Прежде всего, каково происхождение бумажных денег и чем в этом отношении они отличаются от банковых билетов? К т о выпускает и к а к выпускает бумажные деньги, к т о выпускает и к а к выпускает банковые билеты? К т о является с у б ъ е к т о м выпуска и каков с п о с о б в ы п у с к а тех и других бумажных знаков?

В одном случае, при бумажных деньгах, субъектом выпуска является государство, в другом, при банкнотах, — банк. Здесь важен не формальный момент, а именно то, что государство является публично-правовой организацией, а банк — частнохозяйственной. Важно различие в характере деятельности того и другого. Банк, какой бы он ни был, прежде всего является коммерческим предприятием; его деятельность может несколько видоизменяться в зависимости от того, является ли он государственным или частным, но и в том и другом случае он остается хозяйствующей организацией, деятельность которой может быть кратко охарактеризована как торговля деньгами. Государство, хотя и является хозяйствующим субъектом, коммерческим предприятием названо, конечно, быть не может.

Субъект выпуска определяет и способ выпуска бумажных знаков.

Билеты, выпускаемые банком, являются результатом его коммерческой деятельности, его участия в торговом обороте страны. Банковый билет — это вексель на банк, это — обязательство банка уплатить означенную на билете сумму предъявителю его. Получатель банкноты имеет право требования к банку. Но банк, передавая своему клиенту право требования на себя, получает от него соответствующее обязательство. Банковый билет выпускается банком взамен соответствующего обязательства клиента.

При выпуске банковых билетов банк выдает право требования на себя, получая взамен право требования на другое лицо.

Наиболее важной и существенной операцией банка, по которой выпускаются билеты, являются учетно-ссудные операции.

«Банкноты выпускаются коммерческим банком посредством учета векселей и других документов. . . Типичный способ, посредством которого банкноты выпускаются в обращение, — это выдача их в ссуду купцу. Ссуда дается под вексель, приносимый в банк купцом. Вексель представляет проданные уже товары, за которые не получены наличные деньги. . . Банк выдает заемщику эквивалент наличными, соглашаясь, чтобы окончательный платеж был произведен покупателем товара по наступлению срока векселя. Банк может сделать это, используя свой кредит посредством выдачи своего обязательства в форме банкноты или чека» [4].

Учитывая векселя, банк выпускает билеты и, делаясь дебитором по выпущенным билетам, становится в то же время на ту же сумму кредитором по полученным векселям. Выпуск банкового билета, таким образом, тесно связан с появлением частного векселя, который в свою очередь явился результатом совершившейся частнохозяйственной сделки. Где-то в глубинах народного хозяйства заключена какая-нибудь торговая сделка в кредит: в результате появился частный вексель, в результате выпущен банковый билет. Появление банкноты обусловлено торговым оборотом, характером этого последнего, развитием кредитных сделок. Из недр народного хозяйства вытекает требование банкового билета. Там, в торговом обороте, зарождается в сущности банковый билет. Там надо искать его корни, его происхождение.

Банковые билеты, как об этом говорилось, выпускаются главным образом под учет векселей. Какое экономическое значение имеет такой характер выпуска?

Предварительно следует заметить, что не всякий вексель считается годным для учета. Не только кредитоспособность векселедателя, не только срок векселя имеет значение, наиболее существенным и принципиально важным является характер векселя, его происхождение; особое значение имеет характер той сделки, которая явилась основанием векселя. Только так называемые товарные векселя считаются в данном случае годным материалом для учета, т. е. такие векселя, которые явились в результате товарной сделки, передачи товара с отсрочкой платежа. Где-то в стране была совершена кредитная сделка; один контрагент передал другому товар, но вместо денег получил вексель. Самый факт существования такого векселя свидетельствует об обращении товаров, вся масса таких векселей служит доказательством наличности массы товаров, нуждающихся в день-

[4] Charles A. Conant. The Principles of Money and Banking v. II. N. Y.—L., 1905, p. 21, 22.

гах как орудиях обращения. И банк, выпускающий в это время свои билеты, действует, следовательно, согласно требованиям коммерческого оборота; учтенные же векселя служат не более, не менее как доказательством нужды оборота в орудиях обращения; посредством векселей эта нужда выявляется и количественно определяется. Векселя являются показателями потребностей оборота, и выпуск, соответственно этим показателям, билетов удовлетворяет обнаружившуюся потребность оборота в орудиях обращения.

«. . .Банкнота, — пишет М. Бернацкий, — для своего надлежащего функционирования должна представлять собою простую замену частного векселя (конечно, за известную плату, составляющую коммерческий raison d'être существования эмиссионного банка). Только в этом случае можно быть уверенным, что банковый билет действительно служит товарообороту, что он пополняет денежный аппарат, растягивает эластичный пояс механизма обмена. Само собою разумеется, что не всякий вексель может служить обеспечением банкноты: отсюда выпадают векселя, не основанные на торговой сделке, «финансовые», соло-векселя по русскому закону и т. п. Если к учету в банк предъявляется вексель, в основе которого лежит действительная торговая сделка (товарный вексель), передача ценностей, на которую не хватило запаса наличных денег, то мы можем быть уверены, что выданный в этой сделке банковый билет нужен для оборота» [5].

Иначе возникают бумажные знаки, выпускаемые государством. Этими знаками государство п л а т и т по своим обязательствам. Банковые билеты выдаются в с с у д у, являются поэтому орудием к р е д и т а, бумажные знаки, выпускаемые государством, выдаются в у п л а т у, являются орудием п л а т е ж а.

Можно и бумажные знаки, выпускаемые государством, рассматривать как обязательства государства, векселя его, но, что очень важно, обязуясь по этим векселям, государство не приобретает на соответствующую сумму обязательств других лиц, соответствующих прав требования. Банк выпускает свои векселя, приобретая векселя частных лиц; он становится на одну и ту же сумму как дебитором, так и кредитором. Государство, расплачиваясь своими «векселями», приобретает различного рода блага и услуги, которые и потребляет; в конечном счете оно становится по выпущенным своим векселям только должником, не имея соответствующих прав кредитора к кому бы то ни было.

Особенно важно подчеркнуть следующее обстоятельство. Банковый билет, выпущенный взамен частного векселя, мог появиться только потому, что в торговом обороте появился этот вексель

---

[5] М. В. Б е р н а ц к и й. Русский государственный банк как учреждение эмиссионное. «Известия С.-Петербургского политехнического института», т. XVIII, 1912, стр. 9.

как результат торговой сделки; корни банкноты, следовательно, надо искать в недрах народного хозяйства. Знаки, выпускаемые государством, появляются только потому, что государство нуждается в каких-либо благах или услугах; корни этих знаков, следовательно, надо искать в потребностях государства, в его нужде в тех или иных благах. Появление банкового билета обусловливается народнохозяйственными условиями; появление бумажных денег обусловливается государственной нуждой. Банковый билет появляется в ответ на требование народнохозяйственного оборота, бумажные деньги такой связи с условиями народного хозяйства не имеют. Банковые билеты, даже если они выпускаются банком, принадлежащим государству, государственным банком, никогда не являются непосредственно способом пополнения государственной казны; бумажные деньги всегда являются финансовым ресурсом. Этим и объясняется, что, в то время как банковые билеты циркулируют в обыкновенное, нормальное время, бумажные деньги обычно появляются тогда, когда государство особенно сильно нуждается в средствах, когда обычными финансовыми методами государство удовлетворить свои потребности не в состоянии: во время войн, революций, кризисов и т. д.

При выпуске бумажных денег гарантий их необходимости нет. Можно, конечно, предъявить требование к государству, чтобы выпуск бумажных денег производился в строгом соответствии с потребностями оборота. Но такое требование совершенно невыполнимо. Теоретически наперед эту потребность вычислить нельзя: слишком от большого количества факторов зависит эта потребность, к тому же она постоянно меняется. При банковых билетах эта потребность автоматически определяется, при бумажных деньгах с этой потребностью считаться нет возможности.

Банковые билеты не только возникают в связи с требованием оборота, но и исчезают исключительно в зависимости от этих требований. В каналах денежного обращения они остаются только до тех пор, пока существует в них потребность.

В самом деле. Банкнота появилась в результате кредитной сделки, т. е. такой меновой сделки, при которой взаимная передача эквивалентов произошла не одновременно. Один контрагент передал другому ценность, но соответствующего денежного эквивалента не получил, так как платеж был отсрочен; вместо денег он получил вексель, который и был учтен, заменен векселем банка. При наступлении срока платежа производится уплата. Бывший товаровладелец, получающий теперь деньги, должен погасить вексель, находящийся в банке. Он его получает от банка, внеся туда соответствующую сумму банкнот: банковые билеты, таким образом, возвращаются в выпустивший их банк. Определенная торговая сделка, следовательно, вызвала появление в каналах денежного обращения банкноты, ликвидация этой сделки (уплата) вызывает ее уход из каналов обращения. Вот почему

банкнот лишних, в том смысле, что оборот в них не нуждается, в каналах денежного обращения быть не может. Рынок, как говорят, отбрасывает лишние банкноты. Банковые билеты легко и автоматически возвращаются в выпустившее их учреждение. «Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению» [6].

Это обстоятельство имеет, между прочим, большое значение с точки зрения эластичности денежного аппарата, т. е. легкой его расширяемости и сжимаемости. Дело в том, что рынок не всегда требует одинакового количества орудий обращения. Это требование изменяется в зависимости от самых разнообразных факторов; оно различно не только по странам, оно изменяется также в зависимости от времени года, отдельных местностей одной и той же страны и т. д.

В Англии, например, особенно большое требование на денежные знаки бывает по субботам, дням расплаты, в конце каждой четверти года, когда происходят ликвидации различных сделок. В России особенно много денежных знаков требуется в дни выдач заработной платы, осенью во время реализации урожая.

Можно сказать, что потребность в денежных знаках колеблется изо дня в день. Количество денежных знаков должно всегда приспособляться к требованиям оборота и всегда изменяться; сознательное же его изменение невозможно, ибо сознанию никогда не угнаться, так сказать, за непрерывно изменяющимся потоком рыночных требований. Возникает необходимость в автоматичности процесса увеличения и уменьшения денежных знаков, заполнения и освобождения каналов денежного обращения, расширения и сжатия денежного аппарата. Эластичность эта и достигается циркуляцией кредитных орудий обращения (банкнот), ибо их циркуляция как раз основана на легкой их появляемости в каналах товарного обращения, соответственно требованиям оборота, и легкой их возвращаемости в выпустившее их учреждение.

В этом отношении банковые билеты похожи на металлические денежные знаки. Ведь и золотых монет не может быть в обороте больше того количества, которое требуется обороту. «Лишних» золотых денег в обращении быть не может. К. Маркс пишет: «. . . влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел» [7].

«. . . Обращение кредитных орудий обращения, — по словам Конанта, — автоматически приспособляется к размерам требований торговли. Если число торговых следок велико, много векселей представляется в банк и много банкнот выпускается. Боль-

---

[6] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 539.
[7] Там же, стр. 541.

шое количество торговых сделок обыкновенно предполагает увеличение спроса на труд и большее количество платежей на заработную плату и для мелких покупок, что требует увеличенного количества орудий обращения. В такое время обращением поглощается большее количество банкнот, чем во времена тихой торговли. При уменьшении количества торговых сделок уменьшается количество векселей, предъявляемых в банки для учета, выпускается меньше банкнот и начинается обратный их приток в банки, которыми торговцы расплачиваются по своим векселям изо дня в день. . . Количество банкнот, таким образом, находится в полном соответствии с требованием торговли» [8].

Иначе обстоит дело с бумажными деньгами. Выпускаются они без всякой связи с требованиями оборота, выпуск их нисколько не связан с какими-либо меновыми сделками, и самое их появление вызывается не требованиями оборота, а исключительно нуждой государства. А этим самым предопределяется их дальнейшая судьба: они крепко оседают в каналах денежного обращения. Возвращаемость их в кассы государства совершенно случайна и, что самое важное, нисколько не зависит от требований товарного обращения. Только специальными мероприятиями государства можно извлечь бумажные деньги из обращения. Но эти мероприятия находятся вне всякой зависимости от условий товарного оборота. Поэтому, как общее правило, бумажные деньги, раз выпущенные, остаются в обращении постоянно. «Выпуск государственных бумажных денег означает не только единовременное, преходящее, но д л и т е л ь н о е (bleibende) увеличение средств обращения. Ибо если они и возвращаются в кассы государства при платежах. . ., то, по общему правилу, тотчас выпускаются из этих касс обратно для покрытия платежных обязательств, лежащих на этих последних» [9].

Указанные свойства бумажных денег, отличающие их от банковых билетов, являются наиболее важными; остальные черты хотя и имеют значение, но по существу являются второстепенными. К таким чертам надо отнести свойство разменности и принудительности обращаемости. Остановимся на каждой из них в отдельности.

Банковые билеты обычно разменны. Предъявить банковый билет к размену означает предъявление векселя к уплате. Освободить векселедателя от обязанности платить по векселям значило бы уничтожить вексель как кредитный документ. Сама сущность банкового билета связана с его разменностью. Хотя, с другой стороны, необходимо заметить, что на практике иногда встречаются и неразменные банкноты, как, например, в Австрии с 1892 г.

[8] Charles A. C o n a n t. Op. cit., p. 131.
[9] A. W a g n e r. Socialökonomische Theorie des Geldes und Geldwesens. Leipzig, 1909, S. 678, 679.

Бумажные же деньги, выпускаемые государством по его платежам, с разменностью не связаны. Они могут быть разменны, но могут быть и неразменны. (Речь, конечно, идет о разменности по полному нарицательному курсу). Являясь только формально векселями государства, бумажные деньги по существу своему являются орудиями обращения, а не кредитными документами. Иногда они бывают разменны, но разменность не является специфической их чертой, и неслучайно чаще всего, почти всегда, они бывают неразменными.

Очевидно, признак разменности не является столь характерной чертой, отличающей бумажные деньги от банковых билетов. Правда, если перед нами неразменный бумажный знак, то с некоторой уверенностью можно сказать, что это бумажные деньги, хотя, как это указывалось выше, бывают и неразменные банкноты; но если перед нами знаки разменные, то сказать, что это банковые билеты, нельзя — это могут быть и бумажные деньги.

Но, с другой стороны, необходимо подчеркнуть, что бумажные деньги большей частью бывают или же превращаются в неразменные знаки, если вначале они и были разменными. Это происходит потому, что в то время, как гарантия разменности банковых билетов создается самим способом их выпуска, разменность бумажных денег ничем не обеспечена.

В самом деле, чем гарантируется разменность банковых билетов и бумажных денег?

При кредитных орудиях обращения размен их обычно обеспечен не только формальным обязательством их разменивать, а и конкретной возможностью это обязательство выполнить. Самый способ выпуска банковых билетов создает специальное обеспечение их разменности. Те векселя, под учет которых выпущены банковые билеты, весь «вексельный портфель» банка составляет гарантию расплаты по билетам, их разменность. Все же векселя банка во всей своей совокупности представляют не что иное, как обязательства всего торгового мира, и, таким образом, разменность банковых билетов гарантируется капиталами всех участников народного хозяйства, всем народным хозяйством. Поэтому теоретически невозможность размена банковых билетов исключена. К тому же, как общее правило, банковые билеты вообще и не предъявляются к размену. В самом деле, «купец, получивший ссуду из банка билетами, должен в срок ее возвратить: он может возвратить металлом, тогда выданные в свое время банкноты получают металлическую опору; он может возвратить взятую ссуду банковыми билетами, и тогда, следовательно, эти билеты уже возвращены и предъявлены к размену быть не могут».

Этим не исключается необходимость и при банковом обращении так называемого металлического фонда. Но его значение весьма условно и ограничено.

На этом следует вкратце несколько остановиться.

Банковые билеты, как мы видели, отличаются целым рядом свойств, в том числе и тем, что они не оседают, в противоположность бумажным деньгам, в каналах денежного обращения. Ставя вопрос теоретически, можно утверждать, что банковые билеты остаются в обращении лишь столько времени, сколько проходит от момента учета векселя, по которому выпущены данные билеты, до ликвидации той кредитной сделки, которая явилась основанием его возникновения.

Оседание банковых билетов в каналах денежного обращения опасно и искажает их природу. Этим, между прочим, объясняется то, что банковые билеты обычно выпускаются под учет краткосрочных векселей, и, во-вторых, то, что они выпускаются в крупных купюрах. Таким образом достигается максимальная подвижность банковых билетов, быстрота перехода их из каналов денежного обращения в кассу эмитировавшего их банка. Банкнотное обращение является максимально эластичным, быстро расширяющимся и сжимающимся в зависимости от потребностей товарооборота. Банкнотное обращение чутко и быстро реагирует на эти потребности.

Показателем расширения или сужения потребностей товарооборота являются коммерческие векселя; они же служат наиболее важным средством покрытия банковых билетов.

Но, кроме этого, банк имеет так называемый металлический фонд. Необходимость такого фонда обусловливается тем, что не весь банковский портфель целиком можно считать реальным показателем действительных потребностей товарооборота в орудиях платежа.

Дело заключается в следующем.

Во-первых, даже при самой тщательной постановке банковых операций все же тот или иной учтенный банком вексель может оказаться порочным, не отвечающим тем требованиям, которые предъявляются к такого рода векселям. Вексель может оказаться не вытекающим из товарной сделки, и тогда, следовательно, выпущенным банкнотам не будут соответствовать действительно циркулирующие и реализуемые товары. Таким образом, не весь вексельный портфель является показателем действительной (реальной) потребности оборота в орудиях платежа, известная часть этих показателей может оказаться фиктивной.

Во-вторых, вексельный портфель не во всей сумме может оказаться показателем реального (а не фиктивного) требования товарооборота. Вексель, предъявляемый к учету, оценивается обычно не по полной его валюте. Банк не берет на себя риска от понижения цен тех товаров, обращение которых вызвало в оборот данные банкноты. На рынке может произойти большее понижение цен, и векселедатель может оказаться неплатежеспособным или же не в полной мере платежеспособным. Обычно требуемые подписи двух достаточно кредитоспособных клиентов банка

уменьшают этот риск, но все же его целиком и полностью не устраняют. Таким образом, вексельный портфель, взятый в его ценностном выражении, не всегда во всей своей сумме является показателем потребностей (в ценностном их выражении) товарооборота. Некоторая часть этой суммы, окажется, не будет отражать действительно циркулирующих и реализуемых товаров.

В-третьих, особенно важным моментом, порочащим вексельный портфель банка, является следующее. Возможны случаи, когда циркуляция одной и той же массы товаров вызывает не один, а несколько векселей. Перед нами может быть несколько векселей, но они вовсе не свидетельствуют о нескольких массах товаров. Основанием их появления может служить одна и та же, переходящая из рук в руки, товарная масса. В этом случае общая ценность векселей будет значительно выше ценности той товарной массы, отразить ценность которой должны были эти векселя. «Векселя, выдаваемые вследствие действительной продажи товаров, — указывал еще Торнтон, — еще не могут на этом одном основании считаться уже непременно представляющими собою действительное имущество. Предположим, что А продает В товар на 100 фунтов с кредитом на 6 месяцев; и что В через месяц продает те же товары с таким же кредитом С, от которого берет такой же вексель; что С еще через месяц продает эти товары Д и берет у него такой же вексель и т. д. К концу 6 месяцев могут, таким образом, существовать 6 векселей по 100 фунтов, и каждый из них может быть уже дисконтирован. Но из всех этих векселей лишь один представляет собою действительное имущество» [10].

Таким образом, и это обстоятельство порочит до известной степени вексельный портфель банка. Часть векселей, несмотря на то, что источником их возникновения являются товарные сделки, с точки зрения выпуска банковых билетов, является фиктивной.

В-четвертых, при всяких условиях между банкнотами как векселями банка и векселями, ими учтенными, имеется различие в их срочности. Банковый билет является векселем бессрочным, уплата по этому векселю должна производиться по предъявлению; векселя, дисконтируемые банком, являются срочными, хотя бы и краткосрочными.

Вот эти-то обстоятельства, — с одной стороны, то, что не весь банковый портфель является действительным показателем потребностей товарооборота в орудиях платежа, а с другой, несовпадение сроков векселей и банкнот, — вызывают необходимость в дополнительном обеспечении банковых билетов, в обеспечении звонкой монетой.

В той мере, в какой, вследствие указанных обстоятельств, может оказаться, что банковых билетов выпущено в большем количе-

---

[10] Цит. по кн.: Д. С. Милль. Основания политической экономии, т. II. СПб., 1873, стр. 37.

стве, чем это требуется товарооборотом, металлический фонд не только покрывает циркулирующие билеты, но и еще служит (при разменности банкнот) средством изъятия банковых билетов из оборота и возвращения их в кассы банка.

С этой точки зрения, металлический фонд гарантирует эластичность денежного аппарата. Металлический фонд служит тем средством, при помощи которого денежный механизм избавляется от той части банковых билетов, какая оказалась выпущенной по учету порочных, с точки зрения банкноты, векселей. Металлический фонд, таким образом, оказывается регулятором банкнотного обращения. Без такого регулятора имеется всегда риск «неисправной работы» банкнотного аппарата.

Значение этого «регулятора» ясно видно из того, что капиталистическое хозяйство, развиваясь циклично — от кризиса к подъему и снова к кризису, — постоянно и в чрезвычайно резкой форме, с одной стороны, изменяет свою потребность в орудиях платежа, а с другой, меняет природу своих векселей. Тот вексель, который оказывается вполне доброкачественным в период подъема, превращается в «порочный» в период кризиса, и наоборот. Таким образом, вексель, попавший в портфель банка как вполне доброкачественный, может, в зависимости от изменений общей конъюнктуры, превратиться уже во время своего пребывания в портфеле банка в «порочный».

Не нужно, как это обычно бывает, переоценивать значение металлического фонда, но не нужно его и недооценивать.

К сказанному надо прибавить, что если одновременно с банковыми билетами в обороте циркулируют и металлические деньги, то этот фонд служит также и для внутреннего металлического обращения.

Таким образом, «металлический резерв т. н. национального банка имеет троякое назначение; причем назначение резерва отнюдь не является единственным регулятором его величины, ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны. Это троякое назначение таково: 1) Резервный фонд для международных платежей, короче, резервный фонд мировых денег. 2) Резервный фонд для внутреннего металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Резервный фонд для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и никакого отношения не имеет к функции денег как таковых» [11].

Несколько иначе, заметим кстати, обстоит дело при циркуляции неразменных банковых билетов. И в этих случаях металлический фонд выполняет свое назначение для международных платежей. Что же касается внутреннего оборота, то в качестве автоматического регулятора денежного обращения металлический фонд

[11] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 581.

выступать не может, но он может быть использован банком для сознательного регулирования денежного обращения. Банк, имея металлический фонд, может активно вмешиваться в рыночный оборот, посредством покупок билетов на рынке извлекать их из каналов денежного обращения. Это он делает тогда, когда какие-либо объективные показатели свидетельствуют о том, что банкнот в обращении циркулирует больше, чем требуется товарооборотом.

Такое сознательное воздействие не может быть даже при наличии благоприятных обстоятельств столь же эффективным, как автоматическое регулирование, но при неразменности банкнот такой способ является единственно возможным и крайне необходимым.

Возможность же такого воздействия (интервенции) обусловливается наличием у банка металлического фонда.

Кроме того, металлический фонд имеет в этом случае потенциальную, так сказать, значимость. Его необходимость диктуется будущей в нем потребностью при переходе к размену. Он накапливается для будущего.

Разменность банковых билетов, следовательно, гарантируется двояко: с одной стороны — вексельным портфелем, с другой — металлическим фондом. Первая гарантия — основная, вторая — дополнительная. При неразменных же банковых билетах гарантией соответствия их количества требованиям товарооборота является исключительно тщательность постановки эмиссионных операций банка. Само собой разумеется, отсутствие такого автоматического регулятора, каким является металлический фонд при разменности банкнот, создает известные опасности банкнотному обращению. Поэтому циркуляция неразменных банкнот возможна только при наличии особо благоприятных обстоятельств и, во всяком случае, только временно [12].

Если по отношению к банковым билетам можно утверждать, что разменность их гарантируется способом их выпуска и отчасти дополнительно металлическим фондом, то по отношению к бумажным деньгам этого сказать нельзя.

По отношению к бумажным деньгам приходится утверждать как раз противоположное. Размен бумажных денег совершенно случаен. Разменность их ничем не гарантирована.

В самом деле, чем в сущности обеспечивается разменность бумажных денег?

Всем достоянием государства, как это часто торжественно объявляется? Но что надо понимать под «достоянием государства»?

---

[12] Такие обстоятельства наблюдались в Австрии, что давало возможность обращения неразменных банкнот.

«Goldkernwährung», как система обращения неразменных банковых билетов, заметим кстати, может быть только временной системой, переходной к разменным банкнотам. Подробно останавливаться на этом мы не можем, как на проблеме, не имеющей непосредственного отношения к нашей теме.

Очевидно, не капиталы и имущества частных лиц, ибо в условиях буржуазно-капиталистического хозяйства, — а только о таком может в данном случае идти речь, — капиталы и имущества частных лиц отнюдь не совпадают с понятием достояния государства. Правда, в минуту нужды государство имеет право или, во всяком случае, возможность конфисковать частные имущества для государственных целей. Но экспроприация частных средств для уплаты по бумажно-денежному долгу едва ли достигает цели. Посредством выпуска бумажных денег государство извлекает средства из народного хозяйства. Обещание размена означает обещание возврата этих средств. Но извлечь из народного хозяйства путем экспроприации средства, чтобы расплатиться по бумажно-денежному долгу, чтобы возвратить взятые ранее средства, значит просто не уплатить.

Очевидно, государственное достояние сводится к государственным имуществам, недвижимой его собственности. Но для того чтобы этим имуществом произвести размен, надо прежде всего его реализовать, а оно не так легко реализуемо. Опыт истории доказал, что недвижимые имущества являются самым худшим видом обеспечения.

Но, может быть, разменность бумажных денег обеспечивается так называемой золотой наличностью, разменным фондом?

Здесь возможны два случая: полное покрытие и покрытие частичное.

Можно предположить, что металлический фонд, покрывающий выпущенные бумажно-денежные знаки, очень велик, по ценности равен номинальной ценности бумажных денег. Но в этом случае бумажных денег в сущности и не будет. В этом случае бумажки будут только заменять имеющийся в распоряжении государства металл, и фискальная цель государства при таком выпуске бумажных знаков достигаться не будет. В этом случае бумажно-денежные знаки превращаются в депозитные квитанции, удостоверения, что держатели их являются собственниками определенного количества металла, хранящегося у государства. В сущности в этом случае будут не бумажные деньги, а золотые сертификаты. Выпуск такого рода бумажных знаков при известных условиях весьма целесообразен, дает обороту удобные, портативные орудия обращения, экономит золото, которое в обращении стирается, непроизводительно затрачивается, но говорить о бумажных деньгах в настоящем значении этого слова не приходится. Рынок при этом не обогащается н о в ы м и орудиями обращения: вместо одних орудий обращения, золотых, которые сохраняются в кассах государства, выпускаются другие, бумажные, заменяющие золото и могущие всегда изменить свою форму, превратиться в золото [13].

---

[13] Говоря о полном покрытии, мы имеем в виду только излишек денежной массы сверх того минимума, который при всяких условиях, даже в пери-

Финансовая цель государства и у в е л и ч е н и е количества орудий обращения достигнуты будут только в том случае, если выпущенных бумажных денег (по их номинальной ценности) будет больше золотого фонда (по его ценности). И только излишек бумажных знаков сверх золотого фонда и представит финансовый ресурс государства.

Таким образом, цель и смысл бумажных денег достигается только при частичном покрытии. Но чем же тогда гарантируется разменность непокрытых знаков?

Предположим, золотой запас государства равен 500 000 руб. Выпускается же бумажных денег на 1 000 000 руб. Что половина этих знаков может быть обменена, нет сомнения. А другая половина? Ее разменность, самая возможность размена «висит в воздухе».

Поэтому при бумажных деньгах золотое покрытие большого практического значения не имеет. Если покрытие полное — нет налицо бумажных денег. Если покрытие частичное — гарантий разменности нет. Золотое покрытие если и имеет значение, то не как гарантия разменности бумажных денег, а как средство, с помощью которого возможно будет ликвидировать бумажно-денежное обращение [14].

И вовсе неслучайно, что бумажные деньги всегда превращаются в неразменные знаки. Бумажные деньги могут быть и разменны, даже больше того, обычно вначале они бывают разменными, но, благодаря своей природе и сущности, они неизбежно превращаются в неразменные знаки. И происходит это не по чьей-либо злой воле, по желанию государства, это является неизбежным результатом бумажно-денежного обращения.

Кредитные орудия обращения (банкноты) могут превратиться в неразменные бумажные деньги, но это в сущности будет означать у н и ч т о ж е н и е кредитных орудий обращения, полное их преобразование, изменение самой их природы. Бумажные же деньги, хотя и разменные, неизбежно и неслучайно превращаются в неразменные знаки.

Когда в России Екатерина II выпустила ассигнации, в манифесте о выпуске было торжественно объявлено, что «каждый из частных людей может всегда, когда захочет, обратить те свои ассиг-

---

оды наименьшей потребности, удерживается оборотом и не предъявляется к размену.

[14] Необходимо заметить, что металлический фонд и при бумажно-денежном обращении может играть роль регулятора его. Так как потребность оборота весьма изменчива, то количество бумажно-денежных знаков, могущих циркулировать в обороте (без всякой дезорганизации денежного обращения), непрерывно меняется. Но роль такого регулятора металлический фонд может играть только в том случае, если он почти полностью покрывает обращающиеся денежные знаки. А в таком случае вступают в силу выдвинутые выше соображения.

нации в наличные деньги, представляя из оных московскую в Московским банке, а санкт-петербургскую — в Санкт-Петербургском. Сим банкам мы предписали такие правила, по которым эти платежи производить должны без малейшего затруднения и потеряния времени...» И далее: «...императорским нашим словом мы торжественно объявляем за нас и преемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная проследует выдача денег...» [15].

Это «торжественное заверение» не помешало ассигнациям превратиться в неразменные бумажно-денежные знаки. Пока они были полностью покрыты, следовательно, пока они по существу представляли депозитные квитанции, разменность их осуществлялась, но, как только их было выпущено больше покрывавшего их металла, размен был прекращен. И не потому, что разменивать их не желали, а потому, что разменивать их не могли. Из самой природы бумажных денег вытекает неизбежность прекращения их разменности.

Когда в 1841 г. были выпущены кредитные билеты, то они также были объявлены разменными, что гарантировалось «всем достоянием государства». Прошло немногим более десятка лет, когда обещание было признано невыполнимым, и они превратились в неразменные бумажные деньги.

«Сомнение в честности конгресса, — заявляло торжественно американское правительство в 1779 г., — невозможно, потому что нарушение обещания погубило бы честь и достоинство Америки. Вероломная и обанкротившаяся республика была бы совершенно новым явлением во всемирной истории. Никогда враги Америки и человечества не должны приобрести право сказать — независимая Америка перестала или была неспособна платить долги по своим бумажно-денежным обязательствам» [16]. И эта декларация осталась только декларацией.

Можно было бы привести множество других примеров из истории всех стран и народов, которые могли бы подтвердить сказанное. При всех выпусках бумажных денег во Франции, Италии, Соединенных Штатах, России повторялось одно и то же: обещалась разменность, и обещание не выполнялось, ибо оно и выполнено быть не могло. Неизбежность превращения бумажных денег в неразменные знаки обусловливается их природой, их сущностью.

Следующим признаком, которым отличаются бумажные деньги, является принудительность их обращения. Принудительность обращения заключается в том, что государство вменяет всем гражданам в обязанность принимать во всех платежах данные знаки как деньги. Всякий имеет право ими платить и никто не имеет права отказываться от них.

Ясно, конечно, что банковые билеты (как и вообще кредитные

[15] Цит. по кн.: А. Миклашевский. Деньги. М., 1895, стр. 611.
[16] Там же, стр. 612.

орудия обращения) в такой принудительной обращаемости не нуждаются. Обращаемость их создается самим способом их выпуска, она обусловливается их природой и сущностью, тем, что они являются кредитным документом, бессрочными векселями, уплата по которым производится беспрепятственно в любой момент, по предъявлению. Кто же будет отказываться от их приема, если они могут быть немедленно превращены в деньги? С другой стороны, принудительность обращения прямо противоречит банковому билету как кредитному документу, прием которого должен быть добровольным. Без доброй воли говорить о кредитной сделке не приходится. Вот почему обычно банковые билеты не снабжаются свойством принудительности обращения. Иногда, правда, встречается и иное, но это происходит только тогда, когда банковые билеты обладают дефектами, которые и приходится компенсировать приданием такой принудительности. В качестве примера можно указать на русские кредитные билеты, которые и до войны были снабжены силой принудительности их обращения (ст. 4 кредитного устава, раздел III, гласила: «Государственные кредитные билеты имеют хождение во всей империи наравне с золотой монетой»). Несомненно, такое свойство было придано им только потому, что они весьма страдали как банкноты.

Что же до бумажных денег, то принудительность обращения им обязательно свойственна. Без такой принудительности их обращению были бы поставлены весьма узкие пределы. Без принудительности они циркулировать не могут. Иногда, правда, прямой принудительности не устанавливается, но косвенным образом она достигается.

Чаще всего закон прямо предписывает обязательность их приема, иногда же эта обязательность достигается иным путем: прямо не обязуя граждан принимать бумажно-денежные знаки, закон лишает уклоняющихся от принятия таковых целого ряда гарантий, предоставляемых гражданскими законами. Так было, например, в английских колониях Северной Америки в конце XVII и начале XVIII в., так было в Англии в период приостановки размена банковых билетов с 1797 по 1821 г., так было в России в период ассигнаций с 1768 по 1812 г. и т. д.

В одной из колоний прием бумажных денег не был обязателен, но было постановлено, что если должник предлагает своему кредитору в уплату долга бумажные деньги, то последний не обязан их принять, но зато должник уже не может быть подвергнут взысканию, ни лично, ни его имущество, и даже по судебному приговору не может быть посажен в тюрьму за долги. Аналогичное постановление было и в Англии во время приостановки размена банковых билетов. В России целый ряд платежей обязательно предписывалось производить ассигнациями.

Сопоставляя и соединяя все сказанное относительно бумажных денег и банковых билетов, мы приходим к следующему заключению.

Банковые билеты выпускаются кредитными учреждениями (банками) в ссуду по их регулярным коммерческим операциям, разменны и не снабжены принудительной обращаемостью (силой законного платежного средства).

Бумажные деньги выпускаются государством в уплату по его обязательствам, служа средством пополнения государственного казначейства, обычно бывают неразменны и снабжены силой законного платежного средства (принудительностью обращения).

Наиболее важным признаком, повторяем, является способ выпуска, ибо им определяется экономическая природа банковых билетов и бумажных денег.

В качестве примера, иллюстрирующего приведенные теоретические соображения, можно привести изменения русского денежного обращения до и после начала мировой войны. До начала войны русские кредитные билеты были по существу свсему банкнотами, хотя необходимо заметить, что как банкноты они отличались рядом дефектов, о которых здесь распространяться нет возможности; после начала войны кредитные билеты превратились в бумажные деньги. Что же превратило наши кредитные билеты в бумажные деньги?

Как известно, денежное обращение с начала войны было видоизменено законом 27 июля 1914 г. Закон этот коснулся трех сторон нашего денежного обращения. Во-первых, законом этим был приостановлен размен кредитных билетов на золото; во-вторых, было расширено эмиссионное право Государственного банка; и, наконец, в-третьих, Государственному казначейству было предоставлено право учитывать в Государственном банке свои краткосрочные обязательства «в размере, вызываемом потребностями военного времени».

Из этих трех мероприятий наиболее важное значение с точки зрения превращения кредитных билетов в бумажные деньги имеет третье: предоставление казначейству права учитывать свои краткосрочные обязательства в неограниченном в сущности размере в Государственном банке.

До этого времени кредитные билеты, если не целиком, то, во всяком случае, в преобладающей своей части, выпускались под учет торговых векселей; такой способ выпуска гарантировал разменность кредитных билетов, он же гарантировал то, что билеты выпускались действительно в ответ на требование оборота; этот способ, наконец, придавал кредитным билетам банкнотный характер. Выпуск же кредитных билетов под учет краткосрочных обязательств Государственного казначейства неминуемо должен был превратить билеты в бумажные деньги. Обязательства Государственного казначейства не являются, конечно, торговыми векселями и не служат доказательством нужды оборота в орудиях обращения. Обязательства Государственного казначейства — это его векселя, но для Государственного банка они могут быть

в сущности названы дружескими векселями — материал, совершенно негодный для учета в эмиссионном банке.

По последнему довоенному балансу Государственного банка от 16 июля 1914 г. выпущенным кредитным билетам в размере 1633 млн. руб. соответствовало 1603 млн. руб. золотом (считая только золото, находящееся в банке, ибо золото, числящееся по балансам Государственного банка за границей, металлическим покрытием считаться не может) и 408 млн. руб. векселями и другими срочными обязательствами.

А по последнему опубликованному балансу Государственного банка от 16 октября 1917 г. выпущенным кредитным билетам в размере 18362 млн. руб. соответствовало 1295 млн. руб. золотом и 15 222 млн. руб. краткосрочными обязательствами Государственного казначейства.

В первом приведенном балансе мы замечаем, что кредитные билеты имеют металлическое и банковое покрытие, во втором — покрытие состоит почти исключительно из обязательств государства, т. е. в сущности никакого покрытия нет [17].

[17] Приводим оба баланса Государственного банка полностью.
Состояние счетов Государственного банка (в тыс. руб.).

Актив	16 июля 1914 г.	16 октября 1917 г.
Золото в монете, слитках	1 603 184	1 295 226
» за границей	110 720	2 308 648
Серебряная и медная монеты и разменные знаки	72 790	178 169
Векселя и другие срочные обязательства	407 579	454 129
Краткосрочные обязательства Государственного казначейства	—	15 221 533
Кредит по товарным операциям казны	—	1 297 620
Ссуды под процентные бумаги	129 099	1 505 571
» » товары	49 755	79 081
» учреждениям мелкого кредита	135 592	86 301
» сельским хозяевам	19 741	19 277
Промышленные ссуды	13 896	10 549
Выдача петроградской и московской ссудным казнам	18 672	21 114
Протестованные векселя	2 753	417
Процентные бумаги, принадлежащие банку	103 059	181 276
Разные счета	139 255	197 655
Остатки по междуконторным расчетам	74 204	973 058
Пассив		
Кредитные билеты, выпущенные в обращение	1 633 343	18 362 167
Капиталы банка	55 000	55 000
Вклады	26 652	29 004
Текущий счет департамента Государственного казначейства	514 440	204 904
Специальные средства и депозиты	349 226	701 963
Текущие счета разных лиц и учреждений	260 209	2 520 611
Невыплаченные счета и аккредитивы	8 230	104 855
Проценты по операциям	41 177	896 810
Переходные и разные суммы	22 459	954 308

Рассматривая оба баланса, ясно видно, что с начала войны Государствен-

Это обстоятельство, изменение способа выпуска кредитных билетов и только оно, сыграло решающую роль в превращении их в бумажные деньги в настоящем значении этого слова. В характере активных и пассивных операций Государственного банка надо искать разгадку превращения наших кредитных билетов в бумажные деньги, а не в том, что они стали неразменными: неразменными они стали потому, что изменился способ их выпуска.

Здесь, кстати, будет уместным обратить внимание на следующее обстоятельство. Ранее мы указывали, что бумажные деньги отличаются от банковых билетов субъектами их выпуска: первые выпускаются государством, вторые — банком. Приведенный пример показывает, что субъект выпуска иногда бывает замаскирован. С начала войны русские кредитные билеты, превратившиеся в бумажные деньги, продолжались выпускаться банком, но способ их выпуска совершенно очевидно указывает, что действительным субъектом их выпусков было государство. Таким образом, признак по субъекту выпуска может быть и скрыт, не совсем ясно распознаваем.

Таким образом, общее, что часто побуждает смешивать бумажные деньги с банковыми билетами, только одно: и те, и другие при их циркуляции выполняют функцию орудия обращения. Но по природе своей, по сущности — это совершенно различные категории орудий обращения. И дело не только в их разменности или неразменности. И бумажные деньги бывают разменными, и банковые билеты бывают неразменными. Дело в том, что, в то время как банковые билеты базируются и вытекают из частно-торгового, кредитного оборота, бумажные деньги основываются исключительно на отношениях между государством и его подданными.

Бумажные деньги являются орудиями обращения потому, что они получили на это санкцию (полномочие) государственной власти; превращение банковых билетов в орудия обращения основано на всеобщем признании авторитета выпустившего их учреждения (банка).

Базу банковых билетов составляет кредитный оборот. Циркуляция бумажных денег основана на том, что оборот всегда ну-

---

ный банк преобразился. Анализируя отдельные статьи актива и пассива, З. Каценеленбаум справедливо приходит к следующему заключению:

«Между тем как до войны Государственный банк оперировал преимущественно со средствами казны и ими финансировал торговлю и промышленность, теперь, наоборот, банк оперирует преимущественно со средствами частных лиц и ими финансирует казну. Раньше через посредство Государственного банка казна являлась кредитором по отношению к частно-хозяйственному обороту. Теперь через посредство того же банка частно-хозяйственный оборот стал кредитором казны» (З. Каценеленбаум. Война и русский рубль. «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III. М., 1915, стр. 14).

ждается в орудиях обращения, в которых символизируется металл, благо, выполняющее функцию мерила ценностей, и которые нуждаются в санкции государственной власти.

«Кредитные деньги, — читаем мы у Гильфердинга, — создание частных лиц. Основа их — частные меновые акты. . .» «Кредитные деньги возникают на основе актов купли и продажи между капиталистами: они возникают в обращении и на его основе» [18]

Бумажные же деньги возникают на основе определенных отношений между государством и частными товаровладельцами, на основе платежей государством причитающихся с него долгов и погашения его обязательств.

Развитые соображения дают возможность дать такое определение бумажных денег.

Бумажными деньгами называются:

1) орудия обращения,
2) выпускаемые государством
3) в уплату причитающихся с него платежей,
4) имеющие целью извлечение доходов для государственной казны,
5) (обычно) неразменные и
6) снабженные силой законного платежного средства.

В этом определении для дальнейшего важное значение имеет то, что бумажные деньги являются орудиями обращения. Орудиями обращения могут быть и металлические, и другие знаки, но бумажные деньги являются не чем иным, как только орудием обращения. Бумажные деньги являются одним из видов общего родового понятия — орудия обращения.

3

Чем же определяется ценность бумажных денег? Каковы факторы, образующие их ценность? При разрешении данного вопроса следует исходить из того, что бумажные деньги являются орудиями обращения, и только орудиями обращения, и что и при циркуляции бумажных денег другие функции денег продолжают выполняться «настоящими» деньгами, металлическими деньгами, деньгами-товаром.

Это относится прежде всего к функции денег служить мерилом ценностей, в качестве какового может выступать металл, мысленно представляемый. То же можно сказать и о функции денег служить средством сохранения ценностей: бумажные деньги, не имеющие самостоятельной ценности, не являющиеся воплощением абстрактного человеческого труда, не овеществляющие его, не могут сохранить ценности, которой они сами не обладают.

Интересно отметить, что особенно ярко развитая К. Марксом

[18] Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1912, стр. 62, 64.

точка зрения, что бумажные деньги не выполняют функции мерила ценностей и что и при бумажно-денежном обращении эта функция выполняется металлом, разделяется и противниками школы Маркса.

Так, Книс утверждает, что «всякое употребление бумажных знаков в качестве законного платежного средства обязательно предполагает, что золото или серебро выполняет функцию законного мерила ценности и законного масштаба цен даже в том случае, когда законом запрещено употреблять другие платежные средства, кроме бумажных денег. . .» «Кто употребляет слово «знак в 10 талеров», тот может «производить оценки» и т. д. только в том случае, если он при этом мыслит соответствующее количество серебра. . .» Бумажные деньги «являются законным платежным средством, но не законным мерилом ценности и законным масштабом цен» [19].

Кауфман также пишет: «Людям может казаться, что бумажные деньги одни только и служат орудием меры. Им будет казаться, что они все измеряют бумажными деньгами, потому что они редко замечают, как оценке товаров на деньги предшествует оценка самих бумажных денег на металлические деньги. В сущности, однако, через посредство бумажных денег (косвенно) продолжают действовать в роли орудия меры звонкие деньги. Но этого косвенного функционирования звонких денег не замечают оттого, что в него не вдумываются. Очевидно, однако, что и косвенно функционировать в роли орудия меры звонкие деньги не были бы в состоянии, если бы бумажные деньги совсем нельзя было оценивать на звонкие деньги. Но тогда бумажные деньги совсем потеряли бы всякую ценность. Насколько же они сохраняют свою ценность, это именно должно обнаружить их сопоставление и измерение или сравнение с звонкими деньгами. Раз определив ценность бумажных денег, звонкие уже тогда начинают свою функцию косвенного измерения. И то обстоятельство, что они действуют через посредство бумажных денег, именно наводит на мысль, что бумажные деньги служат орудием меры» [20].

В тех же почти выражениях то же утверждает и А. Миклашевский: «После того как бумажные деньги войдут во всеобщее употребление, людям иногда может казаться, что они совершают все соизмерения ценностей и все свои расчеты в бумажных деньгах. В сущности, однако, через посредство бумажных денег косвенно продолжают действовать в роли орудия соизмерения ценностей металлические деньги, что сказывается рельефно в каждый из тех моментов, когда любой член народного хозяйства, где выпущены бумажные деньги, входит в соприкосновение с мировым рынком.

---

[19] K. K n i e s. Das Geld. Berlin, 1885, S. 350, 351.

[20] И. К а у ф м а н. Кредит, банки и денежное обращение. М., 1910, стр. 610.

Тогда ему приходится иногда узнать, что его бумажные деньги не стоят полного металлического рубля, франка и т. п.» [21]

Бумажно-денежное обращение возможно только на металлической основе; когда в обращении циркулируют только бумажные знаки, все же денежной единицей остается металлическая монета, известное весовое количество металла, и, во всяком случае, в качестве мерила ценностей выступают не бумажные деньги, а какой-либо товар, играющий в том или ином объеме роль «всеобщего эквивалента».

Но разве опыт бумажно-денежного обращения эпохи мировой войны и революции не опровергает этих суждений? Можно ли утверждать, что, например, у нас в России, когда металлические деньги давно вышли уже из употребления, когда о золотой валюте, кажется, уже все забыли, все же мерилом ценности остается металлическая денежная единица? Если в настоящее время (март 1924 г.), когда в обороте циркулируют червонец и казначейский знак, выраженные хотя бы формально в золотом рубле, можно еще с некоторой натяжкой утверждать о том, что идея «золотого рубля» начинает воскресать и вновь внедряться в представление людей, то два—три года тому назад, когда счет велся исключительно в советских знаках, такое утверждение, а именно, что товарные ценности измеряются в золоте, хотя бы мысленно представляемом, как будто противоречило фактам реальной жизни.

Но это противоречие развитой точки зрения современному опыту бумажно-денежного обращения нам представляется только кажущимся.

В самом деле.

Товаром, который выступает в роли «всеобщего товара» — денег, в условиях развитого капиталистического хозяйства обычно является золото. Почему золото, а не другой товар — объясняется чисто природными свойствами золота. С другой же стороны, переход к золоту как к денежному материалу является результатом долгого исторического развития. История денег показывает, что в качестве денег выступали самые разнообразные блага — от скота до различных предметов украшения.

Золото в качестве денежного материала соответствует развитому капиталистическому хозяйству, почему вместе с развитием капитализма все страны переходят к золотому обращению. С другой стороны, при деградации капиталистического хозяйства возможен и возврат от золота к другим товарам.

Поэтому, когда мы говорим, что бумажные деньги являются представителями «всеобщего товара», то под последним вовсе не всегда надо полагать золото. В период деградации товарного обмена и соответственно деградации денежного обращения, ко-

[21] А. Миклашевский. Указ. соч., стр. 610, 611.

торый мы переживали до последнего времени, происходил в сущности процесс обратного «свертывания» форм обмена от «денежной» ко «всеобщей», и в роли «товаров всех товаров» в разное время в разных местах могли выступать различные хозяйственные блага. В настоящее время с восстановлением товарного хозяйства мы вновь переживаем процесс развертывания форм обмена от «всеобщего» к «денежному», и вместе с усилением связи с Европой, где в роли «всеобщего товара» выступает золото, мы постепенно переходим к золоту как к «товару всех товаров», как к всеобщему эквиваленту.

Поэтому, когда мы говорим, что и при бумажно-денежном обращении в качестве мерила ценностей выступает золото, то о золоте, как таковом, мы говорим условно, как о «всеобщем товаре», каковым может быть и не золото, а другой какой-либо товар.

Бумажно-денежный знак является символом, представителем «всеобщего товара», но этим вовсе еще не разрешается, какое количество «всеобщего товара» представляется бумажно-денежным знаком. Бумажный рубль, как и всякое другое орудие обращения, может явиться представителем золотого рубля, вернее, 17,424 доли чистого золота, но может фактически представлять и меньшее количество золота.

Отчего это происходит, было в сущности уже выяснено в предыдущей главе при рассмотрении вопроса о ценности денег как орудий обращения.

Изложенные там соображения попытаемся развить применительно к бумажным деньгам. Сделаем это путем примеров, причем условно (для удобства) примем, что в качестве «всеобщего товара» выступает золото, что денежной единицей является золотой рубль, или, иначе, 17,424 доли чистого золота.

Как происходит процесс вытеснения металлических денег бумажными знаками? Как бумажные знаки заполняют каналы денежного обращения? И как происходит процесс уменьшения ценности бумажно-денежных знаков сравнительно с ценностью денег металлических?

Предположим, при данной массе обращающихся товаров, данном уровне товарных цен, данной скорости обращения товаров и денег, наконец, при данных количестве и характере кредитных сделок и т. д., словом, при данных рыночных условиях обороту для полного его обслуживания требуется денежных знаков на 1 000 000 руб., вернее (17,424 доли чистого золота $\times$ 1 000 000), 17424 000 долей чистого золота.

Предположим далее, что золотых монет выпущено только на 800 000 руб., т. е. денежные знаки в своей совокупности составляют 13939200 доли чистого золота. Недостаток в денежных знаках может быть восполнен выпуском золотых монет в соответственном количестве или же выпуском государственных бумажных денег на 200 000 руб. Всего орудий обращения тогда будет на

1 000 000 руб., т. е. как раз столько, сколько требуется обороту. Поскольку мы всю массу денежных знаков будем рассматривать как орудия обращения, постольку вся она будет являться представителем того количества металла, который требуется для оборота, т. е. 17424 000 долей чистого золота. На долю каждой единицы орудий обращения придется быть представителем 17,424 доли чистого золота. Оборот в этом случае будет нормально обслужен, и выпущенные бумажные деньги будут циркулировать наравне и вместе с металлическими монетами.

Но предположим далее, государство выпускает бумажно-денежных знаков еще на 200 000 руб. Таким образом, в обороте будет циркулировать денежных знаков на 1 200 000 руб, Условия же товарного оборота, т. е. масса товаров, средний уровень товарных цен, скорость обращения денег, количество и характер кредитных сделок и т. д., не изменились, следовательно, для нормального обслуживания товарного оборота требуется орудий обращения на 1 000 000 руб., или, точнее, 17424 000 долей чистого золота. 1 200 000 денежных единиц (как орудий обращения) заменяют, символизируют, представляют 17 424 000 долей чистого золота; на долю каждой денежной единицы приходится, очевидно, представлять 14,52 доли чистого золота (17 424 000 : 1 200 000). Это в равной мере относится как к бумажным знакам, так и к металлическим монетам. Получается явное несоответствие: в циркулирующем золотом рубле находится 17,424 доли чистого золота, представлять же он должен только 14,52 доли, или, иначе, содержа в себе 17,424 доли чистого золота, он как орудие обращения будет оцениваться как 14,52 доли. В монете, таким образом, золото будет недооценено в сравнении с рыночной ценой золота, естественным и неизбежным результатом чего будет то, что золотые монеты начнут переплавляться в слитки или же увозиться за границу и т. д., словом, золото начнет уходить из каналов денежного обращения. (Бумажные деньги из каналов денежного обращения уйти не могут, ибо они по природе своей крепко оседают и прикрепляются в обращении). Утечка золота будет, естественно, происходить до тех пор, пока в каналах денежного обращения останется столько орудий обращения, сколько требуется оборотом. В приводимом случае золота, очевидно, утечет на 200 000 руб. В обращении останется и будет циркулировать бумажных денег на 400 000 руб. и золота на 600 000 руб.

В этом случае говорят, что бумажные деньги вытеснили металлические. Вытеснили, очевидно, потому, что с выпуском новых бумажно-денежных знаков в обороте оказались «лишние» орудия обращения, лишние в том смысле, что оборот в них не нуждается [22].

---

[22] В описанном процессе находит объяснение так называемый закон Грешама относительно вытеснения «лучших» денег «худшими». Дело, конечно, не в «хороших» или «нехороших» деньгах — все деньги одинако

Предположим далее, что еще выпускается бумажно-денежных знаков на 300 000 руб. Если условия оборота не изменились, т. е. требование его на орудия обращения осталось прежним, то с увеличением бумажных знаков на 300 000 руб. соответственно уменьшится золотых монет на ту же сумму. В обороте, следовательно, будет циркулировать бумажных знаков на 700 000 руб. и золотых денежных знаков на 300 000 руб.

во хороши и нехороши, — а в *лишнем* их количестве. Если в обращении циркулируют монеты из двух металлов, положим, золотые и серебряные, с одинаковыми свойствами законного платежного средства, и если на рынке окажется орудий обращения больше, чем оборот в них нуждается, «лишние» деньги будут вытолкнуты из каналов денежного обращения. Какие деньги будут вытеснены, золотые или серебряные, зависит от того, какой из металлов недооценен в монете в сравнении с рыночной его ценой: возможно вытеснение золотых денег серебряными и, наоборот, серебряных денег золотыми. Предположим, в стране введена биметаллистическая система, и законом устанавливается отношение между ценностями серебряных и золотых монет одинакового веса, как 1 : 15. Если на рынке золото оценивается выше серебра больше, чем в 15 раз, «лишними» окажутся золотые деньги, которые и будут выталкиваться из каналов денежного обращения; если же золото на рынке будет оцениваться выше серебра меньше, чем в 15 раз, выталкиваться будут серебряные деньги, в каналах денежного обращения будут оставаться золотые деньги.

Во Франции в начале XIX в. денежная система была биметаллистическая. Отношение между ценностью серебра и золота в монете было установлено, как 1 : 15,5. На рынке же отношение между ценностью серебра и золота было иное. До 50-х годов ценность золота была выше ценности серебра больше, чем в 15,5 раза; отношение между ценностями металлов было:

в 1801—1810 гг.	как	1 : 15,61
в 1811—1820 »	»	1 : 15,51
в 1821—1830 »	»	1 : 15,80
в 1831—1840 »	»	1 : 15,75
в 1841—1850 »	»	1 : 15,83

С 50-х годов положение меняется: ценность золота начинает относительно падать; отношение между ценностями благородных металлов на рынке было:

в 1851—1855 гг.	как	1 : 15,41
в 1856—1860 »	»	1 : 15,30
в 1861—1870 »	»	1 : 15,40

После этого ценность золота снова начинает повышаться. Но для нас интересно отметить следующее обстоятельство. В первой половине прошлого столетия каналы денежного обращения Франции были заполнены серебром, золото вытеснялось из обращения. С 50-х же годов до 70-х происходило как раз обратное: в обращении оставалось золото, а серебро выталкивалось. В первый период, до 50-х годов, золотые деньги по ценности составляли 12,4% общей суммы выпущенных в обращение монет; во второй же период, с 50-х до 70-х годов, золотые деньги уже составляли 92,4% общей суммы денег; в 1821—1850 гг. было начеканено золотых монет на 453 174 270 франков, а серебряных — на 3 190 913 437 франков, а в 1850—1870 гг. — золотых на 6 436 080 610 франков, серебряных на 528 138 619 франков (F. A. Arnauné. La monnaie, la credit et le change. Paris, 1912, p. 225).

Наконец, если бумажных знаков будет выпущено еще на 300 000 руб., очевидно, золота в обращении совсем не останется: оно целиком и без остатка будет вытеснено из каналов денежного обращения.

Таким образом, в обращении 1 000 000 бумажно-денежных единиц. Обороту же требуется орудие обращения на 1 000 000 руб., вернее, знаков, эквивалентных 17424 000 долей чистого золота.

Функцию орудия обращения выполняют теперь уже только бумажные деньги; в качестве мерила ценностей выступает мысленно представляемое золото; вся совокупность бумажных знаков (орудий обращения) представляет в обращении 17424 000 долей чистого золота; следовательно, на долю каждой бумажно-денежной единицы приходится составлять 17,424 доли чистого золота, т. е. 1 рубль.

Но печатный станок может не прекратить на этом свою работу. Государство, нуждаясь в средствах для покупки целого ряда нужных ему продуктов, выпускает, предположим, бумажно-денежных знаков еще на 200 000 руб. В каналах денежного обращения будет 1 200 000 бумажно-денежных единиц, причем все они остаются в обращении, ибо из обращения бумажные деньги выйти не могут, они крепко оседают в его каналах. Условия же оборота остаются прежними, т. е. соотношение между массой товаров, средним уровнем товарных цен, скоростью обращения товаров и денег, количеством и характером товарных сделок и т. д. таково, что для обслуживания всего товарного оборота требуется полных 1 000 000 руб., или же 17424 000 долей чистого золота.

1 200 000 денежных единиц орудий обращения заменяют 17424 000 долей чистого золота, на долю каждой денежной единицы приходится представлять только 14,52 доли чистого золота. В этом случае бумажный рубль уже не будет эквивалентен золотому рублю, он, очевидно, будет оцениваться ниже золотого рубля: бумажный рубль упадет в своей ценности.

И бумажно-денежные знаки, и золотые монеты продолжают именоваться одинаково: «рублем». Но между теми и другими обнаруживается большая разница: золотой рубль есть не что иное, как 17,424 доли чистого золота, бумажный же рубль является представителем только 14,52 доли чистого золота.

Если государство по тем или иным причинам будет продолжать выпускать бумажные деньги, а условия оборота будут оставаться неизменными, естественно, бумажные знаки будут все более и более падать в своей ценности, ибо на долю каждой отдельной бумажно-денежной единицы придется представлять все меньшее и меньшее количество металла.

С другой стороны, ясно, если при все увеличивающемся количестве бумажно-денежных знаков соответственным образом будут изменяться общие условия товарного оборота, увеличится масса циркулирующих товаров, повысится общий уровень товарных цен,

уменьшится скорость обращения денег или, наконец, изменятся количество и характер кредитных сделок и т. д., и, таким образом, обороту понадобится большее количество орудий обращения, падение ценности бумажных денег может и не наблюдаться.

В самом деле, вернемся к приведенному примеру. Если общее количество бумажных денег доведено до 1 200 000, оборот же изменился таким образом, что для его обслуживания требуется 1 200 000 руб., вернее, 20 908 800 долей чистого золота, то, очевидно, на долю каждой денежной единицы придется представлять 17,424 доли, т. е. бумажный рубль будет равен золотому.

Возможно изменение условий товарооборота не в сторону увеличения его потребности в орудиях обращения, а в сторону уменьшения. Тогда, очевидно, на долю каждой единицы орудия обращения выпадает представлять еще меньшее количество металла. Если общее количество выпущенных бумажных денег равно 1 200 000 единиц и оно уже больше не увеличивается, но товарооборот сужается, и потребность его в орудиях обращения уменьшается, он будет требовать для своего удовлетворения не 1 000 000 руб., а, положим, 600 000 руб., т. е. не 17 424 000 долей чистого золота, а только 10 454 000 долей чистого золота (17,424 × 600 000); тогда каждая единица бумажных денег будет представлять уже не 14,52 доли чистого золота, а только 8,712 доли чистого золота (10 454 000 : 1 200 000) и, следовательно, бумажный рубль будет равняться половине золотого.

Наконец, возможен и такой случай. Предположим, количество бумажных денег доведено до 1 200 000, вместе с этим ценность бумажных денег в сравнении с золотом пала. Предположим, вместе с тем условия оборота начинают изменяться в смысле увеличения потребности его в орудиях обращения. Очевидно, ценность бумажных денег начнет повышаться и может повыситься до ценности соответствующей золотой единицы. Но возможно ли дальнейшее повышение ценности бумажного рубля?

Обратимся опять-таки к нашему примеру. Выпущено бумажных знаков 1 200 000. Если условия товарного оборота таковы, что для его полного обслуживания требуется 20 908 800 долей чистого золота, каждый бумажный рубль будет по своей ценности равен золотому, т. е. 17,424 доли чистого золота. Предположим, дальнейший выпуск бумажных денег прекратился. Условия же товарного оборота снова изменились в том направлении, что для его обслуживания требуется 1 500 000 руб., точнее, 26 136 000 долей чистого золота. При общем количестве выпущенных бумажных денег в 1 200 000, на долю каждого знака придется представлять 26 136 000 : 1 200 000 = 21,78 доли чистого золота, т. е. бумажный рубль, таким образом, будет выше по ценности нежели рубль золотой. Возможно ли это?

На этот вопрос надо ответить отрицательно. При сохранении свободной чеканки основного металла, а это мы предполагаем,

создавшееся положение, естественно, вызовет приток металла на монетный двор, и чеканенные монеты останутся в обращении. В самом деле. Слиток золота в 17,424 доли чистого золота составляет рубль, и в то же время рубль символизирует 21,78 доли чистого золота. Раньше золото вытеснялось бумагой. Теперь золото начнет стремиться в обращение. Оно будет стремиться в каналы денежного обращения, принимая монетную форму до тех пор, пока золотой рубль как орудие обращения будет оцениваться не ниже 17,424 доли чистого золота. При существующих уже бумажных деньгах на 1 200 000 руб. начнет циркулировать еще золотых денег на 300 000 руб.[23]

Бумажные деньги как орудия обращения всегда колеблются в своей ценности, но, в то время как колебанию этой ценности в н и з в сущности нет никакого предела, они могут быть обесценены в какой угодно мере, п о в ы ш е н и е их ценности находит предел в ценности соответствующей металлической монеты — ценность бумажно-денежной единицы не может быть выше ценности соответствующей металлической единицы.

Бумажные деньги следует рассматривать как орудия обращения, и только как орудия обращения. Ценность бумажных денег определяется как ценность орудия обращения. В этом заключается огромная разница между бумажными и металлическими деньгами, которые могут быть не только орудиями обращения, происхождение которых совершенно иное, которые в конечном счете являются товаром, выступающим в роли выразителя абстрактной формы ценности.

Ценность мерила ценностей и ценность орудия обращения определяется различными факторами. Только исходя из этого положения, можно найти законы образования ценности металлических денег, поскольку они являются мерилом ценностей, и ценности денег бумажных.

Ценность металлических денег, поскольку мы говорим о денежных знаках, изготовленных из валютного металла, выполняющих функцию мерила ценностей, по существу своему являющихся товаром, определяется ценностью самого металла. Количество же этих денежных знаков, циркулирующих в обороте, зависит, во-первых, от ценности металла, а при неизменности этой ценности изменяется в зависимости от условий оборота. Данным, таким образом, является ценность металла; количество же денежных знаков является функцией от ряда переменных факто-

---

[23] При отсутствии свободной чеканки и в случаях, когда по тем или иным обстоятельствам металлические деньги не циркулируют в обороте, теоретически возможно превышение ценности бумажных денег над ценностью единицы мерила ценностей, т. е. металлической денежной единицы. На практике таких случаев не бывает, так как обычно бумажные деньги выпускаются в количестве, значительно превышающем потребности товарооборота в орудиях обращения.

ров, в своей совокупности образующих то, что называется условиями оборота.

По отношению же к бумажным деньгам приходится признать как раз обратное. Данным является их количество, которое полностью и всецело зависит от государственной власти; зато ценность их определяется ценностью того количества металла, которое они заменяют, символизируют, представляют. А это количество при неизменности ценности самого металла определяется условиями оборота: массой обращающихся товаров, средним уровнем товарных цен, скоростью обращения товаров и денег, количеством и характером кредитных сделок и т. д.[24]

Таким образом, ценность бумажных денег зависит, с одной стороны, от количества, произвольно в сущности устанавливаемого государственной властью, а с другой, от тех многочисленных и многообразных факторов, которые в своей совокупности образуют потребность оборота в орудиях обращения. Величины, от которых зависит ценность бумажных денег, изменяются одна независимо от другой; изменение их может происходить в самых различных направлениях: изменение одной может компенсироваться изменениями других, и тогда никакой перемены в потребностях оборота в орудиях обращения не произойдет; может быть и иначе: изменения отдельных величин будут происходить таким образом, что они будут вызывать одинаковые перемены в потребностях товарооборота и т. д. Следовательно, ценность бумажных денег зависит от многообразных комбинаций различных многообразных факторов.

Обычное представление связывает ценность бумажных денег только с их количеством. Такое представление слишком упрощает проблему и в корне неправильно.

Различие между обращением золота и бумажных денег очень хорошо охарактеризовано К. Марксом в следующих словах:

«В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости това-

[24] То же можно сказать и о металлических деньгах, поскольку мы их рассматриваем как орудия обращения. Но при свободной чеканке металла расхождение между ценностью денег (металлических) как мерила ценности и ценностью денег как орудий обращения бывает только кратковременным. Иное приходится сказать о бумажных деньгах, которые являются орудием обращения, и только орудием обращения. При бумажно-денежном обращении только случайно и обычно кратковременно возможно совпадение ценности денег (в этом случае мысленно представляемых) как мерила ценности и ценности денег как орудий обращения.

ров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от находящегося в обращении их количества. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается вместе с повышением или падением товарных цен, товарные цены повышаются или падают, по-видимому, в зависимости от изменения количества бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты и потому попеременное сокращение и увеличение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, — бумажные деньги могут вступать в обращение, по-видимому, в любом количестве. В то время, как государство фальсифицирует золотую и серебряную монету и тем самым нарушает функционирование ее в качестве средства обращения, если оно выпускает монету хотя бы только на 1/100 грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская лишенные стоимости бумажные билеты, не имеющие с металлом ничего общего, кроме их монетного названия» [25].

[25] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 104—105.

Глава шестая

КУРС БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ И ИХ ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СИЛА

1

Ценность бумажных денег как орудий обращения, определяемая ценностью представляемого ими «всеобщего товара» (металла), колеблется в зависимости от выпущенного их количества. Само собой разумеется и вытекает из всего сказанного ранее, что полного соответствия между ценностью бумажных денег и их количеством не бывает: вместе с изменением количества бумажно-денежных знаков изменяются и условия оборота (масса товаров, средний уровень товарных цен, скорость обращения денег и т. д.), и тогда влияние количества денежных знаков на их ценность может компенсироваться. Только при неизменности тех факторов, которые в своей совокупности образуют условия оборота, только при неизменности общей конъюнктуры товарного рынка, только при неизменности потребностей товарооборота в орудиях обращения ценность бумажных денег будет изменяться соответственно их количеству, будет ему обратно пропорциональна, т. е. увеличение количества бумажных денег поведет к соответственному уменьшению ценности каждой денежной единицы, и, обратно, уменьшение их количества непосредственно вызовет повышение ценности денежной единицы.

Но что значит повышение или понижение ценности бумажно-денежной единицы, колебание этой ценности? В чем проявляется изменение ценности денежной единицы?

Ценность всех товаров выражается в их ценах, которые являются денежным выражением их ценности. Но если деньги выражают ценность всех других товаров, то, очевидно, изменение ценности самих денег должно непосредственно отразиться на товарных ценах, выраженных в ценности этих денег. Увеличение ценности денег проявляется в том, что денежное выражение ценности товаров, т. е. их цены, соответственно понижаются; уменьшение ценности денег проявляется в том, что цены товаров соответственно повышаются. В удешевлении или вздорожании товаров отражается изменение ценности денег.

Ценность бумажных денег определяется тем количеством благородного металла (золота), которое представляется, символизируется ими, и отражается она в товарных ценах.

Между количеством бумажных денег и *среднim* уровнем товарных цен всегда будет определенное соотношение[1]. При прочих равных условиях (неизменности условий оборота), это соотношение будет выражаться в обратной пропорциональности между количеством бумажно-денежных знаков, пущенных в обращение, и средним уровнем товарных цен. Но это соотношение будет наблюдаться между количеством денежных знаков и *среднim* уровнем товарных цен. Средний же уровень товарных цен является результирующим ряда слагаемых, цен отдельных товаров, цен продуктов различных отраслей народного хозяйства, цен товаров, производящихся и циркулирующих в различных местностях, и т. д... И само собой разумеется, если можно говорить об обратной пропорциональности между количеством бумажно-денежных знаков и *среднim* уровнем товарных цен, то это вовсе не значит, что то же соотношение установится между количеством денежных знаков и ценами *отдельных* товаров. Влияние количества выпущенных бумажных денег на цены отдельных товаров гораздо сложнее.

Средний уровень товарных цен складывается из цен отдельных товаров; предположим, что ценность отдельных товаров не изменилась, что цены отдельных товаров, выраженные в «всеобщем эквиваленте», тоже не изменились, т. е., иначе говоря, предположим, что на стороне товаров нет причин, которые вызвали бы изменение цен отдельных товаров; возможно ли в этом случае изменение отношения между ценами товаров, если эти цены будут выражены в бумажных деньгах?

На первый взгляд кажется, что такого изменения соотносительных (выраженных в ценности бумажных денег) цен товаров быть не может. В самом деле, предположим, при данной ценности бумажно-денежной единицы цена товара А равна 5 денежным единицам, товара Б — 8 денежным единицам, товара В — 11 денежным единицам и т. д. Отношение между их ценами будет равно 5 : 8 : 11. Предположим далее, что ценность денежной единицы упала в 2 раза; казалось бы, что в этом случае цена А должна будет равняться 10 денежным единицам, товара Б — 16 денежным единицам, товара В — 22 денежным единицам. Тогда отношение между ценами товаров будет равно 10 : 16 : 22, или, иначе, 5 : 8 : 11, т. е. соотносительные цены останутся без изменения.

Но в действительности это не наблюдается. Влияние изменения ценности бумажно-денежной единицы на цены отдельных

---

[1] Здесь, как и в дальнейшем, под ценами товаров разумеются цены, выраженные в бумажных деньгах.

товаров не сразу обнаруживается совершенно одинаково, и восстановление прежнего соотношения между ценами отдельных товаров является результатом медленного и постепенного процесса изменения цен отдельных товаров.

В конечном счете, *соотносительные* цены товаров не могут измениться в зависимости от изменения количества денежных знаков; количество это может соответственно изменить *средний уровень* товарных цен, но соотносительные цены товаров должны остаться без перемены. Но это последнее — неизменность соотносительных цен товаров — нарушается и восстанавливается только в результате довольно продолжительного процесса, который следует рассмотреть более подробно.

Это рассмотрение должно помочь понять не только общие законы образования ценности денег, но и ориентироваться в довольно сложной структуре денежного аппарата.

Это явление, заметим кстати, определяет социальное содержание бумажно-денежного обращения. Если бы все товары одновременно и в одинаковой степени повышались в цене, никто бы не терял и никто бы не выигрывал от бумажно-денежного обращения.

Но, как будет показано в дальнейшем, бумажные деньги затрагивают различные социальные группы неодинаковым образом, и это происходит как раз вследствие изменения соотносительных цен товаров, вследствие медленного и только постепенного приспособления товарных цен к изменившейся ценности денежной единицы.

Кроме того, надо заметить еще следующее. Бумажные деньги в силу своей природы имеют узкую сферу обращения, которая определяется государственными границами. Каналы национального денежного рынка могут быть заполнены бумажно-денежными знаками, но в сфере международного оборота бумажные деньги, отмеченные национальной печатью, государственные по своему существу, циркулировать в качестве орудия обращения не могут; здесь в качестве таковых могут циркулировать только те денежные знаки, которые могут и в действительности выполняют функцию мировых денег, — деньги металлические, золотые.

Таким образом, и при господстве бумажно-денежного обращения остается надобность в полноценных металлических денежных знаках. Золото-деньги, вытесненное из каналов национального денежного обращения, все же является необходимым национальному рынку для международных платежей, и эта надобность, очевидно, будет тем большей, чем более втянуто государство с бумажно-денежным обращением в сферу международного, мирового товарообмена.

Деньги-золото не выполняют функции орудия обращения в сфере внутреннего национального обмена; но в золоте, как в деньгах, обнаруживается все же потребность.

И если ценность бумажных денег отражается на ценах товаров (поскольку они выражаются в бумажных деньгах), то эта же ценность может отражаться и на золоте. Золото так же противопоставляется в этом случае деньгам, как и все циркулирующие товары.

Золото может быть рассматриваемо как обыкновенный товар, и все то, что можно говорить о влиянии количества бумажно-денежных знаков на цены товаров, может быть отнесено также и к золоту.

Но, с другой стороны, золото является специфическим товаром, удовлетворяющим специфические потребности; вот почему количество бумажно-денежных знаков влияет на цену золота несколько иначе, нежели на цены других товаров; или, иначе, денежное выражение ценности золота или его цена может изменяться не в той пропорции, в какой изменяются цены всех других товаров.

Снова следует подчеркнуть, что в конечном счете, в результате более или менее продолжительного времени, изменение цены золота и цен других товаров, выраженных в бумажных деньгах, должно оказаться совершенно одинаковым; но это только в конце концов — впоследствии, в процессе же изменения количества бумажных денег движение цен на золото и на другие товары может быть и неодинаковым.

То же относится и к другим товарам. Не все товары и не в одинаковой мере непосредственно изменяют свои цены под влиянием изменения количества бумажно-денежных знаков. Но потребность в золоте до такой степени специфична, что изучение проблемы ценности бумажных денег может быть в значительной степени облегчено, если делать различие между изменением оценки их золотом (одна форма проявления их ценности) и изменением оценки их товарами вообще (другая форма проявления ценности бумажных денег).

Такое различение тем более необходимо, что в первом случае мы имеем дело, главным образом с ценностью бумажных денег за пределами государственных границ, во втором — на внутреннем рынке.

Выражение ценности бумажных денег в золоте может быть обозначено, как к у р с бумажных денег, их ц е н а. Выражение ценности бумажных денег в товарах может быть названо п о к у п а т е л ь н о й с и л о й бумажных денег.

С этой точки зрения имеет большое значение предложенное еще А. Вагнером [2] различение между депрециацией бумажных денег и понижением их ценности.

Депрециацией (Entwertung) бумажных денег называется уменьшение ценности бумажно-денежных знаков в сравнении с цен-

[2] A. W a g n e r. Geld und Geldwesen. Leipzig, 1909, S. 694, 695, ff.

ностью той металлической монеты, которую этот знак заменяет. Это уменьшение может выразить как повышение ценности монеты по сравнению с бумажным знаком или же как понижение ценности бумажно-денежных знаков по сравнению с металлической монетой. Выражают его обычно тем, что констатируют л а ж на металлическую монету или же констатируют д и з а ж и о на бумажные деньги. Лажем называется прибавка, с которой идет металлическая монета в сравнении с одноименным ей бумажно-денежным знаком; например, когда золотой рубль равен такому же бумажному плюс 50 коп., то говорят, что в этом случае лаж равен 50%. Дизажио, наоборот, называется убавка, с которой идет бумажный знак в сравнении с одноименной монетой: если бумажный рубль равен золотому минус 40 коп., т. е. 60 золотым копейкам, то дизажио равно 40 коп., или же 40%. В депрециации выражается курс бумажных денег, их цена.

Понижением ценности (Wertverminderung) бумажных денег называется уменьшение ценности бумажных денег в сравнении с ценами товаров, т. е. уменьшение покупательной силы денег. Понижение ценности бумажных денег выражается в повышении цен товаров. Понижение ценности бумажных денег означает понижение покупательной их силы.

Следует снова повторить, что депрециация бумажных денег и понижение их ценности, курс бумажных денег и их покупательная сила должны полностью совпадать, и действительно, при продолжительном существовании бумажно-денежного обращения, если количество бумажных знаков в течение долгого времени не изменяется, стабилизируется (и при неизменности общей конъюнктуры товарного рынка), депрециация совпадает с понижением ценности бумажных денег, лаж совпадает с вздорожанием товарных цен, курс бумажных денег совпадает с их покупательной силой: при неизменности общей народнохозяйственной конъюнктуры как лаж, так и вздорожание товаров будут обратно пропорциональны количеству циркулирующих бумажных денег; при неизменности этого количества как курс бумажных денег, так и их ц е н а будут изменяться в одном направлении и в одинаковой мере, в зависимости от общей конъюнктуры товарного рынка. Но это совпадение может быть результатом только более или менее продолжительного процесса приспособления товарного оборота, установления равновесия между товарными ценами, восстановления соотносительных цен товаров, как они должны были бы установиться при нормальных условиях товарообмена, которые, несомненно, нарушаются бумажно-денежным обращением.

В странах с бумажной валютой всегда наблюдается следующее явление: «Обнаруживающееся в иностранных вексельных курсах изменение цены денег данной валюты и данной страны ни в каком случае не совпадает вполне с изменениями покупательной

силы этих денег для внутренних продуктов и внутренней работы; последние происходят в действительности гораздо медленнее, и поэтому, в особенности при беспрерывном падении вексельного курса, деньги еще долгое время могут удержать внутри страны свою покупательную силу на гораздо большей высоте. Если после этого курс приходит в спокойное состояние, то хотя и можно ожидать постепенного уравнения курсовой цены денег и цены их внутри страны, однако этот процесс совершается тем медленнее, чем многочисленнее население, чем более вяло внутреннее ее торговое движение и чем вообще ниже экономическая культура страны» [3].

Отсутствие равенства между ценой бумажных денег и их покупательной силой, между высотой лажа и степенью вздорожания товарных цен объясняется специфическими особенностями золота как товара, удовлетворяющего специфические потребности.

Признание необходимости различать цену бумажных денег от покупательной их силы, признание возможности несовпадения размера лажа и степени повышения товарных цен не опровергает ли все наши суждения о том, что бумажные деньги не являются самостоятельным мерилом ценностей товаров, что и при бумажно-денежном обращении в качестве мерила ценностей выступает металл (мысленно представляемый)?

«. . .Если лаж, — пишет М. Туган-Барановский, — не определяет покупательной силы бумажных денег, то каким образом можно утверждать..., что бумажные деньги не являются самостоятельным мерилом ценности, а таковым остается и при господстве бумажных денег металл, на который эти деньги обозначены? Если бы. . . оценке товаров на (бумажные) деньги предшествовала оценка самих бумажных денег на металл, то, очевидно, изменение оценки бумажных денег на металл — иначе говоря, изменение лажа — не могло бы не выражаться в изменении товарных цен. Если мерилом ценности при господстве бумажной валюты остается металл, то всякое колебание ценности бумажных денег в металле неизбежно должно отражаться на товарных ценах в бумажных деньгах» [4].

И далее: «. . . если металл является мерилом ценности, то при всяком изменении лажа должна изменяться цена товара, выраженная в бумажных деньгах; изменение бумажной цены товара и должно доказывать, что бумажные деньги не составляют самостоятельного мерила ценностей. Если же цена товара... может

---

[3] В. Лексис. Современное положение вопроса о валюте. СПб., 1897, стр. 13, 14. Иллюстрацией сказанного может служить денежное обращение любой страны. В дальнейшем, при характеристике бумажно-денежного обращения в Германии, будут приведены соответствующие данные.

[4] М. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917, стр. 72.

оставаться в бумажных рублях одной и той же, будет ли лаж высок или низок, то это доказывает, что металл не является мерилом этой цены, ибо цена остается неизменной, а количество металла, которому она соответствует, изменяется» [5].

Поэтому бумажные деньги, по мнению М. Туган-Барановского, «должны быть признаны деньгами в полном смысле этого слова, т. е. самостоятельным мерилом ценности, нисколько не менее, чем металлические деньги» [6].

И в другом месте: «Мерилом ценности в стране с единой бумажной валютой являются бумажные, а не металлические деньги» [7].

Соображения эти, кажущиеся на первый взгляд правильными, все же не могут служить опровержением высказанных нами суждений, ибо они в значительной степени бьют, так сказать, мимо цели.

Дело в том — и это чрезвычайно важно подчеркнуть, — что лаж всегда совпадает с вздорожанием товарных цен, покупательная сила денег равна их цене, но это совпадение, это равенство проявляется лишь постепенно, в результате более или менее продолжительного времени. Лаж не может немедленно воздействовать на товарные цены, ибо вообще установление равновесия между ценами всех товаров — процесс, результаты которого не могут сказаться непосредственно и немедленно.

В реальной жизни установление равенства между ценой бумажных денег и покупательной их силой осложняется еще постоянным колебанием лажа, его изменением. Если бы лаж в силу тех или иных обстоятельств оставался бы некоторое время в стационарном состоянии, то тогда равенство между ценой бумажных денег и покупательной их силой было бы скорее достигнуто. Постоянное же колебание лажа препятствует установлению такого равенства.

Цена бумажных денег и покупательная их сила — явления чрезвычайно сложные, и определяются они целым рядом факторов, находящихся в постоянном процессе изменения. Вот почему, рассматривая данные явления в процессе их образования, приходится констатировать несовпадение между высотой лажа и степенью вздорожания товарных цен. То же приходится сказать и относительно вздорожания цен различных товаров: не все товары в одинаковой степени повышаются в цене вследствие понижения покупательной силы денег, хотя, с другой стороны, в конце концов, после некоторого промежутка времени, если покупательная сила денег перестает колебаться, все товары одинаково повышаются в своих ценах.

---

[5] М. Туган-Барановский. Указ соч., стр. 73.
[6] Там же, стр. 74.
[7] Там же, стр. 75.

Рассматривая, таким образом, процесс образования цены бумажных денег и покупательной их силы в динамике, приходится констатировать полное совпадение их; рассматривая же тот же процесс в статике, в каждый отдельный момент, можно констатировать и несовпадение цены бумажных денег и покупательной их силы.

Непосредственно с этим связано другое утверждение М. Туган-Барановского, которое, если только признать его правильным, может служить опровержением развитых нами соображений относительно ценности бумажных денег.

По мнению М. Туган-Барановского, «. . .неверно, будто лаж выражает собою, с принципиальной стороны, отношение ценности бумажной валюты к металлической монете, на которую эта валюта обозначена» [8].

Лаж выражает «отнюдь не цену бумажной валюты в расценке на металл, а нечто обратное — цену иностранной валюты в бумажной валюте данной страны. Существенно тут, конечно, не то, как котируется вексельный курс — как цена иностранной валюты в туземной валюте или же, наоборот, как цена туземной валюты в иностранной валюте. Это касается только способа котировки вексельного курса и ни малейшим образом не затрагивает существа дела — один способ котировки всегда может быть обращен в другой.

Напротив, настаивая на том, что лаж есть результат расценок иностранной валюты на туземную валюту, мы касаемся самого существа лажа. Если бы была правильна теория Вагнера, согласно которой лаж выражает собой цену бумажной валюты в металле, то мерилом ценности бумажной валюты являлась бы, в конце концов, все же металлическая денежная единица. Металл сохранял бы все свое значение, как верховный измеритель ценности, ибо если все другие ценности измеряются в стране с бумажно-денежным обращением бумажной валютой, то все же самая-то бумажная валюта измеряется в своей ценности металлом. Таким образом, при таком понимании природы лажа приходится вернуться к теории, отрицающей самостоятельную ценность бумажных денег. . . Чтобы внести полную стройность в теорию лажа, нужно совершенно определенно признать, что лаж выражает собой вовсе не цену бумажной валюты в металле, а цену иностранной валюты в бумажной. Бумажная денежная единица является в стране с бумажными деньгами таким же всеобщим мерилом ценности, как и металлическая единица в стране с металлической денежной системой» [9].

Все эти суждения М. Туган-Барановского основаны в значительной степени на недоразумении.

---

[8] Там же, стр. 76.
[9] Там же, стр. 77

Что значит: «лаж выражает цену бумажной валюты в иностранной»? Чем такое определение отличается от данного нами? При обоих определениях лаж одинаково должен считаться вытекающим из отношения между ценностью бумажных денег и ценностью металла, на который они обозначены.

В самом деле. Если, например, говорят, что русский рубль упал в 2 раза, что лаж равен 100%, что это значит? По мнению М. Туган-Барановского, это означает, что русский рубль оценивается в английской, положим, валюте в 2 раза ниже. Но ниже чего? Очевидно, ниже того, как он расценивался раньше, до господства бумажных денег в России. Но тогда, до бумажных денег, оценка русской денежной единицы (золотой) в английской валюте определялась соотношением между ценностью золота, содержащегося в русской денежной единице, и ценностью золота, содержащегося в английской денежной единице.

Один фунт стерлингов равен 9,45 золотого рубля. Теперь же один фунт стерлингов будет равен 18,90 бумажного рубля. Бумажный рубль упал, в сравнении с одноименной монетой, в 2 раза и во столько же раз в сравнении с иностранной валютой (английским фунтом стерлингов); таким образом, выразить падение ценности русского рубля в иностранной валюте то же, что выразить падение этого рубля в сравнении с металлической монетой, на нем обозначенной. Лаж равен 100%. Даже если полагать, что в лаже выражается расценка туземной бумажной валюты в иностранной, все же придется признать, что этот лаж в 100% выражает депрециацию бумажных денег в сравнении с металлическими деньгами, на которые они обозначены, ибо и то и другое обозначение в сущности одно и то же.

Иначе, на первый взгляд, обстоит дело в том случае, если мы сравниваем бумажные деньги с какой-нибудь бумажной же иностранной валютой, ценность которой тоже, в сравнении с металлом, упала, когда, следовательно, мы выражаем ценность одних бумажных денег в других бумажных же деньгах. Но, как нетрудно доказать, и в этом случае уменьшение ценности бумажных денег в сравнении с металлом хотя и не будет иметь числового совпадения с уменьшением ценности бумажных денег относительно иностранной бумажной валюты, но первое будет определяющим для второго.

В самом деле. Предположим, в дополнение к прежнему примеру, что в Англии установилось бумажно-денежное обращение и что вследствие инфляции курс бумажных денег пал, т. е. ценность бумажных денег в сравнении с золотом упала. Предположим, английский фунт стерлингов пал в 1,5 раза. Лаж на золото равен 50%. В этом случае, очевидно, английский фунт будет оцениваться не в 9,45 золотых рублей, а только в 6,3 золотых рубля (9,45 : 1,5=6,3).

Как же тогда выразится ценность бумажного рубля в бумажной английской валюте?

Один фунт стерлингов равен 6,3 золотого рубля, бумажный же рубль упал в 2 раза, следовательно, один фунт будет равен $6{,}30 \times 2 = 12{,}60$ б у м а ж н ы х рублей.

Таким образом, бумажный рубль в сравнении с металлом пал в 2 раза, в сравнении же с фунтом стерлингов — только в $1^1/_3$ раза ($12{,}60 : 9{,}45 = 1^1/_3$).

К такому же результату можно прийти и иначе.

При существовании золотой валюты в обеих странах

1 фунт стерлингов = 9,45 зол. руб.

При падении ценности бумажного рубля в 2 раза

1 фунт стерлингов = 18,90 бум. руб.

При одновременном возникновении лажа на английский фунт в 50%, т. е. падение в 1½ раза,

1 фунт стерлингов $= 9{,}45 \times (2 : 1{,}5)$
$9{,}45 \times 1^1/_3 = 12{,}60$ бум. руб.

Таким образом, хотя в этом случае степень падения ценности бумажных денег, выраженной в золоте, и не совпадает со степенью падения ценности их, выраженной в иностранной валюте (в числовом своем выражении), но связь между этими курсами сохраняется как раз отнесением того и другого к ценности золота. Ценность бумажных денег, выраженная в иностранной валюте, является производной двух величин: ценности туземных денег, выраженной в металле, и ценности иностранной валюты, выраженной в том же металле.

Возможность различной оценки бумажных денег в золоте и в товарах не может, таким образом, служить доказательством самостоятельной ценности бумажных денег, доказательством того, что бумажные деньги являются самостоятельным мерилом ценностей.

Сама же эта возможность объясняется специфическими условиями обращения бумажных денег.

2

И при бумажно-денежном обращении потребность в золоте, как в товаре вообще, а главным образом в золоте, как в мировых деньгах, не исчезает; ценность золота выражается в бумажных деньгах и, очевидно, чем потребность в золоте будет большей, тем ценность золота, выраженная в бумажных деньгах, будет выше, т. е. тем большим будет лаж; и, наоборот, чем потребность в золоте будет меньшей, тем ценность золота, выраженная в бумажных деньгах, будет меньшей, тем лаж будет ниже. Потреб-

ность эта постоянно и чрезвычайно сильно колеблется, следовательно, и лаж колеблется вверх и вниз.

Ценность бумажных денег определяется ценностью того количества металла, представителем которого бумажные деньги являются, причем это количество отнюдь не равно тому количеству, которое написано на бумажных знаках; но ценность бумажных денег принимает форму цены, курса бумажных денег (как ценность товаров вообще принимает форму цены), который колеблется в зависимости от потребности в золоте и в полном соответствии с колебанием объема этой потребности.

Какая же потребность в золоте остается и при бумажно-денежном обращении? Какова величина этой потребности? Насколько и как эта потребность колеблется? Ответы на эти вопросы дают ключ к разумению законов образований курса (цены) бумажных денег.

Потребности эти чрезвычайно разнообразны, и каждая из этих потребностей отличается одна от другой как по своей интенсивности, напряженности, глубине и размеру, так и по своей изменчивости.

Наименее значительной и наименее изменяющейся потребностью является потребность в золоте для промышленных целей. Эта потребность не так велика, и заметное изменение ее происходит только через сравнительно большие промежутки времени. Любовь к роскоши, развитие эстетического вкуса, удовлетворяемого изделиями из золота, покупательная мощь населения, могущая быть направленной на спрос на золотые изделия, развивающаяся с ростом национального богатства и т. д., — все это изменяется чрезвычайно медленно. К тому же эта потребность совершенно одинакова как в эпоху металлического обращения, так и во время господства бумажных денег. Количество циркулирующих денежных знаков на эту потребность большого влияния не оказывает, или если оказывает, то не непосредственное. Это влияние может сказаться лишь в той мере, в какой бумажно-денежное обращение вызывает перераспределение национального дохода, рост нищеты на одном полюсе, роскоши — на другом. Но даже это косвенное воздействие большого значения в смысле усиления спроса на золото для удовлетворения эстетических потребностей дать не может.

Удовлетворяя эту потребность, золото выступает как обыкновенный товар, и изменение его цены происходит так же, как и изменение цен других товаров, что подробнее будет рассмотрено ниже. Но и при рассмотрении вопроса о колебании курса бумажных денег, лажа на золото, эта потребность не может не быть учтенной.

Гораздо большее значение имеет другая потребность: потребность в металле (деньгах) как средстве сохранения ценностей. Эта потребность довольно велика, а главное, чрезвычайно измен-

чива. Вот почему колебание курса бумажных денег, лажа на золото, весьма сильно зависит от спроса на деньги как средство сохранения ценностей.

Совершенно очевидно, что бумажные деньги функцию средства сохранения ценностей не выполняют. Функцию эту они не выполняют, во-первых, потому, что сама их ценность производна, они не имеют, как говорят, самостоятельной ценности, и, во-вторых, потому, что их ценность колеблется. Колеблющаяся же ценность служить средством сохранения ценностей, конечно, не может. Едва ли кто-либо, желая сохранить богатство, будет это делать посредством накопления бумажно-денежных знаков. Поступать так можно только по невежеству, которое в результате оплачивается довольно дорого.

Потребность же в орудиях сохранения ценностей и при бумажно-денежном обращении остается, и эта потребность образует усиленный спрос на золото.

Спрос этот чрезвычайно изменчив. Прежде всего потребность в орудиях сохранения ценностей вместе с развитием капиталистического хозяйства проявляет тенденцию к сокращению.

В самом деле, в условиях докапиталистического хозяйства единственным, пожалуй, способом обогащения было накопление, сохранение ценностей. С возникновением же капитала как самовозрастающей ценности средством обогащения является не накопление ценностей, денег, а превращение их в капитал. В капиталистическом хозяйстве ценности не сохраняются, а пускаются в оборот. В процессе кругооборота капитала создаются новые ценности (ценность рождает ценность) и достигается цель обогащения. Рыцарем современного капиталистического общества выступает уже не барон Пушкина или скупец Мольера, а Саккары (из романа Золя «Деньги»), Ротшильды, Морганы, Рокфеллеры и т. д., т. е. лица, умеющие не просто копить, сохранять деньги, а пускать их в оборот.

Но все же и в капиталистическом хозяйстве по многим причинам, вытекающим из самого характера кругооборота капитала, его воспроизводства и накопления, некоторая часть ценностей в течение известного времени остается в виде денег как сокровища, еще не превратившегося в капитал. Вот почему и при развитом капиталистическом хозяйстве во всякое время известная часть денег должна оставаться в виде сокровища, орудия сохранения ценностей. Функцию же орудия сохранения ценностей выполняет золото, почему и при бумажно-денежном обращении эта потребность в золоте остается. Если, сообразно самому характеру капиталистического хозяйства, потребность эта при металлическом обращении относительно невелика, то она значительно усиливается в периоды бумажно-денежного обращения.

К этому можно добавить, что сохранение денег в том или ином размере необходимо также и для нормальной работы денежного

аппарата. Как мы видели ранее, необходимое для оборота количество денежных знаков постоянно изменяется, так как причины, определяющие это количество (масса товаров, скорость обращения денег и т. д.), чрезвычайно и постоянно меняются. Поэтому и денежный аппарат должен быть эластичным, т. е. способным к постоянному расширению и сокращению. По прекрасному выражению К. Маркса, «то деньги должны притягиваться в качестве монеты, то монета должна отталкиваться в качестве денег». Поэтому, «чтобы действительно циркулирующая денежная масса соответствовала постоянно степени полной насыщенности сферы обращения, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется в каждый данный момент для монетной функции» [10].

Таким образом, в условиях капиталистического хозяйства сохраняется потребность в золоте как средстве сохранения ценностей, но, с другой стороны, потребность эта чрезвычайно изменчива.

Капиталистическое хозяйство внутренне противоречиво; развитие капиталистического хозяйства сопровождается явлениями, не только способствующими этому развитию, но и противоречащими ему; капиталистическое хозяйство развивается не только путем постепенной эволюции, но и путем болезненного процесса прекращения его развития, не только путем постоянного расширения его производственного механизма, но и путем перерывов в деятельности этого механизма; капиталистическое хозяйство развивается циклично, оно не характеризуется постоянным ростом национального богатства, расцветом хозяйства, развитием его производительных сил: расцвет хозяйства всегда чередуется с периодами упадка, кризиса.

Цикличностью развития капиталистического хозяйства следует объяснить большую изменчивость потребности в золоте как средстве сохранения ценностей.

В нормальное, так сказать, время, в фазисе промышленного подъема, расцвета народного хозяйства, деньги ценятся только как орудие обращения, только как средство для покупки и продажи товаров, как орудие купли-продажи; в это время для капиталистического хозяйства только «товар — деньги». В эпоху кризиса, фазисе промышленного упадка, когда в обращении товаров происходит заминка, когда неограниченный рост товарного производства наталкивается на ограниченную емкость рынка, когда произведенные товары не находят себе сбыта вследствие отставшего развития покупательной мощи населения, в это время капиталистическое хозяйство ищет в деньгах не орудие обращения, не простое средство купли-продажи товаров, — в них оно

[10] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 145.

ищет богатство само по себе, ценность, олицетворяющую богатство в чистом виде, отвлеченное от каких бы то ни было конкретных полезных свойств; в это время капиталистическое хозяйство справедливо полагает, что только «деньги — товар». «Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар — деньги». «Только деньги— товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства» [11].

Потребность в деньгах как выполнителях функции орудия сохранения ценностей постоянно изменяется в зависимости от хозяйственной конъюнктуры; и состояние народного хозяйства, таким образом, оказывает непосредственное влияние на высоту лажа, на курс бумажных денег.

Здесь следует снова подчеркнуть, что ценность бумажных денег в общем и целом определяется ценностью того количества металла, которое ими представляется; но эта ценность является той осью, той средней, вокруг которой вращается цена бумажных денег как выражение ценности этих денег; курс может быть и выше, может быть и ниже этой ценности в зависимости от целого ряда факторов, к которым надо причислить и состояние народнохозяйственной конъюнктуры; влияние же хозяйственной конъюнктуры сказывается в изменении потребности в деньгах (золоте) как орудиях сбережения ценностей; в такие моменты народнохозяйственного развития, когда потребность в деньгах, выполнителях функции орудия сохранения ценностей, увеличивается, курс бумажных денег падает, или лаж на золото повышается, когда потребность в сбережении уменьшается, курс бумажных денег повышается, или лаж на золото понижается.

Аналогично сменам народнохозяйственных фазисов действуют и другие явления, вызывающие так называемую панику, как, например, война, революция и т. п.

В такие времена обыкновенно замечается падение курса бумажных денег, наблюдается тенденция к росту лажа. Это последнее явление часто объясняют уменьшением доверия к государственной власти. Но вряд ли такое объяснение может считаться удовлетворительным. В этих случаях проявляется то же, что и при сменах народнохозяйственной конъюнктуры, т. е. проявляется в большей степени стремление к сбережению; потребность в деньгах как орудиях сохранения ценностей увеличивается.

Всякие социально-политические потрясения, как революция, война, связаны с хозяйственным потрясением; они неизбежно влекут за собой известные, часто весьма крупные, изменения в товарообмене, вносят большую или меньшую пертурбацию в товар-

[11] Там же, стр. 149.

ный оборот, связаны с известным большим или меньшим перераспределением капиталов и производительных сил; естественно, конечно, что в таких случаях возникает стремление к сохранению ценностей не в виде товаров — конкретных полезностей, а в виде денег как носителей абстрактной формы богатства. Увеличивается спрос на золото, что ведет к депрециации бумажных денег, понижению их цены, повышению лажа на золото.

Так же надо объяснить влияние на высоту лажа других явлений, например побед или поражений на войне.

Известно, что обычно поражение ведет к большей депрециации бумажных денег, повышению лажа на золото; наоборот, победы ведут к понижению лажа. Таких примеров можно было бы привести сколько угодно; это наблюдалось во время всех войн, это же наблюдалось и во время происходившей последней (первой. — *Ред.*) мировой войны. Повышение или понижение лажа, вызываемое победами или поражениями, склонны часто объяснять также увеличением или уменьшением доверия к государству: если государство терпит поражение, доверие к нему падает, в результате чего лаж повышается, и, наоборот, если государство одерживает победы, доверие к нему повышается, что ведет к падению лажа, к повышению курса бумажных денег этого государства.

Такое объяснение едва ли может быть признано удовлетворительным. С другой стороны, повышение и понижение лажа в этих случаях нельзя объяснить также только изменением потребности в орудиях сбережения ценностей. В этих случаях имеют значение два обстоятельства.

Первое заключается в следующем. Как вытекает из развитой выше общей теории ценности бумажных денег, количество бумажно-денежных знаков непосредственно отражается на их ценности: при прочих равных условиях, ценность бумажных денег, определяемая ценностью представляемого ими металла, обратно пропорциональна их количеству. С увеличением количества бумажных денег понижение их ценности неизбежно. Поражение же на войне делает в общем и целом неизбежным новые выпуски бумажно-денежных знаков. И если после военного поражения, хотя и до новых выпусков, замечается повышение лажа, то это отчасти объясняется тем, что рынок заранее учитывает неизбежное увеличение выпусков бумажных денег и связанные с этим последствия.

Во-вторых, и в этих случаях играет роль также и повышение потребности в орудиях сбережения ценностей, стремление сохранить себя от неизбежных потерь вследствие падения ценности бумажных денег, связанного с (ожидаемым) увеличением их количества. Каждый держатель бумажных денег в ожидании нового их выпуска, который должен отразиться на их ценности, стремится превратить их в золото; это увеличивает спрос на золото, а это ведет к падению цены бумажных денег, к повышению лажа. Этим же объясняется, что в такие моменты лаж возвышается

даже больше, нежели это непосредственно вызывается увеличением (ожидаемым) количества бумажно-денежных знаков.

Таким образом, потребность в деньгах как орудиях сохранения ценностей увеличивает спрос на золото, что непосредственно отражается на высоте лажа, определяет его колебание вверх и вниз около средней, обусловливаемой ценностью самих бумажных денег как представителей металла, как выполнителей денежных функций орудия обращения.

Но самой значительной, имеющей наибольшее значение, сохраняющейся и при господстве бумажных денег, потребностью в золоте является потребность в нем как выполнителе функции мировых денег. В качестве мировых денег бумажные деньги выступать не могут. Циркуляция бумажных денег носит резко очерченный национальный характер.

Другое дело — деньги металлические. Металл легко облекается в форму национального монетного бытия, но также легко и сбрасывает с себя национальный мундир, превращается в слиток, могущий с такой же легкостью принять в любой стране форму местной монеты. Для всемирной же торговли требуются, очевидно, такие деньги, выполняющие роль всеобщего эквивалента, на которых не было бы и следа национальности, или, во всяком случае, чтобы этот след легко бы стирался, исчезал.

Для международной торговли требуются интернациональные деньги. Мировыми же деньгами могут быть только деньги металлические. Поскольку и при бумажно-денежном обращении проявляется потребность в мировых деньгах, постольку проявляется потребность в золоте.

Здесь не мешает заметить следующее обстоятельство. Иногда эта потребность проявляется в несколько иной форме, которая затемняет истинное положение вещей и усложняет понимание разбираемого явления.

Иногда потребность в золоте как выполнителе функции мировых денег проявляется в виде потребности просто в заграничных деньгах. Положим, Россия по внешней задолжности должна уплатить Франции известную сумму денег. Для такой расплаты Россия нуждается во французской валюте, французских франках. Франки могут быть и не металлические. В этом случае как будто возникает потребность не в золоте, а в иностранных денежных знаках. Но результаты от этого нисколько не меняются. Размен туземных денег на иностранную валюту, даже и на не металлическую, может производиться и непосредственно, но соизмерение их приходится делать только через посредство приравнивания денежных знаков обеих стран к золоту. Кроме того, сальдо по международному балансу надо и можно покрыть только золотом.

Итак, и при господстве бумажно-денежного обращения сохраняется потребность в золоте как выполнителе функции мировых денег. Ясно, конечно, что, при прочих равных условиях,

чем эта потребность будет большей, тем лаж будет выше, или же курс бумажных денег будет ниже; и, наоборот, чем эта потребность будет меньшей, тем лаж будет ниже, или же курс бумажных денег будет выше.

Чем же определяется потребность в мировых деньгах, чем определяется количество золота, необходимое для выполнения функции мировых денег?

«Мировые деньги, — говорит К. Маркс, — функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (universal wealth). Функция средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам, преобладает. . . . Международным покупательным средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, а о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме исключается или конъюнктурой товарного рынка или самой поставленной целью» [12].

Главное значение имеет функционирование мировых денег в качестве всеобщего платежного средства и абсолютного воплощения богатства вообще.

Всеобщим платежным средством деньги выступают в международном товарном обмене. Чем больше приобретается товаров за границей, тем, очевидно, надо обладать большим количеством тех денег, которые выполняют функцию мировых денег, т. е. денег металлических.

С другой стороны, всякая страна не только импортирует товары из-за границы, но и экспортирует товары внутреннего производства за границу. Часть товаров ввезенных может быть оплачена товарами же. Наличными деньгами приходится оплачивать только разницу между ввозом и вывозом, если первый превышает последний.

Характер торгового баланса, таким образом, определяет потребность в мировых деньгах, в золоте. При благоприятном торговом балансе, превышение вывоза над ввозом, золота для расплаты по внешней торговле не понадобится; при неблагоприятном торговом балансе, превышении ввоза над вывозом, потребность в золоте обнаружится. Чем торговый баланс более неблагоприятен, т. е., чем больше ввоз товаров (по их ценности) превышает вывоз, тем, очевидно, потребность в мировых деньгах, в золоте, будет большей. С увеличением же потребности в золоте уменьшается оценка бумажных денег, увеличивается лаж.

---

[12] К Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 154—155.

Торговый баланс, следовательно, является весьма важным фактором, влияющим на высоту лажа, на депрециацию бумажных денег. Часто этот фактор играет преобладающую роль. Кроме того, фактор этот чрезвычайно изменчив, и всякое его изменение вызывает соответственное колебание лажа.

Ценность бумажных денег как орудий обращения определяется ценностью представляемого ими металла; цена же бумажных денег может колебаться в зависимости от фактической потребности в тот или иной момент в золоте; потребность, вызываемая характером товарного баланса, оказывает весьма существенное влияние на оценку бумажных денег, повышает или понижает лаж.

В 90-х годах прошлого столетия перед реформой денежного обращения в России много стараний было направлено на то, чтобы остановить колебание лажа. Одним из весьма действующих и правильных способов для этого было достижение благоприятного торгового баланса. И только это достижение дало возможность с успехом провести реформу.

Необходимо, впрочем, оговориться, что торговый баланс рассматривается здесь как один из элементов платежного баланса.

Мировые деньги являются абсолютным воплощением богатства вообще. В такой роли они выступают при перемещении из одной страны в другую денег как капитала, или, вернее, при перемещении капитала в денежной форме. С этой точки зрения, например, прилив иностранного капитала в страну и отлив его имеют немаловажное значение. Отлив капиталов в денежной форме составляется из процентов по займам, из прибылей, получаемых в предприятиях иностранцев и увозимых за границу, трат путешественников за границей и т. д. Прилив капиталов составляют деньги, импортируемые для различного рода производительных целей, постройки фабрик, заводов, организации торговых предприятий, займы, совершаемые за границей, и т. д.

Если отлив денег как абсолютного воплощения богатства вообще будет больше прилива, очевидно, потребность в золоте будет обнаруживаться, в противном случае, если прилив будет больше отлива, потребности в благородном металле не будет. Чем отлив капиталов в денежной форме будет большим в сравнении с приливом, тем, очевидно, большей будет потребность в наличном золоте.

Указанные два момента — международная торговля товарами и перемещение капиталов в денежной форме — в своей совокупности образуют так называемый платежный баланс.

Заметим, кстати, что прилив иностранных капиталов с этой точки зрения играет двоякую роль. С одной стороны, прилив иностранных капиталов оказывает благоприятное воздействие на платежный баланс. Но, с другой стороны, поскольку по этим капиталам необходимо платить проценты, постольку в течение всего

времени уплаты будет сказываться неблагоприятное воздействие на платежный баланс.

С этой точки зрения, прилив иностранных капиталов в Россию в 90-х годах прошлого столетия имел большое значение в смысле улучшения платежного баланса, что являлось крайне необходимым для завершения денежной реформы. Но зато это же обстоятельство дало с точки зрения платежного баланса и отрицательные результаты: уплата по этим капиталам, в виде ли процентов по займам, в виде ли увоза за границу прибыли, получавшейся иностранцами из их предприятий, ложилась тяжелым бременем на платежный баланс.

Сальдо по платежному балансу образует потребность в золоте как в мировых деньгах. Чем более неблагоприятен платежный баланс для страны с бумажно-денежным обращением, тем будет в ней обнаруживаться большая потребность в золоте, а значит, тем большей будет депрециация бумажных денег, тем выше будет лаж на золото (или дизажио на бумажные деньги).

Отсюда надо сделать выводы, несколько смягчающие наши суждения о торговом балансе. При благоприятном торговом балансе платежный баланс может оказаться неблагоприятным, как это наблюдалось в Германии. Обратно, платежный баланс может оказаться благоприятным даже при наличии неблагоприятного торгового баланса, как это в течение долгого времени наблюдалось в Англии. Существенным является платежный баланс, и там, где он складывается, главным образом из торгового баланса, последний приобретает исключительно преобладающее значение.

Таковы главнейшие факторы, влияющие на образование лажа и его колебание.

Ценность бумажных денег определяется ценностью того количества металла, которое представляется ими; количество же это определяется общими условиями товарного рынка.

Ценность же денег проявляется в их цене, в их курсе. А этот последний может быть и выше и ниже их ценности. Приспособление цены бумажных денег к их ценности является длительным процессом, притом, при непрекращающихся выпусках бумажно-денежных знаков, процессом беспрерывным и в сущности бесконечным. В каждый же отдельный промежуток времени курс этот зависит от спроса на металл, не исчезающий и при бумажно-денежном обращении. Спрос этот вытекает из потребностей в золоте, главнейшие из которых следующие:

1. Потребность в золоте для промышленных целей. Эта потребность относительно невелика и более или менее постоянна.

2. Потребность в золоте как средстве сохранения ценностей. Эта потребность с развитием капиталистического хозяйства обнаруживает тенденцию к сокращению. Но, с другой стороны, растяжимость денежного обращения, изменчивость требований товарного рынка в денежных знаках вызывают необходимость в су-

ществовании постоянного запаса денежных знаков, то вовлекаемых в оборот, то отталкиваемых из каналов денежного обращения. Кроме того, потребность в золоте как орудии сохранения ценностей чрезвычайно изменчива. В зависимости от общей народнохозяйственной конъюнктуры, эта потребность то доходит до минимума в период оживления промышленности, то достигает максимальных размеров в периоды кризисов, хозяйственного застоя.

Эта потребность особенно усиливается при бумажно-денежном обращении, так как бумажные деньги функций средства сохранения ценностей не выполняют.

3. Потребность в золоте как единственном материале мировых денег. Эта потребность велика, постоянна, но чрезвычайно изменчива, зависит главным образом от состояния платежного баланса.

3

Переходим к вопросу о понижении ценности бумажных денег, к вопросу об их покупательной силе[12а].

Ценность всех товаров находит свое выражение в деньгах. Возвышение товарных цен при неизменности их ценности и прочих условий, влияющих на образование цен, может произойти только лишь вследствие изменения ценности денежных знаков. Это в сущности значит, что денежное выражение ценностей товаров стало иным. Раньше какой-либо продукт, аршин сукна, оценивался в 10 руб., но если ценность денег понизилась вдвое, то, при прочих равных условиях, при неизменности ценности сукна, денежное выражение ценности аршина сукна или же цена аршина сукна будет равна не 10, а 20 руб.

Казалось бы, что эта переоценка, новое денежное выражение ценностей товаров, должна была бы быть для всех без исключения товаров совершенно одинаковой. Соотносительные цены товаров при изменении ценности денег должны были бы остаться без изменения.

Так оно и было бы, если бы сразу всем товарам противостояли все денежные знаки, если бы выпущенные бумажно-денежные знаки сразу равномерно оседали бы в каналах денежного обращения. Но в реальной жизни этого как раз и не происходит. Денежные знаки рассасываются в порах народного хозяйства, распространяются по каналам товарного обращения лишь постепенно,

---

[12а] Ценность (стоимость), представляемую бумажными деньгами, и их покупательную силу отождествлять нельзя: ценность (стоимость), представляемая бумажными деньгами определяется стоимостью того количества золота, которое представляется знаком денег в обращении, покупательная же их сила определяется стоимостью массы товаров, которую можно фактически приобрести за данный денежный знак, что в свою очередь зависит также от стоимости товаров и от степени отклонения товарных цен от стоимости (*Прим. ред.*).

этим самым вызывая неодинаковость и неравномерность повышения цен различных товаров, денежного выражения их ценностей.

Сложные условия товарообмена создают то, что одни товары могут повыситься в своей цене даже больше, нежели это вызывается изменением ценности денег (если и предполагать неизменность всех других условий, обусловливающих цены товаров), другие же товары могут непосредственно совсем не испытать на себе изменение цен или же повыситься в цене далеко в меньшей пропорции, нежели понизилась ценность денег.

Проникновение и распространение бумажных денег по каналам денежного обращения рисуется в следующем виде.

Денежные знаки распространяются по каналам товарного обращения постепенно, и постепенность этого распространения бывает различна: по отраслям народного хозяйства, по территории и, наконец, по различным социальным группам.

Бумажные деньги выпускаются государством потому, что оно нуждается в тех или иных продуктах, для приобретения которых обычных средств у него не хватает. Выпуском бумажных денег государство создает возможность приобрести нужные ему продукты, повышая этим самым спрос на эти продукты. Естественно, конечно, что цены на эти продукты повышаются; причем повышение цен на эти продукты может быть даже большим, чем это вызывается общим увеличением количества бумажных орудий обращения.

В самом деле. Если представить себе ту отрасль производства, где изготовляются нужные и приобретаемые государством посредством выпуска бумажных денег товары, как изолированное хозяйство, то окажется, что непосредственно в этом хозяйстве количество орудий обращения увеличилось в чрезвычайной степени.

Предположим, во всей стране до сего времени циркулировало денежных знаков на 1 000 000 руб. Государство выпускает орудий обращения еще на 1 000 000 руб. Этим самым количество орудий обращения удваивается. Ценность бумажного рубля, при неизменности общих условий товарного оборота, должна понизиться вдвое. Но для той отрасли народного хозяйства, куда впервые сразу попадают вновь выпущенные денежные знаки, увеличение количества орудий обращения, по крайней мере временно, будет большим, чем вдвое, и неудивительно, что цены на товары, производимые данной отраслью народного хозяйства, повысятся больше, чем в 2 раза.

Заметим, процесс выпуска бумажных денег гораздо сложнее. Приведенный пример — только теоретическая схема, но так или иначе соответствующая действительности, правильно рисующая контуры ее.

Итак, прежде всего повышение товарных цен, притом очень большое, замечается в тех отраслях народного хозяйства, на

производство которых государство прежде всего предъявляет спрос.

Но эта отрасль народного хозяйства не является изолированной от других. Из данной отрасли денежные знаки переходят в другие, создавая своим появлением изменение денежного выражения ценностей товаров или их цен.

Бумажные деньги обыкновенно чаще всего выпускаются во время войны, поэтому вздорожание товарных цен прежде всего коснется продуктов, необходимых для войны. И только постепенно это вздорожание распространяется на другие товары, поскольку и в какой мере расширяется спрос на них.

Само собой разумеется, что степень повышения цен на различные товары, вследствие обрисованного процесса постепенного распространения бумажно-денежных знаков по каналам товарного обращения, не может быть одинаковой: интенсивность спроса, удовлетворяемого посредством вновь выпущенных денежных знаков, не одна и та же.

Конечно, если представить, что выпуски бумажных денег прекратились, то спустя некоторое время, с равномерным распространением денежных знаков по каналам товарного обращения, повышение цен для всех товаров было бы совершенно одинаковым: при неизменности ценности всех товаров денежное выражение их ценностей изменилось бы в одном и том же направлении и в одной и той же мере, так что соотносительные цены вновь вернулись бы к тому состоянию, в каком они пребывали до выпуска бумажных денег.

Но выпуски бумажных денег обычно бывают беспрерывны и выпускаются они постепенно. Если, предположим, за тот или иной год был выпущен миллион бумажно-денежных единиц, то влияние этих выпусков сказывается не только через год, но проявляется все время в течение года. Вот почему различия в повышениях товарных цен сохраняются в течение долгого времени, с другой стороны, вариации в различиях повышения все время изменяются.

Постепенность выпуска бумажных денег и распространения их по каналам денежного обращения создает различие в повышении товарных цен или, что то же, в понижении ценности бумажных денег, также и территориальное.

Повышение товарных цен, притом повышение чрезвычайное, прежде всего замечается в тех местах, где впервые новые бумажно-денежные знаки появляются. И только потом, постепенно, эти денежные знаки все более и более распространяются по различным частям страны, вызывая повышение товарных цен, которые являются показателем уменьшения покупательной силы бумажных денег.

В центрах промышленности и торговли это вздорожание будет замечаться раньше, а потому и в более резкой форме, чем в от-

сталых в торгово-промышленном отношении местностях; в больших городах понижение покупательной силы бумажных денег обнаружится раньше и резче, нежели в захолустных деревушках.

Процесс выравнивания повышения товарных цен, вызванного понижением ценности бумажных денег, не может закончиться быстро.

С одной стороны, быстрота этого выравнивания зависит от степени развития народного хозяйства страны с бумажно-денежным обращением, созданной до сего торговой связи между различными частями страны, развития транспорта, обмена и т. д. С этой точки зрения выравнивание вздорожания товарных цен будет происходить гораздо быстрее в Германии или Англии, чем в России, быстрее в России, нежели в Китае.

С другой стороны, процесс этого выравнивания может происходить безостановочно и непрерывно без достижения конечных результатов, если выпуск бумажных денег не прекращается и происходит беспрерывно.

Третий момент, определяющий постепенное рассасывание бумажно-денежных знаков в порах народного хозяйства, заключается в неравномерном и неодновременном их оседании среди различных групп населения.

Бумажные деньги выпускаются государством и для целей государства. Прежде всего они попадают к тем социальным группам, которые являются непосредственно контрагентами государства: поставщикам покупаемых государством товаров, чиновникам и т. д. Отсюда деньги распространяются среди тех групп, которые являются контрагентами указанных лиц: производителей сырья, торговых посредников и т. д.

Процесс этого распространения, это, если так можно выразиться, социальное распределение бумажно-денежных знаков не может найти точного изображения, ибо оно зависит и видоизменяется от целого ряда обстоятельств: структуры хозяйства, экономической политики государства и т. д.

«При одних условиях, — пишет С. А. Фалькнер, — он (бумажно-денежный поток. — *И. Т.*) осаждается преимущественно у первых получателей новых денежных знаков, у поставщиков и контрагентов хозяйствующего государства: такова, например, обстановка военно-полицейского и крупнокапиталистического хозяйства, платящего по военным заказам прогрессивно-взвинченные цены.

При других условиях новые деньги не задерживаются у первых получателей, но проскальзывают дальше и собираются в руках либо торговых посредников, либо еще дальше — у самостоятельных производителей, владельцев сырья и продовольствия: таково положение в демократическом государстве, сурово таксирующем доходы своих непосредственных контрагентов — синдицированную пролетариатом крупную промышленность, но не

имеющем возможности также контролировать доходы более удаленных от его воздействия и экономически более распыленных групп.

В одних случаях тенденцию скопления имеют вновь выпускаемые деньги; в других случаях они лишь замещают собою опустевшие места старых, скопляющихся как бы самопроизвольно» [13].

Процесс распространения денежных знаков по каналам денежного обращения может принимать самые различные формы. Этот процесс бывает различным в зависимости от того, для каких целей выпускаются деньги, в какой хозяйственной обстановке, и от того, в каком состоянии находится народное хозяйство и т. д.

«Опыт показывает нам (это можно обосновать и теоретически) следующую по степени последовательность нервозности: раньше и сильнее всего отражается инфляция на торговле иностранными деньгами (как самым подвижным и ходовым мировым товаром), за нею следует оптовая торговля, в то время как цены розничной торговли стоят в третьем ряду, заработная плата — в четвертом, жалованье служащим — в пятом, доходы умственных и вообще не «ходовых» и потому не имеющих массовой организации членов хозяйства — обычно в шестом ряду, — и лишь тогда происходит (если только происходит) приспособление доходов той части населения, которая живет не повседневным заработком, но прежними сбережениями или за счет благотворительности.

Заслуживает внимания еще и другое различие в темпе приспособления, что с необходимостью вытекает из только что сказанного: по общему правилу, цены на предметы первой необходимости и издержки производства далеко не так быстро приспособляются к изменениям меновой способности платежных средств, как обращающиеся в мировой торговле товары. Производитель обычно производит еще некоторое время по тем же или приблизительно тем же ценам, что и раньше, в то время как импортер на заграничном рынке за ту же номинальную сумму своей валюты получает меньше благ, чем прежде. Его способность к ввозу таким образом, ослабляется, если только повышенная потребность в ввозе не обеспечивает ему больше возможностей сбыта и не дает ему, таким образом, и большую сумму денег. Все эти конвульсии продолжаются до тех пор, пока внутренние цены малопомалу не приблизятся к положению цен мирового рынка» [14].

Мы привели разнообразные схемы, рисующие процесс распространения денежных знаков по каналам денежного обращения. Все они соответствуют действительности, но ни одна из них, само собою разумеется, не отражает вполне точно той или иной конкретной действительности. Жизнь дает самые различные комбинации, и конкретная действительность являет переплетение

[13] С. Фалькнер. Экономика и политика твердых цен. М., 1918, стр. 128.

[14] Э. Шульце. Развал современных валют. Л.—М., 1924, стр. 24.

различных процессов рассасывания бумажно-денежных знаков в обороте.

Указанные моменты, вызывающие неодинаковость возвышения цен различных товаров, надо всегда иметь в виду при анализе отдельных конкретных примеров изменения покупательной силы денег, понижения их ценности.

Понижение ценности денежных знаков ведет, таким образом, не только к номинальной переоценке всех товаров, как это может показаться на первый взгляд. Понижение ценности денег — процесс весьма сложный, а проявление его в сложной обстановке товарного хозяйства дает весьма разнообразные причудливые результаты, которые могут быть объяснены только общей теорией ценности бумажных денег, рассматриваемых как орудия обращения, и только как орудия обращения.

Необходимо отметить, что неодинаковость повышения товарных цен, неодинаковость, обусловливаемая самой природой бумажно-денежного обращения, ведет к тому, что влияние бумажных денег далеко не одинаково для различных классов населения. Если бы понижение ценности денежной единицы вело бы только к номинальной переоценке всех товаров, соотносительные цены всех товаров оставались бы без изменения, и тогда если бы и создавались неудобства для оборота, то они были бы не так велики. Во всяком случае эти неудобства одинаково ощущались бы всеми классами населения. В самом же деле все обстоит не так просто. Изменение покупательной силы денег, далеко не одинаковое для всех товаров, самым различным образом затрагивает интересы разных слоев населения, создает невыгоды, притом весьма и весьма большие, для одних, приносит пользу, часто весьма большую, другим.

4

Во всех своих суждениях о покупательной силе денег мы исходили до сих пор из предположения о постоянстве «всех прочих условий», т. е. неизменности всех (кроме ценности бумажных денег) ценообразующих факторов, а также неизменности потребностей товарооборота в орудиях обращения.

В действительности же эти «все прочие условия» не остаются постоянными, находятся в процессе непрерывного изменения. При анализе реальной практики бумажно-денежного обращения необходимо иметь это в виду.

Покупательная сила бумажных денег отражается в ценах товаров, выраженных в ценности бумажных денег; но, с другой стороны, цены товаров могут изменяться под воздействием и других причин, разнообразных ценообразующих факторов, лежащих, так сказать, на стороне товаров. Это можно сказать и относительно отдельных товаров, движение цен которых может

временно, в силу вышеразвитых соображений, представить значительные различия и большие отклонения от движения среднего уровня товарных цен. Отвлечемся от этих временных отклонений и модификаций и предположим, что покупательная сила денег исчерпывающе находит свое отражение в среднем уровне товарных цен.

Покупательная сила бумажных денег зависит от их количества, но, с другой стороны, эта покупательная сила зависит также и от потребности товарооборота в орудиях обращения.

Потребности же товарооборота, как мы знаем, складываются под воздействием следующих главнейших факторов: массы товаров, ценности их и вообще ценообразующих моментов (кроме, конечно, ценности самих орудий обращения), скорости циркуляции денег и товаров, развития и характера кредитных организаций и т. д.

Когда мы поэтому наблюдаем в тот или иной момент, в том или ином месте падение (или повышение) покупательной силы денег, то далеко не всегда можно утверждать, что это произошло вследствие увеличения (или уменьшения) их количества. Причиной могут быть разнообразные моменты.

Количество бумажных денег может увеличиваться, даже очень значительно, покупательная же сила их — остаться без изменения (или даже повыситься). Увеличение количества бумажных денег может компенсироваться соответственным увеличением массы циркулирующих товаров, соответствующим умепьшением скорости циркуляции денег или же соответственным сокращением кредита и т. д.

Количество бумажных денег может уменьшиться и очень значительно, покупательная же сила — остаться без изменения (или даже понизиться): уменьшение этого количества может сопровождаться соответственным уменьшением массы циркулирующих товаров или соответственным увеличением скорости циркуляции денег и т. д.

Наконец, при неизменности количества обращающихся бумажных денег покупательная их сила может упасть (или подняться); это может произойти потому, что уменьшилась (или увеличилась) масса различных товаров, или потому, что уменьшилась (или увеличилась) ценность товаров, или потому, что сократился (или получил большее развитие) кредит, или потому, что увеличилась (или уменьшилась) скорость обращения денег и т. д.

Ясно поэтому, что параллелизма между движением количества бумажных денег и их покупательной силой никогда не бывает.

В качестве иллюстрации высказанного остановимся на бумажно-денежном обращении России последних 10 лет.

Перед мировой войной в обращении циркулировало денежных знаков около 2,5 млрд. руб.; согласно официальным данным, на первое января 1914 г. числилось в обращении денег на 2403 млн.

руб., из них кредитных билетов — на 1665 млн. руб., золота — на 494 млн. руб., серебра и меди — на 244 млн. руб. Если предполагать цифру золотой монеты несколько преувеличенной, так как статистика учитывала ее на основании данных о чеканке и, следовательно, недоучитывала утечку металла из каналов денежного обращения, то можно, с известною вероятностью, полагать, что фактически денег циркулировало на 2200—2300 млн. руб.

С начала войны начинается усиленный рост выпусков кредитных билетов, превратившихся из банкнот в типичные бумажные деньги. Из оборота быстро исчезает золото, а затем уже в середине 1915 г. — серебро и медь. К концу 1915 г. каналы денежного обращения целиком заполняются бумажно-денежными знаками, количество которых на 1 января 1916 г. достигает 5617 млн. руб. Таким образом, в течение 2 лет общая масса циркулирующих орудий обращения увеличилась в 2,44 раза.

Покупательная же сила рубля, как она выразилась в среднем уровне товарных цен, пала, но в гораздо меньшей степени. Принимая 1913 г. за 1, всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда оказывается к 1 января 1916 г. равным только 1,43.

Падение покупательной силы рубля начинает обнаруживаться только в середине 1915 г.; вначале увеличение количества выпущенных орудий обращения в значительной степени компенсировалось изменением других факторов, определяющих потребность оборота в деньгах, представителями которых являются циркулирующие орудия обращения.

Прежде всего необходимо указать на то, что в течение первых $1—1^1/_2$ лет исчезли металлические деньги всякого рода, как золотые, так серебряные и медные. Образовавшуюся пустоту надо было заполнить. Поэтому выпуски бумажных денег вначале нисколько не отражались на покупательной их силе. Значение этого момента не так велико, но не учитывать его нельзя.

Гораздо большее значение имело усиление товарооборота в стране, увеличение массы обращавшихся товаров. Война вызвала и усилила целый ряд новых производств, наконец, мобилизация миллионов крестьянского населения имела своим результатом чрезвычайно сильный рост товарности крестьянского хозяйства: то, что раньше потреблялось этими миллионами, добывалось ими же самими в деревне, так что крестьяне (в известной своей части) не покупали хлеба, мяса, они это потребляли как продукт своего собственного хозяйства; теперь вся эта масса продуктов закупалась государством через посредников, и таким образом эти продукты превращались в товар.

Не меньшее значение имела дезорганизация кредитного дела. Война вызвала определенные заминки в сфере кредитных отношений, поэтому количество кредитных сделок с самого начала

значительно сократилось. Вначале это сокращение явилось результатом дезорганизации сложившихся товарных связей, потом кредитные сделки не могли получить большего развития вследствие неустойчивости ценности денег.

Наконец, необходимо указать на то, что во время войны, в особенности в первые годы, наблюдается усиление тенденций к накоплению денег отдельными лицами, в частности некапиталистическими элементами страны. Усиленный приток денег в деревню, вызванный увеличением товарности крестьянского хозяйства, дал возможность отдельным крестьянам накапливать подчас немалые суммы. Если накопление капиталистическими группами не означает сокращения денег в обороте, так как эти группы обычно вкладывают накопленные деньги в банки, то накопление крестьянами происходит другим образом. Бумажные деньги не являются средством сохранения ценностей, но в начале их циркуляции крестьяне считали возможным их накоплять, и, таким образом, известная часть бумажных денег оседала в «кубышках». За свое невежество крестьяне жестоко поплатились, но в первые годы войны это «невежество» спасало бумажный рубль.

Все указанные моменты увеличивали потребность товарооборота в орудиях обращения и поэтому создавали тенденции, преодолевавшие влияние, которое оказывалось увеличившимся количеством денег на покупательную их силу. Несмотря на увеличение общего количества орудий обращения в $2^1/_2$ раза, покупательная их сила пала только в $1^1/_2$ раза.

С начала 1916 г. до Февральской революции, до свержения самодержавия, продолжался выпуск бумажных денег в еще более усиленном размере. За 14 месяцев, с 1 января 1916 г. до 1 марта 1917 г., выпущено было бумажно-денежных знаков еще на 6,2 млрд. руб.; таким образом общая денежная масса возросла до 11,8 млрд. За 14 месяцев, следовательно, она увеличилась в 2,1 раза. Приблизительно настолько же пала покупательная сила рубля. Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда на 1 марта 1917 г. равен был 3,15; следовательно, за 14 месяцев покупательная сила рубля пала в 2,2 раза.

За весь период с 1 января 1914 г. до 1 марта 1917 г. общая масса орудий обращения возросла с 2,3 млрд. до 11,8 млрд., т. е. увеличилась в 5,1 раза, покупательная же сила пала только в 3,15 раза.

После Февральской революции выпуск бумажных денег продолжается в еще большем размере. За 8 месяцев до Октябрьской революции, т. е. с 1 марта до 1 ноября 1917 г., общая денежная масса возрастает с 11,8 млрд. до 22,4 млрд., т. е. увеличивается почти в 2 раза (1,9 раза). В это время в обороте не только не обнаруживается тенденций, противодействующих воздействию увеличивающегося количества денег, но, наоборот, и потребность оборота в орудиях обращения, вследствие наступившей общей

дезорганизации хозяйства, бойкота города деревней и т. д., значительно сокращается. Неудивительно поэтому, что покупательная сила денег падает еще в большей степени, нежели увеличивается их количество. Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда к ноябрю 1917 г. достигает 10,2; таким образом, покупательная сила денежных знаков пала в 3,2 раза.

История денежного обращения Советской России может быть разделена на четыре периода. Первый — период военного коммунизма — с 1 ноября 1917 г. до середины 1921 г. Второй — период новой экономической политики — с середины 1921 г. до конца 1922 г. Третий — период внедрения в оборот банковых билетов (червонцев) — с конца 1922 г. до начала 1924 г. и, наконец, четвертый — период изъятия советских денежных знаков из оборота и замена их твердыми казначейскими знаками.

Первые два являются периодами исключительного господства бумажных денег, поэтому мы остановимся только на них.

Сравнение обоих этих периодов представляет большой интерес потому, что оба они характеризуются совершенно противоположными тенденциями, в значительной степени обусловливавшимися различным отношением государственной власти к самому денежному механизму. Бумажно-денежное обращение складывается, как мы уже говорили, под сильным воздействием государственной власти, поэтому экономическая политика государства имеет для денежного обращения большое значение.

Как бы государство ни стремилось использовать бумажно-денежную эмиссию, оно в своих мероприятиях должно исходить, и в действительности исходит, из необходимости, в конечном счете, ликвидировать бумажно-денежное обращение. Но как раз этот мотив в первый рассматриваемый нами период не был определяющим. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для правильного понимания процессов, происходивших в денежном механизме в первые два периода Советской власти.

Первый период характеризуется отмиранием товарных связей. Соответственно этому ставился вопрос не о преобразовании денежного механизма, не о ликвидации бумажно-денежного обращения, а о ликвидации самого денежного аппарата.

Второй же период, развязавший рыночные отношения, восстановивший товарные связи, сделавший вновь акт купли-продажи основным методом связи, вызвал вновь строгие требования к тому механизму, основной функцией которого является обслуживание меновых сделок.

В первый период, когда рыночная связь уступала место организованному планомерному распределению имеющихся в распоряжении общества продуктов, когда категория Т (товара) уступала место категории П (продукту), роль денег становилась все более и более незначительной, и как экономическая категория — деньги постепенно исчезали. С этой точки зрения проблема

денежного сбращения, вопрос о рациональной организации денежного механизма не могли выражать практической потребности дня.

И не случайно, а совершенно закономерно и правильно в эпоху военного коммунизма проблема преобразования денежного механизма и не ставилась. Пролетарской революции в наследство достался уже расстроенный денежный аппарат, можно и надо было его использовать для целей революции, но о его преобразовании говорить не приходилось. Раз товарное хозяйство быстро отмирает, уступая место другому типу хозяйства, раз социальные связи, основанные на обращении товаров, уступают место новым социальным связям, основанным на организованном взаимном предоставлении продуктов, то деньги и денежная система рассматриваются не в аспекте усовершенствования денежного механизма, а в аспекте его использования. Ставится вопрос не о реорганизации денежного механизма, а о том, как и как долго можно его еще использовать.

Выпуск бумажных денег определяется исключительно нуждой государства в средствах. Оно снабжает народное хозяйство денежными знаками в таком количестве, в каком они хозяйству не требуются. Возникает огромное несоответствие между потребностями товарооборота и количеством выброшенных в каналы денежного обращения денежных знаков. Это несоответствие усугубляется еще тем, что одновременно сокращается товарный оборот, заменяющийся организованным распределением. Таким образом, одновременно количество циркулирующих денежных знаков увеличивается, а потребность в них оборота уменьшается. Отсюда неверсятное падение ценности денежных знаков.

Нижеследующие данные характеризуют эволюцию нашего денежного обращения до середины 1921 г., т. е. до введения или, вернее, перестройки нашего хозяйства на началах провозглашенной еще в марте 1921 г. новой экономической политики (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, к 1 ноября 1917 г., т. е. моменту Октябрьской революции и установления Советской власти, в обращении находилось бумажек уже на 22,4 млрд. руб.

Совершенно ясно, что после установления Советской власти процесс увеличения денежной массы должен был продолжаться, а принимая во внимание обстоятельства, на которые было указано выше, а также и то, что одновременно с дальнейшими выпусками денег ценность их уменьшалась, станет понятным, что темп этого увеличения должен был все более и более ускоряться. Количество циркулирующих денег с 1 ноября 1917 г. до 1 июля 1921 г. увеличилось с 22,4 млрд. руб. до 2347 млрд., т. е. в 104,8 раза.

Само собой разумеется, что такое огромное увеличение циркулирующих орудий обращения само по себе не могло не оказать своего влияния на покупательную силу бумажно-денежной единицы. Покупательная сила денег непрерывно падает. Но падение

Таблица 1

Денежное обращение в 1917—1921 гг. [15]

	Находились в обращении		Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда (1913 г. = 1)	Реальная ценность обращения денежной массы	
	млрд. рублей	принимая данные к 1 ноября 1917 г. за 100		млн. руб.	принимая данные к 1 ноября 1917 г. за 100
К 1 ноября 1917 г.	22,4	100,0	10,2	2196,0	100,0
» 1 января 1918 »	27,3	121,8	20,8	1334,4	60,7
» 1 апреля 1918 »	33,6	150,0	43,2	781,4	35,6
» 1 июля 1918 »	43,3	193,3	88,6	486,5	22,2
» 1 октября 1918 »	51,0	227,8	93,5	542,6	24,7
» 1 января 1919 »	60,8	271,4	164,0	270,7	12,3
» 1 апреля 1919 »	74,5	332,6	336,0	221,7	10,1
» 1 июля 1919 »	100,3	447,8	656,0	152,9	6,9
» 1 октября 1919 »	148,2	651,6	923,0	160,6	7,3
» 1 января 1920 »	225,0	1000,4	2420,0	93,0	4,2
» 1 апреля 1920 »	340,6	1520,5	4770,0	71,4	3,3
» 1 июля 1920 »	511,0	2280,1	8140,0	62,9	2,9
» 1 октября 1920 »	745,2	3326,8	9620,0	77,5	3,5
» 1 января 1921 »	1169,0	5218,8	16 800,0	69,6	3,2
» 1 апреля 1921 »	1687,0	7531,3	35 700,0	47,3	2,2
» 1 июля 1921 »	2347,0	10 477,7	80 700,0	29,1	1,3

покупательной силы денег происходит не только благодаря этому. Еще в большей степени этому процессу способствует общее расстройство народного хозяйства, общее падение производительных сил, а главное, колоссальное, непрерывно продолжающееся сжатие товарного обращения.

Не только увеличение количества денег вызывает падение покупательной их силы, но это происходит также и потому, что сокращается масса реализуемых товаров, уничтожается кредит. К этому надо прибавить то, что денежные знаки даже у самых отсталых слоев населения перестают выполнять функцию средств сохранения ценностей и, наконец, значительно усиливается скорость обращения денег. Вследствие быстрого падения ценности бумажно-денежного знака никто его не задерживает у себя, и скорость его циркуляции достигает колоссальных размеров.

Неудивительно поэтому, что ценность бумажно-денежного знака пала в значительно большей степени, нежели увеличилось их количество.

[15] Данные заимствованы из изданного Народным Комиссариатом финансов обзора «Народное и государственное хозяйство СССР в 1922—1923 гг.». М., 1923.

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, на 1 ноября 1917 г. всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда равен 10,2, к первому же июля 1921 г. он поднимается до 80 700,0.

Таким образом, при увеличении обращающейсся денежной массы в 105 раз товарные цены поднялись в 7912 раз. Ясно, что указанные выше факторы на стороне товаров сыграли значительно большую роль, нежели увеличение количества обращающихся денежных знаков.

Интересно отметить, что реальная ценность всей денежной массы, исчисленная во всероссийском индексе Центрального бюро статистики труда, резко пала. Уже к 1 марта 1917 г. реальная ценность всей денежной массы равнялась 3746 млн. руб. К 1 ноября того же года она падает до 2196 млн. руб. Далее происходит процесс беспрерывного падения реальной ценности, и она к 1 июля 1921 г. достигает 29,1 млн. руб. Таким образом, с 1 ноября 1917 г. до 1 июля 1921 г. реальная ценность всей денежной массы понизилась более чем в 75 раз.

То, что товарный оборот, требовавший до войны денежных знаков на 2,5 млрд. руб., обслуживался теперь только 29,1 млн. руб., доказывает, насколько было сокращено товарное обращение, явившееся в определенной мере результатом общей политики государства по вытеснению товарного менового оборота организованным распределением продуктов [16].

Второй период, начало которого надо считать приблизительно с середины 1921 г., являет собою эпоху с прямо противоположными тенденциями.

Новая экономическая политика, провозглашенная в первой половине 1921 г., ввела новые принципы в народное хозяйство. С точки зрения денежного обращения, наиболее важной чертой нэпа является восстановление товарных связей.

Допуская вначале рыночный оборот только в местном масштабе, а затем все расширяя объем рыночных отношений, переводя отдельные государственные промышленные предприятия на начала так называемого хозяйственного расчета, нэп создал такую обстановку, при которой основной формой хозяйственной связи становится обмен и существенной категорией советской экономики становится товар.

Указанная черта новой экономики вызвала с неизбежностью перемену в значении денежного механизма. Деньги как мерило ценностей, деньги как орудие обращения вступают в свои права и представляют свои претензии. Замиравший было товарный оборот начинает предъявлять больше требований на денежные знаки, и денежное обращение приобретает вновь опору и основу своего существования и развития.

---

[16] Необходимо, конечно, принять во внимание также и сокращение территории Советской России.

Финансовая политика государства в новых условиях уже не может строиться в расчете на умирание денег. Если в начале этого периода еще сохранялись надежды на развитие простых товарообменных отношений, то уже вскоре жизнь показала, что развитие начал новой экономической политики неизбежно связано с развитием денежно-торговых отношений.

Табл. 2 дает картину дальнейшей эволюции нашей денежной системы до конца 1922 г., когда, с введением в обращение червонца,

Таблица 2

Денежное обращение в 1921—1923 гг.

	Находилось в обращении		Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда	Реальная ценность обращения денежной массы	
	млрд. руб.	принимая данные к 1 июля 1921 г. за 100		млн. руб.	принимая данные к 1 июля 1921 г. за 100
К 1 июля 1921 г.	2347	100,0	80 700	29,1	100,0
» 1 октября 1921 »	4534	193,2	81 900	55,4	190,5
» 1 января 1922 »	17 540	747,3	22 800	60,9	205,8
» 1 апреля 1922 »	81 222	3460,7	2 524 000	32,2	110,6
» 1 июля 1922 »	320 497	13 655,6	5 795 000	55,3	190,0
» 1 октября 1922 »	913 708	38 930,9	7 342 000	124,4	427,2
» 1 января 1923 »	1 994 500	84 980,8	21 240 000	93,9	322,7

начинается новая глава в истории денежного обращения Великой российской революции.

Количество циркулирующих в обращении бумажных денег за полтора года, с 1 июля 1921 г. до 1 января 1923 г., увеличилось с 2347 млрд. до 1 994 500 млрд., т. е. в 850 раз.

Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда дает увеличение с 80 700 до 21 240 000, т. е. в 263,2 раза. Поскольку бюджетный индекс отражает общее вздорожание цен, надо прийти к заключению, что падение покупательной силы денег происходило медленнее, нежели увеличение общей массы циркулирующих денег. Это явилось следствием как того, что народное хозяйство в это время начинает оправляться, растет общая продукция промышленности, так и того главным образом, что это время характеризуется значительным расширением торгового оборота; рост торговли создает такие условия, при которых большему количеству денежных знаков противостоит большее количество торговых сделок, для которых требуется все большее и большее количество орудий обращения.

Естественным результатом указанных тенденций явилось то, что реальная ценность денежной массы не только перестала падать,

но, наоборот, стала очень сильно увеличиваться. 1 июля 1921 г. реальная ценность всей денежной массы, исчисленная по всероссийскому индексу статистики труда, равнялась 29,1 млн. руб., к 1 января 1923 г. она достигла 93,9 млн. руб., т. е. увеличилась в 3,2 раза. Таким образом, российский опыт бумажно-денежного обращения последнего десятилетия подтверждает зависимость покупательной силы бумажных денег как от их количества, так и от многообразных факторов товарного оборота, определяющих потребность его в орудиях обращения.

Само собою разумеется, что параллелизма в движении количества циркулирующих орудий обращения и их покупательной силы никогда не наблюдается, ибо количество денежных знаков является одним, и далеко не преобладающим, фактором, определяющим покупательную силу бумажных денег.

5

До сих пор мы рассматривали отдельно явление депрециации бумажных денег и понижения их ценности, или, иначе, явление лажа и изменение ценности денег, выраженной в товарных ценах, курс бумажных денег и покупательную их силу.

Попытаемся теперь рассмотреть оба эти явления в их совокупности, взаимодействии.

В сущности депрециация бумажных денег и понижение их ценности, цена бумажных денег и покупательная их сила должны были бы быть одинаковыми. Но фактически в каждый отдельный момент это не наблюдается, и происходит это вследствие специфических и сложных условий денежного обращения, постепенности рассасывания денежных знаков в порах народного хозяйства, многообразия функций, выполняемых деньгами, различий этих функций, весьма существенных и имеющих огромное значение с точки зрения циркуляции денежных знаков.

Основной закон таков: ценность бумажных денег определяется ценностью металла, ими представляемого. При неизменности условий товарного оборота ценность денег обратно пропорциональна их количеству и, наоборот, при неизменности их количества ценность бумажных денег изменяется в зависимости от изменения всех тех факторов, которые в своей совокупности образуют общую конъюнктуру товарного рынка. Курс же бумажных денег и покупательная их сила находят свое выражение в форме лажа и в повышении товарных цен.

В конечном счете, в тенденции, высота лажа должна совпадать с повышением товарных цен, но, в силу указанных уже условий, уравнение цены бумажных денег и покупательной их силы происходит только в результате долгого процесса, общего приспособления всего товарного оборота к новым условиям денежного обращения.

До этого приспособления оценка бумажных денег на золото и оценка бумажных денег на товары происходят в различные моменты, в различной обстановке, в различных условиях.

Но эти моменты, обстановка, условия взаимно сталкиваются, переплетаются; поэтому та и другая оценки взаимно друг на друга влияют. В особенности это относится к сфере обращения тех товаров, которые являются объектами международного обмена. Здесь чаще всего сталкиваются оценки; поэтому здесь в наибольшей мере заметно взаимное их друг на друга воздействие.

Для того чтобы лучшим образом изучить это взаимодействие, надо, по возможности, расчленить сферы обращения товаров, в которых различным образом проявляется это взаимодействие. Это расчленение, конечно, не может полностью охватить всего разнообразия и сложности явления, но, как схема, оно может играть большую роль для ориентировки в вопросах бумажно-денежного обращения.

Такую классификацию товаров, на движение ценности которых оказывает влияние движение лажа, дал А. Вагнер [17].

Все товары А. Вагнер разделяет на три группы:

I. Предметы ввоза.

II. Предметы вывоза.

III. Предметы внутреннего производства и потребления.

Первые две из этих групп товаров в свою очередь могут быть подразделены на подгруппы.

Первая группа, предметы ввоза, разделяется на:

1. Предметы, производимые только за границей, в данной стране не производимые.

2. Предметы, производимые не только за границей, но производимые и в данной стране.

Вторую группу, предметы вывоза, тоже можно разделить на две аналогичные подгруппы:

1. Предметы, которые производятся только в данной стране и за границей, куда они вывозятся, не производятся.

2. Предметы, которые производятся и в данной стране и за границей.

Наименьшее влияние оказывает лаж на оценку товаров третьей группы, а наибольшее влияние на первую подгруппу первой же группы. Рассмотрим каждую из этих групп и подгрупп товаров в отдельности.

$I_{,1}$. Товары, ввозимые из-за границы и только за границей производимые.

Зависимость оценки этих товаров от высоты лажа очевидна. Ведь всякие ввозимые товары приходится оплачивать звонкой монетой, золотом. Если эти товары в действительности оплачиваются бумажно-денежными знаками, то все же перевод бумажных

---

[17] А. Вагнер. Русские бумажные деньги. Киев, 1871.

денег на иностранную валюту или на золото, сравнение ценности первых и вторых производиться должны. Как общее правило, по отношению к этим товарам можно сказать, что их вздорожание будет пропорционально лажу, товары вздорожают в размере лажа.

Предположим, Россия ввозит из Германии электрические лампочки. Предположим так же, что эти лампочки в России вовсе не производятся [18].

Лампочка в России, пока существовало металлическое (золотое) обращение, стоила 1 руб. 1 руб. равен 2 германским маркам. (В действительности 1 руб. равен 2,1601 германской марки, но для округления мы предполагаем 1 руб. равным 2 маркам). В этом случае, следовательно, за лампочку импортер получал 2 марки. Теперь предположим, ценность бумажного рубля падает вдвое, лаж на золото достигает 100%. Это значит, 1 руб. будет оцениваться в 1 германскую марку. Импортер, для того чтобы получить свои 2 марки, должен будет продавать электрическую лампочку не за 1 руб., а за 2. Цена товара повысилась вдвое, на 100%. Товар вздорожал на высоту лажа. А это значит, что оценка бумажного рубля как по отношению к золоту, так и по отношению к товарам понизилась в одинаковой степени; или, точнее, курс рубля, т. е. ценность бумажного рубля, выраженная в золоте, и покупательная сила рубля, т. е. ценность того же рубля, выраженная ценой данного товара, одинаково вдвое понизились. Депрециация бумажного рубля равна понижению его ценности, наблюдается полное совпадение обеих форм выражения ценности бумажных денег.

Но и это совпадение может несколько осложниться и видоизмениться в зависимости от конкретных условий торговли электрическими лампочками. Могут проявиться такие факторы, которые, хотя бы в течение некоторого времени, удержат подъем цен этих товаров, задержат их вздорожание.

Главнейшие из этих факторов следующие.

Во-первых, возможно, что до появления лажа было ввезено в страну с бумажно-денежным обращением достаточно большое количество лампочек. Эти лампочки были уже оплачены по прежней расценке. Часть спроса (не весь) эти прежде ввезенные лампочки удовлетворяют. В этом случае, очевидно, что цена их повысится, но может повыситься и не на всю высоту лажа. В течение некоторого времени, пока эти запасы не будут исчерпаны, рыночная цена лампочек может установиться не на 2 руб., а, положим, на 1,5. С исчерпанием запасов положение становится другим. Цена лампочек неизбежно должна повысится на высоту

[18] Здесь, как и в дальнейшем, предполагается, что в России господствует бумажно-денежное обращение, а в стране (Германия), куда она вывозит товары и откуда ввозит, сохраняется твердая металлическая валюта.

лажа. Но в течение некоторого времени это может и не наблюдаться. И, таким образом, ценность бумажных денег, выраженная в золоте, и ценность их, выраженная в товаре, могут и не совпадать. Депрециация бумажных денег будет не совпадать с понижением их ценности, курс бумажных денег не будет равен покупательной их силе.

Во-вторых, всякое повышение товарных цен обыкновенно ведет к уменьшению их потребления. Это замечается в той или иной степени по отношению ко всем товарам. И в данном приведенном нами примере может случиться то же самое. Вздорожание, притом на 100%, электрических лампочек может повести к тому, что многим придется отказаться от пользования ими, обращаться с ними станут бережнее и осторожнее и т. д. Все это поведет к уменьшению спроса на данный товар. А при прочих равных условиях понижение спроса должно повести к падению товарной цены. Лампочка будет продаваться не за 2 руб., как это следует из основных наших заключений, а, положим, 1 руб. 80 коп. Опять-таки, реальная жизнь вносит коррективы в основную тенденцию и видоизменяет проявление общего закона.

Оба указанных фактора могут действовать одновременно, и тогда несовпадение депрециации бумажных денег с понижением их ценности будет еще большим, нежели при действии каждого из этих факторов в отдельности.

Заметим, кстати, и следующее. Как видно из изложенного, при бумажно-денежном обращении установление товарных цен является процессом, еще более сложным, чем при нормальных условиях денежного обращения. К тому же, что опять-таки вытекает из всего изложенного, товарные цены при бумажно-денежном обращении находятся в процессе постоянного изменения. Кроме всех тех факторов, которые вообще при всяких условиях оказывают влияние на установление товарных цен, действует еще один, весьма сильно действующий, притом непостоянный: изменение ценности самих денег, посредством которых оцениваются все товары, в которых выражается ценность всех других товаров.

Переходим ко второй подгруппе первой группы товаров.

$I_{,2}$. Товары, ввозимые из-за границы, но производимые также и в данной стране.

По отношению к этим товарам понижение ценности денег едва ли будет совпадать с депрециацией денег. В сущности этот пример аналогичен предыдущему, причем производимые в стране товары могут быть приравниваемы запасу, который в предыдущем примере задерживал вздорожание товаров.

Предположим, электрические лампочки привозятся из Германии, но производятся также и в России. При изменении ценности бумажных денег, появлении лажа в 100% импортер, для того чтобы получить ту же цену (2 марки), должен продавать лампочки за 2 руб. Но производство внутри страны могло и не

измениться. Издержки производства могли остаться без изменения: цены на сырье, вспомогательные материалы остались прежними. В этом случае внутренний производитель может продавать лампочки и дешевле 2 руб. Производство внутри страны будет действовать таким же образом, как в первом примере запасы товаров данного рода, причем запасы эти имеют более постоянный характер, нежели в первом случае.

Само собою разумеется, задерживающее влияние внутреннего производства на повышение товарных цен является временным: вместе с распространением дороговизны на все товары, на сырье, вспомогательные материалы, рабочую силу и т. д., т. е. вместе с соответствующим вздорожанием всех элементов производства, цены на производимые продукты неизбежно повысятся в размере лажа.

Впрочем, необходимо заметить, что вздорожание некоторых элементов производства всегда отстает от лажа. Цена рабочей силы, заработная плата никогда не достигает в своем возвышении размера лажа. Вот почему и вздорожание продуктов этого производства (электрических лампочек) может и не совпадать с величиной лажа.

С другой стороны, в этом случае действует и другой фактор, на который указывалось в предыдущем примере, а именно: понижение потребления вздорожавших продуктов, что также может задержать процесс уравнения депрециации бумажных денег с понижением их ценности, курса бумажных денег с их покупательной силой.

Таковы основные моменты, определяющие влияние лажа на товарные цены. А так как лаж и товарные цены являются формами выражения ценности денег, то сказанным, следовательно, и обрисовывается конкретное проявление этой ценности в его различии, поскольку оно выражается в золоте и товарах, в депрециации бумажных денег и в понижении их ценности.

Вторую группу товаров, на цены которых оказывает влияние движение лажа, составляют предметы вывоза, также могущие быть подразделенными на две подгруппы.

II_1. Товары, вывозимые за границу, но которые не производятся за границей,

Надо ясно себе представить, о чем идет речь. Речь идет о тех товарах, которые производятся в стране с бумажно-денежным обращением в излишке, так что получается возможность вывозить их за границу, а с другой стороны, о товарах, за границей не производимых. Затем речь идет о том, как складывается цена на этот товар на внутреннем рынке, т. е. рынке страны, в которой господствует бумажно-денежное обращение.

Цена эта, очевидно, прежде всего складывается под воздействием не только внутреннего спроса, но и внешнего. Если бы не было спроса на заграничных рынках, цены обнаруживали бы

тенденцию к понижению. Спрос на внутреннем рынке плюс спрос на внешнем рынке — таков один из сложных факторов, влияющий на образование цены данного товара.

Какое же влияние может оказать лаж в этом случае?

Ответить на этот вопрос легче всего посредством примера.

Предположим, из России вывозятся в Германию самовары. Это такой товар, который производится только в России, который в Германии не производится. В то же время в России самоваров производится такое число, что за удовлетворением спроса остается излишек, который находит себе место на германском рынке.

Для простоты опять-таки предположим, что 1 руб. (золотой) равен 2 маркам. Далее, во всех вычислениях относительно цены отбросим расходы по оплате перевозки товаров, таможенных пошлин и т. д.

Само собою разумеется, в общем и целом, за вычетом, повторяем, только что указанных издержек, цена на самовары в Германии и в России не может быть не одинаковой.

Предположим, при господстве металлической валюты цена самовара определенного качества в России равна была 10 руб. Это значит, что в Германии самовар продавался за 20 марок.

Но Россия вступает на путь бумажно-денежного обращения. Курс бумажных денег начинает колебаться, появляется лаж на золото. Положим, лаж достигает 100%.

Уменьшение ценности русских бумажных денег, очевидно, не может оказывать непосредственного воздействия на товарные цены за границей. В Германии ценность денег (металлических марок) не изменилась. Следовательно, нет никаких оснований, чтобы цена самовара, выраженная в марках, изменилась; эта цена остается равной 20 маркам. Но для русского экспортера самоваров эти 20 марок составляют уже не 10 руб., а 20 руб. Это обстоятельство не может не оказать своего влияния и на цены на внутреннем рынке. При возможности продавать самовары в Германии за 20 руб., цена в 10 руб. на внутреннем рынке удержаться не может. Вывоз самоваров увеличится, предложение на внутреннем рынке уменьшится, это же вызовет тенденцию к повышению цен самоваров. С другой стороны, усиленный вывоз самоваров за границу увеличит там предложение, и, при прочих равных условиях, в Германии должна обнаружиться тенденция к падению цен на самовары. Первое обстоятельство, уменьшение предложения на внутреннем рынке, будет способствовать подъему цен на самовары до 20 руб.; второе обстоятельство, увеличение предложения на внешнем рынке, будет понижать цену самовара вниз, до 10 марок, или 10 руб. Цена, очевидно, будет больше 10 и меньше 20 руб., она установится между 10 и 20 руб. В зависимости от целого ряда условий: от относительного значения внутреннего и внешнего спроса, от интенсивности общего предложения товара и т. д. цена будет ближе к 10 руб. или к 20 руб. Сыг-

рает, конечно, известную роль и уменьшение потребления данного товара вследствие его вздорожания. Предположим, цена установится в 17 руб. Таким образом, в этом случае применительно к товарам исключительно внутреннего производства, но вывозимым за границу лаж оказывает повышательное влияние, хотя и не на всю свою величину.

Опять повторяем, с распространением дороговизны, связанной с понижением ценности денег, на все товары, а следовательно, и на товары, составляющие элементы производства самоваров, цена товаров повысится независимо, но зато и в уровень с лажем. Но это случится только в конце сложного, и притом при постоянных выпусках бумажных денег, непрекращающегося процесса выравнивания депрециации бумажных денег и понижения их ценности.

Непосредственное же влияние лажа на цены рассматриваемых товаров, несомненно, будет повышательное; но, с другой стороны, удорожание этих цен не будет достигать величины лажа.

II_2. Вторую подгруппу второй группы товаров составляют товары, вывозимые за границу, но и за границей производимые.

Предположим, самовары, вывозимые из России в Германию, производятся также и в Германии. Русские экспортеры наталкиваются на внешнем рынке на конкуренцию местного производства. Это обстоятельство будет служить условием относительного понижения рыночной цены самоваров на внешнем рынке, что в свою очередь не может не отразиться и на образование цен на рынке внутреннем. Цена на самовар, как это вытекает из предыдущего примера, должна будет установиться между 10 и 20 руб. То обстоятельство, что самовары производятся также и в Германии, явится фактором, приближающим действительную цену, которая установится как на внешнем, так и на внутреннем рынках, ближе в сторону 10, а не 20 руб.

В предыдущем примере мы предположили, что цена самовара установится равной 17 руб. Теперь же, следовательно, эта цена будет несколько ниже, положим, равна 15 руб.

Таким образом, по отношению к группе рассматриваемых нами товаров лаж хотя и действует повышающим образом на товарные цены, но возвышение этих цен будет меньше величины лажа, даже меньше соответственного возвышения, которое можно было констатировать в предыдущем случае, когда мы предполагали, что производство вывозимого товара является как бы монополией страны с бумажно-денежным обращением и не встречает конкуренции в заграничном производстве.

Наконец, третья группа товаров — это:

III. Товары исключительно внутреннего производства и потребления.

Цены этих товаров подвергаются наименьшему воздействию со стороны лажа. Даже больше того, непосредственно лаж не

оказывает никакого влияния на цены товаров исключительно внутреннего производства и потребления.

Вздорожание этих товаров всегда отстает от лажа. К таким товарам можно, между прочим, отнести такие «товары», как рабочая сила, услуги лиц интеллигентных профессий, чиновников и т. д.

Эти товары не экспортируются за границу или, во всяком случае, с трудом вывозятся. Рост заработной платы (цена рабочей силы), гонораров (цена услуг лиц интеллигентных профессий, литераторов, врачей, адвокатов и т. д.), жалований (цена услуг учителей, чиновников, служащих и т. д.) всегда отстает, если даже и он замечается, от роста лажа, роста общей дороговизны.

Рассмотренные группы товаров не исчерпывают всего разнообразия товарного оборота, но основные вариации в колебаниях товарных цен приведенная классификация устанавливает.

То, что сказано, уже показывает, как сложно влияние бумажно-денежного обращения на товарные цены, как ценность денег различно выражается в их курсе и покупательной силе.

Лаж воздействует на товарные цены и притом самым причудливым образом. Конечно, основная тенденция, могущая найти свое полное выявление только в результате долгого процесса, сводится к равенству депрециации бумажных денег и понижения их ценности. Но основная тенденция в своем проявлении может видоизменяться и видоизменяется под влиянием разнообразных сложных условий товарного обмена, как внутреннего, так и внешнего.

6

До сих пор мы рассматривали воздействие лажа на товарные цены. Но и товарные цены в свою очередь воздействуют на лаж.

Как уже ранее указывалось, высота лажа определяется спросом на золото, потребностью в нем для расплаты за ввозимые товары. Чем больше ввоз превышает вывоз, тем потребность в золоте как материале мировых денег возрастает, и тем более, при прочих равных условиях, повышается лаж. И наоборот, чем больше вывоз превышает ввоз, тем спрос на золото будет меньшим и тем, следовательно, лаж будет ниже. Соотношение между вывозом товаров за границу и ввозом их из-за границы является весьма важным фактором, определяющим высоту лажа.

Это же соотношение в значительной степени зависит от уровня товарных цен. Если цены товаров стоят на низком уровне, вывоз их увеличивается; с другой стороны, низкие цены не могут служить приманкой для ввоза их, так что, при прочих равных условиях, в этом случае ввоз сокращается.

Если же товарные цены повышаются, результаты будут прямо противоположные: вывоз товаров обнаружит тенденцию к сокращению, а ввоз будет увеличиваться.

Таким образом, низкие товарные цены дают преимущество вывозу над ввозом, а значит, сокращают потребность в золоте и, следовательно, действуют понижающим образом на лаж; высокие товарные цены, усиливая ввоз товаров, увеличивают спрос на золото, повышают лаж.

Эти основные тенденции могут, конечно, видоизменяться самым различным образом под влиянием разнообразных факторов: изменения товарных цен за границей, конкуренции и т. д., и т. д. С другой стороны, эта основная тенденция может быть осложнена встречным влиянием лажа на товарные цены. Вообще взаимодействие между двумя явлениями, взаимное их влияние друг на друга всегда дает пестрые, сложные результаты.

Лаж большей частью оказывает повышательное влияние на товарные цены; высокие же товарные цены действуют повышающим образом на лаж. Казалось бы, цены в таких случаях должны были бы повышаться бесконечно и беспрерывно. Но как раз само это повышение может вызвать целый ряд противодействующих условий, которые могут весьма чувствительным образом задержать повышение товарных цен.

Попытаемся рассмотреть взаимное отношение лажа и товарных цен применительно к каждой группе разобранных нами выше товаров, и мы заметим, как сложны результаты этого взаимодействия

$I_{,1}$. Товары, ввозимые из-за границы и только за границей производимые. Здесь лаж повышает товарные цены и притом на всю высоту лажа. Повышение цен на ввозимые товары, очевидно, усиливает потребность в золоте, которым можно расплатиться за эти товары, и, следовательно, неизбежно вызовет тенденцию к еще большему увеличению лажа, так как спрос на золото увеличивается. Увеличение лажа должно повести к еще большему вздорожанию товаров и т. д.

Конечно, ввоз товаров, притом определенного рода, еще не определяет характера торгового баланса. Этот последний является результатом и ввоза и вывоза, притом разнообразных товаров. Но для теоретического анализа допустимо рассмотрение изолированно каждой группы товаров, отвлекаясь на время от влияния всей их совокупности.

Но беспрерывное повышение товарных цен само по себе должно вызвать противодействующие тенденции. Увеличение товарных цен не может быть бесконечным. Возвышение их может дойти только до известного предела, за которым оно неизбежно и непременно наталкивается на препятствия: уменьшение потребления данных товаров, замена их какими-либо суррогатами и т. д.

Поэтому хотя вздорожание цен на ввозимые товары и содействует еще большему повышению лажа, но это повышение имеет иногда весьма узкие пределы. С этой оговоркой приходится констатировать повышательное влияние вздорожания цен това-

ров, ввозимых из-за границы и только за границей производимых, на лаж.

Еще большие ограничения терпит указанная повышательная тенденция по отношению к товарам.

$I_{,2}$. ввозимым из-за границы, но производимым и внутри страны.

В этом случае повышение товарных цен непосредственно наталкивается на конкуренцию внутреннего производства. Увеличение цен заграничных товаров уменьшает спрос на них. Количество ввозимых товаров, могущих быть проданными, уменьшается. Общая ценность ввозимых товаров поэтому может и не увеличиться, следовательно, может и не увеличиться и потребность в золоте для оплаты данных товаров, следовательно, и лаж не подвергнется повышательному воздействию со стороны изменившихся цен.

Несколько иначе воздействует на лаж изменение цен товаров второй группы.

$II_{,1}$, товаров, вывозимых за границу, но за границей не производимых.

Увеличение цен этих товаров создает тенденцию к благоприятному торговому балансу, следовательно, уменьшает спрос на благородные металлы, выполняющие функцию мировых денег. Уменьшение же этого спроса оказывает понижающее влияние на лаж. Но, с другой стороны, повышение цен этих товаров может уменьшить количество вывозимых товаров вследствие уменьшения их потребления, так что вывоз по общей своей ценности и не увеличится. В таком случае констатированное выше влияние может и не обнаружиться или же оно будет незначительным.

Еще большее ограничение это понижательное влияние встретит на товарах.

$II_{,2}$, вывозимых за границу, но и производимых за границей, так как, кроме других ограничивающих факторов, в этом случае некоторую роль сыграет конкуренция местного производства на заграничном рынке.

Наконец, изменение цен последней группы товаров.

III, только внутри страны производимых и только здесь потребляемых, очевидно, непосредственного влияния на лаж не окажет. Мы говорим — непосредственного, ибо косвенное влияние и здесь может сказаться. Товары этого рода могут оказаться средствами производства вывозимых или ввозимых товаров, и тогда вздорожание их отзовется и на лаже.

Если эти товары являются средствами производства для товаров, хотя и производимых в данной стране, но также привозимых и из-за границы, то вздорожание их вызовет повышение издержек производства товаров, которым приходится конкурировать с продуктами иностранного производства. Это же обстоятельство позволит возвысить цены на ввозимые товары, уменьшит противодействие увеличению ввоза. Таким образом, лаж обнаружит

тенденцию к повышению, обусловленную вздорожанием цен товаров внутреннего производства и потребления.

Мы рассматривали до сих пор влияние лажа на товарные цены и влияние товарных цен на лаж отдельно в отношении отдельных групп товаров.

В реальной жизни это взаимное воздействие сочетается с взаимным влиянием отдельных групп товаров друг на друга. Получается чрезвычайно сложная и пестрая картина образования лажа и установления товарных цен.

7

До сих пор мы рассматривали влияние лажа на цены ввозимых и вывозимых товаров, исходя из отношений страны с бумажно-денежным обращением со страной с металлической твердой валютой.

При сношении двух стран с колеблющейся бумажной валютой строение цен будет происходить несколько иначе: цены подвергнутся воздействию лажа (и обратно) не только туземной валюты, но и иностранной. Если, положим, мы будем рассматривать торговлю России с Германией, причем, как в первой, так и во второй стране господствует бумажно-денежное обращение, и золото ходит с лажем, то цены в России (как и в Германии) будут складываться не только под воздействием лажа на золотой рубль, но и лажа на золотую марку.

Едва ли необходимо подробно рассматривать это сложное воздействие двух лажей по всем группам товаров. Для примера остановимся только на одной группе товаров, ввозимых из-за границы и только за границей производимых.

Положим, Россия ввозит электрические лампочки из Германии. Как в России, так и в Германии бумажно-денежное обращение. Лаж на золото по отношению к рублю равен 100%, по отношению к германской марке — 50%. Какое влияние будет оказывать лаж на цены лампочек в России?

Если бы в Германии была твердая металлическая валюта, то, как мы видели ранее, вздорожание лампочек соответствовало бы лажу.

Но цены германского рынка также подвергаются воздействию лажа. Для Германии строение цен на лампочки будет совершаться согласно рассмотренной в нашей схеме группе товаров $II_{,1}$, т. е. вывозимых за границу и там не производимых. Цены в Германии вздорожают на величину, меньшую лажа. Если, предположим, лампочки при твердой валюте оценивались в 2 марки, то теперь, при лаже в 50%, та же лампочка будет оцениваться не в 3 марки, а, примерно, в 2,7 марки.

Такую сумму германский импортер получит при продаже лампочек в Россию за 1,8 руб. каждую.

Таким образом, раньше лампочка в России стоила 1 руб., при отсутствии лажа в Германии — 2 руб., теперь — 1,8 руб., т. е. лампочки вздорожают относительно менее величины лажа.

То же можно было бы рассмотреть по отношению ко всем остальным группам товаров. Во всех случаях мы нашли бы влияние обоих лажей, причем в зависимости как от группы товаров, так и от отношения между двумя лажами цены строятся (понижаются и повышаются) различно.

Кроме того, необходимо еще заметить следующее. Международная торговля не ограничивается связью двух стран. В реальной жизни цена того или иного товара складывается в результате торговых связей между рядом стран как с твердой металлической валютой, так и колеблющейся бумажной. Поэтому цена товара на внутреннем рынке подвергается воздействию не только лажа на туземную валюту, но и других многообразных лажей различных валют.

Поэтому предложенная выше схема отнюдь не может считаться конкретным описанием конкретной действительности.

Она дает только руководящие указания для того, чтобы разобраться в сложном явлении взаимного воздействия лажей и товарных цен. Само собой разумеется также, что во всей схеме мы исходим из предположения неизменности всех ценообразующих факторов, кроме ценности самих денег. Это, конечно, является теоретическим допущением, не имеющим конкретного воплощения в реальной жизни.

Данный нами анализ дает характеристику отдельных элементов образования лажа и товарных цен. Реальная же жизнь представляет многообразные комбинации этих элементов. Знание отдельных элементов дает возможность ориентироваться и в их комбинациях.

Ценность бумажных денег, определяемая ценностью представляемого ими металла, находит свое выражение в курсе денег и покупательной их силе. Обе формы выражения ценности денег могут отличаться друг от друга в процессе установления соответствия между ними.

Ясно представить себе этот процесс — значит усвоить себе и теорию ценности бумажных денег и реальное выявление ее, основную тенденцию и конкретное ее воплощение; а только это усвоение дает возможность как ориентироваться в сложных явлениях бумажно-денежного обращения, так и уяснить себе влияние бумажных денег на народное хозяйство.

Глава седьмая

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1

Бумажно-денежное обращение вносит огромнейшие пертурбации в народное хозяйство, причем влияние его на народное хозяйство чрезвычайно разнообразно и сложно. Капиталистическое хозяйство требует прочного, нормально действующего, согласованного во всех своих частях денежного аппарата. Расстройство этого последнего, выражающееся в постоянных колебаниях ценности денежной единицы, вносит крупнейшие изменения в процесс установления товарных цен, дезорганизует народное хозяйство, разрывает народнохозяйственные связи, нарушает правильное течение товарообмена.

Влияние бумажных денег сказывается самым различным образом. Оно сказывается и на народном хозяйстве в тесном смысле этого слова, на производстве и обмене товаров, оно сказывается на положении отдельных участников народнохозяйственного процесса, затрагивая, и притом самым различным образом, интересы разных классов населения, оно сказывается также и на государственном хозяйстве в узком значении этого слова, на государственных финансах.

Влияние это чрезвычайно велико, и уяснить себе его во всем сложном его многообразии можно, только исходя из общей теории ценности бумажных денег, развитой в предыдущей главе.

Но предварительно надо обратить внимание на следующее обстоятельство.

Когда говорят о влиянии бумажных денег на народное хозяйство, разумеют ту стадию в развитии бумажно-денежного обращения, когда начинается падение ценности денежной единицы, возникает лаж и понижается покупательная сила. До этого, т. е. тогда, когда курс бумажных денег равен номинальной их ценности, бумажные деньги в качестве орудий обращения обслуживают товарообмен и особого влияния на народное хозяйство оказывать не могут.

Бумажные деньги, выпущенные в размере потребностей оборота в орудиях обращения, с успехом выполняют эту последнюю функцию и заменяют металл. В этом случае бумажные деньги

имеют даже преимущество перед металлом, не только потому, что они более портативны, более удобны, но и потому, что циркуляция металлов неизбежно связана с совершенно непроизводительными затратами: металл в обращении стирается, а это составляет совершенно ненужную потерю для общества. Поэтому в известном размере, в таком, в каком это вызывается потребностями оборота, бумажные деньги не вызывают дезорганизации народного хозяйства.

Но в том-то и дело, что при выпусках бумажных денег всегда неизбежен переход через грань допустимого.

Потребность народного хозяйства в орудиях обращения чрезвычайно изменчива: рынок требует то большего, то меньшего количества денежных знаков. Бумажно-денежное же обращение не эластично и таковым быть не может.

Бумажные деньги могут быть выпущены в соответствии с потребностями оборота, но через некоторое время могут уже превысить эту потребность, если эта последняя уменьшилась. Излишнее же количество знаков остается в обращении.

С другой стороны, бумажно-денежное обращение неизбежно связано с чрезмерными выпусками денежных знаков.

И это происходит не только потому, что, как обычно утверждают, правительства злоупотребляют выпуском бумажных денег: соблазн де легкого способа увеличения финансовых ресурсов государства посредством выпусков бумажных денег так велик, что ни одно правительство не может не поддаться ему.

Неизбежность все новых и новых выпусков бумажно-денежных знаков кроется в самом их экономическом и финансовом эффекте.

Первое заключается в следующем. Раз выпущенные бумажные деньги крепко оседают и остаются в каналах денежного обращения. Выпущенное количество, соответствующее теперь требованиям оборота, спустя даже короткое время, может оказаться чересчур большим в сравнении с изменившимися условиями товарообмена. Это обстоятельство ведет к падению ценности бумажных денег. Обнаруживается тенденция к повышению товарных цен, т. е. денежного выражения ценностей товаров. Это же обстоятельство вызывает необходимость в еще большем количестве орудий обращения.

Конечно, если бы повышение цен сразу и в одинаковой мере охватило все товары, то необходимости в еще большем количестве орудий обращения не обнаружилось бы. Но так как повышение товарных цен происходит постепенно как по времени, так и по месту, то наблюдается на первый взгляд чрезвычайно странное и непонятное явление: несмотря на в общем большой выпуск денег, то в одном месте, то в другом ощущается недостаток в денежных знаках. Возникает потребность, по существу временная и фиктивная, в новых выпусках денежных знаков. Государству

приходится эту потребность удовлетворить. Потребность эта преходяща, но, раз выпущенные, бумажные деньги остаются в каналах денежного обращения.

Постоянно обнаруживающийся недостаток денежных знаков, «безденежье» при огромных их выпусках определяется еще тем, что бумажно-денежное обращение дезорганизует, вернее перерождает, самый характер товарооборота. Процесс передвижения товаров и денег из одной местности в другую, от одних групп населения к другим и т. д. принимает отличный от обычного времени характер.

Описанное наблюдалось во всех странах во время бумажно-денежного обращения; на первый взгляд парадоксальное явление: огромные выпуски денежных знаков и обнаруживающийся то здесь, то там недостаток в денежных знаках.

По поводу бумажных денег, выпущенных Конфедерацией Южных Штатов, Шваб писал:

«Парадокс, что продолжающиеся выпуски нот создают еще большую в них нужду, еще более повышая цены на товары и делая их почти недоступными для держателей нот, редко признавался. Потребность торговли в орудиях обращения не удовлетворялась, несмотря на чрезмерный их выпуск Конфедерацией, т. е. точно так же, как это наблюдалось в то же время на Севере и как это всегда случалось в нашей истории в периоды приостановки размена. При таких условиях спрос на большее количество орудий обращения был всегда неизбежен и неустраним.

История ассигнат во Франции представляет поучительную параллель. Постоянно слышатся жалобы на недостаток орудий обращения и требование новых их выпусков, особенно для мелкого оборота. Такие же жалобы раздавались и в Австрии в 50-х годах и в России в последующее десятилетие. Везде одна и та же история: неразменные бумажные деньги поднимают цены, оборот требует, что и удовлетворяется, новых выпусков, с чем связано дальнейшее повышение цен» [1].

То же явление безденежья проявлялось в России уже в середине 1915 г., осенью 1917 г., затем уже после Октябрьской революции это явление становится почти хроническим, затрагивая то больший, то меньший район.

В Германии явление «безденежья» наблюдалось также почти все время. Особенно в обостренной форме это явление наблюдалось с середины 1923 г., т. е. как раз тогда, когда выпуски бумажных марок достигли астрономических величин.

Вторым обстоятельством, вызывающим необходимость и неизбежность усиленных вновь и вновь повторяющихся выпусков бумажных денег, является постепенное ослабление напряжен-

[1] «The Confederate States of America», p. 147 (цит. по кн.: Charles A. C o n a n t. The Principles of Money and Banking. N. Y.—L., 1905, p. 418, 419).

ности финансового эффекта бумажных денег. Это означает следующее.

Результаты выпуска бумажных денег с финансовой точки зрения, с точки зрения государственного казначейства, двояки: с одной стороны, выпуская бумажные деньги, государство извлекает средства из народного хозяйства; с другой же стороны, вследствие падения ценности бумажных денег доходы государства, оставаясь неизменными по своей номинальной ценности, реально по своей покупательной способности уменьшаются.

В самом деле. Положим, государство по своему ординарному бюджету получает 1 млрд. руб.; с падением ценности бумажных денег на 20% реальный, фактический доход его падает до 800 млн. руб. Это обстоятельство увеличивает нужду государства в средствах; обострение нужды вызывает необходимость в новых выпусках бумажных денег.

С новыми выпусками повторяется то же самое. . .

Так, и вследствие экономического своего эффекта, и вследствие чисто финансовых результатов количество бумажных денег, выпускаемых государством, становится все большим и большим, далеко оставляя за собой действительную потребность народного хозяйства в орудиях обращения.

История бумажных денег последнего десятилетия дает яркую иллюстрацию сказанного. Темп выпуска бумажно-денежных знаков, ослабляясь по временам, в общем все более и более увеличивался. Это объяснялось как тем, что вследствие понижения ценности денег государство могло извлекать ту же сумму ценностей только выпуском все больших количеств денежных знаков, так и тем, что, несмотря на огромные выпуски бумажных денег, почти все время в том или другом объеме в той или иной местности сказывалось «безденежье».

Поэтому неслучайно, что государство, раз вступив на путь бумажно-денежного обращения, все более и более запутывается в его сетях. «Коготок увяз — всей птичке пропасть».

Опасность вступления на путь бумажно-денежного обращения всегда сознавалась и сознается правительствами всех стран, почему обыкновенно первые выпуски сопровождаются торжественным обещанием не выпускать более бумажных денег. Но обещать легче, нежели обещание выполнить. Обещания эти никогда не выполнялись, и не только потому, вернее, не столько потому, что выполнить обещание правительства не желали, сколько потому, что эти обещания всегда объективно невыполнимы. Прекратить выпуски бумажных денег можно только посредством окончательной ликвидации бумажно-денежного обращения.

Бумажно-денежное обращение в самом себе, таким образом, носит элементы, побуждающие пускать в обращение большее количество денежных знаков, чем это вызывается потребностями народнохозяйственного оборота. Бумажно-денежное обращение связано

с «чрезмерным», как говорят, количеством орудий обращения. «Чрезмерность» же количества орудий обращения, связанная с падением и колебанием ценности денежной единицы, оказывает определенное влияние на народное хозяйство.

Каково же это влияние?

Попытаемся определить его отдельно, во-первых, с точки зрения народного хозяйства, в тесном смысле этого слова, производства и обмена товаров; во-вторых, с точки зрения интересов отдельных участников народного хозяйства и, наконец, в-третьих, с точки зрения государственных финансов.

2

Влияние бумажно-денежного обращения сказывается уже на основной ячейке капиталистического хозяйства, на отдельном предприятии. Организация отдельного предприятия приобретает особый характер, новые очертания, видоизменяющие всю его работу и деятельность.

В нормальных условиях основанием, базой деятельности каждого капиталистического предприятия является правильно поставленная к а л ь к у л я ц и я. Без правильной калькуляции капиталистическое предприятие жить, расти и развиваться не может. Более или менее точный расчет, основанный на знании законов капиталистического производства, издержек производства, себестоимости продуктов, возможных продажных цен и т. д., является необходимым жизненным нервом для предприятия. При бумажно-денежном обращении с его постоянным колебанием ценности денежной единицы такая калькуляция немыслима.

Следует подчеркнуть, что не само понижение ценности денег, а именно, их к о л е б а н и е является причиной невозможности правильных расчетов; бумажно-денежное же обращение как раз характеризуется постоянным колебанием ценности денежной единицы. Основная тенденция выражается в падении ценности денег, но, в зависимости от различных условий товарообмена, нужды оборота в денежных знаках и т. д., ценность денег постоянно то повышается, то понижается, следовательно, цены товаров (денежное выражение их ценностей) то увеличиваются, то уменьшаются.

Повышение товарных цен — основная тенденция, которая полностью проявляется через известный промежуток времени; в движении же, в процессе всегда замечается колебание вверх и вниз товарных цен.

При колебании же товарных цен говорить о возможности расчетов и правильной калькуляции, конечно, не приходится.

В капиталистическом хозяйстве цена товаров слагается из издержек производства и средней нормы прибыли. Но вычисление цен на этом основании возможно только в условиях нормаль-

ного денежного обращения, т. е. денежного аппарата с единицей устойчивой ценности. В условиях же бумажно-денежного хозяйства такое исчисление цен невозможно.

«Если бы в системе эмиссионного хозяйства, — справедливо пишет С. А. Фалькнер, — какое-либо частнокапиталистическое предприятие или общественно-хозяйственное учреждение захотело бы так (по принципу себестоимости. — *И. Т.*) исчислить цены производимых (или препровождаемых им в порядке торговли или снабжения) товаров, то оно быстро потерпело бы крушение за исчерпанием оборотных средств. На фоне общего повышения цен других товаров, а стало быть при постоянном повышении издержек производства данного товара, исчисление его меновой ценности по принципу себестоимости неизбежно должно привести к приостановке производственного процесса. Сумма, вырученная по реализации товара в конце первого производственного периода и покрывающая расходы, произведенные в начале его, должна, за общим повышением цен, оказаться явно недостаточной в начале второго производственного периода. В то время как в привычных условиях денежного обращения денежные издержки на воспроизводство товара нормально тождественны с издержками производства его или лишь незначительно отличаются от последующих, колебля в ту или иную сторону норму прибыли, — в системе эмиссионного хозяйства денежные издержки воспроизводства систематически и весьма значительно разнятся от издержек его производства в сторону превышения последних, и очень часто, при продолжении производственного процесса, затрагивают не только прибыль, но и оборотный капитал предприятия.

. . . При этих условиях перед капиталистическим предприятием системы свободной конкуренции встает задача такого перечисления цен обмениваемых товаров, которое могло бы сохранить их жизнеспособность и деятельность дальнейшего воспроизводства».

Поэтому «в системе эмиссионного хозяйства цены всех капиталистически-производимых товаров имеют тенденцию строиться на основе умножения капиталистических издержек производства на среднюю норму обесценения денежной единицы за время производственно-менового обращения капитала» [2].

[2] С. А. Фалькнер. Проблема нормирования цен в системе эмиссионного хозяйства. Сборник статей. Экономика и политика твердых цен. М., 1918, стр. 12 и сл.

В связи с приведенным С. А. Фалькнер подчеркивает чрезвычайно важное обстоятельство, о котором нам придется еще говорить. Так как «осуществление повышения товарных цен до указанного доступно группам социально-господствующим» и не под силу группам социально-слабым «подчиненным», то поэтому «условия эмиссионного хозяйства приводят к сложению всей тяжести финансирования государственного аппарата на плечи этих последних, социально-слабых групп. . .» Это выражается в общеизвестном факте отставания роста заработной платы от роста товарных цен, приводит к постоянной погоне заработной платы за все дальше ускользающими товарными ценами.

Эта средняя норма обесценения, определяемая ощупью, не может быть вполне точно исчислена, а это ставит непреодолимые препятствия для калькуляции, создает предпосылки для спекулятивных цен.

Отсюда же вытекает и этим непосредственно обусловливается то, что при ведении предприятия усиливаются элементы р и с к а, с п е к у л я ц и и. И при нормальном ходе дел всякому капиталистическому предприятию свойственны и риск, и спекуляция. Но при бумажно-денежном обращении эти элементы усиливаются и начинают превалировать над другими моментами, определяющими деятельность предприятия.

В конце концов, элементы риска становятся так велики, что рост промышленности начинает приостанавливаться вследствие замедления прилива капитала.

«К элементам, по которым предприниматель высчитывает прибыль от своего предприятия, — говорит Конэнт, — присоединяется еще новый: неизвестность, вытекающая от колебания денежной единицы, и возможное изменение в курсе денег, совершенно недоступное для правильного расчета. Многие предпочитают воздержаться от производства и связанного с ним риска. Другие, в особенности крупные капиталисты, помещают свои деньги за границей, как это сделали, например, капиталисты в Нью-Йорке в 1862 г. после введения там неразменных бумажных денег».

Это же наблюдалось в огромном масштабе в последнее десятилетие в Германии, откуда в колоссальных размерах эмигрировал капитал в страны с твердой валютой. В точности неизвестна сумма вывезенного капитала, во всяком случае, она исчислялась миллиардами.

Это обстоятельство, само собой разумеется, имеет большое значение и оказывает чрезвычайно отрицательное влияние на развитие народного хозяйства.

Во время господства бумажно-денежного обращения обыкновенно замечается промышленный ажиотаж; на первых взгляд кажется, что промышленность развивается, предприятия растут, но более глубокое рассмотрение вопроса с очевидностью показывает иллюзорность, призрачность этого роста: за увеличением денежного выражения ценностей товаров, ведущим к чрезвычайному раздутию счетов, балансов и т. д., не замечают фактического, реального понижения ценности производства.

Прилив капиталов замедляется, а замедление прилива капиталов означает не только приостановку роста промышленности, но и ее регресс, ибо если народное хозяйство не развивается, оно деградирует; отсутствие развития означает падение.

Капиталы перестают притекать в промышленность, а если и вливаются, то отдают предпочтение производствам, характеризующимся, во-первых, относительно большим оборотным капиталом в сравнении с основным и, во-вторых, низким строением

капитала, т. е. таким, при котором затраты на постоянный капитал относительно ниже затрат на капитал переменный, затраты на машины, строения, сырье и т. д. составляют относительно меньшую величину, чем затраты на заработную плату.

Первое происходит по следующей причине. При бумажно-денежном обращении всякая предварительная затрата рискованна, и этот риск будет тем большим, чем дольше тот срок, в течение которого эти затраты возвращаются, реализуются. Риск вложения капиталов на приобретенние машин, постройку зданий и т. д. гораздо больший, нежели риск затраты на покупку сырья или рабочей силы. Стоимость машин, зданий возвращается только постепенно и в течение довольно продолжительного времени, стоимость сырья и рабочей силы возвращается сравнительно очень быстро [3].

Второе предпочтение, отдаваемое производствам с низким строением капитала, с относительно большим переменным капиталом в сравнении с постоянным, объясняется тем, что цена товара — рабочей силы, как было указано в предыдущей главе, всегда отстает в своем росте от возвышения цен других товаров. Поэтому относительно большая затрата на рабочую силу означает для предприятия сравнительное понижение издержек производства и повышение нормы прибыли.

Поэтому всякие усовершенствования, связанные с улучшением техники производства, но связанные с затратами на дорогостоящие машины, орудия производства, заводские строения, не могут иметь широкого распространения. В этом смысле бумажно-денежное обращение ставит препятствие техническому прогрессу производства, а следовательно, задерживает развитие производительных сил.

В обычное время, как известно, предприятия с высоким строением капитала, относительно большим постоянным капиталом имеют преимущество перед предприятиями с низким строением капитала, с относительно большим переменным капиталом; во время бумажно-денежного обращения, как раз наоборот, замечается регресс в росте высокоразвитых и распространение от-

---

[3] Этому отнюдь не противоречит то обстоятельство, что при бумажно-денежном обращении наблюдается обыкновенно стремление к приобретению всякого рода недвижимого имущества. Надо делать различие между затратами для производственных целей, как это имеет место при постройке фабричных зданий, приобретении машин и т. д., и затратами, имеющими целью исключительно сохранение богатства. Бумажные деньги не являются средством сохранения ценностей, и превращением их в недвижимые имущества достигаются цели сохранения. Этим, между прочим, объясняется и то обстоятельство, что цены на недвижимые имущества в это время возрастают значительно сильнее, чем фактически получаемый доход с них. Покупка недвижимого имущества, например дома, имеет непосредственной своей целью не получение дохода, а сохранение богатства. Цены в этом случае могут быть выше капитализированной ренты.

сталых, с точки зрения капиталистического хозяйства, производств.

Среднее органическое строение всего общественного капитала понижается, а это обозначает регресс в развитии народного хозяйства. Основные тенденции капиталистической системы задерживаются в своем развитии.

Неодинаковость и неодновременность возвышения товарных цен при бумажно-денежном обращении, на что подробно указывалось в предыдущей главе, ведут к ненормальному, не вызываемому никакими объективными обстоятельствами, развитию отдельных отраслей промышленности в ущерб другим, чрезмерному вздутию их, полному крушению пропорциональности между различными отраслями народного хозяйства.

При бумажно-денежном обращении интересы момента превалируют над интересами постоянными, интересы сегодняшнего дня заслоняют заботы о будущем. Неизвестность будущего парализует предпринимательскую энергию и широко открывает дорогу спекуляции, хищничеству.

Нарушению пропорциональности различных отраслей народного хозяйства, ненормальному и общими народнохозяйственными интересами не вызываемому развитию отдельных производств способствует еще следующее обстоятельство — непосредственный результат бумажно-денежного обращения.

В предыдущей главе при рассмотрении вопроса о влиянии лажа на товарные цены было указано, что в ряде случаев, по отношению к ряду товаров, лаж, повышающий цены товаров заграничного производства, повышает цены и на внутреннем рынке.

Товары, которые привозятся из-за границы, но производятся и внутри страны, повышаются в своей цене; причем повышение это для ввозимых товаров является непосредственным результатом существования лажа на золото; это же дает возможность повысить и цены продуктов внутреннего производства, что непосредственно не вызывается ни условиями призводства, ни увеличением издержек производства, ни повышением себестоимости продукта. Возможность возвышения товарных цен обусловливается исключительно существованием орудий обращения, падающих в своей ценности. Таким образом, лаж играет как бы роль покровительственной пошлины.

Правда, необходимо отметить, что эта пошлина имеет временный характер: постепенно, с распространением вздорожания товарных цен, повысятся, очевидно, и издержки производства, и тогда, следовательно, эффект лажа как покровительственной пошлины исчезает.

Но, во-первых, прекращение действия этой пошлины обусловливается стабилизацией лажа; если же лаж обнаруживает постоянную и непрекращающуюся тенденцию к повышению, то

воздействие его как пошлины продолжается. Во-вторых, что имеет не меньшее значение, один из элементов издержек производства, издержки на заработную плату, в своем возвышении всегда отстает от подъема товарных цен. Вот почему влияние лажа как покровительственной пошлины сохранит в течение весьма продолжительного времени свое значение.

Кстати, не мешает здесь же отметить, что воздействие лажа как покровительственной пошлины обнаруживается сильнее для тех производств, где переменный капитал (затраты на рабочую силу) составляет относительно большую величину.

Товары, вывозимые за границу, но там и производимые, также возвышаются в своей цене благодаря лажа; причем и это возвышение отнюдь не вызывается условиями производства этих товаров, увеличением себестоимости их, а исключительно бумажно-денежным обращением.

По отношению к первой группе товаров было указано, что лаж действует как покровительственная пошлина, по отношению же ко второй группе лаж действует как экспортная премия.

Можно как угодно относиться к пошлинам. Можно быть противником покровительственных пошлин и экспортных премий, можно быть и их сторонником. Но во всяком случае едва ли можно защищать пошлины, постоянно колеблющиеся, неустойчивые, неопределенные в своей величине.

Ведь величина этой «пошлины» всецело определяется курсом бумажных денег. Курс же этот постоянно колеблется. Следовательно, и величина пошлины постоянно колеблется. Такого рода «пошлина» еще более усиливает невозможность правильной калькуляции, без чего целесообразное функционирование предприятий совершенно невозможно.

С другой стороны, так как эта «пошлина» действует не на все товары, и не в одинаковой степени на все товары, то неизбежно создается несоответствие между различными отраслями промышленности, усиливается диспропорциональность между отдельными отраслями народного хозяйства.

Причем, преимущества получают не те отрасли народного хозяйства, которые являются с народнохозяйственной, государственной точки зрения наиболее полезными, заслуживающими, быть может, покровительства. Покровительство тем или иным отраслям промышленности принимает случайный характер, оно совершенно ускользает от воли государства.

Развитие одних отраслей хозяйства, гибель других совершается случайно по воле стихий, не поддающихся никакому воздействию человека.

Объем капиталистического производства, размеры его развития в конечном счете определяются емкостью рынка. Сужение этой емкости, уменьшение покупательной мощи населения, непосредственно отражается на производстве. Результатом бумажно-

денежного обращения бывает как раз уменьшение сбыта, сужение емкости рынка.

Уже само по себе вздорожание товаров, повышение товарных цен как результат понижения ценности денег ведет к сокращению потребления, ослаблению покупательной способности населения.

К этому надо прибавить, что рост товарных цен иногда в отдельных отраслях народного хозяйства бывает даже большим, чем это вызывается падением ценности денег.

Кроме того, рост товарных цен является результатом не только вздорожания издержек производства, но и спекуляции, непосредственно обусловливаемой бумажно-денежным обращением.

«Все сделки, — пишет Н. Бунге, — становятся шаткими и неверными, вместо правильного расчета начинает царить необузданная спекуляция — стремление обогатиться за счет чужого разорения. Картина эта мрачна, но действительность бывает ужаснее»[4].

Неуверенность в будущей ценности денег не только служит почти непреодолимым препятствием для установления твердых, устойчивых, постоянных цен, но вызывает у продавцов стремление продавать дороже того, чем это иногда вызывается необходимостью, чтобы заранее компенсировать себя за возможные, а может быть и неизбежные, убытки в будущем. Наблюдается какая-то вакханалия цен. Установление планомерного частного бюджета становится невозможным.

«Колебания денежной единицы, — пишет Гок, — имеют глубокое влияние на ход дел и на образ жизни. Они могут быть охарактеризованы немногими словами: страна, в которой происходят эти колебания, обращается постепенно в биржу с ее спекуляторами. Большие выигрыши и потери, ускользающие от всякого вычисления, принуждают всех, которые не удаляются вполне от дел, к некоторому легкомыслию в образе их ведения, а в домашней жизни человек, который невзначай получает и теряет сотни, не будет торговаться о гульденах и крейцерах. Быть может, что такое хозяйство способствует также живости оборота и величине сбыта, но вред, причиняемый этим характеру и богатству народа, несомненен» [5].

Все эти обстоятельства, дороговизна как результат чрезмерного выпуска денежных знаков, усугубляемая привхождением элементов риска при ведении предприятий, осложняемая широким распространением спекуляции, усиливаемая существованием различных, не согласованных друг с другом, постоянно изменяющихся в своей величине пошлин, ведет с неотвратимой неизбежностью

[4] Н. Бунге. О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Киев, 1878, стр. 3.

[5] К. Гок. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Киев, 1865, стр. 310.

к чрезвычайному понижению покупательной способности населения. Это происходит тем более, что трудовые доходы во всяком случае при всех условиях не повышаются в той мере, в какой возвышаются товарные цены.

Само собой разумеется, уменьшение покупательной способности населения ослабляет тот фундамент, на котором покоится, в конце концов, весь производственный механизм.

3

Влияние бумажных денег на обмен, на торговлю как внутреннюю, так и внешнюю, тоже весьма значительно. И влияние это сказывается приблизительно в тех же формах, в каких оно проявляется на производстве.

Падение ценности денежной единицы, вернее, постоянное ее колебание, делает невозможной и в области торговли правильность расчетов и калькуляции. Всякая торговая сделка сопровождается для всех ее участников риском. Преобладающим моментом торговой деятельности становится спекуляция. Правда, спекуляция в условиях капиталистического хозяйства всегда в той или иной мере свойственна торговле, но при бумажно-денежном обращении торговля почти целиком сводится к спекуляции.

Торговля принимает неустойчивый характер. Устойчивость оборота, товарообмена в условиях денежного хозяйства возможна только в том случае, если орудие обращения представляет постоянную, устойчивую ценность. Еще Маклеод говорил, что «первое условие, которое должно выполнить вещество, употребляемое в качестве денег, есть устойчивость в ценности, и чем более эта устойчивость приближается к неизменяемости, тем лучше. Так как денежные знаки составляют не только выражение услуг, причитающихся владельцу этих знаков, но также и мерило массы этих услуг, то, очевидно, очень важно было бы, чтобы одно и то же количество золота всегда было способно купить одно и то же количество услуг; другими словами — чтобы ценность денег всегда была однообразна». Если в качестве орудия обращения выступает металл, то для устойчивости товарообмена требуется, чтобы этот металл обладал более или менее постоянной ценностью; если вместо металла в качестве орудия обращения циркулируют какие-либо знаки, его символы, для устойчивости оборота требуется, чтобы эти знаки, символы, являлись всегда представителями одного и того же количества металла, «настоящих денег». В противном случае оборот устойчив быть не может; нормальному развитию торговой деятельности ставятся такие препятствия, которые или задерживают это развитие или искажают его характер.

В самом деле, если в промежутке времени между покупкой товаров и их продажей произошло изменение ценности денег, причем изменение, которое не может быть с точностью преду-

смотрено заранее, естественно невозможны правильные торговые предположения и расчеты.

Еще в большей мере неустойчивость торговли, отсутствие в ней планомерности, проявляется при кредитных сделках.

Если ценность денежной единицы колеблется, то при ликвидации кредитной сделки какой-либо из ее контрагентов неожиданно несет потери: или должник платит больше, чем это он обязан, или же кредитор получает меньше, чем он имеет право требовать, чем он предполагал. Чаще, конечно, теряет кредитор, ибо основная тенденция бумажно-денежного обращения заключается в падении ценности денежной единицы.

Л. Федорович правильно замечает, что при господстве бумажно-денежного обращения мы встречаемся с тем случаем, когда платеж в юридическом смысле не совпадает с платежом в смысле экономическом.

«Платеж, следовательно, есть «передача должного количества благ с целью, чтобы лицо, обязанное платежом, освободилось от своего обязательства; лицо же, имеющее требование, нашло бы себя удовлетворенным по отношению к этому требованию» (K. Knies. Das Geld, S. 270). А так как, по общему правилу, ценности обмениваются только на равноценности, то количество ценностей, передаваемых в виде платежа, с экономической точки зрения имеет одинаковое значение для обеих участвующих в сделке сторон.

В юридическом смысле платежом называется передача в уплату долга таких предметов, которые закон признает платежным средством. Так как назначение закона состоит в том, чтобы санкционировать отношения, возникшие из течения самой жизни, то платеж в экономическом и платеж в юридическом смысле совпадает во всех случаях, где закон соответствует этому назначению. Это бывает при признании законом качества законнного платежного средства за полноценными золотыми и серебряными деньгами. Золото и серебро составляют по своей природе деньги, и закон, признавая их платежным средством, гарантирует лишь за ними выработанное жизнью качество: и без этого признания драгоценные металлы не переставали бы служить деньгами. Признавая за банковыми билетами, в случае добровольного их приема, силу освобождать от заключенных ранее обязательств, закон также санкционирует только установленные жизнью отношения на основании правила statistico pro solutione est.

Иначе с бумажными деньгами: заставляя принимать их принудительно вопреки желанию лица, обладающего правом требования, и, независимо от их хозяйственного значения, закон не обращает внимания на то, что в данном случае экономическое и юридическое значение платежа совпадает только для лица обязанного. Для управомоченного же такая уплата может иметь совершенно иное значение: про «satisfactio» здесь вовсе нет

речи» [6]. В этом случае получается то же, как если бы закон объявил: «Все долги или такая-то часть признаются уничтоженными».

Если бумажные деньги признаются «законным платежным средством» или «средством, освобождающим от заключенных обязательств», то это значит, что хотя платеж ими не является настоящим платежом в экономическом смысле, т. е. возратом равноценности, но в юридическом смысле таковым считается, а это значит, что кредитор лишается права требования платежа в экономическом смысле и должен удовлетвориться платежом в юридическом смысле. Его право требования настоящего хозяйственного платежа не защищается законом. Таким образом, при расплате бумажными деньгами (когда происходит понижение их ценности) происходит не уплата долга, а освобождение от некоторой части долга.

Ясно, конечно, что такое положение, в которое становится кредитор (а иногда и должник), едва ли может способствовать развитию и распространению кредитных сделок.

Бумажно-денежное обращение суживает кредит, задерживает его развитие, препятствует его распространению.

Интересно отметить, что это обстоятельство в известном смысле дает иногда и положительные результаты. Сжатие кредита увеличивает потребность народного хозяйства в орудиях обращения, почему оборот в состоянии «занять» большее количество бумажно-денежных знаков; падению их ценности ставятся, таким образом, некоторые ограничения. Если бы кредит продолжал развиваться, то же количество выпущенных бумажных денег вызвало бы большее понижение их ценности, чем это происходит тогда, когда кредит суживается.

В начале войны, как мы уже указывали, когда Россия вступила на путь бумажно-денежного обращения, когда бумажных знаков было выпущено в огромном количестве, в течение некоторого времени не замечалось сильного понижения ценности денег, вздорожание товарных цен далеко отставало от роста количества денежных знаков. Это объяснялось тем, что в начале войны кредитный аппарат потерпел большое расстройство, кредитные сделки почти прекратились, сделки начали заключать преимущественно на наличные.

Бумажно-денежное обращение связано с падением ценности денежных знаков, но, с другой стороны, суживая кредит, оно само создает препятствия этому падению, вызывает противоречивые тенденции. Но, само собой разумеется, эти противоположные тенденции не в силах, в конце концов, удержать ценность бумажных денег от падения.

---

[6] Л. Федорович. Теория денежного и кредитного обращения. Одесса, 1888, стр. 494, 495.

Кредитное обращение вследствие бумажно-денежного обращения суживается; поскольку же кредитные сделки совершаются, постольку они несколько изменяют свой характер.

В общем и целом при кредитных сделках чаще всего, почти постоянно, теряет кредитор; риск почти целиком ложится на кредитора. Риск может быть оплачен, перенести риск на должника кредитор может только посредством увеличения процента. Увеличением процента кредитор вознаграждает себя за возможные потери при ликвидации сделки, потери, обусловливаемые падением ценности бумажных денег. Вот почему при господстве бумажно-денежного обращения кредит становится дорогим. Вздорожание же кредита не является, конечно, обстоятельством, способствующим развитию народного хозяйства.

Все сказанное в одинаковой степени относится как к торговле внутренней, так и к торговле внешней. Но применительно к последней необходимо отметить еще кое-какие обстоятельства.

Как известно, в сфере международной торговли при расплатах большую роль играют векселя. Вместо пересылки золота по международным платежам, стоящей весьма дорого и сопряженной всегда с некоторым риском, употребляют векселя.

Если, например, какому-либо русскому купцу надо уплатить английскому, он вместо пересылки золота может приобрести на русском рынке вексель на Англию, переслать его своему кредитору и таким путем погасить свое обязательство.

Вексель пишется на определенную сумму, но купцу выгоднее заплатить за вексель даже больше валюты его, лишь бы не пересылать золота, что сопряжено с издержками; во всяком случае за вексель выгодно заплатить больше валюты в размере такой суммы, которая не превышает расходов по переотправке золота за границу (стоимость пересылки, страхование т. д.).

С другой стороны, и владельцам векселей может быть выгодным продать их за сумму ниже валюты, лишь бы не обращаться к пересылке золота.

Цена векселя, следовательно, может и не равняться его валюте. В зависимости от стоимости пересылки золота, в зависимости от срока векселя, что должно, конечно, учитываться, цена векселя может быть и выше и ниже его валюты. Цена векселя колеблется, и она при прочих равных условиях определяется спросом и предложением их [7].

Цена векселя, выраженная в иностранных денежных единицах, или же цена иностранного векселя, выраженная в туземных

[7] При расплате по международным платежам приходится сравнивать денежные единицы разных стран. Если в странах, между которыми происходят меновые сношения, одинаково господствует золотая валюта, то отношение между денежной единицей одной и другой страны равно, очевидно, отношению между весом металла, содержащегося в этих денежных единицах. Соотношение между денежными единицами называется их паритетами.

денежных единицах, называется вексельным курсом. Вексельный курс, очевидно, колеблется. Прежде всего он никогда не может быть равен самой валюте векселя. В зависимости от срока векселя, величины учетного процента, вексельный курс отклоняется от валюты векселя. Если срок платежа по данному векселю в 300 ф. ст. наступает только через полгода, а учетный процент равен 5, то курс векселя будет, очевидно, равен 292,5 ф. ст.

Но вексельный курс может быть и не равен 292,5 ф. ст. Если спрос на английские векселя превосходит их предложение, вексельный курс будет выше (предположим, равен 292,8 ф. ст.), в противном случае, если предположение векселей превосходит спрос на них, курс будет ниже (предположим, равен 292,2 ф. ст.).

Но колебание вверх и вниз имеет известные пределы: вексельный курс может быть выше или ниже только на сумму, составляющую стоимость пересылки наличных денег. Пределы колебаний вексельного курса называются золотыми точками: высший предел — верхний золотой точкой, низший — низшей золотой точкой. Колебания вексельного курса, ограниченные золотыми точками, постоянны, но, очевидно, не так значительны.

Так характеризуется движение вексельных курсов в том случае, когда мы наблюдаем сношения между странами с одинаковым металлическим золотым обращением. Но если в одной из этих стран господствует бумажно-денежное обращение, то к факторам, определяющим амплитуду колебания вексельного курса, надо прибавить еще изменение самой ценности бумажно-денежной единицы.

Амплитуда колебания будет невелика, ограничена золотыми точками, если в обеих сравниваемых странах устойчивая денежная единица, если между денежными единицами обеих стран существует определенное постоянное соотношение, например, между английской и русской денежной единицей соотношение определенное: 100 ф. ст. равно 945,78 руб., но это соотношение сохраняется только в том случае, если рубль остается равным 17,424 доли чистого золота.

Но при водворении бумажно-денежного обращения в России рубль перестает быть равным 17,424 доли чистого золота, и вместе с тем указанное постоянное соотношение исчезает.

Количество золота, которое представляется бумажным рублем, не только становится меньшим 17,424 доли, но превращается в величину весьма неопределенную, постоянно колеблющуюся. В таких условиях никакого значения не имеют ни легальный паритет, ни золотые точки.

Колебания вексельного курса достигают крайних размеров, и, что особенно надо подчеркнуть, колебания эти весьма неопределенны, беспорядочны, непредвидимы.

Правильные регулярные торговые сношения с заграницей становятся вследствие этого совершенно невозможными; нала-

живание торговых связей наталкивается в этом случае на почти непреодолимые препятствия; прочность наладившихся торговых связей уничтожается.

Кроме того, колебание ценности бумажно-денежной единицы создает возможность особого вида торговли, особой спекуляции денежными знаками. Колеблющиеся в своей ценности денежные знаки становятся, в особенности для нужд международного обмена, прекрасным объектом спекуляции. Приобретать денежные знаки тогда, когда потребность в них уменьшается и, следовательно, курс их понижается, с тем, чтобы продать их тогда, когда спрос на деньги увеличивается и, следовательно, курс их повышается, — является небезвыгодным делом.

С другой стороны, можно и искусственным образом сдерживать предложение бумажно-денежных знаков путем их сознательной «задержки» или же внезапно усиливать их предложение для того, чтобы создавать возможность получения спекулятивных прибылей.

Спекуляция с бумажно-денежными знаками, курс которых колеблется, замечалась везде и во все эпохи бумажно-денежного обращения.

В качестве примера можно указать на спекуляцию в 90-х годах прошлого столетия с русским рублем, получившую особенно большое развитие на берлинской бирже. Потребность в русских рублях не всегда была одинакова. Осенью, когда хлеб вывозился из России в Германию, спрос на рубли усиливался: курс рубля повышался. Весной же, наоборот, спрос уменьшался, и курс рубля понижался. Выгодно было скупать рубли весной с тем, чтобы осенью их сбывать.

Такую же спекуляцию в огромном масштабе вели с германской маркой и австрийской кроной в течение почти всего последнего десятилетия. В эту спекуляцию были вовлечены самые разнообразные широкие круги населения как в Германии и в Австрии, так и за границей [8].

Спекуляция, в особенности если она усиливается искусственными мерами, вызывает еще большее колебание ценности денег, а главное ставит производителей страны, где господствует бумажно-денежное обращение, в зависимость от биржевой спекуляции; а это, конечно, оказывает самое отрицательное влияние на народное хозяйство.

Выше мы указывали на то, что бумажно-денежное обращение суживает кредит, делает его дорогим. В некоторых же случаях оно ставит непреодолимые препятствия для кредита, что имеет с общей народнохозяйственной точки зрения большое значение.

Последняя стадия капитализма характеризуется тесной свя-

---

[8] Э. Шульце. Развал мирового хозяйства. М.—Пг., Госиздат, 1923, стр. 232 и сл.

зью между отдельными национальными хозяйствами, созданием хозяйства мирового. Последнее же вызывает и в свою очередь обусловливается процессом интернационализации капитала, его передвижением, эмиграцией и иммиграцией капитала из страны в страну.

Приблизительно со второй половины XIX в., а в особенности с начала XX, получает широкое развитие и приобретает особое значение деятельность финансового капитала, которая проявляется, между прочим, и в экспорте капиталов. Страны, богатые капиталом, в которых процесс капиталообразования идет быстрым темпом, экспортируют капитал в денежной форме в страны более бедные.

Вот этому передвижению капитала бумажно-денежное обращение ставит преграды и препоны.

Бумажно-денежное обращение с его постоянным колебанием курса денежной единицы препятствует иммиграции капитала. А для стран, относительно бедных, отставших в своем экономическом развитии, она имеет существенное значение.

Вот почему в отрицательном отношении к бумажно-денежному обращению одинаково сходятся страны, экспортирующие капиталы, и страны, его импортирующие; обе страны одинаково заинтересованы в уничтожении такого обращения.

В России, говорит Гельферих, введение и упрочение золотой валюты прежде всего преследовали цель сделать возможным особенно обильное привлечение иностранных капиталов.

Сказанным определяется в общих чертах влияние бумажно-денежного обращения на народное хозяйство в тесном смысле этого слова, на производство и обмен товаров. Им, конечно, не исчерпывается вопрос, но все наиболее существенное подчеркнуто. Из сказанного совершенно ясно, насколько губительны для народного хозяйства бумажные деньги.

«Каждая страна, — говорит Элерс, — чрезвычайно заинтересована в том, чтобы денежная система находилась в строгом порядке. Кто-то великолепно сравнил деньги, находящиеся в обращении, с кровью, циркулирующей в человеческом теле. Один английский писатель говорит: «Сомнительно, чтобы дурное управление, плохие министры, парламенты и судьи в четверть века могли принести Англии столько вреда, сколько приносят дурные кроны и шиллинги в один год» [9].

4

Огромное влияние оказывает бумажно-денежное обращение и на распределение национального дохода, внося значительные изменения в обычные формы этого распределения, обусловливаемые всем строем капиталистической системы.

[9] Цит. по кн.: А. Гурьев. Реформа денежного обращения. СПб., 1896, стр. 144.

Влияние это определяет степень заинтересованности в бумажных деньгах представителей различных частей национального дохода, основных социальных классов современного общества.

Бумажно-денежное обращение, оказывая разнообразное воздействие на цены различных товаров, затрагивает неодинаково и не в равной степени все классы населения. Некоторым из них бумажные деньги могут приносить даже выгоды. Другие же классы не в одинаковой мере страдают от бумажно-денежного обращения.

Неодинаковость выгод и потерь отдельных классов населения определяется тем, как мы уже указывали, что выпускаемые государством бумажно-денежные знаки только постепенно рассасываются по каналам денежного обращения и оседают в товарном обороте. Эта постепенность процесса вызывает неодинаковость повышения цен разных товаров, изменение соотносительных цен товаров и, следовательно, различие положения собственников этих товаров [10].

Влияние бумажных денег так сложно и многообразно, что интересы различных слоев внутри одного и того же класса могут расходиться, и, с другой стороны, интересы одного и того же класса могут быть различны в разных стадиях развития бумажно-денежной инфляции.

Остановимся на основных социальных классах: представителях землевладения, аграриях (получателях земельной ренты), представителях капитала промышленного, торгового и финансового (получателях прибыли в широком смысле этого слова) и представителях наемного труда (получателях дохода в узком значении этого слова).

Начнем с аграриев. Чем и каким образом этот класс затрагивается бумажно-денежным обращением? Как и в какой мере его интересы нарушаются или же, наоборот, выигрывают?

Вопрос этот можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, в лице аграриев, представителей крупного землевладения, можно видеть сельских хозяев-предпринимателей, ведущих самостоятельное крупное хозяйство, во-вторых, аграриев можно рассматривать как эксплуатирующих свою землю сдачей ее в аренду.

---

[10] «Оборот не может в один прием поглотить весь выпуск денег; только часть оказывается связанной в обороте (благодаря повышению цен), а остаток выталкивается обратно в центральные кассы, из которых деньги снова выпускаются в обращение, и т. д. Этот процесс повторяется до тех пор, пока пропорция между кассовой наличностью всего народного хозяйства и собственно обращением не составит нормальной (для данной страны) пропорции. На основании всего выше изложенного следует прийти к выводу, что выпуск бумажных денег и процесс их постепенного обесценения вызывают параллельный процесс перераспределения наличных хозяйственных благ, в результате чего один оказывается в выигрыше, тогда как другие принуждены нести чувствительные потери» (Вступительная статья С. С. Демосфенова в сб. «Движение биржевых цен на главнейшие продовольственные продукты в октябре, ноябре и декабре 1915 г., сравнительно с 1913—1914 гг.». Пг., 1916, стр. 80, 81).

Поскольку мы будем рассматривать аграриев как получателей арендной платы, постольку придется признать, что их интересы нарушаются бумажно-денежным обращением: земельная аренда носит обыкновенно долгосрочный характер, поэтому при понижении ценности денежной единицы реальная арендная плата понижается. Доходы аграриев, связанных арендными договорами, фактически падают вследствие бумажно-денежного обращения. Как лица, сдающие землю в аренду, аграрии должны были бы относиться отрицательно к бумажно-денежному обращению.

Но существует ряд других причин, вследствие которых аграрии в общем относятся весьма благожелательно к бумажным деньгам.

Как крупные предприниматели, ведущие самостоятельное сельское хозяйство, аграрии выигрывают вследствие повышения товарных цен, которое является неизбежным результатом бумажно-денежной инфляции. Выигрывают они тем более, что одна из частей издержек производства, затрата на рабочую силу, всегда дорожает в меньшей степени, чем готовый продукт сельского хозяйства. А эта часть издержек производства, в особенности в сельском хозяйстве, играет большую роль; затраты на живую рабочую силу в сельском хозяйстве составляют относительно бóльшую величину, чем те же затраты в промышленности [11].

Правда, вместе с тем, как повышение цен распространяется на все товары, в том числе и на рабочую силу, интерес аграриев к бумажным деньгам понижается; но пока остается разница в степени вздорожания различных товаров, аграрии выигрывают.

Поэтому же аграрии заинтересованы в том, чтобы выпуски бумажных денег не приостанавливались, чтобы процесс падения их ценности не прекращался. Аграрии являются сторонниками непрекращающихся выпусков бумажных денег.

Там, где продукты сельского хозяйства являются предметом экспорта, там сельские хозяева выигрывают еще, как экспортеры. Обесценивание денег, лаж на золото действует по отношению к этим товарам как экспортная премия.

Но эта премия, как мы указывали в предыдущей главе, имеет временный характер: как только лаж перестает повышаться, он перестает действовать как экспортная премия. Поэтому как экспортеры, аграрии так же, как и промышленники, в различные моменты бумажно-денежного обращения проявляют неодинаковое

---

[11] См. А. Скворцов. Основы экономики земледелия. СПб., 1900, стр. 9: «капитал постоянный в земледелии не имеет такого значения, как в других видах промышленности, где он нередко играет доминирующую роль в ценности всего производства. . ., земледелец потребляет, относительно произведенной ценности, несравненно больше живого труда, чем промышленник». Там же, стр. 374: «. . . в числе эксплуатируемых им (предпринимателем-землевладельцем. — *И. Т.*) сил, более чем в каком-либо ином роде предприятий, играет роль *живая разумная рабочая сила человека*» (Курсив в источнике. — *Прим. ред.*).

к нему отношение. Пока бумажно-денежное обращение действует как премия на вывоз, экспортеры склонны его поддерживать, но как только лаж перестает действовать как вывозная премия, отношение экспортеров к бумажным деньгам изменяется.

«В Австрии — рассказывает исследователь австро-венгерского банка профессор Силин, — в период 1872—1888 гг. в области денежного обращения доминировало одно постоянное явление: прогрессирующее обесценение австрийской валюты сравнительно с золотом; этого было достаточно для создания обширного контингента лиц, для которых валютная реформа была невыгодной. Как представители сельского хозяйства, так и представители промышленности выигрывали от ухудшения валюты: за ввозимые продукты импортеры получали внутренние деньги, обесценение которых все прогрессировало и за которые можно было получить все меньше денег иностранных, — лаж действовал как протективная пошлина; экспортеры при вывозе продуктов получали иностранные деньги, в обмен на которые внутри страны давалось все больше внутренних денег, — лаж действовал как экспортная премия; наконец, производители и в сельском хозяйстве и в промышленности выигрывали, как должники, оплачивая свои долги номинально той же, но в самом деле все меньшей суммой. Особенно Венгрия, аграрная страна, работавшая на вывоз, получала много благодеяний от экспортной премии, создаваемой лажем, и всегда выступала горячей противницей всяких проектов регулирования валюты» [12], потому что «реформа валюты должна была повредить интересам указанных кругов, хотя бы лаж и не устранялся, а был бы фиксирован на определенной высоте: ведь, для того чтобы лаж действовал как протективная пошлина или как экспортная премия, необходим рост его, прогрессирующее обесценение валюты, а именно это и было бы устранено урегулированием последней» [13].

С конца 80-х годов положение изменилось. Благодаря целому ряду обстоятельств, о которых здесь распространяться не приходится, курс австрийской валюты стал сильно подниматься, лаж на золото начал падать: в 1884—1888 гг. лаж доходил до 20%, в 1887 г. — до 27,5%, в 1888 г. — до 22,9% в 1889 г. — до 18,6%, в 1890 г. — до 15,5%. Вместе с этим настроение указанных кругов резко изменилось.

«Когда выяснилось, — читаем мы у профессора Силина, — что повышение курса валюты не является чем-то временным и случайным, то широкие круги населения не могли не убедиться, что для сельского хозяйства и промышленности создается со-

---

[12] Н. Силин. Австро-венгерский банк. М., 1913. стр. 394 (Разрядка наша. — *И. Т.*).

[13] Там же, стр. 395.

вершенно новая конъюнктура. До сих пор эти отрасли народнохозяйственной деятельности извлекали выгоду от подъема лажа; теперь иностранные вексельные курсы стали падать, цена австрийской валюты пошла вверх, и лаж стал постепенно уменьшаться. Экспортеры начали терпеть убытки: они должны были вносить налоги и платежи по долгам все в прежних размерах, а, между тем, за вырученные или иностранные деньги давалось все меньше денег австрийских. Эта перемена в положении привела за собой и перемену в отношении к валютной реформе. Требования регулирования валюты раздались прежде всего из непосредственно затронутых кругов, особенно из кругов экспортеров (австро-венгерский экспортный союз); замечательна пермена, происшедшая в настроении Венгрии; она решительно высказалась за реформу, чтобы не терпеть убытков от падения лажа при вывозе пшеницы»[14].

Не мешает заметить, что сказанное не может быть отнесено к мелкому сельскому хозяйству крестьян.

Крестьяне поскольку прибегают к наемному труду, постольку выигрывают от высоких, обусловленных лажем, хлебных цен. Но, с другой стороны, крестьяне как самостоятельные производители несомненно от бумажно-денежного обращения проигрывают, и как производители вывозимых продуктов крестьяне не выигрывают от существования лажа.

Вывозная премия, которая является результатом лажа, достается экспортеру — лицу, непосредственно вывозящему товары. За границу же товары могут вывозиться только в большом количестве, поэтому крестьянин самостоятельно экспортом заниматься не может.

Вывозная премия целиком достается торговцам-экспортерам.

Аграрии же, производящие в большом количестве, находятся в ином положении. Они могут и часто занимаются самостоятельно экспортом, а если и прибегают к услугам посредников, то имеют возможность получить и для себя часть премии, обусловленной лажем.

Вот почему, когда говорят о выгоде для сельского хозяйства бумажных денег, это надо понимать в ограничительном смысле: выгода эта реальна только для крупных сельских хозяев.

Наконец, последнее обстоятельство, побуждающее аграриев относиться к бумажным деньгам, по меньшей мере, благосклонно, заключается в следующем.

По многим причинам, о которых распространяться здесь нет возможности, землевладение во всех странах чрезвычайно задолжено. Целый ряд исторических, социально-политических усло-

---

[14] Н. Силин. Австро-венгерский банк, стр. 399 (Разрядка наша. — *И. Т.*).

вий способствовал тому, что аграрии всех стран являются крупными должниками. Расплачиваться за долги обесцененными и обесценивающимися деньгами весьма выгодно для должников.

Суммируя все сказанное, приходится признать, что, хотя некоторые явления, связанные с бумажно-денежным обращением, отрицательно отражаются на интересах аграриев, все же правильно понятый интерес побуждает аграриев в общем относиться с симпатией к бумажным деньгам.

И неслучайно, что буквально во всех странах бумажно-денежное обращение встречало определенную поддержку со стороны аграриев: это замечалось и в Австро-Венгрии, на что выше указывалось, это наблюдалось и в Германии, и в Италии, и в Северо-Американских Соединенных Штатах, и в России.

Когда в 90-х годах прошлого столетия в печати и в обществе обсуждался план денежной реформы Витте, связанный с ликвидацией бумажно-денежного обращения, принципиальным сторонником бумажных денег определенно выступил, только небезызвестный Шарапов, типичный защитник помещичьих интересов. Реформа встретила решительную оппозицию со стороны Государственного совета, учреждения по своему составу типично помещичьего. Как известно, реформа была проведена «незаконным» путем, вопреки сопротивлению аграриев. И если реформа была все же проведена, то это произошло только потому, что российская самодержавная власть как раз с 90-х годов прошлого столерия опиралась и в свою очередь поддерживалась не только аграриями, но и промышленным капиталом и финансовой, преимущественно иностранной, аристократией. «Обуржуазивание» власти дало политическую основу для денежной реформы.

В более позднее время, уже во время войны, в одной из комиссий Государственной Думы при обсуждении мероприятий, связанных с денежным обращением, имевших целью гарантировать как можно более быструю ликвидацию бумажно-денежного обращения, принципиальным сторонником бумажных денег выступил, также небезызвестный Марков второй, определенный представитель помещичьих интересов.

Несколько иное отношение проявляют к бумажным деньгам представители капитала торгового, промышленного и финансового; в общем представители капитала относятся к бумажным деньгам отрицательно, но все же некоторые слои внутри класса капиталистов в то или иное время и к тем или иным сторонам этой денежной системы могут относиться и благожелательно.

Представители промышленного капитала выигрывают от бумажно-денежного обращения, поскольку вызываемый им лаж действует как охранительная пошлина, поскольку господство бумажных денег означает уменьшение реальной заработной платы.

Но поскольку пошлина эта имеет характер временный, колеблющийся, неравномерный, поскольку господство бумаж-

ных денег препятствует правильным расчетам при ведении предприятий, поскольку бумажно-денежное обращение усиливает элементы риска, спекуляции и т. д., постольку оно задерживает развитие промышленности, постольку представители промышленного капитала проигрывают.

К этому надо еще прибавить, что отношение к бумажным деньгам представителей различных отраслей промышленности не может быть одинаковым.

Представители промышленности, работающей на экспорт, выигрывают больше, чем владельцы предприятий, продукты производства которых обслуживают внутренний рынок.

Владельцы предприятий с высоким органическим строением капитала, т. е. таким, где переменный капитал составляет относительно меньшую величину, выигрывают меньше тех, в предприятиях которых затрата на заработную плату составляет значительную часть издержек производства.

Высшее органическое строение капитала означает более развитую промышленность; поэтому, очевидно, представители развивающейся промышленности являются большими противниками бумажных денег, чем представители отсталой, падающей промышленности. В этом, между прочим, сказывается реакционная в социальном отношении роль бумажных денег.

Таким образом, утверждение об отрицательном отношении промышленного капитала к бумажным деньгам в общем правильно, но требует некоторых оговорок. Внутри класса капиталистов так много различных, часто противоречивых интересов, что не ко всякой группе этих интересов применимо общее положение. Но с некоторыми оговорками, с общей точки зрения промышленного капитала, отрицательное отношение их к бумажным деньгам бесспорно.

То, что относится к промышленному капиталу, в общем применимо и к капиталу торговому.

Отрицательное отношение торгового капитала к бумажно-денежному обращению обусловлено хотя бы уже тем, что оно препятствует налаживанию торговых связей, затрудняет правильную постановку торговых операций, суживает кредит и удорожает этот последний и т. д. Правда, бумажно-денежное обращение открывает широкую возможность для чисто спекулятивной торговли, в чем могут быть заинтересованы некоторые слои торговцев, но все же развитие деятельности, основанной исключительно на спекуляции, не может способствовать росту торговли вообще.

По всем этим соображениям представители торгового капитала почти всегда становились в определенно отрицательное отношение к бумажно-денежному обращению, всегда приветствовали и поддерживали его ликвидацию.

Такое же отрицательное отношение по отношению к бумажно-

денежному обращению проявляют обычно и представители ссудного капитала.

Правда, поскольку бумажно-денежное обращение дает возможность для развития спекуляции, постольку ссудный капитал, вообще весьма склонный к спекуляции, заинтересован в нем.

Но поскольку ссудный капитал является капиталом заемным, а представители его — получателями процента, кредиторами, постольку бумажно-денежное обращение встречает с их стороны отрицательное отношение. В этом смысле их интересы (как кредиторов) прямо противоположны интересам аграриев (должников).

Выступая главным образом в роли торговцев деньгами, в роли кредиторов, владельцы денежного капитала проигрывают от бумажно-денежного обращения.

Так складываются интересы представителей различных форм капитала. В общем не в их интересах поддерживать бумажно-денежное обращение. Но, с другой стороны, необходимо заметить, что эти классы при некоторых условиях имеют основание, если не поддерживать целиком бумажно-денежное обращение, то, во всяком случае, относиться к нему терпимо.

Рассмотренные до сих пор общественные классы, которым достается большая часть национального дохода, составляют меньшинство населения. Интересы этих классов различны. Но все же для каждого из этих классов некоторые стороны бумажно-денежного обращения приносят выгоды. Для аграриев эти выгоды целиком перевешивают невыгоды, для промышленных капиталистов наоборот.

Безусловно проигрывает, не имеет никаких выгод от бумажно-денежного обращения третий, наиболее многочисленный, составляющий огромное большинство общества, класс, живущий продажей своей рабочей силы, физической или умственной, класс, получающий доход в форме заработной платы, жалования или гонорара. Представители наемного труда ни в какой мере не заинтересованы в бумажно-денежном обращении, ни при каких условиях и никакие его стороны не могут поддержать.

В самом деле, доход рабочих, заработная их плата во время господства бумажно-денежного обращения неизбежно понижается. Рабочая сила, это — товар, который можно отнести к группе товаров исключительно внутри страны потребляемых. Поднятие цен таких товаров сильно отстает от общего вздорожания. Эмпирически достаточно прочно установлено, что рост заработной платы, если такой и наблюдается, значительно отстает от роста цен на предметы первой необходимости.

Номинальная заработная плата, денежное ее выражение, может и повыситься, но значительно меньше, нежели повышаются цены на другие товары. А это означает понижение реальной заработной платы.

Еще М. М. Сперанский в своей «Записке о монетном обращении» писал: «Купец, фабрикант, помещик, хотя с трудом, могут, однако же, оградить себя от убытков; некоторые из них могут даже случайно и выиграть; ибо, во всяком гадательном расчете, во всякой игре есть свой выигрыш и проигрыш. Но простой рабочий класс постоянно должен терпеть потери. Он теряет при продаже и покупке, теряет и на серебро и на ассигнации, теряет и при найме на работу и при размене одной монеты на другую. . .» [15]

К рабочим в этом отношении можно приравнять всех, кто живет личным трудом: лиц свободных профессий, учителей, адвокатов и т. д., чиновников, получающих фиксированное содержание; реальный заработок всех этих категорий лиц значительно понижается.

В аналогичном положении оказываются различного рода рантьеры, пенсионеры, поскольку их получения в денежной форме зафиксированы, как это обычно бывает, наперед.

Неслучайно поэтому и весьма показательно то, что при бумажно-денежном обращении обыкновенно замечается сильное развитие преступлений против собственности, среди чиновников распространяется взяточничество. Это можно констатировать, в той или иной мере, для всех стран, где господствовало бумажно-денежное обращение; это наблюдалось и в Соединенных Штатах Северной Америки, и в Австрии, и в России и т. д.

Не преувеличением поэтому являются знаменитые слова Мордвинова: «При упадке монеты ропщет воин, негодует гражданин, лихоимствует судья, охладевает верность, ослабевают взаимные услуги и пособия; благочиние, мир и добродетель уступают место порокам, разврату и страстям. Да и может ли быть иначе, когда достояние каждого ежедневно уменьшается. . . Как судье не лихоимствовать, когда исторжение у подсудимого мзды остается ему, может быть, единым средством спасения от глада и нищеты драгоценнейших сердцу лиц: жены и детей, престарелых родителей, — и когда монета, которой вознаграждается его служба, более его лихоимствует, ибо не от одного его, а от всех беспощадно похищает» [16].

---

[15] М. М. Сперанский. Записка о монетном обращении (цит. по кн.: А. Гурьев. Реформа денежного обращения. СПб., 1896, стр. 106).

[16] Н. С. Мордвинов. Мнение о вредных последствиях для казны и частных имуществ от ошибочных мер Управления Государственным казначейством. СПб., 1810 (цит. по кн.: А. Гурьев. Указ. соч., стр. 103). По выражению Вебстера: «Мы пострадали от бумажных денег больше, чем можно пострадать от любого общественного бедствия. Они погубили больше людей, оказали более печальное действие на важнейшие интересы нашей страны и сделали больше несправедливостей, чем оружие неприятелей» (В. Ст. Джевонс. Бумажные деньги. Одесса, 1896, стр. 40). Подчеркиваем, что влияние бумажно-денежного обращения мы рассматриваем здесь исключительно в аспекте чисто капиталистического хозяйства.

5

Бумажные деньги служат способом извлечения средств для государства. Бумажные деньги являются финансовым ресурсом. Но, оказывая большое влияние на народное хозяйство вообще, бумажно-денежное обращение не может оставаться бесследным для государственного хозяйства, в тесном смысле этого слова, для государственных финансов.

Что же представляют собой бумажные деньги как финансовый ресурс? Что такое бумажные деньги, поскольку мы их рассматриваем как источник государственных доходов? Какое воздействие оказывает бумажно-денежное обращение на государственные финансы? Каково значение бумажных денег как финансового ресурса с точки зрения народного хозяйства во всем его целом?

Прежде всего, что такое бумажные деньги как финансовый ресурс? Бумажные деньги являются способом добывания государственных доходов. К какой же категории государственных доходов следует отнести средства, извлекаемые посредством бумажных денег?

В современных государствах доходы их могут быть сведены к двум категориям: 1) добываемым при посредстве обыкновенной финансовой системы, главным образом налогов, и 2) добываемым при помощи государственного кредита, займов.

Общее между обоими способами добывания средств заключается в том, что как при помощи налога, так и при посредстве займа государство обращается к отдельным индивидуальным хозяйствам; посредством же бумажных денег государство не обращается к индивидуальным хозяйствам — этот способ добывания направлен к народному хозяйству во всем его целом, к общей совокупности частных индивидуальных хозяйств, образующий нечто отличающееся от них, то, что включается в понятие «народного хозяйства». Уже по одному этому бумажные деньги нельзя отнести ни к налогу, ни к займу.

Но, с другой стороны, если отбросить указанную черту, определяющую своеобразие бумажных денег как финансового ресурса, можно наметить в них признаки и налога и займа.

Если рассматривать бумажные деньги с формально юридической точки зрения, если вспомнить при этом, что обычно всегда государства, выпускающие бумажно-денежные знаки, склонны их трактовать как долговые обязательства, по которым они обязуются в конце концов, расплатиться (произвести размен на металл), то можно прийти к заключению, что бумажные деньги как финансовый ресурс надо отнести к займам. В критические моменты государство совершает при посредстве бумажных денег заем и обещает (чаще всего официально, а если этого нет, то, во всяком случае, такое обещание предполагается) со временем открыть размен

выпущенных бумажно-денежных знаков на металл, т. е., как обыкновенно в таких случаях говорят, погасить свой «бумажно-денежный» долг.

При этом заем при помощи бумажных денег считают займом принудительным и беспроцентным.

Допустим, что формальные соображения правильны. Но и тогда с квалификацией этого займа согласиться нельзя. В том, что если бумажные деньги являются займом, этот заем принудителен, сомнений быть не может. Но согласиться с тем, что при посредстве бумажных денег совершается беспроцентный заем, согласиться едва ли возможно.

В самом деле. Предположим, в стране господствует бумажно-денежное обращение. Бумажные деньги упали в своей ценности на 20%. Государство выпускает денежных знаков на 1 млрд. руб. Согласившись назвать эту операцию займом, надо предполагать, что государство уплатит со временем по «бумажно-денежному долгу» металлом ту же сумму, т. е. 1 млрд. руб., произведет размен бумажных денег на золото.

Но если ценность бумажных денег упала на 20%, то государство, выпуская денежных знаков на 1 млрд. руб., приобретает ценностей только номинально на такую же сумму, в действительности же получает реальных ценностей только на 800 млрд. руб. Возвращая 1 млрд. руб. золотом, государство уплачивает лишние, не полученные им 200 млрд. руб.

Уплачивая металлом, государство за каждый выпущенный им бумажный рубль, уплачивает ценность 17,424 доли чистого золота; при выпуске же бумажных денег за каждый рубль оно получило только ценность 13,9392 доли чистого золота. Уплачиваемый государством излишек, сверх фактически им полученного, можно считать процентами по бумажно-денежному займу.

Вот почему заем посредством бумажных денег беспроцентным считать нельзя, и проценты по этому займу обыкновенно значительно превышают обычный процент по государственным займам.

«Бумажные деньги, — по словам Кюбека, — составляют самый дорогой, самый тяжелый и самый опасный род государственного долга. Обманывается тот, кто воображает, что бумажные деньги с принудительным курсом менее причиняют тяготы народу, чем процентные займы, даже заключенные на очень тяжелых условиях» [17].

Заем посредством бумажных денег, по справедливому замечанию К. Гока, это — «самый дорогой из займов, потому что он подрывает и денежную единицу, которой он уплачивается, и самый опасный, потому что вместе с должником он губит всех лиц, которым переуступлены долговые обязательства первым

[17] Цит. по кн.: А. Гурьев. Указ. соч., стр. 139.

кредитором. Долги другого рода, как бы тяжелы они не были, дают себя чувствовать только в известные моменты. . ., между тем как гибельное влияние бумажных денег обнаруживается постепенно и производится значительной частью капитальной суммы» [18].

Но не только беспроцентность этого займа должна быть подвергнута сомнению; назвать способ извлечения средств из народного хозяйства посредством бумажных денег займом можно только с большой натяжкой и ограничениями.

Во-первых, всякий заем ликвидируется погашением, а «бумажно-денежный долг» ликвидируется не погашением, а регулированием денежного обращения.

Во-вторых, что особенно важно, по бумажно-денежному долгу никогда «кредитору» не возвращается того, что у него было взято.

Бумажно-денежное обращение связано с падением ценности денег, и потери лиц, к которым попадают бумажные деньги, эти «долговые обязательства» государства, безвозвратны.

Безвозвратны — это надо особенно подчеркнуть, ибо как бы ни было ликвидировано бумажно-денежное обращение, даже если ликвидация будет произведена посредством размена по полной нарицательной цене, все же пострадавшие интересы не будут восстановлены.

В самом деле. Те лица, в руках которых окажутся бумажно-денежные знаки к моменту ликвидации бумажно-денежного обращения и которые предъявят их к размену и получат, следовательно, компенсацию, могут и не совпадать с теми, кто в свое время потерял от падения ценности денег.

Когда в конце прошлого столетия была введена у нас золотая валюта и ликвидировано было бумажно-денежное обращение, огромное количество кредитных билетов было предъявлено к размену берлинскими банкирами. Едва ли кто станет утверждать, что берлинские банкиры явились настоящими представителями пострадавших интересов.

Пострадавшие интересы не могут быть восстановлены, и не потому, что этого не захочет сделать государство, а потому, что возврат взятых посредством бумажных денег средств фактически невозможен.

«Если бы государство, — говорит М. Боголепов, — . . . всегда признавало выпущенные бумажные деньги своим долгом, так или иначе ликвидируя его, захотело бы вознаградить все индивидуальные потери, причиненные выпусками денег во время войны, то такая задача была бы технически неосуществимой» [19].

Заем посредством бумажных денег непогашаем, безвозвратен при всяких условиях: уплата по бумажно-денежному долгу абсолютно невозможна. Безвозвратность же займа есть отрицание

[18] К. Гок. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Киев, 1865, стр. 320.

[19] М. Боголепов. Государственный долг. СПб., 1910, стр. 311.

займа. «Бумажные деньги, — читаем мы у П. Никольского, — материально не есть государственный долг. В самом деле, то, что теряется частными лицами на ценности бумажных денег и что можно бы считать долгом правительства, никогда нельзя возвратить тем лицам, которые эти потери понесли; нельзя сделать этой уплаты потому, что нет никакой возможности привести в известность лиц, потерявших те или иные части своего имущества, и нельзя равным образом привести в известность размеры их потерь; и ни в одном из государств, имевших дело с бумажными деньгами, при восстановлении металлического обращения эти потери не возвращались; какой же это долг, если он не может быть уплачен и никогда не уплачивается?» [20]

Взятое государством посредством бумажных денег невозвращаемо; вот почему, не с формально-юридической точки зрения, а с точки зрения экономической, существа дела, бумажные деньги скорее следует назвать налогом.

Бумажные деньги не могут быть названы займом в точном смысле этого слова, но в полной мере не могут быть названы и налогом. Бумажные деньги как финансовый ресурс являются «. . . самостоятельной категорией ресурсов, добытых путем обращения государственного хозяйства прямо к «народному хозяйству», а не к индивидуальным хозяйствам, составляющим отвлеченное понятие, фикцию «народного хозяйства». Этот последний прием государственный политики, обычно выражающийся в эксплуатировании народнохозяйственных систем, дает такой финансовый ресурс, который трудно отнести к той или другой категории ординарных и экстраординарных доходов. То обстоятельство, что само государство относит этот ресурс в разряд кредитных доходов, конечно, еще ничего не доказывает. По своей природе — это самостоятельная категория, в которой смешаны элементы налога, займа, конфискации» [21].

Бумажные деньги совмещают в себе и элементы займа, и элементы налога.

Следует отметить, что этими своими сторонами, признаками займа и налога, бумажные деньги обращены не к одним и тем же классам населения. Прежде было указано, что средства, взятые посредством бумажных денег, не возвращаются. Но, очевидно, если бумажно-денежный долг ликвидируется разменом по полной нарицательной цене, то те лица, в руках которых бумажные деньги окажутся в момент размена, компенсацию получают. Для тех, кто является держателем денег как в моменты выпусков бумажных орудий обращения, так и при их размене, они представляются «долговыми обязательствами». Для тех же, кто не сохраняет в своих руках деньги, они являются налогом.

---

[20] П. Никольский. Бумажные деньги в России. Казань, 1892, стр. 390—391.

[21] М. Боголепов. Указ. соч., стр. 313.

Как общее правило, можно сказать, что поскольку посредством бумажных денег государство обращается к капиталу, постольку, если, конечно, ликвидация бумажно-денежного обращения будет произведена посредством размена по полной нарицательной цене, потери держателей их будут возмещены; поскольку же бумажные деньги затрагивают доходы, постольку, как бы ликвидация ни была произведена, потери безвозвратны. Поэтому для имущих классов бумажные деньги могут оказаться займом, для неимущих же бумажные деньги всегда являются налогом. Поэтому же с точки зрения имущих классов бумажные деньги могут быть допустимы, лишь бы были гарантии возможности в будущем ликвидировать их посредством размена по полной нарицательной цене; с точки же зрения неимущих классов, трудовых, бумажные деньги не могут быть оправданы.

Бумажные деньги с точки зрения интересов большей части населения должны быть названы налогом, притом в самой «несправедливой и разорительной» форме, или же, вернее, конфискацией частных средств, «похищением великим», как они были названы Мордвиновым еще в начале прошлого столетия. В докладной записке Государственному совету в 1816 г. Мордвинов писал: «Рубль есть достояние каждого, богатого и бедного, и малейшая часть, отнятая от него, преобразуется в похищение великое, простирающееся на все количество стяжаемого, наследуемого или работой приобретаемого».

Бумажные деньги представляют собой налог несправедливый. «Выпуск ассигнаций, — писал еще Сперанский в своем «Плане финансов», — есть совершенно неопределительный налог, потаенно налагаемый. . . Поелику налог сей не имеет никакой определительной меры, то и приводит он все расчеты в неизвестность и смешение. По сокрытому его действию нельзя никак определить, сколько уменьшит он на каждый год капиталы, и, следовательно, нет способа с достоверностью заключать никаких обязательств ни с казною ни между частными людьми. Объемля капиталы без разбору и приражаясь не только к чистым доходам, но и к самому их произведению, он существенно вредит промышленности и более еще тяготит бедных, нежели богатых. Ассигнации суть не только налог, но и налог весьма неуравнительный».

В самом деле, если рассмотреть этот налог с точки зрения элементарных требований, предъявляемых к налоговой системе, то нетрудно увидеть, что ни одному из этих требований бумажные деньги как налог не удовлетворяют.

Наиболее простые, элементарные принципы, на которых должна быть построена правильная налоговая система, формулированы были еще Адамом Смитом.

Во-первых, налоги должны быть равномерными. «Подданные всякого государства обязаны принимать участие в поддержании правительства каждый по мере собственных своих средств, т. е.

в размерах доходов, получаемых ими под покровительством государства. . . Соблюдение этого закона или пренебрежение к нему составляет то, что называют р а в н о м е р н ы м или н е р а в н о м е р н ы м распределением налога» [22].

Требованию равномерности бумажные деньги ни в какой мере не удовлетворяют. Потери от бумажных денег, которые составляют сумму взимаемого посредством бумажных денег налога, распределяются между различными классами населения без всякой зависимости от их материального достатка. Напротив, в наибольшей мере страдают от бумажно-денежного обращения неимущие слои населения; большая часть этого налога, если не весь он целиком, уплачивается трудовыми классами.

Неравномерность обложения бумажно-денежным налогом естественно определяется неравномерностью распределения и оседания денежных знаков среди различных социальных групп. Если бы бумажные деньги равномерно и одновременно распределялись между всеми классами населения, то извлечение средств государством посредством бумажных денег было бы результатом универсального и равномерного податного обложения.

Но, по справедливому замечанию С. Фалькнера, «эта равномерность и всеобщность распределения среди населения новых эмиссий возможна лишь при такой детальной регламентации социально-хозяйственных отношений, которая мыслима лишь при законченном построении социалистического общества; но тогда, очевидно, бумажные эмиссии могут быть заменены более простыми и целесообразными методами финансирования и станут просто ненужными. И наоборот, пока государственная регламентация и контроль охватывают лишь некоторые производственные комплексы, а обширные слои производителей на деле никакой регламентации не подчиняются, до тех пор неравномерность усвоения бумажных денег народнохозяйственными пластами неизбежна и неизбежно их скопление в руках отдельных социальных групп» [23].

Во-вторых, налоги должны быть определенны, они не должны быть произвольны. «Подать или часть налога, уплачиваемая каждым подданным, должна быть определенна, а не произвольна. Время ее уплаты, способ взимания и количество взноса должны быть строго и точно определены как для лица, платящего налог, так и для всего общества» [24].

И этому требованию бумажные деньги как налог не удовлетворяют. Взимаемая посредством бумажных денег сумма представляет собой величину, не известную не только для плательщиков, но и для казны, так как нельзя наперед с точностью опре-

---

[22] А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. III. СПб., 1866, стр. 185.

[23] С. А. Ф а л ь к н е р. Экономика и политика твердых цен. М., 1918, стр. 128.

[24] А. С м и т. Указ. соч., стр. 185.

делить степень падения ценности денежной единицы, а этой степенью и определяются для каждого лица размеры потерь, которые составляют налог, уплачиваемый каждым государству.

В-третьих, налоги должны удовлетворять требованиям удобства их взимания. «Каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, какие представляют наиболее удобств для плательщика» [25].

И этому требованию бумажные деньги как форма налога не удовлетворяют. Этот налог настигает плательщика во всякое время; взимание его чисто случайно, никакая планомерность при взимании его не может быть соблюдена. Об удобствах плательщика говорить, конечно, не приходится.

Наконец, в-четвертых, взимание налога должно производиться с наименьшими для фиска затратами. «Налог должен взиматься таким образом, чтобы он извлекал из народа как можно менее денег, сверх того, что поступает в Государственное казначейство» [26].

Этому требованию бумажные деньги на первый взгляд как будто удовлетворяют. Для взимания налога, которым являются средства, добываемые посредством бумажных денег, не требуется специального налогового аппарата, особого штата чиновников; расходы по взиманию этого налога сводятся как будто только к затратам на печатание бумажно-денежных знаков.

Но если принять во внимание, что и казна теряет вследствие падения ценности денег, то о дешевизне взимания едва ли придется говорить. Ценность всех поступлений в Государственное казначейство ниже номинальной ценности получаемых государством доходов. Ведь самый выпуск бумажных денег является фактором, вызывающим падение их ценности, а на этом теряют не только частные хозяйства, но еще в большей мере и казна. Выпуском бумажных денег государство как бы взимает налог, а с другой стороны, уменьшает реальную ценность всех поступающих к нему доходов. Эти потери и можно считать издержками по извлечению ценностей из народного хозяйства посредством бумажных денег. Взимание этого налога обходится, пожалуй, государству дороже, чем взимание любых других налогов.

Поэтому приходится признать, что бумажные деньги это — самая «несправедливая и разорительная» форма налога.

Этот налог несправедлив, потому что он неравномерно ложится на отдельные классы населения, настигая преимущественно, точнее исключительно, трудовые элементы, повышение доходов которых, если даже оно и наблюдается, значительно отстает от падения ценности денег. Имущие же классы, даже если их и настигает этот налог, освобождаются от этой «конфискации» путем

---

[25] Там, же, стр. 186.
[26] Там же, стр. 186, 187.

легко достижимого переложения бумажно-денежного налога на слабые в социальном отношении классы.

Этот налог разорителен, потому что, настигая доходы, а не капитал, он неизбежно ведет к понижению уровня жизни широких масс населения, к фактическому уменьшению и так небольшой доходной части бюджета трудовых классов. . .

Не лишне будет снова повторить, что бумажные деньги носят в себе элементы и займа, и налога.

Но, что очень важно, как з а е м — этот способ извлечения средств из народного хозяйства обращен к к а п и т а л у, потери которого могут быть компенсированы ликвидацией бумажно-денежного обращения; как н а л о г, конфискация — бумажные деньги ложатся тяжелым бременем главным образом на средства т р у д о в ы х к л а с с о в, потери которых ни при каких условиях не могут быть возмещены. К тому же бумажные деньги являются конфискацией не одновременной, а многократной, длительной.

И. Кауфман в 80-х годах прошлого столетия справедливо утверждал: «Из всех цен самые неподвижные те, которые касаются разнообразных видов т р у д а, а, напротив, более подвижны цены различных видов капитала (орудий, машин, сырья, изделий, звонкой монеты). Поэтому обесценение бумажных денег, насколько оно имеет наружное сходство с налогом, является прежде всего н а л о г о м н а т р у д, а не на капитал, ибо цены на труд менее всяких других цен способны быстро возвыситься пропорционально обесценению бумажных денег, а цены на разные товары, потребляемые рабочими, гораздо более склонны к такому возвышению» [27].

До сих пор мы рассматривали бумажные деньги как финансовый ресурс, с точки зрения народного хозяйства, с точки зрения участников этого хозяйства, различных социальных классов.

Но нетрудно показать, что даже с точки зрения Государственного казначейства, с узкофинансовой точки зрения, бумажно-денежное обращение страдает многими дефектами.

Бумажно-денежное обращение, внося полное расстройство в народное хозяйство, разрушая все его функции, дезорганизуя производство и обмен товаров, обессиливая только что указанной «конфискацией» материальную мощь населения, в конце концов, ослабляет податную способность населения.

«Каждый подданный государства, — замечает М. Боголепов, — в наше время захвачен и подчинен действию фискальной системы, у каждого государственная власть принудительным образом отрывает часть его дохода. Претензии фискальной системы имеют свои границы, которые в индивидуальных доходах соответствуют

---

[27] И. К а у ф м а н. Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб, 1888, стр. 355.

границам, отделяющим податную часть дохода от неподатной... Система бумажных денег совершенно иными путями идет к народнохозяйственному доходу. Она точно так же не трогает той его части, которая конфискуется обычными финансовыми насосами, но она конфискует — и притом без вознаграждения — свободные части народнохозяйственного дохода, которые при иных условиях никогда не были бы присвоены государственной властью» [28].

Бумажные деньги, таким образом, переходят границы, отделяющие податную часть доходов частных хозяйств от неподатной. Бумажные деньги берут у народного хозяйства сверх той меры, которая при данных условиях объективно допустима.

«Поэтому война, произведенная на бумажные деньги, для современников ее означает войну, проведенную на налоги, взятые при помощи несправедливой и разорительной системы. А так как бумажные деньги представляют из себя обязательства государства, которые не погашаются, а уничтожаются в момент упорядочения валютного дела, то имеется некоторое основание предположить, что государство является нарушителем прав, банкротом перед тем поколением, которое жило в момент войны, так как убытки этого поколения уже нельзя вознаградить последующим регулированием денежного обращения» [29].

Бумажные деньги являются не только налогом чрезвычайно тяжелым и несправедливым, но и взимание этого налога бессистемно, беспорядочно; настигая плательщика во всякое время совершенно произвольно, этот налог разрушает всю налоговую систему, препятствует ведению планомерной налоговой политики. Доводя напряжение налогового винта до крайних размеров, бумажно-денежное обращение в то же время не дает государству всего взятого при его помощи у граждан государства, у налогоплательщиков. Можно сказать, что бумажно-денежное обращение, с точки зрения налоговой политики, подрубает тот сук, на котором покоится вся государственная финансовая система.

При господстве бумажно-денежного обращения нет возможности установить равновесие в бюджете, так как нет возможности установить наперед реальную величину его составных частей. Немыслимо заранее предвидеть падение ценности бумажных денег, в особенности степень этого падения, поэтому установить равновесие между доходами и расходами государства невозможно.

Составлению сметы государственных доходов и расходов бумажно-денежного обращения ставит иногда неопредолимые препятствия. Все предварительные расчеты и предположения гадательны, и они никогда не оправдываются.

Падение ценности денег означает для государственных финансов реальное уменьшение доходной части бюджета и увеличение

---

[28] М. Боголепов. Указ. соч., стр. 309.
[29] Там же, стр. 309—310.

расходной. «Кто терял от сего упадка?» (курса ассигнаций.— *И. Т.*), — спрашивал Сперанский в начале прошлого столетия в своей знаменитой записке «О монетном обращении». И отвечал: «Прежде всех и более всех тут теряла казна. Ассигнации (бумажные деньги того времени. — *И. Т.*), в течение года выпущенные, возвращались к ней в последующем году в виде доходов, хотя в том же счете, но уже в меньшем достоинстве. Так, например, в 1790 г. ассигнаций по счету было 111 млн. руб., но в виде доходов они составляли 96 млн.; следовательно, казна в доходах своих утратила 15 млн. В 1801 г. масса ассигнаций составляла 221млн., а в виде доходов она составляла не более 146 млн., т. е. 75 млн. менее против цены их именовательной. В 1810 г. 557 млн. составляли в доходах не более 199 млн., т. е. 378 млн. менее цены их именовательной» [30]. Поэтому при бумажно-денежном обращении неизбежен постоянный хронический дефицит. Этот последний должен быть восполнен. Он может быть восполнен или еще большим напряжением налоговой системы, или новыми выпусками бумажных денег, или же посредством займов.

Но напряжение налогового винта наталкивается на препятствия: перейдя известную грань, налоговый винт перестает действовать; повышение налогов имеет известные пределы, за которыми обнаруживается бесплодность для государственной казны этих налогов.

Новые выпуски бумажных денег ведут к еще большему падению ценности денег, следовательно, еще более усложняют, запутывают положение.

Займы же в таких случаях приходится делать на весьма тяжелых условиях. Как было уже указано, бумажно-денежное обращение чрезвычайно удорожает кредит. Это в равной мере относится как к частному кредиту, так и к государственному.

Курс государственных бумаг начинает падать, новые займы приходится совершать все из больших процентов.

При максимальном напряжении налоговой системы, при полном расстройстве народного хозяйства внутренние займы обыкновенно бывают неудачны. В сущности то, что государство вступает на путь выпусков бумажных денег, иногда служит признаком невозможности добыть средства посредством внутренних займов.

Внешние же займы, привлечение иностранных капиталов затруднительны, а главное для стран с бумажно-денежным обращением очень дороги.

«Пользование бумажными деньгами в условиях современного экономического оборота, — читаем мы у М. Боголепова, — представляет значительные неудобства и невыгоды для тех стран, которые по условиям своей народнохозяйственной жизни, по условиям своего финансового положения, вынуждены долгое время

---

[30] Цит. по кн.: П. Никольский. Указ. соч., стр. 203.

находиться в разряде стран, ввозящих к себе иностранные капиталы. Страны, экспортирующие капиталы, могут найти выход из затруднения, создаваемого тем фактом, что какая-нибудь страна-дебитор вводит у себя бумажно-денежную систему. Страна, экспортирующая капитал, во избежание потерь и случайностей от колебаний бумажно-денежной валюты, будет по возможности ограничиваться участием в государственных займах страны, ввозящей капитал. При таких условиях всегда окажется возможным выговорить выплату процентов и погашения золотом. Например, европейские кредиторы Египта выговорили себе при посредстве заинтересованных держав право получать проценты по займам и погасительные квоты золотом, так что эти платежи оказались совершенно независимыми от египетской валюты и не колеблются, когда меняется в ту или иную сторону валюта. Нечего говорить, что такое положение дела оказывается крайне невыгодным для страны-дебитора. Мексика, вследствие обесценения своей валюты, была вынуждена в недавнее время уплачивать своим кредиторам на 8 млн. долларов больше, чем во время эмиссии. То же самое случилось в 90-х годах XIX в. и в Испании, где валюта была подвержена страшным колебаниям. Испания в то время выплачивала своим кредиторам 260 млн. пезет (франков) в виде процентов по своему государственному долгу. Вследствие колебания валюты приходилось оплачивать долг дороже и дороже: сначала на 15%, затем на 25% и выше. Такой порядок удорожал, конечно, систему государственного кредита и вызывал хронический дефицит» [31].

То же самое наблюдалось и в последнее время во всех странах, где в связи с войной восторжествовало бумажно-денежное обращение. Займы, заключенные ими, совершались из больших процентов.

6

Все, до сих пор сказанное о влиянии бумажно-денежного обращения, относится к чисто капиталистическому хозяйству, в котором господствует рынок и где как процесс образования цен, так и процесс капиталонакопления и перераспределения капиталов совершается стихийно, где, следовательно, сознательная воля и сознательное воздействие государственной власти на народнохозяйственные процессы проявляются в минимальной степени, а если и проявляются, то целиком определяется интересами господствующего капиталистического класса. Вот почему, без всяких оговорок, все сказанное надо отнести, например, к Германии. Деформация народного хозяйства, усиленное обогащение узких групп населения на фоне ужасающего общего обнищания, перераспределение капиталов, невиданная «экспроприация» мел-

[31] М. Боголепов. Указ. соч., стр. 358.

кой собственности — все это сопровождало денежное обращение Германии в последнее десятилетие. Все эти процессы обусловлены были, конечно, не только бумажно-денежным обращением, но последнее в значительной степени способствовало их обострению, и бумажные деньги в руках господствующего капиталистического класса явились методом проведения классовой буржуазной политики.

Остановимся вкратце на истории германского денежного обращения последних лет, которая может служить иллюстрацией развитых теоретических положений.

Уже во время войны германская валюта претерпела значительные изменения. Общее количество банкнот Рейхсбанка, превращенных с начала войны в бумажные деньги, увеличивалось из года в год. В конце 1913 г. всего в обороте циркулировало банкнот на 2594 млн. марок, в конце 1914 г. — 5046 млн., в конце 1915 г. — 6981 млн., в конце 1916 г. — 8055 млн., в конце 1917 г.— 11 468 млн. и, наконец, в конце 1918 г. количество банкнот, находящихся в обращении, достигает 22 188 млн. марок.

К этому количеству надо прибавить циркулировавшие так называемые билеты ссудных касс (Darlehenkassenschiene), число которых изменялось из года в год следующим образом. В конце 1913 г. число их составляло 149 млн. марок, в конце 1914 г. — 446 млн., в конце 1915 г. — 972 млн., в конце 1916 г. — 2873 млн., в конце 1917 г. — 6265 млн. и в конце 1918 г. — 10 599 млн. марок.

Кроме того, во время войны, если не считать «местных денег», выпущены были еще так называемые беспроцентные векселя казначейства (unverzinsliche Schatzanweisungen) в довольно большом количестве. Преобладающая их часть оседала в банках и сберегательных кассах, почему в обороте они большой роли играть не могли; с другой же стороны, выпуск их компенсировался довольно значительным экспортом бумажных марок в оккупированные Германией страны — в Бельгию, Северную Францию, Польшу, Литву, Украину и т. д.

Поэтому можно считать, что количество денежных знаков, обслуживавших оборот, определяется (приблизительно) суммой банкнот Рейхсбанка и билетов ссудных касс. Как видно из вышеприведенных цифр, их общее количество увеличилось за время войны с 2743 млн. марок до 32 787 млн., т. е. почти в 12 раз.

Покупательная сила денег, отраженная в индексе оптовых цен, упала значительно меньше, в 2,6 раза. Общее вздорожание товаров не могло быть так велико, хотя бы потому, что оно в значительной степени сдерживалось государством как путем непосредственного административного давления (твердые цены), так и экономическим воздействием (государственное снабжение потребителей, карточная система и т. д.). Кроме того, и многие факторы, определяющие потребность товарооборота в орудиях обращения, изменились в сторону, благоприятную для денег; к такого рода

моментам надо отнести сужение кредита, ускоренную циркуляцию товаров и т. д. Наконец, некоторую, хотя и небольшую, роль сыграло и то, что до конца войны население верило в благоприятный исход войны и, связывая с ним получение контрибуции, надеялось на размен денег по номиналу [32].

Курс бумажных марок, выраженный в твердой валюте, пал в том же приблизительно размере, в каком понизилась покупательная их сила. Уже в конце 1914 г. курс марки в долларах составлял 93,37% паритета, в конце 1915 г. — 83,50%, в конце 1916 г. — 73,51%, в конце 1917 г., с выходом России из войны и оживлением, в связи с этим, надежд на победу, курс марки несколько повышается, доходит до 74,18% паритета, но зато в конце 1918 г. курс марки снова падает уже до 50,76%. Таким образом, за время войны курс бумажной марки понизился почти в 2 раза.

После окончания войны судьбы германского денежного механизма складываются, с одной стороны, под воздействием капиталистических стран Антанты, а с другой — под воздействием интересов буржуазных классов самой Германии.

Хотя буржуазия не может не относиться отрицательно к бумажно-денежному обращению и не стремиться к его ликвидации, но при известных условиях, которые как раз создались в Германии, бумажно-денежный механизм может в ее руках быть наилучшим средством не только перенесения всех тягот государства на трудовые элементы, но и непосредственного обогащения за счет всеобщего обнищания.

Это последнее особенно сказалось в 1923 г., когда развал германской валюты превратился в катастрофу.

Послевоенное состояние денежного обращения в Германии характеризуется следующими данными (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, общее количество бумажных денег с конца 1919 г. до конца 1922 г. возросло с 49 479 млн. марок до 1 293 758 млн. марок, т. е. несколько больше, чем в 26 раз; индекс оптовых цен, характеризующий покупательную силу денег, возрос с 20 до 496, т. е. почти что в 25 раз, курс доллара повысился с 46,73 до 1 185,78 марок, т. е. несколько больше, чем в 25 раз.

Такое совпадение роста количества бумажно-денежных знаков с понижением их ценности, падения покупательной силы денег с их обесценением, конечно, неслучайно; в течение большого

[32] Уверенность (не только немцев), что бумажная марка, в конце концов, справится, приводила не только во время войны, но очень долго после войны к тому, что бумажная марка стала излюбленным объектом спекуляции. Многие иностранцы закупали марки в надежде выиграть от ожидаемого повышения их курса. В американских газетах часто помещались объявления, в которых покупка марок рекомендуется как лучшее средство быстро разбогатеть (to become rich quickly). Кейнс утверждает, что в начале 1921 г. за границей скопилось не менее 50 млрд. германских марок.

Таблица 1

Состояние денежного обращения в Германии

Конец года	Общее количество денежных знаков (в млн. марок)			Индекс оптовых цен (Frankfurter Zeitung) 1913=1	Курс доллара в Берлине (средний)
	банковых билетов Рейхсбанка	билетов ссудных касс	всего		
1913	2 594	149	2 743	—	4,198
1918	22 188	10 599	32 787	—	8,27
1919	35 698	13 781	49 479	20	46,73
1920	68 805	12 349	81 154	21	63,06
1921	113 639	8 523	122 162	42	104,57
1922	1 280 095	13 663	1 293 758	496	1185,78

промежутка времени, как то и соответствует развитым нами ранее соображениям, такое совпадение неизбежно. По удачному выражению Э. Шульце, «уровень цен в данной стране и ее вексельный курс. . . часто расходятся; то первый выше второго, то второй выше первого. Они подобны паре необъезженных лошадей, которые неоднократно тянут постромки, но из которых ни одна не в состоянии значительно забежать вперед. Тенденция к приспособлению выступает совершенно явственно» [33].

Сравнивая движение роста денежной массы, падение ценности бумажной марки и ее обесценение за более короткие промежутки времени, получим следующее.

За 1920 г. количество денежных знаков увеличилось в 1,6 раза, индекс оптовых цен — в 1,05 раза, а курс доллара — в 1,4 раза. За 1921 г. денежная масса возросла в 1,5 раза, индекс оптовых цен повысился в 2 раза, курс доллара — в 1,7 раза. За 1922 г. количество денежных знаков увеличилось в 10,6 раза, индекс оптовых цен — в 11,8 раза, курс доллара — в 11,3 раза.

В 1923 г., под влиянием руэской оккупации, дезорганизация денежного механизма достигает невиданных размеров. Этот год является годом окончательного крушения германской валюты. Как происходил этот процесс, а главное, кто пострадал от катастрофы денежного аппарата и кто на ней выиграл, будем говорить ниже. Пока же остановимся на числовой характеристике эволюции денежного обращения, которая представлена в табл. 2.

Кроме банкнот Рейхсбанка и билетов ссудных касс, в 1923 г. в обращении начали циркулировать и другие знаки.

[33] Э. Шульце. Указ. соч., стр. 229.

Таблица 2

Числовая характеристика эволюции денежного обращения

1923 г.	Находилось в обращении		Индекс оптовых цен	Курс долларов в марках	
	банковых билетов Рейхсбанка (в млрд. марок)	билетов ссудных касс (в млн.)		средний за месяц	колебания в течение месяца
		Тыс.		Тыс.	
Январь . .	1 984	13 608	7 159	17,97	7,26— 39,79
Февраль . .	3 513	12 837	6 770	27,91	18,90— 42,25
Март . . .	5 518	12 770	6 427	21,15	19,40— 22,80
Апрель . .	6 546	12 699	8 237	24,45	21,07— 30,25
Май . . .	8 564	12 582	14 980	47,70	31,70— 69,50
Июнь . . .	17 291	12 444	39 898	110,00	62,50—154,50
Июль . . .	43 595	12 096	286 248	348,83	160— 1,100
		Млн.		Млн.	
Август . .	663 200	11 224	3 063 368	4,62	1,10—11,30
Сентябрь . .	28 228 815	8 727	182 953 500	96,85	9,70—160,00
		Млрд.		Млрд.	
Октябрь . .	2 496 822 909	8 854	49 071 500 000	25,26	0,242—72,5
Ноябрь . .	400 267 640 302	—	1 649 600 000 000	2 160	320—4200
Декабрь . .	496 507 424 772	—	1 484 000 000 000	4 200	4200

Уже в июле, когда крушение германской марки становилось совершенно очевидным и темп обесценения, а вместе с этим скорость циркуляции марки, начинает значительно усиливаться, в стране начинает так, как никогда, ощущаться «безденежье». Поток быстро обесценивающихся бумажно-денежных знаков оказывается неспособным удовлетворять товарооборот. С другой стороны, тяжелое состояние государственных финансов как результат политики пассивного сопротивления и весенней попытки стабилизовать курс марки ставит в особенно тяжелое положение местные республики, отдельные области и города. Все это повело к тому, что местные власти в различных частях Германии начинают выпускать свои бумажные денежные знаки — Notgeld. Выпуски таких местных денег достигают огромных размеров. Часть их выпускалась в марках, часть — в твердой валюте (золотых марках, долларах) или же в каких-либо товарных единицах.

Такие же знаки были выпущены и железными дорогами (Reichsbahn-Notgeld). По весьма осторожному подсчету «Wirtschaft und Statistik», таких Notgeld к 31 октября было выпущено на сумму 77,3 млн. золотых марок. (По некоторым другим подсчетам, сумма чуть ли не в 3 раза большая).

В августе (по закону от 14/VIII) были выпущены в обращение облигации золотого займа (Goldanleihe). Облигации эти выпускались в долларовом исчислении, причем 1 доллар приравнивался к 4,2 золотым маркам. Выпущены они были купюрами от 1000 долларов до 1 доллара, а впоследствии до 0,1 доллара. Какое количество их циркулировалось в обращении в точности неизвестно; некоторые называют всю сумму займа, т. е. 500 млн. золотых марок. Одних только мелких купюр, а такие несомненно играли в обороте роль денег, было выпущено к концу октября на 78 млн. золотых марок, а к середине ноября — на 176,2 млн. золотых марок.

Кроме того, уже со второй половины года начинает циркулировать в обороте, притом в довольно больших размерах, иностранная валюта, американская и английская. На какую сумму циркулировало иностранной валюты, неизвестно, но во всяком случае она была достаточно велика. Экспортно-импортный оборот ею обслуживался в значительной своей части, но даже и в повседневном внутреннем обороте иностранная валюта имела большое хождение.

Таким образом, сфера обращения банкнот Рейхсбанка все более и более суживалась, и это не могло оставаться без влияния на темп падения ее ценности. Покупательная сила денег падала не только под воздействием все увеличивавшегося количества банкнот Рейхсбанка, но и других видов денежных знаков. Обесценение же марки по отношению к иностранной валюте, наоборот, несколько сдерживалось появлением твердых денег (Goldanleihe). Вот почему, начиная со второй половины года, падение курса марки отстает от понижения ее покупательной силы.

Как видно из приведенных в табл. 2 данных, общее количество банкнот в течение 1923 г. возросло в 200 млн. раз, индекс оптовых цен поднялся в 207,5 млн. раз, курс доллара поднялся в 120 млн. раз.

Марка падала изо дня в день, курс ее буквально каждый час менялся. Едва ли нужно распространяться о том, как все это отражалось на германском народном хозяйстве.

Все обычные результаты бумажно-денежного обращения полностью проявились. Превращение производственной и торговой деятельности в исключительно спекулятивную, перераспределение капиталов, их централизация, экспроприация в широком масштабе мелких собственников, обнищание широких масс населения и т. д. — все это характеризует Германию последних лет.

Расстройство народного хозяйства Германии и связанные с этим дезорганизация и крушение денежного механизма явились главным образом результатом политики Антанты, но считать только Францию ответственной едва ли было бы справедливо. Немалое значение имела и политика господствующих в Германии классов, которые в бумажно-денежном механизме нашли прекрасно действующее оружие защиты своих классовых интересов.

Война потребовала огромного финансового напряжения: значительная часть военных тягот легла на широкие массы населения. Вместо того чтобы привлечь частную собственность к жертвам во имя «спасения отечества», средства выколачивались главным образом посредством насоса денежного механизма, который всегда обращен в сторону трудовых классов.

Версальский мир потребовал от Германии еще большего финансового напряжения. Казалось бы, претензии Антанты, в большей своей части, можно было бы удовлетворить конфискацией частных капиталов; но — частная собственность неприкосновенна! — вместо этого начинает работать печатный станок и в небывалых размерах происходит конфискация мелкой собственности и заработной платы.

Не только капиталисты стран Антанты вознаграждались за счет обнищания широких масс населения, немалая толика этого вознаграждения попадает в карманы капиталистических великанов самой Германии. Германия трудовых классов в последние годы разорялась не только иностранцами, но и капиталистами самой Германии. И бумажно-денежный механизм был для этого полностью использован.

Если не говорить о спекуляции самой валютой, в которую вовлекались широкие круги населения, но на которой выигрывали, в конечном счете, только те, кто обладал капиталами, если не говорить о самом характере производственно-торговой деятельности, который подвергся изменению в том смысле, что вопросы валютные начали в ней играть исключительно преобладающую и определяющую роль, основной характеристикой послевоенной эпохи является так называемая «распродажа» Германии. На этой «распродаже», вызванной бумажно-денежным обращением, следует остановиться, ибо она наиболее ярко обрисовывает классовый характер денежного механизма.

Мы уже указывали на то, что бумажные деньги создают премию за экспорт, что бумажные деньги создают такие условия, когда экспортировать товары становится выгодным. Даже тогда, когда курс бумажных денег падает одинаково с понижением их покупательной силы, бумажные деньги создают благоприятные условия для экспорта. Эти условия становятся еще более благоприятными, премия за экспорт становится еще большей, когда курс денежных знаков падает в большей степени, чем ее покупательная сила.

В самом деле, положим, германская марка в отношении доллара упала в 20 раз; индекс же товарных цен внутри Германии упал только в 10 раз. В этом случае германские товары с точки зрения американского внутреннего рынка будут казаться чрезвычайно дешевыми. Германские товары не только смогут успешно конкурировать на американском внутреннем рынке, но экспорт их дает экспортеру значительную дополнительную прибыль.

В Германии почти все время индекс товарных цен отставал от курса иностранных твердых валют, а это обстоятельство создавало из Германии страну необычайно дешевых товаров. И на этой дешевизне зарабатывает экспортер, независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Неудивительно, что экспорт становится излюбленным занятием, и понятно, что экспортом в широких размерах могут заниматься только обладающие большими капиталами.

Распродажа Германии действительно производилась и вызывала справедливое негодование страдающего от этого мелкого буржуа Германии, но ее распродавали и получали на этом большие барыши не только или, вернее, не столько капиталисты стран с высокой валютой, сколько капиталисты самой Германии.

Э. Шульце в своей книге «Развал мирового хозяйства» приводит ряд примеров, характеризующих конкуренцию дешевых германских товаров на иностранных рынках.

Обстоятельный отчет американского генерального консула в Сант-Яго от весны 1921 г. жалуется, что германский ввоз в Чили непрерывно возрастает. Германские товары в среднем на 40% дешевле американских, причем низкие цены являются главным побудительным стимулом для покупки товаров.

Сильное беспокойство переживает североамериканская кинематографическая промышленность. . . Фильм, который поглощает в Соединенных Штатах 650 000 долл., обходится в Германии в 25 000 долл.

В Швейцарии месячный отчет федерального департамента труда за март 1921 г. жалуется на критическое положение перчаточной и чулочной промышленности. Фабрики вынуждены были совершенно уволить значительную часть своих рабочих, так как конкуренция с германскими изделиями невозможна.

В Голландии тоже жалуются на импорт германских товаров, вызываемый обесценением марки. До войны Голландия экспортировала в Германию весьма значительные партии сигар, Германия же продавала в Голландию очень небольшое количество этого товара (в 1913 г. свыше 8000 кг, стоимостью несколько выше, чем в 32 000 гульденов). Напротив того, в 1920 г. из Германии было экспортировано в Голландию 100 754 кг сигар, стоимостью в 429 129 гульденов, а в первые два месяца 1921 г. —46 373 кг, стоимостью приблизительно в 200 000 гульденов.

В Италии машиностроительная промышленность переживает тяжелый кризис. . . В 1921 г. она лишилась значительных заказов благодаря низким ценам, по которым продавали германские, чехословацкие и венгерские конкуренты. В начале 1921 г. германские фирмы предлагали электрические машины на $^1/_3$ дешевле, чем итальянские (1260 лир против 1810). Заказ на полное оборудование бумажной фабрики был передан одной немецкой фирме, которая взялась его выполнить за 2 000 000 марок, т. е. приблизительно за 800 000 лир; минимальная сумма, которую требовали итальянские фирмы, составляла 1 250 000 лир. То же самое имело место при оборудовании сооружений для воздушного флота и транспорта, при покупке железнодорожного материала и т. д.

В июле 1921 г. лондонские газеты сообщали, что магистрат г. Шеффильда постановил купить при посредничестве одного амстердамского общества произведенные в Германии электрические машины мощностью в 10 000 киловатт. Стоимость заказа составляла 49 900 ф. ст., тогда как английские фирмы требовали 90 000—100 000 ф. ст.

В июне 1921 г. из Южной Америки сообщали, что. . . в ответ на запрос о стоимости оборудования фабрики в 100 ткацких станков было получено предложение из Англии, которое требовало за этот заказ 159 000 фунтов, тогда как германская фирма предлагала выполнить его за 65 000 фунтов» [34].

Ко всем этим примерам Э. Шульце справедливо добавляет: «Как видно из примера германского сигарного экспорта в Голландию, низкий уровень валюты действует как экспортная премия, не только по отношению к товарам, которые уже раньше вывозились в больших количествах, но и по отношению к таким изделиям, которые прежде ввозились в больших количествах большею частью из-за границы. Явление это наблюдается в настоящее время и в германском часовом производстве» [35].

Такая исключительно благоприятная конъюнктура для вывоза германских товаров, обусловленная, в конечном счете, низкой оплатой труда германских рабочих, была использована, конечно, не только иностранными экпортерами. И когда тот же Э. Шульце в патриотическом негодовании растерявшегося мелкого буржуа жалуется на то, что «многие купцы и просто граждане из стран с более высокой валютой использовали положение, закупая в Германии большие партии товаров и сбывая их со значительной прибылью за границей» [36], он впадает в большую иллюзию. Использовать положение могли не только «граждане из стран с высокой валютой», но и граждане самой Германии.

---

[34] Э. Шульце. Указ. соч., стр. 272.
[35] Там же, стр. 233.
[36] Там же, стр. 256.

Германия становится чуть ли не самой дешевой страной в мире, конкурируя в этом отношении разве только с Австрией. Но эта «дешевка» не для широких германских масс. Наоборот, с точки зрения среднего обывателя, с точки зрения рабочего с его ничтожной, благодаря колебающейся валюте, заработной платой, товары на внутреннем рынке неимоверно дороги. Когда буржуазная пресса в своей демагогической шовинистической агитации указывает на то, что иностранцы заполнили Германию и все закупают за бесценок, невольно вспоминается известный рассказ о воре, убегающем от преследования и для отвода глаз кричащем «держи вора». Верно, конечно, что Германия стала излюбленным местом для иностранцев, где можно было за бесценок купить все, что угодно, но ведь то же самое можно сказать и относительно немцев, обладающих иностранной твердой валютой. А экспортеры и являются как раз таковыми.

Э. Шульце может писать с огорчением, что «еще осенью 1919 г. немец либо вовсе не мог купить в Германии многих весьма необходимых товаров, либо мог приобрести их при счастливой случайности, хотя бы эти товары производились в самой Германии» [37], но всякий непредубежденный человек должен согласиться, что Стиннес или Крупп, Тиссен или Вольф к числу таких немцев, уподобляющихся лисице перед виноградником («хоть видит око да зуб неймет»), не принадлежит.

В руки собственников твердой валюты в течение всего периода бумажно-денежного обращения переходят драгоценности, произведения искусства, земельные имущества, дома и т. д. В числе таких собственников могут быть и иностранцы, и немцы.

Э. Шульце указывает, что «в Шарлоттенбурге целый пассаж (так называемый Goethe-Park) с 26 владениями был куплен одним голландским обществом для торговли недвижимостями за 60 млн. бумажных марок.

Благодаря низкому уровню германской валюты указанное общество заплатило за все это круглым числом 1,65 млн. гульденов.

Французский министр финансов хвалился в Бурбонском дворце, что он по поручению своего правительства купил в Берлине. . . участок земли для расширения французского посольства, заплатив за него вместо 15 млн. франков только 1 млн. Это новое здание должно послужить для размещения небольшой части французских контрольных комиссий, которыми наводнена столица Германии» [38].

Все это, конечно, совершенно справедливо, но нельзя отрицать и того, что созданная бумажно-денежным обращением благоприятная конъюнктура была использована и германскими капита-

---

[37] Э. Шульце. Указ. соч., стр. 256.
[38] Там же, стр. 261.

листами для «округления» своих владений за счет разоряющегося среднего сословия.

Даже в 1923 г., в период «величайшего несчастья Германии — оккупации французами Рурской области, капиталистические группы сумели не только переложить всю тяжесть на широкие массы населения, но из оккупации создать выгодное для себя «предприятие» [39].

Французская оккупация Рура, как известно, вызвала со стороны Германии так называемое пассивное сопротивление. Это пассивное сопротивление обошлось Германии недешево. По некоторым подсчетам, оно стоило ежемесячно свыше 100 и до 200 млн. золотых марок.

Эти огромные средства можно было извлечь посредством конфискации хотя бы части имуществ разбогатевших на «войне и мире», но правительство республиканской Германии пошло и в этом случае по старым путям. Пассивное сопротивление организуется за счет золотого запаса республики, а главным образом за счет бумажно-денежного налога; в результате — обессиление золотого запаса и еще большее обнищание широких масс населения. При этом огромная часть затрат шла на поддержку «бедных» капиталистов, владельцев промышленных предприятий, расположенных в Руре. Их «самопожертвование» в борьбе с французами выражалось в получении ими огромных субсидий. Даже за свою патриотическую декламацию крупный буржуа требует вознаграждения!

В 1923 г. старая германская марка доживает свои последние дни. Надо использовать эти дни, и буржуазия буквально расхищает с помощью бумажно-денежного механизма как государственную казну, так и достояние широких масс. Навстречу этим вожделениям идет германское правительство, и им соответствует как кредитная политика Рейхсбанка, так и налоговая политика государственной власти.

Тогда, когда германская марка катастрофически падает, когда даже частные предприятия начинают калькулировать в твердой валюте, Рейхсбанк выдает ссуды, притом в огромных размерах, в бумажных марках. При непрерывно продолжающемся чрезвычайно сильном обесценении марки такие ссуды означали простую передачу средств банка капиталистам. Недаром эти последние старались как можно больше пользоваться кредитом охотно идущего им навстречу банка. «Рейхсбанк дошел, — писала одна фирма своим клиентам, рекомендуя пользоваться кредитом Рейхсбанка, — до того, что фирмы, регулирующие свои платежи при помощи векселей, делают очень хороший гешефт за счет государства».

---

[39] Использование буржуазией денежного механизма прекрасно охарактеризовано Ш. Дволайцким в его кн. «Германия в 1923 г.» (М., 1924).

Понятно поэтому, что капиталисты всячески препятствуют стабилизации марки. Весной 1923 г. правительство сделало попытку посредством валютной интервенции из запасов банка стабилизовать марку. Она обошлась государству не менее 300 млн. золотых марок и была сорвана Стиннесами и др., так как не в их интересах в то время была устойчивость курса денежных знаков.

В области налогов правительство ведет ту же политику поощрения крупным капиталистам. Это в особенности сказалось в методах собирания подоходного налога. Даже ту сравнительно небольшую часть налога, которая обращена была главным образом к капиталистическим группам, эти последние, с помощью бумажных денег, умудрялись перекладывать на рабочих. Подоходный налог составляет больше $^1/_3$ доходной части бюджета государства, но 90% этого налога составляют вычеты из заработной платы рабочих и служащих.

Кроме того, капиталисты платят этот налог с доходов, ими р а н е е п о л у ч е н н ы х, рабочие же — посредством вычета из их т е к у щ е г о жалования. Таким образом, для рабочего момент получения своего дохода совпадает с моментом уплаты подоходного налога, для капиталиста же второй момент отдален от первого. А что это значит, яркое объяснение дал статистик Кучинский. Он делает такое вычисление. Банковый служащий, получающий 240 долларов, уплачивает государству несколько меньше 10%. Так как он платит государству тогда же, когда и получает, то он фактически отдает примерно 20 долларов. Капиталист же, который в 1921 г. заработал 1 000 000 марок, что составляло 12 000 долларов, должен был уплатить подоходного налога 38%, что составляет 380 000 марок. Но этот налог он уплачивает только в 1923 г.; если даже считать по курсу доллара первой четверти 1923 г., то и тогда эти 380 000 марок составят всего 16 долларов. (Фактически эта сумма еще меньшая, так как налог уплачивался по четвертям года, и в первую четверть 1923 г. надо было уплатить только $^1/_4$ налога) [40].

Интересно отметить, что даже тот налог, который уплачивается рабочими, далеко не полностью попадает государству, и огромная его часть остается в руках капиталистов.

Дело заключается в следующем. Налог с рабочего взимался путем систематических вычетов из заработной платы, делаемых владельцами предприятия. Но капиталист собранные им суммы не передавал немедленно государству, а задерживал некоторое время у себя. Каковы результаты такого «задержания», хотя бы на две недели при быстром обесценении марки, нетрудно себе представить.

«При устойчивой валюте, — справедливо отмечает Ш. Дволайцкий, — о таком факте можно было бы и не упоминать, так

---

[40] Ш. Д в о л а й ц к и й. Германия в 1923 году. М., 1924, стр. 22—23.

как капиталисты в этом случае пользовались бы за счет государства краткосрочным беспроцентным кредитом. Совершенно иная картина получается в период бешеного падения валюты, когда предприниматель, «бегущий» от марки, ни на один день не оставляет денег в кассе, а покупает немедленно материальные ценности (например, сырье и топливо) и продает свои товары по ценам воспроизводства, возрастающим параллельно (а иногда быстрее) обесценению денег. Задерживая при таких условиях вычеты из заработной платы на две недели, он возвращает государству остатки, а сам зарабатывает всю ту сумму, которую теряет на этой «операции» государственное казначейство. Чтобы перевести сказанное на цифровой язык, положим, что общая сумма вычетов из заработных плат и жалования составляла за последнюю майскую неделю 120 млрд. бумажных марок (эта цифра скорее меньше, чем больше действительной, так как за весь май соответствующая цифра составляла 486 млрд.), или — по среднему курсу доллара за ту же неделю — 8,5 млн. золотых марок. Но предприниматели внесли эти 120 млрд. через две недели, когда эта сумма составляла уже только около 4,5 млн. золотых марок. Целых 4 млн. золотом остались, таким образом, в кассах купцов, фабрикантов и прочих «работодателей». Нетрудно себе представить сколько германские капиталисты зарабатывали на отчислениях с заработков в тот период, когда министерство финансов м е н е е строго относилось к неаккуратным сборщикам в лице фабрикантов и купцов и когда вычеты из заработной платы задерживались ими целыми месяцами» [41].

Так разными методами и способами денежный механизм служит буржуазии средством обогащения и эксплуатации трудовых классов. Но и денежный механизм, притом с такой интенсивностью используемый, не может вечно работать. В конце концов и он «изнашивается».

Как раз в середине 1923 г. денежный аппарат в своей работе по обогащению капиталистов начинает давать перебои. Поэтому в это же время начинаются усиленные разговоры о денежной реформе, и буржуазия начинает к такой реформе относиться благосклонно.

Денежный механизм использован до конца. В том виде, в каком он сложился до сих пор, он служить уже не может.

В самом деле. Финансы государства истощены до крайней степени; то, что можно было, уже экспроприировано буржуазией. «Экспроприация» среднего сословия (Mittelstand) тоже доведена до конца. Этот слой, который был когда-то опорой империи, почти исчез.

Наконец, работа бумажных денег в смысле поощрения экспорта и создания дополнительных прибылей перестает давать эффект.

---

[41] Там же, стр. 23—24.

Это последнее обстоятельство имеет, пожалуй, самое важное значение.

Как мы указывали ранее, экспорт бывает тем более прибыльным, чем более отклоняется падение покупательной силы денег от ее обесценения. Если курс иностранной валюты повышается быстрее индекса товарных цен вывозящей страны, тем больший эффект бумажных денег как премии за экспорт. Такое положение все время наблюдалось в Германии. Но как раз с середины 1923 г. положение резко меняется. Индекс товарных цен начинает повышаться быстрее курса доллара.

Если курс доллара и индекс оптовых цен за январь приравнять единице, то движение того и другого представится в следующем виде (табл. 3).

Таблица 3

Движение доллара и индекс оптовых цен

1923 г.	Индекс оптовых цен (Frankfurter Zeitung)	Средний курс доллара в марках в Берлине	1923 г.	Индекс оптовых цен (Frankfurter Zeitung)	Средний курс доллара в марках в Берлине
Январь . .	1,0	1,0	Июль . . .	40,0	19,4
Февраль . .	0,9	1,6	Август . .	428,0	257,0
Март . . .	0,9	1,2	Сентябрь . .	22 552,2	5380,6
Апрель . .	1,1	1,3	Октябрь . .	6 853 561,4	1 403 333,3
Май	2,1	2,7	Ноябрь . .	207 541 896,6	120 000 000,0
Июнь . . .	5,6	6,1			

Таким образом, уже с июля замечается крутой перелом. Он явился следствием процессов, обозначившихся уже в начале года, когда германские цены начали подравниваться к ценам мировым. Но теперь уже создалось такое положение, когда германские товары становятся дороже других. Раньше мелкий буржуа негодует против вывоза товаров, теперь крупный буржуа печалится, что германские товары не могут вывозиться вследствие своей дороговизны и невозможности конкурировать на мировом рынке с другими товарами.

«На рынке текстильных товаров продукты германского производства все более и более вытесняются (в Болгарии, в Турции и т. д.) английскими, бельгийскими и итальянскими. Сукно продается Англией и Бельгией дешевле, чем Германией. В Аргентине бельгийцы предлагают товар на 30% дешевле. Северная Америка поставляет ковры (Fussteppiche) по 3,3 доллара, мы — по 3,5 доллара, англичане же продают еще дешевле Америки. Саксонская промышленность по выработке одеял сильно страдает от японской,

индийской, бельгийской и голландской конкуренции. Германским экспортерам приходится давать заказы заграницe. Гардины, тюль и кружева вообще не могут быть проданы на внешнем рынке: при существующих высоких пошлинах ни одна страна не в состоянии их покупать. Тюль даже на месте производства уже дороже, чем английский товар: мы можем продавать лишь по ценам, которые выше английских на 7%. Что это означает, явствует из того, что мы до сих пор вывозили 90% названного товара. Войлочные изделия предлагаются другими странами на 10—35% дешевле. Даже такие товары, как игрушки, производство которых считалось до войны специальностью Германии, уже не поддаются сбыту; найти покупателей можно только на товар исключительно высокого качества. Духовые инструменты предлагаются Швейцарией и Данией на 50% дешевле» [42].

К этому надо прибавить растущее недовольство масс на почве созданных бумажно-денежным обращением небывало тяжелых условий жизни, недовольство, выразившееся в росте революционных выступлений рабочего класса.

Создавшиеся таким образом условия продемонстрировали перед буржуазией наступившую изношенность старого денежного механизма. Надо было и можно было уже приступить к «реформе».

После тщательных бесконечных обсуждений в ноябре «реформа» проводится в жизнь. Вместе с тем курс старой марки стабилизуется.

Этой «реформой» обуржуазивание денежного механизма достигло своего завершения.

Сущность «реформы» заключается в следующем.

Законом от 15 ноября учреждается так называемый Рентный банк. Учредителями его являются представители сельского хозяйства, промышленности и торговли. Таким образом создается частный банк, автономный и независимый от правительственной власти. Некоторая, конечно, совершенно ничтожная, зависимость проявляется только в том, что избранный участниками банка его президент утверждается правительством. Остальные управляющие органы, наблюдательный совет, вся администрация выбираются участниками банка.

Капитал банка составляется из закладных, выдаваемых владельцами недвижимых имуществ, и долговых обязательств, внесенных владельцами промышленных и торговых предприятий, а также банками. Весь капитал банка должен быть равен 3200 млн. золотых марок, из которых 50% вносятся закладными и 50% долговыми обязательствами. По полученным закладным и долговым обязательствам банк не имеет прав кредитора, они гарантируют только выполнение банком его обязательств. Но проценты

[42] «Berliner Börsenzeitung» (цит. по кн.: Ш. Дволайцкий. Указ. соч., стр. 104).

по ним в размере 6% годовых банк взимает. Таким образом, ежегодно сельское хозяйство и промышленность должны платить банку 192 млн. золотых марок. Это в сущности единственная реальная сумма, вносимая в банк.

Рентный банк получает зато право выпуска так называемых рентных марок. На всю сумму полученных обязательств сельского хозяйства и промышленности банк, как и всякий ипотечный банк, выпускает закладные листы (Rentenbriefe) купюрами в 500 и кратным 500 марок. Под эти-то закладные листы банк получает право эмиссии так называемых рентных марок (Rentenbankscheine), которые не снабжаются силой законного платежного средства, но обязательны к приему всеми государственными учреждениями. Закладные листы банка служат обеспечением рентных марок, они же являются и разменным фондом: рентные марки обмениваются на закладные листы.

Из собранных таким образом капиталов банк обязуется предоставить немедленно беспроцентную ссуду государству в размере 300 млн. золотых марок. Эту ссуду государство должно передать Рейхсбанку в погашение своего долга. Кроме того, рентный банк обязуется в течение двух лет предоставить государству еще 900 млн. золотых марок из 6% годовых.

Рентный банк непосредственно не кредитует частных лиц, он имеет дело только с государством, Рейхсбанком и четырьмя провинциальными эмиссионными банками: Баварским, Саксонским, Баденским и Вюртембергским. Указанным пяти банкам и предоставляют выпускаемые рентные марки.

Прибыли банка, за отчислением 40% (а потом 30%) в фонд погашения, распределяются между участниками банка в пределах 6% на пай. Таким образом, при благоприятных условиях, те 192 млн. марок, которые составляют единственно реальный капитал, вносимый ежегодно участниками банка, в виде прибыли им возвращаются.

Такова в общих чертах реформа денежного обращения в Германии. Не касаясь вопроса о том, насколько этой реформой обеспечена устойчивость валюты (хотя опыт истории достаточно доказал непригодность обеспечения выпусков денег недвижимым имуществом), подчеркнем лишь социальный смысл и содержание ее. Этой реформой, как нетрудно понять, германская буржуазия, раньше обессилившая Рейхсбанк, полностью овладевает денежным механизмом, причем ничем при этом не рискуя. В настоящее время денежный механизм всецело находится в руках у буржуазии. Денежная реформа 1923 г. является еще одной капитуляцией германской республики перед теми несколькими десятками капиталистов, которые держат в своих руках все народное хозяйство Германии.

История денежного обращения Германии является лучшей иллюстрацией влияния бумажных денег на народное хозяйство,

а также демонстрирует классовый характер денежного обращения и вскрывает классовое содержание денежного аппарата [42а].

7

Иначе обстоит дело в стране, где власть принадлежит пролетариату, стране, которая переходит от стихийного к регулированному хозяйству, от индивидуалистической к коллективистической системе, от капитализма к социализму. Применительно к Советской России, многие наши заключения оказываются неприменимыми, многие выводы надо изменить, многие охарактеризованные нами процессы проявляются в ином виде.

Это относится к Советской России как эпохи военного коммунизма, так и эпохи нэпа.

Совершенно ясно, что в период военного коммунизма указанные нами отрицательные стороны влияния бумажно-денежного обращения сказываться в полной мере не могли.

Как известно, этот период характеризовался тем, что сфера товарного обращения все более и более сокращалась; значение рынка все более и более уменьшалось, роль цены как регулятора народнохозяйственных отношений все более и более уменьшалась. Чем больше государство овладевало производственным и распределительным процессом, тем все в большей степени акт частнохозяйственного обмена уступал место организованному государственному распределению, тем более сужался товарный рынок; категория цены постепенно исчезала.

Но, с другой стороны, процесс этот не получил всеобщего значения. Оставалась сфера хозяйства, куда всепроникающая воля государства дойти не могла и не доходила, — сфера крестьянского хозяйства, характеризующаяся миллионами мелких частнохозяйственных единиц, и, наконец, преобладающая часть мелкого городского ремесла. Кроме того, укрепляясь на базе чрезвычайно дезорганизованных мировой войной производительных сил и вынужденное к тому же затрачивать большую часть производимого на непосредственную оборону пролетарской революции, государство не имело возможности полностью удовлетворять даже самые насущные потребности населения. Отдельные лица в том или ином объеме, в той или иной форме, на легальном, а чаще полулегальном или нелегальном рынке должны были

[42а] Денежная реформа в Германии была завершена банковским законом от 30 августа 1924 г. Был введен золотодевизный стандарт, золотое содержание рейхсмарки соответствовало довоенному паритету. При обмене денег одна рейхсмарка приравнивалась одному триллиону обесцененных марок. Во главе денежно-кредитной системы был снова поставлен Рейхсбанк, претерпевший существенные изменения в связи с так называемым планом Дауэса. Был создан генеральный совет (наполовину состоявший из представителей иностранных держав — США, Англии, Франции и др.) и введена должность комиссара по наблюдению за эмиссией банкнот (*Прим. ред.*).

приобретать посредством обмена необходимые им продукты, и, следовательно, рыночный обмен продолжал существовать. А поскольку сохранялся рынок, хотя бы и полулегальный, постольку сохраняли свое значение обмен, цена и т. д.

В такой обстановке бумажные деньги, естественно, не могли проявить своих отрицательных последствий, хотя бы потому, что самая роль денег сокращалась. Поскольку происходил процесс умирания денег, как таковых, постольку отрицательное значение бумажных денег не могло проявиться в столь резкой форме. Но зато, с другой стороны, в той ограниченной мере, в какой сохранились товарные отношения, отрицательные результаты бумажноденежного обращения должны были сказаться еще в большей степени, нежели в нормальных условиях товарного хозяйства.

В той области, где государственная власть подчинила себе социальные отношения, народнохозяйственные процессы протекали при колеблющемся бумажно-денежном обращении, так же, как они протекали бы при устойчивой металлической валюте. Если в условиях стихийного капиталистического хозяйства и производство, и обмен, и распределение, — словом, все социальные связи регулируются законом рыночных цен, выразителем которых являются деньги, то, ведь, в организованном хозяйстве цены, а следовательно, и деньги такой роли не играют.

Калькуляция, как соизмерение и исчисление отдельных элементов производства в условиях организованного хозяйства трансформируется. Можно говорить о калькуляции в условиях социалистического хозяйства, но понятие калькуляции в этом случае будет весьма условно, так как методы социалистической калькуляции, ее исходные посылки, ее конечные цели будут резко отличаться от капиталистической. В первом случае определяющим являются интересы всего хозяйства, всего коллектива, во-втором — частнохозяйственные выгоды, частнохозяйственная прибыль. Калькулировать в том и в другом случае приходится поиному.

Введение какой-либо машины, каких-либо усовершенствованных методов работы может оказаться выгодным (или невыгодным) с точки зрения капиталистической калькуляции, но невыгодным (или выгодным) с точки зрения социалистических расчетов. Для капиталистического предприятия часто бывает невыгодным использование той или иной усовершенствованной машины, ибо применение ее дает меньше прибыли владельцу ее, чем применение дешевой рабочей силы. Для социалистического предприятия выгодно всякое усовершенствование, если только оно ведет к повышению качества выработанного продукта, если только оно облегчает человеческий труд, сберегает растрату рабочей силы (а не ее цены). Для капиталистического предприятия выгодно изготовление фальсифицированных продуктов, для социалистического предприятия это ни при каких условиях недопустимо.

Таким образом то, что мы говорили о влиянии бумажных денег на народное хозяйство, не может иметь места в социалистическом хозяйстве и, следовательно, в тех областях народного хозяйства периода военного коммунизма, где капиталистические методы уступали место социалистическим.

Конечно, и в этом секторе государственного социализированного хозяйства (в промышленности) значение денег сохранялось.

А в какой мере сохранялись деньги, в такой сказывались обычные результаты бумажно-денежного обращения, смягчаемые и видоизменяемые общей системой советского хозяйства; эти результаты были примерно таковы же, как в период нэпа, о чем будет сказано несколько ниже.

Но зато отрицательное влияние бумажных денег сказывалось особенно в тех областях народного хозяйства, где целиком сохранялись товарные отношения. Здесь это влияние доходило, так сказать, до своего логического конца. В этой, хотя и весьма ограниченной, сфере наблюдалась, если можно так выразиться, гипертрофия отрицательного влияния бумажных денег. Бумажный рубль, загнанный в чрезвычайно узкую сферу обращения, выявлял все свои отрицательные стороны в особенно обостренной форме. Эта сфера обращения тем более суживалась, что и здесь огромная масса сделок совершалась путем так называемого непосредственного товарообмена, так что бумажными деньгами обслуживалась в сущности только часть рынка. Бумажные деньги сыграли немалую роль в том, что торговля принимала исключительно спекулятивный характер, проникавший во все стороны товарного рынка.

Иное надо сказать о периоде нэпа. С проведением в жизнь принципов новой экономической политики рыночные связи легализуются, вновь возникают и развиваются. Акт купли-продажи вновь становится методом связи хозяйствующих субъектов. Причем этот акт приобретает значение не только в отношениях между частными единичными хозяйствами, не только в отношениях между частными хозяйствами и государством, но и в отношениях между отдельными частями национализированной, принадлежащей государству, промышленности. Выделение отдельных промышленных предприятий (или же групп их) и предоставление им хозяйственной самостоятельности, переход их на так называемый хозяйственный расчет означал превращение каждого отдельного предприятия (или же группы — треста) в самостоятельную единицу. Все отдельные предприятия (или трест) остаются, конечно, собственностью государства, но методом, которым устанавливается связь между ними, вновь становится обмен, акт купли-продажи.

Естественно, что в этих условиях вновь возраждается значение денег, единственно возможного, или, во всяком случае, наилучшего способа осуществления данного метода связи.

Этим же определяется характер взаимоотношений отдельных элементов производства. Счет, причем счет на деньги, калькуляция, причем калькуляция на основе ценностного соизмерения отдельных элементов производства, вступает в свои права. Таким образом, специфическая форма связи между отдельными хозяйствующими единицами, частными или переведенными на хозяйственный расчет государственными предприятиями, специфический метод соизмерения отдельных элементов производственного процесса и обусловленная всем этим необходимость ценностного выражения сделали роль денег весьма важной.

Но, с другой стороны, советское хозяйство периода нэпа представляет своеобразное сочетание двух противоречивых систем хозяйства — капитализма и социализма. Рыночная стихия вновь приобретает свое значение, но со стороны государства делаются попытки и фактически осуществляется обуздание, если можно так выразиться, стихии. Советское народное хозяйство периода нэпа дает своеобразное соединение стихийного и планового начала. Это плановое начало проявляется в самых разнообразных формах: и в том, что производство отдельных предприятий (или же трестов) совершается по заранее начертанному и предписанному плану, и в том, что установление цен до некоторой, конечно, степени эмансипируется от веления рынка, спроса и предложения, и в том, что перераспределение капиталов между отдельными отраслями народного хозяйства совершается по заранее установленному плану государства, ставящего при этом перед собой определенные цели, и в том, что заработная плата, лишается всех черт цены «вольной», а делается почти исключительно ценой «указной» и т. д., и т. д.

Нельзя говорить о том, что цена перестает быть регулятором производственных отношений, но, что очень важно, ценообразующие факторы складываются под сильнейшим воздействием сознательной воли государства. Вновь возрождается категория прибыли не частного лица, а данного предприятия или же объединенной их группы — треста. Имея своим источником работу данного предприятия, прибыль, здесь создаваемая, потом попадает в «общий котел» и распределяется государством так, как оно это считает наиболее целесообразным. Прибыль, созданная в предприятии А, может служить средством увеличения капиталов предприятия В и наоборот. Капиталы, находящиеся в распоряжении отдельного предприятия, не связаны с ним. Государство может, если оно считает это необходимым и если технически это возможно, изъять капиталы из одного предприятия и перенести их в другое. В условиях капиталистического хозяйства цена является регулятором перераспределения капиталов, в условиях советского — таковое регулируется авторитетной волей государственной власти. Будучи почти единственным собственником крупной промышленности, государство может проявить свою

авторитарность во многих областях народного хозяйства. Сообразно общим условиям, вмешательство государства принимает формы не административного давления, а экономического воздействия. А это последнее совершается через посредство использования и возможного овладения капиталистическими, экономическими категориями: рынком, ценой, прибылью и т. д.

Своеобразная характеристика советского народного хозяйства создает и своеобразные условия работы денег. Деньги вступают в свои права, но эти права до известной степени ограничены. Денежный механизм начинает оказывать присущее ему воздействие на народное хозяйство, но это воздействие в известной степени стеснено. Бумажные деньги выявляют все свои отрицательные стороны, но это выявление имеет известные пределы.

Рассмотрим влияние бумажных денег в условиях советского хозяйства, в обстановке новой экономической политики в главных его проявлениях:

1. Бумажно-денежное обращение создает абсолютную невозможность ведения хозяйства на основе точной калькуляции. Это положение сказывается и в условиях советского хозяйства. Поскольку калькуляция основана на ценностном учете отдельных элементов производства, а ценностный учет предполагает существование денег, отсутствие устойчивой единицы ценности сказывается в полной мере и с исчерпывающей полнотой. Правильная калькуляция, являющаяся основой «хозрасчета», в условиях бумажно-денежного обращения становится совершенно невозможной. А это последнее, в условиях советского хозяйства, вызывает еще одно, чуждое капиталистическому хозяйству, явление, а именно:

2. Фактическую невозможность или, во всяком случае, невероятные трудности для проведения планового начала. Для возможности проведения планового начала устойчивость единицы счета приобретает сугубое значение. Таким образом, необходимость и вместе с тем невозможность калькуляции в наших условиях имеет еще больше отрицательных последствий, чем в условиях капитализма.

3. Проникновение в хозяйствование элементов риска, спекуляции. Этот момент полностью характеризует частные хозяйства; по отношению же к национализированной промышленности это влияние сказывается в весьма ограниченной степени. Конечно же, нельзя отрицать того, что в методы работы и в государственных предприятиях, особенно в начале нэпа, элементы спекуляции проникали, но это было извращение нэпа и из него отнюдь не вытекало.

4. Понижение общего уровня производительных сил, вытекающее из того, что в противоречии с общими тенденциями развития народного хозяйства, бумажные деньги создают преимущества для предприятий с низким органическим составом капитала

в сравнении с предприятиями с высоким его составом, проявляется в полной мере, поскольку государственная промышленность сталкивается с частной, но проявляется весьма случайно внутри самой государственной промышленности. Поскольку прибыли отдельных предприятий государственной промышленности не связаны тесно с самим предприятием и могут быть переносимы в другие, поскольку в пределах технически допустимого возможен перевод капиталов из одних предприятий в другие, постольку устанавливается равенство их независимо от органического строения капитала. И как общее правило, государство оказывает предпочтение предприятиям высшего органического состава капитала. Но зато по отношению к мелкому частному хозяйству государственная промышленность оказывается в относительно худшем положении. Одним из весьма серьезных факторов относительно успешной конкуренции мелкого производства с крупным являлись бумажные деньги. Необходимо подчеркнуть, что этот фактор не играл исключительной роли, его значение по сравнению с другими моментами (недостаточная нагрузка государственных предприятий, изношенность оборудования, далекая от совершенства организация, малая приспособляемость к рынку и т. д.) сравнительно невелико, но все же при оценке влияния бумажно-денежного обращения это обстоятельство необходимо учесть.

5. О преимуществах производств, работающих на экспорт, создаваемых бумажно-денежным обращением в капиталистических странах, в условиях советской действительности приходится говорить в весьма ограниченном смысле. Проявлению этих тенденций препятствует как и то, что мы говорили о прибылях, так и то, что в области внешней торговли методы сознательного планирования применяются в наибольшей мере. Твердое проведение монополии внешней торговли является достаточной для того гарантией.

6. Монополия внешней торговли служит также гарантией того, что те тенденции, которые в связи с бумажно-денежным обращением проявляются в области внешней торговли, не проявлялись или если и проявлялись, то весьма случайно. Вексельный курс, по крайней мере до тех пор, пока торговый баланс составляет преобладающую статью платежного баланса, находится в значительной степени в руках государства.

7. Уменьшение потребительского спроса, сужение емкости рынка, неустойчивость потребительного бюджета как результат бумажно-денежного обращения сказываются в полной мере. Особенно надо подчеркнуть неустойчивость потребительского спроса, колеблющегося в зависимости от постоянного колебания ценности денег. Эта неустойчивость сказывается как в виде неравномерности спроса, так и в колебаниях его абсолютного размера. Приспособление производства к потреблению в таких условиях становится по меньшей мере затруднительным.

8. Преимущества, получаемые благодаря бумажным деньгам торговым капиталом по сравнению с промышленным в условиях советского хозяйства, при нэпе проявляются в полной мере. Бумажно-денежным обращением отчасти объясняется сравнительно более быстрый рост у нас в последние годы торгового капитала.

9. Наконец, в области кредита (его затрудненность, его дороговизна и т. д.) надо констатировать те же самые тенденции, которые проявляются в условиях частного капитала.

До сих пор мы говорили о значении бумажных денег с точки зрения производства и обмена. Особо надо выделить вопрос о влиянии бумажных денег на благосостояние различных классов и слоев населения. О том, что в этом отношении Советская Россия представляет большие особенности и что данный нами анализ не может целиком характеризовать происходящее здесь, говорить едва ли приходится. При этом анализе мы исходим из существования классового общества с господством буржуазии. Там же, где господствующим классом являются рабочие и крестьяне, а другие классы занимают чрезвычайно ничтожное положение не только в политике, но и в экономике страны, там оценивать бумажные деньги и ставить их перед судом различных классов не приходится.

Бумажные деньги, говорили мы, являются налогом, притом беспощадным по отношению к неимущему и снисходительным — к имущему. Вся тяжесть эмиссионного налога перелагается на широкие слои населения. Неудивительно поэтому, что, как мы видели в капиталистической Германии, даже в 1923 г., когда отрицательные стороны бумажно-денежного обращения проявились в наибольшей степени, один только рабочий класс боролся против колеблющейся валюты, капиталистические же круги, особенно наиболее могущественные слои, относились к бумажным деньгам по меньшей мере снисходительно. Бумажные деньги давали им возможность довести заработную плату до нищенских размеров; бумажные деньги давали возможность всю тяжесть бюджета переложить на широкие круги населения; бумажные деньги дали возможность аграриям погасить всю свою задолженность государству обесцененными знаками; бумажные деньги давали возможность капиталистам возвращать Рейхсбанку ничего не стоящими бумажками полученные ими ссуды: в течение 1923 г., с марта до октября, когда было приступлено к так называемой «денежной реформе», золотой запас Рейхсбанка уменьшился больше чем вдвое (в начале марта золотой запас был 1005 млн. марок, в конце сентября — 443 млн. марок), преобладающая часть этих денег перекочевала в карманы крупных капиталистов.

Само собой разумеется, что к л а с с о в ы й характер эмиссионного налога в Советской России проявиться не мог. Но, с другой стороны, налоговый характер бумажно-денежной системы

не мог и в Советской России не приводить к борьбе за п е р е л о ж е н и е налога, но борьбе не классов, а различных отраслей народного хозяйства, промышленности и сельского хозяйства, банков и торговли и т. д. Эта борьба за переложение эмиссионного налога создавала разъединенность города и деревни, пролетариата и крестьянства и служила большим препятствием для их «смычки».

Борьба за переложение бумажно-денежного налога являлась одной из причин «ножниц», расхождения цен на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары.

Таким образом, налоговый характер бумажно-денежной системы давал и в Советской России определенный отрицательный эффект, но с совершенно другим социальным содержанием.

Бумажные деньги являются средством перераспределения национального дохода в пользу небольшой имущей капиталистической группы. То колоссальное обнищание и разорение «среднего сословия» (Mittelstand), которое наблюдалось последние годы в Германии, служит яркой к тому иллюстрацией. Империалистическая война уже довела централизацию капитала до невиданных размеров, последовавшая обстановка с помощью бумажно-денежного обращения еще более обострила этот процесс. Даже рурская оккупация, это «национальное бедствие» Германии, явилось, как мы видели, для узкой группы капиталистов хорошим «заработком».

Когда-то писали о нескольких стах капиталистах, державших всю Германию в своих руках; теперь надо говорить о нескольких десятках Стиннесов, Круппов, Тиссенов, Вольфов, являющихся некоронованными королями Германии.

Конечно же, не только бумажные деньги являлись причиной указанных процессов; они были следствием всей буржуазно-капиталистической системы. Но бумажно-денежный механизм эти процессы обострял.

О влиянии бумажных денег на перераспределение капиталов в Советской России мы уже говорили.

Бумажно-денежное обращение является весьма эффективным методом проведения экономической политики, и в руках государственной власти оно является орудием защиты интересов господствующего класса.

Это в равной мере относится к буржуазно-капиталистической Германии и к социалистической России.

И в последней классовый характер бумажных денег полностью обнаруживался, но поскольку господствующим классом являются рабочие и крестьяне и поскольку другие классы составляют ничтожную часть населения, постольку денежный механизм служит как раз интересам неимущих.

И в Советской России бумажные деньги являлись средством извлечения государственных доходов, обращенным к широким слоям

населения, но естественно, что рабоче-крестьянское государство, экспроприировав частную собственность буржуазии, могло находить источник своих доходов только у рабочих и крестьян.

В капиталистических странах обращаются к бумажно-денежному ресурсу задолго до того, как бывают исчерпаны другие средства, и его используют потому, что он щадит капиталистические доходы; в Советской России денежный механизм действовал одновременно с «экспроприацией экспроприаторов», и им пользовались потому, что он при данных условиях являлся единственным методом извлечения государственных доходов.

В самом деле. Период военного коммунизма, потребовавший чрезвычайного напряжения революционной энергии, сопровождался, естественно, крайним расстройством как всего народного хозяйства, так и государственного аппарата. Напряженная борьба, получившая наиболее острое выражение в гражданской войне, когда рабоче-крестьянская Россия должна была противопоставить себя всему буржуазному миру, требовала не только колоссальных человеческих жертв, но и огромных финансовых средств. При крайне расстроенном и расстраивающемся как раз вследствие войны народном хозяйстве, как промышленности, так и сельского хозяйства, к тому же при дезорганизации и государственного аппарата, когда старый был сломан без остатка, а новый еще не создан, обычными методами извлечь средства из народного хозяйства было невозможно.

Надо было идти по не раз уже испытанному пути извлечения средств посредством эмиссионного налога, по пути выпуска в неограниченных размерах бумажно-денежных знаков.

В капиталистической Германии бумажные деньги явились средством ведения империалистической войны, средством эксплуатации рабочего класса, средством борьбы с революцией; в Советской России бумажные деньги дали рабоче-крестьянской власти средство для борьбы против империалистической войны, против эксплуатации рабочего класса, они финансировали революцию.

Как раз во время обостренной борьбы за власть денежный механизм снабжал пролетариат необходимыми средствами.

Для утверждения революции, до тех пор пока обычные методы получения доходов были недоступны, Советская власть могла получить их двояким образом: или непосредственным извлечением из народного хозяйства материальных ценностей (продразверстка), или посредством эмиссионного налога.

Характерно отметить, что относительное значение первого способа за все это время все более и более увеличивалось, а второго — уменьшалось. Но в продолжение всего периода гражданской войны денежная эмиссия играла значительную роль.

В капиталистической Германии бумажные деньги явились средством экспроприации мелкой собственности, они способствовали концентрации производства и централизации капитала, они

довели обогащение одних и разорение других до небывалых размеров. В социалистической России они дали возможность не только довести борьбу за революцию до конца, но и приступить к восстановлению хозяйства. Как раз такую роль они сыграли в первый период нэпа.

В самом деле. К началу проведения новой экономической политики промышленность находилась в самом печальном положении.

Отдельные производственные организации (предприятия, тресты) реорганизованы были для работы на основе хозяйственного расчета, но, как правило, вся промышленность была снабжена такими ничтожными средствами, при которых развернуть работу не было возможности. Машина, для того чтобы начать работать, требовала «смазки». Роль смазочного материала сыграли бумажные деньги. Не только потому, что ими промышленность финансировалась. Дело заключалось и в другом. Бумажные деньги, выпускаемые в обращение, создавали беспрерывно (хотя и искусственный, но все же новый) спрос на товары. Выпуск бумажных денег вызвал, по крайней мере на первых порах, расширение товарного оборота, он стимулировал этот последний. Такой метод возбуждения товарного рынка нельзя назвать нормальным, он искусствен, болезнен, наконец, этот метод довольно дорого обходится. За это вливание новых платежных средств государство взимает налог, и довольно большой налог. За эти платежные средства хозяйству приходится расплачиваться всеми отрицательными проявлениями, которые свойственны бумажно-денежному хозяйству. Но все же, как иногда для выздоровления больного прибегают и к вредным средствам, так и для оживления народного хозяйства иногда приходится прибегать и к вредным методам, к искусственным мерам развития товарного оборота. Без них оборот не мог бы получить достаточного развития. Без них промышленность не могла бы стать на ноги.

В условиях ломки натуральных форм хозяйства, постепенного восстановления денежных отношений, отсутствия самых минимальных оборотных средств у промышленности, изоляции от иностранного капитала, без искусственного создания платежных средств посредством бумажно-денежной эмиссии нельзя было обойтись.

Развивающееся хозяйство не терпит колеблющейся валюты. Но в наших условиях как раз колеблющаяся валюта явилась одним из факторов этого развития.

Соответственно всему сказанному, в капиталистической Германии к реформе денежного обращения приступили тогда, когда способность бумажных денег быть средством эксплуатации была использована до конца, когда бумажно-денежный механизм уже отказывался в этом направлении работать; в социалистической России к реформе приступили тогда, когда восстановлена была

финансовая система, когда развитие народного хозяйства достигло той стадии, когда оно перестало нуждаться в болезненных искусственных «вспрыскиваниях». В капиталистической Германии реформа была произведена путем сдачи всего денежного механизма в руки капиталистов (рентный банк), в социалистической России укрепленный денежный механизм остался в руках рабоче-крестьянской власти.

Судьбы германской реформы определяются капиталистическими интересами, судьбы реформы денежного обращения в России находятся в зависимости от развития производительных сил.

8

Остановимся несколько подробнее на денежном обращении в России в 1923 г. и на мероприятиях в этой области начала 1924 г.

Проведенные в начале 1924 г. мероприятия в области денежного обращения предопределены были историей его последних двух лет. Постепенное перерождение отдельных частей денежного аппарата, вызванное изменением общей народнохозяйственной обстановки, привело с логической неизбежностью к необходимости перейти к новой системе денежного обращения.

Расширение товарности хозяйства, уничтожение сохранившихся со времени военного коммунизма натуральных форм связей как между отдельными элементами народного хозяйства, так и между государством и народным хозяйством (переход от натурального налога к денежным налогам) поставили вопрос о денежной реформе в порядок дня.

Уменьшение роли совзнака как в народном хозяйстве, так и в хозяйстве государственном, в узком значении этого слова; ослабление налоговой эффективности денежной эмиссии совзнаков; выявление до максимальных пределов отрицательных сторон бумажно-денежного обращения; полная невозможность благодаря колеблющейся валюте установить нормальные соотношения между отдельными отраслями народного хозяйства; усиливающийся отрыв города от деревни, промышленности от сельского хозяйства сделали реформу необходимой, неизбежной.

Восстановление сельского хозяйства почти до 75% довоенного уровня, рост промышленности и доведение ее до более 30% довоенного состояния, а главное темп этого роста; укрепление материальной базы промышленности, развитие внешней торговли и достижение активного торгового баланса; усовершенствование налогового аппарата, уменьшение бюджетного дефицита сделали реформу возможной.

Денежная реформа 1924 г. уничтожила обращение старых совзнаков, утвердила циркуляцию банкноты и ввела в качестве

вспомогательных денежных знаков новый так называемый твердый казначейский знак.

В 1923 г. денежный аппарат слагался из двух основных элементов: совзнака и червонца. Позднее, с середины года, к ним еще присоединяются имеющие ограниченную сферу обращения транспортные сертификаты НКПС и платежные обязательства Центральной кассы Наркомфина. Так как последние имеют сравнительно узкий круг обращения, в дальнейшем мы остановимся только на совзнаке и червонце.

Советские знаки и в 1923 г. продолжали циркулировать, выполняя функции орудия обращения и служа для государства средством извлечения доходов из народного хозяйства.

Эволюция совзначного обращения в 1923 г. характеризуется следующими данными (табл. 4).

Таблица 4

Обращение совзнаков

	Находилось в обращении совзнаков		Всероссийский индекс Центрального бюро статистики труда	Всероссийский индекс Госплана	Реальная ценность совзнаков	
	в млн. в 1923 г. -	принимая данные к 1 января за 100			исчисленная по индексу Центрального бюро статистики труда	исчисленная по индексу Госплана
К 1 января 1923 г.	1 994,5	100,0	21,24	15,79	93,9	126,3
» 1 февраля 1923 »	2 629,2	131,5	27,70	20,42	94,9	128,8
» 1 марта 1923 »	3 236,6	162,3	31,10	26,17	104,1	123,7
» 1 апреля 1923 »	4 482,7	224,8	39,26	31,79	114,2	141,0
» 1 мая 1923 »	6 076,9	304,6	54,74	44,64	111,0	136,1
» 1 июня 1923 »	7 051,5	353,6	79,93	62,90	88,2	118,0
» 1 июля 1923 »	9 032,4	453,4	115,57	97,96	76,8	92,2
» 1 августа 1923 »	12 456,6	624,5	187,83	152,24	66,3	81,8
» 1 сентября 1923 »	16 684,5	836,5	335,37	275,29	49,7	60,6
» 1 октября 1923 »	22 701,9	1138,3	659,84	549,91	34,4	41,4
» 1 ноября 1923 »	53 592,6	2687,0	1123,67	1438,00	47,7	61,4
» 1 декабря 1923 »	98 839,3	4955,5	2179,40	1731,00	45,4	57,0
» 1 января 1924 »	178 509,8	8950,1	1820,00	1260,00	32,7	47,2

Как видно из приведенных данных, выпуск совзнаков не прекращался, их количество в обращении увеличилось с 1994,5 млн. (на 1 января 1923 г.) до 178 509,8 млн. руб. в знаках 1923 г. (на 1 января 1924 г.), т. е. почти в 90 раз.

Если исчислить всю совзначную массу по индексу Центрального бюро статистики труда, то окажется, что общая реальная ценность обращающихся совзнаков понизилась с 93,9 млн. до

32,7 млн. руб., т. е. почти в 3 раза. Исчисленная же по индексу Госплана реальная ценность совзначной массы упала с 126,3 млн. до 47,2 млн. руб.

В период военного коммунизма значение совзнака падало вследствие сокращения товарного оборота, которое вытесняло совзнак, делало его излишним. Падение значения совзнака в 1923 г. объясняется, конечно, совершенно другими причинами. Как раз при колоссальном расширении товарного оборота роль совзнака падала. Это происходило потому, что в качестве орудия обращения ему приходилось в обороте сталкиваться с вновь появившимся более совершенным знаком, который его и вытеснял. В конкурентной борьбе совзнака и червонца первый вышел побежденным.

Червонец появился в конце 1922 г. Уже в начале второй половины этого года возникла идея предоставить созданному декретом от 2 октября 1921 г. Государственному банку право выпуска банковых билетов. До этого времени Государственный банк являлся чисто коммерческим банком, с конца же 1922 г. ему присваиваются права банка эмиссионного. Декретом от 11 декабря 1922 г. Государственному банку в целях увеличения оборотных средств для его коммерческих операций без дальнейшего расширения эмиссий денежных знаков и в интересах урегулирования денежного обращения было предоставлено право выпуска в обращение банковых билетов.

Обращение червонца характеризуется следующими данными (табл. 5).

Согласно декрету от 11 октября 1922 г., металлическое покрытие червонцев (благородными металлами и иностранной валютой) должно составлять не менее 25% общей суммы выпущенных билетов; фактически это обеспечение всегда было большим, чем требуется законом.

В распоряжении Госбанка, как видно из его балансов, всегда оставался неиспользованный остаток эмиссионного права, который к 1 января составлял 484,7 тыс. червонцев, к 1 июля — 1161,1 тыс. червонцев, к 1 декабря — 185,2 тыс. червонцев.

Приведенные в табл. 5 данные характеризуют рост червонного обращения. К 1 января 1923 г. в обращении циркулировало только 356,3 тыс. червонцев, к 1 же декабря в обращении находилось уже 22 604,7 тыс. червонцев; таким образом, червонное обращение увеличилось в 63,5 раза. В начале червонец занимал весьма скромное место в денежном обращении страны, в конце он становится главнейшим элементом денежного механизма.

Реальная ценность всей червонной массы увеличилась с 3,9 млн. (на 1 января 1923 г.) до 178,9 млн. руб. (на 1 января 1924 г.), или в 45,9 раза, т. е. несколько меньше, чем ее количество. Объясняется это тем, что покупательная сила червонца, исчисленная по индексу Госплана, несколько упала. Как видно

Таблица 5

Обращение банковых билетов — червонцев

1923 г.	Передано эмиссионным отделом Госбанка в кассу правления (тыс. червонцев)	Банковые билеты в обращении (тыс. червонцев)	Наличность в металле и иностранн. валюте (тыс. червонцев)	% отношение 4 к 2	% отношение 4 к 3	Курс червонца в совзнаках	Реальная ценность червонного обращения [43]	Отношение червонного рубля к золотому Госплана (в % к посл.)	Курс иностранной валюты к червонному рублю	
									английский фунт стерлингов	северо-американский доллар
1 января . . .	1 118	356,3	1 092,6	97,6	306,7	175	3,9	110,8	8,20	1,84
1 февраля . .	1 930	854,6	1 523,2	74,3	178,2	212	8,9	100,4	7,83	1,90
1 марта . . .	3 000	1 604,0	1 988,7	66,3	123,9	240	14,7	91,6	8,85	1,92
1 апреля . . .	4 500	2 566,7	2 789,6	62,0	108,7	304	24,4	95,6	8,72	1,94
1 мая	6 000	3 754,2	3 829,6	66,8	102,0	458	38,4	102,6	9,65	2,23
1 июня . . .	8 000	4 748,4	4 294,3	54.2	89,4	580	43,0	92,2	11,38	2,59
1 июля . . .	9 600	7 000,1	5 313,2	55,3	75,9	775	54,3	79,1	9,20	2,12
1 августа . .	13 200	11 120,5	6 765,1	51,3	60,8	1 150	81,8	75,6	9,65	2,11
1 сентября . .	18 400	16 415,8	9 458,5	51,4	58,2	2 050	119,3	74,6	9,51	2,07
1 октября . .	23 500	20 376,0	11 967,4	50,9	58,7	4 100	151,1	74,5	9,40	2,07
1 ноября . . .	25 450	22 478,2	13 225,4	52,0	58,0	7 100	180,2	79,4	9,16	2,06
1 декабря . .	26 776	22 604,7	13 955,6	52,1	61,7	14 200	178,9	82,0	9,47	2,13

из приведенных данных, к 1 января 1923 г. червонный рубль составлял 110,8% золотого рубля Госплана, к 1 декабря — уже только 82%.

Устойчивее стоит курс банкового билета по отношению к иностранной валюте, английскому фунту и американскому доллару. В начале он стоял выше паритета, к концу он выравнялся с мировыми курсами.

Введение в обращение червонца — устойчивой валюты — имело большое значение. Среди факторов, определивших наши большие успехи и огромные достижения в различных областях нашей хозяйственной жизни за истекший год, червонцу принадлежит весьма видное место.

Он дал действительную возможность промышленности перейти к работе на основе хозяйственного расчета, он создал условия, при которых калькуляция спустилась с заоблачных высот (как недосягаемый идеал) на грешную землю: стало, наконец, возможным «о калькуляции» не только говорить, но и действительно ее проводить. Он внес в хозяйство элементы счета и учета, так как

[43] По индексу Госплана.

дал хозяйству более или менее устойчивую ценностную единицу. Он содействовал стабилизации заработной платы и проведению политики цен. Неудивительно поэтому, если занимавший такое скромное место в начале червонец, уже к середине, к концу 1923 г. занимает доминирующее положение в нашем денежном аппарате. Червонец, не имеющий силы законного платежного средства, становится излюбленным орудием обращения. Он начинает играть роль средства сбережения, накопления, отвоевывая ее у золота и иностранной валюты. Постепенно он становится основной валютой и вытесняет совзнак.

Отношение между червонцем и совзнаком характеризуется данными (табл. 6).

Таблица 6

Находилось в обращении (в млн. товарных рублей) по индексу Госплана в 1923 г.

	На 1 января	На 1 февраля	На 1 марта	На 1 апреля	На 1 мая	На 1 июня
Червонцев	3,9	8,9	14,7	24,4	38,4	43,0
В % к общей сумме	3,0	6,4	10,6	14,7	22,0	27,7
Совзнаков	126,3	128,8	123,7	141,0	136,1	118,0
В % к общей сумме	97,0	93,6	89,4	85,3	78,0	72,3
Итого	130,2	137,7	138,4	165,4	174,5	161,0
	100	100	100	100	100	100

Таблица 6 (окончание)

	На 1 июля	На 1 августа	На 1 сентября	На 1 октября	На 1 ноября	На 1 декабря
Червонцев	54,3	81,8	119,3	151,1	180,2	178,9
В % к общей сумме	37,1	49,9	66,3	78,5	75,4	79,3
Совзнаков	92,2	81,8	60,6	41,4	61,3	57,0
В % к общей сумме	62,9	50,1	33,7	21,5	24,6	20,7
Итого	146,5	163,6	179,9	192,5	241,5	235,9
	100	100	100	100	100	100

Приведенные данные достаточно красноречивы. Они показывают постепенное вытеснение совзнака червонцем. Совзнак как орудие обращения постепенно умирал, но умирал не потому, что самая категория денег умирала, как это было в период военного коммунизма, а потому, что оборот нашел новые знаки, более для него пригодные. Общая масса денежного обращения значительно увеличилась; это доказывает значительное развитие народного

хозяйства, рост товарного обращения [44]. Но роль совзнака уменьшилась. К 1 января 1923 г. совзначное обращение составляло 97% всего обращения, к 1 декабря оно составляет только 20,7%.

Точно так же умаляется значение совзнака как метода извлечения государственных доходов. 1923 г. явился годом напряженной работы по созданию и развитию финансовой системы и финансового аппарата. Благодаря общему подъему производительных сил, росту как сельского хозяйства, так и промышленности, роль натурального обложения все больше и больше падает, и, с другой стороны, все большее и большее значение приобретают доходы от государственных предприятий и различного рода налоговые источники. В результате — роль бумажных денег как налога падает. Если в первом квартале прошлого бюджетного года денежная эмиссия дала 40,7% общей суммы налогов, то уже во втором квартале на долю эмиссии приходится уже только 25,9%, в третьем — 22,8%, в четвертом — 18,6%.

Так падает значение совзнака во всех отношениях и как орудия обращения, и как налогового источника.

Последнюю роль он играл лишь в той мере, в какой государству еще не удавалось свести бюджет без дефицита, не прибегая к денежной эмиссии.

Роль орудия обращения он выполнял лишь постольку, поскольку червонец не мог целиком и без остатка обслужить оборот. Наименьшая купюра очень велика — 10 золотых рублей. Для мелкого оборота червонец непригоден. Только узкая сфера мелкого обращения оставалась за совзнаком.

Так, народнохозяйственные успехи 1923 г. и сама логика развития денежного обращения привели к возможности и указали пути дальнейшего преобразования нашего денежного механизма.

9

Уже в конце 1923 г. Политбюро ЦК партии ставило вопрос о необходимости денежной реформы как об очередной и неотложной задаче. В резолюции Тринадцатой конференции РКП(б) об очередных задачах экономической политики указывалось: «Дальнейшая политика партии должна заключаться в охранении устойчивости червонца и завершении денежной реформы. . ., т. е. замены падающего совзнака твердой валютой. Завершение де-

---

[44] Для характеристики роста нашего товарного оборота к цифре, приведенной в тексте о размерах всей денежной массы, следовало бы еще прибавить данные о количестве выпущенных в обращение платежных обязательств Центральной кассы Наркомфина и транспортные сертификаты НКПС, которые хотя и в узкой сфере, но все же также выполняли функции орудия обращения. Сумма платежных обязательств Центральной кассы Наркомфина составляла к 1 января 1924 г. 5,6 млн. червонцев. Сумма транспортных сертификатов составляла на 1 января 1924 г. 958 тыс. черв.

нежной реформы должно стать одной из основных задач Советской власти на предстоящий период» [45].

Отсюда делался практический вывод о необходимости «перехода на твердую валюту, прекращения эмиссий неустойчивых совзнаков и выпуска не позднее весны в связи с реформой сельскохозяйственного налога устойчивой разменной валюты в купюрах меньше червонца и мелкой серебряной монеты» [46].

II съезд Советов в начале февраля 1924 г. по докладу Наркомфина вынес резолюцию, в которой завершение денежной реформы трактуется как неотложная очередная задача.

«Важнейшей очередной хозяйственной задачей съезд Советов считает упорядочение денежного обращения, для чего необходимо в кратчайший срок закончить денежную реформу, правильно начатую введением червонца, взамен падающего денежного знака, и ввести в обращение устойчивые казначейские билеты.

Съезд предлагает Центральному Исполнительному Комитету Союза Советских Социалистических Республик принять все необходимые меры к возможно более безболезненному проведению важнейшего для Союза дела денежной реформы и обязывает все государственные учреждения и предприятия оказывать Народному Комиссариату финансов максимальное содействие в этом деле» [47].

Приведенными постановлениями денежная реформа была решена. Нало было проводить ее.

Законодательными актами по проведению реформы, определившими ее содержание, были два декрета, от 5 и 22 февраля, о новых казначейских знаках и выпуске серебряной монеты и декреты от 14 февраля и 7 марта о совзнаках. Первые два декрета имеют большое принципиальное значение, они подводят фундамент под денежный механизм. Анализ их даст понимание нашей новой денежной системы.

Основным законодательным актом является декрет Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР о выпуске государственных казначейских билетов от 5 февраля. Этот декрет подводит итоги всем спорам, ведшимся вокруг денежной реформы, он же кладет конец и разрешает все сомнения и колебания, встретившиеся на пути реформы.

Прежде всего надо было разрешить вопрос, *как и чем* заменить изымаемые из обращения совзнаки. Можно было идти двумя путями: или разрешить Государственному банку выпускать червонцы мелких купюр, или предоставить выпуск мелких (меньше 10 руб.) знаков Государственному казначейству. Первый путь представлял, несомненно, опасности нашей банковой системе.

---

[46] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов». М., Госполитиздат, 1957, стр. 429.

[46] Там же, стр. 435.

[47] Там же, стр. 440—441.

Одним из весьма существенных требований, предъявляемых к банкноте, является достаточная высота ее минимальной купюры. Банковый билет сохраняет свою природу и свои качества лишь в том случае, если он остается кредитным документом и если он не обнаруживает тенденции оседать в обращении. Одной из гарантий против превращения банкового билета в обычное орудие обращения является высота ее минимальной купюры. В наших условиях спускаться ниже червонца — 10 руб. — едва ли представляется целесообразным. Правильнее было бы поставить вопрос о повышении купюры.

Кроме этого, идти по этому пути значило бы лишить государство возможности использовать выпуск денежных знаков для покрытия пока еще имевшегося бюджетного дефицита.

Декрет останавливается на втором: он представляет выпуск новых денежных знаков Государственному казначейству.

В соответствии с этим декрет предусматривал выпуск государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 руб.

Следующий вопрос, требовавший разрешения, заключался в необходимости подкрепить хождение вновь выпускаемых денежных знаков авторитетом государства. Необходимо было придать им свойство законного платежного средства, сделать обязательным прием их как в государственные кассы, как в сделках между учреждениями, так и между частными лицами.

Если билеты, выпускаемые банками, не нуждаются в том, чтобы им была присвоена сила законного платежного средства, так как их обращаемость гарантируется банковскими операциями, то для знаков, выпускаемых непосредственно государством, такое свойство абсолютно обязательно.

Как известно, наш червонец не снабжен силой законного платежного средства, ему не присвоено принудительного хождения. Согласно ст. 6 постановления СНК от 11 октября 1922 г., он обязателен к приему только в уплату государственных сборов и платежей (таможенных пошлин, налогов и т. д.), а также в тех случаях, когда платежи взимаются в золоте. Таким образом, червонец имеет только податное обеспечение. Но все же никому, конечно, и в голову не может прийти отказаться от приема червонца.

Иное дело с государственными денежными знаками. Их обращаемость должна быть подкреплена велением государственной власти.

Ст. 6 декрета от 5 февраля и прокламирует за казначейскими знаками силу законного платежного средства без ограничения суммы платежа. Она устанавливает обязательность к приему государственных казначейских билетов на всей территории Союза Советских Социалистических Республик всеми кассами Народного Комиссариата финансов Союза ССР, в уплату всех государственных и местных налогов и сборов, а также всеми учрежде-

ниями, предприятиями и лицами во все платежи по их золотой нарицательной стоимости в тех случаях, когда платеж исчислен в золоте, или по официальному курсу золотого рубля в тех случаях, когда платеж исчислен в советских денежных знаках.

Этим актом казначейский знак находит опору в государственной власти. Больше того, этим актом казначейский знак юридически становится (если не принимать во внимание старого советского знака) основной валютой страны.

С другой стороны, в приведенной статье имеется еще одно чрезвычайно важное принципиальное постановление, имеющее большое практическое значение: прием казначейских знаков по их золотой нарицательной стоимости. Казначейский знак получает ценностное выражение в золоте, и этим самым устанавливается определенное ценностное отношение между ним и червонцем.

Такое наше утверждение может показаться неправильным. Как известно, у нас различается червонный рубль от золотого. Выраженный в совзнаках курс того и другого может быть различен. Первый устанавливается по котировке фондового отдела Московской торговой биржи, курс же золотого рубля устанавливается специальной котировальной комиссией. Теоретически, следовательно, возможно расхождение обоих курсов. Так оно и было до сентября 1923 г. Но с тех пор оба курса совпадают, и практика достаточно приспособилась к создавшимся условиям и не имеет никаких оснований различать золотой и червонный рубли.

Поэтому можно сказать, поскольку ценность казначейского знака установлена в золоте, постольку ценность его определяется соотносительно с червонцем: 1 червонец равен 10 руб. казначейскими знаками или же 1 руб. казначейскими знаками равен 0,1 червонца.

Такое соотношение было подтверждено непосредственно вслед за выпуском казначейских знаков соответствующей практикой как кредитных, так и хозяйственных учреждений. Государственный банк, как и другие кредитные учреждения, объявил о том, что будет разменивать червонцы на казначейские знаки и обратно, приравнивая 1 руб. червонцами 1 руб. казначейскими знаками.

Приказом от 21 марта 1924 г. соответствующее распоряжение было отдано и президиумом ВСНХ, согласно которому всем хозорганам предписывается принимать платежи по векселям, выписанным в червонцах, также и в казначейских знаках.

Грань между так называемым червонным рублем и золотым самой практикой стирается, и можно твердо установить, что ценностное отношение червонца и казначейского знака является данным постоянным.

Положение это имеет первостепенную важность. До реформы в этом вопросе наблюдались колебания и обнаруживались разногласия. Они сводились к следующему. С изъятием из обращения

старых советских знаков и внедрением новых казначейских знаков будем ли мы иметь параллельную или единую валюту?

Некоторая осторожность как будто подсказывала необходимость не связывать червонца с казначейским знаком, не связывать возможные будущие судьбы обоих. Если бы и не удалось сохранить устойчивость казначейских знаков, устойчивость червонца могла быть не поколеблена. Эта осторожность и проявилась в тексте только что приведенной статьи декрета от 5 февраля, где ни словом не упоминается о червонце и где речь идет о золотом рубле.

Но практика далеко не всегда определяется законом, и как осторожна ни была редакция этого последнего, практика создает свои положения, соответствующие фактически сложившимся соотношениям.

Червонец в своем обращении определялся деятельностью эмитирующего его банка и в значительной степени опирался на совзнак. Постепенно червонец приобретает самостоятельность. Реформа окончательно уничтожает совзначную опору. Теперь же обращение нового казначейского знака будет опираться на червонец.

И как бы ни был осторожен закон, открывающий как будто возможность параллельного обращения, практика уже установила е д и н с т в о валюты. Это чрезвычайно важное положение мы считаем необходимым подчеркнуть.

Связанность казначейского знака с червонцем создается еще и следующим весьма важным постановлением декрета о количестве могущих быть выпущенными в обращение казначейских знаков.

Дело заключается в следующем. В нормальных условиях, как мы знаем, количество денежных знаков, циркулирующих в каналах денежного обращения, определяется целым рядом факторов. Оно варьирует в зависимости от общего количества обращающихся товаров, от скорости их обращения, от уровня товарных цен, от быстроты циркуляции денежных знаков, от степени развития и характера кредита и т. д. Все отдельные факторы, определяющие требуемое оборотом количество денежных знаков, чрезвычайно изменчивы.

В условиях нормального металлического обращения (золотого монометаллизма) процесс приспособления количества денег к потребностям оборота совершается автоматически. Свободная чеканка валютного металла гарантирует как от недостатка денежных знаков, так и от их избытка. Благодаря свободной чеканке количество циркулирующих денежных знаков всегда находится в соответствии с потребностями оборота. При циркуляции банковых билетов соответствие между их колиеством и потребностью в них оборота достигается также автоматически и гарантируется главным образом характером банковых операций и регулируется разменом их на металл (при неразменных банкнотах этот метод

регулирования может проявиться в активной девизной политике эмиссионного банка).

Другое дело при чисто бумажно-денежном обращении. Количество выпускаемых знаков определяется волей государства, почему соответствия между их количеством и потребностью в них оборота может и не быть.

Декрет от 5 февраля, как мы видели, считает необходимым выпускать казначейские знаки, сообразуя размеры выпуска их с потребностями торгового оборота. Но как выявить эту потребность? Факторы, определяющие количество необходимых для оборота денежных знаков, эмпирически не поддаются сколько-нибудь точному исчислению.

Наркомфин для разрешения поставленного вопроса исходил из следующих соображений: червонцы обслуживают только крупный оборот, и размеры их выпуска, поскольку они остаются банковыми билетами, автоматически регулируются и находятся в полном соответствии с потребностью в них. Казначейские же знаки можно рассматривать как дополнительные к червонцам денежные знаки, предназначенные обслуживать очень определенную и сравнительно узкую область денежного обращения — мелкий оборот. Потребность же мелкого оборота в денежных знаках можно определить соотносительно с потребностью крупного. Таким образом, количество могущих быть выброшенными в обращение казначейских знаков должно регулироваться количеством циркулирующих червонцев, характер выпуска которых вполне гарантирует соответствие их количества потребностям оборота.

Между количеством денежных знаков различных купюр существует определенное соотношение. Последнее можно определить на основании опыта. Изучение соотношений, сложившихся до войны, может дать ориентировку для разрешения поставленного вопроса.

Распределение денежных знаков по купюрам до войны показано в табл. 7.

Как видно из приведенных данных, из общей массы денежных знаков на долю мелких купюр (до 10 руб.) приходилось 39,9% суммы денежных знаков крупных купюр (выше 10 руб.).

Но брать довоенные нормы для нашего времени было бы, пожалуй, рискованно. Дело в том, что современный оборот качественно отличается от довоенного.

Емкость современного товарного рынка меньше довоенной, и современный оборот значительно у́же довоенного, причем это уменьшение произошло больше за счет мелкого, нежели крупного оборота. Различные исследования показывают, что современная торговля получила пока наибольшее развитие в городах, причем торговля сосредоточивается главным образом в крупных городах. Мелкая торговля, обслуживаемая мелкокупюрными значками, относительно с довоенным временем уменьшилась. Это побуждает

Таблица 7

Находилось в обращении (в млн. руб.)

На 1 января	Кредитных билетов				Золота			Серебра полноценного и разменного	Меди	Итого
	1 и 3 руб.	5 руб.	10 руб. и выше	всего	5 руб.	10 руб. и выше	всего			
1912 г.	217,3	177,1	1055,6	1450	311,5	344,3	655,8	211,2	15,8	2332,8
1913 »	238,2	211,4	1150,4	1600	292,0	336,7	628,7	218,7	16,8	2464,2
1914 »	248,2	288,6	1238,2	1775	222,5	271,7	494,2	225,8	18,1	2513,1
В среднем за трехлетие . .	234,5	225,7	1148,1	1608,3	275,3	317,6	592,9	218,6	16,9	2436,7
В процентах . .	9,6	9,3	47,1	66,0	11,3	13,0	24,3	9,0	0,7	100

думать, что то отношение, которое установилось между знаками различных достоинств до войны, не соответствует современным условиям. Но, с другой стороны, современный городской оборот по сравнению с довоенным в общем измельчал.

Большое значение имеет следующее соображение. Современные цены, выраженные даже в твердой валюте — в червонце, значительно выше довоенных, и, таким образом, каждая единичная товарная сделка обслуживается большим количеством денежных единиц — рублей.

Если исходить из бюджетного индекса объединенной статистики труда, что для характеристики мелкого оборота является наиболее показательным, то можно будет считать, что современные цены, выраженные в денежной единице — рубле, приблизительно вдвое выше довоенных (на 1 января бюджетный набор стоит 1,8 червонца, на 1 февраля — 2 червонца, на 1 марта — 2,1 червонца). Таким образом, старый пятирублевик как золотой, так и бумажный, по своей покупательной силе должен быть приравнен червонцу, и для исчисления соотношения между денежными знаками различных купюр до войны надо 5 руб. считать купюрой крупной. Мелкими же знаками считать только знаки до 5 руб.

Таковые же, как это видно из приведенных выше данных, составляли только 19,3% общей денежной массы, или 23% стоимости денежных знаков крупных купюр (выше 5 руб.).

Исчисления эти имеют, конечно, только ориентировочный характер, но они дают возможность определить, какова же максимально возможная норма выпуска казначейских знаков.

К этому следует добавить следующее. Надо иметь в виду, что если крупная купюра не может обслуживать мелкий оборот, то мелкая купюра годна для обслуживания как мелкого, так и крупного оборота. Поэтому з а с ч е т червонцев как крупнокупюрного знака можно выпустить и казначейские мелкокупюрные знаки.

Мы исходим из предположения, что количество червонцев, находящееся в обороте, всегда соответствует потребностям в них товарооборота. Уменьшить это количество, заменив их казначейскими знаками, нам представляется вполне допустимым. Таким образом, соотношение между червонцами и казначейскими знаками может быть и увеличено в пользу последних, если только они выпускаются не сверх того количества, которое было выпущено по нормальным банковским операциям, а вместо какой-либо их части.

Поэтому то соотношение, которое дает довоенный опыт, может быть значительно изменено в пользу казначейского знака.

Декрет от 5 февраля берет высшую норму, но как предельную. Предел эмиссионного права Народного Комиссариата финансов Союза ССР в отношении общей суммы выпуска государственных казначейских билетов устанавливается на первое число каждого месяца в размере не свыше половины общей суммы выпущенных в обращение червонцев, согласно балансу эмиссионного отдела Государственного банка на то же число, за вычетом суммы долговых обязательств Народного Комиссариата финансов Союза ССР по отношению к Государственному банку.

Декрет, таким образом, устанавливает максимальный предел. Что установленная норма является пределом, видно из следующей статьи декрета, по которой каждый отдельный выпуск казначейских знаков обставляется строгими формальностями, сводящимися к тому, чтобы при выпуске знаков руководствоваться не только установленным пределом, но каждый раз и требованиями товарного оборота. Ввиду этого, выпуск знаков не предоставляется исключительной компетенции Наркомфина. На всякий выпуск нужно иметь специальное разрешение высших органов Республики.

Если к этому прибавить требование публичной отчетности, то придется признать, что выпуск казначейских знаков обставлен вполне достаточными гарантиями.

Декрет от 5 февраля является наиболее важным актом проводимой реформы. Все принципиальные вопросы разрешаются этим декретом. Этот декрет намечает все вехи будущей создаваемой денежной системы.

Следующим законодательным актом, вносящим новые черты в структуру нашего денежного механизма, является декрет ЦИКа и Совнаркома от 22 февраля о чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца.

Серебряные и медные монеты по своему характеру являются билонной (разменной) монетой, их задача — обслуживать самые мелкие расчеты. Принципиального различия между казначейскими знаками и вновь выпускаемой металлической монетой (серебряной и медной) в сущности нет никакого. Природа их и роль в обращении совершенно одинаковы.

До войны в России количество выпускаемой серебряной монеты ограничивалось тем, что (согласно монетному уставу) общее количество находящейся в обращении серебряной монеты должно было не превышать 3 руб. на душу населения. Что же касается медной монеты, то, не определяя ее количества, закон разрешал их выпуск только со специального разрешения в порядке управления.

Согласно вышеприведенным данным, роль серебра была невелика, меди же — совсем ничтожна. Серебро составляло 9% общей денежной массы, а медь — только 0,7%.

Декрет от 22 февраля разрешает вопрос иначе и идет по более правильному пути.

Не устанавливая количества могущего быть выпущенным серебра и меди и исходя из того, что общая масса мелкокупюрных (до 10 руб.) денежных знаков должна составлять не более половины общей суммы циркулирующих червонцев, декрет устанавливает, что выпуск серебряной монеты в обращение засчитывается в счет норм выпуска казначейских билетов и сообразуется с потребностью оборота в деньгах соответствующего достоинства.

Оговоренное в ст. 5 поручение Народному Комиссариату финансов усилить чеканку серебряной и медной монеты с тем, чтобы общая сумма к 1 января составляла не менее 100 млн. руб., не имеет принципиального значения, а больше рассчитано на психологический эффект задержать возможное стремление населения припрятывать металлические деньги.

Металлические монеты как из серебра, так и из меди для своего хождения также нуждаются в авторитетной поддержке государственной власти, которая выражается в снабжении монет силой законного платежного средства.

Декрет, прокламируя обязательность приема металлической монеты, вместе с тем устанавливает ценностное содержание монеты, приравнивает 1 руб. серебром и медью 1 руб. казначейскими знаками (ст. 2). Кроме того, тем же декретом металлическая монета ограничивается в своем свойстве законного платежного средства: серебряная монета в 1 руб. и полтинник обязательны к приему в платежах на сумму только до 25 руб. в платеж, остальные на сумму до 3 руб. Без ограничения обязаны их принимать только кассы Наркомфина (ст. 3).

Эти ограничения заимствованы из довоенной практики России, но вряд ли они в настоящее время имеют большое значение. При циркуляции золота понятно ограждение кредитора от обязательств принимать серебро и медь в неограниченном количестве. При бумажном же обращении такая гарантия едва ли необходима.

Описанными двумя законодательными актами определилось существо и содержание реформы. Ими же и определилась структура денежного механизма.

Денежная реформа заключалась не только в выпуске новых денежных знаков (в создании новой системы денежного обращения), но с ней связывается также изъятие старых (ликвидация старого денежного механизма).

Последнее совершено было тремя законодательными актами: декретами от 14 февраля, 7 марта и 22 марта. Все эти декреты определили судьбу совзнака.

Первый декрет, постановление ЦИКа и Совнаркома Союза ССР, постановляет прекратить с 15 февраля как печатание советских знаков, так и выпуск их в обращение.

Но этим актом еще не уничтожается хождение находящихся в обращении знаков. Наоборот, декретом устанавливается, что советские знаки временно сохраняют свойство законного платежного средства, имеют хождение до сроков, подлежащих определению особым постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР о порядке выпуска их.

Следующим актом, определившим судьбу совзнака, было постановление Совнаркома о порядке выкупа старых советских знаков от 7 марта.

Постановление это устанавливает, во-первых, срок, в течение которого совзнаки сохраняют свойство законного платежного средства, имеют принудительное хождение. Таким сроком намечается 10 апреля 1924 г. Во-вторых, устанавливается твердый курс (500 руб. дензнаков 1923 г. приравнены к 1 коп. серебром), по которому совзнаки имеют хождение до указанного срока и по которому будет производиться их выкуп. В течение 20 дней, от 10 до 30 апреля, совзнаки будут обмениваться кассами Наркомфина. Оставшиеся же в обращении знаки после этого срока аннулируются.

Срок хождения совзнаков, а также их выкуп позднее был отсрочен постановлением Совнаркома от 22 марта. Хождение денежных знаков образца 1923 г. продлено было до 10 мая. Размен же постановлено производить до 31 мая включительно.

Таковы законодательные акты, которые определили как пути денежной реформы, так и новое устройство денежного механизма.

Кроме мероприятий законодательного характера, государством был принят ряд мер воздействия как на денежный, так и на товарный рынок.

Воздействие на денежный рынок выразилось в том, что казначейская эмиссия доведена было до минимума, чрезвычайно сжат был выпуск банкнот и, наконец, применены были золотая и валютная интервенции.

Воздействие на товарный рынок имело целью установить возможную устойчивость товарных цен. Это достигалось, с одной стороны, путем административного, через Комвнуторг, понижения цен на ряд промышленных товаров — мануфактуру, уголь, нефть и др., с другой — посредством регулирования предложения това-

ров. Широко проведенной переброской товаров, так называемой товарной интервенцией, понижены были цены на хлеб. В результате как мероприятий административного характера, так главным образом мерами экономического воздействия на рынок товаров была достигнута стабилизация покупательной силы рубля на внутреннем рынке.

Таким образом, разными путями и мероприятиями в области денежного рынка и в области товарного рынка государство шло к установлению устойчивого денежного механизма.

Само собой разумеется, что возможность такого воздействия обусловлена была исключительно системой нашего хозяйства.

Возможность максимального воздействия на денежный рынок определялась тем, что кредитный аппарат находится целиком в руках государственной власти, а благодаря твердо проводимой монополии внешней торговли вся валюта фактически сосредоточивается в руках государства. В маневрировании иностранной валютой наш Государственный банк имеет неизмеримо больше свободы и способен на бóльшие достижения, чем любой иностранный банк. Благодаря монополии внешней торговли экспорт и импорт товаров всецело определяются государством, поэтому размер торгового баланса и связанный с этим избыток или недостаток иностранной валюты в значительной степени зависят от государства.

Возможность воздействия на внутренний рынок определяется тем, что государство является собственником почти всей промышленности, почему оно может регулировать предложение товаров. С другой стороны, государство может оказывать влияние и на рынок сельскохозяйственных товаров. Цены на хлеб, поскольку экспорт находится в руках государства и является весьма значительным фактором ценообразования, подвергаются значительному воздействию государственной власти; цены на промышленное сырье сельскохозяйственного происхождения находятся в том же положении.

Конечно, государство и у нас не всесильно, оно должно считаться с независимыми от него стихийными условиями рыночного оборота. Не надо преувеличивать возможности государства влиять на рынок. Но не надо их и преуменьшать. Во всяком случае, в этом отношении Советская власть находится в неизмеримо более благоприятных условиях, нежели буржуазная власть любого капиталистического государства.

И нет никакого сомнения, что в борьбе за устойчивую валюту бедная, но советская Россия находится в лучших условиях, нежели богатая, но буржуазная Германия.

Совершенно ясно, конечно, что уже с того момента, когда реформа была решена, курс совзнака должен был обнаружить тенденцию к неуклонному падению.

Падение курса совзнака в этот период представляется в следующем виде (курс червонца на 1 января 1924 г. составлял 30 000 руб. денежных знаков 1923 г.):

1	февраля	86 000	руб.	1	марта	330 000	руб.
15	»	140 000	»	3	»	350 000	»
20	»	170 000	»	4	»	390 000	»
25	»	225 000	»	5	»	420 000	»
26	»	240 000	»	6	»	450 000	»
27	»	265 000	»	10	»	500 000	»
28	»	275 000	»				
29	»	300 000	»				

Таким образом, курс советского знака с 1 января до 10 марта, т. е. до фиксации его курса, упал почти в 6 раз.

Вследствие этого операция по выкупу совзнаков из-за крайне низкого их курса должна обойтись государству недорого.

Глава восьмая

ЛИКВИДАЦИЯ БУМАЖНО-ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

1

Бумажно-денежное обращение до такой степени отрицательно отзывается на всех сторонах народного хозяйства, что рано или поздно становится очевидной необходимость его ликвидации. Полное расстройство народнохозяйственной жизни, дезорганизация всего товарообмена, нарушение различных социальных интересов, дезорганизация финансовой системы государства, экономическое и финансовое обессиление страны — все эти неизбежные результаты бумажно-денежного обращения ставят категорически вопрос о восстановлении нормальной валюты, без которой капиталистическое хозяйство существовать и развиваться не может.

Бумажно-денежное обращение несет за собой деградацию народнохозяйственного организма. Правда, само вступление на путь бумажно-денежного обращения является в сущности симптомом «неблагополучного», выражаясь мягко, состояния народного хозяйства и государственных финансов; но бумажно-денежное обращение обостряет, усиливает это «неблагополучие». Перед страной при господстве бумажно-денежного обращения два выхода: или остаться при нем, следовательно, быстрым темпом идти к полному разрушению, или же, исходя из правильно понятых общих народнохозяйственных интересов, тем или иным путем ликвидировать бумажно-денежное обращение и восстановить металлическую валюту.

Бумажно-денежное обращение должно быть ликвидировано, ибо ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах капиталистическое хозяйство не может нормально обслуживаться бумажно-денежным аппаратом.

Но существует и другая точка зрения. Ряд специалистов высказывается в том смысле, что при известных условиях возможна циркуляция бумажных денег без обычных вредных последствий бумажно-денежного обращения. К таковым надо отнести, между прочим, и М. Туган-Барановского.

«Экономическая наука, — пишет М. Туган-Барановский, — признала бумажные деньги плохими деньгами именно потому,

что они колебались в своей ценности. Если бы возможны были бумажные деньги, ценность которых была бы так же устойчива, как и ценность металлических денег, то такие деньги ничем не уступили бы металлическим» [1].

Но возможно ли это?

«Опыт последних десятилетий, — говорит М. Туган-Барановский, — показал, что, кроме системы бумажных денег с неустойчивой ценностью, возможна и система бумажных денег с устойчивой ценностью. Возможность этой последней системы доказана примером австро-венгерской валюты» [2].

Колебание ценности бумажных денег обнаруживается только в колебании вексельных курсов, а эти последние могут регулироваться сознательным вмешательством государства.

Сущность австро-венгерской валюты как раз заключается в том, что «вместо пассивного отношения к строению вексельного курса государство или какая-либо специально для этого созданная хозяйственная организация, находящаяся под контролем государства, берет на себя регулирование вексельного курса в видах достижения наибольшей устойчивости туземной валюты. Вся суть этой новой системы заключается. . . в активной валютной политике государства или его органов» [3].

Государство может активно влиять на строение лажа, может поставить в известные границы колебание ценности бумажной денежной единицы. Достигает оно это тем, что активно вмешивается в игру спроса и предложения иностранных векселей, выступая то покупателем их, когда вексельный курс благоприятен, то продавцом, когда вексельный курс обнаруживает неблагоприятные тенденции. В первом случае государство усиливает спрос, во втором — усиливает предложение. Все эти операции государства не имеют никаких других целей, кроме уравновешивания спроса и предложения и достижения устойчивости вексельного курса. Как раз австро-венгерский банк для устойчивости ценности своих билетов (неразменных) широко и с успехом применял активную валютную политику.

Убеждение в том, что устойчивость ценности денежной единицы может быть достигнута путем воздействия на вексельный курс, базируется, в конечном счете, на воззрении, что внутри страны ценность денег определяется исключительно государственной властью. Теоретическим вдохновителем этой последней точки зрения является Кнапп, и признание возможности посредством активной валютной политики достигнуть устойчивости ценности денежной единицы обусловливается признанием общей теории денег Кнаппа.

---

[1] М. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917, стр. 142.

[2] Там же, стр. 159.

[3] Там же, стр. 160.

Г. Кнапп исходит из номинальности ценности денег (вернее, платежной способности). Но в то же время он признает, что правовая сила государства не действует вне страны, за ее границей.

Нотальные, по выражению Кнаппа, деньги опираются на веления государственной власти, которая не имеет силы вне данной страны. Для международной же торговли приходится оценивать валютные деньги одной страны в валютных деньгах другой, в интервалютарном курсе. Этот последний сильно колеблется и определяется отношением между платежными обязательствами различных стран и обстоятельствами, лежащими в основе образования цен [4].

Предоставленный сам себе интервалютарный курс сильно колеблется, но государство может активно вмешиваться в игру спроса и предложения, искусственно регулировать соотношение между спросом и предложением, в результате чего можно достигнуть устойчивости интервалютарного курса. Определенной «экзодромической», по выражению Кнаппа, политикой государство может установить и в сфере международной торговли цену своих валютных денег, в чем и проявляется хозяйственная мощь государства [5]. Примером такой успешной экзодромической политики может служить политика австро-венгерского банка.

Воззрения Кнаппа на экзодромическую политику государства целиком опираются на его основную точку зрения относительно денег, которую мы уже рассматривали. И если, как мы полагаем, государство не может устанавливать ценность денег внутри страны, то также сомнительно, чтобы оно было в состоянии полностью регулировать курс бумажных денег во внешних сношениях.

Ссылка на практику австро-венгерского банка, которую особенно подчеркивает М. Туган-Барановский, нам кажется абсолютно неправильной.

Билеты австро-венгерского банка были не бумажными деньгами, а банковыми билетами, хотя они были и неразменны.

Другой вопрос, насколько вообще возможна, целесообразна циркуляция неразменных банковых билетов. Можно спорить о том, насколько при обращении неразменных банковых билетов возможно посредством активной валютной политики поддерживать их курс, но все это будет относиться к банковым билетам, а не к бумажным деньгам, отличающимся от первых не свойством разменности, а другими, более важными с экономической точки зрения, признаками.

Предположим даже, что активная валютная политика австро-венгерского банка была успешна но она была успешна лишь потому, что защищала банковые билеты, а не бумажные деньги.

История знает примеры активной политики по отношению

[4] G. Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. München—Leipzig, 1921, S. 209, 210.

[5] Ibid., S. 243.

к бумажным деньгам, но эти примеры как раз показывают, что эта политика не давала благоприятных результатов.

Сам же М. Туган-Барановский указывает, что русское финансовое ведомство всегда стремилось вести активную валютную политику. В 80-х годах XVIII в. «для возвышения вексельного курса и удержания оного в желательной пропорции учинены были распоряжения, по высочайшим соизволениям, чтобы барон Сутерланд трассировал на казенные деньги в Амстердаме у баронов де Смет состоявшие, т. е. давал бы кредитивы или векселя, а они по сему долженствовали гонорировать те векселя и кредитивы; Сутерланд же паки наполнил оные трассировки переводами» [6].

В 50-х годах прошлого века русское финансовое ведомство также в широких размерах пользовалось казенными трассировками, «косвенным размером по курсу».

Но эти мероприятия не давали больших результатов. И неудача этих мероприятий объясняется не только тем, что они проводились бессистемно, неумело, а тем, что они имели целью защитить бумажные деньги, курс которых никакими искусственными мерами нельзя удержать от колебаний.

Бумажные деньги тесно связаны с колебаниями их курса, хотя это ничего не говорит относительно возможности регулировать курс банкнот (неразменных).

Возможны ли неразменные банкноты, возможно ли поддержание их курса? Это — вопрос, который не может быть рассматриваем в этой книге, посвященной бумажным деньгам, но то, что удержать бумажные деньги от колебания их курса невозможно, доказано всем большим историческим опытом с бумажными деньгами, и, как нам кажется, находит вполне обоснованное теоретическое объяснение. История не знает примеров бумажно-денежного обращения с устойчивой ценностью денежной единицы. Устойчивость эта может быть достигнута только выпуском их в ограниченном размере, определяемом потребностями оборота, но, как мы уже указывали, из экономического и финансового эффекта бумажных денег непосредственно вытекает неизбежная их «чрезмерность».

2

Как же можно ликвидировать бумажно-денежное обращение? Какими способами можно избавиться от бумажных денег? Какие методы могут быть для этого пригодны?

Предварительно необходимо точно установить: мы ставим вопрос не о том, как должна быть построена денежная система, — это не входит в нашу задачу. Цель наша более узкая: определить

[6] Финансовые документы царствования Екатерины II, изданные А. Н. Куломзиным, стр. 383 (цит. по кн.: М. Туган-Барановский. Указ. соч. стр. 161).

и оценить возможные методы ликвидации бумажно-денежного обращения, уничтожения бумажных денег. Чем следует бумажные деньги заменить? Вопрос, который в данной работе не рассматривается.

Правда, нельзя отрицать и того, что ликвидация бумажно-денежного обращения отчасти определяется тем, какой системой денежного обращения оно заменяется. Но эта зависимость отражается не на форме ликвидации бумажных денег, а на тех технико-финансовых мероприятиях, посредством которых осуществляется тот или иной метод ликвидации бумажно-денежного обращения. Наша же цель — рассмотреть только общие способы ликвидации бумажно-денежного обращения, не входя вовсе в разбор технико-финансовых мероприятий, сопровождающих реформу.

При рассмотрении поставленного вопроса исходной нашей точкой зрения, вытекающей из общей теории денег, будет убеждение в том, что, какова бы ни была денежная система, в основу ее должен быть положен металл. При такой валюте металлические денежные знаки могут фактически и не циркулировать или составлять незначительную часть общего числа циркулирующих и обслуживающих товарный оборот орудий обращения: над металлической валютой создается целый ряд надстроек, но вопрос, и очень важный вопрос, об этих надстройках должен быть предметом специальной работы, которая должна главным образом остановиться на изучении кредитной ткани современного хозяйства.

Вопрос же о ликвидации бумажно-денежного обращения может быть рассматриваем в другой плоскости.

История бумажных денег довольно велика и стара. И история эта обнаружила ряд методов ликвидации бумажно-денежного обращения. Бумажно-денежное обращение ликвидируется, бумажные деньги уничтожаются посредством осуществления их размена по полному нарицательному курсу. Восстанавливается металлическая система, бумажно-денежная единица приравнивается металлической и производится обмен либо на металл, либо на банковые билеты.

Наиболее известные случаи такой реформы — ликвидация бумажно-денежного обращения в Англии в 1816 г., в Северо-Американских Соединенных Штатах в 1865—1879 гг., во Франции — после франко-прусской войны в 1871 г.

Прямо противоположным указанному способу является уничтожение бумажных денег посредством их нулификации. Бумажные деньги лишаются защиты государства, они перестают признаваться законным платежным средством; государство, не считая их платежными знаками, перестает их принимать и по платежам в казну. Наиболее известными случаями такого рода ликвидации в истории является нулификация денежных знаков во Франции в 1719—1720 гг. во время Дж. Ло и ассигнаций революционной Франции в 1791—1796 гг.

Наконец, средним между ними является осуществление размена бумажных денег, но не по полному нарицательному курсу, а по курсу ниже нарицательного. Или же бумажно-денежная единица разменивается на новую денежную единицу, эквивалентную меньшему количеству металла, нежели заключалось в той металлической единице, которая существовала во время выпусков бумажных денег. Таким образом, обмен можно произвести двояким образом: или бумажно-денежная единица приравнивается известной части прежней металлической денежной единицы: бумажный рубль, напр., приравнивается $^2/_3$ металлического, или же бумажно-денежная единица разменивается на вновь созданную денежную единицу, заключающую в себе или эквивалентную меньшему количеству металла, нежели прежняя металлическая единица. Этот способ ликвидации бумажно-денежного обращения называется девальвацией. Таковы были реформы бумажно-денежного обращения, произведенные в Австрии в 1811—1816 гг., а затем в 1892 г. и в России в 1839—1843 гг. и в 1897 г.

Рассматривая указанные формы ликвидации бумажно-денежного обращения с формально юридической точки зрения, полагая, что бумажные деньги являются долговыми обязательствами государства, которые должны быть выполнены посредством погашения долга, придется признать, что только при применении первого способа, возобновлении обмена по полному нарицательному курсу, эти обязательства выполняются.

Второй способ, нулификация бумажных денег, лишение их всех «прав» денег, с формально юридической точки зрения, является отказом от своего долга, государственным банкротством.

Наконец, третий способ, возобновление размена бумажных денег по курсу ниже нарицательного, с формально юридической точки зрения, должен быть признан банкротством частичным, смягченной формой отказа от уплаты по бумажно-денежному долгу.

Какому же из всех трех испытанных в истории методов ликвидации бумажно-денежного обращения следует отдать предпочтение? Этот вопрос очень часто ставится в специальной литературе.

А между тем, ответить на этот вопрос в общей форме совершенно невозможно. В самом деле, с каким критерием можно подойти к оценке способов ликвидации бумажно-денежного обращения? С какой точки зрения надо подходить к разрешению поставленного вопроса в общей принципиальной постановке?

Может быть, с точки зрения справедливости или с точки зрения общих интересов народного хозяйства или, наконец, с точки зрения государственных финансов?

Исходя из интересов трудовых классов, общего ответа на вопрос, какой способ ликвидации бумажно-денежного обращения является наиболее предпочтительным, дать нельзя.

В самом деле. Какой из указанных методов наиболее соответствует интересам трудовых классов?

Бумажно-денежное обращение нарушает различные интересы социальных классов, вредит интересам разнообразных слоев, но, что особенно важно, вред, наносимый бумажно-денежным обращением трудовым классам, компенсирован быть не может. Это технически неосуществимо, и никакая форма ликвидации бумажно-денежного обращения не может ставить себе таких целей.

Интересам широких масс населения наиболее соответствует такая ликвидация бумажно-денежного обращения, которая сводится к узаконению, официальному признанию фактически создавшегося положения вещей. Если к моменту ликвидации ценность бумажно-денежной единицы пала чуть ли не до нуля, только нулификация бумажных денег окажется наилучшим выходом.

Если при таком фактически создавшемся положении вещей государство хотело бы возобновить размен по полному нарицательному курсу, это означало бы только вознаграждение случайных держателей бумажных денег в момент ликвидации бумажно-денежного обращения. Те, кто потерял на бумажных деньгах, возмещения все равно не получил бы.

В революционной Франции, когда бумажных денег было выпущено столько, что они потеряли всякую ценность, когда «за чашку кофе платили тысячефранковым билетом; пара сапог стоила 30 000 франков; а правительство дошло до такой степени нищеты, что ежедневные его издержки не иначе оплачивались, как свежими ассигнациями, сохраняющими еще всю влажность тиснения», — возобновление размена бумажных денег, даже если бы это было возможно, даже если бы состояние государственных финансов это допускало, по полной нарицательной цене, или даже по курсу ниже нарицательного, не возместило бы ни в какой мере пострадавшие интересы, но зато вознаградило бы случайных держателей ассигнаций.

То же самое относится и к бумажно-денежным знакам, наводнившим Францию в 1719—1720 гг. во время экспериментов Дж. Ло, когда их выпущено было столько, что ценность их пала чуть не до нуля.

При таких условиях, очевидно, нулификация бумажных денег является способом ликвидации бумажно-денежного обращения, наиболее соответствующим интересам трудовых классов. Осуществление размена по полному нарицательному курсу, даже девальвация явились бы в этом случае только вознаграждением имущих за счет неимущих.

Если курс бумажно-денежной единицы пал, если ценность ее, положим, равна половине номинальной ее цены, то, очевидно, в этом случае единственным способом ликвидации бумажно-денежного обращения является девальвация. Если бы государство при таких условиях пожелало произвести размен по полной нарицательной цене, то все равно нарушенные интересы не были бы восстановлены, а только были бы без всякого основания вознагра-

ждены случайные держатели бумажных денег в момент их ликвидации, т. е. вознаграждены были бы как раз нетрудовые элементы.

Если бы в Австрии в 1881 г. правительство вместо девальвации произвело размен по полной нарицательной цене, это свелось бы только к вознаграждению случайных держателей банкцетелей (как назывались тогда бумажные деньги) суммой, в 5 раз большей, чем они обладали тогда, когда банкцетели к ним попали, или, точнее, такая «реформа» дала бы возможность обладателям банкцетелей получить в обмен за имевшиеся у них бумажные деньги в 5 раз больше товаров и услуг, чем они сами в свое время дали за банкцетели.

Если бы в 1839 г. в России государство пожелало восстановить размен ассигнаций по полному нарицательному курсу, это значило бы опять-таки снабдить случайных держателей ассигнаций (как назывались тогда бумажные деньги) в 3,5 раза большей суммой, чем они фактически имели, или, иначе, без всякого с их стороны труда увеличить их богатство в 3,5 раза.

Если бы в 1897 г. ликвидация бумажно-денежного обращения в России была произведена посредством размена кредитных рублей по полному нарицательному курсу, это опять-таки означало бы только обогащение обладателей их на $^1/_3$ и не больше. Те, кто уже пострадали вследствие падения ценности бумажных денег, возмещения своих потерь не получили бы, справедливость не была бы восстановлена. Следовательно, и девальвация с точки зрения интересов широких масс населения может быть оправдана.

То же можно сказать и о возобновлении размена бумажных денег по полному нарицательному курсу, которое, очевидно, допустимо тогда, когда курс бумажных денег стоит на уровне их номинальной ценности.

Таким образом, нет возможности дать общую оценку той или иной форме ликвидации бумажно-денежного обращения. Интересы, нарушенные бумажно-денежным обращением, восстановлены быть не могут. С этой точки зрения все возможные формы уничтожения бумажных денег несправедливы. И суть дела не в методах ликвидации, а в том, что само бумажно-денежное обращение чревато слишком многими, притом непоправимыми, «несправедливостями».

С точки зрения интересов трудовых классов в условиях капиталистического хозяйства бумажные деньги не могут быть оправданы; но, говоря о формах их ликвидации, приходится считаться с наличностью бумажно-денежного обращения, которое необходимо ликвидировать. С этой точки зрения все формы одинаково оправдывают себя.

Наиболее целесообразной является такая форма ликвидации, которая в наибольшей мере узаконяет фактически создавшееся положение вещей. Правда, это последнее, как мы увидим ниже, является делом весьма сложным, но, во всяком случае, общее

разрешение поставленного вопроса может быть только таковым: ликвидация бумажно-денежного обращения должна быть произведена таким образом, чтобы было достигнуто узаконение фактически сложившегося положения, фактически уже создавшихся условий.

3

Но, может быть, можно найти общую оценку форм ликвидации бумажно-денежного обращения, если исходить из общих интересов народного хозяйства во всем его целом? Может быть, с этой точки зрения необходимо при всяких условиях отдать предпочтение той, а не другой форме ликвидации бумажно-денежного обращения?

Влияние бумажно-денежного обращения на народное хозяйство сказывается в том, что оно дезорганизует обычное, нормальное, так сказать, развитие народного хозяйства, нарушает товарообмен, создает совершенную невозможность установления товарных цен, нарушает соответствие между товарными ценами; образование цен в капиталистическом хозяйстве осложняется тем, что постоянное колебание ценности денежной единицы не дает возможности установления устойчивого денежного выражения ценностей товаров; к факторам, влияющим на образование цен, прибавляется еще один: колеблющийся, непостоянный, не поддающийся совершенно какому бы то ни было предвидению; отражаясь различным образом на ценах товаров, в зависимости от местности, от рода производства и т. д., колебание ценности денег разрывает меновые связи, нарушает пропорциональность между отдельными отраслями народного хозяйства.

Ликвидация бумажно-денежного обращения имеет целью уничтожить это вредное влияние бумажных денег; но, с другой стороны, сама ликвидация, в какой бы форме она ни производилась, временно, пока происходит преобразование, является актом, дезорганизующим народное хозяйство. Какая угодно форма уничтожения бумажных денег означает в сущности установление новой денежной единицы; эта новая денежная единица может быть восстановлена старой, бывшей в употреблении до господства бумажно-денежного обращения, но для народного хозяйства эпохи бумажных денег эта денежная единица будет новой. А введение новой денежной единицы не может не оказывать влияния на народное хозяйство, на товарообмен, на производство.

В самом деле. Предположим, бумажные деньги упали в своей ценности. Осуществление в таких условиях размена по полному нарицательному курсу повело бы к колоссальной пертурбации товарообмена, к необходимости переоценки всех товаров. Переоценка же может быть произведена только постепенно, поэтому установление определенного соотношения между ценами различных товаров может быть только результатом долгого, притом довольно мучительного для народного хозяйства, процесса.

В этом случае, при восстановлении ценности денег, «просто-напросто повторилось бы, только в обратном направлении, то изменение имущественных отношений и то опасное расстройство всякой правомерной торговли, которые ранее порождались процессом обесценения денежной единицы» [7].

Надо заметить, что от указанных неудобств не избавляет и узаконение фактически сложившихся условий, узаконение курса, девальвация. Если бы все товары при господстве бумажных денег повысились в своих ценах одинаково в одном и том же размере, то, очевидно, девальвация была бы наиболее соответствующей формой ликвидации бумажно-денежного обращения. Но в том-то и дело, что повышение цен товаров происходит неодинаковым образом. Поэтому узаконение какого бы то ни было курса, хотя бы и курса дня, все же для некоторых товаров означает понижение, для других — повышение их цены. Узаконение курса денег означает зафиксирование среднего уровня товарных цен, но этим соответствие между ценами различных товаров не устанавливается. Это обстоятельство надо особенно иметь в виду при суждениях о народнохозяйственном значении тех или иных форм ликвидации бумажно-денежного обращения, уничтожения бумажных денег.

Размен по полному нарицательному курсу не вносит также непосредственно нормального порядка в кредитные отношения, если ликвидация бумажных денег связана с повышением их фактического курса. В то время как при понижении курса страдают кредиторы, при повышении должны страдать должники; но, с другой стороны, и девальвация, осуществление размена по курсу ниже нарицательного, положения целиком не исправляет; узаконение курса дня может означать для кредиторов по старым сделкам большие потери.

Бумажно-денежное обращение нарушает пропорциональность между различными отраслями народного хозяйства тем, что оно оказывает покровительство одним отраслям народного хозяйства, ставя другие отрасли в тяжелое положение. Но ликвидация непосредственно дела не исправляет. Если раньше отечественное производство, по крайней мере в некоторой его части, ставилось в ненормально хорошие условия конкуренции с иностранным производством, то ликвидацией оно ставится в ненормально дурные условия; если раньше бумажно-денежное обращение препятствовало ввозу, то ликвидация ему содействует.

Следует подчеркнуть, что мы имеем в виду не конечные результаты ликвидации бумажно-денежного обращения, а обстоятельства, непосредственно сопровождающие эту ликвидацию. Результаты ликвидации, каким бы путем эта последняя ни была произведена, заключаются в установлении устойчивой валюты,

[7] W. Roscher. Nationalökonomik des Handels und Gewerbefleisses. Stuttgart, 1899, S. 263.

а это, конечно, необходимо для нормального и успешного развития народного хозяйства. Но обстоятельства, которые сопровождают саму ликвидацию, опять-таки независимо от ее формы, всегда будут болезненны и будут тяжело отзываться на народнохозяйственном организме. Но, само собой разумеется, эта тяжесть переходного момента вполне оправдывается конечными результатами. И хирургическая операция болезненно отражается на человеческом организме, но вполне оправдывается прекращением болезни.

Высказанные соображения относительно форм ликвидации бумажно-денежного обращения, рассматриваемых с общей народнохозяйственной точки зрения, побуждают прийти к заключению, что все они одинаково целесообразны и нецелесообразны. Целесообразны потому, что все они, в конце концов, дают результаты, благодетельные для народного хозяйства; нецелесообразны потому, что все они болезненно (правда, временно) отзываются на народном хозяйстве.

Очевидно, и с точки зрения общих интересов народного хозяйства наиболее целесообразным, или наименее болезненным, будет такой способ уничтожения бумажных денег, которым было бы достигнуто узаконение фактически сложившихся условий.

С народнохозяйственной точки зрения нельзя дать общей оценки тому или иному методу ликвидации бумажно-денежного обращения. Все они имеют свои достоинства и свои недостатки. Выбор того или другого определяется совокупностью конкретных условий, при которых совершается реформа. В одном случае наиболее целесообразным является размен бумажных денег по полной нарицательной цене; в другом случае девальвация будет наиболее пригодной формой; наконец, могут создаться такие конкретные условия, при которых, даже с точки зрения общих интересов народного хозяйства, наиболее выгодной будет нулификация бумажных денег. К тому же заключению придется прийти, если исходить из узкофинансовой точки зрения, из интересов государственных финансов.

При упавшей ценности бумажных денег ликвидация бумажно-денежного обращения посредством размена по полной нарицательной цене явилась бы совершенно непроизводительной растратой государственных средств. Такой способ реформы при таких условиях с государственной точки зрения совершенно недопустим. С другой стороны, если ценность бумажных денег пала, произвести реформу путем девальвации также нецелесообразно с финансовой точки зрения. Такая реформа была бы в высокой степени болезненна для всего народного хозяйства, и следовательно, не в меньшей мере и для хозяйства государственного, благополучие которого зиждется на здоровом состоянии всего народного хозяйства во всем его целом.

И с точки зрения государственных финансов наиболее, очевидно, целесообразным является также узаконение фактически

сложившихся условий денежного обращения; это требование может при различных условиях вызывать необходимость различных форм уничтожения бумажных денег. И с финансовой точки зрения все формы ликвидации бумажно-денежного обращения одинаковы; выбор их определяется конкретными историческими условиями.

Вопросы реформы бумажно-денежного обращения являются вопросами не теории, а политики. Общая оценка, общая постановка вопроса заменяется принципом целесообразности; общая точка зрения заменяется анализом конкретных условий.

4

Остается еще рассмотреть поставленный вопрос с формально-юридической точки зрения. Может быть, с этой точки зрения можно говорить о полной допустимости или недопустимости тех или иных форм ликвидации бумажно-денежного обращения?

С точки зрения формально-юридической бумажные деньги являются долгом государства, поэтому ликвидация их допустима только посредством размена по полной нарицательной цене, что и является уплатой по бумажно-денежному долгу.

Всякая другая форма ликвидации, девальвация или же нулификация бумажных денег, будет с этой точки зрения банкротством полным или частичным и поэтому недопустима.

Соображения эти, несомненно, имеют некоторые основания. Когда выпускаются бумажные деньги, обыкновенно правительства неоднократно и в торжественной форме всегда объявляют о своем признании бумажно-денежного долга. Осуществление размена бумажных денег не по полной нарицательной цене означает неисполнение признанного ранее обязательства. И всякие попытки доказать, что в этом смысле никакого банкротства не будет, заранее обречены на неуспех. Когда А. Гурьев в 90-х годах прошлого столетия пытался оправдать девальвацию, отрицая за ней свойство государственного банкротства, то его теория в сущности исходила из отрицания связанности государственной власти законом.

«Государство, — писал А. Гурьев, — само творит право; оно постоянно изо дня в день ниспровергает одни правовые нормы и устанавливает другие. . . В деле установления денежной системы, исправления ее и т. п. государство может совершать колоссальные ошибки. . ., вопиющие несправедливости, может причинять очевидный вред, но не может совершать здесь ни малейшего нарушения формального права, ибо то, что творит в этой области государство, и есть самоправо» [8].

Утверждение это едва ли требует опровержения; оно может служить оправданием всякого произвола государства, а произвол с юридической точки зрения едва ли может быть оправдан; произвол может быть оправдан политической целесообразностью, но

[8] А. Гурьев. Реформа денежного обращения, ч. II. СПб., 1896, стр. 394.

юридического оправдания он найти не может. Теория А. Гурьева могла родиться только на почве тогдашней русской действительности, в которой, по удачному выражению М. Боголепова, «не всегда закон был определяющим фактором, а часто правомерность заменялась правительственной целесообразностью. Быть может, эта правительственная целесообразность лучше отвечала интересам государственной политики, чем строго проводимая закономерность, но раз вопрос поставлен формально, нельзя не признать, что такая целесообразность была нарушением и отрицанием закона» [9].

С формальной точки зрения девальвация, а тем более нулификация должны быть признаны государственным финансовым банкротством.

Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что бумажно-денежное банкротство имеет и некоторые специфические черты, отличающие его от банкротства вообще и государственного финансового банкротства в частности.

Во-первых, при бумажно-денежном банкротстве нет возможности определить те частные интересы, которые пострадали от этого банкротства. Государственным банкротством является нарушение конкретных и определенных юридических обязательств, чего нет при бумажно-денежном банкротстве. Это чрезвычайно важная сторона, которую нельзя забывать и которая может изменить оценку девальвации или даже нулификации бумажных денег как государственного банкротства.

Во-вторых, размен не по полной нарицательной цене непосредственно не нарушает интересов лиц, обменивающих бумажные деньги на металл. Уже было указано, что предъявители бумажных денег ни в коем случае не могут быть признаны представителями пострадавших интересов. И это обстоятельство следует иметь в виду при суждениях о бумажно-денежном банкротстве.

В-третьих, и это непосредственно вытекает из предыдущего, никакая в сущности форма ликвидации бумажно-денежного обращения, даже размен по полной нарицательной цене, не возмещает потерь пострадавших. С этой точки зрения следует признать, что государство не выполняет своих обязательств уже задолго до уничтожения бумажных денег. По отношению к каждому понесшему потери, вследствие падения ценности бумажных денег, государство является должником, и погасить этот долг посредством ликвидации бумажно-денежного обращения государство не может. На первый взгляд кажется парадоксом, но на самом деле можно утверждать, что банкротство государства, в смысле невыполнения им своих обязательств, совершается не ликвидацией бумажно-денежного обращения, а выпуском бумажно-денежных знаков в таком количестве, какое неизбежно влечет падение их ценности.

---

[9] М. Боголепов. Государственный долг. СПб., 1910, стр. 319.

«Хотя и нельзя отрицать,— справедливо пишет В. Гольдман, — что девальвация заключает в себе отречение от точного выполнения принятых на себя государством обязательств, а следовательно, и частное банкротство государства, однако этим упреком еще не разрешается вопрос о юридическом значении обоих мероприятий, ибо, при более внимательном взгляде на предмет, оказывается, что то нарушение прав, которое обнаруживается и завершается при девальвации, имеет свой корень не в ней, а в прежних обстоятельствах. . . Вследствие первоначального нарушения права государство оказывается в необходимости или предпринять изъятие бумажных денег по нарицательной ценности и, посредством новых нарушений права, выполнять свои первоначальные обязательства, или, при помощи девальвации, признать обнаружившиеся уже последствия своих первых нарушений права. Таким образом, сравнение обеих означенных мер относительно юридического их значения приводит к исследованию вопроса о том, что будет менее несправедливо, при помощи ли новой несправедливости уничтожить последствия прежней несправедливости или признать последствия прежней несправедливости для избежания нового нарушения права» [10].

Раньше было указано, что бумажно-денежное банкротство отличается от обычного финансового банкротства, почему оно является особого вида государственным банкротством, к которому подходить с обычными мерками невозможно. Важно то, что банкротство заключается не в той или иной форме уничтожения бумажных денег, а в самом бумажно-денежном обращении. Ликвидировать же бумажно-денежное обращение значит прекратить состояние государственного банкротства.

«Фактически банкротство совершается. . . в тот момент, — говорит Гельферих, — когда правительство воспользовалось своим авторитетом, чтобы пустить в обращение принудительным порядком обесцененные знаки». «Само банкротство предшествует бумажным деньгам, — пишет Кауфман, — и их порождает, как ближайшая их причина».

Высказанные соображения побуждают признать допустимой любую из форм уничтожения бумажных денег, хотя некоторые из них и можно считать с формально-юридической точки зрения государственным банкротством.

Все методы ликвидации бумажно-денежного обращения с точки зрения допустимости или недопустимости государственного банкротства одинаковы. И следовательно, и с этой точки зрения приходится руководствоваться не общими юридическими принципами, а экономической целесообразностью.

Вопрос уничтожения бумажных денег является вопросом не общей теории, а экономической политики; общий принцип уступает место точке зрения целесообразности.

[10] В. Гольдман. Русские бумажные деньги. СПб., 1866, стр. 176, 177.

5

Деньги вообще относятся к разряду явлений исключительно социальных, и то или иное устройство денежного механизма различным образом затрагивает интересы различных классов общества. Особенно это обстоятельство обнаруживается применительно к бумажным деньгам.

Затрагивая различным образом интересы отдельных классов населения, принося одним больший, другим меньший ущерб, а третьим даже выгоды, бумажно-денежное обращение вызывает к себе различное отношение со стороны различных классов населения.

Ликвидация бумажных денег также затрагивает интересы различных классов. Требования, предъявляемые к ликвидации со стороны различных классов населения, не могут быть одинаковыми.

Общие принципы уступают место точке зрения целесообразности, но если общие принципы неодинаковы у различных классов населения, тем более должны обнаруживаться разногласия между различными классами о целесообразности того или иного метода ликвидации бумажно-денежного обращения.

Одни классы, исходя из своих интересов, будут требовать размена бумажных денег по полной нарицательной цене, другие — девальвации.

Но, если даже и сойтись на общей точке зрения необходимости произвести реформу таким образом, чтобы ею было узаконено фактически создавшееся к моменту реформы положение, все же почва для разногласий, притом крупных, остается.

В самом деле, что такое фактически создавшееся положение? Можно ли с точностью установить, на каком уровне стоит курс денег к моменту ликвидации бумажно-денежного обращения?

Колебание ценности денежной единицы всегда сопутствует бумажно-денежному обращению. Даже если выпуски бумажных денег прекращены, даже если в течение продолжительного времени общее количество денежных знаков не изменяется, все же полной устойчивости ценности денежной единицы не достигается, ибо ценность бумажных денег, определяемая ценностью представляемого ими всеобщего эквивалента, обусловливается не только их количеством, но и всей совокупностью условий, которые образуют общую конъюнктуру товарного рынка.

Кроме того, колебание ценности бумажно-денежной единицы неодинаково отражается на ценах различных товаров, что вызывает неодинаковое положение отдельных групп товаров.

Вот почему вопрос об узаконении фактически сложившихся условий чрезвычайно сложный.

Предположим, общепризнанным является убеждение в необходимости произвести реформу бумажно-денежного обращения посредством девальвации. Но по какому курсу следует девальвировать бумажно-денежную единицу?

Как раз этот вопрос разрешается различным образом представителями различных социальных интересов. Как бумажно-денежным обращением, так и ликвидацией его затрагиваются, и притом различным образом, интересы различных классов населения, поэтому неудивительно, что вокруг вопроса о курсе, по которому следует девальвировать бумажно-денежную единицу, развертывается крупнейшая социальная борьба, борьба общественных классов.

Когда в Австрии в конце 90-х годов прошлого столетия обсуждался план уничтожения бумажных денег и когда вопрос о необходимости произвести реформу через посредство девальвации уже не возбуждал сомнений, борьба социальных классов развернулась как раз около вопроса о курсе, по которому следовало девальвировать гульден.

Одни требовали, чтобы курс денежной единицы был бы зафиксирован на наивысшем своем уровне, какого он достигал за период существования бумажных денег, т. е. с 1879 до 1891 г. Другие требовали зафиксирования, наоборот, низшего уровня, до которого спускался гульден.

Сторонниками первой точки зрения, «тяжелого» гульдена, выступали главным образом рабочие, служащие различных категорий, получатели фиксированного дохода и т. д., к ним же примыкали представители интересов кредиторов, владельцы ценных бумаг, облигаций и т. д.

Сторонниками второй точки зрения, «легкого» гульдена, выступали представители торговли и промышленности, работавшей на экспорт, представители интересов должников — землевладельцев, промышленников и т. д.

Борьба эта принимала весьма резкие формы и закончилась компромиссом.

Не меньшая борьба, хотя и в скрытой форме, так как политический режим не давал возможности выявить различные социальные интересы, в особенности интересы трудовых классов, происходила и в России в 90-х годах прошлого столетия, когда произведена была реформа денежного обращения.

Социальный характер денег и социальное значение бумажно-денежного обращения, пожалуй, особенно ярко и рельефно обнаруживаются во время его ликвидации. Ликвидацией затрагиваются различные классовые интересы, и борьба классов по поводу способов ликвидации еще более обостряет противоречие этих интересов.

Понятен поэтому интерес, который проявляют и должны проявлять различные классы населения к вопросу о фактическом осуществлении реформы денежного обращения, ликвидации бумажных денег.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена т е о р и и бумажных денег и бумажно-денежного обращения в связи с общей теорией денег; в заключение нам хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство, непосредственно вытекающее из всего сказанного и о котором нам приходилось уже не раз говорить.

Деньги являются внешним выражением определенных социальных отношений. Этим самым определяется социальный характер и социальное значение денег. И ясно, что вопрос о деньгах и денежном обращении не может не иметь социального содержания. Поскольку деньги являются категорией, свойственной капиталистическому хозяйству, в них должны найти свое отражение с о в р е м е н н ы е социальные отношения.

Мы указывали на результаты бумажно-денежного обращения, мы подчеркивали весь тот вред, который наносится бумажными деньгами как всему народному хозяйству в его целом, так и отдельным общественным классам.

Но, вместе с тем, мы указывали, что бумажно-денежное обращение отзывается неодинаково на различных слоях населения, ложится наиболее тяжелым бременем на трудовые классы.

Кроме того, даже с точки зрения чисто финансовой, с точки зрения узких интересов государственных финансов, бумажно-денежное обращение имеет слишком много отрицательных сторон.

И все же современные буржуазные государства постоянно к нему прибегают. В моменты больших народнохозяйственных потрясений (во время войн, революций, каких-либо крупных общественных бедствий, когда нужда государства в средствах бывает особенно острой и большой) государства прибегают к бумажно-денежному финансовому ресурсу. В начале XX в. многим казалось, что история уже похоронила бумажные деньги, как раньше она похоронила эксплуатацию монетной регалии в целях фиска; бумажные деньги, казалось, отошли в область прошлого. При финансовой технике, достигшей колоссального развития, государство, казалось, могло бы обойтись и без негодного в сущности со всех точек зрения финансового ресурса, каким являются бумажные деньги.

Но события последних лет не оправдали этих ожиданий.

И до войны компетентные специалисты прекрасно понимали и говорили, что в будущем еще бумажными деньгами придется

воспользоваться. Но чтобы ими воспользовались в таком громадном масштабе, в каком это было сделано почти во всех воюющих странах, этого никто не мог ожидать. Правда, никто не мог предполагать и действительного масштаба самой войны, ее размеров, ее длительности.

К бумажным деньгам снова прибегли и притом воспользовались ими как финансовым ресурсом в небывалых еще размерах.

Чем же объясняется то, что, несмотря на все отрицательные стороны бумажно-денежного обращения, несмотря на его разрушительное влияние буквально на все стороны народнохозяйственной жизни, все же им пользуются почти все цивилизованные государства?

Причин тому несколько.

Бумажные деньги выпускаются в экстраординарных случаях, когда нужда государства в средствах очень велика и когда эти средства необходимо быстро получить. Обычные финансовые способы действуют медленно, результаты как займов, так в особенности налогов сказываются не так скоро. Какого бы совершенства ни достигла финансовая техника, все же для достижения результатов обычными способами требуется некоторое, иногда довольно продолжительное, время.

К тому же в экстраординарных случаях, когда прибегают к выпускам бумажных денег, средств нужно очень много, больше, чем этого можно достичь использованием с у щ е с т в у ю щ е й налоговой системы. Крайняя необходимость, притом экстренная, не терпящая отлагательств, в средствах может заставить государство вступить на опасный путь бумажно-денежного обращения.

Вступление на путь выпусков бумажных денег может определиться еще и тем, что обычные пути уже исчерпаны. Налоговое обложение достигло уже крайнего напряжения, дальнейшее напряжение уже невозможно; все налоги уже использованы до крайней степени. Путь же займов тоже оказывается невозможным по общим ли условиям денежного рынка, по состоянию ли государственного кредита.

Но очень часто, почти всегда, к бумажно-денежному обращению буржуазные государства прибегают задолго до того, как уже исчерпаны все другие средства, когда еще далеко не все налоги использованы, когда обычными путями еще можно извлечь доходы для государственной казны.

Вот тут-то мы и подходим к главной, коренной причине выпусков бумажных денег, которая заключается в следующем. Во-первых, извлечение доходов посредством бумажных денег является путем наиболее легким: прибегая к этому средству, государства вступают на путь наименьшего сопротивления; во-вторых, что самое важное, бумажными деньгами облагаются неимущие, социально слабые классы населения: в той степени, как бумажные деньги обнаруживают налоговую беспощадность

по отношению к трудовым классам, они щадят имущие классы. Бумажными деньгами вся тяжесть напряжения финансов перелагается на неимущие классы. Современное классовое государство, прибегая к бумажным деньгам, осуществляет, правда, в прикрытой форме, принципы, лежащие в основании всей его финансовой системы.

Бумажные деньги — наихудший вид косвенного обложения, а это последнее занимает почетное место в общей финансовой системе современного буржуазного государства.

Кроме того, отрицательные результаты бумажно-денежного обращения хотя и отзываются на всем народном хозяйстве, затрагивают интересы всех слоев населения, все же в наибольшей степени наносят непоправимый ущерб неимущим трудовым классам общества.

Вот почему капиталистические государства раз и навсегда отказаться от бумажных денег не могут.

Бумажно-денежное обращение в условиях развитого капиталистического хозяйства не может быть обычной, всегда действующей системой, но в особенно острые народнохозяйственные моменты современные государства неизбежно прибегают к бумажным деньгам.

Деньги вообще — явление социальное, неизбежное и необходимое в условиях товарного хозяйства, где общественная спайка осуществляется посредством обмена. В частности, бумажные деньги имеют определенный социальный смысл. В бумажных деньгах раскрывается содержание современных социальных отношений.

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕДИТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

ТЕОРИЯ КРЕДИТА

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первоначальное намерение опубликовать вторую часть работы вскоре после выхода первой не осуществилось[а]. Ряд обстоятельств помешал это сделать, и вышло так, что прежде опубликования второй части понадобилось повторное издание первой.

Уже вскоре после выхода в свет книги я понял, что общая постановка вопроса, как она дана в книге, требует некоторых пояснений. Эти пояснения, которые я считаю необходимым здесь в несколько измененном виде вопроизвести, были мною даны в докладе-автореферате, прочитанном на заседении Экономической секции Комакадемии 9 февраля 1929 г. Они-то и являются содержанием «Введения».

Первое издание моей книги подверглось довольно подробному и тщательному разбору. Ряд рецензий, журнальных статей был посвящен моей книге. Немало писем я получил от читателей моей книги из различных мест нашего Союза. Наконец, особенно строгой, подробной, подчас хотя и придирчивой, но зато содержательной критике подверглась моя книга в аспирантских семинарах, занятиями которых я руководил. Далеко не все указания казались мне правильными, но это широкое общение с читателем побудило меня внести ряд изменений и исправлений в текст книги и развить ряд положений. Особенно я должен отметить указания, которые давались в работавших под моим руководством семинарах Института красной профессуры.

Второе издание выходит с рядом исправлений и изменений. Написана заново глава «Фиктивный капитал». В первом издании к книге была приложена статья «Кредит в системе советского хозяйства». В настоящем издании я такого приложения не даю. Проблема денег и кредита, вообще проблема советских финансов, требует специальной подробной разработки.

9 ноября 1930 г.

[а] Хотя вторая часть этой работы, в которой автор предполагал рассмотреть деятельность кредитных учреждений главных капиталистических стран, не была написана им, он много сделал для конкретного анализа этих вопросов в своих более поздних работах, вошедших в настоящее издание (*Прим. ред*).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Теория кредита и банков, развитая в публикуемой работе, представляет систематизацию взглядов Маркса.

Все же простым изложением взглядов Маркса мы ограничиться не могли. Во-первых, не все проблемы, связанные с теорией кредита, Марксом освещены. Во-вторых, что имеет более важное значение, новейшее развитие капитализма, в особенности финансового капитализма, дает новые, чрезвычайно существенные факты в области кредитных отношений; эти факты нисколько не колеблют высказанных Марксом взглядов, но все же побуждают к некоторому развертыванию тех положений, которые Марксом лишь намечены.

Изложение теории банков предшествует описанию и анализу конкретной деятельности банков, но, само собой разумеется, даваемые в работе обобщения являются результатом предварительного изучения кредитной практики. Только такой способ, а именно предварительное изучение кредитной практики, дает возможность систематизировать взгляды Маркса на кредит и банки.

Марксистская литература, к сожалению, до сих пор уделяла мало внимания проблемам кредита. Это затрудняет построение марксистской теории кредита, но вместе с тем обнаруживает важность такой работы.

Автор не претендует на то, чтобы поставленные им проблемы были полностью в книге разрешены: данная работа намечает только основные вехи дальнейшего изучения, но автор надеется, что его труд окажет помощь как тем, кто только приступает к изучению теории кредита, так и тем, кто будет участвовать в дальнейшей разработке очень сложных и в то же время чрезвычайно важных проблем кредита.

Москва, июнь 1928 г.

ВВЕДЕНИЕ

1

Настоящая глава посвящена выяснению некоторых исходных предпосылок, легших в основание моей книги, подробный анализ которых я предполагаю дать в следующих частях моей работы.

Соображения, развитые в введении, имеют целью дать представление о тех исходных идеях, которыми я руководствовался при составлении книги, посвященной общей теории кредита. Эти исходные предпосылки не могут быть здесь разработаны с большой подробностью, и я ограничиваюсь сжатым их изложением.

В докладе-автореферате, прочитанном на заседании Экономической секции Комакадемии 9 февраля 1929 г., я говорил следующее.

Предлагаемая книга представляет собой первую часть задуманной мной большой работы, посвященной современному кредиту. Тема моего исследования — общие проблемы современного капитализма и, в частности, влияние кредита на различные стороны народного хозяйства в современном капитализме. Само собой разумеется, что для разрешения поставленной задачи нужно было тщательно изучить работу кредитного механизма. Этому исследованию я предполагал предпослать теоретическое введение, в котором была бы изложена моя точка зрения на сущность и основные закономерности кредита. Передо мной стояла задача — систематизировать и изложить точку зрения Маркса на кредит. Но эта задача оказалась чрезвычайно трудной.

Изложить и восстановить точку зрения Маркса на кредит оказалось чрезвычайно сложным потому, что, как известно, у Маркса не имеется специальной главы, которая была бы посвящена проблеме кредита. То, что мы имеем в печати, представляет только черновик работы Маркса, и наиболее существенные части этого черновика состоят из рабочих заметок Маркса и его примечаний. Энгельс в предисловии к третьему тому писал: «Главное затруднение представлял отдел V, в котором к тому же рассматривается сложнейший вопрос всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой следовало заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собой неупорядоченную груду записей, заметок, материалов в форме

выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и разрабатывая лишь намеченные отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере времени на это заключается главная причина задержки. Наконец, я убедился, что так дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу в этой области, и в конечном счете у меня получилось бы нечто такое, что все же не было бы книгой Маркса» [1].

Таким образом, по мнению Энгельса, для того чтобы воспроизвести взгляды Маркса, относящиеся к кредиту, нужно просмотреть и познакомиться с той литературой, в полемике с которой и были созданы эти интереснейшие гениальные записки, изданные потом Энгельсом.

Но трудность для меня состояла не только в том, чтобы систематизировать разбросанные замечания Маркса и сделать попытку дать систематическое изложение теории кредита. Трудность заключалась и в следующем. Поскольку я интересовался с о в р е м е н н ы м капитализмом, постольку в изложении теории кредита должны были быть учтены те новые обстоятельства, те новые факты, которые имеют огромное значение в условиях современного капитализма и которые не имели такого большого значения в ту эпоху, когда писал Маркс.

Что значит — новые факты? Значит ли это обнаружение таких явлений, которых не было в то время, когда писал Маркс? Конечно, нет. Дело не в обнаружении новых явлений, ибо и тогда они наблюдались; дело заключается в изменении з н а ч и м о с т и отдельных фактов и в перемене с о о т н о ш е н и я этих фактов. Значимость отдельных явлений, существенных для изучения проблемы кредита, изменилась, изменилось также соотношение этих явлений. Поэтому, если бы мне стали указывать, что те факты, которые я выдвигаю как н о в ы е, упоминаются уже Марксом в его трудах — такие возражения для меня не были бы убедительными. Конечно, они упоминались. Я даже больше скажу: в сущности нет такого явления эпохи финансового капитализма, современной стадии капитализма, о котором не было бы упомянуто у Маркса. Маркс предвидел очень многое, но в то же самое время значимость этих фактов и соотношение их изменились со времени Маркса [1а].

---

[1] К. М а р к с. Капитал, т. III. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 6, 9.

[1а] С развитием капитализма и его переходом в монополистическую стадию не только изменяются значимость и соотношение отдельных явлений, но и возникают качественно новые явления, характеризующие именно данную историческую стадию (*Прим. ред.*).

Какие же это новые факты, которые меня интересуют, — н о в ы е в том смысле, в каком я только что разъяснял? Я не буду говорить о таких явлениях, как промышленные монополии, борьба за рынки, экспорт капиталов и т. д., я остановлюсь только на некоторых из тех, которые явились предметом непосредственного моего исследования, моего изучения. Каковы же эти факты?

1. Прежде всего необходимо подчеркнуть доведенную до крайних пределов концентрацию банковской системы. Но разве Маркс не констатировал этой концентрации? Конечно, констатировал.

Но едва ли кто-либо станет отрицать, что та степень концентрации, которая достигнута в настоящее время, представляет собой разительный факт. Сведение кредитных учреждений почти во всех странах буквально к единицам — этого факта Маркс, конечно, наблюдать не мог. К новым — в указанном мною смысле — явлениям надо отнести господство 5 банков (big five) в Англии, господство 6—7 банков в Германии, господство такого же количества банков во Франции. Даже в Соединенных Штатах, которые особенно привлекали мое внимание, при кажущейся децентрализации банковской системы, при наличии тысяч банков, фактически господствует 25, а может быть и 12 банков (об этом я писал в одной из своих статей в «Социалистическом хозяйстве»). А это значит, что капитал современных банков выступает не только как организованный ссудный капитал, но и как м о н о п о л и т и ч е с к и организованный ссудный капитал, что в сфере банковской деятельности, с сохранением, конечно, конкуренции, монополистические тенденции осуществлены в гораздо большей степени, чем в других отраслях капиталистического народного хозяйства.

2. Растущая концентрация банковской системы должна была изменить и характер работы кредитной системы и воздействие ее на все проявления хозяйственной жизни. Я говорю об изменении роли банков. Очень четкую характеристику этой новой роли банков мы находим у Ленина. «По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, — пишет Ленин, — банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм. . .» [2]

Разве Маркс не отмечал этого процесса? Я вам мог бы привести не одну цитату из Маркса, где он на этот процесс указывает, но значимость его обнаруживается только на современной стадии

[2] В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 22, стр. 198.

капитализма. Это позволило Ленину утверждать, что данный момент является одной из характеристик современного капитализма, одним из моментов, превращающих капитализм в империализм.

Таким образом, не только концентрация банков, но изменение их роли для меня является новым фактом в том смысле, о котором я уже говорил.

3. Третий момент — это изменение отношения банков к промышленности. Раньше банки являлись посредниками между капиталистами. Банки в этом смысле являлись «помощниками» функционирующего капитала; в литературе до сих пор вы можете найти утверждение о том, что банки являются простыми слугами промышленного капитала. А между тем — и это характерно — банки из посредников и слуг превращаются в господ. Приведу следующие слова Ленина:

«Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на иоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка» [3].

Разве это явление не было констатировано Марксом? Было констатировано, но, само собой разумеется, значимость этого факта сильно изменилась, и если мы хотим дать характеристику современной эпохе, то указанная мною черта будет характеризовать не вообще капитализм, а современную эпоху. Именно эта черта позволила Ленину утверждать, что «банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни» [4]. (Разрядка наша — *И. Т.*).

И в другом месте: «Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства» [5].

Говоря о растущей взаимосвязи различных отраслей народного хозяйства, Ленин подчеркивает: «Современный же капитализм с господством банков над производ-

[3] Там же, стр. 208.
[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 424.
[5] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 305.

ством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени» [6]. (Разрядка наша — *И. Т.*).

«И производство заведомо *не*организованное капиталистически: мелкие ремесленники, крестьяне, мелкие производители хлопка в колониях и проч. и проч. подпали под зависимость банков и вообще финансового капитала» [7].

4. Далее, разительный факт, имеющий большое значение, заключается в изменении структуры денежного механизма. В самом деле, весь денежный механизм претерпел довольно большие изменения в процессе развития капитализма и в процессе своего собственного развития. Денежный механизм, состоящий из металлических знаков как орудий обращения, заполняется новым видом орудий обращения — кредитными орудиями обращения, банкнотами. И, наконец, банкнота заменяется новым видом кредитного документа — чеком. В самом деле, какое в сущности ничтожное значение в современном денежном механизме имеет золото как орудие обращения, банкнота в этом смысле играет тоже сравнительно небольшую роль. Если бы мы вздумали по циркуляции банкнот определить эластичность денежного механизма, это сейчас, пожалуй, уже не удалось бы. В Англии, например, масса банкнот остается почти неизменной в течение года и в течение длинного промежутка лет. Несколько десятков лет (до 1928 г.) эта масса оставалась на уровне 25—30 млн. фунтов стерлингов. Те сезонные колебания народного хозяйства, которые должны были бы отразиться на массе орудий обращения, сравнительно слабо отражаются на банкнотном обращении, так как оборот обслуживается новыми формами. Структура денежного механизма изменяется. Само собой разумеется, что и этот факт не обнаружился сразу. Он постепенно развивался и не имел такого значения тогда, когда писал Маркс. Всякий, кто сейчас пишет и будет писать о кредите, не может пройти мимо этого факта.

5. В самом кредитном механизме также произошли большие изменения. В самом деле, самый процесс создания кредитных орудий обращения, процесс появления их в обороте, механизм их функционирования — все это изменилось. Вексельное обращение как основа и источник возникновения новых орудий обращения относится к прошлому. Теперь дело обстоит не так. Если схематически расположить появление кредитных орудий обращения, то разница такая: раньше — вексель — банкнота, теперь депозит — чек.

6. Шестой факт, который обращает на себя внимание, — это отделение капитала-собственности от капитала-функции. Факт этот наблюдается уже в развитом капитализме, но указанное от-

---

[6] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 310.
[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 138.

деление достигает именно в условиях современного капитализма такой степени развития, принимает такое большое значение, что оно само по себе дает характеристику современной эпохе.

«Капитализму вообще, — пишет Ленин, — свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров» [8].

Самый факт этого отделения, повторяю я, наблюдается с самого возникновения капиталистического хозяйства, но теперь он достиг таких размеров, что уже дает характеристику современной эпохе.

7. Современный капитализм характеризуется ростом и развитием фиктивного капитала. О фиктивном капитале писал и Маркс, но едва ли кто-нибудь станет утверждать, что значимость этой категории не увеличилась в современную нам эпоху. Я бы сказал даже больше — развитие и рост фиктивного капитала дает именно характеристику современной эпохе, и этот факт не может обойти исследователь теории кредита.

8. Восьмой факт, характерный для современной эпохи, — это сращивание ссудного и промышленного капитала и создание новой категории финансового капитала. Не надо думать, и я об этом дальше скажу, что сращивание ссудного и промышленного капитала есть уничтожение того и другого, что сращивание уничтожает, таким образом, одно из существенных противоречий капитализма. Наоборот, сращивание предполагает растущее противоречие между ними и сохранение этих противоречий. Факт «сращивания» для характеристики современной эпохи является фактом чрезвычайно большим.

9. Наконец последний, девятый факт (я мог бы эти факты умножить, но останавливаюсь только на девяти) — сращивание капитала с государственной властью. Государственная власть всегда является организацией господствующего класса, но в наших условиях капитализм с р а щ и в а е т с я с государственной властью, и это отражается на действии кредитного механизма. Мыслима ли была бы, например, 40 лет назад та реформа, которая совершена в 1928 г. в Англии? Мыслимо ли было бы в Англии предоставление министерству права расширять и сужать банкнотную эмиссию Английского банка? А между тем закон 1928 г. фактически это право дает. Что это значит? Это значит, что кредитное орудие обращения — банкнота — в значительной сте-

[8] В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 22, стр. 226.

пени приближается к бумажно-денежному знаку. Это, конечно, является результатом сращивания ссудного капитала с государством.

Само собой разумеется, все эти изменения являются результатом новых органических образований в хозяйстве.

2

Совокупность этих мною констатированных фактов, которые я мог бы еще умножить, но и так их достаточно, должна быть отмечена. Когда я эти факты проецирую в плоскость теоретических суждений и когда я хочу из них вывести основные характеристики кредита, я прихожу к заключению, что кредит исчерпывается понятием и движением ссудного капитала. Иначе говоря, современный кредит есть отношение ссудного капитала. Целый ряд фактов, наблюдаемых в современном хозяйстве, побуждает дать специфическое определение кредита, которое недостаточно широко, чтобы охватить кредитные отношения капитализма во всех стадиях его развития.

В частности, из этих фактов непосредственно вытекает изменение тех отношений между так называемыми коммерческим и банкирским кредитами, о которых писал Маркс. Та и другая формы остались, но отношение между ними изменилось. В моей работе этому посвящена целая глава.

До сих пор я исходил из фактов современной действительности и проецировал их в плоскость теоретических суждений. Я мог бы сделать иначе, я мог бы дать анализ логического, — а стало быть, и исторического, — развития основных экономических категорий капитализма, и в этом случае я пришел бы к тем же результатам. Само собой разумеется, я не могу дать здесь подробного изложения развития этих категорий от простейших до наиболее сложных. Поэтому я только предложу схему, и притом весьма сокращенную схему. Ясно, что схема не может охватить всей сложной конкретной действительности, но схема должна дать правильную линию развития. Логическое развитие категорий есть характеристика исторического развития капитализма.

Маркс начинает анализ с товара; анализирует его противоречия и развертывает учение о стоимости. Анализ форм стоимости приводит к категории денег. Анализ денег дает развернутое учение о функциях денег.

До сих пор анализ производился в аспекте простого товарного хозяйства.

Переход к капиталистическому хозяйству знаменуется тем, что деньги становятся формой капитала, хотя капитал и не вытекает из природы денег. «Это отношение, — пишет К. Маркс во II томе «Капитала», — вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить

простую функцию денег в функцию капитала» [9]. С анализом капитала связано учение о прибавочной стоимости.

Развитие капиталистического хозяйства есть постоянное расширенное воспроизводство капиталистических отношений, т. е. капитала; анализ форм воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, кругооборота капитала, показывает, что капитал расщепляется на три формы — капитал производительный, капитал товарный и капитал денежный. Каждая из этих форм (функциональных форм капитала) приобретает особое самостоятельное существование. Капитал денежный, который меня в данном случае особенно интересует, превращается в капитал ссудный. Далее возникает капитал фиктивный, и наконец — капитал финансовый.

Схема такова: товар — деньги—капитал (функциональные формы капитала) — денежный капитал — ссудный капитал — фиктивный капитал—финансовый капитал.

Само собой разумеется, все эти категории внутри противоречивы, и внутренние противоречия создают определенную форму их движения; само собой разумеется также, что все вышестоящие категории включают в себя противоречия нижестоящих.

На какой же ступени развития этих основных категорий возникает кредит как особое обособленное производственное отношение?

Ведь кредитные отношения даны уже при анализе денег, при анализе функции денег как платежного средства.

Но при анализе функции денег как платежного средства Маркс подчеркивает (в I томе «Капитала»), что здесь кредитные отношения еще не представляют обособленного типа производственной связи.

Маркс пишет:

«Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя» [10].

Таким образом, кредитные отношения представляются здесь случайными в том смысле, что кредиторы-должники еще не являются обособленными, постоянно в этом качестве пребывающими агентами обращения. Одновременно они выступают и как покупатели-продавцы.

«Однако эта противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации» [11].

---

[9] К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 38.

[10] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 146.

[11] Там же, стр. 146—147.

В кредитных отношениях простого товарного обращения заложена возможность кристаллизации. Когда же возможность такой кристаллизации превращается в действительность?

Дальнейшей ступенью к такой действительной кристаллизации является развитие коммерческого кредита.

Коммерческий кредит это уже форма капиталистического кредита; здесь контрагентами кредитной сделки выступают капиталисты. Но и при коммерческом кредите, который есть не что иное, как кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами, роли кредитора и должника являются так же «переходящими, выполняющимися попеременно одними и теми же» лицами, как и роли продавцов и покупателей. Стало быть, и здесь кредит как особый тип производственной связи еще не выкристаллизовался, т. е. не стал еще обособленным, хотя возможность такой кристаллизации, поскольку мы имеем здесь дело уже с капиталистическими отношениями, становится еще большей. Большей потому, что отделение капитала-собственности от капитала-функции не нарушает основ и закономерностей развития капиталистического хозяйства.

И только возникновение ссудного капитала как капитала-собственности в противоположность капиталу-функции обозначает кристаллизацию кредитных отношений. Здесь уже роли кредитора и должника не являются ролями, попеременно выполняемыми одними и теми же лицами, эти роли закрепляются за определенными типами капиталистов. Капиталист-собственник всегда выступает в роли кредитора-должника в противоположность функционирующему капиталисту, который одновременно выступает и как покупатель-продавец. Здесь уже сделка ссуды не только одна из форм товарного обращения, а становится единственной формой осуществления особого и обособленного типа производственной связи.

Сделка ссуды простого товарного хозяйства есть одна из форм товарного обращения, и она не конституирует особого производственного отношения.

Развитие категории капитала и его функциональных форм создает коммерческий кредит, здесь кредит является уже особым типом производственной связи, но еще не кристаллизованным, т. е. не обособленным.

И только тогда, когда капитал-собственность отделяется от капитала-функции, когда развивается категория ссудного капитала, тогда кредит получает завершенное и кристаллизованное выражение. Но здесь уже и сделка ссуды приобретает другое значение. Это уже не просто форма товарного обращения, а осуществление определенного общественного отношения, отношения ссудного капитала. И сделка ссуды уже не одна из форм обращения капитала, а единственная форма обращения ссудного капитала. Ссудный капитал не имеет никакой другой формы движе-

ния, кроме сделки ссуды. В ссудном капитале кредит достигает кристаллизации. Отношение ссудного капитала и есть кредит.

Таким образом, и на основе анализа фактов конкретной действительности, и на основе теоретического анализа, т. е. анализа логического и исторического развития категорий капиталистического хозяйства, я прихожу к заключению, что кредит исчерпывается понятием ссудного капитала.

Можно ли это определение распространить на капиталистическое хозяйство в целом? Мне думается, нет, ибо в капиталистическом хозяйстве мы знаем кредитные отношения, которые не характеризуют движения ссудного капитала. Но отсюда, конечно, не следует и обратного, а именно, что в условиях классического капитализма — даже более, в самой начальной стадии капитализма — нет категории ссудного капитала. Конечно, ссудный капитал возникает вместе с возникновением капитализма. Но если принять во внимание, что особую значимость эта категория приобретает, однако, на высших ступенях развития капитализма, приходится прийти к заключению, что было бы рискованно, вернее, совершенно невозможно распространить эту характеристику кредита на капиталистическое хозяйство вообще.

3

К сказанному мною на заседании Экономической секции я бы хотел добавить еще следующее.

Как в печати, так и в устных суждениях мне иногда указывали, что я в своей работе даю неправильное разрешение проблемы финансового капитала.

Мне думается, что упреки эти основаны на большом недоразумении. Я в своей книге не мог дать неправильного разрешения проблемы финансового капитала хотя бы уже потому, что эта проблема вообще не трактуется в первой части моей работы. И не трактуется она потому, что в книге, содержание которой ограничивается теорией кредита и банков, проблема финансового капитала не может быть развита, проблема финансового капитала не может быть включена в рамки теории кредита и банков, она гораздо шире.

Центральную часть моей работы составляет анализ явления ссудного капитала. И только тот, кто полагает, что финансовый и ссудный капитал — одно и то же, может ожидать разрешения проблемы финансового капитала общей теорией кредита. Такая точка зрения мне чужда.

Только тот, кто принимает постановку вопроса Гильфердинга и Фин-Енотаевского, может ожидать разрешения вопроса о финансовом капитале в общей теории кредита. Как известно, Гильфердинг и Фин-Енотаевский разрешают проблему финансового капитала различно; работы Фин-Енотаевского как раз

и направлены против Гильфердинга. Но постановка вопроса у них обоих одинакова. И тот, и другой понятие финансового капитала констатируют понятием капитала ссудного. Гильфердинг к тому же не проводит ясного различия между ссудным капиталом и капиталом денежным как функциональной формой промышленного капитала. Постановка вопроса как Гильфердинга, так и Фин-Енотаевского мне кажется неправильной, и, на мой взгляд, общая теория кредита не дает еще разрешения проблемы финансового капитала.

Проблема финансового капитала не может быть выведена только из анализа закономерностей кредита. Финансовый капитал как сращенный банковый и промышленный капитал может быть понят на основе анализа не только закономерностей кредита, но и закономерностей развития промышленного капитала: — точнее, не только на основе анализа характера, форм деятельности, организации банков, но и анализа форм, характера деятельности, а также организационной структуры промышленных предприятий. В первой же части моей работы, посвященной общей теории кредита, еще не рассматриваются ни формы деятельности и организации банков, ни формы организации промышленных предприятий (эти проблемы составят содержание следующих частей моей работы)[11а].

Понятие финансового капитала включает в себя не только характеристику деятельности современных банков, но и характеристику монополистических тенденций современного капитализма, характеристику как банковых, так и промышленных монополий.

Гильфердинг дает следующее определение финансового капитала: «Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом. Такой банковый капитал, — следовательно, капитал в денежной форме, — который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом». «Финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками» [12].

Ленин, приведя это определение, добавляет: «Это определение неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно: на рост концентрации произ-

---

[11а] См. прим. ред. к стр. 344.

[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 214.

водства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии»[13].

Таким образом, к понятию финансового капитала можно подойти лишь после того, как будет исследован процесс создания банковых и промышленных монополий и характер этих монополий.

Только один момент проблемы финансового капитала мною затронут в книге, а именно, положение ссудного капитала в финансовом капитале, причем этот момент не развит в моей книге, а служит априорной предпосылкой моих суждений о ссудном капитале современного капитализма.

Речь идет о следующем.

Сращивание ссудного и промышленного капитала, по моему мнению, не предполагает уничтожения противоречия между тем и другим. Финансовый капитал сохраняет это противоречие. Это во-первых.

Во-вторых, поскольку финансовый капитал сохраняет это противоречие, вопрос встает о соотношении между ссудным и промышленным капиталом. Это соотношение мне представляется в виде приоритета ссудного капитала. Это значит, что преобладание финансового капитала означает господство представителей ссудного денежного капитала.

«Преобладание финансового капитала, — пишет Ленин, — над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии...»[14]

Финансовый капитал — это не ссудный капитал, это сращенный ссудный и промышленный капитал, но при этом сращивании приоритет принадлежит капиталу ссудному.

В каком смысле можно говорить о приоритете?

Этот приоритет вытекает из того, что движение финансового капитала базируется на процессе превращения промышленной прибыли в процент, на том, что процент стремится стать универсальной формой капиталистического дохода. Этот процесс превращения прибыли в процент и служит основанием огромнейших барышей финансовых магнатов. Все многообразные и разнообразные финансовые трансакции магнатов финансового капитала базируются на процессе превращения прибыли в процент. Отсюда и учредительский барыш, и биржевые доходы и т. д.

Этот вопрос мною будет подробно освещен в дальнейшем, в следующих частях моей работы; общая его постановка дана отчасти уже в этой книге в главе «Фиктивный капитал», здесь же я считал необходимым только пояснить, во-первых, как я понимаю соотношение между ссудным и финансовым капиталом и, во-вторых, как я понимаю приоритет (господство) ссудного капитала. Приоритет ссудного капитала я усматриваю в том, что при

---

[13] Там же, стр. 214.
[14] Там же, стр. 226.

финансовом капитале процент обнаруживает тенденцию стать универсальной формой капиталистического дохода. Мы можем найти у Маркса неоднократные подчеркивания этих тенденций, в особенности там, где он рассматривает образование акционерных обществ, которые он квалифицирует как «результат высшего развития капиталистического производства».

Необходимо сделать еще одно замечание. Когда я говорю о сращивании ссудного и промышленного капитала, — особенно, когда я говорю о приоритете ссудного капитала, — этим я отнюдь не характеризую организационных форм отношений банков и промышленных предприятий.

Вопрос об отношениях между банками и промышленными организациями, вопрос очень важный для характеристики финансового капитала, не совпадает с вопросом об отношении ссудного и промышленного капитала.

Дело в том, что современные промышленные организации в лице наиболее крупных монополистических объединений не представляют собой организаций промышленного капитала. Это организации капитала финансового. Поэтому природу связи ссудного и промышленного капитала надо определять не только анализом организационных отношений банков и промышленных предприятий, но также анализом характера самих промышленных организаций.

Нечего, конечно, говорить о том, что приоритет ссудного капитала вовсе не означает, что основанием движения ссудного капитала не является процесс материального воспроизводства. Этому вопросу уделено много места в моей книге, об этом трактуется в каждой главе. Основная цель всей работы заключается в том, чтобы показать, что кредитные отношения суть производные отношения, что кредит и его движение целиком определяются процессом производства и воспроизводства.

Я утверждаю, что сращивание ссудного и промышленного капитала сохраняет противоречия между ними. Я полагаю, что отрицание этого положения означает, что финансовый капитал ведет к уничтожению одного из существенных противоречий капиталистической системы. Такие взгляды близки идее организованного капитализма. Я же полагаю, что финансовый капитал не только не уничтожает ни одного из противоречий капиталистической системы, но, наоборот, их еще более обостряет.

Глава первая

СУЩНОСТЬ КРЕДИТА

1

Кредит всегда привлекал и привлекает, особенно в настоящее время, внимание многочисленных и самых разнообразных представителей экономической и общественной мысли. Проблема кредита и кредитных отношений занимала экономическую науку с самого возникновения последней. Но особенно возрастает интерес к этой проблеме в последнее время, в эпоху финансового капитализма, когда кредитные отношения получают законченное оформление, достигают максимального своего развития и, будучи обусловлены основными производственными связями капитализма (кредит — производная категория), обнаруживают тенденцию к подчинению закономерностям своего развития других форм социальных связей, когда общественные отношения капитала, зиждящиеся на эксплуатации рабочей силы и присвоении продуктов чужого труда, принимают иррациональную форму отношений ссудного капитала, в которых присвоение прибавочной стоимости покрывается фактом самовозрастания стоимости, происходящего как будто независимо от эксплуатации рабочей силы, когда чудовищные вычисления доктора Прайса начинают принимать реальные очертания. Все это является в сущности признаком роста паразитических элементов экономической системы, но этот реальный паразитизм питает иллюзорные идеи и создает ряд фикций, которые кажутся действительно существующими.

Эти обстоятельства способствуют созданию или возрождению «бессмысленных» представлений, но вместе с тем повышают интерес к явлениям кредита.

Кредит становится узлом, которым и вокруг которого сплетаются многочисленные и самые многообразные вопросы не только теории, но и практики, не только политической экономии, но и экономической политики.

Всегда с самого своего возникновения кредит центрировал на себе внимание общественных интересов и общественной мысли. Объясняется это исключительно большой ролью, которую играл

кредит на всем протяжении народнохозяйственной истории. Корни кредита надо искать в самом начале возникновения товарного хозяйства, и на всех стадиях развития народного хозяйства кредит имел большое значение. Во все исторические эпохи развивающийся кредит оказывался революционным фактором, способствовавшим трансформации и преобразованию общественных отношений; кредит устанавливал совершенно очевидную и перманентную связь между индивидуальными участниками хозяйства, соединял и скреплял разрозненные хозяйственные единицы, содействовал централизации богатства и экспроприации чужого труда, являлся действенным методом и средством перераспределения производительных сил.

Кредит способствует созданию рабовладельческой системы древнего мира, затем ее же разрушению, здесь кредитные отношения отражают классовую борьбу (кредиторов и должников); в средние века кредит подчиняет крестьянина помещику, а затем разоряет этого последнего и подтачивает базу крепостного режима; в то же время он уничтожает экономическую самостоятельность городского ремесленника и подготавливает почву для перехода к мануфактуре; он внедряет денежные отношения в патриархальное крепостное хозяйство и тем содействует трансформации отношений между крестьянином и помещиком; кредит предоставляет денежные средства средневековым феодалам и этим, ослабляя их власть, создает предпосылки для трансформации политических форм общежития; централизуя крупные денежные средства, кредит организует одну из предпосылок и элементов товарно-капиталистического хозяйства — капитал, разоряя ремесленника и крестьянина, создает другую основную предпосылку этой хозяйственной системы — наемный труд; кредит содействует переходу от простого товарного хозяйства к капиталистическому, а затем играет огромную роль в трансформации его в предельное состояние капиталистической системы — в финансовый капитализм.

И «не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда».

Все это кредит совершил, конечно, не самостоятельно, а «. . . лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства» [1]. Но этим не умаляется огромное историческое значение и самого кредита.

Путь кредита, как и весь путь истории, покрыт потом и кровью. Кредит отрицает, чтобы вновь утверждать, и утверждает, чтобы вновь отрицать; развитие кредита, отображающее развитие производительных сил общества и являющееся производным

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 621.

от основных производственных связей, способствует утверждению одной народнохозяйственной системы, но дальнейшее его (кредита) развитие связано с уничтожением этой системы и утверждением новой, с которой происходит то же самое. Кредит с самого своего возникновения является одной из активно действующих сил диалектического развития истории. Тот тип производственных отношений, который находит свою характеристику в категории кредита, имеет в самом себе имманентно присущие ему противоречия, определяющие беспрерывное его диалектическое развитие.

Несмотря на столь огромное значение и столь долгое существование, а может быть, как раз благодаря этому, явление кредита до сих пор не подвергалось ясному, исчерпывающему анализу. Продолжаются бесконечные споры не только по вопросу о значении кредита, не только по вопросу о влиянии кредита на народное хозяйство в целом и на отдельные социальные группы, но даже само понятие кредита не имеет общепризнанного определения. Больше того, нет даже согласия в определении круга народнохозяйственных явлений, которые должны быть причислены к кредиту. Отсутствует, таким образом, единство даже в самой постановке вопроса.

Очень часто разногласия между отдельными представителями экономической науки определяются не только тем, вернее, не столько тем, что они разно понимают данную общественную категорию, сколько тем, что к кредиту ими причисляются различные социально-экономические явления.

По вопросу о значении кредита существуют различные, прямо противоположные точки зрения. Не будучи в состоянии охватить явления со всех сторон, во всем бесконечном их разнообразии и со всеми присущими им внутренними противоречиями, мысля по метафизической формуле «да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого», одни утверждают, что кредит препятствует развитию производительных сил, увеличивает непроизводительные издержки общества, питает паразитические его элементы; другие утверждают, что как раз кредиту общество обязано ростом своего богатства, что именно кредит доводит развитие производительных сил до максимального предела. Одни утверждают, что кредит обостряет все присущие капиталистической системе противоречия и поэтому не только не устраняет кризисов, но их углубляет, даже их непосредственно обусловливает; другие, наоборот, полагают, что кредит создает возможность постоянного, беспрерывного бескризисного развития народного хозяйства. Одни утверждают, что кредит носит в самом себе опасность кризисов, подготовляет их, даже непосредственно вызывает; другие, наоборот, думают, что развитие кредита создает гарантии постоянно высокой конъюнктуры. Одни утверждают, что развитие кредита притупляет социальные противоречия классов и смягчает клас-

совую борьбу, что кредитом можно достигнуть более равномерного распределения богатств и в рамках даже современной капиталистической экономической системы добиться «социальной правды и справедливости»; другие полагают, что как раз благодаря кредиту противоречия общественных интересов обостряются, социальная борьба усиливается, что кредит не только не уничтожает экономического неравенства социальных классов, а, наоборот, это неравенство увеличивает, что кредит служит средством перераспределения богатств как раз в пользу «сильных мира сего», служит методом экспроприации обездоленных масс населения.

Такое же разноречие наблюдается и в области чисто теоретического анализа кредита как экономической категории. Одних определений понятий кредита превеликое множество. Пару десятков лет назад один немецкий исследователь в своей классификации различных теорий кредита обнаружил хотя единицы основных направлений, но зато десятки отдельных «учений о кредите» [2]. С тех пор вышло в свет немало новых работ, посвященных кредиту. Вместе с ними возник новый ряд «теорий».

Такое разноречие и отсутствие общепризнанных точек зрения трудно объяснить исключительно тем, что экономическая наука имеет классовый характер и каждое течение экономической мысли отображает интересы определенной социальной группы. Теорий кредита гораздо больше, нежели классов. В пределах одной и той же социальной группы можно констатировать многочисленность разнообразных, подчас прямо противоречащих друг другу точек зрения.

Огромное разноречие и отсутствие общепризнанных точек зрения нельзя объяснить также исключительно трудностью и сложностью проблемы кредита. Эту сложность и трудность нельзя, конечно, отрицать, но экономическая наука знает ряд других, не менее сложных и трудных проблем, при разрешении которых наблюдается все же меньшая разноголосица мнений, представлений, точек зрения.

И то и другое объяснение, очевидно, имеет значение. Но к этому надо прибавить еще то чрезвычайно важное обстоятельство, что в существующих теориях кредита нет к тому же единообразной постановки вопроса. Неясно не только то, как объяснить изучаемое явление, но неясно также и то, о каком в сущности явлении идет речь. Нет единства, стало быть, не только в том, как объяснить, но и в том, что подлежит анализу.

---

[2] J. Komorzynski. Die nationalökonomische Lehre vom Kredit. Innsbruck, 1909.

2

Начнем с квалификации тех народнохозяйственных явлений, которые охватываются экономической категорией кредита. Что такое кредит? Какой круг народнохозяйственных явлений имеется в виду, когда говорят о кредите? Какие конститутивные признаки определяют характеризуемый кредитом тип производственных связей?

Эти вопросы необходимо поставить не только потому, что всякое исследование может быть успешно только при точном определении его предмета, не только потому, что изучению любого экономического явления должно предшествовать отграничение его от других сходных и сопутствующих ему явлений, но и потому, что до сих пор в науке эти вопросы не встречают общепризнанного ответа. Такое положение наблюдается в отношении очень многих народнохозяйственных категорий. Но в учении о кредите разноречие и разнообразие точек зрения, мнений и представлений особенно велико. Очень часто ведутся споры не только по поводу конститутивных признаков кредита как экономической категории, но и по поводу самого круга явлений, которые необходимо причислить к кредиту.

Поэтому представляется необходимым прежде всего установить, какой круг народнохозяйственных явлений имеется в виду, когда речь идет о кредите, какой тип производственных связей изучается теорией кредита. Прежде чем подвергать анализу экономическое явление, надо сначала его установить, надо определить предмет анализа [3]. Это особенно важно при изучении кредита, так как, повторяем, до сих пор не все под кредитом разумеют одно и то же экономическое явление.

Таким образом, здесь нас интересует не просто определение понятия, а точное установление того, о чем, о каком явлении идет речь, когда говорят о кредите. Нас здесь интересует не просто дефиниция, а реальное явление, нам важно точно установить, какое реальное явление имеется в виду, когда говорят о кредите.

Наука пользуется — и не может не пользоваться — обычным словоупотреблением, но обычное словоупотребление не всегда точно, не всегда пригодно для научного использования. Как раз в отношении кредита обычное словоупотребление оказало науке поистине «медвежью услугу».

Приведем наудачу несколько житейских выражений. Иван кредитоспособен. Петр оказал кредит Степану. Павел пользуется кредитом в обществе. Государственный банк открыл кредит

---

[3] Нам поэтому представляются в высшей степени наивными указания некоторых критиков, что надо начинать с анализа значения кредита, а потом уже переходить к установлению того, что такое кредит. Мудрено говорить о значении чего-либо, когда еще неизвестно, о чем идет речь.

Ивану. В древнем Риме кредит был развит. В средние века банкир оказывал кредит феодалу. В розничной торговле Соединенных Штатов кредит имеет большое распространение. В Англии кредит получил большое развитие и т. д. Нетрудно, мне думается, видеть, что во всех этих случаях слово «кредит» имеет различное значение. В одном случае под кредитом разумеется просто доверие, в другом — частная сделка между двумя лицами, в третьем — комплекс однородных явлений и т. п. Уже одно это обстоятельство, а именно, что в понятие кредита вкладывается обычным словоупотреблением различный смысл и различное содержание, указывает, что науке руководствоваться обычным словоупотреблением довольно трудно. И трудность эта заключается не только в том, что обычная терминология, как всегда, для того чтобы сделаться пригодной для научного анализа, нуждается в уточнении, но и в том, что в данном случае один и тот же термин применяется к различным по сути дела явлениям. Уже одно это должно предостеречь от некритического заимствования обычного словоупотребления, житейской терминологии.

А между тем наиболее распространенный способ определения понятия кредита заключается как раз в установлении наиболее характерных признаков, свойственных тому кругу явлений, которые о б ы ч н о, массовым словоупотреблением, здравым смыслом, так сказать, причисляются к кредиту. Понятие кредита устанавливается следующим образом. Из всей совокупности наблюдаемых народнохозяйственных явлений прежде всего отбираются те, которые в о б щ е ж и т и и и м е н у ю т с я кредитом: затем эти явления подвергаются анализу, выделяются те их признаки, которые, во-первых, свойственны всем им, и, во-вторых, из этих признаков сохраняются только те, которые свойственны исключительно данному отобранному кругу явлений, которыми они, следовательно, отличаются от других народнохозяйственных явлений. Происходит, таким образом, как бы выделение за скобки не всех признаков, характерных для данного круга явлений, а только тех, которые являются исключительной их принадлежностью.

Само собой разумеется, такой анализ представляет немалые трудности, ибо нахождение определяющих экономическое явление признаков — задача весьма сложная и требует огромной научной сноровки и ориентировки. Но в данном случае вся эта сложная работа обречена заранее на неуспех ввиду неправильности ее предпосылок. Как раз в данном случае менее всего пригодно пользование обычной терминологией. Наука, конечно, не может не считаться с обычным словоупотреблением. Но простое, некритическое заимствование терминов невозможно. Недопустимость эта особенно велика в данном случае, когда в обычном словоупотреблении происходит смешение довольно разнообраз-

ных, различных по своей характеристике, народнохозяйственных явлений.

В многочисленных определениях понятия кредита можно наметить двоякого рода ошибки, которые вытекают из недостаточно критического отношения к обычной терминологии. Во-первых, смешиваются скрытые одинаковым наименованием, исторически развивающиеся, трансформирующиеся и изменяющиеся типы производственных связей и, во-вторых, по тем же причинам смешиваются разнообразные типы производственных отношений, сожительствующих в пределах одного и того же общежития, в пределах одного и того же отрезка времени. В разные исторические эпохи существовали социальные связи, именовавшиеся кредитом, как на заре возникновения товарного хозяйства, так и в эпоху так называемого финансового капитализма. Точно так же в пределах одного и того же отрезка времени, в пределах одного и того же общества наблюдается ряд по содержанию своему различных явлений, но одинаково причисляемых к кредиту. Для примера можно указать на Соединенные Штаты Северной Америки. Кредит оказывают друг другу индейцы, кредитуют друг друга фермеры земледельческих штатов, кредитом пользуется Форд, кредит оказывают друг другу промышленные предприятия, кредитными операциями, и специально ими, занимается Морган. Много ли общего, не по внешней форме, а по существу, не по внешнему своему выражению, а по содержанию, между всеми этими «кредитами», кредитными отношениями?

Господствующие определения стремятся охватить все без исключения кредитные явления, встречающиеся в данном общежитии. А так как чистой системы хозяйства в действительности не существует, так как каждая хозяйственная система, не исключая самых развитых (Англия, Германия, Соединенные Штаты Северной Америки), знает одновременное сосуществование принципиально различных типов общественных отношений, то указанный выше прием, охват в определении всех только по внешности сходных типов производственных отношений, сходных более по названию, чем по существу, приводит к тому, что определения неизбежно становятся в той же мере формальными, сколь и бессодержательными.

Таким образом, обычный, наиболее распространенный способ определения понятия кредита посредством выделения за скобки общих признаков, причем имеются в виду самые разнообразные по существу типы отношений, не достигает цели. Он и недостаточен, он и неправилен. Такой способ определения был бы достаточен, если бы явления кредита исчерпывались характеристикой его как специфического метода движения стоимости. Но так как кредит — категория не техническая, а социальная, то описанный способ определения оказывается слишком общим, скользящим только по поверхности явлений. Этот способ опре-

деления и формально неправилен. Он стремится охватить все наблюдаемые в общежитии явления, причисляемые обычным словоупотреблением к кредиту. Этим самым он объединяет разнообразные по сути дела типы общественных отношений. Научное определение, исходящее из обычного словоупотребления, впадает неизбежно в большую ошибку: пытается найти общие признаки разнообразных по существу типов экономических связей.

Достаточно вспомнить о теории так называемого доверия, чтобы убедиться в бесплодности пользования для научного определения указанным выше методом.

Сказанное не определяет еще, каким же методом надо пользоваться, но оно устанавливает, как не надо определять понятие кредита.

3

Кредитные отношения, обусловливаемые основными производственными связями общества, возникают в сфере обращения товаров. Обращение же, или, вернее, обмен товаров определяется производственными отношениями.

«Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*» [4].

Обсуловленный же производством обмен осуществляется различными способами перемещения стоимости или собственности от одного владельца к другому. Одним из таких способов является и тот тип сделки, который носит название ссуды, являющейся одной из форм товарного обращения.

Такая форма товарного обращения, конечно, не случайна, а определяется специфическими условиями производства, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цен. Эти условия (самые простые из них) показаны Марксом уже при анализе простого товарного хозяйства. «Один вид товаров требует более длинного, другой — более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например, домом, продается на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно

---

[4] К. Маркс. Из рукописного наследства К. Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 725.

получает потребительную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его»[5].

Таким образом, уже в условиях простого товарного хозяйства сделка ссуды как форма товарного обращения с необходимостью вытекает из условий производства.

Эти же условия, но еще в большей степени, действуют в капиталистическом хозяйстве. Здесь эти условия принимают соответственно новому способу производства иной вид, и к ним присоединяются еще и другие моменты. Специфический характер производства, выражающийся в том, что капитал проходит различные фазы, что капитал претерпевает постоянный метаморфоз своих форм, денежной, торговой и производительной, что процесс перехода от одной формы к другой требует времени, что пребывание капитала в одной и той же форме для различных индивидуальных капиталов не совпадает во времени и т. д., — все эти условия не только делают возможным, но вызывают и необходимость кредита и кредитных сделок [6].

Сделки ссуды можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения формально-технической, вернее технико-юридических их признаков, и, во-вторых, со стороны социального их содержания, т. е. признаков, характеризующих тот тип производственной связи, который вырастает и развивается на основе этих сделок, или, вернее, который находит в них свое выражение. Эти две стороны друг от друга неотделимы, они взаимно связаны и обусловлены. Но существенным для экономического анализа является экономическое содержание сделок. Технические методы хозяйства, способы работы связаны с определенными формами производственных отношений, но предметом экономического анализа все же является не техника сама по себе, а связанные с нею производственные отношения. Машинное производство может нас интересовать с точки зрения технической, с точки зрения наибольшего приспособления его к данным естественноисторической среды, с точки зрения его рабочей, чисто технической эффективности; но то же машинное производство может нас интересовать с его социальной стороны, т. е. со стороны тех форм и типов производственных связей, которые вырастают и развиваются на основе данной машинной техники, которые, с одной стороны, ею обусловлены, а с другой, ее опре-

---

[5] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 146.

[6] Показать, что условия производства определяют не только необходимость кредита, но определяют в конечном счете и закономерности его движения, является основной задачей настоящей работы, и эта обусловленность кредита будет в дальнейшем показана при анализе отдельных проблем теории кредита, как при характеристике ссудного капитала, так и при анализе оснований кредита, как при изучении генезиса ссудного капитала, рынка ссудных капиталов, так и при характеристике банков, их функций, анализе границ банкового кредита и т. д.

деляют. В первом случае мы будем рассматривать машины как технико-производственную категорию, во втором — как категорию социально-экономическую.

То же и по отношению к кредиту. Можно рассматривать кредит как определенный тип сделки, осуществляющий процесс обращения, со стороны его технико-юридических признаков. В этом случае кредит предстанет перед нами или как категория техническая, или как категория права. Можно рассматривать кредит с точки зрения экономического содержания явлений. В этом случае кредит предстанет перед нами как категория политической экономии.

Это положение, взятое в такой общей, директивной, так сказать, форме, признается если не всеми, то, во всяком случае, преобладающим большинством экономистов самых различных школ и направлений. На словах эта элементарная постановка вопроса, это элементарное методологическое требование признается. Но на деле это далеко не всегда, если не сказать резче, полностью соблюдается. В большинстве случаев, и это на наш взгляд является одной из основных ошибок огромного большинства существующих теорий, кредит рассматривается не как категория общественная, а как категория чисто техническая, или же как категория технико-юридическая.

Кредитная сделка подвергается самому детальному анализу со стороны всех ее формально-юридических признаков. Изучаемый с этой точки зрения кредит предстает как специфический метод обмена. Кредит рассматривается только как технический, хотя и особого рода, метод перемещения (интерперсонального) собственности, вернее владения. Что эта техника и ее своеобразие имеют большое значение, сомневаться, конечно, не приходится, но в этом своеобразии кредит как экономическая категория хотя и имеет свое отображение, но не находит свою характеристику, тем более определение.

Анализ явлений кредита должен исходить из того, что кредит есть производственное отношение, что под кредитом надо разуметь определенный тип социальной связи. Поэтому кредит как экономическая категория не может быть охарактеризован специфическими технико-юридическими признаками кредитной сделки.

Следующее, что необходимо подчеркнуть, заключается в том, что кредит должен изучаться не только как категория социальная, но и как категория ограниченно историческая. Кредит возникает только при определенном развитии производительных сил. Экономические категории — вообще категории исторические. Это положение относится ко всем конкретным типам производственных отношений. Отдельные типы социальной связи всякого человеческого общежития определяются основными его производственными отношениями, определяются прежде всего отношениями, возникающими в процессе производства. И кредит

как тип производственной связи поэтому не может изучаться вне этих отношений.

Многочисленность и разнообразие учений о кредите, бесплодные попытки экономической науки дать общепризнанную исчерпывающую теорию кредита и даже определение его понятия объясняются, кроме других причин, также и тем, что преобладающее большинство экономистов рассматривает кредит как категорию вечную, а не обсуловленную только определенной системой производственных отношений. В проблеме кредита к такой постановке вопроса скатиться тем легче, что кредит как метод обмена действительно наблюдается в самых различных системах народного хозяйства, от рабского полунатурального хозяйства древнего Рима до высокоразвитой народнохозяйственной системы, например, Соединенных Штатов Северной Америки, от только возникающего менового хозяйства первобытных народов до рафинированного финансового капитализма наших дней. Если кредит рассматривать только со стороны его технико-юридических признаков, то нетрудно прийти к заключению, что кредит свойствен разнообразным хозяйственным системам и что задача теоретического анализа кредита заключается в изучении тех общих закономерностей, которые свойственны кредиту как типу сделки, присущему самым разнообразным хозяйственным системам. Если внешнюю форму явления (кредита) принимать за его сущность, то такая постановка вопроса окажется вполне правомерной, — но столь же правомерной, сколь и бессодержательной. Изучение внешней формы не может заменить анализа содержания явлений, изучение формальной общности не может заменить анализа различий по существу.

Постановка вопроса господствующими теориями кредита оказывается абсолютно неоправдываемой, если кредит рассматривать со стороны его экономического содержания, как определенный тип производственных отношений. При таком рассмотрении постановка вопроса о «вечности» категории кредита делается совершенно невозможной, абсолютно исключается.

Формальное сходство типа сделок, встречающихся при различных народнохозяйственных системах, закрепляется одним наименованием их — «кредит», но так называемые кредитные отношения различных эпох, сохраняя одно и то же название, имеют различную сущность, различное содержание, различную природу.

Кредит, способствуя трансформации хозяйственных систем, трансформируется и сам, изменяет свое содержание. Как всякая народнохозяйственная система является преодолением и отрицанием предыдущей, так и кредит как тип производственной связи в условиях одной хозяйственной системы является преодолением и отрицанием кредита предшествующей системы хозяйства.

Кредит как тип сделки, как форма товарного обращения, как

метод интерперсонального передвижения стоимости начинает развиваться со времени возникновения частной собственности и перехода от натурального к меновому хозяйству. Аналогичный же метод перемещения стоимости существует и в современном хозяйстве финансового капитализма. Но в пределах (рамках) товарного хозяйства производственные отношения развиваются, видоизменяются: соответственно этому и кредит как частный тип производственных связей, обусловливаемый основными производственными отношениями, постоянно меняет свое содержание.

Поэтому ошибочно определять кредит как сделку ссуды, квалифицируя последнюю ее технико-юридическими признаками. Сделка ссуды свойственна различным стадиям развития менового хозяйства. С историческим развитием народного хозяйства эти сделки учащаются, расширяются, совершенствуются и принимают всеобщую значимость. Но это не дает оснований полагать одинаковыми те общественные отношения, которые вырастают и развиваются на основе этих сделок в различных хозяйственных системах, те производственные отношения, формой осуществления которых являются сделки ссуды.

Кредит как сделка ссуды существовал в древнем мире, существовал он и в средневековом ремесленном и крепостном хозяйстве, существует он и в буржуазном обществе. Везде мы имеем дело с одной и той же, хотя все более совершенствующейся, сделкой ссуды, но те производственные отношения, которые вырастают на основе этих сделок, правовым оформлением которых являются эти сделки, при различных хозяйственных системах весьма сильно отличаются друг от друга. Патриций и плебей, ростовщик и ремесленник, банкир и промышленник — какие сходные черты этих связей? Во всяком случае, не сходство может представлять интерес для экономического анализа, а как раз их различие.

Таким образом, кредит как предмет экономического анализа, подобно другим категориям политической экономии, является категорией не только общественной, но исторически ограниченной. Кредит есть производственное отношение товарного хозяйства.

4

Кредит, как мы уже указывали, можно рассматривать с двух точек зрения. Кредитом можно считать определенный вид меновой сделки. Когда такое определение кредита выводится только из его технико-юридических признаков, оно становится и слишком общим, и слишком формальным. Кроме того, такое определение оказывается пригодным для характеристики кредита различных систем хозяйства, но как раз потому, что оно пригодно для характеристики различных экономических систем, оно недостаточно для характеристики каждой из них в отдельности. Может быть оно еще достаточно для рудиментарных форм кредитных связей,

но абсолютно недостаточно для характеристики кредита высокоразвитого капитализма.

Но можно рассматривать кредит и иначе. Под кредитом можно разуметь определенный специфический тип производственной связи. Тогда кредитная сделка рассматривается уже как форма осуществления этой связи.

И та, и другая постановка вопроса закономерна. Но закономерность эта определяется целями, которым служит данное определение. Если иметь в виду характеристику кредитных связей, как они осуществляются в рамках товарного хозяйства на всем его протяжении, если предполагается абстрагирование от тех конкретных специфических особенностей, которые свойственны отдельным стадиям товарного хозяйства, тогда определение кредита как особого вида сделок может быть достаточным. Если же необходимо дать характеристику кредитных отношений, как они складываются на определенной стадии товарного хозяйства, например в настоящее время, в эпоху высокоразвитого капитализма, финансового капитализма, то такое определение оказывается абсолютно непригодным. Это определение может оказаться достаточным для характеристики кредитных связей в простейшем их и наименее сложном виде, но это определение недостаточно для характеристики кредитных связей финансового капитализма, т. е. до конца развернутого сложного кредита, каким он является в настоящее время.

Если рассматривать кредит как специфическую, техническую форму передвижения стоимости и только, определение его понятия целиком исчерпывается понятием сделки ссуды. При этом под последней надо понимать те сделки по отчуждению стоимости, при которых возврат эквивалента отсрочен во времени. Поскольку мы остаемся в рамках формального определения, конститутивным признаком кредита надо считать отсрочку возврата эквивалента.

Но такое, как мы называем, формальное определение недостаточно. Маркс уже в I томе «Капитала» при анализе функции денег как платежного средства дает характеристику кредитных связей, и при этом он не ограничивается указанием на отсрочку возврата эквивалента, но подчеркивает, что в этом случае мы имеем дело с новым типом экономической связи. «Однако с развитием товарного обращения, — пишет Маркс, — развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены» [7].

Здесь Маркс подчеркивает момент отсрочки возврата эквивалента. Но Маркс этим не ограничивается и пишет далее:

---

[7] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 146.

«Один товаровладелец продает наличный товар, а другой покупает, выступая как просто представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником» [8]. В последнем, а именно, что продавец становится кредитором, а покупатель — должником, как раз и подчеркивается, что здесь мы имеем дело с новым типом производственных отношений.

Что это превращение продавца в кредитора, а покупателя в должника означает возникновение нового типа общественных отношений и что этот новый тип экономической связи имеет большое значение, Маркс далее подчеркивает следующими словами:

«Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако эта противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации» [9].

Для того чтобы изменение формы товарного обращения наложило новую печать на продавца и покупателя, необходимо, чтобы эта форма существенно отличалась от старой; очевидно, сделка ссуды как форма товарного обращения существенно отличается от купли-продажи.

В чем же это отличие? Что такое сделка ссуды в противоположность сделке купли-продажи?

Это различие заключается в следующем.

Сделка ссуды есть особая форма товарного обращения и может быть охарактеризована через противопоставление сделке купли-продажи. Основное различие между ними заключается в том, что при купле-продаже взаимное представление товаров происходит одновременно, при сделке ссуды возврат эквивалента отсрочен.

Отсрочка же возврата эквивалента создает самостоятельную, качественно отличную от купли-продажи форму движения стоимости. Поэтому глубочайшая ошибка полагать, что сделка ссуды является разновидностью сделки купли-продажи. Здесь мы имеем дело с особой формой меновых сделок, принципиально отличной от купли-продажи.

Сделка купли-продажи, взятая как единичная сделка двух контрагентов обмена, создает случайную, мимолетную связь между ними. *A* передает *B* товар и получает от него деньги. Непосредственная связь между ними устанавливается лишь на время этого

---

[8] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 146.

[9] Там же, стр. 146—147.

движения товаров и денег. Сделки купли-продажи, взятые в целом, во всем обществе, служат связующим всех товаровладельцев фактором, но в единичном своем проявлении эта сделка создает случайную, мимолетную связь. Каждая же сделка ссуды, даже взятая в отдельности, вне связи с другими аналогичными сделками или же с другими формами экономического общения, создает продолжительную связь между контрагентами сделки. Возникает взаимная заинтересованность, общность устремлений. Даже антагонизм интересов создает бóльшую общность, нежели отсутствие какой бы то ни было взаимной заинтересованности.

При сделке купли-продажи происходит движение потребительной стоимости, стоимость же остается в руках контрагентов сделки. При сделке ссуды происходит движение не только потребительной стоимости, но и стоимости. «Когда мы имеем дело с простым товаром, товаром как таковым, в руках покупателя и продавца остается одна и та же стоимость, но в различной форме; как до торговой сделки, так и после нее в их руках находится та же стоимость, которую они отчуждали, но только у одного она в товарной форме, у другого — в денежной форме». При ссуде же «денежный капиталист является единственным лицом, которое при этой сделке отдает стоимость. . . При ссуде только одна сторона получает стоимость, так как только одна сторона ее отдает» [10].

При сделке купли-продажи происходит движение собственности. *A* продает *B* товар. В результате этой сделки собственность на товар переходит от *A* к *B*. При сделке же ссуды собственность сохраняется за заимодавцем. *A* дает ссуду *B*. В результате этой сделки стоимость перемещается от *A* к *B*, но собственность на объект этой сделки сохраняется за *A*. Сделка купли-продажи предполагает, таким образом, совпадение собственности с использованием ее; сделка ссуды основана на возможности отделения собственности от ее использования. При сделке купли-продажи собственность и владение совпадают, при сделке ссуды собственность отделяется от владения.

При сделке купли-продажи деньги фигурируют как орудие обращения, в акте ссуды деньги выступают как платежное средство. В акте купли-продажи деньги выступают как посредник в процессе обращения, в акте ссуды они его заканчивают. В сделке купли-продажи продавец превращает товар в деньги, чтобы с помощью денег удовлетворить какую-либо потребность, в акте ссуды деньги как форма стоимости становятся целью сделок.

---

[10] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 387.

То, что деньги в сделке ссуды выполняют другую функцию, нежели в акте купли-продажи, имеет огромное значение. Деньги являются вещным выражением определенных экономических связей, и в каждой из своих функций деньги отображают различные типы этих связей»[11].

Исходя из этого, можно сказать, что определение кредита как сделки ссуды, если под ссудой понимать форму товарного обращения, уже предполагает адекватное этой форме содержание, т. е. определенный тип производственной связи.

Кредит как экономическую категорию следует определить как производственное отношение, вырастающее и развивающееся на основа сделок ссуды. Не сама по себе сделка ссуды характеризует кредит как экономическую категорию — сделка ссуды есть форма товарного обращения, — а те производственные связи, которые вырастают на основе этих сделок, или, иначе и точнее, те производственные отношения, формой осуществления которых является сделка ссуды.

Поскольку сделки ссуды целым рядом чрезвычайно важных моментов отличаются от других сделок, в частности от купли-продажи, постольку, определяя кредит как производственное отношение, развивающееся на основе сделок ссуды, мы характеризуем его как специфический тип экономической связи.

В этом определении уже сама сделка ссуды приобретает общественное содержание. Она представляется уже не технической категорией, а служит формой осуществления определенного типа производственных отношений.

5

Данное нами определение кредита ограничено рамками товарного хозяйства, но ограничение исследования рамками только товарного хозяйства для проблемы кредита еще недостаточно. Необходимо установить еще следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Кредит, рассматриваемый со стороны его экономического содержания, и в рамках товарного хозяйства постоянно развивается и трансформируется. Поэтому-то кредит в начальной стадии развития товарного хозяйства и конечной его стадии обозначает не одно и то же, выражает различные типы экономической связи. В этом смысле кредит несколько отличается от некоторых других категорий политической экономии, как, например, стоимость, деньги и т. п.

Стоимость модифицируется в цену производства, но это не значит, что категория цены производства заменяет стоимость или же в какой-нибудь мере умаляет его значимость. Стоимость как таковая остается неизменной (выражает то же производствен-

[11] Подробно об этом см. в моей книге «Бумажные деньги».

ное отношение) и сохраняет всю свою значимость; само явление цены производства предполагает наличие категории стоимости, сущность которой остается неизменной на всем протяжении капиталистического хозяйства. То же надо сказать и о деньгах. Деньги в условиях капиталистического хозяйства становятся формой капитала, но это отнюдь не значит, что сущность денег меняется. Деньги как таковые, только сохраняя всю свою значимость, могут быть формой капитала. Поэтому-то то обстоятельство, что деньги становятся формой капитала, вытекает не из природы денег, а из наличия капиталистических отношений. И, с другой стороны, возможность существования капитала в денежной форме обусловливается наличием денег как таковых, неизменностью природы и сущности денег [12].

То же можно сказать и о некоторых других категориях политической экономии. Все эти категории являются категориями товарного ходяйства, и на всем протяжении товарного хозяйства их сущность не меняется. Эти категории исторически ограничены системой товарного хозяйства. Они могут найти различные формы своего проявления, но сущность их в рамках товарного хозяйства остается неизменной.

Несколько иное надо сказать о кредите. Прежде всего кредит как тип производственной связи обнаруживается не в сфере производства, а в сфере обращения; он осуществляет обмен уже произведенных товаров.

Во-вторых, кредитные связи находят основную свою характеристику в типах контрагентов этой связи. Кредитные связи простых товаровладельцев, кредитные связи промышленных капиталистов и, наконец, кредитные связи денежных и промышленных капиталистов — все это различные связи, смешение которых было бы большой ошибкой. В первом случае мы не имеем еще особого обособленного, выкристаллизовавшегося типа производственных связей, в третьем же кредит выступает как обособленное производственное отношение. То обстоятельство, что все эти типы связей носят одно и то же наименование — кредит, не должно вести к неразличению их.

Кредит (непосредственно) как тип экономической связи процесса обмена должен рассматриваться не только как общественная и историческая (товарного хозяйства) категория, но и как диалектически развивающееся в рамках товарного хозяйства явление. Поэтому-то, между прочим, кредит так трудно изучать в статике. Он относится к явлениям исключительно динамическим. Рассмотрение кредита в статике, как, впрочем, и всех экономических явлений, возможно только при абстрагировании от динамических моментов, но такое абстрагирование для кредита

---

[12] К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 37, 38 и сл.

обозначало бы абстрагирование от самого существенного, как раз именно от того, что обнаруживает природу кредита.

Мы можем, конечно, говорить о теории кредита капиталистического хозяйства. Но и при этом кредит будет рассматриваться вне его как раз наиболее характерных, наиболее важных для современности черт. Современная теория кредита должна быть не только, а еще вернее — не столько теорией кредита капиталистического хозяйства, сколько теорией кредита финансового капитализма.

Как известно, в рамках товарного хозяйства можно различать три основные отличные друг от друга стадии: простое товарное хозяйство, эпоху промышленного капитализма и эпоху капитализма финансового.

Это отличие не предполагает, конечно, что все эти стадии различаются друг от друга основными своими производственными отношениями.

Если капитализм, как промышленный, так и финансовый, качественно отличается от простого товарного хозяйства основными своими производственными связями, то уже промышленный капитализм и финансовый капитализм не являются различными системами хозяйства, так как тот и другой характеризуются одним и тем же основным признаком — существованием капитала как определенной формы общественных отношений. Но на базе этой основной категории вырастают многообразные типы экономических связей. Отличие финансового капитализма от промышленного капитализма заключается, между прочим, и в различии развивающихся на базе основной категории (капитал) типов производственной связи. Как раз кредит относится к тем производным производственным отношениям, которые имеют различное содержание в эпоху финансового капитализма и капитализма промышленного.

Вместе с тем необходимо иметь в виду следующее.

Каждый последующий этап народнохозяйственного развития не исключает предыдущего, а является одновременно его развитием и преодолением: таковым является промышленный капитализм по отношению к простому товарному хозяйству, финансовый капитализм по отношению к промышленному.

Это значит, что каждая стадия в развитии товарного хозяйства хотя и отличается от предыдущей характеристикой своих конкретных социально-производственных отношений, но в то же время сохраняет не только общие, но и конкретные черты, свойственные пройденным уже и превзойденным стадиям. Рядом с новыми типами производственных связей еще долго сохраняются и развиваются типы общественных связей, характерные для предыдущей стадии; в то же время в каждой хозяйственной системе, поскольку она является подготовляющей, предшествующей для следующей, которая явится результатом ее развития и преодо-

ления, обнаруживаются типы общественных отношений будущего. Чистый тип хозяйства — это абстракция, которая может быть сконструирована только теоретически. В конкретной же действительности каждая система хозяйства характеризуется наличием разнородных по своему существу и по своей природе производственных связей, свойственных различным хозяйственным системам. Современное хозяйство представляет систему финансового капитализма, но это отнюдь не означает, что в конкретной действительности в нем исчезают общественные отношения, характерные для предыдущих стадий развития товарного хозяйства. Даже в самом развитом капиталистическом хозяйстве, каким является, например, народное хозяйство Англии или Германии, рядом с общественными отношениями, свойственными финансовому капитализму, сохраняются, и в очень значительной мере, отношения промышленного капитализма, и находят себе еще место производственные связи, свойственные простому товарному хозяйству. Еще в большей мере это относится к странам более молодого капитализма, какой являются, например, Соединенные Штаты Северной Америки, где рядом с системой утонченнейшего финансового капитализма восточных штатов, Нью-Йорка и других сохранились отношения чуть ли не докапиталистической эпохи юго-западных штатов.

А из этого вытекает следующее. Когда мы хотим дать характеристику того или иного экономического явления данной хозяйственной системы (например, финансового капитализма), мы не можем ею (характеристикой) охватить все без исключения наличные типы отношений. Для такой характеристики надо взять только г о с п о д с т в у ю щ и е т и п ы отношений. Если мы даем характеристику кредиту как производственному отношению применительно, положим, к Соединенным Штатам Северной Америки, то мы не можем в одном определении охватить кредитные отношения простого товарного хозяйства, кредитные отношения промышленного капитализма и кредитные отношения капитализма финансового. Такое определение было бы слишком общим, оно было бы абстрагировано как раз от самого существенного, которое заключается не в признаках сходства, а в признаках различия.

Такое определение было бы в известной мере пригодным для самых общих суждений, самого общего анализа всего народного хозяйства в целом, но было бы явно недостаточным для более или менее детального анализа изучаемого явления, в данном случае кредита. При специальном анализе приобретают значение не только общие черты, но и специфические характеристики, отображающие как раз различие кредита (как производственного отношения) финансового капитализма от кредитных отношений капитализма промышленного и от кредита простого товарного хозяйства.

Какой же тип отношений надо отнести к господствующему? Можно ли отнести к господствующим те типы производственных связей, которые наиболее распространены? Или, может быть, к господствующим надо отнести те, которые наиболее часто встречаются? И то и другое было бы неправильно для экономического анализа. До войны Россия несомненно была страной развитого капитализма, но в то же время огромную часть хозяйствующих единиц составляли мелкие самостоятельные товаропроизводители.

Господствующим типом надо считать те отношения, которые имеют наибольшую значимость и наибольший удельный вес в народном хозяйстве. Определить эту бóльшую значимость и удельный вес только статистическими признаками чрезвычайно трудно. Во всяком случае, простое арифметическое, числовое преобладание здесь не может дать исчерпывающего заключения. Статистическое, так сказать, выражение может иметь значение только как показатель совершающихся изменений. Когда торговый капитал проникает в сферу простого товарного хозяйства, то даже при относительно незначительном его размере он подчиняет себе, подчиняет закономерностям собственного своего движения закономерности простого товарного хозяйства. Господствующим типом отношений надо считать те отношения, которые подчиняют себе все остальные, закономерности которого определяют закономерности всего народного хозяйства в целом.

Приведем два примера. Одной из закономерностей капиталистического хозяйства является цикличность его развития, чередование упадка и восхождения, кризиса и подъема. Это — закономерность капиталистического хозяйства. В старой России это цикличное движение накладывало свой отпечаток на все формы, даже самые отсталые, социальных отношений. Закономерностям выражающимся в цикличности движения, подчинялись даже самые отсталые крестьянские хозяйства. В этом проявлялось подчинение разнообразных, свойственных различным стадиям развития товарного хозяйства, типов производственных связей отношениям промышленного капитализма.

Другой пример — Соединенные Штаты Северной Америки. Едва ли можно сомневаться, что господствующим типом отношений здесь являются отношения финансового капитализма. Господство этих отношений проявляется в том, что они подчиняют своим закономерностям движение других форм общественных отношений, характерных для пройденных и уже превзойденных стадий народнохозяйственного развития. Нью-йоркская фондовая биржа не только отображает, но является также одним из факторов, определяющих движение различных форм народного хозяйства. В этом смысле и можно сказать, что Нью-Йорк, центр финансового капитализма Соединенных Штатов Северной Америки, господствует над всем хозяйством Соединенных Штатов.

Характерной для финансового капитализма чертой, важной для рассматриваемой нами проблемы, является возросшая значимость выделившегося в самостоятельную экономическую категорию ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты. Ссудный капитал существовал и до эпохи финансового капитализма, больше того, его прообраз в виде ростовщического капитала существовал задолго до капитализма, но как раз в условиях финансового капитализма он приобретает особое значение. Во-первых, в условиях финансового капитализма самостоятельность ссудного капитала, находящего свое определение в противопоставлении другим формам капитала — промышленному и торговому, достигает своей законченности и завершенности, и, во-вторых эта категория становится господствующей [13].

6

Современный кредит характеризует производственные отношения ссудного капитала.

Повторяем, это не значит, что в современном хозяйстве не сохранилось других форм кредитных отношений. Но господствующим типом кредита как производственного отношения являются отношения, охватываемые движением ссудного капитала. Это не значит также, что этот тип производственных кредитных связей является наиболее распространенным или наиболее часто встречающимся. Господствование этого типа связей проявляется в том, что всякий другой тип кредитных отношений представляется как движение ссудного капитала, что все конкретные случаи кредита подчиняются закономерностям движения ссудного капитала.

В условиях товарного хозяйства, как известно, производственные связи находят свое выражение в каком-либо вещном объекте (овеществление общественных отношений, товарный фетишизм). Различие кредитных связей различных стадий товарного хозяйства находит свое выражение в различии объектов, переход которых из рук в руки осуществляется сделками ссуды. В простом товарном хозяйстве кредитная связь осуществляет переход товаров из рук в руки. Объектом сделки является товар как стоимость и как потребительная стоимость. Уже с развитием денежного хозяйства происходит трансформация кредитных отношений. В своем вещном выражении эта трансформация проявляется не только в том, что объектом сделок ссуды начинают выступать как товар, так и деньги, но и в том, что всякое движение товаров как объектов кредитных сделок представляется как движение денег.

---

[13] В каком смысле понимается здесь «господствование», будет видно из дальнейшего изложения.

Один контрагент сделки продает другому товар в кредит. Товар находит денежную оценку, и само движение товара представляется как движение денег. Объектом кредитных сделок является уже стоимость, но не потребительная стоимость. Так как наиболее общим и абстрактным воплощением стоимости являются деньги, то всякий объект кредитной сделки, хотя бы и товар, выступает в данном случае только как стоимость, представляется как деньги. В этом как раз проявляется господствование денежного хозяйства: закономерностям денежных ссуд подчиняется движение всех других объектов кредитных сделок. Или, иначе, закономерности производственных отношений, вырастающих на основе сделок денежных ссуд, подчиняют себе все другие отношения, вырастающие на основе всяких других сделок ссуды, даже если объектом этих последних являются не деньги, а товары.

В условиях промышленного капитализма происходит дальнейшая трансформация. Кредитные сделки промышленного капитализма осуществляют движение не стоимости, а капитала. Основным объектом сделок ссуды является капитал, который может быть как в товарной, так и в денежной форме. Рядом с такими кредитными сделками совершаются сделки, объектом которых являются товар или деньги как стоимости. Но господство отношений промышленного капитализма проявляется в том, что всякое движение товара или денег как объекта кредитных сделок представляется как движение капитала.

Наконец, в эпоху финансового капитализма кредит как экономическое отношение вновь трансформируется. Во внешнем своем выражении это проявляется в том, что основным объектом кредитных сделок является не просто капитал, а ссудный капитал, т. е. особая форма капитала, находящая свое определение (характеристику) в противопоставлении другим формам капитала — промышленному и торговому. И в эту эпоху наблюдаются, и очень часто наблюдаются, кредитные отношения, присущие простому товарному хозяйству и, в особенности, промышленному капитализму. Но господство социальных связей финансового капитализма проявляется в том, что всякое движение капитала как объекта кредитных сделок представляется движением ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты. Тем закономерностям, которые имманентно присущи производственным связям ссудного капитала, подчиняются закономерности связей, вырастающих из кредитных сделок, объектом которых является стоимость (товар или деньги), или капитал. В эпоху финансового капитализма всякая кредитная сделка — будь объектом этих сделок товар, будь объектом этих сделок деньги, будь объектом сделок капитал — представляется (рассматривается) как движение ссудного капитала, под которым разумеется особая самостоятельная экономическая категория, выражающая специфический тип производственных связей.

Таким образом, при рассмотрении кредита как производственного отношения, а иначе кредит изучаем быть не может, необходимо помнить, что мы имеем дело не только с категорией исторически ограниченной, но и с явлением диалектически развивающимся. Современный кредит есть кредит не только и не просто капиталистического хозяйства, но кредит финансового капитализма.

При изучении кредита в условиях капитализма вообще возможно уяснение только тех тенденций, которые свойственны изучаемому типу отношений в разных стадиях развития капитализма, или, вернее, только тех тенденций, которые общи кредитным отношениям различных стадий капиталистического хозяйства. При изучении кредита как проблемы эпохи финансового капитализма возможно уяснение специфических тенденций, вытекающих из различия эпохи финансового капитализма от эпохи промышленного капитализма.

Изучение кредита как категории финансового капитализма тем более имеет оправдание, что в сущности только в эту эпоху кредит достигает законченности и определенности в смысле «кристаллизации» кредитных отношений, которая достигается только в ссудном капитале, капитале, приносящем проценты. Капитал же, приносящий проценты, существование которого берет свое начало с самого возникновения капиталистического хозяйства и который в «допотопной форме» существовал уже даже в докапиталистическую эпоху (в форме ростовщического капитала), является категорией особо значимой в условиях финансового капитализма. Развитие категории кредита началось чуть ли не с возникновения товарного хозяйства, но только в условиях финансового капитализма, стало быть, предельного (конечного) состояния товарного хозяйства, кредит развертывается п о л н о с т ь ю и обнаруживает в с е свойственные ему черты. Характерно, что именно в эту эпоху объектом сделок ссуды становится ссудный капитал, который имеет только эту форму отчуждения. Кредит как производственное отношение находит свое полное отображение в объекте кредитных сделок.

Таким образом, кредит как экономическая категория современного хозяйства есть производственное отношение ссудного капитала.

Это определение, выражающее существо кредита современного хозяйства, высшей стадии развития капитализма, требует дальнейшего пояснения. Естественно, возникает вопрос, что же такое ссудный капитал?

Этот вопрос будет подвергнут подробному анализу в следующих главах. Он является основным для теории кредита.

Теперь же необходимо заметить еще следующее.

П е р в о е. Если кредит характеризуется движением ссудного капитала, то совершенно очевидно, что теория кредита ши-

рается в теорию капитала. Без ясного понимания и точного анализа различных видов и форм капитала невозможно выяснение проблемы кредита. Составной частью теории кредита является поэтому учение о капитале, его разновидностях, учение о движении различных его видов и форм во всем их своеобразии. Каждая из существующих теорий кредита имеет своей предпосылкой определенную теорию капитала.

В т о р о е. Так как ссудный капитал, движение которого характеризует кредит, является, как мы увидим в дальнейшем, капиталом денежным, т. е. капиталом в денежной форме, то теория кредита упирается в теорию денег. Теория денег является предпосылкой и составной частью теории кредита. Проблема кредита и проблема денег тесно друг с другом связаны, их разрешение взаимно обусловлено.

7

Резюмируем основные положения настоящей главы.

1. Кредит как предмет изучения экономической науки является категорией не технической, а социальной. Кредит есть определенный тип производственной связи.

2. Кредит является категорией исторически ограниченной. Только при определенных социально-производственных отношениях возможно существование и развитие кредита как экономической категории.

3. Кредит должен изучаться как непрерывно, диалектически развивающееся явление. В рамках капиталистического хозяйства социальные отношения кредита постоянно трансформируются. Поэтому теория кредита должна быть дана применительно к определенной стадии развития капиталистического хозяйства.

4. Общее (формальное) определение кредита сводится к понятию сделки ссуды. Но это определение достаточно только для анализа зачаточных форм кредитных отношений.

5. Теория современного кредита есть теория кредита финансового капитализма. Такая постановка вопроса дает основание законченной теории кредита, ибо кредит только в условиях финансового капитализма достигает своей завершенности.

6. Кредит получает свое законченное выражение в категории ссудного капитала, который в условиях финансового капитализма приобретает особое значение. Вместе с тем кредит исчерпывающе обнаруживается.

7. Современный кредит есть производственное отношение, развивающееся на основе движения ссудного капитала, или, вернее, общественное отношение ссудного капитала.

Глава вторая

ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

1

Определение кредита как производственного отношения ссудного капитала предполагает существование особой самостоятельной экономической категории ссудного капитала, отличающегося от других форм капитала, главным образом от промышленного и торгового капитала.

Данное нами определение требует, очевидно, установления тех признаков, которыми характеризуется ссудный капитал и которыми он отличается от других форм капитала.

Капитал характеризует классовое отношение между собственниками орудий производства и наемными рабочими. Капитал есть отношение, вытекающее из присвоения собственниками орудий производства прибавочной стоимости. Эта общая характеристика капитала приложима также и к ссудному капиталу. Если бы эта характеристика отсутствовала, ссудный капитал не был бы капиталом.

Капитал — это самовозрастающая стоимость. Ссудный капитал — тоже капитал, стало быть, тоже самовозрастающая стоимость.

Но ограничиваться такими определениями нельзя, так как в них отсутствует указание на специфичность ссудного капитала как особого «сорта» капитала, как особой экономической категории. Конститутивными признаками ссудного капитала надо считать не только те признаки, которые сближают его с капиталом вообще, но и те, которыми он отличается от капитала. Одинаково важно подчеркнуть как то, что ссудный капитал есть к а п и т а л, так и то, что ссудный капитал есть с с у д н ы й капитал.

Это различие в основном может быть так охарактеризовано.

Капитал характеризуется п р и с в о е н и е м прибавочной стоимости, стало быть, непосредственно отображает отношения капиталистов и рабочих. Ссудный капитал характеризуется р а с п р е д е л е н и е м прибавочной стоимости, непосредственно он отображает отношения между денежными и функционирующими капиталистами. Распределение прибавочной стоимости включает

присвоение, следовательно, ссудный капитал включает в себя отношения капитала.

Это различие социального содержания капитала и ссудного капитала находит свое выражение в различных формах возрастания того и другого.

Как капитал, так и ссудный капитал есть самовозрастающая стоимость, но форма возрастания того и другого, вытекающая из различия выражаемых той и другой категорий производственных связей, совершенно различна. В то время как возрастание капитала имеет форму прибыли, возрастание ссудного капитала имеет форму процента. Процент и прибыль — качественно различные категории, отображающие качественно различные типы экономической связи.

Общее определение ссудного капитала таково: ссудный капитал — это капитал, приносящий проценты.

Процент есть форма дохода денежного капитала, поскольку последний противопоставляется капиталу промышленному. Это же противопоставление предполагает отделение капитала собственности от капитала функции. Противоположность между собственностью и функцией заложена в самом капитале. Эта противоположность превращается в противоречие, что находит свое выражение в отделении капитала-собственности на капитал от капитала-функции. Ссудный капитал как к а п и т а л характеризует отношение собственников орудий производства и наемных рабочих; ссудный капитал как с с у д н ы й капитал характеризует отношение между двумя группами капиталистов. Таким образом, определение ссудного капитала как капитала, приносящего проценты, есть не формальное определение, а дает существенную специфическую характеристику определенному типу капиталистических производственных отношений. Поэтому-то этот признак, а именно то, что ссудный капитал приносит проценты, надо считать определяющим признаком ссудного капитала. Но это не значит, конечно, что этим признаком исчерпываются все отличия ссудного капитала от капитала вообще.

Характеристику ссудного капитала удобнее всего дать через сопоставление и противопоставление промышленному капиталу. При таком способе могут быть наилучшим образом подчеркнуты специфические черты ссудного капитала, превращающие его в особую экономическую категорию и дающие ему самостоятельное бытие и движение. В то же время такое рассмотрение покажет производный характер кредита, обусловленность последнего процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

При этом сопоставлении мы вновь подробно остановимся на основном, указанном выше конститутивном признаке ссудного капитала.

2

Различие между промышленным (и торговым) и ссудным капиталом проявляется прежде всего во внешнем их воплощении.

Промышленный капитал, как и торговый, может иметь как форму товара, так и форму денег. Тот и другой могут быть воплощены как в товарах, так и в деньгах. Промышленный капитал может быть товарно-промышленным и денежно-промышленным, точно так же, как и торговый капитал может быть товарно-торговым и денежно-торговым капиталом. Движение промышленного и торгового капитала, процесс его воспроизводства совершается в виде постоянных метаморфоз товара и денег.

Промышленный капитал, как известно, движется по формуле $Д—Т \ldots П \ldots Т'—Д'$. Капитал авансируется в форме денег ($Д$), эти деньги превращаются в товар ($Т$), этот последний перерабатывается в процессе производства в другой товар ($Т'$), который в свою очередь превращается в деньги ($Д'$). Процесс кругооборота промышленного капитала есть процесс его воспроизводства, который совершается следующим образом: денежный капитал превращается в товарный капитал, который, пройдя стадию производства, вновь превращается в денежный капитал. Этот последний вновь начинает процесс кругооборота, совершаемый точно так же, как и первый. Можно ли сказать, что денежная форма капитала — это случайная, мимолетная его форма? Отнюдь нет. Во всяком случае, денежная форма так же мимолетна, как и товарная его форма. Пребывание капитала то в товарной,то в денежной форме, — а весь совокупный промышленный капитал во всем его целом пребывает одновременно в одной своей части в товарной, а в другой части в денежной форме, — является необходимым для промышленного капитала как такового, является общей формой его движения, является формой его воспроизводства. Перерыв метаморфоз товаров и денег означает перерыв в движении промышленного капитала, а такие перерывы хотя и неизбежны в капиталистическом обществе, но могут быть только временны (мы пока отвлекаемся от того, что движение промышленного капитала есть не только воспроизводство, но и расширенное воспроизводство, что $Д'$ больше $Д$).

То же надо сказать и о торговом капитале. Форма его движения $Д—Т—Д'$. Как и промышленный капитал, торговый капитал авансируется в форме денег ($Д$), которые превращаются в товары ($Т$), и эти последние вновь продаются за деньги ($Д'$) и т. д. Торговый капитал в своем движении претерпевает метаморфоз товаров и денег, а если рассматривать весь торговый капитал общества во всей его совокупности, то нетрудно заметить, что в каждый данный момент одна часть этого капитала пребывает в форме денег, другая — в форме товаров. Это обстоятельство не является случайным для движения торгового капитала: постоян-

ный метаморфоз товаров и денег составляет сущность движения торгового капитала, который представляет собой только обособившуюся часть промышленного капитала. Если бы торговый капитал застыл в форме товаров или в форме денег, это означало бы перерыв в его движении, а только в движении осуществляется его функционирование. В конкретной действительности такое застывание возможно, нарушение метаморфоз товаров и денег в капиталистическом хозяйстве происходит, но оно происходит только периодически: оно не может быть явлением постоянным.

Когда мы говорим, что промышленный и торговый капитал может принимать как форму денег, так и форму товаров, что движение промышленного и торгового капитала есть постоянный метаморфоз товаров и денег, это не следует понимать в том смысле, что деньги всегда выступают in concreto. В обращении товаров деньги, как известно, могут выступать как мысленно представляемые деньги. В любой капиталистической стране масса денежного промышленного и торгового капитала, т. е. масса промышленного и торгового капитала, находящегося в данный момент в денежной форме, значительно превосходит всю массу денег, имеющуюся в стране.

Одна и та же масса денежных знаков обслуживает движение значительно большей по стоимости массы денежных капиталов. В Соединенных Штатах Северной Америки, например, при общей массе денежных знаков в обращении около 4 млрд. долларов одних депозитов только в коммерческих банках свыше 50 млрд. долларов. Денежный же капитал страны отнюдь не ограничивается только массой банковских депозитов.

Дело не только в том, что деньги обращаются с определенной скоростью, но и в том, что огромная часть сделок совершается без посредства денег как орудий обращения и даже без денег как орудий платежа. Техника взаимной компенсации счетов, посредством ли записей в банковских книгах, методом ли расчетных палат, достигла в настоящее время огромного развития. Денежный промышленный и торговый капитал значительно превосходит массу наличных денег, а пребывание этого капитала в денежной форме составляет неотъемлемый момент его движения.

Итак, как промышленный, так и торговый капитал может иметь как товарную, так и денежную форму.

Иначе обстоит дело с ссудным капиталом. В противоположность промышленному капиталу (как и торговому) ссудный капитал всегда выступает в форме денег. Ссудный капитал — это прежде всего денежный капитал. Форма движения ссудного капитала *Д—Д'*, деньги — деньги (возрастание стоимости ссужаемой суммы мы пока оставляем в стороне). Движение ссудного капитала не знает метаморфоз товаров и денег, во всех стадиях своего движения ссудный капитал остается капиталом денежным. Здесь не только авансируется денежный капитал, но и во всем процессе обращения капитал остается денежным. Именно то, что

ссудный капитал не знает метаморфоз товаров и денег, составляет характерное и отличительное свойство его движения.

Это положение нисколько не опровергается наличием конкретных сделок, когда объектом их выступают не деньги, а товары, ибо в этих случаях товары являются только формой денежного капитала.

Предположим, фабрикант *A* продает фабриканту *B* в кредит машину. Возврат эквивалента в этой сделке отсрочен. Деньги здесь выступают только тогда, когда фабрикант *B* уплачивает *A* свой долг; деньги здесь выступают не как орудие обращения, а как средство платежа. Но в капиталистических условиях, что является результатом отношений ссудного капитала, отношения складываются таким образом, как если бы фабрикант *A* ссудил бы фабриканта *B* соответствующей суммой денег. Предположим, машина продана за 1000 руб., дело представляется таким образом, как если бы здесь налицо была ссуда денег в 1000 руб. Долг выражается в деньгах.

«. . . Всякий ссудный капитал, — говорит К. Маркс, — какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала» [1].

И в другом месте:

«Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в виде суммы денег. Если в ссуду дается товар как капитал, то он является лишь замаскированной формой денежной суммы. Потому что то, что дается в ссуду как капитал, это — не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего» [2].

Мы уже указывали на то, что в кредитных сделках — и это для них существенно и характерно — происходит передача не только потребительной стоимости, но и стоимости, а абстрактной формой стоимости являются деньги. Поэтому то, что ссудный капитал всегда является денежным капиталом, представляет собой не случайность, а составляет сущность ссудного капитала как такового.

Когда Маркс приступает к исследованию ссудного капитала, он пишет: «В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссудного капитала» [3].

Для промышленного и торгового капитала как раз типично и характерно пребывание их то в товарной, то в денежной форме; обе эти формы тесно между собой связаны, и характерным для

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 378.
[2] Там же, стр. 389.
[3] Там же, стр. 378.

совокупного промышленного капитала является одновременное пребывание его в обеих указанных формах. Для ссудного же капитала характерно и типично пребывание его только в денежной форме. Ссудный капитал — это прежде всего денежный капитал и в этом его чрезвычайно большое отличие от промышленного и торгового капитала. Именно деньги являются основной, непосредственной формой ссудного капитала [4].

---

[4] Ясно, конечно, что из сказанного вовсе не следует делать вывода, что денежный капитал и ссудный капитал одно и то же. Под денежным капиталом следует понимать форму промышленного капитала, форму, которую принимает промышленный капитал в процессе своего кругооборота, стало быть денежный капитал есть не что иное, как одна из функциональных форм промышленного капитала. Ссудный же капитал — это капитал, приносящий проценты. То, что ссудный капитал имеет всегда денежную форму, отличает его от промышленного капитала, но не образует его конститутивного признака. Буржуазная экономия, которая не может усвоить себе понятия капитала как общественной категории, не может понять и явления денежного капитала, тем более ссудного капитала. Как на пример совершенной, порою прямо-таки детской, беспомощности при разрешении проблемы денежного капитала можно указать на Штейнберга, работа которого «Das Geldkapital» вошла в серию «Bonner Staatwissenschaftliche Untersuchungen», издаваемую под редакцией таких почтенных экономистов, как Дитцель, Кауфман, Шпитхоф. Штейнберг дает следующее определение денежного капитала: «Денежный капитал есть денежная сумма, обладание коей дает ее владельцу привилегированное положение по отношению к другим хозяйствующим субъектам, которое может быть использовано только посредством кредита» (S. S t e i n b e r g. Das Geldkapital. Bonn, Leipzig, 1922, S. 53, 54). Штейнберг подвергает довольно подробной и весьма решительной критике теорию Маркса. В этой «критике» он, подобно своим учителям, обнаруживает как непонимание воззрений Маркса, так и собственную свою неспособность хоть сколько-нибудь ориентироваться в сложных экономических категориях. Что стóит, например следующее его замечание. Критикуя марксов анализ кругооборота капитала, Штейнберг говорит: «Гетерогенные члены капиталистического процесса — производительный капитал, товарный капитал и денежный капитал — могут быть связаны (zusammengekettet) только в воображении капиталиста (im Geiste des Kapitalisten), интересующегося только прибылью, но не в *объективной действительности* хозяйственной жизни. Только с точки зрения капиталистов имеется кругооборот, при котором они бросают на рынок деньги с единственной целью вернуть их себе позже с приращенной прибавочной стоимостью» (Ibid., S. 30). Маркс таким образом посрамлен, как лицо, стоящее на точке зрения капиталистов. Классовая точка зрения самого Штейнберга и его социальных устремлений зато полностью обнаруживается, когда в результате своих «научных изысканий» относительно капиталистической природы и нереальности представлений Маркса он приходит к следующему глубокомысленному заключению: «На вопрос, какие специфические обстоятельства превращают деньги в капитал, марксова теория не дает никакого ответа. Впрочем, нельзя и ожидать правильного объяснения (eine derartige Erklärung) от теории, которая видит в капитале только средство эксплуатации (Exploitationsmittel) рабочих» (Ibid., S. 34). Сам же Штейнберг превращение денег в капитал объясняет следующим образом: «Способность денег приносить прибыль превращает их в капитал» (Ibid., S. 20). Очевидно, к этой способности приносить прибыль рабочий имеет весьма отдаленное отношение.

Буржуазная экономия вообще слоняется меж двух сосен. Или она не понимает различия между ссудным капиталом и капиталом реальным (вещ-

3

Различие между промышленным (и торговым) капиталом и ссудным капиталом обнаруживается также и в способах отчуждения того и другого.

Отчуждение промышленного капитала есть отчуждение товаров, в которых он воплощен. Промышленный капитал отчуждается как товар.

В сфере обращения промышленный капитал выступает или как деньги, или как товар, но не как капитал. Стало быть, форма его отчуждения та же, что и форма отчуждения товара. Товары же

ным), или же капиталом считает только денежный капитал. Смешение того и другого мы наблюдаем у Адама Смита, Джона Стюарта Милля, и оно вытекает, как и у позднейших их последователей, из непонимания таких экономических категорий, как деньги, денежный капитал. Но если такая ошибка объяснима в отношении буржуазной экономии эпохи восходящего промышленного капитализма, то она совершенно непростительна для экономистов, живущих в эпоху финансового капитализма. Отождествление капитала с денежным капиталом наблюдается преимущественно у сторонников так называемого психологического направления, в политической экономии рантье, у апологетов финансового капитализма. Так, например, Роберт Лифман, претендующий на величайшую оригинальность и обещавший, подобно крыловской синице и с теми же результатами, «море сжечь»—разрешить все спорные проблемы теоретической экономии, в своем многословном двухтомном труде «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» пишет: «Aus unseren Ausführungen ergibt sich ein fundamentaler Gegensatz der bisherigen kapitalistischen Kapitaltheorie. Das eigentliche Kapital sind nicht die Sachgüter, die «Produktionsmittel», sondern, wie schon der Socialismus es die auffasste (??), nur im Widerspruch mit seinen sonstigen, ebenfalls materialistischen Grundanschauungen, das Geldkapital ist das «Kapital an sich», die eigentliche, ursprüngliche Kapitalform, die den «Kapitalismus» geschaffen hat» («Из нашего рассуждения вытекает основное противоречие существующей до сих пор капиталистической теории капитала. Первоначальный капитал это не товар, не «средства производства», но, как это уже понял социализм (??),— только в противоречии со своими прежними, также материалистическими воззрениями, — денежный капитал есть «капитал в себе», непосредственная, первоначальная форма капитала, которая и создала «капитализм». — *Ред.*) (R. Liefmann. Op cit., B. 1, S. 585).

Такая точка зрения вообще весьма распространена. На ней стоит, в частности, и Риссер, отождествляющий к тому же капитал со ссудным капиталом: «Es ist zunächst das Kapital in seinem «Popularbegriff», also es sind die Geldbeträge, welche Bestandteile des werbenden Vermögens sind und des Einkommensbildung gewidmet werden sollen (здесь Риссер ссылается на Карла Менгера, «Zur Theorie des Kapitals»), die sich in der Kassen der Banken und Bankiers ansammeln, deren Beruf es ist dieses Kapital, nicht nur aufzubewahren, sondern auch nutzbar zu machen, inbesondere dadurch, daß sie es andere zu wirtschaftlichen Zwecken zur Fertigung stellen» («Это прежде всего капитал в «популярном представлении», следовательно, это денежные суммы, являющиеся составными частями добываемого состояния и служащие увеличению доходов (здесь Риссер ссылается на Карла Менгера «Zur Theorie des Kapitals»), которые собираются в кассах банков и банкиров. Задача последних, причем, не только сохранять этот капитал, но также сделать полезным, особенно тем, что они предоставляют его другим для использования в хозяйственных целях». — *Ред.*) (Y. Riesser. Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration. Jena, 1912, S. 1).

могут отчуждаться как посредством продажи, так и посредством ссуды. Но именно продажа является характерной формой отчуждения товара, так как в том случае, когда товар отчуждается посредством ссуды, этот товар в сущности выступает как форма денег.

При отчуждении товара происходит передача его потребительной стоимости, заключающейся в способности этого товара удовлетворять ту или иную человеческую потребность. Возврат этой потребительной стоимости невозможен. Сделка купли-продажи есть меновая сделка, при которой происходит движение потребительной стоимости. Возмещается же продавцу стоимость. Продажа как форма отчуждения товара (а промышленный капитал при отчуждении выступает только как товар) не случайна, а вытекает из самой природы товара, потребительная стоимость которого, будучи отчуждена, не может быть возвращена обратно. Использовать потребительную стоимость товара значит уничтожить товар как таковой.

Отчуждение товара в кредит, а не посредством продажи, дела нисколько не меняет.

Ссуда товара представляет собой, по сути дела, одновременно продажу товара и ссуду денег. При этой сделке отсрочивается уплата денег, но не может быть отсрочен возврат потребительной стоимости товаров, так как вообще потребительная стоимость имеет только одностороннее движение, от продавца к покупателю. Возврат ее исключается.

При движении ссудного капитала также происходит отчуждение его потребительной стоимости. Заимодавец передает ссудный капитал заемщику; здесь объектом сделки является капитал как товар, передается как стоимость, так и потребительная стоимость этого своеобразного товара.

Но что это за потребительная стоимость, которая отчуждается при кредитной сделке? Что может быть названо потребительной стоимостью ссудного капитала?

Ссудный капитал как объект кредитной сделки является капиталом, т. е. самовозрастающей стоимостью, т. е. стоимостью, в своем движении увеличивающейся. Специфическим свойством капитала, его потребительной стоимостью является его способность возрастать. И эта-то потребительная стоимость отчуждается при ссуде денег как капитала, или, иначе, при передаче ссудного капитала как товара. «Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги имеют благодаря тому, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю при-

был (то, что превышает или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью)».

«Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссудным капиталом».

«Потребительная стоимость ссужаемых денег — это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль» [5].

Потребительная стоимость ссудного капитала, заключающаяся в способности его возрастать, вытекает, конечно, не из естественных свойств этого своеобразного товара (ссудного капитала), а обусловлена наличной системой экономических отношений.

Эта потребительная стоимость такова, что она не может быть отчуждена посредством продажи, она может быть только дана в ссуду. Использование этой потребительной стоимости вовсе не заключается в ее уничтожении, как это происходит с потребительной стоимостью товаров, а, наоборот, в постоянном ее возобновлении. Эту потребительную стоимость можно отчуждать на время, и даже больше того, именно в р е м е н н о е отчуждение этой потребительной стоимости, с р о ч н о с т ь ее отчуждения, вытекает из природы ссудного капитала как товара. Передача денежной суммы как ссудного капитала без возврата означала бы превращение ссудного капитала просто в деньги, и только деньги, а это означало бы уничтожение ссудного капитала как такового. Сделка ссуды является не только возможной, но и единственной формой отчуждения ссудного капитала.

Промышленный (и торговый) капитал отчуждается в форме товара; ссудный же капитал отчуждается в форме денег. При отчуждении промышленного капитала происходит отчуждение товара как капитала; при отчуждении ссудного капитала происходит отчуждение денежного капитала как товара.

В то время как товар может быть отчужден как посредством продажи, так и посредством ссуды, ссудный капитал как товар может быть отчужден только посредством ссуды.

«Форма ссуды, вместо формы продажи, свойственная этому товару, капиталу как товару, встречающаяся впрочем и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром» [6].

---

[5] К. М а р к с. Капитал, т. III. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 386—387.

[6] Там же, стр. 375.

4

Различие между ссудным капиталом и промышленным (как и торговым) капиталом заключается не только в формах их проявления и отчуждения, но и в формах их функционирования.

Промышленный капитал в процессе своего кругооборота функционирует как товар или как деньги. В процессе кругооборота капитала совершается ряд метаморфоз (*Д—Т. . . П . . . Т'—Д'*). Капиталист авансирует известную сумму денег, на которую он приобретает товар — средства производства и рабочую силу. В процессе производства создается новый товар, который вновь продается за деньги. Процесс обращения капитала составляется из ряда актов обмена, купли-продажи. В первом акте купли-продажи капиталист покупает средства производства; в этом случае его капитал выступает как деньги, как покупательное средство. В последнем акте кругооборота капиталист продает произведенный в его предприятии товар, превращает товар в деньги. Здесь его товарный капитал выступает только как товар, как стоимость и потребительная стоимость. В первом акте его обращения, *Д—Т*, авансируемый капитал функционирует не как капитал, а как деньги. В заключительном акте обращения *Т'—Д'* произведенный товар функционирует также не как капитал, а как товар, стоимость. Авансированный капиталистом капитал функционирует как капитал, а не как товар или деньги, только в процессе производства *Т. . . П. . . Т'*, т. е. как раз там, где не происходит метаморфоз товара и денег.

«Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса, в том моменте, в котором исходная точка является вместе с тем и той точкой, к которой движение возвращается, в *Д—Д'* или *Т—Т'* (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости).

. . . В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы» [7].

Таким образом, в фазах обращения промышленного капитала денежная форма капитала функционирует как деньги, товарная форма капитала — как товар.

То же надо сказать и о торговом капитале. В своем кругообороте *Д—Т—Д'* торговый капитал имеет то форму денег, то форму товара, торговый капитал бывает то денежным капиталом, то товарным. Но то, что переходит из рук в руки, не является

---

[7] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 376—377.

капиталом, а является или товаром, или деньгами. Купец покупает на определенную сумму денег, на 1000 руб., какой-либо товар — сукно, затем его продает за деньги, скажем за 1100 руб., на эти деньги он вновь покупает товар — сукно, который продает за 1220 руб., которые он вновь затрачивает на покупку товара сукна и т. д. и т. д., до бесконечности. Форма движения торгового капитала *Д—Т—Д'*.

Это движение состоит из двух актов: превращение денег в товар *Д—Т* и обратное превращение товара в деньги *Т—Д'*. В первом акте обращения деньги выступают просто как деньги, как сумма покупательных средств, а товар просто как товар, как определенная стоимость и потребительная стоимость. Во втором акте обращения происходит то же самое: товар выступает как товар, деньги как деньги. Весь процесс, взятый в целом, представляет собой кругооборот торгового капитала, но в отдельных актах этого процесса капитал функционирует не как капитал, а как товар или деньги. «. . . Поскольку товарный капитал и денежный капитал действительно функционируют, действительно играют свою роль в процессе, товарный капитал действует здесь только как товар, денежный капитал — только как деньги. Ни в один из отдельных моментов метаморфоза, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара как *капитала* — хотя для него товар представляет капитал — и не отчуждает продавцу денег как капитала. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство по отношению к товару» [8].

Для промышленника и купца авансированные деньги являются капиталом, но в процессе обращения этот капитал выступает только как деньги. Для промышленника и купца имеющийся у них товар является формой их капитала, но в процессе своего метаморфоза этот товар выступает только как товар. «Он (капитал. — *И. Т.*) никогда не выступает в процессе своего обращения как капитал, а только как товар или деньги, и это в данном случае единственная форма его существования *для других*. Товар и деньги являются здесь капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не в их действительных отношениях к покупателю или продавцу, а лишь в их идеальных отношениях к самому капиталисту (если рассматривать дело субъективно) или как моменты процесса воспроизводства (если рассматривать дело объективно)» [9].

Товарный и денежный капитал является капиталом в процессе обращения только с точки зрения всего процесса кругооборота в целом, но в отдельных актах метаморфоза капитал выступает или просто как деньги, или просто как товар.

---

[8] Там же, стр. 376.
[9] Там же, стр. 377.

Совершенно иное происходит при движении ссудного капитала. Форма движения ссудного капитала $Д—Д'$, деньги — деньги. Движение ссудного капитала состоит из двух, разделенных во времени актов: передачи заимодавцем денег заемщику (или товаров, которые в этом случае являются только формой денежного капитала) и обратного возвращения денег заемщиком заимодавцу. Это движение предполагает (в действительности в каждом конкретном случае этого может и не быть), что в промежутке между двумя указанными актами обращения ссуженная сумма проделывает движение как капитал ($Д—Т \ldots П \ldots Т'—Д'$). Но само движение ссудного капитала это последнее, т. е. использование ссуженной суммы как капитала, непосредственно в самом себе не включает. В самом движении ссудного капитала использование ссуженной суммы денег как капитала не обнаруживается. Но зато во всех актах своего обращения ссудный капитал все время выступает как капитал.

Что же происходит в актах обращения ссудного капитала? Движение просто денег? Нет. В продолжение всего процесса оборота ссудный капитал остается капиталом. Заимодавец передает заемщику не просто сумму денег, а капитал, заемщик возвращает заимодавцу не просто сумму денег, а капитал.

Промышленный (и торговый) капитал в отдельных стадиях своего обращения выступает или как деньги, или как товар; ссудный капитал в процессе всего своего обращения выступает как капитал. «Владелец денег, желающий применить свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как *капитал*, — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль. . .»[10].

Ссудный капитал — это капитал денежный, т. е. определенная сумма денег, сумма покупательных и платежных средств, но эта сумма денег в своем обращении выступает не просто как деньги, как покупательные и платежные средства, а как капитал.

В то время как при движении промышленного и торгового капитала капитал выступает в обращении или как товар, или как деньги, причем деньги являются формой выражения стоимости товара, при движении ссудного капитала деньги или товар выступают как капитал, причем товар является только формой денег.

---

[10] К. Маркс. Капитал, т. III. К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 377.

5

До сих пор при характеристике движения как промышленного, так и ссудного капитала мы отвлекались от того, что в своем движении как тот, так и другой капитал возрастает. При движении промышленного капитала авансируемые деньги в конечном счете не только просто возвращаются, но возвращаются как возросшая стоимость. В движении промышленного капитала $Д—Т\ldots П\ldots Т'—Д'$, $Д'$ не равно $Д$, а больше его, $Д'>Д$. То же происходит и при движении ссудного капитала, $Д—Д'$, $Д'$ не равно $Д$, а больше $Д$, $Д'>Д$.

Капитал есть самовозрастающая стоимость. В процессе производства стоимость капитала возрастает. В производственном процессе ($Т\ldots П\ldots Т'$), который составляет одну из стадий кругооборота промышленного капитала, создается присваиваемая капиталистом прибавочная стоимость. Авансируемый капитал выходит из процесса производства увеличенным в своей стоимости. Процесс производства не есть просто воспроизводство авансированной стоимости, но расширенное ее воспроизводство. Это возрастание происходит вследствие эксплуатации рабочей силы, обладающей свойством производить стоимость, бóльшую, нежели стоимость самой рабочей силы.

Рассмотрим ближе кругооборот промышленного капитала. Этот кругооборот, как известно, состоит из трех фаз. Первая стадия, превращение денег в товар $Д—Т$,— это стадия обращения. Здесь происходит изменение формы стоимости, но не самой стоимости. Количественно стоимость остается без изменения. До этого акта обращения капиталист обладает стоимостью в форме денег, теперь — в форме товаров. Здесь капитал обращается как деньги и как товар; специфические свойства капитала как самовозрастающей стоимости еще ничем и ни в какой мере не обнаруживаются. Если бы дело на этом закончилось, мы имели бы перед собою просто метаморфоз денег и товара, просто акт купли-продажи, специфичность движения капитала как такового ничем не была бы проявлена.

В результате первой стадии обращения капиталист вместо денег имеет товар, причем товар определенного свойства, с определенной потребительной стоимостью, орудия и средства производства и рабочую силу. После этого начинается вторая стадия кругооборота промышленного капитала, превращение одного товара в другой, $Т\ldots П\ldots Т'$, изменение потребительной стоимости товара. Элементы хлопка, прядильной машины, человеческого труда принимают форму новой потребительной стоимости, пряжи. Но полученный продукт отличается не только тем, что он обладает другой потребительной стоимостью, но и тем, что он обладает другой стоимостью. Вследствие применения человеческой рабочей силы, обладающей свойством в результате своего потребления создавать бóль-

шую стоимость, нежели заключается в ней самой, обладающей способностью создавать прибавочную стоимость, авансированная стоимость изменяется: вновь созданный продукт воплощает в себе бóльшую стоимость, нежели стоимость авансированного капитала. В процессе превращения $Т$ в $Т'$ ($Т\ldots П\ldots Т'$) происходит, стало быть, не только изменение потребительной стоимости, но и изменение величины самой стоимости. $Т'$ отличается от $Т$ не только тем, что он удовлетворяет другую человеческую потребность, но и тем, что он представляет бóльшую стоимость. В этой стадии кругооборота капитал проявляет себя как капитал, т. е. как самовозрастающая стоимость. Капитал характеризует отношения владельца средств производства и рабочего, и только в этих отношениях капитал обнаруживается как капитал. Если в первой стадии авансированный капитал используется как деньги и как товар, то в этой стадии товар используется как капитал. Само собой разумеется, что для того, чтобы авансированные деньги могли быть использованы как капитал, необходимо было предварительно использовать авансированный капитал как деньги. Производственная стадия кругооборота капитала $Т\ldots П\ldots Т'$ может быть пройдена только после того, как закончен был первый акт обращения $Д—Т$.

Третья стадия кругооборота промышленного капитала — превращение товара в деньги — составляет заключительный акт обращения, возвращение авансированного капитала к своей исходной точке. Вновь произведенный товар, уже отягченный прибавочной стоимостью, превращается в деньги ($Т'—Д'$). В этом акте так же, как и в первом акте обращения, капитал выступает в форме товара и денег. Этот акт обращения, как и первый, не обнаруживает специфичности движения капитала как такового; здесь капитал выступает просто как товар и как деньги. Но вместе с тем этот акт является таким же необходимым для движения капитала, как и первый акт обращения. Необходимо товар превратить в деньги, чтобы деньги использовать как капитал.

Таким образом, движение известной суммы стоимости приобретает характеристику движения капитала только в акте производства. Без этой стадии невозможно осуществление движения капитала как самовозрастающей стоимости.

Капиталист присваивает прибавочную стоимость. Он получает излишек стоимости над авансированной им стоимостью. $Д'$ больше $Д$. Разница между $Д'$ и $Д$ составляет прибыль промышленного капитала. Для того чтобы промышленный капитал получал прибыль, его капитал должен пройти все три указанные стадии кругооборота капитала, хотя авансированные им деньги функционируют как капитал в сущности только во второй стадии, стадии производства. Претензия промышленного капиталиста получать прибыль основана на участии его капитала в процессе производства. Именно потому, что промышленный капитал функционирует как

капитал в процессе производства, владелец его присваивает прибавочную стоимость (вернее — участвует наравне с другими капиталистами в присвоении известной доли производимой в обществе прибавочной стоимости). Получение прибыли промышленным капиталом — и не только совокупным общественным капиталом, но и отдельными частями совокупного капитала, индивидуальным капиталом — обусловливается проделыванием им и второй стадии кругооборота капитала. Связь промышленного капитала с процессом создания прибавочной стоимости обнаруживается не только с точки зрения всего общественного промышленного капитала в его целом, но и с точки зрения каждой отдельной части совокупного промышленного капитала. Промышленный капитал присваивает прибыль потому, что он функционирует как капитал. Это в равной степени относится как к совокупному промышленному капиталу, так и к отдельным его частям.

Движение ссудного капитала также характеризуется увеличением первоначальной авансированной стоимости. Подобно промышленному капиталу, ссудный капитал в своем движении возрастает. Сумма денег, возвращаемая должником, больше той суммы, которая предоставляется должнику кредитором.

Здесь аналогия с промышленным капиталом полная. Но различие проявляется в различии форм движения того и другого капитала. Движение ссудного капитала представляется в виде двух раздельных во времени актов обращения: передача известной суммы денег кредитором должнику и обратное возвращение, но уже возросшей суммы, должником кредитору. Здесь происходит возрастание авансируемой суммы в самом акте обращения. Движение ссудного капитала стадии производства не знает. Производственный процесс не является стадией в движении ссудного капитала.

Но как возможно это возрастание? Это увеличение происходит потому, что в тот промежуток времени, который отделяет первый акт обращения (от кредитора к должнику) ссудного капитала от второго (от должника к кредитору), сумма денег, воплощенная в ссудном капитале, совершает (или может совершать) свой кругооборот как промышленный капитал.

Движение ссудного капитала предшествует кругообороту промышленного капитала и ему следует, его замыкает. Первый акт обращения ссудного капитала, движение определенной суммы денег от кредитора к должнику, предшествует первому акту кругооборота промышленного капитала; второй акт обращения ссудного капитала следует за последним актом кругооборота промышленного капитала. Общая форма движения ссудного и промышленного капитала такова: $Д—Д—Т\ldots П\ldots Т'—Д'—Д''$, ссудный капитал — денежная форма промышленного капитала — товарная форма промышленного капитала, далее следует процесс производства, после которого промышленный капитал, сохраняя товарную форму,

выступает как измененная потребительная стоимость и увеличенная стоимость — денежная форма капитала — ссудный капитал.

Для движения ссудного капитала характерно то, что в его движении обращение воплощенной в ссудном капитале суммы денег как промышленного капитала незаметно. Конечно, возможность возвращения ссужаемой суммы определяется тем, что эта сумма используется как капитал. Но сама кредитная сделка, осуществляющая движение ссудного капитала, это использование ссужаемой суммы как капитала в самой себе не содержит: «. . . исходный и конечный пункты — отдача и возврат капитала, отданного в ссуду, — представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого отношения к самому этому движению»[11].

«Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, присущая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая вне сделок между кредиторами и заемщиками. В самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен»[12]. Возврат, и притом возврат возросшей суммы, предполагается независимо от того, используется ли ссужаемая сумма как капитал или нет.

Возврат возросшей стоимости предполагается потому, что при данной системе общественных отношений всякая сумма денег м о ж е т б ы т ь превращена в капитал, хотя возврат возросшей стоимости осуществляется вовсе не потому, что такое использование каждый раз объективно в действительности происходит. Дело, следовательно, не в том, что именно каждая д а н н а я ссужаемая сумма денег совершает движение как капитал, а в том, что в данном общежитии такое движение существует вообще.

Само движение ссудного капитала обусловливается объективным фактом эксплуатации труда капиталом, фактом присвоения капиталом производимой рабочими прибавочной стоимости: само собой разумеется, что только процесс производства и расширенного воспроизводства является единственным основанием движения и, стало быть, возрастания ссудного капитала. Если бы производство и воспроизводство капитала почему-либо были прерваны, кредит оказался бы неосуществимым. Но это общее объективное основание вовсе не обнаруживается в каждой отдельной конкретной кредитной сделке. Раз дано капиталистическое общество, т. е. определенная форма отношений между собственниками средств производства и рабочими, этим самым определяется возможность движения ссуд-

---

[11] К. М а р к с. Капитал, т. III. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 382.

[12] Там же, стр. 383.

ного капитала. Таким образом, действительный кругооборот капитала является условием движения ссудного капитала. Это правильно, поскольку мы рассматриваем движение ссудного капитала во всем его целом. Но отдельные массы ссудного капитала могут и не иметь непосредственной связи с кругооборотом действительного капитала. То обстоятельство, что ссужаемая сумма может быть использована как капитал, превращает каждую ссужаемую сумму, независимо от ее использования, в капитал, следовательно, в самовозрастающую стоимость. «. . .отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возврата по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возвратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Кредитор ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до его возвращения в денежной форме к своему исходному пункту» [13].

Отсутствие непосредственной связи между движением (возрастанием) данной массы ссудного капитала и использованием ее как капитала имеет огромное значение. Движение ссудного капитала приводится к весьма простой форме *Д—Д'*, деньги — возросшая сумма денег, деньги рождают деньги. Это движение предопределяется условиями кругооборота действительного капитала, но кругооборота, взятого в связи с совокупным ссудным капиталом, а не с отдельными его массами. Движение совокупного ссудного капитала обусловливается движением действительного капитала, но отдельные массы ссудного капитала совершают свое движение без непосредственной связи с движением реального капитала. В ссудном капитале мы имеем дело с простой абстрактной формой капитала, со стоимостью, возрастающей без непосредственных отношений капитала. С этой точки зрения ссудный капитал является, по выражению Маркса, «иррациональной формой капитала», но эта иррациональность конкретно существует и ведет к ряду фикций, о которых нам еще придется говорить и без понимания которых нельзя усвоить все сложные теоретические и практические проблемы кредита. «В *Д—Д'*, мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений; форму капитала, приносящего проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; перед нами способность денег, соответственно товара, увеличивать свою

---

[13] Там же, стр. 384.

собственную стоимость независимо от воспроизводства, т. е. перед нами мистификация капитала в самой яркой форме» [14]. «Конечно, фактически сделки эти (кредитные. — *И. Т.*) определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. . . Простая *форма* капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы A и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A+\frac{1}{x}A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» [15].

Таким образом, в то время как возрастание промышленного капитала происходит только в производственной стадии его кругооборота, возрастание ссудного капитала происходит в актах обращения, этой единственной форме его движения; в то время как возрастание стоимости промышленного капитала есть непосредственно процесс его расширенного воспроизводства, возрастание ссудного капитала происходит только потому, что вне его собственного движения в данной системе хозяйства происходит процесс воспроизводства, притом расширенного воспроизводства действительного капитала; в то время как возрастание промышленного капитала, как совокупного, так и в отдельных своих частях, непосредственно связано с воспроизводством и расширенным воспроизводством капитала, возрастание ссудного капитала только во всей своей совокупности связано с процессом расширенного воспроизводства капитала, отдельные же массы ссудного капитала возрастают вне непосредственной связи с воспроизводством капитала; при промышленном капитале процесс его воспроизводства и составляет процесс его возрастания, при ссудном капитале процесс воспроизводства действительного капитала является только условием возрастания ссудного капитала. Ссудный капитал опирается на отношения действительного капитала, но непосредственно этих отношений не отображает. Ссудный капитал непосредственно отображает отношения денежного капиталиста и капиталиста функционирующего. Отношения же капитала, отношения собственников орудий производств и рабочих непосредственно в ссудном капитале не даны.

Промышленный капитал есть функция, ссудный капитал есть собственность в противоположность функции. Капитал есть единство собственности и функции; ссудный капитал обнаруживает противоположность собственности и функции.

---

[14] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 382.

[15] Там же, стр 433.

6

В процессе своего кругооборота как промышленный, так и ссудный капитал возрастает. Источником этого возрастания служит присваиваемая капиталом прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость, взятая по отношению к капиталу, образует прибыль. Ссудный капитал приносит не прибыль, а процент, который составляет часть прибыли, уступаемую функционирующим капиталистом денежному капиталисту. Различие между двумя этими категориями не только количественное, но и качественное. Прибыль и процент являются выражением различных производственных отношений. Качественное различие процента и прибыли отображает различие между ссудным и промышленным капиталом.

Поскольку нас здесь интересует вопрос о сущности ссудного капитала, поскольку мы здесь заняты установлением характерных признаков ссудного капитала, мы остановимся только на качественной характеристике. Не размер процента и количественное его отношение к прибыли нас здесь интересует, а качественная характеристика процента, а стало быть, и ссудного капитала в противопоставления к прибыли и, стало быть к промышленному капиталу.

Прибыль и процент имеют как черты сходства так и различия. Сходство их заключается в том, что как та, так и другой являются превращенной формой прибавочной стоимости. Категории прибыли и процента существуют потому, что существует категория прибавочной стоимости. Определенные социальные отношения внутри производственного процесса обусловливают те социальные связи, которые воплощаются в прибыли и проценте. Производство и присвоение прибавочной стоимости являются предпосылкой существования не только прибыли, но и процента. «Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так их существование в качестве капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства, они постоянно командуют неоплаченным трудом и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение того, что стоимость вообще, — овеществленный труд в его всеобщей общественной форме, — стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства, противостоит живой рабочей силе как самостоятельная сила и является средством присвоения неоплаченного труда; и что такой силой она является благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность» [16].

---

[16] Там, же стр. 416—417.

Возрастание ссудного капитала обусловливается производством прибавочной стоимости, процент предопределяется процессом воспроизводства капитала, но ссудный капитал приносит процент не потому, что он функционирует как капитал и, следовательно, непосредственно противостоит рабочей силе. Ссудный капитал противостоит капиталу. Отсюда вытекает различие между прибылью и процентом. Прибыль непосредственно вытекает из отношения капитала к наемному труду; процент вытекает из отношения денежно-ссудного капитала к капиталу функционирующему. Непосредственно процент выражает отношения не капитала к рабочей силе, а денежного ссудного капитала к капиталу, «приносящий проценты капитал — это капитал *как собственность* в противоположность капиталу *как функции*» [17].

Отношение денежного капиталиста (собственника ссудного капитала) к промышленному капиталисту (функционирующему капиталу) находит свое выражение в выделении из прибыли процента и, следовательно, разделении прибыли на процент и предпринимательский доход (прибыль минус процент). Таким образом, в то время как прибыль является превращенной формой всей прибавочной стоимости, процент — только части ее. Разделение прибыли на две части, из которых одна достается промышленному капиталисту, а другая денежному, является непосредственной основой процента. Процент находит свое качественное определение, вытекающее из количественного разделения прибавочной стои-

---

[17] К. Маркс Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 417. См. также следующее замечание К. Маркса в работе «Теории прибавочной стоимости», ч. III (М., 1961, стр. 471—472):

«*Процент* выражает an sich именно бытие условий труда как *капитала* в их общественном антагонизме по отношению к труду и в их персонифицированной форме стоящих над трудом сил. Он резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта. Он представляет собственность на капитал, или голую собственность капитала как средство присвоения продуктов чужого труда, как власть над чужим трудом. Но он представляет этот характер капитала как нечто присущее ему вне самого процесса производства и отнюдь не являющееся результатом специфической определенности самого этого процесса производства. Он представляет его не в антагонизме по отношению к труду, а, напротив, вне всякого отношения к труду и как всего лишь отношение одного капиталиста к другому,— следовательно, как такое определение, которое является внешним и безразличным для самого отношения капитала к труду. Распределение прибыли между капиталистами рабочему как таковому безразлично. Таким образом, в *проценте*, в той форме прибыли, где *антагонистический характер* капитала дает себе особое выражение, он дает себе такое выражение, в котором эта антагонистичность совершенно затушевана и которое прямо и определенно оставляет ее в стороне. Процент выражает способность денег, товаров и т. д. увеличивать свою собственную стоимость, он выражает прибавочную стоимость как нечто вырастающее из денег и товаров, как их естественный плод, т. е. он является всего лишь выражением мистификации капитала в ее самой крайней форме. А поскольку, помимо этого, он вообще выражает общественное отношение *как таковое*, он выражает лишь отношение между капиталистами, а отнюдь не отношение между капиталом и трудом».

мости. «Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод процессирующего капитала, капитала действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо, применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что процент притекает к денежному капиталисту, кредитору, являющемуся просто собственником капитала, т. е. просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, не собственнику капитала»[18].

Это обстоятельство, а именно то, что ссудный капитал приносит процент независимо от использования данной ссужаемой суммы денег как капитала, имеет огромное значение; только правильное понимание этого факта дает возможность выяснения как теоретических, так и практических проблем кредита, вместе с тем оно может служить гарантией как от заблуждений тех, кто в ссудном капитале видит чудодейственную силу умножать человеческое богатство до беспредельности и бесконечности, так и заблуждений той вульгарной экономии, которая не видит различия между ссудным капиталом и капиталом реальным, которая всерьез утверждает, что движение ссудного капитала есть движение вещного капитала. Это старое представление вульгарной политической экономии, к сожалению, вновь преподносится некоторыми новейшими теориями кредита, правда, с прибавкой «тонких» изысканий в области психологии и человеческих «склонностей».

Ввиду того, что трактуемое нами здесь различие между промышленным и ссудным капиталом имеет огромное значение, мы позволим себе привести еще цитату из Маркса. Это тем более позволительно, что до сих пор учение Маркса о кредите мало подверглось еще разработке и учениками Маркса.

На стр. 419—420 третьего тома, части первой «Капитала» мы читаем:

«Капитал, приносящий проценты, оказывается таковым лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и поскольку производится избыток, часть которого есть процент. Но это не исключает того, что с ним независимо от процесса производства срастается свойство приносить проценты. Ведь рабочая сила также обнаруживает свою спо-

[18] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 411.

собность производить стоимость лишь тогда, когда она действует и реализуется в процессе труда; но это не исключает того, что она сама по себе, потенциально, как способность, есть деятельность, которой создается стоимость, и как таковая она не возникает лишь из процесса, а, напротив, служит предварительным условием процесса. Она покупается как способность создавать стоимость. Но ее можно купить не только для того, чтобы заставлять производительно работать, но, например, и для чисто личных целей, для услуг и т. д. Так и с капиталом. Это уже дело заемщика, использовать ли капитал как капитал, т. е. фактически привести в действие связанное с ним свойство производить прибавочную стоимость. Оплачивает он в обоих случаях прибавочную стоимость, которая сама по себе, в возможности, заключается в товаре капитал».

Отсюда же вытекает следующее чрезвычайно важное обстоятельство. Прибыль выражает отношение капитала к труду. Процент этого отношения непосредственно не выражает, хотя его существование и определяется наличностью этих отношений. «. . . та форма, которую обе части прибыли, т. е. прибавочной стоимости, принимают как процент и предпринимательский доход, не выражает отношения к труду, потому что это отношение существует лишь между ним и прибылью, или точнее, прибавочной стоимостью как суммой, как целым, как единством обеих этих частей» [19].

И в другом месте:

«. . . в форме процента эта противоположность наемному труду стирается, потому что приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор как таковой прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспроприированы средства производства» [20].

Различие между ссудным и промышленным капиталом, таким образом, вытекает из различия между процентом и прибылью как выразителями различных производственных отношений, различных типов социальной связи.

Ссудный капитал — это денежный капитал, т. е. капитал в форме денег. Но отсюда не следует, что ссудный капитал является только суммой денег, или суммой покупательных или платежных средств. Ссудный капитал — деньги, но не только деньги, ссудный капитал — и деньги, и капитал. Отсюда следует, что ссудный капитал должно рассматривать с двух точек зрения: как деньги и как капитал.

---

[19] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 419.

[20] Там же, стр. 417.

Как деньги ссудный капитал представляет собой сумму покупательных и платежных средств, сумму притязаний, могущих быть реализованными в товары. Владелец ссудного капитала может использовать его как деньги для приобретения товаров, удовлетворяющих ту или иную его потребность. Объектом кредитной сделки, заключаемой денежным капиталистом и промышленным капиталистом, является ссудный капитал, но заемщиком этот ссудный капитал используется прежде всего как деньги для приобретения средств и орудий производства и рабочей силы. Владелец ссудного капитала может предъявить спрос на имеющиеся и циркулирующие на рынке товары.

С этой точки зрения увеличение или уменьшение ссудного капитала означает увеличение или уменьшение массы орудий обращения. Правда, мы имеем здесь дело со своеобразными орудиями обращения, кредитными орудиями обращения, на чем мы подробнее остановимся впоследствии. Это своеобразие проявляется как в их природе, так и в их возникновении и функционировании.

Увеличение банковских ссуд означает увеличение массы покупательных и платежных средств, увеличение массы притязаний на циркулирующие в обороте реальные стоимости. Если Иванов получил ссуду в банке, это означает, что он получил в свое распоряжение определенное количество денег, которыми он может удовлетворить те или иные потребности, предъявить спрос на товарном рынке. Иногда увеличение суммы притязаний у Иванова связано с соответственным уменьшением такой же суммы притязаний у другого лица. Но это не всегда так. Возможно и создание новых орудий обращения, до сих пор в наличности не имевшихся. Каким образом это возможно — вопрос другой, который нами будет рассмотрен впоследствии. Сейчас только ограничимся указанием на то, что здесь отнюдь не проявляется произвольная воля распоряжающихся ссудным капиталом, а эта возможность, как и мера той возможности, определяется объективными условиями производства и воспроизводства капитала. Поэтому увеличение ссудного капитала означает увеличение орудий обращения не только с частнохозяйственной точки зрения, но и с точки зрения народнохозяйственной [21].

Рассматриваемый таким образом, т. е. как орудие обращения, как масса покупательных и платежных средств, ссудный капитал в своем движении подчиняется закономерностям денежного обращения. Эти закономерности проявляются в следующих направлениях.

Во-первых, существует определенная связь между массой орудий обращения и процессом кругооборота капитала и общего то-

---

[21] Подчеркиваем — мы все время говорим не о деньгах в полном смысле этого слова, а о деньгах как орудии обращения. О различии тех и других см. мою работу «Бумажные деньги».

варооборота. Процесс кругооборота капитала обусловливает как процесс циркуляции орудий обращения, так и массу этих последних. Здесь, следовательно, связь причины и следствия.

Во-вторых, существует определенная связь между массой орудий обращения и наличными деньгами, под которыми мы здесь разумеем металлические деньги, т. е. деньги, выступающие в роли всеобщего эквивалента, которые стало быть выполняют все присущие всеобщему эквиваленту функции. Базой циркуляции орудий обращения (в данном случае кредитных орудий обращения) являются металлические, золотые деньги.

Эти связи создают равновесие в системе орудий обращения, но это равновесие, как и всякое другое равновесие, может быть нарушено, больше того, это равновесие достигается только через постоянное его нарушение. Возможна и инфляция орудий обращения, т. е. избыток орудий обращения в сравнении с потребностью, обнаруживаемой процессом товарооборота и кругооборота капитала.

Ссудный капитал как сумма денег находится в определенной связи как с процессом производства и воспроизводства капитала, так и суммой наличных денег. Но эта связь может нарушаться и в действительности постоянно нарушается. Одна из своеобразных черт ссудного капитала как орудий обращения как раз заключается в том, что в то время как инфляция обычных орудий обращения не связана органически с капиталистической системой, хотя возможна (бумажно-денежная инфляция), инфляция ссудного капитала как орудий обращения, инфляция кредитных орудий обращения, не только возможна, но и неизбежна в силу противоречий, заложенных в самом ссудном капитале.

До сих пор мы рассматривали ссудный капитал просто как деньги, как сумму покупательных и платежных средств, но ссудный капитал можно рассматривать и с другой точки зрения, не только как сумму покупательных и платежных средств, но и как таковой, т. е. как ссудный капитал. Сумма денег (покупательных и платежных средств) как ссудный капитал есть капитал, приносящий процент. Ссудный капитал есть не только притязание на товары, как всякая сумма денег, но и притязание на доход (процент). Владелец ссудного капитала обладает возможностью не только приобрести товары и тем удовлетворить свои потребности (как всякий владелец покупательных и платежных средств), но и возможностью получать процент. С этой точки зрения всякое увеличение или уменьшение ссудного капитала означает увеличение или уменьшение не только спроса на товары, но и массы притязаний на прибавочную стоимость, или, вернее, на долю прибавочной стоимости. Эта характеристика ссудного капитала является основной. И эта характеристика имеет абсолютное значение, поскольку, как мы видели, самая возможность возрастания (движения) каждой отдельной массы ссудного капитала осущест-

вляется независимо от того, используется ли данная масса ссудного капитала как действительный капитал или нет.

Наличие определенной системы общественных отношений гарантирует получение ссудным капиталом процента. Вся масса циркулирующего ссудного капитала является массой притязаний на доход, на часть производимой совокупной прибавочной стоимости. Всякая часть совокупного ссудного капитала обладает пропорциональной долей этого притязания.

Рассматриваемый с этой точки зрения ссудный капитал подчиняется уже другим закономерностям. Поскольку ссудный капитал является притязанием на прибавочную стоимость (на известную ее долю), постольку движение ссудного капитала подчиняется закономерностям движения этой прибавочной стоимости, воспроизводит, следовательно, непосредственные отношения капитала. Рассматриваемый в такой связи ссудный капитал отображает если не непосредственно производство прибавочной стоимости, то ее присвоение и главным образом распределение.

Мы ранее указывали, что возможна инфляция ссудного капитала как суммы покупательных и платежных средств. Но возможна также инфляция денег как ссудного капитала. Первая инфляция есть показатель избытка орудий обращения в сравнении с потребностями товарооборота, результат противоречия между массой орудий обращения и движением капитала, вторая — показатель избытка ссудного капитала в сравнении с реальным, результат противоречия между ссудным капиталом и движением прибавочной стоимости [21а].

Распределение ссудного капитала как суммы покупательных и платежных средств между отдельными капиталистами означает распределение притязаний на товары. Стало быть, ссудный капитал отображает распределение наличного богатства нации. Кто владеет большей массой ссудного капитала, тот имеет возможность приобрести большую массу товарных стоимостей.

Распределение массы денег как ссудного капитала между отдельными капиталистами означает распределение притязаний на прибавочную стоимость. С этой точки зрения ссудный капитал отображает распределение (между капиталистами) прибавочной стоимости. Кто владеет большей массой ссудного капитала, тот имеет возможность овладеть большей массой получаемого обществом так называемого национального дохода.

Ссудный капитал, таким образом, двойствен по своей природе. Его движение связано как с движением товарооборота, так и с движением производимой в обществе прибавочной стоимости. Движение товаров и движение прибавочной стоимости суть две

[21а] Под «инфляцией ссудного капитала» автор по существу понимает характерный для определенных фаз капиталистического цикла избыток ссудного капитала. Такая терминология в нашей экономической литературе обычно не применяется (*Прим. ред.*).

стороны одного и того же явления: кругооборота капитала. Следовательно, указанная двойственность природы ссудного капитала вовсе не означает дуализма, здесь мы видим единство в противоположности.

Как деньги являются абстрактной формой богатства, так и ссудный капитал является абстрактной формой притязаний на прибавочную стоимость. Как в деньгах стирается всякое различие между отдельными конкретными видами труда, так в ссудном капитале стирается всякое различие в конкретном использовании ссудного капитала как капитала. Как в деньгах именно потому, что они являются абстракцией от конкретного специфического труда, отображается социальный характер отношений товаропроизводителей, так и в ссудном капитале именно потому, что он является возрастающей стоимостью независимо от конкретных форм своего использования, отображается капиталистический характер присвоения прибавочной стоимости.

Глава третья

ФОРМЫ КРЕДИТА

1

Не противоречит ли данное нами определение кредита как производственного отношения ссудного капитала факту существования и других форм кредита? Наше определение непосредственно характеризует в сущности так называемый банкирский кредит. Но, кроме банкирского кредита, существует, как известно, еще и коммерческий кредит.

Мы полагаем, что данное нами определение вовсе не отрицает наличия в условиях современного хозяйства и других форм кредита, т. е. наличия производственных отношений, возникающих на основе сделок ссуд, непосредственно не осуществляющих движения ссудного капитала.

Дело заключается в том, что экономическое определение вовсе не должно охватывать всех форм отношений, а только типические. Если же типические формы являются к тому же преобладающими и господствующими, то определение, данное на основе типических форм, можно считать исчерпывающим. Данное нами определение кредита как раз характеризует т и п и ч е с к и е и в то же время г о с п о д с т в у ю щ и е формы кредитных отношений современного хозяйства.

Следует различать две принципиально отличные, имеющие различное социальное содержание, имеющие различное народнохозяйственное значение и народнохозяйственный эффект, формы кредита: так называемый банкирский кредит и коммерческий кредит.

Под банкирским кредитом в дальнейшем понимается кредит, посредством которого н е п о с р е д с т в е н н о осуществляется движение ссудного капитала; под коммерческим же кредитом понимается кредит, при котором путем сделок ссуды н е п о с р е д с т в е н н о осуществляется движение промышленного (и торгового) капитала.

Банкирский кредит вовсе не обозначает, что субъектом кредитного отношения выступает обязательно банк. Субъектом этого кредита может быть и не банк. Существенным является то, что

при этом кредите непосредственно осуществляется движение ссудного капитала.

Уже из этого первоначального, далеко еще не полного, определения той и другой формы кредита ясно, что тот и другой кредит характеризуют различные производственные отношения.

Выяснению различия этих форм кредита, их значения, их взаимного отношения посвящается настоящая глава.

2

Под банкирским кредитом, как мы указывали, разумеется кредит, осуществляющий движение ссудного капитала, стало быть, кредит, оказываемый денежными капиталистами непосредственно или через посредство банков, или же самими банками, функционирующим, т. е. промышленным и торговым, капиталистам. В качестве должника в этом случае выступает, следовательно (как общее правило), функционирующий капиталист, в качестве кредитора может выступить банк, может выступить денежный капиталист, собственник денежного капитала. При банкирском кредите цель кредитора заключается не в реализации его товаров, а в получении процентов на ссужаемый им денежный капитал. При банкирском кредите мы имеем дело исключительно со сделкой ссуды, никакой купли-продажи при этом нет. Налицо ссуда денежного капитала — и больше ничего.

Совершенно другое наблюдаем мы при коммерческом кредите. Под коммерческим кредитом надо понимать кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами как таковыми, в порядке реализации товаров; здесь в качестве кредиторов и в качестве должников выступают функционирующие капиталисты. Фабрикант A продает свой товар B в кредит. Происходит реализация товара, продажа товара. Но продажа совершается в кредит, т. е. возврат эквивалента отсрочен. Цель всей сделки для кредитора, в нашем примере фабриканта A, заключается в реализации имеющегося у него товара, в продаже этого товара. В основном здесь сделка купли-продажи, но эта сделка купли-продажи сопровождается сделкой ссуды. Сделка ссуды в этом случае не является основной, имеющей самостоятельное значение, а только осложняющей, облегчающей осуществление основной цели — реализации товара, облегчающей основную сделку, куплю-продажу.

Рассматривая кредитную сделку между двумя функционирующими капиталистами, нетрудно видеть, что одна и та же сделка означает для одного капиталиста реализацию его товара, превращение товара в деньги, акт обращения $Т—Д$ с отсрочкой получения денег, для другого капиталиста та же сделка означает превращение денег в товар, акт обращения $Д—Т$ с отсрочкой уплаты денег. Фабрикант A продает B ткацкую машину в кредит. Для A эта

сделка означает реализацию товара, хотя и с отсрочкой получения денег, для *B* сделка означает покупку товара с отсрочкой уплаты денег. Всякая меновая сделка создает связь между различными сферами производства; при меновой сделке, осложненной сделкой ссуды, создается не просто связь, но происходит вторжение одной сферы производства в другую. Таковы результаты осложнения купли-продажи сделкой ссуды, но в основном при коммерческом кредите происходит сделка купли-продажи, ссуда же только осложняет сделку купли-продажи, но не изменяет ее существа.

При банкирском кредите, таким образом, основной самостоятельной сделкой является сделка ссуды; при коммерческом кредите основной является сделка купли-продажи. Банкирский кредит осуществляет связь между денежными и функционирующими капиталистами, коммерческий кредит осуществляет непосредственную связь между функционирующими капиталистами, т. е. капиталистами, занятыми в процессе воспроизводства.

При банкирском кредите мы имеем уже дело с особым обособленным типом общественных отношений, здесь роли кредитора и должника уже не являются случайными, выполняемыми попеременно одними и теми же лицами, здесь роли кредиторов — должников прочно закрепляются за определенными агентами процесса воспроизводства капитала. В отношениях между денежными и функционирующими капиталистами первые выступают только как собственники, вторые — как функционеры. Денежный капиталист, и такова его общественная роль, всегда выступает как контрагент кредитной сделки, сделка ссуды — единственная форма обращения его капитала. Функционирующий же капиталист выступает также и контрагентом сделок купли-продажи; сделка ссуды является одной из форм обращения его капитала. При банкирском кредите мы имеем, таким образом, максимальную кристаллизацию кредитных отношений.

Иное при коммерческом кредите. Так как контрагентами этого кредита являются функционирующие капиталисты, роли кредитора — должника выполняются здесь попеременно одними и теми же лицами, как и роли продавца — покупателя. Каждый функционирующий капиталист выступает то как продавец — покупатель, то в роли кредитора — должника. Роли кредитора — должника здесь еще не закреплены за определенными агентами процесса воспроизводства капитала. Каждый функционирующий капиталист, как пишет Маркс, «оказывает кредит одной рукой и получает кредит другой». Каждый контрагент кредитной сделки выступает и как собственник, и как функционер, здесь капитал-собственность еще не отделен от капитала-функции, ссудный и промышленный капитал здесь идентичен.

Поэтому-то характер отношений банкирского кредита и коммерческого кредита различен; при коммерческом кредите мы имеем уже специфическое производственное отношение, но оно еще не

обособлено, при банкирском же кредите мы уже имеем особое обособленное производственное отношение.

Сказанное имеет, заметим кстати, большое значение для понимания генетической связи коммерческого и банкирского кредита. В обоих случаях мы имеем капиталистический кредит. Но в коммерческом кредите нет еще особого обособленного типа производственных отношений, хотя возможность такого обособления в нем уже дана, так же как в нем дана возможность отделения капитала-собственности от капитала-функции. То, что при коммерческом кредите является только возможностью, делается при банкирском кредите действительностью: отделение капитала-собственности от капитала-функции и отсюда законченность, завершенность, кристаллизация кредита, кредитных отношений.

Отсюда и различное народнохозяйственное значение той и другой формы капиталистического кредита.

Банкирский кредит осуществляет движение ссудного капитала. Объектом банкирского кредита является денежный ссудный капитал. В движении ссудный капитал возрастает. Банкирский кредит имеет объективной своей целью и результатом возрастание приводимого в движение ссудного капитала. Объекты сделок при коммерческом кредите — товары, как стоимости и потребительные стоимости. Товары, являющиеся объектами сделок при коммерческом кредите, могут быть капиталом для кредитора или же для должника или даже и для того, и для другого. Но при коммерческом кредите эти товары движутся не как капитал, не как возрастающая в своем движении стоимость, а только как носители стоимости и потребительной стоимости. При коммерческом кредите стоимость не возрастает, а только изменяет свою форму, как это бывает при каждой сделке купли-продажи. Ведь основной сделкой при коммерческом кредите является купля-продажа. При коммерческом кредите нет самостоятельного движения капитала как товара, а только осуществляется метаморфоз товара и денег в кругообороте промышленного и торгового капитала.

При банкирском кредите происходит движение денежного капитала как товара; при коммерческом кредите происходит движение товара как товарной формы капитала.

3

Поэтому-то процент — как особый вид капиталистического дохода — характеризует банкирский кредит, но он имманентно не присущ кредиту коммерческому. Факт же начисления процентов при коммерческом кредите есть только рефлекс отношений ссудного капитала.

Что процент присущ банкирскому кредиту, вытекает из того, что банкирский кредит осуществляет движение ссудного капитала, а ссудный капитал есть капитал, приносящий проценты, т. е.

особое производственное отношение, особая специфическая и экономическая связь денежных и функционирующих капиталистов, которая находит свою характеристику в разделении прибыли на процент и предпринимательский доход, стало быть, в возникновении специфической формы капиталистического дохода — процента. Процент как форма дохода есть конститутивный признак ссудного капитала, отсюда ясно, что банкирский кредит характеризуется процентом.

Иначе обстоит дело с коммерческим кредитом, т. е. кредитом, который, согласно определению Маркса, «оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства», т. е. функционирующие капиталисты. Как было указано выше, и при коммерческом кредите мы имели дело с движением капитала, но коммерческий кредит выступает как раз в той фазе этого движения, когда капитал выступает только как товар или только как деньги. В этой фазе товар как форма капитала включает уже прибавочную стоимость, и здесь его стоимость уже не возрастает. Капиталист продает произведенный в его предприятии товар (T) — здесь мы имеем уже возросшую в процессе производства стоимость. И этот товар отчуждается покупателю не как капитал, имеющий специфическую потребительную стоимость — в своем движении возрастать, приносить своему владельцу прибавочную стоимость, — а только как товар. «Как только производительный капитал превратится в товарный капитал, он должен быть выброшен на рынок, продан как товар. Здесь он функционирует просто как товар. Капиталист выступает в данном случае лишь как продавец товара, подобно тому, как покупатель — лишь как покупатель товара. Как товар продукт должен в процессе обращения посредством продажи реализовать свою стоимость, принять свой превращенный вид, вид денег. Поэтому также совершенно безразлично, покупается ли этот товар потребителем в качестве жизненного средства или капиталистом в качестве средства производства, как составная часть капитала. В акте обращения товарный капитал функционирует лишь как товар, не как капитал» [1].

То, что уплата за этот товар отсрочена, не изменяет того обстоятельства, что в сделке коммерческого кредита происходит движение товара, а не капитала, точнее — товара как капитала, а не капитала как товара. «Товара как капитала» потому, что этот товар может быть для продавца или для покупателя, или же для того и другого, формой капитала. В сделке коммерческого кредита самой по себе как продавец, так и покупатель выступают товаровладельцами, и объектом их сделки является товар. Поэтому процент как специфическая форма дохода, характеризующая специфическое производственное отношение, чужд этой сделке.

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 375.

В полемике с буржуазными экономистами Маркс подчеркивает это обстоятельство. «В самом деле, — пишет К. Маркс, — только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента. . .» [2].

Без уяснения этого обстоятельства невозможно понять, почему ссудный капитал является особой формой капитала и почему отношение ссудного капитала есть особое обособленное специфическое производственное отношение. Без уяснения этого обстоятельства неизбежен скат к самому вульгарному пониманию ссудного капитала, каковое свойственно как тем экономистам, с которыми вел борьбу Маркс, так и современной буржуазной политической экономии. Без уяснения этого обстоятельства остается непонятной марксова классификация кредита и неизбежно сползание на обычную буржуазную классификационную схему, согласно которой кредит различается по тому, является ли объектом кредитных сделок товар или же деньги, классификацию на товарный и денежный кредит [3].

Процент есть часть прибыли. Из количественного деления прибыли на процент и предпринимательский доход вытекает качественная характеристика процента. Количественно процент определяется спросом и предложением ссудного капитала и только ссудного капитала. Коммерческий кредит, который непосредственно осуществляет движение промышленного капитала, не участвует в установлении процента, а отсюда также непосредственно вытекает, что процент ему чужд. Поэтому-то «. . . категория процента, невозможная без определения ставки процента, сама по себе чужда движению промышленного капитала» [4], поэтому-то категория процента возникает только в отношениях между денежными и функционирующими капиталистами, ибо «. . . только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает ставку процента» [5].

Коммерческому кредиту как таковому процент не присущ, но это не значит, конечно, что сделки по коммерческому кредиту совершаются без начисления процентов. В конкретных сделках коммерческого кредита процент начисляется, но это начисление происходит как результат влияния ссудного капитала. Процент при коммерческом кредите не вытекает из природы данной формы кредита, а является рефлексом отношений ссудного капитала.

---

[2] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 406.

[3] Приходится пожалеть, что и некоторые марксисты имеющую глубокое социальное содержание марксову классификацию укладывают в вульгарное ложе буржуазных классификационных схем.

[4] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 406.

[5] Там же.

Иначе говоря, если бы не было ссудного капитала как особой формы капитала, основной характеристикой которого является процент, этот последний не был бы при коммерческом кредите.

«Самодовольному вздору» господина Нормана, утверждающего, что «разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента», Маркс решительно противопоставляет: «Наоборот. Существующая ставка процента, регулирование которой пытается разъяснить гений Нормана, определяет разницу между ценой за наличный расчет и ценой в кредит до истечения срока» [6].

При сделках коммерческого кредита всегда начислялся процент, но это потому, что ссудный капитал возникает на самой заре капиталистического хозяйства, а его предтеча — капитал, приносящий проценты в форме ростовщического капитала, даже предшествует капиталистическому способу производства.

Только вульгарному экономисту, который способен видеть лишь поверхность явлений, кажется, что каждой форме кредита присущ процент, благо таким представлением сглаживается ряд противоречий капиталистического способа производства.

4

При банкирском кредите ссудный капитал противопоставляется промышленному капиталу; при коммерческом кредите то, что ссужается, идентично с капиталом промышленным. «Итак, то, что здесь (при коммерческом кредите. — *И. Т.*) ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, в которой он для своего владельца является просто товарным капиталом, т. е. капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь посредством кредита осуществляется метаморфоза товара: не только *Т—Д*, но также *Д—Т* и действительный процесс производства».

«Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тожественны; капиталы, данные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок» [7].

---

[6] Там же, стр. 460.

[7] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 495.

Движение ссудного капитала (банкирский кредит) опирается на движение капитала реального. Но банкирский кредит, осуществляя движение ссудного капитала, не только отображает движение реального капитала, но, как мы это еще увидим, является своеобразным, свойственным капиталистической системе хозяйства, методом распределения реальных капиталов. Коммерческий же кредит только осуществляет движение реального капитала, точнее, обслуживает процесс товарооборота, осуществляет фазы обращения реального капитала, изменение функциональных его форм.

Банкирский кредит осуществляет движение освобождающегося денежного капитала из кругооборота промышленного капитала, так называемого праздного капитала. То же, что ссужается при коммерческом кредите, вовсе не является праздным, не занятым в кругообороте денежным капиталом. Наоборот, то, что здесь ссужается, занято в процессе кругооборота капитала.

К банкирскому кредиту промышленный капитал обращается потому, что в обороте промышленного капитала ощущается н е д о с т а т о к денежного капитала. Коммерческий же кредит оказывается возможным потому, что в сфере производства оказывается и з о б и л и е капитала, хотя и занятого, не праздного. Коммерческий кредит возникает в сфере движения самого промышленного капитала в той мере, в какой в ней ощущается изобилие капитала, как товарного, так и денежного.

Банкирский кредит может предоставить промышленному капиталу дополнительный, возникающий из других источников, денежный капитал. Коммерческий кредит ограничивается рамками того капитала, который уже занят в кругообороте промышленного капитала.

Банкирский кредит осуществляется за счет свободного, не занятого в процессе производства и обращения капитала. Коммерческий кредит осуществляется за счет занятого в кругообороте капитала. «Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилия свободных капиталов, предлагаемых в ссуду и ищущих прибыльного помещения, — оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, посредством кредита осуществляется здесь: 1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку дело идет о купцах, — транспорт и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар» [8].

---

[8] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 496.

Отсюда совершенно очевидны границы коммерческого кредита. С точки зрения отдельного функционирующего капиталиста границы кредита, который он может оказывать, определяются имеющимися у него резервами, обслуживающими оборот его капитала в тот промежуток времени, в течение которого он должен ожидать возврата ему эквивалента. А так как он в то же время пользуется кредитом, то, очевидно, сумма этих резервов должна быть равна разности между суммой его долговых требований и суммой его задолженности. С точки же зрения всего капитала, поскольку коммерческий кредит осуществляется внутри функционирующего капитала, границы этого кредита определяются степенью достигнутой пропорциональности между отдельными отраслями производства. Чем больше эта пропорциональность нарушается, тем больше суживаются границы коммерческого кредита. В ходе промышленного цикла, который представляет собой постоянное нарушение и насильственное восстановление единства процесса производства и процесса обращения, границы коммерческого кредита то расширяются, то суживаются. В начальный период подъема коммерческий кредит достигает максимума своего развития, в период кризиса он падает до минимума.

5

Коммерческий кредит развивается на всем протяжении капиталистического хозяйства, он является одной из форм процесса воспроизводства (кругооборота) капитала. Значимость коммерческого кредита в процессе развития капиталистического хозяйства не умаляется.

Но, с другой стороны, коммерческий кредит все менее и менее проявляется в чистом своем виде, он все более и более осложняется кредитом банкирским. Факт этого осложнения имеет огромное значение: он видоизменяет отношение между обеими формами кредита, он увеличивает значение ссудного капитала, он изменяет отношения между банками (как предприятиями, объектом деятельности которых является ссудный капитал) и промышленностью. В той новой роли, которую играют банки в эпоху империализма, исчерпывающе охарактеризованной Лениным в его работе об империализме и на чем нам в дальнейшем придется остановиться подробнее, как раз и проявляется изменение соотношения между ссудным и промышленным капиталом, между банкирским кредитом, осуществляющим непосредственно движение ссудного капитала, и коммерческим кредитом, осуществляющим непосредственно движение капитала, «находящегося в определенной фазе процесса воспроизводства».

В чем же проявляется осложнение (переплетение) коммерческого кредита банкирским?

Коммерческий кредит, как выше было указано, обслуживает метаморфоз товаров и денег. Промышленный капиталист *А* про-

дает свои товары B в кредит. Получение эквивалента отсрочено. Вместо денег капиталист получает долговое обязательство — вексель. Вексель — это как раз тот кредитный документ, который вырастает из коммерческого кредита.

Для капиталиста A получением векселя от купца B не заканчивается кругооборот его капитала. Превращение товара в деньги ($Т—Д$) предшествует и обусловливает возможность превращения денег в товар ($Д—Т$). Фабрикант продает ткани ($Т$) для того, чтобы на вырученные деньги ($Д$) приобрести, положим, хлопок. Общезначимыми орудиями приобретения товаров (в нашем примере хлопка) являются деньги. При кредитной сделке капиталист денег не получил, стало быть, обращение его капитала (превращение товарной формы капитала в денежную) еще не завершено. Вместо денег у него долговое обязательство, только право на получение денег через известный промежуток времени. В пределах имеющихся у него резервов он может ждать получения денег без нарушения непрерывности процесса кругооборота капитала. За пределами имеющихся у него резервов или же при отсутствии у него резервов, для того чтобы не прекращать ход воспроизводственного процесса, он должен или на имеющиеся у него долговые обязательства (векселя) покупателя его товаров непосредственно приобрести нужный ему товар (хлопок в нашем примере), или же превратить предварительно эти обязательства в деньги, с помощью которых приобрести нужные ему товары (хлопок).

Фабрикант A, продав товары купцу B и получив от этого последнего вексель, может купить у плантатора C хлопок и уплатить ему векселем B. Деньги в этом случае являются только средством для покупки товаров; если такую покупку можно произвести посредством векселя, кругооборот капитала A может быть завершен без всякого участия денег. В процессе кругооборота промышленный капитал не приобретает формы денег. Вместо денег выступает долговое обязательство — вексель. В данном случае векселя выполняют функции орудий обращения.

В нашем примере кругооборот капитала A завершен без участия денег. Вексель перешел к C. Этот последний в свою очередь должен превратить хлопок в деньги, чтобы на вырученные деньги приобрести нужные ему товары, положим у $Д$. И в этом случае возможна расплата с $Д$ имеющимся теперь у C векселем B. Кругооборот капитала C завершен без денег. Вексель перешел к $Д$, который в свою очередь может купить товар у B и уплатить ему полученным им векселем. Получится следующий круг:

B покупает у A и передает ему вексель.
A покупает у C и передает ему вексель B.
C покупает у $Д$ и передает ему тот же вексель.
$Д$ покупает у B и передает ему тот же вексель.

Нетрудно заметить, что в этом случае оборот четырех индивидуальных капиталов завершается без всякого участия денег. Для такого завершения необходимо совпадение участников круга, сроков сделок и суммы этих последних. Коммерческий кредит в этом случае замыкает круг без всякого участия денег. В этом случае коммерческий кредит проявляется в чистом своем виде, не осложненный кредитом банкирским.

Совпадение сроков покупок и продаж, совпадение суммы сделок по коммерческому кредиту, совпадение участников замыкающихся без участия денег кругооборотов индивидуальных капиталов встречается только в виде исключения. Поэтому на таком совпадении коммерческий кредит развиваться не может. Его развитие в конечном счете базируется или на имеющихся у функционирующих капиталистов денежных резервах, или же на возможности превращать долговые обязательства (векселя) до срока их погашения в деньги.

Такое превращение векселей в деньги осуществляется денежными капиталистами, чаще всего банками. Промышленник полученный им вексель учитывает в банке и получает деньги. Для промышленника кругооборот его капитала этим завершается, кредитные отношения между двумя функционирующими капиталистами заменяются отношением между денежным и промышленным капиталистом. Кредит, объектом которого был товар, заменяется кредитом, объектом которого является ссудный капитал.

Для *А*, который учел в банке вексель *В*, данная сделка не является займом, его капитал переменил только форму. С точки зрения *А* вся сделка представляется не ссудой, а скорее сделкой купли-продажи. Эту чрезвычайно важную сторону вопроса правильно подчеркнул Ф. Энгельс в своих дополнениях в III томе «Капитала». «Если банк соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения. . .», клиент получает от банка «не только деньги, но и денежный *капитал*».

«Если же он (клиент банка. — *И. Т.*) получает ссуду, выданную под залог ценных бумаг и т. п., то это — ссуда в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. . . Здесь, следовательно, перед нами ссуда *денег*, а не капитала».

«Если ссуда выдается под учет векселей, тогда исчезает и *форма* ссуды. Налицо простая купля-продажа. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги с помощью векселя или другого орудия кредита, то это такая же ссуда, не больше и не меньше, как если бы он купил наличные деньги за какой-нибудь другой товар: хлопок, железо, хлеб. И всего меньше может быть тут речь о ссуде *капитала*. Всякая купля-

продажа между торговцами есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала совершается не взаимно, а односторонне и на срок. Поэтому ссуда капитала посредством учета векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и который не берет ни один банкир, раз он знает, что́ это за вексель. Следовательно, в нормальной учетной сделке клиент банка не получает никакой ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар» [9].

То, что в первом и во втором случаях происходит движение ссудного капитала, хотя в первом случае налицо ссуда капитала, а во втором — ссуда денег, совершенно очевидно. Напомним, что, как это мы подробно выяснили ранее, вследствие двойственности характера ссудного капитала, представляющего, с одной стороны, сумму покупательных и платежных средств, а с другой — капитал, движением ссудного капитала может осуществляться как ссуда денег, так и ссуда капитала.

Но как обстоит дело в третьем случае? Энгельс подчеркивает, и совершенно справедливо подчеркивает, что банк и лицо, представившее к учету вексель, совершили сделку купли-продажи. Но нетрудно заметить, что в результате этой сделки купли-продажи возникло новое кредитное отношение, отношение между банком и векселедателем. Банк уже теперь стал кредитором векселедателя, последний же — должником банка.

Иванов учитывает в банке вексель Петрова. Если рассматривать отношения между банком и Ивановым, то совершенную ими сделку надо квалифицировать как сделку купли-продажи. Но этой сделкой банк заместил Иванова: раньше кредитором был Иванов, теперь кредитором стал банк. Создалось новое отношение между банком и Петровым, отношение кредитора и должника. Сделка коммерческого кредита замещена сделкой банкирского кредита. Стало быть, и в этом случае, при учете векселя, независимо от того, будет ли здесь ссуда денег или ссуда капитала, налицо движение ссудного капитала.

При учете векселя происходит превращение товарной ссуды в денежную. Сделка, имевшая целью реализацию товара, закончена, так как Иванов, продавец товара, деньги получил. Но возникло новое кредитное отношение, отношение между банком (денежным капиталистом) и Петровым (функционирующим капиталистом). Коммерческий кредит здесь осложняется и замещается кредитом банкирским.

Совершение этой операции посредством коммерческого кредита и последующего учета векселя имеет следующее объяснение и обоснование. Во-первых, при этом банк (денежный капиталист)

---

[9] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 471—472.

гарантирован вдвойне: он имеет право требовать возврата ссуженной суммы у Петрова, а если бы Петров не уплатил, банк может требовать у Иванова. Кроме того, во-вторых, то обстоятельство, что в этом случае сделка ссуды сопровождает сделку купли-продажи, дает гарантию производительного применения ссуженной банком денежной суммы.

Банкирский кредит здесь сопровождает и осложняет кредит коммерческий.

Значение этого осложнения проявляется прежде всего в том, что оно раздвигает границы коммерческого кредита. Как мы видели, эти границы при чисто коммерческом кредите, не осложняемом банкирским, определяются денежными резервами промышленного капитала. Теперь функции этих резервов выполняет банковский капитал, стало быть, границы самого коммерческого кредита значительно раздвигаются.

То же и с границами коммерческого кредита, определяемыми обратным притоком капитала. Без банкирского кредита непрерывный ход производственного процесса находится в зависимости от обратного притока капитала, ссуженного одним функционирующим капиталистом другому; осложнение коммерческого кредита банкирским эту непосредственную зависимость уничтожает. Банкирский кредит, как это будет показано в дальнейшем, имеет свои собственные границы; при осложнении коммерческого кредита банкирским границы первого определяются границами второго. «. . . к этому коммерческому кредиту, — пишет К. Маркс, — присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. . . Таким образом для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала» [10].

Осложнение банкирским кредитом коммерческого имеет большое значение. Кредитная сделка, объектом которой был товар, заменяется кредитной сделкой, объектом которой уже являются деньги. Кредитная сделка, осуществлявшая отношение функционирующих капиталистов между собой, замещается сделкой, осуществляющей отношения между денежными и промышленными капиталистами. Кредитная сделка, обслуживающая движение товара как капитала, заменяется сделкой, осуществляющей движение денежного капитала как товара, ссудного капитала.

Замещение коммерческого кредита банкирским ведет за собой и следующее. Банкирский кредит осуществляет движение ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты. Процент не случайно сопутствует кредитной сделке, а имманентно присущ

[10] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 498.

ссудному капиталу. Осложнение коммерческого кредита банкирским ведет к тому, что и при коммерческом кредите начисляются проценты, причем этот процент определяется спросом и предложением ссудного капитала. Существующий в данное время ссудный процент образует разницу между ценой продажи в кредит и ценой при продаже за наличные.

6

Осложнение коммерческого кредита банкирским происходит на всех фазах развития капитализма, оно происходит и в начальной стадии развития капитализма, но, что чрезвычайно важно подчеркнуть, чем более развивается капиталистическое хозяйство, тем все более и более, все чаще и чаще коммерческий кредит осложняется кредитом банкирским.

Если сравнить период классического капитализма, т. е. период расцвета промышленного капитализма, с периодом финансового капитализма, то окажется, что в условиях первого, т. е. промышленного капитализма, осложнение коммерческого кредита банкирским, как бы часто оно ни происходило, все же было случайным, т. е. не вытекавшим обязательно из структуры промышленного капитала, в период же финансового капитализма это осложнение становится общим правилом [10а]. Объясняется это изменением структуры капиталов промышленных и торговых предприятий. Чем более развивается капиталистическое хозяйство, тем промышленный и торговый капитал все более и более пользуется заемным капиталом. В эпоху промышленного капитализма промышленники и торговцы работают главным образом с помощью собственного капитала, чужой капитал привлекается ими в сравнительно небольшом размере. В условиях финансового капитализма промышленники и торговцы работают в значительной мере за счет чужого, заемного капитала. В настоящее время далеко не редкостью является, когда в общем капитале промышленного или торгового предприятия чужой капитал составляет больше половины общего капитала, доходит до трех четвертей. Это значит, что в современных предприятиях очень часто заемный капитал равен или даже превосходит, а иногда и значительно превосходит, собственный капитал. Это правильно не только в отношении отдельных промышленных и торговых предприятий, но и в отношении ко всему совокупному промышленному и торговому капиталу. Совокупный промышленный и торговый капитал в огром-

---

[10а] И в эпоху домонополистического капитализма осложнение коммерческого кредита банкирским не было случайным. Узкие рамки вексельного обращения делали необходимым учет коммерческих векселей в банках, а посредством этого учета коммерческий кредит превращался в банковский (*Прим. ред.*).

ной своей доле представляет чужой, заемный капитал. Этот факт объясняется тем, что, с развитием финансового капитализма, характеризующимся огромным ростом и развитием банковой системы, рынок ссудных капиталов образуется не только за счет резервов и высвобождающихся денежных капиталов из кругооборота промышленного капитала, но и за счет других денежных средств.

Все более и более частое осложнение коммерческого кредита банкирским приводит к весьма важным результатам.

Чем больше коммерческий кредит осложняется кредитом банкирским, тем, с одной стороны, все больше и больше изменяется качественная характеристика коммерческого кредита и, с другой стороны, изменяется соотношение между той и другой формой кредита. Количество переходит в качество.

Изменение качественной характеристики коммерческого кредита выражается в том, что коммерческий кредит подвергается воздействию закономерностей движения ссудного капитала, т. е. банкирского кредита. Все те условия, которые определяют, регулируют движение ссудного капитала, непосредственно отражаются на коммерческом кредите. Теперь уже и при коммерческом кредите ссуда товаров представляется как ссуда денег, ссуда же денег как ссуда капитала. При коммерческом кредите объектом сделок является товар, но связь кредитора и должника складывается таким образом, как если бы объектом сделки был бы денежный капитал как товар, ссудный капитал, т. е. капитал, приносящий проценты.

Изменения соотношения между коммерческим и банкирским кредитом выражаются в том, что если прежде коммерческий кредит занимал господствующее положение, теперь банкирский кредит занимает господствующее положение; прежде банкирский кредит только потому и развивался, что развивался коммерческий кредит, теперь коммерческий кредит развивается лишь настолько, насколько возможно его осложнение кредитом банкирским.

Границы коммерческого кредита, определявшиеся раньше пределами собственных капиталов промышленных капиталистов, теперь раздвигаются за эти рамки и определяются закономерностями движения ссудного капитала. Это проявляется в большем размахе кредитных отношений в период подъема и соответственно в большем сужении этих отношений в период кризиса. Противоречия капиталистической системы все более обостряются, в частности резче обрисовываются и заостряются противоречия самого кредита.

Сказанным вовсе не умаляется значение коммерческого кредита. Это значение он сохраняет во всех стадиях развития капиталистического хозяйства. Дело заключается только в изменении его соотношений с развивающейся банкирской формой кредита.

Вместе с тем, это обстоятельство, т. е. осложнение коммерческого кредита банкирским, вовсе не означает, что движение того и другого развивается в одинаковом направлении. Осложнение коммерческого кредита банкирским происходит различным образом в зависимости от фаз народнохозяйственного цикла.

Поэтому, заметим кстати, изучение изменений связи между коммерческим и банкирским кредитом особенно важно при анализе циклов, с другой стороны, изучение этих циклов дает ключ к пониманию природы и взаимоотношения между той и другой формой кредита.

Указанные две формы кредита соответствуют двум стадиям развития капитализма. Коммерческий кредит является типической формой кредита в условиях промышленного капитализма, банкирский кредит — в условиях капитализма финансового.

Нас интересует главным образом современный кредит, т. е. кредит эпохи финансового капитализма. Банкирский кредит должен привлечь внимание не только вследствие каких-либо его своеобразных особенностей, но и потому, что все другие формы кредита, в частности коммерческий кредит, являются подчиненной формой банкирского кредита.

Вытекает эта подчиненность из все растущего отделения капитала-собственности от капитала-функции.

Отделение капитала-собственности от капитала-функции — тенденция, свойственная капитализму вообще. Но в условиях финансового капитализма это отделение достигает максимальных пределов.

«Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров» [11].

Развитие банкирского кредита и есть отображение все растущего отделения денежного капитала от капитала функционирующего, все большего установления самостоятельного бытия денежного капитала, противопоставляемого капиталу промышленному, все большего отделения капитала-собственности от капитала-функции, все большего утверждения финансового капитала как сращенного ссудного и промышленного капитала.

Выражается эта подчиненность не в том, конечно, что коммерческий кредит перестанет быть основанием банкирского кредита. Это отношение между коммерческим и банкирским кредитом

---

[11] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 226.

сохраняется, оно вытекает из того, что вообще основанием кредита является процесс воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала. Подчиненность коммерческого кредита выражается, во-первых, в том, что преобладающая часть коммерческого кредита осложняется кредитом банкирским, во-вторых, в том, что коммерческий кредит, сохраняя свои особенности, подвергается воздействию закономерностей банкирского кредита, и, наконец, в-третьих, в том, что развитие коммерческого кредита начинает обусловливаться развитием кредита банкирского.

7

В заключение остановимся в нескольких словах на характеристике логической, стало быть, и исторической связи коммерческого и банкирского кредита.

Рассматривая тот и другой кредит под углом зрения противоречивого движения капиталистической системы, логическая и, соответственно, историческая связь коммерческого и банкирского кредита может быть охарактеризована следующим образом [12].

Под кредитом надо понимать производственные отношения, складывающиеся и развивающиеся на основе сделки ссуды, причем последняя (сделка ссуды) понимается не как правовое явление, а получает экономическую характеристику как своеобразное движение стоимости. Под капиталистическим кредитом следует понимать производственное отношение, складывающееся и развивающееся на основе сделки ссуды как формы движения капитала. Кредит предполагает разделение товара на товар и деньги, соответственно разделение капитала на капитал товарный и денежный. Кредит обусловлен существованием денежной формы капитала как формы, противоположной товарному капиталу. Движение капитала представляется одновременно как движение товара и денег, с одной стороны, и как движение товарной и денежной формы капитала, с другой. В этом заложено понимание различия коммерческого и банкирского кредита.

Коммерческий кредит характеризует (в своеобразной форме) движение капитала, который выступает в этом случае как товар или деньги; банкирский кредит характеризует движение капитала как денежного капитала; коммерческий кредит осуществляет специфическую связь и специфическое отношение функционирующих капиталистов, которые в этой связи выступают как товаровладельцы; банкирский кредит осуществляет связь между денежным и функционирующим капиталистами, между капиталом-собственностью и капиталом-функцией. При коммерческом кредите

---

[12] В дальнейшем я воспроизвожу отрывок из моего предисловия к книжке Ланде «Кредит и конъюнктура». Замечу, кстати, в этом предисловии вследствие корректорской оплошности вместо «банкирский» напечатан «банковый».

ссуженное движется или как товар, или как деньги; при банкирском кредите ссужаемая сумма движется как ссудный капитал.

При коммерческом кредите движение товара и денег является движением капитала лишь в общей связи капиталистического процесса воспроизводства; банкирский же кредит непосредственно осуществляет движение (ссудного) капитала.

Поэтому противоречия коммерческого кредита вытекают из противоречий денег и товара; противоречия банкирского кредита вытекают из противоречий промышленного и ссудного капитала.

Противоречия коммерческого кредита непосредственно обнаруживаются перерывом метаморфоза товара и денег; противоречия банкирского кредита обнаруживаются перерывом метаморфоза товарного и денежного капитала.

Противоречия банкирского кредита являются развитием противоречий кредита коммерческого, так же как противоречия промышленного и ссудного капитала являются развитием противоречий товара и денег.

При коммерческом кредите нет еще отделения капитала-собственности от капитала-функции, здесь, по выражению Маркса, ссудный и промышленный капитал идентичен, тождествен; банкирский же кредит базируется и характеризуется отделением капитала-собственности от капитала-функции.

В коммерческом кредите заложена возможность отделения капитала-собственности от капитала-функции, но эти противоположности еще не развернуты, стало быть, мы здесь еще не имеем ссудного капитала как отделившейся формы капитала, противополагаемого капиталу промышленному; в банкирском кредите мы имеем уже движение отделившегося и ставшего внешне самостоятельным ссудного капитала, стало быть, приобревшего самостоятельные закономерности своего движения.

«Как только торговля деньгами, — писал Ф. Энгельс Конраду Шмидту 27 октября 1890 г., — отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях и внутри границ, определяемых производством и торговлей товарами, — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, определяющиеся ее собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется за счет торговли ценными бумагами, причем эти ценные бумаги оказываются не только государственными бумагами, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею, — тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее» [13].

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 426.

Развитие кредита (от коммерческого к банкирскому и самого банкирского) представляет собой процесс движения капитала как единства, разделение противоположностей этого единства (ссудного и промышленного капитала), становление этих противоположностей внешне самостоятельными. Внутреннее единство капитала проявляет себя в движении его противоположностей.

Развитие это проявляется не только в исторической эволюции капиталистической системы, но и в ходе промышленного цикла, в отдельных фазах которого мы наблюдаем различное взаимоотношение коммерческого кредита (как формы движения промышленного капитала) и банкирского кредита (как формы движения капитала ссудного).

С этой точки зрения, заметим кстати, ход промышленного цикла характеризуется процессом развертывания самостоятельных закономерностей движения ссудного капитала и самостоятельных закономерностей движения капитала промышленного; но так как тот и другой представляют собой противоположности единства, то это единство, которое проявляет себя в движении своих противоположностей, может восстанавливаться только насильственно, и оно действительно восстанавливается, притом насильственно восстанавливается, в одной из фаз цикла — в кризисе.

На этом вопросе мы подробно остановимся в другом месте, при анализе проблемы кредита и конъюнктуры.

Различие двух основных форм кредита, коммерческого и банкирского, имеет огромное значение, так как оно вскрывает различие принципиально отличающихся друг от друга типов кредитных связей. Коммерческий и банкирский кредит имеет различное социальное содержание. Первый характеризует взаимоотношения функционирующих капиталистов, второй — взаимоотношения денежных и функционирующих капиталистов; коммерческий кредит характеризует отношения, непосредственно возникающие из кругооборота различных функциональных форм капитала, банкирский кредит характеризует отношения, возникающие из движения ссудного капитала; коммерческий кредит осуществляет взаимное вторжение капиталов различных отраслей народного хозяйства или же различных предприятий одной и той же отрасли, банкирский кредит, кроме того, и изменяет отношения между отдельными предприятиями одной и той же отрасли и между отдельными отраслями народного хозяйства. Коммерческий кредит типичен для эпохи промышленного капитализма, хотя и в эту эпоху существует и получает большое развитие банкирский кредит; банкирский кредит типичен для эпохи финансового капитализма, хотя и в эту эпоху существует и развивается коммерческий кредит.

Преобладание банкирского кредита непосредственно вытекает из изменения характера взаимоотношений банков и промышленности, из той новой роли банков, которую они играют в эпоху

империализма. Когда связь между банками и промышленными предприятиями становится постоянной и все более и более тесной, когда банки не только кредитуют предприятия, но их и финансируют, когда банки усиливают свою учредительскую деятельность, а современные банки как раз это и делают, тогда естественно чрезвычайно повышается значение банкирского кредита, и он становится типичной формой кредита.

Поскольку определение экономических категорий должно дать характеристику т и п и ч н ы х для данной эпохи социальных явлений, постольку определение современного кредита может быть дано только характеристикой движения ссудного капитала.

Поэтому данное нами определение кредита как производственного отношения, возникающего и развивающегося из движения ссудного капитала, исчерпывает характеристику современного кредита, какие бы формы он ни принимал в отдельных конкретных случаях.

Глава четвертая

ОСНОВАНИЯ КРЕДИТА

1

Конститутивным признаком сделки-ссуды, как мы указывали, является отсрочка возврата эквивалента. Но при кредитной сделке, объектом которой является ссудный капитал, стоимость возвращаемого больше стоимости ссужаемого. Иванов дает в ссуду Петрову 100 руб. По прошествии некоторого времени Петров возвращает Иванову не 100 а 105 руб. Ссуженная сумма в процессе своего движения возрастает. Можно ли говорить в этом случае об эквивалентности кредитной сделки? Или, может быть, возрастание ссуженной суммы является случайным моментом кредитной сделки, не свойственным самой кредитной сделке, как таковой?

Кредит есть движение ссудного капитала. Кредитная сделка есть форма движения ссудного капитала. Объектом кредитной сделки является ссудный капитал. Ссудный же капитал — это, во-первых, капитал, т. е. самовозрастающая стоимость, а во-вторых, ссудный капитал, т. е. капитал, возрастание которого имеет форму процента. Ссудный капитал — это капитал, приносящий проценты. Если бы при кредитной сделке не происходило возрастание ссуженной суммы, налицо не было бы движения ссудного капитала. Ссудному капиталу, как таковому, присуще возрастание в движении; возрастание ссуженной суммы имманентно присуще кредитной сделке как форме движения ссудного капитала.

Поэтому только при возврате возросшей стоимости может быть осуществлена «эквивалентность» кредитной сделки. Если бы возвращалась не возросшая стоимость, то это означало бы, что кредит не осуществляет движения ссудного капитала, а кредит в условиях капиталистического хозяйства, в условиях финансового капитализма, означает движение именно ссудного капитала.

Но это возрастание возможно не в силу каких-либо чудодейственных природных или каких-либо иных качеств ссужаемых денег, а в силу определенных общественных отношений, в силу определенных условий капиталистической системы.

Условия эти заключаются в том, что в капиталистической системе всякая сумма денег является потенциальным капиталом,

всякая сумма денег может быть использована как производительный капитал, т. е. как средство присвоения производимой рабочей силой прибавочной стоимости.

История общественной мысли знает идеи о волшебной силе денежных сумм: возрастать вне зависимости от общих социальных условий. Ослепленный «удивительным» фактом возрастания денежных сумм вне непосредственного производственного процесса (что осуществляется в движении ссудного капитала) некоторые «ученые», абстрагируясь от конкретных условий грешной действительности, полагают, что деньги сами по себе возрастают. Деньги рождают деньги. Образчик такого мышления приводит Маркс в лице доктора Прайса.

«Представление о капитале как самовоспроизводящейся и возрастающей в процессе воспроизводства стоимости, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, — т. е. в силу скрытого свойства, о котором говорили схоласты, — это представление привело д-ра Прайса к фантастическим измышлениям, перед которыми бледнеют все фантазии алхимиков. . .» [1].

Прайс приводит следующее исчисление: «Деньги, приносящие сложные проценты, сначала растут медленно, но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост из 5% в год рождения Христа, к настоящему времени вырос бы в сумму, бóльшую, чем представили бы 150 миллионов земных шаров, состоящих сплошь из чистого золота» [2].

И в другом месте: «1 шилл., отданный в рост в год рождения нашего Христа» (т. е., вероятно, в храме Иерусалимском) «из 6% под сложные проценты, вырос бы в сумму бóльшую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна» [3].

К. Маркс по этому поводу говорит: «Прайса попросту ослепила чудовищность числа, возникающего из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, как самодействующий автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус считал, что население растет в геометрической прогрессии), то он вообразил, что открыл закон возрастания капитала в формуле $s=c\,(1+z)^n$, где s=сумме капитала+проценты

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 434.

[2] R. Price. An Appeal to the Public on the Subject of the National Debt. (цит. по кн.: К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 434).

[3] «Observation on reversionary payments etc.» (цит. по кн.: К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 435).

на проценты, c=авансированному капиталу, z=ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс» [4].

Все эти рассуждения Маркс справедливо называет мистификацией. Движение ссудного капитала *Д—Д′*, сумма денег — возросшая сумма денег, само опирается на движение производительного капитала. *Д—Т. . . П. . . Т′—Д′*. Для того чтобы известная сумма возрастала, необходимо, чтобы она была превращена в реальный капитал. Правда, не всякая ссужаемая сумма в действительности превращается в реальный капитал, но возрастание ссудного капитала определяется объективно существующей возможностью, большей частью и реализующейся, ссужаемую сумму превратить в реальный капитал.

Не всякая конкретно ссужаемая сумма в действительности превращается в капитал; в отдельных случаях этого может и не происходить, ссужаемая сумма может быть непроизводительно потреблена, но то обстоятельство, что при данной системе общественных отношений всякая сумма денег может быть превращена в капитал и в действительности преобладающая часть ссужаемых денег используется как капитал, превращает всякую ссужаемую сумму денег в ссудный капитал. Его свойство приносить проценты, т. е. возрастать, является как раз той потребительной стоимостью, которая вместе со стоимостью передается кредитором должнику. Поэтому возрастание ссужаемой суммы денег не является результатом случайного соглашения контрагентов сделки, а присуще ссудному капиталу, природа которого обнаруживается только в движении.

2

Все эти соображения надо иметь в виду при разрешении вопроса о так называемых основаниях кредита. Под основаниями кредита разумеются те обстоятельства, которые создают возможность развития кредитных отношений.

К разрешению поставленного вопроса можно подойти двояко. Можно поставить вопрос так: каковы те обстоятельства, которые сопровождают каждую кредитную сделку и делают ее возможной? При такой постановке вопроса надо исходить из конкретных кредитных сделок в их реальном осуществлении и попытаться определить мотивацию контрагентов кредитных сделок, причем найти ту мотивацию, которая сопровождает к а ж д у ю сделку.

Но можно подойти к разрешению поставленного вопроса и другим образом: основание кредита искать в объективных, лежащих вне непосредственно кредитных отношений обстоятельствах,

---

[4] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 435.

делающих возможным заключение кредитных сделок, развитие кредитных отношений.

Эти две постановки вопроса резко отличаются друг от друга. В то время как в первом случае исходными берутся конкретные кредитные сделки и основание их ищется внутри самих кредитных отношений, взятых изолированно, во втором случае основания отыскиваются в объективных и независимых от кредитных связей обстоятельствах. В первом случае кредит представляется самостоятельным, независимым от общей совокупности производственных отношений явлением; во втором случае кредит предполагается не только связанной, но и обусловленной общими производственными отношениями, экономической категорией.

Само собой разумеется, что только вторая постановка вопроса правильна и гарантирует возможность разрешения поставленной проблемы.

Большая часть буржуазных теорий пользуется как раз первой постановкой вопроса. При отыскании оснований кредита ими применяется в сущности тот же метод, какой применяется ими при определении самого понятия кредита. Обычно, исходя из конкретных кредитных сделок, пытаясь охватить все виды кредитных отношений, отыскивается какое-либо обстоятельство, общее им всем и, следовательно, лежащее в их основании [5].

Одни, и не совсем неправильно, говорят, что основанием кредита является доверие кредитора к должнику. При всякой кредитной сделке кредитор должен быть уверен, что должник захочет и сможет возвратить ссуженное ему. Другие не менее резонно на это возражают, что в действительности совершается целый ряд кредитных сделок, при которых кредитор себя гарантирует более солидными основаниями, нежели «доверие». Например, при так называемом реальном кредите не доверие к должнику, а данное кредитору реальное обеспечение является основанием сделки. С другой стороны, момент доверия присутствует и при таких сделках, которые к кредиту отнесены быть никак не могут. Всякая сделка требует от контрагентов доверия друг к другу, поэтому это обстоятельство нисколько не характеризует кредитную сделку.

Кто же прав? Верно, конечно, что считать доверие основанием кредита нельзя, но в то же время аргументация противников этой точки зрения не представляется нам правильной.

Прежде всего доверие не может быть определяющим фактором хотя бы потому, что оно само определяется другими обстоятельствами. Мотивация хозяйствующих субъектов имеет известное значение, но сама мотивация является результатом каких-либо внешних объективных обстоятельств.

---

[5] Обзор различных теорий кредита см.: T. Komorzynski. Die nationalökonomische Lehre vom Kredit. Innsbruck, 1909.

Кроме того, при этом объяснении остается совершенно непонятным, почему при кредитной сделке стоимость возвращаемого выше стоимости ссужаемого. При этом объяснении возрастание окажется совершенно случайным, а не внутренне присущим кредиту обстоятельством.

Но самое существенное заключается в том, что сама постановка вопроса неправильна. В действительности, иногда кредитная сделка осуществляется при наличии «доверия», иногда же этот момент совершенно отсутствует. Говорить, что доверие является основанием кредита, столь же неправильно, сколь отрицать, что в отдельных конкретных случаях наличность доверия имеет не малое значение. Но это обстоятельство имеет значение только с точки зрения отдельных кредитных сделок, с точки же зрения социального содержания кредита, с точки зрения кредита как социального явления, как производственного отношения, момент доверия, факт к тому же производный, никакого значения не имеет.

Таким образом, мы вовсе не оспариваем, что в отдельных конкретных случаях «доверие» может играть большую роль при заключении кредитных сделок, но мы отрицаем общезначимость этого фактора, во-первых, важность его, во-вторых, и трактовку его как основания кредита, в-третьих.

Но если нельзя считать основанием кредита доверие, то может быть можно найти основание кредита в тех обстоятельствах, которые являются источником доверия, лучше сказать — вызывают, питают доверие? Может быть (и такая точка зрения существует), основанием кредита является реальное обеспечение, имущество должника, его собственность?

На это совершенно резонно отвечают, что бывают кредитные сделки, при которых реальное обеспечение отсутствует, а в отдельных случаях должник вообще не обладает никакой собственностью.

Как сторонники, так и противники данной точки зрения применяют тот же метод, что и сторонники, и противники теории доверия. И здесь кредитные сделки рассматриваются изолированно, вне общих производственных отношений. Кредит при этом снова понимается как определенный вид меновой сделки, и только. Опять и здесь не принимается во внимание специфическое с о ц и а л ь н о е содержание кредита как исторически ограниченной экономической категории.

Может ли в отдельных конкретных случаях имущество, собственность должника иметь значение? Может. Заключаются ли кредитные сделки при отсутствии у должника собственности? Заключаются. В отдельных конкретных случаях собственность должника может иметь значение, но отсюда далеко до вывода, что только при наличии этого фактора кредитная сделка может быть заключена, очень далеко до вывода, что собственность, имущество должника является основанием кредитных сделок.

Наконец, некоторые полагают, что основанием кредита являются личные качества должника, его энергия, честность, работоспособность, деловитость и т. д. Другие возражают на это, и совершенно резонно, что бывают кредитные сделки, при которых должники вовсе не обладают указанными свойствами, а, с другой стороны, обладание этими свойствами вовсе не гарантирует возможности получения ссуд.

И в этом случае вновь та же постановка вопроса, которая заранее предопределяет бесплодность и бессодержательность разрешения всей проблемы [6].

Если исходить из конкретных сделок, — а это имеет значение, правда, не для теории, а для кредитной практики, — основания могут быть самые различные: то доверие к должнику, то имущество, собственность должника, то персональные качества должника, то совокупность всех этих обстоятельств. В отдельных конкретных случаях субъективные мотивы контрагентов кредитной сделки могут быть самые различные, но не в субъективных настроениях, которые сами обусловливаются объективными обстоятельствами, можно отыскать основание кредита как социально-экономического явления.

Очень интересные показания по этому вопросу дал известный американский финансист и миллиардер Дж. П. Морган в сенатской комиссии Соединенных Штатов Северной Америки в 1911/12 г. Комиссия тогда расследовала вопрос о денежном тресте. (Результаты этого расследования изданы в трех томах под названием «Money Trust Investigation».)

На одном из заседаний этой комиссии произошел следующий любопытный диалог между фактическим руководителем работ комиссии Унтермайером и Морганом.

Унтермайер, человек книжной учебы, допрашивает Моргана об основаниях кредита.

Диалог развертывается следующим образом.

Унтермайер: На чем основывается коммерческий кредит, на обладании деньгами или собственностью?

Морган: Что?

Унтермайер: Коммерческий кредит.

Морган: Он основан на деньгах, собственности и личных свойствах (character).

Унтермайер: Разве коммерческий кредит не имеет основания прежде всего в деньгах или собственности?

---

[6] Бессодержательность постановки вопроса, а потому и бесплодность полемики вокруг вопроса о доверии как основании и сущности кредита очевидны уже в споре Вагнера и Книса. К сожалению, и новейшая литература не отказывается от повторения старых, избитых рассуждений на ту же тему (З. Каценеленбаум. Учение о деньгах и кредите, ч. II. М., 1927, стр. 4 и сл.; B. M. Anderson. The Value of Money. N. Y., 1926, p. 462 и многие др. авторы).

М о р г а н: Нет, сэр, прежде всего в личных качествах (character).

Г-н Унтермайер не унимается и продолжает.

У н т е р м а й е р: Это (character) важнее денег или собственности?

М о р г а н: Да, важнее денег. Личные качества за деньги не купишь.

У н т е р м а й е р: Таким образом, человек с характером (здесь разумеются личные «добродетели».— *И. Т.*), ничего кроме этого не имеющий, может получить кредит, какой он захочет, а человеку, обладающему собственностью, это недоступно.

М о р г а н: Так бывает очень часто.

У н т е р м а й е р: Это является общим правилом?

М о р г а н: Да, сэр, это — общее правило [7].

И далее Морган рассказывает, как однажды к нему пришел молодой человек, у которого не было никакого состояния, и Морган счел возможным открыть ему кредит в 1 млн. долларов.

Старый Морган конечно хитрил, когда с нарочитой резкостью подчеркивал персональные качества. Но он был несомненно прав, когда указывал на то, что основаниями для оказания ссуд могут быть самые различные обстоятельства. Поскольку мы хотим дать объяснение отдельным конкретным сделкам, такое объяснение не может быть оспариваемо. Финансовый практик Дж. П. Морган в этом отношении лучше представляет себе действительное положение вещей, нежели воспитанный на школьных учебниках интеллигент Унтермайер.

Что в отдельных конкретных случаях возможность заключения кредитных сделок обусловливается самыми разнообразными обстоятельствами и что поэтому нет возможности найти какое-либо о д н о основание кредитных сделок, видно также из того способа, посредством которого банки определяют возможность выдачи ссуд своим клиентам.

Банки обыкновенно наводят справки о самых различных сторонах деятельности тех, кто обращается к ним за ссудой. Профессор Моултон в своей работе «Финансовая организация общества» приводит формуляр, вопросник, которым пользуются крупные американские банки при определении кредитоспособности клиента [8]. Банки собирают сведения двух родов: одни должны дать представление о личных качествах и личной жизни клиента, другие — о его предприятиях. К первым относятся сведения о честности клиента, о его склонностях к пьянству, о его общественных и политических настроениях и активности,

---

[7] «Money Trust Investigation», p. 1084.

[8] H a r o l d G. M o u l t o n. Financial Organisation of the Society. Chicago, 1925, p. 101 (см. также: W. K n i f f i n. Practical Work of a Bank. N. Y.—L., 1924, p. 437; Glen G. M u n n. Bank Credit. N. Y.—L., 1925, p. 46 and oth).

о его жизненном обиходе, даже о наклонностях его жены (wife's ambition), о его общем и техническом образовании, о его жизненной опытности и настойчивости и т. д.; сведения относительно его предприятий таковы: баланс его предприятий, ликвидность, инвестированный капитал, прибыльность предприятий, характер акций, местоположение предприятий, страхование, конкурентоспособность и т. д.

Такие же справки наводятся и европейскими банками.

Поскольку, следовательно, речь идет об отдельных конкретных кредитных сделках, основания могут быть самые разнообразные. Но когда мы говорим об основании кредита как социального явления, речь идет не о том, почему заключаются те или иные конкретные кредитные сделки, а о том, какие условия определяют общую возможность развития кредитных сделок. Вопрос о критериях для определения возможности заключить кредитные сделки имеет значение для кредитной практики, для теории же кредита это имеет второстепенное значение.

3

Для того чтобы определить основания кредита, надо исходить не из анализа отдельных конкретных случаев кредитных сделок, а из анализа тех объективных обстоятельств, которые создают предпосылки, обусловливают самую возможность развития кредита как определенного типа производственных связей. Анализ же этих обстоятельств покажет не только то, почему кредит возможен, но и необходимость кредита.

Дело не в том, какими мотивами руководствуется кредитор при предоставлении должнику ссуды в том или ином конкретном случае, а в том, какие объективные факты предопределяют возможность возврата ссуженной суммы, притом возврата возросшей суммы, т. е. предопределяют движение ссудного капитала как такового.

Мы уже указывали, что движение ссудного капитала опирается на движение капитала реального, что возможность движения ссудного капитала $Д—Д'$ обусловливается движением реального капитала $Д—Т\ldots П\ldots Т'—Д'$. Последнее же есть не что иное, как процесс воспроизводства капитала. Возврат ссужаемого обусловливается, стало быть, процессом воспроизводства капитала. Но движение реального капитала представляет собой не просто воспроизводство капитала, а воспроизводство в расширенном размере. Возврат возросшей стоимости обусловливается, стало быть, процессом расширенного воспроизводства.

Но отсюда отнюдь не следует делать вывода, что в каждом конкретном случае ссужаемая сумма в действительности превращается в капитал. В большинстве случаев так и бывает, но не этим обстоятельством в каждом конкретном случае предопре-

деляется движение ссудного капитала. В отдельных случаях — и таких немало — денежные суммы непроизводительно потребляются. Нет непосредственной связи отдельных масс ссудного капитала с капиталом реальным, а связь существует между ссудным капиталом и всем реальным капиталом во всей их совокупности. Возрастание ссужаемой в каждом отдельном случае суммы происходит не потому, что данная сумма денег используется как капитал, а потому, что при данной системе экономических отношений всякая сумма денег может быть использована как капитал, всякая сумма денег является потенциальным капиталом. Источником возврата ссуженной суммы, притом еще возросшей суммы, является воспроизводство и расширенное воспроизводство капитала. Даже при непроизводительном кредите должник только в том случае может возвратить полученную им ссуду, если он может присвоить себе прибавочную стоимость, хотя бы произведенную не с помощью той суммы денег, которую он получает в ссуду. В ссудном капитале находят свое отражение отношения капиталистов между собой, но в то же время ссудный капитал предполагает специфические отношения капиталистов и рабочих. Поэтому можно с полным правом говорить, что основанием даже отдельных кредитных сделок, хотя бы в качестве должника и не выступал капиталист, является воспроизводство и расширенное воспроизводство капитала.

Таким образом, поскольку кредитная сделка предполагает возврат ссуженного, постольку объективным основанием кредита вообще, независимо от отдельных конкретных случаев, может быть только объективная возможность воспроизводства капитала. Поскольку кредитная сделка предполагает возврат увеличенной стоимости, постольку объективным основанием кредита надо считать расширенное воспроизводство капитала. Возможность развития кредита в обществе основана на кругообороте капитала как процессе его воспроизводства и расширенного воспроизводства. Точно так же этот процесс производства вызывает необходимость кредита. Движение ссудного капитала таким образом имеет своим основанием движение реального капитала, т. е. процесс воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Глава пятая

ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

1

Ссудный капитал, как мы уже указывали, выступает, с одной стороны, как сумма покупательных и платежных средств, а с другой — как капитал, как самовозрастающая стоимость. Ссудный капитал содержит в себе обе характеристики, и каждая из этих характеристик предполагает и включает в себя другую.

Но это не значит, что ссудный капитал воплощен в реальных деньгах, и, с другой стороны, не значит, что он представляет собой реальный капитал, или, вернее, всегда является денежным отображением реального капитала. Ссудный капитал как сумма покупательных и платежных средств может быть фиктивен точно так же, как ссудный капитал как капитал может быть только фиктивным капиталом. Говоря о фиктивном капитале, следует иметь в виду обе эти характеристики.

Следует различать фиктивность ссудного капитала как суммы покупательных и платежных средств и фиктивный ссудный капитал как капитал. Это различие, приводимое Марксом, не всегда, к сожалению, понимается, а между тем это различие имеет огромное значение. Остановимся на той и другой характеристике фиктивного капитала.

Ссудный капитал — это сумма покупательных и платежных средств, но это не значит, что ссудный капитал всегда воплощен, имеет вещное воплощение в реальных деньгах или даже в общезначимых орудиях обращения.

Если даже под реальными деньгами понимать не только золото, но и разменные на золото банкноты, то все же вся масса реальных денег какой-либо страны неизмеримо меньше имеющегося в ней ссудного капитала. Одна и та же масса реальных денег может служить средством выполнения ряда сделок ссуды. Преобладающая часть ссудного капитала находит свое воплощение не в деньгах, даже не в знаках денег (стоимости), а просто в долговых обязательствах. Большая часть ссудного капитала не представляет собой денег, ни даже знаков денег, а является просто правом на деньги; ссудный капитал — это не обязательно сумма реальных денег,

он может быть просто правом на деньги, притязанием на деньги. С этой точки зрения преобладающая часть ссудного капитала совершенно фиктивна. Фиктивна в том смысле, что она представляет собой простое притязание на известную сумму денег, но не воплощена в реальных деньгах.

Маркс, рассматривая составные части банкового капитала, приходит к заключению, что большая часть этого капитала совершенно фиктивна, так как этот капитал не имеет вещного воплощения в реальных деньгах, а представляет собой долговые обязательства банков.

В самом деле. Возьмем для примера банковские депозиты, которые составляют основную массу ссудного капитала, находящегося в распоряжении банков.

Что представляют собою депозиты? Являются ли депозиты реальными деньгами или же существование их как денег совершенно фиктивно? «Самые вклады, — пишет Маркс, — играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов. . .»[1].

Далее. Одна и та же сумма денег может служить средством создания ряда депозитов. Капиталист A вносит в банк вклад в размере 100 руб.; банк выдает их в ссуду B, который покупает на них товар у C. Последний вносит их вкладом в банк. Банк выдает их в ссуду D, который покупает товар у E. Последний вносит их вкладом в банк и т. д., и т. д. Здесь предполагается, что функционирующие капиталисты платят друг другу наличными; предполагается также, что и вклады вносятся наличными. Даже при этом 100 руб. деньгами образуют 300 и более рублей депозитов.

Ссудный капитал, выраженный в депозитах, поскольку эти последние являются формой существования ссудного капитала, в преобладающей своей части, если не целиком, фиктивен.

Даже так называемые резервные фонды, золотые запасы банков, в значительной степени фиктивны. Числящиеся в любом банке так называемые золотые запасы в известной своей части (иногда в небольшой, а иногда в очень значительной) являются вовсе не золотом, хранящимся в кладовых банка, а очень часто обозначают просто кредит, открытый данному банку каким-либо другим банком. Резервные фонды английских депозитных банков представляют собой не что иное, как их счета в Английском банке. В России

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 484.

(дореволюционной) Государственный банк в свой золотой запас включал «золото за границей». Это «золото за границей» представляло собой не реальное золото, а счета в заграничных банках, кредит, который был открыт Государственному банку заграничными банковскими предприятиями. И в настоящее время золото, числящееся на балансах капиталистических, даже центральных, банков, в известной, иногда очень значительной, своей части представляет только кредит заграничных банков.

Даже золотой запас Английского банка, одного из наиболее солидных эмиссионных банков Европы, операции которого регулируются весьма жестким эмиссионным законодательством, не всегда есть реальное золото. Во время войны, например, большая часть золота, числившаяся на балансах Английского банка, в действительности вовсе не находилась в кладовых банка. Часть золота фактически находилась или в колониях, в местах добычи золота, или же статья «золото в монетах и слитках» представляла собой только счет Английского банка в других (заграничных) банках.

Уолтер Лиф (директор одного из крупнейших английских депозитных банков, Вестминстер бэнк), в своей книге «Banking» рассказывает о своей беседе во время войны с управляющим Английским банком. Во время этой беседы Лиф заметил, что из всех статей баланса Английского банка ему, пожалуй, понятна была только одна статья: «Золото в монетах и слитках». На это его собеседник с усмешкой в глазах (with a twinkle in his eye) ответил: «Мистер Лиф, я не думаю, чтобы вы понимали даже эту статью»[2].

Даже золотой запас Английского банка в это время в известной своей части был фиктивен. «И так как в этой кредитной системе все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто солидное» [3].

Ссудный капитал как сумма покупательных и платежных средств представляет собой не деньги, и даже не знаки денег, а только право на деньги, притязание на деньги. Поскольку же ссудный капитал воплощен только в притязаниях на деньги, постольку он фиктивен.

2

От явления фиктивности ссудного капитала, рассматриваемого как сумма покупательных и платежных средств, фиктивность которых определяется тем, что они не деньги, и даже не знаки денег, а только титулы, право на деньги, следует отличать другое явление фиктивного капитала, когда ссудный капитал рассматри-

---

[2] W. L e a f. Banking. N. Y.—L., 1926, стр. 45.
[3] К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 487.

вается как капитал, как самовозрастающая стоимость, когда фиктивность ссудного капитала определяется тем, что он выступает не как превращенная форма реального капитала, а только как титул на доход, притязание на прибавочную стоимость.

Дело заключается в следующем.

Ссудный капитал — это капитал, приносящий проценты, это сумма притязаний на прибавочную стоимость; владелец ссудного капитала обладает правом на получение определенного дохода. Вопрос о размере дохода, о величине процента, о факторах, определяющих его величину, мы пока оставляем в стороне. Ограничимся только одним: размер процента, определяемый особыми закономерностями, является величиной данной. В каждый данный момент существует определенный размер процента, т. е. причитающаяся ссудному капиталу масса прибавочной стоимости, выраженная в отношении к ссудному капиталу. Если говорят, что размер процента равен 5, это значит, что всякие 100 руб. ссудного капитала обладают свойством приносить владельцу его 5 руб. дохода в год.

Если определенная сумма денег как ссудный капитал приносит его владельцу определенный доход, то можно всякий регулярно получаемый доход рассматривать как процент на капитал. Это тем более возможно, что, как мы видели, возрастание отдельных масс ссудного капитала вовсе не связано с использованием их как капитала. Отсюда очень недалеко до того, чтобы полагать ссудным капиталом даже и то, что не является вообще капиталом. Всякое право на регулярный доход начинает рассматриваться как ссудный капитал только потому, что всякая масса ссудного капитала обладает способностью приносить регулярный доход.

Если процент на ссудный капитал равен 5, т. е. ссудный капитал в 100 руб. приносит регулярно 5 руб. ежегодно дохода, то всякий, обладающий правом на регулярное получение 5 руб. дохода, может считаться владельцем капитала в 100 руб. Права обычно вытекают из экономических взаимоотношений, право определяется хозяйством, но права, возникающие из общей структуры производственных отношений, могут в свою очередь создавать экономические связи.

Так и в этом случае. То обстоятельство, что в данной хозяйственной системе существует такая экономическая категория, как ссудный капитал, обладающий свойством, независимо от использования его как капитала, приносить его владельцу постоянный доход, приводит к тому, что всякий регулярно получаемый доход рассматривается как доход с ссудного капитала, величина которого (капитала) определяется так называемой капитализацией дохода из существующего процента. «Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 ф. ст. Каждый фиксированный

ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 ф. ст.» [4].

Право на получение регулярного дохода только право, оно не является ни ссудным капиталом, ни капиталом. Но при данной системе общественных отношений право на регулярный доход превращается в ссудный капитал. Это не реальный капитал, а фиктивный, так как в действительности никакого капитала налицо нет. Социальные связи, возникающие из каких-либо не имеющих непосредственных к ссудному капиталу отношений, облекаются в форму отношений ссудного капитала.

Посредством так называемой капитализации происходит не только возникновение фиктивного капитала, но, что особенно важно, этим же путем дается ему и количественное определение. Если процент на ссудный капитал равен 5, право на регулярный доход в 20 руб. превращается в ссудный капитал в 400 руб., если процент повышается до 10, это право рассматривается как ссудный капитал в 200 руб., если процент понижается до 2,5, это право рассматривается как ссудный капитал в 800 руб.

Возможность капитализации дохода и возникновения (несуществующего) фиктивного капитала предполагает существование экономической категории ссудного капитала и всеобщей значимости этой категории. До тех пор, пока ссудный капитал не получает большого развития, до тех пор, пока он не превращается в самостоятельную, подчиняющуюся особым закономерностям экономическую категорию, невозможно существование фиктивного капитала. Или, иначе, до тех пор, пока тот тип социальной связи, которая находит свое выражение в ссудном капитале, не получает самостоятельного, особыми закономерностями определяемого бытия, невозможно развитие того типа отношений, которые выражаются в фиктивном капитале. Нужно ссудному капиталу как таковому упрочить свою общезначимость, чтобы оказалось возможным появление фиктивного капитала. Для того чтобы мое право на получение регулярного дохода в 5 руб. могло рассматриваться как обладание мною капиталом в 100 руб., нужно, чтобы обладание 100 руб. действительно давало возможность получать регулярный доход в 5 руб. в год. Конкретнее, только в том случае, если я, обладая 100 руб., могу получать 5 руб. регулярного годового дохода без всякой с моей стороны особой деятельности (в качестве, например, функционирующего капиталиста), путем, например, вклада этих денег в банк, мое голое право, основанное на уже прошедшем и в данный момент несуществующем факте, мое право на получение регулярного ежегодного дохода в 5 руб. может быть рассматриваемо как капитал в 100 руб. Развитие капиталистического хозяйства в направлении от промышленного капитализма к капитализму финансовому сопровождается ростом и упрочением ссудного

[4] К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1955, стр. 478.

капитала и вместе с тем еще большим ростом фиктивного капитала. Недаром исследователи склонны новейшую стадию в развитии капитализма называть капитализмом ценных бумаг (Effektenkapitalismus), капитализмом титулов на доход, капитализмом прав на доход.

Заметим кстати, что в этом развитии фиктивного капитала, в растущем отделении капитала как собственности от капитала как функции, находит свое выражение рост паразитических элементов капиталистического хозяйства, в котором господство одних классов над другими сбрасывает всякие следы функционального господства: владычествует просто голое право собственности, не только уже ничем не оправдываемое, но служащее величайшим тормозом развития производительных сил.

Самый факт существования фиктивного капитала, так же как и стоимостное его выражение, определяется, стало быть, двумя обстоятельствами: во-первых, наличием процента как формы дохода ссудного капитала, или, иначе, наличием денежного капитала, приносящего проценты, т. е. ссудного капитала; во-вторых, наличием прав на регулярный доход. Но ссудный капитал проявляет себя как капитал только в движении, он обнаруживает себя как ссудный капитал только в порядке своего отчуждения. Поэтому для того, чтобы право на доход превращалось в ссудный (фиктивный) капитал, необходимо, чтобы оно обладало свойством движения, чтобы оно могло быть передаваемо. Возможность отчуждения, свободной передачи прав на доход является, таким образом, третьим обстоятельством, обусловливающим возникновение и функционирование фиктивного ссудного капитала.

Пенсионер, имеющий право на регулярный доход, но не имеющий возможности это право отчуждать, не является обладателем ссудного капитала. Простое притязание на доход, как бы оно солидно ни было гарантировано, еще не превращается в ссудный капитал. Требуется возможность его циркуляции как товара, ибо ссудный капитал есть капитал как товар, ибо природа ссудного капитала обнаруживается только в движении. Государственные облигации так же, как облигации и акции промышленных или торговых предприятий, отчуждаемы, передаваемы.

Эта самостоятельность движения вызывает иллюзию, что налицо действительный капитал, на самом же деле мы имеем дело с фиктивным капиталом. «Самостоятельное движение стоимости, — читаем мы в «Капитале», — этих титулов собственности — не только государственных фондов, но и акций — подтверждают иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости

действительного капитала (хотя и связанное с изменением возрастания этой стоимости)» [5].

И только то обстоятельство, что эти титулы на доход отчуждаемы, являются объектами спроса и предложения, делает их пригодной формой приложения ссудного капитала.

Рост капиталистического хозяйства сопровождается развитием специального рынка этих притязаний, титулов на доход (так называемые фондовые биржи). Капиталистическое хозяйство не только создает возможность циркуляции этих титулов на доход, но и организует специальные для этого рынки.

3

Капитал, возникающий как результат так называемой капитализации дохода, является, очевидно, капиталом фиктивным. То обстоятельство, что капитализация производится из существующей нормы процента, доказывает, что здесь мы имеем дело с капиталом, приносящим проценты.

На последнем мы еще остановимся.

Развитие рассматриваемого здесь фиктивного капитала предполагает, очевидно, существование и развитие прав на регулярный доход, капитализация которого приводит к образованию фиктивного капитала. Остановимся на наиболее значительных из этих прав на регулярный доход.

Наиболее ранним видом таких прав надо считать облигации государственных займов, почему вместе с развитием государственного кредита растет значение фиктивного капитала. В облигациях государственных займов мы имеем типичную форму воплощения фиктивного капитала. Государственная облигация представляет собой не столько обязательство государства уплатить определенную сумму, сколько обязательство уплачивать ежегодно держателю облигации определенный доход. Погашение государственных займов формально отсрочивается, а фактически никогда не происходит. Путем разнообразных технико-финансовых операций одни облигации заменяются другими, и во всех капиталистических странах сумма государственного долга обнаруживает тенденции не к уничтожению и даже не к сокращению, а к беспрерывному увеличению. Во всяком случае, не сумма этого долга определяет фактическую стоимость государственных облигаций. В самом деле, если в данный момент ссудный процент равен 5, облигация же дает право на получение регулярного ежегодного дохода 15 руб., то облигация независимо от суммы предоставляемого ею долга государства будет стоить примерно 300 руб. Стоимость облигации как формы приложения ссудного капитала определяется отнюдь не тем долгом, представителем которого данная облигация

[5] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 481.

как будто является, а тем доходом, который облигация приносит ее владельцу. Доход, который регулярно получает владелец облигации, капитализируется из существующего ссудного процента, и таким образом получается курсовая стоимость облигации. В том примере, который был приведен выше, облигация представляет капитал в 300 руб. Фиктивность ссудного капитала, нашедшего форму своего приложения в облигациях, заключается как в том, что стоимостное выражение его определяется процентом и приносимым облигацией доходом (стоимость его изменяется вместе с изменением процента и дохода, обратно пропорционально проценту и прямо пропорционально доходу), так и в том, что в этом случае ссудный капитал отнюдь не является превращенной формой какого-либо реально существующего капитала. Первоначально ссуженная государству сумма могла быть и не использована как капитал, и во всяком случае эта сумма давно истрачена и не воплощена уже ни в каком реальном капитале.

Уплата процентов гарантируется государственными доходами, которые представляют собой изымаемую государством часть национального дохода, но отнюдь не прибавочной стоимостью, производимой с помощью ссужаемой государству суммы, которая и не используется как капитал. Существование фиктивного капитала, как и ссудного капитала вообще, обусловливается производством в стране прибавочной стоимости. Но данная масса ссудного капитала, нашедшая свое приложение в государственных облигациях и функционирующая как фиктивный капитал, не имеет никакой непосредственной связи с производством прибавочной стоимости, хотя и отображает ее распределение.

Характеризуя капитал государственного долга, Маркс пишет: «Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора A причитывающаяся ему доля ежегодных налогов представляет процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для A возможность вернуть основную сумму. Что касается B, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела B только стал на место A и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным,

и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением» [6].

4

Как ни велико значение государственного долга и циркуляции государственных ценных бумаг, государственных облигаций, для образования фиктивного капитала, но все же оно отступает перед значением другого рода обязательств — долговых обязательств промышленных и торговых предприятий. С развитием капитализма гораздо большее значение приобретает фиктивный капитал как результат капитализации промышленной прибыли. Ссудный капитал находит сферу своего приложения не только, вернее, не столько в государственных облигациях, представляющих собой долговые обязательства государства, которые суть не что иное, как титулы на государственные доходы, сколько в другой, гораздо большей, имеющей огромное и все растущее значение, сфере приложения, а именно, в долговых обязательствах промышленных предприятий, в промышленных облигациях и акциях.

Облигации промышленных предприятий, по природе своей очень близкие к государственным облигациям, суть долговые обязательства промышленных или торговых предприятий, по которым (обязательствам) гарантируется определенный заранее фиксированный доход. Так как этот доход уплачивается непосредственно из прибыли предприятия, то, очевидно, этот доход тем более гарантирован, чем прочнее и солиднее предприятие. Стоимость (курс) облигации определяется приносимым ею доходом и существующим уровнем процента. Так как доход этот заранее фиксирован, то, стало быть, колебание курса целиком определяется нормой процента. Капитал, собранный предприятием путем выпуска облигаций, используется предприятием как денежный капитал, он функционирует в предприятии и здесь является функциональной формой промышленного капитала, который совершает свойственный этой форме кругооборот. Ясно, конечно, что денежный капитал как функциональная форма промышленного капитала не может изменяться, увеличиваться или уменьшаться, в зависимости от нормы процента на ссудный капитал. Его движение происходит по свойственным ему специфическим закономерностям.

Облигации же сами по себе становятся объектом купли-продажи, и стоимость облигации, поскольку она определяется существующей нормой процента, отклоняется от стоимости того реального (денежного) капитала, представителем которого облигация является. Движение курса облигации подчиняется закономер-

[6] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 479.

ностям рынка ссудных капиталов. Здесь, на рынке капиталов, облигация выступает не как представитель реального капитала, а только как титул на доход, и доход этот капитализируется из существующего уровня процента на ссудный капитал. Доход, приносимый облигацией, этим самым принимает форму процента, стало быть капитал, находящий свое приложение в облигациях, выступает как капитал, приносящий проценты, как ссудный капитал.

Но ясно, что это капитал фиктивный, и его изменение (увеличение или уменьшение) отражает изменение (уменьшение или увеличение) существующего уровня процента.

Другим видом долговых обязательств промышленных предприятий, имеющих еще большее значение в факте образования и движения фиктивного капитала, являются акции.

Акционерная форма предприятий возникла уже очень давно, но типичной она становится в новейшую эпоху капиталистического хозяйства, и распространение этой формы, которое, по словам Маркса, обозначает «...упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [7], «. . . упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое prima facie (прежде всего) представляется простым переходным пунктом к новой форме производства» [8], — характеризует именно последнюю фазу развития капиталистического хозяйства, именно стадию империализма.

Мы не можем здесь останавливаться на подробной характеристике акционерной формы. Эта чрезвычайно важная и интересная тема будет рассмотрена при анализе роли кредита в изменении структуры капиталистического предприятия [8а]. Здесь же мы остановимся только на одной стороне этой большой темы — на образовании фиктивного капитала.

При акционерной форме капитал предприятий образуется из паев: удостоверение о пае и носит название акции. Каждый пайщик получает акции соответственно капиталу, внесенному им в предприятие. Капитал, таким способом образуемый, действует как функционирующий капитал. Каждый пайщик, каждый владелец акции, является как бы сособственником предприятия. Но дело в том, что капитал, созданный из многочисленных паев, неделим. Собранный капитал закрепляется за предприятием, и, пока последнее существует, отдельные части не могут быть из него извлечены. Капитал, образованный путем выпуска акций, совершает движение, свойственное промышленному капиталу со

[7] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 479.

[8] Там же, стр. 481.

[8а] Это намерение И. А. Трахтенбергу осуществить не удалось (*Прим. ред.*).

всеми специфическими свойственными этому движению закономерностями.

Акционер является собственником предприятия, но весьма своеобразным собственником — собственником, не могущим распоряжаться своей собственностью.

Но, может быть, акционер осуществляет свое право собственника, выступает как собственник, участвуя в ведении предприятия, т. е. играя роль фукционирующего капиталиста? Формально такое право за акционером сохраняется. Но фактически это право иллюзорно. Так как на общих собраниях акционеров каждый обладает стольким числом голосов, сколько он имеет акций, и так как количество акций, которое может быть у отдельного лица, не ограничено, то ясно, что если кто-либо обладает половинным числом акций, он целиком и полностью распоряжается предприятием. Мы здесь отвлекаемся от анализа различных видов акций, который обнаружил бы, что даже формальная конструкция акционерных компаний обеспечивает господство не большинства акционеров, а ничтожного меньшинства. Мы не можем здесь вдаваться в подробное изложение акционерного дела, которое показало бы, что, для того чтобы распоряжаться предприятиями, вовсе не нужно быть собственником акций, достаточно владение ими, даже временное владение. На этом мы подробнее остановимся в другой части нашей работы, теперь же только подчеркнем, что нужно обладать сравнительно небольшой частью акций, чтобы овладевать предприятием.

Буржуазные экономисты любят распространяться на тему о том, что в акционерных предприятиях мы имеем демократизацию капитала: каждый, дескать, может купить акцию и стало быть сделаться сособственником предприятия.

Вернее как раз обратное: чем большему кругу лиц доступны акции, чем ниже стоимость каждой отдельной акции, чем, стало быть, шире круг лиц, приобретающих акции, тем меньшим числом акций надо владеть, чтобы господствовать над предприятием, фактически им владеть. Стало быть, чем «демократичнее» акционерное общество, тем больше возможностей для господства кучки финансовых олигархов.

Единственное право, которое сохраняется за акционером, — это право на получение соответственной части прибыли. Вот это-то право, право на доход, отделенное от права распоряжения имуществом, воплощается в акции, и акция становится своеобразным товаром, обладающим специфической ценой. Акция, которая формально как будто свидетельствует о том, что ее держатель обладает каким-то имуществом, акция, которая формально является как будто сертификатом реальной стоимости, на деле является только титулом на доход. «Акция, — справедливо утверждает Гильфердинг, — титул на доход, долговой титул на будущее производство, свидетельство на выручку».

Будучи по сути дела только титулом на доход, «цена (курс) акции определяется не по тому капиталу, который акция якобы представляет, а по доходу, который предполагается получить по ней. Цена акции определяется как капитализированная доходность акции» [9].

Реальный капитал предприятия слагается из тех сумм, которые собраны путем подписки на акции. Этот капитал находит себе применение в предприятии и циркулирует здесь как промышленный капитал, совершая кругооборот по формуле $Д—Т \ldots П \ldots Т—Д$.

Акции, которые формально представляют реальный капитал предприятия, могут покупаться и продаваться, они становятся своеобразным товаром, объектом сделок купли-продажи.

Что же отчуждается при продаже акции? Очевидно, отчуждается право на получение дохода, дивиденда, и цена этого права равна капитализированной из существующего уровня процента доходности.

Так же, как с облигациями, о чем мы говорили выше, реальный капитал, который образован путем выпуска акций, движется по свойственным движению капитала закономерностям, оборот же с акциями обслуживается также капиталом, закономерности движения которого не совпадают с закономерностями реального капитала. Денежный капитал, с помощью которого происходит обращение акции, получает как бы самостоятельное от реального капитала существование и движение.

Эта самостоятельность проявляется в том, что размер капитала, который овеществлен в акции, определяется не размером реального капитала, который служил основанием ее возникновения, а размером причитающегося на долю каждой акции дохода, с одной стороны, и высотой процента на ссудный капитал — с другой. Причем различие между тем и другим капиталом огромное.

Дивиденд, причитающийся на акции, устанавливается в определенные сроки, скажем раз в год, акции же покупаются и продаются постоянно. Поэтому при определении курса акций размер той суммы, которая капитализируется, только предполагаем, гадателен. Это обусловливает возможность биржевой игры, при которой выиграет тот, кто ближе к предприятию, и поэтому заранее знает, каков будет дивиденд, тот, кто фактически владеет предприятием и кто, следовательно, устанавливает величину выплачиваемого дивиденда. К тому же величина выплачиваемого дивиденда весьма условна и в значительной степени устанавливается произвольно.

Раньше мы указывали, что «демократическая» структура акционерного предприятия служит базой для овладения им небольшой кучкой наиболее крупных собственников держателей

---

[9] Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1912, стр. 140.

акций. Биржевая игра служит ареной еще большего обогащения этой кучки за счет одурачиваемой ею «демократии».

При определении курса акции приходится антиципировать будущий, еще не установленный доход. Как общее правило, при ссудном проценте, равном 5, акция, предполагаемый доход с которой равен 10 руб., оценивается в 200 руб., акция, по которой предполагается получить 15 руб. дохода, оценивается в 300 руб. и т. д.

Но какой капитал воплощен в акции? Предположим, при выпуске акция стоила 100 руб., предположим, стало быть, что каждый первоначальный держатель акции вложил в предприятие 100 руб., которые и были использованы как авансируемый в предприятии денежный капитал.

Предположим далее, что через некоторое время стало известным или стало предполагаться, что на акцию придется дивиденда 20 руб. При норме процента в 5 курс акции будет равняться примерно 400 руб. Какой же капитал овеществлен в акции — 100 руб. или 400 руб.? Очевидно, 400. Курс акции колеблется в зависимости как от колебания предполагаемого дивиденда, так и от уровня процента; ясно отсюда, что капитал, овеществленный в акции, чрезвычайно непостоянен, эластичен. Ясно также, что этот капитал фиктивный, и его изменение (увеличение или уменьшение) нисколько не изменяет реального богатства общества. Когда во время биржевых крахов констатируются миллионные и миллиардные потери, то это вовсе не значит, что нация реально обеднела. Изменение величины капитала, нашедшего свое воплощение в акциях, т. е. изменение величины фиктивного капитала, служит методом и показателем перераспределения реальных капиталов, но не изменения их абсолютной величины.

На этом нам придется подробнее остановиться в другом месте.

5

Какова же природа капитала, который находит свое воплощение, находит сферу своего приложения в ценных бумагах, в акциях и облигациях? Что это капитал фиктивный, ясно из предыдущего. Но какова же природа этого фиктивного капитала?

До сих пор при анализе фиктивного капитала мы исходили из категории ссудного капитала. Из изложенного ясно, что мы трактуем фиктивный капитал не как особый вид капитала, а как особую форму ссудного капитала.

Верно ли это? Попытаемся подойти к этому вопросу с другого, так сказать, конца. Постараемся исходить из фиктивного капитала и проанализируем его внутреннюю природу.

Ясно, конечно, что фиктивный капитал есть капитал денежный. До сих пор мы знали денежный капитал как функциональную форму промышленного капитала и денежный капитал как ссудный

капитал, т. е. капитал, приносящий проценты, характеризующий отношение денежных и функциональных капиталистов.

Денежный же (фиктивный) капитал, находящий свое приложение в акциях и облигациях, будет ли особым видом, «сортом» капитала, или же это своеобразная форма одного из вышеуказанных видов денежного капитала?

Что этот капитал нельзя считать функциональной формой промышленного капитала, не требует доказательств.

Но будет ли он ссудным капиталом?

Это было бы так, если бы он отличался двумя тесно между собой связанными, одним из другого вытекающими, признаками: во-первых, характеризовал бы отношение денежных и функционирующих капиталистов и, во-вторых, если бы доходы с этого капитала облечены были в форму процента.

С капиталом, воплощенным в облигациях, дело обстоит сравнительно просто. Долговой характер этих документов совершенно ясен, и то, что он овеществляет отношение владельца облигации и промышленного капитала как отношение заимодавца и заемщика, не требует особых доказательств.

Сложнее обстоит дело с акциями.

Иногда утверждают, что, поскольку акция становится товаром, она характеризует отношение покупателей и продавцов акций, стало быть, отношение денежных капиталистов. Этот взгляд нам представляется совершенно ложным. Здесь не принята во внимание природа этого своеобразного товара — акции. Акция потому является товаром, что она есть титул на доход. Природа этого титула на доход вскрывается через анализ тех отношений, которые служат основанием дохода. Доход, который приносит акция, обусловливается теми отношениями, которые существуют между владельцем акции и промышленным предприятием, поэтому вне этих отношений не может быть понята природа акции. Если бы акция характеризовала отношение денежных капиталистов между собой, никак нельзя было бы объяснить наличие дохода, причитающегося на акцию. Только тот, кто отрицает, что источником дохода акционера является прибавочная стоимость, может утверждать, что акция характеризует отношения между денежными капиталистами.

Капитал, воплощенный в акциях, характеризует отношение денежных и функционирующих капиталистов, и природа акции может быть понята только через характеристику отношения акционера к промышленному предприятию. Только при таком объяснении может быть понятно, что доход акционера есть не что иное, как часть прибавочной стоимости. Когда мы говорим об отношениях денежного и функционирующего капиталистов, то хотя это отношение непосредственно не отображает отношений капитала (отношение собственников средств производства и наемных рабочих), но оно эти отношения предполагает, стало быть, их включает. Следовательно, отношение денежных и функционирующих

капиталистов предполагает капиталистическое производство и присвоение прибавочной стоимости.

Таким образом, капитал, воплощенный в акциях, характеризует отношение денежных и функционирующих капиталистов. С этой точки зрения этот капитал (фиктивный) аналогичен ссудному капиталу.

Но как обстоит дело со вторым признаком, т. е. будем ли мы здесь иметь дело с капиталом, приносящим проценты? Или, иначе, какова форма дохода, титулом на который и является акция?

Если бы курс акции определялся не путем капитализации дохода, то, очевидно, доход акционера, дивиденд, являлся бы не чем иным, как промышленной прибылью. Но именно потому, что курс (цена) акции определяется путем капитализации дохода, притом капитализации из существующего уровня процента, доход, получаемый акционером, принимает форму процента.

Эту же мысль можно выразить и иначе. Если бы капитал, воплощенный в акциях, представлял бы просто денежный капитал, вложенный в предприятие, тогда доход акционера был бы не чем иным, как промышленной прибылью. Но в этом случае мы не имели бы дела с фиктивным капиталом. Капитал, который находит свое воплощение в акции, именно потому и фиктивен, что размер его определяется капитализацией дохода, или, иначе, что доход, получаемый с этого капитала, принимает формы процента. Процесс становления фиктивного капитала есть процесс превращения промышленного дохода в процент. Если при первоначальной (номинальной) стоимости акции в 100 руб. курс ее повышается до 400 руб., ибо процент равен 5, а дивиденд — 20, то это как раз происходит потому, что доход приобретает форму процента; если бы он этой формы не принимал, курс акции не был бы равен 400 руб. Но именно эта специфическая оценка акции превращает капитал, нашедший свое приложение в акциях, в капитал фиктивный.

Маркс неоднократно подчеркивает это обстоятельство.

Говоря об акционерных обществах, Маркс подчеркивает, что при этом происходит «превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), то и тогда вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как

эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал» [10].

«Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент. . .» [11].

Превращение промышленной прибыли (или части ее) в процент — процесс далеко не простой. Он сопровождается целым рядом явлений, чрезвычайно важных и интересных. Для анализа этих явлений необходимо было бы рассмотреть биржу и биржевые операции со всеми их тонкостями и деталями. Это позволило бы показать, что природу акции нельзя определить анализом биржевой игры. И не в барышах, получаемых владельцами акций как покупателями и продавцами акций, получаемых вследствие колебаний курсов, барышах чисто спекулятивного характера, вскрывается природа фиктивного капитала. Биржевая игра и связанные с нею биржевые барыши как раз вытекают из того, что доход акционера принимает форму процента. И только потому, что доход акционеров есть промышленная прибыль, принимающая форму процента, возможны биржевая спекуляция и биржевые барыши, которые в конечном счете ведут к все большей и большей централизации денежных капиталов и ко все большему и большему могуществу кучки финансовых магнатов.

Процесс превращения прибыли в процент объясняет также и явления так называемого учредительского барыша. Этот процесс сопровождается огромной экспроприацией мелких собственников, он ведет к колоссальной централизации денежных капиталов. Все эти явления нами будут подробно рассмотрены в другом месте, при изучении роли кредита в капиталистическом производстве. Там же мы рассмотрим и те сложные процессы образования различного типа акционерных обществ, те усовершенствованные формы и методы финансирования, которые становятся возможными благодаря акционерной форме, которые ведут к еще большему усилению, к еще большему могуществу денежных капиталистов, те методы, которые превращают банки «. . . из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран» [12].

В этой же главе мы хотели только показать, как возникает фиктивный капитал и какова его природа.

Изложенное позволяет утверждать, что фиктивный капитал, во-первых, характеризует отношения денежных и функционирую-

---

[10] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 479.

[11] Там же, стр. 480.

[12] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 198.

щих капиталистов, и во-вторых, доход с этого капитала имеет форму процента. Таким образом, фиктивный капитал обладает всеми признаками ссудного капитала.

6

Мы показали, что возможность возникновения фиктивного капитала вытекает из природы ссудного капитала, этой, как мы уже говорили, иррациональной формы капитала.

Далее мы анализировали фиктивный капитал сам по себе, абстрагируясь от того, что его возникновение предполагает наличие ссудного капитала, и этот анализ позволяет утверждать, что фиктивный капитал не является особым видом, сортом капитала, а только особой формой ссудного капитала. Ссудный капитал отличается от капитала потому, что типы социальной связи, отображением которых является тот и другой, различны. Фиктивный же капитал есть то же общественное отношение, что и ссудный капитал.

Но было бы большой ошибкой полагать, что фиктивный капитал и ссудный капитал одно и то же. Необходимо подчеркнуть, что фиктивный капитал есть о с о б а я форма с с у д н о г о капитала. Поэтому чрезвычайно важно подчеркнуть как сходство фиктивного и ссудного капитала, так и их различие.

Ссудный капитал как капитал денежный является непосредственно превращенной формой реального капитала; фиктивный капитал потому и фиктивен, что он превращенной формой реального капитала не является. Ссудный капитал отображает капитал реальный, как его бытие, так и его движение; фиктивный капитал только отражает движение реального капитала. Ссудный капитал находит свою значимость в своей непосредственной связи с капиталом реальным; фиктивный капитал определяет свое бытие как отражение капиталистической прибыли.

Ссудный капитал как денежный капитал является превращенной формой капитала реального, но, с другой стороны, огромная масса ссудного капитала представляет собой фиктивный капитал. «Во всех странах капиталистического производства существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или moneyed capital в этой форме» [13].

Фиктивный капитал является капиталом, приносящим проценты. Различие — притом очень большое — в этом отношении заключается в том, что при ссудном капитале процент является плодом ссудного капитала, при фиктивном капитале сам фиктивный капитал является плодом процента. Самая возможность образования ссудного капитала обусловливается общими производственными отношениями капитализма, но с точки зрения

[13] К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 483.

владельца, собственника, ссудный капитал и фиктивный капитал одно и то же: и тот, и другой приносят проценты. То же и с общей народнохозяйственной точки зрения: и тот, и другой одинаково являются общезначимыми притязаниями на прибавочную стоимость.

Сходство ссудного и фиктивного капитала, следовательно, заключается в том, что тот и другой выражает один и тот же тип социальной связи; различие заключается в том, что тот и другой имеют различные формы возникновения и движения (изменения). Различие между ссудным и фиктивным капиталом не в характере отображенных ими социальных связей, а в характере их отношений к капиталу реальному. Поскольку социальное содержание должно явиться определяющим для экономической категории, постольку фиктивный капитал нельзя считать особым видом капитала, а только особой формой ссудного капитала.

Когда мы говорим о ссудном капитале, необходимо помнить, что мы имеем дело с фикцией, которая имеет реальную значимость. На основе этой фикции возникают своеобразные формы экономических отношений, эти фикции предопределяют тот сложный комплекс экономических связей, которые придают отношениям капитала классовую законченность и которые оголяют паразитизм капиталистической системы.

Противоречие ссудного капитала, которое заключается в том, что он, с одной стороны, является денежной (превращенной) формой реального капитала, а с другой — является фиктивным капиталом, что он, с одной стороны, отображает движение реального капитала, а с другой — движение прибавочной стоимости, влечет за собой целый ряд других противоречий и обостряет общие противоречия, свойственные всей капиталистической системе в целом.

Мы рассмотрели проблему фиктивного капитала соответственно двойственности ссудного капитала. Ссудный капитал — это сумма покупательных и платежных средств, это сумма денег. Но ссудный капитал может быть воплощен не в деньгах и даже не в знаках денег, а только в титулах на деньги; с этой точки зрения большая часть ссудного капитала фиктивна.

С другой стороны, ссудный капитал — это капитал, приносящий проценты, но простые титулы на доход также становятся овеществлением ссудного капитала, и с этой точки зрения большая часть ссудного капитала фиктивна.

Само собой разумеется, что тот капитал, который находит свое воплощение, свое приложение в ценных бумагах, вдвойне фиктивен: фиктивен он потому, что представляет только капитализированный доход, а не является превращенной формой реального капитала; фиктивен он и потому, что по своим размерам он выходит далеко за пределы имеющегося количества денег (или общезначимых знаков денег).

То обстоятельство, что фиктивный капитал обладает чрезвычайно большой амплитудой изменчивости, расширения и сжатия, придает рынку ссудных капиталов чрезвычайную чуткость и эластичность. Рынок ссудных капиталов отображает, и притом отображает весьма резко, специфическое отношение между спросом и предложением ссудного капитала, это же отношение отображает процесс производства и воспроизводства реального капитала. Эта эластичность рынка ссудных капиталов, создаваемая эластичностью фиктивного капитала, с одной стороны, облегчает капиталистическую экспансию, расширяет границы капиталистического способа производства, а с другой стороны, она же обостряет противоречия капиталистической системы. Именно эта эластичность усиливает резкость и остроту капиталистического кризиса.

Глава шестая

ГЕНЕЗИС ССУДНОГО КАПИТАЛА

1

Ссудный капитал как экономическая категория, как особый тип производственной связи возникает вместе с капиталистическим способом производства, хотя своей законченности и завершенности достигает только в позднейшей стадии капитализма, в эпоху финансового капитализма. Именно в эту эпоху отделение капитала-собственности от капитала-функции достигает огромных размеров. Именно в эту эпоху кредит — а кредит есть не что иное, как производственное отношение ссудного капитала, — приобретает особое значение. Можно было бы провести аналогию с акционерной формой предприятий. Эта форма существовала и в эпоху промышленного капитализма, больше того, значение этой формы уже тогда было достаточно велико; все же эту форму можно назвать типичной только для эпохи империализма. То же надо сказать и о ссудном капитале. Эта аналогия, заметим кстати, не случайна, так как преобладание акционерной формы как раз связано с развитием кредита или, иначе, ссудного капитала.

Ссудный капитал возникает вместе с капиталистическим производством, но корни его возникновения надо искать в «допотопных» формах капитала простого товарного хозяйства, тех формах капитала, которые обладают «способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства» [1].

Торговля деньгами, возникающая в сфере международной торговли, обусловливаемая многочисленностью и разнообразием денежных систем, ростовщический капитал, — это предтеча ссудного капитала эпохи «мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров» [2], и, наконец, денежно-торговый капитал как выделяющаяся в особый вид капитала функциональная форма промышленного и торгового капитала, — таковы три формы капитала, слияние функций которых

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 611.
[2] Там же, стр. 608.

образует ссудный капитал. Это слияние вместе с тем происходит путем приспособления указанных функций к условиям капиталистического способа производства, и необходимость такого приспособления вызывается специфическими формами воспроизводства капитала.

Для развитого капитализма характерно не просто существование и функционирование ссудного капитала, т. е. капитала, приносящего проценты, следовательно, не только то, во-первых, что ссудный капитал становится самостоятельной экономической категорией, выражающей особый обособленный тип производственной связи, но, во-вторых, то, что эта категория оказывается господствующей. Эти две тенденции (к самостоятельности и господствованию экономической категории ссудного капитала) имеют огромное значение, и только под углом зрения самостоятельности и господствования ссудного капитала можно ориентироваться в сложных теоретических проблемах современного кредита и установить то место, которое занимает кредит в условиях развитого капиталистического хозяйства.

В высшем развитии категории ссудного капитала обнаруживается факт доведения капиталистической системы до своего предела, обнаруживаются претензии капиталистической собственности посягать на присвоение большей части народнохозяйственного дохода только по праву собственности, обнаруживается господство капитала как собственности, и, стало быть, бесплодность с точки зрения развития производительных сил всей хозяйственной системы капиталистического общества.

Воплощая противоречия между способом производства и методом присвоения, ссудный капитал концентрирует в себе все противоречия капитализма и вместе с тем его развитие означает усиление все обостряющихся противоречий всей капиталистической системы в целом. Ссудный капитал питает и развивает капиталистическое хозяйство, но вместе с тем, выводя его развитие за пределы возможностей капитализма, постоянно взрывает эту систему. Утверждая капитал как собственность, ссудный капитал обнаруживает паразитизм капитала и капиталистической системы хозяйства. В развитии ссудного капитала как самостоятельной и господствующей экономической категории обнаруживаются доведенные до максимальной степени противоречия между производительными силами и производственными отношениями, несоответствие между хозяйственной деятельностью и формами человеческого общежития, противоречия, ищущие своего разрешения и без разрешения которых становится невозможным развитие человеческого общежития.

Самостоятельность категории ссудного капитала выражается прежде всего в том, что он представляет особый тип социальной связи, вытекающий из отношений капитала, но совершенно своеобразный. Во-вторых, эта самостоятельность

выражается в том, что в противоположность промышленному капиталу ссудный капитал находит непосредственное свое определение (характеристику) не через свое отношение к прибавочной стоимости, а через отношение к капиталу. Это же в свою очередь вытекает из того (и это можно назвать третьей формой выражения самостоятельности категории ссудного капитала), что он берет на себя выполнение особых, выделенных из процесса кругооборота капитала, функций. Причем (в-четвертых) эти функции становятся особой функцией особой группы капиталистов. Наконец (в-пятых), самостоятельность категории ссудного капитала вытекает из того, что ссудный капитал имеет самостоятельное, обусловленное движением капитала, но своеобразное, имеющее особые закономерности, движение.

Господствование ссудного капитала проявляется, во-первых, в том, что закономерности отношений промышленного капитала подчиняются воздействию закономерностей ссудного капитала.

Во-вторых, и этот момент является наиболее существенным, это господствование проявляется в том, что продукт капитала — прибыль — начинает облекаться в форму процента — продукта ссудного капитала. Прибыль обнаруживает тенденцию к слиянию с процентом, а предпринимательский доход принимает видимость заработной платы.

Это особенно обнаруживается в типичных для эпохи империализма формах предприятий — в акционерных компаниях, образование и развитие которых обязано и основано на развитии кредитных отношений, на развитии ссудного капитала.

В акционерных компаниях происходит «превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов». Вся прибыль этих капиталистов «получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал» [3]. Поскольку процент есть плод ссудного капитала, т. е. капитала как собственности, в противоположность капиталу как функции, и поскольку прибавочная стоимость начинает принимать не форму прибыли, а процента, постольку характер присвоения прибавочной стоимости обнаруживает всю свою противоречивость интересам развития производительных сил и этим самым обнаруживает паразитизм получателя прибавочной стоимости как агента капиталистического хозяйствования.

---

[3] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 479.

Наконец, в-третьих, господствование ссудного капитала проявляется в своеобразных формах присвоения и распределения прибавочной стоимости. При его господстве распределение прибавочной стоимости производится уже не по функциональному назначению капитала, но только по праву собственности на него. Присвоение прибавочной стоимости теряет всякие следы «производительности» капитала, как такового, и само это присвоение превращается в простое рантьерство. Тот класс, который фактически присваивает прибавочную стоимость, делает это на основе права рантье, класса-паразита.

Содержание рантье относится к непроизводительным издержкам капиталистического общества, и поскольку весь класс капиталистов превращается в рантье, постольку вся капиталистическая система становится непроизводительными издержками общества, задерживающими развитие его производительных сил.

В настоящей главе мы остановимся на тех формах капитала, слияние которых образует ссудный капитал, — на торговле деньгами, на ростовщическом капитале и на денежно-торговом капитале, следовательно, на генезисе ссудного капитала и на тех тенденциях, которые обнаруживаются в развитии уже возникшего ссудного капитала и которые превращают его в самостоятельную экономическую категорию. Изучение генезиса ссудного капитала поможет уяснить и самую сущность его.

2

Из всех трех указанных форм капитала наиболее существенным для выяснения генезиса ссудного капитала, понимания необходимости его возникновения и развития в самостоятельную экономическую категорию, является денежно-торговый капитал. Хотя возникновение этого последнего надо отнести к эпохе торгового капитализма, но функционирование денежно-торгового капитала как самостоятельной формы капитала с неизбежностью вырастает и из процесса кругооборота капитала, как этот процесс совершается и в условиях промышленного капитализма и который определяет не только возможность кредита, но и вызывает его необходимость.

В этом смысле можно было бы сказать, что происхождение ссудного капитала, не только историческое, но и логическое, надо искать как раз в денежно-торговом капитале.

Ростовщический капитал, как и торговлю деньгами, капиталистическое хозяйство находит уже данными, уже развившимися формами, формами капитала еще до системы капиталистического производства. В то время как денежно-торговый капитал — это категория, не только исторически предшествовавшая ссудному капиталу, но постоянно возникающая и развивающаяся и при капитализме, — торговля деньгами и ростовщический капитал

характерны только для докапиталистической эпохи. При капитализме же они преобразовываются, приспособляясь к новой системе производственных отношений.

Торговля деньгами непосредственно возникает из потребностей международной торговли. Многочисленность и разнообразие денежных систем различных местностей вызывали необходимость для купцов, участвовавших в международной торговле, постоянно менять деньги чужой страны на деньги местные и местные деньги на деньги чужой страны или же заменять деньги слитками металла (серебра или золота), игравшего роль мировых денег. Очень скоро возникла специальная профессия — меняльное дело, которая удовлетворяла эту потребность. Уже в древней Греции и Риме меняльное дело и торговля слитками достигли очень большого развития. Это дело требовало довольно большого навыка и специальных знаний, поэтому и создалась особая профессия менял. Менялы различных стран были связаны друг с другом, а так как путешествие с деньгами в то время было опасным, купцы, отправляясь в другую страну и обменивая у менял местные деньги на чужие, не брали денег с собою, а получали у менял какой-нибудь документ, по которому они могли получить деньги в чужой стране, куда купцы приезжали. Таким образом, чисто меняльное дело дополнялось операциями по переводу денег. Если меняльное дело явилось предтечей арбитражных операций банков, то выдача указанных документов явилась прообразом будущих переводных операций. Что торговля слитками явилась первоначальной формой торговли деньгами и что функция этих торговцев была затем поглощена современными банками, ведущими операции с ссудным капиталом, видно и из того, что в течение очень долгого времени функции банкиров и золотых дел мастеров выполнялись одними и теми же лицами (goldsmith — в Англии).

Торговля деньгами и слитками обусловливается двумя различными функциями, которые выполняются деньгами, выступающими, с одной стороны, как местные монеты и с другой — как деньги мировые. «. . . Меняльное дело и торговля слитками являются самыми ранними формами торговли деньгами и вытекают из двояких функций денег: как национальных денег и как мировых денег» [4].

Другой формой капитала, развитие и трансформация которой приводят к созданию категории ссудного капитала, является ростовщический капитал.

Ростовщический капитал является старинной формой капитала, приносящего проценты. «. . . капитал ростовщический, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют

---

[4] К. Маркс. Капитал. т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 350.

капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших экономических общественных формациях» [5].

Предпосылками ростовщического капитала являются товарное хозяйство и развертывание различных функций денег.

Ростовщический капитал — предтеча ссудного капитала, тот и другой являются капиталом, приносящим проценты, но один функционирует в условиях простого товарного хозяйства, а другой в условиях хозяйства капиталистического. Этим определяется и их различие. Оно заключается не в различии природы и характере того и другого капитала, а в условиях их функционирования.

«Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору».

«Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства» [6].

Ссудный капитал характеризует отношения между денежным и промышленным капиталом. Ростовщический капитал характеризует, с одной стороны, отношения между обладателями денег и крупными землевладельцами и, с другой стороны, между обладателями денег и мелкими самостоятельными производителями.

Ссудный капитал, являясь результатом развития капиталистического хозяйства, способствует дальнейшему его развитию; ростовщический капитал «присасывается» к современному ему способу производства «как паразит и приводит его в жалкое состояние» [7]. «. . . С одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, коротко говоря, все формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства» [8].

Процент как плод ссудного капитала представляет собой часть прибавочной стоимости, «под формой процента весь избыток сверх необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей впоследствии заработную плату) может быть здесь

[5] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 607.
[6] Там же, стр. 614.
[7] Там же, стр. 610.
[8] Там же.

поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента). . .» [9].

Ростовщический капитал достиг огромных размеров и в средние века играл большую роль в хозяйственной жизни. Он одновременно разорял и феодалов, и мелких производителей, централизуя в то же время денежные суммы в руках немногих лиц. Он способствовал возникновению капитала и созданию кадров людей, могущих существовать только продажей рабочей силы.

Капитализм в лице ростовщического капитала нашел зачаточную форму капитала, приносящего проценты; функции ростовщического капитала, дополняясь и усложняясь функциями денежно-торгового капитала, превращаются в функции ссудного капитала, или, иначе, торговля деньгами и ростовщичество, осложняясь функциями развивающегося и в условиях капитализма денежно-торгового капитала, образуют новую категорию — ссудный капитал.

3

Ссудный капитал является не только результатом исторического развития торговли деньгами и ростовщического капитала. Возникновение его и превращение в самостоятельную экономическую категорию определяются главным образом перманентно действующими в условиях капиталистического хозяйства обстоятельствами, вытекающими из характера кругооборота капитала, из процесса производства и воспроизводства капитала, теми моментами, которые определяют как возможность, так и необходимость кредита.

В процессе развития капиталистического хозяйства происходит расчленение функций, выполняемых капиталом в различных фазах своего кругооборота; функциональные формы капитала превращаются в самостоятельные виды капитала; выполнение отдельных функций капитала в результате разделения труда становится специальными функциями особых групп капиталистов. Одна из функциональных форм капитала — товарный капитал — превращается в товарно-торговый капитал, другая — денежный капитал — превращается в денежно-торговый капитал.

Этот процесс выделения функциональных форм капитала представляет для изучаемой нами проблемы большой интерес, и поэтому на нем следует остановиться несколько подробнее.

Капитал в процессе своего кругооборота, как известно, проходит три фазы, из которых две — первая и последняя — составляют стадии обращения, представляют постоянный метаморфоз товара и денег, и одна фаза — вторая — стадию производства, процесс изменения потребительной стоимости и увеличения стоимости авансированного капитала. В процессе своего кругооборота

[9] Там же, стр. 609.

капитал принимает то форму товаров, то форму денег, в процессе обращения капитал выступает то как товарный капитал, то как денежный.

Из трех указанных стадий кругооборота только во второй фазе производства капитал выступает как капитал, так как только в этой фазе создается прибавочная стоимость; в этой фазе используется рабочая сила, обладающая свойством производить стоимость большую, нежели воплощено в ней самой. Капитал в этой второй фазе кругооборота можно назвать капиталом производства. Капитал же, занятый в процессе обращения, можно назвать капиталом обращения, который в свою очередь может иметь форму или товара, или денег, может быть товарным капиталом и денежным капиталом.

В кругообороте капитала $Д—Т\ldots\ П\ldots\ Т'—Д'$ первый акт обращения представляет собой процесс превращения авансированного капитала в денежной форме в капитал производительный, ибо $Т$ есть не просто товар, а товар с определенной специфической потребительной стоимостью — средства производства и рабочая сила. Потребительная стоимость рабочей силы как товара делает $Т$, в которую превращается $Д$, капиталом производительным.

Вторая стадия $Т\ldots\ П\ldots\ Т'$ — движение производительного капитала, процесс производства товара ($Т'$) с определенной потребительной стоимостью и с увеличенной в сравнении с $Т$ стоимостью. Из этого акта капитал выходит как $Т'$, как товар, стоимость которого отягчена прибавочной стоимостью.

Третья стадия $Т'—Д'$ представляет собой акт превращения товара в деньги, изменение формы капитала, превращение товарного капитала в денежный капитал.

Таким образом, формы, принимаемые промышленным капиталом в процессе своего кругооборота, суть денежный капитал, производительный капитал и товарный капитал. «Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы *денежного капитала и товарного капитала*; ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма *производительного капитала*. Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть *промышленный капитал*; слово промышленный употребляется здесь в том значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства» [10].

Указанные три формы капитала, с точки зрения кругооборота капитала, являются только формами капитала, но то обстоятельство, что функции капитала во всех этих формах различны, создает возможность превращения функциональных форм капитала в самостоятельные виды капитала.

[10] К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 60.

Рассматриваемые в связи с кругооборотом промышленного капитала денежный капитал, товарный капитал и производительный капитал остаются только различными формами промышленного капитала.

«Следовательно, денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предпринимательства. Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы одну за другой» [11].

В кругообороте промышленного капитала происходит восстановление денежной формы авансированного капитала (*Д... Д'*), и это восстановление является и конечной целью, и предпосылкой кругооборота промышленного капитала. Кругооборот промышленного капитала начинает с денежной формы и ею кончает (Vom Gelde kommt's, zum Gelde strömt's), но в промежутках между начальной стадией кругооборота и его конечной стадией капитал принимает разнообразные указанные формы.

Пребывание капитала в фазах обращения означает непроизводительное использование капитала, оно необходимо и неизбежно, но оно представляет собой использование капитала не как капитала, а как товара и денег, только как товара и денег. С точки зрения капитала как самовозрастающей стоимости акты обращения являются актами праздного состояния капитала, праздного в том смысле, что в этих стадиях капитал, находясь в товарной или денежной форме, выступает как товар или деньги, а не как капитал. В этих стадиях кругооборота промышленного капитала его функции являются функциями товара и денег, но не функциями капитала. Поскольку в актах обращения происходит только лишь метаформоз товара и денег, состояние в этих стадиях представляет непроизводительные издержки, к уменьшению которых капитал должен стремиться. Стремление к уменьшению этих непроизводительных издержек может быть осуществлено через абсолютное и относительное уменьшение капитала обращения, во-первых, и через сокращение времени обращения, во-вторых.

То и другое достигается выделением торгового (купеческого) капитала, функции которого заключаются в совершении актов обращения и операции с которым делаются специальной функцией особой группы капиталистов, торговцев, купцов.

Возможность такого выделения вытекает из следующего.

В своем кругообороте капитал принимает три формы: денежного капитала, товарного капитала и производительного капитала, но в то же время кругооборот капитала можно рассматривать

---

[11] Там же, стр. 60.

как одновременное и параллельное движение этих функциональных форм капитала.

Кругооборот капитала можно разложить на параллельное движение его различных форм, каждая из которых имеет самостоятельное движение. Кругооборот капитала можно выразить формулой $Д—Т... П... Т'—Д'$; если взять движение его функциональных форм, пока еще не выделившихся в самостоятельные виды капитала, т. е. рассматривать движение форм капитала в связи с общим кругооборотом капитала, то движение денежного капитала выражается $Д—Т—Д'$, товарного капитала — $Т—Д—Т$, производительного капитала — $Т... П... Т$. Каждая функциональная форма капитала в процессе кругооборота капитала постоянно воспроизводится и возобновляется. Денежный капитал в своем движении воспроизводится как денежный капитал, производительный капитал вновь воспроизводится в форме производительного капитала, наконец товарный капитал воспроизводится как товарный капитал.

Воспроизводство всего промышленного капитала есть воспроизводство его отдельных форм и совершается беспрерывно. Больше того, беспрерывность всего кругооборота капитала достигается постоянным и беспрерывным воспроизводством его отдельных форм. А это значит, что капитал всегда и одновременно находится во всех трех своих функциональных формах: часть промышленного капитала находится в форме денег, часть в форме товаров, часть в форме производительного капитала.

Это в равной степени относится как к индивидуальному промышленному капиталу, так и к совокупному общественному капиталу. Только при одновременном функционировании всех трех форм капитала и при параллельном их кругообороте, т. е. беспрерывном их воспроизводстве, возможен непрерывный кругооборот и, стало быть, постоянное воспроизводство как совокупного общественного промышленного капитала, так и отдельных, индивидуальных промышленных капиталов. «В действительности же каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трех кругооборотах одновременно. Три кругооборота, формы воспроизводства трех видов капитала, непрерывно совершаются один рядом с другим» [12].

Капитал находится во всех трех формах, но в то время как производительный капитал функционирует как капитал, денежный и товарный капитал функционирует как деньги и товар. Чем меньше капитал, имеющий форму денег или товара, тем интенсивнее темп функционирования всего капитала как капитала.

Так как пребывание капитала в товарной форме — явление постоянное, то возникает возможность выделения операций с то-

---

[12] К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 116.

варным капиталом в специальные операции особой группы капиталистов. Если бы промышленный капиталист должен был продавать продукты своего производства непосредственно потребителям, время обращения товарного капитала, превращение *Т—Д*, было бы весьма продолжительным. Но фабрикант продает купцу, этим самым для промышленного капиталиста акт обращения *Т—Д* заканчивается, и он вновь может авансировать получаемые от купца деньги для превращения их в производительный капитал. Возможность существования купца как постоянно функционирующего капиталиста определяется тем, что капитал в товарной форме постоянно функционирует. Если бы существование капитала в товарной форме было только мимолетным, профессия купца была бы невозможна. Мимолетным же это пребывание капитала в товарной форме является только для индивидуального промышленного капитала, для которого всякая форма капитала является мимолетной. Капитал вообще обнаруживает себя только в движении, стало быть, только в постоянном изменении своих форм. Но для совокупного промышленного капитала товарная форма капитала является постоянно функционирующим капиталом и находящимся постоянно в наличности. Это-то обстоятельство делает возможным, а стремление к уменьшению издержек обращения — необходимым выделение функциональной формы капитала — товарного капитала и превращение его в самостоятельный вид капитала — товарно-торговый капитал и образование особой группы капиталистов, торговцев, купцов, единственной функцией которых являются операции с товарно-торговым капиталом. «Если рассматривать совокупный общественный капитал, то одна часть его, хотя и постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этого метафорфоза форм. Поскольку такая функция капитала, находящегося в процессе обращения, вообще обособляется как особая функция особого капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, постольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим капиталом» [13].

Само собой разумеется, что не весь капитал обращения выделяется в особый вид капитала, так как непосредственные покупки и продажи между промышленными капиталистами сохраняются, но во всяком случае большая часть товарного капитала превращается в товарно-торговый капитал. Даже в тех случаях, когда промышленный капиталист сам ведет операции по продаже

[13] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 293.

продуктов своего производства, эти операции составляют особую функцию; торговые отделы крупнейших промышленных концернов Европы и Америки представляют собой, по сути дела, особые самостоятельные предприятия, хотя и тесно связанные с промышленным капиталом.

С возникновением товарно-торгового капитала обращение ускоряется не только с точки зрения индивидуального промышленного капитала, но и всего совокупного капитала в целом, так как профессиональные навыки купца способствуют быстрейшему продвижению товара к потребителю. С другой стороны, так как пребывание в товарной форме различных индивидуальных промышленных капиталов не совпадает во времени, один и тот же капитал обращения, единственные функции которого составляют операции с товарным капиталом, может обслуживать ряд промышленных капиталов и не только одной и той же, но и различных отраслей народного хозяйства. А это значит, что не только ускоряются акты обращения, но весь необходимый совокупный капитал обращения уменьшается.

Для того чтобы функции капитала по обращению могли сделаться самостоятельной операцией купца, необходимо, чтобы этот последний авансировал определенный капитал в денежной форме, с помощью которого он мог бы совершать операции по обращению товаров. Купец авансирует сумму денег, на которую он покупает товар у фабриканта, с тем чтобы этот товар продать, на вырученные деньги купить снова товар и т. д.

И капитал купца движется по формуле: $Д—Т—Д$. Это обращение может быть только в том случае обращением капитала, когда крайние члены этой формулы представляют не одинаковую стоимость, формула движения купеческого капитала не $Д—Т—Д$, а $Д—Т—Д'$, где $Д'$ больше $Д$. Капитал купца также должен возрастать в своем движении, иначе это не было бы обращением капитала.

Источником возрастания капитала является прибавочная стоимость; последняя же не создается в процессе обращения торгового капитала. Возрастание купеческого капитала возможно только за счет прибавочной стоимости, создаваемой в движении промышленного капитала.

Как купеческий капитал представляет собой функциональную форму промышленного капитала, так и прибыль купца представляет часть прибыли промышленного капитала, уступаемую купцу за его операции с товарным капиталом.

Товарно-торговый капитал есть часть промышленного капитала, но часть, выделившаяся и постоянно остающаяся в сфере обращения. «Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроизводства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке в процессе своих

метаморфозов часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал».

А отсюда:

«... *Денежный* капитал, который авансируется купцом, предназначен исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и постоянно находится в сфере обращения капитала» [14].

Возникновение купеческого капитала имеет огромное значение с точки зрения сокращения издержек обращения и наиболее рационального использования имеющегося в обществе капитала.

Значение купеческого капитала характеризуется Марксом следующим образом:

«Следовательно, купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, т. е. непосредственно он их не создает. Поскольку он содействует сокращению времени обращения, он косвенным образом может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно, дает капиталу возможность работать в более крупном масштабе, его функция повышает производительность промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, применяемую непосредственно в производстве» [15].

Создание торгового капитала является результатом выделения одной из функциональных форм капитала — товарного капитала. Такой же процесс происходит и с другой функциональной формой капитала — денежным капиталом. Выделение денежного капитала имеет гораздо большее значение, так как выделение товарного капитала не ведет к образованию нового «сорта» капитала [15а], не создает, стало быть, нового специфического производственного отношения; выделение же денежного капитала создает новый капитал — ссудный капитал (новое специфическое производственное отношение), движение которого, обусловленное движением промышленного капитала, в то же время получает свои собственные специфические закономерности.

---

[14] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 300—301.

[15] Там же, стр. 307.

[15а] Когда выделившийся товарный капитал превращается в товарный торговый капитал, то это означает возникновение нового вида капитала, обособившегося от промышленного капитала (*Прим. ред.*).

4

Подобно товарному капиталу, и другая функциональная форма капитала — денежный капитал, в результате разделения труда, благодаря которому отдельные функции капитала становятся функциями особых групп капиталистов, превращается в особый вид капитала. Подобно тому как товарный капитал превращается в товарно-торговый капитал, денежный капитал как функциональная форма промышленного капитала превращается в денежно-торговый капитал как особый вид капитала, операции с которым становятся функциями особой группы капиталистов.

Процесс этот происходит приблизительно так же, как и выделение товарно-торгового капитала.

В процессе своего кругооборота промышленный капитал так же, как и купеческий капитал, выступает то в форме товаров, то в форме денег. Кругооборот как того, так и другого капитала представляет постоянный метаморфоз товара и денег, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги. Кругооборот капитала есть непрерывный процесс, но для того чтобы кругооборот капитала совершался непрерывно, требуется, чтобы во всякий данный момент одна часть как общественного, так и индивидуального капитала находилась в товарной форме, другая — в денежной. Только одновременное и параллельное существование и функционирование обеих этих форм капитала гарантирует непрерывность процесса кругооборота капитала, непрерывность процесса производства и воспроизводства капитала. Вопрос о количественном отношении между этими двумя формами капитала мы оставляем в стороне.

Кроме того, временное пребывание отдельных частей капитала в денежной форме вытекает из характера самого кругооборота капитала, имманентно ему присуще. С точки зрения всего общественного капитала денежная форма капитала вовсе не является мимолетной формой капитала, она является постоянной функциональной формой капитала.

Что капитал, вернее, известная его часть должна находиться в денежной форме и что это обстоятельство непосредственно вытекает из закономерностей процесса воспроизводства и расширенного воспроизводства, может показать анализ самого кругооборота капитала.

Капитал движется по формуле $Д—Т\ldots\ П\ldots\ Т'—Д'$, причем $Д'$ больше $Д$. После того как продукт произведен, имеется в наличности $Т'$, кругооборот капитала вновь может быть возобновлен только лишь после того, как $Т'$ превращается в $Д'$, когда произведенный товар реализуется на деньги.

Стоимость $Т'$ состоит из различных частей. Во-первых, в $Т'$ воплощена часть стоимости основного капитала, которая переходит в конечный продукт в течение ряда кругооборотов капитала.

Если основной капитал амортизируется в течение десяти кругооборотов капитала, после первого кругооборота в T' воплощена только $^1/_{10}$ часть стоимости всего основного капитала. Во-вторых, в T' воплощена стоимость оборотного капитала (как постоянного, так и переменного). Наконец, в-третьих, в конечном продукте воплощена прибавочная стоимость. T' превращается в $Д'$, а последнее является в одной своей части денежной формой основного капитала, в другой — денежной формой оборотного капитала и в третьей — формой прибавочной стоимости.

Денежная сумма, $Д'$, кроме той части, которая составляет доход промышленного капитала, растрачиваемая им непроизводительно, предназначена служить для дальнейшего производства, она должна быть превращена в производительный капитал. Но указанные выше отдельные части вырученной от продажи T' денежной суммы неодинаково превращаются в производительный капитал. Та сумма денег, которая представляет собой восстанавливающуюся часть основного капитала, не может быть превращена непосредственно в производительный капитал (основной). Такое превращение возможно только после того, как эта сумма достигнет определенной величины. Основной капитал воспроизводится только после ряда кругооборотов, стоимость основного капитала реализуется в деньги по частям после каждого кругооборота, стало быть, денежная форма основного капитала должна постепенно накопляться, пока достигнет такой величины, при которой она может быть превращена в производительный капитал. Из самого характера воспроизводства основного капитала вытекает то, что известная часть капитала застывает на известный промежуток времени в денежной форме. Предположим, воспроизводство основного капитала совершается равномерно в течение десяти кругооборотов. Обозначим денежную сумму, представляющую собою восстановление основного капитала, через $Д^0$, тогда после первого кругооборота $^1/_{10}$ $Д^0$ окажется в денежной форме, после второго кругооборота этот денежный капитал достигнет величины $^2/_{10}$ $Д^0$, после третьего — $^3/_{10}$ $Д^0$, после девятого — $^9/_{10}$ $Д^0$ и только после десятого кругооборота, когда эта сумма достигнет полных $Д^0$, она может быть превращена в производительный капитал. Данный пример — только схема, в конкретной действительности восстановление основного капитала и в его натуральной форме происходит постепенно; но как общее правило, моменты воспроизводства его в денежной форме и превращения его в натуральную не совпадают.

Таким образом, характер воспроизводства основного капитала предопределяет, во-первых, самый факт застывания капитала в денежной форме и, во-вторых, постоянное изменение величины этого денежного капитала. За небольшим исключением во всякое время, стало быть, известная часть, то большая, то меньшая, находится в денежной форме.

Несколько иначе происходит с оборотным капиталом. Оборотный капитал восстанавливается в денежной форме после одного кругооборота капитала. Но моменты воспроизводства оборотного капитала в денежной форме и превращения его в товарную также не совпадают, поэтому пребывание и этого капитала в денежной форме в течение какого-то промежутка времени неизбежно. Причем, так как заработная плата, как общее правило, уплачивается рабочему лишь после того, как рабочая сила использована, то денежный капитал, затрачиваемый на рабочую силу, остается в форме денежного капитала в течение более продолжительного времени, нежели деньги, представляющие собою восстанавливаемую стоимость постоянной части оборотного капитала.

Те же результаты получаются с денежным капиталом как превращенной формой прибавочной стоимости. За вычетом той части, которая тратится на личные потребности капиталиста, эта сумма денег служит для целей расширенного воспроизводства, но для того чтобы она могла служить этим целям, необходимо, чтобы она достигла определенных размеров. Следовательно, и здесь возникает необходимость накопления денежных сумм, хранения капитала в денежной форме до тех пор, пока он не достигает определенного размера.

Таким образом, постоянное пребывание капитала в денежной форме вытекает из самого характера процесса воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, изменение величины этой суммы варьирует в зависимости от капитала (основного, постоянного оборотного и переменного оборотного), превращенной формой которого является данный денежный капитал.

Изложенное является только схемой и уже поэтому является упрощением конкретной действительности. Но эта схема дает правильные контуры тех сложных движений, которыми характеризуется кругооборот капитала. Это движение осложняется еще постоянно происходящими изменениями стоимости товаров и их цен. От этих моментов мы отвлекались, так как нас интересует процесс кругооборота капитала лишь постольку, поскольку этим разрешается проблема генезиса ссудного капитала. Для этого же достаточно исходить из схемы движения капитала, хотя бы она давала характеристику явлений только в ее основных очертаниях.

Следует добавить:

Застывание капитала в форме денежного капитала зависит от тех фаз кругооборота, которые проходит данный капитал. Производство товаров и их сбыт не совпадают во времени. Это относится не только к так называемым сезонным производствам. Очень часто и потребление бывает сезонным. Ситец продается весной и летом, суконные товары — осенью и зимой. Производство же этих товаров беспрерывно. Капитал неизбежно в промежутках между сезонами спроса остается в товарной форме (работа на склад).

Это же остывание в товарной форме в одно время неизбежно вызывает остывание того же капитала в форме денег в другое время.

Кроме того, застывание капитала как денежного капитала определяется и так называемыми конъюнктурными условиями. В период подъема метаморфоз товара происходит быстро, товар находит беспрепятственный легкий сбыт. Это значит, что происходит быстрое превращение товарного капитала в капитал денежный. Недостатка в деньгах не ощущается. В период же кризиса происходит как раз обратное. Цены на товары падают, товары не находят сбыта, капитал застывает в товарной форме, чувствуется недостаток в денежном капитале. В процессе преодоления кризиса происходит накопление денежного капитала, уменьшение капитала товарного.

Капитал, таким образом, в каждый данный момент находится в обеих формах: одна часть в форме денег, другая — в форме товаров. Отношение между обеими этими частями неконстантно, постоянно изменяется в зависимости, во-первых, от темпа и интенсивности воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, во-вторых, от фаз кругооборота капитала и, в-третьих, от колебаний конъюнктуры, отражающих темп и интенсивность метаморфоз товаров и денег.

Денежный капитал, занятый в кругообороте капитала, бывает то большим, то меньшим. Увеличение его (как и уменьшение) может быть абсолютным при увеличении (как и уменьшении) самого производства, так и относительным — в сравнении с товарным капиталом в зависимости от указанных выше обстоятельств.

Факт постоянного существования денежного капитала, постоянного его движения и изменения вызывает необходимость в особых операциях с ним. Эти операции сводятся, во-первых, к тому, чтобы производить платежи и прием денег, и, во-вторых, к тому, чтобы хранить деньги. Эти технические операции составляют функции денежного капитала. Но поскольку эти денежные операции постоянны, а это постоянство вытекает из того, что, как было показано, денежная форма капитала — постоянное явление, постольку оказывается возможным, а с точки зрения уменьшения издержек обращения — необходимым выделение денежного капитала в особый вид капитала, производство операций с которым возлагается на особую специализирующуюся на этом группу капиталистов. Денежный капитал превращается в денежно-торговый капитал. «Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как свое собственное и ему присущее движение), — эти движения, сде-

лавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал» [16].

Денежно-торговый капитал — это обособившаяся часть промышленного (и торгового) капитала, функция которого заключается в выполнении операций с денежным капиталом для всего промышленного и торгового капитала. Именно потому, что часть промышленного и торгового капитала находится постоянно в денежной форме, и именно потому, что эта часть постоянно колеблется, наконец потому, что высвобождение денежного капитала отдельных индивидуальных промышленных и торговых капиталов происходит неодновременно, возникает возможность превращения функциональной формы капитала — денежного капитала — в денежно-торговый капитал.

Труд по операциям с денежным капиталом сводится к следующему. Во-первых, труд по уплате и получению денег. «Торговец деньгами выполняет все это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой *кассир*» [17]. И во-вторых, труд по сохранению денег, денежного капитала. Этот труд определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, для беспрерывного кругооборота капитала необходимо хранить известный резервный фонд платежных и покупательных средств.

Во-вторых, необходимо хранить «временно незанятый капитал в денежной форме».

В-третьих, необходимо хранить «вновь накопленный денежный капитал, еще не вложенный в дело».

Выделение всех этих технических операций означает возникновение денежно-торгового капитала как самостоятельного вида, сорта капитала, операции с которым совершаются особой группой капиталистов.

Изложенный нами процесс разделения функциональных форм капитала на особые самостоятельные виды капитала имеет огромное значение. Как раз это обстоятельство создает базу для возникновения функционирования и постоянного воспроизводства ссудного капитала.

Денежно-торговый капитал еще не ссудный капитал; для того чтобы он превратился в ссудный капитал, необходимо к его функциям присоединить другие, п р и с п о с о б и в эти последние к условиям капиталистического способа производства и воспроизводства капитала.

---

[16] К. М а р к с. Капитал, т. III. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 346.

[17] Там же, стр. 350.

5

Выделению функций денежного капитала как особых функций особой группы капиталистов способствует то, что капиталистический способ производства находит готовым возникающие еще до капиталистического производства формы капитала в виде торговли деньгами и ростовщического капитала. Торговец деньгами — наиболее приспособленный социальный тип, на которого могут быть возложены функции управления и хранения денежных капиталов.

Уже сама централизация управления и хранения денежных капиталов промышленных и торговых капиталистов вызывает экономию в издержках обращения денежного капитала. Так как пребывание капитала в денежной форме различного индивидуального промышленного и торгового капитала не совпадает во времени, так как высвобождение денежнего капитала в кругообороте одного индивидуального капитала может как раз совпасть с потребностью в денежном капитале другого капитала, возникает возможность одним и тем же денежным капиталом обслуживать кругооборот индивидуального промышленного и торгового капитала. Общность кассы и кассира эту возможность осуществляет. Деньги, высвобождаемые в одном предприятии, могут вращаться в другом предприятии. Но это «круговращение в чужом предприятии»» не создает еще кредитных отношений, так как это круговращение может быть осуществлено и без кредита; в таком обращении нет еще движения ссудного капитала. Здесь «вращение денег в чужом предприятии», но нет еще операций с капиталом как товаром. Здесь «вращение денег в чужом предприятии» отнюдь не вытекает, не определяется природой высвобождающегося капитала.

И само это круговращение не создает еще особой характеристики для капитала.

Но когда к функциям кассира и хранителя денежных сумм присоединяется торговля деньгами и ссуда как функция ростовщического капитала, тогда возникают уже новые взаимоотношения между различными видами капитала. Это слияние различных функций не является механическим их соединением, а взаимным их друг к другу приспособлением и, следовательно, всеобщей их трансформацией.

Функция кассира и хранителя денежных сумм промышленных и торговых капиталистов является подсобной и починенной функцией. Кассир и хранитель денег освобождают промышленника и торговца от определенных операций, поэтому эти последние должны вознаграждать кассира и управителя денег. Но когда к функциям кассира и управителя присоединяются функции ростовщического капитала, положение резко меняется. Деньги,

получаемые для управления и хранения (функции кассира и хранителя), используются для выдачи ссуд (функция ростовщика). Отношения между промышленными капиталистами и денежными капиталистами изменяются. Передача денег на хранение и для управления превращается во вклад, в ссуду промышленного капиталиста денежному капиталисту, получение денег от денежного капиталиста превращается в ссуду капиталиста денежного капиталисту промышленному.

По вкладам уже платит денежный капиталист, по ссудам — капиталист промышленный. Отношения между ними становятся отношениями заемщика и заимодавца. Денежный и функционирующий капитал противостоят друг другу как два самостоятельных «сорта» капитала.

Вместе с тем все сливающиеся функции приспособляются к капиталистическому способу производства. Торговля деньгами, ростовщический капитал и денежно-торговый капитал, слившись и соответственно преобразовавшись, превращаются в единый ссудный капитал.

Называть ссудный капитал выделившейся частью промышленного капитала не совсем верно, а только отчасти. Это было бы верно только в том случае, если бы ссудный капитал целиком возник из денежно-торгового капитала. А это не совсем правильно. Здесь имеет значение не количественная, так сказать, сторона вопроса, а именно в какой массе ссудный капитал является попросту преобразованной формой денежно-торгового капитала. Здесь важна качественная характеристика. Из природы денежно-торгового капитала вытекает образование специальной функции по управлению им, но не преобразование его в ссудный капитал, т. е. в капитал как товар. Необходимо качественное изменение природы денежно-торгового капитала, который происходит путем слияния его с ростовщическим капиталом и торговлей деньгами.

В этой начальной стадии развития ссудный капитал представляет хотя преобразованный капитал, но все же еще не противопоставленный промышленному и торговому капиталу. Это противопоставление возможно только тогда, когда ссудный капитал получает самостоятельное значение, когда его движение освобождается от закономерностей движения индивидуального промышленного капитала (но не общественного), когда он как целое обращается вне кругооборота промышленного и торгового капитала.

Дело заключается в следующем.

Масса денежного капитала, необходимая для кругооборота промышленного и торгового капитала, в разные моменты этого кругооборота бывает различна. Весь капитал обращения промышленного капитала разделяется на две части: денежный капитал и товарный капитал. Для нормального процесса кругооборота капитала необходимо определенное соотношение между тем и

другим капиталом, но это соотношение в процессе кругооборота постоянно нарушается и как раз восстанавливается через эти нарушения. Существование большей части капитала в товарной форме, которая может естественно вытекать из продолжительности актов обращения, обнаруживает недостаток денег; тогда же, когда товарный находится в минимуме, налицо избыток денежного капитала. Недостаток денег является тогда, когда метаморфоз товаров и денег наталкивается на препятствия, когда возникают затруднения при превращении товара в деньги. В этом случае для беспрерывного хода производства весь капитал должен быть увеличен, и увеличен именно в форме денежного капитала. Избыток же денежного капитала обнаруживается тогда, когда превращение денег в товар, превращение денежного капитала в производительный капитал для промышленного капитала и превращение денег в товар для торгового капитала оказывается по тем или иным причинам неосуществимым.

Явления недостатка денежных капиталов и избытка их чередуются друг с другом. Явления недостатка денежного капитала могут быть устранены только в том случае, если промышленный (или торговый) капиталист с самого начала имеет в своем распоряжении такую массу капитала, которая может ему понадобиться в моменты наивысшей в нем нужды. Но тогда явление избытка капитала будет почти перманентным. Избыток капитала может быть устранен только в том случае, если капиталист обладает капиталом, необходимым в момент наименьшей в нем нужды. Но тогда явление недостатка капитала будет почти перманентным. В первом случае часть капитала окажется праздной, следовательно, использование всего капитала будет нерациональным и малопроизводительным, норма прибыли обнаружит тенденцию к падению. Во втором случае беспрерывность кругооборота окажется невозможной, хотя капитал будет наиболее интенсивно использован; норма прибыли обнаружит тенденцию к повышению, но зато уменьшится общая масса прибыли. Беспрерывность процесса производства вместе с наиболее эффективным использованием капитала в этом случае может быть гарантирована только посредством привлечения со стороны чужих капиталов.

В конкретной действительности размер денежного капитала, имеющегося в распоряжении промышленного или торгового капиталиста, устанавливается между указанным максимумом и минимумом с несомненной тенденцией в сторону минимума. Эта тенденция обусловливается стремлением к наиболее рациональному и производительному использованию капитала. С точки зрения отдельного капиталиста, таким образом, возникает не столько проблема использования своих временно «праздных» капиталов, сколько возможность привлечь на время в свое предприятие капиталы со стороны. То же можно сказать и о совокупном промышленном и торговом капитале.

Промышленный (и торговый) капитал не столько ссужает, сколько занимает, ибо только при этом достигается наиболее производительное использование имеющегося у предпринимателя капитала.

Возможность не столько ссужать, сколько занимать, отчасти определяется тем, что он не только занимает, но и ссужает, но только отчасти. Для беспрерывного же и более рационального использования капитала необходимо иметь возможность из каких-то источников, находящихся непосредственно вне кругооборота капитала, деньги добывать. Такая возможность осуществляется в том случае, если вне оборота промышленного и торгового капитала, хотя им и обусловленный, существует капитал, единственное назначение которого заключается в удовлетворении временной потребности промышленного и торгового капиталиста в чужом дополнительном капитале.

Такой источник промышленный и торговый капитал находит в лице того капитала, который возникает в результате слияния торговли деньгами, ростовщического капитала и денежно-торгового капитала.

Источник этот должен удовлетворить только временную нужду в деньгах; во-вторых, этот источник, поскольку он обслуживает кругооборот промышленного капитала, должен быть приспособлен к капиталистическому способу производства. Он должен быть капиталом не ростовщическим, а ссудным, т. е. должен быть приспособлен к «изменившимся условиям его функционирования».

Клиент ссудного капитала не мелкий производитель и не феодал-землевладелец, а промышленный и торговый капиталист. Ссудный капитал не может к питаемой им системе производства «присасываться как паразит и истощать его до полного упадка», а должен быть органически с ним связан. Это отражается и на характере отношений между ссудным и промышленным капиталом, это же в частности отражается на проценте.

Но этот ссудный капитал уже является самостоятельным, противополагаемым и только в этом противоположении себя утверждающим капиталом. Он выражает уже совершенно новый тип производственной связи, притом самостоятельный, имеющий особое содержание и качественную характеристику.

Выделение ссудного капитала как особого вида капитала имеет огромное значение. Оно ведет к ускорению оборота всего общественного капитала в его целом, оно уменьшает размер необходимого для отдельных промышленных и торговых капиталистов денежного капитала и, стало быть, дает возможность при том же промышленном капитале обращать большую массу живого и мертвого труда. Концентрируя денежный капитал и обслуживая всю массу индивидуальных промышленных и торговых капиталов, оно (выделение ссудного капитала как особого вида капитала)

уменьшает для всего общества массу необходимых денежных капиталов.

Ссудный капитал становится самостоятельным видом капитала и приобретает особое значение, которое проявляется в том, что отныне всякая сумма денег рассматривается как капитал и всякий денежный капитал рассматривается как ссудный капитал. Характерно, что промышленный и торговый капиталист, даже работая с собственным капиталом, исчисляет в качестве издержек производства проценты на свой капитал, следовательно, даже собственный капитал рассматривается не только просто как капитал, но также, и прежде всего, как ссудный капитал, т. е. как капитал, долженствующий приносить проценты независимо от того, применяется ли он действительно как капитал или нет.

Сделавшись самостоятельным видом капитала, ссудный капитал приобретает черты, о которых мы говорили в предыдущей главе.

На этом мы можем закончить изложение генезиса ссудного капитала. Анализ его генезиса дает ключ к пониманию диалектической связи ссудного и промышленного капитала, пониманию как самостоятельности движения ссудного капитала, так и обусловленности движения ссудного капитала движением капитала промышленного, о чем нам подробнее придется говорить в дальнейшем.

6

Само собой разумеется, приспособление капитала, приносящего проценты (и превращение его в ссудный капитал), к изменившимся условиям его функционирования, к капиталистическому способу производства, как и само изменение этих условий, т. е. возникновение капиталистического хозяйства, не есть результат мирного «врастания», постепенной эволюции отношений. Само это приспособление есть революционный переход от одной хозяйственной системы к другой, ломка старых производственных отношений и возникновение новых; эта ломка старых отношений и приспособление старых форм (ростовщического капитала) к новым условиям составляют содержание революционной борьбы нарождающейся и развивающейся буржуазии со средневековьем. Мы говорили, что ссудный капитал возник в результате слияния различных функций и функциональных форм, взаимного их друг к другу приспособления и, следовательно, всеобщей их трансформации, но было бы большой наивностью и проявлением чрезвычайной беззаботности по отношению к пониманию процессов возникновения новых качеств полагать, что при этом разумеется «мирное» перерождение.

Эта трансформация старых форм, возникновение новой экономической категории есть проявление революционного преобра-

зования общества и борьбы с адекватной докапиталистическому строю формой — ростовщичеством, есть один из участков ломки старых форм, стесняющих развитие производительных сил буржуазно-капиталистического хозяйства.

Ранняя история банков любой страны есть история борьбы буржуазии с ростовщичеством, приспособления этого последнего к новым отношениям; история банков любой страны есть история возникновения ссудного капитала как адекватной капиталистическому способу производства формы капитала, приносящего проценты.

Эта борьба была чрезвычайно резкой и продолжительной и велась в течение многих десятков лет. Окончательное оформление кредитной системы, что означало, по сути дела, победу ссудного капитала, надо приурочить к окончанию буржуазных революций. И это оформление кредитной системы явилось показателем окончательного закрепления буржуазного господства.

Создание кредитной системы в Германии надо отнести к началу второй половины прошлого столетия. Возникновение современных германских банков относится к эпохе после революции 1848 г.

Начало создания кредитной системы Франции можно отнести к началу прошлого столетия, когда был создан центральный эмиссионный банк «Banque de France». И это упрочение ссудного капитала тянулось вплоть до 50-х годов прошлого столетия и достигалось путем упорной борьбы.

Борьба вокруг центрального эмиссионного банка, детища французской революции, могла бы служить яркой иллюстрацией, как капитал, приносящий проценты, приспособлялся к условиям капиталистического способа производства, как в лице банков буржуазия находила орудие для борьбы со средневековыми формами, как ломка отношений сопровождала возникновение ссудного капитала.

То же можно было бы сказать о банках любой капиталистической страны.

Для иллюстрации сказанного, для того чтобы обрисовать конкретную историю возникновения ссудного капитала, конкретную историю борьбы буржуазных классов, для которых организация ссудного капитала являлась методом преодоления капитала ростовщического, мы дадим краткий исторический экскурс в историю возникновения Английского банка.

Это будет одним из конкретных примеров истории возникновения ссудного капитала. В других странах история протекала примерно в аналогичных формах, хотя, конечно, своеобразие развития каждой отдельной страны отражалось и на конкретной истории возникновения ссудного капитала. Но мы здесь не излагаем истории капиталистической кредитной системы, и последующее очень краткое изложение начальной истории Английского банка должно служить только иллюстрацией к нашим обобщениям.

История Английского банка, старейшего из современных банков, «The Old Lady of Threadneedle Street»,[17а] существующего почти 250 лет, чрезвычайно интересна и поучительна. Эта история есть не что иное, как история ссудного капитала, при своем возникновении представлявшего только метод борьбы победоносного промышленного капитала со стесняющими его развитие остатками средневековья, при дальнейшем же своем развитии превращающегося в самостоятельную категорию, противопоставляемую капиталу промышленному. История Английского банка, вместе с историей английского банкового дела, есть история борьбы ссудного капитала за свое упрочение, за свою консолидацию в противовес промышленному капиталу, борьба, которая заканчивается сращиванием ссудного капитала с промышленным, основанным на противоречии интересов того и другого и сохраняющим это противоречие.

Здесь не место излагать историю Английского банка, которая показала бы смысл, экономическое значение, роль Английского банка и опирающейся на него всей банковой системы, сначала в упрочении к победе товарно-капиталистического хозяйства, а затем в трансформации этого последнего в систему финансового капитализма.

Мы остановимся вкратце только на возникновении Английского банка; краткого описания будет достаточно, чтобы установить, как банковская система, с одной стороны, отображает, а с другой — служит предвестником органических преобразований, которые происходят в недрах хозяйственной системы.

Английский банк возник в конце XVII в., в 1694 г.; непосредственным поводом к его организации была нужда государственной власти в средствах.

Английский банк, утверждает «Report of the Select Committee of the Bank Act 1858», «обязан своим происхождением нужде государства в средствах; кредит правительства упал вследствие неудачной политики и истощения, причиненного войной, от исхода которой зависела независимость страны».

Ч. Коннан в своем исследовании, посвященном современным эмиссионным банкам, также утверждает, что «Английский банк, подобно многим континентальным банкам, обязан был своим происхождением (had its origin) нужде государства» [18].

То, что организация банка была непосредственно связана с фискальными интересами, видно из того, что специального закона об учреждении банка не было. В 1694 г. принимается большой закон о налогах, в частности о налогах на тоннаж. В этот

[17а] Шутливое разговорное название Английского банка, происходящее от наименования улицы, на которой он находится (*Прим. ред.*).

[18] Charles A. Conant. History of Modern Banks of Issue. N. Y., 1926, p. 78.

по преимуществу налоговый закон вошел пункт об организации Управляющего и Компании Английского банка (The Governor and Company of the Bank of England).

Но то обстоятельство, что создание банка было вызвано непосредственно нуждой государства в средствах, еще не объясняет причины его возникновения. Почему именно в это время удовлетворить финансовую нужду государства надо было только путем организации банка? Избрание именно такого, а не иного метода было обусловлено обстоятельствами, коренящимися в общих народнохозяйственных условиях того времени, и готовность парламента и учредителей банка удовлетворить нужду государства таким путем обусловлена была историческими условиями того времени, соотношением классовых сил.

Английский банк был создан через шесть лет после, по выражению буржуазных историков, «великой и бескровной» революции, свергшей Якова II и вручившей королевскую власть Вильгельму Оранскому (Вильгельму III). «Действительно, революция 1688 г., — пишет Ротштейн, — была завершением буржуазной революции в Англии; в ней верхи буржуазного землевладения, торгового и банкирского капитала покончили с последними остатками феодализма в виде паразитической полуабсолютной монархии, стеснявшей свободное развитие национального капитализма. Землевладение, торговый и банкирский капитал стали у власти, подчинив себе ослабленную и связанную буржуазной конституцией королевскую власть. . . После революции 1688 г. в Англии устанавливается политическое господство землевладельческой олигархии, тесно связанной с интересами торгового и денежного капитала» [19].

Во второй половине XVII в. в Англии — в эпоху быстрого роста торгового и денежного капитала и вместе с тем в эпоху проникновения денежно-торговых элементов в сферу земельных отношений — происходит чрезвычайно быстрый процесс обуржуазивания земельных собственников. Возникновение, развитие и стремление к упрочению господства буржуазных отношений вызывают к жизни партию вигов, сыгравшую исключительную роль в революции 1688 г. в ограничении королевской власти, в уничтожении тех государственно-правовых условий, которые служили препятствием для развития буржуазных отношений. Торговый и денежный капитал в Англии развивался главным образом за счет морской торговли и колониальных предприятий, соответственно этому и в партии вигов господствующее положение занимали денежные и торгово-промышленные элементы, заинтересованные как в морской торговле, так и в колониальных предприятиях; с этими предприятиями была связана также часть

[19] Ф. А. Ротштейн. Великобритания. «БСЭ», т. 9. М., 1928, стр. 442, 444.

землевладельческой аристократии, почему и последняя играла большую роль в партии вигов.

Создание Английского банка и было делом партии вигов. Классовое содержание революции 1688 г. и классовый характер созданной в результате этой революции государственной власти объясняют факт возникновения Английского банка, равно как и те цели, которые преследовались его организацией, а также и те интересы, выразителем которых он должен был быть.

Эти цели были двоякого рода. С одной стороны, банк должен был быть орудием борьбы нарождающейся и развивающейся торгово-промышленной буржуазии с сохранившимися в народном хозяйстве остатками средневековья, препятствовавшими развертыванию буржуазных отношений, а с другой стороны, что вытекает из предыдущего, буржуазия в лице вновь создаваемого банка приходила на помощь власти, ею же созданной, защищавшей ее интересы и в упрочении которой она была кровно заинтересована.

Совершенно прав Р. Эренберг, который утверждает, что «Английский банк явился созданием партии виги, главной основой которой были купцы, промышленники и тесно связанные с ними группы среднего землевладения. Он возник потому, что интересы этих слоев населения совпадали с интересами нуждающегося в деньгах государства».

Нарождающийся торговый и промышленный капитал для своего развития должен был вступить в борьбу с «допотопной формой капитала» — ростовщическим капиталом. Паразитический характер ростовщического капитала служил огромным препятствием для развития промышленного капитала. Задолго до организации Английского банка торгово-промышленный капитал вел уже борьбу с ростовщичеством, присасывавшимся, как паразит, к народному хозяйству. Освободиться от пут ростовщичества можно было только путем создания банка, работающего в подчинении интересам промышленного капитала и пользующегося методами, адекватными капиталистическому способу производства. «Эта яростная борьба с ростовщичеством, — пишет Маркс, — эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег» [20].

Борьба за банк, непосредственно вытекавшая из интересов шедшего к господству класса, была вместе с тем борьбой за то,

---

[20] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 617.

чтобы приспособить денежный капитал, приносящий проценты, к интересам промышленного капитализма. Понятно поэтому, что противниками создания банка, кроме реакционных кругов феодальной аристократии, были золотых дел мастера, представлявшие ростовщический капитал. По словам Маколея, против Английского банка «все золотых дел мастера и закладчики подняли яростный вой» [21].

Литература, боровшаяся за банк и оправдывавшая его организацию, исходила именно из интересов торгово-промышленного капитала, осуществлению которых препятствовал паразитический ростовщический капитал. «Всматриваясь в действительное содержание этих сочинений, — пишет Маркс, — теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, как одно из его условий, капитал, приносящий проценты, и всякие ссужаемые средства производства вообще» [22].

Организацией банка уничтожалась зависимость от ростовщического капитала не только торгово-промышленных классов, но и государственной власти, которая в это время становится властью борющегося за буржуазное развитие класса. Утверждающий свое господство класс торгово-промышленной буржуазии должен был освободить от пут ростовщичества не только самого себя, но и свое правительство; государственная власть, созданная интересами буржуазного развития страны и подчиненная, стало быть, буржуазным интересам, получая помощь от банка, становится еще более зависимой от торгово-промышленных классов. Организуя банк, денежно-торговый и промышленный капитал, освобождая правительство от ростовщического капитала, еще более увеличивает его подчинение самому себе. Нарождавшиеся буржуазные классы были заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, и в том, чтобы освободить от них самих себя; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство.

Ростовщичество характеризовалось высоким процентом на ссужаемый капитал. Процент был так высок, что он не только не давал возможности накопления, но и не гарантировал простого воспроизводства; процент зачастую был выше прибыли. Банк же по своим ссудам должен был взимать и действительно взимал очень небольшие проценты. По словам Годфри, одного из активных организаторов и первых директоров банка, операции Английского банка заключались в выдаче ссуд под закладные и недвижимость из 5% годовых, под земельную собственность из 4% годовых,

---

[21] Macaulay. History of England, IV, p. 499 (цит. по кн.: К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 617).
[22] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 618.

а в мирное время даже из 3%, иностранные векселя учитывались из 4,5% годовых, внутренние векселя — из 6%. Вкладчики банка могли учитывать свои обязательства из 3%, остальные — из 4,5% [23].

Размеры этих ставок показывают, насколько Английский банк с первых же дней своего существования конкурировал с частным банкиром и насколько его действия сообразованы были с интересами торгово-промышленного капитала.

Ссуды, которые оказывал банк правительству, также были очень дешевы. Часто они были беспроцентны, и никогда процент не превышал 8. Этот процент совершенно ничтожен в сравнении с тем, что приходилось платить до того.

По словам Джона Френсиса, «. . . еще Карл II Английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам» (предшественникам банкиров) огромные ростовщические проценты и лаж, 20—30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения всякую разрешенную парламентом денежную ассигновку, как только она будет сделана, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог bills (векселей), orders (ассигновок) и tallies (налоговых документов), так что фактически все государственные доходы проходили через их руки» [24].

Организация Английского банка явилась, таким образом, актом борьбы и победы приходившего к господству класса торгово-промышленной буржуазии над феодализмом со свойственной этому последнему формой капитала, приносящего процент ростовщичеством. Этот банк, с одной стороны, должен был способствовать развитию торговли и промышленности, а с другой, — помочь государству в его нужде в средствах.

Вопрос об организации банка поднимался не раз, но всегда он наталкивался на сопротивление отживавших элементов народного хозяйства. А между тем «банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских ассигновок» [25].

Английский банк (Управляющий и Компания Английского банка) был создан, как было уже указано, в 1694 г. Этот банк обязался дать ссуду правительству в 1200 тыс. ф. ст., за которую получил право производства банковских операций и ряд привилегий [26].

---

[23] R o g e r s. The First Nine Years of Bank of England (цит. по кн.: Charles A. C o n a n t. Op. cit., 1926, p. 83).

[24] J. F r a n c i s. History of the Bank of England (цит. по кн.: К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 616).

[25] К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 616.

[26] Вопрос об организации банка поднимался еще в начале XVII в. Еще в 1601 г. была опубликована работа Джерарда Мэлинеса (Gerard Mali-

Ссуда правительству в 1200 тыс. ф. ст. составила капитал банка. Эта сумма должна была быть собрана путем подписки на акции. Насколько популярна была идея банка и насколько эта идея соответствовала как объективным потребностям развивающегося хозяйства, так и интересам денежных и торговых капиталистов, видно из того, что подписка на акции была покрыта в течение 10 дней. Эта подписка была открыта 21 июня, и в течение первого дня $^1/_4$ всей суммы была покрыта, через три дня была покрыта половина, а ко 2 июля уже был собран весь капитал.

Ссуда правительству в размере 1200 тыс. ф. ст. была оказана из умеренного по тому времени процента (8%). Вновь учрежденный банк получил ряд привилегий, которые сводились к следующему. Во-первых, Английский банк стал хранителем правительственных сумм; во-вторых, банк был организован как акционерная компания с ограниченной ответственностью, т. е. таким образом, что акционеры банка отвечали за дела банка только в размерах пая; в-третьих, банк получил монопольное право выпуска банкнот — право эмиссии [27].

Предоставленные банку привилегии (одинаково все) имели огромное значение и в сильнейшей степени задевали интересы «золотых дел мастеров», занимавшихся в довольно широком размере ссудными операциями. Английский банк стал хранителем правительственных сумм, и на него были возложены хозяйственные операции, — до этого же времени государственные средства проходили через руки ювелиров и составляли весьма важный источник их ресурсов, позволяющий им расширять свои ссудные операции. То обстоятельство, что акционеры банка имели только ограниченную ответственность, позволяло банку предоставлять вкладчикам большие выгоды и таким образом усиливало позиции

---

nes), в которой описывались преимущества Италии и Голландии и предлагалась организация банка, причем этот банк мыслился как жиробанк, для организации жирооборота.

Но само собой разумеется, что вопрос о банке мог быть поставлен на конкретную почву только после революции.

Осенью 1691 г. Палате депутатов был предложен проект организации банка. Автор его Уильям Петерсон (William Paterson), поддерживаемый богатыми лондонскими купцами, предлагал организовать банк, который предоставил бы правительству ссуду в 1 млн. ф. ст. и который получил бы право выпуска банкнот, снабженных силой законного платежного средства. Правительство тогда отказалось поддержать проект. В 1694 г. вновь поднимается вопрос об организации банка. Первоначально предлагалось создать банк, который дал бы ссуду правительству в размере 2 млн. ф. ст. из 7% годовых, но министры, по словам Коннэна, «которые привыкли уплачивать, притом на короткий срок, 40%, не верили в возможность дачи ссуды без фиксированного срока, и притом по низкому проценту», вновь отвергли проект. Требовалось еще некоторое время, чтобы стала возможной организация банка.

[27] В. Бэджгот. Ломбардстрит. СПб., 1902, стр. 88 и сл.; Charles A. Conant. Op. cit., p. 78.

банка в борьбе за вкладчиков. Предоставление банку права эмиссии банкнот позволяло банку расширять свои активные операции за пределы имеющихся у него депозитов, ювелир же был ограничен имеющимися у него капиталами или же притекавшими к нему по вкладам.

Борьба против банка, ведшаяся и до его организации, долго не прекращалась и после его открытия.

По словам Френсиса, «в течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости. . . золотых дел мастера (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банкового дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» [28].

Поэтому попытки лишить Английский банк его привилегий не прекращались. Уже через год после его возникновения противники Английского банка пытаются вступить в борьбу с купеческими интересами их же оружием, т. е. посредством организации другого банка. В 1694 г. член палаты общин (Чемберлен) вносит проект организации земельного банка («Land Bank»), которому должно быть предоставлено право выпуска банкнот под обеспечение земельной собственности, причем сумма выпуска банкнот может быть доведена до стократной земельной ренты. Эти ноты выдаются земельным собственникам. Банк дает ссуду правительству в размере 2564 тыс. ф. ст. из 7%, обеспеченную специальным налогом на соль. Реакционность этого проекта, имевшего в виду интересы землевладельческой аристократии, явная его утопичность, не помешала этому проекту получить утверждение парламента 27 апреля 1696 г. Интересно отметить, что этот проект был поддержан ювелирами, которые прекрасно понимали его неосуществимость, но, поддерживая неосуществимый проект, они надеялись уничтожить идею банка вообще. Согласно плану, подписка на капитал должна была быть покрыта до 1 августа 1696 г., вторая же половина не позже 1 января 1697 г. Как и следовало ожидать, подписка дала совершенно ничтожные результаты, и через три года было объявлено, что Чемберлен сбежал в Голландию [29].

Несмотря на всю пустоту этой затеи, все же она отразилась на делах банка. Курс акций Английского банка начал стремительно падать (со 107 до 83), вклады банка пережили большое сокращение.

---

[28] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 618.

[29] Rogers. The First Nine Years of Bank of England, p. 56 (цит. по кн.: Charles A. Conant. Op. cit., p. 85).

Затруднительное положение банка в это время усугублялось еще некоторыми мероприятиями правительства. Как раз в 1696 г. правительство решило перечеканить находившиеся в обращении стертые монеты. Банк этим самым принужден был обменивать свои банкноты на новую тяжеловесную монету, в кассах же банка оставалось еще много старой монеты. Если прибавить к этому, что выпуск новых монет (их чеканка) производился чрезвычайно медленно, станет понятным, как велики были затруднения банка. Противники банка, в лице ювелиров, не замедлили воспользоваться создавшимися обстоятельствами. Они сосредоточили в своих руках банкноты Английского банка на 30 тыс. ф. ст. и предъявили их к размену. Банк получил право ограничить размен, производя операции лишь со своими обычными клиентами. Все же банкноты получили дизажио, временами доходившее до 15—20%.

В 1697 г. положение банка укрепляется. В этом году были возобновлены привилегии банка, за что банк оказал новую ссуду правительству в размере 1 001 171 ф. ст., так что капитал банка увеличен был до 2 201 171 ф. ст. На такую же сумму банк получил право выпускать банкноты. Но, кроме того, в том же году был издан закон, воспрещающий организацию аналогичного Английскому банку учреждения.

Дальнейшее увеличение привилегий банка было совершено в 1708 г., когда было постановлено, что ни одна корпорация, состоящая более чем из 6 членов, не может выпускать банкноты. Этим самым Английский банк становится единственным крупным эмитентом. В том же году долг государства банку еще был увеличен, и капитал банка, а стало быть, и его право выпуска банкнот, доведен был до 4 402 342 ф. ст.

Привилегии банка возобновлялись, и вместе с тем рос государственный долг. Этот долг рос как в результате выдаваемых долгосрочных ссуд, так и в результате превращения краткосрочных ссуд в долгосрочные обязательства.

Привилегии банка в течение первого столетия, кроме указанных уже годов, вновь подтверждались и пролонгировались в 1713, 1742, 1764 и 1781 гг. Долг правительства, и вместе с тем и право банка выпускать непокрытые (металлом) банкноты, был равен в 1694 г. 1 200 тыс. ф. ст., в 1697 г. возрос до 2 201 171, в 1708 г. — 4 404 342 и в 1742 г. достиг 9800 тыс. ф. ст. (дальнейшее увеличение произведено было в 1816 г., когда капитал банка возрос до 14 552 тыс. ф. ст.).

Ссуды оказывались банком правительству часто беспроцентно, процент же по другим ссудам был различен, 9, 8, 6, 5 и даже 3%.

В течение всего первого столетия своего существования банк испытывал немало затруднений, на которых мы здесь останавливаться не можем. Эти затруднения отображали народнохозяйственные затруднения и усугублялись тем, что правительство

всегда широко пользовалось услугами банка. Кроме долгосрочных ссуд за счет образуемого основного капитала, банк постоянно оказывал большие краткосрочные ссуды, поэтому задолженность правительства, время от времени менявшаяся, всегда была довольно большой.

Капитал в лице банка нашел мощное оружие борьбы с ростовщиком. Но банк не мог его избавить от затруднений, возникших из закономерностей развития самого капиталистического способа производства. Излагать историю английского народного хозяйства не входит в нашу задачу. Мы хотели только показать, как возник Английский банк, какие социально-экономические условия вызвали его существование, каким образом он явился результатом и предвестником органических преобразований, происходивших в то время в народном хозяйстве Англии. Мы хотели только обрисовать процесс возникновения ссудного капитала, которое явилось результатом борьбы промышленного капитала с ростовщическим.

История Английского банка в течение первого столетия своего существования была эпохой борьбы его с ростовщическим капиталом; банк являлся в этом случае оружием борьбы торгово-промышленного капитала, но вместе с тем в это время в лице банка консолидировался ссудный капитал, противоречивый капиталу промышленному, но пока еще не противопоставлявшийся промышленному капиталу.

Ссудный капитал преодолел капитал ростовщический тем, что принял на себя выполнение его функций и выполнял их методами, адекватными капиталистическому способу производства. Возникновение ссудного капитала, таким способом образовавшегося, как мы говорили это ранее, в результате слияния различных функций и приспособления слившихся функций к новым условиям производства, связано было с упрочением буржуазного господства и явилось результатом борьбы и революционных преобразований.

Данный нами краткий экскурс в историю возникновения Английского банка и является иллюстрацией борьбы с ростовщичеством и приспособления его к новым условиям функционирования.

Глава седьмая

РЫНОК ССУДНЫХ КАПИТАЛОВ

1

Понятие ссудного капитала является центральным и основным в проблеме кредита, ибо кредит есть производственное отношение ссудного капитала. Сконструировать же это понятие можно только на основе различения отдельных видов и форм капитала. Ошибка господствующих буржуазных теорий кредита, которая не чужда и марксистской литературе, как раз заключается в неразличении отдельных видов и форм капитала, в непонимании того, что одновременное сосуществование и превращение одних форм капитала в другие составляет основную характеристику движения капитала и, стало быть, товарно-капиталистической системы хозяйства в целом. Отсюда вытекает недостаточное, чтобы не сказать больше, внимание к категории ссудного капитала или же совершенно неправильная трактовка этой категории. Понять же категорию ссудного капитала можно только как особый вид капитала в противопоставлении другим видам капитала — промышленному и торговому.

Ряд экономистов понимает, что объектом кредитной сделки является ссудный капитал, но при этом дается такое определение ссудного капитала, при котором утрачивается все своеобразие этого экономического явления.

«Истинным объектом банковского кредита, — пишет профессор З. С. Каценеленбаум, — является ссудный капитал»[1]. Объектом спроса и предложения на денежном рынке, по его совершенно правильному мнению, является ссудный капитал. Это обязывает к сконструированию понятия ссудного капитала во всем своеобразии этого последнего. Данное определение предполагает как будто отличие ссудного капитала от других форм капитала. Но как раз этого своеобразия и отличия профессор Каценеленбаум, подобно, впрочем, многим другим экономистам, не замечает.

---

[1] З. Каценеленбаум. Некоторые проблемы теории кредита. М., 1926, стр. 28.

«Что же такое представляет собой тот ссудный капитал, который служит объектом спроса и предложения на денежноми рынке?» — спрашивает профессор Каценеленбаум. И на это отвечает: «Мы считаем, что в основе кредита лежит передача одними лицами другим для временного обращения в их предприятиях в е щ н о г о капитала, а отнюдь не монеты, и что спрос на ссудные капиталы означает всегда спрос на реальные ссудные капиталы, а не спрос на денежные знаки» [2] (разрядка наша. — *И. Т.*).

Автор не объясняет, что же такое реальный ссудный капитал. Во всяком случае, необходимо отметить, что в представлении автора понятие реального ссудного капитала отнюдь не определяется противопоставлением фиктивному капиталу. Последний вообще во всей его теоретической концепции отсутствует. В приведенной цитате мы видим противопоставление вещного капитала капиталу в денежной форме, или, вернее, «монете», «денежному знаку».

Прежде всего совершенно непонятно противопоставление вещного капитала монете. Очевидно, речь идет не о монете, а о деньгах. Различие совершенно ясно и вряд ли нуждается в пояснениях. Если еще можно говорить о вращении денег в чужом предприятии, то вращение монет, денежных знаков представить себе совершенно невозможно.

Какое же значение имеют деньги в кредитных сделках?

«Деньги-монета, денежные знаки служат орудием кредита. Они являются средством переноса вещных капиталов из рук их владельца в руки заемщика» [3].

И в другом месте:

«Я прихожу, таким образом, к тому выводу, что в современном хозяйстве каждая кредитная сделка является по существу передачей чужому предприятию для временного обращения известной доли национального вещного капитала, а по форме — передачей заемщику со стороны кредитора известной суммы денег» [4].

Что ссудный капитал надо понимать как вещный капитал, видно еще из следующей фразы на стр. 47: «. . . ссудный капитал, т. е. капитал в вещной форме, приводимый в движение при посредстве денег».

Таким образом, объектом кредитных сделок является ссудный капитал, а ссудный капитал есть вещный капитал. Но тогда становится непонятным существование отдельного рынка ссудных капиталов, так же как своеобразие предложения ссудных капиталов, чему профессор Каценеленбаум посвящает достаточно внимания. Из этих исходных посылок недалеко и до вывода, что движение ссудного капитала по сути дела есть движение вещного капитала.

---

[2] З. К а ц е н е л е н б а у м. Учение о деньгах и кредите, ч. II. М., 1927, стр. 33, 34.

[3] Там же, стр. 36.

[4] Там же, стр. 39.

Предложение ссудного капитала есть предложение вещного капитала, а спрос на ссудный капитал есть спрос на вещный капитал.

Убеждение в правильности таких представлений так велико, что профессор Каценеленбаум последовательно их проводит даже там, где противоречие этих определений фактам конкретной действительности бросается в глаза даже не искушенному в экономических проблемах.

«Заминка в сбыте товаров в моменты кризиса, — пишет профессор Каценеленбаум, — заставляет торговцев и фабрикантов искать ссудные капиталы, увеличивать свои предприятия. Этот спрос на добавочные капиталы есть в основе своей спрос на добавочные вещные капиталы, на капиталы в виде реальных благ, и лишь по форме этот спрос есть спрос на деньги» [5].

Мы узнаем удивительные вещи. Во время кризиса существует заминка в сбыте товаров, а поэтому торговцы и фабриканты стремятся увеличить свои предприятия, обнаруживают спрос на «реальные блага». Казалось бы, что во время кризиса спрос на реальные блага, т. е. на товары, сокращается и что заминка в сбыте товаров, т. е. невозможность их продать, есть выражение недостатка спроса. Теперь же оказывается, что заминка сбыта характеризуется усиленным спросом на товары.

Что все это профессор Каценеленбаум думает всерьез, видно еще из следующей фразы:

«А между тем этот усиленный спрос на ссудный капитал в вещной — товарной — форме совпадает в такие моменты с усиленным предложением товаров»[5]. Остается неизвестным, каким же это образом при усиленном спросе и усиленном предложении происходит заминка в сбыте товаров.

Все это нами было приведено не для того, чтобы только подвергнуть критике теорию профессора Каценеленбаума, а для того, чтобы продемонстрировать, до чего могут довести неправильные исходные определения для теоретической конструкции.

Деньги вообще не только орудия обращения, и в движении капитала деньги не просто орудие передачи капитала, а форма капитала. Кругооборот капитала, весь процесс производства и воспроизводства капитала есть постоянное изменение форм капитала. Спрос на капитал в денежной форме отнюдь не совпадает со спросом на капитал в форме товаров.

Утверждать, что ссудный капитал — это вещный капитал, значит совершенно не понимать тех сложных общественных отношений, которые выражаются ссудным капиталом. Логическим выводом из этого должно быть отрицание особого рынка ссудных капиталов и во всяком случае непонимание своеобразных черт этого последнего.

---

[5] З. Каценеленбаум. Учение о деньгах и кредите, ч. II, стр. 40.

2

Под рынком ссудных капиталов следует понимать столкновение спроса и предложения ссудного капитала как особого вида капитала, находящего свое определение (характеристику) в противопоставлении промышленному и торговому капиталу. Движение ссудного капитала как особого вида капитала подчиняется особым закономерностям, обусловленным общими закономерностями процесса производства и вытекающим из специфической характеристики денежного капитала как товара. Отсюда особые закономерности рынка ссудных капиталов, отличающиеся от закономерностей общего товарного рынка.

Это отличие не исключает одновременно и связанности движения ссудного капитала, стало быть, закономерностей рынка ссудного капитала с закономерностями общего товарного рынка; правильное представление о рынке ссудных капиталов можно получить только в том случае, если ясно себе представить как связь этого рынка с рынком товарного и производительного капитала, так и различие. Нам представляется одинаково неправильным как полное отождествление рынка ссудных капиталов с рынком так называемых вещных капиталов, так и утверждение о самостоятельности и независимости движения ссудного капитала. Ссудный и действительный капитал являются противоположными моментами единства — капитала. Единство этого капитала как раз и проявляется в движении его противоположностей. Самостоятельность движения ссудного и действительного капитала вытекает из того, что они — *противоположные* моменты, и это самостоятельное движение создает противоречие между ними. Но так как ссудный и действительный капитал являются только противоположными моментами *единства*, их движение тесно связано, и это единство насильственно восстанавливается (в кризисе). Этим определяется соотношение между ссудным и действительным капиталом.

Именно одновременная связанность и самостоятельность движения ссудного капитала образуют своеобразный рынок ссудных капиталов со всеми присущими ему внутренне противоречивыми чертами.

Существование особого рынка ссудных капиталов обусловливается наличием особого предложения и спроса на тот специальный «товар», который является объектом рынка ссудных капиталов. Предложение и спрос на ссудные капиталы отличаются от спроса и предложения на другие товары прежде всего потому, что ссудный капитал обладает особой, только ему свойственной, потребительной стоимостью. Предложение товаров есть в конечном счете предложение их потребительных свойств, ибо как стоимости все товары одинаковы; возможность их отчуждения, которое

осуществляется на рынке, основывается на качественном различии товаров, на потребительных их стоимостях.

Денежный ссудный капитал становится объектом рыночного оборота, потому что он обладает особой потребительной стоимостью, заключающейся, как уже указывалось, в способности капитала в своем движении самовозрастать, в возможности в условиях данной народнохозяйственной системы всякую денежную сумму превращать в капитал, присваивающий прибавочную стоимость.

Этот специфический характер денежного капитала как товара, эта специфическая потребительная стоимость ссудного капитала и служит основанием для создания особого, отличного от других рынка ссудных капиталов, на котором сталкиваются спрос и предложение денежного капитала как товара. Объектом рынка ссудного капитала служит не вещный капитал, а особая категория денежного капитала, не просто денежный капитал как функциональная форма промышленного капитала, а ссудный капитал как особый вид, «сорт» капитала, противопоставляемый капиталу промышленному, с особой специфической потребительной стоимостью.

Существование особого рынка ссудных капиталов определяется еще своеобразием потребления этого товара — ссудного капитала. Потребление всякого товара состоит в его уничтожении; использовать товар, удовлетворить им какую-либо потребность — значит уничтожить его как таковой; потребление ссудного капитала состоит во временном его использовании, его потребительные свойства в процессе использования не уничтожаются, а сохраняются.

Своеобразная потребительная стоимость денежного капитала как товара, своеобразие его потребления создают особый рынок ссудных капиталов наряду с другими рынками, с рынком товаров и рынком труда.

Предложение ссудных капиталов означает предложение свободных, не занятых в данный момент в процессе производства и воспроизводства капитала, денежных сумм, выступающих как ссудный капитал, т. е. капитал, приносящий проценты.

Спрос на ссудный капитал есть спрос на денежный капитал как сумму покупательных и платежных средств или на деньги как потенциальный капитал. Это «или—или» вытекает из разъясненной нами выше двойственной природы ссудного капитала. Но в обоих случаях этот спрос является спросом, удовлетворить который может только ссудный капитал как таковой.

Ссудный капитал на рынке отчуждается. Всякий товар обладает стоимостью, «стоимость» денежного капитала как товара есть процент. Мы слово «стоимость» по отношению к ссудному капиталу заключаем в кавычки, так как этот термин применяется в данном случае, как мы увидим в дальнейшем, весьма условно.

Проблема рынка ссудного капитала сводится к двум вопросам: во-первых, к выяснению динамики спроса и предложения ссудного капитала и, во-вторых, к выяснению категории процента.

Но предварительно остановимся еще на некоторых чертах, дающих общую характеристику рынку ссудных капиталов.

3

Существует множество источников возникновения ссудных капиталов, и эти источники весьма многообразны. Но подобно тому как в деньгах исчезают всякие признаки их как товаров определенной потребительной стоимости и они выступают в обращении как чистая форма стоимости, как абстрактная форма богатства, так и денежный капитал, приносящий проценты, теряет всякие следы своего происхождения и выступает на рынке как е д и н ы й ссудный капитал. Двойственная природа ссудного капитала, происхождение отдельных масс ссудного капитала из различных источников — все это отражается, накладывает известный отпечаток как на движение всего ссудного капитала в целом, так и на движение отдельных его масс (частей). Но всякая масса ссудного капитала обладает одним и тем же свойством, одной и той же потребительной стоимостью — приносить процент. Отсюда — е д и н с т в о рынка ссудных капиталов.

Существует множество рынков товаров, так как потребительные свойства различных товаров различны. Различные товары служат для удовлетворения различных конкретных потребностей. Поэтому мы знаем различные товарные рынки, где сталкиваются предложение товаров и спрос на определенные потребительные стоимости.

Можно говорить об общем товарном рынке, но существуют также рынки отдельных видов товаров — рынок текстильных товаров, рынок кожевенных товаров, рынок металлических товаров, хлебный рынок и т. д.

Существуют определенные закономерности как рынков отдельных товаров, так и общего товарного рынка. Можно говорить о недостатке или избытке отдельных товаров, можно говорить об общем недостатке и избытке товаров. Можно говорить о частичном перепроизводстве, можно говорить и об общем перепроизводстве. Те и другие явления сопутствуют капиталистическому хозяйству. То же можно сказать и о ценах. Существует категория общего уровня товарных цен, и движение этого общего уровня цен совершается с определенной закономерностью. Но можно также говорить об уровне цен отдельных товаров, изменяющихся тоже со свойственной именно данному товару закономерностью. По отношению к товарам можно, следовательно, констатировать множество рынков. Это множество вытекает из разнообразия их потребительных стоимостей.

Ссудный же капитал, где бы он ни обращался, всегда остается одним и тем же денежным капиталом, приносящим проценты.

Вся масса ссудных капиталов, как и отдельные ее части, обладает одной и той же потребительной стоимостью, способностью в движении самовозрастать. Ссудный капитал един, поэтому един и рынок ссудных капиталов.

Единство рынка ссудных капиталов определяется еще и тем, что на этом рынке циркулирует «товар», имеющий однообразную форму — форму денег. Перелив капиталов на товарных рынках — весьма сложное движение; этот перелив осуществляется посредством преодоления затрудняющих его препятствий, иногда чрезвычайно трудно устраняемых (например, трудности, создаваемые основным капиталом). Перелив денег из одной сферы их приложения в другую не представляет в сущности никаких трудностей, этот перелив осуществляется безостановочно; создается, таким образом, единство рынка ссудных капиталов.

На товарных рынках мы имеем дело с множеством разнообразных групп покупателей и продавцов; на рынке ссудных капиталов выступают лишь две группы — покупателей и продавцов, предъявляющих одно и то же требование к приобретаемому ими товару.

Производительный капитал проявляется как капитал класса лишь в движении, в конкуренции; денежный капитал выступает как общественный капитал в действительности. В лице денежного капитала мы имеем дело с абстрактной формой капитала, пригодной для применения в любой сфере производства.

«Совершенно иначе обстоит дело с денежным капиталом, — читаем мы у Маркса. — На денежном рынке противостоят друг другу только две категории: покупатели и продавцы, спрос и предложение. На одной стороне класс капиталистов, берущих взаймы, на другой — класс капиталистов, дающих взаймы. Товар имеет здесь одну и ту же форму — форму денег. Здесь стерты все те особые формы, которые капитал принимает в зависимости от того, в какой особой сфере производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишенной различий, равной себе самой форме самостоятельной меновой стоимости — в форме денег. Здесь прекращается конкуренция отдельных сфер; все они, как заемщики денег, свалены в одну кучу, и капитал противостоит им всем без различия тоже в такой форме, в которой он еще безразличен к формам своего применения. Если капитал, функционирующий в процессе производства. . . *только в движении конкуренции между отдельными сферами проявляет себя как общий капитал всего класса, то здесь он действительно всей своей массой выступает так в спросе на капитал.* С другой стороны, денежный капитал (капитал на денежном рынке) действительно обладает той формой, в которой он, как общий для всех элемент, безразличный к тому или иному особому его применению, распределяется между различными сферами среди всего класса капиталистов,

соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К этому присоединяется еще то, что с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он выступает на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а банкирами, которые его концентрируют, организуют и подчиняют своему контролю совсем иначе, чем реальное производство. Таким образом, со стороны спроса денежному капиталу противостоит класс в его целом, а со стороны предложения он выступает как ссудный капитал *en masse* (в целом), как ссудный капитал всего общества, концентрированный в немногих резервуарах» [6].

Замечу кстати. Это единство ссудного капитала, как и единство рынка ссудных капиталов, объясняет проявляющиеся в современном хозяйстве тенденции к созданию единообразных форм приложения ссудных капиталов. Наиболее распространенной, наиболее типичной, господствующей формой приложения ссудных капиталов постепенно становятся различного рода ценные бумаги.

Источники происхождения отдельных масс ссудного капитала оказывают влияние на их движение. Можно констатировать разнообразие и различие в движении отдельных масс ссудных капиталов. Но единство ссудных капиталов, единство рынка ссудных капиталов приводит к тому, что закономерности движения отдельных, различающихся по своему происхождению масс ссудных капиталов подчиняются закономерностям движения всей массы ссудных капиталов. Это проявляется, между прочим, в единообразии ссудного процента. Это единообразие не состоит в том, что по всем кредитным сделкам уплачивается одинаковый процент. В конкретной действительности мы знаем множество процентных ставок. Краткосрочные и долгосрочные ссуды, ссуды под залог ценных бумаг или ссуды под залог товаров, ссуды под учет векселей или так называемый банковый кредит оплачиваются из различных процентов.

Но движение всех процентных ставок определяется движением одной какой-либо ставки, которая выражает «стоимость» ссудного капитала, взятого во всей его массе. Мы здесь не будем описывать, какая же процентная ставка является отражением спроса и предложения общей массы ссудного капитала, какой процент является регулирующим. Об этом на основе конкретного материала мы будем говорить в дальнейшем. Теперь нам важно установить только, что господствующий процент, единый процент, служащий выразителем соотношения между спросом и предложением общей массы ссудного капитала — реальный факт, а не просто теоретическое, статистическое построение.

---

[6] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III. М., 1961, стр. 441—442.

Совершенно противоположное мы наблюдаем на товарном рынке. Общий уровень цен — это в сущности статистическое построение. Общий уровень цен есть результативная цен отдельных товаров. Общий уровень цен — это теоретически сконструированная цена, а индекс — показатель изменения этой сконструированной цены. Общий уровень товарных цен слагается как результат цен отдельных товаров. Несомненно, существует определенная закономерность в движении общего уровня товарных цен, но эта закономерность отражает и результирует закономерности движения цен отдельных товаров. Не общий уровень товарных цен определяет уровень цен отдельных товаров, а наоборот, уровень цен отдельных товаров определяет общий уровень товарных цен. Это и служит показателем того, что существует множество рынков товаров.

Иное происходит с ссудным капиталом. Процент, который является выражением «стоимости» ссудного капитала, этого своеобразного товара, прежде всего определяется на общем рынке ссудных капиталов, и этот процент оказывается определяющим для процентных ставок отдельных масс ссудных капиталов, отдельных сделок с ссудным капиталом. Таким образом, не частные процентные ставки определяют общий ссудный процент, а наоборот, общий ссудный процент определяет частные процентные ставки. И это обстоятельство служит показателем единства ссудных капиталов и единства рынка ссудных капиталов.

Различение отдельных масс ссудных капиталов, отличающихся друг от друга своим происхождением, имеет значение главным образом для понимания различных операций банков; отдельные операции банков как раз отображают движение этих отдельных масс ссудных капиталов. К этому нам придется, следовательно, еще вернуться.

4

Обычно рынок ссудных капиталов различают как денежный рынок и как рынок капиталов. А иногда полагают, что в сущности нет единого рынка ссудных капиталов, а есть два рынка: денежный рынок и рынок капиталов.

Мы исходим из того, что рынок ссудных капиталов един, но в то же время полагаем возможным различение денежного рынка и рынка капиталов. Необходимо, стало быть, разъяснить, во-первых, каково это различие и, во-вторых, не противоречит ли такое различие представлению о рынке ссудных капиталов как об едином рынке?

Обычно денежный рынок и рынок капиталов различают по признаку срочности ссуд. Денежный рынок — место совершения краткосрочных ссуд, рынок капиталов — долгосрочных [7].

[7] См., например, J. P l e n g e. Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt. Berlin, 1913, S. 220; W. P r i o n. Der internationa-

Класть признак срочности в основу различения денежного и капитального рынков нам не представляется правильным по следующим соображениям. Во-первых, понятие долгосрочности и краткосрочности весьма относительно и изменяется в зависимости от места, в зависимости от отраслей народного хозяйства и т. д. Провести сколько-нибудь точную грань между тем и другим абсолютно невозможно. Рост ссудных капиталов и их значение, рост организации и организованности рынка ссудных капиталов, рост и развитие кредитных организаций, развитие технических методов работы кредитных учреждений, изменение форм организации промышленных и торговых предприятий и методов их работы, изменение способов их финансирования и т. д. — все эти обстоятельства перемещают грань между долгосрочным и краткосрочным кредитом. В самое последнее время обнаруживаются весьма сильные тенденции к полному уничтожению грани между долгосрочным и краткосрочным кредитом.

Во-вторых, срок кредитных сделок определяется темпом метаморфоз того капитала, в который превращается ссудный капитал. Различные виды и части капитала — промышленный и торговый, основной и оборотный, постоянный и переменный — обладают различным темпом своих метаморфоз. Все эти виды капитала в различных отраслях народного хозяйства, промышленности и в отдельных ее частях, в торговле и в отдельных ее видах, в сельском хозяйстве и в отдельных его разветвлениях совершают свой метаморфоз не с одинаковой быстротой, деньги, авансируемые в качестве этих капиталов, возвращаются вновь как деньги не через одинаковый промежуток времени. А как раз этим временем возвращения капитала в денежной форме и обусловливается срочность кредитных сделок. Что в каждом отдельном конкретном случае кредитуется, деньги или капитал, во всяком случае срочностью, поскольку эта срочность обусловливается процессом кругооборота капитала, определяться не может.

Правильно, что обычно на денежном рынке заключаются более краткосрочные сделки, на капитальном — более долгосрочные. Но отсюда еще очень далеко до того, чтобы признак срочности считать конститутивным признаком денежного капитального рынка.

Дело, на наш взгляд, заключается совершенно в другом.

Мы уже указывали, что ссудный капитал двойствен по своей природе. С одной стороны, ссудный капитал представляет собой просто сумму денег, сумму покупательных и платежных средств. С другой стороны, всякая сумма покупательных и платежных средств может быть использована как капитал. Эта двойственность вытекает из самого существа ссудного капитала как капитала, приносящего проценты. Эта двойственность природы ссудных ка-

---

le Geld und Kapitalmarkt nach dem Kriege. München und Leipzig, 1918, S. 7 и мн. др.

питалов отнюдь не нарушает его единства. Само собой разумеется, что нельзя всю массу ссудных капиталов разделить на две части, из которых одна представляла бы собой просто деньги, другая — капитал. Каждая масса ссудного капитала имеет ту и другую характеристику. Двойственность — это две стороны, хотя и противоречивые, одного и того же явления.

На рынке ссудных капиталов при отдельных сделках может иметь значение одна или другая характеристика ссудных капиталов. Вопрос разрешается в зависимости от того, какую нужду удовлетворяет заемщик с помощью ссужаемой ему суммы денег, какая потребность заемщика удовлетворяется с помощью ссужаемых ему денег.

Ссудный капитал есть капитал денежный. Заемщик имеет капитал и в добавочном капитале не нуждается. Но он нуждается в перемене форм своего капитала. Предположим, заемщик имеет товар, т. е. его капитал находится в товарной форме. Для непрерывности процесса производства и воспроизводства его капитала ему необходим капитал в денежной форме. Товары же его почему-либо не могут быть в настоящий момент реализованы, не могут превратиться в деньги. Он обращается в банк за ссудой под залог товара. Что ему в этом случае надо? Очевидно, не капитал вообще, так как он капиталом уже обладает. Ему нужно изменить форму своего капитала. Ему важны покупательные и платежные средства, а не капитал. Он совершает ссуду для того только, чтобы одну форму капитала превратить в другую. Ему нужны деньги, а не капитал, хотя посредством ссуды он получает денежный капитал. То же самое происходит при ссуде под залог ценных бумаг. И в этом случае заемщик обладает капиталом, но не в форме покупательных и платежных средств. Ему же нужен капитал в денежной форме. При ссуде под ценные бумаги совершается превращение одной формы капитала в другую. Во всех этих случаях ссудный капитал выступает как сумма покупательных и платежных средств. Рынок ссудных капиталов, рассматриваемый как рынок покупательных и платежных средств, можно назвать денежным рынком.

Но возможно и другое обращение к рынку ссудных капиталов. Заемщик не имеет капитала ни в какой форме, и он получает при ссуде определенную массу покупательных и платежных средств, которые он хочет использовать как капитал. В этом случае заемщика интересует другая характеристика ссудного капитала, не столько то, что ссудный капитал есть сумма покупательных и платежных средств, сколько то, что эта сумма покупательных и платежных средств может быть использована как капитал.

Предположим, какое-либо промышленное предприятие заключает заем на рынке ссудных капиталов путем выпуска облигаций. Этот заем заключает промышленное предприятие не потому, что оно нуждается в денежной форме капитала взамен имею-

щегося у него капитала в другой форме, в форме товаров. Отнюдь нет. Предприятие ищет д о б а в о ч н о г о капитала, хотя и в денежной форме. Здесь важно именно обращение к рынку ссудных капиталов не за покупательными и платежными средствами, а за капиталом, хотя этот капитал и предоставляется ему в виде суммы денег. Рынок ссудных капиталов представляется при этом как рынок к а п и т а л о в. Здесь не происходит, как в первом случае, простой перемены форм капитала, здесь предоставляется добавочный капитал в форме денежного капитала.

Рынок ссудных капиталов, рассматриваемый именно как рынок денежных капиталов, а не просто денег, можно назвать капитальным рынком.

Таким образом, денежный рынок и рынок капиталов отнюдь не отображают два раздельных рынка, в то же время их существование не противоречит единству рынка ссудных капиталов. Денежный рынок и рынок капиталов составляют один и тот же единый рынок ссудных капиталов. Но в одном случае капитал выступает не столько (хотя он и это значение сохраняет) как капитал, сколько как сумма покупательных и платежных средств, в другом — ссужаемая сумма денег выступает не столько (хотя сохраняет и это значение) как деньги, сколько как капитал.

Возможность существования денежного рынка и рынка капиталов вытекает из двойственности природы денежного капитала, приносящего проценты, и как эта двойственность не противоречит единству ссудного капитала, так и отображающие эту двойственность денежный рынок и рынок ссудных капиталов не противоречат единству рынка ссудных капиталов.

Различение денежного рынка и рынка капиталов как двух сторон единого рынка ссудных капиталов имеет огромное значение.

Это различие проявляется, во-первых, в формах воздействия ссудного капитала на капитал реальный, и, во-вторых, оно обнаруживает противоречие в движении ссудного капитала, взятого в целом.

Первое заключается в следующем. В том случае, когда ссуда есть только превращение форм капитала, т. е. когда ссуда является только ссудой денег, а не капитала, движение ссудного капитала отображает только то распределение капиталов, которое существует, которое уже определилось в самом процессе движения реальных капиталов; в том же случае, когда ссуда есть ссуда денежного капитала, а не только денег, движение ссудного капитала вызывает перераспределение реальных капиталов. В первом случае заемщик не получает дополнительного капитала, во втором он его получает: посредством ссужаемых заемщику сумм он приобретает новые, не имевшиеся у него до того товары, которые могут быть использованы как капитал.

Второе, т. е. противоречие движения ссудного капитала, проявляется вовне в том, что оказывается возможным различное

состояние денежного и капитального рынка. Единый рынок ссудных капиталов получает двоякую внутренне противоречивую характеристику. Возможно «перепроизводство» ссудного капитала, поскольку рынок ссудных капиталов представляет собой капитальный рынок, и одновременное отсутствие этого перепроизводства, поскольку рынок ссудных капиталов представляет собой денежный рынок; возможна инфляция ссудного капитала как суммы покупательных и платежных средств и отсутствие инфляции и даже относительный недостаток ссудного капитала как денежного капитала; возможна, наконец, инфляция ссудного капитала как капитала и одновременно отсутствие инфляции ссудного капитала как просто денег.

В конце 1927 и в середине 1928 г. в Соединенных Штатах Северной Америки наблюдались явления инфляции ссудного капитала как денежного капитала, но в то же время никакой денежной инфляции не было. Во время кризисов, например, ощущается не недостаток капиталов, а недостаток денег. В это время замечается как раз перепроизводство капитала. Но в то же время метаморфоз товара и денег испытывает затруднения. Промышленники и торговцы нуждаются в платежных средствах и за таковыми обращаются к рынку ссудных капиталов.

Инфляция ссудного капитала вообще возможна, но очень важно различать инфляцию ссудного капитала как суммы покупательных и платежных средств и инфляцию ссудного капитала как денежного капитала, приносящего процент. Это две стороны одного и того же явления, но все же две различные стороны.

Резюмируем сказанное.

Ссудный капитал, хотя происхождение отдельных его частей различно, един, точно так же как и рынок ссудных капиталов един. Но в то же время необходимо различать денежный рынок и рынок капиталов. Это различие обусловливается двойственной природой ссудного капитала, который, с одной стороны, является суммой покупательных и платежных средств, а с другой — капиталом, т. е. самовозрастающей стоимостью. Оба эти рынка отнюдь не являются раздельными рынками, а включаются в единый рынок ссудных капиталов. Объектом сделок как на денежном рынке, так и на рынке капиталов является ссудный капитал. Различие же заключается в том, что в одном случае речь идет о ссудном капитале как о сумме покупательных и платежных средств, а в другом — о покупательных и платежных средствах как капитале. В одном случае происходит превращение одних форм капитала (не представляющего платежных средств) в другие (одновременно являющиеся суммой платежных средств), в другом — происходит передача ссудного капитала, который должен превратиться в капитал реальный. В первом случае движение ссудного капитала отображает существующее распределение реальных капиталов, в другом — движение ссудного капитала вызывает перераспре-

деление реальных капиталов. Но в обоих случаях мы имеем дело с движением ссудного капитала как такового. Как двойственность природы ссудного капитала не противоречит его единству, так и различие денежного и капитального рынка не противоречит единству рынка ссудных капиталов.

5

На рынке ссудных капиталов сталкиваются спрос и предложение ссудного капитала, т. е. денежного капитала, приносящего проценты. Предложение ссудного капитала, как это видно из предыдущего, отнюдь не есть предложение капитала вещного, т. е. капитала в товарной форме. Масса предлагаемого на соответствующих рынках денежного и товарного капитала отнюдь не совпадает, и изменения их происходят не в одинаковом направлении. Увеличение предложения ссудного капитала может совпадать с уменьшением предложения товарного капитала, и наоборот, уменьшение предложения денежного капитала может совпадать с увеличением предложения капитала товарного.

Только в том случае, если бы процесс развития капиталистического хозяйства совершался плавно и равномерно, без всяких потрясений; только в том случае, если бы капиталистической системе не свойственны были противоречия ее развития; только в том случае, если бы развитие капиталистического хозяйства совершалось без кризисов, которые суть не что иное, как «насильственное осуществление единства фаз процесса производства, обособившихся и ставших самостоятельными по отношению друг к другу» [8] (Krise ist nichts als die gewaltsame Geltendmachung der Einheit von Phasen des Produktionsprozesses, die sich gegeneinander verselbständigt haben), возможно было бы одинаковое и параллельное движение денежного и товарного капитала. С другой стороны, одинаковость движения того и другого капитала гарантировала бы в свою очередь постоянное «единство фаз процесса производства». Но именно то обстоятельство, что фазы производства имеют тенденцию становиться, и постоянно становятся, «самостоятельными друг по отношению к другу», обусловливает неодинаковость движения денежного и товарного капитала, и, с другой стороны, различие в движении денежного и товарного капитала постоянно усиливает те тенденции, которые ведут к нарушению «единства фаз процесса производства», к усилению диспропорций и противоречий капиталистической системы в целом.

«Трудность, — говорит К. Маркс, — превращения *товара* — особого продукта индивидуального труда — в деньги, его противоположность, в абстрактно всеобщий общественный труд, заключается в том, что *деньги* не выступают как особый продукт

[8] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II. М., 1957, стр. 514.

индивидуального труда, что тот, кто продал, т. е. тот, кто теперь владеет товаром в форме денег, не вынужден сейчас же покупать снова, снова превращать деньги в особый продукт индивидуального труда». «. . . Трудность превращения товара в деньги, продажи его, проистекает исключительно из того, что товар должен быть превращен в деньги, деньги же отнюдь не должны быть немедленно превращены в товар, так что *продажа* и *покупка* могут отделиться друг от друга. Мы сказали, что эта *форма* заключает в себе *возможность кризиса*, т. е. возможность того, что моменты, взаимно и неразрывно связанные друг с другом, отрываются один от другого, вследствие чего их соединение осуществляется насильственным путем, так что их взаимная связь пробивает себе дорогу посредством насилия, учиняемого над той самостоятельностью, которую они приобрели по отношению друг к другу» [9].

Предложение ссудного капитала есть результат его накопления. Под накоплением капитала мы в дальнейшем понимаем накопление производительного и товарного капитала, вообще процесс расширенного воспроизводства; под накоплением ссудного капитала — накопление денежного капитала, отдаваемого в ссуду, накопление притязаний собственности на производимую в обществе прибавочную стоимость, притязаний, вытекающих из существования капитала собственности в противоположность капиталу функции.

Предложение на рынке ссудных капиталов образуется, во-первых, в результате накопления чисто денежного капитала, во-вторых, в результате предложения реального капитала, временно находящегося в денежной форме, в-третьих, в результате накопления денежных доходов и, в-четвертых, в результате действия самой кредитной системы.

Проблема рынка ссудных капиталов требует, во-первых, анализа процесса накопления ссудных капиталов как общей тенденции современного капиталистического хозяйства, во-вторых, анализа конкретного движения этого накопления в ходе народнохозяйственного цикла и, наконец, в-третьих, анализа связи накопления ссудного капитала с накоплением капитала действительного, т. е. с ходом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Начнем с накопления ссудного капитала как результата накопления чисто денежного капитала. В этом случае мы имеем в виду накопление капиталов денежными капиталистами, использующими свой капитал исключительно как ссудный капитал, единственной функцией которых является дача денежных капиталов в ссуду. К таким денежным капиталистам относятся как отдельные индивидуальные капиталисты, так и финансовые предприятия

[9] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 514.

в лице банков и других банкирских предприятий. В этом случае мы имеем дело с денежно-ссудным капиталом в чистом его виде. К денежным капиталам этого рода надо отнести также капиталы так называемых рантье, единственным источником существования которых являются проценты, получаемые ими с отдаваемых в ссуду денежных капиталов.

Накопление этих денежных капиталов совершается за счет получаемых с этих капиталов доходов. К такого рода доходам надо отнести и проценты по оказываемым ими ссудам и так называемый учредительский барыш, и доходы от реализации займов государств, различного рода общественно-политических организаций (коммун, муниципалитетов и т. д.), промышленных и торговых организаций и т. д.

Накопление рассматриваемых здесь денежных капиталов с развитием современного капиталистического хозяйства обнаруживает общую тенденцию к увеличению. Это является результатом как общего увеличения класса рантье, так и присвоения денежными капиталистами все большей и большей части производимой в обществе прибавочной стоимости. Это как раз те обстоятельства, которые дают основную характеристику современной стадии развития капиталистического хозяйства, и являются одним из основных показателей загнивания капитализма.

Что же касается движения накопления этого денежного капитала в ходе промышленных циклов, то поскольку оно (накопление) определяется массой производимой прибавочной стоимости, постольку оно совершается параллельно движению действительного капитала. Но в то же время прямого параллелизма здесь нет. Даже во время кризиса, когда производственный процесс нарушается, когда процесс воспроизводства суживается, накопление денежного капитала не прекращается. Больше того, именно потому, что вследствие заминки в сбыте товаров обнаруживается больший спрос на ссудный капитал, процент по ссудам увеличивается, повышается зависимость промышленного капиталиста от денежного капиталиста, доходы этих последних увеличиваются.

Таким образом, во время кризисов общая масса прибавочной стоимости, присваиваемая денежными капиталистами, уменьшается, но это уменьшение может до некоторой степени компенсироваться за счет увеличения доли прибавочной стоимости, которая достается денежному капиталисту. Иными словами, во время кризисов доходы денежных капиталистов уменьшаются вследствие общего уменьшения производимой прибавочной стоимости, но зато увеличиваются за счет промышленного дохода.

Обратное замечается во время промышленного подъема. Доходы денежных капиталистов вследствие общего увеличения производимой прибавочной стоимости увеличиваются. Но зато в это же время вследствие того, что кругооборот промышленного капитала не испытывает затруднений, вследствие того, что реализация

товаров, превращение товаров в деньги происходит в общем беспрепятственно, вследствие того, что в это время коммерческий кредит в меньшей мере опосредствует банкирским, наблюдается относительное уменьшение спроса на ссудный капитал, уменьшается зависимость промышленного капитала от капитала денежного, процент по ссудам падает. Во время подъема, таким образом, накопление денежного капитала увеличивается вследствие увеличения общей массы производимой прибавочной стоимости, вследствие большей возможности грюндерства и учредительства, но, с другой стороны, уменьшается вследствие сокращения доли прибавочной стоимости, отдаваемой денежным капиталистам. Если во время кризиса происходит увеличение доходов денежных капиталистов — процента — за счет промышленного дохода, то во время подъема, наоборот, промышленный доход увеличивается за счет процента.

Таким образом, в качестве общей тенденции капиталистического хозяйства необходимо констатировать увеличение накопления денежных капиталов, или, иначе, капиталов денежных капиталистов. Но эта общая тенденция обнаруживается в колебательных движениях, обусловливаемых движением конъюнктуры, причем эти движения не совпадают с динамикой накопления действительного капитала.

6

Переходим к предложению денежно-ссудного капитала, возникающему как результат своеобразия кругооборота капитала, а также возникающему в результате накопления денежных доходов. Вопрос этот разрешается, во-первых, анализом кругооборота капитала, анализом процесса метаморфоз его функциональных форм, анализом процесса высвобождения остающихся временно праздными денежных капиталов из кругооборота промышленного капитала и, во-вторых, анализом оборота доходов.

Ссудный капитал есть денежный капитал, и всякая сумма денег в условиях капиталистического хозяйства может быть превращена в ссудный капитал посредством простого акта ссуды.

Следовательно, там, где стоимость, хотя бы временно, застывает в форме денег, где метаморфоз различных форм капитала прекращается на денежной форме, словом, там, где деньги выступают хотя бы временно в функции средства сохранения стоимостей, сокровища, возможно возникновение ссудного капитала.

Продолжительное застывание в денежной форме стоимости или капитала создает источники предложения ссудного капитала, ибо всякая масса денег может быть превращена в ссудный капитал, стало быть, является потенциальным ссудным капиталом.

Всякая сумма денег представляет собой или реализованный капитал, или реализованный доход; следовательно, и капитал, и доход, поскольку они хотя бы на время застывают в форме

сокровища, могут быть превращены в ссудный капитал. «Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их во вклад, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе» [10].

Отсюда следует, что источниками ссудных капиталов являются как капитал, так и доход; как денежная форма капитала, так и денежная форма доходов; как деньги, высвобождающиеся из процесса кругооборота капитала и остающиеся временно в форме денег, так и деньги, застывающие в этой форме в процессе потребления доходов.

Остановимся сначала на предложении того ссудного капитала, которое является непосредственным результатом кругооборота капитала, т. е. процесса воспроизводства, сопровождаемого постоянным высвобождением капитала в денежной форме.

В процессе кругооборота капитала, так же как и товарооборота, происходит постоянный метаморфоз товара и денег; с точки зрения оборота всего капитала и всей совокупной массы товаров этот оборот никогда не может быть прекращен, и беспрерывное превращение товарной формы в денежную составляет сущность и содержание кругооборота капитала и товаров. Но с точки зрения индивидуальных капиталов и товаров такое нарушение весьма возможно. Стоимость как стоимость может застывать или в форме товаров, или в форме денег; стоимость как капитал, как самовозрастающая стоимость может застывать как в товарной форме, так и в форме денег.

На закономерностях этого высвобождения мы здесь останавливаться не будем [11]. Напомним только, что этот процесс высвобождения денежного капитала и образования ссудного капитала обусловливается способом обращения капитала, превращения денег в товар ($Д—Т$) и товара в деньги ($Т—Д$), способом возрастания стоимости в процессе ее воспроизводства, в производственном, в тесном смысле этого слова, процессе, и, наконец, способом накопления капитала.

Специфическими условиями обращения, производства и накопления обусловливается временное высвобождение денег из процесса кругооборота индивидуального капитала и, следовательно, возможность образования ссудного капитала.

Денежная форма функционирующего промышленного капитала временно циркулирует как ссудный капитал. Все те обстоятельства, которые способствуют высвобождению денежного капитала из процесса его кругооборота и застыванию его в форме денег, увеличивают предложение ссудного капитала; все обстоятельства, которые задерживают высвобождение денежного капитала и его

---

[10] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 524.

[11] См. изложение этого процесса в кн.: Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1912.

застывание, уменьшают предложение ссудного капитала. Если не считать известной стабильной массы промышленного и торгового капитала, всегда в определенном минимуме находящейся и застывающей в форме денег, предложение ссудных капиталов, поскольку оно обусловливается кругооборотом промышленного капитала, зависит от условий конъюнктуры. В период подъема, когда метаморфоз различных товаров происходит безостановочно и ускоренным темпом, предложение ссудных капиталов увеличивается; в период кризиса, который характеризуется затруднительностью сбыта товаров, промышленный и торговый капитал застывает на товарной форме, и, стало быть, предложение ссудных капиталов, поскольку оно обусловливается процессом кругооборота капитала, уменьшается.

Темп процесса непосредственного производства (*Т. . .П. . .Т'*) также оказывает влияние на предложение ссудных капиталов. Усиление темпа, ускорение процесса, сокращение времени производства усиливает предложение ссудных капиталов, увеличение времени производства уменьшает предложение ссудных капиталов.

Мы все время говорили о предложении, а не о накоплении этого ссудного капитала по следующим соображениям. Высвобождение денежного капитала из кругооборота промышленного капитала имеет значение главным образом с точки зрения д в и ж е н и я ссудного капитала; высвобождение денежного капитала создает только в р е м е н н о е увеличение массы предлагаемых на рынке ссудных капиталов.

Процесс высобождения денежного капитала из кругооборота промышленного капитала не имеет значения или имеет небольшое значение как источник н а к о п л е н и я ссудных капиталов потому, что современные промышленные предприятия высвобождают в сущности не свой, а заемный капитал. В настоящее время оборот промышленного капитала совершается в значительной степени с помощью заемного капитала. Как мы уже указывали, чем более развивается капиталистическое хозяйство, тем все большее значение приобретает в обороте промышленного капитала заемный капитал. Если сравнить капиталистические промышленные и торговые предприятия, положим, середины прошлого столетия, с предприятиями наших дней, то не трудно будет заметить, как все более и более растет доля и значение заемного капитала в обороте промышленного капитала. Современное предприятие высвобождает в процессе кругооборота своего капитала временно праздный денежный капитал, но высвобождает не свой, а чужой капитал, т. е. тот капитал, который оно предварительно получило в порядке ссуды на рынке ссудных капиталов.

Высвобождение это, следовательно, увеличивает в тот или иной момент предложение праздных денежных капиталов на рынке

ссудных капиталов, и в этом смысле процесс высвобождения праздных денежных капиталов имеет огромное значение. Этот процесс является фактором, воздействующим на предложение ссудных капиталов. Но это фактор негативного, так сказать, характера. Здесь происходит не накопление ссудных капиталов, а скорее уменьшение спроса части индивидуальных промышленных капиталов на ссудный капитал. Последствия того и другого, впрочем, совершенно одинаковы.

Таким образом, с точки зрения накопления ссудных капиталов, в настоящем значении этого слова, высвобождение праздных денежных капиталов в процессе кругооборота промышленного капитала не имеет в настоящее время большого значения. Этот процесс высвобождения не имеет характера самостоятельного источника *накопления* ссудных капиталов, хотя имеет значение, и очень большое значение, как источник *предложения* (и спроса) ссудного капитала. И чем более развивается капиталистическое хозяйство, тем значение процесса высвобождения и образования праздных денежных капиталов как самостоятельного источника накопления ссудных капиталов все более и более падает.

Этот процесс как источник накопления ссудных капиталов сохраняет значение лишь постольку, поскольку высвобождающиеся праздные денежные капиталы превращаются в тот ссудный капитал, о котором мы говорили выше, т. е. в чисто денежно-ссудный капитал. Это действительно происходит. Часть реализованной прибавочной стоимости превращается в чисто денежный капитал. О накоплении этого капитала и его закономерностях мы уже говорили выше.

7

Переходим к накоплению ссудных капиталов как результату накопления денежных доходов. Здесь имеются в виду доходы прежде всего капиталистов, т. е. та часть промышленной прибыли, которая служит для удовлетворения личных потребностей класса капиталистов, стало быть, та часть прибыли, которая не получает производительного применения, затем доходы средней и мелкой буржуазии и, наконец, доходы рабочих.

Капиталист свои доходы потребляет постепенно, поэтому во всякое время известная часть их является свободной, превращающейся в ссудный капитал. Доходы трудовых масс также потребляются постепенно, и если кредитная система охватывает эти массы в круг своей клиентуры, этот доход может быть источником ссудных капиталов. В этом отношении положение в различных странах различно. В России, например, этот источник никогда не имел сколько-нибудь серьезного значения. Кредитная система была мало развита, и во всяком случае она ни в какой степени не захватывала широких трудовых масс. Жалование чиновника,

заработная плата рабочего оставалась у него и не откладывалась в виде «текущего счета» в банках. Способ расплаты чеками был очень мало распространен. Зато в других странах, например в Англии или в Соединенных Штатах Северной Америки, трудовые доходы представляли всегда и представляют в настоящее время немалый источник предложения ссудных капиталов. Жалование, гонорар, заработная плата истрачиваются постепенно, получатели этих доходов обыкновенно открывают текущий счет в банках, и тем самым создается значительный источник ссудных капиталов. Широко развитая и далеко разветвленная кредитная система этому способствует.

Но кроме доходов, предназначенных для немедленного потребления, часть их сберегается на «черный день». Конечно, делать такого рода сбережения недоступно широким трудовым массам, но известная часть этих последних, верхний слой рабочих, такие сбережения делает.

Во всякой стране в той или иной мере такого рода сбережения существуют. При развитии кредитной системы эти сбережения служат источником ссудных капиталов.

Все эти сбережения являются потенциальным ссудным капиталом, превращаются в таковой в той мере, в какой они захватываются кредитным оборотом.

К такого же рода источнику надо отнести сбережения ушедших от дел капиталиста, мелкого буржуа, чиновника и т. д. Эти сбережения отличаются от сбережений трудовых масс большей своей стабильностью, постоянством.

Аналогичным источником ссудных капиталов надо считать капиталы различных общественных, благотворительных, профессиональных и других организаций. Эти капиталы достигают огромной величины. Сохраняются они обычно в банках и, стало быть, превращаются в ссудный капитал.

Наконец, к источникам ссудных капиталов надо отнести и средства государственного бюджета. Время поступлений по государственному бюджету далеко не совпадает со временем расходования государственных средств. Иногда собранные доходы недостаточны для удовлетворения текущих потребностей государства в средствах, в другие моменты, наоборот, имеющиеся в наличности средства с избытком покрывают текущие расходы государства. В первом случае государство обращается к рынку ссудных капиталов за средствами, во втором — государственные средства, временно свободные, образуют предложение ссудных капиталов. Так называемые бюджетные остатки временами достигают достаточно больших размеров.

Указанные доходы служат источниками предложения ссудных капиталов. Два рода обстоятельств содействуют накоплению этих ссудных капиталов: во-первых, рост этих доходов и, во-вторых, рост и развитие кредита и кредитных организаций. Повышение

доходов увеличивает предложение ссудных капиталов, понижение доходов уменьшает предложение ссудных капиталов. Таково же действие и кредитной системы. Рост предложения ссудных капиталов, о которых идет здесь речь, обусловливается развитием кредитной организации и охватом кредитной системой доходов различных групп населения.

Обращаясь к динамике предложения этих ссудных капиталов, надо сказать следующее. Общей тенденцией капитализма является относительно все большее и большее накопление ссудных капиталов, источником которых служат доходы. Это является результатом главным образом роста кредитной системы. В ходе же промышленного цикла это накопление совершается не с одинаковым темпом. Совершенно очевидно, что в период подъема предложение этих ссудных капиталов растет, в период кризиса достигает своего минимума.

Резюмируем сказанное относительно накопления ссудных капиталов, непосредственно вытекающего из процесса воспроизводства капитала. Это накопление может быть результатом как реализации капитала, так и реализации доходов. Причем для того, чтобы возникла возможность возникновения ссудного капитала, необходимо, чтобы реализованный капитал или реализованный доход застыли, хотя бы временно, в денежной форме.

Что касается застывающего в денежной форме капитала, то его масса, определяемая процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, может изменяться и фактически изменяется как раз в противоположном направлении от массы действительного капитала. Как общее правило, можно сказать, что именно тогда, когда капитал обнаруживает тенденцию к застыванию в товарной форме, происходит сокращение капитала в форме денег (кризис), и, наоборот, тогда, когда обнаруживается тенденция к сокращению товарной формы капитала, происходит увеличение накопления денег (депрессия). «Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала» [12].

Нет одинаковости также в движении действительного капитала и движении ссудного, поскольку последний является результатом реализации и застывания в денежной форме доходов. Конечно, вся масса доходов отображает действительный процесс расширенного воспроизводства капитала, т. е. накопления действительного капитала, но только отображает, степень же превращения доходов в ссудный капитал вовсе не определяется или во

---

[12] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 502.

всяком случае не непосредственно определяется мерой накопления действительного капитала. Повторяем: если взять общие тенденции, то между движением действительного капитала и движением доходов, превращаемых в ссудный капитал, существуют определенная зависимость и параллелизм, но в конкретном своем выражении, как он протекает в пределах народнохозяйственных циклов, этот параллелизм не обязателен, вовсе не наблюдается.

8

Что касается накопления ссудного капитала как результата действия самой кредитной системы, то здесь имеются в виду двоякого рода обстоятельства.

Всякая сумма денег может быть превращена в ссудный капитал. Превращение возможности в действительность осуществляется в значительной мере кредитными организациями. В этом смысле можно сказать, что само развитие кредита и кредитных организаций является чрезвычайно важным фактором, усиливающим предложение ссудных капиталов. Это во-первых.

Во-вторых, кредитные учреждения могут, удовлетворяя обнаруживающийся спрос на ссудный капитал, создавать кредитные орудия обращения и превращать их в ссудный капитал. Более подробно на этом мы здесь останавливаться не будем, так как вопрос этот нами будет рассмотрен в другой связи, в главе о банках.

Нас интересует здесь накопление ссудного капитала, поскольку оно влияет на рынок ссудных капиталов.

Что касается первого проявления действия кредитной системы, то совершенно очевидно, что кредитная система способствует накоплению ссудного капитала и, стало быть, увеличивает его предложение, причем это увеличение непосредственно независимо от движения спроса на ссудный капитал. Что же касается второго проявления действия кредитной системы, выражающегося в том, что кредитная система создает кредитные орудия обращения, необходимо заметить, что это создание ссудного капитала совпадает с соответствующим ростом спроса на ссудный капитал. Здесь увеличение ссудного капитала просто отображает увеличение спроса, поэтому его воздействие на рынок ссудных капиталов относительно не так велико.

Развитие капиталистического хозяйства характеризуется ростом, развитием и усовершенствованием кредитной системы. Поэтому накопление ссудного капитала как результат действия кредитной системы имеет тенденцию к увеличению. Что же касается связи с конъюнктурой, то динамика и этого накопления примерно такова же, как и динамика разобранного нами выше накопления.

Само собой разумеется также, что накопление этого ссудного капитала вовсе не связано с накоплением действительного капи-

тала. «Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банкового дела. . . то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссужаемый капитал. Такое возрастание денежного капитала столь же мало выражает собою рост производительного капитала, как, напр., увеличение вкладов в лондонских акционерных банках после того, как эти банки начали платить проценты по вкладам. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссужаемого денежного капитала по сравнению с производительным» [13].

Таковы главнейшие источники накопления, или, лучше, предложения ссудных капиталов. Все они возникают на тех участках народного хозяйства и в такие моменты, где и когда в силу самых разнообразных обстоятельств стоимость или капитал застывают в форме денег, оказываются праздными.

Масса предлагаемых в ссуду денежных капиталов, как видно из характеристики процессов их возникновения, постоянно меняется в зависимости от фаз народнохозяйственной конъюнктуры. Динамика предложения ссудных капиталов хотя и связана с динамикой накопления действительного капитала, под которым здесь разумеется производительный и товарный капитал, но отнюдь с ней не совпадает.

Застывание стоимостей или капитала в денежной форме обусловливается процессом производства и воспроизводства капитала; это обусловливание совершенно явственно обнаруживается, какой бы источник ссудных капиталов мы ни взяли. В общем можно сказать, что увеличение действительного капитала должно обнаружить тенденцию к увеличению массы ссудного капитала, уменьшение действительного капитала — к сокращению ссудного капитала. Развитие капиталистического хозяйства есть процесс расширяющегося все в большем и большем масштабе воспроизводства капитала, стало быть, все большего накопления действительного капитала. Вместе с тем развитие капитализма характеризуется все большим накоплением капитала ссудного. Взятое в общей связи последнее отображает первое. Но, во-первых, накопление ссудного капитала происходит в большем масштабе, нежели накопление капитала действительного, и, во-вторых, закономерности и кривая движения того и другого далеко не одинаковы. Больше того, движение действительного и ссудного капитала в ходе промышленного цикла, как общее правило, протекает в противоположном направлении.

* * *

Таким образом, какую бы часть ссудного капитала мы ни брали, движение ее не обязательно параллельно движению капитала действительного. Если же взять всю массу ссудного капитала

[13] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 502.

в целом, то окажется, что при всей обусловленности его капиталом действительным его движение вовсе не идентично движению капитала действительного. Одинаковой ошибкой было бы отрицать как связь между движением того и другого капитала, так и неодинаковость этого движения.

Отрицая связь между накоплением ссудного капитала и накоплением действительного капитала, можно впасть в старую, зло высмеянную Марксом ошибку доктора Прайса, веровавшего в чудодейственную силу денег рождать деньги независимо от производства, можно впасть в ошибку новейших теорий кредита, верящих в чудодейственную силу кредита создавать капитал из ничего (aus dem Nichts) [14]. Отрицать самостоятельность движения ссудного капитала, часто противоположного движению капитала действительного, означало бы непонимание существа и содержания тех сложных конкретных социальных связей, которые находят свое выражение в том, что движение капитала в современном хозяйстве есть постоянное и непрерывное изменение, метаморфоз различных форм капитала, непонимание тех особых социальных отношений, которые находят свое выражение в развитии ссудного капитала как самостоятельной экономической категории. Отрицание связи ссудного капитала с капиталом действительным означало бы затушевывание того элементарного факта, что всякое накопление капитала, в том числе и ссудного капитала, имеет своим источником неоплаченный труд рабочего, производимую им прибавочную стоимость; отрицание самостоятельности движения ссудного капитала означало бы непонимание чрезвычайно существенного и важного факта все большего отделения капитала-собственности от капитала-функции и, стало быть, игнорирование факта роста паразитизма капиталистической системы, взятой в целом.

9

Характеристику рынка ссудных капиталов необходимо еще дополнить характеристикой движения фиктивного капитала, установлением общих закономерностей этого движения.

Эта проблема сводится, во-первых, к характеристике связи движения капитала фиктивного и капитала реального и, во-вторых, к анализу процесса накопления фиктивного капитала.

Процесс накопления фиктивного капитала должен быть рассмотрен с двух сторон: во-первых, как происходит это накопление в общем развитии капиталистического хозяйства и, во-вторых, как происходит это накопление в ходе промышленного цикла.

В чем состоит основная характеристика фиктивного капитала, мы уже указывали.

---

[14] W. Sombart. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus. München und Leipzig, 1927, S. 183.

Всякий денежный капитал есть превращенная форма капитала реального. Фиктивный же капитал потому и называется фиктивным, что он не является превращенной формой реального капитала. Фиктивный капитал — это доведенный до своего логического конца, до крайней простоты ссудный капитал. Фиктивный капитал находит свое определение только в одном свойстве ссудного капитала — приносить процент. Можно сказать, что фиктивный капитал есть овеществление иррациональности ссудного капитала, овеществление претензии ссудного капитала на доход вне зависимости от участия его в качестве денежного капитала в реальных процессах производства и воспроизводства капитала. Фиктивный капитал доводит до крайнего предела отделение капитала-собственности от капитала-функции.

Накопление этого фиктивного капитала происходит весьма своеобразно. Оно может происходить, и в значительной своей части происходит, вне непосредственной зависимости от накопления капитала реального. Накопление фиктивного капитала в огромной своей массе есть просто накопление прав на доход, накопление притязаний на прибавочную стоимость. С этой точки зрения накопление долгов является накоплением денежного капитала. Правда, мы имеем здесь дело со специфической формой накопления, но все же это накопление имеет большое значение для рынка ссудных капиталов. «В том факте, что даже накопление долгов может принять вид накопления капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными для продажи товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал» [15].

Накопление титулов на доход образует предложение ссудных капиталов, хотя и своеобразное предложение, хотя эти титулы являются только «номинальными представителями несуществующего капитала».

Фиктивный капитал является капитализированным доходом, последний же, как и его величина, определяется воспроизводством действительного капитала. Фиктивный капитал является особой формой ссудного капитала, отсюда и особая форма его накопления.

Всякий денежный капитал отображает, хотя и своеобразно, капитал действительный. Ссудный капитал отображает капитал в его движении. Ссудный капитал отображает не только стоимость действительного капитала, но и его возрастание. Это же при превращении ссудного капитала в самостоятельную категорию

[15] **К. Маркс.** Капитал, т. III. М., 1955, стр. 490—491.

приводит к возникновению фиктивного капитала, движение которого определяется уже не движением стоимости реального капитала, а исключительно движением прибавочной стоимости. Поэтому накопление фиктивного капитала обозначает отнюдь не то же, что накопление капитала реального. Увеличение фиктивного ссудного капитала может происходить как при увеличении реального капитала, так и при неизменности его, так даже и при его уменьшении.

Объясним это более конкретно. При данном уровне процента, положим 5%, акция, приносящая ее владельцу 10 руб. годового дохода, будет представлять 200 руб. Если доход увеличился до 20 руб., стоимость акции возрастет до 400 руб., и, следовательно, данная акция будет представлять капитал в 400 руб. Увеличение доходности акции не всегда является результатом увеличения реального капитала предприятия, номинальным представителем которого является данная акция. Действительный капитал предприятия мог остаться без изменения, он мог даже уменьшиться, но в силу ряда обстоятельств и технико-производственного характера, более рационального использования реального капитала и рыночно-конъюнктурных условий прибыль предприятия может увеличиться. Рынок ссудных капиталов рефлектирует это повышение доходности предприятия, совершенно не связанное с изменением массы действительного капитала, увеличением капитала фиктивного.

Изменение величины фиктивного капитала может быть результатом изменения ссудного процента. При уровне процента, равном 5, акция, приносящая владельцу доход 10 руб., будет оцениваться в 200 руб., если же процент понизится до 2,5, то при том же самом доходе (10 руб.) акция будет оцениваться в 400 руб. Увеличение фиктивного капитала произошло при неизменности действительного капитала и даже при неизменности причитающегося на акцию дохода.

Огромная часть ссудного капитала находит форму своего приложения в ценных бумагах. Накопление этих ценных бумаг есть накопление ссудного капитала, хотя оно совсем не обозначает накопление капитала действительного. «Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение окладного листа, напр., на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут быть продаваемы как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются» [16].

[16] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 491.

Расхождение в движении фиктивного капитала и капитала действительного здесь совершенно очевидно.

Рассматривая движение накопления фиктивного капитала в общем развитии капиталистического хозяйства, необходимо прийти к заключению, о чем мы уже говорили в одной из предыдущих глав, что развитие капиталистического хозяйства ведет к все большему и большему накоплению фиктивного капитала. К этому ведет изменение структуры промышленных предприятий, все большее и большее распространение акционерной формы, к этому ведет все более увеличивающаяся значимость капитала, приносящего проценты, к этому ведет все большее и большее отделение капитала-собственности от капитала-функции.

Развитие кредитных отношений ведет к тому, что всякое капиталистическое богатство стремится найти свое воплощение в так называемых ценных бумагах, а отделение капитала-собственности от капитала-функции ведет к тому, что ценные бумаги приобретают самостоятельное существование и движение. Капиталистический доход принимает форму процента, претензия капиталиста на доход превращается в простую претензию собственности. Это обстоятельство, с одной стороны, затемняет то, что единственным источником капиталистических доходов является прибавочная стоимость, эксплуатация рабочих: извращение действительных отношений достигает своего апогея. А с другой стороны, это же обстоятельство обнаруживает паразитизм капиталистической собственности.

Накопление фиктивного капитала и своеобразная форма этого накопления — растущая на основе этого накопления биржевая игра и спекуляция — ведет к колоссальному усилению могущества финансовых магнатов, ведет к максимальной централизации денежного капитала, ведет к экспроприации частной собственности мелких и средних капиталистов. «Но эта экспроприация, — пишет К. Маркс, — в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде» [17].

[17] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 483.

Накопление фиктивного капитала означает, что разнообразные виды капиталистического богатства принимают однообразное воплощение в ценных бумагах, а разнообразные виды капиталистического дохода принимают однообразную форму дохода с денежного капитала, форму процента. Накопление фиктивного капитала потому означает все растущее «обобществление» процесса распределения прибавочной стоимости, «обобществление» в капиталистической форме. Форма присвоения обнаруживает свое несоответствие форме производства. Поэтому накопление фиктивного капитала, как особой формы ссудного капитала, обнаруживает максимальное обострение противоречий капиталистической системы в целом.

Фиктивный капитал — это «реальное» богатство в условиях капиталистического хозяйства; его иллюзорность и фиктивность обнаруживаются уже во время кризисов, когда это богатство в огромной своей части испаряется; его иллюзорность и фиктивность полностью обнаруживаются во время социалистической революции, во время «экспроприации экспроприаторов».

Накопление фиктивного капитала есть результат развития кредита и кредитной системы, и это накопление воочию обнаруживает ярко начерченный Марксом двойственный характер кредита «с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и все более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка» [18]. В общем развитии капиталистического хозяйства, таким образом, происходит все большее и большее накопление фиктивного капитала. В отдельных же фазах промышленного цикла это накопление происходит неодинаково.

Накопление фиктивного капитала достигает наибольших размеров во время подъема. Это является результатом как роста грюндерства и учредительства, как укрепления и концентрации предприятий, так и того, что в это время дивиденды велики, а процент относительно низок. Своего апогея рост фиктивного капитала достигает на высшей точке подъема, когда развитие производства достигает максимума, когда диведенды, вернее, надежды на дивиденды, растут.

Кризис, который обнаруживает ложность надежд на высокие дивиденды, знаменуется сокращением — резким сокращением — фиктивного капитала.

---

[18] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 485.

Для накопления фиктивного капитала как раз характерны чрезвычайно резкие колебания; поэтому, поскольку рынок ссудных капиталов в конечном счете отображает ход реального процесса воспроизводства, в сфере движения фиктивного капитала колебания принимают особо резкие очертания. Вот почему наличие фиктивного капитала, этой особой формы ссудного капитала, придает рынку ссудных капиталов особую чувствительность ко всем нарушениям производственного процесса. И это же наличие фиктивного капитала, своеобразие формы его движения, накопления, придает особую эластичность рынку ссудных капиталов.

Таким образом, если движение фиктивного капитала еще более обостряет противоречия ссудного капитала, еще более обостряет противоречия между движением реального и ссудного капитала, еще более обостряет противоречия реального процесса воспроизводства, то, с другой стороны, это движение фиктивного капитала с наибольшей резкостью обнаруживает все противоречие капиталистической системы в целом. Наличие фиктивного капитала и своеобразие формы его движения, накопления, дают особую характеристику рынку ссудных капиталов.

10

Характеристика спроса на ссудный капитал и динамика этого спроса вытекают отчасти из предыдущего изложения, из анализа предложения ссудных капиталов и связи его с процессом накопления действительного капитала или процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Здесь поэтому мы можем ограничиться только характеристикой главнейших, основных каналов, по которым направляется ссудный капитал, только основных потребностей, которые удовлетворяются ссудным капиталом, которые, стало быть, определяют спрос на ссудный капитал.

Ссудный капитал обслуживает, во-первых, чисто потребительские нужды, во-вторых, процесс кругооборота реального капитала, под которым (кругооборотом) разумеются как процесс производства, так и процесс обращения реального капитала, и, наконец, в-третьих, движение ценных бумаг, титулов на доход, притязаний на производимую и распределяемую среди капиталистов прибавочную стоимость.

Предоставление ссудного капитала для удовлетворения чисто потребительских нужд (так называемый потребительский кредит) в условиях капиталистического хозяйства не может получить большого распространения. Ссудный капитал как капитал в своем движении возрастает. Это возрастание возможно только потому, что ссудный капитал используется производительно. Только процесс расширенного воспроизводства реального капитала, как мы

указывали, является объективным основанием кредита. Потребительский кредит увеличивает массу барыша, приходящегося ссудному капиталу, при чем это увеличение происходит без одновременного производительного использования ссужаемого капитала. Потребительский кредит относится поэтому к такого рода непроизводительным издержкам промышленного капитала, сокращение которых вполне возможно без всякого ущерба для капиталистической системы, даже для капиталистической системы эпохи финансового капитализма. Больше того, использование ссудного капитала для потребительских нужд находится в прямом противоречии с сущностью капиталистического хозяйства и возможно только в виде исключения. Во всяком случае, потребительский кредит в условиях капиталистического хозяйства, в особенности в условиях современного капитализма, не может иметь большого значения [18a]. Потребительские нужды если и удовлетворяются кредитом, то, как общее правило, ростовщическим кредитом, этим пережитком докапиталистических форм отношений.

Потребительские ссуды имеют большое значение только в области государственного кредита. Мы имеем здесь в виду те государственные займы, которые используются исключительно для содержания государственного аппарата, чиновников, армии, полиции и т. д. Спрос на ссудный капитал, предъявляемый капиталистическими государствами для этих целей, довольно велик и обнаруживает в процессе развития капиталистического хозяйства, в особенности новейшей его стадии, в период империализма, тенденцию ко все большему росту. Спрос этот оказывает большое влияние на рынок ссудных капиталов, и, поскольку здесь нас спрос на ссудный капитал интересует именно как фактор, действующий на рынке ссудных капиталов, игнорировать государственный кредит, конечно, не следует.

Мы считаем возможным ограничиться только указанием на этот фактор, не входя в дальнейшие подробности, так как государственный кредит обладает целым рядом специфических особенностей, останавливаться на которых в этой работе, посвященной общей теории кредита, нет возможности.

Если же отвлечься от государственного кредита, вернее, тех государственных займов, которые имеют целью удовлетворение исключительно потребительских нужд, то надо признать, что потребительский кредит в общей системе капиталистического кредита имеет очень небольшое значение, и спрос на ссудный капитал для потребительских целей не оказывает воздействия на рынок ссудных капиталов.

[18a] Положение о невозможности широкого развития потребительского кредита при капитализме неприменимо к современным условиям (*Прим. ред.*).

Основное значение на рынке ссудных капиталов имеет, конечно, спрос, определяемый процессом кругооборота реального капитала, предъявляемый различными отраслями народного хозяйства для различных производительных целей.

К рынку ссудных капиталов предъявляется спрос как со стороны сельского хозяйства (различных его частей), так и со стороны промышленности (различных ее отраслей) и со стороны торговли. Этот спрос можно различать в зависимости от того, предъявляется ли спрос для целей обращения или же для целей непосредственного производства, в последнем случае можно различать спрос на ссудный капитал для целей воспроизводства основного капитала от спроса для целей воспроизводства капитала оборотного, для целей воспроизводства постоянного от воспроизводства переменного капитала.

Не вдаваясь в подробности, необходимо сказать, что этот спрос непосредственно отображает процесс воспроизводства действительного капитала, и, стало быть, с развитием капиталистического хозяйства, характеризуемого все более расширяющимся воспроизводством капитала, этот спрос все более и более возрастает. Возрастание этого спроса обусловливается еще тем, что с развитием капиталистического хозяйства, с развитием кредитной системы, с ростом рынка ссудных капиталов отдельные капиталистические промышленные и торговые предприятия все более и более пользуются заемным капиталом. Спрос на ссудный капитал — и такова общая тенденция капиталистического хозяйства — со стороны различных отраслей народного хозяйства все более и более увеличивается, хотя и не так сильно и не с такой быстротой, как предложение ссудных капиталов.

Такова общая тенденция. Что же касается конкретного движения спроса на ссудный капитал, то о нем надо сказать следующее.

Спрос на ссудный капитал, вытекающий из процесса оборота товаров и оборота капиталов, колеблется. Это колебание обнаруживается в двух направлениях. Во-первых, рассматриваемый здесь спрос на ссудный капитал колеблется в зависимости от технико-производственных условий и, во-вторых, в зависимости от народнохозяйственной конъюнктуры.

В некоторых отраслях народного хозяйства производственный процесс, а также процесс обращения протекают непрерывно и планомерно в течение года. Примером такого производства может служить машиностроение. В некоторых отраслях, вследствие естественно-исторических условий или условий чисто бытовых, производство имеет сезонный характер. Чисто природные условия обусловливают сезонность, например сельского хозяйства, бытовые условия определяют сезонный характер производства, например готового платья. Не только производство, но и обращение, продажа готовых продуктов или же покупка сырья может носить сезонный характер. Продажа тяжелых тканей происходит,

например, преимущественно осенью, легких тканей — весной. Каменный уголь можно приобретать в течение всего года, хлопок приобретается после сбора его урожая. Сезонность как производства, так и обращения определяет то, что спрос на ссудный капитал чрезвычайно колеблется в течение года. Кривая спроса различных отраслей народного хозяйства не совпадает. Спрос на ссудный капитал, предъявляемый различными отраслями народного хозяйства, не совпадает во времени, не совпадает именно потому, что оборот капиталов в различных отраслях совершается неодинаково. В тех странах, где сезонные производства имеют большое значение, где удельный вес сезонных производств в общем хозяйстве велик, колебания спроса на ссудный капитал, предъявляемого отдельными отраслями народного хозяйства, оказывают соответствующее влияние на общий рынок ссудных капиталов. В странах, где, например, удельный вес сельского хозяйства велик, сезонные колебания спроса на ссудный капитал, предъявляемого сельским хозяйством, непосредственно отражаются на общем рынке ссудных капиталов. Такое положение наблюдалось например, в России, оно наблюдается и в Соединенных Штатах Северной Америки.

Однако увеличивающемуся в то или иное время года спросу на ссудный капитал одних отраслей народного хозяйства может сопутствовать уменьшающийся спрос на ссудный капитал со стороны других отраслей народного хозяйства. В этом случае происходит только перелив ссудных капиталов из одной отрасли народного хозяйства в другую, в этом случае сезонные колебания в спросе на ссудный капитал оказывают относительно небольшое влияние на общий рынок ссудных капиталов. Такое положение мы наблюдаем, например, в Англии, Германии, отчасти в Соединенных Штатах Северной Америки.

Рассматриваемое здесь колебание спроса на ссудный капитал отображает разновременность высвобождения денежного капитала из кругооборота капитала в различных отраслях народного хозяйства. Эта разновременность обусловливает вообще возможность и необходимость кредита, неодинаковость же спроса на ссудный капитал, предъявляемого отдельными отраслями народного хозяйства в различные времена года, вызывает колебание общего спроса на рынке ссудных капиталов. Здесь мы наблюдаем закономерности, определяемые или чисто природными условиями или условиями бытовыми, или коммерческими традициями (Нижегородская ярмарка, к которой в прежнее время приурочивались платежи по кредитным сделкам) и т. д.

Познание этих закономерностей чрезвычайно важно для банковской практики. Банки приспособляются к этим закономерностям и основывают на них свою политику.

Гораздо большее значение имеют колебания спроса на ссудный капитал, предъявляемого со стороны различных отраслей народ-

ного хозяйства, которые (колебания) обусловливаются конъюнктурными условиями. Здесь действуют те же факторы, которые определяют предложение ссудных капиталов, но только в обратном, так сказать, направлении. Высвобождение денежного капитала из кругооборота промышленного капитала увеличивает предложение ссудного капитала, но оно же служит признаком уменьшающегося спроса на ссудный капитал. Уменьшение так называемых праздных капиталов сокращает предложение ссудных капиталов, но оно в то же время, как общее правило, свидетельствует об увеличении спроса на ссудный капитал.

Наибольший спрос на денежно-ссудный капитал обнаруживается во время кризиса, когда капитал застывает в форме товаров, когда процесс метаморфоз товара и денег испытывает затруднения. Наименьший спрос наблюдается в начале промышленного подъема, после ликвидации последствий кризиса, когда производство начинает развертываться, предложение товаров еще отстает от растущего спроса, когда реализация товаров не встречает никаких препятствий. Недостаток денег, если и обнаруживается, компенсируется развитием коммерческого кредита, который не осложняется кредитом банкирским.

Во время промышленного подъема спрос на ссудный капитал увеличивается, это увеличение проходит через весь хозяйственный цикл до кризиса, когда спрос на ссудный капитал доходит до своего максимального кульминационного пункта.

В общем, движение спроса на ссудный капитал протекает в обратном динамике предложения направлении.

Особо мы выделяем спрос на ссудный капитал, предъявляемый рынком ценных бумаг, имеющий целью обслуживать движение ценных бумаг. Рост и развитие этого спроса особенно характерны для современной стадии развития капитализма, когда объем рынка ценных бумаг и значение его достигают огромной величины. В этом росте циркуляции ценных бумаг находит свое выражение доведенное до крайней степени отделение капитала-собственности от капитала-функции, что составляет важную характеристику современной эпохи.

Движение ценных бумаг, титулов на доходы, так же, как и движение товаров, обслуживается кредитом. Так как движение ценных бумаг совершается самостоятельно и рядом с движением действительного капитала — даже того капитала, номинальным представителем которого являются данные ценные бумаги, — возникает надобность в огромной массе ссудного капитала, обслуживающего исключительно движение ценных бумаг. Возникает и развивается особый спрос на ссудный капитал рядом со спросом на ссудный капитал, предъявляемым со стороны действительного капитала.

Совершенно очевидно и вряд ли требует пояснений, что с развитием капитализма спрос на ссудный капитал, обслуживающий

движение ценных бумаг, все более и более растет. Такова общая тенденция. Но эта общая тенденция осуществляется волнообразно в зависимости от общей народнохозяйственной конъюнктуры.

Закономерности спроса на ссудный капитал, обслуживающий движение ценных бумаг, определяются двоякого рода обстоятельствами. С одной стороны, эти закономерности обусловливаются закономерностями движения действительного капитала, с другой — закономерностями движения ссудного капитала в целом.

Закономерности движения реального капитала, которые выражаются в чередовании различных правильно перемежающихся циклов конъюнктуры, оказывают весьма сильное воздействие на динамику спроса на ссудный капитал, обслуживающий движение ценных бумаг; но это воздействие не совсем аналогично воздействию закономерностей движения реального капитала на спрос на ссудный капитал, обслуживающий процесс кругооборота реального капитала. Во время подъема, когда спрос на ссудный капитал, предъявляемый процессом реального воспроизводства капитала, увеличивается, в гораздо большей степени увеличивается спрос на ссудный капитал со стороны рынка ценных бумаг. Во время подъема происходит усиленная эмиссия ценных бумаг, курс ценных бумаг обнаруживает тенденцию к повышению, которая является результатом как улучшения дел, так в значительной степени и неизбежно растущей спекуляции. Курс ценных бумаг неимоверно повышается, соответственно увеличивается масса необходимого для обслуживания движения ценных бумаг ссудного капитала. Во время кризиса спрос на ссудный капитал вообще-то увеличивается, но как раз спрос на ссудный капитал для обслуживания рынка ценных бумаг падает. Это последнее является результатом как падения дивидендов, так и одновременного повышения ссудного процента.

Влияние общего движения ссудного капитала на ссудный капитал, обслуживающий рынок ценных бумаг, проявляется следующим образом. Когда ссудный капитал не находит спроса со стороны реального капитала, возникает инфляция ссудного капитала, явление перепроизводства ссудного капитала. В это время ссудный капитал устремляется на рынок ценных бумаг, создавая таким образом искусственный, не вытекающий из действительных условий реального производства спрос на ценные бумаги, вследствие чего курс этих последних повышается. Это искусственное повышение курса увеличивает спрос на ссудный капитал.

Такое искусственное оживление на рынке ценных бумаг неизбежно заканчивается крахом, так как в самом этом оживлении обнаруживается доведенное до крайнего напряжения обострение противоречия между ссудным капиталом и капиталом промышленным, между капиталом-собственностью и капиталом-функцией.

Движение ссудного капитала, обслуживающего рынок ценных бумаг, имеет таким образом свои закономерности, которые не только не притупляют противоречий между ссудным и действительным капиталом, но значительно их обостряют. Это обострение противоречий неизбежно заканчивается общими или же специальными (биржевыми, денежными) кризисами, которые насильственно восстанавливают единство движения разных форм капитала, ставших самостоятельными по отношению друг к дургу, кризисами, которые сопровождаются или уменьшением общей стоимости ценных бумаг или полным аннулированием части их, или одновременно тем и другим.

На этом мы заканчиваем характеристику спроса на ссудный капитал и его динамики. Мы касались здесь только основных моментов, определяющих спрос на ссудный капитал, и лишь в той мере, в какой нужно было для общей характеристики рынка ссудных капиталов. Этот краткий анализ мы считаем достаточным еще и потому, что к вопросу о спросе на ссудный капитал, как и предложении его, нам еще придется вернуться в другой связи и рассмотреть его под другим углом зрения, при анализе функций и операций банков.

11

На рынке ссудных капиталов происходит столкновение спроса и предложения ссудных капиталов. В результате этого столкновения обнаруживается «цена» денежного капитала как товара или процент на ссудный капитал. К рассмотрению категории процента мы и переходим.

Что такое процент? Каковы источники его уплаты? Чем определяется его уровень? Каково соотношение между процентом как «плодом» ссудного капитала и прибылью как «плодом» капитала? Каковы закономерности движения процента?

При всякой сделке ссуды ссужаемая сумма возвращается к заимодавцу в увеличенном размере. Для сделки ссуды именно характерно не просто возвращение ссужаемого, а возвращение возросшей стоимости. Заимодавец передает заемщику 100 руб., через некоторое время получает обратно 105 руб. Возврат увеличенной стоимости не является случайным, не является результатом случайного договора контрагентов сделки. Это увеличение вытекает из того, что в ссуду дается не просто определенная сумма денег, стоимость определенной величины, а капитал. При ссуде передается капитал, т. е. самовозрастающая стоимость, и как таковой он совершает свое движение и как таковой он возвращается заемщиком заимодавцу. При данных народнохозяйственных условиях (капиталистической системе) стоимость в своем движении возрастает, следовательно, движение ссуженной суммы является движением капитала лишь в той мере, в какой она в своем движении возрастает, т. е. возвращается к своему исходному на-

чалу как возросшая стоимость. Если бы этого, т. е. возвращения именно увеличенной суммы, не было, все движение представляло бы собой движение стоимости, а не движение капитала. «Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее *как капитала*, а просто возвращением ссуженной суммы стоимости» [19].

Та сумма, на которую возрастает ссуженный капитал, выраженная в отношении к этому капиталу, носит название процента. Можно определить процент и иначе. Процент есть та сумма, которую уплачивает заемщик заимодавцу за пользование ссуженным. Заимодавец передает в ссуду заемщику 1000 руб., по прошествии года заемщик передает обратно заимодавцу 1050 руб., из коих 1000 руб. есть простое возвращение полученной ранее стоимости и 50 руб. плата за пользование в течение года взятой в ссуду стоимости в 1000 руб. Ссуда в этом случае была оплачена из 5%. Эта плата в 5 руб. есть плата за то, что было отчуждено заимодавцем заемщику.

Что же было отчуждено при сделке ссуды?

При сделке купли-продажи отчуждается потребительная стоимость. То же и при сделке ссуды. При ссуде отчуждается потребительная стоимость капитала как товара. Потребительная же стоимость ссужаемых денег — «это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль» [20].

А что возвращается при сделке ссуды? При обычном обмене происходит перемена форм стоимости. При сделке ссуды этого нет. При ссуде заимодавцем была передана заемщику потенциальная возможность произвести прибыль, возвращена должна быть реализованная возможность. «Но заемщик должен возвратить его как *реализованнный* капитал, т. е. как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент)» [21].

Цена есть денежное выражение стоимости товаров, с некоторой условностью можно сказать, что процент есть цена денежного капитала как товара. Но это выражение не совсем точно, так как категория цены к денежному капиталу не приложима. Этой категории применительно к денежному капиталу не может быть, во-первых, потому, что ссудный капитал есть прежде всего сумма денег, — бессмысленно говорить о денежном выражении стоимости денег, — во-вторых, потому, что процент выражает не стоимость ссуженной суммы, а стоимость ее возрастания.

Уплачиваемый процент представляет собой не стоимость ссуженной суммы, а стоимость капитала как товара. Здесь скорее

---

[19] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 385.

[20] Там же, стр. 387.

[21] Там же, стр. 388.

можно говорить о стоимости потребительной стоимости денежного капитала как товара, т. е. стоимости способности денег производить прибыль. Само собой разумеется, здесь понятие стоимости применяется весьма условно.

Понятие цены, стоимости по отношению к ссудному капиталу является иррациональным выражением. Но эта иррациональность обусловливается иррациональностью самого ссудного капитала как отношения, вырастающего на основе способности отдельных масс капитала возрастать вне непосредственной связи с производством прибавочной стоимости. Капитал вообще характеризует отношения между собственником орудий производства и рабочим, ссудный же капитал характеризует отношения капитала как собственности к капиталу как функции. Из иррациональности понятия самого ссудного капитала вытекает иррациональность понятия цены, стоимости капитала.

В явлениях ссудного капитала мы вообще имеем дело с фикциями, иллюзиями, иррациональностью, но это действительно существующие, отображающие конкретные социальные отношения, фикции. Со всеми этими оговорками можно говорить о стоимости ссуженной суммы и о стоимости денежного капитала как товара.

Как мы уже указывали, природа ссудного капитала двойственна. С одной стороны, ссудный капитал есть сумма денег, сумма покупательных и платежных средств, сумма притязаний на товар, с другой стороны, ссуженная сумма денег есть капитал, обладающий свойством приносить его владельцу доход, и, стало быть, ссуженная сумма денег является суммой притязаний на прибавочную стоимость.

Объектом кредитной сделки является ссудный капитал. Передается и возвращается ссудный капитал с обеими характеристиками. Передается и возвращается стоимость ссудного капитала как суммы денег и стоимость ссудного капитала как капитала. А это значит, что и при сделке ссуды можно говорить об «эквивалентности» сделки. Заимодавец передает заемщику 100 руб., возвращается к нему 105 руб. 100 руб. есть стоимость ссуженного капитала как просто суммы денег, 5 руб. есть стоимость суммы денег как капитала.

Уплата процентов, как и самое существование ссудного капитала, возможна потому, что данная народнохозяйственная система характеризуется существованием капитала, производством и присвоением собственником капитала прибавочной стоимости. Хотя процент является «плодом» денежного капитала как такового, но самая возможность его существования обусловливается возможностью превратить денежный капитал в капитал, следовательно, в категорию, характеризующуюся производством и присвоением прибавочной стоимости. Производственные отношения капитала определяют как возможность, так и необходимость возникновения отношений ссудного капитала. Подобно тому как

существование ссудного капитала определяется существованием капитала, процент определяется существованием прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости.

Функционирующий капиталист может уплачивать денежному капиталисту процент за ссуженный ему денежный капитал потому, что денежный капитал в руках функционирующего капиталиста превращается в действительный капитал, проделывает свойственный движению капитала метаморфоз различных форм капитала, приносит прибыль. Часть прибыли, получаемой функционирующим капиталистом с помощью занятой суммы, он уступает денежному капиталисту, он ему уплачивает как процент. Если бы ссудный капитал не мог быть превращен в действительный капитал, процент не мог бы быть уплачиваем. Таким образом, источником процента является прибыль, или, точнее, прибавочная стоимость.

Не при всякой кредитной сделке ссуженная сумма денег превращается в действительный капитал, возможен и потребительский кредит. Источником уплаты процентов является прибавочная стоимость, производимая не с помощью данной конкретной массы ссудного капитала, а прибавочная стоимость, производимая всем совокупным капиталом.

Процент, уплачиваемый должником-расточителем, не может быть уплачен за счет прибавочной стоимости, производимой с помощью ссуженной расточителю суммы денег. Эта сумма денег вовсе не используется как капитал. Но расточитель уплачивает проценты за счет производимой в обществе прибавочной стоимости, приходящейся на долю данного расточителя в силу каких-либо имеющихся у него прав на участие в разделе совокупной прибавочной стоимости, прав, вовсе не связанных с производительным использованием взятой им в данном конкретном случае в ссуду суммы денег.

Не всякая конкретная масса ссудного капитала превращается в действительности в реальный капитал, но отсюда очень далеко до мысли, что ссудный капитал приносил бы проценты, даже если бы вообще в данном обществе ссудный капитал не превращался бы в капитал действительный.

Когда мы говорим, что в данном обществе всякая сумма денег может быть превращена в ссудный капитал, т. е. капитал, приносящий проценты, предполагается существование реального капитала. Без этого последнего немыслимо существование ссудного капитала; хотя ссудный капитал является самостоятельным видом капитала, но его существование предполагает существование капитала.

Каждый капиталист может по своему усмотрению распоряжаться имеющимися у него деньгами: использовать их как промышленный капитал или превратить их в ссудный капитал. «Превращение всего капитала в денежный капитал без людей,

покупающих и использующих для увеличения стоимости средства производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег, конечно, представляет собой нелепость. Еще большей нелепостью будет предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал может приносить процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, частью которой и является процент, что капиталистическай способ производства может совершать свой путь без капиталистического производства» [22].

Итак, процент есть не что иное, как плата за использование потребительной стоимости денежного капитала как товара; источником его является производимая в данном обществе прибавочная стоимость. Процент «появляется первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплачивать собственнику и кредитору этого капитала» [23].

Чем же определяется размер той доли прибавочной стоимости, которую в виде процента функционирующий капиталист уступает капиталисту денежному?

Поскольку источником уплаты процента является прибыль, постольку совершенно очевидно верхним пределом его является размер прибыли, вернее «можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус ту часть ее, которая сводится к плате за надзор (wages of superintendence)...» [24].

Таково общее правило. Но в отдельных конкретных случаях процент может выйти за эти пределы. В отдельных случаях функционирующий капиталист готов уплачивать в виде процента не только прибыль, но даже и больше, если недостаток капитала в денежной форме грозит самому существованию предприятия. При потребительском кредите, при котором ссужаемая сумма вовсе не используется как капитал, процент может быть выше существующей нормы прибыли. Но ссудный капитал, как видно из всего сказанного до сих пор, выступает как капитал общественный, и средний уровень процента, как общее правило, не может выйти за пределы средней нормы прибыли. Более или менее продолжительный выход его за эти пределы означал бы прекращение накопления капитала, т. е. невозможность развития и даже существования капиталистического хозяйства.

Более или менее продолжительное превышение процента над прибылью означало бы в сущности уничтожение капитала как

---

[22] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 415.
[23] Там же, стр. 406.
[24] Там же, стр. 393.

такового, а стало быть, и базы существования капитала ссудного. Процент есть часть прибыли, поэтому уровень процента не может быть выше нормы прибыли.

Что касается низшего предела, то он безграничен, теоретически процент может опуститься до нуля. Но этого низшего предела процент не может достигнуть, ибо это означало бы уничтожение процента и, стало быть, уничтожение ссудного капитала как денежного капитала, приносящего проценты.

Приближение его как к верхнему пределу, так и к низшему неизбежно вызывает возникновение ряда противодействующих обстоятельств. Хотя ссудный капитал есть самостоятельный вид капитала, но перелив капиталов с рынка ссудных капиталов на рынок капиталов реальных и обратно вполне возможен.

Если бы процент достиг высшего предела, очевидно, пользование заемным капиталом оказалось бы невыгодным, часть промышленного (и торгового) капитала стремилась бы принять форму денежного капитала и выступить на рынке капиталов как ссудный капитал. Предложение ссудного капитала увеличилось бы при одновременном понижении спроса на ссудный капитал.

Если бы процент обнаружил тенденции к низшему пределу, предложение ссудного капитала понизилось бы, а спрос на него повысился бы.

Как это повлияло бы на уровень процента? Ответ на этот вопрос можно найти при разрешении следующих вопросов. Чем же определяется размер процента? Какие обстоятельства определяют его уровень? Существует ли какой-либо общий закон, определяющий размер процента, как это можно констатировать по отношению к цене товаров?

Цена есть денежное выражение стоимости товаров. Таким образом, цена определяется и регулируется законом стоимости. Хотя рыночные цены и находятся под воздействием закона спроса и предложения товаров, но этот последний (закон спроса и предложения) дает только отклонения от общей закономерности. Эти отклонения и, следовательно, обстоятельства, их создающие, нисколько не умаляют, тем более не уничтожают общего закона, закона стоимости. Закон стоимости через механизм цен регулирует распределение труда и производительных сил общества так, что регулирующее значение закона стоимости проявляется в постоянном восстановлении нарушений, производимых отклонениями от общего закона благодаря действию конкуренции. Совершенно противоположное надо сказать о проценте, этой своеобразной цене денежного капитала как товара. Процент есть часть прибыли, и величина процента определяется разделением прибыли на процент, уплачиваемый денежному капиталисту, и на предпринимательский доход, остающийся на долю капиталиста функционирующего. Если величина всей прибыли регулируется определенным законом, законом стоимости, то величина отдельных его

частей никаким законом не определяется. Как будет распределена вся прибыль между денежным и функционирующим капиталистами, всецело определяется конкуренцией.

Цены регулируются законом стоимости, конкуренция же определяет отклонение от общего закона, по отношению же к проценту «конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией» [25].

Уровень процента определяется спросом и предложением ссудного капитала в рамках своего максимального и минимального предела. Закономерность движения процента проявляется лишь в меру закономерностей движения (изменения) спроса и предложения ссудного капитала. Или, иначе, закономерность движения уровня процента есть простое отображение закономерностей движения ссудного капитала, движения его предложения и спроса.

Величина прибыли, т. е. того, что подлежит распределению, определяется законом стоимости, но как эта прибыль будет распределена между денежным и функционирующим капиталистом, определяется конкуренцией, спросом и предложением ссудного капитала. Необходимо сугубо подчеркнуть: именно спросом и предложением ссудного капитала, т. е. денежного капитала, приносящего проценты, а не спросом и предложением товаров или вещного капитала; именно ссудного капитала, притом без особой его формы, фиктивного капитала, так как величина фиктивного капитала, его предложение само определяется процентом; изменение фиктивного капитала непосредственно рефлектирует изменение процента, движение фиктивного капитала следует за движением процента, а не наоборот.

Определение уровня процента только конкуренцией, соотношением между спросом и предложением ссудного капитала вытекает из характера ссудного капитала, из природы денежного капитала как товара, из своеобразной формы его движения. «Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссудный капитал — в руках кредитора, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссудного, не играет никакой роли. Что оба лица делят между собой ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайностей факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными ее пайщиками» [26].

---

[25] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. 1, стр. 391.

[26] Там же, стр. 399.

В то время как норма прибыли регулируется общим законом стоимости, норма процента регулируется спросом и предложением, но, с другой стороны, в то время как общая норма прибыли проявляется только как тенденция и может быть определена только теоретически, норма процента в противоположность норме прибыли во всякий данный момент является величиной вполне определенной, эмпирически осязаемой. Общая норма прибыли есть только тенденция, результат движения к уравнению норм прибыли в различных отраслях народного хозяйства, в различных предприятиях одной и той же народнохозяйственной отрасли. «Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат выравнивания противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования» [27]. Размер же ставки процента «как средняя, так и ее рыночная величина, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определенной и осязательной величины» [28] (eine gleichmässige, bestimmte und handgreifliche Grösse).

Общая норма прибыли не является наперед установленной, точно фиксируемой величиной, так как она, по сути дела, является лишь теоретически устанавливаемой тенденцией, хотя и определяемой общим законом стоимости. Размер же процента не определяется таким же общим законом, но «при своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, . . . является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьей при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5 фунтов стерлингов. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, т. е. вообще для ссудного капитала» [29].

Таким образом, в то время как прибыль регулируется общим законом, норма процента такого закона не знает, но зато в то время как норма прибыли отнюдь не является «эмпирической, непосредственно воспринимаемой формой действительной прибыли, размер процента является твердо установленным эмпирическим фактом, притом наперед данным».

Норма прибыли только теоретически определяется, притом проявляется только в движении, норма процента устанавливается эмпирически и проявляется как факт в каждый данный момент. Эмпирическая данность и фиксированность размера процента

[27] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 403.
[28] Там же, стр. 400.
[29] Там же, стр. 403.

в сравнении с нормой прибыли вытекают из природы процента и тех свойств, которые его отличают от прибыли, из характеристики рынка ссудных капиталов и тех его черт, которыми он отличается от рынка товаров. И прежде всего имеет значение единство ссудного капитала и единство его рынка. Прибыль реализуется, и, стало быть, обнаруживается ее норма на товарном рынке, но товарных рынков большое множество, поэтому общая норма прибыли является только средней результативной конкретных норм прибылей, обнаруживаемых на отдельных товарных рынках, и конструируется только как теоретическая величина. Рынок же ссудных капиталов един, поэтому средняя норма его может быть эмпирически точно установлена. В то же время именно благодаря единству рынка ссудных капиталов мировой рынок может оказывать более непосредственное влияние на норму процента, чем на норму прибыли.

К этому еще надо прибавить имеющую очень большое значение силу так называемых исторических традиций. Денежный капитал, приносящий проценты, в неразвитой, рудиментарной, можно сказать, форме, в виде ростовщического капитала существовал еще до капиталистического способа производства, и поэтому процент имеет историческое первенство в сравнении с прибылью.

Отсюда вытекает следующее. Хотя источником процента является прибыль и общая норма прибыли составляет верхний предел процента, но все же, так как процент и прибыль определяются различными факторами, движение того и другого протекает не параллельно. Только в том случае, если бы процент всегда составлял определенную часть прибыли, движение того и другого было бы совершенно одинаково. Если бы, предположим, процент всегда составлял бы $^1/_5$ прибыли, то при норме прибыли в 20% уровень процента равнялся бы 4, при размере прибыли в 10% уровень процента равнялся бы 2 и т. д. С увеличением прибыли в такой же пропорции увеличивался бы процент, с уменьшением прибыли пропорционально падал бы процент. Но это означало бы, что процент и прибыль регулируются одними и теми же законами. На самом же деле этого нет. Прибыль непосредственно определяется закономерностями отношений капитала, т. е. собственников орудий производства и рабочих, органическим составом капитала, степенью эксплуатации рабочей силы и т. д. при общем регулирующем законе стоимости. Процент же определяется отношениями внутри класса капиталистов, отношениями, непосредственно не характеризующими отношений между капиталом и трудом. Прибыль есть результат движения капитала ($Д—Т...П...Т'—Д'$), которое не только предполагает, но само по себе непосредственно есть не что иное, как производство прибавочной стоимости; процент же есть результат движения ссудного капитала ($Д—Д'$), который только в качестве предпосылки и базы своего возникнове-

ния и существования предполагает производство прибавочной стоимости.

Характер, как и изменение отношений капитала, непосредственно не отражается на отношениях ссудного капитала, хотя возникновение этих последних базируется на первых. Отношения между денежными и функционирующими капиталистами складываются весьма своеобразно и отлично от отношений капитала. Последние имеют определяющее значение и обусловливают собою отношения ссудного капитала лишь в том, во-первых, что наличие процента обусловливается наличием прибыли, и, во-вторых, что прибыль образует верхний предел процента.

Но колебание этого последнего в рамках, поставленных ему нормой прибыли, происходит в силу и под влиянием других факторов, нежели колебание прибыли. Колебания процента могут происходить даже в направлении, противоположном колебаниям прибыли. «... Обстоятельства, определяющие величину подлежащей распределению прибыли, — новой стоимости, созданной неоплаченным трудом, — весьма отличны от тех, которыми определяется ее распределение между двумя этими родами капиталистов (денежным и промышленным. — *И. Т.*), и часто действуют в совершенно противоположном направлении»[30].

Возможно повышение уровня процента при понижении нормы прибыли и, наоборот, понижение уровня процента при повышении нормы прибыли.

Но это обстоятельство, возможность противоположного движения процента и прибыли, не исключает одинаковости общих тенденций, присущих тому и другому. Одинаковость эта заключается в тенденции как нормы прибыли, так и уровня процента к понижению.

Тенденция к понижению уровня процента вытекает уже из того, что процент составляет часть прибыли и что эта последняя образует верхний предел процента. Но тенденция к понижению уровня процента обусловливается не только этим. Процент определяется соотношением между спросом и предложением ссудного капитала, и изменения размера процента обусловливаются главным образом изменением предложения ссудного капитала. Процесс же капиталистического хозяйства сопровождается все бóльшим накоплением ссудного капитала и, следовательно, увеличением его предложения. Спрос же на ссудный капитал растет относительно медленнее.

Здесь имеет значение как растущее значение денежных капиталистов, так и растущее число рантье. Весьма существенно также и то, что само развитие кредита и кредитных организаций означает все большее вовлечение денежных капиталов и доходов в сферу движения ссудного капитала, все большее превращение

---

[30] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 395.

денег в ссудный капитал. Темп накопления ссудного капитала, взятый в общей перспективе развития капиталистического хозяйства, опережает темп накопления капитала, и, следовательно, в виде общей тенденции увеличение предложения ссудных капиталов совершается быстрее, нежели увеличение спроса на ссудный капитал. Спрос на ссудный капитал в общем непосредственно обусловлен процессом воспроизводства капитала, предложение же ссудного капитала может увеличиваться не только в результате расширения процесса воспроизводства капитала, но и технических моментов развития системы кредита и кредитных организаций. Это является не только возможностью, но и действительно осуществляется.

Таким образом, из общих процессов развития капиталистической системы, из имманентно присущих кредитной системе закономерностей вытекает тенденция к относительному росту предложения ссудных капиталов в сравнении со спросом и соответственно тенденция к понижению нормы процента.

Кроме того, возрастание спроса на ссудный капитал иногда сопровождается ростом предложения его. Сам спрос порождает предложение. Если не «наибольшая», как думает Р. Гильфердинг, то все же значительная доля спроса удовлетворяется предложением, которое растет одновременно со спросом. «... Спрос и предложение, или, если угодно, средство для удовлетворения спроса возрастают одновременно параллельно друг другу и расширению производства»[31]. Увеличение же предложения ссудного капитала само по себе спроса на ссудный капитал не увеличивает.

Гильфердинг отрицает тенденцию уровня процента к понижению, обнаруживая свое несогласие с Марксом. «Колебания, — пишет К. Маркс, — уровня процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия уровня процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, напр., прочность кредита и т. п.), т. е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается при помощи коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства»[32].

«Мы не совсем согласны с этим воззрением», — пишет Гильфердинг, приведя эту цитату из «Капитала». При этом он трактует эту цитату в том смысле, что предложение ссудного капитала Маркс ставит в зависимость исключительно от наличного количества золота в банках. Следовательно, согласно трактовке Гильфер-

---

[31] Р. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 128.
[32] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 513.

динга..., «тенденция к понижению уровня процента предполагала бы, что отношение наличного золотого запаса к спросу на ссудный капитал становится все благоприятнее, или, иначе, что золотой запас возрастает быстрее, чем спрос на ссудный капитал» [33]. А так как этого в действительности нет, то, следовательно, утверждение о тенденции уровня процента к понижению неправильно.

Это «несогласие» с Марксом не является случайным, так как вся теория кредита Гильфердинга «несогласна» с теорией Маркса. И данное несогласие вытекает из ложной концепции кредита. Гильфердинг, собственно, не знает категории ссудного капитала как особого капитала, находящего свою характеристику в противоположении капиталу промышленному, он отождествляет ссудный капитал с денежным капиталом как функциональной формой промышленного капитала. Закономерности же движения этого денежного капитала он определяет закономерностями движения денег. Если принять во внимание, что в вопросах денег и денежного обращения он является сторонником количественной теории, станет очевидной вся система ошибок Гильфердинга.

Гильфердинг не понимает эластичности системы банкнотного обращения. Все дело он сводит к золотым запасам. Накопление (предложение) ссудных капиталов прямо и непосредственно зависит, по его мнению, от золотых запасов.

Вся эта концепция противоречит учению Маркса. В частности, по вопросу о соотношении между массой ссудного капитала и массой денег мы находим у Маркса совершенно ясные указания.

Непосредственно вслед за приведенной выше цитатой Маркс подчеркивает: «И все-таки масса этого ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег». И далее: «Простая возможность большой суммы вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одной и той же единицей денег;

2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновленного превращения в банковый вклад» [34].

Связь между золотым запасом и кредитом, т. е. массой предлагаемых в ссуду денежных капиталов, вовсе не так проста. Верно, что золотые запасы составляют конечные пределы экспансии кредита, но отсюда вовсе не следует, что между ростом золотых запасов и ростом накопления ссудных капиталов надо поставить знак равенства. Границы экспансии кредита, намечаемые наличным золотом, составляют предел накопления ссудных капиталов, но вовсе не определяют параллелизма в движении золота

---

[33] Р. Гильфердинг. Указ. соч., стр. 127 и 129.
[34] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 513, 514.

и массы ссудных капиталов. Этот параллелизм мог бы мыслиться только в том случае, если бы развитие капитализма представляло собою беспрерывное поступательное движение, если бы развитие капитализма совершалось бы без остановок. Эти остановки, нарушения равновесия всей капиталистической системы в целом, вовсе не составляют «ненормальности» развития капитализма, а, наоборот, являются его нормой. (Останавливаться здесь более подробно на вопросе о кредите и денежном обращении и на вопросе о кредите и золоте мы не можем, так как эти вопросы ниже будут специально исследованы).

Маркс совершенно справедливо подчеркивает, что масса ссудного капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Общей тенденцией в движении ссудного процента является его понижение, которое объясняется тем, что предложение (накопление) ссудных капиталов в общем и целом растет быстрее, чем спрос на ссудный капитал. В этом убеждает анализ предложения ссудного капитала по его источникам, а также анализ спроса на ссудный капитал. В ходе же промышленного цикла размер процента колеблется. Это колебание является результатом постоянно изменяющихся соотношений между спросом и предложением ссудного капитала. Когда мы говорим об уровне процента и тенденции его к понижению, мы имеем в сущности в виду средний процент, взятый в течение всего промышленного цикла. В течение же самого цикла процент колеблется, и как раз каждая фаза цикла характеризуется изменением размера процента.

Отдельные фазы народнохозяйственного цикла характеризуются высоким или низким процентом. Высокий процент отображает недостаток ссудных капиталов, т. е. относительное преобладание спроса на ссудный капитал над его предложением; низкий процент означает изобилие ссудного капитала, т. е. относительное преобладание предложения ссудного капитала над спросом на него. Недостаток и изобилие ссудного капитала означают, стало быть, не абсолютное уменьшение или увеличение предложения ссудного капитала, а относительное — в сравнении со спросом на него. Поэтому возможно при абсолютном увеличении массы ссудного капитала увеличение размера процента, и, наоборот, при уменьшении ссудного капитала возможно уменьшение процента, так как увеличение (или уменьшение) предложения ссудного капитала может сопровождаться еще бóльшим увеличением (или уменьшением) спроса на него.

Мы не можем останавливаться здесь на подробном и детальном анализе фаз народнохозяйственного цикла. Ограничимся только характеристикой общего движения процесса в ходе этого цикла.

Отдельные фазы промышленного цикла, как известно, таковы: кризис, депрессия, состояние покоя, возрастающее оживление, расцвет.

Во время кризиса мы наблюдаем рост спроса на ссудный капитал. Сбыт товаров и, следовательно, превращение товаров в деньги наталкивается на затруднения. Налицо перепроизводство товаров и, следовательно, избыток капитала в товарной форме. Капиталистам деньги нужны не столько для продолжения своего производства, сколько для ликвидации своих долгов по заключенным ранее кредитным сделкам. Никто не продает в кредит, так как всем нужны деньги. В это время обнаруживается спрос на деньги главным образом как платежное средство. В то же время в предложении ссудного капитала наблюдается также перелом. То, что промышленный капитал застывает в товарной форме, означает меньшее высвобождение из кругооборота денежного капитала. Возросшему спросу, таким образом, противостоит уменьшающееся предложение. Процент обнаруживает тенденции к повышению. Процент достигает максимального своего уровня. Во время кризиса, следовательно, рядом с избытком действительного капитала, рядом с перепроизводством товаров наблюдается недостаток ссудных капиталов. Кризис характеризуется наиболее высоким размером процента.

Период депрессии. Вялое нарастание промышленного оборота. Товары постепенно начинают продаваться. Вследствие краха наиболее слабых предприятий более солидные находят базу для восстановления своей деятельности. Начинается обновление основного капитала. Предложение ссудных капиталов начинает увеличиваться. Последнее происходит, во-первых, потому, что усиливается темп высвобождения денежного капитала из кругооборота промышленного капитала и, во-вторых, вследствие начинающегося роста фиктивного капитала. Во время кризиса часть фиктивного капитала вследствие краха наиболее слабых предприятий была аннулирована, весь фиктивный капитал вследствие падения дивидендов уменьшился; теперь вместе с некоторым улучшением дел, или, вернее, вследствие начинающейся ликвидации затруднений дивиденды обнаруживают тенденцию к повышению, и вместе с этим обнаруживается хотя еще слабое, но все же повышение курса ценных бумаг. В это же время начинает повышаться и спрос на ссудный капитал, но этот спрос растет все же медленнее, чем предложение ссудных капиталов. Спекуляция еще не выступает. Постепенное изменение в соотношении между спросом и предложением ссудного капитала вызывает медленное падение уровня процента.

Состояние покоя. Здесь те же явления, которые наблюдались и в предыдущей стадии, но в большем размере. Промышленная деятельность все больше оправляется. Растет спрос на ссудный капитал, но еще в большей мере растет его предложение. Процент обнаруживает тенденцию к дальнейшему понижению.

Возрастающее оживление. И здесь те же явления, но все в возрастающем темпе. Процент все еще продолжает понижаться.

Расцвет. Промышленная деятельность достигает своего максимального развития. Предложение ссудных капиталов увеличивается, но вместе с тем увеличивается и спрос на ссудный капитал. Большие барыши и иллюзии блестящих перспектив кружат голову. К этому присоединяется спекуляция. Возникает масса дутых предприятий. Все охотно прибегают к кредиту, так как все уверены в «вечном благополучии». Процент начинает колебаться. Хотя предложение ссудного капитала растет, но не в меньшей, а в большей мере растет спрос на ссудный капитал. Рынок ссудных капиталов начинает испытывать затруднения. Это время финансового напряжения. Кажется, что «хорошие дела» могли бы идти бесконечно, но препятствием служит недостаток ссудных капиталов. Процент обнаруживает тенденцию к повышению. Близится крах, который многим представляется кризисом недостатка ссудных капиталов, хотя в действительности этот недостаток ссудных капиталов отражает только избыток капитала действительного, перепроизводство товаров. Это и обнаруживается в следующей стадии, в период кризисов.

Таково движение процента в ходе промышленного цикла.

* * *

На этом мы заканчиваем характеристику закономерностей рынка ссудных капиталов — как тех закономерностей, которые определяют общие тенденции, так и тех закономерностей, которые обнаруживаются в конкретном движении ссудного капитала.

При этой характеристике мы все время подчеркивали, что движение ссудного капитала целиком определяется процессом воспроизводства капитала. Анализ рынка ссудного капитала, как предложения, так и спроса, и анализ закономерностей движения процента показывают, что рынок ссудных капиталов отображает процесс производства, но в то же время имеет и свои собственные закономерности. Изучение рынка ссудных капиталов должно было показать, что движение ссудного капитала и движение промышленного капитала составляют е д и н с т в о, но в то же время они и п р о т и в о п о л о ж н ы. Только такая трактовка вопроса гарантирует как от ошибок тех, кто видит только единство ссудного и промышленного капитала, так и тех, кто видит в них только противоположности; как тех, кто закономерности ссудного капитала понимает только как простой рефлекс закономерностей промышленного капитала, так и тех, кто полагает, что движение ссудного капитала совершенно независимо от движения капитала реального, кто, стало быть, не понимает, что движение ссудного капитала получает только внешнюю самостоятельность и в конечном счете целиком определяется движением реального капитала, т. е. процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Глава восьмая

БАНКИ И ИХ ФУНКЦИИ

1

В условиях капиталистического хозяйства всякая сумма денег может быть превращена в ссудный капитал посредством простого акта ссуды. Поэтому источники ссудного капитала образуются во всех сферах народнохозяйственной жизни, где по тем или иным причинам стоимость застывает, хотя бы временно, в денежной форме.

Но для того чтобы стоимость превратилась в ссудный капитал, недостаточно только застывание ее в форме денег; всякое сокровище является источником ссудных капиталов, но само по себе, вне определенного специфического движения, оно не становится ссудным капиталом. Денежные сбережения каждого лица, несмотря на совершенно различную свою природу, могут быть превращены в ссудный капитал, т. е. обладают потенциальной способностью совершать движение, свойственное приносящему проценты капиталу, но если эти сбережения находятся в кассах или же хранятся в «кубышках», они не становятся ссудным капиталом. Для того чтобы стать ссудным капиталом, деньги должны быть даны в ссуду, т. е. совершить определенное специфическое движение. Для того чтобы сбережения превратились в ссудный капитал, необходимо, чтобы сберегаемые, накопляемые суммы приведены были бы в движение как ссудный капитал, т. е. чтобы эти суммы превратились в капитал как товар.

Сделки ссуды совершаются различным образом. Деньги могут быть приведены в движение как ссудный капитал разнообразными способами и методами.

Но в капиталистическом хозяйстве это движение осуществляется главным образом через кредитные организации, через посредство банков.

Это не значит, что банковским кредитом исчерпывается современный кредит. Огромная масса кредитных сделок осуществляется вне банков, поэтому движение большой массы ссудного капитала осуществляется без участия банков.

Но все же в общем движении ссудного капитала определяющую и господствующую роль играют банки. И не только потому, что

через посредство банков совершается преобладающее число кредитных сделок или же через банки проходит преобладающая масса ссудного капитала. И это, конечно, имеет значение. Но главное заключается в том, что банки составляют организованную часть рынка ссудных капиталов и закономерностям движения банковского капитала подчиняются закономерности движения всего ссудного капитала во всей его совокупности.

Что же такое банки?

В банковской литературе на этот вопрос мы находим самые разнообразные ответы. Большей частью делаются попытки дать формально юридическое определение банка, а так как законодательные постановления относительно банков в различное время были различны и так как банковское законодательство различных стран также различно, то обычно эти попытки оканчиваются простым описанием банковских операций.

Что же касается тех определений, которые исходят из народнохозяйственных признаков, то, несмотря на все их разнообразие, они могут быть сведены к двум группам теорий. Одна группа — наиболее старая, к которой можно отнести классиков, представителей исторической и этической школы, видных специалистов этого вопроса, как Шеффле, Вагнер, Щульце-Геверниц, Лансбург и многих других, — полагает, что сущность банков заключается в их посреднической роли. Банки являются посредниками между теми, кто имеет капитал в избытке и кто отказывается (или не может) их использовать самостоятельно, и теми, кто такого капитала не имеет и в нем нуждается.

Другая группа теоретиков — Дж. Ло, Маклеод, в новейшее время Шумпетер, Ган и другие, — несмотря на различие их общих воззрений, сходятся все же в том, что все они считают банки не только, вернее, не столько посредническими организациями, сколько организациями капиталотворческими.

Ни та, ни другая точка зрения нам не кажется правильной. Общая их ошибка заключается в непонимании категории капитала, форм его движения. Все они в одинаковой степени не различают тех разнообразных социальных связей, выразителем которых являются различные виды и формы капитала. Все они одинаково не понимают, что кредит выражает определенный тип производственных связей, возникающий и развивающийся на основе движения ссудного капитала как особого вида капитала.

Ни к той, ни к другой точке зрения не примыкает Маркс. Это тем более необходимо подчеркнуть, что в литературе марксову точку зрения на этот счет обычно приравнивают к точке зрения указанной мною первой группы теоретиков. В одном капитальном, очень популярном учебнике о кредите для характеристики воззрений первой группы теоретиков автор нашел возможным процитировать только одного Маркса. Таким образом,

получается впечатление, что Маркс не только примыкал к этой группе теоретиков, но и является наиболее лучшим выразителем ее взглядов. Такая трактовка учения Маркса кажется нам абсолютно неправильной и такой же для чего-то создаваемой легендой, как и то, что Маркс определял, и можно определять «вслед за Марксом», кредит как вращение капитала в чужом предприятии.

У Маркса мы вообще не находим определений ни понятия кредита вообще, ни банков в частности. Но те достаточно четкие и ясные указания о функциях банков, которые мы находим у него, дают право утверждать, что марксово понимание банков чуждо как первой из указанных нами точек зрения, так и второй.

Исходя из развитых нами общих соображений о кредите, мы считали бы возможным дать следующее определение банка.

Банк — это особый вид капиталистического предприятия, организующего и осуществляющего движение ссудного капитала.

Это определение складывается из следующих моментов. Во-первых, банк является капиталистическим предприятием. Это значит, что мотивом его деятельности, конечной целью его операций является капиталистический частнохозяйственный интерес — получение прибыли.

Во-вторых, объектом деятельности банков является ссудный капитал. На различии между капиталом и ссудным капиталом мы уже останавливались. Если можно сравнить банковое дело с торговлей, хотя это сравнение весьма условно, то надо сказать, что банк торгует не деньгами и не капиталом, а ссудным капиталом. А так как единственной формой отчуждения этого капитала является ссуда и так как, с другой стороны, ссудный капитал может быть и фиктивным, то можно сказать, что банк торгует кредитом.

В-третьих, банк осуществляет движение ссудного капитала. Это выражается в том, что он передает ссудный капитал одних лиц другим. Но такой посреднической ролью деятельность банка не исчерпывается, так как банк, кроме того, в-четвертых, организует ссудный капитал и его движение. Это значит: банк не только служит посредником между капиталистами, между заимодавцами и заемщиками, но и своей организующей функцией «создает» ссудный капитал [1].

Данное определение ясно показывает, что мы расходимся с господствующими двумя точками зрения в самой постановке вопроса.

---

[1] В каком смысле понимается здесь «создает», видно из дальнейшего изложения.

Наиболее четкую формулировку точки зрения первой группы теоретиков, трактующих банки как исключительно посреднические организации, мы находим у Шеффле, который дает следующее определение банкового дела:

«Значение банка заключается особенно в том, что он. . . собирает денежный капитал, его объединяет и вновь рассеивает. . . После того как капитал в одном предприятии использован и принял денежную форму, он в этой своей чистой ценностной форме, т. е. как деньги, притекает в банк, откуда передается другим предприятиям».

И далее:

«Банковое дело можно сравнить с большим водяным насосом: он втягивает в себя посредством трассирования, контокоррента, приема вкладов, выпуска акций, облигаций и банкнот, продажи ценных бумаг избыточный капитал из пор народного хозяйства и передает их посредством учета векселей, контокоррента, ломбардного, ипотечного кредита и покупки различного рода ценных бумаг нуждающимся в капиталах предприятиям» [2].

По мнению Книса, «банк торгует не кредитом, а такими предметами, которые без торгово-посреднической деятельности были бы переданы непосредственно заимодавцем заемщику». Цель банка состоит в том, «чтобы кредитор и должник вообще нашли друг друга, притом чтобы эта встреча произошла с затратой наименьших усилий и встретились именно подходящие друг другу лица» [3].

Такое же определение дает и Риссер. «Банки с о б и р а ю т притекающие к ним капиталы и направляют их посредством п р е д о с т а в л е н и я к р е д и т а по соответствующим каналам (in die richtigen Kanäle). Они это делают, устанавливая связи, с одной стороны, с к а п и т а л и с т а м и, вверяющими им свои деньги и становящимися их кредиторами, и, с другой стороны, с п р е д п р и н и м а т е л я м и, которые берут у них деньги, необходимые для ведения предприятий, и которые становятся их (банков) должниками.

В отношениях между капиталистами и предпринимателями банки играют ту же, и, с народнохозяйственной точки зрения, такую же важную, роль, как и торговля, выступающая посредником между производителями и потребителями и совершающая чрезвычайно ценную работу по перемещению благ из местностей, где наблюдается чрезмерное предложение, в местности, где обнаруживается чрезмерный спрос. Точно так же и банки перемещают

---

[2] A. S c h ä f f l e. Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft (цит. по кн.: O. J e i d e l s. Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie mit besonderen Berücksichtigung der Eisenindustrie. München und Leipzig, 1913, S. 15).

[3] K. K n i e s. Das Kredit. Zweite Hälfte. Berlin, 1855, S. 235 und and.

средства, которые не могут быть использованы в одном месте, в другое, где они находят себе хозяйственное применение» [4].

Под капиталом Риссер понимает только капитал денежный [5]. Единственно правильное в этих определениях заключается в признании, что объектом деятельности банков является капитал в денежной форме.

Приведем еще одно очень яркое и отчетливое выражение рассматриваемой здесь точки зрения. В 1927 г. издана была краткая, но прекрасно написанная книга о банковом деле старого английского банковского деятеля Уолтера Лифа, руководителя одного из крупнейших английских банков — Вестминстерского банка.

«Дело банкира, — пишет в этой книге Лиф, — основано на депозитах, это необходимо подчеркнуть, так как в последнее время большое распространение получила мысль, что акционерные банки являются «создателями кредита» (creators of credit). Они, конечно, создают кредит, но лишь в том смысле, в каком каждый заимодавец, даже добросердечный человек, оказывающий «маленькую ссуду» в 5 шиллингов своему нуждающемуся другу, является создателем кредита. Но не это имеется в виду. При употреблении упомянутой двусмысленной (ambiguous) фразы имеется в виду, что банки, акционерные банки могут создавать в неограниченном количестве кредитные орудия обращения (credit current). Мысль эта абсолютно ложна... Банки могут ссужать не больше, чем они занимают, — в действительности даже не совсем столько. Если кого и можно назвать создателем кредита, так это вкладчика; в своих ссудных операциях банки строго ограничены той массой средств, которую вверяет им вкладчик» [6].

Всем без исключения сторонникам рассматриваемого направления совершенно чуждо понятие ссудного капитала как самостоятельной специфической экономической категории. А между тем как раз эта категория должна быть положена в основание теории кредита вообще, теории банков в частности.

Согласно определению Шеффле, банки являются чисто посредническими организациями, и единственная их функция заключается

---

[4] J. Riesser. Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration. Jena, 1912, S. 2. Так же думает и Шульце-Геверниц, когда говорит, что для него сущность банков заключается в кредитном посредничестве (Kreditvermittlung) (G. Schulze-Gaevernitz. Die deutsche Kreditbank. Tübingen, 1922, S. 10).

[5] J. Riesser. Op. cit., S. 1. Аналогичные определения можно найти уже у классиков. См. также: James W. Glbart. Practical Treatise of Credit. London, 1897, p. 2.: «A banker is a dealer in capital, or more properly a dealer in money. He is an intermediate part between the borower and the lender» («Банкир это торговец капиталом или, точнее, торговец деньгами. Он является посредником между заемщиком и заимодавцем». — *Ред.*).

[6] W. Leaf. Banking. Home University Library. N. Y., 1927, p. 101, 102.

в том, что они собирают высвобождающиеся, свободные денежные капиталы одних и передают их другим.

В том, что банкам свойственна посредническая деятельность и что эта деятельность весьма значительна, не может быть сомнений. Но сводить сущность банков только к этой деятельности значит не замечать целого ряда чрезвычайно важных и имеющих большое значение конкретных явлений. Банки привлекают к себе не только капиталы, но и доходы, кроме того, банки аккумулируют не только ссудные капиталы, но и временно свободные и находящиеся в денежной форме части промышленного и торгового капитала. Деятельность банков более чем посредническая.

С другой стороны, совершенно ошибочно считать банк капиталотворческой организацией, как полагал и достаточно ясно формулировал в середине прошлого столетия Маклеод, как резко подчеркивают новейшие теоретики кредита в лице Шумпетера, Гана и многих других.

Кредит, по мнению всех этих экономистов, — это доверие. То, что банк предоставляет своим клиентам, можно назвать доверием. Но банки не только предоставляют «доверие», «кредит», но его и создают. А так как кредит есть капитал, то можно сделать вывод, что банки создают капитал.

По мнению Маклеода, «банки — это не учреждения для «займа» и «ссуд» денег, это фабрики кредита (a Manufactory of Credit)» [7].

«Банкиры — не торговцы деньгами, они никогда не ссужают деньги, единственная функция банкира — создавать кредит». «Банкир никогда не является посредником между лицами занимающими и ссужающими» [8].

«Как мы видели, все, что приносит прибыль, есть капитал. Следовательно, поскольку банковский кредит приносит ему такую же прибыль, как и деньги, совершенно очевидно, что кредит — это капитал для него, как и деньги» [9].

«Из предшествующих соображений выходит, что если купец торгует в *кредит*, то банкир торгует *кредитом* (a merchant deals with credit, and a banker deals in credit). Купец предлагает банкиру купить долги, по которым платеж должен последовать в известный срок; банкир одним росчерком пера превращает эти долги в такие, по которым платеж имеет последовать немедленно и которые в торговле могут обращаться наравне с соверенами. Создавая кредит в пользу своего клиента, банкир извлекает такую же прибыль, как если бы он выдал ему наличные деньги. Из этого, очевидно, следует, что банковый кредит

---

[7] McLeod. The Theory of Credit. London, 1897, p. 594.
[8] Ibid., p. 607.
[9] Ibid., p. 608.

есть банковый капитал (banking credit is banking capital)» [10].

И далее: «В предыдущем отделе мы доказали, что торговый кредит есть торговый капитал, а как всякий кредит бывает или банковым, или торговым кредитом, то мы доходим до следующего общего вывода: — что кредит есть капитал (credit is capital)» [11].

По мнению Шумпетера, капитал есть «фонд покупательных средств» (Es ist ein Fonds von Kaufkraft) [12]. Кредит же есть «по существу создание покупательных средств» [13]. Отсюда нетрудно сделать вывод, что кредит создает капитал. И как раз создание покупательных средств, по мнению Шумпетера, «дает принципиальную характеристику методам развития незамкнутого народного хозяйства» [14].

Ган, который полагает, что банкир «предоставляет должнику отсутствующее доверие» и что банки «не более как посредники в кредите, в буквальном смысле слова, доверия» [15], о взаимоотношении между кредитом и капиталом пишет следующее:

«Образование капиталов есть не следствие сбережений, а кредита; кредит предшествует капиталообразованию» [16].

«Без кредитования (Krediteinräumung) не могли бы производиться никакие капитальные блага, не могло бы происходить капиталообразование в смысле образования средств производства... Кредитование не только причина образования капитала, но и обусловливает его соединение, его величину и даже его распределение между субъектами народного хозяйства» [17].

Подробному разбору этих теорий мы посвятим особую главу. Теперь же ограничимся только следующим. Во-первых, банки вообще не оперируют с капиталом, а имеют дело с ссудным капиталом. И, во-вторых, движение ссудного капитала самостоятельно и не однозначаще с движением капитала. Возможно увеличение ссудного капитала при неизменном или даже уменьшающемся реальном капитале и, наоборот, возможно уменьшение ссудного капитала при увеличении капитала реального. Поэтому непосредственно деятельность банков не характеризует движения реального капитала. Связь банковской деятельности и общих процессов народного хозяйства гораздо сложнее.

---

[10] Маклеод. Основания политической экономии. СПб., 1865, стр. 312.
[11] Там же, стр. 313.
[12] J. Schumpeter. Theorie der wirtschaftlicher Entwicklung. München und Leipzig, 1926, S. 170.
[13] Ibid., S. 153.
[14] Ibidem.
[15] A. Hahn. Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits. Tübingen, 1920, S. 51.
[16] Ibid., S. 120.
[17] Ibid., S. 121.

Своей деятельностью банки, интенсифицируя процесс капиталообразования и капиталонакопления, перераспределяют наличные и вновь возникающие капиталы; создавать же капитал банки так же, как и кредит, не могут.

Но в известных пределах, о которых будет речь ниже, банки могут, создавая платежные средства, превращать их в ссудный капитал. Банки могут увеличивать массу орудий обращения, следовательно, создавать притязания на товары, на стоимость; точно так же банки могут увеличивать массу притязаний на прибавочную стоимость, т. е. создавать ссудный капитал как капитал, приносящий проценты.

Обе господствующие точки зрения нам кажутся неправильными, и не только потому, что они односторонни, хотя таковыми они и являются. Нам кажется неправильной самая постановка вопроса этими теориями, их исходные посылки, их методология. Обе они в сущности исходят одинаково из частнохозяйственной точки зрения. Разница заключается только в том, что первая группа теорий, приписывающая банкам только посредническую роль, стоит на частнохозяйственной точке зрения промышленного капитала; вторая точка зрения, приписывающая банкам капиталотворческую роль, выражает частнохозяйственную точку зрения денежного банковского капитала. Неслучайно, что в прошлом столетии выразителями последних взглядов были банкиры Джон Ло, Маклеод, а в настоящее время наиболее ярким их представителем — банковский деятель Ган, и неслучайно, что в XX в., характеризующемся увеличением значимости ссудного капитала, число сторонников второй точки зрения все увеличивается. В настоящее время почти все наиболее видные представители буржуазной экономической мысли придерживаются как раз этих воззрений.

Итак, банки как капиталистические предприятия организуют ссудный капитал и осуществляют его движение.

Сообразно этой характеристике банков их функции представляются в следующем виде.

Во-первых, банки являются посредниками в передаче ссудных капиталов. Средства денежных капиталистов они передают промышленным и торговым, т. е. функционирующим капиталистам.

Во-вторых, банки превращают денежную (функциональную) форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

В-третьих, банки превращают доходы в ссудный капитал.

В-четвертых, банки в силу закономерностей денежного обращения и в меру, полагаемую этими закономерностями, непосредственно создают покупательные и платежные средства и в меру закономерностей кругооборота капитала превращают их в ссудный капитал.

Все эти функции вытекают из существа банков как предприятий, организующих ссудный капитал и осуществляющих его движение.

Вместе с тем все эти функции тесно связаны, одна вытекает из другой и взаимно обусловлены.

На каждой из этих функций необходимо остановиться подробнее.

2

Но прежде чем перейти к анализу отдельных функций банков, необходимо сделать еще несколько замечаний относительно общей характеристики банков. Эти замечания касаются в сущности тех проблем, которые являются темой следующих частей нашей работы, которые будут подробно, следовательно, разработаны тогда, когда мы перейдем к характеристике организации и деятельности отдельных видов банков и всей кредитной системы в целом, когда мы перейдем к выяснению той роли, которую играют банки в капиталистическом хозяйстве, в особенности той новой роли, которую они играют в современном капитализме, в эпоху империализма. Все же нам представляется не лишним уже теперь, хотя бы в неполном и в самом сжатом виде, дополнить данную нами характеристику банков.

Мы определили банки как капиталистические предприятия, организующие и осуществляющие движение ссудного капитала. Это определение, как и всякое определение, подчеркивает только основные черты, только самое главное, но, конечно, не исчерпывает характеристики банков, тем более банков современного капитализма, эпохи империализма. Это определение вполне достаточно для характеристики основных функций банков, для общего разрешения проблемы границ банковского кредита, для характеристики народнохозяйственного значения основных операций банков. Но когда мы перейдем к выяснению роли банков в современном хозяйстве, нам, очевидно, придется дополнить данную нами характеристику. Это и будет сделано в дальнейшем. Все же некоторые черты нелишне хотя бы вкратце подчеркнуть теперь.

Более полная характеристика банка требует прежде всего указания на то, что ссудный капитал, поскольку его движение организуется банками, выступает в обезличенном виде, вернее, в «обобществленной» форме. Банковый капитал, под которым разумеются все ресурсы банка, т. е. весь ссудный капитал, который проходит через банки, выступает не как капитал отдельных лиц, отдельных капиталистов, а как капитал всего класса капиталистов. Таким образом, в лице банкового капитала мы видим обобществление денежных ресурсов в капиталистической, конечно, форме. Развитая кредитная и банковая система осуществляет общественный характер капитала. «Она представляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или произво-

дителями. Она снимает, таким образом, частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковое дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию» [18].

Таким образом, банки не только организуют ссудный капитал, но его и обобществляют в капиталистической, конечно, форме.

Развитие капиталистического хозяйства характеризуется чрезвычайной концентрацией банкового дела, концентрацией, далеко идущей и развивающейся чрезвычайно быстрым темпом. Само собой разумеется, что концентрация банкового дела является результатом, обусловлена общими концентрационными процессами, присущими капиталистическому способу производства, процессами концентрации в промышленности. Но в силу целого ряда обстоятельств, специфического объекта деятельности банков, специфических условий деятельности банков, специфических форм связей с промышленностью и т. д., наконец, в силу того, что в банках мы имеем обобществленный, хотя и в капиталистической форме, капитал, концентрация в банковом деле достигает значительно больших размеров, нежели в промышленности. Организация и осуществление движения ссудного капитала становится фактической монополией нескольких банков. Само собой разумеется, и здесь монополия не уничтожает конкуренции, но все же в банковом деле монополистические тенденции проявляются и осуществляются в значительно большей степени, чем в промышленности. Во всякой стране банковое дело представляет единую кредитную систему, организационно объединяемую центральным банком, представляющим кредит всей страны, национальный кредит. Число банков весьма невелико и обнаруживает тенденцию ко все большему уменьшению. Уже к XX в. во всех крупных капиталистических странах преобладающая часть ссудного капитала отдельных стран была сконцентрирована буквально в нескольких банках. Банковое дело в отдельных странах фактически уже было монополизировано несколькими (3—6) банками. В течение XX в. концентрационные процессы в банковом деле не приостановились, и как раз в последние годы мы являемся свидетелями дальнейшего слияния гигантских банков. Анализу этого процесса мы посвятим особую главу, теперь ограничиваемся указанием на эти процессы, позволяющие утверждать, что современные банки суть монополистически организованные предприятия, стало быть, банковский капитал (ресурсы, находящиеся в распоряжении банков) является не только общественно-организованным, но и монополистически организованным капиталом. Эта характеристика, заметим кстати, имеет большое значение для выяснения проблемы финансового капитала.

Банки, будучи монополистическими предприятиями, вступают

[18] К. Маркс. Капитал, т. III., М., 1955, стр. 620—621.

во все более постоянную связь с промышленными предприятиями. Это постоянство связи видоизменяет оперативную деятельность банков, делает самую связь все более и более тесной, дает новую характеристику отношениям между банками и промышленностью. «Если банк, — пишет Ленин, — учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на иоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк «собирает» в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку — а это так и бывает — все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка»[19].

Эта постоянная и тесная связь монополистически организованных банков с монополистически же организованными промышленными предприятиями закрепляется так называемой личной унией банков с промышленными предприятиями и открывает широкую возможность учредительства, участия в грюндерстве и т. д. Банки, организуя и осуществляя движение ссудного капитала, становятся опорным пунктом сращивания ссудного и промышленного капитала, становятся орудием финансовой олигархии, посредством которого эта финансовая олигархия овладевает «большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран».

Таким образом, банки, осуществляя движение ссудного капитала, обезличивают (обобществляют) этот последний; организуя движение ссудного капитала в монополистической форме, банки служат опорным пунктом сращивания ссудного и промышленного капитала.

Все указанные моменты вытекают из данного нами определения. На них мы в дальнейшем подробно остановимся. Для анализа же основных функций и операций банков достаточно исходить из первоначально данного нами определения банка.

3

Первая, и по исторической преемственности и по значению, функция банков состоит в посредничестве между денежными капиталистами и капиталистами промышленными и торговыми. Ссудный капитал, т. е. капитал, приносящий проценты, единственной формой отчуждения которого является ссуда, может существовать и действительно существует и вне банков, в руках денежных капиталистов. Историческими предшественниками этих денежных капиталистов были ростовщики.

[19] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 208.

Денежный капиталист может непосредственно ссужать деньгами капиталиста функционирующего. Но в современном хозяйстве такой непосредственной связи между денежным и функционирующим капиталистами не создается. Эта связь осуществляется через банки. Капитал как ссудный капитал в этом случае возникает и существует и вне банков и до его появления в банках. Но прежде чем он попадает в руки функционирующего капиталиста, он проходит через банки. Отношения этим самым осложняются. Участие банков уничтожает непосредственные отношения между денежным и функционирующим капиталистами. Вместо одной сделки ссуды, при которой денежный капиталист выступил бы как кредитор, а функционирующий капиталист явился бы должником, заключаются две сделки. Единый акт сделки ссуды разрывается на два самостоятельных акта. Первый, при котором денежный капиталист выступает как кредитор, банк как должник; второй, при котором банк выступает как кредитор, функционирующий капиталист как должник. Роли денежного и функционирующего капиталистов не изменились, но зато выступил банк, который одновременно является и заимодавцем (по отношению к функционирующему капиталисту), и заемщиком (по отношению к денежному капиталисту). Социальные отношения вследствие посредничества банка осложнились, но не изменились. И без посредства банка налицо отношения ссудного капитала, и при его посредстве создаются те же отношения ссудного капитала. Никакого изменения не произошло потому, что и до вмешательства банка в наличности уже был ссудный капитал. Банк получает ссудный капитал от денежного капиталиста и передает его капиталисту функционирующему. В этом случае функция банка чисто посредническая.

Совершение этих сделок через посредство банков имеет большое значение. Оно обобществляет частные отношения индивидуальных капиталистов. Банки собирают все средства денежных капиталистов и снабжают ими капиталистов функционирующих. Таким образом, они, оборачиваясь к функционирующим капиталистам, выступают от всего коллектива денежных капиталистов; оборачиваясь же к денежным капиталистам, они представляют весь коллектив капиталистов функционирующих. В лице банков мы имеем, следовательно, не только организованный, но и обобществленный денежно-ссудный капитал, а в современном капиталистическом хозяйстве не просто организованный, но монополистический организованный ссудный капитал.

В этой своей функции банк выступает управителем денежных капиталистов, и не только денежных капиталистов, но всего денежного капитала в его целом. Именно эту функцию, и только эту функцию, разумел Маркс, когда писал: «В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом,

или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссудный денежный капитал, так что вместо отдельного денежного кредитора промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех денежных кредиторов. Они становятся общими распорядителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем кредиторам они концентрируют заемщиков, так как они берут взаймы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заемщиков» [20].

В этой функции банк выступает посредником. То, что он получает от денежных капиталистов, он передает промышленным и торговым капиталистам. Он получает ссудный капитал и его же предоставляет.

Наиболее распространенной формой приложения этого капитала являются ценные бумаги. Поэтому капиталы денежных капиталистов не отлагаются обыкновенно в банках в виде вкладов. Объясняется это следующим.

Ссудный капитал по своей природе вообще двойствен. С одной стороны, ссудный капитал является суммой покупательных и платежных средств, а с другой — эта сумма покупательных и платежных средств выступает как капитал, приносящий проценты. Обе эти характеристики тесно между собою связаны. Но в каждом отдельном конкретном случае может иметь основное значение то одна, то другая характеристика ссудного капитала. Это обстоятельство особенно ясно обнаруживается при различении случаев, когда посредством кредита предоставляются просто средства обращения, от случаев, когда кредитом предоставляется дополнительный капитал.

Хотя обе характеристики ссудного капитала тесно между собою связаны, но в каждом отдельном конкретном случае может иметь главное значение для заимодавца или для заемщика одна или другая сторона ссудного капитала.

Совершенно очевидно, что капитал денежных капиталистов имеет для их владельцев не столько значение покупательных и платежных средств, сколько значение капитала, приносящего проценты, хотя для того, чтобы их капитал приносил проценты, он и должен иметь форму денег. Дело, конечно, в ударении. Обе характеристики

---

[20] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 442—443.

сохраняют свое значение, но в данном случае, с точки зрения денежных капиталистов, главнейшим является вторая характеристика — именно та, что денежный капитал приносит его владельцу доход в форме процента.

С другой стороны, застывание этого капитала в форме денег является не временным, не случайным его пребыванием в одной из фаз метаморфоза товаров и денег или метаморфоза форм капитала. Этот капитал всегда остается в форме денег и в своем движении не испытывает никаких метаморфоз. Здесь мы имеем дело с денежноссудным капиталом. Это не функциональная форма промышленного и торгового капитала, следовательно, не временно высвобождаемая из кругооборота капитала денежная его форма, а ссудный капитал в чистом его виде.

Оба указанных обстоятельства, — первое то, что капитал денежных капиталистов выступает не столько как деньги, как сумма покупательных и платежных средств, как сумма притязаний на товары, сколько как претензия на процент, как сумма притязаний на прибавочную стоимость, и второе, то, что этот капитал не случайно и не временно, а постоянно пребывает в денежной форме, — ведут к тому, что как раз капитал денежных капиталистов составляет наиболее пригодный рынок для размещения различного рода ценных бумаг, государственных займов, облигаций, акций промышленных и торговых предприятий и т. д.

Капитал денежных капиталистов, поскольку он представляет чистую форму ссудного капитала, есть просто сумма притязаний на доход, а ценные бумаги по своему существу как раз представляют собою титул на доход. Капитал денежных капиталистов, как вообще денежный капитал, обладает большой подвижностью. Вложение его в ценные бумаги эту подвижность подтверждает и гарантирует. При наличии рынка ценных бумаг перенос капиталов из одних ценных бумаг в другие совершается посредством простого акта купли-продажи, и, как общее правило, такой перенос всегда легко можно осуществить. Наконец, в-третьих, вложение денег в ценные бумаги, титулы на доход, имеет то преимущество, что при этом всегда имеется легкая возможность извлечь средства и вновь получить их в денежной форме. Как общее правило, ценные бумаги всегда легко сбываются.

По всем этим обстоятельствам формой приложения капиталов денежных капиталистов по большей части являются ценные бумаги. Но такое вложение осуществляется обычно не непосредственно, а через банки.

Вложение денежного капитала в ценные бумаги возможно, конечно, и без банков, как вообще, рассматривая вопрос чисто теоретически, движение ссудного капитала возможно без участия банков. Но вместе с тем совершенно ясно, что то развитие кредитных отношений, без которого невозможно было бы при-

сущее капитализму огромное развитие производительных сил, не могло бы быть достигнуто без банков. С этой точки зрения возникновение и развитие банков является необходимым результатом роста капиталистических отношений и развития капиталистического производства.

Обращение к денежному рынку со стороны промышленного и торгового капитала как раз в форме выпуска различного рода ценных бумаг, как твердопроцентных, так и дивидендных, как известно, достигло таких размеров, которых каких-нибудь 50—60 лет назад нельзя было бы себе и представить. А такое развитие абсолютно было бы невозможно без банков. Точно так же рост государственного кредита, при котором формой приложения денежного капитала являются обязательства государств, абсолютно был бы невозможным, если бы не было сильных, развитых кредитных учреждений.

Вся система современного финансирования как промышленных и торговых предприятий, так и государственных и общественных учреждений и предприятий покоится на развитии этой специфической формы приложения ссудного капитала, каковой являются различного рода ценные бумаги. В этом находит только свое выражение существо современной капиталистической системы, специфический характер присвоения создаваемого трудом прибавочного продукта.

Капитал денежных капиталистов вкладывается в ценные бумаги, как общее правило, не непосредственно, а через банки. Участие банков в этом процессе проявляется двояко.

Во-первых, эмиссия ценных бумаг совершается через посредство банков. В виде редкого исключения нуждающееся в средствах предприятие самостоятельно обращается к рынку капиталов. Для успешности реализации ценных бумаг необходимо знание рынка ссудных капиталов, ориентировка в них, известная техническая сноровка и т. д., как раз те качества, которыми может обладать только банк как организация, сферой деятельности которой является рынок ссудных капиталов. В то же время банки имеют постоянные связи с денежными капиталистами. Они не только знают рынок ссудных капиталов, но сами в свою очередь известны рынку этих капиталов. В позднейшей стадии развития капитализма, характеризующейся чрезвычайным ростом кредитной системы и в то же время крайней концентрацией банковского дела, фактически не клиент банка указывает этому последнему, куда и как должны быть размещены предоставляемые банку средства, а банки указывают это клиенту. Хотя в этой функции банк является только посредником, фактически диктует и господствует не клиентела банка, а сами банки. Это обусловливается хотя бы тем, что банк выражает организованную и коллективную волю всего класса капиталистов, в то время как клиентела выражает частную волю данной группы.

Капитал, вложенный в ценные бумаги, в процессе своего движения превращается в фиктивный капитал, а это значит, что его изменение (увеличение или уменьшение) в значительной степени зависит от организованного денежного капитала, а не от отдельных хотя бы механически соединяемых денежных капиталов. К тому же все растущая централизация денежных капиталов ставит во главе рынка денежных капиталов небольшую группу финансовой олигархии. Слияние этой олигархии с банками еще более усиливает влияние и значение этих последних. Между рынком ссудных капиталов и банками существует определенное взаимодействие, но если уже говорить о господстве, то можно скорее прийти к заключению, что не рынок ссудных капиталов господствует над банками, но скорее банки господствуют над рынком ссудных капиталов. Само собой разумеется, что это господство здесь понимается весьма в условном смысле этого слова. Дело идет только о том влиянии, которое имеет банк в деле размещения на рынке ссудных капиталов ценных бумаг. Конечно, в этом деле банк приспособляется к стихийным условиям денежного рынка. Овладение рынком ссудных капиталов совершается в меру познания этого рынка.

Во всяком случае позиции функционирующего капиталиста, обращающегося непосредственно к рынку ссудных капиталов, неизмеримо, чтобы не сказать больше, слабее позиций банка. Эмитент банк имеет все преимущества перед эмитентом промышленным и торговым предприятием. Поэтому-то только в виде весьма редкого исключения возможна эмиссия ценных бумаг без посредства банков.

Даже государственные займы, как и займы общественных учреждений, совершаются не путем прямого и непосредственного обращения к рынку ссудных капиталов, а посредством банковских организаций. Совершенно невозможно себе представить обращение к рынку ссудных капиталов, например, Соединенных Штатов без и помимо участия крупнейших представителей финансовой олигархии: Моргана, Рокфеллера и других, которые в свою очередь опираются на банки.

Таким образом, сама эмиссия ценных бумаг, т. е. спрос на ссудный капитал, организуется банком. Но не меньшее значение банков в деле организации в этом случае предложения ссудных капиталов, т. е. покупки ценных бумаг.

Мы переходим, стало быть, ко второй форме деятельности банков в области вложения капитала денежных капиталистов.

Банки не только организуют предложение ценных бумаг (спрос на ссудный капитал), но и покрывают спрос на них (предложение ссудного капитала). Банки сами покрывают подписку, а затем уже со своей стороны, от своего имени и за свой счет размещают бумаги на рынке. Само собой разумеется, при этом предприятиям или государству, которые выпускают свои обяза-

тельства, приходится уплачивать банкам более высокий процент, так же как и более высокую комиссионную оплату. Эти излишние издержки покрываются, во-первых, гарантией размещения ценных бумаг и, во-вторых, более ранним получением предприятием или государством необходимого им денежного капитала.

Организация спроса на ценные бумаги (предложения ссудных капиталов) проявляется также в том, что банк финансирует клиентелу, склонную вкладывать свои средства в ценные бумаги. Это финансирование происходит посредством кредитования покупателей ценных бумаг, выдачи им ссуд под залог ценных бумаг.

Предположим, совершается государственный заем и выпускаются облигации по номинальной стоимости в 100 руб. Банки выдают ссуды под эти ценные бумаги в размере 60%. При этом, стало быть, лицо, обладающее капиталом в 400 руб., может купить облигаций на 1000 руб., не 4 облигации, а 10. По сути дела, здесь происходит покрытие займа на 60% самими банками.

Покупка ценных бумаг есть форма приложения ссудных капиталов денежных капиталистов, и это совершается через посредство банков. В этих операциях банк выступает посредником между денежным и функционирующим капиталистами.

Эти операции являются формой проявления посреднической функции банков.

Эта функция банков должна быть охарактеризована как посредническая, поскольку банки рассматриваются как предприятия, осуществляющие движение ссудного капитала. Но из сказанного совершенно ясно, что эта посредническая функция предполагает весьма активную деятельность банков. Поэтому посредничество отнюдь не следует понимать как пассивное посредничество. Больше того. Эта посредническая функция имеет огромное значение с точки зрения усиления влияния банков на народное хозяйство. А так как современные банки, а с ростом их концентрации все более и более, фактически находятся во владении финансовых магнатов, то, стало быть, усиление влияния банков на промышленность означает усиление мощи и влияния финансовой олигархии. Организация спроса и предложения ценных бумаг, выпускаемых промышленными и торговыми предприятиями, дает возможность банкам и опирающимся на них финансовым магнатам фактически в той или иной мере овладевать этими предприятиями.

Об этом овладении будем говорить в другом месте, здесь лишь важно будет подчеркнуть значение и характер рассматриваемой посреднической функции банков.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть следующее. Если, с одной стороны, рассматриваемая здесь функция банков хотя и является посреднической, ведет к усилению власти финансовой олигархии, то, с другой стороны, эта же функция, связанная с биржевой спекуляцией, способствует чрезвычайной централи-

зации денежного капитала. Финансовую олигархию составляет небольшая группа финансовых магнатов, в руках которых банки становятся орудием достижения господства и власти.

Заметим кстати, когда мы говорим, что капитал денежных капиталистов находит свое приложение главным образом в ценных бумагах, это не значит конечно, что ценные бумаги не являются формой вложения ссудных капиталов, происходящих из других источников. И другие источники используются банками для операций с ценными бумагами. А это значит, что власть финансовых магнатов зиждется на использовании не только и, вернее, не столько собственных их капиталов.

В этих операциях магнаты финансового капитала находят форму использования и экспроприации денежных средств широкой массы средней и мелкой буржуазии.

Для характеристики капитала, по отношению к которому банк выступает только посредником, надо заметить еще следующее.

Этот ссудный капитал, поскольку он находит свое приложение в ценных бумагах, приобретает движение, свойственное фиктивному капиталу. Каждая ценная бумага, облигация или акция представляет реальный капитал. Но, как известно, стоимостное выражение ссудного капитала, находящего форму своего приложения в ценных бумагах, определяется не представляемым им реальным капиталом, а доходом, титулом на который являются ценные бумаги. Этот капитал не есть денежное выражение реального капитала, а отражает движение его. Он отражает не стоимость, а прибавочную стоимость, не самый капитал, а его движение.

Амплитуда колебания курса ценных денег, обусловливаемая колебаниями процента и дивиденда, чрезвычайно велика, поэтому стоимость всей массы рассматриваемого здесь ссудного капитала чрезвычайно сильно колеблется. В общей же массе ссудного капитала этот капитал составляет большую и значительную часть. Этот капитал наиболее чутко отражает течение народнохозяйственной конъюнктуры.

Огромная часть банковских ресурсов как раз состоит из такого фиктивного капитала. Под банковскими ресурсами здесь разумеются не только так называемые собственные капиталы банка, но все средства, которыми банк располагает и распоряжается.

Перемещения денежного капитала из рук денежных капиталистов в распоряжение капиталистов функционирующих имеет большое значение и с точки зрения распределения реальных капиталов. Рассматриваемой здесь посреднической деятельностью банки снабжают денежными средствами промышленных и торговых капиталистов, которые используют их как реальный капитал для производства прибавочной стоимости.

Следовательно, рассматриваемая функция интенсифицирует процесс производства прибавочной стоимости и осуществляет перераспределение реальных капиталов.

4

Следующая функция банков заключается в превращении промышленного и торгового капитала в ссудный капитал.

Развитие этой функции вытекает из тех обстоятельств, своеобразных форм движения капитала, которые возможность кредита превращают в необходимость. Эти обстоятельства заключаются в том, что движение капитала представляется как постоянный метаморфоз различных форм капитала.

Именно это своеобразное движение капитала дает ключ к разрешению проблемы кредита вообще; игнорирование этого своеобразия составляет основную ошибку самых разнообразных буржуазных теорий кредита вообще и банковского кредита в частности. Кто не понимает этого своеобразия, кто не понимает, что и в этой специфической форме движения капитала обнаруживаются специфические формы общественных отношений капиталистического хозяйства, тому оказывается совершенно недоступным и понимание своеобразного типа производственных связей кредита.

В процессе кругооборота капитала масса непосредственно занятого в этом кругообороте капитала изменяется, причем это изменение происходит в виде изменения массы различных форм, которые принимает капитал в процессе своего движения (денежный, производительный и товарный капитал).

Нас здесь интересует денежный капитал, ибо только капитал в денежной форме является источником ссудного капитала, этого объекта деятельности банка.

В процессе кругооборота капитала масса денежного капитала изменяется, это значит, что капитал в денежной форме то втягивается в процесс кругооборота, то высвобождается. Временно высвобождаемый из кругооборота капитал в денежной форме и, стало быть, с точки зрения этого кругооборота капитал праздный, превращается через посредство банков в ссудный капитал и как таковой совершает присущее ему движение.

Вне банков мы имеем здесь дело с функциональной формой промышленного и торгового капитала. Для того чтобы эта функциональная (денежная) форма промышленного и торгового капитала превратилась в ссудный капитал, необходимо, чтобы данная денежная сумма отдана была бы в ссуду, это же совершается через посредство банков.

Теоретически мыслимо, и в конкретной действительности бывает, что этот денежный капитал дается в ссуду непосредственно одним промышленным (или торговым) капиталистом другому. Но как общее правило, это делается через банки. Само возникновение банков как предприятий, торгующих ссудным капиталом, отчасти обусловливается фактической невозможностью для промышленного (и торгового) капиталиста самостоятельно использовать

временно высвобождаемый, праздный денежный капитал как ссудный капитал.

Денежный капитал как высвобождающаяся из кругооборота функциональная форма капитала передается банку, и так как это делают все капиталисты, то банк таким образом выполняет обязанности кассира и хранителя денежных сумм всего класса капиталистов. Частная собственность на капитал отдельных капиталистов обобществляется и выступает как общая собственность всего класса капиталистов. Банки организуют одновременно как общее предложение свободных денежных капиталов, превратившихся уже теперь в ссудный капитал, так и общий спрос на ссудный капитал со стороны всего класса капиталистов.

В рассматриваемой нами функции банки не являются просто посредниками между капиталистами. Считать эту функцию только посреднической нельзя.

Во-первых, капиталисты не вступают в непосредственную кредитную связь друг с другом, а каждый капиталист вступает в связь с банком. Функционирующие капиталисты не противостоят друг другу как кредиторы и должники. Промышленник-кредитор выступает кредитором именно банка, который в этом случае представляет весь класс капиталистов. Точно так же и промышленник-должник становится должником именно банка, представителя всего капиталистического класса. Один капиталист ссужает капитал, другой — занимает. Банк же, поскольку он воплощает общественный ссудный капитал, одновременно представляет и кредиторов, и должников.

Во-вторых, и это самое существенное, вне банка капитал, о котором здесь идет речь, является только функциональной формой промышленного (и торгового) капитала. Ссудный капитал — это денежный капитал, но не всегда денежный капитал является капиталом ссудным. Денежный капитал как функциональная форма промышленного капитала именно банком превращается в ссудный капитал. «Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним различными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал» [21].

Рассматриваемая функция банков с точки зрения оборота всего общественного капитала имеет огромное значение. Поскольку резервы концентрируются, они создают возможность для каждого отдельного предприятия обходиться меньшими резервами. А с другой стороны, поскольку этой функцией банки

---

[21] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 443.

превращают бездействующие резервы в ссудный капитал, они интенсифицируют использование капитала всего общества, значительно уменьшают, доводят до минимального предела неиспользованный капитал всего общества.

На первый взгляд и эта функция может казаться посреднической. Но это, пожалуй, верно лишь в том же смысле, в каком, например, можно было бы назвать посредническим процесс производства. Сказать, что промышленный капиталист является посредником между производителем сырья и потребителем готового фабриката, можно только с очень и очень большой натяжкой!

Поскольку этой функцией банки п р е в р а щ а ю т денежную форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал, можно с известными оговорками сказать, что при этом банк «создает» ссудный капитал — именно ссудный капитал, а не просто капитал. И он создает его не из ничего, а из существующего реального капитала, временно высвобождаемого в денежной форме в процессе своего кругооборота.

Отсюда совершенно ясно, что при этом не происходит увеличения реального капитала. Вообще, как мы неоднократно указывали и что имеет огромное значение, движение (изменение массы) ссудного капитала далеко не совпадает с движением (изменением) капитала реального.

Развитие кредитной системы и развитие рассматриваемой здесь функции увеличивает массу ссудного капитала при неизменном реальном капитале.

Рост реального капитала, процесс капиталонакопления вызывает рост ссудного капитала, и в этом смысле можно говорить о теснейшей связи между реальным и ссудным капиталом. Совершенно очевидно, что масса высвобождаемого в денежной форме реального капитала обусловливается массой реального капитала. При прочих равных условиях, при неизменности общей народнохозяйственной конъюнктуры, увеличение реального капитала ведет к увеличению массы высвобождаемого в денежной форме капитала и соответственно к увеличению массы ссудного капитала. Но это происходит только «при прочих равных условиях», в число которых входит также состояние кредитного дела, степень развития кредита и кредитных организаций. Изменение же условий кредита вносит весьма существенный корректив в указанные выше закономерности.

Увеличение реального капитала ведет, как общее правило, к увеличению массы ссудного капитала, но если предположить, что одновременно происходит по каким-либо причинам сокращение кредита или же сужение работы кредитных организаций, масса ссудного капитала может оставаться без изменения или даже уменьшиться. Конкретно это выражается в увеличении «резервов и поступлений по платежам» промышленных и торго-

вых капиталистов, в увеличении бездеятельной денежной формы промышленного и торгового капитала.

С другой стороны, увеличение массы реального капитала при одновременном росте кредита и кредитных учреждений вызывает увеличение массы ссудного капитала в прогрессивной пропорции. Конкретно это выражается в том, что сохраняющиеся в кассах капиталистов «резервные формы и получения по платежам» сокращаются. Банки вовлекают бóльшую массу денежных капиталов в сферу своего воздействия, придают ей соответствующее движение и этим умножают массу ссудного капитала.

Точно то же может быть и при уменьшении реального капитала. Уменьшение его, как общее правило, ведет к уменьшению абсолютной массы высвобождаемого денежного капитала и, стало быть, соответственному уменьшению массы капитала ссудного. Но если это уменьшение реального капитала одновременно сопровождается ростом кредита и кредитных организаций, то уменьшение ссудного капитала как превращенной формы промышленного и торгового капитала может и не произойти, в результате общая масса ссудного капитала может и увеличиться.

Все эти процессы в то же время модифицируются и рядом других обстоятельств: интенсивностью и темпом метаморфоз различных форм капитала, движением товарных цен и т. д.

В рассматриваемой здесь функции банки выполняют не просто посредническую роль. В этой функции, хотя еще не в развернутой форме, проявляются творческая роль и творческое значение банков в системе капитализма.

5

Следующая функция банков проявляется в их деятельности по превращению доходов в ссудный капитал. Источниками ссудных капиталов являются как капиталы, так и доходы. Для того чтобы доходы превратились в ссудный капитал, необходимо, чтобы они были приведены в соответствующее движение (отданы в ссуду). Это осуществляется банками.

Здесь имеется в виду следующее.

Доходы некоторых групп населения вообще не используются их владельцами как капитал, приносящий проценты. Заработная плата рабочих, хотя бы и верхних слоев рабочего класса, если отлагается в банках непосредственно или через сберегательную кассу, то больше в целях хранения, а не с целью получения доходов. В этом случае мы имеем дело просто со сбережениями. Попадая в банк, эти сбережения совершают движение, свойственное ссудному капиталу. То же нужно сказать о сбережениях мелкой буржуазии, откладывающей на «черный день», на случай старости, потери работоспособности и т. д. В обоих случаях мы имеем дело в сущности со страховыми денежными запасами. Рабочий,

хотя и имеющий вклад в банке или в сберегательной кассе, никак не может быть назван капиталистом и его доходы — капиталом.

То же можно сказать о заработках рабочих, время получения которых не совпадает с временем их траты. Мы разумеем здесь так называемых сезонных рабочих. Они получают свою заработную плату в течение, скажем, 3—6 месяцев. Но эта заработная плата должна обеспечить их существование в течение года. Такой рабочий может иметь временные сбережения, которые, будучи помещены как вклады в банк или в сберегательные учреждения, превращаются этими последними в ссудный капитал.

Несколько иного характера доходы капиталистов. Мы имеем в виду ту часть их доходов, которая предназначается для непосредственного потребления капиталистов. Эти доходы, хотя и имеют капиталистическое происхождение, хотя и принадлежат капиталистам, не являются капиталом. Доходы эти тратятся капиталистом постепенно, поэтому и они могут в качестве «сбережений» быть отложены в банке и тогда превращаются в ссудный капитал.

Таким образом, разные категории доходов, доходы различной природы, благодаря банкам, превращаются в ссудный капитал.

Сюда же можно отнести и страховые взносы. Взносы по страхованию жизни на случай смерти, от огня и т. д. составляют огромные суммы. По существу мы здесь имеем дело со сбережениями многочисленных групп населения. И эти сбережения используются на рынке ссудных капиталов, обычно через банки превращаются в ссудный капитал.

То же можно сказать и о так называемых «капиталах» различных политических и профессиональных организаций. «Капитал» профсоюзов, — по сути дела, сбережения широких масс рабочих. Эти аккумулированные сбережения обычно оседают в виде вкладов в банках или же через посредство банков вкладываются в ценные бумаги.

Превращение рассматриваемых здесь доходов в ссудный капитал только банками объясняется двоякого рода обстоятельствами.

Во-первых, владельцы этих доходов не намерены и вообще неспособны выступать в качестве субъектов предложения ссудных капиталов. Им эта роль не свойственна, и они на это неспособны. Так что превращение этих доходов в ссудный капитал не только облегчается банками, но прямо обусловливается последними. Без банков эти денежные суммы никогда не функционировали бы как ссудный капитал.

Во-вторых, эти доходы, взятые в отдельности, слишком ничтожны для того, чтобы циркулировать как ссудный капитал. Всякая денежная сумма может циркулировать как ссудный капитал, но для этого необходимо, чтобы она достигла определенной величины. Только соединение этих индивидуальных

доходов, аккумуляция их в большие массы делает возможным превращение их в ссудный капитал. Эту аккумуляцию и берут на себя сберегательные учреждения, страховые организации и непосредственно банки. Но все эти аккумулированные суммы приводятся в движение как ссудный капитал именно банками.

Поэтому банками они превращаются в ссудный капитал.

Подчеркиваем, во всех этих случаях мы имеем дело не с простой посреднической функцией банков. Эта функция принципиально отличается от той, при которой банки выступают в качестве посредников между денежным и функционирующим капиталистами.

Эта функция ближе ко второй рассмотренной нами функции, которой банки превращают промышленный и торговый капитал в капитал ссудный. Но все же и здесь отличие есть. И в том, и в другом случае мы имеем дело с творческой функцией банков, но в одном случае в ссудный капитал превращается капитал, в другом — доходы.

Функцию банков по превращению доходов в ссудный капитал нужно отличать от чисто посреднической деятельности банков. Именно эту функцию разумел К. Маркс, когда писал: «С развитием банковской системы, а именно, как только банки начинают платить проценты по вкладам, в них уже концентрируются денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные функционировать как денежный капитал, объединяются в большие суммы и таким образом образуют денежную силу. Это собирание мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно» [22].

Указанные доходы, только попадая в банк, совершают движение, свойственное ссудному капиталу, стало быть, именно банками они трансформируются в ссудный капитал. То, что без участия банков и вне банков не было ссудным капиталом, даже не было капиталом, становится капиталом. Еще в большей мере, нежели в предыдущем случае, можно здесь говорить о «создании» банками ссудных капиталов.

Отданные же банком в ссуду аккумулированные им денежные суммы оказывают определенное воздействие на народное хозяйство. В этом случае особенно надо подчеркнуть то, что речь идет о денежных суммах, которые без участия банков и вне банков не являются капиталом. Отданные в ссуду деньги, с одной стороны, восполняют недостающие денежные капиталы функционирующих капиталистов, с другой — уменьшают размер необходимых ми-

---

[22] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 443.

нимальных денежных резервов, стало быть, содействуют тому, чтобы с помощью меньшей суммы авансируемого капитала приводить в движение большую массу живого и мертвого труда. Наконец, превращение доходов в ссудный капитал и движение этого ссудного капитала, как движение ссудного капитала вообще, ведет к перераспределению капиталов реальных.

Это перераспределение нельзя понимать в том грубо упрощенном вульгарном смысле, что банки капитал одних лиц, заимодавцев, передают другим лицам, заемщикам. В разбираемом здесь случае как раз «заимодавцы» вовсе не имеют никакого капитала и уже поэтому не могут его предоставлять заемщикам. Их денежные доходы трансформируются банком в ссудный капитал, который как сумма покупательных средств, будучи предоставлен в распоряжение функционирующих капиталистов, дает этим последним возможность приобрести и привести в движение имеющиеся в наличности элементы реального капитала или же то, что может быть превращено в капитал.

Все же образование ссудного капитала путем превращения доходов в ссудный капитал далеко не однозначаще с созданием капитала реального. Более того, возможность использования ссудного капитала как капитала реального, во-первых, обусловливается наличностью того, что может быть использовано как капитал, и, во-вторых, что является наиболее существенным, возможность использования ссудного капитала в качестве капитала реального (функциональной формы промышленного капитала) определяется народнохозяйственными условиями, возможностью расширения производства. В период подъема, например, использование ссудного капитала в качестве функциональной (денежной) формы реального капитала вполне возможно, во время же кризиса эта возможность отсутствует, хотя как раз в это время материальные элементы производства находятся даже в избытке.

Поэтому, когда А. Вебер, критикуя Гана, указывает на то, что для того чтобы предоставленные в ссуду суммы могли быть использованы как капитал, следовательно, чтобы можно было на них приобрести элементы капитала, необходимо, чтобы «машины уже были, чтобы были в готовом виде предметы продовольствия и одежды для рабочих», — он прав, хотя только отчасти. Во время кризиса налицо, при этом в избытке, все те элементы, о которых говорит А. Вебер [23], и все же использование ссудного капитала для расширения производственного процесса невозможно. (Впрочем, во время кризиса рассматриваемая здесь функция банков естественно сокращается.)

Но Вебер, как и другие критики Гана, неправы в следующем. Предоставление дополнительных (если в этом случае налицо

[23] A. Weber. Depositen und Speculations banken München. — Leipzig, 1922, S. 164.

действительное предоставление дополнительных) средств функционирующему капиталисту может дать этому последнему возможность при наличии определенных условий ввести в движение капитала новые элементы, таким образом увеличить активно действующий капитал.

К этому мы еще вернемся при анализе влияния кредита на народное хозяйство.

6

Переходим к той функции банков, которая заключается в создании покупательных и платежных средств и превращения их в ссудный капитал.

С теоретической стороны эта функция представляет наибольший интерес и в то же время возбуждает большие споры.

Широко распространено убеждение, получившее уже прочность предрассудка, что учению Маркса о банках противоречит взгляд, что банки могут «создавать» ссудный капитал. Обычно и без всякого в сущности основания Марксу приписывается мысль, что деятельность банка является только посреднической. Уже предыдущее изложение могло показать, что такая трактовка учения Маркса ошибочна. Но если до сих пор все же речь шла о трансформаторской, так сказать, деятельности банков, о способности их превращать отдельные функциональные формы промышленного и торгового капитала, а также доходы в ссудный капитал, то здесь будет идти речь не о «превращении», а о «создании» ссудных капиталов, или, точнее, как мы это уже говорили, о создании банками покупательных и платежных средств и превращении этих последних, путем придания им соответствующего движения, в ссудный капитал.

Такое создание банками покупательных и платежных средств совершается разнообразными способами. Наиболее типичными являются две формы такой деятельности банков: выпуск банкнот и «делание» депозитов. Причем первый способ являлся господствовавшим примерно до последней четверти прошлого столетия; второй же характерен для последних 5—6 десятков лет.

Остановимся на каждом из этих способов проявления интересующей нас здесь функции банков в отдельности. Отдельное рассмотрение того и другого диктуется тем, что при наличии между ними сходных черт они все же весьма значительно друг от друга отличаются.

Что такое банкнота? «Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель в любое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя» [24].

---

[24] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 444.

Выпуск банкнот в схематическом виде можно представить следующим образом.

Фабрикант *А* продает купцу *В* товар на сумму в 1000 руб. Сделка совершается с отсрочкой платежа сроком на 3 месяца. Фабриканту *А* важно не только продать товар, но и получить за него деньги. Весь смысл отчуждения товаров заключается для него в превращении принадлежащего ему товара в деньги или в превращении товарной формы капитала в денежную. Это же отсрочено сделкой на 3 месяца.

Для того чтобы фабрикант *А* теперь же мог иметь капитал в денежной форме, коммерческий кредит должен быть осложнен кредитом банковским. Фабрикант передает какому-либо банку свое право требования на купца *В*, которое должно быть выполнено через 3 месяца, и взамен этого получает от банка билеты, по которым банк обязуется уплатить наличными во всякий момент предъявителю билета. Этот билет в силу возможности для каждого владельца превратить его в любой момент в наличные деньги, а также в силу различных технических его признаков (круглая сумма, разнообразие купюр, тщательность выделки билета, затрудняющая подлог, и т. д.) может обращаться как знак ценности и заменять в обороте деньги. Будучи не более как долговыми кредитными документами, билеты циркулируют в обороте как орудия обращения. Ввиду фактической всеобщей приемлемости их каждый владелец банкноты может приобретать на них нужные ему товары и производить причитающиеся с него платежи. Банкнота в обращении играет роль покупательного и платежного средства.

Банкнота — это кредитный документ, заменяющий создавшийся из товарного обращения и в каналах товарного обращения другой кредитный документ — частный вексель. Банкнота, таким образом, возникает не по произволу эмитирующего ее банка. Корни зарождения банкноты надо искать в недрах и порах народного хозяйства. Но раз возникнув, она в течение известного промежутка времени выполняет в обращении роль знака ценности, орудия обращения.

Выполнение обязательств банка по выпущенным им банкнотам отнюдь не обусловливается той частной сделкой, которая непосредственно вызвала появление банкноты. Эти обязательства гарантируются всеми ресурсами банка, всеми его активами. А так как активы представляют собою не что иное, как сумму прав, требований, имеющихся у банка к народному хозяйству, то, следовательно, банкнота опирается не на частный кредит отдельного капиталиста, а на национальный кредит всего класса капиталистов.Это связано и с тем, что сам банк представляет не частный индивидуальный капитал, а капитал всего общества. Национальный, общественный характер банкноты создает ей особую характеристику, отличающую ее от частного векселя и превращающую ее в орудие обращения.

Но отсюда возникает возможность в отдельных конкретных случаях выпуска банкнот и без соответствующего учета векселя, ибо не данный частный акт создает обращаемость банкноты, а общественное содержание всех частных актов.

До каких пределов может банк использовать свою возможность выпуска обязательств, превращающихся в орудие обращения, — вопрос особый, который будет нами рассмотрен в другом месте. Здесь важно лишь подчеркнуть, что банки имеют возможность создавать покупательные и платежные средства. Эта возможность вытекает из общей деятельности банка, которая может быть охарактеризована как торговля кредитом.

Выпуск банкнот как форма кредита «кажется непосвященным особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляют собой удивительное смешение государственного банка и частного банка; в действительности основу их операций составляет государственный кредит, а их билеты являются в большей или меньшей степени узаконенным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду депонированные у него деньги» [25].

Часть банкнот обычно покрыта металлом, но только меньшая часть. Эта часть представляет собою скорее депозитные квитанции. Выпуск банкнот в пределах имеющегося у банка металла не есть выпуск добавочной массы платежных средств. То, о чем мы до сих пор говорили, относится к той части банкнот, которые выпускаются сверх имеющегося у банка металлического покрытия.

Выпуском банкнот банк не только создает покупательные и платежные средства, но и придает им определенное движение, свойственное ссудному капиталу. Воплощенная в банкнотах масса покупательных и платежных средств дается в ссуду, а только в порядке ссуды банкноты выпускаются и таким образом превращаются (по крайней мере для банка) в капитал, приносящий проценты, т. е. ссудный капитал; это — фиктивный ссудный капитал, но все же добавочный ссудный капитал.

Процесс выпуска банкнот посредством учета векселей представляет собою, с одной стороны, превращение капитала в деньги, вернее, в знаки денег, и, с другой стороны, превращение денег в ссудный капитал. Вексель учитывается капиталистом потому, что он имеет капитал в одной форме, ему же нужен капитал в дру-

---

[25] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 444.

гой форме, форме денег. Посредством учета векселей происходит превращение капитала в деньги. Но эти деньги предоставляются ему банком как денежный капитал, этот денежный капитал дается ему в ссуду, таким образом деньги выступают как ссудный капитал.

То, что банк создает, именно создает, орудия обращения, весьма резко подчеркивается Марксом в следующих словах: «Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим сокровищем, находящимся в его подвалах, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал доставляет банку добавочную прибыль» [26].

Переходим к другой типичной форме создания покупательных и платежных средств и превращения их в ссудный капитал. Речь идет о «делании» депозитов.

Выдача ссуд банком может производиться различными способами. Одним из таких способов является открытие клиенту счета в банке. Это открытие счета вовсе не предполагает предварительного вклада клиента. Наоборот, в результате этого счета появляется вклад. Активы в данном случае предшествуют пассивам. Лицо *А* получает в банке ссуду в 1000 руб., и эту ссуженную сумму он депонирует в банке — появляется новый вклад. Эта операция может совершаться и сложнее. Лицо *А* получает ссуду в одном банке и депонирует ее в другом. Общая масса банковских депозитов может увеличиться на сумму выданных ссуд.

Если взять всю банковскую систему в целом, может ли масса депозитов увеличиться в результате ссуд?

Нет сомнения, что большая часть ссуд производится потому, что банки предварительно аккумулировали у себя свободные денежные средства общества. Таким образом, большая часть ссуд только потому и осуществляется, что ранее банки сосредоточили у себя вклады. Но известная часть ссуд (о пределах этой возможности мы сейчас не говорим) может быть выдана и без наличия вкладов. Депозиты представляют в сущности находящуюся в распоряжении клиента (общества) сумму покупательных и платежных средств. Возможность выдачи ссуд без предварительного вклада обусловливается совершающимся в большом размере взаимным погашением банковских обязательств без наличия денег. Депозит — это своеобразное платежное средство, могущее функционировать только в обороте встречных требований. Можно делать депозиты потому, что обязательства одного банка сталкиваются с создаваемыми другими банками обязательствами. Депозиты можно создать потому и в той мере, в какой эти обязательства

[26] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 556—557.

банку не приходится выполнять с помощью наличных денег. Там, где существует взаимная компенсация долговых притязаний, там возможно делание депозитов. Депозиты с этой точки зрения представляют обязательства банка, выполняемые без наличных денег. Так как циркуляция таких обязательств, поскольку взаимные требования компенсируются, вполне возможна, возникает возможность создавать депозиты.

Ошибка Маклеода, Гана, Зомбарта заключается не в том, что они подчеркивают эту возможность. Эта возможность действительно существует. Как раз последнее полстолетие является свидетелем огромного развития депозитных банков, известная часть ресурсов (ссудный капитал) которых создается самими банками. Именно это обстоятельство — создание покупательных и платежных средств депозитной системой — повело к падению роли эмиссионных банков [26а]. Ограничение выпуска банкнот вызвало чрезвычайное развитие чекового обращения; монополия выпуска банкнот вызвала реакцию в виде создания своеобразных платежных средств, каковыми являются депозиты.

Когда мы говорим о «делании» депозитов, мы имеем в виду, следовательно, не те депозиты банков, которые являются результатом притока к банкам капиталов денежных капиталистов, и не те депозиты, происхождение которых надо искать в процессе постоянного высвобождения капитала в денежной форме из кругооборота промышленного и торгового капитала, и не те депозиты, источником которых являются доходы различных групп населения. Дело идет только о тех депозитах, которые являются результатом активной деятельности самих банков, результатом банковских ссуд.

Повторяем, ошибка Гана заключается не в том, что он эту способность банков создавать покупательные и платежные средства подчеркивает. Это скорее надо поставить ему в заслугу, это выгодно отличает его от других представителей буржуазной науки.

Ошибка его — практика-банкира, которому кажется, что банки являются осью всей экономической системы, — заключается в следующем: во-первых, Ган эту функцию обобщает, думает, что этой функцией главным образом характеризуется банк. В действительности же эта функция хотя и самостоятельна, но обусловлена другими функциями банка. Если бы банки не являлись посредниками между денежным и функционирующим капиталистами, если бы банки не превращали денежную форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал, и, наконец, если бы банки не превращали доходы в ссудный капитал, они не могли бы

[26а] В свете дальнейшего развития едва ли есть основания говорить о падении роли эмиссионных банков. С одной стороны, даже в странах с высокоразвитой кредитной системой эмиссия банкнот продолжает играть важную роль, с другой — функции эмиссионных (центральных) банков не ограничиваются эмиссионными операциями (*Прим. ред.*).

выполнять функций создания платежных средств и превращения их в ссудный капитал. Эта функция — производная от первых. Первые составляют базу и основание ее развития.

Во-вторых, Ган полагает, что эта способность чуть ли не безгранична, она ограничена только формальными установлениями, но ведь последние — «дело рук человеческих». В действительности же эта способность весьма ограничена и определяется объективными условиями народного хозяйства. На этом нам еще придется остановиться в дальнейшем.

Наконец, в-третьих, с точки зрения Гана, банк создает капитал, в действительности же здесь создается ссудный капитал, что далеко не одно и то же. И здесь, заметим кстати, по большей части, как и при выпуске банкнот, происходит превращение капитала в деньги (в знаки денег) и превращение денег в ссудный капитал.

Указание на эту функцию мы находим уже у Маркса, хотя в то время, когда он писал свою работу, эта функция далеко не имела столь большого значения, какое она приобрела в настоящее время.

«Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком» [27].

Делание депозитов и выпуск банкнот представляют собою метод создания покупательных и платежных средств и превращения этих последних в ссудный капитал. Но между депозитами и банкнотами большая разница. Различие, которое имеет значение в данной связи, с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы, заключается в следующем.

Хотя банкнота и является только кредитным документом, но в силу ряда своих свойств, в силу того, что фактически выпуск банкнот составляет монополию центральных банков, национальных государственных учреждений, банкнота превращается в орудие обращения, в окончательное средство платежа. Почти во всех странах банкнотам присваивается сила законного платежного средства. Это обстоятельство приближает банкноту к бумажным деньгам, банкноту можно рассматривать как наличные деньги.

Депозиты же являются только обязательствами частных банков, поэтому чек, циркуляция которого основывается на депозитах, никогда не может принять характера окончательного средства платежа. Нормальное погашение чека, уплата по нему, заключается не в выдаче наличных, а в компенсации его встречным чеком.

Поэтому циркуляция банкноты базируется на наличном обороте, депозитов — на взаимно погашающихся платежах.

---

[27] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 502.

Это различие особенно надо иметь в виду при определении границ кредитной экспансии, о чем будет речь в следующей главе.

Но несмотря на различие банкноты и депозита, их сближает то, что оба они являются своеобразным платежным средством. Создавая их, банки «создают кредит и ссудный капитал».

В сущности выпуском банкнот и деланием депозитов не исчерпывается функция банков по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал. Выпуск всякого рода долговых обязательств, которые хотя бы временно и в каком бы то ни было размере могут выполнять роль знаков ценности, — есть в сущности «создание» ссудного капитала.

Ввиду того, что в силу укоренившихся предрассудков и недостаточной разработки марксовой теории кредита наши утверждения могут показаться не согласованными с идеями Маркса, мы позволим себе привести еще следующие цитаты, из которых с совершенной очевидностью явствует, что Маркс подчеркивал способность банков создавать кредит и ссудный капитал. «Банки имеют, впрочем, — читаем мы в «Капитале», — и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновение посылать свои избыточные фонды (т. е. банкноты Английского банка) лондонским billbroker'ам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не сделались известными в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для того чтобы производить платежи в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, напр. в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка». И далее: «Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1)путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) производя платежи дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего местного округа — создается передаточной надписью банка» [28].

Все формы создания покупательных и платежных средств сводятся в конце концов к выпуску долговых обязательств,

[28] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 557—558.

которые в меру, определяемую закономерностями денежного обращения, могут циркулировать в обороте как кредитные орудия обращения. Создаваемые же таким образом покупательные и платежные средства в меру, определяемую закономерностями кругооборота капитала, могут быть превращены в ссудный капитал.

Само собой разумеется также, что мы неоднократно подчеркивали и что следует с особой силой подчеркнуть вновь, создание ссудного капитала, вернее, создание орудий обращения (знаков ценности) и превращение этих последних, посредством придания им соответствующего движения, в ссудный капитал не есть создание капитала реального. То же, что мы имеем здесь дело с фиктивным капиталом, не требует, конечно, разъяснений.

«Создавая» ссудный капитал, банки предоставляют клиенту платежные и покупательные средства, которые являются или превращенной формой имеющегося у клиента капитала, или же новым добавочным капиталом. Создавая ссудный капитал, предоставляя покупательные и платежные средства промышленному (или торговому) капиталисту, банки дают этому последнему возможность приобрести элементы капитала и привести их в движение. Получивший ссуду в банке клиент может превратить ссудный капитал в капитал реальный, но это он может сделать только, во-первых, потому, что элементы реального капитала — машины, сырье, средства продовольствия рабочих и т. д. — имеются налицо, и, во-вторых, г л а в н ы м о б р а з о м потому, что имеются в наличии предпосылки реального движения капитала, т. е. существует народнохозяйственная возможность воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала. «Создание» ссудного капитала (его предоставление), таким образом, ведет к перераспределению реальных капиталов, но не к изменению их общей массы, как актуальной, так и потенциальной, обусловливаемой реальными производственными отношениями.

* * *

Этим мы заканчиваем характеристику природы банков и их функций. Функции банков мы излагали в порядке возрастания значения «творческой» деятельности банков; исходной явилась чисто посредническая деятельность банков, конечной—функция по «созданию» ссудного капитала.

Изложенные в таком порядке функции банков характеризуют одновременно как историческую, так и логическую их преемственность.

Функция чисто посредническая — это основная и первичная функция банков. Это функция получает уже достаточно большое развитие с самого начала возникновения банков.

Функция по превращению промышленного и торгового капитала в ссудный капитал развивается вместе с ростом промышлен-

ного капитализма. Она получает развитие не только после развития первой функции, но и развивается на основе первой.

Функция по превращению доходов в ссудный капитал связана с ростом доходов, обусловливается самим развитием кредитной системы и именно этому последнему (развитию кредитной системы) обязана.

Наконец, четвертая функция, по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал, связана с растущим значением ссудного капитала, поэтому особенно характерна для позднейшей стадии развития капитализма, для эпохи финансового капитализма. Вместе с тем эта функция могла получить развитие только на основе роста предыдущих функций, усовершенствования кредитной системы, выработки методов взаимной компенсации долговых требований, роста и распространенности этих методов.

Глава девятая

ГРАНИЦЫ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

1

Отдельные части банковского капитала весьма различны по своему происхождению, но в своем движении банковский капитал выступает как единый ссудный капитал. Предоставляя кредит в самых различных формах, банки не только облегчают, но и ускоряют процесс метаморфоз товаров и денег; торгуя кредитом, банки интенсифицируют кругооборот капитала, постоянный метаморфоз различных функциональных форм капитала.

Как мы видели, банки не только распределяют предоставляемый в их распоряжение ссудный капитал, но и превращают другие формы капитала, а также и доходы в ссудный капитал; кроме того, они «создают» ссудный капитал посредством превращения в таковой создаваемые ими орудия обращения.

Существуют ли границы банковского кредита и чем эти границы определяются? Обусловливается ли расширение банковского кредита какими-либо объективными, вне банка лежащими, обстоятельствами, или же банки могут расширять кредит по своему произволу? Если же существуют определяющие банковскую деятельность внешние обстоятельства, то каковы они?

Ответ на эти вопросы имеет значение не только для проблемы банковского кредита в узком смысле этого слова, но также и для проблемы взаимоотношения ссудного и реального капиталов.

Ссудный и промышленный капиталы являются противоположными моментами единства процесса воспроизводства капитала. При анализе функций банков мы рассматривали ссудный и промышленный капиталы как п р о т и в о п о л о ж н ы е моменты единства, которое (единство) проявляет себя в движении своих противоположностей. В своем движении эти противоположные моменты становятся внешне самостоятельными, стало быть, приобретают самостоятельное движение. Но так как ссудный и промышленный капиталы суть противоположные моменты е д и н с т в а, это последнее с необходимостью (насильственно) восстанавливается. Анализ движения противоположных моментов единства должен быть связан с анализом движения единства. Должна быть понята не только внешняя самостоятельность

движения ссудного капитала, но и его внутренняя связь с движением промышленного капитала. Проблема кредитной экспансии и границ банковского кредита разрешается на основе понимания диалектической связи ссудного и промышленного капитала, и разрешение этих проблем дает конкретную характеристику этой диалектической связи.

Движение ссудного капитала есть, вообще говоря, своеобразный способ приведения в движение капитала реального и перераспределения этого последнего. Именно характерным для современного капиталистического хозяйства является то, что движение реального капитала, установление связи между различными элементами производственного процесса осуществляются через посредство движения ссудного капитала.

Чем же определяются возможность и размеры кредитной деятельности банков? Чем определяется масса того ссудного капитала, которой располагают банки и которую они предоставляют как денежный капитал?

Для тех, кто полагает, что банки являются только посредниками между одними капиталистами и другими, что кредит есть только перенесение капиталов, что ссудный капитал как объект деятельности банков есть не что иное, как вещный капитал, вопрос, нами поставленный, разрешается очень просто. Развитие кредита и банковской системы имеет с этой точки зрения чисто техническое значение, а техника только облегчает процессы движения реального капитала, но не вносит никаких качественных изменений в эти процессы.

Эта точка зрения чрезвычайно упрощает сложное явление кредита и поэтому неспособна ни объяснить реальных отношений, ни дать ключ к познанию совершающихся сложных экономических процессов.

Говорят, что ссудный капитал — это вещный капитал, но ведь совершенно несомненно, что банки вовсе не оперируют вещным капиталом, а капиталом в денежной форме. Это обстоятельство имеет огромное значение. Само существование банков обусловлено наличием денежных форм капитала. Если бы движение капитала всегда представляло движение вещного капитала, если бы капитал никогда не принимал формы денег, само существование ссудного капитала было бы невозможно, как невозможно было бы и существование банков, осуществляющих и организующих движение ссудного капитала. Пребывание капитала в денежной форме в условиях товарно-денежного хозяйства вовсе не является случайным, а фактом, имеющим принципиальное значение; это пребывание не является просто техническим моментом, а придает всему кругообороту капитала определенное экономическое содержание. Сказать, что банки осуществляют только передвижение собственности, что денежный капитал является случайным техническим моментом в кругообороте капитала, то же, что утверждать,

что деньги являются только техническим моментом в сделке купли-продажи. И то и другое утверждение ложно, оно слишком упрощает сложную экономическую действительность и поэтому-то не дает орудия для ее познания. Указанные воззрения на кредит не дают возможности объяснить все растущую роль банков в народном хозяйстве, все более и более увеличивающееся их значение, т. е. не дают возможности осознать всех тех тенденций, которыми характеризуется капитализм в его новейшей стадии.

В той же мере нельзя признать правильной и противоположную точку зрения, которая преувеличивает как роль банков, так и возможности их деятельности. Рассматривая всю сложную экономическую действительность, сложный процесс кругооборота и накопления капитала сквозь призму банковского капитала, банковской практики, некоторые экономисты преувеличивают роль банков, приписывая банкам такое значение, какого они иметь не могут. Банки в этом представлении оказываются определяющим для народного хозяйства фактором. Пределы кредитной экспансии безграничны, эти пределы ограничиваются только доверием. До тех пор, пока сохраняется доверие к банкам, эти последние могут беспредельно расширять кредит. Границы кредитной экспансии наталкиваются иногда на формальные ограничения банковских законов, но в этом обнаруживается только отсталость банковского законодательства.

Ни та, ни другая точка зрения не дает удовлетворительного объяснения сложным явлениям банковского кредита. Движение ссудного капитала, который является объектом деятельности банка, тесно связано с движением капитала реального, но в то же время самостоятельно и имеет свои закономерности.

В общей форме нашу мысль можно выразить так. Границы банковского кредита определяются специфическими закономерностями банковской деятельности, которые в свою очередь обусловливаются закономерностями движения реального капитала. Здесь важна двоякая характеристика проблемы, во-первых, внешняя самостоятельность движения ссудного капитала и, во-вторых, тесная его внутренняя связь с движением капитала реального.

То, что движение ссудного капитала самостоятельно, создает возможность выхода банковского кредита за пределы, намечаемые закономерностями движения реального капитала, возможность перепроизводства, так сказать, ссудного капитала, возможность нарушения равновесия между ссудным капиталом и капиталом реальным, возможность денежных и кредитных кризисов.

Связь ссудного капитала с реальным сказывается уже в кредитном кризисе, который есть не что иное, как насильственное разрешение создавшегося противоречия, устранение разрыва и установление единства в движении ссудного и реального капитала.

Разрыв единства ссудного и реального капитала не только возможен, но и неизбежен, он вытекает из внешней самостоятельности движения ссудного капитала, организуемого и осуществляемого банками, но это единство восстанавливается в силу закономерностей движения капитала реального.

Больше того, этот разрыв дает характеристику развертывания противоречия между составляющим единство ссудным и реальным капиталом. Закономерности движения ссудного капитала включены в закономерности движения капитала, но этот последний представляет собою единство в противоположности, развертывание противоположностей превращает их в противоречивые моменты, и это противоречие выражается в том, что каждый из этих моментов получает внешне самостоятельное движение. Но так как эта самостоятельность движения противоречивых моментов представляет разрыв единства, последнее должно восстанавливаться. Насильственное восстановление единства противоположных, ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов образует содержание кризиса. Таким образом, когда идет речь о самостоятельности движения ссудного капитала, то имеется в виду внешняя самостоятельность одного из противоположных моментов единства, но здесь мы имеем дело с самостоятельностью одного из противоположных моментов единства, поэтому эта самостоятельность включена, обусловлена закономерностями движения единства.

Мы не можем здесь останавливаться подробно на этом процессе, он будет нами разобран тогда, когда мы перейдем к проблеме кредита и конъюнктуры. Общую же нашу точку зрения на отношение закономерностей движения ссудного и реального капитала, которые (закономерности) могут быть поняты только в связи с анализом процесса воспроизводства капитала, стало быть, в связи с анализом циклического развертывания капиталистического способа производства, мы выразили в другом месте.

Останавливаться подробно на этой проблеме, повторяем, здесь невозможно. Формулированная вкратце точка зрения служит исходным моментом для разрешения частного и конкретного вопроса — проблемы кредитной экспансии банков, к которой мы и переходим.

Банковский кредит осуществляется, как мы видели, различными функциями банков. Эти функции тесно между собою связаны, взаимно обусловлены. Все же теоретически допустимо вопрос о границах банковского кредита рассматривать под углом зрения каждой функции, взятой в отдельности.

Количественная характеристика банковской экспансии находит свое выражение в банковских ресурсах, под которыми разумеются все те средства, которыми банки располагают. Конкретно общая масса пассивов или же, что одно и то же, общая масса активов и есть количественный показатель (характери-

стика) банковского кредита. Количественное изменение ресурсов банка, рассматриваемое в общей связи взаимозависимости пассивов и активов, дает характеристику движения банковской деятельности.

Движение общих ресурсов банков определяется единой закономерностью, но для разрешения поставленной нами проблемы теоретически допустимо рассмотрение различных частей этих ресурсов в отдельности.

Или иначе. Банковские ресурсы, хотя и состоят из качественно различных по своему происхождению и природе частей, все же вовне они выступают как единый ссудный капитал, поэтому связь банковского кредита с реальными процессами производства и воспроизводства капитала подчиняется е д и н о й закономерности. Но для того чтобы определить границы, определяющие возможность развития банковской деятельности, т. е. определить границы возможной экспансии кредита, необходимо — и это теоретически допустимо — рассмотреть каждую из функций в отдельности.

2

Начнем с первой функции, выполняя которую банки являются только посредниками между денежными и функционирующими капиталистами. Какими пределами ограничивается использование этой функции и какие обстоятельства эти пределы устанавливают?

Поскольку в этой функции банки выступают только посредниками в кредите, совершенно очевидно, что пределы кредитной экспансии, ею (этой функцией) осуществляемой, обусловливаются массой ссудного капитала, возникающей и изменяющейся вне банковой системы, массой денежного капитала, выступающей не в качестве функциональной формы промышленного или торгового капитала, а в качестве денежного капитала, приносящего проценты.

Исторически этот капитал возникает из ростовщического капитала, в условиях же капиталистического производства он пополняется за счет различного рода капиталистических накоплений. Процесс его роста есть процесс все большего и большего отделения капитала-собственности от капитала-функции. Это денежное накопление, как и всякое накопление, является результатом расширенного воспроизводства капитала, производства прибавочной стоимости. Но для того чтобы часть прибавочной стоимости отложилась как денежный капитал, приносящий проценты, — и исключительно как денежный капитал, приносящий проценты, — необходимо специфическое распределение прибавочной стоимости, необходимо, чтобы право притязаний на прибавочную стоимость не связано было с непосредственным участием в процессе производства.

Процесс производства и воспроизводства капитала определяет размер капиталистических накоплений, процесс распределения вновь производимой стоимости, распределение в общественном масштабе прибавочной стоимости определяет размер денежного накопления, накопления капитала, приносящего проценты. Следовательно, размер деятельности банков, поскольку она осуществляется рассматриваемой здесь функцией, определяется обстоятельствами, образующимися и развивающимися вне непосредственной банковской сферы.

Впрочем, значение банков может проявляться только в том, что сама деятельность банков как предприятий, организующих ссудный капитал и осуществляющих его движение, стимулирует это накопление, создает условия развития ссудного капитала, расширяет основу его функционирования. Там, где нет банков, или же там, где банковская система недостаточно развита, развитие категории ссудного капитала, как особого вида капитала, не может быть большим. В этом проявляется уже активная деятельность банков. Банки могут стимулировать образование и накопление денежно-ссудного капитала и достигают этого всей своей активной деятельностью. В этом-то заключается один из моментов народнохозяйственного значения банков.

Но это обстоятельство не только не отрицает, но скорее подтверждает, что пределы деятельности банков, поскольку эта деятельность осуществляется упражнением посреднической функции, обозначаются общим процессом расширенного воспроизводства капитала.

Здесь же будет уместно указать на следующее, характерное для накопления денежно-ссудного капитала, обстоятельство. Это, впрочем, относится к ссудному капиталу, вытекающему и из других источников, но это особенно характерно для того типа денежного капитала, о котором идет здесь речь.

Ссудный капитал в большей своей массе капитал фиктивный. Это значит, что большая часть ссудного капитала является не столько превращенной формой капитала реального, сколько отображает плод реального капитала, т. е. прибавочную стоимость, отображает, следовательно, не капитал, а его движение.

Масса этого ссудного капитала в стоимостном своем выражении чрезвычайно эластична, и ее изменение (увеличение или уменьшение) происходит не только, вернее, не столько как следствие накопления, сколько как результат изменения эффективности капитала, рентабельности реального капитала, массы присваиваемой функционирующим капиталом прибыли. Это вытекает из характера данного капитала как капитала фиктивного.

Особенно интересно для того денежно-ссудного капитала, о котором идет здесь речь, то, что формой его приложения являются преимущественно ценные бумаги. Стоимость же ценных бумаг, определяющая ссудный капитал, нашедший в ценных

бумагах форму своего приложения, определяется дивидендом. Увеличение дивиденда ведет к увеличению ссудного капитала, уменьшение дивиденда — к соответственному уменьшению ссудного капитала. Здесь процесс накопления ссудного капитала вовсе не отображает накопления реального капитала, а рефлектирует производство прибавочной стоимости.

Это обстоятельство, само собой разумеется, не колеблет утверждения, что масса этого ссудного капитала определяется процессом воспроизводства капитала, оно только указывает на своеобразие накопления этого ссудного капитала.

Таким образом, как ни рассматривать ссудный капитал, движение которого осуществляется через посредство банков, приходится прийти к заключению, что кредитная экспансия банков в их чистой посреднической функции обусловливается общими процессами воспроизводства капитала.

К тому же заключению надо прийти и относительно возможной экспансии кредита при рассмотрении второй функции банков, упражняя которую банки превращают денежную форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал. Определяемая этой функцией деятельность банков ограничена, очевидно, размерами высвобождаемого из кругооборота промышленного и торгового капитала денежного капитала. Определяющим, стало быть, является процесс движения промышленного капитала; деятельность банков только отображает этого процесс.

Само собой разумеется, что использование этой функции банками не может в свою очередь не оказывать влияния и воздействия на народное хозяйство. Именно этой функцией банки интенсифицируют процесс обращения реального капитала, усиливают его темп, способствуют наиболее рациональному эффективному использованию всего общественного капитала в целом. С этой точки зрения деятельность банков представляется весьма активной. Но эта активность имеет определенные границы, последние же определяются процессом кругооборота всего совокупного капитала. В какой мере и насколько банкам удается вовлечь в сферу движения ссудного капитала высвобождающиеся денежные капиталы функционирующих капиталистов, в такой банки могут развивать свои активные операции. Зависимость активов от пассивов здесь совершенно бесспорна и ясна.

Связь и зависимость массы ссудного капитала от кругооборота капитала совершенно очевидна.

Эту связь и зависимость все же не следует понимать в том смысле, что масса ссудного капитала, таким образом возникающая, изменяется параллельно капиталу реальному, т. е. с увеличением реального капитала увеличивается и масса ссудного капитала, с уменьшением реального капитала уменьшается и капитал ссудный. Зависимость эта гораздо сложнее. Кругооборот капитала представляется как метаморфоз товара и де-

нег, и масса ссудного капитала, образуемая из высвобождающегося денежного капитала, из кругооборота промышленного и торгового капитала, определяется темпом и интенсивностью этого метаморфоза. Эти же темп и интенсивность обусловливаются самыми различными факторами, и они различны в различных стадиях народнохозяйственного цикла. В период подъема они достигают максимальной величины, в период кризиса — минимальной; период депрессии характеризуется процессом их нарастания. Кредит только отражает, но не определяет народнохозяйственную конъюнктуру, а кредитная деятельность, сущность которой сводится к использованию процесса высвобождения денежной формы капитала, упирается в границы, определяемые вне непосредственно банковской деятельности.

Вместе с тем необходимо заметить, что вообще-то эти границы не так велики. Представление о высвобождающихся из кругооборота денежных капиталах как о главнейшем источнике ссудных капиталов не соответствует, как мы показали в предыдущей главе, действительности.

В конкретной действительности в отдельных промышленных и торговых предприятиях фактически происходит высвобождение чужих ранее привлеченных ссудных капиталов. Функционирующий капитал не столько ссужает, сколько занимает.

Но вместе с тем совершенно очевидно, что если бы не было высвобождения денежного капитала, банковский кредит был бы сужен. Процесс высвобождения денежной формы капитала имеет значение не в том отношении, что он создает дополнительные источники ссудных капиталов, а в том, что он создает возможность с помощью одной и той же массы уже имеющегося ссудного капитала, возникающего из других источников, обслуживать процесс кругооборота ряда индивидуальных функционирующих капиталов. Стало быть, кредит раздвигает рамки воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, поскольку эти рамки намечаются наличным запасом денежного капитала. Раздвижение же этих рамок достигается не путем накопления ссудного капитала, а путем более рационального его использования.

Поскольку денежная форма промышленного капитала может служить источником ссудного капитала, постольку кредитная деятельность банков расширяется, но это расширение, или, иначе, банковская деятельность, осуществляемая с помощью соответствующей функции, целиком и полностью определяется процессом воспроизводства капитала.

Это положение совершенно одинаково относится также и ко всем формам так называемого *накопления* денежной формы промышленного или торгового капитала.

Вопрос о границах превращения *доходов* в ссудный капитал также не представляет больших трудностей. Связь функции банков по превращению доходов в ссудный капитал с реаль-

ными процессами производства и воспроизводства капитала также совершенно очевидна. Доходы рабочего суть не что иное, как переменный капитал, доходы капиталиста — часть прибавочной стоимости. Как масса этих доходов, так и их движение (изменение) непосредственно определяются процессом производства. Банки, превращая эти доходы в ссудный капитал, увеличивают массу ссудного капитала, но не могут увеличивать массу этих доходов. Развитие банковской деятельности может способствовать большему вовлечению доходов в русло движения ссудного капитала, но сами эти доходы являются результатом производства реального капитала; в производственном процессе определяется как масса этих доходов, так и их изменение. Рассматриваемая здесь функция банков имеет огромное значение, она обнаруживает весьма активную роль банков в развитии народного хозяйства. Но поскольку идет речь о границах банковского кредита, достигаемых этой функцией, приходится признать, что эти границы определяются вне банков в производственном процессе. Рассматриваемая здесь банковская деятельность то расширяется, то сужается, но это расширение и сужение отражают лишь процесс кругооборота реального капитала. В различных стадиях народнохозяйственной конъюнктуры эта функция, как и предыдущая, проявляется в различной мере; она имеет наибольшее значение во время хозяйственного подъема, падает до минимума в период кризиса.

3

Гораздо сложнее дело обстоит с четвертой функцией банков — созданием банками покупательных и платежных средств и превращением их в ссудный капитал. На первый взгляд может казаться, и новейшие буржуазные теории кредита как раз стоят на такой точке зрения, что в этой области возможности расширения деятельности банков чуть ли не безграничны. В действительности же пределы кредитной экспансии и в этой функции определяются общими народнохозяйственными закономерностями.

Общее разрешение проблемы границ кредита, осуществляемого функцией банков по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал, может быть формулировано следующим образом.

Создание банками покупательных и платежных средств определяется закономерностями денежного обращения, или, иначе, закономерностями товарооборота. Превращение покупательных и платежных средств в ссудный капитал, движение которого имеет своим основанием движение капитала реального, определяется закономерностями движения этого последнего, процессом метаморфоз различных функциональных форм капитала, процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Более детальное рассмотрение вопроса может быть дано применительно к отдельным формам создания банками покупательных и платежных средств. Таких форм довольно много, но главнейшие из них, как мы говорили: выпуск банкнот и «делание» депозитов.

Начнем с банкнот.

В том, что банкноты являются платежными средствами и что выпуск банкнот есть создание платежных средств, сомневаться, конечно, не приходится. Можно говорить о своеобразии этого рода платежных средств, об отличительных их чертах в сравнении с другими платежными средствами, но вряд ли кто может отрицать, что банкноты являются платежными средствами. В то же время, и это характерно для банкнот, попадая в обращение, эти платежные средства выполняют функции орудий обращения.

Определяется ли выпуск банкнот произволом банков или же их выпуск, как и функционирование их в обороте в качестве орудий обращения, обусловливается обстоятельствами, вне банков образующимися?

Выпуск банкнот вообще и всегда регламентируется рядом формальных ограничений. Во всех странах законодательство регламентирует выпуск банкнот, устанавливая главным образом зависимость эмиссионной деятельности банков от имеющегося в распоряжении банков золота.

Но нас здесь интересуют не ограничения формального характера, нормы законодательства. Если бы даже законодательство не ставило никаких ограничений формального характера, все же эмиссионная деятельность банков подчинена была бы закономерностям денежного обращения или, что то же, закономерностям товарного оборота.

Дело заключается в следующем. Банкноты, хотя и имеют кредитный характер, хотя и являются долговыми обязательствами, в действительности превращаются в окончательное средство платежа. Неслучайно в большинстве стран банкноты снабжены силой законного платежного средства. Неслучайно, что Маркс всегда, где он говорит о наличных деньгах, разумеет под последними не только металлические деньги, но и банкноты.

К этому необходимо прибавить, что чистый классический тип банкноты, циркуляция которой опирается исключительно на вексельное обращение, отошел в сущности в область истории. Современная банкнота характеризуется многими чертами, сближающими ее с бумажными деньгами. Кредитный характер банкноты сохраняется только тем, что банкноты выпускаются в порядке ссуд, выпуском банкнот осуществляется движение ссудного капитала.

Но при всем принципиальном отличии банкнот от бумажных денег выпуск их (банкнот) определяется теми же факторами,

какими определяется вообще количество орудий обращения, могущих в обороте циркулировать. Количество их определяется их ценностью, которая есть не что иное, как ценность представляемого ими золота, при данной же их ценности количество орудий обращения определяется общими условиями товарооборота. Банкноты, как мы указывали, выполняют в обороте функции наличных денег; исходя из неизменности ценности банкнотной единицы, необходимо признать, что их количество определяется потребностями той сферы товарооборота, где меновые сделки совершаются за наличный расчет.

Приспособление массы банкнот к потребностям товарооборота может быть достигнуто разнообразными способами. Классическая банкнота, какой являлась банкнота прошлого столетия, автоматически регулировалась. Автоматическое приспособление массы банкнот к потребностям товарооборота достигалось, во-первых, характером тех операций, по которым банкноты выпускались, и, во-вторых, постоянным разменом их на золото. Банкноты выпускались только под учет краткосрочных товарных векселей; поскольку такие векселя служат показателем обнаруженной уже потребности оборота в денежных знаках, показателем циркуляции товаров, требующих новых орудий обращения, выпуск банкнот взамен векселей всегда соответствует потребностям товарооборота. (Само собой разумеется, отсюда нельзя делать вывода, что вся масса возникающих товарных векселей может быть заменена банкнотами. См. об этом мою работу «Бумажные деньги».) Постоянный размен на золото служит дополнительной гарантией того, что в каналах денежного обращения застревает как раз такая масса банкнот, какая обороту необходима. Если банкнот будет выпущено больше, чем это необходимо обороту, излишнее их количество будет предъявлено к обмену, и таким образом общая масса остающихся в обороте кредитных орудий обращения — банкнот — находится всегда в соответствии с той потребностью, какая в них ощущается. Размен на золото как способ автоматического регулирования банкнотной эмиссии достигает своей цели при циркуляции, хотя бы и в небольшом размере, золота наряду с банкнотами. Точно так же этот способ действителен только при свободной, ничем не стесняемой флюктуации золота.

В последнее время, как известно, методы, которыми регулируется банковская эмиссия, подверглись значительному изменению. К операциям, посредством которых выпускаются банкноты, предъявляются значительно менее строгие требования, а документы, которые могут быть положены в основу этого выпуска, не исчерпываются товарными краткосрочными векселями (например, в Соединенных Штатах Северной Америки возможен выпуск банкнот под обеспечение облигаций государственных займов); свободного размена банкнот на золото и свободной флюктуации золота также нет.

Излишне выпущенное количество банкнот отражается на товарных ценах (номинальных), наблюдение за товарными ценами, наблюдение за общей хозяйственной конъюнктурой постепенно становится методом непосредственного регулирования эмиссионной деятельности.

Насколько эти методы могут заменять автоматизм регулирования — вопрос, который будет рассмотрен при конкретном анализе деятельности эмиссионных банков. Теперь же ограничимся только указанием, что, по нашему мнению, в условиях стихийного капиталистического хозяйства достижение соответствия между массой выпускаемых банкнот и потребностями товарооборота путем сознательного регулирования невозможно.

Во всяком случае совершенно очевидно, что выпуск банкнот в конечном счете определяется условиями товарооборота, обусловливаемыми реальными процессами воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Правда, выпуск банкнот и превращение их в ссудный капитал не остаются без влияния на движение реального капитала. Возникновение дополнительной массы ссудных капиталов ведет не только к перераспределению наличного реального капитала; оно, как было указано, интенсифицирует процесс воспроизводства капитала, втягивает в процесс оборота новые стоимости, до сих пор не функционировавшие как капитал. Но такое увеличение реального капитала возможно лишь в той мере, в какой возможно в данных конкретных условиях расширение производства, в какой объективные обстоятельства допускают расширение реального капитала. С этой точки зрения создание ссудного капитала базируется не только на наличных производственных процессах, но и на антиципации возможного и допустимого в данных конкретных условиях расширения отношений реального капитала.

В этом смысле можно сказать, что кредит раздвигает рамки капиталистического производства, обусловленного уже обнаружившимися отношениями капитала, так как он может антиципировать только еще складывающиеся или могущие быть организованными отношения капитала. Антиципацию здесь надо понимать не в том смысле, что в данном случае создаются новые отношения aus dem Nichts (из ничего), а в том, что используются наличные, уже сложившиеся предпосылки отношений капитала, но только не реализованные еще вовне. Эти предпосылки создают только *возможность* образования определенных отношений (отношений капитала); кредит эту возможность превращает *в действительность*.

Таким образом, как бы ни рассматривать «создание» банками ссудного капитала как отображение уже существующих отношений или же как антиципацию только складывающихся отношений, необходимо прийти к выводу, что предел выпуска банкнот определяется закономерностями воспроизводства реального капитала.

То же необходимо сказать и об экспансии кредита, осуществляемой функцией банков по «деланию» депозитов и превращению их в ссудный капитал. Здесь, само собой разумеется, речь идет о тех депозитах, которые возникают в результате банковских ссуд.

Банки выдают ссуды, и эти ссуды отлагаются в банках в виде депозитов.

Как мы уже указывали, и депозиты представляют собой своеобразные покупательные и платежные средства. Возможность «делания» депозитов обусловливается тем, что значительная часть депозитов не погашается наличными. Депозиты и вырастающее на их основе чековое обращение обслуживают ту область товарооборота, где сделки погашаются не наличными, а в порядке зачета встречных притязаний. Делать депозиты можно потому, что, как общее правило, по депозитам не приходится платить наличными, делать депозиты можно лишь в той мере, в какой совершаются безналичные расчеты.

Депозиты представляют собою не что иное, как право на получение денег. Это «право» может выполнить функции денег лишь в той мере, в какой оно осуществляется не получением наличными, а посредством компенсации встречным правом. «Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем выравнивания долговых требований» [1].

Развитие банковской техники, развитие расчетных операций увеличивает объем безналичных расчетов, но возможность этих безналичных расчетов определяется массой совершающихся товарных сделок и возникающих из самого товарооборота встречных кредитных требований. Если цепь покупок и продаж, если метаморфоз товаров и денег наталкивается на какие-либо препятствия, если участники хозяйственного оборота начинают больше продавать, нежели покупать, как это бывает во время кризисов, возможность безналичных расчетов уменьшается и вместе с тем уменьшается возможность «делания» депозитов.

Таким образом, выпуск банкнот определяется закономерностями наличного оборота, «делание» депозитов упирается в факт безналичных расчетов. Движение капитала, осуществляемое без наличных денег, создает основу для «делания» депозитов.

Та сфера товарооборота, которая осуществляется без наличных денег, не только составляет базу депозитов, но и определяет границы их создания. Стало быть, и эта творческая деятельность банков находит свои границы в объективно складывающихся потребностях товарооборота, точнее, находит свои границы в массе взаимно погашающихся платежей. Последняя же определяется общими процессами воспроизводства реального капитала.

Таким образом, как выпуск банкнот, так и «делание» депозитов в конечном счете обусловливаются закономерностями денеж-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 525. прим.

ного обращения. Можно провести аналогию между деятельностью государства в выпуске бумажных денег и деятельностью банков в создании покупательных и платежных средств.

Некоторым экономистам денежно-творческая деятельность государства кажется безграничной, в действительности же она определенно ограничивается факторами народнохозяйственного значения; точно так же и произвол банков в торговле кредитом на деле оказывается далеко не свободным, а совершенно точно обусловленным объективными, вне банка лежащими факторами в сфере движения реальных стоимостей.

Конечно, между выпуском бумажных денег государством и созданием покупательных и платежных средств банками — огромная разница. Бумажные деньги выпускаются государством в порядке уплаты за покупаемые им товары и услуги, банк же оказывает с с у д у, торгует кредитом. Создание банками покупательных и платежных средств тесно связано с превращением их в ссудный капитал. Для этих платежных средств как раз характерно, что они являются не только платежными средствами, но и ссудным капиталом. Стало быть, их движение не есть просто движение денег, а движение денежного капитала.

Движение денежного капитала опирается и тесно связано с движением капитала реального. Наличность отношений реального капитала делает возможным движение капитала ссудного. Без первого абсолютно невозможно второе. Создание банками покупательных и платежных средств определяется как закономерностями денежного обращения, так и закономерностями кругооборота капитала. Это особенно относится к депозитам, ибо они обслуживают не просто товарное обращение, не просто метаморфоз товара и денег, а кругооборот капитала, метаморфоз различных функциональных форм капитала.

В заключение необходимо подчеркнуть еще одно чрезвычайно существенное обстоятельство. Оно имеет значение для характеристики границ кредитной экспансии, осуществляемой любой из функций банков.

Как общее правило, ссуды даются и ссуды берутся для производительного использования ссуженного как капитала; для того же, чтобы последнее было осуществлено, требуется наличность реальных отношений, приводимых в движение взятым в ссуду денежным капиталом или же могущих быть приведенными в движение как капитал (антиципация) [2]. Если этих отношений нет,

---

[2] Под антиципацией здесь, само собой разумеется и как следует из предыдущего изложения, понимается не формальная возможность расширенного воспроизводственного процесса, простое наличие элементов производства (рабочая сила, средства производства и пр.), а фактическая возможность расширения воспроизводства, границей которого является, по выражению Маркса, сам капитал.

ссуды не осуществляются, и, следовательно, не может проявиться творческая деятельность банков по выпуску банковых билетов или по деланию депозитов.

Резюмируем.

Экспансия кредита, осуществляемая через посредство «творческой» деятельности банков по выпуску банкнот и по созданию депозитов, находит свои пределы, во-первых, в закономерностях денежного обращения и, во-вторых, в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов. Созданный таким способом ссудный капитал вносит лишь изменения в расположение этих существующих или антиципируемых реальных капиталов. Производственные отношения в узком смысле этого слова определяют возможность развития того типа производственных связей, который находит свое внешнее выражение в движении ссудных капиталов.

4

Из сказанного все же не следует, что выпуск банкнот, как и делание депозитов, не может происходить в большем размере, чем это требуется оборотом. Подобно инфляции бумажных денег возможна банкнотная и депозитная инфляция. Последняя выражается в чрезмерном в сравнении с реальными потребностями кругооборота капитала росте ссуд и депозитов. Инфляция банкнот вполне возможна, поскольку не действует метод автоматического приспособления массы эмитируемых банкнот к потребностям товарооборота (определенный способ выпуска банкнот и их размен на золото). Инфляция депозитов будет в том случае, если размер депозитов окажется большим, чем необходимо для системы безналичных расчетов, и если окажется необходимым депозиты погашать наличными деньгами. То и другое будет результатом избыточного кредита, перекредитования.

И в том, и в другом случае мы будем иметь дело с инфляцией покупательных и платежных средств, их циркуляцией в большем количестве, чем это требуется товарооборотом. Результаты такой инфляции будут примерно такими же, как при бумажно-денежной инфляции.

Выпуск банкнот и делание депозитов связаны с превращением их в ссудный капитал. Возможна инфляция ссудного капитала, именно ссудного капитала, а не платежных средств.

Под инфляцией платежных средств следует понимать чрезмерное их количество в сравнении с потребностями товарооборота. Под инфляцией ссудного капитала надо разуметь факт излишней массы денежного капитала в сравнении с капиталом реальным. Эта последняя инфляция может проявляться двояко.

Возможна инфляция ссудного капитала как денежного капитала. Кругооборот совокупного капитала требует определенной массы капитала в денежной форме. Если же этого капитала ока-

зывается больше, это означает, что часть его не может играть роль функциональной формы промышленного капитала, вследствие ли того, что отсутствуют материальные элементы действительного капитала (сырье, вспомогательные материала и т. д.), т. е. вследствие натурально-технических пределов расширенного воспроизводства, вследствие ли главным образом того, что противоречия производственной системы достигли тех размеров, когда весь ход обращения капиталов нарушается (кризис).

Но ссудный капитал есть не просто денежный капитал, а капитал, приносящий проценты. Процент же есть не что иное, как часть прибавочной стоимости, уступаемая промышленными капиталистами собственникам денежного капитала. Увеличение массы ссудного капитала означает увеличение массы притязаний на прибавочную стоимость; при неизменности общей массы производимой прибавочной стоимости это означает или увеличение доли ее, уступаемой денежно-ссудному капиталу, или же уменьшение дохода на каждую отдельную массу ссудного капитала, т. е. процента. В первом случае доход промышленного капитала обнаруживает тенденцию к понижению, но есть предел этому понижению, дальше которого промышленному капиталу становится невыгодным пользоваться ссудным капиталом; во втором случае обнаруживается тенденция к понижению процента, и есть предел, дальше которого становятся невыгодными операции с ссудным капиталом.

В инфляции ссудного капитала находит свое выражение факт несоответствия между массой ссудного капитала и капитала реального, несоответствия между массой притязаний на прибавочную стоимость и массой этой самой прибавочной стоимости.

Это противоречие разрешается или аннулированием части депозитов, частичными крахами банков, или же равномерным обесценением всех депозитов и, следовательно, всего ссудного капитала, — биржевые и денежные кризисы. Эти кризисы являются показателями крайнего обострения противоречий ссудного капитала, как и противоречий между реальным и ссудным капиталом, являющихся результатом обострений противоречий внутри производственной системы; практически чаще всего и того и другого (поэтому-то биржевые кризисы часто предшествуют и служат показателями грядущего экономического кризиса). Таким образом, экспансия кредита, осуществляемая функцией банков по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал сверх допускаемого условиями товарооборота, возможна и даже неизбежна, но результаты этой экспансии как раз доказывают, что границы и этого кредита (нарушение которых ведет к кризисам) определяются реальными процессами воспроизводства капитала.

Глава десятая

ОПЕРАЦИИ БАНКОВ

1

Свои функции по осуществлению и организации движения ссудного капитала банки выполняют разнообразными способами, различными действиями, производством различных операций.

В настоящей работе, посвященной общей теории кредита и банков, нет необходимости останавливаться на всех банковских операциях и на технических методах их проведения. Техника банковского дела нас здесь не интересует. Для целей теоретического анализа важна лишь общая характеристика главнейших банковских операций, выяснение их экономической природы, изучение их связи с общими народнохозяйственными процессами; следовательно, операции банков нас здесь интересуют как метод отображения или воздействия на народнохозяйственные процессы, процессы воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Каждая банковская операция, взятая как в отдельности, так и особенно в связи с другими операциями, представляет собой акт, осуществляющий движение ссудного капитала; последнее же, т. е. движение ссудного капитала, с одной стороны, отображает процесс воспроизводства капитала, с другой — оказывает на него воздействие; с одной стороны, отображает наличное распределение капиталов, с другой — определяет их перераспределение.

Ссудный капитал в преобладающей своей массе, имеющей решающее значение для движения всего ссудного капитала в целом, направляется и участвует в процессе кругооборота реального капитала как функциональная (денежная) форма этого последнего. Отсюда следует, что всякая банковская операция, поскольку она является конкретным актом, осуществляющим движение ссудного капитала, находит свою характеристику в отдельных актах процесса воспроизводства капитала.

Операции банков могут рассматриваться с различных точек зрения. Нас здесь интересуют банковские операции с точки зрения деятельности банков. В каждой банковской операции проявляется деятельность банков, и банковские операции произ-

водятся таким образом, чтобы гарантировать беспрерывность деятельности банков. Банковская деятельность, проявляющаяся в их операциях, постоянно воспроизводит банк как капиталистически действующее предприятие. И не только воспроизводит, но воспроизводит в расширенном масштабе.

Банковские операции осуществляют движение ссудного капитала; организация этого движения такова, что гарантируется непрерывность этого движения. С точки зрения банка, его деятельности, с точки зрения гарантии непрерывности движения его капитала, наибольшее значение имеет форма отчуждения ссудного капитала. Единственной формой отчуждения ссудного капитала, как известно, является сделка ссуды.

Каждая банковская операция есть не что иное, как сделка ссуды. Основной же характеристикой этой сделки является отсрочка возврата эквивалента — «время». Поэтому различие между отдельными операциями банков можно найти в различии этого времени. Отсюда вытекает деление банковских операций на долгосрочные и краткосрочные; отдельные операции банков отличаются друг от друга временем возврата эквивалента, сроком ссуды.

Формальная на первый взгляд характеристика банковских операций по сроку ссуды является в то же время и характеристикой по существу.

Сроки ссуды не определяются произвольно контрагентами кредитных сделок, не являются результатом свободного их случайного соглашения, сроки ссуды определяются объективными факторами: природой источников ссудных капиталов или направлением ссудных капиталов. Таким образом, с точки зрения банковской деятельности в сроках находят свою характеристику народнохозяйственные процессы, обслуживаемые банками.

Характер и направление банковских операций определяются, с одной стороны, своеобразием источников ссудных капиталов, а с другой — своеобразием кругооборота капитала, в который превращается ссудный капитал. Средства банков, составляющиеся из высвобождающегося из кругооборота капитала денежного капитала, отличаются от тех средств, которые составляются из привлеченных банками доходов; кредитование промышленности отличается от кредитования торговли, последнее — от кредитования сельского хозяйства; кредитование основного капитала очень сильно отличается от кредитования капитала оборотного и т. д. Все эти отличия отображают своеобразие оборота денег или же денежного капитала, поскольку мы говорим об источниках ссудных капиталов, и своеобразие кругооборота капитала, поскольку речь идет об использовании банками ссудного капитала.

Как своеобразие оборота доходов, так и своеобразие кругооборота капитала в различных отраслях народного хозяйства находят в конечном счете свое концентрированное отображение в быстроте оборота. Промышленный капиталист, предоставляя

в распоряжение банка «праздные» денежные капиталы, оказывает банку ссуду; срок, на который эта ссуда может быть оказана, определяется не произвольным соглашением сторон (промышленного капиталиста и банка), а тем временем, в течение которого ссуженная сумма остается «праздной», т. е. высвобожденной из кругооборота промышленного капитала. В этом смысле отдельные части высвобождающегося денежного капитала отличаются друг от друга; качественное различие отдельных частей высвобождающегося денежного капитала сводится с точки зрения банковской деятельности к различию срока (количественная характеристика), в течение которого данный денежный капитал циркулирует как ссудный капитал. Таким образом, формальный на первый взгляд признак — срок, время — отображает характеристику источников ссудного капитала по существу.

То же можно сказать и о доходах, превращаемых банками в ссудный капитал. В банки попадают различные виды доходов, качественно отличающиеся друг от друга. Но с точки зрения банковской деятельности все эти качественные отличия находят свою характеристику в сроке, на который владельцы доходов предоставляют их в распоряжение банков.

Если мы обратимся к ссудам, оказываемым банками своей клиентуре, то придется прийти к тому же заключению. Ссуды, оказываемые банками отдельным отраслям народного хозяйства, различаются друг от друга в зависимости от срока воспроизводства капитала, в который превращается ссуженная сумма.

Кругооборот капитала, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги предопределяют возможность возврата занятой суммы, быстрота этого кругооборота предопределяет срок возврата этой суммы.

Время оборота капитала в различных отраслях народного хозяйства неодинаково. Эта неодинаковость обусловливает различие сроков ссуд, оказываемых банками различным отраслям народного хозяйства. Различие сроков этих ссуд стало быть неслучайно, а отображает различие кредитуемого капитала. То же необходимо сказать о кредитовании основного и оборотного капитала. С народнохозяйственной точки зрения далеко не одинаковым является кредитование основного и кредитование оборотного капитала. С точки зрения банковской деятельности это различие сводится только к различию темпа оборота того и другого, различию скорости метаморфоз функциональных форм капитала. Именно эти обстоятельства (темп, скорость) обусловливают как возможность возврата ссуженной банком суммы, так и срок этого возврата.

Таким образом, рассматриваем ли мы операции банков с точки зрения природы источников ссудного капитала, рассматриваем ли мы их с точки зрения использования ссудного капитала, различие их для банка сводится в конечном счете к различию сроков ссуд.

До сих пор мы исходили из того, что банки занимаются кредитованием реальных процессов воспроизводства капитала. От потребительского кредита мы отвлекаемся, так как в условиях капиталистического хозяйства, в особенности в условиях современного капитализма, потребительский кредит играет незначительную роль, а в деятельности банков их значение совершенно ничтожно.

Но кроме кредитования реальных процессов воспроизводства капитала, банки в условиях финансового капитализма усиленно, и чем далее, все более и более усиленно, кредитуют не только движение реального капитала, но и движение ценных бумаг, которое (движение) происходит параллельно и независимо от движения того реального капитала, представителем которого эти ценные бумаги являются. Банковские ссуды используются не для движения промышленного капитала, а для движения титулов на доход.

С точки зрения народнохозяйственного эффекта банковской деятельности различие между кредитованием реального капитала и кредитованием движения ценных бумаг имеет огромное значение. Поэтому при изучении той роли, которую банки играют в современном хозяйстве, того значения, которое они имеют, характеристика банковских операций по указанному признаку будет обязательной. Поэтому в дальнейшем нам еще на этом придется остановиться. Здесь же мы хотим дать лишь общую характеристику банковских операций, их характеристику с точки зрения самой банковской деятельности, с точки зрения гарантирования непрерывности этой деятельности, следовательно, с точки зрения воспроизводства, так сказать, банковского капитала. При такой постановке вопроса различие между кредитованием реальных процессов воспроизводства капитала и кредитованием движения ценных бумаг не имеет столь большого значения. Вернее, и это различие сводится в конечном счете к тому же, о чем мы говорили выше, т. е. к различию времени оборота ссудного капитала, различию срока оказываемых банками ссуд.

Для характеристики постановки рассматриваемого здесь вопроса необходимо в заключение сказать еще следующее.

Во-первых, нас здесь интересует не характеристика отдельных банковских операций, а только общая характеристика пассива и актива, поэтому в поле нашего зрения остаются только главные, основные операции.

Во-вторых, в дальнейшем мы будем иметь в виду только эмиссионные и коммерческие банки. Эти банки находятся в сфере нашего изучения потому, что кредит этих банков составляет преобладающую часть общего банковского кредита, и потому, что эти банки имеют господствующее для всей кредитной системы значение.

В своих операциях банк выступает или как кредитор, или как должник. Соответственно этому банковские операции делятся на две отличные друг от друга группы: пассивные и активные операции.

Под пассивными разумеются те операции, при которых банк выступает как должник. Пассивы характеризуют банк как заемщика.

С народнохозяйственной точки зрения пассивы отображают всю ту массу ссудных капиталов, которые концентрируются в банках: как высвобождающиеся в денежной форме и находящиеся в праздном состоянии капиталы промышленности, торговли и сельского хозяйства, так и доходы различных групп населения, словом, все денежные средства, которые оказываются в данный момент праздными для своих владельцев и будучи сконцентрированы в банках, предоставляются капиталистам, нуждающимся в денежных средствах.

Характер пассивов целиком определяется источниками ссудных капиталов. Так как большая часть ссудных капиталов участвует в процессе кругооборота промышленного (и торгового) капитала, то, очевидно, пассивы непосредственно отображают процесс высвобождения денежного капитала из кругооборота функционирующего капитала.

Это относится даже к той части ссудных капиталов, источником которых являются доходы, так как и они направляются в процесс кругооборота реального капитала.

Следовательно, хотя первоначальным источником ссудного капитала в этом случае являются доходы, в дальнейшем своем движении эти доходы, превращенные в ссудный капитал, представляются как денежные капиталы, высвобождающиеся из кругооборота промышленного капитала.

Источники средств, которые притекают в банк и составляют находящийся в распоряжении банка ссудный капитал, весьма разнообразны. Общая характеристика этих источников была нами уже дана. Рассмотрим теперь эти источники с точки зрения срока, в течение которого банки могут располагать привлеченными средствами. (Такая точка зрения дает характеристику деятельности банков как процесса постоянного воспроизводства самого банка.) Эти сроки предопределяют возможность и способы использования банком этих средств.

Средства банка, выраженные в пассиве, слагаются из трех основных групп. К первой надо отнести так называемые собственные капиталы банков. Ко второй — средства, притекающие из различных сфер народного хозяйства, как денежные капиталы, временно высвобождающиеся непосредственно из кругооборота промышленного капитала, так и денежные доходы различных

групп населения. К третьей группе средств надо отнести средства, создаваемые самими банками путем выпуска покупательных и платежных средств и превращения их в ссудный капитал.

К собственным капиталам относятся как акционерный капитал, так и запасные капиталы всякого рода. Современные банки организованы на акционерных началах, и так называемые собственные капиталы составляются от продажи акций. Запасные капиталы составляются из отчислений от прибылей банков. Собственные капиталы относятся к пассивам, эти капиталы считаются заемными, так как банк как хозяйственная организация противопоставляется собственникам банка — акционерам.

Рассматривая эти пассивы с точки зрения того основного признака, который мы установили выше, надо признать, что они обладают максимальной долгосрочностью. Акционерный капитал составляет долговые обязательства банка, но это такого рода долговые обязательства, выполнение которых не предусмотрено, вернее, это — долг, который, пока существует банк, не оплачивается. Следовательно, с народнохозяйственной точки зрения эти банкоские ресурсы должны быть отнесены к тем средствам, которые закреплены за банком и которыми, стало быть, банки могут располагать с наибольшей свободой. Акционерный и запасный капитал составляет те средства банка, использование которых не связано ни с каким сроком.

Удельный вес собственных капиталов банков в общих их ресурсах очень невелик и вместе с укрупнением и централизацией банков обнаруживает тенденцию к падению. Как правило, можно установить: чем крупнее банк, тем относительное значение собственных капиталов меньше. Для банков как раз характерно, что они работают чужими капиталами.

Наиболее значительную, и вместе с тем имеющую наибольшее значение, часть пассивов составляют так называемые чужие средства, притекающие в банки из разнообразных источников. Эти средства значатся в балансах банков как вклады, депозиты.

По своему происхождению, отражающемуся на степени их закрепленности за банком (а этот критерий мы считаем основным для классификации банковских средств с точки зрения банковской деятельности) депозиты могут быть разделены на четыре группы.

К первой группе депозитов надо отнести вклады денежных капиталистов, т. е. лиц, обладающих капиталом в денежной форме и использующих эти капиталы как капитал, приносящий проценты путем дачи их в ссуду. Ко второй группе — депозиты, образуемые высвобождающимися из кругооборота промышленного капитала денежными капиталами. К третьей — депозиты, возникающие из так называемых сбережений. Сюда же можно отнести средства различных общественных организаций, профессиональных союзов, благотворительных обществ, и т. д. К чет-

вертой — депозиты, образуемые доходами, предназначенными для текущего потребления.

На каждой из этих групп депозитов остановимся в отдельности.

Первая группа депозитов обычно относительно невелика. Средства денежных капиталистов, владельцев ссудных капиталов, находят другое приложение, обычно вкладываются в ценные бумаги, акции и облигации, в том числе в акции банков, и в очень небольшой мере остаются «свободными» средствами, передаваемыми в распоряжение банков.

Операции с ценными бумагами денежные капиталисты проводят через банки. Банки финансируют их за счет средств, получаемых ими из других источников. По поводу денежных капиталистов в этом отношении следует сказать то же, что и о банках: они «работают» главным образом за счет чужих средств, и эти средства привлекают к себе с помощью банков. Абсолютно никакому сравнению не поддается масса собственных средств какого-нибудь Моргана или Рокфеллера с той массой капитала, которой они распоряжаются. Денежные капиталисты ссужают денежные капиталы, но ссужают не столько свои, сколько чужие.

То же в сущности относится и к более мелким денежным капиталистам, хотя средства этих лиц все же в большей мере отлагаются в банках в виде вкладов. К денежным капиталистам можно отнести еще некоторую часть рантье, лиц, живущих исключительно доходом со своего денежного капитала, но и эти средства находят свое приложение более в ценных бумагах, нежели во вкладах.

Все указанные депозиты, кроме последней группы, а именно — средств некоторой части рантье, отличаются большой подвижностью и поэтому оседают в банках относительно непродолжительно. По природе своей эти депозиты краткосрочны.

Переходим ко второй, наиболее значительной группе депозитов, возникающих из процесса высвобождения денежных капиталов из кругооборота промышленного и торгового капитала. С точки зрения срочности, с точки зрения времени, в течение которого банки могут ими свободно располагать, отдельные части их далеко не одинаковы. Это различие в срочности зависит от рода того капитала, который высвобождается из кругооборота и временно застывает в денежной форме.

Можно различать следующие источники этих депозитов: во-первых, высвобождающиеся части основного капитала, во-вторых, высвобождающиеся части оборотного капитала и, в-третьих, находящуюся в денежной форме прибавочную стоимость, предназначенную или для расширения данного предприятия, или для организации новых предприятий. Эта третья группа возникает из процесса капиталистического накопления, предназначенного для расширенного воспроизводства.

Все эти виды капитала отличаются друг от друга скоростью своего обращения, скоростью метаморфоз товара и денег, быстро-

той превращения одной своей формы (товара) в другую (деньги). Этими же моментами непосредственно обсусловливается срочность возникающих из указанных источников депозитов.

Располагая эти депозиты по степени их срочности, по степени продолжительности их оседания в банках, мы получаем следующий ряд.

Наибольшей подвижностью и, стало быть, наименьшей срочностью обладают депозиты, возникающие из высвобождающегося в денежной форме оборотного капитала. Оборотный капитал характеризуется большой скоростью своего кругооборота; превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги в случае с оборотным капиталом совершаются быстро. Если отвлечься от конъюнктурных рыночных условий, превращение денежной формы оборотного капитала в товар не встречает никаких технико-производственных препятствий. Поэтому оборотный капитал застревает в денежной форме на весьма короткое время. Для превращения денег, составляющих оборотный капитал, в товар предварительного их накопления не требуется. Реализованный в деньги оборотный капитал непосредственно после первого своего оборота может быть немедленно использован для покупки элементов оборотного капитала в товарной форме. Эта быстрота оборота меняется в зависимости от конъюнктуры, движения цен и т. д., но, как общее правило, большая быстрота характерна для оборота рассматриваемого здесь капитала.

Отдельные черты оборотного капитала различаются по быстроте своих метаморфоз. Переменная часть оборотного капитала отличается большей подвижностью, нежели постоянная. Капитал, затрачиваемый на один вид сырья или вспомогательных материалов, может отличаться большей подвижностью, нежели капитал, затрачиваемый на другой вид сырья. Капитал, затрачиваемый на покупку сырья, отличается более медленным оборотом, нежели капитал, затрачиваемый на приобретение полуфабрикатов, и т. д. Но несмотря на различие отдельных частей оборотного капитала, все же, как общее правило, можно сказать, что оборотный капитал в целом характеризуется максимальной быстротой своего оборота и поэтому служит источником краткосрочных депозитов. Краткосрочность является характерным свойством пассивов банков, образующихся в результате высвобождения в денежной форме оборотного капитала.

Иное необходимо сказать о депозитах, источниками которых являются высвобождающиеся части основного капитала. Машина стоимостью в 10 тыс. руб. реализуется в деньги лишь постепенно, восстановление машины в ее натуральном виде возможно только после ряда лет. Если машина изнашивается в течение 10 лет, деньги, реализующие машину, могут быть использованы, т. е. вновь потрачены на машину, только после 10 лет. В течение этого вре-

мени деньги лежат в «праздном» состоянии. Необходимо накопление в течение ряда лет так называемых амортизационных отчислений, чтобы можно было превратить денежную форму основного капитала в товарную. Поэтому высвобождающиеся части основного капитала, как общее правило, являются источником долгосрочных пассивов.

В конкретной действительности дело происходит несколько сложнее. Во-первых, фактически восстановление основного капитала происходит постепенно, поэтому невозможно существование основного капитала в денежной форме в таком объеме, как это как будто вытекает из предыдущего. Даже в конце девятого года, когда, как в приведенном примере, уже амортизированы $^{9}/_{10}$ машины, все же нет налицо «праздных» 9 тыс. руб. Суммы будут значительно меньшими. Приводимые нами соображения вовсе не дают количественного измерения депозитов, а ограничиваются только качественной их характеристикой. Но как бы конкретная действительность ни осложнила и ни видоизменила изложенную нами схему, все же амортизационные отчисления, как общее правило, всегда в известной части остаются в денежной форме.

Во-вторых, обычно, поскольку современные предприятия почти без исключения пользуются всегда заемным капиталом, амортизационные отчисления, хотя и фигурируют на балансах, фактически используются как оборотный капитал. А отсюда следует, что далеко не все амортизационные отчисления являются источниками банковских депозитов.

Поскольку же они такими источниками являются, постольку и в той мере, в какой они отлагаются в банках в виде депозитов, — эти последние обладают свойством долгосрочности, во всяком случае большей долгосрочностью, нежели рассмотренные нами раньше депозиты, отображающие процесс высвобождения оборотного капитала.

Еще более долгосрочны депозиты, источником которых служит так называемое капиталистическое накопление, особенно та часть этого денежного накопления, которая предназначена для приобретения элементов основного капитала. Это накопление может быть использовано по своему назначению только после того, как оно достигает определенной величины. В течение известного промежутка времени, следовательно, это накопление сохраняется в денежной форме. В конкретной действительности и эти средства в процессе своего накопления, до тех пор, пока не направляются по прямому своему назначению, используются обычно своими владельцами в качестве оборотного капитала. Поэтому неправильным было бы думать, что все так называемое капиталистическое накопление отлагается в виде депозитов в банках. Но та часть, которая отлагается в виде депозитов в банках, закрепляется за банками в течение более или менее продолжительного времени.

Поэтому депозиты, источником которых является капиталистическое накопление, надо отнести к депозитам более долгосрочным, нежели рассмотренные до сих пор депозиты.

Переходим к третьей группе депозитов, образуемых функцией банков по превращению доходов в ссудный капитал. Доходы, которые служат источником банковских депозитов, могут быть разделены на две части. К первой относятся так называемые сбережения, ко второй — предназначенные для непосредственного потребления.

К сбережениям надо отнести накопления мелкого буржуа на случай старости или имеющие целью обеспечить жену, детей и т. д. К такого же рода сбережениям надо отнести сбережения рабочего на «черный день» или на случай безработицы и т. д.

Все эти сбережения есть не что иное, как доходы, потребление которых отсрочивается на относительно долгий срок. Эти сбережения сами источником дохода не являются. Передача этих сбережений в банк не имеет целью получение доходов (процентов), а скорее хранение. Процент, платимый банками, не имеет такого большого значения, во всяком случае не процентом характеризуются эти средства. Не доход с этого «капитала» имеет существенное значение для его владельца, а сбережения сами по себе. Здесь мы имеем дело просто с отсроченным потреблением. Сбережения эти надо отличать от капиталов рантье. В последнем случае мы имеем дело не с отсрочкой потребления имеющихся у рантье средств, а использованием самих этих денежных сумм в качестве ссудного капитала, в качестве капитала, приносящего проценты. Рантье свои средства использует не как доход для целей потребления, а как капитал. В случае же со сбережениями мы имеем дело с деньгами, предназначенными для целей непосредственного потребления, но только отсроченного.

Очень близки к таким сбережениям средства касс взаимопомощи, профессиональных союзов и т. д. К ним же можно отнести и взносы в страховые организации, хотя эти последние отличаются некоторыми специфическими свойствами.

Все указанные доходы-сбережения отлагаются в банках обычно в виде долгосрочных депозитов. Общая масса этих сбережений постоянно меняется в зависимости от народнохозяйственной конъюнктуры, в особенности это относится к сбережениям рабочих, но все же в «нормальных» условиях эти средства, притом в довольно большом размере, отлагаются в банках в качестве долгосрочных пассивов. В некоторых странах, как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, эти депозиты, притекающие непосредственно в банки или же через посредство сберегательных учреждений, достигают огромной величины. По форме эти депозиты могут иметь и краткосрочный характер, вкладчик оставляет за собою право их востребовать в течение короткого срока. Но из общей массы этих по форме краткосрочных депозитов значительная

часть оседает в банках и остается в банках в течение довольно продолжительного времени. Долгосрочность этих депозитов вытекает из самой природы их источников.

Совершенно другой характер имеют депозиты, источником которых являются денежные доходы, предназначенные для целей непосредственного потребления. Образование этого источника определяется не накоплением, не сбережением, а тем, что получение доходов и их использование обычно не совпадает во времени. Рабочий или служащий получает свой доход один раз в две недели. Тратятся же эти доходы в течение двух недель. Как капитал бывает в праздном состоянии, т. е. неиспользованным непосредственно как капитал, так и доходы застывают в денежной форме и остаются праздными от непосредственного использования как доходов в течение известного времени.

Необходимо подчеркнуть следующее. В этом случае мы имеем дело не с излишком дохода, который его владельцем не используется для целей непосредственного потребления. Этот доход как раз предназначен для целей непосредственного потребления. Сбережения, о которых мы говорили ранее, могут возникнуть только в том случае, если доходы какого-нибудь лица или же группы лиц превышают их потребность в деньгах. В рассматриваемом же здесь случае мы вовсе не имеем дело с каким-либо превышением.

Поясним примером. Предположим, кто-либо имеет доходов в год 3000 руб., тратит же он в течение года 2500 руб. В этом случае он может ежегодно сберегать, накоплять 500 руб. Эти сбережения в 500 руб. могут быть вложены в банки. Эти 500 руб. явятся источником долгосрочных депозитов. Но, кроме того, банк может использовать и другую часть дохода — 2500 руб. Собственник этих денег вносит их по мере получения в качестве вклада в банк и ежемесячно берет по 200 руб.

В отдельные моменты в течение года суммы, остающиеся в банках в качестве вкладов, меняются, но все же в каждый данный момент какая-то часть остается в банке и может быть использована банком для его ссудных операций.

То же получилось бы, если бы мы исходили из месячного, недельного дохода.

Значение этих доходов как источников ссудных капиталов одинаково, как для так называемых сезонных доходов, так и доходов постоянных. Возможность использования сезонных доходов очевидна, но возможность использования и других доходов очень велика. Всякие виды дохода тратятся постепенно, и совпадение во времени получения денежных доходов и их использования возможно, во-первых, только в небольшой части этих доходов и, во-вторых, в виде исключения. Процесс использования доходов представляется как метаморфоз денег и товаров, совершение которого (метаморфоза) требует известного времени.

Таким образом, не только «сбережения» могут служить источником банковских депозитов, но и те доходы, которые служат целям непосредственного потребления. Само собой разумеется, чем выше уровень доходов населения, тем в большей мере они могут служить источником банковских пассивов. Но даже при среднем уровне этих доходов они могут питать банковские пассивы. Возможность таких депозитов всегда существует вследствие неодновременности получения доходов и их трат. Превращение этой возможности в действительность зависит от деятельности самой кредитной системы. При прочих равных условиях эти источники могут играть тем большую роль, чем более развита кредитная система и методы ее работы. Эта статья пассивов играет в европейских, как и в американских, банках огромную роль. Совершенно очевидно, усиление этих депозитов ведет к увеличению массы ссудного капитала, к более производительному использованию ресурсов страны.

Эти депозиты по природе своей, по характеру их источников краткосрочны. Доходы такого рода, отлагающиеся в форме вкладов в банках, могут быть различны: тут и доходы капиталистов, и доходы мелкого буржуа, и доходы рабочего. Само собой разумеется, что доходы указанных различных классов неселения далеко не одинаковы. Но с точки зрения банковской деятельности это различие сводится в конце концов к различию сроков вкладов. Депозиты, источниками которых являются доходы капиталистов, обладают большей долгосрочностью нежели депозиты, источниками которых являются доходы мелкой буржуазии, эти последние — большей долгосрочностью, нежели депозиты, источниками которых являются доходы рабочих.

Следующая группа депозитов возникает как результат упражнения банками своей функции по созданию покупательных и платежных средств и превращению этих последних в ссудный капитал. До сих пор мы имели дело с пассивами, происхождение которых нужно было искать в тех народнохозяйственных процессах, которые протекают вне банков; источники этих пассивов возникают и развиваются вне непосредственной зависимости от банковских операций. Теперь же мы имеем дело с пассивами, которые создаются самими банками, их активной деятельностью. Конечно, сама активная деятельность в свою очередь обусловливается объективными, вне банка складывающимися народнохозяйственными факторами. С этой точки зрения рассматриваемые нами пассивы не являются свободными и не зависимыми от общих народнохозяйственных условий. Но поскольку мы говорим о непосредственных источниках пассивов, постольку пассивы, вытекающие из способности банков создавать покупательные и платежные средства, необходимо различать от других рассмотренных нами выше пассивов.

Вообще под пассивными операциями мы разумеем те операции банков, посредством которых банки привлекают к себе денежные средства; в одном случае они привлекают средства, возникающие в народном хозяйстве независимо от банковской деятельности, — возникновение этих средств обусловливается своеобразием товаро- и капиталооборота; во втором случае привлеченные банками средства непосредственно возникают благодаря деятельности банков. Отсюда совершенно очевидно глубокое принципиальное различие между теми и другими пассивами.

Депозиты, которые являются результатом активных операций банков, имеют краткосрочный характер. Создаваемые банками покупательные и платежные средства лишь в той мере выполняют успешно функции орудий обращения, в какой они остаются в каналах обращения в течение непродолжительного срока. Срок, на который выдаются ссуды вновь создаваемыми кредитными орудиями обращения, очень невелик. Теоретически этот срок обычно устанавливается в 3 месяца, фактически же ссуды, выдаваемые эмиссионными банками, как мы увидим далее, исчисляются днями. Краткосрочность рассматриваемых нами здесь пассивов предопределяется краткосрочностью тех активов, которым пассивы обязаны своим происхождением.

* * *

Таковы основные пассивы банков. Мы отметили только главнейшие из них, имеющие наибольшее значение и составляющие преобладающую часть всех банковских средств. Мы охарактеризовали их по связи к их источникам. Вместе с тем дали им характеристику по их срочности. Общий вывод, к которому необходимо прийти: большая, преобладающая часть банковских пассивов краткосрочна. Банки располагают привлекаемыми ими средствами только в течение сравнительно небольшого промежутка времени. Но временность пребывания отдельных пассивов не исключает того, что в распоряжении банка чужие средства постоянно имеются. А отсюда следует, что краткосрочность пассивов вовсе не исключает возможности долгосрочного их использования.

На этом в связи с проблемой банковской ликвидности нам придется ниже остановиться подробнее.

3

Операции, посредством которых банки распределяют имеющиеся в их распоряжении ссудные капиталы между отдельными отраслями народного хозяйства, носят название активных операций. С формально-юридической точки зрения в активных опера-

циях банк выступает как кредитор, активы обнаруживают долговые притязания банка.

Если пассивы банков отображают оседание капиталов и доходов в денежной форме, отображают процесс высвобождения денежного капитала из кругооборота промышленного (и торгового) капитала, то активы отображают процесс вовлечения денежных капиталов в процесс кругооборота промышленного и торгового капитала.

Активными операциями банки непосредственно осуществляют движение ссудного капитала. Движение ссудного капитала есть процесс возрастания его стоимости; основой этого возрастания является процесс расширенного воспроизводства капитала. Следовательно, активные операции банков непосредственно обусловлены процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Как общее правило, банки оказывают ссуды для производительного применения ссуженного капитала. Производительное применение капитала означает применение его с целью производства прибавочной стоимости, ибо таково капиталистическое хозяйство, в котором единственной целью производства является прибавочная стоимость. Но характеристика современного капиталистического хозяйства намечается не только производством прибавочной стоимости, но и своеобразием ее распределения. Отделение капитала-собственности от капитала-функции и господство первого над вторым ведет к тому, что прибавочная стоимость распределяется не по функциональному значению того или иного капитала, а по праву собственности на капитал. «Обобществление» производственных отношений, достигшее своего крайнего развития в эпоху монополистического капитализма, выражается в том, что не отдельная масса прибавочной стоимости прикрепляется к тому капиталу, с помощью которого она произведена, а вся совокупная прибавочная стоимость распределяется между всеми собственниками капитала пропорционально доле этой собственности. Такое обобществленное распределение осуществляется движением ссудного капитала.

Одна часть ссуд, оказываемых банками, используется для превращения ссуженных сумм в реальный капитал — в этом случае предоставление ссудного капитала имеет непосредственной целью *производство* прибавочной стоимости. Другая часть ссуд используется для перемещения прав на прибавочную стоимость, титулов на доход, для выравнивания прибыли, приходящейся на одну и ту же долю капитала, — в этом случае предоставление ссудного капитала имеет целью соответствующее современной капиталистической системе хозяйства *распределение* прибавочной стоимости.

Ссуды, оказываемые непосредственно функционирующему капиталисту, в преобладающей своей части имеют целью произ-

водство прибавочной стоимости, ссуженный в этом случае денежный капитал превращается в реальный. Ссуды, связанные с ценными бумагами, ссуды под биржевую игру имеют своим объективным результатом выравнивание доходов, приходящихся на отдельные части ссудного капитала. Таким образом, и ссуды, связанные с ценными бумагами, имеют с точки зрения капиталистического хозяйства «производительное» значение. Этим отнюдь не отрицается спекулятивный характер оказываемых таким образом ссуд, но в условиях современного капиталистического хозяйства спекуляция имеет «производительное» содержание, поскольку эта спекуляция адекватна капиталистическому хозяйству, поскольку спекуляция ведет к результатам, адекватным данной системе хозяйства, и воспроизводит эту систему.

Банки посредством своих активных операций, предоставляя народному хозяйству ссудные капиталы, стимулируют производство прибавочной стоимости и распределяют эти последние в адекватном капиталистическому хозяйству направлении. Достигается это потому, что движение ссудного капитала, осуществляемое банками, хотя, с одной стороны, только отображает движение реального капитала, но, с другой, воздействует на его движение, интенсифицируя это движение и перераспределяя реальные капиталы. Таким образом, активными операциями банки не только отображают реальный процесс воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, но влияют на это воспроизводство.

С развитием кредита и ростом банков, с увеличением их значения и усилением их господствующего положения воздействие банков на народное хозяйство, на процесс воспроизводства капитала и его перераспределения все более и более увеличивается. В активных операциях банков осуществляется воздействие типа социальных связей, складывающихся в движении ссудного капитала, на общественные отношения, характеризуемые капиталом как таковым.

Для характеристики активных операций банков важно различие двоякого рода воздействия банков на процесс воспроизводства капитала. Банки, предоставляя ссудный капитал функционирующим капиталистам, во-первых, интенсифицируют процесс воспроизводства капитала и, во-вторых, перераспределяют капиталы.

Только интенсифицирование процессов воспроизводства происходит при тех активных операциях банков, посредством которых банки предоставляют функционирующим капиталистам общезначимые средства обращения. Не только интенсифицирование процессов воспроизводства капитала, но и перераспределение реальных капиталов происходит тогда, когда банки предоставляют функционирующим капиталистам не только средства обращения, но и дополнительный денежный капитал.

Капиталист, обращающийся в банк, может владеть достаточным реальным капиталом (он может не нуждаться в дополнительном капитале), но этот капитал находится в такой форме, в какой он не может быть им в настоящий момент использован. Капиталист имеет капитал в форме товаров, для продолжения же процесса производства ему необходим капитал в денежной форме. Ссуда под залог товаров не есть предоставление дополнительного капитала, а есть только предоставление средств обращения. Такие ссуды ускоряют процесс обращения реального капитала, следовательно, интенсифицируют процесс воспроизводства капитала. Такие ссуды не оказывают непосредственно никакого внимания на распределение реальных капиталов.

Цель таких операций для заемщика заключается в получении покупательных и платежных средств, в превращении уже имеющегося у него капитала в такой капитал, который имеет форму покупательных и платежных средств. Ссуды, при которых происходит ссуда денег, а не капитала, имеют своим результатом только изменение форм капитала, определенным образом уже распределенного, а не новое перераспределение капиталов. В этих случаях движение ссудного капитала, осуществляемое банками, отображает уже совершившееся перемещение реальных стоимостей и реального капитала. Оставляя нетронутым наличное распределение реальных капиталов, движение ссудного капитала ускоряет процесс обращения капитала, ускоряет процесс метаморфоз товара и денег, стало быть, интенсифицирует процесс воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Но рядом с такими ссудами банки оказывают ссуды функционирующим капиталистам, предоставляя им дополнительный капитал. И в этом случае банки предоставляют ссудный капитал, т. е. капитал в денежной форме, но предоставляют этот капитал не взамен имеющегося у клиента капитала, а как капитал дополнительный. При таких ссудах цель заемщика — получить не просто деньги, а капитал в форме денег. С помощью полученной ссуды функционирующий капиталист приобретает элементы реального капитала и использует их в процессе производства. И в этих случаях движение ссудного капитала ускоряет процесс воспроизводства капитала, но, кроме того, и перераспределяет капиталы. Движение ссудного капитала в этих случаях не только отображает уже совершившиеся процессы перемещения реальных стоимостей и реального капитала, но и воздействует на направление этих процессов.

При всяких активных операциях банки могут оказывать покровительство той или иной отрасли народного хозяйства, тому или иному клиенту, и в этом смысле можно сказать, что всеми активными операциями банки оказывают свое воздействие на народное хозяйство. Но особенно это необходимо подчеркнуть

в тех операциях, посредством которых банки предоставляют функционирующим капиталистам не только средства обращения, но и капитал.

Различие социального содержания тех активных операций, посредством которых банки предоставляют функционирующим капиталистам средства обращения, и тех операций, посредством которых функционирующим капиталистам предоставляется, кроме того, дополнительный капитал, можно сформулировать следующим образом. И в том, и в другом случае мы имеем дело с движением ссудного капитала, которое отображает определенное общественное отношение, но в первом случае мы имеем дело с социальными связями, непосредственно обусловленными общественными отношениями реального капитала, во втором же случае — с социальными отношениями, определяющими отношения реального капитала. В том и другом случае деятельность банка (активные операции) определяется реальными процессами воспроизводства и воспроизводства капитала как социального отношения, но в то время, как в первом случае эта деятельность является простым непосредственным отражением уже совершившихся в народном хозяйстве процессов, во втором — она антиципирует эти процессы.

4

Кредит, оказываемый банками их активными операциями, различается, во-первых, по отраслям народного хозяйства и, во-вторых, по капиталу, в который превращается представленный банками функционирующим капиталистам ссудный капитал. Активные операции приобретают своеобразные черты в зависимости от того, происходит ли кредитование промышленности или торговли, или сельского хозяйства, в зависимости от того, какой капитал кредитуется — основной или оборотный.

Указанное различие имеет большое значение при изучении того влияния, которое оказывают банки на народное хозяйство. Поскольку же мы здесь останавливаемся на характеристике банковских операций только с точки зрения самой деятельности банка как капиталистического предприятия, организующего и осуществляющего движение ссудного капитала, отдельные активные операции находят исчерпывающую характеристику в срочности оказываемых банком ссуд. Своеобразие кредитования различных отраслей народного хозяйства, как и своеобразие кредитования основного и оборотного капитала, находит свое отображение в срочности активных операций. Движение ссудного капитала осуществляется ссудой денежного капитала, каждая активная операция есть не что иное, как ссуда; ссуда же как специфическая сделка характеризуется отсрочкой возврата эквивалента. Отсюда ясно, что специфическая характеристика каждой отдельной ссуд-

ной операции банков определяется временем возврата эквивалента, срочностью ссуды.

Этот признак, срочность, также определяется теми народнохозяйственными процессами, на которые оказывают воздействие банки посредством своих активных операций. Характер и направление активных операций определяются своеобразием кругооборота капитала, в который превращается ссудный капитал. Своеобразие же оборота капитала в различных отраслях народного хозяйства, промышленности, торговли и сельского хозяйства находит свое концентрированное отображение в быстроте. Как мы уже говорили, воспроизводство капитала, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги (возросшую стоимость), а также быстрота этого воспроизводства предопределяют возможность и срок возврата занятой суммы.

Каждая отрасль народного хозяйства отличается одна от другой временем кругооборота капитала. Предпосылкой активных операций, как общее правило, является производительное использование ссуженного капитала; отдельные активные операции, статьи актива, в срочности своей отображают своеобразие кругооборота капитала в данной отрасли народного хозяйства.

Кредит, оказываемый торговле, относительно краткосрочнее, нежели кредит, оказываемый промышленности; кредит, оказываемый промышленности, краткосрочнее кредита, оказываемого сельскому хозяйству. Различие в срочности объясняется тем, что кругооборот капитала в торговле совершается быстрее, нежели в промышленности, в промышленности — быстрее, нежели в сельском хозяйстве.

То же можно сказать и о кредитовании основного и оборотного капитала. Своеобразие движения того и другого капитала выражается в темпе метаморфоз товара и денег, в сроках превращения денежной формы капитала в товарную и обратно, это же обстоятельство предопределяет срок возврата занятой суммы. С точки зрения движения ссудного капитала, следовательно, кредитование основного и оборотного капитала сводится к различию между долгосрочным и краткосрочным кредитом.

Таким образом, основное различие отдельных активных операций надо искать в их срочности, обусловливаемой теми народнохозяйственными процессами, которые обслуживаются банками. С этой точки зрения активные операции разделяются на долгосрочные и краткосрочные.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что само понятие долгосрочности и краткосрочности весьма условно. В различных условиях понятие долгосрочности и краткосрочности бывает различно. В промышленности и торговле, например, срок в 3 месяца является максимальным для краткосрочного кредита, в то время как в сельском хозяйстве краткосрочным считают кредит в 6—9 месяцев. Мы хотим этим сказать, что понятие долгосрочности

и краткосрочности не имеет точного количественного определения.

Но, несмотря на отсутствие точного количественного определения долгосрочного и краткосрочного кредита, различие между тем и другим сохраняет свое значение как потому, что это различие отражает своеобразие обслуживаемых кредитом народнохозяйственных процессов, так и потому, что это различие накладывает свой отпечаток на движение ссудного капитала, взятого сам по себе.

Активные операции банков есть не что иное, как различные формы осуществления движения ссудного капитала; движение же ссудного капитала сводится к простейшей форме $Д—Д^1$, где $Д^1$ больше $Д$; величина же возрастания $Д$, масса получаемого дохода, зависит от времени, которое разделяет момент передачи ссуженной суммы кредитором заемщику и момент возврата этой суммы (возросшей) заемщиком кредитору. Таким образом, как с точки зрения оборота ссудного капитала, так и степени его возрастания срочность имеет одинаково большое значение.

Но само существование долгосрочного кредитования, долгосрочных ссуд, долгосрочных активов понижает эффективность движения ссудного капитала. Долгосрочное вложение ссудного капитала означает изъятие из оборота на долгий срок известной массы его. Возможность долгосрочных ссуд может определяться или тем, что банки обладают соответствующими пассивами, или же тем, что сами долгосрочные ссуды для отдельных банков приобретают форму краткосрочного кредитования.

Возникает следующая черезвычайно важная проблема для характеристики банковской деятельности. Эта проблема сводится к двум вопросам. Во-первых, существуют ли такие средства, которые банки могут использовать для долгосрочных ссуд? Этот вопрос сводится к вопросу о долгосрочности пассивов. И, во-вторых, может ли долгосрочное кредитование принимать формы краткосрочных ссуд? Разрешение этих вопросов имеет большое значение как для более лучшего уяснения банковской деятельности, так и для разрешения чрезвычайно важной проблемы так называемой ликвидности банков.

5

При характеристике пассивов банков мы видели, что огромную, преобладающую их часть надо отнести к краткосрочным. Даже те пассивы, которые по природе своих источников могли бы быть долгосрочными, с точки зрения тех конкретных связей, которые устанавливаются между вкладчиками и банком, оказываются краткосрочными пассивами. Высвобождающиеся в денежной форме части основного капитала, несомненно, могут питать долгосрочные пассивы. Но в конкретной действительности, в осо-

бенности в современных условиях, когда каждое промышленное предприятие работает с помощью заемного капитала, когда, как мы уже указывали, «промышленный капитал не столько ссужает, сколько занимает», амортизационные фонды используются его владельцами как оборотный капитал. Во всяком случае эти средства не являются ни свободными, ни праздными. Они находят себе приложение в кругообороте промышленного капитала и вовсе не отлагаются в виде вкладов, тем более долгосрочных, в банках. То же нужно сказать и о капиталистическом накоплении, которое только в ничтожной части отлагается в банках в виде вкладов, и то большей частью в виде краткосрочных вкладов. К долгосрочным пассивам надо отнести в сущности только те, источником которых являются так называемые сбережения. Эти сбережения, вообще-то достигающие довольно большой величины, далеко не во всей своей массе отлагаются в банках в виде вкладов, так как находят для себя и другие формы приложения.

Таким образом, банковские пассивы, поскольку мы исходим из характеристики их источников, поскольку мы исходим из характеристики отдельных их частей, поскольку мы исходим из характеристики отношений конкретного вкладчика и конкретного банка, в преобладающей, чтобы не сказать больше, своей части являются пассивами краткосрочными. Если рассматривать средства банков под углом зрения конкретных обязательств банков по отношению к индивидуальным вкладчикам, окажется, что банки располагают ими в течение относительно короткого промежутка времени.

Но все же отсюда не следует, что пассивы банка могут быть использованы только для краткосрочного кредитования.

Дело заключается в следующем. Пассивы банков характеризуются как краткосрочные лишь под углом зрения конкретных отношений банка (заемщика) и индивидуального вкладчика (заимодавца). Но если мы будем рассматривать вклады под углом зрения отношения банка ко всей совокупной массе вкладчиков, дело представится совершенно иначе. Каждый вклад, взятый в отдельности, остается в распоряжении банка в течение короткого промежутка времени. Но вообще-то вклады остаются в распоряжении банка в течение весьма продолжительного времени. Сказать, что вклады остаются в банках только в течение небольшого промежутка времени, и утверждать это по отношению ко всем вкладам в их совокупности, значит утверждать, что возможны такие моменты, когда никаких вкладов в банке не остается. А последнее бывает очень редко, только во время исключительных банковских «паник». Даже во время кризисов, когда наблюдается усиленный «наскок» на банки, когда вкладчики особенно сильно выбирают свои вклады из банков, даже в такое время банковские депозиты уменьшаются, но не уничтожаются. Каждый отдельный вклад остается в банке в течение непродолжительного времени,

но вообще-то вклады, «чужие» деньги, бывают всегда в распоряжении банков. Возможна частая и быстрая перемена вкладчиков; отдельные массы денежных средств, вверяемых банкам, постоянно и непрерывно притекают и уходят от них, но совершенно невозможно уничтожение вкладов как таковых, полное уничтожение «чужих» денежных средств, располагаемых банками. Последнее возможно только при банкротстве банков, но не состояние банкротства характеризует банки как капиталистические предприятия.

Возьмем вклады наиболее краткосрочные, имеющие своим источником доходы, предназначенные для непосредственного использования в целях потребления. Отдельный такой вклад остается в распоряжении банка в течение очень недолгого времени. Если рабочий свою заработную плату вносит в виде депозита в банк, то можно быть уверенным, что этот вклад краткосрочен. Но если принять во внимание все такого рода вклады, то нетрудно понять, что часть их всегда останется в банках. Каждый отдельный вкладчик-рабочий очень скоро извлекает свои вклады из банка, но в банке всегда остается известная часть такого рода вкладов. Таким образом, даже эти краткосрочные пассивы, вклады рабочих, в известной своей части, — и чем более развита кредитная система, тем более широкие народные массы включены в сферу банковского оборота, — представляют собою средства, пригодные для долгосрочного использования.

Еще в большей мере это относится к депозитам другого рода, к депозитам, источником которых являются доходы капиталистов, или же денежные капиталы, высвобождающиеся из кругооборота промышленного капитала. Известная, притом довольно большая, часть этих вкладов допускает долгосрочное их использование.

Даже о тех пассивах, которые возникают из возможности банков создавать покупательные и платежные средства и превращать эти последние в ссудный капитал, можно сказать то же самое. О том, что эти пассивы по своей природе краткосрочны, мы уже говорили, и едва ли это положение может вызывать какие-либо сомнения. Всякая ссуда, выдаваемая с помощью вновь создаваемых кредитных орудий обращения, взятая в отдельности, не может не быть краткосрочной. Но с другой стороны, поскольку создаваемые банками покупательные и платежные средства (банкноты) становятся общезначимыми орудиями обращения, постольку возможен их выпуск и не связанный с краткосрочными ссудами. Эта возможность определяется закономерностями денежного обращения; эта возможность не так велика, но поскольку она существует, постольку оказывается возможным использование эмиссии (в минимальном размере) и для долгосрочных ссуд.

Если, с одной стороны, краткосрочные по своим источникам пассивы превращаются по существу в долгосрочные, то, с другой стороны, и долгосрочные активы принимают форму краткосрочных. К характеристике активов с этой точки зрения мы и переходим.

К долгосрочным активам надо отнести те, которыми происходит кредитование основного капитала. Долгосрочными они являются потому, что процесс воспроизводства основного капитала требует продолжительного времени, что только в результате целого ряда кругооборотов капитала основной капитал возвращается к своему исходному началу, вновь принимает денежную форму.

Но кредитование основного капитала в условиях современного капитализма происходит не непосредственным кредитованием предприятий. Наиболее типичной формой долгосрочного кредита в настоящее время является вложение ссудных капиталов в ценные бумаги; основной (да и не только основной) капитал предприятия составляется путем выпуска ценных бумаг, акций или облигаций. Тот, кто покупает эти облигации и акции, тот фактически кредитует предприятие. Уплата по этим ценным бумагам и есть погашение долга. С точки зрения предприятия ссуда, получаемая им в результате продажи ценных бумаг, долгосрочна. Иной она не может быть, так как возврат занятой суммы, обусловливаемый процессом воспроизводства капитала, возможен только через продолжительный промежуток времени.

В кредитовании основного капитала предприятий банки принимают активное участие: банки или непосредственно приобретают ценные бумаги, или же финансируют покупателей этих ценных бумаг, выдают ссуды под ценные бумаги. Деятельность банков в размещении ценных бумаг огромна. Больше того, совершенно невозможно себе представить размещение ценных бумаг без банков.

Операции банков по покупке ценных бумаг или по выдаче ссуд под ценные бумаги надо отнести к долгосрочным. Таковыми они действительно являются по своему основанию, такую характеристику они действительно получают от тех процессов, которые ими обслуживаются. Вложение банками имеющихся в их распоряжении денежных капиталов в ценные бумаги несомненно означает финансирование основного капитала и, следовательно, с точки зрения воспроизводства этого капитала, такое вложение будет долгосрочным. Совершенно правильно поэтому, при характеристике активов банков указанные операции, как это обычно и делается, относить к долгосрочным.

Но совершенно другую характеристику получают эти операции, если мы будем их рассматривать с точки зрения оборота ссудного капитала, взятого сам по себе. Покупка ценных бумаг есть ссуда, продажа ценных бумаг есть ликвидация ссуды. Реализация ценных бумаг, обратное превращение их в деньги означает для банка возврат ссуженной суммы.

Такая возможность реализации ценных бумаг, как общее правило, всегда существует. При переходе ценных бумаг из рук в руки происходит перемена кредитора. С точки зрения совокупного ссудного капитала вложение его в ценные бумаги означает долгосрочное вложение денежного капитала. Возврат его обусло-

влен процессом воспроизводства реального капитала, в который был превращен капитал ссудный. Но с точки зрения отдельных масс ссудного капитала, с точки зрения отдельного банка возврат ссуженной под ценные бумаги суммы возможен задолго до окончания воспроизводственного процесса.

Таким образом, кредитование основного капитала в форме покупки ценных бумаг или дачи ссуд под ценные бумаги для отдельного банка вовсе не является долгосрочным вложением его капитала. Для такого превращения долгосрочного кредитования в краткосрочные ссуды необходимо только, чтобы во всякий момент была возможность реализации ценных бумаг. Как общее правило, в условиях современного капитализма, финансового капитализма, характеризующегося развитием и ростом акционерной формы предприятий, развитием обращения ценных бумаг и ростом рынка этих бумаг (биржи), такая возможность всегда существует. А это значит, что, с точки зрения отдельного банка, различие между долгосрочным и краткосрочным кредитованием теряет прежнее свое значение, отчетливость и противопоставление.

Необходимо лишь подчеркнуть, что это положение правильно только с точки зрения оборота отдельных масс ссудного капитала (отдельного банка); с точки же зрения всего совокупного капитала во всем его целом (всей банковской системы) вложение денежных средств в ценные бумаги является кредитованием долгосрочным. Переход ценной бумаги из рук в руки означает завершение оборота отдельных масс ссудного капитала. Завершение же оборота ссудного капитала во всем его целом, нашедшего форму своего приложения в ценных бумагах, происходит только тогда, когда реальный капитал, в который был превращен капитал ссудный, заканчивает свой оборот, приходит к своему исходному началу, совершив ряд метаморфоз товара и денег, вновь принимает денежную форму.

Таким образом, для современного капитализма характерно качественное перерождение банковской деятельности, поэтому все старые, классические, ортодоксальные, как их иногда называют, взгляды о соотношении между активами и пассивами, о ликвидности банков, о невозможности для банков оказывать долгосрочные ссуды в настоящее время потеряли отчетливость и оказываются неправильными по существу [1].

6

Пассивы и активы, вместе взятые, отображают движение проходящих через банки и «создаваемых» банками ссудных капиталов. Это движение связано с процессом воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала, а также с процессом его перераспреде-

[1] Уже А. Смит в ряде замечаний во 2-й части II тома «Богатства народов» высказывается в том смысле, что банк не должен оказывать долгосрочных ссуд. И в новой литературе эта точка зрения имеет много сторонников.

ления. С одной стороны, пассивы и активы являются отображением реальных процессов воспроизводства, с другой — они интенсифицируют эти процессы; с одной стороны, пассивы и активы отображают уже совершившееся распределение реальных капиталов, с другой — те процессы перераспределения реальных капиталов, которые еще только происходят. В последнем случае деятельность банков заключается не только в том, чтобы отобразить уже сложившиеся отношения капитала, но и предопределять еще только складывающиеся (антиципация).

Между активами и пассивами существует определенная взаимозависимость, именно взаимозависимость и взаимообусловленность, а не связь причины и следствия. Эта взаимозависимость двояка. С одной стороны, взаимно обусловлено само их возникновение, а с другой стороны, взаимно обусловлена их структура.

Предыдущее изложение должно было показать неправильность тех утверждений, согласно которым активы целиком являются результатами пассивов, но точно так же неправильны и новейшие теории, полагающие, что возникновение пассивов предопределяется существованием активов. Одинаково неправильным представляется нам как утверждение, что активы предопределяются пассивами, так и обратное утверждение, что активы предопределяют пассивы. Первое было бы правильно, если бы не было пассивов, которые создаются самою деятельностью банков (их активными операциями), тех пассивов, которые антиципируют еще только совершающиеся народнохозяйственные процессы; второе было бы правильно, если бы в пассивах не было таких частей, которые только воспроизводят уже совершающиеся вне банков реальные процессы, и ничего более.

Поэтому нельзя, на наш взгляд, говорить о причинной зависимости пассивов и активов, а только о взаимной обусловленности. Как пассивные, так и активные операции являются формой конкретного осуществления движения ссудного капитала, различие между ними обсуловливается лишь различием той точки зрения, той стороны, с какой мы подходим к банковским операциям. Как пассивы, так и активы определяются процессами производства и воспроизводства реального капитала, этим устанавливается тесная связь между теми и другими. Точнее можно было бы сказать, что пассивы и активы есть две стороны одного и того же явления — движения ссудного капитала. Отношения между пассивами и активами складываются на началах взаимной связанности и обусловленности. Установить конкретную связь и форму обусловленности отдельных статей пассивов и активов, за небольшим исключением, нельзя, так как ссудный капитал един, отдельные части его различимы только в теоретическом рассмотрении.

Точно так же и структура пассивов и активов взаимно связана и взаимообусловлена. Старое положение, что активы должны строиться по пассивам, не соответствует современной действитель-

ности. Краткосрочным пассивам, говорят, должны соответствовать краткосрочные активы и, наоборот, долгосрочным пассивам — долгосрочные активы. Это положение в столь категорической форме едва ли правильно. Неправильность этого положения вытекает, во-первых, из того, что не всегда активы следуют за пассивами, о чем мы говорили выше, и во-вторых, из того, что вообще установить грань между долгосрочными и краткосрочными пассивами, как и долгосрочными и краткосрочными активами, в конкретной действительности нет возможности.

Развитые соображения устанавливают если не разрешение, то постановку вопроса о так называемой ликвидности банков.

Проблема ликвидности есть проблема соотношения пассивов и активов.

Под ликвидностью разумеется способность банков выполнить свои долговые обязательства, выраженные в пассивах, а так как выполнение этих обязательств зависит от возможности реализовать долговые притязания, выраженные в активах, то ликвидность банков сводится к ликвидности активов, к возможности превращения их в наличные деньги. Степень ликвидности определяется быстротой реализации активов или, правильнее, возможностью реализации активов в сроки, соответственные срокам выполнения банками обязательств по пассивам. Ликвидность, таким образом, определяется не абсолютными свойствами активов, а соотношением структуры активов и структуры пассивов.

Можно ли считать ликвидами только краткосрочные активы? Положительный ответ на этот вопрос был бы правилен только в том случае, если бы пассивы были во всей своей массе краткосрочны. На самом же деле, как мы видели, этого нет. Даже в том случае, когда в отдельных своих частях пассивы краткосрочны, все же из всей массы краткосрочных пассивов известную их долю надо отнести к долгосрочным.

Положительный ответ на поставленный вопрос еще потому неправилен, что долгосрочные по форме активы на деле оказываются, как общее правило, легко и быстро реализуемыми. Например, вложение капиталов в ценные бумаги по форме является долгосрочным кредитованием, на деле же ценные бумаги легко реализуются. Можно было бы привести много конкретных случаев, когда даже во время кризиса реализация так называемых долгосрочных активов (ценных бумаг) оказывалась более доступной, нежели реализация краткосрочных активов (векселей). Во время кризиса 1921 г. банки Соединенных Штатов Северной Америки с одинаковой трудностью (или легкостью), а иногда и с большей легкостью, реализовали свои ценные бумаги, нежели другие активы, причисляемые к краткосрочным [2].

[2] См. интересную работу: Walde F. Mitchell. The Uses of Bank Funds. Chicago, 1925. В гл. IV (стр. 58—72) автор анализирует ликвидность американских национальных банков во время кризисов и депрессий. В ре-

Ликвидность банков не может быть определена формальными свойствами пассивов и активов, взятых как во всей своей совокупности, так и в отдельных их частях.

Мы указывали выше, что краткосрочные пассивы допускают долгосрочное их использование. Это допустимо в той мере, в какой известная доля краткосрочных вкладов всегда остается в банке. Эта доля постоянно меняется, и анализ источников пассивов показывает, что изменение этой доли целиком определяется наличной народнохозяйственной конъюнктурой. В период подъема эта доля достигает максимальной величины, в период кризиса она опускается до минимума.

То же и с активами. Возможность превращения долгосрочных по форме ссуд в краткосрочное кредитование целиком и полностью обусловливается общими народнохозяйственными условиями, экономической конъюнктурой. В период подъема реализация вексельного портфеля, как и ценных бумаг, не представляет затруднений. В период же кризиса реализация и тех и других активов наталкивается на большие, часто непреодолимые препятствия.

Таким образом, ликвидность активов определяется не только, вернее — не столько сроками ссуд, сколько общими объективными народнохозяйственными условиями, предопределяющими самую возможность и быстроту реализации активов. При благоприятном ходе дел в условиях повышающейся конъюнктуры активы банков, даже те, которые по формальным соображениям считаются мало ликвидными, даже долгосрочное вложение капиталов, вполне ликвидны; при неблагоприятных условиях, понижающейся конъюнктуре даже так называемые краткосрочные ссуды, обычно причисляемые к наиболее ликвидным статьям, оказываются неликвидны.

Проблема банковской ликвидности есть проблема ликвидности народнохозяйственной. Это правильно как с точки зрения деятельности отдельного банка, так и в особенности с точки зрения всей банковской системы в целом.

В условиях капиталистического хозяйства, характеризующегося цикличностью своего развития, сменой конъюнктур, нельзя говорить об абсолютной ликвидности. Последнее означало бы бесперебойное, безостановочное, непрерывно прогрессирую-

---

зультате своего исследования, рассматривая вопрос по данным различных районов, автор приходит к выводу, что различие в ликвидности разного рода ссуд было весьма незначительно: «Ссуды, обеспеченные акциями и облигациями, оказались ликвидны в той же мере, как и другого рода ссуды, а в денежных центрах они оказались даже более ликвидны, нежели коммерческие ссуды». К тому же заключению автор приходит и в гл. V (стр. 73—85) после анализа ликвидности резервных банков. А. Хепберн в своей работе «A History of Currency in the United States» (N. Y., 1924), рассматривая течение кризиса 1920 г., приходит к следующему заключению: «Наименее ликвидными оказались не ссуды под акции и облигации, а скорее так называемые коммерческие ссуды промышленникам, даже купцам, так же как и ссуды сельскому хозяйству» (стр. 512).

щее развитие хозяйства, оно означало бы стабилизацию цен, оно означало бы отсутствие кризисов, стало быть, отсутствие тех внутренних противоречий хозяйственной системы, которые дают о себе знать во всех без исключения фазах хозяйственного цикла.

Противоречия хозяйственной системы не только не ослабляются, не притупляются банками, но, наоборот, еще более обостряются.

Как в самой капиталистической системе заложены возможность и необходимость кризисов, так и в банковой системе заложены возможность и необходимость потери банками своей ликвидности. Это обстоятельство, заметим кстати, является одним из факторов все более и более растущей концентрации банков.

Говорить о ликвидности банков в абсолютном значении этого слова не приходится. Речь может идти только об относительной ликвидности. Эта же последняя достигается приспособлением деятельности банков к данной и предвидимой конъюнктуре. Проблема банковской ликвидности есть, таким образом, проблема общей народнохозяйственной конъюнктуры.

КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОТ АВТОРА

Кредитно-денежные отношения капитализма в период общего кризиса мировой капиталистической системы, особенно на втором его этапе, подвергались существенным изменениям, изучение которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

В настоящей работе рассматриваются эти изменения, причем дается не только описание, но и теоретический анализ процессов, происходящих в кредитно-денежной сфере капитализма. Приводимый конкретный материал служит основой и в то же время иллюстрацией развиваемых теоретических обобщений.

Работа не претендует на исчерпывающий анализ новейших явлений в кредитно-денежной сфере. Она ограничивается исследованием непосредственной роли кредитно-денежной системы во внутренней экономике капиталистических стран. Проблемы валютных отношений, курсов валют, международного кредита и т. д. в ней не рассматриваются. Освещение этих проблем требует специального исследования.

Работа направлена против распространяемых в буржуазной литературе, развиваемых апологетами современного капитализма теорий.

Согласно утверждению буржуазных экономистов, кредитно-денежная система капитализма обслуживает интересы всего общества в целом, ее деятельность не имеет классового содержания. В действительности же, и это показано в работе, кредитно-денежная система служит орудием обеспечения высоких прибылей, защиты интересов монополий, орудием усиления их мощи, осуществления их экономической и политической агрессии.

Буржуазные экономисты утверждают, что современная капиталистическая кредитно-денежная система обладает исключительно большой крепостью и устойчивостью. В действительности же, и это доказывается в предлагаемой вниманию читателей работе, как денежная, так и кредитная системы современного капитализма не имеют даже той относительной устойчивости, какую имели ранее.

Буржуазные экономисты утверждают, что современная кредитно-денежная система капитализма не только может сопротивляться ударам экономических кризисов, но способна предотвратить их и во всяком случае не допустить взрывов денежных

кризисов. В работе доказывается, что кредитно-денежная система современного капитализма не только не способна сопротивляться ударам кризисов, а, наоборот, ее состояние предопределяет неизбежность крайне острых кредитно-денежных кризисов и перерастания их в кризисы всей финансовой системы.

Буржуазные экономисты утверждают, что современная кредитно-денежная система капитализма, способствующая милитаризации экономики, укрепляет и усиливает военно-финансовый потенциал. В данной работе доказывается, что, являясь орудием милитаризации экономики, кредитно-денежная система ослабевает и в конечном счете не только не усиливает, но, наоборот, ослабляет военно-финансовый потенциал капиталистических стран.

Автор стремился к возможно большей сжатости и краткости, что отразилось не только на форме изложения, но и на содержании работы.

Автор по возможности сокращал развитие положений, не вызывающих разногласий среди советских экономистов. Но логика изложения и желание сделать книжку доступной широкому кругу читателей заставили все же уделить немало места общеизвестным вопросам.

Однако главное внимание в работе сосредоточивается, во-первых, на анализе спорных положений, как, например, вопрос о форме и содержании инфляции, о значении налогов, и, во-вторых, на развитии мало или совсем не разработанных в советской литературе проблем, как, например, вопрос о влиянии инфляции на процесс воспроизводства, об особенностях современной инфляции, вопрос о военно-инфляционной экономике, об изменении структуры рынка ссудных капиталов и рынка ценных бумаг, о связи банковского кредита с кредитом государственным и т. д.

Автор полагает, что постановка этих проблем и их разработка советскими экономистами будут способствовать более углубленному познанию процессов, происходящих в кредитно-денежной сфере современного капитализма, являющихся отражением и следствием общего кризиса мировой капиталистической системы и в то же время служащих одним из существеннейших факторов углубления этого кризиса.

Москва. Апрель 1954 г.

Глава первая

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА. КРИЗИС ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Подобно всей кредитно-денежной системе капитализма его денежный механизм развивается, организационные формы складываются, его деятельность обусловливается двоякого рода обстоятельствами. С одной стороны, организационные формы и деятельность денежной системы определяются общими условиями развития капитализма, его основным экономическим законом, характером процесса воспроизводства, свойственными капитализму антагонистическими противоречиями. С другой стороны, денежная система, поскольку она является инструментом буржуазии, орудием осуществления целей господствующего класса капиталистов, подвергается воздействию стремлений этого класса получать наибольшие прибыли путем усиления эксплуатации наемных рабочих.

Капиталистический способ производства предъявляет ряд требований к своей денежной системе. Развитие капиталистического способа производства требует, чтобы денежное обращение обладало определенными чертами, соответствующими потребностям капиталистического воспроизводства.

Денежное обращение непосредственно обслуживает процесс товарооборота, процесс реализации производимой продукции. Вырастая из товарного обращения, являясь всеобщим эквивалентом, деньги служат необходимым посредствующим звеном товарного обращения.

Развитие капитализма требует прежде всего единства денежной системы, отсутствие которого препятствует образованию национального рынка, образованию капиталистического государства. Множественность денежных систем, какой характеризовалось феодальное общество, препятствовала образованию национального рынка.

Деньги и денежное обращение возникли вместе с товарным производством и существовали, стало быть, и в докапиталистических формациях, в феодальном обществе. Одной из форм борьбы

с феодальным обществом и с остатками феодального способа производства было приспособление денежного обращения к нуждам и потребностям капиталистического способа производства.

Успешность такого приспособления определялась развитием капиталистического способа производства, но вместе с тем само это приспособление способствовало укреплению и развитию капиталистического способа производства.

В феодальном обществе существовало множество денежных систем. Приспособление денежной системы к нуждам капиталистического способа производства выразилось прежде всего в организации единой денежной системы.

«Создание» денег, чеканка монет, обладающих силой законного платежного средства, становилось монополией централизованной государственной власти.

Капиталистический способ производства, его развитие требуют наличия устойчивости денежного обращения. Основным условием этой устойчивости является относительное постоянство стоимости денежной единицы.

Речь может идти только об относительном постоянстве стоимости денежной единицы, ибо какой бы товар ни выполнял роль всеобщего эквивалента, стоимость его изменчива.

Для такого постоянства необходимо прежде всего, чтобы в роли всеобщего эквивалента выступал товар, стоимость которого подвергается минимальным колебаниям. Этому требованию в наибольшей мере удовлетворяют благородные металлы, и в особенности золото; неслучайно медь в качестве валютного металла уступает место серебру, а с развитием капиталистического способа производства серебро вытесняется золотом.

Устойчивость денежной системы требует, чтобы денежное обращение было максимальным эластичным.

Под эластичностью денежного обращения следует понимать его способность автоматически расширяться и сжиматься в соответствии с потребностями народного хозяйства в деньгах. Процесс капиталистического воспроизводства нарушается как недостатком, так и избытком денег.

Потребность народного хозяйства в деньгах, определяемая суммой цен реализуемых товаров, скоростью обращения денег, развитием и характером кредита, подвергается постоянному изменению. Потребность в деньгах то увеличивается, то уменьшается. Развитие капитализма, вследствие присущего ему противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства, характеризуется постоянными колебаниями размеров производства, объема товарооборота, уровня товарных цен и т. д. Капитализму свойственна циклическая форма движения от одной фазы к другой, от подъема, когда размеры производства увеличиваются, объем товарооборота расширяется, уровень товарных цен повышается,

кредит получает большое развитие, к кризису, когда размеры производства уменьшаются, объем товарооборота снижается, уровень цен понижается, кредит сокращается. Соответственно при переходе от одной фазы цикла к другой изменяется потребность народного хозяйства в деньгах.

Колебания потребности народного хозяйства в деньгах происходят и в пределах каждой фазы цикла. Например, во время кризиса потребность в деньгах в общем уменьшается, но как раз в начале кризиса, вследствие внезапного сокращения кредита и разрыва кредитных связей, потребность в деньгах становится исключительно большой; возникает острый денежный голод, одно из своеобразных и характерных проявлений денежного кризиса, являющегося в свою очередь проявлением общего экономического кризиса перепроизводства в кредитно-денежной сфере. Денежный голод, т. е. недостаток денег, придает общему экономическому кризису катастрофичность и особую остроту.

Наличие денежной системы, которая способна автоматически приспособляться к постоянно изменяющимся потребностям народного хозяйства в деньгах, т. е. такой денежной системы, при которой количество денег, циркулирующих в каналах обращения, изменяется в зависимости от потребностей хозяйства в деньгах (увеличивается, когда потребность в деньгах увеличивается, и сокращается, когда потребность в деньгах уменьшается), является насущным требованием капиталистического способа производства.

Таким образом, основные требования, предъявляемые капиталистическим способом производства к его денежной системе, таковы: единство денежной системы, относительное постоянство стоимости денежной единицы и эластичность денежного обращения.

* * *

В основе денежного обращения лежит товар, обладающий собственной стоимостью, являющийся всеобщим эквивалентом и выполняющий все функции денег. Однако действительный процесс товарного обращения обслуживается в качестве орудий обращения не только товаром, играющим роль всеобщего эквивалента. Закономерности товарного обращения, как известно, создают возможность циркуляции в каналах обращения различных бумажных суррогатов денег, выполняющих функции орудий обращения и средств платежа, не имеющих собственной стоимости, а являющихся знаками товара — всеобщего эквивалента, знаками стоимости этого последнего. Таким образом, денежный механизм состоит из различных частей.

Совершенно понятно, что относительное постоянство стоимости денежной единицы в максимальной мере достигается в том

случае, если в основе денежного обращения лежит один товар, стоимость которого подвергается наименьшим колебаниям. Для развитого капиталистического хозяйства таким товаром является золото, и, следовательно, требованиям относительного постоянства стоимости денежной единицы в максимальной мере удовлетворяет золотой монометаллизм.

Эластичность же золотого обращения достигается так называемой свободной чеканкой золота.

В качестве суррогатов денег (знаков золота) возможна циркуляция различных видов бумажных орудий обращения и средств платежа. Основными видами таких бумажных орудий обращения и средств платежа являются государственные бумажные деньги, банкноты и чеки.

В некоторых странах, как, например, в Англии, долгое время средствами платежа служили векселя (орудия коммерческого кредита), которые Маркс называл торговыми деньгами. Но вследствие специфических свойств этих векселей, их срочности, разнообразия купюр, сложности их передачи и т. д. циркуляция коммерческих векселей как средств платежа не могла получить всеобщего распространения, и уже к концу XIX в. эти векселя были почти полностью вытеснены банкнотами и чеками.

Циркуляция государственных бумажных денег, т. е. бумажных денег, выпускаемых государством для оплаты своих расходов и наделяемых им силой законного платежного средства, не гарантирует ни относительного постоянства стоимости денежной единицы, ни эластичности денежного обращения. На этом вопросе придется в дальнейшем остановиться более подробно. Здесь же можно ограничиться только общим замечанием, что прогрессивному развитию капитализма не адекватна циркуляция государственных бумажных денег. Длительная циркуляция таких денег свидетельствует или о недостаточном развитии капиталистического способа производства, или об ослаблении капитализма, влекущем за собой деградацию денежного обращения.

Иными являются банкноты, векселя банков, выпускаемые взамен частных коммерческих векселей (в порядке учета коммерческих векселей), оплачиваемые по предъявлению и разменные на золото.

Возникновение таких банкнот обусловливалось различными причинами. Большую роль играла реакция народного хозяйства на недостаточность золотого обращения, его дороговизну.

Развитое капиталистическое хозяйство нуждается в большом количестве денег, и наличного золота не хватало бы, если бы обращение обслуживалось только золотыми орудиями обращения.

Денежное обращение является непроизводительными издержками, и использование только золота в качестве орудий обращения слишком увеличивало бы эти непроизводительные издержки.

Возможности расширения золотого денежного обращения невелики, и в качестве реакции на эту ограниченность в народном хозяйстве возникает тенденция к созданию бумажных орудий обращения.

Выпуск банкнот — векселей банка взамен частных коммерческих векселей гарантирует выпуск банкнот в соответствии с потребностями народного хозяйства в орудиях обращения и средствах платежа и в то же время устраняет недостатки обращения векселей в качестве торговых денег.

Банкноты занимают весьма видное место в денежной системе капитализма, они составляют очень важную часть денежного механизма. Подобно тому как чеканка золотых монет является монополией государства, выпуск банкнот обычно является монополией центральных, так называемых эмиссионных банков.

Способы выпуска банкнот и их обеспечения неодинаковы в различных странах. Но общими для банкнотного обращения всех буржуазных государств до общего кризиса капитализма было относительное постоянство стоимости банкнот и эластичность банкнотного обращения.

Банкнота не обладает собственной стоимостью; в обращении она выступает как знак золота, как знак стоимости. Оплата банкноты по предъявлению, ее разменность гарантируют соответствие номинальной стоимости банкноты, т. е. стоимости, обозначенной в ее наименовании, реальной ее стоимости, т. е. стоимости того золота, которое она представляет в обращении.

Выпуск банкнот в порядке учета частных коммерческих векселей, т. е. векселей, возникающих на основе оказываемого функционирующими капиталистами друг другу коммерческого кредита, обусловливает эластичность банкнотного обращения, т. е. приспособление массы выпускаемых банкнот к потребностям товарооборота в деньгах.

Как циркуляция металлических (золотых) денег, чеканка которых является монополией государства, так и обращение банкнот, выпуск которых хотя и является монополией центральных эмиссионных банков, но лимитируется законодательством, ограничивают объем денежного обращения, необходимый развитому капиталистическому хозяйству.

Эта ограниченность уничтожается или во всяком случае ослабляется созданием и развитием новых форм платежа, так называемых безналичных расчетов, т. е. расчетов, совершаемых без непосредственного участия наличных денег, золотых монет и банкнот.

Возможность развития этих расчетов определяется следующими обстоятельствами.

С развитием банков в них сосредоточиваются временно свободные денежные средства функционирующих капиталистов, а также временно свободные денежные доходы широких масс

населения. Эти денежные средства отлагаются в банках в виде депозитов.

С самого своего возникновения банки выполняют платежные и расчетные операции своих вкладчиков. Расчеты между функционирующими капиталистами совершаются путем перенесения со счета должника на счет кредитора. Орудием такого перенесения являются соответствующие приказы вкладчиков, так называемые чеки, оплачиваемые по предъявлению.

Нет необходимости останавливаться на механизме обращения чеков и безналичных расчетов. Он достаточно известен.

Здесь важно лишь установить возникновение и развитие своеобразных средств платежа, которые уменьшают потребность оборота в наличных деньгах, следовательно, восполняют недостаток в деньгах, вызываемый ограниченностью металлического и банкнотного обращения.

В некоторых странах, например, в Англии и особенно в США, расчеты чеками и система безналичных расчетов получили исключительно большое развитие. В США оптовый оборот почти на 100% обслуживается чеками. Посредством чеков осуществляется и значительная часть розничного оборота; в период подъема и расцвета почти половина розничного оборота обслуживается чеками.

Поскольку чеки оплачиваются по предъявлению, их стоимость не может отклоняться от стоимости наличных денег. Чековое обращение не нарушает относительного постоянства стоимости денежной единицы.

Поскольку обращение чеков непосредственно связано с реальными сделками купли-продажи и поскольку депозиты образуются из существующих, но временно бездействующих денежных ресурсов, постольку чековое обращение обладает соответствующей эластичностью.

Таким образом, чековое обращение, как и вся система безналичных расчетов, удовлетворяет требованиям, предъявляемым капиталистическим способом производства к денежному обращению.

Таковы основные части капиталистического денежного механизма. На обращении мелких билонных денег нет нужды останавливаться, оно не имеет существенного значения.

* * *

До сих пор речь шла о требованиях, которые предъявляются развивающимся капиталистическим способом производства к его денежной системе, и о структуре денежного обращения, которая складывается в процессе развития капитализма. Речь шла о необходимой для капитализма устойчивости денежного обращения и о той структуре денежного обращения, которая гарантирует сохранение такой устойчивости.

Но осуществление условий, определяющих устойчивость денежного обращения, происходит в обстановке борьбы классов,

борьбы развивающегося капитализма с остатками феодализма, борьбы промышленной буржуазии с крупными собственниками земли, борьбы различных групп буржуазии, стремящихся использовать денежный механизм в своих корыстных интересах, даже если защита этих частных интересов находится в противоречии с прогрессивным развитием капиталистического способа производства.

Вследствие этого устойчивость капиталистического денежного обращения весьма и весьма относительна.

Антагонистические противоречия капиталистического способа производства исключают возможность плавного, бесперебойного развития капиталистического процесса воспроизводства. Эти противоречия предопределяют циклическую форму движения капиталистического способа производства. Происходит постоянный переход от одной фазы цикла к другой, от кризисов к депрессиям и подъемам и от подъема к периодически разражающимся экономическим кризисам перепроизводства, подвергающим огромному уничтожению и разрушению производительные силы страны, несущим неисчислимые бедствия широким массам трудящихся.

В этих условиях достижение устойчивости денежного обращения наталкивается на огромные препятствия и сама устойчивость денежного обращения п о с т о я н н о нарушается.

Устойчивость денежного обращения требует, чтобы в основу его было положено золото, стоимость которого подвергается наименьшим колебаниям. Однако утверждение золота как валютного металла явилось результатом длительного исторического процесса. Использование золота в качестве валютного металла возможно только при достаточно большом развитии капитализма. Слабо или недостаточно развитым капиталистическим странам золотое денежное обращение недоступно.

Но, кроме того, огромную роль в том, что процесс утверждения золота в качестве основы денежного обращения был длителен, играла борьба различных интересов, сопротивление крупных землевладельцев, сопротивление тех групп буржуазии, например представителей экспортных отраслей хозяйства, которые не заинтересованы в устойчивом денежном обращении и поэтому выступают защитниками если не бумажно-денежного обращения, то во всяком случае серебряной валюты.

Процесс утверждения золота в качестве валютного металла продолжался очень долго. Только к концу XIX в., т. е. тогда, когда наступил период империализма, золото в качестве валютного металла утвердилось в главнейших капиталистических странах.

Эластичность денежного обращения в максимальной мере достигается при золотом монометаллизме. Однако в течение долгого времени функционировали различные виды биметаллизма и лишь в конце XIX в. в главнейших капиталистических странах, если

не формально, то фактически, утверждается золотой монометаллизм.

Бумажно-денежное обращение, циркуляция государственных бумажных денег исключает устойчивость денежного обращения. При циркуляции государственных бумажных денег абсолютно невозможно сохранение даже относительного постоянства их стоимости. Бумажно-денежное обращение по своей природе неэластично.

Однако бумажно-денежное обращение функционировало долгое время. В некоторых странах, как например, в России, Австрии, Италии, на протяжении всего XIX в. обращение обслуживалось государственными бумажными деньгами. Англия и США прибегали время от времени, особенно во время войн, к выпуску под различными наименованиями государственных бумажных денег.

Продолжительное господство бумажно-денежного обращения объясняется в основном недостаточностью развития капиталистических отношений, сохранением больших остатков феодальных отношений. Немалую роль играло то, что выпуск бумажных денег является одним из средств пополнения государственной казны за счет широких масс трудящихся, усиления эксплуатации рабочих, разорения широких масс трудящихся. Выпуском бумажных денег достигается переложение на трудящихся оплаты государственных расходов. Циркуляция бумажных денег усиливает эксплуатацию рабочих и ведет, следовательно, к увеличению капиталистических прибылей. Циркуляция бумажных денег дезорганизует процесс воспроизводства, но все же господствующий класс капиталистов использует ее, так как она приносит ему огромные барыши.

Только в конце XIX в., по крайней мере в крупных капиталистических странах, было ликвидировано бумажно-денежное обращение.

Устойчивость денежного обращения, необходимая для капиталистического способа производства, постоянно нарушается циклической формой движения капитализма.

В фазе подъема в максимальной мере, возможной в условиях раздираемого антагонистическими противоречиями капитализма, достигается устойчивость денежного обращения. Рост производства, расширение объема торговли, более или менее быстрый процесс реализации, расширение кредитных связей, своевременное выполнение кредитных обязательств, весь ход капиталистического воспроизводства обусловливают некоторую устойчивость денежного обращения. В фазе же кризиса денежное обращение подвергается большим испытаниям, устойчивость его нарушается. Разражается кризис денежного обращения как проявление общего экономического кризиса. Денежный голод, разрыв кредитных связей и трудность выполнения кредитных обязательств, сокращение безналичных расчетов и уменьшение возможностей

чекового обращения — все это свидетельствует о нарушении устойчивости денежного обращения.

Циклическая форма движения капиталистического производства является неотъемлемой чертой капитализма. При капитализме кризисы неизбежны, стало быть, неизбежны постоянные нарушения и кризисы капиталистического денежного обращения.

Требования, предъявляемые капиталистическим способом производства к денежному обращению, — относительное постоянство стоимости денег и эластичность денежного обращения — осуществляется, таким образом, путем п о с т о я н н о г о их неосуществления.

Такова диалектика капиталистического денежного обращения, обусловливающая весьма относительную его устойчивость.

* * *

Капиталистическое денежное обращение создавалось в течение длительного исторического периода.

Собственно только к началу XX в., т. е. в эпоху империализма, денежная система буржуазных государств приобрела максимально возможную в условиях раздираемого антагонистическими противоречиями капитализма устойчивость.

Но в то же время обострение всех противоречий капитализма, концентрация производства и господство монополий, новая роль банков и образование финансового капитала предопределяли умножение, усиление и углубление нарушений устойчивости денежной системы, создавали предпосылки деградации денежного обращения и нарушения постоянства стоимости денежной единицы.

Начавшийся во время первой мировой войны, особенно после отпадения Советского Союза от капиталистического мира, общий кризис мировой капиталистической системы обозначил и начало деградации денежного обращения.

Общий кризис капитализма означает и кризис его денежной системы. Крайне обострившиеся антагонистические противоречия капиталистического способа производства, неспособность использовать наличные производительные силы, постоянная недогрузка предприятий, хроническая массовая безработица и т. д. приводят к умножению и углублению нарушений устойчивости денежной системы.

Обострившиеся внутриимпериалистические противоречия, распад колониальной системы империализма, сужение сферы капиталистической эксплуатации, сокращение и дезорганизация мирового капиталистического рынка, крайне острая борьба за источники сырья и рынки сбыта, борьба за сферы приложения капиталов, усиление неравномерности развития капитализма приводят к изменениям внешнеплатежных отношений. Они осложняются валютными ограничениями, регламентацией обратимости

валют, валютным демпингом, искусственным установлением курсов валют, не соответствующих реальным соотношениям их стоимостей, и т. д.

Так называемая регламентация внешнеплатежных отношений, прокламируемая буржуазными экономистами как высшее достижение, гарантирующее устойчивость денежного обращения, в действительности приводит к постоянным нарушениям этой устойчивости.

Милитаризация экономики в период общего кризиса капитализма становится постоянной чертой капитализма.

Милитаризация экономики ведет к установлению новых пропорций между различными отраслями хозяйства, к изъятию из процесса воспроизводства огромной массы материальных ценностей.

Установление новых пропорций является по сути дела умножением диспропорций в распределении общественного труда. Изъятие из процесса воспроизводства массы материальных ценностей для нужд войны означает прямое расточительство производительных сил. «Война, — писал Маркс, —в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала» [1]. Такое использование производительных сил не может не ослабить эластичность денежного обращения и, стало быть, не вести к учащению нарушений устойчивости денежной системы.

Все указанные обстоятельства приводят к коренным изменениям денежного механизма.

Эти изменения вызываются и той многосторонней ролью, которую играет денежная система в период общего кризиса капитализма.

Денежная система, как и вся кредитно-денежная система, используется в качестве орудия обеспечения максимальных прибылей, усиления эксплуатации рабочих, разорения широких масс населения и т. д. Постоянство стоимости денежной единицы создает трудности для такого использования денежной системы.

Денежная система периода общего кризиса капитализма используется монополиями для перенесения тяжести кризисов на широкие трудящиеся массы. Такому использованию препятствует устойчивость денежного обращения.

Все мероприятия по внешнеплатежным отношениям (валютные ограничения, валютный демпинг и т. д.), проводимые в интересах господствующих монополий, в поддержку их захватнической политики и приводящие к наибольшему использованию внешних источников максимальных прибылей, создают основу для нарушения постоянства стоимости денег. Более того, постоян-

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, М., 1935, стр. 29.

ство стоимости денежной единицы препятствует проведению этих мероприятий.

Денежная система периода общего кризиса капитализма, как и вся кредитно-денежная система, используется для милитаризации экономики. Финансирование милитаризации экономики требует огромных затрат. Оно связано с увеличением государственного бюджета, что достигается различными способами, в том числе использованием денежной системы. Постоянство же стоимости денег ставит непреодолимые трудности для такого использования денежной системы.

Таким образом, общие экономические условия современного капитализма и та новая роль, которую играет денежная система в период общего кризиса капитализма, предопределяют коренное изменение денежного механизма, крайнее ослабление его устойчивости.

* * *

Какие же изменения произошли в денежной системе в период общего кризиса капитализма?

Как изменились отдельные части денежного механизма и общая структура денежного обращения?

Как было показано, сложившаяся в начальный период монополистического капитализма (до общего кризиса капитализма) денежная система состояла из трех тесно связанных между собой частей.

В активном обращении циркулировали, во-первых, золотые монеты, подвергавшиеся свободной чеканке, но при этом чеканка монет являлась монополией государства, во-вторых, разменные на золотые монеты банкноты, выпускавшиеся эмиссионными банками на основе опосредствования коммерческого кредита, наконец, в-третьих, чеки, обращение которых основывалось на депозитах коммерческих банков, которые (депозиты) представляли собой временно свободные денежные средства главным образом функционирующих капиталистов.

Банкноты и чеки не имеют, конечно, самостоятельной стоимости. Их стоимость определяется стоимостью представляемого ими золота. Поскольку же эмиссия и банкнот и чеков определялась потребностью народного хозяйства в деньгах и поскольку эти кредитные суррогаты денег были разменны на золото, постольку не могло быть расхождения между их номинальной стоимостью, т. е. стоимостью, обозначенной в их наименовании, и реальной стоимостью, т. е. стоимостью представляемого ими золота.

Значение золота как основы денежного обращения сохранилось, конечно, и в период общего кризиса капитализма. Роль всеобщего эквивалента может выполнять только товар, обладающий самостоятельной стоимостью, а историческое развитие денег привело к тому, что эту роль выполняет золото.

Таким образом, основа денежного обращения и в период общего кризиса капитализма осталась прежней. В этом отношении общий кризис капитализма не внес никаких изменений.

Неизменным осталось и функционирование золота в качестве мировых денег. Как бы ни был ограничен перелив золота из страны в страну, все же отрицательное сальдо по платежному и расчетному балансам может быть покрыто только золотом.

Однако в структуре денежной системы произошли большие изменения. Первая мировая война привела к изъятию золота из активного обращения. Золото перестало функционировать как орудие обращения. Оборот перестал обслуживаться золотыми монетами; он стал обслуживаться только банкнотами и чеками, являющимися знаками золота.

Первая мировая война привела к хаосу денежного обращения, к господству бумажно-денежного обращения и связанному с ним обесценению денег.

В 1924—1928 гг. во всех главнейших капиталистических странах были сделаны попытки стабилизации валют. Однако денежными реформами этих годов золото-монетный стандарт не был восстановлен; не было восстановлено и обращение золотых монет.

Последовавший затем период относительной стабилизации денежной системы, период золото-слиткового и золото-девизного стандарта, был очень непродолжителен.

Кризис 1929—1933 гг., отличавшийся исключительно большой продолжительностью, глубиной и интенсивностью, окончательно подорвал денежную систему капитализма.

Циркуляция золота в качестве орудий обращения внутри страны отошла в область прошлого.

Возможность денежного обращения, основанного на золоте, но при котором золото не циркулирует в активном обращении, возможность замены золота бумажными знаками вытекает из функции денег как средства товарного обращения. Оборот может обслуживаться бумажными знаками золота, циркуляция которых и до общего кризиса капитализма была весьма значительна.

Золото перестало циркулировать в обращении потому, что такое обращение стало непосильным капитализму в период его общего кризиса. Обострение всех противоречий капиталистического способа производства, его неспособность использовать наличные производительные силы (постоянная недогрузка предприятий и хроническая массовая безработица), сужение сферы капиталистической эксплуатации, изменения процесса воспроизводства, войны, милитаризация хозяйства и т. д. — все это ослабляло капиталистическую экономическую систему и предопределяло невозможность сохранить активное золотое обращение.

Отсутствие золота во внутреннем обращении подтачивает основу денежного обращения, ослабляет капиталистический денежный механизм, подрывает эластичность денежного обращения.

Буржуазные апологеты стремятся представить изъятие золота из активного обращения как высшее достижение, как осуществление «регулируемой», «управляемой» валюты, как освобождение от власти золота, освобождение от стихийных закономерностей развития капитализма.

В действительности же, как и следовало ожидать, изъятие золота из активного обращения предопределило ослабление даже той относительной устойчивости денежного обращения, какой оно обладало ранее.

Банкнота стала неразменной на золото, что создает возможности возникновения несоответствия номинальной стоимости банкноты стоимости представляемого ею золота.

Это несоответствие обнаруживается на рынке золота. Как бы ни был ограничен свободный рынок золота, но поскольку только золото может служить мировыми деньгами, поскольку золото имеет техническое применение и служит материалом для изготовления предметов роскоши и т. д., постольку фактически сохраняется этот рынок, на котором происходит покупка и продажа золота, следовательно, производится обмен банкноты на золоты. Неразменность банкноты означает неразменность ее на золотые монеты, неразменность во внутреннем обращении. Отсутствие такого размена изменяет природу банкноты, наделяет ее чертами государственных бумажных денег.

Несоответствие номинальной стоимости банкноты ее реальной стоимости, т. е. стоимости представляемого ею золота, обнаруживается и на товарном рынке: цены товаров, выраженные в бумажных деньгах, не совпадают с ценами товаров, выраженными в золоте.

Резко изменились способ выпуска банкнот и их обеспечение.

Ранее банкноты выпускались взамен частных векселей, являвшихся орудием коммерческого кредита. Само наличие таких векселей свидетельствует о потребности народного хозяйства в орудиях обращения. Уплата по векселю, следовательно, ликвидация сделки коммерческого кредита, ведет к возврату банкноты в выпустивший ее банк. Такой способ выпуска банкнот придает банкнотному обращению эластичность.

Банкноты имели золотое и кредитное обеспечение, и это предопределяло равенство стоимости золотой монеты и одноименной с ней банкноты.

Реформами денежного обращения 1924—1928 гг., особенно денежным законодательством после кризиса 1929—1933 гг., способ выпуска банкнот был изменен. Во всех капиталистических странах была допущена эмиссия банкнот под обеспечение государственных ценных бумаг. Не во всех, конечно, государствах был установлен одинаковый способ выпуска банкнот. Но различие между способами выпуска банкнот в отдельных странах было сравнительно незначительно.

Общими для всех капиталистических государств стало обеспечение банкнот облигациями государственных займов.

Обеспечение банкнот облигациями государственных займов, выпуск их не в порядке учета частных векселей, а взамен государственных обязательств означает, что этот выпуск производится не в соответствии с обнаруживающейся потребностью оборота в средствах платежа, а определяется нуждами государства, ростом его долга; выпуск банкнот превращается в средство увеличения доходов государства. При таком выпуске банкнот теряется непосредственная связь эмиссии банкнот с процессом реального воспроизводства. Раньше выпуск банкнот опирался на частный кредит, связанный с процессом производства и воспроизводства, современная же банкнота опирается на государственный кредит, непосредственно не связанный с реальным процессом воспроизводства. Изменение количества циркулирующих банкнот определяется не изменениями потребности оборота в деньгах, а изменением государственного долга. Рост государственного долга вызывает увеличение банкнотного обращения, уменьшение государственного долга влечет за собой сокращение банкнотного обращения.

Природа банкноты резко изменяется; банкнота приближается к государственным бумажным деньгам.

Банкнота является кредитным обязательством. В этом заключается специфическая характеристика современной банкноты как кредитного орудия обращения, ее отличие от обычных, циркулировавших в прошлом столетии государственных бумажных денег. Банкноты выпускаются в обращение в порядке кредитования государства. Банкнотами осуществляется теснейшая связь кредитной системы с государственным бюджетом.

Но в то же время они имеют большее сходство с государственными бумажными деньгами. Выпуск их служит средством увеличения денежных ресурсов государства; в обращении они выступают как знаки стоимости и, будучи неразменными на золото, крепко оседают в каналах обращения. Поэтому современная банкнота подчиняется основным закономерностям бумажно-денежного обращения. Изменение природы банкноты, приближение ее к государственным бумажным деньгам неслучайно. Оно является результатом роста государственно-монополистических тенденций, роста сращивания банковского кредита с кредитом государственным, результатом подчинения как банков, так и государственного аппарата господствующим монополиям.

Банкнотное обращение перестало быть эластичным. Несоответствие между количеством эмитированных банкнот и потребностями оборота в деньгах создает возможность чрезмерности денежного обращения.

Сращивание банковского кредита с государственным ведет к весьма существенному изменению чекового обращения.

Как указывалось, чековое обращение опирается на депозиты банков, на находящиеся в распоряжении банков временно свободные средства главным образом функционирующих капиталистов. Чековое обращение, основанное на таких депозитах, увеличивает массу циркулирующих в обращении платежных средств в соответствии с ростом потребности оборота в деньгах.

В настоящее время характер депозитов изменился. Значительная их часть представляет не имеющиеся временно свободные денежные средства, а является результатом финансирования банками государственного долга.

Банки, как будет показано ниже, покрывают значительную часть государственных займов. Банки могут приобретать государственные обязательства разными способами. Банки могут приобретать облигации государственных займов, используя имеющиеся у них депозиты функционирующих капиталистов или вообще частных лиц. В этом случае покупка облигаций не связана с увеличением депозитов и соответственным расширением чекового обращения. Но чаще всего приобретение облигаций производится иначе, путем искусственного создания депозитов. Банки приобретают облигации государственных займов и открывают на соответствующую сумму текущий счет государству. В этом случае не наличные пассивы используются для активной операции, а, наоборот, эта активная операция вызывает увеличение депозитов. Эти депозиты являются фиктивными, мнимыми. От того, что они фиктивны, они не теряют способности служить основой чекового обращения.

Поскольку это чековое обращение покоится не на реальных депозитах, в основном представляющих временно свободные денежные средства функционирующих капиталистов, а на мнимых, фиктивных депозитах, поскольку основанное на этих депозитах чековое обращение не связано непосредственно с процессом воспроизводства, его расширение или сужение вовсе не связано с увеличением или сокращением потребности народного хозяйства в платежных средствах.

Следовательно, и третья составная часть капиталистической денежной системы, занимающая в ней очень большое место и имеющая очень большое значение, также подверглась изменению.

Таким образом, денежная система периода общего кризиса капитализма характеризуется отсутствием эластичности денежного обращения и относительного постоянства стоимости денежной единицы. Денежная система этого периода лишена даже той относительной устойчивости, которой она обладала раньше.

В этом и состоит кризис денежной системы, отражающий в сфере денежного обращения общий кризис капитализма и его углубление во время и после второй мировой войны.

Глава вторая

ИНФЛЯЦИЯ. ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ИНФЛЯЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Наиболее ярким и вместе с тем обобщающим показателем кризиса капиталистического денежного обращения является всеобщее распространение инфляционного процесса.

Проблема инфляции всегда привлекала и привлекает к себе внимание экономистов, особенно в последнее время, когда инфляцией охвачены все капиталистические государства и бедствия, вызываемые инфляцией, для всех очевидны.

Однако до сих пор нет общепринятого и общепризнанного понимания и толкования инфляционного процесса. Поэтому, прежде чем перейти к анализу инфляционного процесса во время и после второй мировой войны, следует установить характерные черты инфляции, составляющие ее форму и содержание, конституирующие само понятие инфляции.

Инфляция означает переполнение. Таков буквальный смысл этого слова. Если исходить из него, то можно насчитать множество разнообразных видов инфляции. Так делает, например, довольно известный английский экономист П. Эйнциг. По его мнению, имеется двенадцать видов инфляции: денежная инфляция, кредитная инфляция, инфляция платежеспособного спроса, бюджетная инфляция, инфляция цен, вызываемая налогами, инфляция импорта, инфляция товарных цен и т. п.[1]

Если исходить из буквального смысла слова, то можно прийти к заключению, что инфляция возможна в различных областях человеческой деятельности: можно, например, говорить об инфляции вздора, которым наполнена книга Эйнцига, об инфляции демагогии, которой грешат научные работы буржуазных экономистов, и т. д.

При такой трактовке проблема инфляции, приобревшая в настоящее время исключительно большое значение и привлекающая к себе всеобщее внимание, теряет всякую определенность и содержательность.

Если исходить из буквального смысла слова, то понятие денеж-

[1] P. Einzig. Inflation. L., 1952, p. 24—25.

ной инфляции исчерпывается признаком переполнения каналов обращения деньгами сверх потребности народного хозяйства, т. е. чрезмерностью денежного обращения.

Совершенно ясно, что такое определение чрезвычайно упрощает проблему инфляции. Оно приводит к искажению того специфического экономического процесса, каким является инфляция.

Инфляция — весьма важная экономическая категория, и определить ее, исходя из буквального смысла слова, значит заведомо дать неправильное толкование всей проблеме.

Если исходить из буквального смысла слова, то весь сложный, противоречивый, имеющий определенное социально-экономическое содержание инфляционный процесс весьма обедняется.

Следует прежде всего подчеркнуть, что инфляция возможна только при бумажно-денежном обращении.

Одинаково существенными чертами, конституирующими понятие инфляции, является, во-первых, чрезмерность денежного обращения, во-вторых, обесценение бумажных денег и, в-третьих, вызываемое обесценением денег перераспределение собственности и национального дохода в пользу крупного капитала, в частности и в особенности понижение реальной заработной платы.

Под чрезмерностью денежного обращения понимается переполнение каналов обращения деньгами сверх потребности народного хозяйства. Такая чрезмерность может образоваться только при бумажно-денежном обращении.

Под обесценением бумажных денег понимается повышение номинальной стоимости бумажных денег, т. е. стоимости, обозначенной в их наименовании выше их реальной стоимости, т. е. стоимости представляемого ими золота. Ясно, конечно, что это возможно только при бумажно-денежном обращении.

Это обесценение нужно отличать от обесценения золотых денег, которое является результатом понижения стоимости золота.

Все указанные черты взаимосвязаны и только в своей совокупности определяют как форму, так и содержание инфляционного процесса.

В данной характеристике подчеркивается, во-первых, что при инфляции обесценение денег вызывается чрезмерностью денежного обращения, и, стало быть, оно не совпадает полностью с понижением их покупательной силы. Последняя проявляется в повышении товарных цен, но это повышение может быть результатом различных обстоятельств. Только то повышение товарных цен, которое вызывается чрезмерностью денежного обращения, является инфляционным повышением.

Во-вторых, подчеркивается, что чрезмерностью денежного обращения и обесценением денег не исчерпывается инфляционный процесс. Чрезмерность денежного обращения и обесценение денег составляют только форму инфляции, форму развития инфляционного процесса.

Наконец, в-третьих, подчеркивается, что содержанием инфляции является обязательно сопутствующее обесценению денег перераспределение национального дохода и собственности в пользу крупного капитала и падение реальной заработной платы.

Первое положение направлено против тех теорий, которые под обесценением денег понимают понижение меновой стоимости денег, т. е. их покупательной силы, и которые, следовательно, полностью отождествляют присущее инфляции обесценение денег, т. е. понижение реальной стоимости денег ниже номинальной, с понижением их покупательной силы.

Такое отождествление весьма распространено в буржуазной экономической литературе. В настоящее время преобладающее большинство буржуазных экономистов отождествляет присущее инфляции обесценение денег с понижением покупательной силы, стало быть, с повышением товарных цен. Подобное отождествление преследует явно апологетическую цель: во-первых, скрыть от широких масс населения, что повышение товарных цен часто в значительной мере является результатом политики господствующих монополий, стремящихся к получению максимальных прибылей, и, во-вторых, внушить широким массам населения, что дороговизна товаров, особенно предметов потребления трудящихся, объясняется только случайными недостатками денежной системы, что бедствия рабочих обусловлены не капиталистическим способом производства, а вполне устранимыми недостатками денежного механизма. Буржуазные апологеты, утверждая, что единственной причиной роста цен всегда является чрезмерность денежного обращения, стремятся скрыть эксплуататорский характер капиталистического способа производства.

Второе положение направлено против тех теорий, которые при характеристике инфляционного процесса ограничиваются подчеркиванием только форм движения инфляции: чрезмерности денежного обращения и обесценения денег и, соответственно, повышения товарных цен.

Согласно этим теориям, всякий рост цен является инфляцией, всякое понижение цен — дефляцией.

Фаза подъема, как известно, характеризуется повышением товарных цен; одним из существенных проявлений кризиса является понижение товарных цен. Если движение товарных цен всегда всецело и полностью определяется чрезмерностью денежного обращения, то отсюда нетрудно сделать вывод, какой и делают буржуазные апологеты, что фаза подъема есть не что иное, как период инфляции, а фаза кризиса — период дефляции. Циклическая форма движения капиталистического способа производства рассматривается, таким образом, как смена дефляции и инфляции. Апологетическая цель этих теорий ясна: показать что циклическая форма движения капитализма объясняется не противоречиями капиталистического способа производства, что по-

стоянная смена фаз, переход от кризиса к подъему и обратно обусловлена не капиталистической эксплуатацией, а является исключительно результатом процессов, происходящих в сфере денежного обращения. Отсюда буржуазными апологетами делается вывод, что посредством соответствующей денежной политики, расширением денежного обращения во время кризиса можно уничтожить или ослабить дефляцию, стало быть, уничтожить или по крайней мере ослабить кризисы.

Таковы все кредитно-монетарные «теории» кризисов, ложность которых были доказаны еще Марксом, но которые обнаруживают большую живучесть и до сих пор в несколько модернизированном виде используются буржуазными апологетами для сокрытия противоречий капиталистического способа производства, для оправдания капиталистической эксплуатации.

До сих пор в сотнях книг и статей буржуазные экономисты, сочиняя различные рецепты избавления капиталистического общества от кризисов, повторяют кредитно-монетарные «теории» кризисов, в основе которых лежит ложная трактовка инфляционного процесса и никчемность которых уже давно разоблачена капиталистической действительностью.

Третье положение, а именно, что содержанием инфляции является сопутствующее обесценению денег падение реальной заработной платы и перераспределение национального дохода и собственности в пользу крупнейших капиталистов, направлено против господствующих в буржуазной экономической литературе теорий, которые стремятся скрыть классовое содержание инфляции. Ограничивая характеристику инфляционного процесса подчеркиванием только его формы, буржуазные экономисты стремятся скрыть бедственные для трудящихся проявления инфляции, внушить им, что инфляция одинаково затрагивает интересы всех классов общества, и тем самым оправдать использование господствующими монополиями инфляции в целях усиления эксплуатации рабочих, разорения мелких и средних слоев буржуазии, ускорения процесса концентрации производства и централизации капитала.

* * *

В 1951 г. была опубликована работа З. В. Атласа «Укрепление денежных систем СССР и стран народной демократии. Инфляция в странах капитализма».

Богатство конкретного материала, умелая его обработка, давшая возможность чрезвычайно убедительно показать преимущества денежного обращения Советского Союза и стран народной демократии в сравнении с денежной системой капиталистических стран, является большим достоинством этой книги. Но, к сожалению, некоторые теоретические обобщения, в частности те, которые являются исходными для анализа инфляционного про-

цесса в капиталистических странах, не отличаются ни ясностью, ни убедительностью, ни соответствием конкретной действительности.

В связи с рассматриваемым нами здесь вопросом следует остановиться на данном З. В. Атласом определении инфляции. На этом надо остановиться потому, что его понимание инфляции разделяется многими советскими экономистами.

По мнению З. В. Атласа, «инфляция — это переполнение сферы обращения бумажными деньгами сверх потребности обращения в действительных деньгах, используемое господствующим эксплуататорским классом в качестве особого метода перераспределения национального дохода и общественного богатства в свою пользу путем снижения реальной заработной платы рабочих и служащих и экспроприации мелких собственников» [2].

Согласно этому определению, важнейшим конституирующим признаком инфляции является чрезмерность денежного обращения. В понятие инфляции не входит обесценение денег. Такое утверждение — не случайная обмолвка или пропуск; по мнению З. В. Атласа, инфляция «является одной из причин, правда, наиболее важной, обесценения денег».

Чрезмерность денежного обращения, по мнению З. В. Атласа, используется господствующими эксплуататорскими классами в качестве средства понижения заработной платы.

Но как можно использовать чрезмерность денежного обращения как средство понижения заработной платы? Это понижение обусловливается обесценением денег и не может явиться результатом только переполнения каналов обращения бумажными деньгами.

Но З. В. Атлас думает иначе. Он полагает, что «классовое содержание инфляции как метода эксплуатации рабочего класса проявляется уже в самом факте выпуска в обращение избыточных масс бумажных денег. Эти деньги в порядке авансов по государственным военным заказам, размещаемым на архивыгодных для капиталистов условиях, в порядке государственных субсидий или строительства государством предприятий, которые в дальнейшем на условиях бесплатной аренды или управления передаются для эксплуатации капиталистам, колоссально обогащают последних, позволяя им расширять сферу эксплуатации труда, присваивать все бóльшую долю общественного продукта за счет сокращения доли, получаемой рабочим классом» [3].

Расширение сферы эксплуатации труда увеличивает, конечно, массу присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости. Но это расширение само по себе не увеличивает присваиваемой

---

[2] З. В. Атлас. Укрепление денежных систем СССР и стран народной демократии. Инфляция в странах капитализма. М., 1951, стр. 125.

[3] Там же, стр. 127—128.

капиталистами доли продукта. Расширение объема денежного обращения или, выражаясь словами З. В. Атласа, выпуск в обращение избыточной массы бумажных денег, само по себе не вызывает повышения нормы прибавочной стоимости, а без этого не сокращается доля, получаемая рабочим классом.

Это сокращение происходит только при понижении реальной заработной платы рабочих, которая непосредственно обусловлена не расширением сферы капиталистической эксплуатации, а усилением этой эксплуатации.

Ссылка на использование капиталистами чрезмерности денежного обращения не убедительна. Переполнение каналов обращения деньгами само по себе не вызывает ни понижения реальной заработной платы, ни перераспределения национального дохода.

Характеризуя инфляционный процесс, З. В. Атлас отмечает классовое его содержание, но при определении понятия инфляции в сущности ограничивается только одним признаком, именно чрезмерностью денежного обращения. Этим самым он упрощает проблему.

Со всей категоричностью нужно подчеркнуть, что как обесценение денег, так и падение реальной заработной платы и перераспределение национального дохода являются не последствиями инфляции, а существенными ее признаками.

* * *

Во всех капиталистических странах проблеме инфляции уделяется исключительно большое внимание. Этой проблеме посвящаются сотни книг и статей, ни одно публичное выступление как буржуазных экономистов, так и общественных и государственных деятелей не проходит мимо вопроса об инфляции.

Инфляция в настоящее время стала одной из существенных черт капитализма. Инфляция чрезвычайно понижает уровень жизни широких масс населения, способствует обострению классовых противоречий и классовой борьбы, создает большие бюджетные трудности, вносит элементы дезорганизации в процесс воспроизводства капитала. Все это не может не привлекать к себе внимания. Без преувеличения можно сказать, что проблема инфляции стала одной из наиболее популярных и актуальных проблем в современной экономической литературе.

Буржуазными экономистами измышляются различные теории инфляции, сочиняются многочисленные и разнообразные рецепты борьбы с ней.

Все эти теории, и в этом заключается существенная их черта, имеют целью внушить широким трудящимся массам, что их бедствия обусловлены не неустранимыми противоречиями капиталистического способа производства, а вполне устранимыми недостатками денежной системы.

Эти теории являются не чем иным, как идеологическим оружием борьбы монополий с рабочими. Путем искаженной трактовки инфляционного процесса, путем словесной эквилибристики апологеты современного монополистического капитализма пытаются доказать недоказуемое, делать противоречащие простому здравому смыслу заключения, нелепость которых временами просто поражает.

Научные изыскания современных буржуазных экономистов, посвященные проблеме инфляции, служат ярким и убедительным подтверждением того, что много лет назад было сказано Марксом о вульгарной политической экономии: «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [4].

Сущность теорий инфляции современных буржуазных апологетов может быть сведена к следующему.

В основе этих теорий лежит ложная трактовка инфляционного процесса. Инфляция отождествляется с дороговизной. Проблема инфляции превращается в проблему дороговизны, в проблему повышения цен.

Повышение цен многие буржуазные экономисты объясняют тем, что денежные доходы трудящихся слишком велики, вследствие чего предъявляется чрезмерный спрос на предметы потребления. Мерами борьбы с инфляцией, которую они отождествляют с дороговизной, является понижение денежных доходов рабочих, что может быть достигнуто, во-первых, понижением их заработной платы и, во-вторых, усиленным налоговым обложением.

В одном сборнике, опубликованном в 1948 г., десять именитых буржуазных экономистов доказывают, что основной причиной роста цен является, как выражается Хаберлер (Haberler), «агрессивная политика заработной платы, проводимая тред-юнионами» [5].

Мэчлуп (Machlup) считает абсолютно неправильным утверждение, что рост цен является результатом чересчур высоких прибылей монополий. Основной причиной дороговизны, по его мнению, являются слишком высокие доходы рабочих и вообще трудящихся.

Л. Чэндлер (L. Chandler) в опубликованной в 1951 г. книге об инфляции утверждает, что повышение товарных цен в США было обусловлено ростом денежной заработной платы. Правда, он оговаривается, что рост денежной заработной платы не был единственной причиной инфляции, но все же утверждает, что

[4] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 17.

[5] «Ten Economists on the Inflation». Reprinted from «The Review of Economics and Statistics». Cambridge (Massachusetts), 1948, p. 10.

«большой рост денежной заработной платы интенсифицировал инфляцию» [6].

Одним из излюбленных доказательств того, что рост заработной платы якобы вызывает повышение товарных цен, является ссылка на то, что заработная плата составляет важнейшую часть издержек производства.

Профессор Нью-Йоркского университета Бэкман (J. Backman) пишет: «Поскольку во многих отраслях стоимость рабочей силы составляет один из важнейших элементов издержек производства, постольку ее повышение обычно сопровождается повышением товарных цен» [7].

Буржуазные экономисты в США и в Европе развивают теорию заколдованного круга (cercle vicieux), согласно которой повышение заработной платы вызывает увеличение издержек производства, что ведет к повышению товарных цен. Повышение товарных цен в свою очередь вызывает стремление рабочих увеличить денежную заработную плату. Увеличение же заработной платы вновь вызывает повышение издержек производства и соответственно рост цен. Таким образом, увеличение заработной платы неизбежно влечет за собой непрерывный рост цен, т. е. все более возрастающую инфляцию.

«Повышение заработной платы, — пишет Бэкман, — вызывает рост цен, что содействует развитию инфляционной спирали... Высокая заработная плата дает двойной толчок развитию инфляционной спирали: она повышает издержки производства и увеличивает покупательную силу потребителей» [8].

Повышение заработной платы, по мнению буржуазных экономистов, ведет к усилению инфляции еще и потому, что оно обусловливает рост цен на приобретаемые государством предметы вооружения. Таким образом, возникает дефицит в государственном бюджете и, следовательно, необходимость выпуска бумажных денег, что усиливает инфляцию [9].

Средством борьбы с инфляцией является поэтому стабилизация денежной заработной платы.

В 1952 г. в США была опубликована книга («War and Defense Economics»), посвященная военной экономике. Во всех статьях этого сборника подчеркивается, что инфляция порождается ростом заработной платы и что средством борьбы с инфляцией является стабилизация денежной заработной платы.

В статье о контроле над заработной платой профессор Нью-Йоркского университета Штейн пишет, что «неизбежное в усло-

[6] L. Chandler. Inflation in United States 1940—1948. N. Y., 1951, p. 325.

[7] J. Backman, A. Basch, S. Fabricant, M. Gainsbrugh, E. Stein. War and Defense Economics. N. Y., 1952, p. 228.

[8] J. Backman. The Economics of Armament Inflation. N. Y., 1951, p. 155.

[9] Ibid., p. 154.

виях военного бума инфляционное давление делает необходимым стабилизовать заработную плату» [10].

Пропаганда необходимости, якобы в целях борьбы с инфляцией, стабилизовать, т. е. сохранять на возможно более низком уровне заработную плату, ведется во всех капиталистических странах. Эта идея постоянно подчеркивается в буржуазной экономической литературе, в выступлениях государственных деятелей, представителей монополий. К этому хору дружно присоединяются правые социалисты, лейбористы и продажные лидеры тред-юнионов. Впрочем, стабилизация заработной платы не только пропагандируется но и осуществляется. Только упорной борьбой рабочие добиваются повышения денежной заработной платы.

Характерно, что буржуазные экономисты избегают писать о той роли, которую играют в повышении товарных цен максимальные прибыли, хотя всем, казалось бы, должно быть ясно, что эти прибыли — одна из главнейших причин повышения товарных цен.

Если все же рассматривают вопрос о влиянии прибылей монополий на товарные цены, то «доказывают», как это делает Мэчлуп, во-первых, что прибыли монополий не так велики и, во-вторых, что уменьшение этих прибылей может привести к понижению цен отдельных товаров, но ни в коем случае не к понижению общего уровня цен потребительских товаров [11].

Более того, верным прислужникам монополий капиталистические прибыли кажутся неприкосновенными. Малый размер прибылей, по утверждению буржуазных апологетов, ослабляет стимулы к предпринимательству. Увеличение же прибылей усиливает эти стимулы.

Но только стабилизация заработной платы кажется буржуазным экономистам недостаточной для борьбы с инфляцией. Даже при стабильности заработной платы доходы рабочих представляются им слишком высокими, и они рекомендуют сократить эти доходы путем усиления налогового обложения.

Возникают и развиваются теории, согласно которым налоги объявляются антиинфляционным мероприятием, точнее, мероприятием, препятствующим повышению товарных цен.

Утверждение довольно неожиданное и как будто противоречащее даже простому здравому смыслу. Всем и, вероятно, даже буржуазным экономистам известно, что налоги, особенно косвенные, неизбежно ведут к повышению цен.

Чем же доказывается, что налоги являются антиинфляционным мероприятием?

---

[10] J. Backman, A. Basch, S. Fabricant, M. Gainsbrugh, E. Stein. War and Defense Economics. N. Y., 1952, p. 212.

[11] F. Machlup. Misconception about the Current Inflation. Статья из сборника «Ten Economists on the Inflation». Cambridge, 1948, p. 19—20.

В доказательство этого тезиса приводятся следующие соображения.

Цены определяются спросом и предложением товаров. Цены можно понизить сокращением спроса. Размеры спроса определяются денежными доходами. Сокращение этих доходов уменьшает спрос, следовательно, понижает товарные цены или во всяком случае сдерживает их повышение.

При инфляции речь идет о повышении цен на предметы потребления. Никакими налогами нельзя сократить потребление богатых людей, так как их расходы на предметы личного потребления составляют ничтожную часть их доходов. Поэтому развитию инфляции, под которой разумеется повышение товарных цен, препятствуют не всякие налоги, а только налоги на доходы трудящихся, на доходы рабочих.

Для борьбы с инфляцией, для сокращения потребления, Харрис (Harris) предлагает облагать налогами группы с низкими доходами. «Очевидно, — пишет Харрис, — для того чтобы существенно сократить потребление, необходимо увеличить налоги, взимаемые с тех групп, годовые доходы которых не превышают 5000 долларов» [12].

Мэчлуп (Machlup) в статье, помещенной в сборнике «Ten Economists on the Inflation», пишет, что поскольку высокие налоги на богатых едва ли могут оказать большое влияние на спрос на мясо, молоко, яйца и другие продукты питания, только регрессивные налоги, основная тяжесть которых падает на бедные и средние слои населения, могут служить средством борьбы с инфляцией [13].

Бэкман в статье «Военные финансы и фискальная политика», перечисляя различные виды налогов, подчеркивает, что для борьбы с инфляцией наиболее важное значение имеют налоги на потребление.

«Большим преимуществом этих налогов является то, что они наибольшей своей тяжестью падают на лиц, имеющих средний или наиболее низкий доход, и поэтому они ведут к сокращению потребления» [14].

Такие утверждения неслучайны. Преобладающее большинство буржуазных экономистов развивает теории, согласно которым налоги на беднейшие слои населения влекут за собой понижение товарных цен или во всяком случае сдерживают их повышение.

Отождествление инфляции с повышением товарных цен является ложным. Таким повышением не исчерпывается инфляционный процесс. Чрезмерность денежного обращения и вызванное им обесценение денег, внешним проявлением которого является по-

---

[12] Seymour E. Harris. The Economics of Mobilization and Inflation. N. Y., 1951, p. 136.

[13] «Ten Economists on the Inflation», p. 21.

[14] J. Backman and oth. Op. cit., p. 268.

вышение товарных цен, образуют только форму инфляционного процесса. Содержание же этого процесса составляет далеко идущее перераспределение национального дохода в пользу богатых классов населения и, в частности, понижение реальной заработной платы, которое ведет к понижению и без того низкого уровня жизни рабочих.

Ложно и утверждение, что налоги препятствуют повышению товарных цен. Общеизвестно, и это знают даже буржуазные экономисты, что некоторые прямые налоги через посредство их переложения, а все косвенные налоги непосредственно, не только не задерживают повышение товарных цен, а, наоборот, обязательно ведут к их повышению.

Правильно утверждение буржуазных апологетов, что налоги на заработную плату сокращают потребление рабочих. Это сокращение — результат как того, что налоги уменьшают денежные доходы рабочих, так и того, что эти налоги ведут к повышению (а не к понижению) товарных цен.

Апологетическая направленность буржуазных теорий инфляции и теорий налогов совершенно очевидна.

Этими теориями буржуазные экономисты стараются внушить рабочим, что в их же интересах стабилизация или даже понижение заработной платы, что в их же интересах усиление налогового обложения трудящихся. Эти теории направлены на оправдание создаваемых войной и милитаризацией экономики «рая для капиталистов, каторги для рабочих».

Из данной выше характеристики инфляции явствует, что развитие инфляционного процесса возможно только в том случае, если оборот обслуживается неразменными на золото бумажными деньгами. Только в этом случае возможно возникновение чрезмерности денежного обращения (переполнение каналов обращения деньгами сверх потребности народного хозяйства), возможно обесценение денег, т. е. повышение номинальной стоимости бумажных денег (стоимости, обозначенной в их наименовании) выше реальной стоимости денег (стоимости представляемого ими золота), и, следовательно, возможно связанное с обесценением денег перераспределение собственности и национального дохода в пользу крупных и крупнейших капиталистов, а в условиях империализма — в пользу господствующих монополий.

Мы ограничились самым общим определением инфляции. Более подробное объяснение чрезмерности денежного обращения обесценения денег и связанного с этим перераспределения собственности и национального дохода дается в следующей главе при рассмотрении процесса развертывания инфляции во время и после второй мировой войны.

Глава третья

ИНФЛЯЦИЯ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНФЛЯЦИИ

1. ЧРЕЗМЕРНОСТЬ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Бумажные деньги периода общего кризиса капитализма — банкноты, обеспеченные государственными обязательствами, чеки, циркуляция которых основана на бессрочных депозитах банков, — отличаются от государственных бумажных денег прошлого столетия. Точно так же и современная инфляция отличается от инфляции XIX в.

Но особенности современных бумажных денег не изменяют общих закономерностей бумажно-денежного обращения. Этим закономерностям подчинено и современное бумажно-денежное обращение.

Одной из существенных закономерностей бумажно-денежного обращения является его чрезмерность. Для бумажно-денежного обращения характерно переполнение каналов обращения денежными знаками, циркуляция массы денег, превышающей потребности народного хозяйства. Соответствие массы циркулирующих бумажных денег потребностям народного хозяйства может быть только временным и является лишь исключением из общего правила.

Как уже указывалось, одним из требований, предъявляемых к денежному обращению, является его эластичность. Такая эластичность, т. е. способность постоянного приспособления денежного обращения к потребностям народного хозяйства, составляет обязательную предпосылку устойчивости денежного механизма. Отсутствие эластичности искажает действие этого механизма, оно становится дополнительным фактором усиления внутренней противоречивости денежной системы.

Бумажно-денежное обращение лишено эластичности. Движение денежной массы — ее изменения, ее увеличения и сокращение при бумажно-денежном обращении — теряет непосредственную связь с потребностями народного хозяйства в орудиях обращения. Изменения циркулирующей бумажно-денежной массы происходят

в зависимости от того, насколько государство использует денежную систему для пополнения своей казны. Так было в прошлом столетии при циркуляции государственных бумажных денег, так происходит и в настоящее время при циркуляции не разменных на золото, обеспеченных государственными обязательствами банкнот.

Общей тенденцией бумажно-денежного обращения является постоянное увеличение циркулирующей денежной массы. Бумажно-денежное обращение способно чуть ли не бесконечно расширяться, но оно не обладает, или же обладает в очень небольшой мере, способностью сжиматься. Выпущенные бумажные деньги крепко оседают в каналах обращения. Их выпуск определяется нуждой государства в средствах, их изъятие из каналов обращения возможно только при отсутствии дефицита бюджета и только в той мере, в какой обычные доходы государственного бюджета превышают его расходы.

Ликвидация бумажно-денежного обращения возможна только путем экстраординарных мероприятий, путем полного финансового банкротства, как это было в Германии в 1924 г., или путем частичного банкротства, как это бывает, например, при так называемой девальвации. Ликвидация бумажно-денежного обращения без полного или частичного банкротства, как это произошло в Англии после первой мировой войны, составляет редкое исключение.

Отсутствие эластичности денежного обращения предопределяет возможность возникновения его чрезмерности, т. е. преобладания циркулирующей денежной массы над потребностью народного хозяйства в орудиях обращения.

Чрезмерность денежного обращения может создаваться в результате увеличения циркулирующей денежной массы, если потребность народного хозяйства в орудиях обращения остается неизменной. Такая чрезмерность может создаваться и при неизменности денежной массы, если потребность народного хозяйства в деньгах уменьшается. Наконец, чрезмерность может создаваться и при сокращении циркулирующей денежной массы, если потребность народного хозяйства в орудиях обращения уменьшается в большей мере, нежели сокращается циркулирующая денежная масса.

Но, как общее правило, чрезмерность денежного обращения связана с увеличением количества циркулирующих денег. Такая чрезмерность может создаваться и при увеличении потребности народного хозяйства в орудиях обращения. Исторический опыт бумажно-денежного обращения показывает, что обычно расширение его объема превышает увеличение (если таковое происходит) производства, товарооборота и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что при золотом обращении и циркуляции разменных на золото бумажных орудий обращения чрезмерность денежного обращения возникнуть не может. Золотое

обращение и циркуляция разменных на золото бумажных орудий обращения придают денежному обращению эластичность. Излишне выпущенные деньги тезаврируются и выходят из активного обращения. Чрезмерность денежного обращения возможна только при циркуляции не разменных на золото бумажных орудий обращения, которые могут только временно и случайно быть объектом тезаврации.

Характернейшей чертой денежного обращения периода общего кризиса капитализма является чрезмерность денежного обращения.

Во время второй мировой войны масса циркулирующих денег значительно увеличилась.

Увеличились и банкнотное и чековое обращение (о последнем можно судить по росту бессрочных депозитов банков).

Как увеличилась циркулирующая масса денег во время войны, можно судить по следующим данным (см. табл. 1).

С 1937 по 1945 г. объем денежного обращения в США расширился на 246%, т. е. в 3,5 раза; банкнотное обращение увеличилось на 373%, т. е. больше, чем в 4,5 раза; сумма бессрочных депозитов, на основе которых происходит чековое обращение, увеличилась на 216%, т. е. больше, чем в 3 раза.

В Англии за то же время объем денежного обращения расширился на 164%, т. е. больше, чем в 2,5 раза; банкнотное обращение увеличилось на 191%, т. е. почти в 3 раза, масса бессрочных депозитов увеличилась на 154%, т. е. в 2,5 раза.

Во Франции с 1937 по 1945 г. объем денежного обращения расширился на 494%, т. е. почти в 6 раз; сумма банкнот увеличилась на 514%, т. е. больше, чем в 6 раз; бессрочные депозиты увеличились на 473%, т. е. почти в 6 раз.

Особенно сильно увеличилось денежное обращение в Италии и Японии.

С 1937 по 1945 г. объем денежного обращения в Италии расширился на 1651%, т. е. в 17,5 раза, а бессрочные депозиты увеличились на 1426%, т. е. в 15,4 раза.

За те же годы объем денежного обращения в Японии расширился на 1284%, т. е. почти в 14 раз, банкнотное обращение увеличилось на 2092%, т. е. почти в 22 раза, а бессрочные депозиты — на 802%, т. е. в 9 раз.

Во всех капиталистических странах произошло огромное расширение объема денежного обращения.

* * *

Непосредственной причиной увеличения массы циркулирующих в обращении денег был рост во время войны государственных бюджетов, вызванный чрезвычайно большим увеличением

Таблица 1

Денежное обращение (на конец года) (в млрд. ед. национальных валют)

Страны		1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
США	Банкноты	5,6	5,8	6,4	7,3	9,6	13,9	18,8	23,5	26,5
	Бессрочные депозиты	24,0	26,0	29,8	35,0	39,0	48,9	60,8	66,9	75,8
	Всего	29,6	31,8	36,2	42,3	48,6	62,8	79,6	90,4	102,3
Англия	Банкноты	0,46	0,46	0,50	0,56	0,70	0,87	1,03	1,20	1,34
	Бессрочные депозиты	1,21	1,19	1,29	1,65	2,02	2,26	2,53	2,87	3,07
	Всего	1,67	1,65	1,79	2,21	2,72	3,13	3,56	4,07	4,41
Франция	Банкноты	94	112	153	221	270	383	500	575	577
	Бессрочные депозиты	76	80	—	—	—	—	—	—	436
	Всего	170	192	—	—	—	—	—	—	1013
Италия	Банкноты	18	19	25	31	50	73	171	308	368
	Бессрочные депозиты	19	21	26	36	47	63	96	197	290
	Всего	37	40	51	67	97	136	267	505	648
Япония	Банкноты	2,5	2,9	3,8	4,8	6,1	7,2	10,5	18,0	54,8
	Бессрочные депозиты	4,2	5,3	7,7	9,3	11,4	13,6	16,3	23,3	37,9
	Всего	6,7	8,2	11,5	14,1	17,5	20,8	26,8	41,3	92,7

расходов на войну и милитаризацию экономики. Денежная система была поставлена на службу войне и милитаризации экономики.

Финансирование войны и милитаризации экономики производится различными методами. В прошлом столетии большую роль играл выпуск государственных бумажных денег. В настоящее время к такому прямому выпуску капиталистические государства обычно не прибегают.

Дополнительный выпуск денег производится через посредство государственных займов, размещенных в банках. Выпуск бумажных денег как средство финансирования милитаризации экономики используется и в настоящее время, но он носит форму займов.

Основными источниками государственных доходов являются налоги (ординарные доходы) и государственные займы.

Во время второй мировой войны расходы государств достигли огромных размеров. Ординарные доходы (в основном налоги) оказались недостаточными для покрытия военных расходов.

Налоги на трудящихся были увеличены во много раз. К доходам же богатых слоев населения, особенно крупнейших монополистов, подчиненные им правительства относились весьма бережно, и в налоговой политике буржуазных государств полностью сказывался основной закон современного капитализма, закон обеспечения максимальных прибылей. Ставки налогового обложения крупных прибылей были довольно высоки. Но установление высоких ставок налогов на прибыли было демагогическим приемом, посредством которого правительства стремились обмануть широкие массы населения, внушить им, что и крупнейшие капиталисты несут серьезные потери, отдавая государству бóльшую часть своих прибылей.

В действительности же были созданы многочисленные возможности укрывать прибыли от налогового обложения. Санкционированное законодательством громадное повышение норм амортизации, отчисление монополиями значительной части прибылей в различные резервные фонды, освобождение от налогов той части прибылей, которая используется для покупки облигаций государственных займов, так называемая коммерческая тайна, открывающая возможности фальсификации балансов, и множество других способов позволяли монополиям скрывать действительные прибыли и освобождать значительную их часть от налогового обложения.

Налоговое обложение богатых слоев населения и монополий было относительно невелико.

Именно это обстоятельство, а также чрезвычайное разбухание военных расходов, как результат высоких цен, по которым оплачивались государственные поставки, явилось непосредственной причиной образования огромных дефицитов государственных бюджетов, покрывавшихся государственными займами.

Во второй мировой войне налоги играли бóльшую роль, чем во время первой мировой войны.

В период первой мировой войны в США налогами было покрыто 31,5% всех бюджетных расходов, а во время второй мировой войны — 43%.

В Англии во время первой мировой войны налогами было покрыто около 20% государственных расходов, а во время второй мировой войны — 48,5%.

Но все же и во время второй мировой войны налогов оказалось недостаточно, дефициты покрывались государственными займами.

Государственный долг во всех капиталистических государствах вырос до небывалых размеров. С конца 1937 г. до конца 1945 г. государственный долг США увеличился с 37,3 млрд. долл. до 278,7 млрд. долл., т. е. почти в 7,5 раз. Внутренний государственный долг Англии с конца марта 1937 г. до конца марта 1946 г. увеличился с 7,0 млрд. ф. ст. до 23,4 млрд. ф. ст., т. е. больше, чем в 3,5 раза. Государственный долг Франции с конца 1937 г. до конца 1945 г. вырос с 370 млрд. фр. до 1823 млрд. фр., т. е. в 5 раз. Государственный долг Италии с середины 1937 г. до середины 1946 г. увеличился с 126 млрд. лир до 1067 млрд. лир, т. е. почти в 8,5 раза. Государственный долг Японии с конца марта 1937 г. до конца марта 1946 г. увеличился с 9702 млрд. иен до 143 082 млрд. иен, т. е. в 14,7 раза.

Рост государственного долга вызывает расширение объема денежного обращения.

Во-первых, некоторая часть облигаций государственных займов, особенно краткосрочных, может служить и действительно служит платежным средством. Увеличение этих платежных средств вызывается, таким образом, не увеличением потребности народного хозяйства, а исключительно нуждой государства. Эта часть облигаций не играет, впрочем, большой роли.

Во-вторых, в настоящее время, как уже было указано, решающее значение имеет то, что государственные облигации служат средством покрытия банкнот, выпускаемых центральными эмиссионными банками. Центральные эмиссионные банки, участвуя в покрытии государственных займов, приобретают облигации, взамен которых снабжают государство банкнотами. Таким образом, государственный долг, поскольку он размещен в центральных эмиссионных банках, влечет за собой увеличение массы циркулирующих банкнот.

В-третьих, в размещении государственных займов большое участие принимают коммерческие банки. Как будет показано ниже, значительная часть облигаций государственных займов находится в портфелях банков. Банки приобретают облигации за счет имеющихся у них депозитов функционирующих капиталистов (эти депозиты представляют собой наличные, но только временно свободные денежные капиталы) или же искусственно создают так называемые мнимые депозиты. В последнем случае банки приобретают облигации государственных займов и открывают текущий счет государству.

В этом случае не пассивы определяют активы, а, наоборот, активы определяют пассивы.

Эти депозиты — мнимые, но они используются в качестве платежных средств.

Таким образом, рост государственного долга влечет за собой возникновение дополнительных средств платежа, стало быть, ведет к увеличению массы циркулирующих орудий обращения и средств платежа.

О том, что покупка банками государственных обязательств обусловливает дополнительные выпуски средств платежа, свидетельствуют следующие данные.

В США в федеральных резервных банках портфель облигаций государственных займов с конца 1939 г. до конца 1945 г. увеличился на 21,8 млрд. долл. За это же время примерно на такую же сумму (20,1 млрд. долл.) увеличилось банкнотное обращение. В коммерческих банках портфель облигаций государственных займов с конца 1939 г. до конца 1945 г. увеличился на 74,3 млрд. долл. За это же время сумма бессрочных депозитов увеличилась на 46,0 млрд. долл.

С 31 марта 1938 г. по 31 марта 1946 г. портфель государственных обязательств различного рода в Английском банке увеличился на 1,3 млрд. ф. ст.

Примерно за то же время (с конца 1937 г. до конца 1945 г.) банкнотное обращение увеличилось на 0,9 млрд. ф. ст. В акционерных банках сумма государственных обязательств увеличилась с 31 марта 1938 г. по 31 марта 1946 г. на 2,2 млрд. ф. ст. Примерно за то же время (с конца 1937 г. до конца 1945 г.) сумма бессрочных депозитов в банках увеличилась на 1,86 млрд. ф. ст.

Связь между ростом государственного долга и увеличением денежного обращения раскрывает классовое содержание государственных займов.

Среди буржуазных экономистов получили распространение различные теории, восхваляющие рост государственного долга. Согласно теориям этих апологетов (например, Харриса, Лернера, Моултона и др.), рост государственного долга не нарушает интересов народного хозяйства, так как средства, извлекаемые из народного хозяйства через займы, возвращаются ему же вместе с процентами. По мнению большинства буржуазных экономистов, государственный долг не обременителен для общества. То, что платят налогоплательщики, возвращается рантьерам. «Поскольку обе группы, — пишет американский экономист Сэймур Харрис, — являются членами одного и того же общества, государственный долг не обременителен для нации» [1]. Согласно этим теориям, тяжесть государственного долга перелагается на будущие поколения, которые должны будут снабжать государство (посредством налогов) средствами для погашения государственных долгов.

В действительности дело обстоит далеко не так, как это изображают ретивые апологеты современного капитализма.

---

[1] Seymour E. Harris. The National Debt and the New Economics. N. Y., 1947, p. 152.

Для капиталистов, которые являются основными покупателями облигаций государственных займов, инвестиции в эти облигации представляют собой весьма выгодную операцию. Для них подписка на займы означает финансирование покупателя. На полученные с помощью займов средства государство приобретает у монополий товары по высоким ценам, обеспечивая им максимальные барыши. Финансирование покупателя с обязательством покупки товаров у финансирующего предприятия — обычная в условиях капитализма весьма выгодная для заимодавца операция. При государственных займах нет такого формального обязательства, но фактически покупка производится у монополий. Кроме того, в настоящих условиях государственные займы, при изобилии ссудных капиталов, представляют выгодный объект их приложения.

Государственный долг всей своей тяжестью ложится на плечи трудящихся и не только в будущем, но и в настоящем.

Выплата процентов по займам и их погашение производятся за счет налогов, основное бремя которых несут трудящиеся.

Кроме того, рост государственного долга влечет за собой расширение объема денежного обращения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Инфляция же, как известно, основной своей тяжестью ложится на трудящихся.

* * *

Увеличение массы циркулирующих в обращении платежных средств не создает еще чрезмерности денежного обращения. О чрезмерности можно говорить только в том случае, если циркулирующая денежная масса превосходит потребность народного хозяйства в орудиях обращения и средствах платежа.

Общая сумма циркулирующих денег не исчерпывается банкнотным обращением. Огромная часть оборота обслуживается чеками, возникающими на основе кредита. Соответствующих данных о размерах чекового обращения не имеется. Но динамика чекового обращения не может не совпадать с движением остатков текущих счетов коммерческих банков. Поэтому для определения количества циркулирующих денег надо учитывать не только массу циркулирующих банкнот, но и количество бессрочных депозитов, обслуживающих так называемый безналичный оборот. Сумма банкнот и бессрочных депозитов составляет массу циркулирующих денег.

Потребность народного хозяйства в орудиях обращения и средствах платежа определяется, как известно, массой реализуемых товаров, уровнем товарных цен, скоростью обращения денег, характером и развитием кредита. Так обстоит дело при устойчивом золотом обращении. При таком обращении масса товаров, уровень товарных цен и скорость обращения денег являются

данностью, независимой от количества циркулирующих денег. Количество же циркулирующих денег — величина переменная, определяемая массой реализуемых товаров, уровнем товарных цен и скоростью обращения денег.

Иначе обстоит дело при обращении неразменных на золото бумажно-денежных знаков при развитии инфляции. В этом случае данностью будет количество циркулирующих денег, изменяющееся вне зависимости от потребности в них народного хозяйства. Уровень же товарных цен и скорость обращения денег являются величинами переменными, в значительной мере определяемыми количеством циркулирующих денег.

Вот почему для определения чрезмерности денежного обращения надо сопоставлять количество циркулирующих денег с массой реализуемых товаров, не учитывая при этом ни изменения уровня товарных цен, ни скорости обращения денег, которые в значительной мере представляют собой результат чрезмерности денежного обращения.

В дальнейшем для характеристики чрезмерности денежного обращения мы сопоставляем движение денежной массы с динамикой промышленной продукции в неизменных ценах.

Необходимо оговориться, что такое сопоставление не может дать точного и полного представления о создавшейся во время и после войны чрезмерности денежного обращения. Промышленная продукция (если даже считать составляемые индексы правильными, хотя это далеко не так) не совпадает со всей массой реализуемой продукции.

Все же можно предположить, что кривая движения промышленной продукции приблизительно совпадает с динамикой товарооборота. Движение индекса промышленной продукции дает хотя и не полное, но все же приблизительное представление об изменениях потребности народного хозяйства в орудиях обращения и средствах платежа.

Сопоставление индексов денежного обращения и промышленной продукции дает следующие результаты (табл. 2).

Как видно из приведенных данных, рост циркулировавшей денежной массы превосходил увеличение промышленной продукции.

В США максимальный уровень промышленной продукции был достигнут в 1943 г., когда он превысил уровень 1937 г. на 110%; циркулирующая же денежная масса за это время увеличилась на 169%. Более значительное различие в расширении объема денежного обращения и увеличении промышленной продукции было в конце войны. В 1945 г. уровень промышленной продукции превысил уровень 1937 г. на 80%; циркулирующая масса денег за это же время увеличилась на 246%. Это сопоставление убедительно свидетельствует о чрезмерности денежного обращения.

В Англии с 1937 по 1945 г. уровень промышленной продукции снизился на 20%, объем же денежного обращения расширился на 164%.

Таблица 2

Денежное обращение и промышленная продукция (1937 г.=100)[2]

Год	США		Англия		Япония	
	денежное обращение	промышленная продукция	денежное обращение	промышленная продукция	денежное обращение	промышленная продукция
1938	107	78	93	94	122	109
1939	122	97	107	—	172	112
1940	143	110	132	—	210	114
1941	164	142	163	—	261	119
1942	212	176	187	—	310	114
1943	269	210	213	—	400	133
1944	305	207	244	—	616	146
1945	346	180	264	80	1384	61

Более резко чрезмерность денежного обращения обозначилась в Японии. В 1944 г. промышленная продукция Японии стояла на наивысшем уровне, она превосходила уровень 1937 г. на 46%. За это же время циркулирующая денежная масса увеличилась на 516%. Еще большая чрезмерность денежного обращения обнаружилась в конце войны, в 1945 г. Уровень промышленной продукции в сравнении с 1937 г. снизился на 39%, денежная же масса в сравнении с 1937 г. увеличилась на 1284%.

Для характеристики образовавшейся во время войны чрезмерности денежного обращения в США сопоставим движение циркулирующей массы с динамикой объема торговли.

При этом можно предполагать, что розничная торговля обслуживается в основном банкнотами, оптовая же торговля обслуживается чеками. В действительности и розничная торговля в некоторой своей части обслуживается чеками, а оптовая торговля — банкнотами. Но не будет большой ошибкой, если мы для характеристики чрезмерности денежного обращения сопоставим движение банкнотного обращения с динамикой розничной

[2] Приводим данные по США, Англии и Японии; данных о движении промышленной продукции Франции и Италии за эти годы не имеется. При этом сопоставлении исходным берется 1937 г., следовательно, условно предполагается, что в 1937 г. не было чрезмерности денежного обращения. Такое предположение допустимо, поскольку определяется чрезмерность, образовавшаяся во время и после второй мировой войны.

торговли, а движение бессрочных депозитов — с динамикой оптовой торговли (табл. 3).

Таблица 3

Денежное обращение и торговля США
(1937 г. = 100)

Год	Оптовая торговля	Бессрочные депозиты	Розничная торговля	Банкноты	Год	Оптовая торговля	Бессрочные депозиты	Розничная торговли	Банкноты
1938	84	108	91	104	1942	150	204	137	248
1939	94	124	100	114	1943	159	253	153	336
1940	106	146	112	130	1944	172	279	166	420
1941	134	163	134	171	1945	188	316	187	473

С 1937 по 1945 г. оптовая торговля увеличилась на 88%, сумма же бессрочных депозитов — на 216%, объем розничной торговли расширился на 87%, масса же банкнот (сюда входят и металлические деньги) увеличилась на 373%.

Приведенные в табл. 3 данные и их сопоставление не могут дать точной характеристики степени чрезмерности денежного обращения, но они во всяком случае свидетельствуют о чрезмерности денежного обращения, и притом довольно большой.

Что же произошло после войны? Каково было движение денежной массы?

После войны, как видно из данных табл. 4, объем денежного обращения не только не сузился, а, наоборот, расширился.

В США циркулирующая масса во все годы, за исключением 1948 и 1949 гг., увеличивалась. С 1945 по 1953 г. денежное обращение расширилось на 28%.

В Англии все время происходило увеличение денежного обращения. За все годы, т. е. с 1945 по 1953 г., циркулирующая денежная масса увеличилась на 25,0%.

Данные по США и Англии подтверждают наличие упомянутой выше закономерности бумажно-денежного обращения. Раз выпущенные бумажные деньги крепко оседают в каналах денежного обращения. Бумажно-денежное обращение легко расширяется, но очень редко сжимается.

Особенно большое увеличение денежной массы происходило во Франции, Италии и Японии.

Во Франции и после войны происходил бурный рост циркулирующей денежной массы. С 1945 по 1953 г. эта масса увеличилась на 357%, т. е. в 4,5 раза.

В Италии денежное обращение расширилось на 458%, т. е. более чем в 5,5 раза.

Таблица 4

Денежное обращение (на конец года)
(в млрд. ед. национальных валют)

Страны		1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
США	Банкноты . .	26,5	26,7	26,6	26,1	25,4	25,4	26,3	27,5	27,8
	Бессрочные депозиты . . .	75,9	83,3	87,0	85,5	85,8	92,3	98,2	101,5	103,3
	Всего . . .	102,4	110,0	113,6	111,6	111,2	117,7	124,5	129,0	131,1
Англия	Банкноты . .	1,34	1,38	1,33	1,25	1,27	1,29	1,36	1,45	1,53
	Бессрочные депозиты . . .	3,07	3,58	3,71	3,87	3,92	3,99	3,99	3,93	4,00
	Всего . . .	4,41	4,96	5,04	5,12	5,19	5,28	5,35	5,38	5,53
Франция	Банкноты . .	577	732	921	993	1301	1590	1883	2124	2310
	Бессрочные депозиты . . .	436	617	755	1172	1403	1530	1795	2033	2317
	Всего . . .	1013	1349	1676	2165	2704	3120	3678	4157	4627
Италия	Банкноты . .	368	463	721	934	1017	1122	1237	1343	1424
	Бессрочные депозиты . . .	290	532	745	1044	1226	1373	1642	2021	2248
	Всего . . .	658	995	1466	1978	2243	2495	2879	3364	3672
Япония	Банкноты . .	54,8	90,0	210,1	338,1	336,0	408,7	492,0	554,3	609,5
	Бессрочные депозиты . . .	37,9	77,4	143,7	330,7	433,5	511,4	701,0	980,4	1112,8
	Всего . . .	92,7	167,4	353,8	668,8	769,5	920,1	1193,0	1534,7	1722,3

В Японии денежное обращение расширилось на 1757 %, т. е. более чем в 18 раз.

Увеличение денежной массы не свидетельствует еще об усилении чрезмерности. Для показа этого усиления необходимо сопоставить движение денежной массы с динамикой промышленной продукции (табл. 5).

Чрезмерность, притом очень большая, сохранилась во всех странах и после войны.

С 1937 г., когда, как условно предполагается, не было чрезмерности денежного обращения, по 1953 г. денежное обращение

Таблица 5

Денежное обращение и промышленная продукция
(1937 г.=100)

Год	США		Англия		Япония	
	денежное обращение	промышленная продукция	денежное обращение	промышленная продукция	денежное обращение	промышленная продукция
1945	346	180	264	80	1 384	61
1946	372	151	297	91	2 498	34
1947	383	164	302	101	5 281	40
1948	377	169	307	110	9 982	52
1949	376	156	311	118	11 485	67
1950	398	177	316	125	13 733	79
1951	421	195	320	129	17 806	104
1952	436	194	322	125	21 413	111
1953	443	207	331	133	25 706	130

в США увеличилось на 343%, а промышленная продукция — на 119%.

В Англии с 1937 по 1953 г. объем денежного обращения расширился на 231%, промышленная же продукция увеличилась всего на 33%.

В Японии с 1937 по 1953 г. денежное обращение увеличилось на 25 606%, а промышленная продукция — на 30%.

В послевоенные годы чрезмерность денежного обращения в США несколько ослабела. С 1945 по 1953 г. масса циркулирующих орудий обращения и средств платежа увеличилась на 28%, промышленная продукция — на 15%.

Если считать коэффициентом чрезмерности денежного обращения отношение денежной массы к промышленной продукции, то окажется следующее: в 1945 г. в США коэффициент чрезмерности был равен 192%, а в 1953 г. — 214%.

И в Англии, хотя с 1945 по 1953 г. рост промышленности превышал расширение объема денежного обращения (денежная масса увеличилась на 25%, промышленная продукция — на 65%), чрезмерность все же осталась очень большая. В 1953 г. коэффициент чрезмерности был равен 251%.

Особенно усилилась чрезмерность денежного обращения в Японии. С 1945 по 1953 г. денежное обращение увеличилось

на 1758%, а промышленная продукция — на 113%. Коэффициент чрезмерности денежного обращения в 1953 г. выражался в астрономических цифрах — 19 774%.

* * *

Чрезмерность денежного обращения явилась результатом использования денежной системы для финансирования войны и милитаризации экономики. Непосредственной причиной чрезмерности было внедрение в оборот огромной массы дополнительных, не вызываемых потребностями народного хозяйства платежных средств.

Вследствие относительно малого налогового обложения капиталистов, главным образом крупнейших монополий, правительства прибегали к государственным займам, повлекшим за собой рост циркулирующей в обращении денежной массы.

Вопрос о том, что рост государственного долга влечет за собой увеличение денежного обращения, не вызывает разногласий.

Но некоторые советские экономисты полагают, что, кроме того, увеличение денежного обращения вызывается налогами.

По их мнению, налоги извлекают деньги из сокровищ, стало быть, до сего не циркулировавших в обращении денег. Таким образом, бездействующие деньги превращаются налогами в действующие; в результате налогов активное денежное обращение увеличивается.

Ф. И. Михалевский полагает, что налоги уплачиваются трудящимися из сбережений, делаемых для покупки предметов длительного пользования.

«Рабочий, — пишет Ф. И. Михалевский, — лишая себя самого необходимого, откладывает деньги для покупки пальто, причем он мог бы накопить нужную сумму и предъявить на рынок спрос только через год»[3].

Государство же, извлекая посредством налогов эти средства, пускает их немедленно в оборот, таким образом увеличивается масса циркулирующих денег.

Примерно те же доводы развивает и Я. Кронрод в его интересной и ценной книге «Укрепление денежного обращения в СССР, инфляция в странах капитализма». Я. Кронрод полагает, что трудящиеся уплачивают налоги, не только сокращая свое потребление, но и «за счет израсходования своих небольших сбережений, отложенных на черный день безработицы, болезни и т. д.» [4].

---

[3] Ф. И. Михалевский. Золото в системе капитализма после второй мировой войны. М., 1952, стр. 65.

[4] Я. Кронрод. Укрепление денежного обращения в СССР, инфляция в странах капитализма. М., 1950, стр. 116.

Надо заметить, что эти «небольшие», по словам Я. Кронрода, сбережения не так уж малы. Он полагает, что эти сбережения могут составить 10% их годовых доходов. За счет этих сбережений увеличивается 30% налогов (согласно приводимому им примеру при уплате налогов на 10 млрд. за счет сбережений уплачивается 3 млрд.).

Соображения, приводимые как Ф. Михалевским, так и Я. Кронродом в качестве доказательства, что налоги влекут за собой расширение объема денежного обращения, никак нельзя считать убедительными. Они основаны на совершенно неправдоподобных предположениях.

Во-первых, у трудящихся не бывает сколько-нибудь значительных сбережений. Налоги устанавливаются не на один год, они уплачиваются в течение многих лет. Следовательно, для того чтобы использовать сбережения для уплаты налогов, необходимо их накапливать каждый год. Полагать, что трудящиеся ежегодно сберегают из своих мизерных доходов более или менее значительные сбережения, значит извращать капиталистическую действительность, которая не только не позволяет трудящимся накапливать сбережения, но и не обеспечивает их достаточными текущими доходами.

Во-вторых, налоги всей своей тяжестью ложатся на трудящихся, сокращая их текущее потребление. Полагать, что чуть ли не 30% налогов не затрагивают текущих доходов, значит преуменьшать тяжесть налогов.

Наконец, в-третьих, не существует таких сбережений, которые изъяты из активного обращения. Время, когда деньги сберегались в чулках или кубышках, ушло в область далекого прошлого. В настоящее время в развитых капиталистических государствах деньги, расходование которых откладывается, оседают в сберегательных кассах, в банках в виде вкладов. Находящиеся же в сберегательных кассах и банках деньги не являются бездействующими деньгами, они используются банками, следовательно, внедряются в активное обращение. Бездействующими деньгами можно назвать только кассовую наличность банков, которая, как известно, очень мала. Вообще при развитой банковой системе бездействующих денег, т. е. денег, выключенных из активного обращения, нет, или во всяком случае сумма таких бездействующих денег совершенно ничтожна.

Налоги не влекут за собой увеличения денежного обращения. Но в то же время абсолютно ложным является утверждение, что налоги ведут к сокращению денежного обращения. Налоги только в том случае вели бы к сокращению денежного обращения, если бы государство не расходовало средств, собранных в результате налогов, чего, конечно, не бывает.

2. ОБЕСЦЕНЕНИЕ ДЕНЕГ

Чрезмерность бумажно-денежного обращения неизбежно приводит к обесценению денег.

Что же такое обесценение денег и в чем оно проявляется?

Возможность обесценения бумажных денег показана Марксом в 1 томе «Капитала» при характеристике функций денег в качестве орудий обращения.

Более полную трактовку вопроса об обесценении денег и его причинах мы находим в одной из подготовительных работ Маркса «К критике политической экономии».

В этой работе Маркс дает полную и четкую характеристику как обстоятельств, непосредственно вызывающих как обесценение бумажных денег, так и самого обесценения.

«В Пруссии, — пишет Маркс, — существуют бумажные деньги с принудительным курсом (обратный приток их обеспечен постольку, поскольку известная доля налогов должна быть оплачена бумажками). Эти бумажные талеры не являются чеками на серебро, по закону не обмениваются никаким банком на серебро и т. д. Они выпускаются не коммерческим банком в виде ссуд под векселя, а выплачиваются правительством при оплате им своих расходов. Однако, их наименование выражено в серебре. Бумажный талер утверждает, будто он представляет ту же стоимость, как и серебряный талер. Если бы сильно поколебалось доверие к правительству, или же если бы бумажные деньги выпускались в бóльших количествах, нежели требуется для потребностей обращения, то на практике бумажный талер перестал бы стоять на одном уровне с серебряным талером и был бы обесценен, ибо он упал бы ниже стоимости, которая показана в его наименовании. И без этих обстоятельств он обесценился бы также в том случае, если бы возникла особая потребность в серебряной монете или серебре, например, для вывоза, что поставило бы серебро в привилегированное положение по сравнению с бумажным талером. . . падение реальной стоимости ниже номинальной стоимости есть обесценение («Sinken des Realwerts unter den Nominalwert ist Depreziation»)» [5].

Следует особо подчеркнуть, что обесценение денег определяется Марксом как «падение реальной стоимости ниже номинальной», именно реальной, а не меновой стоимости, как утверждают некоторые экономисты [6].

Из перечисленных Марксом причин наибольшее значение имеет в настоящее время чрезмерность денежного обращения, т. е. «выпуск бумажных денег в бóльшем количестве, нежели требуется для потребности обращения». Поэтому в дальнейшем

---

[5] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV. М., 1935, стр. 37—38.

[6] Э. Бregель. Денежное обращение и кредит капиталистических государств. М., 1950, стр. 66.

обесценение денег рассматривается нами как процесс, сопутствующий чрезмерности денежного обращения.

Обесценение денег непосредственно проявляется в повышении товарных цен. Однако не всякое повышение товарных цен есть проявление обесценения денег. Повышение товарных цен может быть результатом обстоятельств, непосредственно не связанных с денежным обращением и возникающих независимо от происходящих в нем изменений. Оно может быть результатом повышения стоимости товаров, понижения стоимости золота, оно может быть результатом превышения спроса над предложением. Повышение же спроса вовсе не связано с увеличением массы циркулирующих орудий обращения. Глубоко ошибочна точка зрения, что масса денег определяет размеры платежеспособного спроса. Отождествление массы денег с размерами платежеспособного спроса ведет к ложным выводам, что всякое повышение цен вызывается изменениями, происходящими в сфере денежного обращения.

Особенно большую роль в повышении товарных цен играет политика монополий, а в условиях войны и милитаризации экономики — политика подчиненного монополиям государства, которое платит за преобретаемые им товары высокие цены, гарантирующие монополиям максимальные прибыли.

Повышение товарных цен возможно и при отсутствии чрезмерности денежного обращения, как это, например, бывает в фазах подъема; точно так же понижение товарных цен во время кризисов отнюдь не вызывается недостатком денег.

Следует отличать обесценение денег, т. е. понижение их покупательной силы, вызываемое чрезмерностью денежного обращения или другими причинами, указанными в приведенном выше высказывании Маркса, от понижения покупательной силы денег, вызываемого процессами, развивающимися вне и независимо от денежного обращения.

В буржуазной политической экономии широкое распространение имеют теории, согласно которым всякое изменение цен, в том числе и их повышение, объясняется состоянием денежного обращения. Этими теориями буржуазные экономисты стремятся отвлечь внимание трудящихся от истинных причин их бедствий, вызываемых дороговизной, стремятся внушить трудящимся, что не противоречиями капиталистического способа производства и не политикой монополий и представляющих их интересы буржуазных правительств обусловлена дороговизна, а только недостатками денежного обращения, от которых не так трудно избавиться.

Обесценение денег, т. е. повышение товарных цен, вызываемое изменениями в сфере денежного обращения, его чрезмерностью, имеет некоторые своеобразные черты [7].

---

[7] Обесценение денег может быть результатом падения стоимости золо-

При обесценении денег, вызываемом чрезмерностью денежного обращения, происходит повышение товарных цен, выраженных в бумажных деньгах, иначе говоря, происходит повышение номинальных цен. Реальные же цены, т. е. цены, выраженные в золоте, могут оставаться неизменными или даже понижаться.

Так, например, в Германии в 1923 г. деньги чрезвычайно быстро и очень сильно обесценивались, соответственно номинальные цены товаров, т. е. цены, выраженные в бумажных деньгах, росли с неимоверной быстротой и в огромных размерах. Реальные же цены, т. е. цены, выраженные в золоте (или в твердой иностранной валюте), также быстро и очень сильно понижались. Для тех, кто имел твердую валюту (американские доллары или английские фунты), Германия была страной чрезвычайно низких цен. В то время немецкие товары скупались здесь иностранцами буквально за бесценок, неимоверно обогащались экспортеры, вывозившие товары в страны твердой валюты. То же происходило и во Франции в 1924 г., когда происходило быстрое и катастрофическое обесценение французского франка.

Для того чтобы определить степень обесценения денег во время и после второй мировой войны, сопоставим происходившие во время и после второй мировой войны изменения чрезмерности денежного обращения с изменениями товарных цен и покупательной силы денег. Исходным берется 1937 год, когда, как условно предполагается, не было чрезмерности денежного обращения.

Чрезмерность денежного обращения исчислена нами исходя из того, что ее увеличение и уменьшение прямо пропорциональны увеличению и уменьшению количества циркулирующих денег и обратно пропорциональны росту и сокращению промышленной продукции. Чрезмерность денежного обращения определяется отношением денежной массы к промышленной продукции, точнее, отношением индекса денежной массы к индексу промышленной продукции.

Покупательная сила денег исчислена нами на основе движения оптовых цен.

Само собой разумеется, сделанные нами сопоставления не дают точной характеристики происходивших на втором этапе общего кризиса капитализма изменений денежного обращения.

Динамика промышленной продукции не вполне соответствует динамике потребности народного хозяйства в орудиях обращения.

та; такое обесценение возможно и при золотом обращении. Но в тексте речь идет об обесценении денег, связанном с чрезмерностью денежного обращения, стало быть, об обесценении бумажных денег.

Используемый индекс оптовых цен, несомненно, преуменьшает происходившее повышение товарных цен. При исчислении этого индекса набор товаров и определение их весов произвольны и тенденциозны. В основу исчисления положены только официальные цены; не принимаются во внимание цены так называемого черного рынка, который был не так уж мал.

Все же для изучения динамики процессов можно использовать приводимые данные. Сделанное сопоставление дает хотя и неточное, но все же приблизительно в общем верное, соответствующее действительности, представление о том, что происходило как во время, так и после второй мировой войны (табл. 6).

Таблица 6

Чрезмерность денежного обращения, оптовые цены, покупательная сила денег (1937 г.=100).

Год	США			Япония			Англия		
	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег
1938	137	91	110	105	92	109	112	100	100
1939	126	89	112	—	94	106	154	100	100
1940	130	91	110	—	124	81	184	100	100
1941	115	100	100	—	140	71	219	100	100
1942	120	113	88	—	146	68	272	100	100
1943	128	118	85	—	148	67	301	200	50
1944	147	120	83	—	152	66	422	200	50
1945	192	122	82	330	154	65	2269	300	33

В годы войны во всех странах происходило повышение товарных цен. С 1937 по 1945 г. оптовые цены в США повысились на 22%, соответственно покупательная сила денег понизилась на 18%.

В какой мере повышение цен было обусловлено вызванным чрезмерностью денежного обращения обесценением денег и в какой мере повышение цен было обусловлено обстоятельствами, складывавшимися вне сферы денежного обращения, судить трудно. Нет сомнения, что и то и другое имело значение. Все же из того, что за эти же годы, т. е. с 1937 по 1945 г., рост чрезмерности денежного обращения значительно превысил повышение товарных цен (чрезмерность денежного обращения усилилась на 92%), можно сделать вывод, что основное, главное, преимущественное

значение имело вызванное чрезмерностью денежного обращения обесценение денег.

Отставание повышения товарных цен от роста денежной массы вполне закономерно. Всегда до тех пор, пока обесценение не достигло больших размеров, цены повышаются медленнее, чем растет денежная масса.

В Англии происходило то же, что и в США. Чрезмерность денежного обращения колоссально возросла — на 230%, оптовые цены повысились на 54%, соответственно покупательная сила денег понизилась на 35%. И в Англии, следовательно, определяющим фактором повышения товарных цен было вызванное чрезмерностью денежного обращения обесценение денег.

В Японии, где чрезмерность денежного обращения особенно сильно выросла и в 1944 и в 1945 гг. достигла колоссальных размеров, она была основным фактором повышения цен. Однако и здесь, как это всегда бывает, действие чрезмерности еще не сказалось полностью.

Общей закономерностью является то, что усиление чрезмерности денежного обращения не только непосредственно ведет к повышению товарных цен, но одновременно создает предпосылки для дальнейшего повышения. Если бы в последующие годы не происходил рост денежного обращения, то все же воздействие уже созданной чрезмерности обнаружилось бы в дальнейшем повышении товарных цен.

В общем можно сказать, что во время войны главную роль в процессе повышения товарных цен играло обесценение денег. Значение же обстоятельств, складывавшихся вне сферы денежного обращения, было менее существенно.

А как обстояло дело после войны, видно из табл. 7.

После войны воздействие на движение товарных цен обстоятельств, складывавшихся вне сферы денежного обращения, очень сильно увеличилось. Само собой разумеется, и воздействие чрезмерности денежного обращения осталось очень большим, однако относительное значение его несколько уменьшилось.

В последние годы происходит следующее.

В США с 1945 по 1953 г. объем денежного обращения расширился на 28%, промышленная продукция увеличилась на 15%; в результате чрезмерность денежного обращения увеличилась на 11%. Оптовые цены выросли на 59%.

В этом повышении сказалось, конечно, воздействие создавшейся ранее и увеличившейся в последние годы чрезмерности денежного обращения.

Но большую роль сыграли и условия, сложившиеся вне денежного обращения, в частности отмена в 1946 г. установленных государством максимальных цен.

В Англии продукция 1953 г. превысила продукцию 1945 г. на 66%. Объем же денежного обращения расширился только на

Таблица 7

Чрезмерность денежного обращения, оптовые цены, покупательная сила денег
(1937 г.=100)

Год	США			Англия			Япония		
	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег	чрезмерность денежного обращения	оптовые цены	покупательная сила денег
1945	192	122	84	330	154	65	2 269	300	33,0
1946	246	139	74	326	160	63	7 347	1 300	7,7
1947	234	170	59	308	174	57	13 202	3 800	2,6
1948	223	185	54	279	200	50	19 196	10 000	1,0
1949	241	176	57	264	210	48	17 142	16 300	0,6
1950	225	183	55	252	240	42	17 383	19 300	0,5
1951	216	204	49	248	292	34	17 121	26 800	0,4
1952	225	198	50	258	298	34	9 291	27 300	0,4
1953	214	194	51	251	298	34	19 774	27 700	0,4

25%. В результате чрезмерность денежного обращения снизилась на 24%, а цены возросли на 93%.

В этом повышении сказалась создавшаяся во время войны чрезмерность денежного обращения, несколько ослабленная в послевоенные годы, но все же очень большая: в сравнении с 1937 г. чрезмерность денежного обращения усилилась в 1953 г. на 151%.

В то же время немалую роль играли условия, сложившиеся вне денежного обращения.

И в Японии, где деньги обесценились в исключительно больших размерах, где, собственно, произошел крах денежной системы, в последние годы немалое значение также имели условия, сложившиеся вне денежного обращения.

Если взять весь период в целом, то можно сделать следующее обобщение.

За время войны и после войны произошло огромное повышение товарных цен: с 1937 по 1953 г. цены повысились в США на 94%, в Англии — на 198%, в Японии — в 277 раз. В этом повышении основную роль сыграло вызванное чрезмерностью денежного обращения обесценение денег: с 1937 по 1953 г. чрезмерность денежного обращения в США увеличилась на 114%, в Англии — на 151%, в Японии — в 198 раз.

В конце 1953 г. покупательная сила денег, исчисленная по индексу оптовых цен, во всех капиталистических странах в срав-

нении с 1937 г. чрезвычайно сильно пала: в США — на 49%, в Англии — на 66%, в Голландии — на 71%, в Бельгии — на 76%, в Швеции — на 62%, во Франции — на 96,4%, в Италии — на 98%, в Японии — на 99,6%, в Австралии — на 69%, в Канаде — на 51%, в Дании — на 65%, в Финляндии — на 93%, в Норвегии — на 63%, в Испании — на 86%, в Швейцарии — на 52%.

Такое падение покупательной силы денег свидетельствует о крайнем ослаблении денежной системы во всех капиталистических странах.

3. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА

Процесс обесценения денег, вызываемый чрезмерностью денежного обращения, т. е. переполнением каналов обращения бумажными деньгами сверх потребности оборота, мы иллюстрировали движением общего уровня товарных цен. Повышение общего уровня товарных цен является обобщающим показателем инфляционного процесса.

Это повышение не означает, конечно, что цены всех товаров повышаются одновременно и в равной мере. Если бы цены всех товаров повышались одновременно, то соотносительные цены остались бы неизменными; при неизменности же соотносительных цен обесценение денег не вызывало бы перераспределения национального дохода и изменения доли национального дохода различных классов населения.

Но при обесценении денег, вызываемом чрезмерностью бумажно-денежного обращения, цены различных товаров, выраженные в бумажных деньгах, как известно, повышаются не одновременно и не одинаково. Цены одних товаров повышаются быстро и более сильно, цены других товаров повышаются медленно и в гораздо меньшей степени. Это является характерной чертой инфляционного процесса и составляет одну из закономерностей бумажно-денежного обращения.

Чрезмерность бумажно-денежного обращения вызывает изменения соотносительных цен, что приводит к перераспределению национального дохода в пользу тех классов населения, чьи товары дорожают быстрее и более сильно, в ущерб тем классам населения, чьи товары дорожают более медленно и не столь сильно.

Раньше всего и больше всего повышаются цены товаров, приобретаемых государством и оплачиваемых дополнительной эмиссией бумажно-денежных знаков, стало быть, цены товаров, поставляемых монополиями государству. Известно, что поставщиками государства являются крупнейшие монополии.

Постепенно повышение цен распространяется на товары, производимые в менее крупных и мелких предприятиях; повыше-

ние цен этих товаров менее значительно, чем повышение цен товаров, поставляемых государству монополиями.

Далее происходит повышение цен товаров так называемых мелких самостоятельных производителей, ремесленников, крестьян и т. д. Степень вздорожания этих товаров значительно уступает не только вздорожанию товаров монополизированных отраслей, но и вздорожанию товаров мелких и средних капиталистических предприятий.

Наконец, позже всего и меньше всего повышается цена рабочей силы. Рост номинальной заработной платы если и происходит, то всегда значительно отстает от роста цен предметов потребления рабочих.

Неодновременное и неравномерное повышение товарных цен приводит к неравномерному распределению бремени инфляции между различными классами населения.

Наибольшей своей тяжестью инфляция обрушивается на рабочих. Обесценение бумажных денег обязательно сопровождается падением реальной заработной платы, что, естественно, вызывает сопротивление рабочих. Напряженной борьбой рабочие могут добиться и действительно добиваются повышения номинальной заработной платы. Но такое повышение происходит только, во-первых, после того, как цены на предметы, потребляемые рабочими, повысились и, во-вторых, оно всегда значительно отстает от роста товарных цен.

Понижение реальной заработной платы ведет к увеличению капиталистической прибыли. Обесценение денег всемерно используется монополиями для получения максимальных прибылей.

Получение максимальной прибыли достигается различными способами, в числе которых основную роль играет усиление эксплуатации рабочих, повышение нормы прибавочной стоимости, ведущее к сокращению той части национального дохода, которая достается рабочим, и, соответственно, к увеличению той части национального дохода, которую присваивают капиталисты.

Повышать норму прибавочной стоимости можно различными мерами — удлинением рабочего дня, усилением интенсивности труда, прямым понижением номинальной заработной платы. Все эти меры применяются в настоящее время; однако в современных условиях удлинение рабочего дня и открытое понижение денежной заработной платы наталкиваются на большие трудности. Рост классового сознания рабочих, усиление их политических и профессиональных организаций, борьба рабочих препятствуют применению открытых форм усиления эксплуатации. Обесценение же денег дает возможность при сохранении номинальной заработной платы на неизменном уровне или даже при ее увеличении понижать реальную заработную плату. Обесценение

денег является скрытой и поэтому более доступной формой повышения нормы прибавочной стоимости и увеличения капиталистической прибыли.

То, что обесценение денег сознательно используется монополиями для усиления эксплуатации рабочих, так как оно позволяет маскировать истинное положение вещей, признают и буржуазные апологеты капитализма.

Ярый и последовательный защитник монополистического капитализма английский экономист Кейнс пишет об этом:

«Повседневный опыт с несомненностью доказывает, что положение, когда рабочие добиваются (в известных рамках) определенной денежной, а не реальной заработной платы, вовсе не абстрактная возможность, а нормальный случай. Рабочие обычно противятся сокращению денежной заработной платы, но они не прекращают работы всякий раз, как поднимаются цены товаров рабочего потребления. Иногда говорят, что со стороны рабочих нелогично противиться понижению денежной заработной платы и не противиться понижению реальной заработной платы... Но логично оно или нет, опыт показывает, что фактически поведение рабочих именно таково» [8].

И в другом месте.

«В действительной жизни попытки нанимателей понизить денежную заработную плату путем пересмотра соглашения с рабочими вызовут гораздо более сильное сопротивление, нежели постепенное или автоматическое снижение реальной заработной платы в результате роста цен» [9].

Надо сказать, что надежды Кейнса и его многочисленных последователей на «нелогичность» рабочих не оправданы. Неверно, что рабочие заботятся только о денежной, номинальной заработной плате и относятся безразлично к понижению реальной заработной платы.

Соображения Кейнса используются правыми социалистами, лейбористами, продажными лидерами американских и английских тред-юнионов для оправдания политики так называемого замораживания денежной заработной платы. Широкие же массы рабочих США и Англии, Франции, Италии и других капиталистических стран прекрасно понимают значение реальной заработной платы и ведут упорную борьбу за ее увеличение или хотя бы сохранение на неизменном уровне. В США, во Франции и в других капиталистических странах при заключении коллективных договоров рабочие стремятся добиться и иногда добиваются изменения заработной платы в соответствии с изменением стоимости жизни.

---

[8] Дж. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948, стр. 7.

[9] Там же, стр. 255—256.

Но сам индекс является предметом борьбы, так как он составляется учреждениями, подчиненными монополиям, и крайне фальсифицируется в пользу капиталистов, в ущерб рабочим.

Обесценение денег всегда связано с понижением реальной заработной платы, стало быть, с перераспределением национального дохода в пользу капиталистов.

Падение реальной заработной платы, как указывалось, является результатом повышения цен на предметы потребления рабочих, значительно превосходящего повышение номинальной заработной платы.

Как сильно выросли цены на предметы потребления рабочих, видно из следующих данных. В США в 1953 г. в сравнении с 1938 г. цены на хлеб повысились на 97%, мясо — на 158%, масло (сливочное) — на 129%, сахар — на 98%. В Англии в 1953 г. в сравнении с довоенными цены на хлеб повысились на 120%, мясо — на 140%, сахар — на 200%. Во Франции в 1953 г. только по сравнению с 1947 г. среднегодовые цены на хлеб повысились на 204%, мясо — на 102%, масло (сливочное) — на 167%, сахар — на 200%.

Вздорожание этих цен было результатом действия различных обстоятельств, среди которых инфляция имела исключительно большое значение.

Рост цен на предметы потребления рабочих при значительно меньшем росте номинальной заработной платы привел к понижению доли национального дохода, получаемой рабочими. В 1951 г. в США доля трудящихся в национальном доходе, составлявшая до второй мировой войны 54%, снизилась до 42%. В Англии доля трудящихся в национальном доходе снизилась с 45 до 40%. Во Франции доля заработной платы рабочих и служащих в национальном доходе снизилась с 45 до 30%.

Таковы данные официальной статистики, которые, несомненно, преуменьшают процесс снижения доли трудящихся в национальном доходе. Но даже и эти данные свидетельствуют о чрезвычайно большом сокращении этой доли.

Во всех капиталистических странах реальная заработная плата в сравнении с довоенными годами резко снизилась. В Англии реальная заработная плата составляет не более 80%, во Франции и в Италии — менее 50% довоенного уровня.

Инфляция обрушивается на рабочих с самого начала своего возникновения и по мере ее развертывания тяжесть инфляции для рабочих все более и более увеличивается.

Позднее и в несколько меньшей мере бремя инфляции ложится на мелких товаропроизводителей, на крестьян. Цены товаров, которые крестьяне продают, повышаются в меньшей мере, чем цены товаров, которые они покупают. Реальные доходы крестьян резко понижаются, процесс разорения крестьян усиливается.

Хотя в меньшей мере, инфляция обрушивается также на мелких и средних капиталистов. Выигрывая на понижении реальной заработной платы занятых в их предприятиях рабочих, эти капиталисты много проигрывают от роста цен на орудия производства, которые они приобретают у крупных капиталистов.

Инфляционный процесс сопровождается разорением не только самостоятельных товаропроизводителей, но и мелких и средних капиталистов, конкурентоспособность которых по мере развертывания инфляции ослабевает.

В связи с инфляцией наименьшие потери и наибольшие выгоды приходятся на долю крупного капитала.

Однако надо иметь в виду, что инфляция, как это будет показано далее, в конечном счете дезорганизует процесс капиталистического воспроизводства, усиливает его диспропорции, а при большом своем развертывании, когда процесс обесценения денег совершается чрезвычайно быстрыми темпами и обесценение денег достигает очень больших размеров (как это было, например, в Германии в 1923 г.), инфляция приводит к хозяйственной разрухе.

Тогда инфляция перестает приносить выгоды и крупному капиталу.

Посредством выпуска дополнительных масс бумажных денег государство извлекает материальные ценности из народного хозяйства. Инфляционный процесс, неравномерное и неодинаковое повышение цен различных товаров ведут к тому, что изымаются материальные ценности у рабочих, у трудящихся и менее состоятельных классов населения. Но вместе с развертыванием инфляции эффективность выпуска дополнительной массы бумажных денег, естественно, ослабевает.

Инфляция, связанная с перераспределением национального дохода, ложащаяся наиболее тяжелым бременем на трудящихся, обостряет классовые противоречия, усиливает классовую борьбу. Инфляция всегда сопровождается учащением классовых конфликтов, рабочих стачек.

Вследствие всех указанных обстоятельств даже монополии и находящиеся в их подчинении правительства опасаются слишком большого развертывания инфляции.

4. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНФЛЯЦИИ

Современная инфляция отличается некоторыми особенностями, понимание которых имеет большое значение как для характеристики самой инфляции и ее проявлений, так и для характеристики процесса воспроизводства при современном капитализме.

Дезорганизация денежного обращения, потеря им своей былой устойчивости, заполнение каналов обращения бумажными суррогатами денег, обесценение денег, развитие инфляции непосред-

ственно обусловлены как объективными закономерностями развития современного капитализма, так и политикой господствующих монополий.

Современная инфляция является прежде всего результатом действия объективных закономерностей капиталистической экономики в период общего кризиса мировой капиталистической системы. Усиление инфляционного процесса во время второй мировой войны явилось дальнейшим развитием процессов, обозначившихся с самого начала общего кризиса капитализма. На втором этапе этого кризиса усиление инфляции явилось результатом и в то же время показателем крайнего обострения всех капиталистических противоречий, отражением в сфере денежного обращения и показателем дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Исключительно большое значение в развитии современной инфляции имеют милитаризация экономики и связанное с нею непроизводительное использование значительной части национального дохода, а также изъятие из процесса воспроизводства огромной массы материальных ценностей, что ведет к изменению структуры общественного капитала, к относительному росту денежного капитала.

Политические и экономические условия периода общего кризиса капитализма, милитаризация экономики, огромный рост непроизводительного потребления, использование денежной системы для финансирования милитаризации экономики, для усиления эксплуатации рабочих предопределяют особенности современной инфляции, отличающие ее от инфляции прошлого столетия.

Инфляционные процессы развивались в капиталистических странах и в эпоху домонополистического капитализма. Но тогда непрерывная и длительная инфляция наблюдалась только в слабо развитых странах и являлась отражением недоразвитости, недозрелости капиталистических отношений, как это было, например, в Италии, в Австро-Венгрии, в России, которые до конца XIX в. не могли избавиться от инфляции. В развитых капиталистических странах инфляция носила случайный характер, вызывалась временными чрезвычайными обстоятельствами и была кратковременной. Инфляция препятствует развитию капиталистических отношений, неустойчивое денежное обращение не адэкватно капитализму.

И в домонополистическом капитализме господствующий класс капиталистов мог использовать инфляцию как средство усиления эксплуатации рабочих. Но инфляция оказывает, как это будет показано ниже, дезорганизующее воздействие на процесс воспроизводства. Поэтому господствующий класс капиталистов не часто прибегал к инфляции.

Тогда он стремился к созданию хотя бы относительно устойчивого денежного обращения, так как устойчивая денежная

система является предпосылкой прогрессивного развития капитализма и способствует борьбе с остатками докапиталистических феодальных отношений.

Современная же инфляция является отражением перезрелости капиталистических отношений, процесса умирания, загнивания капитализма. Современному капитализму устойчивое денежное обращение уже недоступно. Устойчивость денежной системы возможна только в условиях относительно устойчивой экономической системы. Стабильность денежной системы предполагает хотя бы относительную стабильность экономики. В период общего кризиса капитализм потерял свою былую относительную устойчивость и стабильность; соответственно этому потеряна возможность функционирования относительно устойчивой, стабильной денежной системы. В то же время современная инфляция стимулируется политикой господствующих монополий, использующих инфляцию как метод усиления эксплуатации рабочих, разорения мелких и средних собственников для получения максимальной прибыли.

Инфляция препятствует развитию производительных сил; она, как будет показано в следующей главе, дезорганизует процесс воспроизводства, является дополнительным фактором нарушения условий воспроизводства, нарушения пропорциональности и создания диспропорций; она ослабляет темпы расширенного воспроизводства.

Но когда капитализм становится неспособным использовать наличные производительные силы, не может даже в фазах подъема полностью загрузить имеющиеся производственные мощности, когда инфляция становится, как это происходит в настоящее время, объективной неизбежностью, определяемой условиями общего кризиса капитализма и углублением этого кризиса после второй мировой войны, господствующие монополии прибегают к инфляции, стремясь при этом перекладывать всю тяжесть инфляции на широкие массы трудящихся, на мелких, средних и менее крупных собственников.

В условиях современного капитализма, как уже указывалось, возможности усиления эксплуатации рабочих путем прямого и открытого ухудшения условий труда, путем удлинения рабочего дня или сокращения заработной платы стали более ограниченными. Рост классового самосознания рабочих, укрепление и развитие их политических и профессиональных организаций усиливают сопротивление рабочих ухудшению их материального положения. Монополии прибегают к скрытым методам усиления эксплуатации рабочих, в числе которых инфляция занимает видное место.

Нетрудно понять, что указанные объективные и субъективные предпосылки современной инфляции определяются действием основного экономического закона современного капитализма,

согласно которому целью производства является обеспечение максимальных капиталистических прибылей. Стремление же к получению максимальной прибыли вызывает соответствующую политику господствующих монополий, использующих всяческие методы для достижения своих целей. В инфляции монополистический капитал находит весьма эффективный, притом скрытый метод обеспечения максимальных прибылей.

Буржуазные апологеты стремятся доказать, что современная денежная система наиболее совершенна. Современное денежное обращение они прокламируют как «управляемое», «регулируемое» денежное обращение. Нужда, таким образом, превращается в добродетель.

Действительность на каждом шагу опровергает теории приказчиков монополий, демонстрируя крайнюю неустойчивость современной разъедаемой инфляцией денежной системы. Едва ли нужно доказывать, что болтовня о совершенстве современной денежной системы является лицемерием и демагогией, посредством которых буржуазные апологеты стремятся скрыть действительные причины бедствий широких масс трудящихся.

Когда-то, в эпоху восходящего капитализма, классовые интересы буржуазии побуждали ее относиться к инфляции отрицательно, всячески ее избегать, стремиться хотя бы к относительной стабильности денежного обращения, хотя бы к относительному постоянству стоимости денежной единицы. Экономическая мощь капиталистических стран характеризовалась, между прочим, и наличием устойчивой валюты.

В настоящее время, в период умирающего, загнивающего капитализма положение изменилось. Фактически во всех странах развертывается инфляция, и господствующие монополии даже не пытаются ее ликвидировать. Они только стремятся избавить себя от инфляционных потерь. Таким образом, важнейшая особенность современной инфляции, отличающей ее от инфляции XIX в., состоит в том, что она является отражением перезрелости, загнивания капитализма, в то время как прошлые инфляции были отражением недозрелости капитализма.

Особенностью современной инфляции является всеобщая ее распространенность.

В прошлом инфляционный процесс развивался в отдельных странах, причем в большинстве капиталистических стран сохранялась относительно устойчивая валюта. В настоящее время все капиталистические страны охвачены инфляцией, в том числе такие наиболее богатые и развитые капиталистические страны, как Англия и США. То, что инфляцией охвачены все капиталистические страны, неслучайно. Общий кризис капиталистической системы означает общий кризис капитализма в каждой отдельной

стране. Инфляция является отражением перезрелости капитализма, проявлением общего кризиса капитализма, естественно поэтому, что она развивается во всех капиталистических странах. Всеобщая распространенность инфляции воздействует на международную торговлю, крайне осложняет международные платежные и расчетные отношения. Инфляция изменяет потоки товаров, ибо одним из существенных факторов рентабельности вывоза или ввоза товаров служит соотношение между степенью обсценения денег в стране экспорта товаров со степенью обесценения денег в стране, импортирующей товары.

Исключительно важной особенностью современной инфляции является то, что она стала постоянной. В прошлом во всех странах, в которых развивался инфляционный процесс, время от времени производились реформы, приводившие хотя бы на короткое время к относительной устойчивости денежного обращения.

В настоящее время инфляция, охватившая весь капиталистический мир, стала п о с т о я н н ы м явлением. И в настоящее время проводятся различные реформы, но все они не приостанавливают развития инфляционного процесса, иногда несколько ослабляют его, но чаще всего даже усиливают инфляцию. Примером может служить произведенная в 1949 г. под нажимом США девальвация валюты в Англии и ряде других стран. Эта девальвация была выгодна американским монополиям, вовсе не заинтересованным в стабилизации валют в европейских капиталистических странах.

Инфляция стала неотъемлемой чертой современного капитализма: являясь выражением загнивания капитализма, результатом общего кризиса капитализма и его углубления после второй мировой войны, инфляция в свою очередь усиливает разложение капиталистического способа производства, служит существенным фактором углубления общего кризиса капитализма.

Инфляции часто возникали в связи с войнами, которые давали толчок развертыванию инфляционного процесса. Но обычно после окончания войн в развитых капиталистических странах развертывание инфляции прекращалось. Современная инфляция связана не только с войнами, но и с милитаризацией экономики, которая не прекратилась после второй мировой войны. Милитаризация экономики стала постоянной, характерной чертой современного капитализма. Милитаризация экономики вызывается агрессивно-захватнической политикой господствующих монополий, но не меньшую роль играет то, что милитаризация экономики стала одним из важнейших способов обеспечения максимальных прибылей.

Соответственно и инфляция стала постоянным явлением, так как милитаризация экономики сама по себе ведет к нарушению устойчивости валюты.

В прошлом инфляция была аномалией, в настоящее время она является общим правилом.

В прошлом инфляция, поскольку она препятствует развитию производительных сил, не соответствует капиталистическому способу производства, была эпизодической, в настоящее время, в период общего кризиса мировой капиталистической системы, инфляция стала неизбежной, необходимой.

Следует отметить еще одну особенность современной инфляции, которая на первый взгляд кажется чисто внешней, технической, но имеет огромное значение для всей кредитно-денежной системы в целом.

Инфляции прошлого столетия развивались в связи с обращением государственных бумажных денег. Современная инфляция развивается в связи с обращением кредитных средств платежа. Правда, эти средства платежа имеют много черт, сближающих их с государственными бумажными деньгами, но все же они отличаются от последних. Они возникают и внедряются в оборот на основе кредита как государственного, так и банковского.

Обесценение государственных бумажных денег вело к ослаблению банков, так как вело к обесценению ссудного капитала, являющегося объектом деятельности банков. Таково же воздействие обесценения кредитных средств платежа. Но инфляция, развертывающаяся в связи с обращением кредитных средств платежа, влечет за собой еще ряд последствий: она изменяет характер операций банков, дезорганизует кредитную систему капитализма, ведет к установлению теснейшей связи между государственным и банковским кредитом, ведет к подчинению банковского кредита нуждам бюджета [10]. Все перечисленные особенности современной инфляции приводят к тому, что ее разрушительные последствия неизмеримо более велики, чем разрушительные последствия инфляций прошлого.

Современная инфляция, и в этом заключается существенная ее особенность, отличается исключительной интенсивностью и глубиной. Перераспределение национального дохода, являющееся существенной чертой инфляционного процесса, достигает колоссальных размеров.

---

[10] Более подробно этот вопрос рассматривается в главах, посвященных кредиту.

Глава четвертая

ИНФЛЯЦИЯ И ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА. ВОЕННО-ИНФЛЯЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Вопрос о влиянии инфляции на процесс воспроизводства общественного капитала не привлек к себе должного внимания со стороны экономистов и разработан мало; едва ли нужно доказывать важность и необходимость такой разработки.

Этот вопрос приобретает особенно большое значение в настоящее время, когда инфляция получила всеобщее распространение, когда инфляция стала одной из характерных и постоянных черт капитализма.

Процесс воспроизводства есть процесс постоянного возобновления, а при расширенном воспроизводстве — постоянного увеличения размеров производства и вместе с тем воспроизводства данных общественных отношений. Постоянное возобновление производства требует сохранения определенных условий, установленных в знаменитых марксовых схемах воспроизводства, развитых и существенно дополненных В. И. Лениным в его докладе «К так называемому вопросу о рынках».

Процесс воспроизводства требует сохранения определенного соответствия между двумя основными подразделениями общественного производства, между производством средств производства и производством предметов потребления, определенного соответствия между различными отраслями в пределах каждого из этих подразделений, соответствия между накоплением и действительным расширением производства и т. д.

Наличие такого соответствия является необходимым не только для капиталистического воспроизводства.

Но в капиталистическом обществе, и это показано в самих схемах, необходимые для воспроизводства условия вследствие основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства — постоянно нарушаются.

Проявления основного противоречия капитализма — противоречия между рабочими и капиталистами, противоречия между относительной организованностью отдельных предприятий и анархией во всем обществе, противоречия между возможностями производства и ограниченностью платежеспособного спроса — вызывают постоянные нарушения необходимых для воспроизводства пропорций. Процесс капиталистического воспроизводства сопровождается постоянным возникновением диспропорций и вместе с тем постоянным их уравниванием. «Все выравнивания диспропорций, — пишет Маркс, — имеют *случайный* характер и что, хотя те соотношения, в которых капиталы применяются в отдельных сферах, и выравниваются посредством некоторого постоянного процесса, но само постоянство этого процесса предполагает точно так же и постоянные диспропорции, которые ему приходится постоянно, часто насильственным путем, выравнивать» [1].

Постоянно возникающие диспропорции до известного момента, пока они не достигают большей интенсивности, выравниваются не насильственным путем, не перерывом процесса расширенного воспроизводства, а изменением цен, переливом капиталов из одной отрасли в другую и т. д. Однако в ходе капиталистического воспроизводства все более обостряются его противоречия, усиливается антагонизм между трудом и капиталом, обостряется противоречие между относительной организованностью производства в отдельных предприятиях и анархией общественного производства в целом, обостряется противоречие между ростом производства и ограниченностью платежеспособного спроса, обусловленной обездоливанием широких масс трудящихся. Соответственно, диспропорции становятся более глубокими и интенсивными и выравнивание возможно только, как выражается Маркс, насильственным образом через посредство периодически разражающихся экономических кризисов перепроизводства.

Особо необходимо подчеркнуть значение противоречия между ростом возможностей производства и ограниченностью платежеспособного спроса.

«Основа экономических кризисов перепроизводства, их причина, — указывалось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVI съезду партии, — лежит в самой системе капиталистического хозяйства. Основа кризиса лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения результатов производства. Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным **ростом** производственных возможностей капитализма, рассчитанным на получение **максимума** капиталистической прибыли, и относительным **сокращением** платежеспособного спроса со сто-

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II. М., 1957, стр. 497.

роны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего минимума» [2].

Экономический кризис перепроизводства есть насильственный процесс выравнивания достигших огромной остроты противоречий воспроизводственного процесса.

Кризис разрешает противоречия капиталистического воспроизводства только, как указывает Маркс, на мгновение. Кризис не изменяет, конечно, условий капиталистического воспроизводства, не устраняет причин своего возникновения.

«Последней причиной всех действительных кризисов, — пишет Маркс, — остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» [3].

Кризисы, конечно, не уничтожают бедности и ограниченности потребления масс. Наоборот, они их увеличивают. Кризисы ни в какой степени не уничтожают тенденции капиталистического производства развивать производительные силы далеко за пределы платежеспособного спроса.

В каждом кризисе, которым временно разрешаются за счет огромного разрушения производительных сил противоречия капиталистического воспроизводства, создаются предпосылки нового экономического цикла и следующего кризиса.

Капитализму свойственна циклическая форма движения, постоянный переход от одной фазы цикла к другой, от кризиса к депрессии и подъему и вновь к кризису.

Таково движение капиталистического воспроизводства.

До сих пор речь шла об общих закономерностях, которым подчиняется процесс воспроизводства на всех стадиях развития капитализма. Но процесс воспроизводства не остается неизменным. В условиях монополистического капитализма процесс воспроизводства изменяется. Большие изменения происходят в период общего кризиса капитализма.

Наличие монополий не уничтожает конкуренции, наоборот, в эпоху господства монополий конкуренция, принимая разнообразные формы, становится более ожесточенной: конкуренция внутри монополий, конкуренция между монополиями, конкуренция между монополиями и предприятиями, находящимися вне монополий, и т. д.

Монополии, владея крупнейшими предприятиями, могут создавать более совершенные формы организации производства

---

[2] «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М.—Л., 1930, стр. 19, 20.

[3] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 498.

на отдельных предприятиях, но в то же время они усиливают анархию, присущую всему капиталистическому способу производства в целом.

Наличие монополий обостряет классовые противоречия. Эпоха господства монополий характеризуется все более усиливающейся борьбой между пролетариатом и буржуазией.

Обострение всех противоречий капитализма не может не приводить к обострению противоречий воспроизводственного процесса, не может не приводить в еще большой мере, чем раньше, к постоянному созданию и углублению диспропорций между различными частями воспроизводственного процесса, особенно между первым и вторым подразделениями, между производством и потреблением. Вместе с тем при монополистическом капитализме вследствие концентрации производства, вследствие роста органического состава капитала, перелив капитала, овеществленного в орудиях производства, выравнивание диспропорций наталкивается на большие трудности.

В результате обострения всех противоречий процесса воспроизводства, углубления постоянно возникающих диспропорций, увеличения трудностей их выравнивания кризисы учащаются и становятся более глубокими и разрушительными, а их последствия — еще более пагубными для трудящихся.

* * *

Современная инфляция, особенности которой определяются общими политическими и экономическими условиями периода общего кризиса капитализма, развивается вместе с милитаризацией экономики.

Основой современной инфляции является общий кризис капитализма и его углубление после второй мировой войны; непосредственными же обстоятельствами, вызывающими и стимулирующими развитие инфляционного процесса, являются милитаризация экономики и специфические методы финансирования милитаризации. Влияние инфляции на процесс воспроизводства следует рассмотреть поэтому в связи с милитаризацией капиталистической экономики.

Для финансирования милитаризации экономики государство аккумулирует денежные средства различными способами — налогами и государственными займами. Рост бюджетных доходов увеличивает платежеспособный спрос государства за счет сокращения платежеспособного спроса налогоплательщиков и подписчиков на государственные займы.

Общий платежеспособный спрос этим не увеличивается, но резко изменяется его структура; спрос на предметы военного снаряжения и на средства его производства расширяется, платежеспособный же спрос на предметы потребления гражданского

населения и на средства производства, используемые для производства предметов гражданского потребления, сокращается.

При этом надо иметь в виду, что в какой-то мере часть расходов государства составляют расходы на содержание и оплату военнослужащих. Спрос государства на предметы потребления, используемые для содержания военнослужащих, и спрос военнослужащих на предметы личного потребления в известной мере компенсируют сокращение платежеспособного спроса на предметы потребления со стороны гражданского населения.

Увеличение спроса государства на предметы военного снаряжения происходит, во-первых, за счет сокращения общего спроса на предметы потребления и, во-вторых, за счет сокращения денежных ресурсов, обычно используемых для гражданского производства (сокращение или прекращение капитального строительства, сокращение или прекращение восстановления оборудования гражданской промышленности и т. д.).

Милитаризация экономики приводит к переключению капитальных вложений из гражданских отраслей хозяйства, где норма прибыли ниже, в военные отрасли хозяйства, где норма прибыли выше.

Рост налогов и государственного долга не приводит к расширению общего платежеспособного спроса, хотя и изменяет его структуру, изменяет направление капиталовложений, что играет очень важную роль и имеет большое значение для милитаризации экономики.

Но спрос государства реализуется не только посредством налогов и государственных займов. Довольно значительная часть спроса реализуется посредством выпуска дополнительных масс бумажных орудий и средств платежа.

Выпуск дополнительных масс орудий обращения и средств платежа производится в настоящее время в виде государственных займов. Значительная часть государственных займов, как уже указывалось, является замаскированной формой эмиссии бумажных денег.

Выпуск бумажных орудий обращения и средств платежа приводит к обесценению денег, стало быть, к соответствующему сокращению платежеспособного спроса населения. Казалось бы поэтому, что в результате выпуска бумажных денег увеличивается спрос государства и в такой же мере сокращается спрос населения, а общий платежеспособный спрос не изменяется.

В действительности же происходит иное. Обесценение денег начинается только тогда, когда обнаруживается чрезмерность денежного обращения, и во всяком случае сказывается не сразу. Вот почему выпуск бумажных денег, по крайней мере, временно вызывает увеличение общего платежеспособного спроса.

Изменение направления капиталовложений и структуры общего платежеспособного спроса, а также определяемое выпуском

бумажных орудий обращения и средств платежа увеличение общего платежеспособного спроса служит основой для роста военного производства, для хозяйственного оживления.

Но изменение направления капиталовложений и структуры платежеспособного спроса, вызывающее соответствующие изменения в соотношениях между различными отраслями народного хозяйства, усиливает, как это будет показано ниже, и углубляет диспропорции, что ведет к созданию предпосылок экономического кризиса. Следовательно, оживление, создаваемое изменением структуры платежеспособного спроса, не может не быть временным и должно неизбежно смениться приостановкой и далее сокращением общего производства.

Инфляция вызывает только в р е м е н н о е увеличение платежеспособного спроса, так как при своем развертывании она усиливает разорение широких масс трудящихся и обнищание рабочего класса и, следовательно, неизбежно ведет к сокращению платежеспособного спроса и к созреванию предпосылок экономического кризиса.

Так называемое военно-инфляционное оживление или, как его иногда называют, военно-инфляционный бум, является поэтому временным и имеет специфическое содержание.

Каково же воздействие инфляции, связанной с милитаризацией экономики, на процесс воспроизводства? В чем выражается создаваемая инфляцией дезорганизация воспроизводственного процесса?

* * *

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо определить, во-первых, воздействие инфляции на противоречия капиталистического воспроизводства, обусловливающие циклическую форму его движения и неизбежность кризисов, во-вторых, воздействие инфляции на условия воспроизводства, на соотношение отдельных частей воспроизводственного процесса и, в-третьих, воздействие инфляции на ход цикла в целом.

При этом необходимо иметь в виду следующее. Воздействие инфляции определяется ее глубиной, ее размерами. Влияние инфляции возрастает по мере развертывания и усиления инфляционного процесса: чем бóльшие размеры принимает обесценение денег и чем значительнее социально-экономические проявления инфляции, тем более велики изменения, происходящие в процессе воспроизводства. В дальнейшем речь идет о создаваемых инфляцией т е н д е н ц и я х, действие которых в начале развертывания инфляции незначительно, но все более усиливается вместе с развитием и углублением инфляционного процесса.

Одним из проявлений основного противоречия капитализма, т. е. противоречия между общественным характером производ-

ства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства, является противоречие между трудом и капиталом.

Инфляция, особенно развивающаяся в связи с милитаризацией экономики, крайне обостряет это противоречие. Падение реальной заработной платы, сокращение доли национального дохода, достающейся рабочим, и, соответственно, увеличение доли, присваиваемой капиталистами, означают ускорение процесса абсолютного и относительного обнищания рабочих. Во время инфляции классовая борьба усиливается и принимает острые формы. Рабочие вынуждены все чаще прибегать к забастовкам, чтобы сохранить мало-мальски сносные условия своего существования, чтобы воспрепятствовать понижению и без того низкого уровня своей жизни. Монополии, используя подчиненный им государственный аппарат, вводят антирабочее законодательство, усиливают наступление на политические права трудящихся, осуществляют фашизацию политического строя.

Одним из существенных противоречий капиталистического воспроизводства, определяющим циклическую форму его движения, является противоречие между производственными возможностями и ограниченностью платежеспособного спроса. Инфляционный процесс, проявляющийся в падении реальной заработной платы, в обездолении широких масс трудящихся, в разорении мелких и средних собственников, неизбежно ведет к сокращению платежеспособного спроса. Инфляция обостряет противоречия между производством и потреблением, следовательно, усиливает действие тех факторов, которые и при отсутствии инфляции нарушают нормальный ход воспроизводства.

Своеобразное воздействие оказывает инфляция на противоречие между относительной организованностью производства на отдельных капиталистических предприятиях и анархией во всем обществе.

Инфляция ведет к ослаблению даже той относительной организованности, которая характерна для производства на отдельных предприятиях. Инфляция ослабляет возможности коммерческого расчета. Организация производства требует более или менее точной калькуляции, затрудненной уже на первых стадиях инфляции и становящейся совершенно невозможной, когда инфляция достигает больших размеров и когда темпы обесценения бумажных денег очень высоки. В огромной мере возрастает значение спекулятивных прибылей, получаемых на основе «игры на колебаниях валют».

Относительная организованность производства на отдельных предприятиях подрывается внедрением случайных обстоятельств, вызываемых инфляцией.

Резко усиливается анархия во всем общественном производстве. Использование и размещение производительных сил в зна-

чительной мере определяются расчетами на получение спекулятивных прибылей, на изменение соотносительных цен.

Соотношение между различными отраслями народного хозяйства подвергается постоянным изменениям, неустойчивость хозяйственного оборота крайне усиливается.

Противоречие между относительной организованностью производства на отдельных предприятиях и анархией во всем обществе принимает новые формы и отличается возросшей остротой.

Таким образом, под воздействием инфляции обостряются противоречия, определяющие циклическую форму движения процесса воспроизводства, неизбежность кризисов, и прежде всего — противоречие между ростом производственных возможностей и относительным сокращением платежеспособного спроса со стороны многомиллионных масс трудящихся.

Как указывалось ранее, воспроизводство требует наличия определенной пропорциональности между первым и вторым подразделениями общественного производства, между различными отраслями народного хозяйства, соответствия между размерами накоплений и расширением производства. При капитализме эти условия п о с т о я н н о нарушаются. Относительная пропорциональность достигается через постоянные колебания, через постоянное возникновение диспропорций. Пропорциональность осуществляется через постоянное ее неосуществление.

Инфляция, при которой происходит неодновременное и неодинаковое повышение цен различных товаров, умножает и усиливает нарушения условий воспроизводства, способствует углублению диспропорций.

Инфляция, проявляющаяся в постоянном изменении соотносительных цен, видоизменяет сложившиеся пропорции, она изменяет соотношения между первым и вторым подразделениями общественного производства, между различными отраслями хозяйства и т. д. Инфляция создает временные преимущества для одних отраслей в ущерб другим. Инфляция, являющаяся, как отмечалось выше, одним из методов финансирования милитаризации экономики, способствует росту военных отраслей хозяйства за счет сокращения производства отраслей, удовлетворяющих общие гражданские потребности.

Милитаризация экономики и связанная с нею инфляция резко изменяют соотношение между различными частями воспроизводственного процесса.

Как известно, общественное производство имеет два подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления. Производство предметов потребления можно разделить на производство предметов потребления трудящихся и производство предметов потребления капиталистов и их челяди (предметов роскоши и т. д.). Соответственно производство

средств производства делится на производство средств производства для производства средств производства, производство средств производства для производства предметов потребления рабочих и производство средств производства для производства предметов потребления капиталистов.

Капитализм характеризуется более быстрым ростом производства средств производства в сравнении с ростом производства предметов потребления, а в пределах первого подразделения — более быстрым ростом производства средств производства для производства средств производства в сравнении с ростом производства тех средств производства, которые предназначены для производства предметов потребления.

Милитаризация экономики и неизбежно сопутствующая ей инфляция изменяют эти соотношения.

Военное производство можно разделить на две части, во-первых, производство предметов военного снаряжения, к которому надо отнести пушки, танки, самолеты (военные) и т. д., и производство средств производства, предназначенных для производства пушек, танков, самолетов (военных) и т. д.

Производство средств производства военного снаряжения включается, конечно, в первое подразделение. Производство же орудий уничтожения не может быть отнесено к первому подразделению, так как орудия уничтожения ни в коем случае не являются средствами производства.

Во втором подразделении производятся предметы потребления рабочих, необходимые для воспроизводства рабочей силы, что определяет возможность дальнейшего процесса воспроизводства. Во втором подразделении производятся также предметы потребления капиталистов и их челяди, предметы роскоши для капиталистов. Во второе подразделение включается и золото, которое используется не для личного потребления, а для нужд денежного обращения.

По аналогии с производством предметов роскоши следует производство военного снаряжения также отнести ко второму подразделению.

Включение во второе подразделение отраслей производства орудий уничтожения осложняет процесс реализации, но на этом мы здесь останавливаться не можем. Важно лишь подчеркнуть, что реализация этой продукции требует перераспределения национального дохода, осуществляемого инфляцией.

Милитаризация экономики и неизбежно сопутствующая ей инфляция приводят к расширению второго подразделения и, в пределах первого подразделения, к росту производства средств производства, предназначенных для производства военного снаряжения.

Таким образом, инфляция приводит к изменению пропорций между различными отраслями хозяйства.

Инфляция проявлется в перераспределении национального дохода не только между рабочими и капиталистами, но и между различными группами капиталистов. Процесс накопления видоизменяется. Капитал устремляется в такие отрасли хозяйства, для которых милитаризацией и инфляцией создается привилегированное положение, и в такие отрасли хозяйства, где имеются наибольшие возможности получения спекулятивных прибылей на основе чисто финансовых махинаций, связанных с обесценением денег.

Все указанные процессы создают тенденции к усилению нарушений условий воспроизводства, к нарушениям пропорциональности и к усилению диспропорций.

Связанная с сокращением платежеспособного спроса широких масс населения инфляция умножает трудности реализации, являющейся критическим моментом процесса воспроизводства.

Инфляция обычно (хотя и не всегда) приводит к сокращению кредита. При обесцененной валюте и продолжающемся обесценении денег продажа в кредит увеличивает риск продавца.

Значение сокращения кредита очень велико. Кредит интенсифицирует процесс воспроизводства. Сокращение кредита, ослабление кредитных связей ведет к ослаблению всей капиталистической системы в целом, понижает темпы расширенного воспроизводства, создает тенденции к дезорганизации экономических связей, дезорганизации всего хозяйственного оборота.

Таким образом, инфляция оказывает дезорганизующее воздействие на весь процесс капиталистического воспроизводства.

Эта дезорганизация выражается в постоянном изменении складывающихся соотношений между различными частями воспроизводственного процесса, в постоянном нарушении требуемой процессом воспроизводства пропорциональности, в учащении и усилении диспропорций, в увеличении трудностей реализации, в замедлении темпов расширенного воспроизводства.

Необходимо вновь подчеркнуть, что дезорганизующее воздействие инфляции на процесс воспроизводства сказывается не сразу и степень этого воздействия неодинакова, на различных стадиях развития инфляционного процесса. Воздействие инфляции относительно слабо в начальной ее стадии, не так велико при умеренной инфляции и достигает огромной силы, когда обесценение денег происходит с большой скоростью и в больших масштабах. В последнем случае инфляция приводит к хозяйственной разрухе, как это было в Германии в 1923 г.

Необходимо также подчеркнуть, что дезорганизующее воздействие инфляции на процесс воспроизводства неодинаково отражается на положении различных классов населения.

Материальное положение рабочих ухудшается при самом начале возникновения инфляции, и уровень жизни рабочих по мере развертывания инфляционного процесса все более и более па-

дает. Крайнее ухудшение положения рабочих составляет одну из присущих инфляции характерных черт, социально-экономическое содержание инфляции.

Инфляция затрагивает интересы мелких и средних собственников, разоряющихся под ее воздействием.

Дезорганизующее воздействие инфляции на процесс воспроизводства сказывается и на положении менее крупных капиталистических предприятий. Во время и вследствие инфляции конкуренция, несколько видоизменяясь по форме, приобретает особую остроту. Этой конкуренции менее крупные предприятия не выдерживают. Инфляция усиливает действующую при капитализме тенденцию к концентрации производства и централизации капитала.

Влияние инфляции на положение менее крупных предприятий сказывается не сразу и нарастает вместе с углублением инфляционного процесса.

Только крупнейшие монополии извлекают выгоды из инфляции. Их огромная экономическая мощь дает им возможность не только избавляться от инфляционных потерь, но и использовать инфляцию для увеличения своих прибылей.

Но, как уже ранее указывалось, когда инфляция достигает большой глубины, когда дезорганизация процесса воспроизводства начинает угрожать хозяйственной разрухой, то и крупному капиталу инфляция перестает приносить выгоды.

Воздействие инфляции на процесс воспроизводства проявляется еще в следующем.

Когда инфляция развертывается очень быстро, происходит так называемое «бегство в материальные ценности».

Широкие массы населения, опасаясь дальнейшего обесценения денег, т. е. повышения товарных цен, увеличивают по возможности закупки предметов личного потребления, главным образом длительного пользования. Реализация товаров увеличивается, возникает некоторое оживление торговли. Так обычно бывает в острые моменты инфляционного процесса. Так, например, было в начале второй мировой войны, так было в США в 1950 г., когда началась американская интервенция в Корее, в связи с которой справедливо ожидалось дальнейшее обесценение денег. Обычно это «оживление» является кратковременным, так как оно не увеличивает, конечно, платежеспособного спроса, а только ведет к более быстрому его исчерпыванию.

Гораздо большее значение имеет сопровождающее инфляцию «бегство в материальные ценности» со стороны капиталистов. В этом случае происходит не замена денег предметами личного потребления, а усиленная закупка земли, всякого рода недвижимости, домов, предметов промышленного оборудования и т. д.

Однако осуществлять такую закупку можно только в случае, если кто-либо продает эти материальные ценности. В условиях

инфляции продает материальные ценности только тот, кто вынужден их продавать. Таким образом, «бегство в материальные ценности» есть не что иное, как их перераспределение в пользу крупнейших монополий, как процесс усиливающегося обогащения крупнейших монополий и разорения средних и менее крупных капиталистов.

Всем сказанным о вызываемых инфляцией тенденциях, ведущих к обострению противоречий воспроизводственного процесса, к нарушениям условий воспроизводства, нарушениям пропорциональности и усилениям диспропорций, объясняется роль инфляции в создании тех особенностей, которыми характеризуется воспроизводство в период общего кризиса мировой капиталистической системы, особенно на втором его этапе.

* * *

Воздействие инфляции на процесс воспроизводства противоречиво. Выпуск дополнительных масс орудий обращения и средств платежа способствует оживлению экономики, но в то же время дезорганизует процесс воспроизводства. Инфляция создает своеобразное состояние народного хозяйства, так называемую инфляционную конъюнктуру.

Современная инфляция развивается в связи с милитаризацией экономики капиталистических стран, порождается ею. С другой стороны, милитаризация экономики невозможна без инфляции, которая является эффективнейшим средством финансирования милитаризации капиталистической экономики.

Современная экономика капиталистических стран подвергается воздействию как инфляции, так и милитаризации экономики. Капиталистические страны в настоящее время переживают военно-инфляционную конъюнктуру [3а].

Буржуазные экономисты, особенно в США, развивают «теории», согласно которым, во-первых, военно-инфляционная конъюнктура равнозначна подъему, во-вторых, милитаризация экономики с использованием инфляции дает возможность сохранять эту конъюнктуру чуть ли не бесконечно и, следовательно, в-третьих, можно избавиться от кризисов или их ослабить.

Апологетическая направленность этих «теорий» очевидна. Действительно, военно-инфляционная конъюнктура для крупнейших монополий представляет подъем. Она создает огромные возможности чрезвычайного усиления эксплуатации рабочих.

Но внимательное рассмотрение основных черт военно-инфляционной экономики обнаруживает ложность развиваемых буржуазными экономистами теорий.

[3а] Имеется в виду начало 50-х годов. (*Прим. ред.*).

Характерной чертой обычного циклического подъема является его всеобщность. Во время подъема наблюдается рост производства во всех отраслях народного хозяйства. Имеются различия в темпах роста производства в различных отраслях хозяйства, но эти различия не отменяют всеобщности подъема, увеличения производства во всех отраслях хозяйства.

Кризис характеризуется не частичным перепроизводством в той или иной отрасли промышленности, а всеобщим перепроизводством, т. е. перепроизводством во всех или во всяком случае в основных отраслях, производящих преобладающую массу товаров. Точно так же и подъем характеризуется ростом всех или во всяком случае основных отраслей промышленности.

В условиях военно-инфляционной экономики не все отрасли хозяйства развиваются. Военно-инфляционная экономика характеризуется однобоким развитием хозяйства; продукция одних отраслей, главным образом обслуживающих военные нужды, увеличивается, в то же время так называемое гражданское производство сокращается. Отсутствие всеобщности роста производства является характернейшей чертой военно-инфляционной экономики.

Обычный циклический подъем характеризуется тем, что преобладающая масса производимых продуктов используется производительно. Расширенное воспроизводство питается производительным использованием материальных ценностей.

В условиях военно-инфляционной экономики огромная масса производимых стоимостей изымается из процесса воспроизводства и больше к нему не возвращается.

При капитализме всегда имеется непроизводительное потребление, и с развитием капитализма непроизводительное потребление капиталистов и их прислужников все более и более возрастает. Но в условиях военно-инфляционной экономики непроизводительное потребление возрастает до чрезвычайных размеров. Вся продукция военного производства (а она составляет огромную часть всей продукции) используется непроизводительно.

Фаза подъема является периодом роста производительных сил, фаза кризиса — периодом их расточительства и уничтожения. В условиях военно-инфляционной экономики происходит рост военного производства, что означает рост расточительства и уничтожения производительных сил.

Подъем характеризуется относительным ростом платежеспособного спроса населения; военно-инфляционная экономика характеризуется падением покупательной способности населения.

Увеличение промышленной продукции определяется ростом спроса государства, причем это — спрос специфический, спрос для непроизводительного потребления и, что самое главное, рост этого спроса происходит за счет спроса населения; рост платежеспособного спроса государства непосредственно связан с сокращением платежеспособного спроса населения, вызываемого различными методами финансирования военной экономики: налогами, инфляцией и т. д. В условиях военно-инфляционной экономики платежеспособный спрос населения сокращается как вследствие милитаризации экономики, так и вследствие инфляции.

Для обычного циклического подъема характерно повышение капиталистических прибылей. В этом отношении военно-инфляционная экономика сходна с фазой подъема.

В условиях военно-инфляционной экономики прибыли монополий особенно сильно возрастают. Милитаризация народного хозяйства служит одним из эффективнейших средств обеспечения максимальных прибылей монополистов. За три года (1950—1952) прибыли корпораций США, по явно преуменьшенным официальным данным, составили 124 млрд. долл. (до вычета налогов), что значительно превосходит прибыли довоенных и военных лет. За те же годы английские корпорации получили 9,4 млрд. ф. ст., что также превышает прибыли военного времени.

Обычно во время циклического подъема положение рабочих относительно улучшается. Конечно, говорить о каком-либо резком повышении уровня жизни рабочих во время подъема не приходится, но все же в сравнении с фазой кризиса он несколько повышается. В условиях военно-инфляционной экономики, когда прибыли монополий достигают исключительно больших размеров, положение рабочих и других слоев трудящихся не только не улучшается, но резко ухудшается. Инфляционный процесс характеризуется сокращением доходов всех трудящихся, падением реальной заработной платы. Свертывание гражданской промышленности вызывает увеличение безработицы, которая не компенсируется ростом числа занятых в военной промышленности. Усиливается борьба рабочих за сохранение минимальных условий существования. В течение 1949—1952 гг. в США произошло свыше 18 тыс. стачек, в которых участвовало более 11 млн. человек. В Англии за те же годы произошло свыше 6 тыс. стачек, в которых участвовало более 1,5 млн. человек.

Фаза подъема обычно сопровождается некоторым укреплением позиций мелких, средних и менее крупных предприятий; во время же кризиса сотни и тысячи таких предприятий банкротятся и поглощаются крупнейшими предприятиями. Такова закономерность цикла.

В условиях военно-инфляционной экономики положение мелких, средних и менее крупных предприятий ухудшается. Множество их разоряется. В их разорении одинаковую роль играет

как инфляция, так и милитаризация экономики. Вся система милитаризации капиталистической экономики, проводимая путем дачи правительственных заказов на наивыгоднейших условиях крупнейшим монополиям, усиливает процесс концентрации производства и централизации капитала, разорения менее крупных предприятий, колоссального увеличения мощи монополий, роста зависимости от них менее крупных предприятий, пока еще сохраняющих видимость самостоятельности.

Показателем разорения мелких и средних предприятий может служить огромный рост банкротств. В 1949—1952 гг. в США произошло свыше 34 тыс. банкротств предприятий, общая сумма обязательств которых превысила 1 млрд. долл. За те же годы в Аглии произошло более 7 тыс. банкротств предприятий, общая сумма обязательств которых равнялась 21 млн. ф. ст.

Даже краткий анализ главнейших основных черт военно-инфляционной экономики обнаруживает лживость «теорий», согласно которым эта экономика равнозначна подъему. Разговоры о том, что военно-ипфляционная экономика характеризуется ее процветанием, — это болтовня усердствующих апологетов современного капитализма, имеющая вполне определенные демагогические цели: способствовать разжиганию военной истерии, обманывать широкие массы населения, убеждать их в том, что агрессивная захватническая политика проводится в их же интересах, отвлекать их внимание от истинных причин их бедствий.

Разбухание военной промышленности, рост товарных цен и в особенности необычайный рост капиталистических прибылей создают иллюзию экономического процветания. В действительности же под внешним покровом экономического оживления скрываются глубочайшие кризисные явления, хищническое расточительство производительных сил, дезорганизация процесса воспроизводства, неисчислимые бедствия трудящихся, крайнее ослабление всей капиталистической системы в целом.

Ложными являются также утверждения буржуазных апологетов о возможности чуть ли не бесконечного сохранения военно-инфляционной конъюнктуры. Эти утверждения зиждятся на давно разоблаченных теориях благости непроизводительного потребления, проповедовавшихся еще в начале прошлого столетия небезызвестным попом Мальтусом, много раз повторенных различными представителями вульгарной политической экономии и в новейшее время вновь выдвинутых Кейнсом[4].

[4] До какого цинизма доходит Кейнс в восхвалении непроизводительного потребления, можно судить по одному интересному факту. В 1948 г. была опубликована книга американского экономиста Андерсона. В предисловии к этой книге Генри Хезлит (Henry Hazlitt) пишет, что Андерсон как-то рассказывал ему о своей беседе с Кейнсом по поводу непроизводительного потребления. «Не было бы полезно, — спросил Андерсон Кейнса, — выращивать белых слонов во время депрессий?» Кейнс, нисколько не смущаясь, ответил: «Это было бы правильно».

Утверждения апологетов о возможности бесконечного сохранения военно-инфляционной конъюнктуры строятся на давно обнаружившей свое ничтожество «теории» капиталотворческой роли кредита, развивавшейся еще в прошлом столетии Мак-Леодом, повторенной в многочисленных работах вульгарных экономистов и усердно развиваемой современными представителями монетарных теорий конъюнктуры, согласно которым внедрением в оборот искусственно создаваемых платежных средств можно сохранить вечно высокую конъюнктуру, создать безкризисное капиталистическое хозяйство.

Пресловутое «процветание», создаваемое инфляцией, характеризующееся крайним обострением противоречий процесса воспроизводства, не может не быть временным. Сокращение платежеспособного спроса населения происходит быстрее, чем сокращение гражданского производства, вследствие чего в отраслях производства предметов широкого потребления неизбежно должно обнаруживаться перепроизводство. Ярким свидетельством этого перепроизводства в США служит рост запасов в промышленности и торговле, стоимость которых в начале 1954 г. достигла огромной суммы — свыше 80 млрд. долл.

Определяемое милитаризацией экономики расширение производства средств производства в условиях острой конкуренции и обостряемых инфляцией противоречий неминуемо усиливает несоответствие между производственными возможностями и платежеспособным спросом на средства производства. В США в настоящее время огромная часть мощностей промышленности — свыше 30% — не используется.

В военно-инфляционной экономике неизбежно создаются и развиваются предпосылки экономического кризиса перепроизводства. Никакое искусственное раздувание военной промышленности не может предотвратить неумолимо надвигающегося экономического кризиса, признаки которого становятся все более явственными и грозными. В США с лета 1953 г. общий объем промышленного производства сократился на 10%, безработица достигла огромных размеров.

Сохранение военно-инфляционной конъюнктуры наталкивается и на финансовые трудности, создаваемые инфляцией. Обесценение денег ослабляет эффективность финансовых затрат государства. Вздорожание товаров приводит к тому, что на то же их количество государство должно затрачивать больше денег. Для роста военного производства даже для сохранения военного производства на неизменном уровне требуется увеличение бюджетных затрат. Увеличение же бюджетных затрат вызывает необходимость дополнительного выпуска орудий обращения и средств платежа, а следовательно, усиливает инфляцию, что понижает эффективность бюджетных расходов и вызывает необ-

ходимость еще большего увеличения военных расходов государства и, стало быть, приводит к еще большему усилению инфляции.

Инфляция неизбежно приводит к напряжению государственного бюджета, к обострению внутреннего его противоречия: бюджетные затраты в номинальном своем выражении, т. е. выраженные в бумажных деньгах, могут возрастать, но одновременно покупательная сила аккумулируемых государством денежных ресурсов падает.

Таким образом, ослабляются возможности государственного финансирования милитаризации экономики.

Невозможно бесконечно питать конъюнктуру посредством внедрения в оборот искусственно создаваемых платежных средств, стоимость которых понижается.

Приведенные соображения опровергают и третье утверждение буржуазных апологетов, а именно — что посредством военно-инфляционных мероприятий можно уничтожить кризисы или ослабить их остроту.

Представители монополистического капитала, буржуазные экономисты и крупные дельцы, ведут, особенно в США, усиленную пропаганду о том, что только посредством военно-инфляционных мероприятий возможно сохранение «процветания».

Лживость этой пропаганды совершенно очевидна. Лживо утверждение, что военно-инфляционная экономика представляет собой процветание. Лживо и то, что военно-инфляционными мероприятиями исключается возможность кризиса.

* * *

Сказанное позволяет сделать следующие выводы о воздействии инфляции, связанной с милитаризацией экономики, на процесс воспроизводства.

1. Инфляция, порождаемая милитаризацией, вызывает временное оживление экономики, рост общего промышленного производства, но в то же время она обостряет свойственные капиталистическому способу производства противоречия, стало быть усиливает действие факторов, обусловливающих циклическую форму движения капиталистического воспроизводства, неизбежность кризисов.

2. Инфляция обостряет классовые противоречия, умножает классовые конфликты, учащает забастовки рабочих, борющихся за сохранение хотя бы мало-мальски сносных условий существования.

3. Обесценение денег, сокращение реальной заработной платы, перераспределение собственности и национального дохода в пользу крупных капиталистов понижают платежеспособный спрос широких масс населения. Инфляция, таким образом, крайне обостряет

одно из существенных противоречий капиталистического воспроизводства — противоречие между возможностями производства и платежеспособным спросом.

4. Инфляция усиливает тенденции к дезорганизации процесса непосредственного производства, ослабляет организованность производства в отдельных капиталистических предприятиях и всемерно усиливает анархию во всем общественном производстве.

5. Инфляция умножает и углубляет нарушения условий воспроизводства, стало быть, углубляет диспропорции, создает огромные трудности для их уравнивания. Инфляция усиливает деформацию цикла, происходящую в период общего кризиса мировой капиталистической системы.

6. Инфляция приводит к постоянным изменениям в использовании производительных сил и их размещении между различными отраслями народного хозяйства, стало быть, приводит к постоянному изменению складывающихся пропорций, что означает усиление диспропорций.

7. Милитаризация экономики и связанная с нею инфляция создают временные преимущества для одних отраслей хозяйства в ущерб другим, вследствие чего видоизменяется накопление капитала. Капитал устремляется в те отрасли хозяйства, которые во время и вследствие инфляции имеют преимущества, а также в отрасли, где возможности получения спекулятивных прибылей велики. Это обстоятельство ведет к нарушениям нормального хода воспроизводства, к созданию диспропорций.

8. Инфляция, сокращая платежеспособный спрос широких масс населения, усиливает трудности реализации. При большом своем развитии инфляция вызывает дезорганизацию товарного рынка.

9. Инфляция, связанная с милитаризацией экономики, изменяет соотношения между отдельными частями воспроизводственного процесса. В пределах второго подразделения увеличивается значение производства военного снаряжения. В пределах же первого подразделения увеличивается значение производства средств производства, предназначенных для производства военного снаряжения. Значительная часть производительных сил используется для нужд войны. Это ведет к хищническому использованию, к расточительству производительных сил, к дальнейшему ослаблению капиталистического способа производства, к усилению процесса загнивания капитализма.

10. Инфляция усиливает тенденции к дезорганизации всего процесса воспроизводства. Когда же инфляция приобретает огромные размеры, когда обесценение денег происходит с большой быстротой и когда степень обесценения становится весьма значительной, инфляция не только усиливает дезорганизацию процесса воспроизводства, но приводит к хозяйственной разрухе.

11. Воздействие милитаризации экономики и связанной с ней инфляции на процесс воспроизводства весьма противоречиво. С одной стороны, они временно стимулируют хозяйственное оживление, а с другой — крайне обостряют все присущие процессу воспроизводства противоречия. Буржуазные апологеты характеризуют военно-инфляционную конъюнктуру или военно-инфляционный бум как подъем, как процветание. В действительности же военно-инфляционная конъюнктура является своеобразным хозяйственным оживлением, под внешним покровом которого скрывается ряд кризисных явлений (сокращение гражданского производства, падение реальной заработной платы, рост безработицы, ухудшение положения мелких и средних предприятий, увеличение числа банкротств и т. д.). Военно-инфляционные факторы могут отсрочить взрыв кризиса, но не могут его предотвратить. Специфические же черты военно-инфляционной экономики предопределяют неизбежность крайне разрушительных последствий кризиса для широких трудящихся масс, для рабочего класса.

Глава пятая

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА И КРЕДИТ. КРИЗИС БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

Подобно денежной системе, капиталистическая кредитная система развивается, ее организационные формы складываются под воздействием как общих условий экономики капитализма, так и стремлений господствующего класса капиталистов использовать ее в своих корыстных классовых интересах.

Объективные условия развития капитализма, характер капиталистического воспроизводства определяют ряд требований, которым должна удовлетворять его кредитная система.

Кредит существовал и в докапиталистических формациях, но в капиталистическом обществе он достигает особенно большого развития.

В феодальном обществе кредит осуществлял движение ростовщического капитала, этой допотопной формы капитала. В капиталистическом обществе кредит осуществляет движение ссудного капитала.

И тот, и другой капитал является капиталом, приносящим проценты; в этом отношении нет различия между ростовщическим и ссудным капиталом и нет, стало быть, различия между кредитом феодального общества и кредитом капиталистического общества.

Но имеются большие различия в условиях их функционирования. Движение ссудного капитала обусловлено наличием капиталистической эксплуатации, присвоением капиталистами производимой наемными рабочими прибавочной стоимости.

«Отличие капитала, приносящего проценты, — пишет К. Маркс, — поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит человек без состояния, это имеет место лишь в надежде,

что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд» [1].

Капиталистический кредит возникает как реакция против феодального кредита и развивается путем приспособления этого последнего к условиям и потребностям капиталистического способа производства.

Приспособление же кредита к условиям капиталистических производственных отношений способствует в свою очередь укреплению и развитию капиталистического способа производства.

«Развитие кредитного дела, — пишет Маркс, — совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистическго способа производства» [2].

Основой кредитной системы капитализма является так называемый коммерческий кредит, т. е. кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами в процессе реализации товаров.

Но коммерческий кредит может получить большое развитие только в том случае, если он опосредствуется и осложняется банкирским кредитом. Капиталистический способ производства требует существования банковской системы, в которой находит свое завершение его кредитная система, играющая исключительно большую роль в движении денежного капитала и осуществляющая движение ссудного капитала.

В процессе кругооборота капитала происходит, как известно, постоянное высвобождение денежного капитала и в то же время постоянное его вовлечение. Капиталистический способ производства не терпит праздного состояния денежного капитала; денежные ресурсы, не приносящие прибыли, перестают быть капиталом. Праздное состояние денежного капитала, его неиспользование противоречит основному закону капитализма, закону прибавочной стоимости, закону рождения и возрастания капиталистической прибыли.

Наиболее полное и эффективное использование накопляемого денежного капитала достигается его сосредоточением в банках, превращающих этот денежный капитал в ссудный капитал и осуществляющих движение этого ссудного капитала. Своими пассивными операциями банки сосредоточивают у себя временно свободные денежные капиталы функционирующих капиталистов, а также временно свободные денежные доходы широких масс населения. Своими активными операциями банки распре-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1955, стр. 614.
[2] Там же.

деляют сосредоточенные у них денежные капиталы между функционирующими капиталистами. Банки, так сказать, активизируют имеющиеся денежные ресурсы. Банки распоряжаются чужими капиталами (собственные капиталы банков составляют ничтожную часть имеющихся в их распоряжении денежных ресурсов), и в этом заключается их специфическая характеристика.

Указанными операциями банки действуют как посредники в кредите и тем самым способствуют максимальному использованию денежного капитала.

Возможность пользоваться в банке кредитом сокращает размеры собственного денежного капитала, необходимого для работы отдельных промышленных, торговых и транспортных предприятий. Банковский кредит ускоряет реализацию товаров и тем самым уменьшает непроизводительные издержки обращения.

Своими операциями банки способствуют ускорению оборачиваемости денежного капитала. Этим банки способствуют ускорению оборачиваемости промышленного капитала и, следовательно, содействуют наиболее интенсивному его использованию.

Для того чтобы наиболее полно и успешно сосредоточивать денежные ресурсы страны, требуется разветвленность банковской системы, которая дает возможность охватить все временно свободные денежные капиталы функционирующих капиталистов и все и всяческие денежные доходы. Это достигается организацией множества разнообразных банков, коммерческих, сберегательных и других, рассеянных по всей стране.

Чем более велика сеть банковских учреждений, тем в большей мере банковская система удовлетворяет требованиям капиталистического способа производства.

В процессе развития капиталистического способа производства возникает необходимость централизации банковской системы, установления взаимной связи банковских предприятий, которая в условиях капиталистической конкуренции осуществляется путем подчинения мелких, средних и менее крупных банков крупнейшим банковским предприятием. Централизация банковской системы осуществляется в различных формах. В Англии она осуществляется путем организации во всей стране филиалов крупнейших банков; в США она осуществляется в форме подчинения тысяч формально независимых мелких, средних и менее крупных банков, разбросанных по всей стране, крупнейшим банкам, расположенным в главных городах — Нью-Йорке, Чикаго и др. Мелкие и средние банки фактически являются филиалами крупнейших банков. Различие между английской и американской системами заключается, пожалуй, в том, что при системе филиалов крупнейшие банки получают все выгоды банковской деятельности, но вместе с тем несут весь риск, связанный с этой деятельностью.

При системе же исторически сложившейся в США, при наличии тысяч мелких, средних и менее крупных банков формально независимых, а фактически подчиненных крупнейшим банкам, эти последние получают все выгоды и в то же время в значительной мере избавлены от риска, связанного с банковской деятельностью; этот риск несут мелкие и средние банки.

Концентрация производства обусловливает концентрацию банков; необходимость централизации банковской системы усиливает тенденции к концентрации банков, которая достигает максимальных размеров.

Централизация банковской системы закрепляется наличием в каждой стране центральных банков, которые, с одной стороны, объединяют всю банковскую систему страны (являются банками банков), а с другой — выполняют функцию «создания» специфических платежных средств, банкнот.

Банковская система тесно и непосредственно связана с процессом производства и воспроизводства капитала. Банковский кредит является существенной частью воспроизводственного процесса. Не будет преувеличением сказать, что без банков и банковского кредита капиталистическое воспроизводство не могло бы получить серьезного развития.

Капиталистический способ производства обусловливает не только организационные формы банковской системы; он предъявляет ряд требований и к самой деятельности банков.

Существенным требованием, которому должна отвечать банковская система для обслуживания процесса воспроизводства, для наиболее интенсивного и эффективного использования совокупного, сосредоточенного в банках денежного капитала страны, для осуществления движения ссудного капитала, является устойчивость банковского кредита.

Устойчивость этого кредита достигается следующим.

Во-первых. Банки оперируют денежным капиталом; объектом банковских операций является денежно-ссудный капитал. Ясно, что устойчивость банковского кредита в значительной мере зависит от устойчивости денежного обращения. Всякие колебания стоимости денег находят непосредственное отражение в банковской дятельности. Банковский кредит тем более устойчив, чем более сохраняется постоянство стоимости денег. Отсутствие такого постоянства ослабляет банковскую систему, ослабляет банковский кредит.

Во-вторых. Устойчивость банковского кредита обусловлена соответствием между пассивными операциями банков, т. е. операциями по сосредоточению денежных капиталов, и активными их операциями, т. е. операциями по распределению имеющихся в распоряжении банков денежных капиталов. Банки являются своеобразными капиталистическими предприятиями, которые одновременно и в одинаковой степени являются должниками

по пассивным операциям и кредиторами по активным операциям.

Капиталистический способ производства требует, чтобы банк всегда был в состоянии выполнять свои долговые обязательства; для этого, очевидно, необходимо, чтобы он мог всегда и беспрепятственно осуществлять свои кредиторские права. Он может оплачивать свои пассивы только в той мере, в какой он может реализовать свои активы.

Капиталистический способ производства требует, чтобы банковский кредит обладал л и к в и д н о с т ь ю.

Банки, как уже указывалось, своими депозитными и расчетными операциями создают своеобразные платежные средства в виде банкнот и чеков. Очевидно, как банкнотная, так и чековая эмиссия должна обладать эластичностью; отсутствие последней ведет к нарушению устойчивости денежной системы и, следовательно, колеблет устойчивость банковского кредита.

Таким образом, капиталистический способ производства требует, во-первых, р а з в е т в л е н н о с т и банковской системы, во-вторых, ее ц е н т р а л и з а ц и и, в третьих, постоянного сохранения л и к в и д н о с т и банковского кредита и, наконец, такой организации расчетов и создания кредитных платежных средств, которая не нарушала бы у с т о й ч и в о с т и денежной системы.

* * *

Как было показано, требования, предъявляемые капиталистическим способом производства к денежной системе, осуществляются через постоянные колебания, постоянные их нарушения. То же надо сказать и о требованиях, предъявляемых капиталистическим способом производства к его банковской системе.

Устойчивость и ликвидность банковского кредита подвергаются постоянным испытаниям; формы движения капиталистического способа производства, противоречия процесса капиталистического воспроизводства предопределяют неизбежность постоянных нарушений как устойчивости, так и ликвидность банковского кредита.

Устойчивость банковского кредита зависит от устойчивости денежного механизма; она предполагает постоянство стоимости денег. Однако, как было ранее показано, это постоянство постоянно нарушается. Нарушение его происходит и в результате банковской деятельности по созданию кредитных средств платежа, банкнот и чеков, оплачиваемых по предъявлению.

Во время подъема банки обильно снабжают народное хозяйство банкнотами; огромных размеров достигают безналичные расчеты и, соответственно, чековое обращение. Более того, кредит и безналичные расчеты форсируют подъем и поддерживают его тогда, когда, собственно, обозначаются явные признаки эконо-

мического кризиса перепроизводства. Характернейшей чертой высшей точки подъема, которую Маркс называет периодом пароксизма, является перекредитование, слишком обильное создание кредитных средств платежа, расширение чекового обращения. Как раз это перекредитование придает высшей точке подъема характер пароксизма.

Когда же разражается кризис, когда кредит сокращается, когда вследствие трудностей реализации товаров возникают неимоверные, часто непреодолимые, трудности оплаты по кредитным сделкам, когда банки оказываются не в состоянии, вследствие невозможности реализации активов, оплачивать свои обязательства по депозитам, чеки теряют свойство платежных средств. Возникает острая потребность в наличных деньгах, острый денежный голод, в котором находит свое выражение кризис безналичных расчетов, кризис чекового обращения. Обнаруживается тенденция к лажу на наличные деньги, стало быть, к обесценению (дизажио) кредитных средств платежа.

Таким образом, обращение чеков, система безналичных расчетов, восполняющая в фазе подъема недостаток денег и содействующая эластичности денежного обращения, заключает в себе возможность нарушения этой эластичности, которая во время кризиса превращается в действительность. А это значит, что устойчивость банковского кредита, не колеблемая во время подъема, во время кризиса, вследствие закономерностей процесса капиталистического воспроизводства и обусловленных ими закономерностей циркуляции кредитных средств платежа, нарушается.

Имманентная капитализму циклическая форма движения — от подъема к кризису и от кризиса к подъему — предопределяет неизбежность нарушений ликвидности банковского кредита.

Ликвидность банковского кредита определяется способностью банков беспрепятственно оплачивать свои долговые обязательства (свои пассивы). Эта способность полностью зависит от возможности реализации активов.

Эта же возможность определяется не техникой банковского дела, как это утверждают многие буржуазные экономисты, а процессом воспроизводства капитала.

Реализация активов банков осуществляется оплатой пользующимися банковским кредитом функционирующими капиталистами их долгов. Возможность же такой оплаты обусловливается возможностью реализации товаров, стало быть, процессом воспроизводства капитала.

Во время подъема, когда процесс реализации происходит более или менее беспрепятственно, функционирующие капиталисты способны платить по своим долговым обязательствам. Когда же разражается кризис, процесс реализации застопоривается, функционирующие капиталисты, должники банков, оказываются не в состоянии выполнять свои долговые обязательства.

Если к этому прибавить происходящую во время подъема чрезвычайную кредитную экспансию, усиленное перекредитование, то станет ясным возникновение почти непреодолимых препятствий, возникающих в деле реализации банковских активов.

Невозможность же реализации активов означает такую же невозможность оплаты по пассивам.

Достигаемая во время подъема ликвидность банковского кредита, кажущаяся непоколебимой и восхваляемая буржуазными апологетами в качестве свидетельства крепости капиталистического способа производства, во время кризиса обнаруживает свою иллюзорность.

Циклическая форма движения капитализма, смена фаз цикла, переход от подъема к кризису и от кризиса к подъему, — неотъемлемые черты капиталистического способа производства. Стало быть, неизбежными и обязательными являются постоянные нарушения устойчивости банков, ликвидности банковского кредита.

Во время кризиса происходят натиски на банки, доверие к банкам сменяется растущим недоверием, клиентура банков спешит востребовать свои депозиты. Но как раз в это время обнаруживается неспособность банков выполнять свои долговые обязательства.

В результате происходят банкротства банков, которые служат яркими показателями потери банками своей устойчивости, показателями отсутствия ликвидности банковского кредита.

Банкротства банков причиняют огромные бедствия широким массам вкладчиков. Надо подчеркнуть, что эти бедствия целиком обрушиваются на мелких и средних вкладчиков. Крупные вкладчики в лице крупных и крупнейших капиталистов обычно не несут потерь или во всяком случае их потери относительно незначительны.

Капиталистические банки находятся в подчинении крупных капиталистов, вклады которых в конце концов оплачиваются. Кроме того, более других осведомленные в общем течении дел, знающие положение дел банков, крупные капиталисты имеют возможность еще до наступления краха изъять из банков свои вклады, если не полностью, то в значительной их части.

Характерно, что во время разразившейся в США в начале 1933 г. банковской катастрофы, начавшейся в Детройте крахом одного банка, крупные капиталисты очень мало пострадали. Как стало известно впоследствии, крупные капиталисты, например Форд, заранее сумели изъять свои вклады из банка, которому, как им было известно, неминуемо грозило банкротство.

Банкротства банков, являясь отражением остроты экономического кризиса, в свою очередь обостряют кризис, влекут за собой банкротства промышленных предприятий.

Банковский кредит не только способствует подъему, но и чрезвычайно его форсирует; вместе с тем он крайне обостряет противоречия воспроизводственного процесса и тем самым обостряет кризисы перепроизводства.

Таким образом, устойчивость банковского кредита, требуемая капиталистическим способом производства и отвечающая потребностям капиталистического воспроизводства, весьма относительна. Банки фактически принадлежат крупным и крупнейшим капиталистам, являются орудием укрепления их господства. Относительная устойчивость банков вполне удовлетворяет крупный капитал, ибо нарушения этой устойчивости направлены против мелких и средних капиталистов, ведут к разорению этих последних, что способствует обогащению крупного капитала.

О банковском кредите можно сказать то же, что было сказано о денежном обращении. Устойчивость банков осуществляется путем постоянного ее неосуществления.

* * *

Относительная устойчивость капиталистического кредита достигнута в результате долгого исторического развития, борьбы различных интересов в обстановке ожесточеннейшей конкуренции.

Собственно, только в начальной стадии эпохи империализма (до общего кризиса капитализма) банковская система достигала максимально возможной в условиях капитализма устойчивости.

Но вместе с тем как раз в этот период создавались предпосылки ослабления банковской системы.

Нет необходимости останавливаться на характеристике общей экономики монополистического капитализма. Она известна читателю. Следует лишь напомнить о тех огромных изменениях, которые произошли в банковской системе, о новой роли банков, сращивании банковского капитала с промышленным, образовании финансового капитала.

Эпоха империализма характеризуется огромным развитием банковского кредита, существованием огромной массы разнообразных банков, что дает возможность банкам сосредоточивать у себя все временно свободные денежные капиталы функционирующих капиталистов и все и всякие денежные доходы.

Господство монополий ведет к тому, что имеющиеся в распоряжении банков огромные денежные ресурсы предоставляются главным образом, если не исключительно, крупнейшим промышленным монополиям, усиливая, таким образом, их экономическую мощь и увеличивая их конкурентоспособность [2а]. Банки эпохи импе-

---

[2а] Непосредственно ресурсы банков могут предоставляться в большой части не монополиям (развитие потребительского кредита и т. п.). Лишь в конечном счете ресурсы банков используются в интересах монополистического капитала (*Прим. ред.*).

риализма являются мощнейшим орудием укрепления и расширения господства крупнейших монополий.

В эпоху империализма концентрация банков достигает максимальных размеров. Во всех капиталистических странах преобладающая часть денежных ресурсов сосредоточивается в ничтожном количестве банковских предприятий: в Англии пять банков, так называемая большая пятерка, распоряжается почти 85% вкладов всех банков; в США не более десятка банков имеет в своем распоряжении около 25% вкладов всех коммерческих банков страны; во Франции три крупнейших банка сосредоточивают у себя почти 70% вкладов всех банков страны.

Подобно тому как концентрация промышленности приводит к образованию монополий, доведенная до крайности концентрация банков приводит к образованию крупнейших банковских монополий.

Огромный рост оборотов банков и возросшая их концентрация, образование банковских монополий коренным образом изменяют их значение.

«Из разрозненных капиталистов, — писал В. И. Ленин в своей классической работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», — складывается один коллективный капиталист. Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность — через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции — сначала *точно узнавать* состояние дел у отдельных капиталистов, затем *контролировать* их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита, и наконец *всецело определять* их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п.»[3].

Вместе с тем коренным образом изменяется роль банков.

«По мере развития банкового дела, — пишет В. И. Ленин, — и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»[4].

---

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 202—203.
[4] Там же, стр. 198.

Концентрация промышленности и образование на ее основе крупных промышленных монополий, концентрация банков и образование крупнейших банковских монополий, новая роль банков приводят к теснейшей связи банков с промышленностью.

В различных формах (система взаимного участия в капиталах, личная уния и т. п.) происходит сращивание банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала, который овладевает как банками, так и промышленностью.

Банки превращаются в орудие господства финансового капитала, в мощный инструмент усиления господства финансовой олигархии над всей экономикой. Соответственно усиливается их политическое влияние.

В эпоху империализма огромных размеров достигает масса эмитируемых и обращающихся на рынке ценных бумаг, облигаций государственных займов, облигаций и акций промышленных предприятий.

В дальнейшем этот вопрос будет рассмотрен более подробно. Здесь можно ограничиться только указанием на то, что операции с ценными бумагами становятся в эпоху империализма одной из важнейших операций банков, что, конечно, не может не отразиться на деятельности банков, на устойчивости банковского кредита.

Разветвленность банков и централизация банковской системы достигают в эпоху империализма громадных размеров. В эту эпоху в максимальной мере осуществляются требования, предъявляемые капиталистическим способом производства к его кредитной системе.

Устойчивость банковского кредита зависит от устойчивости денежной системы, от постоянства стоимости денег. Ранее было уже показано, что в начальную эпоху империализма достигается максимально возможное в условиях капитализма постоянство стоимости денег. Таким образом, осуществляется одно из основных условий, обеспечивающих устойчивость банковского кредита.

В начальную эпоху империализма усиливается и второе условие, обеспечивающее устойчивость банковского кредита, — ликвидность банков.

Создание мощных, гигантских по своим оборотам банковских предприятий усиливает ликвидность банковского кредита. Поддерживаемые обладающей колоссальными ресурсами финансовой олигархией, находящиеся под ее контролем и фактически принадлежащие ей банки обладают максимально возможной при капитализме способностью оплачивать свои пассивы. Банкротство крупнейших банковских монополий — редкое явление, ибо такое банкротство слишком сильно потрясло бы капиталистическую систему.

Банковские монополии значительную часть своих ссуд оказывают крупнейшим монополиям. Банковские же монополии тесно связаны (сращены) с промышленными монополиями. Вот почему

возможности реализации активов крупнейших банков очень большие.

Таким образом, потому, что в начальную эпоху империализма достигается максимально возможное в условиях капитализма постоянство стоимости денег, и потому, что в эту эпоху банковский кредит обладает максимально возможной при капитализме ликвидностью, устойчивость банков в эпоху империализма довольно велика, во всяком случае превосходит устойчивость банков эпохи домонополистического капитализма.

Но вместе с тем и нарушения устойчивости банков в эпоху империализма становятся более сильными и глубокими.

Помимо злоупотреблений банковским кредитом, которые становятся исключительно многочисленными и частыми, к которым прибегают монополии в погоне за прибылью, общая экономика империализма, новая роль банков, характер их операций множат и усиливают нарушения устойчивости банков.

Эпоха империализма характеризуется крайним обострением противоречий капитализма, возросшей остротой экономических кризисов перепроизводства, неизбежно влекущих за собой острые нарушения постоянства стоимости денег и ликвидности банковского кредита.

Операции с ценными бумагами (а значение этих операций в эпоху империализма колоссально возрастает) открывают возможность нарушения постоянства стоимости банкноты. Замена коммерческого векселя как кредитного обеспечения банкноты государственными облигациями означает приближение ее к государственным бумажным деньгам, стоимость которых не может быть постоянной.

Операции с ценными бумагами облегчают возможность создания мнимых депозитов: банк оказывает ссуду под ценные бумаги и открывает соответствующий счет (депозит) ссудополучателю. Чеки, обращение которых базируется не на имеющихся в наличии временно свободных денежных капиталах, а на мнимых депозитах, не могут обладать постоянством стоимости.

Эпоха империализма есть эпоха загнивающего паразитического капитализма. Тесная связь банковского капитала с промышленным капиталом непосредственно влечет за собой загнивание, перерождение банковского кредита, нарушение его устойчивости.

Таким образом, вследствие обострения всех капиталистических противоречий множатся, максимально углубляются и обостряются нарушения этой устойчивости.

* * *

В начальную эпоху империализма были созданы предпосылки общего кризиса капитализма и, соответственно, кризиса его кредитной системы: период общего кризиса капитализма есть в то же время период кризиса капиталистической кредитной системы.

В начальную эпоху империализма усиливаются нарушения устойчивости банковского кредита, умножаются возможности потери банками своей устойчивости; в период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, эти возможности превращаются в действительность.

Условия периода общего кризиса капитализма, сокращение сферы капиталистической эксплуатации в результате выпадения Советского Союза из капиталистического мира, неспособность капитализма использовать наличные производительные силы, постоянная недогрузка предприятий и хроническая массовая безработица — все это предопределяет при огромном накоплении денежно-ссудного капитала невозможность его производительного использования. Это обстоятельство не может не отразиться на деятельности банков, объектом операций которых является ссудный капитал.

Происходящее в период общего кризиса капитализма обесценение денег, развитие инфляционного процесса вызывают обесценение ссудного капитала, что не может не вести к ослаблению банков, к перерождению банковского кредита.

Углубление общего кризиса капитализма во время и после второй мировой войны, образование двух противостоящих друг другу лагерей — развивающегося и преуспевающего социалистического и деградирующего и загнивающего капиталистического, сокращение сферы капиталистической эксплуатации, растущее разорение широких масс населения и обнищание рабочего класса — все это увеличивает невозможность производительного использования ссудного капитала, а продолжающееся обесценение ссудного капитала ведет к усилению процесса ослабления капиталистической кредитной системы.

Большое значение имеют войны и милитаризация экономики, равно как и связанные с этим финансовые затраты государств. В финансировании войны и милитаризации экономики огромное участие принимают банки, без которых невозможно было бы осуществлять милитаризацию экономики. Банки становятся одним из существенных орудий милитаризации экономики. Значительная часть ресурсов банков используется не для финансирования процесса производства и воспроизводства, а для финансирования военного бюджета. Это означает рост непроизводительного использования банковских ресурсов.

Все это ведет к расшатыванию устойчивости банков. В период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, происходит крайнее ослабление и до этого относительной устойчивости банковского кредита.

Непосредственными условиями устойчивости банковского кредита являются, во-первых, устойчивость денежной системы, постоянство стоимости денег и, во-вторых, ликвидность банковского кредита.

Как было показано раньше, в период общего кризиса капитализма резко изменяется система капиталистического денежного обращения, золото перестает активно циркулировать в каналах обращения, а банкноты превращаются в своеобразные бумажные деньги. Период общего кризиса капитализма характеризуется всеобщим распространением бумажно-денежного обращения со всеми вытекающими последствиями: колебанием стоимости денег при общей тенденции к их обесценению, наличием инфляции и развитием инфляционного процесса.

Уже это обстоятельство само по себе подрывает устойчивость кредита.

В период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, резко ослабляется и ликвидность банковского кредита.

Ликвидность банковского кредита в конечном счете обеспечивается производительным использованием банковских ресурсов. В той мере, в какой банковские ссуды используются непроизводительно, возврат их становится менее обеспеченным и, стало быть, ликвидность банковского кредита ослабляется. В период же общего кризиса капитализма огромная часть банковских активов направлена на обслуживание движения фиктивного капитала и для поддержки государственного бюджета, средства которого затрачиваются непроизводительно. Вследствие этого реализация банковских активов наталкивается на огромные трудности и во всяком случае эта реализация не имеет опоры в процессе воспроизводства действительного капитала.

Но даже и производительное использование банковских ресурсов не всегда гарантирует реализацию активов. В отдельных фазах цикла во время кризисов реализация активов затрудняется. Эти трудности тем более велики, чем острее протекает экономический кризис перепроизводства. В период же общего кризиса капитализма кризисы перепроизводства отличаются исключительной остротой, интенсивностью и продолжительностью. Соответственно исключительно велики трудности реализации активов.

Таким образом, и вторая основа устойчивости банков, ликвидность банковского кредита, в период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, ослабляется.

Крайнее ослабление даже той относительной устойчивости, которой банки обладали ранее, т. е. кризис банковского кредита, являясь отражением общего кризиса капитализма и его углубления во время и после второй мировой войны, в свою очередь обостряет общий кризис капитализма.

Глава шестая

РЫНОК ССУДНЫХ КАПИТАЛОВ. РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ

Период общего кризиса капитализма характеризуется обилием ссудных капиталов, что является отражением избытка действительного капитала, т. е. капитала, не могущего быть производительно использованным.

Вследствие различия характера и источников накопления ссудного капитала и капитала действительного, движение того и другого не совпадает. Это несовпадение наблюдается в ходе цикла. Оно обнаруживается также и в общем развитии капитализма.

Накопление ссудного капитала отлично от накопления действительного капитала.

Рассматривая процесс накопления денежно-ссудного капитала, характеризуя особенности источников этого накопления, отчасти совпадающие с источниками накопления действительного капитала, но во многом различные, К. Маркс пишет:

«Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления» [1].

Общей тенденцией, действующей в капиталистическом способе производства, является более быстрый рост накопления денежного капитала, превращающегося в ссудный капитал в сравнении с накоплением действительного капитала. Иначе говоря, темпы

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 521.

накопления ссудного капитала превосходят темпы расширенного воспроизводства.

Показателем динамики накопления действительного капитала может служить движение индекса промышленного производства. В качестве показателя накопления ссудного капитала можно использовать данные о депозитах банков. Индекс промышленной продукции, помимо неточного, фальсифицированного исчисления, не охватывает всей продукции страны. Депозитами коммерческих банков не исчерпывается масса ссудных капиталов. Но все же сопоставление депозитов коммерческих банков с движением промышленной продукции дает хотя и не точное и не полное, но все же более или менее правильное представление о различии темпов накопления денежно-ссудного и действительного капитала.

Сопоставление указанных показателей следующим образом характеризует процесс накопления действительного капитала и накопления ссудного капитала в домонополистическом капитализме (табл. 1).

Таблица 1

Процесс накопления действительного и ссудного капитала

Конец года	Англия			США			Германия		
	индекс промышленной продукции	депозиты акционерных банков		индекс промышленной продукции	депозиты банков		индекс промышленной продукции	депозиты кредитных банков	
	1880 г. = = 100	млн. ф. ст.	1880 г. = = 100	1880 г. = = 100	млн. долл.	1880 г. = = 100	1883 г. = = 100	млн. марок	1883 = = 100 г.
1880	100	323	100	100	1913	100	—	—	—
1883	—	—	—	—	—	—	100	749	100
1890	117	500	155	225	3994	209	133	1286	172
1900	149	744	230	308	7332	384	213	3128	418

Как видно из приведенных данных за 20 лет, с 1880 по 1900 г., промышленная продукция Англии увеличилась в 1,5 раза, депозиты же акционерных банков увеличились почти в 2,5 раза; в США промышленная продукция увеличилась на 208%, депозиты же коммерческих банков (национальных и штатных) увеличились на 284%. В Германии с 1883 по 1900 г., т. е. за 17 лет, промышленная продукция увеличилась на 113%, т. е. немногим более чем в 2 раза; депозиты же кредитных банков увеличились на 318%, т. е. более чем в 4 раза.

Еще более увеличилось различие в темпах накопления ссудного и действительного капитала в эпоху империализма (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление данных о росте промышленной продукции и депозитов банков

Год	Англия			США			Германия		
	индекс промышленной продукции	депозиты акционерных банков		индекс промышленной продукции	депозиты банков		индекс промышленной продукции	депозиты кредитных банков	
	1900 г. = = 100	млн. ф ст.	1900г. = = 100	1900 г. = = 100	млрд. долл.	1900 г.= = 100	1900 г. = = 100	млн. марок	1900 г. = = 100
1900	100	744	100	100	7 332	100	100	3 128	100
1913	127	1006	135	186	17 789	243	154	9 724	311
1918	—	1937	260	224	29 687	405	88	30 633	979
1929	127	2211	297	322	55 836	762	159	—	—

Как видно из приведенных данных, во всех странах темпы накопления ссудного капитала значительно превышали темпы накопления действительного капитала.

Интересно сопоставить два года экономического подъема — 1913 и 1929.

С 1913 по 1929 г., т. е. за 17 лет, объем промышленной продукции Англии не изменился, сумма же депозитов в акционерных банках увеличилась больше, чем в 2 раза. За те же годы промышленная продукция США выросла на 73%, депозиты же увеличились на 214%.

И в последние годы увеличение депозитов банков значительно превосходило рост промышленной продукции (табл. 3).

С 1937 по 1953 г., т. е. за 16 лет, промышленная продукция в Англии увеличилась на 33%, депозиты же банков возросли на 194%. В США за то же время промышленная продукция увеличилась на 107%, а депозиты банков — на 251%.

Более быстрый рост накопления ссудного капитала в сравнении с накоплением действительного капитала, т. е. с процессом расширенного воспроизводства, приводит к так называемому изобилию, избытку ссудных капиталов, ставшему исключительно большим в период общего кризиса капитализма.

Возрастающее в ходе развития капитализма предложение ссудных капиталов является одной из причин, вызывающих тенденцию к понижению нормы процента. В последние годы, вследствие исключительно большого изобилия (предложения)

Таблица 3

Увеличение депозитов банков и рост промышленной продукции

Год	Англия			США		
	индекс промышленной продукции 1937 г. = = 100	депозиты банков		индекс промышленной продукции 1937 г.= = 100	депозиты банков	
		млн. ф. ст.	1937 г. = = 100		млрд. долл.	1937 г. = =100
1937	100	2278	100	100	52,4	100
1945	80	4850	213	180	151,5	289
1951	129	6333	278	195	170,7	326
1952	125	6459	284	194	180,2	344
1953	133	6694	294	207	184,0	351

денежного капитала, ссудный процент в течение продолжительного времени удерживается на очень низком уровне.

Нельзя отрицать, что в удержании чрезвычайно низкой нормы процента некоторую роль играет политика «дешевых денег», проводимая государствами и банками, стремящимися низким уровнем процента поддерживать курсы ценных бумаг (облигаций государственных займов и акций и облигаций корпораций) на высоком уровне. Финансовая олигархия, несомненно, обладает некоторой возможностью «регулировать» норму процента, ибо она присваивает как предпринимательский доход, так и процент. Низкий же уровень процента нисколько не отражается ни на норме, ни на массе всей капиталистической прибыли.

Однако политика «дешевых денег» только потому достигает своих целей, что рынок ссудных капиталов обилен, что предложение ссудных капиталов чрезвычайно велико. И без пресловутой политики «дешевых денег», о которой так много пишут буржуазные экономисты, уровень процента был бы низок, что определяется огромным превышением предложения ссудных капиталов над спросом на ссудный капитал.

Изобилие ссудных капиталов и низкий уровень ссудного процента не отменяют циклического движения ссудного процента. Как известно, во время экономических кризисов перепроизводства ссудный процент достигает максимального своего уровня. Начало экономического кризиса и острейшие периоды кризиса характеризуются повышением ссудного процента. Так было всегда. Все без исключения экономические кризисы, как эпохи домонополистического капитализма, так и эпохи империализма, не исключая периода общего кризиса капитализма, знаменовались повышением ссудного процента.

То же происходит и теперь. Во всех странах одновременно с возникновением напряжения на рынке ссудных капиталов, являющегося симптомом назревания предпосылок кризиса, ссудный процент повышается [1а].

С 1938 г. учетная ставка Нью-Йоркского федерального резервного банка в течение продолжительного времени оставалась неизменной и очень низкой — 1%.

В январе 1948 г., когда обнаружились признаки кризиса, эта ставка была повышена до 1,25%. Развитие кризиса 1948—1949 гг., как известно, было прервано. Однако стеснение на рынке ссудных капиталов не ослабело. Учетная ставка Нью-Йоркского федерального резервного банка после некоторых колебаний в августе 1950 г. была повышена до 1,59% и в январе 1953 г. — до 2%. В феврале 1954 г. понижена до 1,75 и в апреле 1954 г. до 1,50%. Таким образом, в настоящее время учетная ставка Нью-Йоркского федерального резервного банка в полтора раза выше ставки, сохранявшейся в течение 1938—1948 гг.

Среднегодовая ставка по первоклассным 90-дневным банковским акцептам, начиная с 1939 г. и вплоть до 1945 г., оставалась неизменной и равнялась 0,44%; с 1946 г. она начала повышаться и в 1952 г. составила 1,75%, в 1953 г. — 1,88%, а затем снизилась в феврале 1954 г. до 1,69%, в апреле 1954 г. до 1,25%. Таким образом, и эта ставка в настоящее время почти в три раза выше ставки 1939—1945 гг.

Повышение ссудного процента, притом довольно значительное, отчасти объясняется соответствующей политикой государства, но все же оно свидетельствует о возникающем напряжении на рынке ссудных капиталов.

То же произошло и в Англии.

В конце 1939 г. учетная ставка Английского банка была понижена до 2%. С этого времени и вплоть до конца 1951 г. эта ставка оставалась неизменной. 8 ноября 1951 г. она была повышена до 2,5%, а 12 марта 1952 г. — до 4%. В сентябре 1953 г. она понижена до 3,5%.

Частная учетная ставка в Лондоне по трехмесячным банковским акцептам с 1940 по 1944 г. была равна 1,03% (данные относятся к декабрю). Затем она снизилась до 0,53%, потом произошло небольшое повышение — в 1949 и 1950 гг. она была равна 0,69%. Резкое увеличение произошло в 1951 г. — до 1,5% и

[1а] В свете последующего развития ясно, что повышение ставок ссудного процента, особенно заметное начиная с 1950—1951 гг., не было симптомом вызревания кризиса, а было в основном обусловлено большим спросом на ссудный капитал одновременно со стороны государства и со стороны частной промышленности. Оно было связано также с отказом правительств и центральных банков от политики «дешевых денег» и переходом к политике кредитной рестрикции. Весь последующий период в общем характеризуется высоким уровнем процентных ставок (*Прим. ред.*).

еще более резкое в 1952 г. — до 3%. В декабре 1953 г. она снизилась до 2,19%, а в феврале 1954 г. — до 2,15%. В настоящее время эта ставка в два раза выше ставки, сохранявшейся неизменной с 1940 по 1944 г.

И в Англии немалую роль в повышении ссудного процента играет политика консервативного правительства, стремящегося мерами дисконтной политики укрепить рынок ссудных капиталов. Но все же это повышение является свидетельством нарастающего стеснения на рынке ссудных капиталов.

Таким образом, и современная действительность подтверждает, что изобилие ссудных капиталов, вызывая общую тенденцию к понижению ссудного процента, не отменяет циклической формы движения процента.

* * *

Изобилие ссудного капитала не означает наличия свободного, незанятого денежного капитала. Ссудный капитал — это денежный капитал, предназначенный и действительно отданный в ссуду капитал.

Изобилие ссудных капиталов ведет к тому, что значительная их часть используется непроизводительно. Все возрастающая часть ссудного капитала обслуживает не процесс производства, а процесс обращения, не процесс создания национального дохода, а его распределение, не движение реального капитала, а движение фиктивного капитала.

Изобилие ссудного капитала означает, что процесс расширенного воспроизводства не наталкивается на трудности в поисках ссудного капитала. Крупнейшие монополии всегда находят доступ в банки. Но избыток ссудного капитала означает невозможность производительного его использования.

Наблюдающееся в период общего кризиса капитализма замедление темпов расширенного воспроизводства объясняется не недостатком денежного капитала, как утверждают некоторые апологеты современного капитализма, а противоречиями капиталистического способа производства, крайне обострившимися в период общего кризиса капитализма.

Современная действительность, для которой характерно замедление темпов воспроизводства и в то же время изобилие ссудных капиталов, наглядно и убедительно свидетельствует о вздорности теорий различных апологетов современного капитализма и защитников инфляции, которые замедление темпов воспроизводства пытаются объяснить недостаточностью капитала, а в качестве средства ускорения этих темпов рекомендуют внедрение в обращение все большей массы денег.

Увеличение денежного обращения отнюдь не означает увеличения денежного капитала, современная экономическая действительность характеризуется не недостатком капитала, а его

изобилием, каждый экономический кризис характеризуется не недостатком, а перепроизводством капитала.

Избыток ссудного капитала, т. е. наличие ссудного капитала, не могущего найти производительное использование, есть не что иное, как выражение и результат неспособности современного капитализма использовать имеющиеся в распоряжении общества производительные силы, проявление в сфере кредита основного противоречия капиталистического способа производства, — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, противоречия между производственными возможностями капитализма и ограниченностью платежеспособного спроса.

В изобилии ссудного капитала находит яркое выражение загнивание капитализма; это изобилие является одним из источников паразитического потребления капиталистов и их челяди, расточительной жизни и мотовства финансовых магнатов, в то время как широкие народные массы влачат нищенское существование.

Изобилие ссудного капитала, свидетельствующее о неспособности капитализма производительно использовать наличные денежные ресурсы, достигшие огромных размеров в период общего кризиса, является отражением в кредитной сфере общего кризиса капитализма и его углубления во время и после второй мировой войны.

* * *

Общие условия экономики современного капитализма вызывают нарастание изобилия ссудного капитала. В то же время эти условия предопределяют его обесценение как результат обесценения денег. Ссудный капитал — это денежный капитал, и на его стоимости отражается обесценение денег. Подобно тому как обесценение денег означает понижение их реальной стоимости ниже номинальной, обесценение денежного и, соответственно, ссудного капитала означает понижение его реальной стоимости ниже номинальной.

Какое значение имеет обесценение денежного капитала?

Для ответа на этот вопрос следует определить, во-первых, какое воздействие оказывает обесценение денежного капитала на процесс воспроизводства, во-вторых, как сказывается обесценение денежного капитала на распределении национального дохода.

Обесценение денег проявляется в росте товарных цен, повышение которых происходит крайне неравномерно. При капитализме всегда происходит неравномерное *изменение* товарных цен. Но инфляция создает специфическую неравномерность, выражающуюся в *общем повышении* товарных

цен, причем цены на одни товары повышаются больше, а на другие меньше.

При обесценении денежного капитала несколько изменяются условия накопления и, соответственно, процесс возобновления производства.

Обесценение денежного капитала вследствие связанного с ним неравномерного повышения товарных цен приводит к перераспределению прибавочной стоимости между различными отраслями хозяйства и к выгоде отраслей, производящих товары, цены которых наиболее сильно повышаются.

Этот процесс перераспределения прибавочной стоимости можно проиллюстрировать следующим примером.

Предположим, имеются четыре отрасли, производящие товары, цены которых вследствие обесценения денег повышаются не в одинаковой мере. Допустим, денежные издержки производства в каждой отрасли одинаковы и равняются 1000. При норме прибыли в 20% цена реализуемых товаров в каждой отрасли будет равна 1200. Предположим далее, что издержки производства, как и цены товаров, производимых в этих отраслях, повысились в результате обесценения денег в среднем на 15%. Если бы цены товаров всех четырех отраслей повысились в одинаковой мере, то номинальная цена реализуемых товаров в каждой отрасли равнялась бы 1380 (1200+180). Издержки производства равнялись бы 1150.

Общая масса прибыли всех отраслей в денежном (номинальном) своем выражении будет равна 920. Масса прибыли и ее норма будут во всех отраслях одинаковы: масса прибыли — 230, норма прибыли — 20%. Но цены различных товаров повышаются в результате обесценения денег неодинаково. Предположим, что издержки производства во всех четырех отраслях повысились на 15%, цены товаров первой отрасли повысились на 5%, второй — на 10%, третьей — на 18% и четвертой — на 27%.

В этом случае номинальная цена реализуемого товарного капитала первой отрасли будет равна 1260, второй — 1320, третьей — 1416, четвертой — 1524. В первой отрасли масса получаемой прибыли составляет 110, следовательно, норма прибыли — 9,6%; во второй отрасли масса прибыли — 170, норма прибыли 14,8%; в третьей: масса прибыли — 266, норма прибыли — 23,1%; в четвертой: масса прибыли — 374, норма прибыли — 32,5%.

Таким образом, в первых двух отраслях норма получаемой прибыли будет ниже, а во второй и третьей отраслях выше той нормы, которая образовалась бы при одинаковом повышении цен всех товаров.

Общая масса прибыли распределяется между отдельными отраслями следующим образом. Из общей массы прибыли в 920 на долю первой отрасли приходится 12%, на долю второй — 18,5%, на долю третьей — 28,9%, на долю четвертой — 40,6%.

При обесценении денежного капитала, таким образом, темпы накопления изменяются в зависимости от колебаний степени повышения цен различных товаров.

Это обстоятельство само по себе пертурбирует процесс воспроизводства, ведет к нарушениям сложившихся пропорций. Нарушения пропорциональности воспроизводственного процесса, возникновение и развитие диспропорций предопределяются противоречиями капиталистического способа производства и вызываются многими обстоятельствами. Обесценение денежного и, соответственно, ссудного капитала является дополнительным фактором усиления диспропорций.

Обесценение денежного капитала вызывает его перераспределение к выгоде тех отраслей, цены товаров которых сильнее повышаются. Известно, что цены товаров монополизированных отраслей повышаются сильнее, чем цены товаров, произведенных в немонополизированных отраслях. Отсюда ясно, что перераспределение денежного капитала увеличивает прибыль монополий и умножает их экономическую мощь, усиливает процесс концентрации и централизации капитала.

Обесценение денежного капитала, как и обесценение денег, ухудшает положение кредиторов и облегчает положение должников. Крупнейшие же представители финансовой олигархии являются больше должниками, чем кредиторами. Дело в том, что финансовые плутократы, как, например, Морган, Рокфеллер, Меллон и другие, распоряжаются огромной массой чужого, заемного капитала. Обесценение денежного капитала поэтому не только не приносит им потерь, но иногда приносит даже выгоды.

Обесценение денежного капитала означает соответствующее вздорожание промышленного капитала. Сращенный ссудный и промышленный капитал с лихвой компенсирует потери от обесценения ссудного капитала вздорожанием действительного капитала. Все потери от обесценения ссудного капитала переносятся на рантье, на мелкого, среднего и менее крупного капиталиста.

Обесценение ссудного капитала, естественно, ослабляет рынок ссудных капиталов. Оно не может не приводить к нарушениям устойчивости кредита, осложняет кредитные отношения. Всякая кредитная сделка превращается в спекулятивную. Кредиту вообще свойственны, как выражается Маркс, азарт и мошенничество. Обесценение ссудного капитала, постоянные колебания его стоимости, привнося в кредит «игру на повышение и понижение», во много раз умножают свойственные кредиту черты спекуляции, азарта и мошенничества, жертвой которых являются широкие слои мелких, средних и менее крупных собственников.

Колебания стоимости ссудного капитала при общей тенденции к ее понижению дезорганизуют рынок ссудных капиталов, что, конечно, оказывает огромное воздействие на банковский кредит, ослабляет банковскую систему в целом.

* * *

В эпоху империализма, особенно в период общего кризиса капитализма, происходит огромный рост фиктивного капитала, увеличение массы различного рода ценных бумаг, облигаций государственных займов, акций и облигаций промышленных, торговых, транспортных и т. п. предприятий.

Увеличение массы циркулирующих на рынке ценных бумаг обусловлено, во-первых, огромным ростом государственных долгов, вызванных войнами и милитаризацией экономики, достигших в период общего кризиса капитализма громаднейших размеров.

Государственный долг США в конце 1953 г. составлял 275 млрд. долл., что почти равно годовому национальному доходу, который в 1953 г., согласно официальным, несомненно, преувеличенным исчислениям, был равен 306 млрд. долл.

Внутренний государственный долг Англии в конце 1953 г. составлял 24,7 млрд. ф. ст. Национальный же доход в 1953 г., согласно официальным исчислениям, составлял 14,7 млрд. ф. ст. Таким образом, государственный долг Англии превышает годовой национальный доход в 1,7 раза.

Во-вторых, увеличение массы циркулирующих на рынке ценных бумаг обусловлено исключительно большим распространением акционерной формы организации капиталистических предприятий.

Акционерные предприятия существовали и в домонополистическом капитализме. Но в эпоху империализма акционерная форма организации предприятий получает всеобщее распространение и занимает господствующее положение. В настоящее время огромная преобладающая часть совокупного капитала функционирует в предприятиях, организованных в форме акционерных обществ. Все банки, как и все крупные промышленные предприятия, все банковые и промышленные монополии организованы на акционерных началах.

В акционерной форме отделение капитала-собственности от капитала-функции доведено до предела.

«Капитализму, — пишет В. И. Ленин, — вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих

государств, обладающих финансовой «мощью», из всех остальных. В каких размерах идет этот процесс, об этом можно судить по данным статистики эмиссий, т. е. выпуска всякого рода ценных бумаг» [2].

Развитие акционерной формы допускает «колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала» [3]. Развитие этой формы дает возможность путем объединения крупных капиталов, путем привлечения денежных средств средних и мелких собственников создавать крупные и крупнейшие предприятия.

Акционерная форма предприятий дает возможность небольшой группе капиталистов, владеющих контрольным пакетом акций, распоряжаться огромными капиталами. Собственные капиталы финансовых магнатов Моргана, Рокфеллера, Меллона и других составляют небольшую часть капиталов, которыми они распоряжаются.

Акционерная форма делает возможным образование монополий.

Акционерная форма организации капиталистических предприятий, таким образом, неслучайна; она является той формой, в которой осуществляется концентрация производства, образование монополий и их господство.

Акционерная форма предприятий начала особенно бурно развиваться с 70-х годов прошлого столетия, т. е. с начала перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму. О том, как бурно развивалась эта форма организации капиталистических предприятий, можно судить по данным об учреждении акционерных обществ.

В Англии за период 1863—1870 гг. было учреждено 5600 акционерных обществ, за десятилетие 1871—1880 гг. — около 11 тыс. акционерных обществ, в 1881—1890 гг. — около 20 тыс., в 1891—1900 гг. — около 40 тыс., в 1901—1910 гг. — около 49 тыс., в 1911—1920 гг. — 64 тыс., в 1921—1930 гг. — 86 тыс. акционерных обществ [4]. Конечно, не все учрежденные акционерные общества сохранялись. Наоборот, значительная их часть функционировала в течение весьма короткого времени. Но самый факт учредительства акционерных предприятий во все возрастающих масштабах свидетельствует об их огромном распространении в различных отраслях народного хозяйства.

В Германии за десятилетие 1871—1880 гг. было учреждено более 1300 акционерных предприятий, в 1881—1890 гг. — около 1700, в 1891—1900 гг. — более 2000, в 1901—1910 гг. — около 1600, в 1911—1920 гг. — 1800 и в 1921—1930 гг. — более 13 500

---

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 226.

[3] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 479.

[4] И. Трахтенберг. Денежные кризисы. М., 1939, стр. 543.

акционерных предприятий [5]. И в Германии значительная часть учрежденных акционерных предприятий быстро прекращала свое существование; однако приведенные данные достаточно ярко свидетельствуют о растущей распространенности акционерной формы.

В настоящее время, вероятно, не менее 90% функционирующего капитала принадлежит акционерным обществам. Неслучайно с 70-х годов прошлого столетия, которыми завершается период капитализма свободной конкуренции и начинается переход к капитализму монополистическому, акционерная форма получила большое распространение.

В акционерной форме предприятий домонополистический капитализм находит наилучшие возможности своего предельного развития; с другой стороны, акционерная форма является исходной организационной формой монополий эпохи империализма и она развивается вместе с развитием монополистического капитализма.

* * *

Ценные бумаги, облигации государственных займов, акции и облигации промышленных предприятий есть не что иное, как титул собственности, как право на доход. Их стоимость фиктивна, она определяется капитализацией приносимого дохода.

Ценные бумаги приобретают самостоятельное движение, не зависимое от движения того капитала, который обусловил их возникновение.

Посредством займов государство получает в свое распоряжение средства, которые им растрачиваются, притом непроизводительно. Облигации же государственных займов продолжают свое существование. Таким образом, они представляют уже несуществующий капитал.

«Акции железнодорожных, горных, пароходных и других обществ, — пишет Маркс, — являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммой, авансированной участниками с целью затратить ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключена возможность, что акции представляют одно лишь мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, pro rata [пропорционально], на реализуемую им прибавочную стоимость» [6].

[5] Там же, стр. 703.

[6] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 480—481.

Все эти ценные бумаги получают самостоятельное движение, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Масса этих ценных бумаг с развитием капитализма все более и более возрастает.

А. Неймарк опубликовал в 1912 г. интересные данные об эмиссиях ценных бумаг во всем мире.

Согласно этим данным, эмиссия ценных бумаг постоянно возрастала и особенно сильно в эпоху империализма (табл. 4).

Приводя данные об общей сумме эмиссий, В. И. Ленин пишет: «В 1870-х годах общая сумма эмиссий во всем мире повышена в особенности займами в связи с франко-прусской войной и последовавшей эпохой грюндерства в Германии. В общем и целом, увеличение идет в течение трех последних десятилетий XIX века сравнительно не очень быстро, и только первое десятилетие XX века дает громадное увеличение, почти удвоение за 10 лет» [7].

Таблица 4

Сумма эмиссий во всем мире (в млрд. франков)[8]

Годы	Вся эмиссия	В том числе		
		государств и муниципалитетов	промышленных и железнодорожных предприятий	кредитных учреждений
1871—1880	76,1	43,6	23,6	8,9
1881—1890	62,7	22,1	35,1	5,5
1891—1900	73,2	26,4	37,8	9,0
1901—1910	157,0	63,5	77,3	16,2

Следует обратить внимание на следующее.

Эмиссия государственных и муниципальных бумаг все время (за исключением первого десятилетия) была меньшей, чем эмиссия частных бумаг.

В 1881—1890 гг. эмиссия государственных и муниципальных бумаг составляла 35,2% всех эмиссий, в 1891—1900 гг. — 36,1% и в 1901—1910 гг. — 40,4%.

Исчисления А. Неймарка кончаются 1912 годом.

---

[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 227.

[8] И. Трахтенберг. Указ. соч., стр. 832—860. Данные об общей сумме эмиссий несколько расходятся с данными, приводимыми В. И. Лениным в его книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Незначительное расхождение объясняется тем, что в приведенной таблице конверсия исключена.

Для характеристики движения эмиссий ценных бумаг за последнее время можно воспользоваться данными, относящимися к Англии [9] (табл. 5).

Таблица 5

Эмиссия ценных бумаг (без конверсии) (в млн. ф. ст.)

Годы	Вся эмиссия	В том числе		
		государств	муниципалитетов	различных отраслей народного хозяйства
1891—1900	1189	313	81	795
1901—1910	1598	582	131	885
1911—1920	6498	5310	125	1063
1921—1930	3184	1645	263	1276

Как видно из приведенных данных, эмиссия ценных бумаг все время увеличивалась. Для сравнения данных по десятилетиям необходимо исключить 1911—1920 гг. — сильное увеличение эмиссий в этом десятилетии объясняется большими государственными эмиссиями, вызванными первой мировой войной. В 1901—1910 гг. общая эмиссия увеличилась в сравнении с предшествовавшим десятилетием почти в 1,5 раза; в 1921—1930 гг. эмиссия ценных бумаг в сравнении с 1901—1910 гг. увеличилась в 2 раза.

Следует обратить внимание на то, что до общего кризиса капитализма государственная эмиссия уступала частной. В 1891—1900 гг. государственные эмиссии составляли 26,3% всех эмиссий, в 1901—1910 гг. — 36,4% всех эмиссий. Первая мировая война, естественно, чрезвычайно увеличила эмиссию государственных ценных бумаг, и доля ее в общей эмиссии поднялась до 81,7%.

В 1921—1930 гг., т. е. в период общего кризиса капитализма, значение государственных бумаг увеличилось, оно стало равным значению частных бумаг. В этом десятилетии эмиссия государственных обязательств составила 51,7% всех эмиссий.

Увеличение массы ценных бумаг существенным образом воздействует на рынок ссудных капиталов. Стоимость этих бумаг фиктивна, но они циркулируют на рынке как товары. Они являются объектом вложения ссудного капитала; их движение обслуживается ссудным капиталом. По мере увеличения массы этих бумаг они становятся важнейшей формой приложения

[9] Там же, стр. 546.

ссудного капитала. Важнейшей операцией современных банков являются операции с ценными бумагами.

Увеличение массы циркулирующих на рынке своеобразных товаров, облигаций государственных займов, акций и облигаций промышленных, торговых и других предприятий, имеющих самостоятельное движение и цена которых особым образом устанавливается, существенно изменяет структуру рынка ссудных капиталов.

* * *

В период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, происходят большие изменения структуры рынка ценных бумаг. Эти изменения имеют существенное значение; они отражаются на рынке ссудных капиталов, они в значительной мере предопределяют перерождение банковского кредита.

Ценные бумаги — не единственный объект вложения ссудных капиталов. Но масса эмитированных бумаг чрезвычайно велика, и поэтому не будет преувеличением сказать, что значительная часть ссудного капитала находит себе приложение на рынке ценных бумаг. Всякие изменения, происходящие на рынке ценных бумаг, непосредственно отражаются на рынке ссудных капиталов и, соответственно, на банковском кредите.

Как следует из вышеприведенных данных, преобладающая часть ценных бумаг ранее состояла из частных бумаг, акций и облигаций промышленных, торговых, железнодорожных, кредитных предприятий.

Только в годы войны и, в частности, годы первой мировой войны эмиссия бумаг публично-правовых учреждений (государств, муниципалитетов) была больше частных эмиссий.

Частные эмиссии преобладали и в домонополистическом капитализме, и в эпоху империализма, и в период общего кризиса капитализма в годы временной и относительной стабилизации, до кризиса 1929 г.

Со времени этого кризиса происходят большие изменения: на рынке ценных бумаг начинают преобладать государственные бумаги. Общее состояние экономики вызывает относительное сокращение частных эмиссий и рост государственного долга.

Сокращение частных эмиссий было обусловлено прежде всего кризисом. Во время кризиса производство сокращалось, так же резко сокращалось капитальное строительство. Но, кроме того, огромное значение имело следующее обстоятельство.

Во время исключительно острого и продолжительного кризиса 1929—1933 гг. правительства капиталистических государств оказывали щедрую помощь монополиям, которым кризис грозил большими потерями. Полностью сказалось подчинение государства крупнейшим монополиям. Для оказания такой помощи, производившейся в разных формах (субсидии, санации и т. д.), государ-

ство нуждалось в средствах, которые оно собирало не только посредством налогов, но и через займы. С этого времени начинается рост государственных долгов.

Рост государственных долгов особенно усилился с начала второй мировой войны. Этот рост был обусловлен войной и милитаризацией экономики, потребовавшей от государства огромных финансовых затрат. Хотя известная часть, во время второй мировой войны довольно значительная, покрывалась налогами, составляющими в США 43% всех бюджетных расходов, в Англии — 48% бюджетных расходов, — все же государства в больших размерах прибегали к государственным займам.

В связи с ростом государственного долга рынок ценных бумаг усиленно заполняется облигациями государственных займов. Рынок ссудных капиталов все более используется государственным кредитом.

Рост государственных долгов и, соответственно, изменение структуры рынка ценных бумаг происходят во всех капиталистических странах.

Процесс роста государственного долга и изменение структуры рынка ценных бумаг можно проиллюстрировать данными, относящимися к двум крупнейшим государствам — США и Англии. В США государственный долг с начала нынешнего столетия и до 1916 г. оставался стабильным и почти неизменно сохранялся на уровне 900—1000 млн. долл.

С 1916 г., в связи с участием США в первой мировой войне, начался рост государственного долга, и к концу 1919 г. он увеличился до 25,8 млрд. долл.

После войны началось постепенное сокращение государственного долга, которое продолжалось до 1930 г., в конце которого он составлял 16 млрд. долл.; таким образом, с 1920 по 1930 г. государственный долг сократился на 9,8 млрд. долл., т. е. на 38%.

В эти годы сумма эмитированных корпорациями акций и облигаций (без конверсий) была довольно велика. В 1919 г. эти эмиссии были равны 2,3 млрд. долл. В 1929 г. они достигали 8,6 млрд. долл., и даже в кризисном 1930 г. они составляли довольно большую сумму — 4,8 млрд. долл.

Таким образом, после первой мировой войны и до развившегося в 1929 г. экономического кризиса хотя сумма обращающихся на рынке облигаций государственных займов оставалась большой, но все же она сократилась, а частные эмиссии увеличились и являлись главным объектом вложения ссудных капиталов.

В этот период на рынке ценных бумаг ссудный капитал обслуживал в основном частную эмиссию.

С 1931 г. положение резко меняется. С одной стороны, кризис вызвал резкое сокращение частных эмиссий; с другой стороны, начался большой рост государственного долга.

К концу 1938 г. государственный долг США вырос до 39,4 млрд. долл. Таким образом, с 1931 по 1938 г. государственный долг увеличился на 23,4 млрд. долл., т. е. на 146%, или почти в 2,5 раза. За эти же годы корпорации эмитировали новые бумаги на ничтожную сумму — 5,9 млрд. долл. Таким образом, из общей массы вновь эмитированных ценных бумаг на долю государственных облигаций падало 80%, а на долю частных эмиссий — 20%.

За восемь лет рост государственного долга превысил новые эмиссии корпораций в 4 раза. На рынке ссудных капиталов государственный кредит начинает преобладать над частным. Облигации государственных займов как объект вложения ссудных капиталов начинают занимать очень видное место на рынке ценных бумаг.

Особенно сильно увеличился государственный долг во время второй мировой войны. Военные расходы правительства США достигли колоссальных размеров: за шесть лет войны (1939—1945) военные расходы составили 325 млрд. долл. Рост этих расходов был вызван не только непосредственным участием США в войне. Это участие, как известно, было небольшим.

Так называемые прямые военные расходы были велики, во-первых, потому, что государство платило необычайно высокие цены монополиям за приобретаемую у них продукцию, гарантируя им огромные барыши. Вторая мировая война еще в большей степени, чем прежние войны, была весьма прибыльным делом для капиталистических монополий США. На крови и страданиях широких народных масс они гигантски обогащались.

Военные расходы были велики, во-вторых, потому, что государство затрачивало довольно большие средства на строительство военных заводов, значительная часть которых была после войны продана монополиям за бесценок. Государство избавляло монополии от риска капитальных вложений и в то же время всемерно содействовало их обогащению.

Военные расходы США были велики, в-третьих, потому, что значительная их часть была направлена на подготовку к третьей мировой войне, на борьбу за установление мирового господства США, точнее — капиталистических монополий.

Для доведенного до колоссальных размеров так называемого военного финансирования требовалась мобилизация крупных денежных средств. Налоги на трудящихся достигли огромных размеров. Налоговый пресс, при помощи которого изымаются средства широких масс населения, был завинчен до предела. Но все же вследствие относительно малых налоговых изъятий у монополий налоговые источники оказались недостаточными и правительство США прибегло к государственным займам.

Рост государственного долга во время войны был чрезвычайно велик, частные же эмиссии совершенно ничтожны. До какой

степени рост государственного долга превышал новые эмиссии корпораций, можно судить по данным табл. 6.

Таблица 6

Рост государственного долга и частные эмиссии (в млрд. долл.)

	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	Итого
Прирост государственного долга	2,5	9,0	13,4	48,2	57,6	62,0	46,6	239,3
Новые эмиссии корпораций	0,4	0,8	1,0	0,6	0,4	0,8	1,3	5,3

За семь лет (1939—1945) государственный долг США увеличился с 39,4 млрд. долл. (в конце 1938 г.) до 278,7 млрд. долл. (в конце 1945 г.), т. е. на 239,3 млрд. долл.; частные же эмиссии ценных бумаг корпораций за те же годы составили ничтожную сумму — 5,3 млрд. долл. Таким образом, рост государственного долга и, соответственно, новые эмиссии государственных облигаций превысили частные эмиссии в 45 раз.

На рынке ценных бумаг обязательства государства заняли господствующее положение, а рынок ссудных капиталов почти целиком обслуживал государственный кредит.

После войны положение несколько изменилось, однако господствующее положение облигаций государственных займов было мало нарушено.

В первые годы после второй мировой войны государственный долг уменьшился. Это уменьшение продолжалось до конца 1948 г., когда он упал до 252,8 млрд. долл. За три года государственный долг сократился на 25,9 млрд. долл.

После этого вновь начался рост государственного долга, особенно большой в 1951 и 1952 гг. Рост государственного долга в эти годы связан с американской агрессией в Корее, с усилившейся милитаризацией экономики, с увеличением военных расходов, с возникновением в связи с этим дефицита государственного бюджета.

В конце 1952 г. государственный долг США увеличился до 267,4 млрд. долл. За семь лет со времени окончания войны государственный долг сократился всего на 11,3 млрд. долл., т. е. на 4%. Размеры государственного долга остались огромными. В ноябре 1953 г. государственный долг достиг установленного конгрессом лимита в 275 млрд. долл. (табл. 7).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что господствующее положение на рынке ценных бумаг государственных облигаций после войны несколько ослабело, но все же оно сохранилось.

То же следует сказать и об Англии.

Таблица 7

Движение государственного долга и частные эмиссии

Год	Увеличение (+) или уменьшение (—) государственного долга (в млрд. долл.)	Новые эмиссии корпораций (в млрд. долл.)	Год	Увеличение (+) или уменьшение (—) государственного долга (в млрд. долл.)	Новые эмиссии корпораций (в млрд. долл.)
1946	—19,2	3,9	1951	+2,8	7,1
1947	— 2,5	5,1	1952	+7,9	8,7
1948	— 4,2	6,6	1953	+7,8	8,5
1949	+ 4,4	5,6			
1950	— 0,5	5,0	С 1945 по 1953 г.	—3,5	50,5

Внутренний государственный долг Англии с начала прошлого столетия и до 1915 г. сохранялся на одном уровне — 700—750 млн. ф. ст.

С 1915 г. в связи с войной внутренний государственный долг начал возрастать. Уже к 31 марта 1916 г. он увеличился до 2129 млн. ф. ст., а к 31 марта 1920 г. вырос до 6646 млн. ф. ст.

В 1920—1930 гг. внутренний долг оставался почти неизменным: 31 марта 1930 г. он был равен 6522 млн. ф. ст.

В последующие годы вплоть до 1938 г. он несколько увеличился, достигнув к 31 марта 1938 г. суммы в 7118 млн. ф. ст.

Таким образом, с 1930 по 1938 г. внутренний государственный долг увеличился на 596 млн. ф. ст.

За эти же годы (1931—1938) эмиссии промышленных, железнодорожных, кредитных и других предприятий составляли 735,6 млн. ф. ст.[10]

Таким образом, и в эти годы преобладание государственных бумаг сохранилось, хотя оно и было несколько ослаблено.

С 1939 г. в связи с войной началось стремительное и резкое увеличение государственного долга, который вырос к 31 марта 1946 г. до огромной суммы в 23 742 млн. ф. ст. Государственный долг с 1938 до 1946 г. увеличился на 16 624 млн. ф. ст., т. е. на 233%, или в $3^1/_3$ раза.

---

[10] Вычислено по таблице, помещенной в работе автора «Денежные кризисы», стр. 546.

Эмиссия же частных бумаг в эти годы была совершенно ничтожна. С 1938 по 1945 г. эмиссии частных корпораций составили всего около 171 млн. ф. ст.

Огромное расширение рынка ценных бумаг произошло исключительно за счет государственных обязательств.

После войны положение мало изменилось.

После второй мировой войны внутренний государственный долг не только не сократился, но даже несколько увеличился. Это объясняется крайне тяжелым состоянием финансов Англии, созданным в значительной мере политикой господствующих классов.

Частные эмиссии в последние годы увеличились, но все же не настолько, чтобы изменить создавшееся ранее положение на рынке ценных бумаг (табл. 8).

Таблица 8

Движение государственного стерлингового долга и частные эмиссии (изменения государственного долга приводятся за бюджетный год, частные эмиссии — за календарный год) [11]

Бюджетный год	Увеличение (+) или уменьшение (—) государственного долга (в млн. ф. ст.)	Год	Новые эмиссии корпораций (в млн. ф. ст.)
1946/47	+ 1596	1946	205
1947/48	— 797	1947	246
1948/49	— 495	1948	183
1949/50	+ 41	1949	131
1950/51	+ 117	1950	140
1951/52	— 6	1951	172
1952/53	+ 166	1952	151
	+ 622		1228

Значение частных эмиссий увеличилось, но все же господствующее положение государственных обязательств сохранилось.

* * *

Возросшее значение государственных обязательств на рынке ценных бумаг влечет за собой весьма существенные последствия.

[11] Данные о государственном долге см. «International Financial Statistics», February 1954; данные об эмиссиях см. «Records and Statistics», 21, II, 1953.

Облигации государственного долга, как и акции и облигации частных корпораций, представляют собой фиктивный капитал, они являются только правом на доход, и их стоимость определяется капитализацией дохода. В этом отношении нет различия между государственными и частными ценными бумагами. Однако все же имеется большое различие между государственными и частными ценными бумагами.

Акции и облигации частных корпораций имеют самостоятельное движение, но их движение имеет прямую, непосредственную связь с процессом производства и воспроизводства действительного капитала.

Возможность уплаты процентов по облигационным займам корпораций, зависит от общего состояния соответствующих корпораций, от успешной реализации производимой этими корпорациями продукции — словом, от течения воспроизводственного процесса. Успешностью работы корпораций, ходом воспроизводственного процесса определяются также размеры дивидендов, уплачиваемых по акциям.

Акции частных корпораций хотя и не дают права на возврат ссуженного посредством их покупки капитала, но все же представляют действительный реальный капитал; их существование и движение определяются эксплуатацией наемного труда, созданием присваиваемой корпорациями прибавочной стоимости. Получение доходов по акциям частных корпораций обусловливается наличием прибавочной стоимости, наличием капиталистической прибыли, за счет которой оплачиваются диведенды по акциям.

Мы отвлекаемся от различных злоупотреблений и финансовых махинаций, к которым прибегает финансовая олигархия, являющаяся фактическим собственником корпораций. Эти злоупотребления достигают огромных размеров и приносят финансовой олигархии немалые барыши. Однако они служат только пертурбирующим фактором, не изменяющим общих закономерностей движения ценных бумаг.

Иными являются государственные облигации. Тот капитал, который ссужен посредством покупки облигаций государству, растрачивается последним непроизводительно. Облигации государственного долга представляют уже несуществующий, непроизводительно затраченный капитал. Возможность погашения государственного долга и уплата по нему процентов зависят от состояния государственного бюджета, доходы которого слагаются в основном из налогов, уплачиваемых широкими массами трудящихся. Оплата процентов по государственному долгу совершается главным образом за счет доходов трудящихся. Налоги служат дополнительным средством эксплуатации трудящихся; бюджетом перераспределяется национальный доход. Состояние бюджета только в конечном счете определяется ходом процесса производства и воспроизводства действительного капитала.

Таким образом, движение фиктивного капитала, представляемого государственными ценными бумагами, непосредственной связи с процессом воспроизводства не имеет; эта связь осуществляется через бюджет.

Увеличившееся значение ценных бумаг, являющихся объектом вложения ссудного капитала, возросшее значение государственных обязательств на рынке ценных бумаг неминуемо влекут за собой изменение деятельности кредитной системы и ее наиболее существенной части — банковской системы.

Поскольку рынок ссудных капиталов все в большей мере питает государственный кредит, постольку создается тесная связь и взаимозависимость банковского и государственного кредита.

Глава седьмая

АКТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ БАНКОВ. БАНКОВСКИЙ КРЕДИТ И БЮДЖЕТ

В предыдущей главе были охарактеризованы происшедшие в период общего кризиса капитализма изменения структуры рынка ссудных капиталов, непосредственно вызванные ростом государственного долга в связи с милитаризацией экономики.

Эти изменения, как и рост государственного долга, неслучайны; они обусловлены всей политической и экономической обстановкой периода общего кризиса мировой капиталистической системы, углубившегося в результате второй мировой войны.

Милитаризация капиталистической экономики, методы ее финансирования не могли не отразиться на банковском кредите, на функциях и деятельности банков.

Изменения банковского кредита были обусловлены милитаризацией экономики и методами ее финансирования, в частности ростом государственных долгов; с другой стороны, самая возможность финансирования была обусловлена изменениями банковского кредита. Государственные займы, достигшие огромных размеров, не могли быть размещены без участия банков. Участие же банков в этом размещении ведет к изменению их деятельности.

В настоящее время приобретает особое значение и усиливается роль банков как орудий милитаризации капиталистической экономики. Это проявляется в изменении банковских операций, в видоизменении форм связи банковского кредита с процессом воспроизводства действительного капитала, в изменении связи банковского кредита с государственным бюджетом, с государственным кредитом.

Все эти изменения обнаруживают перерождение банковского кредита, значительная часть которого направлена на непроизводительное использование, на производство средств уничтожения производительных сил.

Для характеристики этого перерождения необходимо, во-первых, определить степень участия банков в финансировании государственного военного бюджета, степень участия банков в размещении государственных займов и, во-вторых, показать изменения

банковских операций, вызванных участием банков в размещении государственных займов.

Методы финансирования милитаризации экономики, используемые в отдельных странах, не вполне совпадают, точно так же и банковские системы отдельных стран отличаются некоторыми особенностями. Но поскольку целью анализа является определение общих тенденций, постольку можно ограничиться рассмотрением данных, относящихся к крупнейшим капиталистическим странам. Ниже рассматриваются данные, относящиеся к США, Англии и отчасти Канаде, финансовая статистика которых дает к тому же достаточный для этого материал.

* * *

Участие банков в размещении государственных займов очень велико.

Облигации государственных займов распределяются через посредство банков и при активном их участии. Без посредства банков государственные займы не могли бы быть покрыты. Банки являются весьма совершенным и эффективно действующим аппаратом государственного кредита.

Внедрение в оборот государственных обязательств и размещение их среди различных держателей составляет одну из существенных операций банков и приносит им немалые барыши. Кроме того, банки поддерживают государственный кредит собственными инвестициями в государственные обязательства, совершаемыми за счет имеющихся в их распоряжении чужих капиталов или посредством создания мнимых депозитов. Эти инвестиции банков имеют особое значение. Они воздействуют на денежное обращение, стимулируя инфляцию и усиливая развитие инфляционного процесса; они воздействуют на банки, изменяя их операции.

Как же размещались государственные займы и какова была доля банков в этом размещении?

В США часть государственных займов покрывается публично-правовыми учреждениями, различными правительственными фондами, правительствами штатов, муниципалитетами и т. д. Во время войны участие публично-правовых учреждений в покрытии государственных займов было невелико, и доля этого участия в общем государственном долге оставалась почти неизменной.

В конце 1941 г. из общей суммы государственного долга в 64,3 млрд. долл. в различных публично-правовых учреждениях было размещено 10,2 млрд. долл., т. е. 15,9% всего долга. В конце 1942 г. из общей суммы государственного долга в 112,5 млрд. долл., в публично-правовых учреждениях было размещено 13,3 млрд. долл., т. е. 11,8% всего долга. В конце 1943 г. общий государственный долг был равен 170,1 млрд. долл., из коих в публично-правовых учреждениях было размещено 19,0 млрд. долл., т. е. 11,2%

В конце 1944 г. государственный долг увеличился до 232,1 млрд. долл., в публично-правовых учреждениях было размещено 26,0 млн. долл., т. е. 11,4%. Наконец, в конце 1945 г., когда государственный долг достиг максимальных своих размеров и составил 278,7 млрд. долл., в публично-правовых учреждениях было размещено 33,6 млрд. долл., т. е. 12,1%.

Таким образом, во время войны доля участия публично-правовых учреждений была невелика и составляла 11—12% общего долга. Остальная же часть долга размещена была вне публично-правовых учреждений. Распределение облигаций этой части долга среди различных держателей показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение государственного долга среди различных держателей (на конец года)

Год	Федеральные резервные банки	Коммерческие банки	Взаимносберегательные банки	Страховые учреждения	Корпорации и частные лица	Всего
			В млрд. долларов			
1941	2,3	21,4	3,7	8,2	18,5	54,1
1942	6,2	41,1	4,5	11,3	36,1	99,2
1943	11,5	59,9	6,1	15,1	58,5	151,1
1944	18,8	77,7	8,3	19,6	81,7	206,1
1945	24,3	90,8	10,7	24,0	95,3	245,1
			В процентах			
1941	4,3	39,6	6,8	15,1	34,2	100,0
1942	6,2	41,4	4,6	11,4	36,4	100,0
1943	7,6	39,6	4,1	10,0	38,7	100,0
1944	9,1	37,7	4,0	9,5	39,7	100,0
1945	9,8	37,1	4,5	10,0	38,6	100,0

Как видно из приведенных данных, огромная часть государственных облигаций, размещенных вне публично-правовых учреждений, приходилась на долю финансовых предприятий: только в коммерческих банках находилось от 37 до 40% всего долга, размещенного вне публично-правовых учреждений, во всех банках (федеральных резервных, коммерческих и взаимносберегательных) — свыше 51%, а во всех финансовых предприятиях (федеральных резервных банках, коммерческих банках, взаимносберегательных банках и страховых предприятиях) — от 60 до 66%.

Таким образом, во время войны коммерческие банки покрывали около двух пятых, все банки — свыше половины, а все фи-

нансовые предприятия — больше трех пятых государственного долга США, размещенного вне публично-правовых учреждений.

Переходя к рассмотрению данных по Англии, следует сделать следующую оговорку. В балансах английских банков инвестиции в ценные бумаги показываются общей суммой без разделения их на частные и государственные. Но известно, что инвестиции английских банков в частные ценные бумаги совершенно ничтожны, поэтому при дальнейших исчислениях все банковские инвестиции в ценные бумаги считаются инвестициями в государственные обязательства.

Согласно имеющимся данным, в конце марта 1946 г. весь внутренний (стерлинговый) долг Англии составил 23,4 млрд. ф. ст. Часть этого долга была размещена в различных публично-правовых учреждениях. Вне этих учреждений было размещено 20,2 млрд. ф. ст. В это же время в Английском банке находилось государственных обязательств всякого рода на 1,6 млрд. ф. ст., в лондонских клиринг-банках — 3,1 млрд. ф. ст., а всего 4,7 млрд. ф. ст. Таким образом, в банках было размещено 20% всего государственного долга, 23% долга, размещенного вне публично-правовых учреждений.

Об увеличении участия английских банков в покрытии государственного долга во время войны можно судить по сравнению с тем, что было до войны.

В конце марта 1937 г. внутренний государственный долг Англии был равен 6884 млн. ф. ст. В Английском банке тогда находилось ценных бумаг на 145 млн. ф. ст., в клиринг-банках — 667 млн. ф. ст., а всего 812 млн. ф. ст., или 11,8% всего государственного долга.

Во время войны, следовательно, участие английских банков в размещении государственного долга удвоилось. Роль банков в покрытии государственного долга в Англии не столь велика, как в США, но все же она довольна значительна.

Об участии банков Канады в размещении государственного долга можно судить по следующим данным:

	1938 г.	1945 г.
Весь государственный долг	4336	17 479
Долг, размещенный вне публично-правовых учреждений	4058	16 185
Облигации государственного долга:		
в Канадском банке	182	1842
в прочих банках	767	3506
в других финансовых учреждениях	548	2233
Всего	1497	7581
В % к государственному долгу, размещенному вне публично-правовых учреждений:		
в Канадском банке	4,5	11,4
в прочих банках	18,9	21,6
в других финансовых учреждениях	13,5	13,8
Всего	36,9	46,9

За время войны участие банков в размещении государственных займов сильно увеличилось. В 1938 г. во всех банках было размещено 23,4% долга, размещенного вне публично-правовых учреждений, а в 1945 г. — 33%.

Участие всех финансовых предприятий в размещении государственного долга тоже увеличилось. К концу войны в финансовых предприятиях была размещена почти половина (46,9%) всего долга, размещенного вне публично-правовых учреждений.

Приведенные данные, относящиеся к трем странам, достаточны для того, чтобы судить об общих тенденциях, о чрезвычайно возросшей во время второй мировой войны роли банков и других финансовых предприятий в финансировании государственного кредита.

* * *

После войны произошли некоторые изменения в размещении государственных займов, но они не были столь значительны. Роль банков и других финансовых предприятий в финансировании государственного долга осталась очень большой, стало быть, сохранилась и тесная связь банковского и государственного кредита.

В США доля участия в размещении государственного долга различных публично-правовых учреждений, государственных фондов, правительств штатов, муниципалитетов и т. д. увеличилась.

В конце 1945 г. из общей суммы государственного долга в 278,7 млрд. долл. в публично-правовых учреждениях было размещено 33,6 млрд. долл., т. е. 12,1% всего долга. В конце 1951 г. весь государственный долг составлял 259,5 млрд. долл., а в публично-правовых учреждениях находилось государственных облигаций на 51,9 млрд. долл., т. е. 20,0% всего долга. В конце 1953 г. из общей суммы государственного долга в 275,2 млрд. долл. в публично-правовых учреждениях находилось 60,9 млрд. долл., т. е. 22,1%. Соответственно сократилась доля государственных обязательств, размещенных вне публично-правовых учреждений.

Увеличение государственных обязательств, размещенных в публично-правовых учреждениях, отчасти объясняется увеличением правительственных фондов. Но, несомненно, усиление участия публично-правовых учреждений в финансировании государственного кредита свидетельствует о том, что размещение государственных займов вне публично-правовых учреждений наталкивается на некоторые трудности (табл. 2).

Об этих трудностях свидетельствует и то, что в последние два года, как уже указывалось, обнаруживается тенденция к повышению ссудного процента.

Произошли изменения и в размещении государственного долга среди различных его держателей (табл. 2).

Таблица 2

Размещение государственного долга США среди различных держателей (на конец года)

Год	Федеральные резервные банки	Коммерческие банки	Взаимносберегательные банки	Страховые учреждения	Корпорации и частные лица	Всего
			В млрд. долларов			
1945	24,3	90,8	10,7	24,0	95,3	245,1
1946	23,4	74,5	11,8	24,9	87,7	222,3
1947	22,6	68,7	12,0	23,9	88,1	215,3
1948	23,3	62,5	11,5	21,2	89,2	207,7
1949	18,9	66,8	11,4	20,1	92,5	209,7
1950	20,8	61,8	10,9	18,7	96,5	208,7
1951	23,8	61,6	9,8	16,4	96,0	207,6
1952	24,7	63,4	9,5	16,0	96,9	210,5
1953	25,9	63,6	9,2	15,8	99,8	214,3
			В процентах			
1945	9,8	37,1	4,5	10,0	38,6	100
1946	10,5	33,5	5,7	10,8	39,5	100
1947	10,5	31,9	5,6	11,1	40,9	100
1948	11,2	30,2	5,5	10,2	42,9	100
1949	9,0	31,8	5,5	9,6	44,1	100
1950	9,9	29,9	5,2	9,0	46,0	100
1951	11,5	29,7	4,7	7,9	46,2	100
1952	11,8	30,1	4,5	7,6	46,0	100
1953	12,1	29,7	4,3	7,4	46,5	100

Как видно из приведенных данных, федеральные резервные банки в первые годы после войны сократили свои инвестиции в государственные обязательства, но уже в 1951 г., а особенно в 1952 г. они увеличились. В конце 1953 г. эти инвестиции превысили уровень 1945 г. В связи же с сокращением долга (в сравнении с 1945 г.) доля участия федеральных резервных банков в финансировании государственного кредита в сравнении с 1945 г. увеличилась. Тогда удельный вес инвестиций федеральных резервных банков в общей сумме размещенного вне публично-правовых учреждений долга был равен 9,8%, в 1951 г. удельный вес повысился до 11,5%, в 1952 г. до 11,8%, в 1953 г. — до 12,1%.

Довольно сильно сократили свои инвестиции в государственные обязательства коммерческие банки. Сократилась также доля их участия в финансировании государственного кредита: в 1945 г.

эти вложения были равны 90,8 млрд. долл., в 1951 г. — 61,6 млрд. долл., в 1952 г. — 63,4 млрд. долл., в 1953 г. — 63,6 млрд. долл. Доля участия этих банков в размещении государственного долга в 1945 г. равнялась 37,1%, в 1951 г. — 29,7%, в 1952 г. — 30,1%, в 1953 г. — 29,7%.

Изменились и инвестиции в государственные обязательства взаимносберегательных банков. До 1947 г. эти инвестиции увеличивались, затем стали уменьшаться: в 1951 г. эти вложения составляли 9,8 млрд. долл., в 1952 г. — 9,5 млрд. долл. и в 1953 г. — 9,2 млрд. долл. (в 1945 г. эти вложения составляли 10,7 млрд. долл.).

Удельный вес участия взаимносберегательных банков составил в 1951 г. 4,7%, в 1952 г. — 4,5%, в 1953 г. — 4,3%. Таким образом, доля участия взаимносберегательных банков в размещении государственного долга осталась почти неизменной.

Страховые учреждения уменьшили, притом довольно сильно, свои инвестиции в государственные обязательства с 24,9 млрд. долл. в 1946 г. до 16,4 млрд. долл. в 1951 г., до 16,0 млрд. долл. в 1952 г. и до 15,8 млрд. долл. в 1953 г. Упал и удельный вес этих вложений: с 10,8% в 1946 г. до 7,9% в 1951 г., до 7,6% в 1952 г. и до 7,4% в 1953 г.

Среди всех изменений наибольшее внимание привлекает то, что корпорации и частные лица сохранили свои инвестиции в государственные ценные бумаги на очень высоком, почти неизменном уровне и тем самым их доля участия в финансировании государственного кредита увеличилась. В 1945 г. эти инвестиции составляли 95,3 млрд. долл., затем примерно до 1949 г. они сокращались; но с 1949 г. они начали увеличиваться и составили в 1951 г. 96,0 млрд. долл., в 1952 г. 96,6 млрд. долл. и в 1953 г. 99,8 млрд. долл. Удельный вес участия корпораций и частных лиц в размещении государственного долга почти все время увеличивался: в 1945 г. он составил 38,6%, в 1951 г. — 46,2%, в 1952 г. — 46,0% и в 1953 г. — 46,5% государственного долга, размещенного вне публично-правовых учреждений.

Сохранение корпорациями своих инвестиций в государственные обязательства на очень высоком уровне объясняется в основном следующими обстоятельствами.

Во-первых, вследствие огромных прибылей, полученных ими во время и после второй мировой войны, они накопили огромные денежные ресурсы.

При этом, во-вторых, значительную часть прибыли корпорации не распределяют в качестве дивидендов, а относят в различные резервы, что ведет к уменьшению облагаемой налогами прибыли. Политика распределения прибылей является очень эффективным способом уклонения от налогового обложения. Таким образом, накопленные денежные ресурсы остаются в распоряжении корпораций.

В-третьих, накопленные в огромных размерах денежные резервы не могут быть использованы производительно, и поэтому часть их вкладывается в государственные обязательства.

Хотя общие инвестиции банков в государственные обязательства сократились, но все же доля их участия в финансировании государственного кредита осталась очень большой.

В 1945 г. в банках было сосредоточено 51,4% всего государственного долга, размещенного вне публично-правовых учреждений, а во всех финансовых предприятиях — 61,4%.

В 1951 г. в банках находилось 45,9%, а во всех финансовых предприятиях — 53,8% облигаций, размещенных вне публично-правовых учреждений, в 1952 г. доля банков составляла 46,4%, а доля всех финансовых предприятий — 54,0%, в 1953 г. доля банков составляла 46,1%, а всех финансовых предприятий — 53,5%.

В настоящее время, таким образом, почти половина государственного долга, размещенного вне публично-правовых учреждений, сосредоточена в банках.

И после войны роль банков как орудия милитаризации экономики, тесная связь банковского и государственного кредита сохранилась.

В Англии доля участия публично-правовых учреждений в размещении государственного долга несколько увеличилась.

В конце войны (31 марта 1946 г.) из всего внутреннего государственного стерлингового долга, составлявшего 23,4 млрд. ф. ст., в публично-правовых учреждениях находилось 3,2 млрд. ф. ст., т. е. 13,7% всего долга. В конце марта 1952 г. весь стерлинговый долг составлял 23,7 млрд. ф. ст., из них в публично-правовых учреждениях находилось 3,7 млрд. ф. ст., т. е. 15,7% всего долга. В марте 1953 г. из всего долга в 23,9 млрд. долл., в публично-правовых учреждениях находилось 3,6 млрд. долл., или 15,1%.

Почти не изменилось или во всяком случае очень мало изменилось распределение размещенного вне публично-правовых учреждений государственного долга среди различных держателей[1] (табл. 3).

Как видно из приведенных данных, доля участия банков в размещении государственного долга не изменилась.

В Канаде распределение государственного долга среди различных держателей осталось после войны почти неизменным.

Доля участия публично-правовых учреждений в размещении государственного долга несколько увеличилась.

В конце 1945 г. весь государственный долг был равен 17,5 млрд. долл., из них в публично-правовых учреждениях находилось 1,3 млрд. долл., т. е. 7,4%. В конце 1951 г. из общей суммы долга в 15,3 млрд. долл., в публично-правовых учреждениях находилось 1,5 млрд. долл., т. е. 9,8%, в конце 1952 г. из общего долга в 15,2 млрд. долл. в публично-правовых учреждениях находилось 1,6 млрд. долл., т. е. 10,5%.

[1] «International Financial Statistics», February 1954.

Таблица 3

Размещение вне публично-правовых учреждений государственного долга среди различных держателей

Год (на 31 марта)	Английский банк	Клиринг-банки	Прочие держатели	Итого	Год (на 31 марта)	Английский банк	Клиринг-банки	Прочие держатели	Итого
В млн. фунтов стерлингов					В процентах				
1946	1616	3068	15 491	20 175	1946	8,0	15,2	76,8	100
1947	1771	3521	15 829	21 121	1947	8,4	16,6	75,0	100
1948	1640	3444	15 462	20 546	1948	7,9	16,7	75,4	100
1949	1628	3321	14 871	19 820	1949	8,2	16,8	75,0	100
1950	1774	3053	14 883	19 710	1950	9,0	15,5	75,5	100
1951	1713	3099	14 998	19 810	1951	8,7	15,6	75,7	100
1952	1723	2613	15 658	19 994	1952	8,6	13,1	78,3	100
1953	1889	3077	15 366	20 332	1953	9,3	15,1	75,6	100

Распределение размещенного вне публично-правовых учреждений государственного долга видно из табл. 4.

В конце войны банки покрывали 33,0% размещенного вне публично-правовых учреждений государственного долга, а все финансовые предприятия — 46,7%.

В 1952 г. в банках находилось 36,9% размещенного вне публично-правовых учреждений государственного долга, а во всех финансовых предприятиях — 48,9%.

После войны, таким образом, участие банков Канады в финансировании государственного кредита несколько увеличилось.

Во время войны, как об этом свидетельствуют приведенные данные, непосредственное участие банков в размещении государственных займов было чрезвычайно велико. Государственный кредит опирался на банки, рост государственного долга происходил в значительной мере за счет денежных ресурсов, находившихся в распоряжении банков. Создалась, таким образом, теснейшая связь между государственным и банковским кредитом. Тот и другой оказались взаимообусловленными и взаимозависимыми. Прочность государственного кредита стала зависимой от устойчивости банков, а, с другой стороны, устойчивость банков стала зависеть от прочности государственного кредита.

После войны положение несколько изменилось, но и теперь государственный кредит в значительной мере питается средствами банков и других финансовых предприятий. Степень участия финансовых предприятий в покрытии государственного долга в разных странах неодинакова, но везде она довольно велика; в настоящее время от 30 до 50% размещенного вне публично-правовых учре-

ждений государственного долга покрывается финансовыми предприятиями.

Таблица 4

Распределение государственного долга Канады, размещенного вне публично-правовых учреждений среди различных держателей [2]

Конец года	Канадский банк	Другие банки	Прочие финансовые предприятия	Корпорации и частные лица	Иностранцы и пр.	Всего
			В млрд. канадских долларов			
1945	1842	3506	2232	7498	1144	16 222
1946	1904	3317	2384	7290	1091	15 986
1947	1881	2648	2395	6861	1053	14 838
1948	2013	2959	2172	6454	1158	14 756
1949	2009	3112	2022	6144	1240	14 527
1950	1942	3079	1862	6330	1366	14 579
1951	2191	2754	1737	6082	1168	13 932
1952	2227	2784	1633	5966	965	13 575
			В процентах			
1945	11,4	21,6	13,7	46,2	7,1	100
1946	11,9	20,7	14,9	45,6	6,9	100
1947	12,6	17,9	16,1	46,2	7,2	100
1948	13,6	20,1	14,7	43,7	7,9	100
1949	13,8	21,4	13,9	42,3	8,6	100
1950	13,3	21,1	12,8	43,4	9,4	100
1951	15,7	19,8	12,4	43,7	8,4	100
1952	16,4	20,5	12,0	44,0	7,1	100

Со времени экономического кризиса 1929—1933 г., особенно на втором этапе общего кризиса мировой капиталистической системы, установилась теснейшая связь между государственным бюджетом и банковским кредитом. Произошло изменение банковского кредита, который в значительной мере обслуживает нужды государственного бюджета. Как государство, так и банки находятся в руках господствующих монополий, сращивание государственного и банковского кредита — одно из проявлений роста государственно-монополистических тенденций.

[2] «International Financial Statistics», February 1954.

* * *

До сих пор речь шла об участии банков в финансировании государственного военного бюджета, в финансировании государственного кредита.

Это финансирование не могло не отразиться на деятельности банков, не могло не вызвать существенных изменений в операциях банков.

Это изменение можно показать анализом основных операций банков двух главнейших капиталистических стран — США и Англии.

Изменения операций банков США характеризуются данными (табл. 5).

Таблица 5

Операции банков — членов Федеральной резервной системы (на конец года) (в млрд. долл.)

Год	Депозиты (баз междубанковских)	Ссуды		Инвестиции			
		всего	% к депозитам	всего	% к депозитам	в том числе в государственные облигации	% к депозитам
1914	6,4	6,4	100,0	2,1	32,8	0,8	12,5
1919	22,0	18,1	82,3	6,6	30,0	3,3	15,0
1928	34,8	25,2	72,4	10,5	30,2	4,3	12,4
1933	23,8	12,8	53,8	12,4	52,1	7,3	30,7
1939	39,9	14,0	35,1	20,0	50,1	14,3	35,8
1940	46,0	15,8	33,3	21,8	47,4	15,8	34,3
1941	51,2	18,0	35,2	25,5	49,8	19,5	38,1
1942	67,3	16,1	23,9	43,2	64,2	37,5	55,7
1943	81,7	16,3	19,9	58,0	71,0	53,0	64,9
1944	99,1	18,7	18,9	72,9	73,6	67,7	68,4
1945	116,0	22,8	19,6	84,4	72,8	78,3	67,5

Как видно из табл. 5, до первой мировой войны средства, находившиеся в распоряжении банков, целиком использовались для ссуд, т. е. непосредственно обслуживали народное хозяйство. Основной операцией банков являлись ссуды, которыми обычно опосредствуется коммерческий кредит, т. е. кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами. В ссудах осуществляется непосредственная связь банковского кредита с товарооборотом, с процессом производства и воспроизводства.

Первая мировая война не внесла существенных изменений в использование банками своих средств. Но все же уже тогда обозначилась тенденция к относительному сокращению ссуд, т. е. к сокращению доли депозитов, используемых для ссуд; вместе с тем

доля депозитов, используемых для инвестиций в ценные бумаги, оставалась почти стабильной.

После первой мировой войны и до разразившегося в 1929 г. экономического кризиса перепроизводства абсолютная масса ссуд увеличивалась, но доля ссуд в общих операциях банков сократилась, хотя все же оставалась довольно значительной (в 1928 г. для ссуд использовалось свыше 70% депозитов). Значение же инвестиций в ценные бумаги, в том числе в государственные облигации, оставалось стабильным (в 1928 г. для инвестиций в государственные обязательства использовалось 12,4%, а во все ценные бумаги— 30,2% депозитов).

Резкие изменения произошли во время кризиса 1929—1933 гг. Сильно сократилась и абсолютная масса ссуд и относительное их значение: в конце 1933 г. ссуды составляли 53,8% всех депозитов.

В то же время возросли инвестиции в государственные обязательства. При резком сокращении депозитов инвестиции в государственные ценные бумаги увеличились более чем в 1,5 раза, а относительное их значение возросло в 2,5 раза: в 1928 г. для этих инвестиций использовалось 12,4%, а в 1933 г. — 30,7% депозитов.

Уменьшение относительного значения ссуд и увеличение как общей массы, так и относительного значения инвестиций в государственные обязательства продолжалось и после кризиса 1929—1933 г. В 1939 г. для ссуд использовалось 35,1%, а для государственных обязательств — 35,8% депозитов.

Но особенно большие изменения в операциях банков произошли во время второй мировой войны. До войны усиливавшееся финансирование банками государственного кредита было вызвано ростом государственного долга, происходившим в связи с деятельностью правительства США по оказанию помощи монополиям, по избавлению их от кризисных убытков.

Во время второй мировой войны увеличение инвестиций банков в государственные обязательства было обусловлено огромным ростом государственного долга, вызванным войной и милитаризацией экономики США.

Вторая мировая война чрезвычайно усилила обозначившиеся ранее тенденции и привела к коренному изменению направления банковских операций.

С 1939 по 1945 г. абсолютная масса ссуд увеличилась с 14,0 млрд. до 22,8 млрд. долл., но их доля в общей массе депозитов упала с 35,1 до 19,6%. Инвестиции же в государственные ценные бумаги резко возросли: чрезвычайно сильно увеличилась и абсолютная масса этих инвестиций и их доля в общей сумме депозитов. В 1939 г. банками — членами Федеральной резервной системы было инвестировано в государственные обязательства 14,3 млрд. долл., что составило 35,8% всех депозитов; в 1945 г. эти инвестиции составили 78,3 млрд. долл., т. е. 67,5% всех депозитов. Абсолютная

масса инвестиций в государственные обязательства увеличилась почти в 5,5 раза, доля же депозитов, используемых для этих инвестиций, возросла почти в 2 раза (масса депозитов за это время увеличилась с 39,9 млрд. до 116,0 млрд. долл., т. е. почти в 3 раза).

Во время войны не только усилилась тесная связь между банковским и государственным кредитом, что выразилось в огромном росте инвестиций банков в государственные обязательства, но одновременно произошло ослабление непосредственной связи банковского кредита с народным хозяйством, с процессом производства и воспроизводства, что выразилось в сокращении как ссуд частному хозяйству, так и инвестиций в частные ценные бумаги.

Насколько сократилось непосредственное финансирование народного хозяйства и соответственно увеличилось финансирование государства, можно судить по данным табл. 6.

Таблица 6

Суды и инвестиции банков — членов Федеральной резервной системы (на конец года) (в млрд. долл.)

Год	Всего ссуд и инвестиций	Кредитование народного хозяйства						Финансирование бюджета	
		ссуды	%	инвестиции в ценные бумаги	%	всего	%	инвестиции в государственные бумаги	%
1914	8,5	6,4	75,3	1,3	15,3	7,7	90,6	0,8	9,4
1919	24,7	18,1	73,2	3,3	13,4	21,4	86,6	3,3	13,4
1928	35,7	25,2	70,6	6,2	17,4	31,4	88,0	4,3	12,0
1933	25,2	12,8	50,8	5,1	20,2	17,9	71,0	7,3	29,0
1939	34,0	14,0	41,2	5,7	16,7	19,7	57,9	14,3	42,1
1940	37,1	15,3	41,2	6,0	16,2	21,3	57,4	15,8	42,6
1941	43,5	18,0	41,4	6,0	13,8	24,0	55,2	19,5	44,8
1942	59,3	16,1	27,2	5,7	9,6	21,8	36,8	37,5	63,2
1943	74,3	16,3	22,0	5,0	6,7	21,3	28,7	53,0	71,3
1944	91,6	18,7	20,4	5,2	5,6	23,9	26,0	67,7	74,0
1945	107,2	22,8	21,3	6,1	5,7	28,4	27,0	78,3	73,0

Как видно из приведенных в таблице данных, ссуды и инвестиции банков — членов ФРС, за исключением годов разразившегося в 1929 г. исключительно продолжительного и острого кризиса, непрерывно возрастали.

Ссуды до кризиса 1929—1933 гг. увеличивались: в 1914 г. они были равны 6,4 млрд. долл., а в 1928 г. — 25,2 млрд. долл.

Во время кризиса они резко упали: к концу 1933 г. они снизились до 12,8 млрд. долл. После кризиса происходил их медленный рост: в конце 1939 г. они были равны 14 млрд. долл. Война ускорила увеличение ссуд: в конце 1945 г. они составили 22,8 млрд. долл. Следует обратить внимание на то, что их абсолютная сумма все же была меньшей чем в 1928 г., т. е. до кризиса.

Удельный вес ссуд в общей сумме ссуд и инвестиций непрерывно падал. В 1914 г. ссуды составляли 75,3% общей суммы ссуд и инвестиций, в 1928 г. — 70,6%, в 1933 г. — 50,8%, в 1939 г.— 41,2%, а в конце войны, в 1945 г., — 21,3%.

Кредитование банками народного хозяйства производится не только в форме ссуд, но и в форме инвестиций в частные бумаги. Как видно из приведенных данных, абсолютная сумма этих инвестиций не столь велика, но все же до второй мировой войны эти инвестиции составляли от 13 до 20% общей суммы ссуд и инвестиций. Во время же войны абсолютная сумма этих инвестиций почти не изменилась, но их значение резко понизилось; в конце 1945 г. они составляли всего 5,7% общей суммы ссуд и инвестиций.

Совершенно иное происходило с инвестициями в государственные обязательства, абсолютная сумма и значение которых непрерывно возрастали.

Данные, приведенные в табл. 6, убедительно показывают, как возросло в банковском кредите значение финансирования бюджета и как сильно упало непосредственное кредитование народного хозяйства. До первой мировой войны для кредитования народного хозяйства использовалось 90,6% всех ссуд и инвестиций, а для финансирования государственного кредита — 9,4%. В 1933 г. для кредитования народного хозяйства использовалось 71,0% всей суммы ссуд и инвестиций, а для финансирования государственного кредита — 29,0%; в конце 1939 г. для кредитования народного хозяйства использовалось 57,9%, а для финансирования государственного кредита — 42,1% общей суммы ссуд и инвестиций. Особенно резкие изменения произошли во время войны: в 1945 г. для кредитования народного хозяйства использовалось 27,0%, а для финансирования государственного кредита — 73,0% всей суммы ссуд и инвестиций.

Таким образом, к концу войны финансирование государственного кредита почти в три раза превосходило непосредственное кредитование народного хозяйства. Эти количественные изменения свидетельствуют о коренном качественном перерождении банковского кредита.

Аналогичное изменение деятельности банков произошло и в Англии. При чтении табл. 7 надо иметь в виду, что в Англии финансирование бюджета происходит не только в форме инвестиций, но и «векселей» (казначейских) и так называемых депозитных квитанций казначейства.

Ссуды характеризуют финансирование народного хозяйства. Остальные три статьи, а именно — инвестиции, векселя и депозитные квитанции казначейства характеризуют финансирование государственного бюджета [3].

Таблица 7

Операции лондонских клиринг-банков

На конец года	Депозиты (в млн. ф. ст.)	Ссуды (в % к депозитам)	Инвестиции (в % к депозитам)	Векселя (в % к депозитам)	Депозитные квитанции казначейства (в % к депозитам)	Финансирование бюджета (в % к депозитам)
1938	2265	43,1	27,7	10,3	—	38,0
1939	2435	41,4	25,0	13,7	—	38,7
1940	2794	32,8	27,6	20,7	—	48,3
1941	3324	24,5	30,0	5,1	22,8	57,9
1942	3624	21,6	30,9	5,4	24,7	61,0
1943	4027	18,6	28,4	3,2	32,2	63,8
1944	4540	16,9	25,6	3,2	36,7	65,5
1945	4845	17,0	25,5	7,6	31,2	64,3

Как видно из приведенных данных, и до войны использование клиринг-банками своих депозитов для финансирования бюджета было очень велико.

Во время войны доля депозитов, используемая для кредитования народного хозяйства, резко падала и столь же сильно возрастала доля депозитов, используемая для финансирования бюджета.

С 1938 по 1945 г. доля депозитов, используемая для непосредственного кредитования народного хозяйства, упала с 43,1 до 17,0%; доля же депозитов, используемая для финансирования бюджета, возросла с 38,0 до 64,3%.

Резко изменился также удельный вес кредитования народного хозяйства и финансирования бюджета. Сделанные на основе табл. 7 соответствующие исчисления дают следующие результаты (табл. 8).

До войны, в 1938 и 1939 гг., кредитование клиринг-банками народного хозяйства превосходило финансирование бюджета. С 1940 г. положение резко меняется. Финансирование бюджета начинает преобладать над кредитованием народного хозяйства. К концу войны средства, идущие на финансирование бюджета, превосходят сумму средств, использованных для кредитования народного хозяйства, почти в 4 раза.

[3] «The Bankers' Almanac and Yearbook», 1952—1954. L., 1953, p. 1493.

Во время войны, таким образом, в Англии, как и в США, создалась теснейшая связь между банковским и государственным

Таблица 8

Активные операции лондонских клиринг-банков

На конец года	Общая сумма финансирования народного хозяйства и бюджета (в млн. ф. ст.)	Кредитование народного хозяйства (в млн. ф. ст.)	В % к общей сумме	Финансирование военного бюджета (в млн. ф. ст.)	В % к общей сумме
1938	1837	976	53,1	861	46,9
1939	1950	1008	51,7	942	48,3
1940	2266	916	40,4	1350	59,6
1941	2739	814	29,7	1925	70,3
1942	2994	783	26,2	2211	73,8
1943	3318	749	22,6	2569	77,4
1944	3741	767	20,5	2974	79,5
1945	3939	824	20,9	3115	79,1

кредитом: и в Англии рост государственно-монополистических тенденций сказался на банковском кредите.

* * *

После войны, как указывалось ранее, произошли некоторые изменения в размещении государственных займов. Соответственно произошли и некоторые изменения в банковской деятельности. После войны сократились инвестиции банков в государственные обязательства, увеличилось непосредственное кредитование ими народного хозяйства. Однако эти изменения не нарушали связи банковского и государственного кредита, не уничтожали подчинения банковской деятельности нуждам бюджета. А поскольку и после окончания второй мировой войны продолжается милитаризация экономики, поскольку и после войны расходы капиталистических государств на милитаризацию экономики огромны и составляют значительную часть государственного бюджета, постольку банки и после второй мировой войны являются орудием милитаризации экономики (табл. 9).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что доля инвестиций, взятая по отношению к депозитам, сократилась, как сократилась и доля инвестиций в облигации государственного долга.

Связь банковского кредита с государственным кредитом ослабела; это в значительной мере объясняется тем, что государственный долг остался почти стабильным, а также тем, что значительная часть облигаций государственного долга размещена в различных публично-правовых учреждениях, главным образом в правительственных фондах.

Таблица 9

Операции банков — членов Федеральной резервной системы

Конец года	Депозиты (без межбанковских) (в млрд. долл.)	Ссуды		Инвестиции			
		всего (в млрд. долл.)	% к депозитам	всего (в млрд. долл.)	% к депозитам	в том числе в государственные обязательства (в млрд. долл.)	% к депозитам
1945	116,0	22,8	19,6	84,4	72,8	78,3	67,5
1946	106,1	26,7	25,2	69,7	65,7	63,0	59,4
1947	110,1	32,6	29,6	65,2	59,2	57,9	52,6
1948	109,7	36,1	32,9	59,6	54,3	52,2	47,5
1949	111,8	36,2	32,4	65,3	58,4	56,9	50,9
1950	119,6	44,7	37,4	62,7	52,4	52,4	43,8
1951	126,6	49,6	39,2	62,7	49,5	51,6	40,8
1952	132,9	55,0	41,5	64,5	48,7	52,8	39,9
1953	134,1	58,4	43,6	64,8	48,3	52,8	39,4

Активы банков являются обеспечением их пассивов. Активы гарантируют выполнение банками их обязательств по пассивам.

Как видно из приведенных данных, и в настоящее время $^2/_5$ обязательств банков (их депозитов) опирается на государственный кредит. Следует вспомнить, что до первой мировой войны, как и до кризиса 1929—1933 гг., только 12—15%, т. е. меньше $^1/_6$ части депозитов, использовалось для финансирования государственного долга.

Таким образом, в настоящее время связь банковского кредита с государственным долгом ослаблена в сравнении с годами войны. Но и теперь она очень велика, и зависимость банков от государственных финансов, от государственного долга осталась весьма большой.

О том, насколько увеличилось непосредственное кредитование народного хозяйства и соответственно сократилось финансирование бюджета, можно судить по следующим данным (табл. 10).

Как общая сумма используемого для финансирования бюджета, так и доля этих средств, взятая по отношению к общей сумме ссуд и инвестиций, сократились. Но все же эта доля осталась очень большой — около 45%. Следует напомнить, что до кризиса 1929—1933 гг. доля средств, используемых для финансирования государственного долга, составляла только 12—15%.

Таблица 10

Кредитование народного хозяйства и финансирование бюджета банками — членами Федеральной резервной системы США

Конец года	Всего ссуд и инвестиций (в млрд. долларов)	В том числе кредитование народного хозяйства					% к общей сумме	В том числе финансирование бюджета	
		ссуды (в млрд. долларов)	% к общей сумме	инвестиции в частные бумаги (в млрд. долларов)	% к общей сумме	итого (в млрд. долларов)		инвестиции в государственные обязательства	% к общей сумме
1945	107,2	22,8	21,3	6,1	5,7	28,9	27,0	78,3	73,0
1946	96,4	26,7	27,7	6,7	6,9	33,4	34,6	63,0	65,4
1947	97,8	32,6	33,3	7,3	7,5	39,9	40,8	57,9	59,2
1948	95,7	36,1	37,8	7,4	7,7	43,5	45,5	52,2	54,5
1949	101,5	36,2	35,7	8,4	8,2	44,6	43,9	56,9	56,1
1950	107,4	44,7	41,6	10,3	9,6	55,0	51,2	52,4	48,8
1951	112,2	49,6	44,2	11,1	9,9	60,7	54,1	51,6	45,9
1952	119,5	55,0	46,0	11,7	9,8	66,7	55,8	52,8	44,2
1953	123,3	58,4	47,4	12,1	9,8	70,5	57,2	52,8	42,8

Таким образом, общая тенденция к установлению тесной связи банковского и государственного кредита, сильно проявлявшаяся во время войны и несколько ослабевшая после войны, продолжает действовать.

Это свидетельствует об ослаблении непосредственной связи банковского кредита с процессом воспроизводства действительного капитала; эта связь в значительной мере осуществляется через бюджет, что служит ярким показателем перерождения банковского кредита.

В табл. 11 дана более подробная характеристика ссудных операций банков и показано, что не все ссудные операции непосредственно связаны с процессом производства и воспроизводства.

В Англии после войны также увеличилось значение ссуд и уменьшилось значение инвестиций. Но все же общая тенденция к сохранению тесной связи между банковским и государственным кредитом полностью сохраняется.

Как видно из приведенных данных, доля депозитов, используемых для ссудных операций, с 1945 по 1953 г. увеличилась с 17,0 до 25,5%; доля депозитов, используемых для финансирования бюджета (инвестиции, векселя, депозитные квитанции казначейства), несколько уменьшились: с 64,3 до 54%. В настоящее время, таким образом, свыше половины своих депозитов лондонские клиринг-банки используют для финансирования государственного кредита.

Таблица 11

Операции лондонских клиринг-банков[4]

Конец года	Депозиты (в млн. ф. ст.)	Ссуды (в % к депозитам)	Инвестиции (в % к депозитам)	Векселя (в % к депозитам)	Депозитные квитанции казначейства (в % к депозитам)	Всего финансирование бюджета (в % к депозитам)
1945	4845	17,0	25,5	7,6	31,2	64,3
1946	5680	17,4	25,1	10,7	27,4	63,2
1947	5929	20,4	25,0	13,4	21,7	60,1
1948	6197	22,4	23,6	11,8	22,5	57,9
1949	6199	24,6	24,2	17,9	12,8	54,9
1950	6364	25,9	23,8	22,1	7,1	63,0
1951	6333	30,5	31,0	12,5	1,6	45,1
1952	6460	27,1	33,3	18,3	—	51,6
1953	6694	25,5	34,0	20,0	—	54,0

Следует напомнить, что до второй мировой войны только 38% депозитов использовались для финансирования государственного бюджета.

Какая же часть активных операций банков направлена на кредитование народного хозяйства и какая часть — на финансирование государственного долга?

Соответствующие исчисления (аналогичные тем, которые были сделаны при составлении табл. 8) приводят к следующим результатам (табл. 12).

До второй мировой войны из общей суммы ссуд и инвестиций на долю кредитования народного хозяйства приходилось 53,1%, а на долю финансирования государственного кредита — 46,9%; в конце войны из общей суммы финансирования народного хозяйства и бюджета 20,9%, было направлено на кредитование

---

[4] Данные, относящиеся к 1938—1950 гг., взяты из «The Bankers' Almanac and Yearbook, 1952—1953», а к 1951 и 1953 гг. — из «Monthly Digest of Statistics», March 1953, February 1954.

народного хозяйства, а на финансирование государственного бюджета — 79,1%. В настоящее время на кредитование народного хозяйства направлено 32,1%, а на финансирование государственного бюджета — 67,9%.

Таблица 12

Активные операции лондонских клиринг-банков

На конец года	Общая сумма финансирования народного хозяйства (в млн. ф. ст.)	Кредитование народного хозяйства (в млн. ф. ст.)	В % к общей сумме	Финансирование бюджета (в млн. ф. ст.)	В % к общей сумме
1945	3939	824	20,0	3115	79,1
1946	4578	988	21,6	3590	78,4
1947	4773	1210	25,4	3563	74,6
1948	4976	1388	27,9	3588	72,1
1949	4928	1525	30,9	3403	69,1
1950	5021	1648	32,8	3373	67,2
1951	4788	1932	40,4	2856	59,6
1952	5084	1750	34,4	3333	65,6
1953	5322	1707	32,1	3615	67,9

Связь банковского кредита с государственным кредитом несколько ослабела, но и в настоящее время она очень велика и значительно превосходит то, что было до войны.

* * *

При характеристике операций банков предполагалось, что ссуды непосредственно обслуживают процесс производства и воспроизводства действительного капитала, что оказываемые банками ссуды используются производительно.

В действительности же не все ссуды производительно используются, часть ссуд обслуживает движение фиктивного капитала, часть ссуд имеет потребительский характер и т. д.

Доля средств, предоставленных банками в порядке ссудных операций, для производительного использования, вообще не так велика, а во время второй мировой войны была очень незначительна.

Для того чтобы установить, какая часть банковских ссуд непосредственно обслуживает процесс производства и воспроизводства действительного капитала, можно использовать данные, относящиеся к США, банковская статистика которых дает для этого достаточный материал.

Конечно, не во всех капиталистических странах операции банков одинаковы. Но все же их различие не столь велико, поэтому операции американских банков можно считать более или менее типичными; выводы, которые можно сделать из рассмотрения характера ссуд американских банков, в общем (с известными отклонениями) будут более или менее правильны в отношении банков всех капиталистических стран.

Банки США оказывают коммерческие ссуды, ссуды для обслуживания движения ценных бумаг, ссуды под недвижимость, потребительский кредит и т. д.

Из разнообразных ссуд только коммерческие ссуды банков, т. е. ссуды, опосредствующие кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами, являются ссудами, непосредственно обслуживающими процесс воспроизводства. Ссуды для покупки и хранения ценных бумаг обслуживают движение фиктивного капитала, ссуды под недвижимость не имеют производительного назначения, то же следует сказать и о потребительском кредите.

Конечно, и движение фиктивного капитала, и движение недвижимости связаны с процессом воспроизводства. Поэтому и соответствующие ссуды имеют связь с процессом воспроизводства, но это — не непосредственная связь, она обнаруживается только в конечном счете.

Ссуды, непосредственно обслуживающие процесс воспроизводства, способствуют усилению эксплуатации рабочих и увеличению присваиваемой капиталистами прибавочной стоимости; ссуды, не находящие производительного использования, как, например, ссуды под недвижимость или потребительские ссуды, вызывают перераспределение национального дохода.

Характер ссуд имеет большое значение для определения устойчивости банков, ликвидности банковского кредита.

Процесс производства и воспроизводства служит гарантией возврата ссуд. Этим процессом определяется ликвидность банковского кредита. Оказание ссуд, не связанных непосредственно с процессом производства и воспроизводства реального капитала, ослабляет ликвидность банковского кредита.

Доля средств, отдаваемых банками США для производительного использования, не так уже велика.

Приведенные в табл. 13 данные весьма показательны.

Во время войны произошло значительное увеличение физического объема промышленной продукции, достигнутое за счет разбухания военной промышленности. Рост коммерческих ссуд был очень мал. Относительное же значение как всех ссуд, так и коммерческих из года в год падало.

Коммерческие ссуды, т. е. ссуды, непосредственно обслуживающие процесс воспроизводства, были очень малы. Во время второй мировой войны доля депозитов, используемая для коммер-

ческих ссуд, была совершенно ничтожна, она падала из года в год и в конце 1945 г. составляла только 7,7%. Эта доля значительно уступала доле депозитов, отдаваемых в ссуду под недвижимость, обслуживающих движение фиктивного капитала, а также потребительский кредит. В конце войны для этих ссуд использовалось 11,8% депозитов.

Таблица 13

Ссуды банков — членов Федеральной резервной системы (на конец года)

Год	Депозиты (в млрд. долл.	Коммерческие ссуды		Ссуды для покупки и хранения ценных бумаг		Ссуды под недвижимость		Ссуды частным лицам, главным образом потребительские		Остальные ссуды (сельскохозяйственные и т. д.)	
		млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам
1939	39,9	5,8	14,5	1,5	3,7	3,0	7,5	3,0	7,5	0,7	1,7
1940	46,0	6,7	14,6	1,3	2,8	3,2	7,0	3,3	7,0	0,9	1,9
1941	51,2	8,7	17,0	1,2	2,3	3,5	6,8	3,7	7,2	1,0	1,9
1942	67,3	7,4	11,0	1,5	2,5	3,4	5,1	1,9	2,8	2,0	3,0
1943	81,7	7,4	9,1	2,2	2,7	3,3	4,0	1,5	1,8	1,9	2,3
1944	99,0	7,5	7,6	4,4	4,4	3,2	3.2	1.5	1,5	2,1	2,1
1945	116,0	8,9	7,7	6,5	5,6	3,5	3,0	1,9	1,6	2,0	1,7

Сокращение коммерческих ссуд объясняется различными обстоятельствами. Большое значение имело образование у монополий свободных денежных ресурсов. Огромные прибыли, большие амортизационные отчисления, небольшие затраты на строительство привели к накоплению свободных денежных резервов.

Не меньшую роль играло то, что значительная часть производившейся продукции приобреталась государством, которое расплачивалось с поставщиками наличными (банкнотами) или, что являлось главным и преобладающим, перечислением с банковских счетов государства на счета поставщиков.

Наконец, часть платежей поставщикам производилась авансом при предоставлении заказов. Все это приводило к тому, что поставщики, в качестве которых, как известно, выступали крупнейшие монополии, не нуждались в банковском кредите.

После войны произошли некоторые изменения, однако они не внесли сколько-нибудь существенной перемены в характер ссудных операций банков (табл. 14).

Таблица 14

Ссуды банков — членов Федеральной резервной системы (на конец года)

Год	Депозиты (в млрд. долл.)	Коммерческие ссуды		Ссуды для покупки и хранения ценных бумаг		Ссуды под недвижимость		Ссуды частным лицам, главным образом потребительские		Остальные ссуды (сельскохозяйственные и т. д.)	
		млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам	млрд. долл.	% к депозитам
1945	116,0	8,9	7,7	6,5	5,6	3,5	3,0	1,9	1,6	2,0	1,7
1946	106,1	13,2	12,4	3,0	2,8	5,4	5,1	3,3	3,1	1,8	1,7
1947	110,1	17,0	15,4	1,9	1,7	7,1	6,4	4,7	4,3	2,0	1,8
1948	109,7	17,6	16,0	2,2	2,0	8,2	7,5	3,9	3,6	4,1	3,7
1949	111,8	15,9	14,2	2,5	2,2	8,8	7,8	6,6	5,9	2,4	2,1
1950	119,6	20,5	17,1	2,7	2,3	10,5	8,8	8,3	6,9	2,7	2,3
1951	126,6	24,3	19,1	2,4	1,9	11,3	8,9	8,5	6,7	3,6	2,8
1952	132,9	26,2	19,7	3,0	2,3	12,2	9,2	10,4	7,8	4,0	3,0
1953	134,9	25,5	18,9	3,4	2,5	13,0	9,6	11,9	8,8	4,8	3,6

После войны абсолютная сумма коммерческих ссуд и их относительное значение увеличились. Однако в настоящее время только пятая часть депозитов используется для этих ссуд.

* * *

Анализ операций банков главнейших капиталистических стран позволяет сделать ряд существенных выводов о качественном перерождении банковского кредита в период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе.

1. Исключительно большое значение в активных операциях банков приобрело финансирование чрезвычайно возросших государственных бюджетов, преобладающая часть которых используется для милитаризации экономики и ведения войн. Во время второй мировой войны свыше двух третей денежных ресурсов, находившихся в распоряжении банков, использовалось ими для финансирования государственного кредита.

После второй мировой войны доля ресурсов банков, используемых для финансирования государственного кредита, сократилась, но и в настоящее время она составляет немногим менее половины ресурсов банков. Финансирование государственного бюджета стало существенным фактором, определяющим деятельность банков.

Не только инвестиции в государственные обязательства, но и ссуды в значительной своей части направлены на усиление милитаризации экономики.

Таким образом, современные банки являются одним из мощнейших орудий мобилизации денежных ресурсов для войн и подготовки к ним, орудием осуществления захватнической политики империалистических государств, полностью подчиненных господствующим монополиям. В период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, огромное значение приобретает эта новейшая роль капиталистических банков.

2. Способствуя усилению эксплуатации рабочих, концентрации и централизации капитала, связанных с разорением мелких, средних и менее крупных собственников, с обездоливанием широких масс населения, банки всегда являлись орудием увеличения прибылей крупнейших капиталистов. В эпоху империализма, служа увеличению мощи монополий, банки являются орудием обеспечения монопольных прибылей. Одним из путей обеспечения таких прибылей служат войны и милитаризация экономики. В период общего кризиса капитализма это приобретает особо большое значение. Всеми своими операциями и главным образом усиленным финансированием государственного бюджета банки содействуют осуществлению милитаризации экономики, что является источником высоких прибылей монополий.

3. Инвестирование банковских ресурсов в государственные обязательства означает непроизводительное использование средств банков, использование их для содержания огромных масс наиболее здоровых, трудоспособных людей, оторванных от производительной деятельности, для развития военной промышленности, производящей средства разрушения материальных ценностей и массового уничтожения людей. Финансирование военного бюджета не только не содействует развитию производительных сил, а, наоборот, содействует их разрушению. Такое использование ресурсов банков свидетельствует о перерождении банковского кредита, что является отражением загнивания капитализма, характерного для эпохи империализма и усилившегося в период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе.

4. Ранее банковский кредит почти целиком опирался на кредит, оказываемый друг другу функционирующими капиталистами, а последний являлся опорой и основой банковского кредита. Опосредствование этого кредита банковским кредитом содействовало его развитию.

В период общего кризиса капитализма, особенно на втором его этапе, связь банковского кредита с кредитом, оказываемым друг другу функционирующими капиталистами, значительно ослабела.

Во время второй мировой войны произошло огромное сокращение ссуд, осуществляющих непосредственную связь банковского

кредита с процессом воспроизводства. После войны значение ссуд увеличилось. Однако и в настоящее время удельный вес их остался небольшим — в США, например, для таких ссуд используется только пятая часть депозитов.

Большое участие банков в размещении государственных займов означает, что государственный кредит в значительной мере опирается на банковский кредит.

Но, с другой стороны, чрезвычайно большое увеличение банковских инвестиций в государственные обязательства и относительное сокращение ссуд, т. е. непосредственного кредитования процесса воспроизводства, приводит к тому, что банковский кредит в значительной мере опирается на государственный кредит. Теснейшая связь и взаимная обусловленность банковского и государственного кредита являются фактом огромного значения.

5. Банковский кредит всегда связан и определяется процессом производства и воспроизводства действительного капитала, процессом создания прибавочной стоимости и образования капиталистической прибыли. Эта связь и обусловленность сохраняются, конечно, и в настоящее время. Но форма этой связи несколько изменилась, что отражается и на ее содержании, и на результатах.

Раньше связь банковского кредита с процессом воспроизводства действительного капитала была прямая и непосредственная, в настоящее же время эта связь в значительной мере опосредствуется бюджетом и осуществляется через бюджет. Банки снабжают денежными ресурсами бюджет, а бюджет снабжает денежными ресурсами частные хозяйства. Это обстоятельство ведет к тому, что противоречия банковского кредита, определяемые противоречиями воспроизводственного процесса, умножаются и осложняются противоречиями бюджета. Теснейшая связь, сращивание банковского кредита с кредитом государственным не увеличивает, а ослабляет устойчивость того и другого.

6. Теснейшая связь, сращивание банковского и государственного кредита не усиливает ликвидность банковского кредита, как утверждают буржуазные экономисты, а ослабляет ее.

Ликвидность банковского кредита является необходимым условием, предъявляемым к нему капиталистическим способом производства. При отсутствии хотя бы относительной ликвидности банки не могут осуществлять свои функции как посреднические, характерные для эпохи домонополистического капитализма, так и по распоряжению общими денежными ресурсами страны, характерные для эпохи империализма.

Ликвидность банков в условиях капитализма всегда весьма относительна. В настоящее же время она еще более ослаблена.

Изменились также и методы, посредством которых гарантируется ликвидность банковского кредита.

Ликвидность банковского кредита определяется способностью банков всегда выполнять свои долговые обязательства. Эта же способность в конечном счете определяется возможностью банков осуществлять свои кредиторские права. Иначе говоря, способность банков выполнять свои обязательства по пассиву (оплата депозитов) определяется возможностью реализации активов.

Когда главную и преобладающую часть активов составляли ссуды, возможность их востребования определяла возможность выполнения банками их обязательств по пассивам.

Это значит, что гарантия выполнения банками своих долговых обязательств обеспечивалась непосредственно процессом создания рабочими прибавочной стоимости и присвоения ее капиталистами, должниками банков, процессом реализации произведенных товаров.

В настоящее же время важнейшей активной операцией банков являются инвестиции в облигации государственных займов. Это значит, что непосредственным гарантом выполнения значительной части долговых обязательств банков является государственный кредит. В условиях же чрезвычайного разбухания государственного долга и развивающейся инфляции государственный кредит не может быть устойчивым.

Изменение основ банковского кредита имеет чрезвычайно важные социально-экономические последствия.

Государственный долг погашается, уплата процентов по этому долгу производится за счет налогов, ложащихся основной своей тяжестью на широкие массы трудящихся. Устойчивость государственного кредита достигается перераспределением национального дохода, изъятием государством части доходов трудящихся.

Следовательно, за счет дальнейшего ухудшения материального положения широких масс населения монополии если не целиком, то во всяком случае в значительной мере избавляются от возможных потерь, вызываемых банковской деятельностью и ослаблением ликвидности банковского кредита.

Таким образом, теснейшая связь банковского и государственного кредита, ведущая к перерождению банковского кредита, к использованию государством банковских ресурсов для дачи монополиям на наивыгоднейших для них условиях военных заказов, ведет к сохранению и обеспечению высоких прибылей монополий.

7. Банковской системой фактически владеют господствующие крупнейшие монополии, которые полностью распоряжаются банковскими ресурсами. Современная действительность характеризуется подчинением государства крупнейшим монополиям. Установление теснейшей связи, сращивание государственного и банковского кредита является выражением роста государственно-монополистических тенденций.

8. Государственные облигации, приобретаемые банками, покрываются не только вкладами функционирующих капиталистов, образуемыми на основе накопления ссудного капитала, но и созданием мнимых депозитов, что ведет к увеличению платежных средств, не связанных с увеличением потребности народного хозяйства в деньгах. Инвестиции в государственные обязательства способствуют обесценению платежных средств, развитию инфляционного процесса.

9. Наличие инфляции отражается на ресурсах банков. Соответственно обесценению платежных средств реальная стоимость банковских ресурсов понижается ниже их номинальной стоимости. Следует заметить, что это не отражается на рентабельности банков, так как в той же мере, в какой обесцениваются их кредиторские требования, обесцениваются и долговые обязательства. Но обесценение банковских ресурсов ведет к ослаблению банков и умалению их экономической мощи. Обесценение банковских ресурсов ведет к разорению мелких и средних вкладчиков и нисколько не затрагивает крупнейшие монополии и финансовую олигархию, потери которых от обесценения денежного капитала с лихвой компенсируются вздорожанием материальных ценностей.

Все указанные обстоятельства свидетельствуют об ослаблении банков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все охарактеризованные изменения кредитно-денежной системы свидетельствуют о ее кризисе, о крайнем ее ослаблении, о потере ею даже той относительной устойчивости которой она отличалась ранее, до периода общего кризиса капитализма.

Ослабление кредитно-денежной системы, будучи проявлением в сфере кредита и денежного обращения, углубившегося после второй мировой войны общего кризиса капитализма, в свою очередь обостряет общий кризис капитализма.

Кредитно-денежная система всегда играла двоякую роль. С одной стороны, она способствовала росту производительных сил, укреплению и развитию капиталистических производственных отношений. С другой стороны, обостряя свойственные капитализму антагонистические противоречия, кредитно-денежная система задерживала рост производительных сил и тем самым ослабляла капиталистическую экономику.

В настоящее время, на втором этапе общего кризиса мировой капиталистической системы, характеризующемся сосуществованием двух систем — прогрессирующей, социалистической и деградирующей, капиталистической, крайним обострением свойственных капитализму внутренних противоречий, уменьшением сферы капиталистической эксплуатации, обострением внутриимпериалистических противоречий и т. д., роль кредитно-денежной системы в задержке развития производительных сил стала особенно большой.

Одной из существеннейших и характернейших черт современного капитализма является милитаризация экономики. Она обусловлена углубляющимся общим кризисом мировой капиталистической системы, растущей неспособностью использовать наличные производительные силы, обострением классовых противоречий, усилением классовой борьбы, угрожающей самому существованию капитализма.

Путем войн и милитаризации экономики господствующие монополии стремятся удержать и укрепить свое господство.

Господствующие монополии рассчитывают милитаризацией экономики если не уничтожить, то во всяком случае отсрочить взрыв кризисов и ослабить его, а вернее предохранить себя от кризисных потерь. Буржуазные апологеты, прислужники монополий всячески славословят милитаризацию экономики как средство

обеспечения экономического процветания и предотвращения экономических кризисов перепроизводства.

В осуществлении милитаризации экономики большую роль играет кредитно-денежная система, которая является одним из важнейших инструментов, используемых государством для сосредоточения в своих руках необходимых для войн и милитаризации экономики финансовых ресурсов. Роль кредитно-денежной системы как орудия милитаризации экономики, точнее — финансирования милитаризации, приобрела в настоящее время большое значение. Но выполнение этой роли неизбежно влечет за собой, как это показано предыдущим изложением, ослабление кредитно-денежной системы: чем больше и успешнее она способствует милитаризации экономики, тем более ослабевает сама кредитно-денежная система.

Обесценение денег, общее ослабление кредитно-денежной системы ведет к двоякого рода последствиям. Во-первых, оно приводит к уменьшению способности сопротивляться ударам кризиса, к обострению экономических кризисов перепроизводства и, в частности, к обострению денежных кризисов. Во-вторых, ослабление кредитно-денежной системы приводит к уменьшению ее способности финансировать бюджет и вместе с тем к ослаблению всей финансовой системы в целом.

В течение долгого времени в буржуазной политической экономии развивались различные кредитно-монетарные теории кризисов. Исходя из ложной предпосылки, что экономические кризисы вызываются недостатками кредитно-денежной системы или ее слабой активностью, буржуазные апологеты утверждали, что посредством различного рода кредитно-денежных мероприятий (расширением или сужением объема денежного обращения, повышением или понижением ссудного процента, увеличением или сокращением банковских кредитов и т. д.) можно предотвращать колебания конъюнктуры, т. е. уничтожить или до крайности ослабить циклическую форму движения капиталистического способа производства и во всяком случае значительно ослаблять кризисы.

Такие теории имели хождение чуть ли не с самого возникновения экономических кризисов, и еще Маркс жестоко их высмеял и доказал их полнейшую беспочвенность. Вся история экономических кризисов, как и история каждого отдельного кризиса, свидетельствует о ничтожестве этих «теорий».

Ярким и убедительным свидетельством никчемности кредитно-монетарных теорий является кризис 1929—1933 гг., который, развиваясь на базе общего кризиса капитализма, по своей продолжительности, глубине и интенсивности превзошел все предшествовавшие кризисы. С исключительной остротой развертывался и принявший грандиозные размеры денежный кризис.

В настоящее время кредитно-монетарные теории кризисов несколько модернизировались. Огромное большинство буржуаз-

ных экономистов развивает в настоящее время теории, которые можно назвать бюджетно-кредитными.

По утверждению сторонников этих теорий, кризисы вызываются разнообразными обстоятельствами, случайно возникающими в различных сферах экономики, и главным образом в финансовой сфере. Основным содержанием научных изысканий буржуазных экономистов является разработка так называемых антикризисных мероприятий.

По мнению сторонников бюджетно-кредитных теорий (Хансен, Моултон и др.), при появлении признаков кризиса, при обнаружении недостатка платежеспособного спроса и прекращении или сокращении частного строительства на помощь должны прийти кредитно-денежная система и бюджет. Кредитно-денежная система должна обеспечить капиталистов денежными ресурсами, чем якобы достигается увеличение платежеспособного спроса, что должно противодействовать, как выражаются буржуазные экономисты, «спаду конъюнктуры».

Государство же должно за счет бюджетных средств прежде всего оказывать финансовую помощь капиталистам, которым грозит банкротство. Этим стимулируется «предпринимательство», что, по мнению буржуазных апологетов, необходимо для противодействия спаду конъюнктуры.

Когда кривая частного строительства начинает падать, государство должно развивать собственное строительство, могущее вызвать оживление в отраслях, обслуживающих это строительство. Этим путем можно, по мнению сторонников бюджетно-кредитных теорий, увеличить платежеспособный спрос и тем самым противодействовать спаду конъюнктуры.

Бюджетные доходы, которые должны быть использованы для оказания помощи капиталистам, слагаются, как известно, в основном из налогов, уплачиваемых трудящимися. Во время кризисов возможности изъятия средств у трудящихся посредством налогов сокращаются. Поэтому сторонники бюджетно-кредитных теорий, выступая проповедниками больших бюджетов, рекомендуют всемерно увеличивать налоги еще до того, как обнаруживаются признаки кризиса, т. е. в периоды промышленного оживления.

Однако налоговое обложение трудящихся имеет известные пределы. Поэтому рекомендуется прибегать в больших размерах к государственным займам. В связи с этим буржуазными апологетами развиваются соответствующие теории государственного долга.

С точки зрения рекомендуемых буржуазными экономистами антикризисных мероприятий современное состояние кредитно-денежной системы может казаться весьма благоприятным. Современная кредитно-денежная система, освобожденная, по мнению буржуазных апологетов, от стесняющих оков золотого обращения, способна внедрить в обращение дополнительные массы платежных средств. С другой стороны, установившаяся тесная

связь кредитно-денежной системы с государственным бюджетом, связь банковского кредита с кредитом государственным приводит к тому, что кредитно-денежная система делает возможным огромное увеличение государственных долгов.

Едва ли нужно подробно доказывать, что предотвращение кризисов с помощью бюджета является такой же бессмыслицей, такой же сказкой буржуазных экономистов, как и борьба с кризисами при помощи различного рода кредитно-денежных мероприятий.

Буржуазные экономисты исходят из того, что в кризисах обнаруживается недостаток капиталов, который может быть устранен бюджетным финансированием. В действительности же во время кризисов имеется не недостаток, а, наоборот, перепроизводство капитала.

Буржуазные экономисты полагают, что кризисы являются результатом недостатка спроса; но бюджетное финансирование капиталистов за счет налогов, уплачиваемых трудящимися, очевидно, не увеличивает, а сокращает платежеспособный спрос широких масс трудящихся. Стало быть, рекомендуемые буржуазными апологетами мероприятия не уменьшают, а умножают предпосылки кризиса.

Даже при относительно устойчивой кредитно-денежной системе «накручивание» конъюнктуры кредитной экспансией или оказанием финансовой поддержки капиталистам за счет бюджета не может предотвратить кризис и не может его ослабить. Кризису 1929—1933 гг. предшествовала огромная кредитная экспансия, и во время кризиса в США оказывалась огромная финансовая помощь монополиям. Однако это нисколько не ослабило остроту экономического кризиса, не предотвратило денежные кризисы, которые приняли небывалые размеры.

Тем более бессмысленны утверждения о возможности уничтожить или даже ослабить кризисы при наличии неустойчивой кредитно-денежной системы, наличии инфляции.

Инфляция сама по себе видоизменяет процесс воспроизводства, обостряет его противоречия и создает предпосылки острейших экономических кризисов.

Буржуазные экономисты утверждают, что государственные займы создают дополнительный платежеспособный спрос. Но рост государственного долга неизбежно усиливает инфляционный процесс, следовательно, ведет к обострению кризисов. «Накручивание» конъюнктуры кредитной экспансией и использованием бюджетных средств может несколько отсрочить взрыв кризиса, но вместе с тем усиливает остроту и глубину неизбежно наступающего кризиса.

Ослабление кредитно-денежной системы предопределяет не только неизбежность острейших денежных кризисов, но ведет к уменьшению ее способности финансировать бюджет и содействовать реализации государственных займов.

Одним из обстоятельств, определяющих возможность аккумуляции государством больших финансовых ресурсов и роста государственного долга, является наличие избытка ссудных капиталов, т. е. денежных капиталов, не могущих в условиях общего кризиса капитализма найти производительное использование.

При капитализме вообще происходит более быстрое накопление денежного капитала в сравнении с капиталом действительным. В условиях войны и милитаризации экономики преобладание накопления денежного капитала крайне увеличивается.

Использование значительной массы материальных ресурсов для милитаризации экономики ведет к извлечению их из сферы производства. Но материальные ценности, извлекаемые государством и непроизводительно им используемые, оплачиваются дополнительной эмиссией бумажных денег. Таким образом, происходит накопление денежного капитала при сокращении действительного капитала.

Избыток ссудного капитала создает возможность кредитно-денежной системе всемерно способствовать росту бюджета и, в частности, росту государственного долга.

Но, с другой стороны, капиталистические методы финансирования милитаризации экономики путем налогов, вызывающих рост цен, путем займов, влекущих за собою обесценение денег, посредством эмиссии бумажных орудий обращения и средств платежа ведут к понижению покупательной силы денег, к уменьшению реальной стоимости денежного капитала.

Современная действительность характеризуется одновременно как избытком денежного капитала, так и его обесценением.

Избыток денежного капитала, усиливаемый общими условиями периода общего кризиса капитализма, особенно второго его этапа, создает основу для увеличения государственных бюджетов и роста государственного долга.

Падение же покупательной силы денег ослабляет эту основу, уменьшает реальную стоимость аккумулируемых государством финансовых ресурсов, что неизбежно вызывает напряжение государственного бюджета.

При падении покупательной силы денег для приобретения того же количества материальных ценностей государство нуждается в большей массе денежных ресурсов. Таким образом, для удержания милитаризации экономики даже на неизменном уровне требуется увеличение государственного бюджета, что усиливает инфляцию.

Развертывание инфляционного процесса, падение покупательной силы денег ограничивают рост государственного бюджета.

Современные апологеты утверждают, что государственный долг можно увеличивать чуть ли не до бесконечности и что рост государственного долга приводит к процветанию экономики.

Действительно, номинальную сумму государственного долга

можно увеличивать до огромных размеров. Но поскольку рост государственного долга вызывает обесценение денег, постольку реальная стоимость государственного долга падает. Рост государственного долга находит свои пределы в неизбежно растущей инфляции.

Таково внутреннее противоречие государственного долга.

Характерной чертой современной кредитно-денежной системы является ее тесная связь с государственным бюджетом, с государственным кредитом.

По утверждению буржуазных экономистов, эта связь усиливает устойчивость кредитно-денежной системы. Вложения в государственные облигации, по мнению буржуазных апологетов, суть надежнейшая форма использования банковских ресурсов, владение государственными обязательствами обеспечивает от потерь, так как стоимость этих обязательств стабильна.

И это утверждение ложно. При все увеличивающейся инфляции стабильна номинальная, а не реальная стоимость государственных обязательств. Реальная стоимость этих обязательств уже в настоящее время ниже их номинальной стоимости.

Буржуазное государство бессильно перед стихийными закономерностями капиталистического способа производства. Вложение банками их средств в государственные ценные бумаги при обесценении денег не только не предохраняет от потерь, а, наоборот, ведет к потерям, не только не усиливает устойчивость кредитно-денежной системы, а, наоборот, ее ослабляет.

Тесная связь кредитно-денежной системы с государственным бюджетом ведет к тому, что ослабление ее, обусловливаемое обостряющимися противоречиями процесса воспроизводства, усиливается противоречиями государственного бюджета.

Усилением инфляции, экспансией банковского кредита, использованием банковских ресурсов для нужд бюджета можно о т с р о ч и т ь взрыв кредитно-денежного кризиса. Но эта отсрочка достигается крайним обострением противоречий как кредитно-денежной системы, так и государственного бюджета, что неизбежно приводит к исключительной остроте кредитно-денежного кризиса и перерастанию его в кризис всей финансовой системы в целом.

Тесная связь кредитно-денежной системы, подтачиваемой инфляцией, с государственным бюджетом, также подтачиваемым инфляцией, ведет к перенапряжению кредитно-денежной системы, к созданию трудностей финансирования милитаризации экономики и, следовательно, ослабляет военно-финансовый потенциал.

Таковы важнейшие последствия происходящего на втором этапе общего кризиса капитализма ослабления кредитно-денежной системы.

Кредитно-денежная система является существенной составной частью общефинансовой системы капитализма. Ослабление кредитно-денежной системы служит одним из показателей ослабления всей финансовой системы капитализма в целом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алексей Михайлович (1629—1676) — русский царь (1645—1676) 93, 130

Алисон А. (Alison A.) (1792—1867) — английский буржуазный историк, автор ряда работ по экономической истории Англии в XIX в. 30

Андерсон Б. (Anderson B.) (1886—1949) — современный американский экономист, апологет государственно-монополистического капитализма, автор книг «The Value of Money» («Стоимость денег»), «Effects of War on Money» («Влияние войны на денежное обращение»), «Credit and Banks in the France and in the United States» («Кредит и банки во Франции и в Соединенных Штатах») 434, 691

Аристотель (384—322 до н. э.) — выдающийся мыслитель древности, автор ряда экономических и философских произведений, идеолог класса рабовладельцев 27, 117

Арнонэ Ф. А. (Arnaune F. A.) 1855—1926) — французский вульгарный буржуазный экономист, автор книг «La monnaie, le credit et les changes» («Деньги, кредит и вексельные курсы»), «Le commerce exterieur et les tarifs ordinaires» («Внешняя торговля и обычные таможенные тарифы») 194

Атлас З. (род. в 1903 г.) — советский экономист, автор ряда марксистских исследований в области денежного обращения и кредита, в том числе «Укрепление денежных систем СССР и стран народной демократии. Инфляция в странах капитализма», «Инфляция и валютный кризис в Англии после второй мировой войны», «Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925)» и др. 9, 638—640

Бастиан А. (Bastian A.) (1826—1905) — немецкий буржуазный этнограф XIX в. 89

Бем-Баверк Е. (Böhm-Bawerk E.) (1851—1914) — экономист, один из наиболее известных представителей вульгарной австрийской школы в буржуазной политической экономии, автор книг «Grundßüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes» («Основы теории стоимости хозяйственных благ»), «Kapital und Kapitalzins») («Капитал и процент») и др. 42

Бендиксен Ф. (Bendiksen F.) (1864—1920) — буржуазный экономист, один из видных представителей номиналистической теории денег, автор книг «Das Wesen des Geldes» («Сущность денег»), «Geld und Kapital» («Деньги и капитал»), «Währungspolitik und Geldtheorie im Lichte des Weltkrieges» («Валютная политика и теория денег в свете опыта мировой войны») 119

Бернацкий М. — русский вульгарный буржуазный экономист и государственный деятель начала XX в., в сентябре 1917 г. был министром финансов в составе третьего коалиционного Временного правительства, автор ряда книг по вопросам денежного обращения и истории экономических учений 173

Богданов А. (Малиновский А.) 1873—1928) — экономист, социолог, философ, в изложении проблем марксистской теории допускал ряд серьезных ошибок и извращений, автор курса политической экономии, написанного совместно с И. Степановым 83, 86, 88—89

Боголепов М. (1879—1945) — экономист, крупный специалист в области государственных финансов,

автор книги «Государственный долг» и др. 92, 93, 273, 274, 278—279, 280—281, 336
Боден Ж. (Bodin J.) (1530—1596) — французский буржуазный социолог и экономист XVI века 135
Бозанкет Д. (Bosanquet J.) (1804—1877) — английский банкир и буржуазный экономист XIX века 137
Брегель Э. (род. в 1903 г.) — советский экономист, автор ряда монографий, посвященных исследованию проблем экономики капиталистических стран, в том числе «Денежное обращение и кредит капиталистических государств», «Кредит и кредитная система капитализма», «Налоги, займы и инфляция на службе империализма», «Товарное производство и деньги» и др. 9, 661
Бридрей Э. (Bridrey E.) (1873—1943) — французский буржуазный историк-экономист, автор книг «La theorie de la monnaie au XIV siécle» («Теория денег в XIV веке»), «Nicolas Oresme» («Николай Орезм») 27
Бунге Н. (1823—1895) — русский экономист XIX в., буржуазный апологет, автор книг «О восстановлении постоянной денежной единицы в России», «Теория кредита», «Основания политической экономии» 255
Бэджгот У. (Bagehot W.) (1826—1877) — английский буржуазный экономист и публицист XIX века, редактор журнала «Economist» (1860—1877), автор ряда книг по вопросам теории кредита и практики банковского дела 486
Бэкман Ж. (Backman J.) (род. в 1910 г.) — современный американский экономист, сторонник вульгарных концепций буржуазной политической экономии, апологет американского государственно-монополистического капитализма, автор книг «Wages and Prices» («Заработная плата и цены»), «The Economics of Armament Inflation» («Экономика инфляции, порождаемой ростом военных расходов») и др. 642, 643, 644
Бэч Д. (Bach J.) (род. в 1905 г.) — современный американский экономист, сторонник вульгарно-апологетических буржуазных концепций в области денежного обращения и кредита, автор книг «Federal Reserve Policy Making» («Разработка политики федеральных резервных банков»), «Inflation, A. Study in Economics, Ethics and Politics («Инфляция. Экономическое исследование, этические и политические соображения») и др. 8
Бюхер К. (Bücher K.) (1847—1930)— немецкий буржуазный экономист, историк народного хозяйства и статистик, примыкал к исторической школе буржуазной политической экономии, автор книги «Die Entstehung der Volkswirtschaft» («Возникновение народного хозяйства») и др. 78—79, 80

Вагнер А. (Wagner A.) (1835—1917) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, представитель социально-правовой школы в политической экономии, сторонник номиналистических концепций в теории денежного обращения 54—55, 98—99, 153, 155, 176, 203, 234, 434, 541
Вебер А. (Weber A.) (род. в 1876) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, представитель концепций, прославляющих «оздоровляющую», «организующую» роль банков в капиталистической экономике, автор книг «Depositenbanken und Spekulationsbanken» («Депозитные и спекулятивные банки»), «Geld, Banken, Börsen», («Деньги, банки, биржи») и др. 564
Вебстер Н. (Webster N.) (1758—1843) — американский буржуазный общественный деятель и публицист 270
Визер Ф. (Wieser F.) (1851—1926)— австрийский вульгарный буржуазный экономист, один из наиболее известных представителей субъективной австрийской школы, автор книг «Der natürliche Wert» («Естественная стоимость хозяйственных благ»), «Der Geldwert und seine geschichtliche Veränderungen» («Стоимость денег и ее изменения в процессе исторического развития») и др. 151, 152, 153
Виктория (1819—1901) — королева Великобритании (1837—1901) 84
Вильгельм III Оранский (1650—1702) — штатгальтер (правитель)

Нидерландов (1674—1702), король Великобритании (1689—1702) 482

Витте С. (1849—1915) — русский государственный деятель, в 1892—1903 гг. был министром финансов России, по характеристике В. И. Ленина, «министр—маклер», «агент биржи» 267

Владимир Мономах (Владимир—Василий Всеволодович) (1053—1125) — князь Киевской Руси, выдающийся государственный деятель, боровшийся за единство всей Руси 85

Владимир Святой (?—1015) — князь Киевской Руси 85

Вольф О. (Wolf O.) (1881—1940) — один из представителей финансовой олигархии в империалистической Германии, контролировал мощный концерн в тяжелой промышленности, крупный акционер немецкого «Стального треста» 290, 304

Ган А. (Hahn A.) (род. 1886 г.) — немецкий банкир и экономист, один из наиболее известных представителей вульгарной буржуазной теории «капиталотворческой роли» кредита и банков, автор книги «Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits» («Народнохозяйственная теория банковского кредита») и др. 541, 545—547, 564, 569—570.

Гезелл С. (Gesell S.) (1862—1930) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, автор книг «Die neue Lehre von Geld und Zins» («Новое учение о деньгах и ссудном проценте»), «Natürliche Wirtschaftsordnung durch Freiland und Freigeld» («Обеспечение естественного способа функционирования хозяйства путем введения свободной обращаемости земельных участков и денег») 28

Гельферих К. (Helfferich K.) (1872—1924) — немецкий политический деятель, представитель финансовой олигархии в империалистической Германии, вульгарный буржуазный экономист, один из наиболее известных представителей так называемой функциональной теории денег, автор книг «Das Geld» («Деньги»), «Deutschland Volkswohlstand, 1888—1913» («Развитие экономики Германии. 1888—1913») 54—55, 91, 99, 152, 262, 337

Геродот (ок. 484—425 до н. э.) — выдающийся древнегреческий историк 91

Гилбарт Д. (Gilbart J.) (1794—1863) — английский банкир, буржуазный экономист, автор ряда книг по вопросам банковского дела 544

Гильдебранд Р. (Hildebrand R.) — австрийский вульгарный буржуазный экономист конца XIX—начала XX в., автор книги «Die Theorie des Geldes» («Теория денег») 63, 67

Гильфердинг Р. (Hilferding R.) (1877—1941) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, автор книги «Финансовый капитал», которая сыграла в свое время определенную положительную роль в исследовании монополистического капитализма, но вместе с тем содержала ряд серьезных теоретических ошибок и оппортунистических утверждений. Позднее выступил как апологет государственно-монополистического капитализма, открытый враг диктатуры пролетариата 10, 11, 37, 113, 125, 156—159, 162, 164—165, 189, 356, 448—449, 507, 535—536

Годфри М. (Godfrey M.) (?—1695) — английский банкир, один из первых директоров английского банка, автор работы, описывающей деятельность этого банка, 484

Гок К. (Hoch K.) (1808—1860) — австрийский финансист, вульгарный буржуазный экономист, автор книг «Die öffentliche Abgaben und Schulden («Государственные расходы и долги»), «Die Finanzen und die Finanzgeschichte der Vereinigsten Staaten» («Финансы и история их развития в Соединенных Штатах Америки») 255, 272—273

Голдсмит Р. (Goldsmith R.) — современный американский экономист и статистик, буржуазный апологет, основной автор трехтомного издания «A Study of Saving in the United States» («Исследование процессов накопления в Соединенных Штатах Америки») (1955—1956), содержащего обширный статистический материал о накоплении ка-

питала в США, и «The Financial Intermediaries in the American Economy since 1900» («Финансовые институты-посредники в американской экономике за период с 1900 г.») (1958) 8

Гольдман В. — русский буржуазный экономист XIX в., автор книги «Русские бумажные деньги. Финансово-исторический очерк с обращением особенного внимания на настоящее финансовое затруднение России» (1866) 337

Гомер — полулегендарный древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи» 84, 99

Грешам Т. (Gresham T.) (1519—1579) — английский буржуазный политический деятель и финансист XVI в. 193

Гуке (Hucke) — буржуазный социолог и экономист конца XIX в., автор книги «Das Geldproblem und die soziale Frage» 50

Гурьев А. — русский вульгарный буржуазный экономист, в 1889—1903 гг. являлся одним из крупных чиновников министерства финансов России, автор книг «Денежное обращение в России в XIX столетии», «К реформе Государственного банка »и др. 262, 270, 272, 335—336

Дауэс Ч. (Dawes C.) — американский банкир, назначенный в 1923 г. представителем США, а затем избранный председателем комиссии экспертов по вопросу о покрытии Германией своих репарационных обязательств, один из главных авторов разработанного в 1923—1924 г. «плана Дауэса», установившего сумму репарационных платежей для Германии 297

Деникин А. (1872—1947) — царский генерал, один из главарей контрреволюционного белогвардейского движения в годы гражданской войны 169

Джевонс У. (Jevons W.) (1835—1882) — английский вульгарный буржуазный экономист второй половины XIX в., сторонник субъективной австрийской школы, автор книг «Theory Political Economy» («Теория политической экономии»), «Money and Mechanism of Exchange» («Деньги и техника обмена») и др. 98, 168, 270

Джонсон Э. (Jonson A.) (род. в 1847 г.) — американский буржуазный экономист, редактор (1917—1923) журнала «New Republic» 134

Диоклетиан (ок. 245—313) — римский император (284—305) 127

Дионисий I (ок. 431—367 до н. э.)— сиракузский тиран (ок. 406— 367 до н. э.) 87

Дитцель Г. (Dietzel H.) (1857—1935) — немецкий экономист, буржуазный апологет, в своих работах пытался сочетать вульгарные концепции буржуазной политической экономии с отдельными положениями классической буржуазной политической экономии, автор книг «Weltwirtschaft und Volkswirtschaft» («Мировое хозяйство и экономика страны»), «Theoretische Sozialökonomik» («Теоретическая экономика») и др. 388

Дженкс Д. (Jenks J.) (1856—1929)— американский вульгарный буржуазный экономист, государственный деятель, автор книги «The Trust Problems» («Проблемы, связанные с возникновением трестов») и др. 134

Ейдельс (Jeidels O.) — немецкий буржуазный экономист конца XIX в.—начала XX в., автор книги Das Verhältniss der deutschen Grossbanken Zur Industrie mit besonderem Berücksichtigung der Eisenindustrie» («Отношение немецких крупных банков к промышленности, и в особенности — к металлургической промышленности») 543

Елизавета (1533—1603) — английская королева (1558—1603) 98

Екатерина II (1729—1796) — императрица всероссийская (1762—1796) 183, 327

Железнов В. (1869—1933) — известный русский буржуазный экономист, автор ряда книг по вопросам политической экономии, финансов, и др., в том числе курса «Очерки политической экономии» 27

Зиммель Г. (Simmel G.) (1858—1918) — немецкий философ, один

из представителей так называемой психологической школы в буржуазной социологии 53
Золя Э. (Zola É.) (1840—1902) — выдающийся французский писатель XIX в. 211
Зомбарт В. (Sombart W.) (1863—1941) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, апологет немецкого государственно-монополистического капитализма, автор книг «Der moderne Kapitalismus» («Современный капитализм»). «Das wirtschaftsleben in Zeitalter des Hochkapitalismus» («Хозяйственное развитие в эпоху высокоразвитого капитализма») и др. 33, 46—47, 514, 569
Зомло Ф. (Somlo F.) — буржуазный историк-экономист XIX в., автор книги «Der Güteverkehr in der Urgesellschaft» («Товарное обращение на ранних ступенях развития общества») 81

Казимир III Великий (1310—1370) — польский король (1333—1370) 84
Камерон В. (Cameron V.) (1844—1894) — английский путешественник, исследователь Африки 82
Карвер Т. (Carver T.) (род. в 1865 г.) — американский экономист, один из сторонников вульгарно-апологетической концепции предельной производительности, автор книги «Principles of Political Economy» («Принципы политической экономии») и др. 134
Карл II (1630—1685) — английский король (1660—1685) 485
Карлейль В. (Carlile W.) — английский вульгарный буржуазный экономист второй половины XIX века, автор книги «The Evolution of Modern Money» («Эволюция денежного обращения в современный период») и др. 27, 47
Кассель Г. (Cassel H.) (1866—1945) — шведский вульгарный буржуазный экономист, сторонник количественной теории денег и апологетической концепции «регулируемой валюты», автор книг «Nature and Necessity of Interest» («Сущность ссудного процента и его необходимость»), «Theoretische Sozialökonomie» («Теоретическая экономика») и др. 54, 134
К. Каутский (Kautsky K.) (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, в начальный период своей деятельности написал ряд марксистских работ, содержавших, однако, уже в этот период ряд ошибок; позднее становится на позиции оппортунизма и ревизионизма, выступает в качестве идеолога центризма 159
Кауфман И. (1848—1916) — русский буржуазный экономист и статистик, автор ряда работ, посвященных вопросам денежного обращения и кредита: «Теория и практика банковского дела», «Кредит, банки и денежное обращение», «Бумажные деньги в Австрии. 1762—1911» и др. 190, 278, 337
Каценеленбаум З. (род. в 1885 г.) — советский экономист, автор книг «Учение о деньгах и кредите» (1921—1922), «Денежное обращение России. 1914—1924 гг.» (1924), «Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий» (1954) и др. 188, 434, 490—492
Квандт Р. (Quandt R.) — современный американский экономист, представитель вульгарной буржуазной политической экономии, создатель ряда так называемых «микроэкономических» эконометрических моделей, автор книги «The New Inflation» («Новая инфляция») (1959), написанной совместно с У. Торпом 19
Кейнс Д. (Keynes J.) (1883—1946) — английский вульгарный буржуазный экономист, идеолог монополистического капитала. Говоря о Кейнсе, В. И. Ленин подчеркивал «. . .всю его непреклонную решимость защищать капитализм». Основатель так называемого кейнсианского направления современной буржуазной политической экономии. В работах, посвященных проблемам денежного обращения, придерживался количественной теории денег 22, 283, 669, 691.
Кларк Д. (Clark J.) (1847—1938) — американский вульгарный буржуазный экономист, один из наиболее известных представителей концепции предельной производительности и так называемой «синтети-

ческой» экономической теории, автор книг «The Philosophy of Wealth» («Философия богатства»), «The Distribution of Wealth» («Распределение богатства») и др. 134

Ключевский В. (1841—1911) — историк, один из наиболее известных представителей русской буржуазно-либеральной историографии, автор «Курса русской истории» 13

Кнапп Г. (Knapp G.) (1842—1926) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, видный представитель так называемой «государственной теории денег», автор книги «Staatliche Theorie des Geldes» («Государственная теория денег») 55, 119, 133, 135, 326

Книс К. (Knies K.) (1821—1898) — немецкий экономист, один из представителей вульгарной исторической школы в буржуазной политической экономии, сторонник металлистической теории денег, автор книг «Die potilische Oekonomie von Standpunkte der geschichtlichen Methode» («Политическая экономия с точки зрения исторического метода»), «Geld und Kredit» («Деньги и кредит») и др. 48, 54, 55, 190, 257, 434, 543

Козлов Г. (род. в 1902 г.) — советский экономист, автор ряда марксистских исследований в области товарного производства и денежного обращения: «Первые ступени в развитии товарного производства (введение в теорию товарного производства)», «Теория денег и денежного обращения», ч. II, «Советские деньги» и др. 9

Колчак А. (1873—1920) — адмирал царского флота, один из главарей контрреволюционного движения в годы гражданской войны, ставленник империалистических государств, возглавивший военную буржуазно-помещичью диктатуру на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке 169

Коморжинский И. (Komorzynski J.)— австрийский экономист конца XIX—начала XX в., сторонник вульгарной автрийской школы в буржуазной политической экономии, автор книги «Die nationalökonomische Lehre vom Kredit» («Народнохозяйственное учение о кредите») 362, 432

Конэнт Ч. (Conant C.) (1861—1915) — американский буржуазный экономист, финансовый корреспондент (до 1901 г.) газеты «Journal of Commerce», автор книги, «History of Modern Banks of Issue» («История современных змиссионных банков»), «Principles of Money and Banking» («Принципы денежного обращения и банковского дела») 88, 124, 172, 175, 176, 247, 251, 481, 485, 486, 487

Котошихин Г. (Кошихин) (ок. 1630—1667) — подьячий Посольского приказа, автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» 130, 131

Кромвель О. (Cromwell O.) (1599—1658) — вождь буржуазии и обуржуазившегося дворянства в период английской буржуазной революции XVII в. 30

Кронрод Я. (род. в 1912 г.) — советский экономист, автор ряда марксистских исследований, посвященных проблемам воспроизводства и денежного обращения, в том числе: «Укрепление денежного обращения в СССР, инфляция в странах капитализма», «Деньги в социалистическом обществе», «Общественный продукт и его структура при социализме» и др. 9, 659—660

Крупп Г. (Krupp G.) (1870—1950) — один из представителей финансовой олигархии в империалистической Германии, контролировал крупнейший военно-металлургический концерн 290, 304

Кучинский Р. (Kuczynski R.) (1876—1947) — немецкий экономист и статистик, специалист в области экономико-статистического исследования положения трудящихся, автор книг «Die Entwicklung der gewerblichen Löhne seit der Begründung Deutschen Reiches» «Движение заработной платы промышленных рабочих со времени возникновения немецкого государства»), «Postwar Labour Conditions in Germany» («Условия труда в Германии в послевоенный период») и др. 292

Кюбек К. (Kübeck K.) (1780—1855)— австрийский буржуазный государственный деятель и финансист первой половины XIX в. 272

Ланде Е. — советский экономист, автор книги «Кредит и конъюнктура» 425
Лансбург А. (Lansburg A.) (род. в 1872 г.) — немецкий буржуазный экономист, издатель журнала «Die Bank» (1908—1935), автор ряда работ по вопросам банкового дела 541
Лафлин Д. (Laughlin J.) (1850—1933) — американский буржуазный экономист, редактор (1892—1933) журнала «The Journal of Political Economy», автор книг «Facts about Money» («Факты о развитии денежного обращения»), «Money, Credit and Prices» («Деньги, кредит и цены») 55, 135
Леви Л. (Levy L.) (1821—1888) — буржуазный историк-экономист, автор ряда работ по истории торговли и денежного обращения 84
Лексис В. (Lexis W.) (1837—1914) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, представитель металлистической теории денег, автор книги «Allgemeine Volkswirtschaftslehre («Общая теория народного хозяйства») и др. 99, 205
Ленин В. И. (1870—1924) — основатель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, вождь и учитель трудящихся всего мира, гениальный мыслитель, автор бессмертных произведений «Государство и революция», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Материализм и эмпириокритицизм», «О кооперации» и др. 10, 348—351, 356—357, 417, 424, 453, 550, 677, 704, 718—719, 721
Лернер А. (Lerner A.) — современный американский экономист, апологет американского империализма, активный сторонник кейнсианских концепций «государственного регулирования» капиталистической экономики, автор книг «Economics of Control» («Экономика государственного регулирования» (1944), «Economics of Employment» («Экономика занятости») (1951) 652
Ливингстон Д. (Livingstone G.) (1813—1873) — выдающийся английский путешественник, исследователь Африки 84
Лиф У. (Leaf W.) (1852—1927) — английский вульгарный буржуазный финансист, с 1918 г. был директором одного из крупнейших английских банков —«Вестминстер бэнк», автор книги «Banking» («Банковое дело») 440, 544
Лифман Р. (Liefman R.) (1874—1941) — немецкий экономист, апологет империализма и финансового капитала, восхвалявший значение банковских операций и рынка ценных бумаг в «оздоровлении капитализма», автор книг «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» («Основы учения о народном хозяйстве»), «Beteiligungs — und Finanzierungsgesellschaften. Eine Studie über den modernen Kapitalismus und das Effektenwesen» («Общества участия и финансирования. Исследование современного капитализма и сущности ценных бумаг») и др. 27—28, 389
Ло Д. (Law J.) (1671—1729) — английский буржуазный экономист, финансист, в 1719—1720 гг. был министром финансов Франции 18, 328, 330, 518, 541, 547
Локк Д. (Locke J.) 1632—1704) — выдающийся английский буржуазный философ, экономист. Работы Локка в области теории денежного обращения характеризуются колебаниями между номиналистической и металлистической теориями денег 117, 135, 142
Лотц В. (Lotz W.) — немецкий вульгарный буржуазный экономист конца XIX—начала XX в., финансист, автор книг «Die Technik des deutschen Emissionsgeschäfts» («Техника осуществления операций немецких эмиссионных банков»), «Finanzwissenschaft») «Теория финансов») и др. 55, 78
Лютер М. (Luther M.) (1483—1546) — один из деятелей Реформации, идеолог немецкого бюргерства, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. 462, 697

Маклеод Г. (McLeod H.) (1821—1902) — английский вульгарный буржуазный экономист, один из сторонников капиталотворческой теории кредита, автор книги «The Theory of Credit», («Теория кредита») 256, 541, 545—547, 569, 692

Маколей Т. (Macoley T.) (1800—1859) — английский буржуазный историк XIX в. 484
Мануйлов А. (1861—1929) — русский либеральный буржуазный экономист, автор книг «Понятие ценности по учению экономистов классической школы», «Политическая экономия. Курс лекций», «Учение о деньгах» и др. 124, 152
Мальтус Т. (Malthus T.) (1766—1834) — английский экономист, идеолог обуржуазившейся земельной аристократии, автор реакционно-апологетической теории народонаселения 430, 691.
Марков Н. (Марков-второй) (род. в 1866) — реакционный политический деятель царской России конца XIX—начала XX в., крупный помещик, депутат III и IV Государственной Думы 267
Маркс К. (Marx K.) (1818—1883) — основоположник научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, гениальный мыслитель, автор бессмертных произведений «Капитал», «Коммунистический манифест», «Критика Готской программы» «Нищета философии» и др. 6, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 20, 29, 31, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 50, 59, 61, 62, 67, 74, 77, 135, 138, 151, 153, 155, 156, 158, 159—161, 164—165, 168, 175, 180, 190, 198—199, 212, 213, 216, 345, 346—353, 358, 360, 366—367, 371—373, 375, 387, 388, 391—394, 398—400, 402—404, 411, 413—416, 420—421, 426, 430—431, 438—440, 442, 444—447, 452—454, 457, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 467, 469, 474, 483—485, 487, 496—497, 503—504, 507, 511, 513—518, 526, 529, 531—532, 534—537, 541—542, 549, 551, 552, 559, 563, 565, 567, 568, 570, 571, 583, 586—587, 623, 629, 638, 641, 661—662, 678—679, 696—697, 701, 709, 717, 719, 720, 759
Маршалл А. (Marshall A.) (1842—1924) — английский экономист, идеолог буржуазии, глава вульгарной так называемой кэмбриджской школы в буржуазной политической экономии, автор книги «Principles of Economics» («Принципы политической экономии») и др. 134
Меллон Э. (Mellon A.) (1855—1937)— один из представителей финансовой олигархии США, миллиардер, крупный акционер ряда гигантских корпораций в алюминиевой, нефтяной, сталелитейной, угольной и других отраслях промышленности и ряда мощных банков 717, 719
Менгер К. (Menger C.) (1840—1921)— австрийский экономист, один из наиболее известных представителей вульгарной австрийской школы в буржуазной политической экономии, автор книги «Zur Theorie des Kapitals» («К теории капитала») и др. 28, 78, 90, 117, 389
Мизес Л. (Mises L.) (род. в 1881 г.) — современный буржуазный экономист, представитель вульгарной неоавстрийской школы, сторонник функциональной теории денег, автор книг «Theorie des Geldes und Umlaufsmittel» («Теория денег и средств обращения»), «Nationalökonomie». («Политическая экономия») и др. 127
Миклашевский А. (1864—1911) — русский буржуазный экономист, специалист в области проблем денежного обращения, активный сторонник перехода к монометаллизму, автор книг «Деньги», «Бумажные деньги, их цена и значение для народного хозяйства» и др. 30, 87, 184, 190—191
Милль Джемс (Mill James) (1773—1836) — английский буржуазный экономист, вульгаризатор теории Рикардо, автор книги «Elements of Political Economy» («Элементы политической экономии») 136, 138
Милль Джон Стюарт (Mill John Stuart) (1806—1873) — английский буржуазный экономист, эпигон классической школы в развитии буржуазной политической экономии, автор курса «Основания политической экономии» 48, 66—67, 136, 139—141, 142, 149, 179, 389
Митчелл Уолдоу (Mitchell Waldo) — современный американский вульгарный буржуазный экономист, автор ряда работ по банковскому делу 614
Михалевский Ф. (1876—1952) — советский экономист, крупный специалист в области теории и истории денежного обращения, автор

ряда марксистских работ по указанным вопросам; Золото как денежный товар», «Золото в период мировых войн», «Золото в системе капитализма после второй мировой войны» и др. 659—660
Мольер Ж. Б. (Molière J. B.) — (настоящая фамилия — Поклен) (1622—1673) — великий французский драматург XVII в. 211
Монтескье Ш. (Montesquieu C.) (1689—1755) — выдающийся французский буржуазный социолог, экономист и писатель; в работах, посвященных проблемам денежного обращения, развивал количественную теорию денег 117, 118, 135.
Мор Т. (More T.) (1478—1535) — английский политический деятель, писатель—гуманист, один из первых представителей утопического коммунизма в Западной Европе, автор «Золотой книжечки о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» 29
Морган Д. (Morgan J.) (1867—1943)— один из крупнейших представителей финансовой олигархии США, миллиардер, крупный акционер ряда гигантских корпораций в металлургической, химической промышленности, на железнодорожном транспорте, нескольких ведущих банков и др. 365, 434—435, 555, 596, 717, 719
Мордвинов Н. (1754—1845)—выдающийся русский государственный деятель и экономист первой половины XIX века, идеолог дворянства, автор работ «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе», «Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» и др. 29,270, 275
Моултон Г. (Moulton H.) (род. в 1883 г.) — современный американский буржуазный экономист, идеолог монополистического капитала, сторонник вульгарно-апологетической концепции «инфляционной спирали» заработная плата—цены», автор книг «Controlling Factors in Economic Development» («Решающие факторы экономического развития) «Can Inflation Be Controlled?» («Может ли инфляция быть контролируемой?») и др. 435, 652, 760
Мунн Г. (Munn G.) (род. в 1890 г.) — современный американский буржуазный экономист, автор ряда работ по вопросам финансов и банковского дела 435
Мэлинес Д. (Malynes G.) (ок. 1586—1641) — английский купец, финансист, буржуазный экономист, автор опубликованной в 1601 г. книги «Treatise of the Canker of England's Commonwealth» («Трактат о язве, разъедающей Английское Содружество наций») 485
Мэчлуп Ф. (Machlup F.) (род. в 1902 г.) — современный буржуазный экономист, сторонник вульгарно-апологетических концепций монополии и монопольных цен, автор книг «The Political Economy of Monopoly» («Политическая экономия монополий»), «The Economics' of Sellers Competition» («Экономика конкуренции между продавцами») и др. 641, 643, 644

Неймарк А. (Neymarck A.) — французский буржуазный экономист-статистик конца XIX в.—начала XX в., автор ряда расчетов эмиссии ценных бумаг в главных империалистических странах 721
Никольский П. — русский либеральный буржуазный историк-экономист, автор книг «Бумажные деньги в России», «Основные вопросы страхования», «Политическая экономия» 137, 274, 280
Никольсон Д. (Nicholson J.) (1850—1927) — английский экономист, представитель вульгарной математической школы в буржуазной политической экономии, автор трехтомного курса «Principles of Political Economy» («Принципы политической экономии») 134
Ниффин У. (Kniffin W.) (1874—1951) — американский банкир, вульгарный буржуазный экономист, автор ряда работ по финансовым вопросам: «Practical Work of a Bank» («Практическая деятельность банка»), «Commercial Paper» («Коммерческие ценные бумаги») и др. 435
Норман Д. (Norman G.) (1793—1882)— английский банкир и экономист, был директором Английского банка (1821—1872), сторонник буржуазной экономической

концепции так называемого «принципа денежного обращения» 415
Ньюмарч У. (Newmarch W.) (1820—1882) — английский буржуазный экономист и статистик XIX в. 571

Оппенгейм С. (Oppenheim S.) — немецкий вульгарный буржуазный экономист второй половины XIX века, автор ряда книг по вопросам денежного обращения и кредита: «Die Natur des Kapitals und des Kredits» («Природа капитала и кредита»), «Die Natur des Geldes» («Природа денег») 91
Оуэн Р. (Owen R.) (1771—1858) — выдающийся английский социалист-утопист, автор книги «A New View of Society and Other Writings» («Новый взгляд на общество и другие произведения») 30

Перейра И. (Pereire I.) (1806—1880) — французский банкир, один из основателей акционерного банка Crédit Mobilier 518
Перло В. (Perlo V.) — современный прогрессивный американский экономист, исследователь американского империализма, автор книг «American Imperialism») Американский империализм»), «The Empire of High Finance» («Империя финансовых магнатов») и др. 18
Петерсен У. (Paterson W.) (1658—1719) — один из известных представителей денежно-торгового капитала Англии в конце XVII—начале XVIII века, первый директор Английского банка (1694—1695) 486
Петлюра С. (1877—1926) — член партии украинских социал-демократов, ставленник империалистических держав, в годы гражданской войны возглавил контрреволюционный режим, установленный на Украине 169
Петр I (1672—1725) — русский царь (1682—1725), выдающийся государственный деятель и полководец 93, 118
Петти В. (Petty W.) (1623—1687) — выдающийся английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии 62
Платон (ок. 427—ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ—идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии 27, 117
Пленге И. (Plenge I.) (род. в 1874 г.)— немецкий вульгарный буржуазный экономист и социолог, апологет германского государственно-монополистического капитализма, автор книги «Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt» («От политики учета ценных бумаг к господству над денежным рынком») 498
Посошков И. (1652—1726) — выдающийся русский экономист и публицист, идеолог купечества, автор «Книги о скудости и богатстве» 118
Прайс Р. (Price R.) (1723—1791) — английский буржазно-радикальный публицист и экономист XVIII в. 359, 430, 514
Прион В. (Prion W.) (1879—1939) — немецкий экономист, буржуазный апологет, автор ряда работ по вопросам денежного обращения и кредита: «Die deutsche Kreditbanken im Kriege und nachher» («Немецкие коммерческие банки в годы войны и в послевоенный период»), «Inflation und Geldentwerturg» («Инфляция и обесценение денег») и др. 498
Прудон П. (Proudhon P.) (1809—1865) — французский экономист, социолог и публицист XIX века, идеолог мелкой буржуазии, автор книг «Solution du probleme sociale» («Решение социальной проблемы») «Gratuité du credit» («Даровой кредит»), и др. 30, 74
Пушкин А. (1799—1837) — великий русский поэт XIX в. 211
Пэйш Д. (Paish J.) (1867—1957) — английский буржуазный экономист и статистик, в 1914—1916 гг. был крупным чиновником в Министерстве финансов Великобритании, автор ряда работ по вопросам мировой экономики и политики 134

Рикардо Д. (Ricardo D.) (1772—1823) — выдающийся английский экономист, идеолог буржуазии, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии, автор книг «Начала политической экономии и налогового обложения», «Цена золота» и др. 20, 136—138, 142

Риссер И. (Risser I.) (1853—1932) — немецкий экономист и банковский деятель, в 1888—1905 гг. — директор одного из крупных германских банков — Дармштадтского банка, апологет империализма и финансового капитала, автор книги «Die deutsche Grossbanken und ihre Konzentrazion «Немецкие гроссбанки и их концентрации в связи с общим развитием хозяйства в Германии») 389, 543—544

Рокфеллер Д. (Rockfeller D.) (1839—1937) — один из крупнейших представителей финансовой олигархии США, миллиардер, глава крупнейшего нефтяного треста, крупный акционер ряда гигантских промышленных корпораций и банков 555, 596, 717, 719

Ротштейн Ф. (1871—1953) — советский историк и дипломат, автор ряда работ по вопросам истории империализма и развития рабочего движения 482

Рошер В. (Roscher W.) (1817—1894) — немецкий вульгарный буржуазный экономист XIX века, один из наиболее известных представителей исторической школы в буржуазной политической экономии 333

Рыкачев А. — русский экономист и историк, буржуазный апологет, автор опубликованных в 1910-х гг. книг «Деньги и денежная власть», «Цены на хлеб и на труд в Санкт-Петербурге за 58 лет» 28, 49, 60

Святловский В. (1871—1928) — русский либеральный буржуазный экономист, автор книг «Происхождение денег и денежных знаков», «История экономических идей» и др. 84, 85

Селигмэн Э. (Seligman E. (1861—1939) — американский вульгарный буржуазный экономист, автор ряда работ, посвященных проблемам налогового обложения и государственного кредита, в том числе «Essays in Taxation» («Очерки налогового обложения»), «Studies in Public Finance» («Исследование проблем государственных финансов») и др. 134

Силин Н. — экономист, известный специалист в области теории кредита и банковского дела, автор книг «Австро-венгерский банк. Исследование по вопросам об отношениях между центральным эмиссионным банком и государством» (1913), «Система кредитных учреждений в иностранных государствах» (1928) 265

Скворцов А. (1848—1914) — русский экономист и агроном, буржуазный апологет, автор ряда работ по вопросам политической экономии и экономики сельского хозяйства 264

Смарт У. (Smart W.) (1853—1915) — английский экономист, сторонник вульгарной субъективной австрийской школы в буржуазной политической экономии, автор книги «An Introduction to the Theory of Value» («Введение в теорию стоимости») и др. 152

Смит А. (Smith A.) (1723—1790) — выдающийся английский экономист, идеолог буржуазии один из наиболее крупных представителей классической буржуазной политической экономии, автор «The Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» («Исследование о природе и причинах богатства народов») и др. 48, 63, 275—277, 389, 612

Сода К. (Soda K.)—вульгарный буржуазный экономист начала XX в. автор книги «Geld und Wert» («Деньги и стоимость») 27

Софокл (ок. 497—ок. 406 до н. э.)— выдающийся древнегреческий драматург 29

Сперанский М. (1772—1893) — русский общественный деятель начала XIX века, с 1808 г. — одно из ближайших доверенных лиц Александра I, идеолог дворянства, автор «Плана государственного преобразования (сведения к Уложению государственных законов 1809 г.)» и «Записка о монетном обращении» 270, 275, 280

Степанов И. (Скворцов—Степанов И.) (1870—1928) — один из старейших участников русского революционного движения, видный историк, экономист, литератор, автор курса политической экономии (написанного совместно с А. Богдановым) 83, 86, 88—89

Стиннес Г. (Stinnes G.) (1870—1924) — представитель финансо-

вой олигархии в империалистической Германии, глава мощного концерна в тяжелой промышленности, крупный финансовый магнат 290, 292, 304

Струве П. (1870—1944) — русский буржуазный экономист конца XIX—начала XX века, один из наиболее известных представителей так называемого «легального марксизма», а позднее — «критиков марксизма» открытый враг диктатуры пролетариата, автор книги «Хозяйство и цена» 81, 129

Сушон А. (Souchon A.) — французский буржуазный экономист второй половины XIX века, автор книги «Les théories economiques dans la Grece antique» («Экономические теории в античной Греции») 27

Семнер У. (Sumner W.) (1840—1910) — американский буржуазный историк-экономист, автор ряда книг по финансовой истории США: «A History of American Currency» «(История денежного обращения в США»), «The Financier and the Finances of American Revolution» («Финансисты и финансы в период американской революции» и др. 134

Тауссиг Ф. (Taussig F.) (1859—1940) — американский буржуазный историк-экономист, автор ряда книг, посвященных вопросам развития международной торговли и торговой политики 134

Тиссен А. (Thyssen A.) (1842—1926) — представитель финансовой олигархии в империалистической Германии, глава одного из самых мощных военно-промышленных концернов 290, 304

Торнтон У. (Thornton W.) (1813—1880) — английский буржуазный экономист XIX в., последователь Джона Стюарта Милля 179

Торп У. (Thorp W.) (род. в 1899) — современный американский буржуазный экономист, сторонник вульгарно-апологетических концепций инфляции, автор книги «New Inflation» («Новая инфляция») (1959), написанной совместно с Р. Квандтом 19

Туган-Барановский М. (1865—1919) — русский вульгарный буржуазный экономист, видный представитель «легального марксизма» позднее—член кадетской партии. После Великой Октябрьской социалистической революции активно сотрудничал с контрреволюционными силами, был министром финансов украинской буржуазно-националистической «Центральной рады», автор книг «Основы политической экономии», «Бумажные деньги и металл» и др. 10, 96, 141, 145, 147, 149, 150, 153—156, 205—208, 325—327

Тук Т. (Tooke T.) (1774—1858) — английский буржуазный экономист XIX в., критик теории денег Д. Рикардо, автор написанного совместно с У. Ньюмарчем многотомного исследования проблемы движения товарных цен 153—155

Уинстенли Д. (Winstanley G.) — английский общественный деятель XVII века, один из руководителей так называемого движения «диггеров» 30

Унтермайер С. (Untermyer S.) (1858—1940) — американский юрист, один из руководителей комиссии по вопросам кредита и денежного обращения палаты представителей конгресса, расследовавшей в 1911—1912 гг. дела о создании монополии на денежном рынке США 434—435

Уокер Ф. (Walker F.) (1840—1897) — американский буржуазный экономист; в работах Уокера делается попытка сочетать вульгарный, так называемый, исторический метод в политической экономии с отдельными положениями классической буржуазной политической экономии; автор книг «Political Economy» («Политическая экономия»), «Money» («Деньги») и др. 55, 134

Фалькнер С. — экономист, публицист, автор ряда опубликованных в 1910-х—1920-х гг. историко-экономических исследований, наиболее крупной работой в этой области явилась вышедшая в 1919 г. книга «Бумажные деньги Французской революции (1789—1797)», и книг по вопросам развития мирового капиталистического хозяйства. В изучении указанных проблем до-

пускал ряд серьезных теоретических ошибок 222—223, 250, 276
Федор Иванович (1557—1598) —русский царь (1584—1598) 93
Федорович Л. — русский буржуазный экономист и историк конца XIX в., автор книг «История и теория статистики», «Теория денежного и кредитного обращения», «Теория политической экономии» 257—258
Филипп IV — французский король (1285—1314) 92
Филиппович Э. (Philippovitsch E.) 1858—1917) — австрийский экономист, сторонник вульгарной австрийской школы в буржуазной политической экономии, автор книг «Grundriss der Politischen Oekonomie» («Очерк политической экономии»), «Über Aufgabe und Methode der Politischen Oekonomie» («О задачах и методе политической экономии») и др. 55
Финн-Енотаевский А. (1872—1943)— русский экономист и литератор, автор ряда работ в области экономики, в которых марксистские категории получили извращенное толкование 356
Фишер И. (Fischer I.) (1867—1947)— американский буржуазный экономист и статистик, примыкавший к математической школе вульгарной буржуазной политической экономии, один из наиболее известных представителей так называемой новой количественной теории денег, автор книг «The Purchasing Power of Money» («Покупательная сила денег»), «The Nature of Capital and Income» («Природа капитала и дохода») и др. 66, 134, 142—150
Форд Г. (Ford H.) (1863—1947) — представитель финансовой олигархии США, миллиардер, глава одного из крупнейших американских автомобильных трестов 365, 702
Френсис Д. (Francis J.) (1811—1882) — английский буржуазный историк-экономист, автор работ по истории Английского банка 485, 487
Фрич Т. (Fritsch T.) — немецкий вульгарный буржуазный экономист конца XIX века, автор книги «Zwei Grundübel. Bodenwucher und Börse» («Два основных источника зла. Ростовщические операции с земельными участками и биржа») 119
Фуллартон Д. (Fullarton J.) (1780—1849) — английский буржуазный экономист, противник количественной теории денег 145

Хаберлер Г. (Haberler G.) (род. в 1900 г.) — современный буржуазный экономист, с 1936 г. — профессор Гарвардского университета, сторонник вульгарно-апологетических концепций экономического цикла, автор книг «Der Internationale Handel» («Международная торговля»), «Prosperity and Depression» («Процветание и депрессия») 641
Хансен Э. (Hansen A.) (род в 1887 г.)— современный американский буржуазный экономист, идеолог монополистического капитала, лидер американского кейнсианства, автор книг «Economic Policy and Full Employment» («Экономическая политика и полная занятость»), «Business Cycles and National Income» («Экономические циклы и национальный доход») и др. 760
Харрис С. (Harris S.) (род. в 1897 г.)— современный американский буржуазный экономист, апологет государственно-монополистического капитализма, сторонник вульгарных кейнсианских концепций «регулирования» капиталической экономики, автор книг «The National Debt and New Economics» («Государственный долг и новая экономическая теория») «The Economics of Mobilization and Inflation» («Экономика мобилизации и инфляции») и др. 644, 652
Хезлитт Г. (Hazlitt H.) (род. в 1894 г.) — современный американский буржуазный экономист и публицист, сторонник вульгарно-апологетических «неолиберальных» концепций, автор книг «Will Dollars Save the World?» («Спасут ли мир доллары?»), «Failure of the «New Economics» («Крушение «новой экономической теории») и др. 691
Хепберн Э. (Hepburn A.) (1846—1922) — американский банкир и буржуазный экономист, автор ряда

работ по истории денежного обращения и кредита 615

Чемберлен (Chamberlin) — английский буржуазный политический деятель XVII века, член палаты общин 487
Чертков А. (1789—1858) — выдающийся русский историк, археолог и нумизмат, автор книги «Описание древних русских монет» 85
Чэндлер Л. (Chandler L.) (род. в 1905 г.) — современный американский буржуазный экономист, сторонник вульгарно-апологетических концепций инфляции, автор книг «The Economics of Money and Banking» («Экономика денежного обращения и кредита»), «Inflation in the United States. 1940—1948» («Инфляция в Соединенных Штатах Америки. 1940—1948») 641—642

Шарапов С. (1855—1911) — реакционный публицист, защитник помещичьих интересов в царской России 267
Шваб Д. (Schwab D.) (1865—1916) — американский буржуазный историк-экономист, автор ряда работ по финансовой истории США. «History of the New York Property Tax» («История налогов на недвижимость в штате Нью-Йорк»),«Financial and Industrial History of the South during the Civil War» («История развития финансов и промышленности на Юге США в период гражданской войны» 247
Шеффле А. (Schäffle A.) (1831—1903) — немецкий экономист и социолог, в своих работах пытался объединить положения различных вульгарных школ буржуазной политической экономии, в частности — австрийской и исторической школ, эпигон катедер-социализма, автор книги «Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft» («Хозяйственная система в обществе») 541, 543, 544
Шмидт К. (Schmidt K.) (1863—1932) — немецкий экономист и философ, в начале своей деятельности склонялся к признанию экономического учения К. Маркса, впоследствии перешел на позиции ревизионизма 426
Шпитхоф А. (Spiethof A.) (род. в 1873 г.) — немецкий буржуазный экономист, автор ряда работ, посвященных развитию конъюнктуры в капиталистических странах и валютным проблемам 388
Штейн Э. (Stein E.) (род. в 1908 г.)— современный американский буржуазный экономист, апологет государственно - монополистического капитализма, автор ряда работ по вопросам денежного обращения и кредита 642—643
Штейнберг С. (Steinberg S.) — немецкий буржуазный экономист, представитель вульгарной концепции «капиталотворческой роли кредита», опубликовавший в начале XX в. ряд работ по вопросам кредита и денежного обращения 388
Штиллих О. (Stillich O.) — немецкий буржуазный экономист конца XIX—начала XX в., автор книги «Geld und Bankwesen» («Деньги и банковское дело») 28, 170
Шульце Э. (Schultze E.) (1874—1943)— немецкий экономист, буржуазный апологет, автор ряда работ о развитии мировых экономических связей и валютных отношений 222, 261, 284, 288, 289, 290
Шульце-Геверниц Г. (Schultze-Gaeverinitz G.) (1864—1943) — немецкий буржуазный экономист, идеолог монополистического капитала, эпигон катедер-социализма, сторонник обеспечения экономической и социальной «гармонии» в рамках капитализма, автор книги «Die Deutsche Kreditbank» («Немецкий кредитный банк») 541, 544
Шумпетер И. (Schumpeter I.) (1883—1950) — немецкий буржуазный экономист, апологет империализма, один из наиболее известных представителей вульгарной капиталотворческой теории кредита, автор книги «Theorie der wirtschaftlicher Entwicklung» («Теория экономического развития») и др. 99, 541, 545, 546
Шурц Г. (Schurtz H.) (1863—1903) — немецкий буржуазный историк и этнограф, автор книг «Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes» («Очерк истории возникновения денег»), «Das afrikanische Gewerbe» («Ремесленное производство в Африке») и др. 82, 83

Эйдельнант А. (род. в 1901 г.) — советский экономист, автор ряда марксистских исследований в области финансовых и кредитно-денежных теорий 9

Н. Эйнциг (Einzig P.) (род. в 1897 г.) — экономист, публицист, представитель современной вульгарной политической экономии, автор ряда работ и вопросам денежного обращения: «Currency after War») («Денежное обращение в послевоенный период»), «Inflation» («Инфляция») и др. 635

Элерс О. (Ehlers O.) — немецкий буржуазный экономист конца XIX—начала XX в., автор компилятивного курса политической экономии 262

Энгельс Ф. (Engels F.) (1820—1895)— один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, гениальный мыслитель, автор бессмертных произведений «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Происхождение семьи,' частной собственности и государства» и др. 36, 38, 39, 61, 346, 347, 400, 419—420, 426

Эрве-Базэн (Hervé-Bazin) — французский экономист XIX в., представитель вульгарной буржуазной политической экономии, автор книги «Traité Elementaire d'Economie Politique» («Элементарный курс политической экономии») 124

Эренберг Р. (Ehrenberg R.) (1857—1921) — немецкий буржуазный историк народного хозяйства, автор ряда работ, посвященных развитию экономики в средневековой период 483

Эшли У. (Ashley W.) (1860—1927) — английский буржуазный историк-экономист, автор работы «An Introduction to English Economic History and Theory» («Введение в историю народного хозяйства Англии и экономическую теорию») 134

Юм Д. (Hume D.) (1711—1776) —, английский буржуазный философ, историк и экономист, противник меркантилизма, один из первых представителей количественной теории денег 117, 135, 142

Яков II (1633—1701) — английский король (1685—1688) 482

Ярослав Мудрый (978—1054) — князь в Киевской Руси 85

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ (ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ДЕНЕГ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ)

Из предисловия автора 26
Глава первая. Деньги и их социальное значение 27
Глава вторая. Функция денег 51
Глава третья. История денег 77
Глава четвертая. Ценность денег 96
Глава пятая. Бумажные деньги и их ценность 166
Глава шестая. Курс бумажных денег и их покупательная сила 200
Глава седьмая. Бумажные деньги и народное хозяйство 245
Глава восьмая. Ликвидация бумажно-денежного обращения 324
Заключение 340

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕДИТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ (ТЕОРИЯ КРЕДИТА)

Предисловие ко второму изданию 344
Предисловие к первому изданию 345
Введение 346
Глава первая. Сущность кредита 359
Глава вторая. Ссудный капитал 383
Глава третья. Формы кредита 409
Глава четвертая. Основания кредита 429
Глава пятая. Фиктивный капитал 438
Глава шестая. Генезис ссудного капитала 457
Глава седьмая. Рынок ссудных капиталов 490
Глава восьмая. Банки и их функции 540
Глава девятая. Границы банковского кредита 574
Глава десятая. Операции банков 590

КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА (ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

От автора 618
Глава первая. Капиталистический способ производства и его денежная система. Кризис денежной системы 620

Глава вторая. Инфляция. Форма и содержание инфляционного процесса 635
Глава третья. Инфляция во время и после второй мировой войны. Особенности современной инфляции 646
Глава четвертая. Инфляция и процесс капиталистического воспроизводства. Военно-инфляционная экономика 677
Глава пятая. Капиталистический способ производства и кредит 696
Кризис банковского кредита 709
Глава шестая. Рынок ссудных капиталов. Рынок ценных бумаг . . 709
Глава седьмая. Активные операции современных банков. Банковский кредит и бюджет 731
Заключение 758
Именной указатель 764

Иосиф Адольфович Трахтенберг

Денежное обращение и кредит при капитализме

Утверждено к печати Институтом мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР

Ответственный редактор *А. В. Аникин*
Редактор издательства *Баковецкая В. С.* Художник *И. В. Царевич*
Технические редакторы *Н. Д. Новичкова* и *В. И. Зудина*

РИСО АН СССР № 28—5-Р. Сдано в набор 10/V 1962 г. Подписано к печати 17/VII 1962 г.
Формат 60×90¹/₁₆ 48,75 печ. л. 48,9 уч.-изд. л. Тираж 3500 экз.
Т-09304. Изд. № 1011. Тип. зак. 677

Цена 3 р. 13 к.

Издательство Академии наук СССР Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин. д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	24 св.	Коммунистического университета	Коммунистическом университете
9	14 св.	А. Б. Эйдельнанта	А. Б. Эйдельнант
18	21 св.	рост	роли
150	3 св.	продолжении	предположении
257	8 сн.	statistico	satisfactio
308	Табл. 4, 2 графа	в млн. в 1923 г.	в млн. 1923 года
327	14 св.	размером	разменом
422	2 сн.	банковский	банкирский
443	3 св.	Effenten-	Effekten-
526	16 св.	5 руб.	50 руб.
651	15—16 св.	9702 млрд. иен до 143082 млрд. иен	9702 млн. иен до 143082 млн. иен
660	4 св.	увеличивается	уплачивается
664	Табл. 6, головка	США Япония Англия	США Англия Япония
666	Табл. 7, 8 графа, 2 сн.	9291	19291
711	Табл. 2, 6 графа	млрд. долл.	млн. долл.
748	8 сн.	В табл. 11	В табл. 13
750	Табл. 12, 2 графа	хозяйства	хозяйства и бюджета
768	1 св., пр. колонка	(Kaytsky K.)	(Kautsky K.)

И. А. Трахтенберг